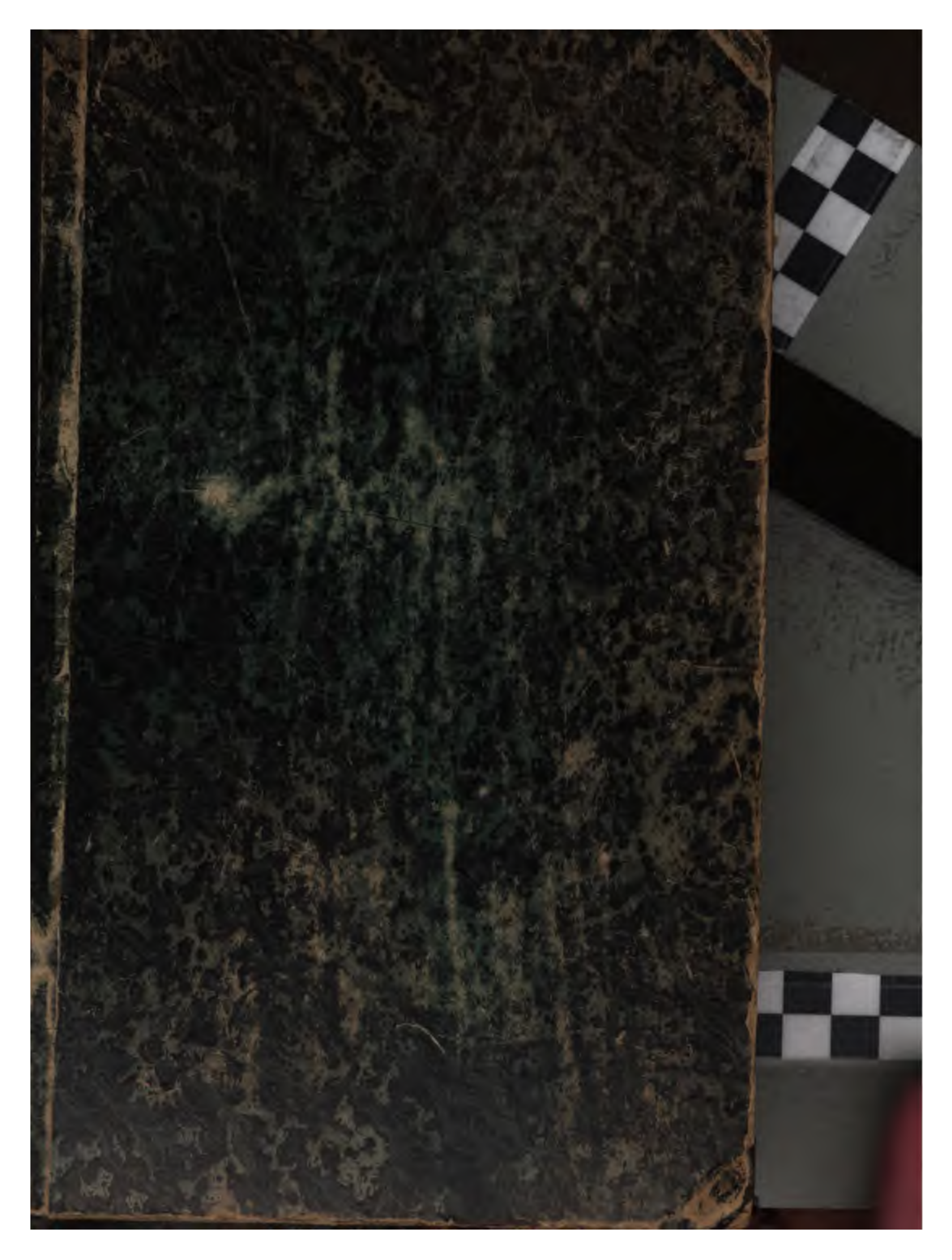

СБОРНИКЪ „НЕДѢЛИ"

РУССКІЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ОТДѢЛА

Изданіе сотрудниковъ-издателей газеты «Недѣля»

П. А. Гайдебурова и Е. И. Конради.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія А. М. Котомина. Невскій просп., № 18.

1872

Содержаніе.

Отдѣлъ литературно-политическій.

ОПЕЧАТКИ.

Отд.	Страи.	Стр.		Напечатано:	Должно быть:
»	264	11	сверху.	лицо ставятъ	лицъ, стоявшихъ
I	285	15	»	ассоціація для закупки	ассоціація, ассоціація для закупки
II	255	27	»	сверху за каждое пятнышко	за каждое чернильное пятнышко
»	256	16	»	m-me Декамье	m-me Рекамье
»	—	17	»	cilibrity	celebrity
»	—	19	»	плохенькихъ,	плохенькихъ;
»	—	20	»	рода;	рода,

Отъ издателей.

Приступая къ составленію настоящаго «Сборника», издатели имѣли въ виду представить публикѣ книгу, заключающую въ себѣ обстоятельныя изслѣдованія *по всѣмъ* крупнымъ вопросамъ современной русской жизни.

Какъ ни заманчива была эта цѣль, но приступивъ къ дѣлу, издатели убѣдились, что для достиженія ея требуется гораздо больше времени, чѣмъ они предполагали. А такъ какъ главное назначеніе «Сборника» было—удовлетвореніе подписчиковъ «Недѣли» за полугодовую пріостановку этой газеты въ 1871 году, то издатели должны были значительно ограничить размѣры предположенной програмы, чѣмъ и объясняется нѣкоторое однообразіе въ статьяхъ предлагаемаго изданія. Издатели, тѣмъ не менѣе, позволяютъ себѣ надѣяться, что и въ настоящемъ своемъ видѣ «Сборникъ» не будетъ сочтенъ безполезнымъ явленіемъ въ современной русской литературѣ, такъ какъ большинство его статей касаются тѣхъ вопросовъ, которые должны быть названы *важнѣйшими* вопросами нашей жизни.

РЕФОРМЫ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

Съ тѣхъ поръ, какъ русское общество вышло изъ своего неподвижнаго состоянія, продолжавшагося такъ долго и положившаго рѣзкій отпечатокъ на всю русскую жизнь; съ тѣхъ поръ, какъ русская печать, освобожденная отъ предварительной цензуры, получила возможность серьезнѣе относиться къ общественнымъ явленіямъ и право обсуждать „какъ отдѣльные законы и цѣлое законодательство, такъ и распубликованныя правительственныя распоряженія,"— съ тѣхъ поръ и въ обществѣ, и въ литературѣ явилось множество практическихъ интересовъ, составляющихъ въ общей сложности то, чѣмъ мы въ настоящее время живемъ, что даетъ содержаніе нашей общественной дѣятельности и что носитъ общее названіе „общественныхъ вопросовъ". Таковы вопросы: крестьянскій, земскій, духовный, военный, податной и т. п. Эти новые интересы, возникшіе въ русской жизни, сообщили ей и новый характеръ. Худо ли, хорошо ли, но современное общество разсуждаетъ о вопросахъ серьезныхъ, имѣющихъ практическое значеніе, тогда какъ прежде оно погружено было исключительно въ область мелкихъ дрязгъ, личныхъ счетовъ и отношеній, не представлявшихъ совершенно никакого общественнаго интереса; худо ли, хорошо ли, но современная періодическая литература трактуетъ о такихъ предметахъ, которые еще очень недавно были для нея совершенно недоступны, и притомъ такихъ, которые не выдумываются публицистами въ кабинетахъ, а почерпаются изъ области текущей общественной жизни, однимъ сло-

вомъ, и въ обществѣ, и въ литературѣ произошли перемѣны, существованія которыхъ отрицать невозможно.

Но каковы именно эти перемѣны? Коснулись ли онѣ только, такъ сказать, внѣшней стороны нашего общества, или проникли въ него гораздо глубже; измѣнились ли только однѣ формы, или вмѣстѣ съ ними измѣнилась и сущность; однимъ словомъ, подвинулось ли хоть сколько-нибудь наше общественное развитіе съ того момента, когда ему сообщенъ былъ первый толчекъ, или остановилось на той же самой степени, на какой застали его правительственныя реформы?

Относительно этого вопроса существуетъ два діаметрально-противоположныхъ мнѣнія. Одни находятъ, что наше общество сдѣлало огромный, очевидный, неподлежащій никакому сомнѣнію шагъ впередъ. Этотъ взглядъ имѣетъ очень много сторонниковъ въ періодической литературѣ, и органы, руководствующіеся имъ въ своей дѣятельности, постоянно стараются доказывать его справедливость какъ частными мнѣніями, такъ и общимъ своимъ направленіемъ. Они полагаютъ, что всѣ реформы принимаются обществомъ вполнѣ сознательно, какъ нѣчто давно жданное и желанное, что въ обществѣ уже выработалось совершенно самостоятельное отношеніе къ этимъ реформамъ, что онѣ развиваются на почвѣ вполнѣ подготовленной и производятъ желаемое дѣйствіе. Сторонники этого взгляда убѣждены—или, по крайней мѣрѣ, кажутся убѣжденными—въ томъ, что, напримѣръ, крестьянское дѣло идетъ у насъ превосходно, что экономическое благосостояніе народа съ каждымъ годомъ замѣтно улучшается, что грамотность, хотя довольно медленно, но все-таки распространяется, что земскія учрежденія, даже въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, приносятъ странѣ громадную пользу, и что всѣ вообще реформы послѣдняго десятилѣтія, какъ каждая отдѣльно, такъ и въ общей своей совокупности, совершенно пересоздали русское общество. Мечты и желанія сторонниковъ того направленія, о которомъ мы говоримъ, не простираются далѣе нѣкоторыхъ частныхъ улучшеній въ реформахъ, уже состоявшихся. Еслибъ земству предоставлена была нѣсколько большая доля самостоятельности, еслибъ протоколы земскихъ собраній могли безпрепятственно появляться въ печати, еслибъ грамотность распространялась нѣсколько успѣшнѣе и т. п., то этого было бы вполнѣ достаточно, чтобы общество вполнѣ окрѣпло и тогда развитіе его со-

вершалось бы безостановочно и быстро въ томъ направленіи, какое указано ему правительственными реформами.

Рядомъ съ этимъ воззрѣніемъ существуетъ, какъ сказано выше, другое, діаметрально-противоположное. Хотя въ литературѣ оно не имѣетъ въ настоящее время такихъ органовъ, которые могли бы считаться полными его выразителями, тѣмъ не менѣе, родственные съ нимъ взгляды довольно часто высказываются въ разныхъ отдѣльныхъ статьяхъ, по поводу разныхъ отдѣльныхъ случаевъ. Сторонники этого взгляда убѣждены, что всѣ реформы, ознаменовавшія послѣднее десятилѣтіе, коснулись именно только одной поверхности нашего общества и не произвели въ немъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ. Хотя гласный судъ лучше безгласнаго, хотя земское хозяйство лучше казеннаго, хотя свобода лучше крѣпостной зависимости, и хотя, слѣдовательно, новыя общественныя учрежденія, въ принципѣ, лучше старыхъ,—но на практикѣ, по разнымъ причинамъ, они не оказали никакого полезнаго дѣйствія. Экономическое положеніе крестьянъ не только не улучшилось, но даже чуть-ли не ухудшилось сравнительно съ прежнимъ; земскія учрежденія только увеличили массу налоговъ, лежащихъ на народѣ, не принеся взамѣнъ того никакой пользы, и даже такое учрежденіе, какъ судъ присяжныхъ, даетъ себя чувствовать народу лишь новой натуральной повинностью, которой прежде не знали крестьяне. Что касается собственно общества, то оно тоже нисколько не подвинулось впередъ: та же мелочность интересовъ, та же дряблость характера, тѣ же сословные инстинкты, то же равнодушіе къ общественнымъ интересамъ. Періодическая печать точно также не представляетъ ничего утѣшительнаго. Общій тонъ ея не только не повысился за послѣднія десять лѣтъ, но даже понизился. Прежде, напримѣръ передъ крестьянской реформой, въ литературѣ чувствовалось присутствіе хоть какой-нибудь живой идеи, слышалось что-то свѣжее, возбуждавшее въ читателѣ разныя хорошія мысли и честныя стремленія,—а теперь литература занялась исключительно разными „практическими вопросами“, которые овладѣли ею совершенно, вытѣснили изъ нея живое начало и лишили ее всякаго развивающаго значенія. Все идетъ вяло, все дѣлается какъ-то безцѣльно и ничто не предвѣщаетъ лучшаго будущаго.

Таковы у насъ два крайнихъ, діаметрально-противоположныхъ взгляда на современное положеніе дѣлъ. Рѣшить, какой изъ нихъ

ближе подходитъ къ истинѣ и вообще разъяснить тотъ общій вопросъ о значеніи реформъ въ Россіи, котораго касаются намѣченные нами взгляды — чрезвычайно важно; важно нетолько въ теоретическомъ смыслѣ, то есть, нетолько потому, что каждый мыслящій человѣкъ долженъ стараться уяснить себѣ истинное положеніе дѣлъ, среди которыхъ онъ живетъ, но важно и въ чисто практическомъ отношеніи. Крайній оптимизмъ, не оправдываемый фактами, которыхъ онъ касается, скрываетъ отъ глазъ общественныхъ дѣятелей тѣ недостатки, съ которыми они должны бороться во имя общественнаго блага; крайній пессимизмъ, не оправдываемый дѣйствительностью, порождая апатію и бездѣйствіе, точно также лишаетъ страну полезныхъ дѣятелей, которые отходятъ отъ дѣлъ и остаются въ сторонѣ, въ полномъ убѣжденіи, что ихъ трудъ пропадетъ даромъ. Если крайній оптимизмъ не замѣчаетъ дурныхъ сторонъ наблюдаемаго явленія, то пессимизмъ не видитъ сторонъ хорошихъ и такимъ образомъ и тотъ и другой оказываются одинаково односторонними и одинаково вредными для дѣла. Если оптимистъ считаетъ извѣстный образъ дѣйствій ненужнымъ потому, что не признаетъ существованія самаго факта, вызывающаго такой образъ дѣйствій, а пессимистъ относится къ нему безразлично, не надѣясь принести этимъ никакой пользы, то очевидно, что и тотъ, и другой, исходя изъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія, оказываются одинаково виновными въ томъ, что фактъ, о которомъ идетъ рѣчь, остается существовать по-прежнему.

Конечно, не въ каждый желаемый моментъ можно удовлетворительно рѣшить тотъ вопросъ, который мы поставили выше, — если, разумѣется, основывать рѣшеніе на фактахъ, наименѣе спорныхъ и наиболѣе убѣдительныхъ. Для этого прежде всего необходимо, чтобы съ того момента, который мы считаемъ первоначальнымъ толчкомъ, давшимъ новое направленіе общественной жизни, протекло извѣстное количество времени, и чтобы, во вторыхъ, въ теченіе этого времени успѣли накопиться факты, которые могли бы служить достаточнымъ основаніемъ для выводовъ. Но несмотря на то, что съ уничтоженія въ Россіи крѣпостнаго права прошло уже одиннадцать лѣтъ, у насъ почти не было фактовъ, на основаніи которыхъ можно бы рѣшить занимающій насъ въ настоящую минуту вопросъ. Еслибы мы прослѣдили, чѣмъ именно руководствуются и наши оптимисты, и наши пессимисты, характеризуя современное по-

ложеніе дѣлъ въ русскомъ обществѣ, то пришли бы къ заключенію, что факты текущей жизни весьма мало участвовали въ образованіи этихъ взглядовъ и что, такимъ образомъ, они могутъ считаться взглядами вполнѣ субъективными. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основываются и оптимисты и пессимисты, утверждая, что у насъ все или превосходно, или крайне плохо? Положимъ, идетъ рѣчь о непосредственномъ вліяніи крестьянской реформы на бытъ крестьянъ и разбирается вопросъ, улучшилось или ухудшилось съ тѣхъ поръ крестьянское хозяйство. Вопервыхъ, мы не имѣемъ совершенно никакихъ сравнительныхъ данныхъ для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ даже приблизительно вѣрно. Вовторыхъ, еслибы даже и признать самый фактъ улучшенія или ухудшенія вполнѣ доказаннымъ, все-таки отсюда невозможно было бы сдѣлать никакихъ выводовъ. Положимъ, напримѣръ, что было бы доказано ухудшеніе. Но оно могло произойти и оттого, что крестьяне недостаточно надѣлены землей, и оттого, что лежащія на нихъ повинности не соотвѣтствуютъ ихъ силамъ, и оттого, что мѣстныя власти не исполняютъ какъ слѣдуетъ своихъ обязанностей, и оттого, что крестьяне, привыкшіе къ помѣщичьей опекѣ, не могутъ сразу стать на ноги—и, наконецъ, отъ всѣхъ этихъ и подобныхъ причинъ вмѣстѣ. Какъ рѣшить, которая изъ причинъ принимала здѣсь наибольшее участіе? А между тѣмъ несомнѣнно, что въ числѣ этихъ причинъ есть такія, вліянія которыхъ невозможно было устранить даже въ томъ случаѣ, еслибы крестьянская реформа производилась въ интересахъ одного только крестьянскаго сословія. Такимъ образомъ, еслибы мы даже вполнѣ доказали тотъ фактъ, что бытъ крестьянъ послѣ реформы ухудшился, то этотъ фактъ все-таки ровно ничего бы не доказывалъ. Возьмемъ другой примѣръ—земскія учрежденія. Оптимисты придаютъ имъ громадное значеніе, пессимисты—никакого; одни говорятъ, что земское хозяйство давно уже доказало свое превосходство передъ казеннымъ, пессимисты готовы утверждать, что никакой разницы не замѣтно; первые увѣрены, что народъ и общество вполнѣ оцѣнили великую пользу земства, вторые убѣждены, что народъ готовъ когда угодно отказаться отъ земства, а общество относится къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Но на чемъ основаны заключенія и тѣхъ и другихъ? Относясь къ дѣлу безпристрастно, мы можемъ признать только то, что въ однихъ мѣстахъ земство принесло дѣйствительно большую пользу, а въ дру-

гихъ — не принесло дѣйствительно никакой, что въ одной губерніи, или даже въ одномъ уѣздѣ земству придаютъ дѣйствительно большое значеніе, а въ другой губерніи, или въ другомъ уѣздѣ— не придаютъ дѣйствительно никакого. Какъ же тутъ сдѣлать общій выводъ? Но опять-таки, еслибы даже признать доказаннымъ, что земство повсемѣстно плохо, что оно до сихъ поръ ничѣмъ не обнаружило своей полезности, то и это ровно ничего не доказывало бы. Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, взяться такому значительному количеству хорошихъ людей, котораго бы хватило на всѣ земскія учрежденія въ Россіи, и на какомъ основаніи можно требовать, чтобы „земскіе люди" образовались чуть не мгновенно, чтобы вчерашніе дворяне-помѣщики разомъ стряхнули съ себя весь накопившійся на нихъ слой преданій, привычекъ, предразсудковъ и сдѣлались настоящими „земскими людьми"?

Но если такъ трудно опредѣлить вліяніе отдѣльныхъ реформъ, если такъ трудно произнесть окончательный приговоръ ихъ вліянію и значенію въ кругу тѣхъ явленій, которыхъ онѣ касаются непосредственно, то во сколько же разъ должна увеличиться эта трудность, когда мы хотимъ опредѣлить вліяніе всѣхъ этихъ реформъ въ совокупности, когда мы пытаемся дѣлать обобщенія такихъ фактовъ, вѣрность которыхъ ничѣмъ доказать невозможно? Если легко ошибиться тамъ, то насколько же легче ошибиться здѣсь, опредѣляя состояніе и характеръ *всей* общественной жизни, подъ вліяніемъ *всѣхъ* реформъ послѣдняго десятилѣтія. Эта трудность увеличивается еще однимъ важнымъ обстоятельствомъ, которое обыкновенно упускается изъ виду, когда говорятъ о состояніи *общества* въ тотъ или другой моментъ его жизни. Въ чемъ проявляется и въ чемъ можетъ проявляться у насъ *общественная дѣятельность*? Конечно, проявленіе ея можно отчасти видѣть въ дѣятельности земства. Но кругъ земской дѣятельности настолько ограниченъ, что по характеру ея трудно составить понятіе о характерѣ и направленіи общественной жизни въ данный моментъ. Общество можетъ развиваться прогрессивно изъ года въ годъ, но это развитіе можетъ почти не выражаться въ дѣятельности земства, которому приходится имѣть дѣло съ такими вопросами и дѣлами, относительно которыхъ то или другое направленіе земской дѣятельности можетъ обусловливаться въ гораздо бо́льшей степени обстоятельствами отъ земства не зависящими, чѣмъ желаніями и симпатіями образован-

ныхъ классовъ общества. Если, съ одной стороны, слишкомъ исключительный характеръ дѣятельности извѣстнаго земства, напримѣръ псковскаго, даетъ намъ право заключать по немъ о прискорбномъ направленіи мѣстнаго общества, то обратное заключеніе врядъ-ли было бы справедливымъ. Земство данной губерніи можетъ вполнѣ безукоризненно вести свои дѣла, т. е. исправно исполнять обязательныя повинности, плодить и множить школы, больницы и т. д., но то, что мы называемъ обществомъ, общественными симпатіями, общественною дѣятельностью—все это можетъ находиться въ положеніи весьма неудовлетворительномъ. Итакъ, по дѣятельности земства можно лишь отчасти, въ исключительныхъ случаяхъ, судить о характерѣ общества. Общественное настроеніе можетъ еще выражаться въ періодической печати; но у насъ, гдѣ существуетъ законъ о „вредныхъ направленіяхъ“, гдѣ газеты и журналы отвѣтственны нетолько передъ судомъ, но и передъ администраціей, печать, точно также какъ и земство, не можетъ считаться зеркаломъ общественной жизни и выразительницей общественныхъ стремленій. Затѣмъ у насъ не остается ровно никакихъ признаковъ, по которымъ можно бы судить о томъ, въ какомъ направленіи происходитъ общественное развитіе, идетъ ли оно впередъ или назадъ.

Этотъ вопросъ могъ бы быть рѣшенъ сколько-нибудь удовлетворительно лишь при томъ условіи, еслибы мы имѣли возможность сопоставить между собой два такихъ момента, раздѣленныхъ между собой довольно значительнымъ промежуткомъ времени, въ которыхъ общество, — то есть наиболѣе образованная его часть — открыто высказываетъ свои взгляды по вопросамъ, имѣющимъ важное общественное значеніе, и притомъ довольно однороднымъ, если не вполнѣ тожественнымъ. Выбравъ одинъ моментъ, наиболѣе отъ насъ удаленный, и другой, наиболѣе къ намъ близкій, и сравнивъ между собою эти моменты, мы дѣйствительно могли бы съ полнымъ правомъ отвѣчать на вопросъ: въ какомъ направленіи идетъ развитіе нашего общества, оказали ли новѣйшія реформы какое-нибудь полезное вліяніе и измѣнили ли онѣ существеннымъ образомъ настроеніе образованныхъ классовъ.

Намъ кажется, что въ настоящее время есть полная возможность сопоставить между собой два такихъ момента и сдѣлать изъ этого сопоставленія нѣкоторые выводы, основанные на очевидныхъ, безспорныхъ, неподлежащихъ никакому сомнѣнію фактахъ.

Первымъ изъ такихъ моментовъ естественнымъ образомъ долженъ быть взятъ тотъ, когда правительство открыто заявило свое рѣшительное намѣреніе уничтожить крѣпостное право. Не говоря уже о важности этого момента, какъ перваго толчка въ нашемъ общественномъ развитіи—толчка, за которымъ послѣдовали другіе, дальнѣйшіе—онъ важенъ еще какъ первое рѣзкое столкновеніе между правительствомъ, представлявшимъ начало прогрессивное, и обществомъ, представлявшимъ начало консервативное. Въ этомъ столкновеніи по необходимости, естественнымъ образомъ, неизбѣжно должны были выразиться во всей наготѣ, во всей своей непосредственности, характеръ, образъ мыслей и степень политическаго развитія передовыхъ классовъ русскаго общества. Здѣсь шелъ вопросъ не о какихъ-нибудь отвлеченныхъ вопросахъ; здѣсь дѣло касалось самыхъ чувствительныхъ интересовъ владѣльческаго сословія. Поэтому, здѣсь не могло быть мѣста никакому лицемѣрію, никакому притворству; то, что здѣсь высказывалось—высказывалось искренно, именно такъ, какъ чувствовалось; то, что здѣсь заявлялось — заявлялось откровенно, именно такъ, какъ желалось заявить. Однимъ словомъ, въ тотъ моментъ, о которомъ мы говоримъ, русское образованное общество выступаетъ во всю свою натуральную величину и является передъ нами въ своемъ натуральномъ, обыкновенномъ видѣ.

Посмотримъ же, каково было это общество, каково было его политическое развитіе, каковы были его общественные идеалы въ моментъ уничтоженія крѣпостнаго права. Для этого мы прослѣдимъ ходъ крестьянской реформы съ самаго ея начала до закрытія редакціонныхъ комиссій, то есть въ теченіе всего того времени, когда образованному классу общества, въ лицѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, было предоставлено право участвовать въ обсужденіи крестьянской реформы *).

Хотя обыкновенно принято считать, что иниціатива крестьянской реформы принадлежитъ самому дворянству, но въ настоящее время можно, кажется, подтвердить гласно тотъ—впрочемъ, общеизвѣстный—фактъ, что она безраздѣльно принадлежитъ правительству. Правда, Высочайшій рескриптъ 20 ноября 1857 года, на имя главнаго начальника западнаго края, представляющій первый шагъ правительства на пути реформы, былъ какъ бы вызванъ за-

*) Матеріаломъ для нижеслѣдующаго очерка послужили офиціальные документы по крестьянскому дѣлу, изданные г. Скребицкимъ подъ названіемъ: «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II».

явленіемъ дворянства трехъ западныхъ губерній, пожелавшаго освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости; но надо принять во вниманіе, что дѣлая это заявленіе, дворянство „руководствовалось нѣкоторыми указаніями правительства"; притомъ же, оно могло рѣшиться на такое заявленіе только въ виду того, что ему было очень хорошо извѣстно намѣреніе правительства уничтожить крѣпостное право. Когда былъ обнародованъ упомянутый рескриптъ, примѣру западныхъ послѣдовали другія губерніи, Петербургская, Нижегородская и т. д. Но уже вслѣдъ за рескриптомъ петербургскому дворянству, министръ внутреннихъ дѣлъ извѣщалъ губернаторовъ и губернскихъ предводителей дворянства, что правительство не скрываетъ своихъ видовъ и даже желаетъ, чтобы были извѣстны начала, которыми оно руководствуется въ тѣхъ случаяхъ, когда дворянство само вызывается содѣйствовать устройству быта крестьянъ. По мѣрѣ того, какъ дворянство разныхъ губерній заявляло свою готовность содѣйствовать правительству въ этомъ дѣлѣ, устраивались губернскіе комитеты для составленія предположеній объ устройствѣ быта крестьянъ на основаніи изданной правительствомъ инструкціи; а когда работы этихъ комитетовъ стали приходить къ концу, были образованы редакціонныя комиссіи, подъ предсѣдательствомъ Я. И. Ростовцева, для приведенія въ надлежащій порядокъ мнѣній губернскихъ комитетовъ и составленія проэкта общаго закона о крестьянахъ.

Когда проэкты губернскихъ комитетовъ сосредоточились въ редакціонныхъ комиссіяхъ, то общій выводъ, который комиссіи имѣли возможность изъ нихъ сдѣлать, былъ тотъ, что дворянство отрекается отъ крѣпостного права *на личность крестьянъ*, и что затѣмъ это право отмѣняется навсегда. Хотя такой выводъ не даетъ еще понятія о томъ, какъ понимали отмѣну крѣпостного права различные комитеты, но въ интересахъ исторической истины необходимо замѣтить, что и этотъ выводъ могъ быть сдѣланъ изъ дворянскихъ проэктовъ только благодаря дѣятельному наблюденію со стороны правительства за работами губернскихъ комитетовъ и той настойчивости, съ какою оно подавляло малѣйшія попытки ихъ, не соотвѣтствовавшіе намѣреніямъ верховной власти. Такъ, еще въ 1858 году, министръ внутреннихъ дѣлъ, усматривая, что нѣкоторые комитеты опредѣлили войти въ разсмотрѣніе вопроса *о личномъ выкупѣ крестьянъ*, просилъ начальниковъ губерній обратить вни-

маніе комитетовъ, что государь повелѣлъ *мнѣніе это отвергнуть*, „ибо въ немъ выразилось явное побужденіе къ превратному толкованію Высочайше одобренныхъ началъ устройства быта помѣщичьихъ крестьянъ". Затѣмъ, въ слѣдующемъ году главнымъ комитетомъ сдѣлано совершенно однородное съ предыдущимъ распоряженіемъ постановленіе, вызванное образомъ дѣйствій одного изъ губернскихъ комитетовъ. Главный комитетъ по крестьянскому дѣлу постановилъ: „предписать начальнику губерніи предложить комитету, что принятое большинствомъ онаго рѣшеніе—къ выкупу усадебной осѣдлости присоединить *выкупъ крѣпостнаго права*—какъ несогласное съ Высочайше указанными началами и по Высочайшимъ повелѣніямъ отвергнутое *въ другихъ комитетахъ*, не можетъ быть допущено". Эти документы положительно свидѣтельствуютъ, что дворянство *многихъ* губерній, соглашаясь на уничтоженіе крѣпостнаго права, домогалось однакоже выкупа крестьянами нетолько усадебной осѣдлости, но и *личной свободы*. Несмотря на то, что правительство старалось подавлять подобныя тенденціи въ самомъ ихъ началѣ— онѣ успѣли проникнуть и въ окончательные проэкты комитетовъ, поступившіе на разсмотрѣніе редакціонныхъ комиссій. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ прямо заявлялось, что уничтоженіе крѣпостного права повлечетъ за собою уменьшеніе въ доходахъ помѣщиковъ, вслѣдствіе чего необходимо вознаградить ихъ *соразмѣрно* причиняемымъ имъ убыткамъ.

Слѣдя за направленіемъ дѣятельности губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и подавляя въ самомъ началѣ тенденціи, которыя шли въ разрѣзъ съ его намѣреніями, правительство въ то же время парализовало возникавшія въ средѣ самого дворянства попытки— пріобрѣсть возможно больше выгодъ отъ крѣпостного права, пока оно оставалось еще не уничтоженнымъ, и такимъ образомъ вознаградить себя за предстоящія лишенія. Одинъ изъ начальниковъ губерній сообщалъ министру внутреннихъ дѣлъ, что съ нѣкотораго времени, и именно съ тѣхъ поръ, какъ гласно возникъ вопросъ объ улучшеніи быта крестьянъ, мелкопомѣстные владѣльцы имѣній, платящіе рекрутскія складочныя деньги, *усилили представленіе людей въ рекруты въ счетъ будущихъ наборовъ* безъ всякихъ особенныхъ къ тому причинъ и очевидно съ единственною цѣлью— *получить отъ казны опредѣленные за каждаго рекрута 300 р.* Такіе случаи вызвали нѣсколько Высочайше одобренныхъ

циркуляровъ министра внутреннихъ дѣлъ, которыми конфиденціально предлагалось начальникамъ губерній предъявлять возможно болѣе строгія требованія къ физическимъ качествамъ людей, отдаваемыхъ въ рекруты, и при малѣйшемъ какомъ-либо замѣченномъ недостаткѣ отказывать въ пріемѣ этихъ людей на службу; въ то же время состоялось Высочайшее повелѣніе, пріостановившее пріемъ людей въ рекруты въ зачетъ будущихъ наборовъ. Кромѣ того, было замѣчено, что съ тѣхъ поръ, какъ правительство заявило свое намѣреніе освободить крестьянъ съ принадлежавшими имъ усадьбами, значительно умножились случаи увольненія помѣщиками крестьянъ, въ особенности дряхлыхъ и увѣчныхъ дворовыхъ, безъ земли. Это обстоятельство также послужило поводомъ къ изданію нѣсколькихъ правительственныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью затруднить совершеніе такихъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами.

Такимъ образомъ мы видимъ, что еще до образованія редакціонныхъ комиссій—еще въ то время, когда крестьянская реформа не выяснилась вполнѣ для самого правительства, когда еще и рѣчи не было объ освобожденіи крестьянъ съ землею—правительству уже пришлось столкнуться съ такими мнѣніями и дѣйствіями помѣщиковъ, которые шли въ разрѣзъ съ намѣреніями верховной власти. И потому, хотя проэкты губернскихъ комитетовъ, поступившіе въ редакціонныя комиссіи, давали возможность сдѣлать тотъ выводъ, что дворянство отрекается отъ крѣпостного права на личность крестьянъ, но и этотъ выводъ, какъ мы сказали, могъ быть сдѣланъ только благодаря тому, что правительство зорко слѣдило за дѣятельностью губернскихъ дворянскихъ комитетовъ и постоянно старалось направлять ее сообразно своимъ намѣреніямъ и цѣлямъ. Когда же открылась дѣятельность редакціонныхъ комиссій и приглашенные въ нихъ члены губернскихъ дворянскихъ комитетовъ стали высказывать свои мнѣнія по поводу разныхъ частностей проэктируемой реформы; когда правительство увидѣло необходимость нѣсколько измѣнить первоначальныя свои предположенія относительно этой реформы и расширить ея объемъ; когда вопросъ объ „улучшеніи быта“ крестьянъ получилъ значеніе вопроса о совершенномъ, радикальномъ уничтоженіи крѣпостнаго права и былъ поставленъ на степень вопроса государственнаго—тогда разногласіе между правительствомъ и большинствомъ дворянства достигло крайней степени, и въ средѣ дворянства, представляемаго членами дворянскихъ комитетовъ, явилась

систематическая, открытая оппозиція почти противъ всѣхъ предположеній редакціонныхъ комиссій.

Серьезное разногласіе по основному вопросу крестьянской реформы началось въ средѣ самихъ редакціонныхъ комиссій. Комиссіи усвоили себѣ тотъ взглядъ, что вопросъ о личномъ освобожденіи крестьянъ долженъ быть тѣсно связанъ съ вопросомъ объ обезпеченіи ихъ достаточнымъ поземельнымъ надѣломъ. Противъ этого мнѣнія энергично возстали два вліятельныхъ члена редакціонныхъ комиссій, которые доказывали, что выкупъ долженъ быть предоставленъ добровольному соглашенію между помѣщиками и крестьянами и что вообще вопросу о выкупѣ не должно придавать существеннаго значенія крестьянской реформы. Впослѣдствіи оказалось, что съ мнѣніемъ этихъ двухъ членовъ было согласно значительное большинство губернскихъ комитетовъ, хотя многіе изъ нихъ шли гораздо дальше и выражали гораздо откровеннѣе свое несогласіе съ предположеніями редакціонныхъ комиссій. Чтобъ дать понятіе о характерѣ и размѣрахъ оппозиціи со стороны губернскихъ комитетовъ и ихъ представителей, мы приведемъ нѣсколько мнѣній, вызванныхъ различными предположеніями комиссій по вопросу объ устройствѣ хозяйственнаго быта крестьянъ и обезпеченіи ихъ землею, и главнымъ образомъ—мнѣніе *сорока членовъ* втораго приглашенія. Мы остановимся на этомъ мнѣніи въ особенности потому, что оно, представляя собою строго-обдуманную оппозицію редакціоннымъ комиссіямъ, можетъ дать намъ совершенно ясное понятіе о характерѣ воззрѣній, съ которыми приходилось бороться комиссіямъ. Притомъ же, эти сорокъ членовъ, обнаружившихъ полное единогласіе въ своихъ взглядахъ на крестьянскую реформу, служили представителями *девятнадцати* губерній, слѣдовательно выражали мнѣніе весьма значительной части русскаго дворянства.

Выводы, противъ которыхъ было направлено мнѣніе сорока членовъ, состояли въ слѣдующемъ: 1) пока крестьяне не выкупятъ свои усадьбы и не пріобрѣтутъ въ собственность поземельный надѣлъ, до тѣхъ поръ помѣщики остаются собственниками принадлежащихъ имъ земель; 2) въ отношеніи усадьбъ и земель, которыя поступятъ въ надѣлъ крестьянамъ, общее право собственности помѣщиковъ, до выкупа крестьянами этихъ земель и усадьбъ, должно быть ограничено правомъ безсрочнаго и постояннаго пользованія крестьянъ; поэтому усадьбы крестьянскія и положенныя въ надѣлъ

земли будутъ принадлежать помѣщикамъ на правѣ *неполной собственности*; 3) Земли, оставшіяся у помѣщиковъ за надѣломъ, будутъ принадлежать имъ на правѣ *полной собственности*. Эти выводы составляли, какъ извѣстно, главнѣйшую сущность освобожденія крестьянъ *съ землею*.

Приступая къ разсмотрѣнію этихъ выводовъ, сорокъ членовъ заявили, что заключенія редакціонныхъ комиссій противорѣчатъ какъ существующимъ законамъ, такъ и общимъ понятіямъ о справедливости и собственности; при томъ, они оказываются совершенно ненужными въ видахъ улучшенія быта крестьянъ. Въ самомъ дѣлѣ, спрашиваютъ сорокъ членовъ, какая цѣль ожидаемаго преобразованія? Очевидно, не та только, чтобы освободить крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а та, чтобы возбудить въ нихъ самостоятельную дѣятельность, въ которой они и должны найти обезпеченіе всѣхъ своихъ потребностей. Если предположить, разсуждаютъ представители девятнадцати губерній, что самостоятельная дѣятельность не можетъ обезпечить свободнаго человѣка, и нужно еще обезпеченіе чужою собственностью, то это предположеніе говорило бы противъ освобожденія крестьянъ; но члены полагаютъ, что свободный выборъ мѣста жительства и занятій, вольный наемъ земли и свобода договоровъ о работѣ *составляютъ такое обезпеченіе, какого не дастъ крестьянамъ земля помѣщика*; между тѣмъ надежда на обезпеченіе чужою собственностью останавливаетъ всѣ побужденія къ дѣятельности. Хотя редакціонныя комиссіи и стараются доказать, что крестьяне своимъ трудомъ много способствовали увеличенію цѣнности помѣщичьей земли, но, по мнѣнію сорока членовъ, это обстоятельство нисколько не измѣняетъ вопроса и не даетъ крестьянамъ никакихъ правъ на землю; вопервыхъ, трудъ, положенный въ чужую собственность, не даетъ еще правъ на нее; вовторыхъ, улучшеніе помѣщичьей земли и увеличеніе ея цѣнности въ большей части случаевъ произведены вовсе не тѣми крестьянами, которые въ настоящее время пользуются землей. Вообще, по мнѣнію сорока членовъ, обязательное надѣленіе крестьянъ землею будетъ имѣть много невыгодныхъ послѣдствій. Первымъ послѣдствіемъ закона, проэктированнаго комиссіями, были бы взаимныя неудовольствія, несогласія и взаимная борьба двухъ сословій. Вторымъ послѣдствіемъ явилось бы недовѣріе въ средѣ собственниковъ къ правительству, такъ какъ всякій, имѣя передъ собою примѣръ

отобранія у помѣщиковъ земли для надѣленія ею крестьянъ, станетъ ожидать, что и съ нимъ когда-нибудь будетъ поступлено точно также. Третьимъ послѣдствіемъ было бы общее потрясеніе и смѣшеніе понятій о правѣ собственности, справедливости и законности. Четвертымъ послѣдствіемъ того же закона была бы привычка ожидать и требовать обезпеченія потребностей посредствомъ распоряженій правительства; еслибы правительство приняло на себя обязанность устраивать участь однихъ лицъ насчетъ другихъ, то явилось бы всеобщее требованіе касательно такого обезпеченія, которое поведетъ только къ раздорамъ и ненависти, а не къ правильному распредѣленію богатствъ и имуществъ. Наконецъ, пятымъ послѣдствіемъ предлагаемаго закона былъ бы всеобщій упадокъ дѣятельности и остановка въ развитіи промышленности; съ одной стороны, угрожаемые капиталы скроются; съ другой стороны, не будетъ побужденій къ труду, когда увидятъ, что не одинъ трудъ можетъ быть источникомъ благосостоянія и собственности, и что есть другія, болѣе легкія средства къ пріобрѣтенію ихъ. Изъ всего сказаннаго 40 членовъ выводятъ заключеніе, что покровительственныя мѣры въ пользу крестьянъ, обращающія часть помѣщичьихъ земель въ неполную собственность, вредны во всѣхъ отношеніяхъ, и нетолько для помѣщиковъ, но и для самихъ крестьянъ, и для всего государства. Землю, говорятъ 40 членовъ, считаютъ совершенно необходимою для крестьянъ; на этой потребности въ землѣ основываютъ всѣ права крестьянъ на безсрочное пользованіе; но—замѣчаютъ члены—потребность въ какой-нибудь вещи еще не даетъ права на нее; не одна земля можетъ быть нужна; точно также нужны въ городѣ квартиры, пища, дрова и проч.; но очевидно, однако, потребностью въ этихъ предметахъ нельзя доказывать права безсрочно получать ихъ на условіи, невыгодномъ для собственниковъ и не утвержденномъ ихъ согласіемъ.

Такова сущность коллективнаго заявленія представителей девятнадцати губерній.

Но не одни только эти сорокъ членовъ возстали противъ предположенія редакціонныхъ комиссій—надѣлить крестьянъ землею; съ ними были согласны почти всѣ депутаты губернскихъ комитетовъ, высказывавшіе свое недовольство предположеніями комиссій иногда даже съ большею рѣзкостью, чѣмъ это дѣлали сорокъ членовъ втораго приглашенія. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ прямо высказывали, что вводимое редакціонными комиссіями правило есть ничто

иное, какъ *споліація*. Споліація, говорили эти члены, не можетъ быть оправдана ни въ какомъ случаѣ, и если она вводится въ законъ или приводится въ исполненіе силою или хитростью, то смыслъ ея нисколько не измѣняется. Обязанность закона, продолжали члены,—охранять личность, свободу и собственность каждаго; но когда законъ, пользуясь своею силою, ограничиваетъ самопроизвольно право собственности гражданъ, то онъ перестаетъ быть охранителемъ права, а напротивъ, лишаетъ народъ всѣхъ правъ, охранять которыя онъ призванъ. Если допустить, что правительство имѣетъ право по своему произволу устраивать благосостояніе одного класса насчетъ другаго и принимать на себя распредѣленіе богатствъ, то неминуемымъ послѣдствіемъ этого будутъ нескончаемыя требованія всѣхъ классовъ народа; законъ и правительство должны ограждать личность, свободу и собственность, а споліація нарушаетъ эти условія и носитъ въ себѣ начало революціонное. Изъ всего этого члены заключаютъ, что самое справедливое было бы освобожденіе крестьянъ *безъ земли* съ признаніемъ за помѣщиками права собственности на всю землю. Далѣе члены указываютъ на то, что Высочайшій рескриптъ не уничтожалъ крѣпостнаго права, а только требовалъ улучшенія быта крестьянъ, а редакціонныя комиссіи добиваются улучшенія быта *свободныхъ* поселянъ насчетъ достоянія помѣщиковъ. Законъ—разсуждали другіе члены по поводу того же вопроса—существуетъ для охраненія личности, правъ и собственности каждаго отдѣльно и всѣхъ вмѣстѣ; но когда вмѣсто него административная власть пользуется силою, ей врученною, чтобы ограничивать произвольно и право, и собственность гражданъ, то законъ упраздняется, перестаетъ быть охранителемъ и тогда является болѣе, нежели споліація правъ и собственности, тогда является споліація силы закона. „Дворянство—продолжалъ членъ, мнѣніе котораго мы излагаемъ—возникло изъ народа, оно живетъ въ народѣ, всегда звалось и было кормильцемъ и отцемъ его, и знаетъ не изъ теорій его потребности, характеръ и обычаи; пользы и нужды его общія съ народомъ; не правомъ завоеванія, но правомъ поколеннымъ оно осоюжено съ нимъ и всякій судья, извнѣ и не вратами входящій въ огражденіе того народа, не будетъ ему пастыремъ добрымъ".

Мнѣнія, сущность которыхъ мы сейчасъ изложили, касаются наиболѣе существеннаго вопроса крестьянской реформы — вопроса эко-

номическаго, вопроса о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Но если бы мы прослѣдили подробно отношеніе членовъ губернскихъ комитетовъ и къ другимъ сторонамъ проэктированной реформы, то увидѣли бы, что преобладающій его характеръ вездѣ остается одинъ и тотъ же. Члены комитетовъ или открыто протестуютъ противъ началъ, которыхъ придерживались редакціонныя комиссіи, требуя сохраненія за помѣстнымъ дворянствомъ всѣхъ тѣхъ правъ, какими они пользовались и прежде, или же стараются провести свои идеи подъ покровомъ болѣе или менѣе благонамѣренныхъ побужденій. Такъ, нѣкоторые губернскіе комитеты требовали сохраненія за помѣстнымъ дворянствомъ „вотчиннаго права", то есть права начальства надъ поселенными въ отчинѣ людьми, права писаться какъ помѣщикомъ, такъ и вотчинникомъ своихъ помѣстій и т. д.; другіе заявляли, что начальниками проэктированныхъ сельскихъ обществъ должны быть непремѣнно помѣщики и что они должны принимать „прямое участіе въ дѣлахъ общества", такъ какъ разъединеніе дворянъ-помѣщиковъ отъ сельскаго общества „можетъ имѣть весьма вредныя послѣдствія по отсутствію той нравственной силы, которая сопричастна образованію, знанію и нравственному превосходству, основанному на понятіи о чести". Третьи, указывая на непрактичность правилъ о сельскомъ самоуправленіи, предложенныхъ редакціонными комиссіями, заявляли, что они „съ трудомъ могутъ вообразить нынѣшнее крѣпостное народонаселеніе Россіи распредѣленное на десять тысячъ какихъ-то республикъ, съ выбраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе своихъ должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чемъ утвержденіи" и что „устраненіе консервативнаго элемента частной собственности введетъ въ русскую жизнь такой крайній демократическій принципъ, который несовмѣстенъ съ сильной правительственной властью"; четвертые обвиняли редакціонныя комиссіи въ томъ, что онѣ стараются провести въ жизнь „коммунистическія начала"; пятые предсказывали, что когда проэктъ освобожденія крестьянъ, составленный комиссіями, сдѣлается извѣстнымъ дворянству, то оно „въ паническомъ страхѣ за себя и свое имущество отшатнется передъ общими правилами редакціонныхъ комиссій".

Мы ограничиваемся приведенными выписками, такъ какъ по нимъ можно составить достаточно полное понятіе о степени политическаго развитія русскаго дворянства въ моментъ освобожденія

крестьянъ отъ крѣпостной зависимости *). Хотя, какъ мы видѣли выше, дворянство и заявило полную готовность отказаться въ принципѣ отъ крѣпостнаго права на своихъ крестьянъ, но оно отступилось отъ этого принципа, когда пришлось разставаться съ тѣми практическими выгодами, которыя были связаны съ крѣпостнымъ правомъ. Лишь только дѣло коснулось надѣленія крестьянъ землею—этого основнаго вопроса крестьянской реформы — какъ отовсюду послышались рѣзкія нападенія на образъ дѣйствій правительства и даже обвиненія его въ „споліаціи". Дворянство, за немногими исключеніями, оказалось по своему развитію безконечно ниже тѣхъ, которые руководили крестьянской реформой и которые вполнѣ понимали важность, какъ въ соціальномъ, такъ и въ политическомъ отношеніяхъ, освобожденія крестьянъ съ землею. Дворянство этого не понимало вовсе. Относясь къ вопросу исключительно со стороны своихъ личныхъ выгодъ, оно было не въ состояніи уразумѣть все значеніе этого вопроса для будущаго общественнаго развитія Россіи. Для него вообще существовали только личные интересы, которыми оно и руководствовалось въ оцѣнкѣ проэктовъ редакціонныхъ комиссій.

Но могло ли и быть иначе? Чтобы отвѣчать на этотъ вопросъ, стоитъ только прослѣдить исторію общественнаго развитія Россіи до 1861 года и припомнить характерныя черты того соціальнаго устройства, какое существовало въ нашемъ отечествѣ до начала минувшаго десятилѣтія. Оно было таково, что исключало почти всякую возможность возникновенія въ образованномъ обществѣ, то есть преимущественно въ самомъ же дворянствѣ, идей, не согласныхъ съ началами тогдашняго общественнаго устройства. Если въ средѣ дворянства и появлялись по временамъ личности, политически развитыя и относившіяся отрицательно къ господствовавшимъ въ обществѣ идеямъ, то это были отдѣльные, исключительные случаи, которые въ массѣ пропадали безслѣдно. Масса же образованныхъ классовъ воспитывалась въ духѣ того порядка вещей, въ основаніи котораго лежало крѣпостное право, и слѣдовательно не могла быть подготовлена къ реформѣ, имѣвшей цѣлью произвести коренной переворотъ въ соціальной организаціи Россіи. Эта реформа застала дворянство

*) Впрочемъ, болѣе подробныя свѣдѣнія по этому предмету читатель найдетъ въ статьѣ: «Нерѣшенные вопросы крестьянскаго дѣла».

врасплохъ и необходимо должна была возбудить противъ себя всеобщее недоброжелательство. Правительство ясно сознавало потребность въ реформѣ; восточная война блистательно подтвердила основательность этого сознанія—но въ общество оно не проникло и не могло проникнуть. Вотъ почему нельзя не согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что реформа 19 февраля, при тѣхъ условіяхъ, среди которыхъ она совершилась, была возможна только въ государствѣ съ неограниченнымъ образомъ правленія. Никакое другое правительство не рѣшилось бы вступить въ такую борьбу съ образованнымъ обществомъ, не подготовивъ сперва въ его средѣ достаточнаго числа элементовъ, на которые оно могло бы опереться—а въ русскомъ дворянствѣ такихъ элементовъ не существовало вовсе, если не считать нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, развившихся при случайно благопріятныхъ условіяхъ. Такимъ образомъ, оппозиція со стороны дворянства въ моментъ обсужденія крестьянской реформы была явленіемъ вполнѣ естественнымъ, нормальнымъ и нисколько неудивительнымъ. Напротивъ, было бы удивительно, еслибъ дѣло происходило иначе.

Не смотря однако же на энергическую оппозицію, крестьянская реформа совершилась и совершилась въ томъ именно направленіи, какое сообщило ей правительство. За этой главной реформой послѣдовали дальнѣйшія, которыя должны были служить ей продолженіемъ и необходимымъ дополненіемъ: явилось земство, судъ присяжныхъ, городское самоуправленіе. Волей-неволей, помѣстное дворянство должно было разстаться со своими привиллегіями и войти въ составъ земства, наравнѣ со всѣми другими сословіями. Началась дѣятельность земская, общесословная, не имѣющая по своему характеру ничего общаго съ жизнью Россіи по ту сторону 1861 года; явились новыя общественныя комбинаціи, новые интересы, новыя побужденія къ дѣятельности.

И вотъ, спустя десять лѣтъ послѣ уничтоженія крѣпостнаго права, образованное русское общество снова призывается къ участію въ обсужденіи реформы, касающейся того же класса населенія, въ интересахъ котораго была предпринята и реформа 19 февраля. Правительство, въ лицѣ министерства финансовъ, сознавая необходимость болѣе равномѣрнаго распредѣленія подушной подати, составляетъ проектъ податной реформы и передаетъ его на обсужденіе губернскихъ земскихъ собраній. Съ перваго взгляда кажется,

что на этотъ разъ передъ нами выступаетъ уже не та часть русскаго общества, которая участвовала въ разработкѣ крестьянской реформы: тамъ было помѣстное дворянство, здѣсь же является земство. Но это различіе, какъ будетъ доказано ниже, только кажущееся, и мы можемъ безъ всякой натяжки сказать, что обѣ реформы, крестьянская и податная, обсуждались лицами, принадлежащими къ одному и тому же классу общества. Посмотримъ же, какъ отнеслось общество къ переданному на его обсужденіе податному вопросу, совершенно однородному, по своему характеру и значенію, съ вопросомъ крестьянскимъ.

По первоначальному предположенію министерства финансовъ, земству предоставлялась весьма незначительная роль въ обсужденіи податной реформы; оно должно было ограничиться отвѣтомъ лишь на одинъ очень не важный вопросъ. Признавая крайне неудовлетворительной существующую податную систему, министерство финансовъ проектировало переложить подушную подать съ лицъ на дворы и земли, принадлежащіе тому же крестьянскому сословію, и земству предлагалось обсудить только вопросъ о томъ, какая часть подушныхъ сборовъ можетъ быть переложена на земли и какая на дворы. Но впослѣдствіи земству предоставлено было болѣе широкое право въ обсужденіи податной реформы, такъ какъ министерство финансовъ сообщило земскимъ собраніямъ, что ни одно изъ *основныхъ* началъ реформы не предрѣшено правительствомъ, изъ чего само собою вытекало заключеніе, что земство имѣетъ право обсуждать проектъ податной коммиссіи во всемъ его объемѣ.

Губернскія земскія управы и собранія обсудили проектъ податной комиссіи и черезъ губернаторовъ представили свои отзывы въ министерство финансовъ. Эти отзывы даютъ полную возможность судить о томъ, произошла ли какая-нибудь перемѣна въ образѣ мыслей и характерѣ убѣжденій русскаго образованнаго общества за послѣднее десятилѣтіе.

Просматривая отзывы земства по вопросу о податной реформѣ, мы видимъ, что общество и здѣсь оказалось въ такой же единодушной оппозиціи съ коммиссіей, составлявшей проектъ, въ какой оно находилось съ редакціонными коммиссіями; но на этотъ разъ оппозиція общества отличается совсѣмъ другимъ характеромъ. Земскія собранія почти единогласно, за исключеніемъ двухъ или трехъ собраній, признали неудовлетворительнымъ проектъ податной ко-

миссіи въ самыхъ его основаніяхъ, и не только не руководствовались при этомъ своими личными интересами, но дѣйствовали даже въ ущербъ своимъ ближайшимъ, непосредственнымъ выгодамъ. Всѣ земскія собранія указали на необходимость призвать къ отбыванію государственныхъ повинностей *всѣхъ* лицъ, живущихъ въ Россіи, безъ всякаго исключенія. Вотъ въ какомъ видѣ формулируютъ сущность отзывовъ земскихъ собраній составители „Краткаго свода" этихъ отзывовъ, изданнаго по распоряженію министра финансовъ: „Ставя коренныиъ началомъ финансовой реформы принципъ *всесословнаго налога*—говорятъ составители—земскія собранія объясняютъ, что они приняли это начало не только по требованіямъ справедливости, но главнымъ образомъ по чисто экономическимъ соображеніямъ, признавая неудовлетворительнымъ положеніе податныхъ классовъ, обремененныхъ непомѣрными государственными и другими сборами, положеніе, которое грозитъ въ будущемъ не только повсемѣстными недоборами въ податяхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ истощеніемъ производительныхъ силъ народа—земскія собранія пришли къ заключенію, что прежде всего слѣдуетъ навсегда отрѣшиться отъ дѣленія гражданъ на податныя и неподатныя сословія, дабы тѣмъ самымъ открыть новые источники на покрытіе государственныхъ расходовъ".

Представляя замѣчательное сходство въ своихъ главныхъ основаніяхъ, отзывы земскихъ собраній различаются между собою только тѣмъ, что въ однихъ изъ нихъ собранія ограничиваются только критикой проекта и заявленіемъ, что налоги должны быть взимаемы со всѣхъ сословій и платежныхъ силъ государства; въ другихъ же земство высказывается, кромѣ того, въ пользу той или другой системы обложенія, а въ третьихъ предлагаются даже проекты относительно самаго способа взиманія налоговъ. Такіе проекты выработаны земскими собраніями: владимірскимъ, московскимъ, нижегородскимъ, новгородскимъ, псковскимъ, самарскимъ, саратовскимъ, тверскимъ и херсонскимъ. Намъ нѣтъ надобности входить въ разсмотрѣніе этихъ проектовъ; для насъ гораздо интереснѣе прослѣдить, какими *мотивами* руководствовалось земство, признавая неудовлетворительнымъ проектъ податной реформы. Такъ какъ эти мотивы одни и тѣ же въ отзывахъ всѣхъ земскихъ собраній, то мы ограничимся сообщеніемъ лишь нѣкоторыхъ изъ числа тѣхъ, которые въ разное время появлялись въ печати.

Вотъ, напримѣръ, какого рода соображенія встрѣчаемъ мы въ

отзывѣ вологодской земской управы, единогласно одобренномъ земскимъ собраніемъ: „Вопросъ о податной реформѣ, говоритъ управа, затрогиваетъ всю экономическую сторону государства. Сельское населеніе, какъ извѣстно, составляетъ у насъ громадную часть всего населенія и степенью его благосостоянія опредѣляется степень благосостоянія государства вообще. Поэтому, разрѣшеніе вопроса о налогахъ на это населеніе имѣетъ существенную важность и должно быть въ смыслѣ возможнаго облегченія населенія отъ сборовъ, чтобы тѣмъ дать средство поднять экономическое положеніе крестьянъ. Между тѣмъ бывшій до сего времени подушный сборъ, такъ тяжело отзывавшійся на крестьянахъ, по проэкту остается на нихъ же, только съ лица переносится на имущество. Этимъ въ существѣ дѣла тяжесть налога не уменьшится. Какъ бы ни брали съ крестьянъ, съ душъ-ли, съ имущества-ли, но если имъ придется платить столько же, то для нихъ все равно—будетъ ли это подушная подать, или какая другая“. Указавши далѣе на несправедливость оставленія подушной подати на однихъ крестьянахъ, управа замѣчаетъ, что „если правительство такую повинность, какъ рекрутская, признало справедливымъ сдѣлать всесословной, на томъ основаніи, что всѣ должны участвовать въ защитѣ отечества, то по тому же самому слѣдуетъ признать, что всѣ сословія въ государствѣ должны одинаково нести расходы государства. Поэтому, сборъ долженъ быть отнесенъ на всѣ сословія безъ изъятія“. Въ заключеніе управа предлагаетъ установить налогъ подоходный, прогрессивный, при чемъ считаетъ необходимымъ освободить отъ налога всѣ доходы не выше 100 р.

Комиссія, выбранная изъ своей среды тамбовскимъ земствомъ, для разсмотрѣнія проэкта податной реформы, заявила, что справедливость требуетъ, дабы каждый подданный въ государствѣ, по мѣрѣ своихъ средствъ, отдавалъ часть своихъ прибылей на государственное благоустройство, подъ покровительствомъ котораго онъ, сообразно своему состоянію, получаетъ гарантію въ развитіи своихъ экономическихъ силъ; иначе будутъ лица, не участвующія въ государственныхъ расходахъ, а слѣдовательно хотя и подданные, но стоящіе внѣ государства и внѣ его дѣлъ. Разбирая затѣмъ проэктъ министерства финансовъ, комиссія нашла его неудовлетворяющимъ не только тѣмъ основаніямъ, которыя она признаетъ единственно справедливыми въ вопросѣ о налогѣ, но и тѣмъ цѣлямъ, которыя заявлены въ самомъ проэктѣ. Крестьянскій дворъ, который податная

комиссія предлагаетъ сдѣлать предметомъ налога, есть, по мнѣнію земской комиссіи, предметъ далеко не благосостоянія, а крайней необходимости и потому никакому налогу подлежать не долженъ.

Нижегородское земство заявило, что проэктъ податной комиссіи не представляетъ никакого облегченія для нынѣшняго податнаго сословія, такъ какъ онъ всю тяжесть податныхъ сборовъ оставляетъ на прежнихъ плательщикахъ—и въ этомъ заключается главнѣйшій его недостатокъ. Если земскіе сборы, лежавшіе прежде на однихъ крестьянахъ, разложены въ настоящее время на имущества всѣхъ сословій въ государствѣ; если рекрутская повинность, отбывавшаяся также одними крестьянами, преобразовывается въ повинность всесословную, то, безъ сомнѣнія, никакая другая реформа подушной системы немыслима и несвоевременна, кромѣ преобразованія ея въ повинность всесословную. Единственнымъ видомъ налога, которымъ можно замѣнить нынѣ-существующую подушную подать, земство считаетъ налогъ съ дохода всѣхъ гражданъ государства, какими бы способами онъ ни пріобрѣтался, начиная съ доходовъ чиновника отъ жалованья и кончая оброкомъ помѣщиковъ.

Еслибы мы стали приводить отзывы другихъ земскихъ собраній, то намъ пришлось бы повторять одно и тоже, такъ какъ всѣ они совершенно тожественны между собою. Въ обсужденіи податной реформы земство обнаружило точно такое же единомысліе, какое обнаружило дворянство при обсужденіи реформы крестьянской.

Мы замѣтили выше, что различіе между земствомъ и дворянствомъ въ настоящемъ случаѣ есть только кажущееся, что, въ сущности, обѣ реформы обсуждались однимъ и тѣмъ же классомъ общества. И дѣйствительно, не говоря уже о томъ, что образованные элементы въ земствѣ принадлежатъ пока исключительно къ дворянскому сословію, надо обратить вниманіе еще на то, что податной проэктъ обсуждался не уѣздными, а *губернскими* земскими собраніями, члены которыхъ почти исключительно дворяне-землевладѣльцы. Но мы имѣемъ еще одно весьма убѣдительное доказательство въ пользу того, что мнѣніе о податной реформѣ, выраженное земствомъ, есть мнѣніе дворянства; это—отзывы по тому же вопросу губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, которыя должны были разсмотрѣть мнѣнія земскихъ собраній и сдѣлать о нихъ свое заключеніе. Губернскія присутствія не только фактически, но и по закону составлены *ис-*

ключительно изъ лицъ дворянскаго сословія, слѣдовательно выраженныя ими мнѣнія суть мнѣнія дворянства.

Разсматривая мнѣнія губернскихъ присутствій, мы почти ни въ одномъ изъ нихъ не встрѣчаемъ одобрительныхъ отзывовъ о податномъ проэктѣ, составленномъ министерствомъ финансовъ. Правда, нѣкоторыя присутствія уклонились отъ оцѣнки земскихъ мнѣній, но за то значительное большинство ихъ рѣшительно присоединилось къ заявленіямъ губернскихъ земскихъ собраній. Нѣкоторыя присутствія, выражая полное свое согласіе съ мнѣніями земства, прямо указывали на тотъ «знаменательный фактъ», что заключенія земскихъ собраній о необходимости всесословнаго налога вотированы въ составѣ гласныхъ, принадлежащихъ исключительно къ сословіямъ, избавленнымъ отъ подушныхъ сборовъ. Другія, соглашаясь съ мнѣніями земства, считали нужнымъ и съ своей стороны высказать соображенія, подтверждающія справедливость земскихъ отзывовъ. Такъ, симбирское губернское присутствіе заявило, что подати чрезмѣрно обременяютъ сельское населеніе, поглощая всѣ доходы отъ земли и заработковъ; такое отягощеніе, по мнѣнію присутствія, служитъ главной причиной того печальнаго факта, что вмѣсто постепеннаго экономическаго и нравственнаго развитія крестьянъ замѣтно едва-ли не обратное явленіе, парализующее собою всѣ мѣры улучшенія, принимаемыя правительствомъ, которыя разбиваются безслѣдно о глубокую нужду крестьянскаго населенія. Въ обществѣ—говоритъ присутствіе,—распространена мысль, что пьянство раззоряетъ крестьянъ; поэтому, нельзя не сослаться на указанія опыта, который свидѣтельствуетъ, что, напротивъ, бѣдность есть причина пьянства, по крайней мѣрѣ въ сельскомъ населеніи. Нижегородское присутствіе, соглашаясь съ мнѣніемъ мѣстнаго земства, подтверждаетъ и съ своей стороны, что народонаселеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ Нижегородской губерніи находится въ крайности отъ несоразмѣрности податей съ платежными средствами. Новгородское заявляетъ, что экономическое положеніе податныхъ классовъ необходимо вызываетъ потребность въ установленіи всесословнаго налога. Тверское, имѣя въ виду значительную цифру недоимокъ, лежащихъ на крестьянахъ, выражаетъ полное сочувствіе къ мысли о введеніи всесословнаго налога, и т. д.

Считая, такимъ образомъ, вполнѣ доказаннымъ тотъ фактъ, что обѣ реформы—крестьянская и податная — обсуждались однимъ и тѣмъ же классомъ общества, и сопоставляя отзывы, вызванные

проэктами податной и редакціонныхъ комиссій, мы должны прійти къ заключенію, что въ теченіе минувшаго десятилѣтія въ образѣ мыслей русскаго общества произошла существенная, радикальная перемѣна, и притомъ въ прогрессивномъ направленіи. Въ началѣ десятилѣтія образованное общество упорно отстаивало неприкосновенность своихъ исключительныхъ правъ и своего привилегированнаго положенія—въ концѣ того же десятилѣтія оно настойчиво доказываетъ необходимость уничтоженія послѣдней экономической привилегіи, какою оно еще пользуется насчетъ крестьянскаго населенія. Тогда оно соглашалось,—по крайней мѣрѣ, въ лицѣ многихъ своихъ представителей,—отпустить на волю крѣпостныхъ не иначе, какъ за «соотвѣтственное вознагражденіе»—теперь оно добровольно, никѣмъ не вынуждаемое, соглашается взять на себя часть повинностей, лежащихъ на сельскомъ населеніи, и даже само доказываетъ необходимость такой мѣры интересами народа, общества, государства. Тогда оне не понимало, какъ можетъ правительство распоряжаться его собственностью, хотя бы даже въ видахъ государственной необходимости—теперь оно заявляетъ, что никакія частныя улучшенія въ подушной системѣ не достигнутъ цѣли, пока къ платежу повинностей не будутъ привлечены всѣ доходы въ государствѣ, въ томъ числѣ и «оброки помѣщиковъ». Тогда оно являлось началомъ консервативнымъ, въ сравненіи съ правительственнымъ проэктомъ,—теперь оно явилось началомъ прогрессивнымъ.

Какими же вліяніями произведена эта знаменательная, рѣзкая перемѣна во взглядахъ русскаго образованнаго общества на одинъ изъ важнѣйшихъ и наиболѣе щекотливыхъ соціальныхъ вопросовъ?

Нельзя отрицать, что здѣсь не послѣднюю роль играла періодическая литература, которая съ рѣдкимъ единодушіемъ и настойчивостью разъясняла обществу важность рѣшенія податнаго вопроса въ земскомъ, безсословномъ духѣ. Едва сдѣлалось извѣстно, что проэктъ податной реформы будетъ переданъ на обсужденіе земскихъ собраній, какъ всѣ органы печати поспѣшили высказать надежду, что земство рѣшитъ этотъ вопросъ сообразно потребностямъ Россіи, отрѣшившись отъ всякихъ сословныхъ, одностороннихъ соображеній. При этомъ печать подвергла обстоятельной критической оцѣнкѣ проэктъ податной комиссіи и доказала его неудовлетворительность во всѣхъ отношеніяхъ. Настойчивость, съ какой проводила печать эту мысль, не могла, конечно, не принести плодовъ и естественно должна была повліять на рѣшенія земскихъ собраній.

Но было бы большой ошибкой объяснять поворотъ въ убѣжденіяхъ русскаго общества однимъ вліяніемъ періодической печати. Вѣдь и передъ крестьянской реформой печать точно также старалась вліять на общественное мнѣніе, однакоже, это не помѣшало образоваться энергичной и сильной оппозиціи въ средѣ дворянскихъ депутатовъ, которые, какъ мы видѣли, не стѣснялись ничѣмъ въ выраженіи своего недовольства трудами редакціонныхъ комиссій. Значитъ, было нѣчто такое, что и помимо печати вліяло на земскихъ гласныхъ, что придавало вѣсъ и значеніе доводамъ періодической литературы. Этимъ «нѣчто» было — *собственное сознаніе* земскихъ гласныхъ, что современное экономическое положеніе народа дѣйствительно печально и требуетъ рѣшительныхъ мѣръ со стороны государства; а такое сознаніе могло явиться въ образованномъ обществѣ только подъ вліяніемъ тѣхъ новыхъ отношеній къ народу и государству, въ какія оно поставлено правительственными реформами. Пока дворянство стояло въ исключительномъ положеніи, пока оно пользовалось привилегіей жить на готовыя деньги и ничего не платить за услуги, оказываемыя ему государствомъ, до тѣхъ поръ оно относилось къ народно-экономическимъ вопросамъ съ узко эгоистической точки зрѣнія. Когда же оно сдѣлалось однимъ изъ элементовъ земства и стало участвовать въ нѣкоторыхъ повинностяхъ, когда ему пришлось сталкиваться съ народомъ въ качествѣ не барина, а такого же плательщика, какъ и народъ — оно не могло мало по малу не прійти къ убѣжденію, что собственныя выгоды высшихъ классовъ заставляютъ желать улучшенія экономическаго быта народа. Правда, это убѣжденіе не настолько еще окрѣпло въ обществѣ, чтобы могло руководить имъ во всѣхъ его повседневныхъ сношеніяхъ съ народомъ; но оно во всякомъ случаѣ настолько уже созрѣло, что должно было оказать извѣстное вліяніе, когда дворянству пришлось участвовать въ обсужденіи податнаго вопроса. Кромѣ того, дворянство не могло не понимать, что реформа, предложенная податной комиссіей, есть не больше, какъ полу-мѣра, и что раньше или позже подушная повинность должна будетъ подвергнуться той же участи, какой подверглись повинности земскія и готова подвергнуться повинность рекрутская. Все это вмѣстѣ и заставило земскихъ гласныхъ высказаться рѣшительнымъ образомъ въ пользу разложенія подушной подати на всѣ сословія, на всѣхъ гражданъ «безъ изъятія».

И такъ, сдѣланное нами сопоставленіе несомнѣнно доказываетъ,

что преобразованія минувшаго десятилѣтія измѣнили не однѣ лишь формы, коснулись не одной лишь внѣшности и что подъ ихъ вліяніемъ во взглядахъ общества на одинъ изъ капитальнѣйшихъ вопросовъ нашей жизни произошла существенная перемѣна. Но оно *только это* и доказываетъ. Еслибы мы, основываясь на нашемъ сопоставленіи, стали утверждать вмѣстѣ съ крайними оптимистами, что у насъ все идетъ превосходно, что кромѣ различнаго рода частныхъ улучшеній мы уже ни въ чемъ не нуждаемся, что нашему дальнѣйшему развитію не грозятъ никакія препятствія, что отнынѣ вопросъ нашего народнаго благополучія есть вопросъ только времени, то намъ пришлось бы впасть въ явное противорѣчіе съ живою дѣйствительностью, съ фактами, совершающимися у всѣхъ на глазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, можно ли считать дѣло нашего развитія упроченнымъ, а нашу жизнь—получившей нормальное направленіе, когда передъ нами происходятъ явленія, которыя не могутъ не тревожить каждаго, которыя несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что у насъ что-то не ладно, чего-то недостаетъ, что мы еще нуждаемся въ чемъ-то очень важномъ, очень существенномъ. Прослѣдивъ мелькомъ нѣсколько подобнаго рода явленій, мы увидимъ, что они совсѣмъ не удовлетворяютъ цѣлямъ правительственныхъ реформъ и никакъ не свидѣтельствуютъ въ пользу нашего прогрессивнаго развитія.

Взглянемъ на нашу періодическую литературу. Еслибы развитіе ея шло правильнымъ, прогрессивнымъ путемъ, то она въ настоящее время должна бы была пользоваться такимъ значеніемъ въ обществѣ, какимъ не пользовалась литература, напримѣръ, конца пятидесятыхъ и начала шестидесятыхъ годовъ. Между тѣмъ, въ дѣйствительности мы видимъ совершенно обратное. Несмотря на нѣкоторыя важныя права, какими обладаетъ нынѣшняя періодическая печать въ сравненіи съ тогдашней, несмотря на то, что по закону она имѣетъ возможность всесторонне обсуждать такіе вопросы, какихъ не могла и касаться десять лѣтъ тому назадъ—ея значеніе въ обществѣ нетолько не увеличилось, но едвали даже не уменьшилось. Сильные литературные таланты совсѣмъ исчезли, критики не существуетъ, а публицистика обратилась въ искусство составленія обстоятельныхъ докладовъ, написанныхъ почти канцелярскимъ языкомъ; *идеи* точно также исчезли изъ литературы, а мѣсто ихъ заступили извѣстныя *соображенія*, которыми исключительно и руководствуются публицисты въ своей дѣятельности. Все это никакъ не говоритъ въ пользу прогрессивнаго развитія нашей печати.

Взглянемъ на земство. Если мы сравнимъ два періода въ дѣятельности земскихъ учрежденій—нынѣшній и лѣтъ за шесть назадъ,—то и здѣсь придемъ къ неутѣшительнымъ результатамъ. Тогда мы видѣли передъ собой людей увлеченныхъ, заинтересованныхъ своей дѣятельностью, людей, которые къ чему-то стремились, чего-то желали, которые хотя нерѣдко и ошибались, но все-таки работали, да и ошибались-то потому именно, что работали самостоятельно. Теперь такіе люди исчезли, а съ ними исчезла и всякая инициатива въ дѣятельности земскихъ учрежденій. Въ большинствѣ случаевъ, земскія управы обратились въ бюрократическія канцеляріи, въ которыхъ составляются земскія смѣты и раскладки, но которыя лишь въ исключительныхъ случаяхъ заявляютъ о себѣ какимъ-нибудь самостоятельнымъ, полезнымъ дѣломъ. Въ то же время, и общество перестало интересоваться земскими дѣлами, такъ что дѣятельность земскихъ учрежденій происходитъ теперь въ очень ограниченномъ кругу, почти не оказывая никакого развивающаго вліянія на общество. Бюрократизмъ въ дѣятельности земства достигъ такихъ размѣровъ, что многія земскія собранія и управы совсѣмъ перестали знакомить мѣстное населеніе съ положеніемъ земскихъ дѣлъ, такъ что даже тѣ, кто желаетъ и ищетъ подобнаго рода свѣдѣній, не могутъ ихъ получить и принуждены ограничиваться заявленіемъ своихъ жалобъ посредствомъ печати. Такимъ образомъ и здѣсь мы видимъ такія явленія, которыхъ никакъ нельзя было ожидать при образованіи земскихъ учрежденій и которыя не могли входить въ разсчеты законодателя, вводившаго въ земскую жизнь начала самоуправленія.

Заглянемъ въ другія сферы общественной жизни, напримѣръ, въ университеты: что́ мы здѣсь увидимъ? Чуть не половину вакантныхъ кафедръ и нескончаемыя „профессорскія исторіи" съ одной стороны, съ другой—хроническія вздрагиванія въ средѣ учащейся молодежи, недовольство кѣмъ-то или чѣмъ-то—и ничего установившагося. Не смотря на реформы въ уставахъ, наша университетская жизнь до сихъ поръ не могла уложиться въ опредѣленныя формы, до сихъ поръ не успѣла принять такого направленія, о которомъ всякій могъ бы сказать: „ну, теперь, слава Богу, все идетъ хорошо, все устроилось къ общему благополучію".

А что такое наша провинція? Измѣнился-ли общій ея характеръ за послѣднія десять лѣтъ, оживилась-ли ея внутренняя жизнь, осмыслились-ли ея интересы, имѣетъ-ли она хоть какую-нибудь лите-

ратуру? На эти вопросы отвѣчаютъ массы провинціальныхъ корреспонденцій, печатаемыхъ въ столичныхъ изданіяхъ. Прочтите ихъ— и вы убѣдитесь, что *по общему характеру* своему провинція и теперь та же, какою она была пять, десять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, что временами она какъ будто оживляется, но тотчасъ же снова приходитъ въ свое нормальное, неподвижное состояніе.

Однимъ словомъ, если бы мы не имѣли возможности сдѣлать того сопоставленія, какое сдѣлано нами выше, то легко можно бы было подумать, что пессимисты дѣйствительно правы, что правительственныя реформы только скользнули по поверхности нашего общества, не произведя въ немъ никакихъ существенныхъ перемѣнъ, что подъ новой оболочкой сохранилось во всей своей неприкосновенности прежнее содержаніе. Чѣмъ объяснить такую явную несообразность? Чѣмъ объяснить, что, при всей раціональности основныхъ реформъ, онѣ сдѣлали такъ мало для нашего общественнаго развитія? Чѣмъ объяснить тотъ повидимому необъяснимый фактъ, что при сравненіи двухъ періодовъ—начала и конца „десятилѣтія реформъ", — приходится отдавать предпочтеніе не послѣднему передъ первымъ, а наоборотъ?

Прежде, чѣмъ отвѣтить на эти вопросы, мы должны сдѣлать замѣчаніе по поводу одного обстоятельства, которое постоянно упускается изъ виду, когда сравниваютъ наше время съ концомъ пятидесятыхъ и началомъ шестидесятыхъ годовъ. Дѣлая такое сравненіе и указывая при этомъ на грандіозность тогдашнихъ и мелочность нынѣшнихъ общественныхъ задачъ, у насъ постоянно забываютъ, что каждая эпоха имѣетъ свои собственныя задачи, характеръ которыхъ обусловливается прежде всего размѣрами тѣхъ препятствій, которыя приходится преодолѣть, чтобъ сдѣлать возможнымъ развитіе общества въ прогрессивномъ направленіи. Эпоха пятидесятыхъ годовъ, по силѣ общественнаго возбужденія, дѣйствительно не имѣла и не имѣетъ ничего себѣ подобнаго въ русской жизни. Но это возбужденіе прямо зависѣло отъ того, что тогда обсуждался одинъ изъ тѣхъ общественныхъ вопросовъ, которые назрѣваютъ вѣками и рѣшеніе которыхъ даетъ себя чувствовать во всѣхъ частяхъ общественнаго организма. При томъ же, тогда все читающее и размышляющее общество ясно сознавало, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права русская жизнь вступитъ на совершенно новую дорогу, что это будетъ не частное улучшеніе, но

коренной переворотъ, что за нимъ начнется новая жизнь, не похожая на старую. О томъ, какова именно будетъ эта жизнь, никто не считалъ нужнымъ думать; всѣ довольствовались сознаніемъ, что она будетъ во всѣхъ отношеніяхъ лучше старой—а разные частные вопросы оставлялись въ сторонѣ и откладывались на будущее время. Когда же крестьянская реформа совершилась и наступила пора менѣе видной и болѣе кропотливой работы, когда вмѣсто одного грандіознаго явилось нѣсколько частныхъ, менѣе грандіозныхъ вопросовъ—общественная возбужденность ослабѣла, интересъ къ общественнымъ вопросамъ уменьшился и соціальныя задачи сдѣлались менѣе увлекательными. Этимъ замѣчаніемъ мы хотимъ напомнить, что, сравнивая нашу жизнь съ жизнью пятидесятыхъ годовъ, необходимо принимать въ разсчетъ тѣ *исключительныя* условія, которыя вліяли на характеръ тогдашней жизни и которыхъ уже не существуетъ въ настоящее время.

Но, и принимая во вниманіе эти условія, мы все-таки должны признать, что современная русская жизнь далеко не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ которыя всякій имѣетъ право ей предъявить, основываясь на цѣломъ рядѣ реформъ, явившихся въ минувшее десятилѣтіе. Мы должны признать, что почти каждая изъ этихъ реформъ при своемъ появленіи возбуждала въ обществѣ самыя свѣтлыя надежды и горячее сочувствіе—со стороны, по крайней мѣрѣ, наиболѣе образованныхъ элементовъ—а спустя нѣсколько лѣтъ многихъ разочаровывала и не оправдывала большей части тѣхъ надеждъ, которыя на нее возлагались. Чѣмъ объяснить это явленіе? Общественной разслабленностью, укоренившейся въ обществѣ привычкой жить по старому и упорною неподатливостью, о которую приходится разбиваться лучшимъ намѣреніямъ правительства? Несомнѣнно, что неподатливости и привычкѣ принадлежитъ значительная доля участія въ томъ явленіи, на которое мы указываемъ, но объяснять это явленіе только ими одними было бы ошибкой. Выше мы убѣдились самымъ несомнѣннымъ образомъ, что новыя условія жизни не остаются безъ вліянія на наше образованное общество; слѣдовательно, какъ бы ни были велики разслабленность и апатія нашего общества, они все-таки способны уменьшаться подъ вліяніемъ ряда послѣдовательныхъ реформъ. Но въ томъ-то и дѣло, что нѣкоторыя своеобразныя черты этихъ реформъ мало ослабляли дурное вліяніе общественныхъ привычекъ. Если мы прослѣдимъ развитіе

каждой изъ новѣйшихъ реформъ, съ перваго ея появленія на свѣтъ до нашихъ дней, то увидимъ, что измѣненія, которымъ она подвергалась отъ времени до времени, имѣютъ цѣлью не развитіе ея въ прогрессивномъ направленіи, какъ слѣдовало бы ожидать, а напротивъ, разнаго рода ограниченія въ наиболѣе существенныхъ ея частяхъ. Этотъ процесъ не минулъ даже судебной реформы, хотя она менѣе всѣхъ другихъ подверглась измѣненіямъ. Но главнымъ образомъ они коснулись учрежденія, которое представляется намъ наиболѣе важнымъ по своему соціальному значенію и по тому вліянію, какое оно могло и должно было имѣть на общество, именно—земство. Со времени изданія Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, появилось очень много дополнительныхъ къ нему циркуляровъ и законовъ. Большинство изъ нихъ касаются вопросовъ частныхъ, имѣющихъ второстепенное значеніе; но есть между ними и такіе, которые затрогиваютъ самыя существенныя стороны земскихъ учрежденій. Какого же рода эти послѣдніе законы и какова ихъ цѣль? Прибавили-ли они что-нибудь новое къ тому, что уже было дано ранѣе, расширили-ли кругъ земской дѣятельности, сообщили-ли ей болѣе опредѣленный характеръ? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно. Законы, о которыхъ мы говоримъ, не только не способствовали упроченію земской самостоятельности, но имѣли совершенно обратное дѣйствіе. Таковъ законъ 30 мая 1866 года, лишившій земскія собранія права назначать содержаніе гласнымъ; таковъ законъ 21 ноября того же года, ограничившій права земства по обложенію нѣкоторыхъ родовъ имущества; таковы два закона отъ 13 іюня 1867 года о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ и о порядкѣ печатанія ихъ постановленій. Если мы припомнимъ обстоятельства, при которыхъ явились перечисленные законы, то увидимъ, что они имѣли въ виду частныя цѣли и потому должны были имѣть, повидимому, только частное значеніе. Но въ дѣйствительности оказалось, что эти законы стѣснили земство въ самыхъ существенныхъ его правахъ. Вліяніе, какое они имѣли на практикѣ, было двоякаго рода: названные выше законы, во первыхъ, отразились непосредственно на дѣятельности земства; такъ, одинъ изъ нихъ значительно уменьшилъ доходы земства, другой устранилъ крестьянъ изъ губернскихъ собраній, а остальные два ввели бюрократизмъ въ дѣятельность земства; во-вторыхъ,—и это самое главное, — они значительно поколебали въ обществѣ

кредитъ земскихъ учрежденій. Подъ вліяніемъ этихъ ограничительныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ вскорѣ же за образованіемъ земства, въ обществѣ сталъ складываться взглядъ на земство какъ на учрежденіе весьма непрочное, и газеты не разъ заявляли, что земство въ иныхъ мѣстахъ считается „вздоромъ“ и „пустяками“; нѣкоторые предсказывали даже съ полной увѣренностью, что черезъ нѣсколько лѣтъ отъ земства не останется и слѣдовъ и все опять пойдетъ по старому. Такое безотрадное, хотя и нелѣпое отношеніе къ земству не могло, конечно, не создать въ обществѣ того охлажденія къ земскимъ учрежденіямъ, которое такъ огорчаетъ всѣхъ, имъ сочувствующихъ. Очевидно, что перечисленнымъ нами законамъ былъ приданъ характеръ реакціонныхъ мѣропріятій, имѣвшихъ цѣлью не только *регулированіе* земской дѣятельности, но *ограниченіе* тѣхъ ея размѣровъ, какіе были установлены положеніемъ о земствѣ. Такое толкованіе возможно было вслѣдствіе того, что дополнительные законы къ земскому Положенію выходили не изъ тѣхъ *принциповъ*, на которыхъ построено Положеніе, и даже находились съ ними въ довольно замѣтномъ противорѣчіи.

Мы могли бы привести еще нѣсколько примѣровъ въ доказательство справедливости той мысли, что у насъ не всѣ реформы строго согласованы одна съ другою, что послѣдующія мѣропріятія иногда противорѣчатъ предыдущимъ, потому что исходятъ изъ различныхъ принциповъ. Но мы ограничимся указаніемъ на фактъ, въ которомъ эта непослѣдовательность обнаружилась съ особенной рѣзкостью и о которомъ мы уже говорили выше. Еслибы у насъ строго держались принциповъ, положенныхъ въ основаніе крестьянской реформы, и еслибы каждое новое преобразованіе въ области соціально-экономическихъ отношеній составляло дальнѣйшее развитіе этихъ принциповъ, то, конечно, такое явленіе, какъ проектъ податной коммисіи, было бы совершенно невозможно. Несоотвѣтствіе проэкта общему духу правительственныхъ реформъ такъ рѣзко бросается въ глаза, что его не могли не замѣтить даже тѣ, для которыхъ непослѣдовательность податной комиссіи могла бы быть скорѣе пріятна, чѣмъ непріятна. Мы видѣли выше, что нѣкоторыя земскія собранія въ своихъ отзывахъ прямо высказались въ томъ смыслѣ, что если правительство сочло своевременнымъ переложить на всѣ сословія земскіе сборы и даже такую повинность, какъ рекрутская, намѣрено сдѣлать всесословной, то простая логика, не

говоря уже о прочихъ побужденіяхъ, заставляетъ желать, чтобы и подати были разложены точно также на всѣ сословія. Правда, само правительство, передавая проэктъ податной реформы на обсужденіе земскихъ собраній, заявило, что ни одно изъ основныхъ положеній этого проэкта не предрѣшено заранѣе; тѣмъ не менѣе, уже самый фактъ составленія проэкта въ сословномъ духѣ—послѣ цѣлаго ряда реформъ въ противоположномъ смыслѣ—вполнѣ подтверждаетъ высказанную выше мысль. При томъ же, сколько извѣстно, податной вопросъ до сихъ поръ нельзя считать рѣшеннымъ въ принципіальномъ отношеніи; мы и теперь еще не знаемъ, въ какомъ направленіи состоится давно ожидаемая реформа, въ сословномъ или безсословномъ.

На основаніи изложенныхъ нами фактовъ и соображеній мы можемъ слѣдующимъ образомъ отвѣтить на вопросы, поставленные въ началѣ нашей статьи:

Ошибаются тѣ, которые утверждаютъ, что въ русскомъ обществѣ не произошло никакихъ существенныхъ перемѣнъ за послѣднее десятилѣтіе и что правительственныя преобразованія измѣнили только внѣшнія формы, не коснувшись внутренняго ихъ содержанія. Мы видимъ, что общество развивается, идетъ впередъ, что въ немъ утверждается вполнѣ раціональное, плодотворное отношеніе къ важнѣйшимъ вопросамъ нашей жизни. Этотъ фактъ, важный и самъ по себѣ, долженъ имѣть особенное значеніе для тѣхъ, которые, проникшись пессимистическимъ взглядомъ на русскую жизнь и ссылаясь на кажущуюся мелочность нынѣшнихъ общественныхъ задачъ, устраняютъ себя отъ дѣятельнаго участія въ судьбахъ современнаго общества и становятся въ ряды простыхъ зрителей. Какъ бы мелочны, повидимому, ни были эти задачи, но ихъ нельзя оставлять безъ вниманія, нельзя относиться къ нимъ пренебрежительно, потому что онѣ имѣютъ очень серьезное значеніе въ современномъ обществѣ и отъ правильнаго, своевременнаго ихъ разрѣшенія зависитъ все будущее нашего отечества. Мы видимъ также, что работа прогрессивныхъ дѣятелей для современнаго общества не остается безплодною, какъ полагаютъ пессимисты, но приноситъ пользу и слѣдовательно вполнѣ вознаграждаетъ тѣхъ, которые посвящаютъ ей свои способности и силы.

Но не менѣе ошибаются и тѣ, которые полагаютъ, что современное русское общество есть нѣчто вполнѣ установившееся и

окрѣпшее въ своихъ новыхъ формахъ, что всѣ важнѣйшія вопросы у насъ уже рѣшены и что современныя условія нашей жизни вполнѣ *нормальны*. Быть можетъ они дѣйствительно могли бы въ настоящее время быть вполнѣ нормальными, еслибъ сила, сообщившая движеніе нашей жизни, продолжала свое дѣйствіе постоянно, неуклонно, непрерывно, въ одномъ и томъ же исправленіи, еслибъ то воспитательное вліяніе, какое имѣютъ реформы на общество, не ослаблялось съ теченіемъ времени, но усиливалось. Но могутъ-ли считаться нормальными тѣ условія, при которыхъ возможны такія перестановки во взаимномъ положеніи воспитывающихъ и воспитываемыхъ элементовъ, какія мы видимъ въ началѣ и концѣ минувшаго десятилѣтія? уже одинъ этотъ фактъ, не говоря о множествѣ другихъ, вполнѣ доказываетъ несостоятельность взглядовъ нашихъ оптимистовъ.

Общій выводъ изъ всего выше сказаннаго таковъ: разрабатывая частные, практическіе вопросы, выдвигаемые нашей жизнью, не слѣдуетъ забывать, что у насъ еще не рѣшенъ окончательно общій, главный вопросъ—вопросъ о *направленіи*, въ какомъ должно совершаться дальнѣйшее развитіе русскаго общества. И пока этотъ вопросъ будетъ оставаться нерѣшеннымъ—какъ въ теоріи, такъ въ особенности на практикѣ — до тѣхъ поръ условія нашей жизни не могутъ считаться вполнѣ нормальными.

ЗНАЧЕНІЕ ПОДАТНОЙ РЕФОРМЫ.

Исторія русскаго податного вопроса есть исторія русскаго безденежья и русскаго международнаго слабосилія. Многія земства, обсуждая податную реформу, взывали къ чувствамъ и приводили моральные мотивы; но податной вопросъ не есть вопросъ чувства; онъ долженъ быть реформированъ не потому, что въ Россіи есть благородные люди, которымъ невыносимо дѣленіе себѣ-подобныхъ на податныхъ и неподатныхъ; онъ долженъ быть измѣненъ потому же, почему сельскій хозяинъ измѣняетъ систему полеводства — истощенная земля перестаетъ производить. Платежные источники истощаются также.

Петра I обвиняютъ за введеніе подушной подати. Петра не поняли ни его современники, ни еще меньше его потомки. Петръ дѣйствительно велѣлъ брать съ души и въ ревизію вносить «отъ стараго до послѣдняго младенца». Но «младенца» Петръ не облагалъ налогомъ; Петръ заставлялъ платить не безтѣлесную душу, а душу какъ экономически производительную единицу. Петръ хотѣлъ, чтобы платежи распредѣлялись «по состоянію натуры и обстоятельству провинцій, по цѣнѣ полевыхъ плодовъ и прочихъ товаровъ и по другимъ потребнымъ резонамъ и обрѣтающимся обстоятельствамъ; чтобы между великими и нижними, убогими и богатыми по препорціи, надлежащее равенство въ осмотрѣніи имѣть и никто бъ отъ надлежащаго болѣе уволенъ или отягченъ не былъ, ибо ежели оное учинится, то утѣсненные-убогіе дворы оставятъ, а государственные доходы со временемъ весьма умалятся».

Народъ такъ и понялъ Петра, установивъ раскладку по своему собственному, безгласному и не утвержденному никѣмъ кадастру. Петра не поняли только исполнители; отъ нихъ-то «скорбь конечная», на которую жаловался народъ. Дурная организація системы взиманія привела къ тому, что уже Екатерина I писала: «извѣстно намъ учинилось, что нашей Имперіи крестьяне, на которыхъ содержаніе войска положено, въ великой скудости находятся и отъ великихъ податей и непрестанныхъ экзекуцій и другихъ непорядковъ въ крайнее и всеконечное раззореніе приходятъ». Та же императрица задавалась вопросомъ, ка́къ «сноснѣе» для народа распредѣлить подати: «съ душъ, или тотъ платежъ съ двороваго числа, или съ тяголъ, или съ земли положить». Послѣ смерти Екатерины I, коммисія, назначенная для разрѣшенія этого вопроса, была распущена, не окончивъ своего дѣла. При Петрѣ III тотъ же вопросъ былъ поднятъ снова. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ доносилъ сенату, что порядокъ сбора податей и взысканіе недоимокъ крайне отягощаютъ народъ и что отъ этихъ мѣръ недоимки не только не уменьшаются, «но паче умножаются». При императорѣ Павлѣ, въ указѣ 1797 г., высказывается мысль о необходимости обложенія налогомъ всѣхъ сословій. Павелъ говоритъ: такъ какъ дворянство, «сей знатнѣйшій чинъ государственный паче прочихъ ощутилъ монаршую милость», и такъ какъ государственные расходы превышаютъ доходы, то и нужно, чтобы дворянство способствовало общимъ надобностямъ «отъ собственныхъ своихъ стяжаній». Съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ наступаетъ уже практика этого, до тѣхъ поръ теоретическаго вопроса, вводится кадастръ и начинается переложеніе подати съ душъ на землю и промыслы. Наконецъ 10 іюля 1859 года учреждена по Высочайшему повелѣнію при министерствѣ финансовъ коммисія для пересмотра системы податей и сборовъ. Коммисія пришла къ рѣшенію, что «отмѣна душевыхъ сборовъ и устройство ихъ на другихъ основаніяхъ является дѣломъ неотложно необходимымъ, въ видахъ какъ облегченія податной массы населенія, такъ и обезпеченія лучшаго поступленія доходовъ казны».

Рядомъ съ постояннымъ стремленіемъ правительства облегчать тягость народныхъ платежей, мы видимъ такое же постоянное стремленіе къ возвышенію подушной подати. Причины всегда были одни: увеличеніе государственныхъ потребностей и преимущественно—усиленіе расходовъ на армію. Когда въ 1794 году императрица Екате-

рина II увеличила подушную подать, она мотивировала свое положеніе слѣдующимъ образомъ: «всѣмъ извѣстно, что, съ одной стороны, съ умноженіемъ денежнаго обращенія, возвысится и цѣна на всѣ вещи, слѣдовательно и удобность для крестьянина къ пріобрѣтенію посредствомъ земледѣлія и другихъ хозяйственныхъ упражненій не въ той уже находится соразмѣрности; съ другой же — увеличеніе арміи соотвѣтственно обширности и достоинству имперіи сопрягаетъ съ собою необходимое умноженіе издержекъ на важную часть сію, обезпечивающую покой и благоденствіе вѣрныхъ подданныхъ отъ всякихъ непріятелей». И та и другая мысль вѣрны теоретически: необходимость усиленія арміи требуетъ большихъ средствъ на ея содержаніе, а развитіе экономическихъ средствъ народа даетъ правительству право требовать отъ народа большихъ денежныхъ жертвъ. Практика вопроса оказалась однако иною.

Увеличеніе арміи шло у насъ въ такой постепенности:

При Петрѣ I	въ 1724 г.	195,850	чел.
» Аннѣ Іоанновнѣ	» 1740 »	246,557	»
» Елизаветѣ Петровнѣ	» 1756 »	338,354	»
» Екатеринѣ II	» 1796 »	496,000	»
» Александрѣ I	» 1812 »	876,620	»
» Николаѣ I	» 1855 »	1,527,748	»
» Александрѣ II			
	содержится въ мирное время	732,829	»
	полагается въ военное время	1,173,879	»

Предстоящая общая военная повинность должна значительно увеличить цифру личнаго состава арміи въ военное время.

Государственные доходы и расходы за тѣ же періоды представляютъ слѣдующія цифры:

въ концѣ царствованія Петра I:
доходъ 14,536,000 р. расходъ 14,873,000 руб.
въ началѣ царствованія императрицы Екатерины II:
доходъ 20,458,000 р. расходъ 20,368,000 руб.
въ 1800 году:
доходъ 65,700,000 р. расходъ 63,100,000 руб.
въ 1812 году:
доходъ 82,996,000 р. расходъ 85,548,000 руб.

въ 1855 году:

доходъ 264,119,000 р. расходъ 525,969,000 руб.

въ 1869 году:

доходъ 457,496,000 р. расходъ 468,797,000 руб.

Подушная подать увеличивается въ слѣдующемъ размѣрѣ:

Послѣ первой переписи, окончившейся въ 1726 г., съ 5,000,000 душъ мужскаго пола, было назначено съ души по 80 к., а съ купцовъ и разночинцевъ по 1 р. 20 к.; при императрицѣ Екатеринѣ I окладъ этотъ уменьшенъ до 70 к. При императрицѣ Елизаветѣ сборъ былъ въ началѣ уменьшенъ на 10 к.; но потомъ снова возвышенъ до 70 к. При Екатеринѣ II, по случаю турецкой войны, увеличена подушная подать купцовъ и сборъ этой прибавки прекращенъ со введеніемъ, въ 1775 году, гильдейскихъ пошлинъ. Въ 1794 г. подушный окладъ съ мѣщанъ возвышенъ до 2 р. съ души, а съ крестьянъ въ большей части губерній до 1 р.; въ остальныхъ—подушная подать составляла 85 к.; но крестьяне обязаны были вносить еще извѣстное количество ржи и крупъ. Императоръ Павелъ I отмѣнилъ хлѣбный сборъ и замѣнилъ его денежнымъ; затѣмъ, для поправленія государственныхъ финансовъ, надбавилъ на душу по 26 к. съ крестьянъ и по 50 к. съ мѣщанъ. Въ то же время Павелъ обложилъ и дворянъ, возложивъ на нихъ содержаніе присутственныхъ мѣстъ, на что было назначено 1,640.000 руб. Императоръ Александръ I отмѣнилъ сборъ съ помѣщиковъ и переложилъ его на крестьянъ, что составило надбавки по 18 к. на душу. Въ 1810 г. окладъ на крестьянъ возвышенъ до 2 руб. и на мѣщанъ до 5 руб. Въ 1812 году, въ видѣ временной мѣры, прибавлено къ окладу крестьянъ по 1 р. на душу, и къ окладу мѣщанъ по 3 р. на душу. Въ 1816 году введенъ новый налогъ, по 26 к. съ души, увеличенный въ 1818 году до 30 к.—на устройство путей сообщеній. Подушная подать, переложенная при императорѣ Николаѣ на серебро, составляла въ 1839 году—съ мѣщанъ по 2 р. 38 к. и съ крестьянъ по 95 к. сер. съ души. Въ 1861 году подушная подать съ крестьянъ увеличена до 1 р., а съ мѣщанъ до 2 р. 50 к. Въ 1862 году назначенъ временный дополнительный сборъ, въ средней сложности по 25 к. съ души. Въ 1867 г. подушная подать увеличена еще на 50 к. съ души, и въ настоящее время, смотря по мѣстностямъ, она составляетъ отъ 1 р. 30½ к. до 2 р. 14 к. Въ общей сложности по всей

имперіи подушная подать составляла: при Петрѣ I — 1,244,300 р.; въ настоящее время — 60,006,000 р.

Такимъ образомъ армія при Петрѣ I составляла 195,850 человѣкъ, въ настоящее время — 1,173,879 человѣкъ, или увеличеніе на 490%.

Государственные доходы при Петрѣ — 14,536,000 р.; теперь — 457,496,000 р. или увеличеніе на 3,165%.

Государственные расходы при Петрѣ — 14,873,000 р.; теперь — 468,797,000 р. или увеличеніе на 3,243%.

Подушная подать при Петрѣ I — 1,244,300 рублей; теперь — 60,006,000 р. или увеличеніе на 4,721%.

Народонаселеніе при Петрѣ — 14,000,000 человѣкъ; теперь — 78,000,000 или увеличеніе на 557%.

Или со времени Петра I увеличились:

Армія	въ 6 разъ
Доходы	» 32 раза
Расходы	» 33 раза
Подушная подать	» 50 разъ
Народонаселеніе	» 5,6 разъ

Слѣдовательно, сравнительно съ народонаселеніемъ, государственные доходы и расходы увеличились въ 6 разъ, подушная подать — въ 10 разъ, а армія осталась въ прежнемъ отношеніи. Такое несоотвѣтственное увеличеніе подушной подати доказываетъ, что въ увеличеніи ея правительство видѣло наиболѣе удобный и сподручный способъ возвышенія государственныхъ доходовъ. И дѣйствительно, подушная подать легче всѣхъ остальныхъ налоговъ поддается внезапному возвышенію. Въ какомъ размѣрѣ можетъ идти подобное возвышеніе, видно изъ слѣдующей таблицы:

	ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ	
	составляла:	увеличилась на:
въ 1860 году	16,951,000 р.	—
» 1861 »	17,090,000 р.	139,000 р.
» 1862 »	28,670,000 р.	11,580,000 р.
» 1863 »	32,394,000 р.	3,724,000 р.
» 1864 »	31,515,000 р.	—
» 1865 »	31,838,000 р.	323,000 р.

	ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ составляла:	увеличилась на:
» 1866 »	34,536,000 р.	2,698,000 р.
» 1867 »	40,524,000 р.	5,988,000 р.
» 1868 »	47,646,000 р.	7,122,000 р.
» 1869 »	48,150,000 р.	504,000 р.
» 1870 »	60,006,000 р.	11,856,000 р.

Съ 1860 по 1870 г., въ 10 лѣтъ, подушная подать увеличилась на 43,934,000 р. или каждый годъ увеличивалась среднимъ числомъ на 4,393,400 р.

Отношеніе подушныхъ налоговъ къ платежнымъ силамъ населенія виднѣе всего изъ тѣхъ средствъ, къ которымъ прибѣгало правительство при собираніи податей и при взысканіи недоимокъ. Въ древней Россіи неплательщиковъ ставили на *правежъ*, т. е. били ихъ палками, и подобныя же карательныя мѣры сохранились почти до нашихъ дней. Не смотря на необычайную строгость взысканій, доходившую до кнута и до вырѣзыванія ноздрей, взысканій, наводившихъ ужасъ на населеніе; не смотря на «жестокое истязаніе и раззореніе», которыя предписывались высочайшими указами, не смотря на отдачу въ солдаты, въ заработки, продажу имущества—недоимки росли постоянно и достигали бы громаднаго накопленія, если бы не слагались манифестами. Размѣръ платежныхъ средствъ народа у насъ никогда не былъ извѣстенъ, и только въ послѣднее время коммисія для пересмотра податей и земство собрали нѣкоторыя статистическія данныя по этому вопросу. Изъ свѣдѣній коммисіи видно, что подушные, земскіе и выкупные платежи составляютъ:

От 10 р. — до 13 р. на душу.
» 1 » 50 к. » 3 » 50 к. и болѣе съ десятины.
» 30 » — » 60 » и болѣе съ двора.

Изъ свѣдѣній, собранныхъ петербургскимъ земствомъ, узнаемъ, что напримѣръ въ гдовскомъ уѣздѣ земскіе, государственные и выкупные платежи составляютъ 450,705 р.; крестьянская же земля, на которую падаютъ эти платежи, оцѣненная въ 5,348,000 руб., даетъ доходу 320,938 р., слѣдовательно платежи превышаютъ доходъ на 129,767 р. или составляютъ 140% ея доходности. Петербургская губернская управа замѣчаетъ при этомъ, что «числовые выводы, къ которымъ пришла гдовская управа, окажутся *не менѣе*

отяготительными въ примѣненіи къ большей части другихъ мѣстностей»; это значитъ, что въ большей части петербургской губерніи отношеніе платежей къ крестьянскимъ средствамъ такое же.

Въ верейскомъ уѣздѣ, московской губерніи, крестьяне платятъ съ десятины государственныхъ земскихъ сборовъ и выкупныхъ платежей 3 р. 95 к., а средняя доходность десятины 1 р. 22 к.: не достаетъ 2 р. 73 к., или налогъ составляетъ 324% дохода отъ земли.

При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ положенія и урожая, крестьянская десятина въ средней полосѣ Россіи должна удѣлить 50% изъ чистаго дохода на подушную подать и другіе личные платежи. Принимая эти 50% основаніемъ для разсчета, получаемъ слѣдующій выводъ:

Прямые налоги составляютъ въ настоящее время 126,546,316 р., изъ которыхъ на податныя сословія падаетъ 83,3% или 105,740,000 руб. Сюда слѣдуетъ просоединить выкупные платежи, составляющіе среднимъ числомъ на душу 8 руб. или 78,091,000 руб. Всего 183,831,000 р. За уплатой этихъ 183 мил., принятыхъ нами за 50% чистаго дохода отъ земли, у плательщиковъ остается еще такая же сумма, или на каждую податную душу; считая податное населеніе въ 25 мил., 7 р. 35 к. Поземельный налогъ въ разныхъ государствахъ Европы составляетъ отъ 9 до 22% чистаго дохода. Принимая средней нормой только 15%, мы найдемъ, что русскій земледѣлецъ платитъ на 35% больше земледѣльца западно-европейскаго, т е. что западное земледѣліе, давая 366 мил. чистаго доходу, удѣляло бы изъ нихъ на подати 54 мил., наше же отдаетъ 183 мил. или 129 мил. больше, а на душу 5 р. 16 к. больше.

Чтобы одинъ земледѣлецъ платилъ больше другого на 35%, нужно, чтобы онъ на столько же былъ и богаче. Опредѣлимъ сравнительное богатство русскаго земледѣлія.

Въ европейской Россіи считается всего 425 мил. десятинъ земли, въ томъ числѣ пашни 88 мил. и сѣнокосовъ 52 мил. Съ русской пашни получается 2,171,700,000 четвериковъ хлѣба всѣхъ сортовъ, картофелю получается 415,290,000 четвериковъ, скотъ русскаго земледѣльца оцѣнивается въ 912,500,000 р., а доходъ всего русскаго земледѣлія въ 680,891,200 р., или на каждую десятину собственно пашенной земли приходится 7 р. 73 к.

Въ Пруссіи пашни считается 11,240,000 десятинъ; въ Велико-

британіи 9,039,600 десятинъ. И съ этой земли получается хлѣба всякихъ сортовъ:

въ Пруссіи	434,340,000	четвериковъ
» Великобританіи	541,020,000	».

Картофелю:

въ Пруссіи	403,860,000	четвериковъ
» Великобританіи	388,620,000	»

Цѣнность скота составляетъ:

въ Пруссіи	446,000,000	руб.
» Великобританіи	3,037,500,000	»

Доходы отъ земледѣлія:

въ Пруссіи	277,500,000	руб.
» Великобританіи	690,000,000	»

Или каждая десятина пашни даетъ:

въ Пруссіи	25 р. 19 к.
» Великобританіи	76 » 66 »

Россія, имѣя въ 8 разъ больше пахатной земли, чѣмъ Пруссія, получаетъ продуктовъ больше только въ 3 раза, и имѣя пашенъ больше въ 9,9 раза, чѣмъ Великобританія, получаетъ продуктовъ больше только въ 2,8 раза; или въ Пруссіи каждая десятина пашни даетъ въ 2,5 раза больше продуктовъ, чѣмъ въ Россіи, а въ Великобританіи въ 3,5 раза; доходность же земли въ Пруссіи въ 3,2 раза выше русской, а въ Великобританіи въ 9,8 раза. Принимая Пруссію за ближайшую къ Россіи норму европейской земледѣльческой производительности, находимъ, что русскій земледѣлецъ, при доходности земли въ 3 раза меньшей, платитъ въ 3 раза больше.

Такого налога, какой лежитъ на русской землѣ, не въ состояніи выносить никакое земледѣліе, и рано или поздно его ожидаетъ банкротство. Если объ успѣхахъ русскаго земледѣлія мы будемъ судить по размѣру заграничнаго вывоза хлѣба, то успѣхи нашего сельскаго хозяйства представятся въ слѣдующихъ колеблющихся цифрахъ:

Россія отправила хлѣба за границу:

въ періоды 1834 — 1843 г.	2,250,053	четверти
» 1844 — 1853 г.	5,536,209	»

въ	1858 году	9,088,000	четвертей.
»	1860 »	9,446,000	»
»	1862 »	8,145,000	»
»	1864 »	9,744,000	»
»	1866 »	12,678,000	»
»	1867 »	16,208,000	»

По десятилѣтіямъ, увеличеніе выражается слѣдующими процентами:

Съ 1844 по 1853 г.	146%
» 1853 » 1858 »	64%
» 1858 » 1867 »	77%

Въ тоже время процентное возвышеніе подушной подати было:

Въ десятилѣтіе 1834—43 г.	19.348,000 р.	
» » 1844—53 г.	21,012,000 р.	увеличеніе на 10%
Съ 1853 по 1858 »	16,566,000 »	уменьшеніе » 21%
» 1858 » 1867 »	26,792,000 »	увеличеніе » 63%

Отдѣльно по годамъ:

	Вывозъ хлѣба:		Подушная подать:	
Въ 1860 г.	увеличеніе на	0,4%	увеличеніе	0,03%
» 1862 »	уменьшеніе »	14%	»	75%
» 1864 »	увеличеніе »	18%	»	10%
» 1866 »	» »	33%	»	1%
» 1867 »	» »	33%	»	18%
» 1868 »	» »	—	»	18%
» 1869 »	» »	—	»	0,2%
» 1870 »	» »	—	»	25%

Народонаселеніе же увеличивалось въ слѣдующей пропорціи: съ VII до VIII переписи на 15 м. или на 1,44%; по IX прибыль народонаселенія 8 м. или 0,79%; по X прибыль 6 м. или ежегодно 1,21%; въ пятилѣтіе 1858—63 г. среднимъ числомъ въ годъ прибыль составляетъ 1,14%.

Въ приведенныхъ цифрахъ нельзя найти никакой взаимной зависимости; въ нихъ замѣчается даже не колебаніе, а скачки. Особенно рѣзкій примѣръ представляетъ 1867 годъ. Это годъ сильнѣйшаго неурожая, какой только помнитъ Россія за послѣднее время,

между тѣмъ вывозъ хлѣба за границу усилился на 33%, а подушная подать увеличилась на 18%. Особенно неблагопріятное отношеніе въ цифрахъ замѣчается съ 1858 года. Съ 1844—1853 г. вывозъ хлѣба увеличивается на 146%, а подушная подать на 10%, съ 1853—1858 вывозъ хлѣба увеличивается на 64%, а подушная подать уменьшается на 21%; но въ послѣдующее за тѣмъ время, когда процентъ увеличенія отпуска хлѣба падаетъ, въ подушной подати замѣчаются небывалыя до того процентныя приращенія—75%, 18%, 25%, среднимъ числомъ 63%, тогда какъ народонаселеніе приростало только на 1,14% ежегодно. Изъ этого очевидно, что размѣръ подушной подати соображался не съ условіями сельско-хозяйственной производительности, а зависѣлъ отъ другихъ внѣшнихъ причинъ и причинъ повидимому внезапныхъ, непредвидѣнныхъ, случайцыхъ, ибо иначе нельзя объяснить такихъ рѣзкихъ возвышеній, какія замѣчаются въ подушной подати: съ 0,03% на 75%, съ 0,2% на 25%. Поэтому для возможности какого-нибудь вывода нужно взять среднія величины. Изъ среднихъ величинъ оказывается, что съ 1858 года вывозъ хлѣба увеличивался ежегодно на 14%, подушная подать на 18% и народонаселеніе на 1,14%, т. е вывозъ хлѣба возвышался въ 12,3 раза скорѣе, чѣмъ росло народонаселеніе, а подушная подать въ 15,8 разъ скорѣе. Такъ какъ всякій налогъ на земледѣліе дѣйствуетъ какъ неурожай, то очевидно, что увеличеніе сельско-хозяйственной производительности въ 12 разъ парализировалось налогомъ, возраставшимъ въ 15 разъ, и должна, наконецъ, наступить пора, когда налогъ поглотитъ весь чистый доходъ и сведетъ трудъ земледѣльца на нуль. Въ настоящее время, какъ мы видѣли, подушная подать поглощаетъ 50% чистаго дохода земледѣльца; предполагая нынѣшнія обстоятельства неизмѣнными, или увеличеніе подати на 18% ежегодно, при теперешнемъ успѣхѣ земледѣлія, получимъ, что подать поглотитъ весь чистый доходъ черезъ 27 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ. Для тѣхъ, кто смотритъ на податной вопросъ недружелюбно, этотъ срокъ покажется совершенно достаточнымъ, чтобы не видѣть настоятельной необходимости въ немедленной перемѣнѣ; но такой взглядъ на нужды государственнаго хозяйства будетъ далеко не взглядомъ Петра Великаго, «чтобы между великими и нижними, убогими и богатыми по препорціи надлежащее равенство въ усмотрѣніи имѣть, ибо утѣсненные-убогіе дворы оставятъ, а государственные доходы современемъ весьма умалятся».

Рядомъ съ этой стороной вопроса есть и другая, выраженная императрицей Екатериной II въ указѣ 1794 г.—«что увеличеніе арміи соотвѣтственно обширности и достоинству имперіи сопрягаетъ съ собою необходимое умноженіе издержекъ на важную часть сію, обезпечивающую покой и благоденствіе подданныхъ отъ всякихъ непріятелей.» Армія дѣйствительно есть внѣшній признакъ международнаго государственнаго достоинства и той политической роли, какую играетъ народъ среди другихъ народовъ. Достоинство русской имперіи требовало сильной арміи и поддержаніе этого достоинства поглощало постоянно больше трети нашихъ доходовъ. Затѣмъ на всѣ остальныя государственныя надобности оставалось менѣе двухъ третей. Это отношеніе въ послѣднее время стало нѣсколько благопріятнѣе. Такъ, въ 1832 году, содержаніе арміи и флота стоило 44% всего дохода, въ 1849 г.—47%, а по бюджету 1870 г. только 35%. Очевидно, что на другія, не военныя, потребности страны удѣляется теперь бо́льшая доля, чѣмъ прежде. Впрочемъ, цифры бюджетныхъ расходовъ не даютъ точнаго понятія о системѣ нашего военнаго напряженія, потому что многія военныя потребности покрываютъ и покрываются натурой. Болѣе точное понятіе даетъ сравненіе процентнаго отношенія арміи къ населенію. Это сравненіе показываетъ, что

въ	1722 г.	при	14 м.	жителей	армія	195 т.	или	1,4%	населенія.
»	1742 »	»	16 »	»	»	245 »	»	1,5%	»
»	1762 »	»	19 »	»	»	272 »	»	1,4%	»
»	1782 »	»	28 »	»	»	384 »	»	1,4%	»
»	1796 »	»	36 »	»	»	496 »	»	1,4%	»
»	1812 »	»	41 »	»	»	876 »	»	2,1%	»
»	1835 »	»	60 »	»	»	852 »	»	1,4%	»
»	1851 »	»	68 »	»	»	1,049 »	»	1,5%	»
»	1858 »	»	74 »	»	»	927 »	»	1,3%	»
»	1869 »	»	78 »	»	»	1,173 »	»	1,5%	»

Слѣдовательно, со времени Петра Великаго въ размѣрѣ нашего военнаго напряженія не произошло никакихъ перемѣнъ.

Причину этого нужно искать не въ войнолюбивой политикѣ Россіи, а въ солидарности международныхъ политическихъ интересовъ. Если мы сдѣлаемъ сравненіе процентнаго отношенія арміи къ населенію въ другихъ европейскихъ государствахъ, то найдемъ, что

во Франціи	при	37	м. населенія	армія	768	т.	или	2%
въ Австріи	»	35	» »	»	667	»	»	1,9%
» Пруссіи	»	18	» »	»	611	»	»	3,4%
» Баваріи	»	$4\frac{1}{2}$	» »	»	188	»	»	4%
» Голландіи	»	$3\frac{1}{2}$	» »	»	112	»	»	3%

Повсюду процентное отношеніе выше, чѣмъ у насъ, и вообще оно въ государствахъ средняго размѣра выше, чѣмъ у великихъ державъ. Только въ Лихтенштейнѣ и въ Рейсъ-Грейцѣ отношеніе арміи къ населенію приближается къ русскому. Въ Лихтенштейнѣ оно 1,4%, въ Рейсъ-Грейцѣ 1,2%. Такимъ образомъ, чѣмъ ближе государства къ минимуму и максимуму величины, тѣмъ у нихъ войска менѣе сравнительно съ населеніемъ.

Въ денежныхъ расходахъ мы замѣчаемъ подобный же перевѣсъ Западной Европы надъ Россіей. Такъ, въ Англіи приходится на каждаго жителя всѣхъ государственныхъ расходовъ 14 р. 85 к.

Во Франціи	14 р.	
Въ Италіи	10 »	70 к.
» Австріи	8 »	65 »
» Пруссіи	7 »	15 »
» Россіи	5 »	72 »

Англичанинъ платитъ въ 2,6 раза больше чѣмъ русскій, французъ въ 2,4 раза больше, австріецъ въ 1,5 и пруссакъ 1,2 раза.

Расходы европейскихъ государствъ на армію, содержаніе дворовъ, уплату долговъ и на содержаніе полиціи составляютъ:

Въ Великобританіи	80%	всего государственнаго расхода.
» Австріи	58,9%	» » »
» Франціи	51,5%	» » »
» Пруссіи	44,7%	» » »
» Россіи	57,3%	» » »

Расходы этой категоріи причисляются къ непроизводительнымъ. Изъ числа же производительныхъ, расходы на образованіе составляютъ:

Въ Пруссіи	2,09%	всего государственнаго расхода.
» Великобританіи	1,7%	» » »

Во Франціи	1,25% всего государственнаго расхода.			
» Австріи	0,67%	»	»	»
» Россіи	1,53%	»	»	»

Расходы на общественныя сооруженія, промышленность, сельское хозяйство и торговлю составляютъ:

Въ Пруссіи	9,1%	всѣхъ	расходовъ.
» Франціи	8,7%	»	»
» Австріи	5,2%	»	»
» Великобританіи	3,3%	»	»
» Россіи	7,9%	»	»

Цифры показываютъ, что въ Европѣ царитъ повсюду одно начало и что уровень общаго европейскаго развитія еще такъ слабъ, что мирное экономическое развитіе, которому вмѣстѣ съ образованіемъ посвящается лишь отъ 5 до 11% всѣхъ государственныхъ расходовъ, оказывается возможнымъ только подъ сильной военной охраной и правительственно-полицейскимъ управленіемъ, поглощающими отъ 50 до 80% всѣхъ доходовъ.

Эти же цифры убѣждаютъ въ томъ, что при современномъ уровнѣ экономическаго развитія на производительное потребленіе европейскія государства не въ состояніи удѣлить больше 5 — 11%. Военное напряженіе и постоянный вооруженный миръ для всѣхъ тяжелъ, и между тѣмъ, ни одно изъ европейскихъ государствъ не можетъ выдѣлиться изъ связывающей всѣ державы общей политической солидарности. Сѣтованія на обременительныя военныя издержки теоретически справедливы, но практически безцѣльны и безрезультатны, ибо для Европы существованіе безъ армій вопросъ слишкомъ отдаленнаго будущаго и сомнительнаго разрѣшенія: объединившаяся Германія, для упроченія европейскаго мира, заключаетъ военный союзъ съ Австріею. Развѣ это не иронія! Будетъ логичнѣе, если мы примемъ, что издержки на нравственныя потребности народовъ и удовлетвореніе экономическихъ нуждъ малы не потому, что велики военные расходы, а потому, что за удовлетвореніемъ первыхъ надобностей—военныхъ и политическихъ—на вторыя взять больше нечего. Слѣдовательно, это вопросъ низкаго уровня понятій и слабаго экономическаго развитія народовъ.

Даже и военно-политическія надобности европейскихъ державъ

не покрываются платежными средствами народовъ. Ежегодный дефицитъ европейскихъ государствъ составляетъ 230,000,000 рублей, а въ процентномъ отношеніи:

Въ Австріи	21,1%	всего государственнаго дохода
» Турціи	13,6%	» » »
» Россіи	12,8%	» » »
» Франціи	6,8%	(до послѣдней войны).
» Пруссіи	1,6%	» » »

Даже самыя мелкія государства не избавились отъ него. И вотъ Европа ищетъ средства для удовлетворенія политическихъ надобностей во внѣшнихъ и внутреннихъ займахъ. Въ 1864 году европейскіе долги составляли 15.745.000,000 руб., а въ 1789 году они были только въ 3.434.000,000 руб., т. е. въ теченіе 82 лѣтъ увеличились на 358%.

Въ Россіи дефицитъ былъ постояннымъ спутникомъ государственнаго хозяйства и уже при Петрѣ Великомъ составлялъ болѣе 300,000 рублей. Въ нынѣшнемъ же столѣтіи, начиная съ 1832 года и по настоящій 1871 г., не было ни одного года безъ дефицита. Въ три года восточной войны дефицитъ составилъ громадную сумму — 649.000,000 руб.

Первые долги были сдѣланы императрицей Екатериной: внутренній, безпроцентный, введеніемъ ассигнацій, и внѣшній—голландскій. Съ этихъ поръ наши государственные долги начинаютъ быстро возрастать и къ 1867 г. достигаютъ слѣдующаго размѣра:

Срочные внѣшніе	211,129,500	р.
» внутренніе	209,130,000	»
Безсрочные внѣшніе	278,925,160	»
» внутренніе	203,863,685	»
Кредитныя учрежденія	37,119,000	»
Билеты государств. казнач.	216,000,000	»
По выкупн. операціямъ	216,889,358	»
Госуд. банк. 5% билетовъ	258,356,000	»
Безпроц. кредитн. »	568,467,129	»
Всего	2.199,879,732	»

Въ теченіе 98 лѣтъ съ 85 м. гульденовъ долгъ возросъ до 2 миллья́рдовъ рублей.

Долгъ Великобританіи	составляетъ	5	миллъярдовъ	руб.
» Франціи	»	6	»	»
» Австріи	больше	2	»	»

Слѣдовательно, и въ отношеніи государственнаго долга Россія не первенствующее государство.

Но если всѣ приведенныя сравнительныя цифры мы возьмемъ по отношенію къ производительнымъ силамъ Россіи, то выводъ окажется не особенно благопріятнымъ для нашего государственнаго хозяйства.

Мы уже знаемъ, что англичанинъ платитъ въ 2,6 раза больше, чѣмъ русскій, и Англіи этого мало—долгъ ея составляетъ 5 миллъярдовъ рублей; французъ платитъ въ 2,4 раза больше и долгъ Франціи 6 миллъярдовъ; австріецъ въ 1,5 раза больше—долгъ Австріи больше двухъ миллъярдовъ. Очевидно, что эти государства извлекаютъ изъ своихъ подданныхъ все, что можно извлечь; и такъ какъ больше извлекать прямымъ путемъ уже невозможно, то прибѣгается къ займамъ. При этомъ только отъ 5 до 11% всѣхъ доходовъ расходуются экономически-производительнымъ образомъ; остальные 89 до 95% идутъ на надобности международной и внутренней политики. Но мы въ тоже время знаемъ, что русскій земледѣлецъ получаетъ отъ своей пашни доходу въ три раза меньше, чѣмъ европеецъ, а платитъ податей въ три раза больше. Попытаемся опредѣлить русскія производительныя силы вообще.

Въ другомъ мѣстѣ мы уже дѣлали попытку подобнаго опредѣленія и оказалось, что Великобританія добываетъ 385,5 фунта желѣза на каждаго жителя, Пруссія 2,186,8 фунта, Россія 8,4.

Каменнаго угля Великобританія добываетъ 6,729,5 фунта на каждаго жителя, Пруссія 69,2 фунта, Россія 13,2 фунта.

Соли:	Великобританія	132	фунта	на	жителя.
	Пруссія	22,5	»	»	»
	Россія	16,3	»	»	»

Хлопчато-бумажныхъ издѣлій Великобританія производитъ на 18 р. 25 к. на каждаго жителя, Пруссія на 1 р. 65 к., Россія на 92,5 к.

Шерстяныхъ издѣлій Великобританія на 9 р. на каждаго жителя, Пруссія на 3 р. 5 к., Россія на 54 к.

Льняныхъ тканей: Великобританія на 3 р. 90 к. на жителя, Пруссія на 2 р. 77 к., Россія на 45 к.

Всего ткацкая промышленность производитъ въ Великобританіи на 36 р. 25 к. на каждаго жителя, въ Пруссіи на 9 р. 65 к., въ Россіи на 2 р. 6 к.

Вся же доходность промышленностей сельско-хозяйственной, горной и фабричной составляетъ:

Въ Великобританіи	2,015,880,000	руб.
» Пруссіи	519,775,000	»
» Россіи	857,516,200	»

Или на каждаго жителя:

Въ Великобританіи	69,5	руб.
» Пруссіи	28,8	»
» Россіи	11	»

Слѣдовательно, Пруссія производитъ въ 2,6 раза больше, чѣмъ Россія, а Великобританія въ 6,3 раза. Въ тоже время англичанинъ платитъ на государственныя надобности въ 2,6 раза больше, чѣмъ русскій, а пруссакъ въ 1,2 раза больше; это значитъ, что англичанинъ отдаетъ изъ своего дохода нѣсколько меньше $^1/_5$, пруссакъ $^1/_4$, а русскій почти половину.

Приведенныя огульныя цифры даютъ недостаточно точное понятіе о дѣйствительномъ давленіи, испытываемомъ нашими податными плательщиками, а потому мы обратимся къ цифрамъ болѣе спеціальнымъ.

По сословіямъ, населеніе европейской Россіи распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Мужеск. пола:	Женск. пола:
Дворянъ потомственныхъ	338,187	339,230
» личныхъ и служащихъ	147,300	149,375
Духовныхъ	294,465	316,589
Городскихъ сословій	2,341,059	2,453,116
Сельскихъ сословій	24,204,963	25,279,702
Военныхъ сословій	2,225,182	1,821,437
Всего	29,531,156	

Изъ 29 м. мужскаго населенія плательщиками оказывается только 26 м. городскихъ и сельскихъ сословій, но въ числѣ городскихъ

сословій считается 253,000 потомственныхъ и личныхъ гражданъ и купцовъ, которые не платятъ ничего, кромѣ незначительныхъ гильдейскихъ пошлинъ, исчисленныхъ по росписи на 1870 годъ въ 10,888,000 руб. Налогъ этотъ зачисляется торгующими въ издержки производства и торговли и слѣдовательно выплачивается потребителями, главную массу которыхъ составляютъ все тѣже 26 милльоновъ крестьянъ; слѣдовательно, единственными плательщиками можно признать только сельское населеніе и частію мѣщанъ.

Съ этихъ плательщиковъ въ 1870 году предполагалось получить:

Подушной подати	60.006,000	руб.
Оброчной подати	35.555,000	»
Государственнаго земскаго сбора	19.247,143	»
Общественнаго сбора съ госуд. кр.	3.353.955	»
Выкупныхъ платежей	78.091,000	»
Всего	196.253,098	руб.

Кромѣ того, податное населеніе выплачиваетъ извѣстную сумму въ видѣ косвенныхъ налоговъ.

Главный косвенный налогъ есть питейный и главный потребитель вина есть народъ. Предположивъ на каждаго русскаго мужчину одинаковое потребленіе вина, получимъ, что податное сословіе въ видѣ акциза на вино выплачиваетъ 119.457,000 руб. а остальныя сословія 14.646,000 р.

Въ соляномъ доходѣ, принимая для расчета тоже основаніе, податное сословіе участвуетъ взносомъ 10.883,000 руб., а остальныя 1.229,000 руб.

Въ таможенномъ — податное 35,306,000 рублей, остальные 4.022,000 руб.

Въ налогѣ за право торговли—податное 9,100,000 руб., остальныя 1.788,000 руб.

Слѣдовательно, по главнымъ статьямъ государственной росписи податныя сословія платятъ 370.999,000 руб. Раздѣляя эту сумму на 122 милльона—число десятинъ крестьянскихъ земель *во всей* имперіи—получимъ, что на каждую крестьянскую десятину падаетъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ 3 р. $^{4}/_{10}$ коп., а на каждую податную душу 14 р. 26 к. Но какъ податную силу составляетъ только взрослое рабочее населеніе, то, умножая выведенную нами цифру на 2 получимъ, что рабочая душа платитъ 28 р. 52 к.

Въ какой степени этотъ платежъ давитъ плательщика, можетъ, между прочимъ, показать слѣдующій расчетъ крестьянской доходности, дѣлаемый гдовской земской управой.

Въ Гдовскомъ уѣздѣ выгодныхъ крестьянскихъ заработковъ нѣтъ, какъ и повсюду. Рыбная ловля въ Чудскомъ и Псковскомъ озерахъ даетъ ничтожную выгоду, такъ что иногда взрослый работникъ въ цѣлую недѣлю работы на озерахъ заработаетъ нѣсколько копѣекъ. Отпускная лѣсная торговля находится въ рукахъ двухъ лицъ и плата, какъ повсюду, низка. Главный промыселъ поэтому— отхожій, въ Петербургъ или въ земледѣльческіе батраки. Въ Гдовскомъ уѣздѣ считается работниковъ мужчинъ 27,212 человѣкъ. Каждый изъ нихъ, сверхъ расхода на прокормъ и одежду, заработаетъ до 50 руб., а всѣ 1.360,000 р.; съ заработкомъ же женщинъ, вычисленнымъ въ 334,300 р., весь заработокъ крестьянскаго населенія составитъ 1.694,969 руб. Изъ этой суммы слѣдуетъ вычесть расходъ на содержаніе остальныхъ членовъ семейства, 58,140 душъ, взрослыхъ и невзрослыхъ женщинъ, молодыхъ людей недостигшихъ 18 лѣтняго возраста и стариковъ, старше 60 лѣтъ. На содержаніе ихъ гдовская управа исчисляетъ 1.680,282 р. 4¼ к. За вычетомъ этой суммы изъ общей суммы заработка остается отъ промысловъ . . . . 14,686 р. 95¾ к.
Да отъ земли доходу, за исключеніемъ 96,5%
на повинности и выкупные платежи. . . . 11,067 » 34¾ »

Всего 25,754 » 30½ »

Или у каждаго взрослаго работника, за удовлетвореніемъ необходимыхъ насущныхъ надобностей и уплатой податей, остается только 95 к. на всѣ остальныя личныя нужды его и его семьи.

Эта необычайная тягость податей дѣлаетъ податной вопросъ не вопросомъ простаго переложенія повинностей съ земли на дворы, а вопросомъ величайшей государственной важности. Можетъ ли Россія производить желѣза, каменнаго угля, бумажныхъ и шерстяныхъ тканей больше того, сравнительно ничтожнаго, размѣра, какой былъ показанъ выше, когда у рабочаго остается всего 95 к. въ годъ? Понятно, что податное населеніе должно ходить въ отрепьяхъ, понятно, что и вся русская промышленность должна плестись черепашьимъ шагомъ, понятны общія жалобы на застой дѣлъ, на безденежье, на слабое развитіе торговли. Да и кому поддерживать

промышленность и торговлю, когда 26 м. податныхъ сословій подавлены всякими платежами и затѣмъ промышленность и торговля должны расчитывать на 338,187 дворянъ потомственныхъ, 147,300 дворянъ личныхъ и 294,465 лицъ духовнаго званія — всего 779,952 человѣка. Податной вопросъ поэтому есть вопросъ экономическаго возрожденія Россіи; онъ — послѣдній окончательный моментъ крестьянскаго вопроса, начавшагося 19-го февраля 1861 года. 19 февраля дало крестьянамъ только юридическую свободу, податная реформа дастъ свободу экономическую и положитъ начало нашему будущему экономическому процвѣтанію, безъ котораго Россія, несмотря на свои военныя напряженія, будетъ всегда слабымъ государствомъ.

Н. Шелгуновъ.

ЖИЗНЕННЫЯ ЗАДАЧИ ЗЕМСТВА.

I

Еслибъ мы принадлежали къ цеху записныхъ историковъ, мы раздѣлили бы исторію русскаго народа на двѣ эпохи: на древнюю и новую. Древняя обнимала бы исторію народа отъ появленія его на политическомъ горизонтѣ до введенія земскихъ учрежденій, а новая излагала бы жизнь народа, облеченную въ формы земскихъ учрежденій. При этомъ нужно оговориться. Мы разумѣемъ не только тѣ дурно понятыя и плохо выполненныя земскія учрежденія, которыя теперь существуютъ, но преимущественно тѣ учрежденія, которыя должны заявить всю суть, выражать собою именно то, что вправѣ отъ нихъ ожидать русскій народъ. А вправѣ онъ отъ нихъ ожидать *всего*. По нашему крайнему убѣжденію, земскія учрежденія—лучшее пріобрѣтеніе русскаго народа за все время современной намъ эпохи. Въ земскихъ учрежденіяхъ народъ пріобрѣлъ право поднять, увеличить, улучшить свое экономическое состояніе, уменьшить свое экономическое убожество,—а это дороже и выше всего. Кромѣ того, онъ пріобрѣлъ пока право, а современемъ пріобрѣтетъ и возможность охранять свое народное здоровье. И если онъ захочетъ, то земскія учрежденія предоставляютъ ему право сдѣлаться грамотнымъ, а можетъ быть и умственно развитымъ. Поэтому въ земскихъ учрежденіяхъ мы видимъ самое свѣтлое явленіе въ жизни русскаго народа. Мы считаемъ ихъ самыми важными; мы глубоко убѣждены въ ихъ несомнѣнно-историческомъ значеніи. Народъ рус-

скій долженъ умѣючи и съ толкомъ воспользоваться земскими учрежденіями и притомъ настолько, чтобы сдѣлаться не только политически (въ этомъ онъ уже давно успѣлъ), но и исторически самостоятельнымъ народомъ.

Извѣстно, что до появленія земства всѣ были увѣрены въ его громадномъ соціальномъ значеніи. Лучшіе люди до глубины души прониклись убѣжденіемъ, что земство устранитъ всѣ невзгоды, всѣ бѣдствія народа. На земство возлагались лучшія надежды и упованія. Заходила ли рѣчь въ кругу людей дѣла о томъ или другомъ бѣдствіи народномъ, непремѣнно кто-нибудь спѣшилъ утѣшить взволнованное чувство: «погодите, вотъ земство у насъ все это уладитъ». И всѣ сѣтованія умолкали. Никакой порядочный человѣкъ не позволилъ бы себѣ усумниться въ непогрѣшимой святости будущаго земства. А если бы какой-нибудь отпѣтый скептикъ позволилъ заикнуться какъ-нибудь не въ пользу земства, то онъ этимъ нанесъ бы личное оскорбленіе всѣмъ порядочнымъ людямъ. Да какъ же иначе на самомъ дѣлѣ. Вотъ, напримѣръ, въ такомъ-то уѣздѣ исправникъ страшно злоупотребляетъ своею властью. Ну, и пусть его; вотъ будетъ земство, тогда вѣдь всѣ исправники потеряютъ значеніе, слѣдовательно и всякое взяточничество само собою исчезнетъ. Какъ только земство войдетъ въ силу, никакимъ злоупотребленіямъ мѣста не будетъ. Вѣдь мы тогда сами будемъ управлять своими дѣлами, которыя пойдутъ превосходно уже потому, что въ земство попадутъ лучшіе люди, самые отборные дѣятели! Нравственное же значеніе земства просто не имѣетъ ничего себѣ подобнаго. Шутка ли на самомъ дѣлѣ: вѣдь во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ народъ самъ себѣ хозяинъ, во всемъ самъ себѣ даетъ отчетъ. А прогрессивное развитіе народа вполнѣ зависитъ отъ земства, потому что всякая иниціатива въ рукахъ земства.

Таковы были розовыя мечты оптимистовъ, и какъ это ни странно, но мы должны сознаться, что въ этихъ желаніяхъ очень мало преувеличеннаго. Правда, масса недоброжелателей всегда опровергала возможность осуществленія всѣхъ этихъ упованій. Къ чему такая утрировка, говорили они. Вѣдь у насъ не въ первый разъ вводятся реформы съ самыми свѣтлыми надеждами на будущее, но потомъ все это лопается. Учрежденіе само по себѣ хорошее, съ самыми благими намѣреніями, попадая въ наши негодныя руки, искажается самымъ недостойнымъ образомъ и въ результатѣ выходитъ не польза, а вредъ.

Вспомните то время, когда у насъ вводили учрежденія государственныхъ имуществъ. Тогда тоже, какъ и теперь, всѣ кричали, что вотъ когда заживетъ народъ; вотъ когда онъ сдѣлается счастливѣйшимъ народомъ въ свѣтѣ. Тогдашнія палаты должны были завѣдывать крестьянскимъ хозяйствомъ, имѣли право страховать ихъ имущество, заводить у нихъ вездѣ порядокъ, онѣ должны были ввести сельскія школы и распространять грамотность, руководить умственнымъ развитіемъ народа и т. п. Всякому извѣстно, что̀ вышло въ результатѣ. Тоже будетъ съ вашимъ земствомъ.

Однако же сравненіе это не особенно удачное. Вѣдь тутъ никакой параллели нѣтъ, вѣдь земскія учрежденія основаны на совершенно противоположныхъ началахъ.

Это правда, что они основаны на совершенно противоположныхъ началахъ, но люди-то остались тѣ же. Въ доказательство лучше всего можно привести нѣсколько лѣтъ существованія земства, которое въ итогѣ въ большинствѣ случаевъ не дало ничего, не принесло никакой пользы, а скорѣе сдѣлалось обузой для народа. Первое то, что въ большинствѣ губерній народъ не принимаетъ ровно никакого участія въ дѣлѣ земства. Что въ управѣ засѣдаютъ одинъ или два крестьянина въ качествѣ членовъ, еще не доказываетъ, что ихъ дѣйствительно выбралъ народъ, какъ довѣренныхъ лицъ, которымъ онъ поручилъ охранять свои интересы и право иниціативы въ чемъ бы то ни было. Явленіе это даже вовсе и не случайное, а только совершенно діаметрально понятое.

Такъ, мы за положительно вѣрное знаемъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне выбрали гласными людей, которыхъ они хотѣли этимъ наказать, людей, не пользовавшихся уваженіемъ крестьянъ за разныя дурныя продѣлки. Каково же было положеніе односелянъ, когда они потомъ провѣдали, что тотъ самый господинъ, котораго они старались удалить изъ своей среды, очутился членомъ управы и получаетъ тысячу рублей жалованья въ годъ, тысячу рублей, упавшихъ новымъ налогомъ на тѣхъ же крестьянъ! Вотъ вы говорите: «выборное начало». Все это пустяки. Послушайте, какъ совершились выборы въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ пермской губерніи. Съѣхались гласные отъ крестьянъ и другихъ сословій. Гласные изъ крестьянъ большею частью люди безграмотные, и чуть-ли не всѣ отправленные въ наказаніе. Нужно замѣтить, что народъ во многихъ мѣстахъ считаетъ земскую управу — зем-

ской расправой, а всѣ земскія учрежденія — прежней земской полиціей! Туда-молъ понадобился засѣдатель прежнихъ временъ и туда выбираютъ, что есть наиболѣе неудобоуживаемаго въ крестьянской средѣ. Собравшись, стали толковать о выборахъ. Вамъ конечно не безъизвѣстно, что у насъ въ каждомъ селѣ всегда найдется кулакъ, загребистая рука, опытный эксплуататоръ. Это обыкновенно или изъ волостныхъ писарей, или торгующій крестьянинъ. Тѣ скоро смекнули, чѣмъ тутъ пахнетъ, и имъ ровно ничего не стоило устроить дѣло такъ, чтобы попасть въ гласные. Такія личности обыкновенно коротко знакомы съ мировыми посредниками и съ исправникомъ. А въ глазахъ крестьянина начальство достойно извѣстнаго уваженія уже потому самому, что оно начальство. Стало-быть ужъ коли начальство само якшается за панибрата съ мѣстнымъ сельскимъ аристократомъ, то значитъ и спору быть не можетъ, что онъ и человѣкъ хорошій, и всему голова. Собравшись въ уѣздномъ городѣ, одинъ изъ такихъ дѣльцовъ и повелъ мины, чтобы попасть въ предсѣдатели. Наканунѣ выборовъ онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ гласныхъ изъ крестьянъ, а ихъ было большинство. Предложилъ имъ чай и между прочимъ вопросъ, согласны ли они имѣть его своимъ предсѣдателемъ. Понятно, что всѣ изъявили полнѣйшее согласіе. Чтобы въ этомъ окончательно убѣдиться, онъ роздалъ гласнымъ по куску сахару, указалъ на двѣ фуражки, правую и лѣвую, произнесъ нѣсколько приличныхъ случаю увѣщаній и предложилъ учинить примѣръ балотировки. Всѣ гласные сложили сахаръ въ правую фуражку и торжественно поднесли гостепріимному хозяину. Будущій засѣдатель провелъ ночь въ сладкой полудремотѣ. У него изъ головы не выходила фуражка съ сахаромъ. На другой день всѣ иллюзіи рушились. Его прокатили на вороныхъ. Это бы еще ничего. Но дѣло въ томъ, что такимъ же образомъ забалотировали и всѣхъ остальныхъ гласныхъ. Выборы кончились ничѣмъ. Выбрать же, такъ или иначе, а нужно во чтобы ни стало. Что прикажете дѣлать? Надо послать телеграмму губернатору, чтобы онъ разрѣшилъ *вторично* выборы. А если и вторично всѣхъ забракуютъ, что тогда? Поэтому, прежде чѣмъ послать телеграмму губернатору, условились, чтобъ непремѣнно во что-бы то ни стало такого-то выбрать предсѣдателемъ, а такихъ-то членами. Губернаторъ разрѣшилъ вторично выборы съ условіемъ, чтобы они *состоялись*. И выбрали. Вотъ какимъ искуственнымъ путемъ совершаются выборы въ земство! Вотъ вамъ выборное начало. Управа

оказалась состоящею изъ трехъ крестьянъ, изъ которыхъ двое совершенно безграмотныхъ и прилагавшихъ вмѣсто подписи свою печатку. Когда потомъ публика подняла на-смѣхъ эту пресловутую управу, то лучшіе представители земскаго дѣла положительно доказывали, что не кого было выбрать, что совершенно безразлично, тотъ-ли или другой изъ гласныхъ попалъ бы въ число членовъ управы, что дѣло отъ этого нисколько не выиграло. И это совершенно справедливо. Мало того, въ цѣломъ уѣздѣ нѣтъ ни одного лица, на которомъ могъ бы сознательно остановиться вашъ выборъ. Мѣстный органъ печати, губернскія вѣдомости (достаточно назвать ихъ), желая убѣдить, что онъ не отстаетъ отъ вѣка, хвастаетъ демократическимъ строемъ выборовъ и съ гордостью возвѣщаетъ, какое множество крестьянъ попали въ гласные, въ предсѣдатели и члены управы. Хотя это отчасти и такъ, но въ сущности здѣсь ровно ничего нѣтъ утѣшительнаго, потому что пока крестьянинъ остается крестьяниномъ или собственнымъ путемъ развитія преобразуется въ иного человѣка,—дѣло идетъ хорошо; но когда крестьянинъ, оторванный отъ сохи, вдругъ становится начальствомъ, то это одна только мука, толку здѣсь никакого быть не можетъ, дѣло же будетъ подвигаться такъ же хорошо, какъ мокрое горѣть. Мы видѣли выборы еще въ другомъ мѣстѣ. Уѣздъ очень богатый, потому что онъ почти цѣликомъ принадлежитъ большимъ землевладѣльцамъ, которые всѣ живутъ въ столицѣ или заграницей. Управляющіе явились въ качествѣ довѣренныхъ, къ нимъ присоединилось небольшое число со стороны города изъ купцовъ и бывшій исправникъ, удаленный изъ службы за непомѣрное взяточничество. Лица эти должны были выбрать изъ своей среды гласныхъ. Со стороны собственно народа здѣсь ровно никого не было. Мы разумѣемъ, что со стороны ста тысячъ душъ мужскаго пола не было никого, кто указалъ бы на нужды или отстаивалъ бы какіе-нибудь интересы. Наличное число явившихся съ правомъ голоса было ниже требуемаго закономъ числа гласныхъ, а потому всѣ наличные выборщики, безъ всякаго выбора по закону были признаны гласными. Не понимаемъ, рѣшительно не понимаемъ, что было общаго между всѣмъ рабочимъ, всѣмъ крестьянскимъ населеніемъ уѣзда и этими людьми, вдругъ очутившимися гласными. Не понимаемъ, какъ и почему эти люди взяли себѣ право устроивать и располагать земскимъ дѣломъ по своему усмотрѣнію. Наконецъ, нужно выбрать управу. На мѣсто предсѣдателя явились два претендента:

бывшій исправникъ, человѣкъ очень ловкій, говорунъ, краснобай, человѣкъ энергическій, но удаленный изъ службы за многіе грѣхи, и отставной чиновникъ изъ горныхъ, бывшій нѣкогда караваннымъ, а потому теперь милліонеръ. Первый непосредственно имѣлъ дѣло съ народомъ и далъ ему себя хорошо почувствовать, наживъ состояніе. Второй, посредствомъ казны и горной эксплоатаціи, нажилъ еще большее состояніе. Человѣкъ этотъ сперва смотрѣлъ на казну какъ на дойную корову, а теперь готовъ былъ поглотить всю имперію, или, по меньшей мѣрѣ, свой уѣздъ превратить въ собственную вотчину. Выборъ палъ на послѣдняго, потому что—человѣкъ съ огромнымъ вѣсомъ, ворочаетъ милліонами, многіе же у него въ долгу. Но вскорѣ послѣ выборовъ, имѣя очень много разнообразныхъ дѣлъ, предсѣдатель уѣхалъ и цѣлые мѣсяцы проживалъ то на Кавказѣ, то въ Петербургѣ, то въ другихъ мѣстахъ, куда призывали его собственныя его дѣла. Судите сами, какой тутъ толкъ.

Повторяемъ, что это далеко не единственный фактъ. Въ восточной полосѣ Россіи мы знаемъ выборы такого рода и сорта въ большинствѣ случаевъ, о другихъ же мы не могли достать свѣдѣній; такъ что едва-ли съ нашей стороны будетъ большой утрировкой, если мы обобщимъ этотъ фактъ и признаемъ такое явленіе — повсемѣстнымъ. Несомнѣнно вѣрнѣе признать исключеніемъ, почти явленіемъ случайнымъ, выборы, не подходящіе подъ эту схему. Такимъ образомъ мы просто предполагаемъ, что у насъ земскіе выборы крайне несостоятельны, что собственно народъ вовсе ихъ не понимаетъ, не сознаетъ и никакого участія въ нихъ не принимаетъ. Выборы, какъ въ гласные, такъ и въ члены управъ, почти повсемѣстно крайне искусственны, формальны; это — обязанность, предписанная закономъ и которую необходимо выполнить. Такимъ образомъ въ земство стараются попасть люди, руководимые исключительно личными интересами. Людей же, которые бы шли въ земство, руководимые интересами народа, прямо преданные этому дѣлу, людей, которые бы въ успѣхѣ земскаго дѣла видѣли свое собственное благо, мы такихъ не видали, да и видѣлъ ли ихъ кто нибудь. Понятное дѣло, что быть напримѣръ предсѣдателемъ губернской земской управы очень выгодная вещь. Во-первыхъ, очень видное положеніе, во-вторыхъ—великолѣпное жалованье (четыре или пять тысячъ рублей). На эти деньги въ провинціи можно жить очень хорошо. Дѣла не особенно много. Если завели машину хорошенько,

вамъ остается только подписывать ежедневно по нѣсколько разъ свою фамилію, а тамъ канцелярія все сдѣлаетъ. Еще то хорошо, что здѣсь очень удобно можно умѣренно либеральничать. Если вы при этомъ въ нѣкоторомъ антагонизмѣ съ губернаторомъ—репутація ваша самая удовлетворительная и такъ называемое общественное мнѣніе вполнѣ на вашей сторонѣ.

Итакъ, мы полагаемъ, что земскія учрежденія состоятъ отчасти изъ элементовъ, совершенно чуждыхъ народу. Положеніе дѣла довольно затруднительное. Въ Россіи мы все-еще вынуждены отличать три слоя населенія: во-первыхъ, привиллегированный классъ и крестьянское населеніе. Между ними—ничего общаго, ихъ отношенія не выяснены и не очищены еще отъ традицій, стремленія далеко не солидарны. Отдать въ руки того или другаго класса всѣ дѣла земства, предоставить привиллегированному или крестьянскому населенію исключительное право вѣдать земское дѣло значитъ убить дѣло въ самомъ его зародышѣ. Привиллегированный классъ тогда непремѣнно превратитъ все дѣло исключительно въ свою собственную пользу. Вручить все дѣло земства крестьянскому сословію — значитъ погубить дѣло если не вполнѣ, то въ лучшихъ его предначертаніяхъ и стремленіяхъ; потому что крестьяне, сами по себѣ, пока не способны ни на какую инициативу. Дѣло у нихъ заглохнетъ, потому что они не обладаютъ ни развитіемъ, ни умѣньемъ взяться за что нибудь. Словомъ, какими бы высокими чувствами мы ни были проникнуты въ отношеніи народа, но мы не можемъ за нимъ признать того, чего онъ на самомъ дѣлѣ не имѣетъ. Привиллегированный же классъ также крайне бѣденъ общественными дѣятелями. Люди съ общественнымъ талантомъ въ этомъ классѣ исключительная рѣдкость, да если они и есть, то доступъ имъ въ земство крайне затруднителенъ. Общественныхъ дѣятелей съ современнымъ развитіемъ въ крестьянской средѣ еще меньше, или, вѣрнѣе сказать, ихъ тамъ вовсе нѣтъ и быть не могло. Откуда имъ было взяться? Предшествовавшая жизнь вовсе къ тому не подготовляла, не располагала. Тысячелѣтнее рабство удержало весь народъ на той же первобытной ступени умственнаго и соціальнаго развитія, на которой его застала исторія. Привиллегированный же классъ, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, преслѣдовалъ совершенно иныя цѣли, и однимъ почеркомъ пера, однимъ мановеніемъ руки не могъ преобразиться. Остается весьма немногочисленный интеллигентный классъ. Этотъ классъ, искренно сочувствуя народу,

обладаетъ тѣмъ великимъ преимуществомъ, что онъ въ силахъ всегда помирить интересы обоихъ классовъ, уладить ихъ взаимныя и неизбѣжныя столкновенія; этотъ классъ одинъ въ состояніи вести дѣло такъ, чтобы и волки были сыты, и овцы цѣлы. Но онъ-то и устраненъ изъ сферы дѣятельности земскихъ учрежденій. Выраженіе это впрочемъ не совсѣмъ вѣрно. Онъ только не имѣетъ права голоса, а совсѣмъ безъ него обойтись земство никакъ не можетъ,—къ крайнему своему прискорбію. Ниже мы это объяснимъ. До тѣхъ поръ, пока въ земство не проникнетъ этотъ третій, интеллигентный элементъ и при томъ не только съ правомъ голоса, но съ извѣстной долей участія, до тѣхъ поръ дѣло земства не подвинется впередъ, а застынетъ въ мертвыхъ формахъ съ пустымъ, безжизненнымъ содержаніемъ. Мы глубоко убѣждены, что ни одно учрежденіе не нуждается столько въ людяхъ энергическихъ, съ порядочной дозой энтузіазма, какъ земство. Холодныя индиферентныя отношенія, формальная и буквальная точность въ исполненіи, присущія бюрократизму, не къ лицу земству, вредятъ его прогрессивному назначенію, тормозятъ его на каждомъ шагу. Да, для своего развитія, земство нуждается прежде всего и больше чѣмъ всякое другое учрежденіе въ людяхъ энергическихъ, честныхъ, развитыхъ, въ энтузіастахъ, горячо преданныхъ дѣлу народнаго преуспѣянія. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что огромная разница между тяжкодумомъ и пассивнымъ лежебокой съ одной стороны, и дѣятельнымъ, подвижнымъ, безпокойнымъ, энергическимъ, неутомимымъ энтузіастомъ съ другой. Что сдѣлаетъ послѣдній въ одинъ день, того не сдѣлать первому за цѣлый мѣсяцъ. Мы не говоримъ, что въ земствѣ нужны отчаянные либералы, фантазеры и всевозможные «исты»; мы также не утверждаемъ, что необходимо устранить всѣхъ консерваторовъ и рутинеровъ; мы только требуемъ, чтобы люди, идущіе въ земство, на службу народу, были поворотливѣе, бойчѣе, незаспаны, поживѣе, словомъ—энергичные. А то наши земскіе Обломовы слишкомъ ужъ спятъ, и дѣла не дѣлаютъ и отъ дѣла не бѣгаютъ и только такъ-себѣ вяло подписываютъ бумаги. Но такіе люди чаще всего встрѣчаются именно въ третьемъ, интеллигентномъ классѣ, лишенномъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ земства. Но кромѣ того, такъ какъ земство все-таки не можетъ обойтись безъ людей этого класса, то выходятъ вѣчныя недоразумѣнія между представителями земства и интеллигентными его работниками. Мы только-что сказали, что земство безъ нихъ не можетъ обойтись. И дѣйствительно, присмо-

тритесь пристальнѣе и вы убѣдитесь, что въ томъ земствѣ дѣло идетъ относительно хорошо, въ которомъ секретаремъ управы какой нибудь даровитый или даже подъ-часъ талантливый семинаристъ или кто нибудь другой въ этомъ родѣ. Земство также не можетъ обойтись безъ медиковъ; часто случается, что въ земство попадаетъ дѣльный врачъ, который умѣетъ сблизиться съ председателемъ и подвинуть его на что нибудь хорошее. Учителя же, попадающіе въ школы, содержимыя земствомъ, пока остаются безъ всякаго вліянія.

Всякій, кто желаетъ взглянуть на земство безпристрастно, легко согласится, что земству сообщено не совсѣмъ правильное направленіе. Если государственная машина питается и содержится прямыми и косвенными налогами, то это еще понятно, хотя и она теперь стремится къ другимъ источникамъ существованія. Земство же съ самаго начала своего появленія сдѣлало непростительный промахъ въ томъ отношеніи, что пошло тѣмъ же путемъ и не нашло себѣ другихъ основъ и другихъ источниковъ. Всѣ государственныя учрежденія имѣютъ свои особенныя, спеціальныя, чисто государственныя цѣли. Эти цѣли не представляются народу въ доступной ему, осязательной формѣ. Государство заинтересовано, чтобы въ немъ господствовалъ извѣстный установленный законный sui generis порядокъ. Оно заботится объ охраненіи своихъ границъ и о выполненіи своей политической роли. Для достиженія такихъ цѣлей государство тратитъ огромныя денежныя средства и вся машина имѣетъ обособленный, строго цѣлесообразный характеръ. Народъ, цѣликомъ взятый, содержитъ эту машину и тратитъ на нее наибольшую долю своихъ трудовъ. Но отъ всего этого народъ не получаетъ себѣ никакой видимой, непосредственной, осязательной пользы. Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ, что земскія учрежденія должны имѣть совершенно противоположный характеръ. Каждый грошъ, расходуемый земствомъ, долженъ быть употребленъ только на потребности народа, на его мѣстныя нужды. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что государство послѣ цѣлаго ряда вѣковъ наконецъ убѣдилось въ слишкомъ одностороннемъ направленіи своей дѣятельности. Всѣ учрежденія имѣли слишкомъ общій характеръ, преслѣдовали слишкомъ отдаленныя цѣли. Государство сознало наконецъ необходимость допустить такого рода учрежденіе, которое имѣло бы въ виду чисто народные, мѣстные, непосредственные интересы; съ этой цѣлью и было введено земство. Но земство въ свою очередь слишкомъ узко поняло свое назначеніе. Имѣя предъ собой готовыми одни лишь администра-

тивные и бюрократическіе образцы формальной дѣятельности, оно явилось лишь подражателемъ въ своей новой дѣятельности. Принадлежа сами къ людямъ, вовсе незнакомымъ съ порядками самоуправленія и ведя свое происхожденіе отъ людей, насквозь пропитанныхъ отжившими традиціями, земскіе дѣятели сразу не могли отрѣшиться отъ самихъ себя, чтобы облечься въ новыя формы, и пошли обычнымъ путемъ канцелярскихъ порядковъ. И вотъ земство, набранное изъ людей этой сферы, естественно могло понять скорѣе всего свое право дѣлать новые налоги и на собранныя деньги заводить учрежденія односторонняго характера. Въ этомъ-то заключается крайняя несостоятельность земства. Тутъ нѣтъ никакихъ жизненныхъ соковъ. Вѣдь собственно говоря, дѣло совершается очень просто, такимъ образомъ. Собираются нѣсколько выборныхъ гласныхъ, назначаютъ опредѣленные налоги съ души, или съ имущества и собранную сумму денегъ распредѣляютъ такимъ образомъ, что часть идетъ на содержаніе управы, предсѣдателя и членовъ (это чуть ли не львиная часть), затѣмъ часть денегъ идетъ на улучшеніе большихъ дорогъ, на проложеніе новыхъ путей, на устройство мостовъ и плотинъ, по которымъ больше всего все-таки проѣзжаютъ привиллегированные классы и отъ которыхъ народу не только не тепло, но скорѣе наоборотъ; потомъ громадныя деньги уходятъ на земскую гоньбу, что также не особенно радуетъ народъ, такъ какъ на выставленныхъ лошадяхъ катаются исключительно чиновники и земскіе чины. Если послѣ этихъ расходовъ еще что нибудь остается, то заводятъ медицину и школы: и то и другое скорѣе для проформы, чѣмъ на самомъ дѣлѣ изъ состраданія къ народу. Правда, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ преобладаетъ помѣщичій элементъ, земскую медицину смѣло можно переименовать въ помѣщичью медицину, только на новыхъ началахъ. Хотя и прежде были врачи для помѣщиковъ, но прежде сами помѣщики имъ платили жалованье изъ своего кармана, хотя правда тоже наполняемаго трудами крестьянъ, теперь же цѣлый уѣздъ иногда содержитъ врачей, которые такъ или иначе должны ладить съ помѣщиками, т. е. исключительно ихъ однихъ и лечить. Прежде роптали, что исправники сильно наживаются. Если исправникъ получалъ въ годъ «доходу» 10,000 руб., то это считалось довольно крупнымъ кушемъ. Но въ какомъ нибудь Камышловѣ содержаніе управы стоитъ 12,000 р. Что отъ этой перемѣны выигралъ народный карманъ? Ровно ничего. Если прежде отправлялъ гоньбу и исправлялъ дороги самъ исправникъ и за эти труды бралъ себѣ 10,000 р. сер. въ годъ, то ка-

кой же барышъ народу изъ того, что теперь эти обязанности лежатъ на управѣ, которая стоитъ 12,000, и притомъ дороги плохи, а лошадей на станціяхъ очень рѣдко найдешь. Кому тутъ какая выгода? Дайте теперь любому исправнику 10,000 жалованья въ годъ и онъ вамъ исправитъ дороги такъ, что вы навсегда останетесь довольны, и заведетъ вездѣ такихъ лошадей, что остановки и задержки нигдѣ не будетъ. Вѣдь расходуя такія огромныя суммы на содержаніе управъ, земства должны помнить два условія: первое то, что эти деньги взяты изъ кармана народа безъ всякаго согласія на то съ его стороны; второе то, что слѣдуетъ за эти деньги оказать хоть какую нибудь услугу народу, необходимо на эти деньги приносить ему пользу, сколько нибудь соотвѣтствующую затратѣ. Но выгоды и пользы отъ управъ собственно нѣтъ никакихъ; мы даже беремъ смѣлость утверждать, что пусть сегодня же закроютъ всѣ земскія управы въ государствѣ и возвратятъ народу стоимость ихъ, т. е. объявятъ народу, что съ каждаго будетъ въ этомъ году взыскано десятью копѣйками меньше, и народъ ни единымъ звукомъ не выразитъ своего протеста. Онъ не видитъ никакой существенной пользы въ томъ, что у него на шеѣ прибавился новый хозяинъ, который распоряжается его добромъ слишкомъ безцеремонно и располагаетъ его имуществомъ вовсе не въ его пользу, а исключительно на свое содержаніе. Въ результатѣ выходитъ, что народъ за честь имѣть у себя управу или вообще земство платитъ слишкомъ дорого. Было бы еще понятно, если бы земство своимъ появленіемъ устранило прежнихъ распорядителей и хозяевъ, а то многіе исправники вовсе не намѣрены отказываться отъ прежняго способа проживанья, и только пріискиваютъ новые источники доходовъ. Что же тутъ выигралъ народъ? Вмѣсто одного хозяина—безчисленное множество новыхъ, изъ которыхъ каждый не вѣдаетъ предѣловъ своей власти.

II.

Такое положеніе земства насъ, однакоже, нисколько не смущаетъ. Еслибъ даже оно оставалось такимъ же цѣлое столѣтіе, мы и тогда не отчаявались бы въ томъ, что оно раньше или позже повернетъ на настоящую дорогу и сдѣлается тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть. Если представители въ большинствѣ губерній до сихъ поръ не поняли истин-

наго назначенія земства, то это нисколько не удивительно. Народъ, который прожилъ цѣлое тысячелѣтіе безъ проявленія своей собственной воли, безъ малѣйшаго заявленія самобытности или стремленія къ самоуправленію; народъ, который привыкъ, чтобы за него все дѣлали и чтобъ онъ самъ для себя по своему ничего не дѣлалъ; народъ, который еще доженъ пріобрѣсть привычку и потребность думать самъ за себя; народъ, представлявшій собою въ теченіе цѣлаго тысячелѣтія какую-то инертную массу, совершенно равнодушную къ внѣшнимъ и внутреннимъ формамъ быта,—такой народъ не могъ сразу найтись и прійти въ себя, не могъ сразу народить «общественныхъ талантовъ», не могъ сразу повести дѣло своего самоуправленія безошибочно, безъ промаховъ, безъ всякихъ погрѣшностей. Онъ естественно долженъ былъ на каждомъ шагу дѣлать крупныя ошибки и путемъ опыта убѣдиться, что все это вовсе не то, что ему нужно. Мы нисколько не сомнѣваемся въ доброй волѣ многихъ представителей земства, въ искренней преданности ихъ интересамъ народа; имъ недоставало только опыта и увѣренности въ пригодности тѣхъ или другихъ мѣръ. Было бы съ нашей стороны непростительной профанаціей, еслибы мы вздумали игнорировать тѣ отрадныя, хотя и немногочисленныя явленія, которыми заявило себя земство. Достаточно упомянуть о почти единогласномъ рѣшеніи чуть ли не всѣми земствами важнаго вопроса о податяхъ. Такія крупныя явленія подаютъ надежду, что земства современемъ оправдаютъ всѣ упованія народа. Положимъ даже, что подобныя явленія всегда обязаны присутствію въ земствѣ отдѣльныхъ даровитыхъ личностей; но уже и то хорошо, что эти отдѣльныя личности въ силахъ проводить извѣстныя мѣры въ пользу, а не во вредъ народу, имѣютъ возможность и право разсчитывать на сочувствіе къ либеральнымъ реформамъ. Допустимъ даже, что такія явленія характеризируютъ съ другой стороны не особенно похвально представителей земства, допустимъ даже, что это указываетъ на обычное вѣковое отсутствіе самобытности, на ту стадность, которую можно сегодня направлять въ одну сторону, а завтра въ другую, допустимъ все это и все-таки поспѣшимъ заявить, что какъ это ни прискорбно, но во всякомъ случаѣ не безнадежно. Такъ, въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ пермской губерніи на земскомъ собраніи одинъ изъ гласныхъ представилъ проектъ о лучшемъ устройствѣ медицинской части. Онъ прочелъ этотъ проэктъ на собраніи, и проектъ былъ принятъ и утвержденъ, не смотря на всю его новизну, на довольно либеральный ха-

рактеръ. Составитель проекта былъ однакоже нѣсколько удивленъ и приписалъ счастливый успѣхъ только тому, что никто на земскомъ собраніи ничего не понялъ. Поняли только, что нужны врачи, лекарства, фельдшера, но какихъ врачей и почему, ровно ничего не поняли и.... утвердили. Фактъ съ одной стороны прискорбный, прискорбный потому, что масса слушателей, хотя и сознавала свои нужды, не съумѣла ихъ высказать, оформить, помочь. Но зато крайне утѣшительнымъ для насъ явленіемъ было уже то, что въ такомъ отдаленномъ захолустьи, въ такомъ забытомъ уголку все-таки нашелся дѣльный человѣкъ, развитой, образованный, понимающій интересы и потребности народа, который съумѣлъ разсказать, объяснить, убѣдить, провести проектъ, осуществить полезное народу дѣло. А такими одиночными личностями, такими выдающимися фактами можетъ похвалиться чуть не каждое земство.

Вотъ къ этимъ-то преимущественно личностямъ, искренно преданнымъ интересамъ земства, мы и обращаемся съ нашими соображеніями. Хотя участь ихъ и главное пребываніе въ земствѣ слишкомъ кратковременно, хотя значеніе и вліяніе ихъ довольно шатко и эфемерно, но все-же иногда попытки ихъ удаются и приносятъ неоцѣненную пользу. Только эти личности способны понять насъ и скорѣе другихъ согласиться съ нами, что земство, собирая съ народа деньги въ видѣ налоговъ, можетъ тратить эти деньги до единаго гроша только на пользу народа же. Расходовать хотя бы то одну копѣйку, не приносящую непосредственной пользы народу, земство не должно, не можетъ, не вправѣ. Но зато оно имѣетъ несравненно болѣе важное право. Оно можетъ и должно пріискивать источники доходовъ и обращать ихъ въ пользу народа. Мы убѣждены, что земство только тогда будетъ стоять прочно на своихъ ногахъ, только тогда будетъ пользоваться искреннимъ уваженіемъ со стороны народа, только тогда будетъ дорого народу, когда оно налоговъ непосредственно на народъ *вовсе не станетъ налагать*, а пріищетъ другіе пути, другіе источники и обратитъ ихъ въ пользу народу. Это не утопія и не какой нибудь неосуществимый идеалъ. Напротивъ того, земство имѣетъ всѣ средства подъ рукой сдѣлаться богатымъ и быть крайне полезнымъ народу. Изъ такихъ-то доходовъ и только изъ такихъ оно вправѣ будетъ расходовать деньги на свое собственное содержаніе. Пока же оно этого права, положа руку на сердце, не имѣетъ. Такими источниками доходовъ богата у насъ любая губернія. Мы здѣсь пред-

ставимъ нѣкоторые примѣры. Въ пермской губерніи отъ города Перми до города Камышлова отъ города Екатеринбурга до города Шадринска и отъ Камышлова до города Ирбита содержитъ такъ называемыя «вольныя почты» частное лицо. Уже теперь не секретъ, что на пространствѣ этихъ тысячъ верстъ, почтосодержатель нанимаетъ мѣстныхъ мужиковъ и платитъ имъ за каждую тройку лошадей съ версты отъ $4^1/_2$ до 5 копѣекъ, между тѣмъ какъ съ проѣзжающаго онъ беретъ за тройку лошадей всѣхъ 9 копѣекъ. Кромѣ того, ямщики обязаны отъ него покупать овесъ и т. д. Оставивъ продажу овса въ сторонѣ, легко догадаться, что почтосодержатель имѣетъ громадные доходы. Пусть останется таже цѣна за проѣздъ, но пусть эти копѣйки останутся не въ рукахъ монополиста, а попадутъ въ руки мѣстнаго земства—и вотъ вамъ средство, не налагая на народъ никакихъ налоговъ, устроить для него въ цѣлой трети губерніи не то школы, не то больницы съ врачами. Въ той же пермской губерніи масса казенныхъ заводовъ. Мы въ другомъ мѣстѣ высказали, что самое лучшее было бы эти заводы сдать рабочимъ артелямъ въ полную собственность, но у насъ не рѣшаются на такое разрѣшеніе вопроса и откладываютъ его до поры до времени, пока дѣло терпитъ. Земство же весьма легальный путь. И вотъ казенные горные заводы могли бы перейти въ собственность земства, также какъ и обширнѣйшіе лѣса пермской губерніи, также какъ и рыбная ловля по Камѣ, и все это вмѣстѣ давало бы земству средства содержать себя, и школы, и врачей, и больницы, и т. п. Въ любомъ уѣздѣ пермской губерніи имѣются во множествѣ естественныя богатства; тамъ хорошая глина, здѣсь неисчерпаемая руда, въ иномъ мѣстѣ богатѣйшія залежи каменнаго угля и все это на земляхъ, населенныхъ государственными крестьянами. Все это ждетъ не дождется эксплуатаціи, нѣтъ предпріимчивости, нѣтъ инипіативы.

Въ самарской губерніи богатѣйшая и обширнѣйшая хлѣбная торговля или, лучше сказать, хлѣбное производство. Огромное населеніе отдаетъ всю свою продуктивность въ руки двухъ-трехъ капиталистовъ, эксплуатирующихъ народный трудъ до послѣдней крайности. Земство положительно обязано взять на себя правильную эксплуатацію народнаго труда, и производство, дающее милліоны дохода, должно сдѣлаться земскимъ достояніемъ, т. е. народнымъ. Такое же богатство представляетъ рыбная ловля въ Астрахани. Если мы сюда прибавимъ пароходство, желѣзныя дороги, страхованіе и другіе источники разнаго рода, то читателю станетъ ясно, что у зем-

ства обширное поприще дѣятельности. Была бы охота и умѣнье. Но вѣдь именно въ этомъ и заключаются жизненныя задачи земства, вѣдь именно въ этомъ и коренится вся суть его истиннаго существованія и существенной народной пользы. Безъ этого, земство—пустая формальность или, пожалуй, еще хуже: обуза для народа. Земство должно поэтому стремиться къ тому, чтобы не брать съ народа *ничего* и давать народу *все*. Все—значитъ все то, что оно вправѣ давать. Легально же оно вправѣ дать народу очень много, именно: школу, медицину и экономическое благосостояніе. Да больше этого ничего и не нужно пока. Больше этого просто грѣхъ затѣвать что-нибудь земству. Земство должно быть строго вѣрно себѣ. Мы не требуемъ, чтобы земскіе дѣятели были совершенно чужды всякихъ соціальныхъ тенденцій, но они могутъ проявлять ихъ въ другомъ мѣстѣ; здѣсь же, въ земствѣ, они могутъ лишь повредить, погубить народное дѣло несвоевременными, неумѣстными затѣями. Альфа и омега земства—поднять экономическое убожество народа до степени благосостоянія. Въ этомъ отношеніи, въ этомъ смыслѣ земству предстоитъ пропасть работы, но за то никакое другое земство и не мыслимо. То земство не земство, которое, съ грѣхомъ пополамъ выбранное, собирается, дѣлаетъ произвольный налогъ, часть удѣляетъ на содержаніе управы, а другую часть на дороги и гоньбу. Какой тутъ толкъ и какая тутъ выгода народу? Выходя изъ того принципа, что земство обязано каждую копѣйку, взятую съ народа, возвращать ему же, оно уже будетъ не вправѣ тратить по сту тысячъ на содержаніе управъ въ губерніи. Возьмите бюджетъ любой губерніи, и вы убѣдитесь, что всякое земство тратитъ огромныя суммы на содержаніе управъ, которыя круглый годъ ровно ничего не дѣлаютъ и дѣлать не могутъ. Присмотритесь пристальнѣй, и вы убѣдитесь, что иная управа—просто два безграмотные мужика-члена да безтолковый канцелярскій служитель въ качествѣ предсѣдателя, и всѣми ими орудуетъ какой-нибудь крючкотворъ изъ приказныхъ. Ничего нѣтъ смѣшнѣе такой управы. При этомъ цѣлая канцелярія съ книгами, писцами, чернильницами, перьями, стопами бумаги, исписанной и разлинованной. Все это завалено исходящими и входящими, безъ смысла, безъ толку, безъ всякой надобности, безъ заранѣе обдуманной цѣли, молча, машинально. Все это наводитъ лишь тоску и уныніе. Намъ иной разъ даже кажется, что легко бы было совсѣмъ обойтись безъ этихъ дорого стоющихъ и ничего не дѣлающихъ управъ. Пред-

ставьте себѣ такой порядокъ. Собравшееся земское собраніе, вѣрное принципу народной экономіи, обсуждаетъ свои насущныя нужды. Оно приглашаетъ отъ одного до трехъ врачей на уѣздъ и сдаетъ имъ дѣло медицины въ полное вѣдѣніе. Ниже мы это объяснимъ подробно. Это первое. Затѣмъ второе—училищная часть. Земство должно разстаться съ однимъ крупнымъ предразсудкомъ; ему необходимо отказаться отъ компетентности по всѣмъ отраслямъ знанія. Странно и непонятно, откуда родилась у земства полная увѣренность въ компетентности по всевозможнымъ вопросамъ. Если бы земству какъ нибудь поручили заниматься изслѣдованіемъ небесныхъ свѣтилъ и слѣдить за ихъ движеніемъ, оно ни мало не задумалось бы и превратилось бы въ спеціальныя конторы по части астрономіи. Пора отрѣшиться отъ этихъ заблужденій. Необходимо предоставить всякому свое. Все это мы говоримъ въ отношеніи весьма важнаго для земства вопроса объ училищахъ и школахъ. Какъ въ медицинѣ, такъ и въ вопросѣ школьнаго образованія, земство слишкомъ самоувѣренно берется за дѣло и сплошь и рядомъ терпитъ отчаянное фіаско. Кто у насъ не умѣетъ лечить и кто откажется отъ права толковать и разсуждать о педагогіи! Земству необходимо поставить это дѣло на прочную ногу. Для этого каждое земское собраніе приглашаетъ опытнаго спеціалиста педагога, платитъ ему хорошее содержаніе, minimum 1,200 р. сер. и вручаетъ ему все дѣло школьнаго образованія въ своемъ уѣздѣ. Такой спеціалистъ педагогъ, въ родѣ старшаго врача, приглашаетъ учителей или учительницъ по своему собственному усмотрѣнію, устраиваетъ школы, слѣдитъ за преподаваніемъ въ нихъ, за ихъ успѣхами, вводитъ улучшенія, пріискиваетъ средства къ ихъ распространенію и во всемъ этомъ даетъ строгій отчетъ земскому собранію, котораго онъ непремѣнный членъ съ правомъ голоса. Откуда взять такихъ педагоговъ? А откуда взялась такая масса претендентовъ на товарищей прокурора? Кликните кличъ и они явятся. А если нѣтъ, то подождите годъ, два, три и пять. Лучше подождать, чѣмъ заводить какія нибудь школы лишь формы ради. Затѣмъ, остаются дороги и гоньба. Что касается дорогъ, то это дѣло обще-государственное. По дорогамъ разъѣзжаютъ всѣ. Здѣсь подъ словомъ дороги разумѣются почтовыя дороги; слишкомъ несправедливо всякія почтовыя дороги взваливать на плечи мѣстнымъ жителямъ. Проселочныя дороги—совершенно другое дѣло. Тѣ цѣликомъ составляютъ потребность крестьянъ; зато онѣ и хороши такъ, что по нимъ нѣтъ воз-

можности проѣхать безъ опасности для жизни и объ нихъ никто не заботится. Содержаніе и ремонтировка большихъ почтовыхъ трактовъ должна быть дѣломъ обще-государственнымъ и падать преимущественно на проѣзжающихъ. Такъ, теперь по тракту отъ Перми до Камышлова, на разстояніи 500 верстъ, каждый проѣзжающій платитъ по 9 коп. за тройку на версту. Если каждый проѣзжающій заплатитъ вмѣсто 9—10, то изъ одной этой копѣйки составится въ годъ сумма тысячъ въ десять, которою можно поправлять и содержать всю эту дорогу въ наилучшемъ видѣ. Но если даже взвалить цѣликомъ заботу о дорогѣ и заботу о гоньбѣ на земство, то и тогда для этихъ двухъ несложныхъ отправленій вовсе не нужно платить огромныя суммы управамъ. Для этого достаточно имѣть одного земскаго повѣреннаго, съ платой отъ 2 до 2,500 руб. въ годъ. Въ доказательство того, какъ безплодно расходуются у насъ земскія деньги, мы приводимъ слѣдующій разсчетъ. Въ одномъ изъ уѣздовъ пермской губерніи обитаетъ 80-ти-тысячное населеніе. Въ прошломъ году бюджетъ мѣстнаго земства также составлялъ нѣсколько больше 80,000 р. Изъ этой суммы 12,000 р. было назначено на содержаніе управы и 8,000 мировымъ посредникамъ. Что два крестьянина въ управѣ получали по 1,000 р. въ годъ жалованья, отъ этого народу не только не тепло, а напротивъ скорѣе холодно. Такимъ образомъ четверть бюджета, 20,000, прямо выброшена за окно. Затѣмъ слѣдуютъ 10,000 на школы. Деньги эти конечно уйдутъ, но когда отъ нихъ будетъ ощутительная польза—Богъ вѣсть. Затѣмъ дороги и гоньба стоили огромныхъ денегъ. Что чиновникамъ и членамъ управы удобнѣе и комфортабельнѣе кататься, отъ этого народу тоже не особенно весело. Остается 12,000, употребленныхъ на медицину. Такъ какъ въ прошломъ году сильно свирѣпствовала перемежающаяся лихорадка, то медицина принесла осязательную пользу. Ушло двѣнадцать фунтовъ хины въ короткое время. Такъ или нѣтъ, но въ результатѣ положительно получилось, что за 80,000 рублей, потраченныхъ въ прошломъ году народомъ на земство, пять человѣкъ со ста получили шесть хинныхъ порошковъ! Вѣдь это ужасно! А между тѣмъ это такъ. Замѣчательно, что народъ благословлялъ судьбу, ниспославшую ему помощь.... И въ самомъ дѣлѣ: что съ народа ежегодно берутъ опредѣленную сумму, конечно для него нисколько не ново; въ прошломъ году тоже взяли извѣстный кушъ. Но народъ больше всего опытомъ дозналъ, что если что съ возу упало, то пропало.

Вдругъ, откуда ни возьмись, въ прошломъ году какъ съ неба свалилась лихорадка, и гдѣ только она ни появлялась въ уѣздѣ — немедленно являлась и помощь. Отправлялся туда или врачъ или фельдшеръ и раздавалъ лекарства безвозмездно, даромъ, такъ сказать. Это было очень ново, непонятно, странно, загадочно для народа и принесло огромную пользу земству, расположивъ къ нему народъ. Отсюда ясно какъ Божій день, что земство можетъ существовать только съ цѣлью приносить народу непосредственную пользу, и что не вправѣ расходовать изъ народнаго кармана ни единаго гроша на что нибудь постороннее, не идущее въ прокъ народу. Одну изъ такихъ услугъ и составляетъ земская медицина, о раціональномъ устройствѣ которой мы главнымъ образомъ и рѣшились здѣсь говорить. Остальныя части мы предоставляемъ людямъ болѣе компетентнымъ.

Но прежде чѣмъ перейти къ спеціальному изложенію интересующаго насъ здѣсь вопроса, мы снова должны напомнить, что насъ крайне поражаетъ отношеніе земскихъ управъ къ народу. Въ большинствѣ случаевъ земскія управы усвоили себѣ совершенно ложный взглядъ на вещи. Онѣ положительно увѣрены, что онѣ хозяева, а народъ ихъ подчиненный: что хотятъ онѣ, то даютъ народу—школы, врачей, больницы и прочее, а не хотятъ, такъ не даютъ; если онѣ хотятъ, онѣ пожалуй удостоятъ вниманія нужды народа, не хотятъ, никто имъ въ томъ не можетъ указать. Онѣ никакъ не хотятъ повѣрить и думать не желаютъ, что онѣ—первыя слуги народа, что онѣ отъ него получаютъ жалованье за свою мало полезную службу; а потому онѣ обращаются съ народомъ крайне небрежно и представляютъ собою самые лучшіе образцы канцелярій прежняго административнаго характера, вовсе не приставшаго къ лицу земскимъ управамъ. Пока управы не отрѣшатся отъ этихъ узкихъ взглядовъ и ложныхъ отношеній, онѣ не поймутъ, въ чемъ ихъ призваніе, въ чемъ вся суть ихъ соціальнаго назначенія. До сихъ поръ мы еще не встрѣтили ни одной управы, которая задалась бы цѣлью умалить экономическое убожество своего народа и сколько нибудь улучшить его матеріальное состояніе. Ни умѣнья, ни сознанія—ничего по этой части не имѣется. Остаются двѣ истинно-народныя заботы, отъ которыхъ управы не могутъ отказаться: это медицина и школы. Вы часто услышите на земскомъ собраніи или изъ устъ земской управы, что имъ вовсе не нужны врачи. Въ отвѣтъ такой управѣ мы прежде всего скажемъ, что скорѣе всего не нужно такой упра-

вы, которая не съумѣетъ разузнать нуждъ народа, и что если кѣмъ пожертвовать, такъ лучше всего жертвовать управой, а не медициной. Вмѣсто того, чтобъ удерживать на содержаніе управы отъ 5 до 10 тысячъ въ годъ, а на народное леченіе какихъ нибудь 50 руб., какъ это сдѣлали нѣкоторыя управы, во всякомъ случаѣ лучше, справедливѣе на эти деньги имѣть хоть одного врача съ нѣсколькими фельдшерами и безвозмездно раздать лекарства хотя бы тысячи на двѣ. Думаемъ, что мало найдется людей, которые станутъ оспаривать безполезность всякихъ управъ въ виду неудовлетворенныхъ самыхъ насущныхъ потребностей народа. Предложите народу рѣшить, не согласится ли онъ, чтобы сегодня же закрыли всѣ управы въ большей части нашихъ губерній и чтобы вслѣдъ за этимъ уменьшился налогъ хотя бы по 10 коп. съ души—и вы увидите, какъ возрадуется народъ такой благодѣтельной мѣрѣ. Попробуйте наоборотъ уничтожить врачей, больницы, фельдшеровъ, безмездную раздачу лекарствъ и—народъ возопіетъ всюду. Слѣдовательно, мы вопросъ о потребности для народа медицины рѣшаемъ утвердительно. Дѣло только сводится къ тому, какого рода медицина нужна народу.

III.

Жизненныя задачи земства заключаются въ стремленіи и умѣньи постоянно оказывать народу самую существенную и осязательную пользу. Жизненныя задачи его должны состоять въ томъ, чтобы не брать съ народа въ видѣ прямыхъ налоговъ *ничего* и давать ему все. Земство должно помнить, что его назначеніе исключительное, не отвлеченное, а прямое и непосредственное. А потому одна изъ серьознѣйшихъ заботъ земства — охраненіе народнаго здоровья. Факты слишкомъ громко говорятъ въ пользу этого положенія. И теперь не рѣдкость земскій врачъ, который въ теченіе года подаетъ медицинскую помощь отъ 10 до 12 тысячъ больнымъ. Мы сами, живя въ Камышловѣ, имѣли и навѣстили въ теченіе трехъ мѣсяцевъ, марта, апрѣля и мая, больше пяти тысячъ больныхъ. Въ рыночные дни мы принимали отъ ста до полутороста больныхъ. Осматривая съ шести часовъ утра до двухъ часовъ дня больныхъ, мы доходили до такого изнеможенія, что теряли способность говорить, языкъ не повиновался и мозгъ работалъ машинально. Такъ какъ приходилось осмотрѣть, выслушать и изслѣдовать больнаго, тутъ же записать

его и немедленно дать ему лекарство, разъяснивъ, какъ принимать его, то необходимо было держаться очереди и впускать въ пріемную комнату, гдѣ помѣщалась и аптечка, больныхъ по одиночкѣ. При этомъ случалось, что крестьяне, занимавшіе задніе ряды, дожидаясь съ ранняго утра аудіенціи и прождавъ до самаго полудня, не могли дождаться и уѣзжали ни съ чѣмъ. Все это доказываетъ наше безсиліе помочь, съ одной стороны, но главнымъ образомъ—потребность народа въ медицинѣ, его охоту лечиться, если есть гдѣ. Когда на поклоны и изъявленія благодарности крестьянъ мы имъ объясняли, что они всѣмъ этимъ обязаны самимъ себѣ, что съ нихъ взято въ текущемъ году по 10 коп. съ души на наемъ врачей, на лекарство, на фельдшеровъ и т. д., то они утверждали, что «возьми хоть по рублю—не жалко, только бы польга (польза) была». Если такіе факты, собранные нами въ теченіе цѣлыхъ десяти лѣтъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи, не могутъ убѣдить слѣпотствующихъ въ необходимости правильной и организованной медицины, то съ такими скептиками и толковать нечего. Мы теперь коснемся вопроса, какого рода медицина нужна собственно земству. Прежде всего мы замѣтимъ, что теперь существуетъ двоякая медицина, чисто врачебная или лечебная и санитарная или гигіеническая. Земство, не спросясь броду, полѣзло въ воду и взяло на себя участіе и въ той и въ другой. Такъ, всѣ городскія больницы ушли въ земство и вышла путаница. Вообще съ тѣхъ поръ, какъ у насъ появились двѣ статьи, земская и городская, дѣла начали путаться. Положимъ, въ городѣ появилась холера. Кому хлопотать? Администрація имѣетъ очень сильный голосъ, но ни гроша денегъ. Земство хочетъ взять на себя инициативу въ устраненіи эпидеміи и требуетъ отъ города денежнаго пособія, городъ же думаетъ, что онъ все это самъ лучше сдѣлалъ бы. Почему бы не раздѣлиться? Городъ долженъ заботиться самъ о себѣ, а земство должно заботиться объ уѣздѣ, о губерніи, о народѣ въ общемъ его составѣ. Поэтому мы того мнѣнія, что всѣ городскія больницы должны быть въ вѣдѣніи городовъ и городскихъ управъ. И это вовсе не будетъ стоить особенно дорого. Такъ, почти во всѣхъ городахъ имѣются военныя роты. За каждаго больнаго изъ военныхъ правительство платитъ по 30 коп. сер. въ сутки, такъ что любая городская больница въ уѣздныхъ городахъ можетъ существовать и до сихъ поръ почти существовала на счетъ военнаго вѣдомства. Въ городѣ Самарѣ губернская земская больница ежегодно расходуетъ до 50,000 р. сер.,

изъ которыхъ большую половину вноситъ за леченіе солдатъ военнаго вѣдомства. Само собою понятно, что военное вѣдомство не можетъ имѣть отдѣльныхъ спеціальныхъ больницъ во всѣхъ городахъ имперіи, но плата за содержаніе больныхъ совершенно достаточна, чтобы требовать отъ городовъ большаго вниманія и старанія при устройствѣ больницъ. Кромѣ того, города должны имѣть своихъ собственныхъ городовыхъ врачей на томъ же основаніи, какъ земство имѣетъ земскихъ. Прежнихъ же казенныхъ городовыхъ и уѣздныхъ врачей, вмѣстѣ съ инспекторами врачебныхъ управъ, можно совершенно упразднить безъ всякаго вреда для государства и народа. Какъ городовые, такъ и уѣздные казенные врачи теперь совершенно безполезны, потому что они сами не знаютъ, куда направить свою дѣятельность. Они до сихъ поръ удержались только ради формы путемъ традиціи, и служатъ такъ-себѣ. За то необходимъ теперь совершенно особенный родъ врачей, именно судебно-медицинскихъ. Кто хоть разъ участвовалъ экспертомъ въ окружномъ судѣ, кто прочелъ хоть одну книжку «Архива-судебной медицины», тотъ знаетъ, какіе судебно-медицинскіе акты представляютъ городовые и уѣздные врачи и какія они даютъ экспертизы. Каждый окружной судъ нуждается въ опытныхъ спеціалистахъ по судебной медицинѣ. У насъ такихъ почти вовсе нѣтъ. Между тѣмъ они крайне нужны, потому что отъ ихъ экспертизы часто зависитъ судьба многихъ людей. Когда окружные суды заявятъ о потребности въ такихъ спеціалистахъ и когда имъ назначутъ хорошее жалованье, тогда они у насъ явятся и принесутъ въ дѣлѣ суда неоцѣненную пользу. И такъ, намъ крайне нужны судебные врачи. Министерство юстиціи можетъ въ этомъ отношеніи войти въ сношеніе съ медицинскимъ департаментомъ. Такіе судебные врачи должны опредѣляться на службу только медицинскимъ департаментомъ, а никакъ не губернаторами, или предсѣдателями судовъ; они не должны подлежать произволу администраціи, но имѣть свое спеціальное вѣдомство—медицинскій департаментъ, высшее медицинское учрежденіе въ имперіи. Выдѣливъ такимъ образомъ судебныхъ врачей изъ сферы вѣдѣнія городскихъ и земскихъ учрежденій, мы легко убѣдимся, что городскіе и уѣздные врачи въ прежней, казенной формѣ становятся совершенно ненужными. Городскимъ и земскимъ учрежденіямъ остается тогда раздѣлить между собою заботу о народномъ здравіи и притомъ, по нашему мнѣнію, лучше всего городамъ предоставить устройство

больницъ. Земство же должно обратить свое преимущественное вниманіе на санитарную часть. Конечно, нельзя строго отдѣлить одну часть отъ другой и обратить ту или другую часть въ исключительную спеціальность. Бываютъ такія обстоятельства, такіе моменты, гдѣ требуется дружное участіе обѣихъ этихъ стихій. Самый выдающійся изъ такихъ моментовъ—безспорно, появленіе народныхъ эпидемій, которыя съ нѣкотораго времени сдѣлались въ Россіи какъ-бы постоянными и господствующими. Съ этими народными бѣдствіями приходится бороться всѣмъ и каждому, и только дружныя усилія всего общества могутъ положить конецъ тѣмъ опустошительнымъ набѣгамъ, которымъ Россія предлагаетъ самое широкое поприще по своей отсталости въ гигіеническомъ отношеніи. Между тѣмъ при грозномъ появленіи такихъ народныхъ бѣдствій разыгрывается всѣмъ знакомая комедія. Всякій старается отдѣлаться и свалить дѣло на сосѣда. Администрація суетится, тормошитъ то земство, то городскую думу, выходитъ путаница, никто не знаетъ за что взяться, всѣ теряютъ голову. Пора же наконецъ выяснить взаимныя отношенія и обязанности, пора подумать о третьемъ субъектѣ—о народѣ, пора оставить взаимныя препирательства.

Теперь несомнѣнно доказано наукой, что всѣ эпидемическія болѣзни порождаются растительными или животными паразитами, міазмами, которыя попадаютъ въ нашъ организмъ или питьемъ или дыханіемъ. Самой удобной почвой для зарожденія такихъ паразитовъ или міазмовъ—всякаго рода гниль; всюду, гдѣ происходитъ щелочное броженіе, тамъ имѣетъ мѣсто зарожденіе міазмовъ. Но этого мало. Самымъ главнымъ и чуть-ли не единственнымъ разносителемъ этихъ міазмовъ—самъ человѣкъ, таскающій всюду за собою и свое грязное бѣлье, и свое зараженное платье, подчасъ и самые экскременты. Не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію, что такіе бичи человѣчества, какъ холера, дизентерія, чума идутъ вслѣдъ за человѣкомъ, по стопамъ его и распространяются только путями сообщенія, не сворачивая въ сторону произвольно, не перескакивая съ одного мѣста на другое, болѣе отдаленное. Такъ напримѣръ, если появилась холера гдѣ-нибудь въ Астрахани, то она оттуда не перепрыгнетъ сразу въ Москву, развѣ кто нибудь непосредственно изъ Астрахани, уже зараженный, вдругъ появится въ Москвѣ; но этого до сихъ поръ никогда не случалось. Обыкновенный же ходъ ея таковъ, что изъ Астрахани она начинаетъ подниматься по Волгѣ,

медленно, тихо подвигаясь вверхъ, доплетется до Твери и вплоть до Петербурга, гдѣ она, положимъ, зимуетъ, какъ это случилось въ прошломъ году; перезимовавъ, она возвращается обратно тѣмъ же путемъ, какъ это случилось тоже въ прошломъ году, производя повсюду страшное, ужасающее опустошенiе. Но интересно то, что ни одинъ городъ, лежащiй по Волгѣ, не принимаетъ никакихъ мѣръ, чтобы охранять себя отъ этой напасти, отъ этого бѣдствiя. Совершенно наоборотъ. Города, лежащiе по Волгѣ, наперерывъ другъ передъ другомъ спѣшатъ остановить плывущую мимо дорогую гостью, непремѣнно попросятъ завернуть къ себѣ, встрѣчаютъ ее съ подобающими почестями, устроивая процессiи, помѣщаютъ ее въ обыкновенныхъ больницахъ, холятъ ее, лелѣятъ, и когда она сдѣлаетъ свое дѣло, провожаютъ ее съ такимъ же трiумфомъ. Безпечность и отсутствiе всякой предусмотрительности въ русскомъ человѣкѣ просто поразительны. Если съ одной стороны доказано, что эпидемiи распространяются самими людьми, ихъ обычными путями сообщенiя, то съ другой стороны также положительно извѣстно, что города и отдѣльныя мѣстожительства, прекратившiя во-время всякое сообщенiе съ внѣшнимъ мiромъ, тѣмъ самымъ предохраняли и избавляли себя отъ незваннаго бѣдствiя. Такъ, многiе города въ Швецiи избѣгли холеры единственно этимъ путемъ. Такъ, не было ни одного случая холеры въ 1830 году въ царскосельскомъ дворцѣ, совершенно изолированномъ. Основываясь на этихъ несомнѣнныхъ данныхъ, земства и города всего приволжья, вплоть до Петербурга, должны принять свои мѣры, о которыхъ мы не замедлимъ тутъ же сказать свое слово. Что именно земство и городскiя управы должны этимъ заняться, кажется не можетъ быть и спору. Администрацiя тутъ совершенно безсильна. Даже вовсе не желательно ея участiе. Кто хоть разъ видѣлъ, какъ несостоятельна администрацiя въ дѣлахъ этого рода, тотъ отъ всей души пожелаетъ, чтобы она оставалась тутъ совершенно въ сторонѣ, потому что она ни на волось не заинтересована тутъ ничѣмъ. Совсѣмъ другое дѣло земство. Въ одной самарской губернiи отъ холеры въ прошломъ году умерло до 5,000 людей по оффицiальнымъ даннымъ. Всякому извѣстно, на сколько у насъ вѣрны статистическiя данныя, собираемыя оффицiальнымъ путемъ, и какую цѣну имъ можно придавать; потому смѣло можно утверждать, что здѣсь цифра смертности уменьшена. Тоже самое и по всей Россiи. А въ этомъ году холэра

неистовствовала мѣстами въ ужасающихъ размѣрахъ. Въ Кіевѣ, Харьковѣ и особенно въ Тамбовѣ умирали отъ 100 до 150 человѣкъ въ день, такъ что смертность по всей Россіи отъ холеры въ этомъ году достигаетъ весьма почтенной и крупной цифры. Мы думаемъ, что такая страшная потеря въ людяхъ и въ экономическихъ силахъ земства вовсе не особенно выгодна. Если не жалко людей, то вѣдь экономическая производительность страны отъ этого значительно уменьшается и земство все-таки теряетъ. Хотя бы съ этой-то точки зрѣнія, не говоря о другихъ, земству слѣдуетъ заботиться объ устраненіи такихъ народныхъ бѣдствій. Но необходимо принять во вниманіе и другія обстоятельства, не менѣе важныя. Каждый разъ, какъ въ Россіи появляется холера, вся Европа дрожитъ и начинаетъ проклинать свое невыгодное сосѣдство съ нею. И рѣшительно, Россія каждый разъ передаетъ холеру изъ Азіи въ Европу. Пора поэтому убѣдиться, что холера—остатокъ варварства, а не плодъ цивилизаціи, что распахнуть двери настежъ холерѣ стыдъ и срамъ цивилизованной странѣ, признакъ соціальнаго убожества, соціальной несостоятельности народа. На Россіи поэтому лежитъ нравственная обязанность не только себя оберегать отъ холеры и отъ другихъ эпидемій, но избавить и Европу отъ такихъ непріятностей. Кромѣ того, холера влечетъ за собою самыя печальныя послѣдствія. Не говоря уже о томъ, что она положительно останавливаетъ приращеніе народонаселенія, она производитъ на народъ угнетающее впечатлѣніе. Человѣкъ приходитъ въ какое-то тоскливое состояніе духа. Не то чтобы онъ становится вполнѣ равнодушнымъ ко всему окружающему, но такъ какъ жизнь его ничѣмъ не гарантирована, ничѣмъ не обезпечена, то онъ впадаетъ въ апатію, въ уныніе, онъ коротаетъ жизнь день за днемъ безъ всякаго удовольствія. Нравственныя страданія въ это время ужасны. По Волгѣ мы слыхали, какъ цѣлыя селенія, при первомъ появленіи холернаго случая, отправлялись къ священнику исповѣдываться и причащаться. Всѣ между собою прощаются, плачъ, слезы, стонъ и вопли.... Думаемъ, не особенно же весела эта картина! Не даромъ остроумный Бёрне охотнѣе соглашался допустить любую конституцію, даже Гессенскую, лишь бы только предупредить появленіе *Cholera morbus*. Спѣшимъ предупредить приволжскія земства, что въ прошломъ году холера была такъ-себѣ, ослабленная зимовкой въ Петербургѣ, но что намъ съ Востока грозитъ новая бѣда, болѣе ужасная, чѣмъ до

сихъ поръ. Недавно въ Персіи была такая холера, что въ городѣ Тавризѣ ежедневно умирало по 250 человѣкъ. Кромѣ того, тамъ свирѣпствовала чума, тифъ и другія сверстницы нищеты и голода. Если всѣ эти милыя вещи весною заберутся на Волгу къ намъ, станутъ насъ бить въ два кнута, то мы право не знаемъ, куда дѣваться тогда русскому человѣку. Вѣдь это ужасно, что у русскаго человѣка во всѣхъ такихъ бѣдствіяхъ одинъ исходъ—смерть, одна дорога—въ могилу! А куда больше? Что прикажете дѣлать безпомощному? Какъ и къ кому обратиться за помощью? Ясно, что одно лишь земство и городскія учрежденія должны взять на себя заботу о предупрежденіи всѣхъ этихъ бѣдствій. Вы посмотрите только, что приходится на долю нашему народу. Кто у насъ горитъ цѣлыми селеніями и выгораетъ до тла изъ конца въ конецъ въ какихъ нибудь 50 лѣтъ? Разумѣется народъ! Не смотря на десятки милліоновъ пудовъ хлѣба, ежегодно пôтомъ и кровью добытыхъ руками его, кто у насъ голодаетъ цѣлыми губерніями — тотъ же народъ! Кого затопляетъ ежегодно обиліе рѣкъ, «весной многоводной», срываетъ мосты и портитъ дороги, такъ что по цѣлымъ мѣсяцамъ прекращается всякое сообщеніе—опять таки все это у народа! Кто валится отъ всякихъ эпидемій во всѣ времена года, не тутъ, такъ тамъ—все тотъ же народъ! Такъ за все это дайте ему хоть что нибудь, пусть онъ знаетъ, что выбранныя имъ лица за жалованье, которое онъ имъ платитъ, приносятъ ему хоть какую нибудь пользу.

Пусть же земство цѣликомъ возьметъ на себя нравственное обязательство быть полезнымъ народу по преимуществу. Въ медицинскомъ отношеніи земство можетъ достигнуть этой цѣли двумя важными мѣрами: санитарно-гигіенической, или дезинфекціей всѣхъ нечистотъ, и учрежденіемъ эпидемическихъ больницъ вблизи городовъ или при въѣздѣ въ города, расположенные по Волгѣ и по главнымъ линіямъ желѣзныхъ дорогъ. Такія эпидемическія больницы намъ крайне необходимы. Онѣ непремѣнно должны быть постоянными, а никакъ не временными, потому что у насъ по большимъ путямъ сообщенія всегда какая нибудь эпидемія да господствуетъ: если не холера, такъ тифъ, не тифъ, такъ кровавый поносъ, дифтеритъ, родильная горячка, оспа, скарлатина. Всѣ эти болѣзни если не прилипчивы, зато въ высшей степени заразительны. Потому ихъ необходимо изолировать, въ противномъ случаѣ онѣ дѣлаются повсемѣстными.

Такъ, въ прошломъ году въ самарскую губернскую земскую больницу были привезены съ рѣки Волги первые холерные больные, которые и заразили всю больницу. Пока догадались устроить отдѣльныя холерныя больницы, въ больницѣ перехворали чуть не всѣ больные холерой, и смертность, и безъ того ужасная въ нашихъ больницахъ, значительно усилилась. Многіе умерли положительно зря, только потому, что имѣли несчастье попасть въ больницу. Не успѣли мы управиться съ холерой, какъ на смѣну появились тифъ, который поражалъ также губителено, какъ и холера, и въ тоже время кровавый поносъ. Не смотря на всѣ наши хлопоты, ухаживанія, доводы, чтобы наняли отдѣльное помѣщеніе подъ эпидемическую больницу на берегу рѣки, при въѣздѣ въ городъ, всѣ наши старанія остались напрасными; мы ничего не могли добиться. Намъ отвѣчали обычнымъ non-possumus, нѣтъ-де домовъ, никто не отдаетъ. И вотъ вмѣсто того, чтобы задержать эпидемію внѣ города, на берегу рѣки, около пристаней, вмѣсто того, чтобы не дать ей пробраться въ городъ, мы сами собственными руками развозили ее по всему городу и размѣстили въ разныхъ углахъ. Всѣ увѣрены, что холера, тифъ, дизентерія заразительны, и не смотря на это, такихъ больныхъ везутъ съ рѣки въ городскую больницу, кладутъ среди больныхъ другого рода, заражаютъ совершенно неповинныхъ людей, больницы превращаются чуть не въ центры распространенія эпидеміи, потому что прислуга, фельдшеръ заболѣваютъ и такимъ образомъ народъ отправляютъ на тотъ свѣтъ en masse. Все это насъ положительно убѣждаетъ въ несомнѣнной необходимости эпидемическихъ больницъ на берегу Волги, внѣ городовъ, которыя могли бы такимъ образомъ хоть сколько нибудь замѣнить карантины. Тогда городскія больницы будутъ предохранены отъ ежеминутно грозящей имъ опасности быть безвинно зараженными опаснѣйшими эпидеміями. Мы того убѣжденія, что при первыхъ признакахъ такой эпидеміи гдѣ нибудь въ Персіи или на берегу Каспійскаго моря, мѣстные земскіе и городовые врачи должны имѣть право осматривать всякій прибывающій пароходъ и баржу и малѣйшій подозрительный случай задерживать на мѣстѣ впредь до исцѣленія. Вотъ почему намъ необходимы эпидемическія больницы неподалеку отъ городовъ, въ виду пристаней, притомъ снабженныя всѣми современными орудіями борьбы противъ эпидемій.

Одно изъ могущественнѣйшихъ орудій этой борьбы—безспорно дезинфекція. Но въ чемъ она заключается? Въ систематической, по-

стоянной очисткѣ человѣческихъ мѣстожительствъ отъ всякихъ нечистотъ. Въ послѣднее время это искуство къ счастью упрощено до nec plus ultra. До сихъ поръ лучшими дезинфицирующими средствами считались желѣзный купоросъ, сѣрная кислота и карболевая кислота. Всѣ эти вещи стоютъ денегъ хотя, и небольшихъ, но все-таки денегъ; сдѣлать ихъ употребленіе повсемѣстнымъ очень трудно, притомъ здѣсь нужно нѣкоторое умѣнье, кое-какія условія, упущеніе которыхъ дѣлаетъ безполезнымъ употребленіе всѣхъ этихъ веществъ. Самое лучшее средство, пальма первенства теперь на сторонѣ сухой земли. Года полтора тому назадъ мы заявили въ «Пермскихъ Вѣдомостяхъ», что уличная пыль испытана нами, какъ самое лучшее средство для дезинфекцій. «Эпидеміологическій листокъ» перепечаталъ наше заявленіе, но всѣ эти органы слишкомъ мало доступны публикѣ. Нѣкоторыя больницы приняли нашъ совѣтъ и до сихъ поръ продолжаютъ пользоваться землей, какъ самымъ удовлетворительнымъ средствомъ. Во-первыхъ, уличная пыль или сухая земля положительно уничтожаетъ всякое зловоніе, и даже вѣрнѣе, чѣмъ что нибудь другое; во-вторыхъ, такая земля не допускаетъ до щелочнаго броженія и тѣмъ препятствуетъ появленію какъ животныхъ, такъ и растительныхъ паразитовъ или міазмовъ. Такимъ образомъ, какъ самое лучшее дезинфецирующее средство мы предлагаемъ вещество, которое у насъ на Руси имѣется подъ рукой вездѣ и всюду, вполнѣ общедоступно, не стоитъ денегъ вовсе и скорѣе всего достигаетъ цѣли. Остается лишь распространить введеніе его въ употребленіе; необходимо, чтобы вошло въ обычай народа и всего общества очищать себя отъ опасныхъ нечистотъ, отъ всякой гнили и погани, отъ грязи и зловонія. А за этимъ могутъ смотрѣть и слѣдить одни лишь санитарные врачи, которыхъ должны пріобрѣсти земство и городскія учрежденія. Если земство возьметъ на себя преимущественно санитарную часть, оно равномѣрно распредѣлитъ между членами ту пользу, которую должна принести эта часть. Такъ, земство исключительно въ свои руки должно взять оспопрививаніе. Собирая съ народа деньги на эту отрасль санитарной медицины, земство окажетъ всѣмъ жителямъ уѣзда равномѣрную услугу, потому что оно прививаетъ предохранительную оспу въ каждой крестьянской избѣ. Для предупрежденія разныхъ эпидемій, истребляющихъ народъ и подкашивающихъ всѣ силы его, необходимо, напримѣръ, устранить почву, служащую источникомъ зарожденія этихъ міазмовъ. Такъ, цѣлыя села

по щею буквально завалены навозомъ, который повсемѣстно гніетъ, имъ запруживаютъ рѣченки, гдѣ застаивается гнилая вода, и этимъ путемъ распространяются самыя сильныя перемежающіяся болотныя лихорадки, доводящія сотни людей до крайняго истощенія. Такъ, весною прошлаго года въ Камышловскомъ уѣздѣ Пермской губерніи среди населенія въ 200,000 обоего пола было по крайней мѣрѣ до 10,000 больныхъ болотною лихорадкою. Мы сами израсходовали до 12 фунтовъ хинина въ теченіе трехъ мѣсяцевъ и тогда же потребовали еще десять фунтовъ. Когда мы выписали изъ Петербурга отъ Штоля и Шмидта десять фунтовъ хинина, они удивились и спросили насъ, не по ошибкѣ ли мы написали десять фунтовъ и не десять ли унцій намъ нужны. Но мы того убѣжденія, что главная причина распространенія міазмовъ это именно скопленіе навоза, среди котораго тонутъ многія наши села. Чтó въ такомъ случаѣ прикажете дѣлать? Мы пришли къ тому убѣжденію, что единственный путь—экономическій: предложить гласнымъ отъ крестьянъ сдѣлать налогъ по 5 коп. съ души, деньги эти отдать въ руки тѣмъ же крестьянамъ, съ условіемъ, чтобы они вывезли этотъ навозъ на поля, принадлежащія обществамъ, и такимъ образомъ удобрили свои собственныя пашни. Такія санитарныя мѣры могутъ быть обсуждаемы земскими представителями и приведены въ дѣйствіе, исполнены санитарными земскими врачами.

Итакъ, эпидеміи въ большинствѣ случаевъ требуютъ совмѣстнаго дѣйствія земства и городскихъ управъ. Во всемъ же остальномъ, по нашему крайнему разумѣнію, земства и города должны раздѣлить между собою медицинскую часть, и притомъ такъ, чтобъ города сами заботились о городскихъ больницахъ и о городскихъ врачахъ; земства же должны преимущественно заботиться объ уѣздахъ. Система устройства земской медицины должна, по нашему убѣжденію, заключаться въ слѣдующемъ. Во главѣ каждаго медицинскаго раіона стоитъ врачъ. Ему подчинены фельдшера, по одному на двѣ волости по меньшей мѣрѣ, или, еще лучше, по одному въ каждой волости. Врачъ кромѣ того завѣдуетъ и аптекарской частью. Всѣ эти статьи требуютъ разъясненія. Самое главное условіе земской медицины, чтобы она была какъ-бы безмездной. Этотъ принципъ непоколебимъ. Всѣ, участвующіе въ земскихъ сборахъ, имѣютъ полное право пользоваться земскими учрежденіями одинаково. Этого требуетъ справедливость. Это принципъ, нарушеніе котораго противорѣчитъ самымъ элементарнымъ понятіямъ о справедливости. Положимъ, что населеніе въ 100

тысячъ ревизскихъ душъ собираетъ и сдаетъ въ земство на устройство земской медицины по 10 коп. съ души. Это составитъ на 200,000 душъ обоего пола десять тысячъ рублей сер. Сумма эта для удовлетворенія медицинскихъ потребностей не особенно тяжела. Спѣшимъ оговориться. Мы очень хорошо понимаемъ, какъ крестьянину дорога каждая копѣйка, какимъ трудомъ она ему достается, какъ онъ въ ней вѣчно нуждается и какъ неохотно съ нею разстается. Но если съ него берутъ рубли и тратятъ ихъ вовсе не въ его пользу, то пусть же хоть десять копѣекъ изъ взятой съ него суммы употребляются на его существенныя потребности. Сумму эту прійдется распредѣлить такимъ образомъ: одинъ врачъ за 2000 р. жалованья, 20 фельдшеровъ по одному на пять тысячъ жителей по 300 р. каждый, а 2000 р. на лекарство. Если же этого мало и средства позволяютъ, тогда приходится прибавить еще по 5 к. и тогда можно имѣть двухъ врачей, каждый по 2000 р. жалованья; тоже количество жалованья трехъ акушерокъ, каждой по 300 р., и 2000 р. на устройство небольшой больницы. Какъ врачъ, такъ и фельдшеръ должны положительно всѣхъ участвующихъ въ земскомъ сборѣ лечить безплатно и давать лекарства безвозмездно. Только при соблюденіи этого условія крестьяне станутъ обращаться за медицинскою помощью всѣ безъ исключенія. Это условіе sine qua non. Если ихъ лечить за плату и давать лекарства за деньги, то они и тогда станутъ обращаться за помощью, но въ десять разъ меньше; т. е. если теперь обращаются къ врачу 100 человѣкъ, то тогда станутъ обращаться къ нему десять. Даровое леченіе и даровыя лекарства имѣютъ самое магическое вліяніе на крестьянство и крайне располагаютъ ихъ въ пользу земства. Въ прошломъ году лихорадка, господствовавшая въ камышловскомъ уѣздѣ, оказала великую услугу мѣстному земству. Не смотря на всю горечь хинина, крестьянство по-истинѣ почувствовало всю сладость земскихъ учрежденій и отъ души благословляло судьбу. Какъ только разнеслась вѣсть о томъ, что въ городѣ существуетъ лекарь, что онъ всѣмъ даетъ лекарства безъ денегъ и что отъ его порошковъ навѣрняка проходитъ *непряха*, или *трясучка*, т. е. лихорадка, какъ со всѣхъ сторонъ стали къ намъ обращаться, и если кто лично не могъ явиться, то обращался письменно, какъ въ свое собственное депо, съ полною увѣренностью, что получитъ какое нибудь пособіе. Мы рѣшаемся здѣсь привести нѣсколько полученныхъ нами отъ крестьянъ записокъ, характеризирующихъ и степень развитія, и степень грамот-

этомъ не заводили никакой аптечной посуды, да сеи не нужно. Крестьяне скоро освоились съ этимъ недостаткомъ и, отправляясь въ городъ или къ фельдшеру за лекарствомъ, брали съ собой, кто бутылку, кто шкаликъ, кто банку изъ подъ помады, временъ царя гороха. Между тѣмъ посуда аптечная иногда стоитъ дороже самаго лекарства. Въ одномъ губернскомъ городѣ, съ 35,000 населеніемъ, аптека ежегодно выручаетъ до 50,000 р. сер. за лекарства, лишь отпускаемыя по рецептамъ врачей. На такую сумму мы беремся кормить цѣлую губернію всякими лекарствами до отвалу, чтобы не сказать хуже. Эти цифры ужасны и показываютъ, насколько медицина—выгодная промышленность и барышничество. Въ одной губернской земской болницѣ, имѣющей среднимъ числомъ до 200 больныхъ ежедневно, на содержаніе аптеки уходитъ свыше 4,000 р. Но изъ этихъ денегъ развѣ третья часть достается на долю больныхъ, остальныя двѣ трети ускользаютъ такъ же ловко, какъ и въ блаженное время Приказовъ Общественнаго Призрѣнія. Земскія учрежденія унаслѣдовали самыя непродуктивныя традиціи: разные штаты, смотрителей, вахтеровъ, надсмотрщиковъ, надзирателей, которые всѣ то же вѣрны своимъ традиціямъ и обкрадываютъ земство такъ же усердно, какъ прежде казну. Все бы это прочь...

Князь Васильчиковъ разсказываетъ, что во Франціи и Пруссіи есть особый родъ врачей для бѣдныхъ, Armen-arzt, medecin des pauvres. Эти врачи оказываютъ медицинскую помощь безплатно только такимъ лицамъ, которыя представляютъ формальное свидѣтельство о своей бѣдности отъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Представьте, еслибъ это ввелось у насъ въ селахъ и уѣздахъ. У насъ и безъ того подчасъ не заманишь крестьянина полечиться у врача, у насъ цѣлыя секты считаютъ грѣхомъ вовсе лечиться, у насъ всякая помѣщица и любой генералъ, вышедшій въ отставку, за неимѣніемъ другого занятія, заводятъ аптечки и занимаются медицинской практикой, такъ куда намъ тутъ со свидѣтельствами! Притомъ же, нашъ народъ настолько повсемѣстно бѣденъ, что ему смѣло можно выдать такое свидѣтельство огуломъ, и на этомъ-то основаніи ему необходимо *даровое* леченіе и *даровыя* лекарства, т. е. на деньги, собранныя съ этой цѣлью именно съ него же. Такимъ образомъ мы этотъ вопросъ считаемъ рѣшеннымъ въ принципѣ. Да при чемъ же остается земство, если медицина не удовлетворительна, не приноситъ никакой выгоды? Чѣмъ еще земство можетъ заявить свою полезность народу? Рѣши-

тельно не можемъ догадаться. Мы, напротивъ того, скорѣе желаемъ, чтобы, если не совсѣмъ упразднить управы, то, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ содержаніе впятеро и деньги эти съ большей пользой употребить на леченіе народа. Это довольно интересно: заговорите о прибавкѣ жалованья предсѣдателю или кому изъ членовъ—откуда и деньги возьмутся, замолвите слово о томъ, что нужно увеличить содержаніе фельдшера или повивальныхъ бабокъ — денегъ нѣтъ и достать негдѣ.

Мы, слѣдовательно, полагаемъ, что въ каждомъ раіонѣ во главѣ медицины стоитъ врачъ. Смотря по обстоятельствамъ, на каждый уѣздъ можетъ у насъ понадобиться отъ одного до трехъ врачей. Если средства позволяютъ, хорошо имѣть трехъ, въ противномъ случаѣ можно обойтись съ однимъ. Мы не гонимся за идеаломъ, который требуетъ, чтобы въ каждомъ селѣ былъ врачъ. Идеалъ этотъ слишкомъ далекъ отъ осуществленія; но пока врача въ большинствѣ случаевъ можетъ замѣнить фельдшеръ. Вы часто замѣтите въ обществѣ какую-то непонятную враждебность къ фельдшерамъ. Особенно въ этомъ отношеніи рекомендуютъ себя врачи—хотя, впрочемъ, врачи былыхъ временъ, отжившіе свое время. Фельдшеръ и пьяница, и кровопійца, и пьявочникъ, и ничего несмыслитъ. Какъ будто эти свойства присущи однимъ лишь фельдшерамъ! Какъ будто грѣхи до сихъ поръ водились только за фельдшерами! На самомъ дѣлѣ явленіе это обще не однимъ лишь фельдшерамъ, и нечего особенно на нихъ нападать. А потому мы полагаемъ совершенно достаточнымъ на первыхъ порахъ одного врача и по одному фельдшеру на двѣ волости. Попробуемъ это разъяснить.

Князь Васильчиковъ полагаетъ, что «радіусъ круга дѣйствій одного врача не можетъ быть болѣе 25 верстъ, т. е. разстояніе, какое можетъ пройти, безъ изнуренія, рабочая лошадь или пѣшеходъ. За этой линіей вліяніе, полезное дѣйствіе врачебныхъ учрежденій прекращается; ни силы больнаго, ни земледѣльческія работы не позволяютъ нашимъ простолюдинамъ отлучаться на такія разстоянія, гдѣ требуется ночлегъ, кормъ лошади или даже перемѣна упряжи; скорѣе, чѣмъ подвергнуть себя такимъ случайностямъ, русскій крестьянинъ будетъ переносить, съ свойственнымъ ему долготерпѣніемъ, самыя мучительныя боли (О самоуправленіи. Т. 2, стр. 448).» Мнѣніе это слишкомъ преувеличено. Крестьянинъ не только на парѣ лошадей, но и на одной лошади, везетъ свой хлѣбъ продавать на рынокъ за 100 и

богоносъ меня полечить; шесть банекъ (бань) въ одинъ день велѣлъ истопить и все меня въ ней парилъ, какое то стеклушко показалъ и велѣлъ въ него посмотрѣть. Потомъ поилъ мачихой травой. Я и безъ ума стала. За леченіе я ему дала пудовку пшеницы. Сосѣда тоже полечилъ, тотъ такъ и трекнулся (умеръ). Лечатъ больше знахарки, ну ей холста аршинъ отрѣжешь, хоть тебѣ вѣкъ легче небудетъ.» Врачъ потому долженъ имѣть подъ рукой всѣ средства, чтобы сдѣлать свой авторитетъ такъ сказать непогрѣшимымъ и явиться въ глазахъ народа человѣкомъ незаинтересованнымъ ни въ чемъ, кромѣ желанія его вылечить, сдѣлать его здоровымъ. А потому онъ самъ долженъ получать такое вознагражденіе, которое его совершенно обезпечивало бы, чтобъ онъ не нуждался ни въ какой другой частной практикѣ, но весь былъ бы преданъ дѣлу народа, чтобъ его называли «крестьянскимъ лекаремъ». Вотъ почему мы полагаемъ, что земскому врачу необходимо платить minimum 2,000 р. сер. или отъ 2 до 3,000 р. сер.; тогда онъ будетъ въ состояніи равномѣрно распредѣлять свою дѣятельность въ пользу цѣлаго округа. При такомъ положеніи онъ объявитъ крестьянину напрямикъ или его окружающимъ, что онъ такого-то больнаго берется вылечить, что онъ такому-то попробуетъ помочь, а что такому-то «нѣтъ вѣку», т. е. вылечить нельзя. Необходимо съ крестьяниномъ поступать прямо, безхитростно, объявлять ему просто, въ чемъ дѣло, сколько времени нужно, чтобы его вылечить и т. д. Первое время къ врачу пожалуй будутъ относиться съ недовѣріемъ и мнѣніе его станутъ провѣрять всякими знахарками, но по прошествіи нѣкотораго времени крестьяне убѣдятся, что предсказанія врача были справедливы, и тогда къ нему станутъ обращаться съ полнымъ довѣріемъ. Только этимъ путемъ будетъ современемъ положенъ конецъ всякимъ знахаркамъ.

Русскій человѣкъ неисправимый утилитаристъ и не любитъ никакихъ формальностей. Аптеки, рецепты, сигнатурки — все это для него китайская грамота. Всю эту процедуру онъ терпѣть не можетъ, да главное не понимаетъ и считаетъ ее совершенно безполезною. Онъ любитъ *надобье, зѣлье* и очень радъ, когда ему его даютъ или даже продаютъ въ лавкѣ безъ всякихъ затѣй. Такъ, въ прошломъ году по всей восточной полосѣ Урала повсемѣстно господствовала лихорадка и во всѣхъ лавочкахъ продавали *хинную соль.* Крестьянинъ, отправляясь на рынокъ, мимоходомъ заходитъ къ знакомому купцу, покупаетъ хинной соли на 15 к. сер. и выздоравливаетъ... Дѣло это очень

просто. Аптеки съ мраморными колоннами, съ золотымъ двуглавымъ орломъ и съ элегантными провизорами земству вовсе ненужны. Земству нужны лекарства изъ магазина Штоля и Шмидта. Врачъ выписываетъ на опредѣленную сумму лекарства, удѣляетъ извѣстную порцію каждому фельдшеру, остальное хранитъ у себя въ земской больницѣ, гдѣ фельдшеръ, при немъ или безъ него, просто раздаетъ крестьянамъ готовыя лекарства. Разумѣется, все это записывается въ книгу для вѣрности, для счета. При повальномъ распространеніи лихорадки прошлой весной, мы объѣзжали села и, являясь въ волость въ праздничный день во время сходки, приглашали къ себѣ больныхъ и тутъ же раздавали до 50 порцій хинныхъ порошковъ, имѣвшихся у насъ на-готовѣ. Сдѣлавъ это, мы отправлялись дальше. Этимъ способомъ можно въ нѣсколько дней объѣхать нѣсколько волостей, узнать всѣхъ имѣющихся на лицо больныхъ, опредѣлить ихъ болѣзни и частію тутъ же снабдить ихъ лекарствомъ, а частію выписать изъ города съ отдѣльнымъ нарочнымъ, присылаемымъ для этой цѣли. Если же въ волости имѣется фельдшеръ, то дѣло совершается еще проще, еще легче. Все это необходимо отправлять безвозмездно и не дѣлать положительно никакого различія между больными, не оказывать никакого предпочтенія никому изъ сельской аристократіи, ни попу, ни писарю, ни старшинѣ, которые всѣ, съ перваго разу, непремѣнно претендуютъ на преферансъ и решпектъ къ своимъ профессіямъ, или къ своему высокому сану. Впродолженіе пяти мѣсяцевъ, на нашемъ попеченіи было около 200,000 сельскаго населенія и до 3-хъ тысячъ жителей въ городѣ. Во все это время было очень много больныхъ лихорадкой, такъ что хинину ушло 12 фунтовъ. Полагая по 50 руб. за фунтъ, значитъ 600 р. За все это время другого лекарства ушло рублей на 200. Мы поэтому вправѣ сдѣлать такой разсчетъ. Полагая, что въ народѣ всегда найдется до 20 проц. больныхъ, на 200,000 населенія—40,000 больныхъ. Если изъ нихъ будетъ положимъ 20,000 больныхъ лихорадкой, то понадобится до 40 фунтовъ хинину, что будетъ стоить 2000 р., да на остальныхъ 20,000 больныхъ другія лекарства будутъ стоить maximum 1000 р.; итого 3000 р. Мы положительно ручаемся за эту сумму даже при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Въ дѣйствительности ничего подобнаго никогда не бываетъ. Не каждый же годъ, въ самомъ дѣлѣ, свирѣпствуетъ такая лихорадка, какъ въ прошломъ году, а хининъ самое дорогое лекарство. Все остальное просто пустяки. Мы, правда, при

шиваетъ между собою вещи, вовсе несравниваемыя. Мы—не Европа, Европа—не мы. Европа не нуждается въ томъ, въ чемъ мы нуждаемся и въ чемъ мы еще долго будемъ нуждаться. Населенность Европы, богатство ея, обиліе врачей, дешевизна ихъ помощи и аптекарскихъ снадобій съ одной стороны; съ нашей же стороны—разбросанность и многочисленность населенія, его повсемѣстная бѣдность, по одному врачу на двухсоттысячное населеніе, раскинутое на пространствѣ сотень квадратныхъ миль, равняющихся иногда цѣлому Европейскому государству. Что тутъ общаго? Затѣмъ, европейская образованность, ея нравственное развитіе, ея установившіеся нравы и обычаи, не нуждающіеся ни въ какихъ регламентаціяхъ, ея умѣнье быть во время и кстати благотворительной—и наше невѣжество, отсутствіе всякаго общественнаго и умственнаго развитія, наша косность и пассивность, наша безтолковая и неумѣстная благотворительность, наши провинціальные нравы и обычаи, наше общежитіе и въ добавокъ наши традиціи и наши милыя климатическія условія. Что тутъ общаго? Потомъ князь Васильчиковъ смѣшиваетъ такія вещи, какъ правительственныя и земскія учрежденія; но въ томъ-то и сила, что между ними непроходимая бездна или по крайней мѣрѣ должна быть такова. Отъ правительственныхъ учрежденій никто никогда и не думалъ требовать, чтобы они «организовали всенародное безплатное врачеваніе». Совсѣмъ другое дѣло земскія учрежденія. Они съ правительственными не могутъ идти въ паралель. Земскія учрежденія—дѣло ассоціаціи. Каждый вкладчикъ долженъ имѣть одинаковую долю пользы; всякій пайщикъ долженъ пользоваться соотвѣтственной долей барыша. Сто тысячъ крестьянъ даютъ по 10 коп. съ души на наемъ лекаря и на покупку лекарствъ. Справедливость требуетъ, чтобъ каждый получалъ и то и другое въ случаѣ надобности за тѣ деньги, которыя съ него взяты предварительно на это дѣло и съ этимъ условіемъ. И то здѣсь справедливость далеко не абсолютная. Вѣдь на 100,000 душъ maximum захварываетъ въ теченіе года до 20,000; изъ нихъ дай Богъ, чтобы половина т. е. 10,000 увидѣли врача или фельдшера и получили бы лекарства; слѣдовательно, чтобы одного Ивана вылечить отъ лихорадки золотникомъ хинина, девять его сосѣдей вмѣстѣ съ нимъ заплатили по 10 к. сер. съ души. Остальные девять тутъ ни причемъ.. До какого же еще minimum'а вы хотите довести справедливость? Изъ-за какого благополучія станутъ десять платить съ тѣмъ условіемъ, что въ случаѣ, если хотя одинъ

изъ нихъ захвораетъ, то этотъ одинъ долженъ платить и врачу за леченіе и за лекарства? Потому-то эти десять и платятъ каждый по мѣрѣ силъ и возможности, чтобъ быть обезпеченными на случай болѣзни одного изъ нихъ. Здѣсь положительно предѣлъ справедливости и дальше этого идти будетъ уже не справедливо. Съ другой стороны, даровое леченіе и безмездныя лекарства имѣютъ крайне благодѣтельныя послѣдствія. При оплачиваемомъ леченіи никогда крестьяне не станутъ обращаться въ такомъ множествѣ, при безплатномъ они обращаются всѣ почти безъ исключенія. Молва далеко разноситъ вѣсть о томъ, что тамъ-то существуетъ теперь и лекарь и лекарства и что за все это не требуется никакой платы. Мало того, если кто и предлагаетъ какую нибудь плату или вознагражденіе или благодарность въ формѣ десятка яицъ и пары огурцовъ, или двухъ-трехъ десятковъ картофелю, то все это не принимается и отвергается на томъ основаніи, что и леченіе и лекарства уже оплачены раньше, сборомъ тѣхъ десяти копѣекъ, о которыхъ крестьянинъ совсѣмъ было забылъ. Обстоятельство это крайне располагаетъ крестьянина, внушаетъ ему довѣріе къ врачу и къ медицинѣ и къ предлагаемому лекарству. Въ виду господствующаго въ народѣ повсемѣстнаго знахарства и колдовства, безмездное леченіе получаетъ особенно важное значеніе. Знахарство появилось въ народѣ именно потому, что эта помощь была всегда подъ рукой и не стоила особенно дорого. Точь въ точь въ такія же отношенія должна стать и раціональная медицина къ народу. Князь Васильчиковъ забываетъ, что земскія учрежденія въ Европѣ явились какъ потребность общества и вызваны самимъ обществомъ, но у насъ имъ необходимо носить характеръ воспитательнаго свойства. Земскія учрежденія у насъ должны имѣть воспитательное и образовательное значеніе. Безплатное леченіе и безплатныя лекарства могутъ современемъ подорвать въ корнѣ знахарство, и шарлатанизмъ, и эксплуатацію разныхъ коноваловъ и разныхъ богоносовъ, шатающихся по всей Руси святой, плѣняющихъ ее своими разсказами о бѣлой Арапіи и стоющихъ все-таки дорого народу. И вотъ народъ будетъ платить деньги на наемъ врача и на покупку лекарствъ, а въ случаѣ надобности онъ обратится за помощью къ богоносу, которому за услугу все-таки заплати. Въ доказательство того, что народъ платитъ за эти услуги, мы приведемъ здѣсь разсказъ крестьянки Авдотьи Воробьевой изъ деревни Полдневой, Ильинской волости, у которой было сильное маточное кровотеченіе: «Позаимствовался

ности и отношенія къ новымъ учрежденіямъ. Сохраняемъ въ точности орѳографію подлинника.

1) «Господину объезному дохтуру Притуганову осмѣлюсь вамъ донести о больной женшины къ серцу приступитъ, отъ серца отъступитъ животъ заболитъ, вушахъ болитъ, въ корле не даетъ глатать, отъ пупа какъ простень наперво морозить нечноять, ноги болятъ. Села Ирбитцкихъ вершинъ».

2) «Куровской волости деревни Талицы крестьянинъ Владимеръ Васильевъ Каргапольцевъ нездаровъ вънутреной болезни лихоманка беретъ удушьемъ, свидетельствовали фершала мая 25 дня составляли составъ отъ того полги не оказалось прошу ваше благородіе неоставъте моей брозьбы невозможно ли прислать лекарства засвидетельствовалъ староста Андрей Потаповъ приложилъ печать».

3) «Куровской волости изъ деревни Портомойки крестьянина Осипа Петрова Кропивина и предъписаю въ г. Камышловъ г. лекарю и прошу я васъ измилости г. лекарь. Не отпустите ли мне лекарство для етой болѣзни первое голово болитъ, въ голове жаръ состоитъ въ 2 насамово морозъ, третие серце болитъ лихота на сердце состоитъ хлеба несколь на нутро непущатъ горко тяжко я немогу зделаитѣ такое великое попечение г. лекарь».

4) «Въ обтекъ сіе въ Камышловской Городъ Господину Лекарю; Покорнѣйше просимъ Выдать надобьевъ Для изличенія крестьянину Михаилу Устинову Фомину съ женой Его Маріміаной Петровой Фоміныхъ, Оба они находятся въ немоще въ одной; А неизвѣстной намъ въ какой, Нездоровы они Грудію и крыльцамъ, и харковіна идетъ небаякая, сельской староста Устинъ Филиповъ Фоминыхъ, Печать Приложилъ А сей податель требуетъ сіе, Степанъ Кузьминъ Фоминыхъ же».

Вотъ по такимъ запискамъ крестьяне получали лекарства и невстрѣчали почти никогда отказа, а потому они не упускали ни одного удобнаго случая, чтобы изъ самыхъ отдаленныхъ уголковъ не обратиться за *снадобьемъ*, получали его, и лихорадка проходила. Вотъ почему мы полагаемъ, что какъ леченіе, такъ и отпускъ лекарства должны быть совершенно безмездны и безъ всякой платы. Правило это необходимо поставить въ принципѣ и свято соблюдать его. Князь Васильчиковъ въ своей книгѣ о самоуправленіи говоритъ: «У насъ общее направленіе земскихъ учрежденій при составленіи проектовъ санитарной организаціи таково, что предполагается имѣть врачей

на земскомъ жалованьи, которые обязаны бы были, довольствуясь этимъ жалованьемъ, лѣчить все окружное населеніе безплатно или за самую умѣренную плату и не только бѣдныхъ неимущихъ, но и всѣхъ обывателей безъ различія. Въ этомъ, какъ намъ кажется, заключается главнѣйшее и едва-ли преодолимое затрудненіе къ устройству врачебной части; оно проистекаетъ изъ шаткаго и смутнаго понятія, которое вкралось въ Россіи во всѣ вѣдомства народнаго продовольствія, общественнаго призрѣнія, народнаго здравія, что всякій расходъ, производимый обществомъ или земствомъ, даетъ и каждому члену общества и земства право пользоваться предметомъ, на который расходъ ассигнованъ. При этомъ, не допускается различія между зажиточнымъ крестьяниномъ и бездомнымъ бобылемъ, не дается никакого преимущества нуждающемуся; предполагается, что всякія пособія—хлѣбныя, денежныя, врачебныя разверстываются по той же нормѣ, какъ и повинности, коими они удовлетворяются, однимъ словомъ, что всякія общественныя мѣропріятія имѣютъ въ виду не помощь бѣднымъ и неимущимъ, не благотворительность, а общее и даровое пользованіе всего мѣстнаго населенія».

«Весьма трудно найти выходъ изъ этого ошибочнаго круга; въ другихъ странахъ врачебныя пособія устраиваются собственно для бѣднѣйшаго класса въ томъ предположеніи, что прочіе жители прiищутъ себѣ медицинскую помощь въ случаѣ нужды. У насъ же отъ правительственныхъ и земскихъ учрежденій требуется, чтобы они организовали всенародное безплатное врачеваніе; отъ этого разумѣется расходы возвышаются чрезмѣрно и за недостаткомъ средствъ ничего не предпринимается. Мы полагаемъ, что собственно къ вѣдомству народнаго здравія относится не общее устройство врачебной части, а *только безплатныя пособія тѣмъ больнымъ, которые не имѣютъ средствъ прибѣгнуть къ врачу*, или случайно, внезапно, подвергаются несчастнымъ случаямъ».

Не смотря на высокій авторитетъ князя Васильчикова въ вопросѣ о самоуправленіи и на глубокое уваженіе, которое намъ внушаетъ его почтенный трудъ, мы не согласны ни съ однимъ изъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ приведенной нами цитатѣ. Мы не согласны съ нимъ не на основаніи теоріи или какихъ нибудь кабинетныхъ соображеній, а на основаніи опыта; мы не согласны съ нимъ не книжно, а потому, что мы убѣдились въ совершенно противномъ de facto, при столкновеніи съ живою дѣйствительностью. Князь Васильчиковъ смѣ-

просъ о больницахъ еще далеко не рѣшенъ, то мы намѣрены коснуться и этого вопроса. Существенный принципъ всей медицины долженъ конечно заключаться въ стремленіи принести больному возможно большую пользу. Руководствуясь этимъ принципомъ, намъ необходимо въ виду извѣстныхъ обстоятельствъ подумать о томъ, что мы въ состояніи сдѣлать. Опытъ вѣковъ и особенно послѣднихъ временъ доказалъ, что всѣ больницы—учрежденія, вовсе не соотвѣтствующія своему главному назначенію—исцѣлять больныхъ. Особенно много въ этомъ отношеніи разъяснилъ дѣло все тотъ же знаменитый двигатель ея Н. И. Пироговъ. Онъ именно утверждаетъ, что каждый больной всегда имѣетъ больше шансовъ выздоровѣть дома или вообще внѣ больницъ и несравненно больше шансовъ умереть въ больницѣ, чѣмъ гдѣ-либо въ иномъ мѣстѣ. Это важное обстоятельство очень и очень часто упускается изъ виду, и о больницахъ трактуютъ, какъ о чемъ-то безусловно спасительномъ. Но есть масса несчастныхъ страдальцевъ, которымъ положительно некуда дѣваться въ случаѣ болѣзни, и вотъ только для этихъ несчастныхъ именно больница нужна. Слѣдовательно, всякая больница ни больше ни меньше, какъ неизбѣжное зло. Это отрицательное значеніе больницъ возрастаетъ конечно тѣмъ больше, чѣмъ меньше онѣ удовлевлетворяютъ современымъ требованіямъ гигіены и медицины, и въ этомъ смыслѣ наши губернскія земскія больницы такое страшное зло, что въ ихъ пользу ничто не говоритъ, а противъ нихъ все. При сооруженіи больницъ, обыкновенно имѣютъ въ виду воздвигнуть величественное зданіе, которое бы поражало зрителя—разумѣется, издали. Но эти величественныя зданія лишь временная станція при переправѣ огромной массы людей на тотъ свѣтъ, потому что въ этихъ зданіяхъ воздухъ всегда самый ядовитый, насыщенный міазмами, пища большею частью отвратительна, уходъ самый жалкій и вслѣдствіе этого смертность ужасная. Администрація и порядки нашихъ больницъ—нѣчто не то чудовищное, не то курьезное. Въ нѣкоторыхъ больницахъ существуетъ ненарушимое правило, что вновь поступающіе больные получаютъ пищу *только на другой день*, хотя бы они поступили съ ранняго утра и хоть вы тутъ распинайтесь до полночи. Иногда случаются такого рода курьезы, что ординаторы во время визитацій спрашиваютъ больныхъ, не пожелаютъ ли они чего-нибудь *завтра*, потому что всякое желаніе больнаго относительно пищи, питья и другихъ прихотей, можетъ быть исполнено только на другой день. Ради

Бога не думайте, что это выдумка, или такъ себѣ сказано, для краснаго словца. Это слишкомъ грустная правда. Положеніе больного въ больницѣ вообще самое безотрадное. Его душитъ мрачная палата и формальность обстановки, темные корридоры съ ихъ зловоніемъ внушаютъ ему скорѣе отвращеніе, чѣмъ охоту прогуливаться по нимъ, а сонъ и спокойствіе, столь необходимые для его здоровья, постоянно нарушаются миріадами клоповъ. Смѣло можно поручиться, что еслибъ какой нибудь дерзкій врагъ потребовалъ контрибуцію съ нашихъ больницъ клопами, то ихъ можно было бы доставить по меньшей мѣрѣ «пять милліардовъ». Положимъ, что въ данную минуту ихъ не найдется столько, но съ разсрочкой въ три-четыре года навѣрное можно выплатить эту сумму. Каково же хворать-то въ такой больницѣ! И въ такихъ-то больницахъ всѣ норовятъ, какъ бы съэкономничать и воспользоваться насчетъ больнаго, начиная съ сторожа и оканчивая поставщикомъ матеріаловъ. Совокупность всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ приводитъ къ тому, что смертность въ нашихъ больницахъ доходитъ до 12 процентовъ на сто: цифра ужасная! Если при этомъ принять во вниманіе, что у насъ содержаніе такой губернской больницы обходится отъ 50 до 60 тысячъ руб. сер., то можно пожалуй подумать, что было бы цѣлесообразнѣе деньги эти раздавать больнымъ на руки. Результаты такого способа лѣченія несомнѣнно были бы плодотворнѣе, потому что трудно рѣшить, на что назначены наши больницы, на то, чтобъ въ нихъ выздоравливали, или скорѣе на то, чтобы въ нихъ вѣрнѣе умереть. Вся эта mise en scène больничныхъ порядковъ приводитъ насъ къ тому убѣжденію, что для блага больныхъ необходимо радикально водоизмѣнить ихъ внутренній бытъ и отчасти внѣшнія отношенія и обстановку. Во главѣ управленія больницы долженъ непремѣнно стоять совѣтъ врачей, который въ лицѣ старшаго врача необходимо долженъ завѣдывать всею хозяйственною частью. Вся больничная прислуга, вмѣстѣ съ служащими и съ смотрителемъ, должна составлять больничную артель, зависящую только отъ совѣта врачей. Земская управа контролируетъ и вѣдаетъ лишь совѣтъ врачей и ей дѣла нѣтъ до внутренняго строя больницы, до ея научнаго и гигіеническаго характера, за который отвѣтствуетъ совѣтъ предъ лицемъ общественнаго мнѣнія и предъ земскимъ собраніемъ. Совѣтъ врачей создаетъ внутренніе распорядки больницы, больничной артели, выборное и представительное лицо которой отвѣтствуетъ за малѣйшее упущеніе

губернскихъ и большихъ уѣздныхъ городахъ, необходимо устроить фельдшерскія школы и вести дѣло этихъ школъ особенно старательно. Въ каждомъ губернскомъ городѣ при земской больницѣ имѣются старшій врачъ и четыре ординатора. Хорошо, если каждый изъ нихъ по какой-нибудь отрасли спеціалистъ. Эти пять человѣкъ должны преподавать въ фельдшерской школѣ и непремѣнно за хорошую плату, minimum 50 р. сер. за годовой урокъ. Въ такой фельдшерской школѣ, въ которой рядомъ съ мальчиками сидятъ и дѣвочки, желающія изучить фельдшерство, преподаются кромѣ русскаго языка и ариѳметика, анатомія и физіологія, патологія и терапія, фармакологія и рецептура, *сифилидологія* и, какъ вѣнецъ всего этого, — гигіена. Этого мало. Школы необходимо поставить на такую ногу, чтобы онѣ выпускали людей не только съ знаніями, какъ практическими, такъ и теоретическими, но съ извѣстнымъ нравственнымъ колоритомъ. Школы должна научить фельдшеровъ быть добросовѣстными въ отправленіи своей обязанности и чуждаться пороковъ. Для насъ вопросъ о пользѣ нашихъ большихъ госпиталей крайне сомнителенъ, но мы нисколько не сомнѣваемся, что хорошая фельдшерская и акушерская школы крайне полезны и необходимы. Судите сами. Земство ежегодно вынимаетъ изъ народа массу необтесанной молодежи обоего пола и пускаетъ ихъ въ народное обращеніе людьми позитивнаго знанія, людьми непосредственной пользы и дѣла. Вотъ почему на земствѣ лежитъ нравственная обязанность всѣми силами содѣйствовать процвѣтанію такихъ школъ. Наши больницы располагаютъ всѣми средствами, чтобы сдѣлать эти школы образцовыми; не достаетъ лишь сочувствія и должной матеріальной поддержки со стороны самого земства.

Тоже нужно сказать и объ акушерской школѣ. Подъ этимъ мы разумѣемъ, что каждая центральная больница должна имѣть при себѣ акушерскую школу, которая приготовляла бы повивальныхъ бабокъ изъ мѣстныхъ жителей, для мѣстнаго потребленія. Почти въ каждомъ губернскомъ городѣ и въ каждой губерніи несомнѣнно множество дѣвицъ, неимѣющихъ ни средствъ, ни возможности ѣхать въ университетскій городъ для слушанія лекцій. При томъ это вовсе не такъ нужно. Мудрость акушерская, преподаваемая въ сжатой и сокращенной формѣ акушеркамъ, вовсе неприлична университету, а скорѣе всего пристойна ординаторамъ земской больницы. Не въ обиду будь сказано иному университету, мы сталкивались въ жизни провинціальной съ акушерками, апробованными нашими провинціальными уни-

верситетами и никуда негодными. Ровно ничего не смыслятъ. Между тѣмъ намъ случилось присутствовать при выпускномъ экзаменѣ акушерокъ, получившихъ образованіе въ Самарской земской больницѣ, и мы были *поражены*, *ушамъ своимъ* не вѣрили, мы удивлялись практическимъ и теоретическимъ познаніямъ акушерокъ. Мы положительно утверждаемъ, что провинціальныя больницы и акушерскія школы несравненно лучше приготовляютъ акушерокъ, чѣмъ ветхіе деньми корифеи. На стотысячное населеніе женскаго пола необходимо по меньшей мѣрѣ три акушерки. Одна изъ нихъ, покрайней мѣрѣ, должна быть знакома съ леченіемъ сифилиса и женскихъ и дѣтскихъ болѣзней. Такихъ акушерокъ приготовляетъ пока одна лишь Калинкинская больница. Но необходимо, чтобы каждая провинціальная акушерская школа, существующая при земской больницѣ, знакомила акушерокъ съ этими важными отраслями знанія. Часто у насъ раздаются голоса противъ акушерокъ: говорятъ о ихъ безполезности для земства на томъ основаніи, что всякая акушерка, такъ или иначе, но все-таки барыня и что поэтому наши крестьянки не станутъ къ ней обращаться. Это справедливо развѣ относительно городскихъ бабокъ, разжирѣвшихъ отъ купеческихъ пироговъ и занятыхъ сколько практикой, столько и сплетничаньемъ. Совсѣмъ другое—земскія акушерки на земскомъ жалованьи. Если земская акушерка вздумаетъ въ селѣ разыгрывать роль барыни и станетъ дожидаться призыва отъ крестьянокъ, то она конечно этого съ трудомъ дождется. Но каждая акушерка должна сама искать практики и, такъ сказать, навязывать свои услуги. Она предварительно знакомится съ беременными крестьянками, предлагаетъ имъ свои услуги—и одно слово ласки дотого расположитъ къ ней крестьянокъ, что ей потомъ не будетъ отбою и ее станутъ таскать изъ одного села въ другое. Была бы лишь охота, а работа, и самая полезная, всегда найдется.

Мы поэтому считаемъ безусловно нужнымъ преподаваніе акушеркамъ гигіены; тогда у нихъ занятіе будетъ всегда подъ рукой. Притомъ имъ необходимо преподавать не гигіену богатыхъ, а гигіену бѣдныхъ....

Имѣя акушерскую и фельдшерскую школы, имѣя въ каждомъ раіонѣ врача и извѣстное число фельдшеровъ, поставивъ въ принципѣ даровое или, лучше сказать, безплатное леченіе и безплатныя лекарства, земство выполнило девять десятыхъ своей задачи, по отношенію къ народной медицинѣ. Но такъ какъ у насъ во-

узкая недобросовѣстность можетъ ему противорѣчить. Вотъ эту-то пропорцію больныхъ могутъ между собою раздѣлить врачъ и фельдшера. Врачъ при поступленіи въ земство объѣзжаетъ свой околодокъ, ознакомливается приблизительно съ господствующимъ характеромъ болѣзней и вслѣдъ затѣмъ немедленно издаетъ инструкцію своимъ фельдшерамъ. Инструкція эта должна быть отпечатана въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, издана отдѣльной брошюрой, раздана фельдшерамъ и вручена имъ, какъ обязательное руководство. Такая инструкція въ рукахъ опытнаго и дѣльнаго фельдшера избавитъ врача по меньшей мѣрѣ отъ 70 процентовъ больныхъ. Предчувствуемъ довольно грозное возраженіе: «гдѣ взять опытныхъ и дѣльныхъ фельдшеровъ?» На это мы отвѣтимъ вопросомъ: «А гдѣ взять опытныхъ и дѣльныхъ врачей?» «А гдѣ взять опытныхъ и дѣльныхъ земскихъ дѣятелей?» Ихъ еще меньше, чѣмъ дѣльныхъ фельдшеровъ. Гдѣ взять? Время создастъ все это, при извѣстномъ стараніи и строѣ земства.

Распредѣливъ фельдшеровъ по своему усмотрѣнію въ одной изъ двухъ волостей, врачъ постановляетъ правиломъ, чтобы фельдшеръ проживалъ мѣсяцъ въ одной волости и наѣзжалъ въ другую, а другой мѣсяцъ проживалъ бы въ другой волости и наѣзжалъ въ первую. Тогда помощь, имъ подаваемая, будетъ близка и непосредственна. Врачъ объѣзжаетъ свой околодокъ по своему усмотрѣнію четыре раза въ теченіе года. Это совершенно достаточно для повѣрки дѣйствій фельдшеровъ. Являясь въ волость, врачъ проситъ по возможности представить ему тѣхъ больныхъ, которыхъ фельдшеръ уже лечилъ и вылечилъ, и тѣхъ, лечить которыхъ онъ небралъ на себя, такъ какъ фельдшеръ долженъ лечить только болѣзни, обозначенныя въ инструкціи, и такъ какъ ему отпускаются и лекарства соотвѣтственно этой инструкціи. При посѣщеніи волостей и осмотрѣ больныхъ, врачъ приглашаетъ къ себѣ тѣхъ, которымъ онъ надѣется оказать помощь, въ противномъ случаѣ преподаетъ наставленіе на мѣстѣ. Кромѣ того, врачъ во время этого путешествія слѣдитъ за ходомъ оспопрививанія и за исполненіемъ другихъ санитарныхъ мѣръ. Эти четыре поѣздки врачъ совершаетъ по своему усмотрѣнію въ какое ему угодно время и конечно не иначе, какъ на земскихъ лошадяхъ. Все же остальное время онъ проводитъ въ центрѣ, въ своемъ постоянномъ мѣстопребываніи, откуда онъ въ экстренныхъ случаяхъ выѣзжаетъ въ уѣздъ не иначе,какъ по требованію фельдшера, напр.

во время эпидеміи или для какого-нибудь случая, требующаго присутствія врача. Фельдшеръ же вызываетъ врача только въ самомъ крайнемъ случаѣ, потому что врачъ, сидя на мѣстѣ, также занятъ постоянно подаваніемъ помощи и леченіемъ тѣхъ больныхъ, которые къ нему собираются изъ уѣзда. Отсюда ясно, насколько мы раздѣляемъ дѣятельность между врачемъ и фельдшеромъ. Если врачъ живетъ въ городѣ, гдѣ есть городская больница, которою завѣдуетъ особый городовой врачъ, то земство можетъ туда класть своихъ больныхъ за плату, или имѣть свою особенную отдѣльную больницу гдѣ-нибудь въ уѣздѣ, которою станетъ завѣдывать свой земскій врачъ. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса о больницѣ, мы еще разъ обратимся къ дѣятельности врача съ фельдшерами и укажемъ, откуда же взять дѣльныхъ и хорошихъ фельдшеровъ. Послѣ всего нами сказаннаго, трудно сомнѣваться въ необходимости фельдшеровъ; но вотъ еще обстоятельства, указывающія, какъ трудно и даже невозможно безъ нихъ обойтись. До появленія такихъ эпидемій какъ холера, раздавались сильные голоса въ земствѣ, что фельдшера совершенно безполезны. Во время же холерной эпидеміи и по окончаніи ея, нѣкоторыя земства прямо заявили, что тамъ, гдѣ были на лицо хорошіе фельдшера, снабженные инструкціями и всякими снадобьями, холера дѣйствовала слабѣе, смертность отъ нея была незначительна и она скоро уступала стараніямъ и общепринятымъ мѣрамъ. Далѣе, знаменитый нашъ ученый Н. И. Пироговъ утверждаетъ, что въ военное время число раненыхъ и больныхъ бываетъ иногда дотого велико, что нѣтъ никакой возможности обойтись безъ фельдшеровъ и; раздѣляя раненыхъ на четыре категоріи, онъ цѣлую категорію легко-раненыхъ возлагаетъ на фельдшеровъ. Земствамъ конечно не мѣшаетъ подумать о томъ, что вдругъ можетъ случиться война, когда понадобится ихъ помощь и содѣйствіе, такъ какъ теперь положительно доказано Американскою и Прусско-Французскою войнами, что частная помощь, хорошо организованная, имѣетъ могущественное вліяніе на уменьшеніе смертности въ войскахъ, среди раненыхъ, слѣдовательно и на ходъ самой войны. Всѣ эти обстоятельства настолько важны, что возражать противъ фельдшеровъ только на томъ основаніи, что между ними встрѣчаются пьяницы, просто нелѣпо. Скорѣе необходимо принять всѣ мѣры къ тому, чтобы имѣть хорошихъ фельдшеровъ. Ихъ можетъ дать только земство. Въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ имѣются большіе госпитали, какъ въ

даже за 200 верстъ. Такимъ же образомъ онъ ѣдетъ за медицинскою помощью за сто и за двѣсти верстъ, какъ скоро онъ услышитъ, что тамъ живетъ лекарь, который помогаетъ. Безъ преувеличенія мы утверждаемъ, что къ знаменитому эскулапу, доктору Рудановскому, слѣпые катарактами отправляются изъ отдаленныхъ угловъ Пермской, Тобольской и Оренбургской губерній за нѣсколько сотъ верстъ. Къ святому Симеону Верхотурскому съ самой почти весны и въ теченіе всего лѣта плетутся сотни больныхъ крестьянъ за тою же медицинскою помощью въ городъ Верхотурье изъ разныхъ городовъ западной Сибири, и непремѣнно пѣшкомъ. Потому, если въ городѣ, находящемся въ центрѣ и отстоящемъ отъ окраинъ уѣзда даже на 100 верстъ, если въ этомъ центрѣ живетъ дѣльный, хорошій врачъ, то къ нему больные станутъ стекаться во множествѣ, такъ что у него ни времени, ни силъ не хватитъ удовлетворить всѣхъ. Все это доказано теперь фактически и совершенно достаточно. Въ Пруссіи полагается врачъ на 50,000 жителей; кромѣ того, на это же число полагается еще хирургъ и ветеринаръ. Но эти 50,000 жителей живутъ тамъ на 16 кв. миляхъ; у насъ же если 50,000 жителей живутъ на 50 квадр. миляхъ, то это уже густое населеніе, потому что у насъ есть губерніи, какъ напримѣръ Архангельская, гдѣ на каждую квадратную милю приходится по 18 человѣкъ. Отсюда ясно, что прусская мѣрка къ намъ не подходитъ. У насъ пожалуй есть уголки, которые не уступятъ прусскимъ. Нижне-Тагильскій округъ г. Демидова, гдѣ живетъ знаменитый докторъ Рудановскій, имѣетъ нѣсколько больше 50,000 жит. обоего пола. Всѣ они скучены въ немногихъ заводахъ, на небольшомъ разстояніи одинъ отъ другаго. Тамъ имѣются два врача, великолѣпный госпиталь, аптека и опредѣленное число фельдшеровъ. Вся медицинская часть ежегодно обходится владѣльцу тысячъ въ 30. Если это считать нормой, то на такой уѣздъ, какъ Камышловскій или хоть Самарскій, пропитывающіе каждый двухсоттысячное населеніе, пришлось бы употребить на медицинскую часть до 120,000 р. Но Камышловскій уѣздъ ассигновалъ лишь десятую часть этой суммы, т. е. 12,000 руб. На эти деньги не больно развернешься. А потому необходимо ихъ такъ распредѣлить, чтобы каждому досталась доля выгоды. Поэтому радіусъ въ 25 верстъ слишкомъ малъ и не можетъ считаться нормой. Вѣрнѣе назначить по числу жителей, и на 50,000 жителей одного врача дѣйствительно достаточно, съ тѣмъ однакоже усло-

віемъ, чтобы у этого врача было подъ рукой нѣсколько фельдшеровъ. Фельдшеровъ мы отстаиваемъ на слѣдующемъ основаніи. Мы дѣйствительно стоимъ за нихъ горой, но мы на это имѣемъ неоспоримыя доказательства. Практикующіе врачи должны съ нами согласиться, что по меньшей мѣрѣ 70 процентовъ больныхъ на сто страдаютъ самыми обыкновенными, обыденными болѣзнями, и что лишь 30 процентовъ представляютъ нѣчто особенное, болѣе рѣдкое. Въ этихъ 70 процентахъ на сто можетъ оказать одинаковую пользу какъ врачъ, такъ и фельдшеръ, или же ни тотъ ни другой не принесутъ вовсе никакой пользы. Вѣдь теперь уже вовсе не секретъ, что большинство болѣзней проходитъ безъ всякаго леченія, а иногда вопреки леченію. Еще вѣрнѣе то, что діететическое и гигіеническое содержаніе больныхъ играетъ первенствующую роль въ леченіи большей части больныхъ. Поэтому мы полагаемъ, что для этихъ 70 процентовъ совершенно безразлично, фельдшеръ-ли или врачъ ихъ лечитъ. Остается 30 процентовъ. Третьей части изъ этого количества врачъ-спеціалистъ дѣйствительно можетъ оказать громадную услугу; напримѣръ, хорошій хирургъ или окулистъ можетъ изцѣлить слѣпоту, срѣзать наросты, раки, опухоли, полипы и т. д. Двѣ трети представляютъ такихъ субъектовъ, которымъ ни врачъ, ни фельдшеръ, *никто* не поможетъ. Сюда относятся всѣ органическіе пороки нашего тѣла. Въ доказательство, что тутъ и врачъ ничего особеннаго не значитъ, вы обратите вниманіе на ту массу больныхъ, которые ежегодно таскаются изъ угла въ уголъ по Европѣ, на минеральныя воды Кавказа, на кумысъ въ Мекку Самарскую, которые садятся въ разные колокола и вообще во множествѣ спѣшатъ на всевозможныя кумысо-воздухо-минерально-лечебныя зазыванія. Одному Богу извѣстно, сколько толку отъ всего этого безцѣльнаго шатанья по свѣту съ своими неисцѣлимыми недугами. И такихъ людей—просто бездна. Мы ихъ поэтому оставимъ въ покоѣ. Въ народѣ тоже очень много больныхъ этой категоріи, и, положа руку на сердце, мы сознаемся, что вся наша медицина, и земская въ особенности, не въ силахъ оказать этимъ страдальцамъ ни малѣйшей пользы. Остается слѣдовательно около 70 процентовъ, которыхъ фельдшеръ, подъ руководствомъ врача, смѣло можетъ лечить такъ же успѣшно, какъ и самъ врачъ, и процентовъ 10, maximum 15, гдѣ требуется спеціальная помощь врача. Этотъ нашъ доводъ до того вѣренъ, что только самая

предъ старшимъ врачемъ. Словомъ, больничная артель такое благо, которое сразу устранитъ всякую кражу и уничтожитъ цѣль шумныхъ и безсмысленныхъ отношеній, потому что артель будетъ заинтересована въ томъ, чтобы больные были довольны хорошимъ содержаніемъ въ больницѣ. Большую часть больничной прислуги лучше всего набирать изъ женщинъ, потому что уходъ женщинъ за больными въ милліонъ разъ благотворнѣе; мужскую прислугу слѣдуетъ оставить только для самыхъ грубыхъ обязанностей; она должна топить печи, таскать дрова, выносить мертвецовъ и т. п.

Во время крымской компаніи въ англійскихъ госпиталяхъ смертность сперва доходила до 23 процентовъ на 100; такая смертность превосходила самыя кровопролитныя войны; но съ пріѣздомъ миссъ Найтингель, благодаря ея стараніямъ и сестрамъ милосердія, смертность эта уменьшилась до 4 процентовъ на 100: такъ важенъ, такъ много значитъ въ больницахъ хорошій гигіеническій уходъ! Содержаніе въ больницѣ должно быть поэтому крайне хорошее. Въ большей части больницъ существуетъ обыкновеніе утромъ давать больнымъ овсяную похлебку, потомъ обѣдъ и ужинъ, состоящіе изъ первой, или второй, или третьей порціи. Все это неумѣстная, казенная рутина и путаница. Попробуйте указать на всю непрактичность и вредность такой кормежки и вамъ на это отвѣтятъ: «Ладно и это! Народъ не лучше ѣлъ дома, такъ тутъ его нечего баловать!» Между тѣмъ мы торжественно заявляемъ, что народъ нашъ, вовсе не привередливый и далеко не разборчивый, постоянно ропщетъ и жалуется на пищу. Дѣйствительно, представьте себѣ какую-то похлебку, безвкусную, способную возбудить тошноту и кусокъ говядины, жесткій какъ подошва. Это такъ-называемая первая порція нашихъ больницъ. Приготовляютъ ее такимъ образомъ. Берутъ нѣсколько кусковъ худшихъ сортовъ говядины, бросаютъ въ котелъ, варятъ съ крупой и капустой, а вываренную рѣжутъ въ куски. Здѣсь у васъ такъ-называемый бульонъ и говядина. Это два блюда. Мерзѣе этого трудно себѣ представить что нибудь, такъ что нашъ уже вовсе не брезгливый народъ съ отвращеніемъ относится къ больничной пищѣ. Мы положительно утверждаемъ, что больнымъ необходимо давать самую удобоваримую и питательную пищу, а потому въ больницахъ, въ которыхъ намъ приводилось принимать участіе, мы добивались того, чтобы больнымъ давали утромъ и вечеромъ чай съ бѣлымъ хлѣбомъ. Русскому человѣку, и особенно больнымъ, чай самое драгоцѣнное и ни-

чѣмъ незамѣнимое наслажденіе. Если онъ не имѣетъ этого удобства, этой роскоши дома, то именно больница обязана ему доставить это благо. Замѣна всякихъ овсяныхъ похлебокъ часто вызываетъ со стороны больныхъ живѣйшую благодарность и лишать больныхъ этого ничѣмъ незамѣнимаго пособія—просто безчеловѣчно, грѣшно. Лучше, во сто разъ лучше большинство больныхъ оставить безъ всякихъ лекарствъ, чѣмъ отказать имъ въ самомъ дорогомъ для нихъ снадобьѣ, въ чаѣ. Притомъ мы готовы математически доказать, что чай несравненно экономнѣе, чѣмъ овсяная похлебка утромъ и ужинъ вечеромъ. Мы этимъ хотимъ сказать, что при чаѣ больнымъ никакого ужина не нужно. Даже вопросъ о пищѣ можетъ быть крайне упрощенъ. Обѣдъ можетъ быть двоякій. Больные большею частью лишены аппетита и рѣдко соглашаются что-нибудь кушать. Кромѣ того, есть болѣзни, именно разстройство пищеварительнаго аппарата, гдѣ не допускается никакая плотная пища. Въ такихъ случаяхъ дѣйствительно можно ограничиваться слизистымъ наваромъ изъ овсяныхъ или ячневыхъ крупъ. Это будетъ такъ называемая слабая порція. Но чуть явился у больнаго аппетитъ, какъ только онъ сталъ поправляться и почувствовалъ потребность пищи, его необходимо кормить самой питательной и удобоваримой пищей; ему тогда необходимо давать тарелку хорошаго супу и кусокъ жаренной говядины, разнообразя эти два блюда попеременно, сегодня супъ и жаркое, завтра щи и котлетка и т. д. При этомъ необходимо, чтобы врачъ никогда не стѣснялся въ назначеніи больному вина, кофе, плодовъ и т. д. Только при такихъ условіяхъ можно ожидать какой нибудь пользы отъ больницы. Въ противномъ случаѣ это выходитъ одна лишь форменная обязанность на бумагѣ. Самое устройство больницы должно быть совершенно спеціальное, особенное. Мы прилагаемъ здѣсь въ концѣ нашъ планъ устройства земской больницы, а потому больше объ этомъ распространяться не будемъ.

Но если внутренній бытъ нашихъ больницъ представляетъ такое печальное зрѣлище, то положеніе нашихъ земскихъ врачей нисколько не лучше. Безпомощность ихъ подчасъ самая жалкая. Попадая прямо со школьной скамьи въ наши милыя трущобы и несравненныя захолустья, они вязнутъ въ тинѣ повседневной посредственности. Полные розовыхъ мечтаній, честныхъ и возвышенныхъ надеждъ, они скоро свыкаются и втягиваются средой. Притомъ они дѣйствительно завалены работой по-шею, до того, что у нихъ едва хватаетъ времени

прочесть номеръ газеты. Мало по малу они страшно отстаютъ отъ всего и становятся равнодушными къ прогрессу науки, къ интересамъ народа и его здоровья. Скажите на-милость, что внесли новаго въ науку всѣ наши больницы? Ровно ничего. Чѣмъ заявили онѣ себя выдающимся или достойнымъ особеннаго вниманія? Ровно ничѣмъ. Не смотря на обиліе матеріала, которымъ онѣ располагаютъ, онѣ представляютъ собою типичные образцы рутины и застоя рѣшительно по всѣмъ частямъ. Въ нашихъ провинціальныхъ больницахъ нѣтъ ни усовершенствованныхъ приборовъ, ни новѣйшихъ инструментовъ; введеніе новыхъ способовъ леченія встрѣчаетъ всегда непреоборимыя препятствія; подчасъ операціи грозитъ дурной исходъ изъ-за того только, что ножи притупились. Объ изобрѣтеніяхъ или о какомъ нибудь своеобразномъ научномъ открытіи въ нашихъ больницахъ и думать смѣшно. Между тѣмъ для того, чтобы больницы наши сколько нибудь достигали цѣли, необходимо, чтобы врачи наши были знакомы съ современнымъ развитіемъ медицины. Медицина, наука опыта, каждый день приноситъ съ собой что нибудь новое. Она требуетъ постояннаго обновленія и освѣженія. Какъ въ наукѣ опыта и наблюденія, въ ней слишкомъ много такого, что необходимо видѣть собственными глазами, необходимо изучить на мѣстѣ подъ руководствомъ опытныхъ корифеевъ. Новые способы операцій, вновь изобрѣтенныя машины и аппараты, новые методы леченія требуютъ личнаго ознакомленія въ университетахъ, при клиникахъ или за границей. Наши университеты правда не принадлежатъ еще къ такимъ самостоятельнымъ учрежденіямъ, которыя сами двигали бы науку, но они по крайней мѣрѣ почти всегда (хотя и не всегда) стоятъ на уровнѣ современнаго европейскаго развитія науки. Положимъ, что люди состоятельные могутъ отправиться за тридевять земель къ разнымъ Оппольцерамъ, Грефе, Рикорамъ et tutti quanti искать медицинской помощи, но что же дѣлать массѣ бѣдныхъ людей? Гдѣ имъ искать помощи? Вѣдь у нихъ одно лишь прибѣжище—земство, одна дорога—въ больницу! Было время, когда хирургъ, снимавшій катарактъ или дѣлавшій операцію, считался осьмымъ чудомъ и къ нему стекался народъ за сотни верстъ. Теперь не рѣдкость встрѣтить въ каждомъ большомъ городѣ хорошаго акушера. Пока медициной завѣдывала администрація, на послѣднюю падала вся вина въ томъ, что она не имѣетъ никакихъ жизненныхъ элементовъ и неноситъ въ себѣ зародышей прогресса. Но съ появленіемъ земства, всѣ надежды были возложены на него. Всѣ

были увѣрены, что земство вообще сброситъ съ себя всѣ узы и путы отжившихъ традицій, что оно не только не будетъ тормозить, но напротивъ, скорѣе явится могучимъ двигателемъ прогресса, что оно дастъ людямъ науки всѣ средства и укажетъ всѣ пути къ прогрессивному развитію. Ожиданія эти пока не сбылись, но не всѣ надежды еще потеряны, и потому мы считаемъ необходимымъ, чтобы земство ежегодно командировало одного изъ своихъ врачей въ университетскіе города или заграницу для усовершенствованія въ медицинѣ. Пора провѣтрить наши больницы новымъ духомъ современности, пора освѣжить мозги нашихъ врачей новыми научными впечатлѣніями въ университетскихъ центрахъ или въ заграничныхъ лабораторіяхъ ума, знанія и правды. Пора хоть немножко расшевелить наши увядающія силы, нашу дремлющую энергію и съ нѣсколько большимъ толкомъ употребить ихъ на народное дѣло, на народную пользу. Тогда наши больницы хоть сколько нибудь обновятся и своею внутреннею сутью заявятъ что нибудь свѣжее, современное, а не ту затхлую гниль, которою онѣ теперь насквозь пропитаны.

Нельзя сказать, чтобы всѣ эти нужды медицинскаго міра не были до сихъ поръ заявлены если не тѣмъ, такъ другимъ путемъ. Но земство дѣлаетъ видъ, что оно ничего этого не замѣчаетъ, что все это крайне преувеличено и что на самомъ дѣлѣ все обстоитъ благополучно. Но вдругъ ударила тревога. Холера съ ножемъ къ горлу подступила къ безпомощному народу, а между тѣмъ цѣлые уѣзды оказались безъ врачей, безъ медицинскаго пособія. Живой примѣръ— самарскій уѣздъ. Въ прошломъ году взято съ народа 17 тысячъ руб. на устройство медицинской части—и въ самое горячее холерное время въ самарскомъ уѣздѣ не оказалось ни одного врача! Народъ, какъ всегда, умиралъ безъ помощи, молча, безъ ропота. За то часть денегъ будетъ записана въ экономію.... и управа будетъ удостоена благодарности... Странное и непростительное недоразумѣніе! Земскіе чины увѣрены, что лишь они одни принимаютъ близко къ сердцу народные интересы; врачи же лишены даже этого права. Они должны быть лишь бездушными и простыми исполнителями своей обязанности, то есть машинами, прописывающими рецепты. Всякъ сверчокъ знай свой шестокъ. Взглядъ этотъ на врачей крайне непрактичный. Оттого врачи и бѣгутъ изъ нѣкоторыхъ земствъ какъ отъ чумы, и притомъ всѣ разомъ, такъ что цѣлые уѣзды остаются безъ врачей въ то именно время, когда они всего болѣе нужны.

Такой взглядъ на врачей и порождаетъ тѣ темныя отношенія, въ которыхъ пребываютъ врачи къ земству, и пока эти отношенія будутъ оставаться in statu quo, до тѣхъ поръ дѣло народнаго врачеванія не подвинется ни на одну іоту. А чтобъ это устранить, намъ необходимъ въ дѣлѣ разъясненія народныхъ нуждъ коллективный голосъ земскихъ врачей. И чтобы его добиться въ надлежащей формѣ—мы видимъ одно лишь средство, именно—*общіе съѣзды земскихъ врачей*. Князь Васильчиковъ въ своемъ сочиненіи о самоуправленіи утверждаетъ, что въ Европѣ почти повсемѣстно существуютъ такіе съѣзды и приносятъ огромную пользу дѣлу народнаго врачеванія. Онъ требуетъ и для Россіи «учредить общіе съѣзды окружныхъ врачей по одному отъ каждаго уѣзда въ губернскомъ городѣ и въ сроки, совпадающіе съ губернскими земскими собраніями, чтобъ на таковыхъ съѣздахъ обсуждались общія санитарныя мѣры и предлагались отъ врачебныхъ съѣздовъ земскимъ собраніямъ.» (Т. 3, стр. 465). Думаемъ, что еще лучше будетъ, когда эти съѣзды будутъ происходить ежегодно въ каждомъ уѣздномъ городѣ поперемѣнно, предшествуя уѣзднымъ земскимъ собраніямъ или совпадая съ ними. Лучшіе люди, истинно преданные интересамъ земства, считаютъ такіе съѣзды безусловно нужными. Эти съѣзды сразу уничтожатъ тѣ темныя отношенія, которыя теперь мѣшаютъ правильному водворенію у насъ земской медицины. Тогда корпорація врачей въ губерніи составитъ особое вѣдомство съ извѣстнымъ апломбомъ. Корпорація сама увидитъ, гдѣ какой врачъ въ губерніи нужнѣе, куда требуется та или другая спеціальная медицинская помощь по преимуществу. *Опредѣленіе и удаленіе врачей тогда зависѣло бы какъ отъ земскихъ собраній, такъ и отъ самой корпораціи, голосу которой необходимо придать извѣстную опредѣленную силу и цѣну*. Управы откажутся отъ замашки швырять врачей по первому капризу, а на врачахъ будетъ лежать нравственная обязанность не покидать своего поста изъ-за личностей, изъ-за вздоровъ. На такихъ съѣздахъ коллективный голосъ врачей выскажетъ, въ чемъ именно нуждается русскій народъ и какія мѣры необходимы для устраненія его бѣдствій. Только на такихъ съѣздахъ выработается правильный взглядъ на взаимныя отношенія. Земство тогда пріучится относиться съ бо́льшимъ уваженіемъ къ заявленіямъ врачей, а врачи съ своей стороны пріучатся относиться съ бо́льшимъ вниманіемъ къ своей обязанности. Съѣзды выскажутъ свои мнѣнія за и противъ больнич-

ныхъ порядковъ, убѣдятъ земство въ необходимости или безполезности командировать врачей съ научной цѣлью, разберутъ вопросъ о пользѣ или вредѣ фельдшеровъ, а главное укажутъ тѣ пути, по которымъ можно будетъ провести извѣстныя санитарныя мѣры, чтобы уменьшить оскорбительную смертность и ограничить хоть сколько нибудь свирѣпость эпидемій, такъ безжалостно истребляющихъ народъ en masse. Съѣзды же главнымъ образомъ будутъ контролировать на мѣстѣ дѣйствія самихъ врачей. Тѣхъ, которые ничего не видятъ дальше своего носа, весьма трудно убѣдить въ пользѣ и необходимости медицинскихъ съѣздовъ, потому что для русскаго человѣка самая тяжолая обязанность —все таки *обязанность думать.* Тысячелѣтнимъ своимъ существованіемъ онъ къ этой обязанности не привыкъ и ему приходится исподоволь пріучаться къ этой трудной обязанности. Но только этимъ путемъ, путемъ взаимнаго обмѣна мыслей, путемъ всесторонняго обсужденія могутъ быть разрѣшены вопросы, касающіеся народнаго здравія и народнаго благополучія. Нечего только заходить слишкомъ далеко, нѣтъ надобности создавать обширныя программы, строить утопіи, воздвигать воздушные замки; нельзя сразу ожидать полнаго удовлетворенія отъ такихъ съѣздовъ; но съ другой стороны также не нужно парализовать излишнимъ скептицизмомъ робкіе шаги этихъ съѣздовъ на первыхъ порахъ; лучше дать имъ возможность укрѣпиться и стать на ноги. Тогда польза ихъ будетъ громадна. Такіе съѣзды зададутся конечно вопросами исключительно медицинскими, чисто санитарными; они представятъ обильный матеріалъ господствующихъ въ краѣ болѣзней, лучшіе способы и испытанныя средства къ ихъ устраненію, они познокомятъ читающую публику съ образомъ жизни народа, съ его средствами питанія, съ его семейнымъ и соціальнымъ бытомъ и съ тѣми болѣзнями, которыя вытекаютъ изъ этихъ обстоятельствъ. Они такимъ образомъ дадутъ возможность положить начало самостоятельной русской народной, а можетъ быть и ученой, медицинѣ. Они во-очію докажутъ земству, что самая существенная польза народу отъ земства—забота о народномъ здоровьѣ.

Такова, по нашему крайнему разумѣнію, должна быть организація земской медицины. Въ такой же соотвѣтственной формѣ должна быть организована учебная и училищная часть. Экономическое развитіе должно быть въ рукахъ третьей категоріи людей, исключительно занятыхъ этимъ дѣломъ, дѣломъ улучшенія народнаго быта,

улучшеніемъ экономическаго состоянія. Эти три элемента необходимо должны быть между собою крайне солидарны и имѣть въ виду одну общую цѣль—народное благо. Земское собраніе отъ себя устанавляетъ контору земскихъ дѣлъ, состоящую при обыкновенныхъ обстоятельствахъ изъ делегата, вѣдающаго гоньбу и дороги, старшаго врача, вѣдающаго медицину, и педагога, вѣдающаго учебную часть. По мѣрѣ развитія земской дѣятельности въ экономическомъ смыслѣ, контора увеличивается числомъ компетентныхъ спеціалистовъ и довѣренныхъ лицъ. Земство должно помнить, что самымъ глубокимъ сочувствіемъ и преданностью дѣла навѣрное готовы заявить себя скорѣе всего люди съ высокимъ образованіемъ, съ самыми честными убѣжденіями, словомъ самые дѣльные, самые развитые люди. Земство должно воспользоваться ихъ готовностью и желаніемъ быть полезными дѣлу народнаго преуспѣянія, а не отшатываться отъ нихъ. Въ рукахъ земства счастье и будущность русскаго народа; вотъ почему земству нельзя не желать полнаго успѣха.

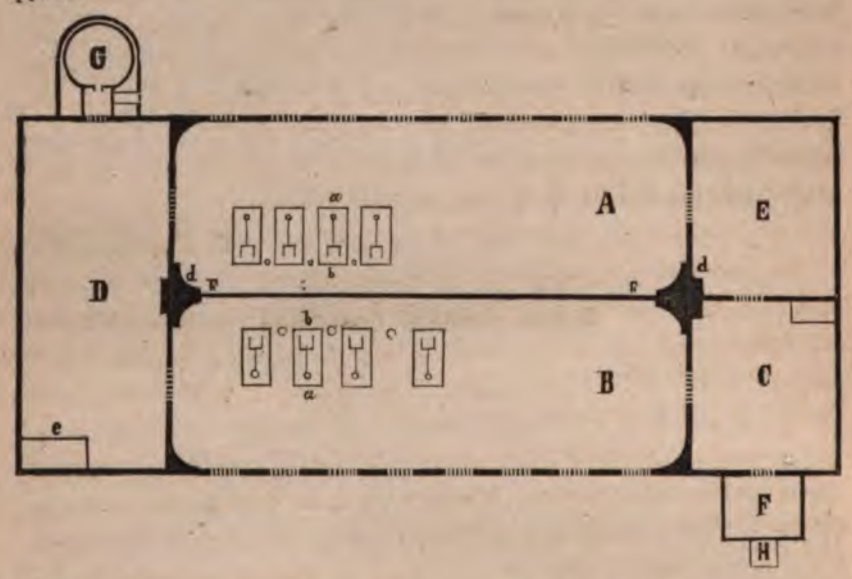
В. Португаловъ.

Планъ земской больницы

(Приложеніе къ статьѣ и «Жизненныя задачи земства»).

Еще въ концѣ прошлаго столѣтія было замѣчено, что большіе госпитали отличаются необыкновенною смертностью. Послѣднее десятилѣтіе еще болѣе убѣдило корифеевъ науки, что величественныя каменныя пятиэтажныя зданія крайне неблагопріятны для больныхъ. Въ нихъ очень скоро заводится свой особенный специфическій воздухъ, въ которомъ кишатъ мирріады міазмъ, дѣйствующихъ разрушительно на человѣческій организмъ. Это и побудило американцевъ поставить правиломъ, что госпиталь служитъ своему назначенію не больше десяти лѣтъ, по истеченіи которыхъ зданіе продается на сломъ. Въ новѣйшее время принята вездѣ такъ называемая павильонная система, состоящая изъ ряда отдѣльныхъ домиковъ, одноэтажныхъ и вмѣщающихъ небольшое число больныхъ. Основываясь на этихъ данныхъ, мы предлагаемъ слѣдующій планъ устройства земской больницы. На всемъ сѣверо-востокѣ Россіи, не особенно еще бѣдномъ лѣсомъ, больницу лучше всего устроить деревянную, изъ бревенъ. Домъ можетъ быть на каменномъ фундаментѣ, или имѣть нижнее жилье каменное—подъ кухню, прачешную, квартиру фельдшеровъ и комнату для платья приходящихъ больныхъ. Но этотъ этажъ не долженъ былъ выше четырехъ стеколъ надъ поверхностью земли. Деревянное помѣщеніе, узкое въ длину и не особенно широкое въ поперечникѣ, можетъ за то отличаться въ вышину. Посрединѣ зданія проходитъ капитальная стѣна. У этой стѣны, въ нѣкоторомъ отдаленіи, стоятъ койки, на которыхъ лежатъ больные, обращенные ногами къ капитальной стѣнѣ, а головой въ свободное пространство, освѣщаемое ок-

номъ. Выгода здѣсь та, что больные не лежатъ ни у оконъ, ни у печки, ни у дверей. Стѣны должны быть и снаружи, и особенно внутри, оштукатурены, и, если средства позволяютъ, то необходимо ихъ сдѣлать внутри подъ мраморъ. Притомъ необходимо скруглять углы. Подъмраморъ стѣны и округлять углы нужно для того, чтобы можно было ежедневно мокрой губкой обтирать стѣны и не допускать до скопленія ядовитыхъ міазмовъ. Полъ лучше всего подпаркетъ, но непремѣнно вощенный—опять-таки съ тою же цѣлью. При больницѣ должна быть отдѣльная комната, особая столовая, въ которой больные ѣдятъ вмѣстѣ. Изъ столовой крытый корридоръ ведетъ въ сортиръ. Внутри же больницы ни подъ какимъ видомъ нельзя допускать никакихъ корридоровъ. Съ одной стороны больницы столовая, а съ другой ванная, комната для бѣлья, инструментовъ, и т. д.—чтобы всегда все было подъ рукой.

A и B — комнаты для больныхъ. C—пріемная. D—столовая. E—ванная. F—передняя. G — сортиръ. H—крыльцо. a—голова. b—ноги. d—печь. e—шкафъ подъ книги. f—капитальная стѣна. Разстояніе между кроватями полтора аршина; пространство, занимаемое кроватью, сажень; отъ кровати до оконъ minimum сажень.

Сложная больница. 1, 2, 3, 4 корпуса.

2 1
Садъ
Черный дворъ
3 4

НЕРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ

КРЕСТЬЯНСКАГО ДѢЛА *).

I.

Со времени обнародованія Положенія о крестьянахъ прошло уже одиннадцать лѣтъ. Послѣ упорной борьбы, съ которою встрѣчена была со стороны нѣкоторыхъ крестьянская реформа, успѣло наступить затишье. Даже мировыя по крестьянскимъ дѣламъ учрежденія, бывшія такъ долго предметомъ ожесточенной вражды, получили наконецъ право гражданства. Сдѣлалось это очень просто: тѣ изъ мировыхъ посредниковъ, которые слишкомъ ревностно примѣняли начала Положенія, принуждены были оставить дѣло, не будучи въ силахъ выдерживать общественнаго натиска, который выражался не только въ доносахъ и инсинуаціяхъ, но и въ попыткахъ исключить неподходящихъ посредниковъ изъ числа дворянъ или просто урезонить ихъ иными дѣйствіями. Понятно, что такіе посредники должны были наконецъ уйти и уступить мѣсто новымъ лицамъ, которыя скоро обжились и сдѣлались своими людьми. О губернскихъ присутствіяхъ нечего и говорить. Ихъ составъ измѣнился самъ собою. Та-

---

*) Авторъ настоящаго очерка предполагалъ сперва написать по этому предмету нѣсколько статей въ «Недѣлѣ». Такъ, были написаны статьи «Положеніе 19 февраля и крестьянское самоуправленіе» и «Русское общинное землевладѣніе» (1871 г. № 7 и 9). Но пріостановка «Недѣли» помѣшала этому. Представляя теперь свой трудъ въ видѣ цѣльнаго очерка, авторъ по необходимости долженъ, между прочимъ, повторить тѣ мысли, которыя уже были имъ высказаны въ названныхъ статьяхъ.

кимъ образомъ дѣло, хотя и измѣненное по мѣрѣ возможности въ практическомъ примѣненіи, пошло уже спокойнымъ путемъ. Правда, въ разныхъ углахъ еще раздавалось ворчанье людей, немогшихъ забыть прежнихъ порядковъ, но на нихъ никто не обращалъ вниманія, тѣмъ болѣе, что въ сущности сердиться уже было неначто. Такъ, газета «Вѣсть» еще нѣсколько лѣтъ продолжала заниматься инсинуаціями, и ея редакторъ отъ времени до времени выражалъ сожалѣніе о прекращеніи того порядка, «которымъ были довольны всѣ и который рухнулъ 19 февраля 1861 г.». Но скоро и онъ долженъ былъ умолкнуть, не смотря на вещественную поддержку своихъ патроновъ. Г. Скарятинъ умолкъ, потому что сдѣлался ненуженъ; а ненуженъ онъ сдѣлался между прочимъ потому, что скорбѣть стало уже не о чемъ. Отъ мировыхъ посредниковъ дѣло перешло въ Губернскія Присутствія, куда успѣли проникнуть другіе люди и другіе нравы. Правда, у крестьянъ оставалась важная опора въ Комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, рѣшенія котораго и теперь многимъ стоятъ поперегъ горла. Но добраться до комитета не легко, ибо путь къ нему обставленъ разными сроками, формальностями и гербовыми пошлинами, такъ что дѣлъ туда доходитъ немного... А между тѣмъ для инсинуацій открылись новые предметы: введено земство и новые суды, объявлена свобода печати... Крестьянское дѣло было забыто.

Только передъ 1870-мъ годомъ это спокойствіе было нѣсколько нарушено разными опасеніями. Кончался девятилѣтній срокъ, послѣ котораго отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ должны были слегка видоизмѣниться. Главнымъ образомъ это видоизмѣненіе заключалось въ томъ, что для отдѣльныхъ лицъ крестьянскаго сословія облегчалась возможность окончательнаго выхода изъ обязательныхъ отношеній, да помѣщики лишались права просить о ссылкѣ крестьянъ въ Сибирь административнымъ порядкомъ. Какъ это ни просто, но по этому случаю ожидалось нѣчто необыкновенное и пріуготовлялись мѣры... Впрочемъ, нужно сознаться, что эти опасенія существовали только въ умахъ людей, незнающихъ ни того дѣла, о которомъ они безпокоились, ни условій той страны, для которой они пріуготовляли мѣры. Это были или юноши, разсуждавшіе о практическихъ вещахъ теоретическимъ способомъ, или дѣлопроизводители разныхъ канцелярій, неразсуждавшіе никакимъ способомъ. Наконецъ, страшный годъ прошелъ и все успокоилось. Дѣло пошло «установленнымъ порядкомъ», и какъ бы то ни было, но въ настоящее время почти всѣ

уставныя грамоты составлены и утверждены и болѣе 60% крестьянскаго населенія въ губерніяхъ, состоящихъ на общемъ положеніи, сдѣлались крестьянами собственниками.

Ровное теченіе крестьянскаго дѣла успокоило страсти противниковъ реформы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и охладило къ нему интересъ въ обществѣ. Стало распространяться убѣжденіе, что это дѣло покончено, что его нечего и трогать. Убѣжденіе это принималось тѣмъ легче, что «тронуть» было трудно. За сохраненіе statu quo стояли теперь тѣ самые люди, которые были прежде врагами этого дѣла; теперь они успѣли повернуть его по своему и боялись, что всякій пересмотръ обнаружитъ, какъ далеко ушла здѣсь практика отъ основныхъ началъ законодательства.

Однако, эти люди могли только задержать, но не остановить возникновеніе новыхъ требованій, ибо ихъ вызываетъ сама жизнь. Окончаніе обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами заставило изыскивать мѣры къ упраздненію мировыхъ посредниковъ; и уже одно это неминуемо должно повлечь измѣненія въ организаціи крестьянскаго управленія. Въ то-же время передача мѣстнаго хозяйства въ руки земства и предполагаемая замѣна подушной подати указываютъ на необходимость реорганизаціи волостей въ общія для всѣхъ сословій территоріальныя единицы. Затѣмъ введеніе новаго порядка судопроизводства наводитъ на мысль о преобразованіи волостныхъ судовъ, которые въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дѣйствительно представляютъ аномалію, установляя для мѣщанина и крестьянина различныя взысканія за одно и тоже преступленіе, совершенное въ одно время, при однихъ условіяхъ и даже противъ одного лица. Наконецъ, обнаружившаяся во многихъ мѣстностяхъ бѣдность крестьянъ заставляетъ, хотя бы даже только для устраненія недоимокъ въ податяхъ, обратить вниманіе на ихъ экономическое положеніе.

Указанные нами вопросы возникли недавно и сейчасъ же сдѣлались предметомъ преній въ земскихъ собраніяхъ и проэктовъ въ административныхъ сферахъ. При этомъ, впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что для обсужденія въ земскихъ собраніяхъ не всѣ эти вопросы одинаково доступны. Объяснять недостатки волостныхъ судовъ и высчитывать проступки и преступленія волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ еще довольно удобно; но обсуждать вопросъ объ экономическомъ состояніи крестьянъ и особенно объ ихъ платежныхъ сред-

ствахъ—уже не такъ легко. Тѣмъ не менѣе, въ земствѣ раздаются голоса, утверждающіе, что бѣдность крестьянъ происходитъ отъ ихъ дурной нравственности, а дурная нравственность отъ общиннаго владѣнія, что для исправленія зла крестьянъ нужно сѣчь, а для лучшаго устройства экономическаго быта лишить ихъ земли, допустивъ выдѣлъ изъ общины болѣе богатыхъ лицъ и оставивъ остальныхъ нести тяжелые платежи. Такія мнѣнія иногда находятъ поддержку, и на основаніи ихъ составляются даже проэкты. Въ этомъ родѣ, какъ извѣстно, представило проэктъ Петербургское Губернское Земское Собраніе, желающее во что бы то ни стало добиться отмѣны общиннаго землевладѣнія. Но встрѣчаются иногда люди и другихъ взглядовъ, которые рѣшаются видѣть причину бѣдности крестьянъ въ несоотвѣтствіи лежащихъ на нихъ платежей съ ихъ платежными средствами и, какъ мѣру исправленія зла, предлагаютъ пониженіе этихъ платежей. Тогда въ земствѣ поднимаются горячіе споры и защитники такихъ мнѣній умолкаютъ, тѣмъ болѣе, что иногда противъ нихъ принимаютъ мѣры гораздо болѣе рѣшительныя, нежели всякіе споры и убѣжденія. Такъ напримѣръ, когда большинство Черниговскаго губернскаго собранія пожелало заявить ходатайство о пониженіи выкупныхъ платежей, то предводитель дворянства, предсѣдательствовавшій въ собраніи, объявилъ, что онъ считаетъ самое обсужденіе этого вопроса противузаконнымъ; а затѣмъ, когда вслѣдствіе этого половина гласныхъ ушла изъ собранія, вопросъ былъ снова пущенъ на обсужденіе и уже рѣшенъ другимъ образомъ. Мы приводимъ одинъ этотъ примѣръ, потому что онъ былъ заявленъ печатно со всѣми подробностями; но легко предположить, что бываютъ и другіе случаи въ этомъ родѣ.

Тѣмъ не менѣе, необходимость въ скорѣйшемъ разрѣшеніи вопросовъ, вызванныхъ примѣненіемъ крестьянской реформы, дѣлается все настоятельнѣе. Положеніе 19 февраля, по необходимости, дало много простора практическому примѣненію и установило много мѣръ временныхъ, принаровленныхъ къ переходному состоянію. Теперь приходитъ время рѣшить, какія изъ этихъ мѣръ могутъ быть устранены или измѣнены и какія учрежденія должны получить развитіе. Для этого, конечно, недостаточно теоретическихъ разсужденій, а необходимо провѣрить самую практику дѣла и посмотрѣть, насколько она удовлетворяетъ основной цѣли законодательства, выраженной въ манифестѣ 19 февраля 1861 г.—дать крестьянскому населенію граж-

данскія права, улучшить его бытъ и обезпечить исполненіе его обязанностей передъ правительствомъ.

Намѣреваясь посвятить этому предмету настоящую статью нашу, мы прежде всего считаемъ нужнымъ бросить взглядъ на Положеніе 19 февраля и высказать наше отношеніе къ этому важнѣйшему законодательному акту въ нашей новой исторіи.

Ни десять лѣтъ жизни, исполненной треволненій, ни рядъ крупныхъ реформъ, послѣдовавшихъ за освобожденіемъ крестьянъ, не заглушили конечно въ нашемъ образованномъ обществѣ воспоминаній о томъ сравнительно свѣтломъ времени, которое переживало оно, когда подготовлялась реформа, возвѣщенная положеніемъ 19 февраля, и не изгладили изъ его памяти имена людей, подготовившихъ эту реформу. Но съ того времени измѣнилось многое: многимъ надеждамъ не суждено было сбыться вовсе, многое вышло не такъ, какъ ожидали, и въ послѣднее время, при обсужденіи нѣкоторыхъ сторонъ Положенія 19 февраля, стали раздаваться горькіе упреки его составителямъ. И, что всего важнѣе, эти упреки исходятъ отъ людей безукоризненно честныхъ и горячо преданныхъ интересамъ нашего отечества. Причина этихъ упрековъ понятна: чрезмѣрно высокая оцѣнка крестьянскихъ надѣловъ, принятая въ сѣверной Россіи, принесла свои печальные плоды: громадныя недоимки, продажа крестьянскаго имущества и истощеніе почвы, бывшее ея послѣдствіемъ, составляютъ въ губерніяхъ неземледѣльческихъ чуть не общее явленіе. Даже тамъ, гдѣ уже совершенъ выкупъ и гдѣ, слѣдовательно, крестьянскіе платежи значительно понижены, часто встрѣчается страшное несоотвѣтствіе между доходностью земли и налогомъ, на ней лежащимъ Оказывается, что есть мѣстности, гдѣ крестьяне платятъ по 2 рубля въ годъ за десятину земли, которая вся не стоитъ этой цѣны. Понятно, что все это должно вызывать недовольство существующимъ порядкомъ вещей, и конечно мы не будемъ его защитниками. Но мы считаемъ несправедливымъ возлагать отвѣтственность за эти печальные результаты на Положеніе 19 февраля, и особенно на его составителей.

Прежде всего надо припомнить, что условія, при которыхъ работали эти люди, были далеко не такъ благопріятны, какъ это обыкновенно думаютъ. Изданные въ послѣднее время г. Скребицкимъ матеріалы по крестьянскому дѣлу, нѣсколько разъясняютъ эти условія; они показываютъ, съ какими людьми и съ какими стремленіями

приходилось имѣть дѣло редакціоннымъ коммиссіямъ. И конечно, подобные люди встрѣчались не въ однихъ провинціальныхъ комитетахъ; въ Петербургѣ ихъ также было не мало, по крайней мѣрѣ вполнѣ достаточно для того, чтобы вскорѣ послѣ изданія Положенія изъять изъ рукъ его составителей то дѣло, которому они посвятили свои лучшія усилія, и начать передѣлывать его иначе. Само собою разумѣется, что всѣ эти неблагопріятныя вліянія прилагались всего болѣе къ тѣмъ сторонамъ реформы, которыя непосредственно затрогивали интересы землевладѣльческаго сословія, т. е. къ вопросамъ экономическимъ и къ вопросамъ объ отношеніяхъ сословій между собою. Результатомъ этихъ вліяній явились широкія нормы для оцѣнки крестьянскихъ надѣловъ, уравненіе въ платежахъ крестьянъ сѣверныхъ губерній съ крестьянами губерній хлѣбородныхъ, лишеніе крестьянъ права требовать обязательнаго выкупа, какое имѣютъ помѣщики, назначеніе мировыхъ посредниковъ исключительно изъ одного сословія и т. п. Постановленія эти частію вошли въ законъ при окончательномъ его разсмотрѣніи, частію могли быть допущены составителями положенія въ виду того, что добросовѣстная практика должна была дополнить несовершенства законодательства. Такъ, можно было, не опасаясь, назначить довольно высокія нормы *высшихъ* платежей, поставивъ окончательное опредѣленіе ихъ въ зависимость отъ мѣстныхъ условій.

Но люди, писавшіе Положеніе 19-го февраля, и люди, примѣнявшіе его на практикѣ, были не одни и тѣ же. Дѣло освобожденія крестьянъ вышло изъ рукъ составителей Положенія въ самомъ его началѣ. Въ памяти современниковъ еще живо то время, когда вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19-го февраля начались вполнѣ понятныя опасенія, что отъ него останется весьма немногое... При этихъ условіяхъ нечего удивляться, что оно было примѣнено не такъ, какъ бы слѣдовало; а между тѣмъ въ этомъ-то примѣненіи и лежитъ главная причина всѣхъ справедливыхъ жалобъ и упрековъ. Впослѣдствіи нѣкоторые изъ составителей Положенія 19-го февраля получили возможность провести въ жизнь свои стремленія въ мѣстностяхъ, поставленныхъ въ исключительныя условія, и тамъ ихъ дѣятельность дала другіе результаты, не смотря на ту мрачную обстановку, при которой она совершалась и которой, впрочемъ, сами они были чужды....

Въ виду всего этого, мы не считаемъ себя вправѣ винить соста-

вителей Положенія за все то, что было въ немъ неудовлетворительнаго; мы можемъ только сказать, что они можетъ быть были менѣе предусмотрительны, чѣмъ было нужно. Они слишкомъ разсчитывали на возможность примѣнить Положеніе въ томъ духѣ, какъ его слѣдовало примѣнить, не ознакомившись вполнѣ съ противными силами и не предвидя грядущихъ событій.

Но въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ составители Положенія имѣли большій просторъ, ихъ дѣятельность оказалась болѣе успѣшною. Если бы мы вздумали сдѣлать общую оцѣнку Положенія 19-го февраля, какъ законодательнаго акта, то должны были бы признать, что лучшія его страницы именно тѣ, которыми опредѣляется взаимное отношеніе лицъ, входящихъ въ составъ крестьянскихъ обществъ и отношенія этихъ обществъ къ правительственнымъ учрежденіямъ. И это совершенно понятно, ибо условія здѣсь были нѣсколько другія, сравнительно съ тѣми, при которыхъ пришлось разработывать экономическія отношенія. Люди, смотрѣвшіе враждебно на дѣятельность составителей Положенія, были главнымъ образомъ поглощены заботою о своихъ экономическихъ интересахъ; имъ было не до крестьянскаго самоуправленія и, быть можетъ, этому именно обстоятельству мы обязаны лучшими страницами Положенія.

Конечно и здѣсь дѣло не обошлось безъ борьбы; но борьба была уже легче. Она велась противъ мнѣній, взглядовъ или предубѣжденій, словомъ, противъ направленія, но не противъ личныхъ выгодъ; а извѣстно, насколько въ подобныхъ классахъ общества личныя выгоды дѣйствуютъ сильнѣе всякихъ принциповъ. Какъ бы то ни было, составители Положенія вышли изъ этой борьбы побѣдителями; а чтобы понять значеніе этой побѣды, нужно только вспомнить, какую громадную важность имѣли тѣ вопросы, которые зависѣли отъ ихъ рѣшенія.

Извѣстно, что въ великорусскихъ губерніяхъ у крестьянъ издавна существуетъ общинное землевладѣніе. Извѣстно точно также, что оно весьма многимъ не нравится, точно также какъ не нравилось и во время составленія Положенія. Оно обезпечиваетъ за крестьянами извѣстныя средства къ жизни и отдаляетъ необходимость продажи земель и работы на чужихъ поляхъ изъ-за куска хлѣба. Поэтому уже во время первыхъ трудовъ по крестьянскому дѣлу, стали раздаваться возгласы о необходимости сломать эту вѣковую форму народнаго быта. Въ этой необходимости убѣждали не только люди, по-

нимавшіе дѣло ясно и завѣдомо хлопотавшіе объ обѣднѣніи крестьянъ; имъ вторили и наши доморощенные экономисты, которые перелагали на русскіе нравы г. де-Молинари, пользовались за это ученымъ авторитетомъ и смѣло выдавали свои соображенія за послѣдніе плоды европейской науки. Но составители Положенія не увлеклись ни указаніями такъ-называемыхъ сельскихъ практиковъ, ни желаніемъ пріобрѣсти лестное реноме отъ патентованныхъ ученыхъ. Они не посягнули на народную форму землевладѣнія и, предоставивъ крестьянскому обществу полную свободу устроивать его, какъ оно само знаетъ, не принесли общественныхъ интересовъ въ жертву личнымъ интересамъ немногихъ людей, которые успѣли скопить себѣ средства подъ покровомъ той же общины.

Тоже повторилось и съ вопросомъ объ административномъ устройствѣ крестьянскихъ обществъ. Въ то время, когда впервые пришлось разрѣшать этотъ вопросъ, и въ обществѣ и въ законодательствѣ были всѣ задатки для того, чтобы подчинить бывшихъ крѣпостныхъ той же административной опекѣ, которая существовала, напримѣръ, у крестьянъ государственныхъ. Повсюду раздавались возгласы о необходимости точно регулировать всю внутреннюю жизнь крестьянскихъ обществъ и подчинить ихъ самому строгому полицейскому надзору. Споръ происходилъ только о томъ, кому дать право этого надзора: полиціи или помѣщикамъ. Но составители Положенія не поддались на эти возгласы. Они не увлеклись ни «вотчинной полиціей помѣщиковъ», ни готовымъ «Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», гдѣ предусмотрительность опекающихъ дошла до того, что въ числѣ законодательныхъ требованій до сихъ поръ существуетъ запрещеніе государственнымъ крестьянамъ *ѣсть падаль*. Вмѣсто всего этого они на нѣсколькихъ страницахъ опредѣлили отношенія членовъ крестьянскихъ обществъ къ лицамъ, выбраннымъ ими самими изъ ихъ среды. Затѣмъ всѣ внутреннія дѣла общества предоставлены міру. Міръ распредѣляетъ землю, разлагаетъ подати, установляетъ правила для рекрутской повинности и т.п. Въ эти распоряженія не можетъ вмѣшиваться никто, и даже мировой посредникъ существуетъ здѣсь, по смыслу Положенія, не столько для опеки, сколько для предохраненія крестьянскихъ обществъ отъ вторженія въ ихъ область чуждыхъ имъ элементовъ. Если затѣмъ остаются кое-какія вотчинно-полицейскія права помѣщиковъ, если посредникамъ дана въ иныхъ случаяхъ слишкомъ

большая власть, а въ другихъ крестьяне поставлены въ слишкомъ непосредственныя отношенія къ полиціи, то всѣ эти условія не имѣютъ органической связи съ существенными сторонами дѣла; онѣ составляютъ только временныя мѣры и, съ минованіемъ переходнаго времени, могутъ быть устранены безъ всякаго потрясенія существующей организаціи.

Наконецъ, не смотря на тѣ нападки, съ которыми обращаются теперь къ волостнымъ судамъ, мы и здѣсь не можемъ не отдать справедливости составителямъ Положенія. Когда представилась необходимость установить въ средѣ крестьянскаго сословія юридическія отношенія, то всего легче было, конечно, потолковавъ объ юридической равноправности, подчинить эти отношенія X и XV томамъ Свода законовъ. Но составители Положенія опять-таки не увлеклись этимъ; они постарались запечатлѣть закономъ силу народныхъ обычаевъ и установили крестьянскіе суды, соотвѣтствующіе потребностямъ населенія. Суды эти, конечно, далеко не совершенны; на нихъ слишкомъ легко отражаются всѣ тѣ условія, которыя вообще неблагопріятно вліяютъ на бытъ нашихъ крестьянъ, и конечно, послѣ введенія новыхъ началъ въ общее судоустройство, и въ этихъ судахъ должно желать измѣненій къ лучшему; но за составителями Положенія все-таки остается та заслуга, что они спасли крестьянъ отъ невыгоднаго столкновенія съ прежними судами или съ полицейскою расправою и не подчинили имущественныя отношенія въ средѣ общинъ юридической казуистикѣ.

Читатели, которые согласны съ нами въ общихъ взглядахъ на крестьянское самоуправленіе, скажутъ, можетъ быть, что все это такъ и должно было быть, что хвалить здѣсь составителей Положенія не за что, что они только заслуживали бы несочувствія, если бы сдѣлали иначе. Но пусть они вспомнятъ, что дѣлается теперь въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, которыя обязаны идеѣ самоуправленія своимъ собственнымъ существованіемъ. Развѣ въ нихъ не высказываются поползновенія подчинить крестьянскія общества земской опекѣ; развѣ не признаютъ они вполнѣ возможнымъ рѣшать на основаніи X тома вопросъ о томъ, кто долженъ считаться хозяиномъ въ крестьянской семьѣ, и развѣ не стремятся испробовать на устройствѣ крестьянскаго быта свои экономическія теоріи, изыскивая мѣры къ уничтоженію общиннаго землевладѣнія?

Такимъ образомъ, мы должны отдать справедливость составите-

лямъ Положенія, которые въ рѣшительную минуту спасли крестьянское сословіе отъ многаго, что ему могло угрожать. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать, что причина неудовлетворительности настоящаго положенія вещей заключается не столько въ Положеніи 19-го февраля, сколько въ тѣхъ условіяхъ, которыя явились вслѣдъ за изданіемъ этого Положенія.

Но это не можетъ заставить насъ отвернуться отъ требованій времени и смотрѣть на правила, установленныя Положеніемъ 19-го февраля, какъ на что-то во вѣки неизмѣнное. Если намъ мало симпатичны тѣ узкіе доктринеры и бюрократы нивилляторы, которые хотятъ переустроить крестьянское дѣло по своей мѣркѣ, не желая знать историческихъ особенностей страны, то конечно еще менѣе симпатичны намъ тѣ своекорыстные любители statu quo, которые поддерживаютъ его изъ боязни, чтобы пересмотръ крестьянскаго Положенія не повлекъ за собою какихъ-нибудь измѣненій въ томъ положеніи, на которомъ состоятъ у насъ высшія сословія. Мы начали нашу бесѣду съ читателями именно съ того, что условія времени вызываютъ необходимость измѣненій въ крестьянскомъ положеніи. Но мы думаемъ, что измѣненія эти должны выходить изъ тѣхъ же началъ, которыми руководились составители Положенія; что теперь, какъ и тогда, слѣдуетъ не ломать основныя формы народнаго быта, а напротивъ, дать имъ возможность дальнѣйшаго развитія, сообразно требованіямъ жизни; что главнымъ началомъ для устройства экономическаго быта крестьянъ слѣдуетъ теперь, какъ и тогда, принять улучшеніе ихъ положенія и обезпеченіе исполненія ихъ обязанностей передъ правительствомъ, какъ это было указано въ Высочайшемъ манифестѣ 19-го февраля 1861 года.

Полагая, что каждое искреннее слово, сказанное объ этомъ предметѣ, можетъ принести свою долю пользы, мы посвящаемъ нашу статью нерѣшеннымъ вопросамъ крестьянскаго дѣла. Подъ этими вопросами мы разумѣемъ измѣненіе въ крестьянскомъ управленіи, вызываемое упраздненіемъ мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, преобразованіе волостныхъ судовъ и улучшеніе экономическаго положенія крестьянъ. Само собою разумѣется, что мы не имѣемъ претензіи на окончательное разрѣшеніе этихъ вопросовъ и будемъ вполнѣ довольны, если намъ удастся выяснить такія стороны дѣла, которыя оставались незамѣченными, и указать на такія мѣры, которыя были упущены изъ виду.

II.

Прежде чѣмъ дѣлать оцѣнку нашихъ крестьянскихъ учрежденій, мы считаемъ необходимымъ напомнить читателямъ, хотя въ общихъ чертахъ, организацію крестьянскаго управленія, чтобы избавить ихъ отъ необходимости постоянно справляться съ Положеніемъ. Личныя права крестьянъ и устройство ихъ общественныхъ учрежденій опредѣлены, какъ извѣстно, въ «Общемъ положеніи о крестьянахъ», а устройство мировыхъ учрежденій и отношенія ихъ къ крестьянскимъ обществамъ изложены въ «Положеніи о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ». Изложивъ въ общихъ чертахъ содержаніе этихъ законодательныхъ актовъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ на тѣ немногія измѣненія, какія были сдѣланы въ нихъ впослѣдствіи, и коснемся, сколько возможно, исторіи этого законодательства, т. е. покажемъ, что въ немъ принадлежитъ первоначальнымъ составителямъ Положенія и что введено при окончальномъ обсужденіи закона.

Первоначальное обсужденіе вопросовъ, связанныхъ съ рѣшеннымъ уже въ принципѣ освобожденіемъ помѣщичьихъ крестьянъ, было предоставлено въ 1857 и 1858 гг. губернскимъ комитетамъ, состоявшимъ, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя, изъ двухъ дворянъ помѣщиковъ отъ каждаго уѣзда и двухъ лицъ (также изъ дворянъ помѣщиковъ), назначенныхъ отъ правительства. Этимъ комитетамъ, впрочемъ, были даны основныя положенія и программа вопросовъ, подлежавшихъ ихъ обсужденію. Для разсмотрѣнія проэктовъ, присылаемыхъ комитетами, были, въ февралѣ 1859 г., учреждены *Редакціонныя коммиссіи*, которыя собственно и составляли проэктъ положеній. Черезъ полгода были разсмотрѣны отзывы 21 губернскаго комитета и въ августѣ приглашены въ Петербургъ для совѣщанія представители отъ каждаго комитета и каждаго особаго мнѣнія, образовавшагося въ комитетѣ. Такимъ образомъ въ большинствѣ губерній было избрано по двое членовъ комитета, одинъ отъ большинства, а другой отъ меньшинства, а отъ нѣсколькихъ губерній, гдѣ образовалось три мнѣнія—по трое. Еще черезъ полгода, т. е. къ марту 1860 года, были разсмотрѣны отзывы остальныхъ 19-ти комитетовъ и затѣмъ приглашены для совѣщанія ихъ предста-

ства, отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія и поступать на службу, по увольненіи изъ оклада, на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для податныхъ сословій, т. е. съ пріобрѣтеніемъ права на чинъ по образованію (ст. 29).

Что касается правъ имущественныхъ, то крестьяне пріобрѣли право пользованія извѣстнымъ количествомъ земли (въ большинствѣ случаевъ тою, которою они пользовались фактически при крѣпостномъ правѣ) и право собственности на эту землю въ случаѣ выкупа, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, на первые девять лѣтъ, продавать или закладывать эту землю лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу. Право пріобрѣтать земли въ собственность получили какъ отдѣльныя лица такъ и цѣлыя общества; такими землями они распоряжаются по своему усмотрѣнію. Земли, которыя пріобрѣтены были крестьянами въ прежнее время на имя помѣщика, должны быть укрѣплены за ними въ собственность, если только крестьяне представятъ доказательства такого пріобрѣтенія. Доказывать свои права крестьяне могутъ только письменными документами (хотя бы домашними) и притомъ «не пропуская десятилѣтней давности со времени пріобрѣтенія имущества». Споры по этимъ дѣламъ рѣшаются окончательно [illegible] высшаго совѣстнаго суда, Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, въ которое приглашается предсѣдатель гражданской палаты и совѣстный судья. Если имущество [illegible] то крестьянамъ предоставляется [illegible] (ст. 32 и приложеніе къ ней по [illegible]).

Затѣмъ движимое имущество признано [illegible] крестьянъ; а мірскіе денежные капиталы [illegible] ностью сельскихъ обществъ. Наконецъ [illegible] стьянамъ *дозволено руководствоваться* [illegible] право же на выморочное имущество [illegible] предоставлено сельскому обществу.

Какъ ни ограничено [illegible] дательство обязано [illegible] комитеты были по многимъ вопросамъ [illegible]

Постановленіе объ [illegible] уже ранѣе правительствомъ [illegible] два изъ нихъ были даже [illegible] вали запрещенія укрѣпленія [illegible] *«хотя бы они и сами* [illegible]

вители. Наконецъ, съ марта по октябрь 1860 года редакціонныя коммиссіи закончили свои работы и проэкты ихъ поступили на разсмотрѣніе Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, который былъ учрежденъ въ 1858 г. и до сихъ поръ остается высшимъ законодательнымъ и отчасти административнымъ учрежденіемъ по устройству крестьянскаго быта. По обсужденіи въ Комитетѣ, проэктъ положеній былъ внесенъ въ государственный совѣтъ.

Въ извѣстномъ трудѣ г. Скребицкаго, «Крестьянское дѣло въ царствованіе Императора Александра II», собраны матеріалы, относящіеся къ дѣятельности дворянскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій. Этими матеріалами мы и воспользуемся, чтобы показать читателямъ, какъ относились къ кореннымъ вопросамъ крестьянскаго управленія представители дворянства, какъ отнеслись къ нимъ редакціонныя коммисіи, и что было введено при окончательномъ обсужденіи ихъ проэктовъ.

Вмѣстѣ съ отмѣною крѣпостнаго права, Положеніе предоставило крестьянамъ личныя и имущественныя права свободныхъ сельскихъ обывателей. При этомъ помѣщики, «сохраняя право собственности на всѣ принадлежащія имъ земли», были обязаны предоставить часть этой земли крестьянамъ за опредѣленныя повинности. Пока эта земля не пріобрѣтена крестьянами, съ помощію дара или выкупа, въ собственность, крестьяне, пользующіеся ею, называются «временнообязанными», а съ пріобрѣтеніемъ земли получаютъ названіе «крестьянъ собственниковъ».

Какъ тѣ, такъ и другіе, пріобрѣли, на основаніи Положенія, общія права семейныя (ст. 21), право вступать въ договоры безъ ограниченія суммы (ст. 22), право производить, безъ платежа пошлинъ, ту торговлю, которая вообще предоставлена сельскимъ сословіямъ, открывать и содержать фабрики и разныя торговыя и промышленныя заведенія и вступать въ гильдіи (ст. 23), право ходатайствовать по своимъ дѣламъ, подавать жалобы, начинать иски *), быть довѣренными и т. п. (ст. 24); право перечисляться, на основаніи особыхъ правилъ, въ другія сословія и общества, отлучаться отъ мѣста житель-

*) На основаніи прим. 2 къ ст. 24, крестьяне не могутъ только начинать иски и тяжбы противъ помѣщиковъ по такимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ ихъ, которыя совершены до изданія Положенія, въ силу крѣпостныхъ отношеній. Исключеніе составляютъ иски о земляхъ, купленныхъ крестьянами на имя помѣщиковъ.

ства, отдавать своихъ дѣтей въ общія учебныя заведенія и поступать на службу, по увольненіи изъ оклада, на общихъ основаніяхъ, установленныхъ для податныхъ сословій, т. е. съ пріобрѣтеніемъ права на чинъ по образованію (ст. 29).

Что касается правъ имущественныхъ, то крестьяне пріобрѣли право пользованія извѣстнымъ количествомъ земли (въ большинствѣ случаевъ тою, которою они пользовались фактически при крѣпостномъ правѣ) и право собственности на эту землю въ случаѣ выкупа, съ воспрещеніемъ, впрочемъ, на первые девять лѣтъ, продавать или закладывать эту землю лицамъ, не принадлежащимъ къ обществу. Право пріобрѣтать земли въ собственность получили какъ отдѣльныя лица, такъ и цѣлыя общества; такими землями они распоряжаются по своему усмотрѣнію. Земли, которыя пріобрѣтены были крестьянами въ прежнее время на имя помѣщика, должны быть укрѣплены за ними въ собственность, если только крестьяне представятъ доказательства такого пріобрѣтенія. Доказывать свои права крестьяне могутъ только письменными документами (хотя бы домашними), и притомъ «не пропуская десятилѣтней давности со времени пріобрѣтенія имущества». Споры по этимъ дѣламъ рѣшаются окончательно, на правахъ высшаго совѣстнаго суда, Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, въ которое приглашается предсѣдатель гражданской палаты и совѣстный судья. Если имущество заложено или продано, то крестьянамъ предоставляется отыскивать съ помѣщиковъ убытки (ст. 32 и приложеніе къ ней по прод. 1863 г.).

Затѣмъ движимое имущество признано полною собственностью крестьянъ; а мірскіе денежные капиталы и хлѣбные запасы собственностью сельскихъ обществъ. Наконецъ въ дѣлахъ о наслѣдствѣ крестьянамъ *дозволено руководствоваться мѣстными обычаями;* право же на выморочное имущество, оставшееся послѣ крестьянина, предоставлено сельскому обществу.

Какъ ни ограничено пространство этихъ правъ, но и ими законодательство обязано энергіи редакціонныхъ коммиссій. Дворянскіе комитеты были по многимъ вопросамъ совершенно другого мнѣнія.

Постановленіе объ отмѣнѣ крѣпостного права (впрочемъ, принятое уже ранѣе правительствомъ) вошло въ проэкты всѣхъ комитетовъ; два изъ нихъ были даже на столько предусмотрительны, что требовали запрещенія укрѣплять кого-либо изъ освобожденныхъ людей *«хотя бы они и сами того пожелали»* (Крестьянское дѣло, т. I,

стр. 4). Но относительно земли мнѣнія были иныя. Большинство комитетовъ настаивало на оставленіи за помѣщиками вотчиннаго права на всю землю и на ограниченіи правъ крестьянъ даже въ пользованіи этими землями. Другіе же выражали мысль, что земли должны быть даны крестьянамъ только временно, а потомъ опять перейти къ помѣщикамъ.

Такія же тенденціи высказывались и относительно личныхъ правъ. Одинъ изъ членовъ полтавскаго комитета, вызванныхъ на совѣщаніе (*г. Позенъ*), высказалъ, что подъ уничтоженіемъ личнаго крѣпостнаго права можно разумѣть только «прекращеніе продажи, даренія, всякаго отчужденія, переселенія крестьянъ противъ ихъ воли въ другія имѣнія, обращенія въ дворовые и вообще всякаго произвольнаго распоряженія личностью крестьянина. Сюда можно еще прибавить права семейныя, право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности безъ согласія помѣщиковъ и право жалобъ; *но идти далѣе этаго невозможно*, если въ реформѣ должна быть сохранена указанная постепенность». Поэтому гг. *Позенъ* и *Богдановичъ* (также членъ полтавскаго комитета) «крайне сомнѣвались въ благополучномъ исходѣ реформы, если свобода будетъ объявлена крестьянамъ въ томъ пространствѣ, какъ она предначертана редакціонными коммиссіями, а повинности къ помѣщику будутъ установлены обязательныя» (стр. 22 и 23).

Ограниченіе правъ крестьянъ, требуемое комитетами, заключалось, преимущественно въ подчиненіи ихъ, до извѣстной степени, прежней власти помѣщика. Такъ, нѣкоторые комитеты желали, чтобы переходъ крестьянъ въ другія общества и сословія совершался не иначе, какъ съ дозволенія помѣщика. Были и такіе, которые желали сохранить право помѣщика разрѣшать браки. Это именно комитеты вологодскій, таврическій и тульскій. За то костромской комитетъ, напротивъ, призналъ необходимымъ противодѣйствовать безбрачію. По мнѣнію этого комитета, безбрачіе ведетъ къ подкидыванію младенцевъ, вымариванію зародышей и *расколу* (?!). При крѣпостномъ состояніи, говоритъ комитетъ, помѣщики противодѣйствовали вреднымъ послѣдствіямъ безбрачія «всѣми мѣрами своего полноправія»; съ устраненіемъ же помѣщичьяго вліянія родители и родственники будутъ изъ корыстолюбія оставлять дѣвицъ и вдовъ въ безбрачіи «ко вреду ихъ нравственности и къ растройству семейнаго быта молодыхъ вдовцовъ и неженатыхъ крестьянъ». Поэтому комитетъ полагалъ полезнымъ «въ видахъ нравственнаго обороченія» (?!)

облагать дѣвицъ и молодыхъ бездѣтныхъ вдовъ и мужчинъ ежегодною платою въ мірской капиталъ отъ 3-хъ до 10 рублей (стр. 12—14).

Мы привели эти мнѣнія, чтобы показать, какіе взгляды существовали въ то время среди лицъ, обсуждавшихъ крестьянскую реформу въ дворянскихъ комитетахъ. Это лучше всего даетъ понять, изъ какого матеріала должны были созидать редакціонныя коммисіи тѣ проэкты положеній, которые составили главную основу существующаго законодательства.

Въ отношеніи правъ крестьянъ по имуществу, интересъ заключался конечно не въ юридическихъ правахъ, а въ правѣ на усадебныя строенія и на тѣ земли, которыя были куплены крестьянами въ прежнее время на имя помѣщиковъ. О строеніяхъ мы будемъ говорить впослѣдствіи; что же касается правъ крестьянъ на прежде купленныя земли, то право это было признано почти всѣми комитетами, но только теоретически. Именно, большинство комитетовъ требовало, чтобы возвратъ земли зависѣлъ отъ воли помѣщика, споровъ же отъ крестьянъ не принималось. Другіе полагали подчинить эти иски общимъ формамъ тогдашняго судопроизводства. Вызванные члены комитетовъ частію склонялись къ тому, чтобы не допускать со стороны крестьянъ подобныхъ исковъ; частію предлагали передавать подобныя дѣла на рѣшенія дворянскихъ собраній съ правомъ апелляціи въ Сенатъ; при этомъ члены отъ Костромскаго комитета сочли нужнымъ оговорить, что «за неправильное и бездоказательное вчинаніе крестьянами подобныхъ исковъ, они подвергаются суду на общемъ основаніи законоположенія о ябедахъ».

Предположеній редакціонныхъ коммисій по всѣмъ этимъ вопросамъ мы приводить не будемъ, такъ какъ они вошли въ Положеніе почти безъ всякихъ измѣненій. Только право крестьянъ на иски о земляхъ, пріобрѣтенныхъ на имя помѣщиковъ, ограничено десятилѣтнею давностью, тогда какъ редакціонныя коммисіи предполагали предоставить право этихъ исковъ относительно всѣхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ послѣ марта 1848 года (когда былъ обнародованъ особый указъ, запрещавшій подобные споры по дѣламъ предшествовавшаго времени).

Въ числѣ личныхъ правъ крестьянъ Положеніе указало и на право общественнаго управленія, подробности котораго изложены въ томъ же Положеніи.

Въ крестьянскомъ управленіи мы видимъ двѣ территоріальныя

единицы: одну почти исключительно хозяйственную, *село* или *деревню*, съ сельскимъ сходомъ и сельскимъ старостою, и другую административную, *волость*, съ волостнымъ сходомъ, волостнымъ старшиною, волостнымъ правленіемъ и волостнымъ судомъ. Надъ этими учрежденіями установленъ, въ административномъ отношеніи, контроль уѣздныхъ и губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій.

Сельское общество составляетъ, какъ мы уже сказали, низшую хозяйственную и отчасти административную единицу. Оно составляется изъ крестьянъ, водворенныхъ на землѣ одного помѣщика, и можетъ состоять или изъ цѣлаго селенія, или изъ нѣсколькихъ мелкихъ, по возможности смежныхъ, поселковъ, пользующихся всѣми или нѣкоторыми угодьями съобща. Это послѣднее условіе принято и для образованія сельскихъ обществъ у крестьянъ удѣльныхъ и казенныхъ. Хозяйственными вопросами сельскаго общества завѣдуетъ *сельскій сходъ*, который состоитъ изъ всѣхъ крестьянъ домохозяевъ. Этотъ сходъ избираетъ *сельскаго старосту*, сборщиковъ податей и другихъ должностныхъ лицъ (смотрителей магазиновъ, школъ и больницъ, сельскихъ писарей, лѣсныхъ сторожей, и пр.); онъ же учитаетъ ихъ и разсматриваетъ на нихъ жалобы. Вообще въ 51 ст. Положенія приведенъ слѣдующій дѣла, подлежащихъ веденію схода:

выборы сельскихъ должностныхъ лицъ и назначеніе выборныхъ на волостной сходъ;

приговоры объ удаленіи изъ общества вредныхъ и порочныхъ членовъ его и временное устраненіе крестьянъ отъ участія въ сходахъ, не долѣе, какъ на три года;

увольненіе изъ общества членовъ его и пріемъ новыхъ;

назначеніе опекуновъ и попечителей, повѣрка ихъ дѣйствій;

разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ;

дѣла, относящіяся до общиннаго пользованія мірскою землею, какъ-то: передѣлъ земель, накладка и скидка тяголъ, окончательный раздѣлъ общинныхъ земель на постоянные участки, и т. п;

при участковомъ или подворномъ (наслѣдственномъ) пользованіи землею, распоряженіе участками мірской земли, по какому-либо случаю остающимися праздными или несостоящими въ подворномъ пользованіи;

совѣщанія и ходатайство объ общественныхъ нуждахъ, благоустройствѣ, призрѣніи и обученіи грамотѣ;

принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ по дѣламъ общества, чрезъ особыхъ выборныхъ;

назначеніе сборовъ на мірскіе расходы;

раскладка всѣхъ лежащихъ на крестьянахъ казенныхъ податей, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ, равно какъ земскихъ и мірскихъ натураль-

ныхъ повинностей, и порядокъ веденія счетовъ по означеннымъ податямъ и сборамъ;

учетъ должностныхъ лицъ, сельскимъ обществомъ избранныхъ, и назначеніе имъ жалованья или иного за службу вознагражденія;

дѣла по отбыванію рекрутской повинности въ той степени, въ какой онѣ касаются сельскаго общества (*);

раскладка оброка и издѣльной повинности по тягламъ, по душамъ, или инымъ принятымъ способомъ, тамъ, гдѣ повинности, въ пользу помѣщика, отбываются за круговою порукою цѣлаго общества;

принятіе мѣръ къ предупрежденію и взысканію недоимокъ;

назначеніе ссудъ изъ запасныхъ сельскихъ магазиновъ и всякаго рода вспомоществованій; и

дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ общественнымъ.

Въ приговоры сельскихъ сходовъ, составленные по всѣмъ этимъ предметамъ, никакое начальство не вмѣшивается. Всѣ хозяйственныя дѣла рѣшаетъ само общество. Если-же сельское общество состоитъ изъ крестьянъ нѣсколькихъ селеній, имѣющихъ каждое особую землю, (что иногда допускается), то вытекающіе изъ поземельнаго владѣнія вопросы разрѣшаются отдѣльными сходами селеній. Рѣшенія сходовъ считаются дѣйствительными, когда на сходѣ присутствовалъ сельскій староста и не менѣе половины крестьянъ, имѣющихъ право голоса. Затѣмъ дѣла рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ. Но въ нѣкоторыхъ, особенно важныхъ дѣлахъ (указанныхъ въ 54 ст. Положенія), требуется согласіе $^2/_3$ всѣхъ крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ; а именно, въ дѣлахъ:

о замѣнѣ общиннаго пользованія землею участковымъ или подворнымъ (наслѣдственнымъ);

о раздѣлѣ мірскихъ земель на постоянные наслѣдственные участки;

о передѣлахъ мірской земли;

объ установленіи мірскихъ добровольныхъ складокъ и употребленіи мірскихъ капиталовъ, и

объ удаленіи порочныхъ крестьянъ изъ общества и предоставленіи ихъ въ распоряженіе правительства.

Сельскій староста избирается на три года; онъ исполняетъ относительно сельскаго общества слѣдующія обязанности:

созываетъ и распускаетъ сельскій сходъ и охраняетъ въ немъ должный порядокъ;

предлагаетъ на разсмотрѣніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользъ сельскаго общества;

приводитъ въ исполненіе приговоры сельскаго схода, распоряженія волостнаго управленія и мировыхъ учрежденій;

---

*) Собственно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, личное назначеніе рекрутъ по правиламъ, опредѣленнымъ на волостномъ сходѣ.

наблюдаетъ за цѣлостью межъ и межевыхъ знаковъ на земляхъ, въ пользованіи крестьянъ находящихся или принадлежащихъ имъ въ собственность;

наблюдаетъ за исправнымъ содержаніемъ дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ, и пр., на земляхъ, отведенныхъ сельскому обществу въ надѣлъ или пріобрѣтенныхъ крестьянами въ собственность;

наблюдаетъ за исправнымъ отбываніемъ крестьянами податей и всякаго рода повинностей, какъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ, такъ оброка или издѣльной повинности въ пользу помѣщика, и собираетъ сіи подати и оброки въ тѣхъ обществахъ, гдѣ не будетъ особыхъ сборщиковъ;

понуждаетъ къ исполненію условій и договоровъ крестьянъ между собою, а равно заключенныхъ съ помѣщиками и посторонними лицами, когда такіе договоры не оспариваются самими крестьянами;

надзираетъ за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и другихъ общественныхъ заведеніяхъ, если они учреждены сельскимъ обществомъ на свой собственный счетъ;

наблюдаетъ за своевременнымъ составленіемъ ревизскихъ сказокъ и подаетъ оныя куда слѣдуетъ;

по просьбамъ крестьянъ о выдачѣ имъ установленныхъ билетовъ и паспортовъ на отлучки или объ увольненіи вовсе изъ общества, даетъ волостному старшинѣ надлежащее удостовѣреніе въ томъ, что къ увольненію означенныхъ крестьянъ препятствія нѣтъ;

завѣдываетъ, въ порядкѣ, установленномъ обществомъ, мірскимъ хозяйствомъ и мірскими суммами, надзираетъ за цѣлостью запаснаго общественнаго хлѣба и за правильнымъ распоряженіемъ онымъ, и

охраняетъ отъ растраты тѣ имущества неисправныхъ плательщиковъ, коими обезпечивается взысканіе недоимки.

Кромѣ этихъ хозяйственныхъ и административныхъ обязанностей, на сельскаго старосту возлагаются еще обязанности полицейскія, вслѣдствіе чего онъ долженъ исполнять всѣ законныя распоряженія волостнаго старшины, полиціи, мироваго посредника, судебнаго слѣдователя и всѣхъ установленныхъ властей и даже помѣщика (особенно въ дѣлахъ, касающихся взысканія оброка и наряда на работу). Кромѣ того, сельскій староста, не ожидая ничьихъ приказаній, обязанъ:

принимать необходимыя мѣры для охраненія благочинія, порядка и безопасности лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а равно предупреждать, чтобы не было потравъ хлѣба, побоя травы, лѣсныхъ пожаровъ и порубокъ въ лѣсахъ;

задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ и представлять ихъ мѣстной полиціи для дальнѣйшаго распоряженія;

распоряжаться подачею помощи въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежѣ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, немедленно извѣщая волостнаго старшину, а въ случаѣ надобности донося прямо и полиціи о важнѣйшихъ происшествіяхъ въ сельскомъ обществѣ;

въ случаѣ совершенія преступленія, дѣлать предварительное дознаніе, за-

держивать виновныхъ и охранять слѣдъ преступленія до прибытія мѣстной полиціи или судебнаго слѣдователя.

Сельскій староста имѣетъ право подвергать виновныхъ крестьянъ за маловажные проступки назначенію на общественныя работы до двухъ дней, аресту, также до двухъ дней, и денежному штрафу до одного рубля. Такому же наказанію онъ можетъ подвергать и сельскихъ должностныхъ лицъ.

Жалобы на сельскаго старосту приносятся мировому посреднику, который имѣетъ право подвергнуть его штрафу въ размѣрѣ пяти рублей или аресту до семи дней, а въ случаѣ важныхъ преступленій по должности, предать суду. Право удаленія сельскаго старосты отъ должности принадлежитъ мировому съѣзду; но по требованію помѣщика, это можетъ сдѣлать и мировой посредникъ, который въ такомъ случаѣ самъ назначаетъ новаго старосту на все то время, которое оставалось служить прежнему. Опредѣленнаго жалованья сельскому старостѣ, какъ и всѣмъ вообще лицамъ крестьянскаго управленія, не полагается; но общество можетъ назначить ему содержаніе по своему усмотрѣнію. По закону, сельскій староста освобождается на время службы отъ натуральныхъ повинностей и тѣлеснаго наказанія. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что сельскій староста, какъ и всѣ должностныя лица крестьянскаго управленія, замѣщаемыя по выбору, *не имѣетъ права отказаться* пока не прослужатъ трехъ лѣтъ. Исключеніе допускается долько для лицъ, достигшихъ 60-ти лѣтняго возраста и одержимыхъ сильными недугами.

Обязанности прочихъ сельскихъ должностныхъ лицъ (сборщиковъ податей, смотрителей магазиновъ и пр.) — видны изъ ихъ названія. Опредѣленіе и увольненіе этихъ лицъ предоставляется самому сходу.

Высшую единицу крестьянскаго управленія представляетъ *волость*. Она образуется изъ состоящихъ въ одномъ уѣздѣ и по возможности смежныхъ сельскихъ обществъ. Наименьшее число жителей полагается около 300 ревизскихъ душъ мужескаго пола, а наибольшее около 2000 душъ. Наибольшее разстояніе для отдѣльныхъ селеній отъ средоточія волостнаго управленія полагается 12 верстъ. При образованіи волостей принимается въ разсчетъ прежнее дѣленіе на приходы; кромѣ того, отдѣльныя сельскія общества не дробятся. Значительное селеніе составляетъ всегда одну волость и тогда сельское управленіе сливается съ волостнымъ.

Главную роль въ управленіи дѣлами волости играетъ волостной сходъ. Онъ составляется изъ сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ и изъ крестьянъ, избираемыхъ отъ каждаго селенія по одному отъ десяти дворовъ, при чемъ отдѣльные поселки, хутора, починки, и т. п., хотя имѣющіе менѣе десяти дворовъ, всегда посылаютъ одного выборнаго. *) Тамъ, гдѣ волость состоитъ изъ одного селенія, волостной сходъ замѣняется сельскимъ и соединяетъ обязанности того и другаго. Тогда вмѣсто сельскихъ старостъ выбирается нѣсколько помощниковъ старшины. Вѣдѣнію волостнаго схода (по 78 ст. Положенія) подлежатъ:

выборы волостныхъ должностныхъ лицъ и судей волостного суда;
постановленіе о всѣхъ вообще предметахъ, относящихся до хозяйственныхъ и общественныхъ дѣлъ цѣлой волости;
мѣры общественнаго призрѣнія; учрежденіе волостныхъ училищъ, распоряженія по волостнымъ запаснымъ магазинамъ, гдѣ они есть;
принесеніе, куда слѣдуетъ, жалобъ и просьбъ по дѣламъ волости, черезъ особыхъ выборныхъ;
назначеніе и раскладка мірскихъ сборовъ и повинностей, относящихся до цѣлой волости;
повѣрка дѣйствій и учетъ должностныхъ лицъ, волостью избираемыхъ;
повѣрка рекрутскихъ списковъ и раскладка рекрутской повинности; **) и
дача довѣренностей на хожденіе по дѣламъ волости.

На сходѣ долженъ непремѣнно присутствовать волостной старшина и не менѣе двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ право голоса. Дѣла рѣшаются по большинству голосовъ; но на приговоры волостнаго схода дозволяется приносить жалобы мировому посреднику, который передаетъ эти жалобы на рѣшеніе мироваго съѣзда.

Главное лицо въ волости—*волостной старшина*. Онъ избирается волостнымъ сходомъ на три года и утверждается мировымъ посредникомъ. Съ должностью волостнаго старшины не допускается «ни подъ какимъ предлогомъ» соединеніе въ одномъ лицѣ другихъ должностей. На этомъ основаніи, Сенатъ въ 1870 и 1871 гг. разъяснилъ, что волостные старшины не могутъ быть ни членами земской управы, ни почетными мировыми судьями. Мировой посредникъ имѣетъ надъ старшиною такую же дисциплинарную власть, какъ и надъ сельскимъ старостою; но смѣнить его не можетъ. Онъ можетъ только

*) Въ западныхъ губерніяхъ батраки и бобыли посылаютъ одного выборнаго отъ двадцати рабочихъ.

**) У бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ волостному сходу предоставляется установлять общія основанія раскладки рекрутской повинности.

удалить волостнаго старшину временно и затѣмъ представить дѣло съѣзду. Эти же права относительно волостнаго старшины предоставлено впослѣдствіи (по продолженію Свода Законовъ 1864 г.) и губернатору. Окончательно удалить волостнаго старшину отъ должности и предать его суду можетъ только мировой съѣздъ. Во время службы, старшина пользуется тѣми же правами, какъ сельскій староста и кромѣ того освобождается (во время службы) со всѣмъ семействомъ отъ рекрутской повинности. Прослуживъ два трехлѣтія, онъ освобождается лично отъ рекрутской повинности навсегда, а если прослужитъ три трехлѣтія, то эта льгота распространяется, по его выбору, на одного изъ его сыновей или родственниковъ.

Обязанности волостнаго старшины по дѣламъ общественнымъ изложены въ 84 ст. Положенія слѣдующимъ образомъ:

созывать и распускать волостной сходъ и охранять должный въономъ порядокъ;

предлагать на разсмотрѣніе схода всѣ дѣла, касающіяся нуждъ и пользъ волостнаго общества;

приводить въ исполненіе приговоры волостнаго схода, постановленные на основаніи законовъ и правилъ, установленныхъ Положеніемъ;

наблюдать за исправнымъ содержаніемъ въ волости дорогъ, мостовъ, гатей, перевозовъ, и пр.;

наблюдать какъ за сельскими старостами, такъ и за другими должностными лицами, чтобы каждый изъ нихъ исполнялъ въ частности свои обязанности;

наблюдать за исправнымъ отправленіемъ обществомъ всякаго рода казенныхъ и земскихъ повинностей, какъ денежныхъ такъ и натуральныхъ, а равно и рекрутской;

завѣдывать волостными мірскими суммами и имуществами, отвѣтствуя за цѣлость оныхъ и правильное ихъ употребленіе;

крестьянамъ и дворовымъ людямъ, приписаннымъ къ волости, выдавать, по истребованіи надлежащихъ удостовѣреній, съ соблюденіемъ установленнаго порядка, свидѣтельства, какъ для полученія тѣми крестьянами и дворовыми паспортовъ и билетовъ на отлучки, такъ и для перехода ихъ въ другія общества и сословія;

надзирать за порядкомъ въ училищахъ, больницахъ, богадѣльняхъ и всякаго рода общественныхъ заведеніяхъ, если онѣ учреждены волостнымъ обществомъ на свой счетъ, и

вести списки дворовымъ людямъ, приписаннымъ къ волости и получать съ нихъ установленный сборъ, для внесенія куда слѣдуетъ.

Независимо отъ этихъ административныхъ обязанностей, волостной старшина есть въ то-же время полицейская власть: онъ отвѣтствуетъ за сохраненіе общаго порядка, спокойствія и благочинія въ волости, имѣетъ право подвергать подчиненныхъ ему

лицъ (т. е. крестьянъ волости) тѣмъ же взысканіемъ, какъ и сельскій староста, т. е. штрафу до одного рубля и аресту или назначенію на работы до двухъ дней, и несетъ опредѣленныя полицейскія обязанности, исчисленныя въ 83 ст. Положенія, а именно:

объявлять, по предписаніямъ мѣстной полиціи, законы и распоряженія правительства и наблюдать за нераспространеніемъ между крестьянами подложныхъ указовъ и вредныхъ для общественнаго спокойствія слуховъ;

охранять благочиніе въ общественныхъ мѣстахъ и безопасность лицъ и имуществъ отъ преступныхъ дѣйствій, а также принимать первоначальныя мѣры для возстановленія нарушенной тишины, порядка и безопасности, впредь до распоряженія мѣстной полиціи;

задерживать бродягъ, бѣглыхъ и военныхъ дезертировъ и представлять ихъ полицейскому начальству;

доносить мѣстной полиціи о самовольно отлучившихся изъ волости и о преступленіяхъ и безпорядкахъ, случившихся въ волости;

наблюдать за точнымъ исполненіемъ установленныхъ Положеніемъ правилъ о припискѣ, увольненіи и перечисленіи крестьянъ изъ одного общества въ другое и доносить о семъ мѣстной полиціи;

распоряжаться въ чрезвычайныхъ случаяхъ, какъ напримѣръ: при пожарахъ, наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ, падежѣ скота и другихъ общественныхъ бѣдствіяхъ, и немедленно доносить полицейскому начальству о чрезвычайныхъ происшествіяхъ въ волости;

предупреждать и пресѣкать преступленія и проступки; принимать полицейскія мѣры для открытія и задержанія виновныхъ и представлять ихъ на дальнѣйшее распоряженіе надлежащаго начальства, и

наблюдать за исполненіемъ приговоровъ мировыхъ (по крестьянскимъ дѣламъ) учрежденій и волостнаго суда.

Кромѣ того, волостной старшина обязанъ, конечно, исполнять всѣ законныя требованія мѣстной полиціи и другихъ властей.

Такимъ образомъ, въ большинствѣ дѣлъ волостной старшина дѣйствуетъ единолично; но есть дѣла, которыя рѣшаются *волостнымъ правленіемъ*. Волостное правленіе состоитъ изъ старшины, сельскихъ старостъ (или помощниковъ старшины) и сборщиковъ податей, гдѣ они есть; кромѣ того, волостной сходъ можетъ выбирать въ правленіе особыхъ засѣдателей. Рѣшенію правленія подлежитъ только: производство изъ волостныхъ суммъ всякаго рода денежныхъ расходовъ, утвержденныхъ волостнымъ сходомъ, продажа частнаго крестьянскаго имущества по взысканіямъ казны, помѣщика или частнаго лица, кромѣ тѣхъ случаевъ, которые по закону возлагаются на общую полицію, и опредѣленіе и увольненіе волостныхъ должностныхъ лицъ, служащихъ по найму. Въ остальныхъ дѣлахъ старшина только совѣтуется съ правленіемъ, но распоряжается по сво-

ему усмотрѣнію. Нѣкоторыя изъ рѣшеній волостнаго правленія записываются въ особую книгу. Письмоводствомъ занимается *волостной писарь*, служащій по найму.

Кромѣ того, въ каждой волости существуетъ *волостной судъ*, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Крестьянскія общества находятся въ вѣденіи *Мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій*. Учрежденія эти образованы собственно для устройства поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами; но въ то же время имъ предоставлено и высшее наблюденіе надъ крестьянскими учрежденіями. Оно возложено, главнымъ образомъ, на *мировыхъ посредниковъ*, которые имѣютъ непосредственное отношеніе къ крестьянскимъ обществамъ. До высшихъ инстанцій дѣла обществъ доходятъ уже черезъ мироваго посредника.

На основаніи Положенія о губернскихъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіяхъ, въ мировые посредники избираются мѣстные потомственные дворяне помѣщики, которые, кромѣ общихъ условій, поставленныхъ въ законѣ для службы по выборамъ, владѣютъ, хотя бы въ разныхъ губерніяхъ, 500 десятинъ удобной земли или имѣютъ право избирательнаго голоса въ дворянскихъ собраніяхъ (это право, какъ извѣстно, предоставлено на основаніи прежнихъ законовъ лицамъ, имѣвшимъ 100 душъ крестьянъ). Для лицъ, получившихъ высшее образованіе (окончившихъ курсъ наукъ съ правомъ на чинъ XII класса) поземельный цензъ понижается до 150 десятинъ. Если въ уѣздѣ менѣе 20 лицъ, соединяющихъ указанныя условія, то избираются лица, владѣющія 150 десятинами земли, хотя бы они не получили высшаго образованія. Наконецъ, за недостаткомъ потомственныхъ дворянъ помѣщиковъ, избираются и дворяне личные, если имѣютъ двойное противъ указаннаго для первыхъ количество земли (т. е. 1.000 и 300 десятинъ). Всѣмъ этимъ лицамъ составляются списки и избраніе производится губернаторомъ, по совѣщанію съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства. Избранныя лица (какъ посредники, такъ и кандидаты къ нимъ, исправляющіе ихъ должность въ случаѣ ихъ отсутствія) утверждаются Сенатомъ. Этотъ порядокъ избранія посредниковъ былъ опредѣленъ первоначально только *на первые три года*, и въ 15-й статьѣ Положенія прямо сказано, что «по истеченіи трехъ лѣтъ онъ будетъ опредѣленъ особыми правилами». Но правилъ этихъ издано не было, и порядокъ назначенія остается

тотъ-же, при чемъ разъ назначенные посредники остались несмѣняемыми. Посредники уравнены въ правахъ съ уѣздными предводителями дворянства, слѣдовательно могутъ быть удалены отъ должности только Сенатомъ и не иначе, какъ съ преданіемъ суду или назначеніемъ слѣдствія. Они получаютъ на расходы 1.500 руб. въ годъ.

Къ обязанностямъ мировыхъ посредниковъ, по 23-й статьѣ Положенія, относятся во первыхъ: разборъ споровъ, жалобъ и недоразумѣній между помѣщиками и временно-обязанными крестьянами и дворовыми людьми, возникающихъ изъ обязательныхъ отношеній, а также и жалобъ крестьянъ и обществъ на волостные сходы и сельскія и волостныя должностныя лица; во вторыхъ, засвидѣтельствованіе разныхъ актовъ, совершаемыхъ помѣщиками съ крестьянами; въ третьихъ, нѣкоторыя распорядительныя дѣйствія по крестьянскимъ дѣламъ, и въ четвертыхъ, нѣкоторыя дѣла по судебно-полицейскому разбирательству. Изъ этихъ дѣлъ мы перечислимъ только тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ крестьянскому управленію; это именно:

разборъ жалобъ помѣщика на дѣйствія мѣстъ и лицъ общественнаго крестьянскаго управленія, въ случаѣ нарушенія правъ помѣщика или неисполненія его законныхъ требованій, относящихся до цѣлаго общества или отдѣльныхъ лицъ, и на допущеніе старостою или старшиною безпорядковъ въ исполненіи полицейскихъ обязанностей и въ отношеніи неисправнаго отправленія крестьянами установленныхъ повинностей (ст. 24. п. 2-й);

разборъ жалобъ временно-обязанныхъ крестьянъ и дворовыхъ людей, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и въ составѣ крестьянскихъ обществъ, на дѣйствія помѣщика (п. 4-й);

разборъ жалобъ постороннихъ лицъ—если они обратятся къ посреднику—на крестьянскія общества и общественныя управленія (п. 4-й);

разборъ жалобъ на дѣйствія сельскихъ должностныхъ лицъ (п. 5-й);

дѣла по взысканію съ крестьянъ недоимокъ по повинностямъ ихъ въ пользу помѣщика (ст. 27, § I, п. 7-й);

утвержденіе волостного старшины въ этой должности и вообще дѣла по избранію должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія (ст. 27, § 2, п. 1-й);

дѣла по взысканію съ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленій, вслѣдствіе жалобъ на нихъ, или вообще нарушенія ими служебныхъ обязанностей (п. 2-й);

дѣла по удаленію крестьянъ изъ общества мірскими приговорами (п. 3-й).

Къ дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, возложеннымъ на посредниковъ, принадлежитъ только разборъ споровъ по найму землевладѣльцами людей въ разныя работы, въ услуженіе и въ хо-

зяйственныя должности, по отдачѣ въ наемъ земель, по потравамъ и порубкамъ во владѣльческихъ земляхъ. Эти дѣла посредникъ рѣшаетъ безъапелляціонно до 30 руб. Само собою разумѣется, что тамъ, гдѣ введены мировые судьи, всѣ эти дѣла уже изъяты теперь изъ вѣденія мировыхъ посредниковъ.

Права мироваго посредника, относительно наложенія взысканій, опредѣлены 30-й и 32 ст. Положенія слѣдующимъ образомъ:

виновныхъ должностныхъ лицъ сельскаго и волостнаго управленія, за маловажные проступки по должностямъ мировой посредникъ присуждаетъ къ замѣчаніямъ, выговорамъ, денежному штрафу до пяти рублей и аресту до семи дней (ст. 30, п. 1-й);

сельскаго старосту и помощниковъ волостнаго старшины, въ случаяхъ болѣе важныхъ нарушеній по ихъ должностямъ, присуждаетъ къ временному удаленію или же окончательному отрѣшенію отъ должности, а волостнаго старшину къ временному удаленію отъ должности, и съ утвержденія начальника губерніи къ окончательному отрѣшенію (п. 2-й);

въ обществахъ, неисправныхъ въ отправленіи повинностей, смѣняетъ, по ходатайству помѣщика, избранныхъ крестьянами должностныхъ лицъ и назначаетъ новыхъ (п. 3-й);

присуждаетъ лицъ всѣхъ сословій къ имущественному вознагражденію за ущербъ или къ денежному взысканію до пяти рублей (ст. 32, п. 1-й);

присуждаетъ лицъ податнаго состоянія къ общественнымъ работамъ до шести дней, или къ аресту до семи дней или къ наказанію розгами до двадцати ударовъ (п. 2-й).

Относительно послѣдней статьи слѣдуетъ замѣтить, что по продолженію Свода 1863 г. «мировые посредники не могутъ присуждать къ тѣлесному наказанію мѣщанъ, а также вообще тѣхъ лицъ податнаго состоянія, которыя отъ сего изъяты въ силу правилъ, въ общемъ законѣ постановленныхъ». Такимъ образомъ тѣлесное наказаніе оставлено только для крестьянъ. Но по смыслу закона оно можетъ быть налагаемо только по дѣламъ судебно-полицейскаго разбирательства, которыя мы перечислили выше. Это нѣсколько разъ было разъяснено частными указами Сената. Въ настоящее время, со введеніемъ мировыхъ судей и съ передачею въ ихъ руки дѣлъ судебно-полицейскаго разбирательства, уничтожается и право сѣченія крестьянъ мировыми посредниками.

Всѣ мировые посредники уѣзда образуютъ *Мировой съѣздъ*, который собирается въ извѣстное время (обыкновенно разъ въ мѣсяцъ) въ уѣздномъ городѣ, *подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства*; кромѣ того на съѣздѣ присутствуетъ членъ отъ правительства, который назначается губернаторомъ одинъ

для нѣсколькихъ съѣздовъ. Въ мировыхъ съѣздахъ, кромѣ дѣлъ, касающихся экономическихъ отношеній помѣщиковъ съ крестьянами, разрѣшаются окончательно жалобы на рѣшенія мироваго посредника по спорамъ и жалобамъ, возникающимъ изъ поземельныхъ отношеній, и жалобы на волостные сходы и на волостныхъ должностныхъ лицъ. Отъ съѣздовъ, какъ мы уже говорили, зависитъ преданіе суду волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Болѣе непосредственныхъ отношеній къ крестьянскимъ обществамъ съѣзды не имѣютъ.

Высшая въ губерніи инстанція по крестьянскимъ дѣламъ есть Губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Оно состоитъ подъ предсѣдательствомъ начальника губерніи изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющаго палатою государственныхъ имуществъ, губернскаго прокурора и четырехъ членовъ изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ. Изъ этихъ членовъ двое назначаются министерствомъ внутреннихъ дѣлъ съ Высочайшаго соизволенія и двое избираются собраніемъ губернскаго и уѣздныхъ предводителей дворянства. Какъ тѣ, такъ и другіе, получаютъ 2.000 руб. содержанія. Кромѣ того, присутствію предоставлено, при обсужденіи частныхъ мѣстныхъ вопросовъ, приглашать для совѣщаній и нужныхъ объясненій опытныхъ помѣщиковъ.

Губернское присутствіе разсматриваетъ жалобы на мировыхъ посредниковъ и мировые съѣзды въ случаяхъ превышенія власти или несоблюденія порядка. Оно отмѣняетъ рѣшенія посредниковъ и съѣздовъ въ кассаціонномъ порядкѣ и передаетъ дѣло на новое разсмотрѣніе того же или другаго посредника или съѣзда. Въ случаѣ преступленій по должности лицъ уѣздныхъ мировыхъ учрежденій, губернское присутствіе поручаетъ одному изъ своихъ членовъ произвести мѣстное дознаніе и затѣмъ представляетъ о нихъ сенату. Въ послѣднее время губернскія присутствія стали имѣть болѣе непосредственное вліяніе на составъ мировыхъ посредниковъ. Имъ предоставлено сокращать число мировыхъ участковъ въ уѣздѣ и такимъ образомъ они могутъ, по усмотрѣнію, исключить того мироваго посредника, котораго захотятъ, сокративъ только его участокъ. Наконецъ въ 1870 году они получили право временно устранять посредниковъ отъ должности, представляя о нихъ сенату. Далѣе, губернскія присутствія имѣютъ весьма большое значеніе собственно въ устройствѣ экономическихъ отношеній крестьянъ. Такъ, на нихъ

возложено разсмотрѣніе и утвержденіе добровольныхъ соглашеній между помѣщиками и крестьянами объ уменьшеніи крестьянскаго надѣла, разсмотрѣніе и утвержденіе большей части уставныхъ грамотъ, дѣла по возвышенію и пониженію повинностей противъ установленныхъ размѣровъ, по укрѣпленію за крестьянами земель, купленныхъ ими въ прежнее время на имя помѣщиковъ и т. п. Къ крестьянскимъ обществамъ губернскія присутствія не имѣютъ непосредственныхъ отношеній. Значеніе ихъ для крестьянскаго управленія заключается въ томъ вліяніи, какое они могутъ имѣть на мировыхъ посредниковъ. Затѣмъ имъ принадлежитъ только утвержденіе мірскихъ приговоровъ объ удаленіи изъ общества порочныхъ членовъ; но здѣсь они должны ограничиваться формальной стороною дѣла, т е. смотрѣть, соблюденъ-ли при составленіи приговора установленный въ законѣ порядокъ. Въ первые девять лѣтъ со дня обнародованія Положенія отъ нихъ зависѣло также разрѣшеніе просьбъ помѣщика объ удаленіи порочныхъ крестьянъ, и здѣсь они дѣйствовали уже по личному усмотрѣнію.

Губернскія присутствія не суть еще окончательныя инстанціи. Всякое ихъ постановленіе можетъ быть обжаловано высшимъ учрежденіямъ. Порядокъ для этихъ жалобъ установленъ уже въ 1863 году особыми правилами. На основаніи этихъ правилъ жалобы, по дѣламъ объ отвѣтственности мировыхъ посредниковъ и по дѣламъ, касающимся правъ крестьянъ личныхъ, по состоянію, по общественному и волостному устройству и по отбыванію казенныхъ и земскихъ повинностей,—разсматриваются въ 1-мъ департаментѣ Сената; жалобы же по дѣламъ о поземельномъ и хозяйственномъ устройствѣ крестьянъ приносятся министру внутреннихъ дѣлъ, который, по закону, можетъ разсматривать ихъ только въ кассаціонномъ порядкѣ. Если случай, по которому принесена жалоба, не предвиденъ закономъ, то министръ вноситъ дѣло въ Комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Точно также онъ обязанъ внести въ комитетъ жалобы лицъ, недовольныхъ его собственнымъ рѣшеніемъ.

Въ заключеніе мы должны указать, какія вотчинныя права оставлены Положеніемъ за помѣщиками и въ какія отношенія онъ поставленъ къ крестьянскимъ обществамъ.

По 148 статьѣ Положенія помѣщику предоставлена «вотчинная полиція въ сельскомъ обществѣ *временно-обязанныхъ* крестьянъ, на землѣ его водворенныхъ», и съ симъ вмѣстѣ помѣ-

щикъ признанъ попечителемъ этого общества. Впрочемъ, полицейскія права помѣщика опредѣлены Положеніемъ весьма точно; онъ имѣетъ непосредственныя сношенія только съ сельскимъ старостою и послѣдній обязанъ исполнять требованія его только по слѣдующимъ предметамъ:

о прекращеніи всякого буйства или насилія въ сельскомъ обществѣ, а также всякого явнаго нарушенія общественнаго порядка и законовъ;

объ оказаніи помощи и защиты какъ самому владѣльцу, такъ и всѣмъ проживающимъ въ имѣніи лицамъ, въ случаѣ зажигательства, разбоя, грабежа, воровства, насилія, и т. п.;

о предохраненіи владѣльца и его имущества, а также и всѣхъ проживающихъ въ имѣніи его лицъ отъ опасности при всякихъ несчастныхъ случаяхъ, какъ-то пожарахъ (*въ томъ числѣ и лѣсныхъ*), наводненіяхъ, повальныхъ болѣзняхъ и скотскихъ падежахъ и о мѣрахъ для пресеченія сихъ и другихъ подобныхъ несчастій;

о надзорѣ за лицами подозрительнаго поведенія и о задержаніи бѣглыхъ бродягъ и безпаспортныхъ;

объ исправленіи сельскихъ дорогъ на земляхъ, въ пользованіе крестьянъ отведенныхъ, и

въ случаѣ совершенія кѣмъ-либо преступленія, о задержаніи виновныхъ и сохраненіи слѣдовъ преступленія, до прибытія мѣстной полиціи или судебнаго слѣдователя (ст. 150).

Въ случаѣ неисполненія этихъ требованій, а также неисправнаго взысканія оброковъ и т. п. помѣщикъ можетъ требовать отъ посредника смѣны сельскаго старосты. Кромѣ того помѣщикъ, *въ теченіи первыхъ девяти лѣтъ по утвержденіи Положенія*, могъ предложить обществу объ исключеніи и предоставленіи на распоряженіе правительства такихъ крестьянъ, которыхъ онъ находилъ вредными. Если общество не соглашалось на это, помѣщикъ могъ обратиться съ просьбою въ губернское присутствіе. Съ другой стороны, при удаленіи временно-обязанныхъ крестьянъ по приговору общества, также долженъ быть отобранъ отзывъ о согласіи или несогласіи помѣщика (ст. 157 и 158).

Какъ попечитель крестьянскаго общества, помѣщикъ имѣетъ право, въ случаѣ неправильнаго обложенія крестьянъ повинностями и другихъ безпорядковъ, обращать на это вниманіе подлежащихъ лицъ и вѣдомствъ и вообще оказывать крестьянамъ заступничество и ходатайствовать за нихъ. Онъ можетъ даже, по просьбѣ крестьянъ, входить въ разбирательство ихъ тяжбъ и споровъ, если обѣ стороны на это согласны (ст. 155 и 156).

За это крестьяне обязаны не только ограждать его и его до-

машнихъ отъ насильственныхъ дѣйствій, но и оказывать имъ помощь при внезапныхъ общественныхъ несчастіяхъ, для устраненія которыхъ требуется соединеніе большаго количества силъ (т. е. напримѣръ тушить пожаръ въ помѣщичьихъ лѣсахъ), являясь даже безъ призыва помѣщика (ст. 151).

Отношенія помѣщика ко всему обществу состоятъ въ томъ, что ему должны быть сообщаемы, если онъ пожелаетъ, всѣ мірскіе приговоры сельскаго схода, и если онъ найдетъ въ подобномъ приговорѣ распоряженіе, «противное существующимъ постановленіямъ или вредное для благосостоянія сельскаго общества, или же нарушающее права помѣщичьи», то можетъ пріостановить его исполненіе и сообщить мировому посреднику. Но если посредникъ признаетъ требованіе помѣщика неосновательнымъ, то приговоръ вступаетъ въ силу, и тогда, если отъ пріостановленія его крестьяне потерпѣли убытки, помѣщикъ обязанъ вознаграждать ихъ.

III.

Изъ сдѣланнаго нами очерка читатели видятъ, что Положеніе 19-го февраля дало вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости крестьянамъ исключительно сословное управленіе; оно выдѣлило ихъ не только въ хозяйственномъ, но также въ административномъ и судебномъ отношеніяхъ. Даже въ чисто полицейскомъ отношеніи, Положеніе, по возможности, охранило крестьянъ отъ вмѣшательства общей полиціи, учредивъ надъ ихъ управленіемъ контроль мировыхъ учрежденій. Сперва, какъ мы уже сказали, это управленіе было создано только для крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости; но впослѣдствіи оно распространено на крестьянъ удѣльныхъ и наконецъ государственныхъ. Такимъ образомъ въ настоящее время все крестьянское сословіе подчинено у насъ особому управленію и имѣетъ свои хозяйственныя и административныя учрежденія, въ которыя лица другихъ сословій не имѣютъ доступа.

Противъ этой системы уже съ самаго начала говорили очень много, и притомъ съ разныхъ точекъ зрѣнія. Одни думали, что свободный доступъ образованныхъ лицъ въ крестьянскія учрежденія будетъ служить самымъ вѣрнымъ ручательствомъ самостоятельности этихъ учрежденій и что поэтому необходимо предоставить крестья-

намъ право избирать въ свои учрежденія лицъ всѣхъ сословій. Это были люди съ самыми хорошими побужденіями; но идеалисты, забывавшіе, что порядокъ, котораго они добивались, есть оружіе обоюдоострое. Другіе были практики, которые хотѣли, путемъ того же допущенія образованныхъ элементовъ, установить полную зависимость крестьянъ отъ помѣщиковъ, поставивъ послѣднихъ во главѣ крестьянскаго управленія даже безъ выбора.

Матеріалы по крестьянскому дѣлу доступны публикѣ далеко не вполнѣ. Трудъ г. Скребицкаго, о которомъ мы упоминали выше, представляетъ обзоръ только предварительныхъ работъ по этому предмету, т. е. мнѣнія губернскихъ комитетовъ и предположенія редакціонныхъ коммиссій. Какъ смотрѣли на это дѣло комитеты, читатели отчасти уже знаютъ, и мы сейчасъ познакомимъ ихъ съ этими взглядами подробнѣе. Но, конечно, сила была не въ комитетахъ. Если бы противники крестьянскаго самоуправленія засѣдали только въ этихъ учрежденіяхъ, то большаго затрудненія не было бы. Мнѣнія пріѣзжавшихъ изъ губерніи представителей дворянства также не могли имѣть большаго вліянія. Они, конечно, не были обязательны для коммиссій, да и не могли быть обязательны, потому что большею частію прямо противорѣчили основнымъ началамъ реформы. Но этимъ, какъ извѣстно, дѣло не оканчивалось. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ оффиціальныхъ данныхъ, которыя бы показывали, какъ обсуждался этотъ вопросъ въ послѣднихъ инстанціяхъ. Это лишаетъ насъ возможности фактически указать, какъ ставился въ то время вопросъ о крестьянскомъ самоуправленіи въ правительственныхъ сферахъ. Но по слухамъ, вполнѣ достовѣрнымъ, мы можемъ сказать, что уже въ то время предлагалось создать «волостныхъ попечителей» изъ лицъ, имѣющихъ не менѣе 500 десятинъ земли, т. е. конечно помѣщиковъ. Эти попечители должны были избираться лицами, имѣющими не менѣе 150 десятинъ земли, т. е. опять-таки помѣщиками и во всякомъ случаѣ никакъ не крестьянами. Въ волости же, состоящей изъ одного имѣнія, право попечительства предполагалось оставить за самимъ владѣльцемъ имѣнія, которому, кромѣ того, предоставлялось еще право передовѣрить исполненіе лежащихъ на немъ обязанностей другому лицу. Эти-то попечители и должны были управлять волостью и разсматривать всѣ постановленія волостнаго схода. Понятно, какой порядокъ ввели бы они въ «своихъ» волостяхъ.

Мы вовсе не сторонники сословной исключительности, и конечно

не враги интеллигенціи. Напротивъ, мы отъ души желаемъ всякаго соединенія сословій въ общихъ дѣлахъ. Но мы точно также отъ души желаемъ, чтобы одно сословіе не преобладало надъ другимъ, особенно въ тѣхъ вопросахъ, гдѣ ихъ имущественные интересы прямо противоположны. Въ настоящее время такихъ вопросовъ возникаетъ конечно значительно меньше, чѣмъ прежде, поэтому мы нисколько не отвергаемъ возможности установить въ извѣстныхъ предѣлахъ всесословное мѣстное управленіе. Ниже мы постараемся указать тѣ основанія, которыя могли бы, по нашему мнѣнію, быть приняты при устройствѣ подобнаго управленія, и тѣ условія, при которыхъ оно могло бы быть введено. Но между настоящимъ временемъ и тѣмъ, когда обсуждалось Положеніе 19-го февраля—есть большая разница. Тогда интересы помѣщичьяго и крестьянскаго сословій были слишкомъ противоположны и преобладаніе помѣщиковъ могло слишкомъ гибельно отразиться на бытѣ крестьянъ. Поэтому составители Положенія, въ виду тѣхъ условій, при которыхъ они дѣйствовали, заслуживаютъ не порицанія, а глубокой благодарности за то, что они не увлеклись доводами тогдашней интеллигенціи и постарались, хотя на первые годы, предохранить крестьянское сословіе отъ господства чуждыхъ ему элементовъ, создавъ для него особыя учрежденія.

Представители губернскихъ комитетовъ всего болѣе нападали на редакціонныя коммиссіи за проэктъ объ устройствѣ волостей; они видѣли въ этомъ учрежденіи одно бюрократическое начало; то же мнѣніе высказалъ и одинъ членъ-экспертъ въ самой коммиссіи (г. Желтухинъ). Дѣйствительно, волость имѣетъ только административное значеніе; въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается отъ сельскаго общества, которое представляетъ естественную хозяйственную единицу. Но вопросъ въ томъ, возможно ли было дать сельскому обществу административное значеніе, не установивъ надъ нимъ высшей инстанціи? Врядъ-ли кто нибудь признаетъ, что такое созданіе нѣсколькихъ сотенъ административныхъ единицъ въ уѣздѣ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ уѣздной власти, было особенно удобно. Этого конечно не признавали и тѣ члены комитетовъ, которые дѣлали возраженія на проэктъ редакціонныхъ коммиссій. Они просто видѣли въ учрежденіи волостей подрывъ власти помѣщика, и вполнѣ откровенно заявляли это. *Г. Желтухинъ* прямо говорилъ, что образованіе обществъ главнымъ образомъ направлено

«противъ» помѣщика и «въ пользу» правительственной администраціи» (стр. 343). *Гг. Мироновъ и Лопухинъ* (члены костромскаго комитета) заявили, что въ предоставленіи вотчинной полиціи волостному старшинѣ и сельскому старостѣ «является оскорбительное недовѣріе къ дворянству и столько же обидное предпочтеніе ему сельскихъ начальниковъ». При этомъ гг. Мироновъ и Лопухинъ добавляютъ, что по всей вѣроятности помѣщики отказались бы сами отъ непріятной обязанности чинить расправу въ своихъ имѣніяхъ и передали бы ее старшинамъ и старостамъ (498). *Гг. Офросимовъ и кн. Волконскій* (члены рязанскаго комитета), сожалѣя о томъ, что при устройствѣ волостей «исчезнетъ всякая самостоятельность крестьянъ», въ то же время объяснили, что «помѣстное дворянство, просвѣщенное болѣе всѣхъ сословій, одно можетъ руководствовать и вразумлять народъ въ исполненіи правительственныхъ распоряженій». Поэтому они проэктировали тогда-же всесословную волость, подъ управленіемъ помѣщиковъ (стр. 351 и 352). А между тѣмъ, тѣ же гг. Офросимовъ и кн. Волконскій, когда дѣло шло объ отводѣ крестьянамъ земли, напоминали редакціоннымъ коммиссіямъ, что «рескриптъ не уничтожалъ крѣпостнаго права, а только требовалъ улучшенія быта крестьянъ» (стр. 146).

Управленіе помѣщиковъ было положено въ основаніе проэктовъ всѣхъ комитетовъ; поэтому понятно, что имъ не нравилась самостоятельная волость. Если они и соглашались допустить ее, то съ тѣмъ, чтобы помѣщики утверждали должностныхъ лицъ, разрѣшали созваніе сходокъ, вообще были начальниками. По этому поводу иногда говорились удивительныя вещи. Такъ, представитель воронежскаго комитета, *кн. И. В. Гагаринъ*, объяснялъ, что «дворянство возникло изъ народа, оно живетъ въ народѣ, всегда звалось и всегда было кормильцемъ и отцомъ его и знаетъ не изъ теорій его потребности, его характеръ и обычаи; пользы и нужды у него общія съ народомъ; не правомъ завоеванія, но правомъ поколѣннымъ оно осоюжено съ нимъ и всякій судья, извнѣ и не вратами входящій въ огражденіе того народа, не будетъ ему пастыремъ добрымъ (152).» И это были не исключительныя мнѣнія, а мнѣніе большинства. Изъ сорока членовъ втораго призыва, тридцать заявили, что большая часть обязанностей, назначенныхъ сходамъ и должностнымъ лицамъ, явно не соотвѣтствуетъ степени образованности крестьянъ; «а какъ въ законодательствѣ невозможно допустить никакихъ утопій», то они

пришли къ убѣжденію въ необходимости поручить главный надзоръ за волостною администраціею одному изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ (495). Такимъ образомъ о самоуправленіи тутъ не было и мысли; дѣло шло напротивъ о подчиненіи одного сословія другому. До какихъ размѣровъ доходили въ этомъ отношеніи желанія нѣкоторыхъ комитетовъ, видно изъ замѣчанія, сдѣланнаго тульскимъ губернаторомъ на Положеніе мѣстнаго комитета. «По положенію большинства,—говоритъ г. Дараганъ,—крестьянское общество состоитъ въ томъ, что крестьяне на усадьбахъ своихъ живутъ вмѣстѣ, подъ новою, строгою властью помѣщика. Помѣщикъ распоряжается всѣмъ самоуправно или на основаніи вновь составленнаго положенія, и иногда заставляетъ крестьянъ подумать о чемъ нибудь; но распорядиться всѣмъ властенъ только онъ, помѣщикъ. Словомъ, обществу не дается ни воли, ни силы, ни защиты. Весь этотъ институтъ составленъ какъ бы съ намѣреніемъ не упоминать объ обществѣ, и все, слѣдующее обществу, предоставить помѣщику, какъ начальнику общества, какъ вотчиннику помѣстья....» (402).

Мы видѣли, что Положеніе 19-го февраля не удовлетворило подобныхъ ожиданій. Оно, конечно, вполнѣ обезпечило помѣщика отъ всякихъ неправильныхъ дѣйствій сельскаго общества и должностныхъ лицъ и даже установило тяжкое уголовное наказаніе за оскорбленіе помѣщика или его семейства (ст. 154 Общ. Полож.). Но оно, въ то же время, ограничило вмѣшательство помѣщика въ дѣла общества. Введенное въ Положеніе право помѣщика пріостанавливать мірскіе приговоры нѣсколько противорѣчитъ этому началу; но и оно, благодаря отвѣтственности за неосновательное пріостановленіе такихъ приговоровъ, сдѣлалось мертвою буквою. Точно также мертвою буквою осталось и право помѣщика рѣшать крестьянскіе споры и даже ходатайствовать по ихъ дѣламъ. Какъ много ни говорили нѣкоторые члены комитетовъ о томъ, что «дворянство всегда звалось и было кормильцемъ и отцомъ народа», на практикѣ оказывается, что крестьяне никогда не обращаются къ помѣщикамъ за разрѣшеніемъ ихъ споровъ, а помѣщики никогда не ходатайствуютъ за нихъ. Впрочемъ, это было бы и трудно, потому что дѣла-то у крестьянъ ведутся только съ тѣми же помѣщиками.

Нѣсколько серьезнѣе право помѣщиковъ требовать отъ крестьянъ даровой помощи въ случаѣ особыхъ несчастій, напримѣръ затопленія плотинъ, лѣсныхъ пожаровъ и т. п. Но теперь объ этомъ нечего го-

ворить, потому что съ 1867 года крестьяне, покрайней мѣрѣ въ случаѣ лѣсныхъ пожаровъ, обязаны идти на помощь всѣмъ владѣльцамъ частныхъ лѣсовъ. Для этого ихъ за 15 верстъ гоняютъ даромъ, и только въ томъ случаѣ, когда они идутъ больше 15 верстъ, имъ дается вознагражденіе по таксѣ, установляемой земскими собраніями. Интересно, что въ большей части уѣздовъ петербургской губерніи они получаютъ за такое путешествіе, соединенное съ дневною работою, 30 коп., а въ уѣздахъ петергофскомъ и ямбургскомъ, даже 20 копѣекъ.

Но рядомъ съ этими невинными правами, помѣщикамъ до 1870 года принадлежало тяжкое для крестьянъ право требовать удаленія тѣхъ изъ лицъ крестьянскаго общества, кого они считаютъ вредными. Это право, котораго добивались нѣкоторые члены комитетовъ, не было впрочемъ введено въ предположенія коммиссіи; оно внесено въ Положеніе впослѣдствіи. Въ настоящее время его, слава Богу, уже не существуетъ.

Составителямъ Положенія часто ставятъ въ упрекъ такое отстраненіе помѣщиковъ отъ крестьянскихъ обществъ. Говорятъ, что при маломъ развитіи нашего сельскаго населенія, участіе интеллигенціи въ крестьянскомъ управленіи было бы весьма полезно и даже способствовало бы къ упроченію его самостоятельности. Съ этимъ послѣднимъ положеніемъ мы сами совершенно согласны. Мы думаемъ, что и теперь можно было бы предоставить крестьянамъ избирать волостныхъ старшинъ изъ лицъ всѣхъ сословій. Но въ 1860 году дѣло шло не объ этомъ. Этого требовали только немногія лица, которыя считались болѣе крайними, нежели редакціонныя коммиссіи. Между заявленіями членовъ комитета мы встрѣчаемъ только одно такое, принадлежавшее г. Унковскому. Большинство же требовало, какъ мы видѣли, простаго подчиненія крестьянъ помѣщикамъ, и именно *своимъ помѣщикамъ*—т. е. тѣмъ, у кого эти крестьяне находились въ крѣпостной зависимости. Такимъ образомъ здѣсь рѣчь шла не о политическомъ вліяніи, но о положительномъ преобладаніи, которое должно было отразиться непосредственно на *имущественныхъ* интересахъ обоихъ сословій. Этого конечно допустить было невозможно, потому что такой порядокъ могъ только разжечь страсти и породить антагонизмъ.

Съ другой стороны составителей Положенія нельзя винить и въ излишней регламентаціи крестьянскихъ отношеній. Напротивъ, они

по возможности избѣгали этого. Стоитъ только сравнить «Общее положеніе о крестьянахъ» съ «Уставомъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селеніяхъ», чтобы убѣдиться, какъ мало проникнуты были редакціонныя коммиссіи духомъ бюрократизма, въ которомъ ихъ такъ часто обвиняли. Въ этомъ отношеніи замѣчательно, что и та степень подчиненія крестьянскихъ обществъ мировымъ учрежденіямъ, какую мы видимъ въ Положеніи, не входила въ предположенія коммиссій. Утвержденіе волостнаго старшины мировымъ посредникомъ, судъ и расправа надъ должностными лицами крестьянскаго управленія, разсмотрѣніе жалобъ на волостные сходы,—все это плоды окончательнаго обсужденія закона въ высшихъ инстанціяхъ. Для разбора жалобъ на должностныхъ лицъ, редакціонныя коммиссіи проэктировали особый крестьянскій судъ; затѣмъ никакого утвержденія, никакихъ пересмотровъ рѣшеній общества они не допускали.

Еще болѣе существенныя измѣненія противъ проэкта редакціонныхъ коммиссій встрѣчаемъ мы относительно состава мировыхъ учрежденій. Редакціонныя коммиссіи точно также предполагали организовать этотъ составъ изъ дворянъ-помѣщиковъ, но они предлагали предоставить избраніе ихъ крестьянамъ. Точно также они не допускали не только председательства, но и участія въ мировыхъ съѣздахъ настолько односторонне заинтересованнаго лица, какъ уѣздный предводитель дворянства. Все это введено при окончательномъ обсужденіи закона, и конечно Положеніе отъ этого не выиграло. Редакція статей Положенія, касающихся такъ называемаго «избранія» мировыхъ посредниковъ, показываетъ, что первоначально предполагалось сохранить теперешній порядокъ назначенія ихъ только на первые три года; но онъ, какъ извѣстно, остался до сихъ поръ.

Назначеніе мировыхъ посредниковъ губернаторами придало личному составу мировыхъ учрежденій неустойчивый характеръ. Все зависѣло отъ свойствъ начальниковъ губерній и отъ того направленія, котораго держалось въ данный моментъ ихъ начальство. Съ другой стороны, установленное закономъ «совѣщаніе съ губернскимъ и уѣзднымъ предводителями дворянства» заставляло, повидимому, предполагать, что въ составъ мировыхъ учрежденій войдутъ большею частію люди односторонніе, которые будутъ заботиться болѣе объ интересахъ дворянства, нежели о безпристрастномъ веденіи дѣла. И между тѣмъ въ первое время, за исключеніемъ западныхъ губерній, это было не такъ.

Вспоминая теперь исторію назначенія первыхъ посредниковъ, можно только удивляться, что среди дворянства нашлась масса такихъ людей, которые отнеслись къ дѣлу не только добросовѣстно и безпристрастно, но и съ горячимъ увлеченіемъ. Что эти люди не выражали собою желаній большинства,—это доказала и предшествовавшая дѣятельность дворянскихъ комитетовъ, и послѣдующее отношеніе къ нимъ дворянскихъ собраній. Какимъ же образомъ могли явиться эти люди?

Мы должны объяснить этотъ фактъ тремя причинами: свойствомъ самого дѣла, которому каждый порядочный человѣкъ могъ отдаться съ увлеченіемъ, либеральнымъ направленіемъ правительства, которое при первоначальномъ назначеніи посредниковъ, желало найти въ нихъ людей, преданныхъ основнымъ началамъ реформы, и наконецъ *неумѣлостью* тѣхъ, которые видѣли въ реформѣ посягательство на свои интересы и личное для себя оскорбленіе. Да, мы не можетъ придумать лучшаго выраженія для характеристики дѣйствій этихъ господъ, такъ какъ выраженіе «политическая безтактность» и т. п. были бы слишкомъ для нихъ громки. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ великороссійскихъ губерніяхъ большинство дворянства, почувствовавшаго себя оскорбленнымъ, не только не захотѣло войти въ составъ мировыхъ учрежденій, но даже не желало имѣть съ ними ничего общаго. Мировой посредникъ былъ прокаженный, отъ котораго нужно было удаляться; принять на себя его обязанности было бы постыдно, самое названіе его считалось предосудительнымъ. Понятно, что вслѣдствіе этого, большинство мировыхъ посредниковъ оказалось другаго лагеря. Только въ западныхъ губерніяхъ дѣло сразу пошло иначе; тамъ реформа была встрѣчена повидимому радушно; но за то въ мировые посредники посажены свои люди, которые распоряжались по своему. Впослѣдствіи повѣрочныя коммисіи раскрыли, каковы были эти распоряженія.

Къ сожалѣнію, и въ великорусскихъ губерніяхъ первый составъ мировыхъ посредниковъ не остался до конца, хотя законъ и сдѣлалъ ихъ несмѣняемыми. Люди, враждебные реформѣ, скоро поняли свою ошибку и тогда начались интриги, заставившія многихъ честныхъ людей оставить эту дѣятельность.

Мы конечно были бы очень затруднены, еслибы намъ предложили показать фактически, какія именно употреблялись для этого средства; но мы думаемъ, что все дѣло еще слишкомъ живо въ памяти каж-

даго и врядъ-ли нуждается въ комментаріяхъ. Впрочемъ, мы могли бы припомнить, какъ большинство костромскаго губернскаго дворянскаго собранія признало необходимымъ исключить изъ числа дворянъ мировыхъ посредниковъ Грека и Куломзина за ихъ, будто бы, пристрастную дѣятельность, направленную въ ущербъ дворянства, или какъ долженъ былъ по такимъ же причинамъ оставить свою должность предсѣдатель одного изъ мировыхъ съѣздовъ Ярославской губерніи. Мы могли-бы наконецъ указать на такіе случаи, когда по отношенію къ посредникамъ прямо были допущены насилія. Но конечно офиціальныхъ фактовъ мы можемъ собрать не много, потому что въ большинствѣ подобныхъ случаевъ офиціальныхъ слѣдовъ не осталось, а остались только слѣды въ памяти современниковъ и въ ходѣ крестьянскаго дѣла. И можетъ быть пройдутъ десятки лѣтъ прежде чѣмъ явятся матеріалы, которые познакомятъ вполнѣ съ физіологіей тогдашняго общества. Теперь мы замѣтимъ только, что первый выходъ посредниковъ en masse послѣдовалъ въ Смоленской губерніи, куда скоро проникли взгляды и привычки болѣе искусныхъ въ такихъ дѣлахъ сосѣдей. За то теперь эта губернія и разорена въ конецъ *).

Кстати мы должны сказать, что съ тѣхъ поръ нравы усовершенствовались. Когда были открыты земскія учрежденія, люди, не выносившіе прежде мировыхъ посредниковъ, которые говорили крестьянамъ «вы», не только пошли вмѣстѣ съ этими крестьянами въ земскія собранія, но добиваются въ нихъ преобладанія, и когда получаютъ, то весьма умно имъ пользуются, защищая права своего сословія не фразами, а хитро придуманными смѣтами и раскладками.

Возвращаясь къ нашему предмету, мы должны сказать, что законъ, по возможности, предохранилъ мировыхъ посредниковъ отъ вліянія мѣстной администраціи; они до послѣдняго времени даже временно могли быть устранены отъ должности только Сенатомъ, и то не иначе, какъ съ преданіемъ суду или назначеніемъ слѣдствія. Административныя взысканія на нихъ также налагаетъ только Сенатъ. Такимъ образомъ въ губерніи они собственно не имѣютъ начальства. Но если законъ могъ такимъ образомъ оградить дѣятелей новаго института отъ разныхъ административныхъ мѣропріятій,

*) Для изслѣдованія причинъ бѣдственнаго состоянія крестьянъ, туда послана въ прошломъ году особая коммисія, но результатъ ея изслѣдованій еще неизвѣстенъ.

то онъ былъ совершенно безсиленъ оградить ихъ отъ тѣхъ людей, среди которыхъ имъ приходилось дѣйствовать и которые возводили вражду къ нимъ въ политическій принципъ, пользуясь всякимъ случаемъ и всякими средствами для того, чтобы вымѣстить на нихъ свою злобу. Тутъ пускалось въ ходъ все: и жалобы, и доносы, и ругательства, и насилія, и конечно, при этихъ условіяхъ, нѣтъ ничего мудренаго, что уже въ первые два-три года послѣ открытія мировыхъ учрежденій, составъ ихъ значительно измѣнился. Но измѣниться къ лучшему онъ не могъ. Обстоятельства къ тому времени уже были нѣсколько иныя: во главѣ дѣла стояли новые люди, смотрѣвшіе на свои обязанности не такъ, какъ смотрѣли на нихъ люди, составлявшіе Положеніе. Это конечно не осталось безъ вліянія и на составъ мировыхъ учрежденій. Новыя назначенія настолько же отличались отъ прежнихъ, насколько вообще отличалось новое направленіе отъ направленія 1861 года. Такой же характеръ, но еще съ большею легкостью, приняли Губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія. Половина изъ ихъ членовъ очевидно всегда стояла за интересы только своего сословія, остальные должны были перейти къ нимъ по первому приказанію. Люди, близко видѣвшіе практику крестьянскаго дѣла, знаютъ, какое огромное различіе было между первоначальною и послѣдующею дѣятельностью губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Бывали случаи, когда дѣло, уже рѣшенное прежде, перерѣшалоеь подъ вліяніемъ новыхъ соображеній. Результатъ былъ понятенъ. Крестьяне, не могшіе понять этихъ перемѣнъ и частію обнадеженные ранѣе посредниками, не вѣрили новымъ распорядителямъ и не хотѣли исполнять ихъ распоряженій. Чтобы востановить порядокъ, потребовались военныя команды, и это давало поводъ еще круче поворачивать дѣло, пугая опасностью тамъ, гдѣ было одно недоразумѣніе.

Когда мы будемъ говорить объ экономическомъ устройствѣ крестьянъ, намъ придется привести примѣры того, какъ рѣшались иногда крестьянскія дѣла и какія происходили отсюда послѣдствія. Но само собою разумѣется, всѣ подобные факты, въ ихъ полномъ объемѣ, могутъ быть оцѣнены только впослѣдствіи, когда изложена будетъ исторія такъ называемыхъ крестьянскихъ бунтовъ, свѣдѣнія о которыхъ доходятъ до насъ теперь только изрѣдка, благодаря печатнымъ судебнымъ процессамъ. Теперь насъ занимаетъ только вопросъ о личномъ составѣ мировыхъ учрежденій, и въ этомъ отно-

шеніи можно принять за фактъ вполнѣ констатированный, что новый составъ далеко уступалъ прежнему не только въ правильности воззрѣній, но и просто въ нравственныхъ качествахъ. Случаи взяточничества, растраты крестьянскихъ денегъ и жестокихъ наказаній обнаруживались все чаще, и въ настоящее время, не смотря на сокращеніе числа посредниковъ, Сенатъ ежегодно предаетъ нѣсколькихъ изъ нихъ суду по обвиненію въ подобныхъ преступленіяхъ. Съ своей стороны администрація постоянно заявляетъ, что она не имѣетъ достаточной власти надъ посредниками, чтобы предупреждать такія дѣйствія, и что безъ подобной власти въ настоящее время ничего невозможно сдѣлать. Для отстраненія этого неудобства и принята мѣра, на которую мы уже указывали. При сокращеніи участковъ губернское присутствіе получило возможность произвольно опредѣлять, кто изъ посредниковъ долженъ уйти. Далѣе, присутствіямъ было дано право устранять собственною властью посредниковъ отъ должности съ представленіемъ сенату. Эти мѣры въ значительной степени подчинили мировыхъ посредниковъ губернскому начальству: но врядъ-ли мы ошибемся, если скажемъ, что такимъ путемъ было извергнуто болѣе порядочныхъ людей, не сходившихся съ начальствомъ въ воззрѣніяхъ, нежели такихъ, устраненіе которыхъ было дѣйствительно необходимо.

Съ другой стороны, открытіе земскихъ и судебно-мировыхъ учрежденій заставило многихъ промѣнять прежнюю свою дѣятельность на новую, представлявшую не только интересъ новизны, но и большую независимость, такъ какъ данное губернскимъ присутствіямъ право устраненія лишило должность мирового посредника всякой привлекательности въ глазахъ людей, не привыкшихъ видѣть законъ во всякомъ желаніи начальства. Наконецъ въ настоящее время всѣ со дня на день ожидаютъ упраздненія мировыхъ посредниковъ. Объ этомъ постоянно ходатайствуютъ земскія собранія, которыя находятъ расходъ на ихъ содержаніе весьма отяготительнымъ. Объ этомъ хлопочутъ и административныя власти, которыя задумываются только надъ тѣмъ, кому передать власть посредника надъ крестьянами: мировому судьѣ или исправнику. Понятно, что при этомъ и сами мировые посредники смотрятъ на свои обязанности какъ на временныя и остаются только тѣ, кому некуда дѣваться. Впрочемъ и обязанности ихъ представляютъ уже мало интереса. Главная состоитъ въ томъ, чтобъ собирать недоимки съ людей, у которыхъ взять нечего

и которыхъ для успокоенія совѣсти остается только сѣчь, что могутъ съ успѣхомъ исполнять и полицейскіе чиновники.

Мы видѣли, что вопреки проэкту редакціонныхъ коммисій, Положеніе 19 февраля поставило крестьянское общественное управленіе (именно волостное) въ прямую зависимость отъ мировыхъ посредниковъ. Такъ какъ журналы высшихъ государственныхъ учрежденій, разсматривавшихъ проэкты редакціонныхъ коммисій, не обнародованы, то мы не имѣемъ никакихъ указаній, чтобы судить, для чего это было сдѣлано. Можетъ быть просто нужно было создать для крестьянъ начальство по общему правилу; а можетъ быть существовало серьезное убѣжденіе, что безъ руководителя они не сладятъ со своими немногосложными дѣлами. Какъ бы то ни было, начальство и руководители были даны.

Теперь, когда крестьянское управленіе просуществовало уже одиннадцать лѣтъ, мы можемъ по опыту сказать, что это вовсе не было нужно, что зависимость отъ мировыхъ учрежденій принесла крестьянскому управленію не пользу, а вредъ, что въ этой именно зависимость и лежитъ причина темныхъ сторонъ крестьянскаго управленія.

Мы знаемъ, что многіе примутъ слова наши за парадоксъ, многіе сочтутъ насъ идеалистами, или просто назовутъ врагами интеллигенціи и поборниками преобладанія грубыхъ массъ. Но не будучи ни тѣми ни другими, сознавая всѣ права и преимущества интеллигенціи и нисколько не идеализируя нравы нашего крестьянскаго сословія, мы тѣмъ не менѣе самымъ категорическимъ образомъ утверждаемъ, что предоставленное самому себѣ, крестьянское общественное управленіе не представило бы тѣхъ безобразій, какія оно теперь, къ сожалѣнію, представляетъ.

Дѣло въ томъ, что въ волостномъ управленіи посредники представляютъ не интеллигенцію, вліяющую въ силу своего развитія, а начальство, распоряжающееся весьма часто по произволу. Волостное управленіе остается самостоятельнымъ только по имени; вся власть находится въ рукахъ волостного старшины, который долженъ во что бы то ни стало понравиться мировому посреднику. Такимъ образомъ онъ является уже не представителемъ интересовъ крестьянъ, а низшимъ полицейскимъ чиновникомъ. Фактически его не выбираютъ, а назначаютъ. Конечно, еслибы всѣ мировые посредники сознавали свои обязанности, этого бы не было; но мы уже видѣли,

что составъ мировыхъ учрежденій въ послѣднее время далеко не соотвѣтствуетъ своему призванію. Результатомъ этого порядка является то, что волостныя власти, подъ покровительствомъ посредника, которому они съумѣютъ понравиться, дѣлаютъ съ крестьянами все, что угодно. Крестьяне часто не могутъ допроситься позволенія созвать сходъ для учета волостнаго старшины, который, въ то же время, имѣетъ право наказывать этихъ крестьянъ за ослушаніе. Жаловаться на него можно только тому же мировому ему самому, который оставляетъ безъ вниманія всѣ подобныя жалобы, если только старшина ловко собираетъ недоимки и умѣетъ удружить ему самому. Понятно, что сходъ безсиленъ передъ такимъ старшиною. Въ этомъ отношеніи между сельскимъ и волостнымъ управленіемъ большая разница: первое гораздо болѣе самостоятельно, и на него не слышно никакихъ жалобъ; послѣднее поставлено въ прямую зависимость отъ посредника, и нѣтъ человѣка, который бы не указывалъ на бездѣйствіе волостныхъ сходовъ, злоупотребленіе волостныхъ старшинъ, безпечность волостныхъ правленій и т. п.

Намъ случайно попался въ руки одинъ оффиціальный проэктъ, имѣющій отношеніе къ крестьянскому управленію. Люди, составлявшіе этотъ проэктъ, очевидно не заражены особенною любовью къ крестьянскому самоуправленію; они просто проэктировали учредить новое начальствующее лицо изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, вотъ что говорится въ этомъ проэктѣ о сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицахъ:

«Въ сельскихъ учрежденіяхъ общественный характеръ, положенный въ основаніи ихъ и самимъ закономъ, сохранился и установился. Рѣшенія сельскихъ сходовъ вообще толковы и практичны и, съ крестьянской точки зрѣнія, вообще справедливы:—дѣло впрочемъ весьма естественное, потому что предметы вѣдомства сходовъ имъ близки и знакомы и что всѣ члены сходовъ связаны близостью и солидарностью интересовъ. Наружная нелѣпость нѣкоторыхъ приговоровъ ничего не значитъ, ибо за этой наружностью, большею частію, скрывается какое нибудь практическое, хотя, конечно, иногда крайне своеобразное основаніе и соображеніе. Общій, замѣченный вездѣ фактъ, что сельскій староста вездѣ человѣкъ, преданный обществу, всегда почти стоитъ за его интересы и что весьма рѣдки случаи злоупотребленія общественнымъ довѣріемъ со стороны старостъ: растраты общественныхъ денегъ, удержанія или утайки вне-

сенныхъ податей или повинностей и т. п. Что касается до волостнаго управленія, то здѣсь замѣтно равнодушіе крестьянъ къ общественнымъ и хозяйственнымъ дѣламъ волости, и, какъ слѣдствіе того, неохотное участіе въ волостныхъ сходахъ; это явленіе не встрѣчается только въ волостяхъ, состоящихъ изъ одного селенія, гдѣ волостные дѣла и интересы сливаются съ сельскими и волостной сходъ съ сельскимъ ... Волостной сходъ (исключая случаевъ, когда волость состоитъ изъ одного селенія) вообще рѣдко собирается въ составѣ болѣе 35-ти человѣкъ, а большею частію 15—20. Эти люди, сошедшіеся изъ разныхъ, часто чуждыхъ одно другому селеній, другъ друга мало знающіе, идущіе на сходъ, какъ на чужую работу, сами часто не зная, о чемъ будутъ разсуждать, дѣйствуютъ большею частію вполнѣ подъ вліяніемъ волостнаго начальства или мироваго посредника. Волостныя старшины, въ руки которыхъ вообще попадаетъ все управленіе, при равнодушіи и неумѣлости волостныхъ сходовъ, по общему признанію, нигдѣ почти не сохраняютъ характера общественныхъ выборныхъ, а дѣлаются начальниками, сельскими чиновниками, со всѣми качествами этого класса. Это тѣмъ болѣе естественно, что уѣздное начальство и мировые посредники преимущественно отличаютъ и поощряютъ тѣхъ изъ старшинъ, которые оказываютъ полицейскую расторопность и усердіе. Почти безусловный произволъ мировыхъ посредниковъ въ удаленіи старшинъ отъ должностей, окончательно уничтожаетъ въ этихъ лицахъ всякое общественное начало. Достаточно взглянуть на журналы губернскихъ присутствій, чтобы убѣдиться въ этомъ. Несомнѣнно, что удаленія эти большею частію дѣлаются по добросовѣстному убѣжденію посредника; но въ этой только добросовѣстности и вся гарантія служебной дѣятельности старшины».

Намъ нечего прибавлять къ этой характеристикѣ современнаго крестьянскаго управленія. Можно только удивляться, какъ лица, писавшія эти въ высшей степени вѣрныя строки, сами не пришли къ убѣжденію въ необходимости устранить отъ крестьянскаго управленія всякое вмѣшательство какихъ бы то ни было властей. Между тѣмъ этого-то именно предположенія мы и не встрѣчаемъ въ проэктахъ правительственныхъ мѣстъ и лицъ, которыя заботятся только о томъ, чтобы усилить власть, а не о томъ, чтобы призвать къ участію въ дѣлѣ лицъ прямо заинтересованныхъ.

IV.

Въ послѣднее время, съ окончанiемъ хозяйственныхъ обязанностей мировыхъ посредниковъ, возникъ вопросъ о совершенномъ ихъ упраздненiи. Вопросъ этотъ обсуждался въ особой коммиссiи и, по слухамъ, будетъ приведенъ къ окончанiю въ настоящемъ году. Предполагается оставить лишь столько мировыхъ посредниковъ, сколько необходимо собственно для окончанiя хозяйственныхъ дѣлъ, т. е. составленiя уставныхъ грамотъ, отвода надѣловъ и т. п. При этомъ всѣ остальныя обязанности, которыя теперь несутъ мировые посредники, должны быть заблаговременно переданы другимъ учрежденiямъ. Но кому именно?—это составляетъ еще вопросъ. Выборъ колеблется между мировымъ судьею и исправникомъ. Нечего говорить, что оба эти исхода представляютъ громадныя неудобства. Административная власть надъ крестьянскими обществами будетъ совершенно несовмѣстна съ положенiемъ мирового судьи и сдѣлаетъ изъ него новаго крестьянскаго начальника, который, пожалуй, будетъ хуже прежняго. О полицiи нечего и говорить; всякiй надзоръ перейдетъ здѣсь въ полнѣйшее распоряженiе и сдѣлаетъ крестьянскiя общества безправными и безгласными. При такомъ положенiи дѣла, правильный исходъ найти трудно; и по нашему мнѣнiю, его вовсе не можетъ быть до тѣхъ поръ, пока вопросъ объ упраздненiи мировыхъ посредниковъ не будетъ сведенъ на вопросъ объ упраздненiи ихъ административныхъ обязанностей. А это не только вполнѣ возможно, но и крайне необходимо. Хозяйственная опека надъ крестьянскими обществами положительно не нужна; въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ они и теперь обходятся безъ этой опеки. Такимъ образомъ для сельскаго управленiя мировой посредникъ вовсе не нуженъ. Жалобы на сельскаго старосту всего лучше было бы предоставить крестьянскому суду, о которомъ впрочемъ мы будемъ говорить особо. Весь вопросъ заключается въ административномъ управленiи, сосредоточенномъ теперь въ волостяхъ. Тутъ, не говоря уже объ общемъ правилѣ, что «мужика безъ начальства оставить не возможно», является дѣйствительно серьезное затрудненiе. Само собою разумѣется, что никакая административная власть не можетъ быть безотвѣтственною. Напротивъ, чѣмъ дѣйствительнѣе

эта отвѣтственность, тѣмъ лучше. Поэтому невозможно создать и безотвѣтственныхъ волостныхъ старшинъ. Съ другой стороны, всякая отвѣтственность передъ лицомъ другого сословія необходимо повлечетъ здѣсь вредныя послѣдствія. Какъ бы ни ограждалъ законъ подвѣдомственныхъ лицъ, при неумѣньи отстаивать свои права, они всегда будутъ находиться въ личномъ подчиненіи. Это мы видимъ не только на волостныхъ старшинахъ, но и на волостныхъ судахъ, которые поставлены по закону вполнѣ самостоятельно и тѣмъ не менѣе являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ посредника и даже исправника, по приказанію котораго они обыкновенно сѣкутъ недоимщиковъ.

Выходъ изъ этой дилеммы мы видимъ единственно въ преобразованіи крестьянскаго волостнаго управленія въ управленіе всесословное, при которомъ мировые посредники не будутъ нужны, такъ какъ крестьяне, сохраняя полную самостоятельность въ хозяйственныхъ дѣлахъ сельскихъ обществъ, будутъ имѣть общее для всѣхъ сословій административное управленіе.

Вопросъ о всесословной волости былъ впервые возбужденъ еще въ 1863 году въ главномъ комитетѣ объ устройствѣ сельскаго состоянія, но дальнѣйшаго движенія не имѣлъ. Правда, въ слѣдующемъ-же году былъ составленъ по этому предмету особый проектъ, но въ проектѣ этомъ о преобразованіи крестьянскаго волостнаго управленія не было сказано ни слова; а предлагалось создать еще новую административную единицу, «выть». Но «Вытный сходъ», состоящій изъ выборныхъ всѣхъ сословій, имѣлъ бы, по проекту, только право опредѣлять расходы на школы, больницы и т. п. Затѣмъ распоряжаться всѣмъ долженъ «Вытный Голова», назначаемый правительствомъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ или даже изъ чиновниковъ. Онъ долженъ предсѣдательствовать на вытномъ сходѣ и завѣдывать общественными и хозяйственными дѣлами; онъ долженъ также имѣть значительную полицейскую власть, вслѣдствіе чего волостные старшины и сельскіе старосты обязаны безпрекословно ему повиноваться.

Въ печати защитникомъ всесословной волости явился, какъ извѣстно, кн. А. Васильчиковъ, посвятившій этому предмету нѣсколько страницъ въ своей книгѣ «О самоуправленіи» (т. I, стр. 276 — 297). Кн. Васильчиковъ предлагаетъ учредить волостные сходы изъ лицъ всѣхъ сословій по общему цензу, причемъ крестья-

ское общество принималось бы за одно юридическое лицо. Сходы эти, впрочемъ, по мнѣнію кн. Васильчикова, не должны имѣть права сами назначать новыхъ сборовъ и повинностей безъ утвержденія земскихъ собраній и дѣлать раскладку. Главную ихъ обязанность составляютъ выборы членовъ волостнаго управленія, именно волостнаго старшины, церковнаго старосты и отъ 2 до 4 гласныхъ. «Завѣдуя каждый особою частью — старшина исполнительною, староста церковною, а гласные сношеніями съ управою и представительствомъ въ земскомъ собраніи, они въ совокупности составляли бы волостное правленіе, которое вѣдало бы всѣ дѣла, требующія совѣщанія, обсужденія, постановленія....» Назначеніе новыхъ сборовъ, не установленныхъ правительствомъ или земствомъ, допускается, по проэкту кн. Васильчикова, только по большинству двухъ третей всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса и съ утвержденіемъ земскаго собранія. Раскладка сборовъ и повинностей, установленныхъ законнымъ порядкомъ, производится волостнымъ правленіемъ, по правиламъ и нормамъ, преподаннымъ правительствомъ или земскими управами, причемъ обывателямъ предоставляется право праносить жалобы на неуравнительность раскладки въ мировые съѣзды.

Вслѣдъ за выходомъ книги кн. Васильчикова, гласный петербургскаго губернскаго собранія, А. П. Платоновъ, возбудилъ тотъ-же вопросъ въ собраніи. Собраніе поручило управѣ выработать проэктъ всесословнаго волостнаго управленія, передать его на заключеніе уѣздныхъ собраній и затѣмъ, въ сессію 1871 года, представить въ губернское собраніе. Проэктъ этотъ выработанъ управою и помѣщенъ въ ея отчетѣ; но управа не успѣла сообщить его уѣзднымъ собраріямъ, вслѣдствіе чего губернское собраніе отложило его обсужденіе до слѣдующей сессіи. По этому проэкту составляются два избирательные схода *общинниковъ* изъ выборныхъ отъ десяти дворовъ и *личныхъ собственниковъ*, владѣющихъ имуществомъ до 2,000 р. Въ послѣднемъ съѣздѣ принимаютъ участіе также уполномоченные отъ мелкихъ собственниковъ и владѣльцы промышленныхъ и торговыхъ заведеній по купеческому свидѣтельству. Сходы избираютъ гласныхъ волостной думы, которая собирается періодически для установленія общихъ правилъ по хозяйственнымъ дѣламъ и утвержденія смѣты и раскладки. Но раскладывать денежныя повинности дума можетъ только на тѣ предметы, которые привлечены къ платежу земскихъ сборовъ и притомъ по оцѣнкѣ земскихъ собраній. Сама она

можетъ установлять только личный сборъ до 3 руб. съ лицъ отъ 18 до 55 лѣтъ; натуральныя повинности она можетъ раскладывать также только по числу мужчинъ отъ 18 до 55 лѣтъ или по числу рабочихъ лошадей. Дума выбираетъ волостнаго голову, въ рукахъ котораго сосредоточивается вся исполнительная власть. Онъ назначаетъ и смѣняетъ волостныхъ врачей, учителей и т. п., участвуетъ во всѣхъ коммиссіяхъ и комитетахъ, распоряжается на пожарахъ, несетъ всѣ полицейскія обязанности, которыя Положеніе 19-го февраля возлагаетъ на волостныхъ старшинъ, свидѣтельствуетъ сдѣлки, запираетъ кабаки и разбираетъ споры и жалобы лицъ, къ нему обращающихся.

Наконецъ, въ московскомъ губернскомъ собраніи былъ заявленъ проэктъ всесословнаго волостнаго управленія гласнымъ М. П. Безобразовымъ. По этому проэкту, сходы составляются изъ всѣхъ жителей села или деревни, платящихъ извѣстную сумму подати (за единицу поземельнаго владѣнія принимается крестьянскій надѣлъ); при этомъ каждый членъ схода имѣетъ столько голосовъ, сколько представляетъ собою платежныхъ единицъ. Выборные отъ каждыхъ 12 голосовъ сельскихъ сходовъ составляютъ окружной сходъ, а этотъ послѣдній избираетъ волостнаго голову и членовъ правленія. Но при этомъ каждый имѣющій 12 голосовъ на сельскомъ или деревенскомъ сходѣ по размѣру поземельнаго владѣнія (т. е. всякій помѣщикъ, имѣющій пространство земли, равное 12 крестьянскимъ надѣламъ) признается по праву членомъ управленія округа. Это управленіе должно вѣдать административныя, судебно-полицейскія и хозяйственныя дѣла волости и, говоря словами проэкта, «замѣнять волостное правленіе, мировыхъ посредниковъ и становыхъ».

Мы не будемъ утомлять читателей подробнымъ разборомъ этихъ проэктовъ и ограничимся немногими замѣчаніями.

Проэктъ правительственный, какъ мы видѣли, не касается волостнаго крестьянскаго устройства; онъ хочетъ только создать новую полицейско-административную власть въ лицѣ вытнаго головы, который притомъ-же не избирается, а назначается. При существующемъ у насъ обиліи полицейскихъ чиновъ, такое лицо представляется намъ по меньшей мѣрѣ не нужнымъ.

По проэкту кн. Васильчикова, волостному управленію предоставляется слишкомъ тѣсный кругъ дѣятельности; такъ, оно не можетъ, безъ утвержденія земскаго собранія, назначать сборовъ и во-

все лишено участія въ ихъ раскладкѣ. Это, по нашему мнѣнію, совершенно несправедливо, такъ какъ мѣстные жители были бы лучшими судьями потребностей и средствъ своей мѣстности. Ихъ указанія могли бы даже съ пользой быть принимаемы въ уѣздныхъ собраніяхъ. Далѣе установленіе одинаковыхъ условій поземельнаго ценза для крестьянскихъ обществъ и личныхъ землевладѣльцевъ не выдерживаетъ критики. Крестьянское общество представляетъ собою не только поземельное владѣніе, но и массу лицъ, до которыхъ преимущественно будутъ касаться всѣ административно-полицейскія обязанности управленія. Кромѣ того, крестьянскія земли, какъ удобныя, всегда облагаются высшимъ сборомъ, нежели помѣщичьи, и натуральныя повинности лежатъ исключительно на крестьянахъ.

Проэктъ петербургской управы страдаетъ тѣмъ-же недостаткомъ, какъ и проэктъ кн. Васильчикова, въ томъ отношеніи, что онъ лишаетъ волостную думу права раскладки сборовъ, дозволяя одинъ личный налогъ, введенію котораго, напротивъ, слѣдовало бы противодѣйствовать. Но главный недостатокъ этого проэкта — отсутствіе коллегіальнаго завѣдыванія дѣлами и предоставленіе волостному головѣ самыхъ несовмѣстныхъ правъ и обязанностей. По проэкту, волостной голова будетъ ловить бѣглыхъ и рѣшать гражданскія дѣла, смѣщать врачей и учителей и закрывать кабаки. Такимъ образомъ это будетъ вмѣстѣ и высшее административное лицо и низшій полицейскій служитель.

О проэктѣ г. Безобразова говорить нечего. Это очевидно старая погудка на новый ладъ. Г. Безобразовъ хочетъ устроить помѣщичье управленіе и передать на его рѣшеніе всѣ дѣла между помѣщиками и крестьянами и всю полицейскую власть.

Читатели видятъ, что во всѣхъ указанныхъ нами проэктахъ, за исключеніемъ проэкта г. Безобразова, написаннаго для особыхъ цѣлей, проглядываетъ нѣкоторое недовѣріе къ проэктируемому учрежденію. Ни министерство внутреннихъ дѣлъ, ни кн. Васильчиковъ, ни петербургская управа не находятъ возможнымъ предоставить волости значительный кругъ дѣятельности, особенно въ дѣлахъ хозяйственныхъ. Они стѣсняютъ и назначеніе расходовъ, и раскладку ихъ, и дѣлаютъ изъ волости чисто исполнительное учрежденіе. Мы думаемъ, что это совершенно напрасно. Назначеніе особыхъ волостныхъ расходовъ во многихъ мѣстностяхъ было бы даже болѣе цѣлесообразно, нежели назначеніе расходовъ уѣздныхъ. У насъ, особенно въ сѣвер-

ной Россіи, есть уѣзды, различныя мѣстности которыхъ имѣютъ совершенно различный экономическій характеръ, такъ что въ одной половинѣ уѣзда жители занимаются лѣстными промыслами или фабричной промышленностью, а изъ другой всѣ уходятъ на заработки. Понятно, что это различіе въ экономическомъ бытѣ обусловливаетъ и различныя потребности. Еще большее вліяніе должно имѣть это различіе на раскладку сборовъ. Уже и теперь во многихъ уѣздныхъ раскладкахъ является необходимость принимать различную цѣнность земли въ различныхъ мѣстностяхъ одного уѣзда. Само собою разумѣется, что участіе здѣсь волостныхъ учрежденій было бы весьма полезно. Они легко могли бы опредѣлять доходность земель по показаніямъ сосѣднихъ владѣльцевъ и такимъ образомъ установили бы прочныя основанія для поземельныхъ раскладокъ. Подобныя попытки были дѣланы и въ земскихъ собраніяхъ, но тамъ этому мѣшаетъ разстояніе уѣзда; для выполненія подобной задачи приходилось прибѣгать къ помощи всѣхъ гласныхъ уѣзда, такъ какъ средства управы для этого недостаточны. Но обязать гласныхъ къ выполненію подобнаго рода распоряженій, невозможно; законъ не только не предписываетъ этого, но строго говоря, даже не допускаетъ. Между тѣмъ, если когда нибудь будетъ допущено привлеченіе къ платежу лицъ всѣхъ сословій, подробное ознакомленіе съ ихъ средствами будетъ еще болѣе необходимо, и выполнить эти требованія будутъ въ состояніи только волостныя учрежденія, такъ какъ уѣздъ окажется слишкомъ крупною единицею для подобныхъ дѣйствій. Что касается мысли кн. Васильчикова о соединеніи въ однихъ и тѣхъ же лицахъ обязанности членовъ волостнаго управленія и гласныхъ собранія, то эта мысль безспорно имѣетъ въ себѣ много вѣрнаго, такъ какъ при подобномъ условіи въ гласные собранія попадутъ только люди, дѣйствительно знающіе свои мѣстные интересы. Но съ другой стороны, это лишитъ участія въ земскомъ собраніи всѣхъ тѣхъ, которые не могутъ, по какимъ либо причинамъ, нести обязанностей по волостному управленію; а это составитъ для земскихъ учрежденій большую потерю. Въ виду этого необходимо допустить избраніе въ гласные и такихъ лицъ, которыя не будутъ членами волостныхъ управленій или просто предоставить нѣкоторымъ членамъ волостныхъ управленій право участія въ земскихъ собраніяхъ, независимо отъ выбора ихъ въ гласные.

Въ административномъ отношеніи территоріальныя волостныя

учрежденія должны, конечно, имѣть бóльшее значеніе и бóльшую самостоятельность, нежели теперешнее волостное управленіе, которое *по закону* имѣетъ строго сословный кругъ дѣятельности, а *фактически* представляетъ исполнительную инстанцію всѣхъ властей и всѣхъ вѣдомствъ. Но это значеніе волости совершенно вѣрно указалъ въ своей книгѣ кн. Васильчиковъ. «Силою вещей, говоритъ онъ, волость постепенно превращается въ общую исполнительную инстанцію, гдѣ стекаются всѣ дѣла всѣхъ вѣдомствъ, судебныхъ, земскихъ и административныхъ; всякія распоряженія, откуда бы они ни исходили, пройдя черезъ многосложное письменное и канцелярское производство, сходятся въ волости для приведенія въ дѣйствія, для вызова сторонъ и свидѣтелей, для ареста лицъ и имуществъ, для раскладки повинностей, росписанія дорогъ, взысканія податей, производства работъ и расходовъ. Не смотря на запрещеніе закона, земскія управы во всѣхъ своихъ мѣропріятіяхъ обращаются къ этимъ общественнымъ властямъ, по неимѣнію никакихъ другихъ мѣстныхъ органовъ. Къ нимъ же для облегченія своихъ занятій и сокращенія переѣздовъ обращаются не только общія административныя власти, но и другія сословныя начальства и присутствія, предводители дворянства, дворянскія опеки, посредническія коммиссіи и пр. и пр. Такимъ образомъ учрежденіе, признаваемое по закону общественнымъ, содержаніе коего покрывается однимъ крестьянскимъ сословіемъ, составъ коего зависитъ отъ выбора одного класса мѣстныхъ жителей, становится въ сущности общей, низшей инстанціей, завѣдывающей всѣми дѣлами внутренняго управленія, отъ исправности коей зависитъ и успѣшный ходъ суда, хозяйства и администраціи». (О самоуправленіи, т. I, стр. 277 и 278).

Во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, сословное управленіе конечно могло бы съ успѣхомъ замѣнить управленіе крестьянское; кромѣ того оно имѣло бы большій кругъ дѣятельности, такъ какъ принудительная власть его могла бы распространяться на лицъ всѣхъ сословій. Такъ напримѣръ, исполняя распоряженія земскихъ и правительственныхъ учрежденій о взысканіи платежей, починкѣ дорогъ и т. п., оно могло бы обращаться съ своими требованіями не къ однимъ крестьянамъ, а ко всѣмъ плательщикамъ. Но что касается низшихъ полицейскихъ обязанностей, то намъ кажется, что всесословное волостное управленіе могло бы быть отъ нихъ изъято. Обязанность доносить становому приставу о безпорядкахъ или ловить

бѣглыхъ и дезертировъ совершенно не соотвѣтствуетъ значенію этого учрежденія, да оно и совершенно излишне, такъ какъ эти же самыя обязанности законъ возлагаетъ на сельскихъ старостъ и сотскихъ.

Такъ какъ мы не призваны составлять проэктъ волостныхъ учрежденій, то считаемъ излишнимъ входить въ подробности возможной ихъ организаціи. Мы ограничимся только указаніемъ, что волостное управленіе должно быть непремѣнно коллегіальное. Отдать завѣдываніе хозяйственными и административными дѣлами волости въ руки одного лица, какъ это предлагаетъ петербургская управа, было бы весьма рискованно, и врядъ-ли принесло бы много пользы. Что же касается тѣхъ элементовъ, которые должны войти въ волостныя учрежденія, то мы можемъ только выразить желаніе, чтобы законодательство не создавало здѣсь того искусственнаго преобладанія одного сословія, которое оказалось въ учрежденіяхъ земскихъ. Мы конечно не настаиваемъ на томъ, чтобы волостное управленіе было сосредоточено въ рукахъ крестьянъ и вполнѣ сознаемъ преимущество людей образованныхъ передъ людьми, не знающими грамоты, но мы не можемъ не видѣть различія между значеніемъ избирателей и избираемыхъ. Крестьяне сами охотно выберутъ во всякую должность человѣка образованнаго; но пусть его выберутъ они, потому что они составляютъ главную платежную силу государства. Мы знаемъ, что многіе видятъ въ этомъ опасность. Г. Безобразовъ, излагая свой проэктъ, прямо заявляетъ, напримѣръ, что онъ опасается, что «невѣжественная масса подавитъ единицы болѣе образованныя», такъ какъ «грубая масса, слишкомъ часто пьяная, подъ навѣтомъ нѣкотораго рода подстрѣкателей, исказившихъ ея пониманіе, когда она преобладаетъ, бываетъ невыносима своею тупостью и упорствомъ». Но факты не оправдываютъ такихъ опасеній. Напротивъ, они показываютъ, что учрежденія, въ которыхъ допущено искусственное преобладаніе высшихъ сословій, менѣе способны охранять общіе интересы, нежели такія учрежденія, въ которыхъ представительство распредѣлено сообразно фактическому преобладанію. Въ нашихъ земскихъ учрежденіяхъ законъ установилъ въ большинствѣ уѣздовъ преобладаніе помѣщичьяго сословія, и мы видимъ, что эти помѣщичьи собранія тратятъ земскія средства только на жалованье и весьма скупы на производительные расходы. Въ 1870 году вышелъ одинъ томъ «Трудовъ податной коммиссіи», посвященный разсмотрѣнію земскихъ смѣтъ и раскладокъ. Въ немъ приведены число-

выя данныя по всѣмъ губерніямъ, въ которыхъ введены земскія учрежденія, и мы видимъ, что за то время, когда собирались эти данныя, дѣятельность тѣхъ земскихъ собраній, гдѣ преобладали гласные отъ крестьянъ, была гораздо цѣлесообразнѣе и благотворнѣе. Въ примѣръ можно привести дѣло народнаго образованія. По свѣдѣніямъ податной коммиссіи, относящимся къ 1867 и частію 1868 и 1869 годамъ, только *въ восемьнадцати* уѣздахъ было назначено на народное образованіе болѣе 6,000 р. въ годъ; изъ этихъ уѣздовъ, *въ одиннадцати*, гласные изъ крестьянъ преобладаютъ надъ гласными отъ личныхъ землевладѣльцевъ и отъ города, вмѣстѣ взятыми, *въ трехъ* они преобладаютъ только надъ гласными отъ личныхъ землевладѣльцевъ; *въ одномъ*, напротивъ, личные владѣльцы преобладаютъ надъ крестьянами и *въ трехъ* гласные отъ личныхъ владѣльцевъ составляютъ рѣшительное большинство въ собраніи. Затѣмъ *въ восьмидесяти пяти* уѣздахъ на народное образованіе не назначено ничего; изъ этихъ уѣздовъ, *въ шестидесяти пяти* гласные отъ землевладѣльцевъ составляютъ рѣшительное большинство, *въ тринадцати* ихъ больше, нежели гласныхъ отъ крестьянъ, *въ двухъ*— крестьянъ больше, но они не составляютъ рѣшительнаго большинства, которое зависитъ отъ городскихъ гласныхъ, и только *въ пяти*—гласные отъ крестьянъ имѣютъ рѣшительное преобладаніе *). Эти цифры говорятъ лучше всякихъ разсужденій, и зная ихъ, нѣтъ надобности даже припоминать различныхъ несправедливостей, которыя дѣлаются именно тамъ, гдѣ личнымъ землевладѣльцамъ дано искусственное преобладаніе.

Конечно, и въ тѣхъ собраніяхъ, гдѣ личные землевладѣлнцы не имѣютъ преобладанія, инициатива полезныхъ мѣръ принадлежитъ имъ; но въ томъ-то и дѣло, что предложенія лучшихъ личностей здѣсь чаще встрѣчаютъ поддержку, нежели тамъ, гдѣ преобладаетъ сословіе личныхъ землевладѣльцевъ, и гдѣ большинство имѣетъ въ виду только сословные интересы.

Само собою разумѣется, что при образованіи территоріальныхъ волостей, крестьянское самоуправленіе не должно быть нарушено. Но мы уже видѣли, что оно сосредоточено не въ волости, а въ сель-

*) Тѣмъ изъ нашихъ читателей, которые желаютъ познакомиться съ этимъ вопросомъ ближе, мы предложимъ обратиться къ статьѣ «Земскіе итоги», написанной авторомъ настоящаго очерка и помѣщенной въ 1870 году въ «Вѣстникѣ Европы».

скомъ обществѣ. Хотя Положеніе 19-го февраля и предусматриваетъ хозяйственныя дѣла, которыя подлежатъ вѣденію волостнаго схода, но въ дѣйствительности такихъ дѣлъ нѣтъ и не можетъ быть, такъ какъ крестьяне отдѣльныхъ селеній не имѣютъ общихъ хозяйственныхъ интересовъ, отдѣльныхъ отъ лицъ другихъ сословій.

Затѣмъ всякая власть мировыхъ посредниковъ надъ волостными учрежденіями падаетъ сама собою и является полная возможность упразднить ихъ, какъ только хозяйственныя отношенія крестьянъ къ ихъ бывшимъ помѣщикамъ будутъ окончательно опредѣлены. Остается только нерѣшеннымъ вопросъ объ отвѣтственности сельскихъ должностныхъ лицъ, но въ этомъ отношеніи всего лучше было бы обратиться къ первоначальной мысли редакціонныхъ коммиссій объ устройствѣ особыхъ крестьянскихъ судовъ, къ которымъ мы сейчасъ и перейдемъ.

V.

Вопросъ объ устройствѣ крестьянскихъ судовъ былъ однимъ изъ самыхъ трудныхъ вопросовъ, какіе пришлось разрѣшать составителямъ Положенія 19 февраля. Невозможность подчинить возникающіе въ средѣ крестьянъ юридическія отношенія общему гражданскому кодексу и общимъ формамъ тогдашняго судопроизводства, была для редакціонныхъ коммисій совершенно ясна. Они были поставлены въ необходимость установить и новыя начала, и новыя формы, которыя бы соотвѣтствовали потребностямъ крестьянъ и ихъ тогдашнему положенію. Практика указывала въ этомъ отношеніи на сельскія и волостныя расправы и приказы, существовавшія у крестьянъ государственныхъ и удѣльныхъ; но перенести эти учрежденія цѣликомъ въ новое положеніе, значило подчинить выходящихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ той же административной опекѣ и тѣмъ же бюрократическимъ формамъ, какія существовали въ то время у крестьянъ другихъ наименованій. Этого редакціонныя коммисіи естественно не могли желать. Губернскіе комитеты точно также были противъ такого заимствованія; но они въ свою очередь обнаруживали стремленіе подчинить крестьянскіе суды наблюденію помѣщиковъ, что поставило бы крестьянъ въ прямую зависимость отъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ, и слѣдовательно сдѣлало бы невозможными сво-

бодныя экономическія отношенія. А это, какъ извѣстно, всего менѣе согласовалось со взглядами редакціонныхъ коммисій. Они рѣшились избѣжать обоихъ этихъ золъ, предоставивъ крестьянскому сословію полную самостоятельность въ дѣлѣ суда. Но въ тоже время они не считали возможнымъ предоставить право этого суда лицамъ, принадлежащимъ исключительно къ одному сельскому обществу съ тяжущимися, что по ихъ мнѣнію сдѣлало бы судей постоянными чиновниками и могло бы повести къ злоупотребленіямъ. Результатомъ этихъ соображеній былъ проэктъ учрежденія волостныхъ судовъ, который вошелъ въ Положеніе 19 февраля, впрочемъ съ весьма важнымъ измѣненіемъ въ опредѣленіи цѣны исковъ, подлежащихъ разсмотрѣнію этихъ судовъ. Мы считаемъ не лишнимъ напомнить главныя статьи Положенія, относящіяся къ этому предмету:

Для составленія волостнаго суда избирается ежегодно волостнымъ сходомъ (или сельскимъ, если волость состоитъ изъ одного сельскаго общества) отъ четырехъ до двѣнадцати очередныхъ судей. Опредѣленіе числа сихъ выборныхъ и установленіе между ними очереди предоставляется сходу.

Присутствіе суда должно состоять не менѣе какъ изъ трехъ судей. Въ тѣхъ волостяхъ, гдѣ уже существуетъ учрежденный по мѣстнымъ обычаямъ судъ, тамъ онъ сохраняется, но съ тѣмъ, чтобы въ избраніи судей участвовала вся волость. (Общ. Полож. о кр. ст. 93 и прим.).

Волостной судъ собирается черезъ каждыя двѣ недѣли по возможности и удобству по воскресеньямъ; въ случаѣ же нужды, созывается волостнымъ старшиною въ другіе дни и чаще (ст. 94).

Волостной судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы, собственно между крестьянами цѣною до *ста* рублей включительно *), какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ крестьянскаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ и обязательствамъ; а равно и дѣла по вознагражденію за убытки и ущербъ, крестьянскому имуществу причиненные (ст. 96).

Независимо отъ сего, окончательному рѣшенію волостнаго суда подлежатъ всѣ, безъ ограниченія цѣною иска, между крестьянами споры и тяжбы, которыя тяжущіяся стороны предоставятъ рѣшеніе волостнаго суда. Споры и тяжбы, въ коихъ, кромѣ крестьянъ, участвуютъ и постороннія лица, могутъ быть также, по желанію тяжущихся сторонъ, представляемы окончательному рѣшенію волостнаго суда (ст. 98).

Волостной судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію крестьянъ, принадлежащихъ къ волости, за маловажные проступки, когда оные совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ ком у же состоянію, и безъ участія лицъ другихъ состояній, а также, когда означенные проступки не находятся въ связи съ уголовными преступленіями,

*) По проэкту редакціонныхъ коммисій до *трехъ сотъ* рублей.

кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ *). Если въ совершеніи проступка участвуютъ крестьяне, принадлежащіе къ другой волости, то виновныхъ приговариваетъ къ наказанію судъ той волости, въ предѣлахъ коей проступокъ совершенъ. Лица другихъ состояній, противъ коихъ совершены крестьянами проступки, могутъ, буде пожелаютъ, отыскивать слѣдующаго имъ удовлетворенія въ волостномъ судѣ, или въ общихъ учрежденіяхъ (ст. 101 и примѣч.).

Волостной судъ властенъ, по таковымъ проступкамъ, приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ—до *шести* дней, или къ денежному взысканію до *трехъ* рублей, или къ аресту—до *семи* дней, или, наконецъ, лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія не изъятыхъ, къ наказанію розгами до *двадцати* ударовъ. Назначеніе мѣры наказанія за каждый проступокъ предоставляется усмотрѣнію самого суда. Впредь до изданія общаго сельскаго судебнаго устава, волостные суды, а также волостные старшины и сельскіе старосты, при опредѣленіи, на точномъ основаніи статей 64, 86 и 102 сего Положенія, мѣры наказаній за маловажныя преступленія и проступки, примѣняются къ правиламъ, по сему предмету установленнымъ въ уставѣ сельскомъ, судебномъ для государственныхъ крестьянъ (уставъ благоустройства въ казенныхъ селеніяхъ статьи 440 и 536, ст. 102 и примѣч.).

При разсмотрѣніи тяжебнаго дѣла въ самомъ волостномъ судѣ судьи, по выслушаніи тяжущихся сторонъ, стараются склонить ихъ къ примиренію. Если стороны примирились, то должны въ тоже время объявить, что одна уступаетъ, или чѣмъ вознаграждаетъ другую, и какимъ образомъ должно послѣдовать удовлетвореніе. Если тяжущіяся стороны не пойдутъ на мировую сдѣлку, то судъ рѣшитъ дѣло, либо на основаніи заявленныхъ въ волостномъ правленіи сдѣлокъ и обязательствъ если таковыя были заключены между спорящими сторонами, либо, при отсутствіи таковыхъ сдѣлокъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту. Какъ условія мировой сдѣлки, такъ и рѣшеніе волостнаго суда, записываются въ имѣющуюся при волостномъ правленіи книгу, съ означеніемъ именъ истца и отвѣтчика (ст. 107).

Всѣ дѣла въ волостномъ судѣ производятся словесно. Волостной старшина и сельскій староста не должны вмѣшиваться въ производство волостнаго суда и не присутствуютъ при обсужденіи дѣлъ (ст. 104 и 105).

Приговоры волостнаго суда, какъ по спорамъ и тяжбамъ, такъ и по проступкамъ приводятся въ исполненіе сельскими старостами или, если волость состоитъ изъ одного сельскаго общества, помощникомъ волостнаго старшины, подъ наблюденіемъ старшины и за общею ихъ отвѣтственностію (ст. 100).

Положеніе 19 февраля не указало на право обжалованія рѣшеній волостныхъ судовъ; но въ 1866 году изданы правила, установляющія порядокъ отмѣны этихъ рѣшеній мировымъ съѣздомъ какъ по жалобамъ тяжущихся и подсудимыхъ, такъ и по представленіямъ мировыхъ посредниковъ. Но подобная отмѣна допускается только въ

*) На основаніи мѣстныхъ положеній, волостные суды присуждаютъ къ наказанію также за упорство въ неплатежѣ податей.

тѣхъ случаяхъ, когда судъ приметъ къ своему разбирательству дѣло, ему неподсудное, или нарушитъ правила, постановленныя въ 96, 102 и 107 ст. Положенія. Въ первомъ случаѣ съѣздъ передаетъ дѣло въ подлежащее учрежденіе, во второмъ предоставляетъ суду постановить новое рѣшеніе.

Кромѣ волостнаго суда, крестьянамъ предоставляется обращаться, по взаимному согласію, къ третейскому суду. Рѣшеніе третейскаго суда немедленно записываются въ особую книгу и жалобы на нихъ не могутъ быть приносимы.

Въ проэктѣ редакціонныхъ коммисій предположено было также учредить особые участковые суды подъ предсѣдательствомъ мироваго посредника для разбора жалобъ, приносимыхъ крестьянами на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ; но къ сожалѣнію это весьма раціональное предположеніе не нашло поддержки. Извѣстно, что на основаніи Положенія, подобныя жалобы разрѣшаются мировымъ посредникомъ и мировымъ съѣздомъ.

Практика волостныхъ судовъ вызываетъ весьма многочисленныя жалобы, которыя сдѣлались особенно настоятельны со времени введенія судебно-мировыхъ учрежденій, когда выгоды и невыгоды этихъ судовъ пришлось сравнивать не съ прежними уѣздными судами и полицейскими управленіями, а съ судомъ, основаннымъ на здравыхъ юридическихъ началахъ. Нужно признать, что эти жалобы большею частію вполнѣ основательны, ибо волостные суды, какъ по отношенію къ дѣятельности, такъ и по отношенію къ формамъ судопроизводства, представляютъ такія черты, ненормальность которыхъ въ настоящее время совершенно очевидна.

Мы видѣли, что Положеніе 19 февраля подчинило вѣдѣнію волостныхъ судовъ, между прочимъ, разсмотрѣніе «маловажныхъ проступковъ крестьянъ, совершонныхъ въ предѣлахъ волости, противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію». По соображенію этого правила съ уставомъ о благоустройствѣ въ крестьянскихъ селеніяхъ, на которыя въ Положеніи также сдѣлана ссылка, оказывается, что къ числу упомянутыхъ маловажныхъ поступковъ, надо отнести и кражи до 30 рублей, если онѣ не соединены съ особыми увеличивающими вину обстоятельствами (взломомъ, и т. п.). Установленіе подобной подсудности въ 1861 году было совершенно понятно, такъ какъ для этихъ преступленій существовала тогда особая полицейская расправа, для лицъ всѣхъ податныхъ сословій. Но въ настоящее

время, когда эти дѣла переданы общему суду мироваго судьи, такое исключенiе представляется въ высшей степени ненормальнымъ. Изъ него вытекаютъ напримѣръ слѣдующiе случаи:

Мѣщанинъ и крестьянинъ, остановившись на постояломъ дворѣ у крестьянина, украли у него (каждый отдѣльно) первый 50 копѣекъ, второй 29 рублей. Первый судится у мироваго судьи и можетъ быть заключенъ на годъ въ тюрьму, послѣднiй судится въ волостномъ судѣ и подлежитъ наказанiю розгами, или, въ случаѣ примѣненiя къ нему ареста, не можетъ быть заключенъ болѣе какъ на семь дней.

Одинъ и тотъ же крестьянинъ, если онъ украдетъ 29 рублей у сосѣда крестьянина, — подлежитъ разбору волостнаго суда, если же украдетъ 50 копѣекъ у живущаго въ той же деревнѣ мѣщанина, подлежитъ суду мироваго судьи. Въ первомъ случаѣ, какъ мы уже показали, онъ можетъ быть посаженъ подъ арестъ лишь до семи дней, въ послѣднемъ долженъ просидѣть въ тюрьмѣ не менѣе полугода.

Крестьянинъ, укравшiй въ селѣ у крестьянина же 29 р., судится въ волостномъ судѣ; но если онъ у того-же лица украдетъ 50 копѣекъ, прiѣхавши вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, онъ уже подлежитъ суду мироваго судьи, т. е. опять таки семидневный арестъ сопоставляется съ полугодовымъ заключенiемъ въ тюрьмѣ.

Ненормальность такого порядка вещей очевидна.

Въ отношенiи наказанiй за уголовные проступки, Положенiе 19 февраля не опредѣляетъ никакихъ градацiй. Обѣщанный «общiй сельскiй судебный уставъ» не изданъ до настоящаго времени, а «уставъ о благоустройствѣ въ казенныхъ селенiяхъ» весьма мало примѣнимъ и вовсе не извѣстенъ крестьянамъ. Отсюда обычнымъ наказанiемъ являются постоянно розги. Наказанiе это было оставлено въ проэктѣ редакцiонныхъ коммисiй впредь до общей отмѣны тѣлесныхъ наказанiй. Вскорѣ наказанiя эти были отмѣнены, но на волостные суды эта отмѣна не распространена.

Что касается гражданскихъ дѣлъ, то здѣсь встрѣчается полное отсутствiе какихъ бы то ни было указанiй на соблюденiе самыхъ необходимыхъ правилъ судопроизводства, т. е. вызова сторонъ, постановленiя заочныхъ рѣшенiй, и т. п. Поэтому отвѣтчикъ можетъ легко уклониться отъ суда, а судъ не можетъ постановить заочнаго рѣшенiя. Кромѣ того, волостной судъ не имѣетъ никакихъ средствъ слѣдить за исполненiемъ своего рѣшенiя. Такимъ образомъ исполненiе это зависитъ отъ старосты и старшины, на которыхъ крестьяне очень

часто боятся приносить жалобы, особенно если эти лица находятся подъ покровительствомъ мироваго посредника. Результатомъ этого порядка вещей является то, что крестьяне большею частью избѣгаютъ обращаться съ исками по письменнымъ документамъ въ волостные суды. Чтобы обойти законъ, они объявляютъ намѣренно цѣну иска выше ста рублей, хоть имѣютъ документъ на десять, и такимъ образомъ вынуждаютъ иногда мировыхъ судей дѣлать постановленія по дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію волостныхъ судовъ. Если же это оказывается невозможно, то они продаютъ свои иски, съ значительною уступкою, лицамъ другихъ состояній.

Кромѣ того, раздаются жалобы на равнодушіе и даже недобросовѣстность самихъ судей. Назначать судьямъ жалованье крестьянскія общества обыкновенно не могутъ по неимѣнію къ тому средствъ. Поэтому обязанность судьи часто возлагаютъ въ видѣ наказанія на недоимщиковъ. При такихъ условіяхъ судьи, обязанные приходить въ праздничный день за десять или пятнадцать верстъ, нерѣдко относятся къ дѣламъ совершенно равнодушно, подчиняясь мнѣнію писаря, а иногда, особенно въ дѣлахъ объ обидахъ, требуютъ съ виновныхъ угощенія.

Наконецъ, волостные суды почти повсемѣстно находятся подъ вліяніемъ волостныхъ старшинъ, мировыхъ посредниковъ и даже полицейскихъ властей. Хотя Положеніе 19 февраля старалось устранить это явленіе, но благодаря зависимости каждаго крестьянина отъ волостнаго старшины, а этого послѣдняго отъ мироваго посредника— зависимости, которая, какъ мы уже говорили, установлена вопреки проэкту редакціонныхъ коммисій — волостной судъ при разборѣ дѣлъ о проступкахъ крестьянъ находится часто въ полномъ подчиненіи у названныхъ лицъ. Особенно это замѣтно въ отношеніи наказаній за неплатежъ податей. Волостной судъ является здѣсь простымъ орудіемъ волостного старшины, посредника и исправника, которые прямо назначаютъ, кого слѣдуетъ сѣчь. Не послушаться ихъ судьи не могутъ потому, что ихъ собственная судьба зависитъ отъ тѣхъ же лицъ. Вслѣдствіе этого, возмутительныя сцены сѣченія за неплатежъ податей сдѣлались обыкновеннымъ явленіемъ, и въ печати нерѣдко разсказываются подробно подвиги того или другого посредника или исправника, которые ѣздятъ по волостямъ съ обычнымъ крикомъ «пори въ мою голову». Что эти разсказы не преувеличены, доказа-

тельствомъ служитъ уже то, что они остаются безъ опроверженія, не смотря на указаніе мѣстностей и фамилій.

VI.

Указанные недостатки волостныхъ судовъ, конечно, должны были вызвать жалобы и порицанія, и дѣйствительно вызвали ихъ. Порицанія эти раздаются и въ печати, и въ земскихъ собраніяхъ, и въ административныхъ сферахъ. При этомъ противники волостныхъ судовъ не довольствуются требованіемъ исправленія замѣченныхъ ими недостатковъ; они желаютъ совершенной отмѣны крестьянскаго суда или, что одно и тоже, подчиненія его, въ апеляціонномъ порядкѣ, мировымъ судьямъ. Въ этомъ смыслѣ сдѣлано нѣсколько заявленій въ печати и состоялось нѣсколько земскихъ ходатайствъ. Затѣмъ высказывались также мнѣнія, что волостной судъ долженъ быть всесословный; но что слѣдуетъ разумѣть подъ такимъ низшимъ всесословнымъ судомъ, этого высказано не было.

Въ виду этихъ мнѣній, пріобрѣвшихъ, кажется, гражданство въ большинствѣ нашего общества, мы должны прежде всего разсмотрѣть, какое значеніе имѣютъ наши волостные суды и возможна ли ихъ замѣна какими бы то ни было общими судами.

Если мы будемъ видѣть въ волостномъ судѣ только судъ дешевый и удобный по своей близости, то, конечно, должны будемъ склониться къ тому мнѣнію, что дешевизна и удобство не могутъ выкупать недостатковъ, сопряженныхъ съ необходимостью организовать составъ этихъ судовъ изъ людей неразвитыхъ и нетолько незнакомыхъ съ юридическими началами, но и не имѣющихъ возможности съ ними познакомиться. Въ такомъ случаѣ необходимость совершеннаго уничтоженія волостныхъ судовъ будетъ очевидна. Къ тому же результату мы должны будемъ придти, если признаемъ за волостными судами только значеніе сословной привилегіи. Не будучи вообще сторонниками сословныхъ привиллегій и сословнаго разобщенія, мы особенно не желали бы допустить ихъ въ дѣлѣ суда, и конечно охотно высказали бы убѣжденіе въ необходимости замѣны крестьянскихъ судовъ судомъ всесословнымъ.

Но значеніе волостныхъ судовъ заключается вовсе не въ ихъ сословности и не въ ихъ дешевизнѣ и удобствѣ. Суды эти существуютъ

благодаря особымъ условіямъ экономическаго быта крестьянъ, порождающимъ особыя юридическія отношенія, которыя не предусмотрѣны и не могутъ быть предусмотрѣны въ нашемъ гражданскомъ кодексѣ.

При общинномъ землевладѣніи недвижимое имущество крестьянина составляетъ общественную собственность, а при участковомъ — семейную. Точно также семейную собственность составляетъ и большая часть движимаго имущества крестьянъ, т. е. рабочій скотъ, земледѣльческія орудія, и т. п. Самыя семейныя отношенія носятъ печать патріархальности, которая придаетъ особый характеръ нетолько имущественнымъ отношеніямъ членовъ семьи между собою, но и отношеніямъ ихъ къ постороннимъ лицамъ, живущимъ въ семьѣ. Этими основными началами опредѣляется большая часть имущественныхъ отношеній въ крестьянскомъ быту, а между тѣмъ въ общемъ законодательствѣ нормы для подобныхъ отношеній вовсе не установлены. Винить законодательство здѣсь нельзя, потому что воплощеніе этихъ совершенно своеобразныхъ началъ въ правильномъ гражданскомъ кодексѣ представляетъ непреодолимыя трудности. Юридическая наука и юридическая практика вырабатывались вѣками и въ основѣ ихъ положеній всегда стояла личная собственность и формальный договоръ. Чтобы выработать нормы для другого рода отношеній, нужно стать на совершенно другую точку зрѣнія и начать всю работу съизнова, а для этого нужны не годы и, пожалуй, не десятки лѣтъ.

Съ другой стороны, подчинить возникающія въ крестьянскомъ быту имущественныя отношенія общимъ юридическимъ нормамъ положительно невозможно. Если вы не признаете права отца семейства и *словесно* распорядитесь передъ смертью его имуществомъ, вы сдѣлаете величайшую несправедливость и оскорбите народное чувство; если вы раздѣлите имущество крестьянина между его наслѣдниками по закону, вы уничтожите его хозяйство и разорите всю семью. Въ подобныхъ случаяхъ приходится рѣшать вопросъ не о томъ, кто долженъ быть собственникомъ имущества, а кто долженъ быть хозяиномъ въ домѣ и распорядителемъ въ семьѣ. Такое установленіе правъ наслѣдства нельзя ввести ни въ какой кодексъ, такъ какъ оно опредѣляется иногда не степенью родства, не правомъ на родовое имущество (напримѣръ, дошедшее по матери одному изъ единокровныхъ братьевъ) и даже не лѣтами, а иногда личными качествами и пользованіемъ надѣломъ, предоставленіе котораго зависитъ уже не отъ суда, а отъ сельскаго общества. Тоже самое встрѣчается и при семейныхъ

раздѣлахъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣлится не наслѣдство, а общее имущество. Основаніемъ раздѣла служитъ не поколѣнное представительство, а число душъ, отходящихъ къ каждому изъ раздѣлившихся, и число податей, причитающихся на эти души. Эти расчеты усложняются иногда счетами по воспитанію малолѣтнихъ, по отбыванію рекрутской повинности, по обработкѣ поземельнаго надѣла и т. п. Обработка поземельнаго надѣла, сдача его въ аренду, соглашеніе относительно уплаты податей и т. п., точно также представляютъ свои особенности, измѣняющіяся по мѣстнымъ условіямъ и не имѣющія ничего сходнаго съ тѣми нормами договоровъ, которыя предусмотрѣны въ законѣ. Даже личный наемъ въ крестьянской семьѣ очень часто имѣетъ совершенно особый характеръ, такъ какъ наемникъ часто является чѣмъ-то среднимъ между батракомъ и пріемышемъ.

Примѣнить къ подобнымъ дѣламъ общій кодексъ положительно невозможно. Не говоря уже о вредѣ такого насильственнаго нарушенія сложившихся вѣками экономическихъ условій, въ общемъ кодексѣ нельзя будетъ подобрать достаточно опредѣленій даже для поверхностнаго разрѣшенія возникающихъ вопросовъ.

Отсюда-то и вытекаетъ необходимость установленія для подобныхъ дѣлъ особыхъ судовъ, рѣшенія которыхъ основывались бы не на формальномъ примѣненіи X тома Свода Законовъ, а на полномъ знаніи мѣстныхъ условій, правилъ и обычаевъ. Составители Положенія 19-го февраля очень хорошо поняли это и прямо указали на такое значеніе волостныхъ судовъ, исключивъ изъ ихъ юрисдикціи дѣла, вытекающія изъ такого поземельнаго имущества крестьянъ, которое не входитъ въ общину и предоставивъ судамъ рѣшать иски и тяжбы «на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту». Руководствуясь этою необходимостью, редакціонныя коммиссіи и настаивали на организаціи волостныхъ судовъ изъ лицъ крестьянскаго сословія, такъ какъ обычаи и правила крестьянскаго быта извѣстны вполнѣ однимъ крестьянамъ.

Несмотря на всѣ недостатки крестьянскихъ судовъ, мы и теперь скажемъ, что суды эти, конечно, съ соотвѣтственными измѣненіями въ ихъ организаціи, положительно необходимы для тѣхъ дѣлъ, на которыя мы только что указали. Мы даже думаемъ, что эти дѣла должны подлежать ихъ рѣшенію независимо отъ цѣны иска, или покрайней мѣрѣ цѣна эта должна быть возвышена до того размѣра, какой предполагали установить редакціонныя коммиссіи, т. е. до 300

рублей. При этомъ условіи почти всѣ тяжбы и иски, вытекающіе изъ особенныхъ условій крестьянскаго быта, разрѣшались бы на основаніи обычаевъ. Исключеніе составили бы тѣ случаи, гдѣ въ имущество войдутъ денежные капиталы, цѣнныя зданія и т. п., и гдѣ слѣдовательно самое свойство имуществъ обусловливаетъ общія юридическія отношенія.

Суды, которые должны брдутъ разрѣшать споры и иски на основаніи обычнаго права, необходимо будутъ крестьянскіе, т. е. будутъ существовать для однихъ крестьянъ и для тѣхъ лицъ, которые захотятъ къ нимъ обратиться въ случаѣ споровъ съ крестьянами, какъ это установлено и относительно теперешнихъ волостныхъ судовъ. Никакого общесословнаго обычнаго суда быть не можетъ, потому что рѣшать на основаніи обычаевъ дѣла лицъ, воспитавшихся на началахъ формальнаго права, также невозможно, какъ невозможно подчинять общимъ нормамъ закона дѣла, возникающія изъ особыхъ условій крестьянскаго быта. Семьѣ личнаго собственника точно также чуждо установленіе наслѣдства по обычаямъ крестьянъ, какъ семьѣ крестьянина — раздѣлъ по правиламъ, установленнымъ X томомъ Свода Законовъ.

Слить тѣ и другіе суды, т. е. суды общіе и обычные, въ одномъ учрежденіи, напримѣръ въ судебно мировомъ институтѣ, точно также невозможно. Вопервыхъ, это значитъ заставить одного и того же человѣка рѣшать одни дѣла однимъ способомъ, а другія другимъ, что очень неудобно; а вовторыхъ, тогда можно будетъ допускать въ мировые судьи только людей, знающихъ крестьянскіе обычаи, а это знаніе нельзя ни провѣрить экзаменомъ, ни доказать дипломомъ. Единственнымъ доказательствомъ такого знанія могъ бы быть выборъ мировыхъ судей самими крестьянами. Но поставить этотъ выборъ въ зависимость отъ лицъ одного сословія было бы несправедливо, а рисковать назначеніемъ лицъ, незнакомыхъ съ мѣстными обычаями, значитъ рисковать самымъ существованіемъ суда, ибо безъ знанія этихъ обычаевъ существованіе крестьянскаго суда немыслимо. При-этомъ слѣдуетъ замѣтить, что знаніе народныхъ обычаевъ далеко не такая легкая вещь, какъ это кажется; до настоящаго времени оно не было вполнѣ доступно даже людямъ, которые нарочно изслѣдовали ихъ. Для того, чтобы усвоить себѣ всѣ стороны крестьянскаго быта, нужно нетолько жить близко отъ крестьянъ, но и имѣть съ ними общіе интересы. Этимъ условіямъ иногда могутъ еще,

пожалуй, удовлетворить сельскій учитель, священникъ, въ послѣднее время волостной писарь и даже мировой посредникъ, если онъ пробылъ въ должности много лѣтъ и вникалъ въ дѣла; но никакъ не всякій помѣщикъ, имѣющій положенное количество десятинъ земли и дипломъ изъ кадетскаго корпуса.

Настаивая такимъ образомъ на необходимости особыхъ обычныхъ судовъ для разрѣшенія большей части гражданскихъ дѣлъ, возникающихъ между крестьянами, мы при этомъ вовсе не признаемъ необходимости сохранить за этими судами всю ту юрисдикцію, какая установлена Положеніемъ 19 февраля для судовъ волостныхъ. Положеніе 19 февраля не дѣлаетъ никакого различія между дѣлами, для разрѣшенія которыхъ необходимо знаніе мѣстныхъ обычаевъ, каковы, напримѣръ, крестьянскіе раздѣлы, и дѣлами, имѣющими общее значеніе, каковы дѣла о займахъ, обезпеченныхъ письменными документами. Кромѣ того, Положеніе относитъ, какъ мы уже видѣли, къ юрисдикціи волостныхъ судовъ и нѣкоторыя уголовныя дѣла, гдѣ рѣшеніе по обычаю никоимъ образомъ не должно имѣть мѣста. Это было сдѣлано очевидно въ виду удобства и дешевизны волостныхъ судовъ, особенно сравнительно съ тѣми общими судами, которые существовали до введенія судебно-мироваго института и которые при дороговизнѣ дѣлопроизводства не отличались и правильностью рѣшеній. Въ настоящее время эти неудобства устранены. Мировой судъ представляетъ теперь достаточную гарантію скораго и правильнаго рѣшенія дѣлъ, имѣющихъ общій характеръ и не требующихъ спеціальнаго знанія бытовыхъ условій; а практика показала, что именно въ этихъ-то дѣлахъ рѣшенія волостныхъ судовъ всего менѣе удовлетворяютъ требованіямъ справедливости. По отзывамъ людей безпристрастныхъ, волостные суды, разсматривая дѣла по семейнымъ раздѣламъ, дѣлежу наслѣдства или по спорамъ, вытекающимъ изъ владѣнія поземельнымъ надѣломъ, постановляютъ рѣшенія, съ крестьянской точки зрѣнія совершенно правильныя и по крайней мѣрѣ не возбуждающія жалобъ; напротивъ, по дѣламъ уголовнымъ и особенно по дѣламъ объ обидахъ, ихъ рѣшенія большею частію крайне безобразны. Въ подобныхъ дѣлахъ волостные судьи видятъ не проступки, подлежащіе обсужденію и наказанію, а поводы къ мировой, сопровождаемой угощеніемъ, т. е. водкой, которую тутъ же распиваютъ и обидчикъ, и обиженный, и судья. Именно этого-то рода дѣла, которыя было бы весьма легко изъять изъ юрисдикціи волостныхъ судовъ, и составили

этимъ судамъ ту печальную репутацію, какой они пользуются. О дѣлахъ, имѣющихъ чисто уголовный характеръ, каковы кражи, нечего и говорить. Мы уже указали выше, что предоставленіе этого рода дѣлъ рѣшенію волостныхъ судовъ представляетъ аномалію, которую давно пора уничтожить.

Вообще мы полагаемъ, что изъ уголовныхъ дѣлъ вѣдѣнію крестьянскихъ судовъ могли бы подлежать только жалобы сельскихъ должностныхъ лицъ на крестьянъ за проступки противъ благочинія и жалобы крестьянъ на дѣйствія сельскихъ должностныхъ лицъ. Приэтомъ правила для опредѣленія наказаній должны быть опредѣлены точнѣе, а тѣлесныя наказанія вовсе уничтожены. Что касается дѣлъ объ обидахъ, то они могутъ быть предоставлены волостнымъ судамъ по желанію истцовъ только въ случаѣ гражданскихъ исковъ. Точно также отъ желанія истцовъ должна зависѣть и подсудность дѣлъ по обыкновеннымъ займамъ. Предоставить эти дѣла вѣдѣнію общихъ судовъ невозможно вслѣдствіе непримѣнимости къ крестьянскимъ сдѣлкамъ общихъ правилъ о доказательствахъ. Всѣмъ извѣстно, что письменныхъ обязательствъ по займамъ, которые одни имѣютъ силу въ общихъ судахъ, въ крестьянскомъ быту вовсе не существуетъ. И заемъ и уплата долга гарантируются здѣсь большею частію свидѣтелями, а между тѣмъ мировой судья принужденъ будетъ отказывать по такимъ искамъ, какъ «бездоказательнымъ».

Съ другой стороны, правила судопроизводства въ волостныхъ судахъ должны быть опредѣлены точнѣе. Мы уже указали выше, что волостные суды не имѣютъ никакого устава, что для нихъ не установлено даже такихъ общихъ правилъ, какъ право привода и право постановки заочнаго рѣшенія. Кромѣ того, въ волостныхъ судахъ не существуетъ правилъ для отвода судей сторонами, вслѣдствіе чего въ одной губерніи возникъ вопросъ, можетъ ли съѣздъ мировыхъ посредниковъ отмѣнить такое рѣшеніе суда, которое состоялось при участіи лица, прямо заинтересованнаго въ дѣлѣ. Всѣ эти неудобства весьма легко устранить, а ихъ устраненіе несомнѣнно будетъ имѣть самое благопріятное вліяніе на рѣшенія крестьянскихъ судовъ.

Безапелляціонность рѣшеній теперешнихъ волостныхъ судовъ также имѣетъ значительныя неудобства и возбуждаетъ неудовольствіе крестьянъ, которые видятъ, что на мирового судью можно жаловаться съѣзду и сенату, а на волостной судъ, какъ бы ни было несправедливо его рѣшеніе, жаловаться некуда. Поэтому было бы

полезно установить двѣ инстанціи обычныхъ судовъ, но конечно на такихъ основаніяхъ, чтобы суды эти не стоили дорого и имѣли удобства близости.

Наконецъ, самый составъ суда долженъ быть по-возможности организованъ изъ людей болѣе надежныхъ и развитыхъ. Для этой цѣли слѣдовало бы установить для судей нѣкоторыя льготы и дозволить крестьянамъ избирать въ эти должности всѣхъ тѣхъ лицъ, которыхъ они захотятъ избрать. До нѣкоторой степени въ дѣйствіяхъ этихъ судовъ могли бы принимать участіе и мировые судьи, но только въ качествѣ руководителей, а никакъ не въ качествѣ инстанціи.

При обсужденіи вопроса о крестьянскихъ судахъ была, между прочимъ, высказана мысль, что суды эти должны быть сельскіе; но редакціонныя коммисіи отклонили эту мысль, такъ какъ слишкомъ тѣсная близость и общность интересовъ между судьями и тяжущимися могла бы повести къ злоупотребленіямъ. При существованіи одной инстанціи для крестьянскихъ судовъ, это безусловно справедливо. Но мы думаемъ, что въ удержаніи этого порядка нѣтъ никакой необходимости. Безапелляціонность чьихъ бы то ни было рѣшеній всегда возбуждаетъ недовольство и, какъ мы уже замѣтили, въ средѣ крестьянъ недовольство безапелляціонными рѣшеніями волостныхъ судовъ увеличивается еще болѣе при сравненіи съ организаціей суда мирового, на рѣшенія котораго можно жаловаться даже Сенату. По-этому мы склоняемся къ той мысли, что необходимо и въ обычныхъ судахъ учредить двѣ инстанціи. Первая должна существовать въ каждомъ сельскомъ обществѣ. Судьи должны выбираться на сельскомъ сходѣ съ условіемъ, чтобы хоть одинъ или два были грамотные. При-этомъ мы считали-бы не только вполнѣ возможнымъ, но и весьма полезнымъ предоставить сельскому сходу избирать въ судьи мѣстныхъ обывателей безъ различія сословій, конечно съ согласія этихъ лицъ. Такъ какъ крестьяне избрали бы только лицъ хорошо имъ извѣстныхъ и живущихъ вмѣстѣ съ ними, то рѣшенія судовъ отъ этого не пострадали бы, а только выиграли. Примѣръ подобнаго избранія лицъ изъ другихъ сословій уже допущенъ при земскихъ выборахъ, гдѣ крестьяне имѣютъ право избирать въ гласные помѣщиковъ и священниковъ. Сельскіе суды могли бы вѣдать всѣ дѣла, требующія примѣненія обычнаго права и дѣла по личнымъ займамъ; послѣднія по желанію истца. Это впрочемъ

необходимо только до тѣхъ поръ, пока въ нашемъ гражданскомъ судопроизводствѣ будетъ существовать требованіе письменныхъ документовъ для доказательства сдѣлокъ между крестьянами, требованіе, совершенно несовмѣстное съ условіями крестьянскаго быта. Уголовныя дѣла, по нашему мнѣнію, должны быть совершенно изъяты изъ вѣдѣнія сельскихъ судовъ, такъ что даже иски объ обидахъ должны имѣть здѣсь мѣсто только въ томъ случаѣ, когда они будутъ имѣть гражданскій характеръ. Особыхъ формъ дѣлопроизводства для этихъ судовъ установлять, конечно, нечего. Единственнымъ условіемъ должно быть присутствіе обѣихъ сторонъ, для чего суду должно быть дано право привода, и постановленіе, по требованію сторонъ, письменнаго рѣшенія съ выдачею копій.

Высшая инстанція могла бы имѣть характеръ съѣзда очередныхъ изъ сельскихъ судей, подъ предсѣдательствомъ мирового судьи. Такихъ съѣздовъ могло бы быть нѣсколько въ каждомъ мировомъ участкѣ. Рѣдкость засѣданій теперешнихъ волостныхъ судовъ (иногда въ двѣ недѣли разъ) даетъ право предполагать, что при уменьшеніи круга дѣлъ, участковые съѣзды судей не должны будутъ собираться слишкомъ часто и слѣдовательно обязанность предсѣдательствованія не утомитъ мирового судью, хотя бы для этого ему и пришлось иногда проѣхать за 20 верстъ отъ своего мѣста жительства. При этомъ нельзя не замѣтить, что выѣзды въ отдаленные пункты участка въ заранѣе опредѣленное время, поставленные въ обязанность мировыхъ посредниковъ, необходимо ввести и въ кругъ обязанностей мировыхъ судей, такъ какъ безъ этого мировой судъ для отдаленныхъ отъ мѣстопребыванія судьи пунктовъ фактически не существуетъ.

Съѣздамъ сельскихъ судей должны подлежать въ качествѣ второй инстанціи всѣ дѣла, требующія примѣненія обычнаго права, и дѣла по наймамъ. Кромѣ того, тѣже съѣзды, уже въ качествѣ первой инстанціи, могли бы разсматривать жалобы сельскихъ начальствъ на крестьянъ за ослушаніе, нарушеніе благочинія и т. п., а также жалобы крестьянъ на неправильныя дѣйствія сельскихъ начальствъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мировой судья долженъ быть руководителемъ и слѣдить за исполненіемъ формъ судопроизводства; но самое рѣшеніе дѣлъ должно принадлежать сельскимъ судьямъ, которые должны постановлять рѣшеніе въ качествѣ присяжныхъ. Для этой инстанціи должны быть опредѣлены болѣе точныя правила судопроизводства и изданъ кодексъ для опредѣленія наказаній, при чемъ

наказанія тѣлесныя должны быть положительно устранены. За тѣмъ, въ кассаціонной инстанціи, въ строгомъ смыслѣ слова, нѣтъ надобности; но въ такихъ случаяхъ, какъ принятіе къ разбирательству не-подлежащаго дѣла, опредѣленіе неуказаннаго въ уставѣ наказанія, участіе въ сужденіи близкихъ родственниковъ тяжущихся и т. п., можно бы было допустить отмѣну рѣшеній обычныхъ судовъ съѣздомъ мировыхъ судей.

Мы думаемъ, что такимъ путемъ можно было бы соединить примѣненіе обычнаго права съ условіями справедливаго суда, и при томъ безъ большихъ денежныхъ пожертвованій со стороны крестьянъ. Предсѣдательство мирового судьи въ съѣздахъ имѣло бы ту выгоду, что пріучило бы сельскихъ судей къ порядку и законности въ разборѣ жалобъ и они могли бы съ теченіемъ времени перенести эти качества въ сельскіе суды. Съ другой стороны, разсмотрѣніе въ подобныхъ судахъ жалобъ на сельское начальство поставило бы сельскихъ старостъ подъ контроль обществъ и уничтожило бы ту личную зависимость отъ мировыхъ посредниковъ, которая теперь служитъ главнымъ источникомъ злоупотребленій. Такимъ путемъ вопросъ о надзорѣ за сельскимъ управленіемъ разрѣшился бы просто и въ сохраненіи обязанности мирового посредника не было бы надобности.

Что касается чисто уголовныхъ дѣлъ и наказаній за неплатежъ податей, то мы уже сказали, что не считаемъ возможнымъ оставить ихъ въ вѣдѣніи крестьянскихъ судовъ. Надѣемся, что читатели согласятся съ нашимъ взглядомъ, особенно если они вспомнятъ, какъ дешево можно отдѣлаться въ волостномъ судѣ за кражу, такъ какъ тамъ часто вора мирятъ съ обокраденнымъ, и какъ дорого приходится платиться за недоимки, такъ какъ волостные суды, исполняя приказанія начальства, запарываютъ иногда людей до смерти. По крайней мѣрѣ подобный случай былъ недавно въ Кіевской губерніи и объ этомъ напечатано во всѣхъ газетахъ (см. № 56 Спб. Вѣд.)

Точно также мы не считаемъ возможнымъ оставить въ вѣдѣніи волостныхъ судовъ и разсмотрѣніе просьбъ объ оставленіи на мѣстѣ жительства женъ крестьянъ, высылаемыхъ въ Сибирь вслѣдствіе исключенія изъ обществъ. Въ началѣ нынѣшняго года подобныя дѣла, возникающія въ мѣщанскомъ сословіи, переданы въ мировые съѣзды; дѣла же, касающіяся крестьянъ, по прежнему оставлены въ волостныхъ судахъ. Мы думаемъ, что эти дѣла должны быть изъяты изъ вѣдѣнія не только волостныхъ, но и всякихъ судовъ. Хорошо или

дурно дѣлаетъ законодательство, что оно высылаетъ въ Сибирь людей, исключаемыхъ изъ общества, это вопросъ, подробное разсмотрѣніе котораго здѣсь было бы неумѣстно. Мы думаемъ, что такая административная высылка не можетъ быть оправдана необходимостью устранять людей, которыхъ общество признало вредными, что этимъ лицамъ слѣдовало бы дать возможность устроиться другимъ путемъ, тѣмъ болѣе, что исключеніе изъ обществъ очень часто бываетъ слѣдствіемъ ссоры съ вліятельными лицами, а еще чаще слѣдствіемъ настояній со стороны начальства, имѣющаго иногда личные счеты. Но какъ бы то ни было, если уже правительство считаетъ людей, исключенныхъ изъ обществъ, такими преступниками, что имъ нигдѣ нѣтъ мѣста, кромѣ Сибири, то нѣтъ основанія отправлять съ ними ни въ чемъ неповинныхъ женъ и дѣтей; а между тѣмъ, по приложенію къ 103-й статьѣ 1-й части X тома (по прод. 1863 г.) жены лицъ, переселяемыхъ по приговорамъ обществъ, должны идти съ мужьями, если онѣ не одержимы тяжкою болѣзнію. Освободить ихъ можетъ только судъ, при условіи жестокаго обращенія мужа или развратнаго его поведенія. Такъ какъ представить фактическія доказательства въ подобныхъ случаяхъ большею частію невозможно, то законодательство какъ бы предполагаетъ, что суды будутъ признавать наличность сказанныхъ условій безъ особыхъ изслѣдованій, тѣмъ болѣе, что признаніе ихъ не ведетъ къ наказанію, указанному въ уложеніи, и не можетъ служить основаніемъ къ разводу. Намъ кажется, что при такой постановкѣ вопроса было бы лучше передать подобныя дѣла, относительно лицъ всѣхъ сословій, въ мировой съѣздъ, который лучше можетъ понять цѣль законодательства; но еще лучше было бы, конечно, вовсе освободить женъ высылаемыхъ отъ обязанности слѣдовать за мужьями, какъ онѣ освобождены въ случаяхъ высылки мужей на житье въ Сибирь по приговорамъ суда, хотя это наказаніе, какъ извѣстно, также не сопровождается потерею семейственныхъ правъ.

Кончая съ вопросомъ о волостныхъ судахъ, мы должны присовокупить, что въ нынѣшнемъ году объявлено Высочайшее повелѣніе о назначеніи для изслѣдованія этого вопроса особой коммисіи. Коммисіи этой предоставлено: «изслѣдовать положеніе волостныхъ судовъ въ различныхъ, гдѣ она признаетъ нужнымъ и полезнымъ, мѣстностяхъ имперіи, истребовать по возникающимъ при исполненіи ея работъ вопросамъ отзывы лицъ, входящихъ въ составъ волостныхъ судовъ, а

также мнѣнія другихъ лицъ, которыя коммисія признаетъ для себя полезными, и разсматривать подлинныя производства какъ волостныхъ судовъ, такъ и съѣздовъ мировыхъ посредниковъ и судей—послѣднихъ по дѣламъ, имѣющимъ какое либо отношеніе къ разсматриваемому вопросу». Предсѣдательство этою коммисіею возложено на сенатора Любощинскаго, бывшаго членомъ редакціонныхъ коммисій и, слѣдовательно, вполнѣ знакомаго съ законодательными вопросами по крестьянскому дѣлу.

Коммисія, учрежденная на такихъ основаніяхъ, имѣетъ, конечно, полную возможность познакомиться съ дѣломъ основательно и собрать всѣ данныя для его разрѣшенія. Но ея дѣйствія затруднены тѣмъ, что она должна принимать за исходную точку нынѣшнее устройство крестьянскаго управленія, которое, какъ мы уже показали, само нуждается въ радикальномъ преобразованіи. Было бы, конечно, гораздо цѣлесообразнѣе поручить однимъ и тѣмъ же людямъ разработку вопроса о преобразованіи волостныхъ судовъ и составленіе проекта реорганизаціи крестьянскаго управленія. Иначе придется пріурочивать крестьянскіе суды къ нынѣшней волости, которая составляетъ совершенно ненужную искусственную единицу.

VII.

Правила для устройства экономическаго быта крестьянъ установлены, какъ извѣстно, отдѣльно для мѣстностей, имѣющихъ особый характеръ: Такимъ образомъ существуютъ «мѣстное положеніе для губерній великороссійскихъ, малороссійскихъ и бѣлорусскихъ», далѣе особыя положенія для губерній малорусскихъ (Черниговской, Полтавской и части Харьковской), юго-западныхъ, сѣверо-западныхъ, для земли войска донскаго, Бессарабской области, Сибири и наконецъ особыя правила для крестьянъ горнозаводскихъ. Желая очертить только общій характеръ крестьянской реформы и ея послѣдствій, мы не будемъ останавливаться на частныхъ правилахъ для отдѣльныхъ мѣстностей и ограничимся только самыми общими чертами, проведенными въ Положеніи великорусскомъ и малорусскомъ. Губерній сѣверо-западнаго и юго-западнаго края мы не будемъ касаться потому, что положеніе, установленное для нихъ 19 февраля 1861 года, впослѣдствіи совершенно измѣнено въ виду политиче-

скихъ событій; остальныя же мѣстности оставимъ въ сторонѣ, какъ совершенно исключительныя.

Точно также мы опустимъ всѣ несущественныя подробности въ устройствѣ экономическихъ отношеній крестьянъ и разсмотримъ только главныя его основанія, именно: опредѣленіе поземельнаго надѣла, условія его отвода и пользованія имъ крестьянъ, опредѣленіе повинностей помѣщику и способы ихъ взысканія.

Выше мы уже указали, какъ недоброжелательно встрѣчена была дворянскими комитетами мысль о надѣлѣ крестьянъ землею, какъ старались они обойти это требованіе и доказать, что рескрипты обязываютъ надѣломъ крестьянъ только на извѣстное число лѣтъ, т. е. на время срочно-обязательнаго періода. Это мнѣніе высказывали и члены комитетовъ, вызванные для совѣщанія по предположеніямъ редакціонныхъ коммисій. Кромѣ того, какъ комитеты, такъ и ихъ представители, старались по возможности уменьшить размѣръ надѣловъ, особенно въ мѣстностяхъ хлѣбородныхъ, гдѣ земля представляетъ значительную цѣнность. Относительно самаго способа опредѣленія надѣла, заключенія комитетовъ можно раздѣлить на двѣ категоріи. Въ большей части черноземныхъ губерній комитеты предполагали установить опредѣленный надѣлъ, въ весьма впрочемъ небольшомъ размѣрѣ; такъ, въ тамбовской губерніи предложено было дать отъ 1 до $1^1/_2$ десятины на душу, въ курской—отъ 1 до 2 десят. *). и т. п. Другіе комитеты соглашались оставить существующій надѣлъ, но весьма сильно ограничивали его. Во всякомъ случаѣ и тѣ и другіе уменьшали болѣе или менѣе настоящій размѣръ крестьянскихъ земель. Уменьшеніе это менѣе замѣтно въ нечерноземныхъ губерніяхъ (хотя и здѣсь московскій комитетъ опредѣлилъ надѣлъ отъ $1^1/_2$ до 4 десятинъ *на тягло*); въ мѣстахъ же хлѣбородныхъ комитеты предлагали весьма небольшіе надѣлы. При этомъ нѣкоторые комитеты установили нормы, не объясняя, соотвѣтствуютъ-ли онѣ характеру мѣстности; такъ напримѣръ, астраханскій комитетъ перенесъ въ свою губернію нормы, установленныя петербургскимъ комитетомъ. Вообще нормы, установленныя комитетами, были выраженіемъ большей или меньшей добросовѣстности, а никакъ не результатомъ фактическаго опредѣленія того количества земли, которое нахо-

*) По Положенію, высшій размѣръ надѣла въ тамбовской губерніи принятъ въ 3 десятины, въ курской—въ 2 десятины 2800 саженъ. Редакціонныя коммисіи предполагали установить его нѣсколько выше.

дилось въ то время въ пользованіи крестьянъ. Отъ этого не только въ однородныхъ мѣстностяхъ, но даже въ одной и той же рекомендовался нормальный надѣлъ совершенно различный. Общій характеръ былъ только тотъ, что надѣлъ предполагался весьма небольшой, такъ что большинство начальниковъ губерній признавали его недостаточнымъ (Кр. дѣло, Т. II, ч. 1, стр. 7, 8, 12, 13).

Разсмотрѣвъ всѣ эти предположенія, коммисіи пришли къ заключенію, что «размѣръ крестьянскаго надѣла не можетъ быть опредѣленъ посредствомъ какой бы то ни было искуственной нормы, но что за крестьянскимъ сословіемъ должно быть по возможности сохранено право пользованія, за опредѣленныя повинности, тѣмъ же самымъ надѣломъ, которымъ существованіе его обезпечивалось до этихъ поръ, т. е. въ размѣрѣ, въ которомъ онъ находился въ 1859 году». Къ сожалѣнію, коммисіи, уступая требованіямъ комитетовъ, не остановились на этомъ въ высшей степени вѣрномъ принципѣ и допустили въ извѣстныхъ случаяхъ отрѣзку крестьянской земли, именно, когда земля эта превышаетъ высшую, установленную на основаніи собранныхъ данныхъ, норму, или когда она составляетъ болѣе двухъ третей всей помѣщичьей земли. Съ другой стороны, онѣ установили норму низшаго надѣла, менѣе котораго крестьянамъ не могло быть дано.

Предположенія коммисій вызвали со стороны представителей дворянства самыя яростныя нападки. Въ книгѣ г. Скребицкаго болѣе пятидесяти страницъ мелкой печати наполнены выдержками изъ отзывовъ этихъ представителей, и страницы эти представляютъ лучшую характеристику тогдашнихъ нравовъ помѣщичьяго сословія. Только двое изъ членовъ комитетовъ (Ланской и Гавриловъ) согласились съ предположеніями коммисій; затѣмъ около десяти человѣкъ (за исключеніемъ г. Унковскаго) предлагали различныя измѣненія въ виду охраненія помѣщичьихъ интересовъ; остальные же прямо нападали на принципъ достаточнаго надѣленія крестьянъ землею и требовали сколь возможнаго его уменьшенія. Аргументы приводились самые поразительные. Одни говорили, что большіе надѣлы неудобны для самихъ крестьянъ. Къ этому заключенію пришли господа Хрущевъ, Шретеръ, Марковичъ, Мелеховъ, Калиновскій, Иваненко и Ревеліотти. «Не объемъ земли, данный крестьянину, дѣлаетъ его богатымъ,—говорятъ гг. Хрущевъ и Шретеръ,—это можно доказать тысячами примѣровъ и тѣмъ неоспоримымъ фактомъ, что

чѣмъ имѣніе менѣе земельно, тѣмъ благосостояніе крестьянъ выше» (стр. 91). «Для крестьянъ вообще (съ небольшими исключеніями) назначеніе въ пользованіе земли въ слишкомъ большомъ размѣрѣ не полезно», объясняетъ г. Марковичъ. «Чрезмѣрный надѣлъ затруднилъ бы крестьянъ», замѣчаютъ гг. Мелеховъ и Калиновскій; а гг. Иваненко и Ревеліотти стали даже утверждать, что «существующій надѣлъ по величинѣ своей отнимаетъ у крестьянъ побужденіе къ усовершенствованіямъ». Другіе были откровеннѣе и просто указывали, что отводъ крестьянамъ существующаго надѣла будетъ, по ихъ мнѣнію, несправедливостью; такой отзывъ дали между прочимъ *тридцать четыре* члена втораго приглашенія, которые при этомъ присовокупили, что вообще недобровольный надѣлъ нуженъ «до тѣхъ только поръ, пока сохраняются взаимно обязательныя отношенія, которыя должны прекратиться по совершенной отмѣнѣ обоюдныхъ обязанностей» (стр. 109). Нѣкоторые объясняли, что достаточный надѣлъ лишитъ помѣщиковъ крестьянской работы. «Крестьянинъ, по полученіи отведеннаго ему участка, говоритъ г. Кишенскій, не будетъ болѣе имѣть надобности въ помѣщикѣ, отчего этотъ послѣдній лишится возможности къ обработыванію оставшейся у него во владѣніи земли» (стр. 91). Члены западныхъ губерній (Оскерко и Платеръ Зиберъ) пугали уже тогда правительство «нарушеніемъ общественнаго спокойствія» и объясняли, что «признаніе за крестьянами права потомственнаго пользованія землею въ витебской и минской губерніяхъ въ настоящее время невозможно безъ всеобщаго разстройства, разоренія и безпорядковъ».

Наконецъ, нѣкоторые изъ представителей комитетовъ, вѣроятно сознавая свое безсиліе бороться противъ доводовъ редакціонныхъ коммисій на почвѣ экономическихъ и юридическихъ началъ и воззрѣній, прямо переходили къ инсинуаціямъ. Этимъ способомъ съ особенною охотою дѣйствовали представители рязанскаго комитета г. *Офросимовъ* и кн. *Волконскій*, воронежскаго кн. *Гагаринъ* и симбирскаго г. *Шидловскій*. По мнѣнію г. Офросимова и кн. Волконскаго, «рескриптъ не уничтожалъ крѣпостнаго состоянія, а удерживалъ его на весь срочно-обязанный періодъ», поэтому отведеніе крестьянамъ надѣла есть «принужденіе помѣщиковъ къ пожертвованію, а слѣдовательно вымогательство» и «произвольное, ничѣмъ неоправдываемое посягательство на собственность помѣщиковъ» (стр. 84, 87, 88). Г. Гагаринъ объясняетъ, что редакціонныя коммисіи «основали

ной тревогѣ: много еще нужно будетъ хлопотъ и стараній, чтобы взволновать народъ»!..

Къ счастію, всѣ эти возгласы не имѣли парализующаго вліянія на дѣятельность коммисій, и онѣ остались при убѣжденіи въ необходимости сохранить за крестьянами въ большинствѣ мѣстностей существовавшій надѣлъ, ограничивъ его максимумъ и минимумъ. Съ этой цѣлію коммисіи опредѣлили высшій и низшій размѣръ надѣла для каждой мѣстности. Если количество крестьянской земли превышало высшій размѣръ, соотвѣтственная часть подлежала отрѣзкѣ, если же недоставало до низшаго, то помѣщикъ долженъ былъ прирѣзать недостающее количество изъ угодій, состоявшихъ въ его непосредственномъ пользованіи; это допускалось впрочемъ въ томъ только случаѣ, когда остававшаяся у помѣщика земля превышала $^1/_3$ всей усадебной земли. Оставить за собою $^1/_3$ всѣхъ усадебныхъ земель помѣщикъ имѣлъ право во всякомъ случаѣ, если только отходившее къ крестьянамъ количество земли не было менѣе низшаго размѣра надѣла. Высшій размѣръ надѣла по предположеніямъ коммисій назначался, *въ черноземной полосѣ*, отъ 2 дес. 800 саж. до 4 дес. во внутреннихъ губерніяхъ и отъ 4 дес. 600 саж. до 6 дес. въ губерніяхъ восточныхъ; *въ нечерноземной*: отъ 3 дес. 600 саж. до 6 дес. въ мѣстностяхъ среднихъ и въ 7 и 8 дес. въ сѣверныхъ; *въ губерніяхъ малороссійскихъ* отъ $2^3/_4$ до $4^1/_2$ дес.; надѣлъ составляетъ въ великороссійскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ *одну треть*, въ губерніяхъ малороссійскихъ *половину* высшаго. Исключеніе изъ этого способа опредѣленія крестьянскаго надѣла сдѣлано для степной полосы, гдѣ предполагалась установить указный надѣлъ, размѣръ котораго, смотря по мѣстностямъ, опредѣлялся отъ $6^1/_2$ до $12^1/_2$ дес. на душу.

Какъ извѣстно, этотъ порядокъ удержанъ и въ Положеніи 19 февраля, но съ тѣмъ важнымъ измѣненіемъ, что помѣщикъ освобожденъ отъ обязанности прирѣзывать крестьянамъ землю, въ случаѣ если ее недостаетъ до низшаго надѣла. Кромѣ того, размѣръ высшаго и указнаго надѣла въ большей части мѣстностей пониженъ. Сравнивая по уѣздамъ въ этомъ отношеніи нормы, предположенныя коммисіями съ тѣми, которыя вошли въ Положеніе, мы получили слѣдующіе результаты. Изъ 417 уѣздовъ и отдѣльныхъ мѣстностей уѣзда, по которымъ высшій или указный размѣръ надѣла былъ опредѣленъ особо, только *въ семи* этотъ размѣръ былъ *возвышенъ*, именно въ

четырехъ на $^{1}/_{2}$ десятины на душу и въ трехъ на $^{1}/_{4}$ десятины. Затѣмъ *въ ста-девяноста-четырехъ оставленъ прежній* и *въ двухстахъ-шестнадцати пониженъ*, а именно въ 46-ти на $^{1}/_{4}$ десят., въ сто семнадцати на $^{1}/_{2}$ дес., въ шести на 2 десят. и въ трехъ на $2^{1}/_{2}$ десят. Ниже мы увидимъ, что это уменьшеніе надѣла не повлекло за собою пониженія предположенныхъ редакціонными коммисіями повинностей.

Опредѣленіе высшаго и низшаго размѣра надѣла уже само по себѣ дало широкій просторъ дѣятельности мѣстныхъ учрежденій, а тѣ условія, съ которыми сопряженъ отводъ этого надѣла, положительно поставили крестьянъ въ большинствѣ случаевъ въ полную зависимость отъ лицъ, входившихъ въ составъ этихъ учрежденій. Такъ, по буквальному смыслу Положенія, въ крестьянскій надѣлъ могли входить только удобныя для воздѣлыванія земли, но опредѣленіе свойства земли въ каждомъ данномъ случаѣ зависѣло отъ мѣстныхъ учрежденій. При необходимости отрѣзки крестьянской земли (когда ея количество превышаетъ размѣръ высшаго надѣла) установлено правило, чтобы отрѣзка производилась прежде всего изъ неунавоженныхъ пашень, непоемныхъ луговъ, кустарныхъ зарослей и пр., чтобы отъ поемныхъ луговъ отрѣзывалась только часть, соразмѣрная общей долѣ подлежащихъ отрѣзкѣ угодій и т. п. Но очевидно, что практическое примѣненіе этого полезнаго правила было въ рукахъ мировыхъ учрежденій. Лѣса, за исключеніемъ немногихъ мѣстностей, гдѣ они не имѣютъ цѣнности, исключались изъ крестьянскаго надѣла, хотя бы крестьяне ими и владѣли; помѣщикъ не обязывался даже отпускать имъ лѣсъ на ихъ постройки; только топливо предписано отпускать въ теченіе девяти лѣтъ и то за опредѣленную плату и притомъ «ежели по состоянію лѣсныхъ дачъ и безъ разстройства лѣснаго хозяйства это окажется возможнымъ». Рѣшеніе вопроса и опредѣленіе платы опять зависѣло отъ мировыхъ учрежденій. При отводѣ надѣла, срокъ для котораго полагался два года, помѣщику дозволено замѣнять однѣ земли другими равноцѣнными, въ черноземной полосѣ дозволено даже замѣнять пашни покосами; тоже самое, и еще въ большемъ размѣрѣ, допускалось при разверстаніи угодій, котораго помѣщикъ могъ требовать въ теченіи шести лѣтъ послѣ отвода угодій. При этомъ разверстаніи помѣщикъ имѣлъ право даже требовать перенося крестьянскихъ усадебъ. Хотя это перенесеніе дѣлалось въ такомъ случаѣ на счетъ помѣщика, но кре-

стьяне обязаны были сами перевозить матеріалы и содѣйствовать постройкѣ; конечно, принятіе подобныхъ, въ высшей степени тяжкихъ для крестьянскаго хозяйства мѣръ, зависѣло весьма много отъ мировыхъ учрежденій. При перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, помѣщикъ могъ даже, вмѣсто заготовленія новыхъ строеній, дать крестьянамъ извѣстную сумму денегъ, и эта сумма, въ случаѣ спора крестьянъ, опредѣлялась опять-таки мировыми учрежденіями. Наконецъ, помѣщику предоставлено право *въ нѣкоторыхъ случаяхъ* требовать отъ крестьянъ «во всякое время» обмѣна «необходимыхъ ему участковъ земли (ими не выкупленныхъ) *для приведенія* въ исполненіе его хозяйственныхъ предпріятій». Статья 94-я великорусскаго положенія и 88-я малорусскаго указываютъ слѣдующіе случаи, при которыхъ допускается такая экспропріація крестьянскаго имущества:

1) Открытіе въ земляхъ крестьянскаго надѣла источниковъ минеральныхъ водъ и *цѣнныхъ ископаемыхъ, въ томъ числѣ и торфа*.

2) *Предполагаемое* помѣщикомъ устройство дѣйствующихъ водою: мельницы, фабрики или иного промышленнаго заведенія, когда *одинъ* или оба берега рѣки состоятъ въ пользованіи крестьянъ.

3) Неизбѣжность подтопа крестьянскихъ угодій вслѣдствіе устройства на господской землѣ дѣйствующихъ водою заведеній.

4) Необходимость провести *по крестьянскимъ угодьямъ* канавы для осушенія или орошенія господскихъ угодій для устройства дренажа или для употребленія воды, какъ движущей силы.

5) Необходимость провести *по крестьянскимъ угодьямъ* дорогу или прогонъ.

6) Предпринимаемое помѣщикомъ устройство *на крестьянскихъ угодьяхъ* пристани или *перевоза*.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что «*хозяйственныя предпріятія*», въ родѣ проведенія канавы или устройства перевоза, можно «предполагать» и «предпринимать» безъ большихъ затратъ во всякое время, слѣдовательно, помѣщикъ можетъ періодически отбирать у крестьянъ ихъ угодья, если только они ему нравятся. Въ случахъ, указанныхъ въ первыхъ трехъ пунктахъ приведенной статьи, у крестьянъ можно отобрать даже усадебную землю, состоящую въ подворномъ владѣніи. Но и здѣсь рѣшеніе дѣла зависитъ отъ мировыхъ учрежденій.

Всѣ эти правила вошли въ мѣстныя положенія согласно предположеніямъ редакціонныхъ коммисій; только въ вопросѣ о снабженіи крестьянъ топливомъ допущены значительныя измѣненія,

такъ какъ коммисіи предполагали установить обязательный отпускъ топлива въ большемъ районѣ. Не смотря на то, что правила эти въ значительной степени отдавали устройство крестьянскаго быта въ руки помѣщиковъ, представители дворянскихъ комитетовъ все-таки были ими недовольны. Одни не допускали отдачи крестьянамъ поемныхъ луговъ, другіе требовали, чтобы въ составъ крестьянскаго надѣла входили болота *), третьи (какъ члены тамбовскаго комитета, Стремоуховъ, Никифоровъ и Петрово-Соловово) желали допустить со стороны помѣщика совершенно произвольное распоряженіе крестьянскими землями въ томъ случаѣ, когда онѣ чрезполосны съ господскими, и совершенно безконтрольное замѣненіе ихъ по одному произволу владѣльца другими, хотя бы и худшими, или, говоря словами тамбовскихъ членовъ, «дозволить ему дѣлать, какъ лучше и выгоднѣе». Вообще только трое изъ представителей комитетовъ (Безобразовъ, Гавриловъ и Кошелевъ) указали на несправедливость постановленія, допускающаго разверстаніе угодій единственно по требованію помѣщика, не давая того же права крестьянамъ. Для всѣхъ остальныхъ всякое ограниченіе произвола помѣщика представлялось здѣсь нарушеніемъ его правъ, и князь Гагаринъ заявилъ даже о предложенныхъ коммисіями правилахъ, что они *«вводятъ административнымъ путемъ начала коммунизма»* (Крест. дѣло, Т. II, ч. I, стр. 397).

Такъ же недоброжелательно встрѣчены были и предложенія коммисій объ отпускѣ крестьянамъ топлива. Эти предложенія не раздѣлялись положительно никѣмъ. Даже членъ владимірскаго комитета, Гавриловъ, постоянно защищавшій справедливые интересы крестьянъ и нерѣдко шедшій далѣе редакціонныхъ коммисій **), въ этомъ вопросѣ выразилъ противоположное мнѣніе. Объ остальныхъ нечего и говорить; 34 члена второго приглашенія объявили, что одно предположеніе коммисіи уже заставило помѣщиковъ рубить свои лѣса и продавать ихъ. «Страна безвозвратно лишилась, говорится въ ихъ мнѣніи, огромныхъ капиталовъ, собиравшихся вѣковыми трудами и заботами. И все это произведено проэктомъ узаконенія, нарушающаго неприкосновенность собственности. Это дѣло уже сдѣлано и неисправимо. Да послу-

*) Это требованіе было заявлено въ новгородскомъ губернскомъ комитетѣ.

**) Онъ, между прочимъ, не признавалъ справедливымъ допускать обмѣнъ крестьянскихъ земель по требованію помѣщиковъ.

житъ оно намъ въ пользу, какъ предостереженіе на будущее время, и да спасетъ оно наше общество отъ всѣхъ коммунистическихъ увлеченій». Вообще пуганіе коммунизмомъ было въ большомъ ходу у гг. представителей дворянскихъ комитетовъ и одинъ изъ нихъ (членъ владимірскаго комитета, Паркачевъ) указалъ даже и того коммуниста, отъ котораго, яко бы, позаимствовались редакціонныя коммисіи; онъ завѣрилъ, что они увлекались «ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенною Европою».

Но если изступленіе, выказанное гг. представителями дворянскихъ комитетовъ при обсужденіи вопроса объ отпускѣ крестьянамъ топлива, можно до нѣкоторой степени объяснить сознаніемъ ихъ правъ на лѣсныя пространства, не входящія въ составъ крестьянскаго надѣла, то это объясненіе очень трудно приложить къ тѣмъ притязаніямъ, какія они предъявили относительно земель, отводимыхъ крестьянамъ. А между тѣмъ, эти притязанія были весьма существенны. Мы уже видѣли, что Положеніе даетъ помѣщику право обмѣна крестьянскихъ земель, если въ нихъ будутъ открыты цѣнныя ископаемыя. По требованію представителей комитетовъ, къ этимъ цѣннымъ ископаемымъ отнесенъ и торфъ; но это была только незначительная уступка ихъ требованіямъ, ибо они желали, чтобы къ нимъ были отнесены также песокъ, камень и глина. И это было мнѣніе огромнаго большинства. Очевидно, что при этомъ условіи можно было отобрать у крестьянъ во всякое время всякій участокъ земли, ибо гдѣ же нѣтъ камня, песку или глины! При этомъ большинство требовало, чтобы помѣщикъ при подобныхъ обмѣнахъ не былъ стѣсняемъ рѣшеніемъ мировыхъ учрежденій, т. е. чтобы эти учрежденія были подчинены его произволу. Мало этого, тридцать два члена втораго приглашенія *) требовали безусловнаго запрещенія для крестьянъ добывать для продажи глину, песокъ, камень и торфъ, даже на землѣ, отведенной имъ въ надѣлъ, хотя бы помѣщикъ и не желалъ ее вымѣнять. При этомъ члены комитетовъ объяснили, что нельзя дозволить крестьянамъ продавать то, что имъ не принадлежитъ, и что если доз-

---

*) Ихъ предложеніе такъ замѣчательно, что мы считаемъ не лишнимъ привести ихъ фамиліи; это именно гг. Миклашевскій, Скарятинъ, Всеволожскій, Дягилевъ, Ревеліотти, Ивановъ, Пузыревскій, Пенскій, Мининъ, Земмеръ, Скирмундъ, Оржешко, Хвостовъ, Изъѣздиновъ, Пузыревскій, Эндоуровъ, Умовъ, Обуховъ, Горсткинъ, Поль, Блударовъ, Хлюстинъ, Пушкинъ, Сокольскій, Иваненко, Литвиновъ, Карташевскій, Жуковскій, Соколовъ-Бородкинъ, кн. Любомирскій, Цѣхановецкій и Чертковъ.

волить имъ продажу торфа, то нѣтъ причины запрещать и продажу помѣщичьихъ лѣсовъ (Крест. дѣло, Т. II, ч. 1, стр. 438). Въ настоящее время даже трудно повѣрить, чтобъ подобныя требованія могли высказываться большинствомъ представителей дворянства, а между тѣмъ, очевидно, что это было такъ, и что только твердость редакціонныхъ коммисій спасла крестьянское сословіе отъ такого освобожденія, которое было бы для нихъ хуже крѣпостнаго состоянія. Но, конечно, нельзя не признать, что это настроеніе все-таки отразилось и на работахъ редакціонныхъ коммисій, что они допустили много такого, что впослѣдствіи очень дурно отразилось на крестьянскомъ благосостояніи. Однимъ изъ такихъ важныхъ промаховъ мы считаемъ именно допущеніе обмѣна земель и неопредѣленность правилъ замѣна при разверстаніи угодій, послѣ котораго крестьяне вездѣ получили земли еще худшаго качества, нежели тѣ, какія были введены имъ въ надѣлъ.

Вліяніе дворянскихъ комитетовъ всего болѣе видно въ вопросѣ о пользованіи крестьянъ отведенною имъ землею. Поставленные въ необходимость примириться съ надѣленіемъ крестьянъ землею, которое они называли коммунизмомъ, губернскіе комитеты и ихъ представители, вызванные въ Петербургъ, требовали по крайней мѣрѣ, чтобы пользованіе крестьянъ отведенною землею было срочное и чтобы земля эта, по минованіи извѣстнаго времени, была возвращена помѣщикамъ. Выходя изъ этого начала, они предлагали всевозможныя ограниченія права пользованія крестьянъ отводимою имъ землею; такъ, они желали установленія правилъ для обработки этой земли, оставленія за помѣщикомъ права рыбныхъ ловель, запрещенія крестьянамъ отдавать ихъ земли въ наймы, и т. п. Редакціонныя коммисіи отстранили начало срочности въ пользованіи землею; но въ тоже время ввели много ограниченій въ это пользованіе. Такъ, рыбныя ловли, кромѣ исключительныхъ случаевъ, оставлены за помѣщиками, крестьянамъ воспрещено въ случаяхъ чрезполосности отступать, безъ согласія помѣщика, отъ принятаго сѣвооборота до разверстанія угодій, которое, какъ мы уже указали, можетъ быть произведено только по требованію самого помѣщика; въ степной полосѣ имъ воспрещено даже, при залежномъ хозяйствѣ, увеличивать безъ согласія помѣщика свою запашку. При обсужденіи проэкта коммисій въ государственномъ совѣтѣ къ этому прибавлено еще «право помѣщика на охоту въ предѣлахъ всего имѣнія», а крестьянамъ только «не возбранено на мірской

землѣ истреблять хищныхъ или вредныхъ для хозяйства птицъ и звѣрей» (104 ст. великор. полож.).

Эти уступки, весьма невыгодныя въ отношеніи крестьянъ, не могли, впрочемъ, удовлетворить представителей дворянскихъ комитетовъ, которые громко продолжали кричать о дворянскомъ раззореніи и предсказывали, какъ «настанетъ холодная дѣйствительность и роковой стукъ аукціоннаго молотка возвѣститъ, что не стало родоваго завѣтнаго имѣнія у одного, другаго, третьяго дворянина», какъ вслѣдствіе этого помѣщики лишатся средствъ для воспитанія дѣтей, какъ отъ этого будутъ гибнуть съ горя матери, и т. п. (мнѣнія членовъ харьковскаго комитета Хрупцова и Шретера, стр. 564).

Гораздо справедливѣе разрѣшенъ Положеніемъ вопросъ о внутреннемъ устройствѣ крестьянскаго землевладѣнія. Редакціонныя коммисіи не увлеклись здѣсь ни возгласами экономистовъ, требовавшихъ уничтоженія общины, ни заявленіями представителей нѣкоторыхъ губернскихъ комитетовъ, желавшихъ, чтобъ выборъ общиннаго или участковаго землевладѣнія зависѣлъ отъ помѣщика. Не посягая на народныя формы быта, редакціонныя коммисіи оставили statu quo, установивъ общинное владѣніе тамъ, гдѣ оно существовало фактически. При этомъ передѣлы крестьянской земли коммисіи обусловили рѣшеніемъ двухъ третей крестьянъ, имѣющихъ голосъ на сходѣ. Этому же большинству коммисіи предоставили право замѣнить общинное владѣніе участковымъ, поставивъ это рѣшеніе на первыя девять лѣтъ въ зависимость отъ помѣщика. Но и это согласіе, по проекту коммисій, было не обязательно, если крестьяне внесутъ капиталъ, проценты котораго составляли бы $^1/_{10}$ часть оброка. Въ этомъ отношеніи проектъ коммисіи былъ измѣненъ и Положеніе требуетъ согласія помѣщика на замѣну общиннаго владѣнія безусловно и на все время обязательныхъ отношеній. Затѣмъ выходъ отдѣльныхъ крестьянъ изъ общины, само собою разумѣется, поставленъ въ зависимость отъ общества, такъ какъ оно должно нести за него повинности; но и здѣсь взносъ капитала, $6^0/_0$ съ котораго равняется оброку, освобождаетъ каждое отдѣльное лицо отъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ обществу.

Размѣръ и цѣль нашей статьи не позволяетъ намъ останавливаться на вопросѣ объ общинномъ владѣніи. Ниже мы коснемся еще его значенія, а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію тѣхъ повинностей, которыя несутъ крестьяне за отведенныя имъ земли.

Вопросъ объ опредѣленіи крестьянскихъ платежей въ пользу помѣщиковъ, какъ при самой его постановкѣ, такъ и при дальнѣйшемъ развитіи, возбуждалъ также постоянныя пререканія между членами комитетовъ и редакціонными коммисіями. Первыя предложенія, исходившія изъ большинства комитетовъ, заключались въ томъ, чтобы оцѣнить отходящія къ крестьянамъ земли по купчимъ крѣпостямъ, или вывести эту оцѣнку изъ отношенія земли къ рабочей силѣ; только меньшинство комитетовъ приняло за исходную точку существующія повинности, да и то признавая эти повинности за фактъ, подлежащій измѣненію. Противъ оцѣнки земли по купчимъ крѣпостямъ редакціонныя коммисіи совершенно основательно замѣтили, что цѣны населенныхъ земель опредѣлялись не ихъ достоинствомъ, а отношеніемъ къ населенію, и притомъ въ купчихъ крѣпостяхъ то несоотвѣтственно возвышались во избѣжаніе выкупа, то понижались для уменьшенія пошлинъ. Затѣмъ, для опредѣленія стоимости земли по доходу или по отношенію ея къ рабочей силѣ, не было никакихъ данныхъ. Оставалось принять за исходную точку существующій фактъ, что и сдѣлали коммисіи, принявъ слѣдующія основанія:

«Принять за исходную точку всѣхъ дальнѣйшихъ предположеній нынѣ отбываемыя крестьянами повинности, какъ существующій фактъ, отнюдь не придавая ему при настоящемъ опредѣленіи этихъ повинностей значенія обязательной нормы.

«Основываясь на Высочайше утвержденномъ журналѣ главнаго комитета, 26-го октября 1868 г., облегчить лежащіе на крестьянахъ платежи въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для существеннаго улучшенія ихъ быта, съ наименьшимъ, по-возможности, ущербомъ для помѣщичьяго хозяйства.

«Для этого, соображаясь съ проектами губернскихъ комитетовъ, установить высшій размѣръ повинностей, соотвѣтствующій высшему надѣлу, принятому для каждой мѣстности и опредѣлить правило постепеннаго уменьшенія крестьянскихъ угодій до низшаго ихъ предѣла» (Кр. д. Т. III, стр. 24).

Этотъ высшій размѣръ опредѣленъ какъ для оброчной, такъ и для издѣльной повинности. Для первой онъ, смотря по мѣстностямъ, измѣняется отъ 12 до 8 рублей, для второй опредѣленъ въ 40 мужскихъ и 30 женскихъ рабочихъ дней. Въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ была смѣшанная повинность, она оставлена; но вообще крестьянамъ предоставлено право перейти съ издѣльной или смѣшанной повинности

на чисто оброчную. При опредѣленіи высшаго размѣра повинностей постановлено правило, что крестьяне ни въ какомъ случаѣ не могутъ платить больше того, что они платили, и кромѣ того отмѣнены такъ-называемыя добавочныя повинности (собираніе ягодъ, грибовъ, сборъ нѣкоторыми произведеніями, и т. д.). Отмѣнены также нѣкоторыя натуральныя повинности, и именно караулы помѣщичьихъ полей, лѣсовъ, т. п., что вызвало сильную бурю со стороны представителей комитетовъ, которые и въ этой отмѣнѣ видѣли коммунизмъ и соціализмъ. Мы не будемъ утруждать читателей выписками изъ многочисленныхъ заявленій, сдѣланныхъ въ этомъ направленіи гг. представителями дворянства; мы и такъ приводили ихъ достаточно много. Гораздо важнѣе въ настоящемъ случаѣ сравнить тѣ *цифры*, которыя приняли редакціонныя коммисіи, съ тѣми, которыя мы встрѣчаемъ въ проектахъ губернскихъ комитетовъ и съ тѣми, которыя вошли въ Положеніе. На редакціонныя коммисіи дѣлались нападки, съ одной стороны, за то, что они не остановились на добровольныхъ соглашеніяхъ, а съ другой—за то, что они не взяли за основаніе цифръ, рекомендованныхъ имъ комитетами. На первый упрекъ они отвѣчали, что «вполнѣ сочувствуютъ добровольнымъ соглашеніямъ и считаютъ ихъ весьма желательнымъ рѣшеніемъ вопроса, но не иначе какъ при двухъ условіяхъ, безъ которыхъ они перестаютъ быть добровольными, а именно: 1) чтобъ была обезпечена обоюдная матеріальная независимость двухъ сторонъ, заключающихъ между собою условія и 2) чтобы допущеніе добровольныхъ соглашеній не было принимаемо въ смыслѣ отрицанія правъ одной стороны, и чтобы законъ обязательный ограждалъ эти права на случай если рѣшенія не послѣдуетъ». Что касается комитетскихъ цифръ, то коммисіи привели на выдержку четыре проекта и показали тѣ несообразности, какія въ нихъ заключаются. Соображенія, приведенныя коммисіями, такъ интересны, что мы позволяемъ себѣ передать ихъ буквально. Въ примѣръ взяты двѣ губерніи черноземной полосы — одна малоземельная, другая многоземельная, и двѣ нечерноземной: одна богатая, другая бѣдная промыслами, именно губерніи: Рязанская, Воронежская, Ярославская и Калужская.

Оброки, назначаемые рязанскимъ положеніемъ, въ примѣненіи къ лучшему, по отзыву членовъ комитета, уѣзду губерніи (михайловскому), выходятъ (включая и плату за усадьбу), среднимъ числомъ за десятину (полевой, луговой и паровой земли):

по положенію большинства рязанск. комит. 6 р. 85 к. съ десят.
меньшинства того же комитета . . . . 5 р.
по предложенію членовъ отъ большинства и меньшинства . . . . 4 —
по примѣненію системы, принятой редакціонными коммисіями, оброка на десятину, также со включеніемъ усадьбы, приходится. . . . . 3 — 27 к.
нынѣ существующіе оброки, разсчитанныя по всѣмъ оброчнымъ имѣніямъ (всего 46, въ нихъ около 6,400 душъ, т. е. $^1/_3$ крѣпостнаго населенія всего уѣзда) составляютъ около 10 р. сер. съ души, при среднемъ надѣлѣ въ 3,18 дес., а на десятину . . . . 3 — 14 —

Михайловскій уѣздъ стоитъ выше всѣхъ черноземныхъ уѣздовъ рязанской губерніи по цѣнности земли.

Примѣняя проектъ Положенія воронежскаго комитета къ многоземельному бобровскому уѣзду, приходится на десятину 6 р. 46 к., т. е. на 60% болѣе повинности, предлагаемой членами рязанскаго комитета за земли михайловскаго уѣзда, тогда какъ, наоборотъ, михайловскія земли на 50% цѣннѣе земель бобровскаго уѣзда.

Между тѣмъ, нынѣ существующіе въ послѣднемъ уѣздѣ оброки (на оброкѣ состоитъ въ немъ 7,860 душъ) составляютъ 8 р. 54 к. съ души, при надѣлѣ въ 3,75 дес., а на дес. 2 р. 28 к.

По Положенію Редакціонныхъ Коммисій, въ бобровскомъ уѣздѣ, придется оброка за десятину, среднимъ числомъ, со включеніемъ усадьбы, 2 р. 57 к.

Такимъ образомъ предлагаемыя большинствомъ рязанскаго комитета и воронежскимъ комитетомъ повинности превосходятъ нынѣ существующія въ 2 и $2^1/_2$ раза.

Примѣненіе оброковъ, предположенныхъ ярославскимъ комитетомъ къ ростовскому уѣзду, одному изъ самыхъ лучшихъ въ губерніи, даетъ слѣдующіе результаты:

1) Изъ состоящихъ въ немъ на чистомъ оброкѣ 49 имѣній свыше 100 душъ, только въ трехъ имѣніяхъ произошло бы уменьшеніе оброка: въ одномъ, при уменьшеніи надѣла—на половину, въ другомъ—на 3 дес., въ третьемъ—на $1^1/_2$ дес. на душу.

Во всѣхъ остальныхъ имѣніяхъ оброкъ былъ бы увеличенъ, не рѣдко при отрѣзкѣ земли, а именно: изъ 44 имѣній

болѣе чѣмъ на 100%	въ 5 имѣніяхъ.
отъ 50% до 100%.	— 13 —
отъ 20% до 50%	— 11 —

2) Въ имѣніяхъ ниже 100 душъ, изъ 73 имѣній, уменьшеніе повинностей произошло бы только въ 7, и то при значительномъ уменьшеніи надѣловъ, а въ остальныхъ оброки увеличились бы, иногда болѣе чѣмъ на 100%.

Примѣняя оброки, определенные Положеніемъ калужскаго большинства къ оброчнымъ имѣніямъ медынскаго уѣзда, оказывается, что изъ 30 состоящихъ тамъ на оброкѣ имѣній свыше 100 душъ, повинность была бы возвышена во всѣхъ безъ исключенія, а именно:

болѣе чѣмъ на 100%	въ 9 имѣніяхъ.
— — 75%	— 5 —
— — 50%	— 4 —
— — 20%	— 8 —
— — 10%	— 1 —
менѣе чѣмъ на 10%	— 3 —

При этомъ, въ 29 имѣніяхъ, количество земли, состоявшей въ пользованіи у крестьянъ, уменьшилось бы, и при томъ весьма значительно, а именно: въ 12 имѣніяхъ болѣе чѣмъ на 50%, а въ 26 - болѣе чѣмъ на 25%. За основаніе исчисленія повинности большинство калужскаго комитета принимаетъ разсчетъ дохода съ земли. Повинность *съ души* составляетъ по этому проекту отъ 11 до 17 р., со включеніемъ усадьбы, при 2-хъ десятинахъ 300 саж. надѣла на душу.

Редакціонныя Коммисіи, ограничиваясь исчисленіемъ результатовъ примѣненія четырехъ проектовъ Положенія губернскихъ комитетовъ, замѣтили, что проекты эти, взятые только для примѣра, отнюдь не составляютъ исключенія изъ общаго правила, и что значительная часть остальныхъ проектовъ приведетъ къ подобнымъ же результатамъ, т. е. ухудшенію быта крестьянъ.

При сравненіи предположеній редакціонныхъ коммисій съ тѣми правилами, которыя вошли въ Положеніе, оказывается, что хотя общія нормы оброка оставлены тѣ же, но нѣкоторыя мѣстности изъ низшихъ категорій переведены въ высшія; особенно выдѣляется здѣсь Московская губернія, гдѣ во многихъ уѣздахъ оброкъ повышенъ, противъ предполагавшагося редакціонными коммисіями, одновременно съ уменьшеніемъ предполагавшагося высшаго размѣра надѣла. Кромѣ того, самая система опредѣленія оброка измѣнена весьма невыгоднымъ для крестьянъ образомъ. Редакціонныя коммисіи предлагали опредѣленіе оброка въ каждомъ частномъ случаѣ поставить въ зависимость отъ средняго оброка, который долженъ быть выведенъ для каждой мѣстности губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ. Для этого, по проекту коммисій, годовые оброки, платимые до 1860 года оброчными крестьянами (въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ болѣе 20 душъ), должны быть сложены въ одинъ общій итогъ, который дѣлится на число всѣхъ душъ, принятыхъ въ разсчетъ и чрезъ такое дѣленіе получается средній для губерніи или мѣстности душевой оброкъ. Этотъ средній оброкъ коммисіи и предлагали принять за высшую душевую повинность, соотвѣтствующую высшему душевому надѣлу, установленному для каждой изъ этихъ мѣстностей, но съ тѣмъ, чтобы выведенный оброкъ не превышалъ крайній предѣлъ оброчной повинности, установленный коммисіями. Такимъ образомъ, высшій размѣръ оброка не могъ переходить за предѣлы, указанные коммисіями, но

могъ быть и значительно меньше. Это представлялось совершено раціональнымъ, такъ какъ часть крестьянскихъ земель почти вездѣ подлежала отрѣзкѣ. Но Положеніе не приняло этой системы и сдѣлало крайній предѣлъ оброка нормальнымъ оброкомъ при высшемъ надѣлѣ, если только крестьяне платили его прежде, не обращая вниманія на тѣ частые случаи, когда при оставленіи прежняго оброка, крестьяне лишаются значительной части тѣхъ земель, изъ которыхъ они извлекали средства для платежа этого оброка.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что когда крестьяне получаютъ меньшее количество земли противъ высшаго надѣла, то ихъ повинности понижаются не пропорціонально пониженію надѣла, а въ гораздо меньшемъ размѣрѣ. Такъ, по 169 ст. Великорусскаго Положенія исчисленіе слѣдующаго съ крестьянъ оброка, при уменьшенномъ надѣлѣ, производится слѣдующимъ образомъ. Въ *нечерноземной полосѣ* на первую десятину высшаго душеваго надѣла (со включеніемъ сюда и причитающейся доли крестьянской усадебной осѣдлости) относится одна половина высшаго душеваго оброка (напр., при 12 рубляхъ—6 руб. и т. д.); на слѣдующую десятину относится четверть высшаго душеваго оброка, затѣмъ остальная четверть раскладывается равномѣрно на всю остальную часть надѣла. Въ полосахъ же *черноземной* и *степной* на первую десятину (также со включеніемъ усадебной осѣдлости) относится 4 рубля, а остальныя 5 рублей разлагаются равномѣрно на остальную часть надѣла. По этому разсчету, напримѣръ въ Ветлужскомъ уѣздѣ Костромской губерніи, крестьянское общество изъ 100 душъ, получившее полный надѣлъ (т. е. 600 десятинъ), будетъ платить 900 рублей въ годъ, а получившее только половину надѣла, т. е. 300 десятинъ, заплатитъ не 450, а 731 р. 25 коп.

Опредѣляя крестьянскія повинности, Положеніе установило въ то же время и мѣры ихъ взысканія, согласно съ тѣми заключеніями, какія были сдѣланы редакціонными коммисіями. Мѣры эти указаны въ мѣстныхъ Положеніяхъ какъ относительно исполненія издѣльной повинности, такъ и относительно взысканія оброковъ. «Если работникъ или работница—говорится въ Положеніяхъ—не кончитъ установленнаго урока или худо выполнитъ работу, то сельскій староста обязанъ, по требованію помѣщика или его повѣреннаго, заставить неисправнаго крестьянина или крестьянку въ свои дни и не въ счетъ слѣдующихъ съ общества въ пользу помѣщика дней, окончить установленный урокъ или пере-

дѣлать негодную работу. Если же дурно исполненная, по нерадѣнію или винѣ крестьянина, работа не можетъ быть передѣлана, то виновные, работникъ или работница, обязываются отработать на помѣщика лишній день, не въ счетъ слѣдующихъ съ общества рабочихъ дней. Крестьяне, неправильно подвергнутые такому взысканію, имѣютъ право приносить жалобы мировому посреднику». «Оставшіеся въ недоимкѣ за крестьянами рабочіе дни должны быть отработаны, по требованію и указанію помѣщика или его повѣреннаго, немедленно. Неотработанные въ трехдневный срокъ прогульные дни переводятся въ денежную недоимку, по оцѣнкѣ рабочаго дня, установленной губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ, или отработываются крестьянами по обоюдному ихъ съ помѣщиками соглашенію» (Великор. Полож. ст. 252 и 253). При взысканіи оброковъ предоставляется сперва принимать мѣры самому крестьянскому обществу, которое можетъ: обратить на возмѣщеніе недоимки доходъ съ имущества, принадлежащаго недоимщику, въ собственность; отдать недоимщика или кого-либо изъ членовъ его семейства въ заработки; опредѣлить къ недоимщику опекуна; подвергнуть продажѣ личное его недвижимое имущество, за исключеніемъ выкупленной усадьбы; продать часть движимаго его имущества и строеній, которая не составляетъ необходимости въ хозяйствѣ и, наконецъ, отобрать у недоимщика часть отведенныхъ ему угодій или даже весь его полевой надѣлъ (ст. 261). Если само общество не внесетъ недоимокъ къ назначенному сроку, то взысканіе оброковъ возлагается на мирового посредника, который, по требованію помѣщика, можетъ принять слѣдующія мѣры:

«1) Предписать сельскому начальству несостоятельнаго общества никого не увольнять по паспортамъ изъ селенія, безъ письменнаго на то согласія помѣщика, и не возобновлять паспортовъ находящимся въ отлучкѣ крестьянамъ, если помѣщикъ того потребуетъ.

«2) Вмѣсто избранныхъ обществомъ должностныхъ лицъ назначить другихъ, по своему усмотрѣнію.

«3) Распоряжаться, чтобы общество ставило неисправныхъ крестьянъ на заработки по контрактамъ.

«4) Произвести, черезъ земскую полицію, опись всего крестьянскаго движимаго имущества и исключить изъ онаго то, что составляетъ необходимость въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не можетъ быть продано безъ раззоренія крестьянъ, распорядиться, черезъ земскую же полицію, продажею остальной части означеннаго имущества.

«5) Отобрать у крестьянъ на три года часть земель, состоящихъ въ постоянномъ ихъ пользованіи» (ст. 262).

Эта земля отдается съ торговъ въ арендное содержаніе; а если торги не состоятся, то обращается въ общественную запашку, доходы идутъ на уплату недоимки. Въ случаѣ невозможности привести въ исполненіе и ту и другую мѣру, земля отдается на три года во временное распоряженіе помѣщика, а съ крестьянъ слагается соотвѣтствующая часть недоимки.

Такія же приблизительно мѣры указаны закономъ и при наслѣдственномъ (участковомъ) владѣніи землею, съ тою разницею, что у неисправнаго домохозяина отбирается вся его полевая земля, которая и предоставляется въ полномъ составѣ или по частямъ другимъ членамъ того же общества за тѣ же повинности съ уплатою недоимки, и если желающихъ не найдется, то поступаетъ въ распоряженіе помѣщика.

Участки, отобранные у крестьянъ на основаніи этихъ правилъ, находятся, какъ мы уже сказали, только во временномъ пользованіи помѣщика. Если они отобраны ранѣе девяти лѣтъ со времени изданія Положенія, то до истеченія этого срока каждые три года, по снятіи хлѣбовъ, само общество, если на немъ нѣтъ недоимки, а при наслѣдственномъ пользованіи каждый крестьянинъ, на которомъ не числится недоимокъ, имѣетъ право получить отобранные участки въ свое пользованіе за установленныя повинности. Въ случаѣ отобранія у крестьянъ участковъ по прошествіи девяти лѣтъ, общество, а тамъ, гдѣ существуетъ наслѣдственное владѣніе, каждый крестьянинъ, если на немъ нѣтъ недоимки, точно также имѣютъ право требовать передачи имъ такой свободной земли въ полное пользованіе за установленныя повинности; но если, по истеченіи трехъ лѣтъ, крестьяне вторично откажутся отъ состоявшаго во временномъ распоряженіи помѣщика участка или принявъ его въ пользованіе, вновь лишатся его за недоимку, тогда участокъ этотъ вновь окончательно возвращается помѣщику (ст. 133 и 135 Великор. Полож. и ст. 133 и 136 Малор.).

Надѣленіемъ крестьянъ землею и опредѣленіемъ ихъ повинностей не прекращается еще участіе государства въ устройствѣ быта крестьянъ. Конечная цѣль, которую поставили себѣ въ этомъ отношеніи составители Положенія, это—выкупъ крестьянскихъ угодій, который влечетъ за собою совершенное прекращеніе обязательныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами. Противъ этого исхода

было много возраженій. Одни указывали на финансовыя затрудненія, другіе прямо возставали противъ самаго принципа выкупа, желая безконечнаго продолженія «помѣстныхъ отношеній», защиту которыхъ, еще долго послѣ изданія Положенія, брали на себя лица, органомъ которыхъ была покойная «Вѣсть». Но редакціонныя коммисіи остались при своемъ мнѣніи и прямо заявляли, что «по глубокому ихъ убѣжденію, почерпнутому изъ внимательнаго изученія всѣхъ разнородныхъ мнѣній и требованій, нельзя разсчитывать на мирное разрѣшеніе крестьянскаго дѣла, если не будутъ, одновременно со введеніемъ новаго Положенія, открыты всѣ возможныя средства къ заключенію добровольныхъ выкупныхъ сдѣлокъ между помѣщиками и крестьянами».

Въ вопросѣ о выкупѣ, слѣдуетъ различать выкупъ крестьянскихъ усадебъ отъ выкупа полевыхъ угодій. По отношенію къ усадьбамъ, редакціонныя коммисіи пришли къ тому убѣжденію, что необходимо право выкупа предоставить крестьянамъ; конечно, губернскіе комитеты и ихъ представители были противъ этого и когда зашла рѣчь объ оцѣнкѣ усадебной земли, то предлагали такія цифры, которыя поражаютъ своею громадностью. Такъ, большинство орловскаго комитета оцѣнило десятину усадебной земли по нѣкоторымъ уѣздамъ въ 520 р.; воронежскій комитетъ въ 600 р., большинство черниговскаго въ 720 и 840 рублей, большинство московскаго въ 720, 960 и 1,200 р. за десятину, большинство владимірскаго въ 1,080 руб. Сверхъ того, эти комитеты предоставляли помѣщику право еще увеличить оцѣнку, съ указаніемъ въ уставной грамотѣ особыхъ выгодъ, которыхъ онъ лишается чрезъ отчужденіе усадьбы, или же соотвѣтственно мѣстнымъ выгодамъ, не ограничивая такого возвышенія оцѣнки никакою высшею нормою. До какой степени произвольны были предлагаемыя комитетами цифры, это можно видѣть изъ сравненія смежныхъ губерній. Въ Черниговской и Саратовской губерніяхъ цѣна за десятину назначена въ 480 рублей, а въ смежныхъ съ ними губерніяхъ, въ Полтавской 216 рублей, а въ Симбирской 240 (Кр. дѣло, Т. III, ч. 2, стр. 802, 803 и 819). Къ счастію, эти предположенія, дѣлавшія выкупъ невозможнымъ, были отстранены. Редакціонныя коммисіи высказали убѣжденіе, что десятина усадебной земли должна быть оцѣнена по капитализаціи оброка, принимая за норму оброка тотъ, который крестьяне платятъ за первую десятину надѣла. Въ Положеніи о крестьянахъ, на усадебную осѣдлость прямо отнесена извѣстная часть оброка, независимо отъ того количества земли, кото-

рое занято этою осѣдлостью Высшій размѣръ этого оброка опредѣленъ для различныхъ мѣстностей въ 1 р. 50 к., 2 р. 50 коп. и 3 р. 50 коп., но въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ дана возможность еще его увеличить. Затѣмъ, какъ цѣлому обществу, такъ и каждому домохозяину, дана возможность выкупать свою осѣдлость, внеся сумму, опредѣляющуюся по капитализаціи оброка изъ 6% (въ 25, 40 и 60 р.).

. . . .

Отъ Издателей. Къ сожалѣнію, внезапная смерть прервала на этомъ мѣстѣ работу автора настоящей статьи, которая должна была занять и слѣдующій листъ. Издатели однакоже рѣшились оставить эту статью въ «Сборникѣ»,— во первыхъ потому, что замѣна ее другою потребовала бы не мало времени; во вторыхъ потому, что предыдущія шесть главъ представляютъ, сами по себѣ, вполнѣ законченное цѣлое. Впрочемъ, и настоящая глава, хотя и неоконченная, не лишена интереса, благодаря сопоставленнымъ въ ней даннымъ.

НУЖДЫ РУССКАГО СѢВЕРА.

I.

Въ послѣднее время со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на неудовлетворительность положенія русскаго крестьянина, на то, что онъ постоянно бѣдствуетъ и не въ силахъ выносить бремя лежащихъ на немъ налоговъ. Онъ впадаетъ въ долги, становится несостоятельнымъ плательщикомъ, недоимки за нимъ съ каждымъ годомъ возрастаютъ, онъ подпадаетъ подъ эксплуатацію кулаковъ и окончательно раззоряется. Вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ членомъ общества, крестьянинъ становится все большимъ и большимъ для него бременемъ; вмѣсто того, чтобы составлять его силу, крестьянинъ дѣлается одной изъ причинъ его слабости.

Дѣйствительно, чтобы убѣдиться въ бѣдственномъ положеніи нашего крестьянина, стоитъ только проѣхаться по нѣкоторымъ мѣстностямъ и ближе познакомиться съ бытомъ сельскаго населенія. Если наблюдатель не крайній оптимистъ, то бѣдность крестьянина предстанетъ передъ нимъ во всей своей поражающей наготѣ. Къ сожалѣнію, оптимистовъ у насъ много. Они большею частію или не желаютъ или не могутъ вникнуть въ истинное положеніе дѣлъ. Всѣмъ напр. извѣстно, какъ на сѣверѣ во время страшнаго голода въ 1867 году, когда люди умирали какъ мухи, многіе отрицали самое существованіе голода. Нашлись господа, которые утверждали, что хлѣбъ изъ мха, древесной коры и мякины прекрасенъ и что нечего особенно безпокоиться, такъ какъ и этимъ хлѣбомъ можно пи-

таться. Однакожъ, дѣйствительность не оправдала подобныхъ надеждъ и правительство нашло нужнымъ принять энергичныя мѣры для оказанія населенію необходимой помощи. Впрочемъ, не малое число людей успѣло погибнуть, прежде чѣмъ къ голодающимъ подоспѣла помощь.

Что голодъ постоянный гость на сѣверѣ, можно видѣть изъ того, что и въ прошломъ, урожайномъ году, тамошнее населеніе питалось хлѣбомъ, состоящимъ на половину изъ овсяной мякины. Въ мартѣ мѣсяцѣ, во время моего пребыванія въ Шенкурскѣ (Архангельской губ.), мнѣ были представлены образчики хлѣба, которымъ питаются жители ближайшихъ къ Шенкурску деревень. Хлѣбъ этотъ былъ похожъ на скотскій пометъ, черный, съ цѣлыми зернами и твердый. Въ Шенкурскѣ, самомъ плодородномъ уѣздѣ во всей Архангельской губерніи, къ мѣстному доктору явился однажды крестьянинъ со своими дѣтьми и жаловался, что дѣти на дворъ не ходятъ. Докторъ сдѣлалъ дѣтямъ операцію и вынулъ у нихъ изъ задняго прохода комки мякины, съ фунтъ вѣсомъ каждый. Вотъ каковъ хваленый оптимистами хлѣбъ. Крестьяне ѣдятъ сосновую кору и считаютъ это еще за лакомство.

Дѣйствительно, жители сѣвера, можетъ быть болѣе, чѣмъ обитатели остальныхъ мѣстностей Россіи, поражаютъ путешественника своимъ видомъ, своею худобою, своею бѣдностью. Да и какъ имъ благоденствовать, если почва, климатъ и природа такъ бѣдны, если всѣ промыслы находятся въ такомъ жалкомъ состояніи. Къ тому же, сѣверный работникъ еще обремененъ разными налогами и повинностями; всюду, куда онъ ни кинется и за что ни возьмется, онъ прежде всего долженъ платить громадныя пошлины. Такъ напр., если онъ себѣ сдѣлаетъ въ лѣсу вѣникъ, который въ Петербургѣ можно готовый купить за 1 к., онъ долженъ внести 1 коп. пошлины. Лѣсъ составляетъ главный его сырой матеріалъ, но и за лѣсъ ему приходится платить такія пошлины, что у него почти ничего не остается за его тяжелый трудъ. Отъ занятій напр. смолокуреніемъ онъ заработываетъ въ сутки всего 6 — 8 коп. Ко всему этому надо еще прибавить тотъ гнетъ, который лежитъ на рабочемъ, вслѣдствіе его зависимости отъ мѣстныхъ кулаковъ и монополіи архангельскихъ купцовъ. Нигдѣ кулачество такъ не развито и такъ не гнететъ мѣстныхъ крестьянъ, какъ на сѣверѣ. Это происходитъ вслѣдствіе того, что населеніе тамъ рѣдкое, пути сообщенія крайне

плохи, рынки сбыта находятся въ отдаленныхъ отъ производства мѣстахъ. Крестьянинъ, не имѣя средствъ свезти свой товаръ на мѣсто сбыта, принужденъ отдавать его мѣстному кулаку за безцѣнокъ. Кромѣ того, не сбывая своего продукта вó-время и, слѣдовательно, не выручивъ за свой трудъ вó-время денегъ, онъ впадаетъ въ нужду, обращается къ кулаку за займами, а этотъ послѣднiй безсовѣстнѣйшимъ образомъ пользуется всякимъ положенiемъ бѣдняка. Большею частiю бѣднякъ, не имѣя средствъ приступить къ своему производству или нуждаясь въ деньгахъ для уплаты податей, продаетъ кулаку товаръ, котораго у него еще нѣтъ; иногда цѣна опредѣляется при самой сдѣлкѣ, но часто о ней не бываетъ и рѣчи, такъ что бѣднякъ получаетъ за свой товаръ впослѣдствiи столько, сколько назначитъ кулакъ.

Не послѣднюю роль въ этомъ случаѣ играетъ и невѣжество крестьянина. Всѣ производства его находятся въ жалкомъ состоянiи, потому что способы производства самые первобытные, которые требуютъ много труда и матерiала и очень плохо вознаграждаютъ рабочаго за его трудъ. Онъ не знаетъ самыхъ элементарныхъ требованiй даннаго производства, вслѣдствiе чего получаетъ гораздо меньше продуктовъ, чѣмъ могъ бы получать, и притомъ гораздо худшаго качества.

Напримѣръ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Вологодской губернiи хорошо произрастаетъ ленъ, который даетъ крестьянамъ порядочный доходъ. Но они могли бы получать гораздо больше, еслибы умѣли надлежащимъ образомъ ростить ленъ и какъ слѣдуетъ его обработывать. Они его теперь разстилаютъ на полѣ и оставляютъ долго лежать на воздухѣ. Ленъ отъ этого портится, гнiетъ, желтѣетъ и становится менѣе прочнымъ. Крестьяне сознаютъ, что они отъ этого теряютъ много, но не могутъ поправить дѣло, такъ какъ не имѣютъ свѣдѣнiй о томъ, какъ слѣдуетъ мочить ленъ. «Я знаю, сказалъ мнѣ одинъ крестьянинъ, что если мочить ленъ, то онъ получается болѣе крѣпкимъ и гораздо бѣлѣе, и такой ленъ гораздо дороже, но что-жъ мнѣ дѣлать, я не умѣю его мочить и не знаю, гдѣ этому научиться». Между тѣмъ льна изъ Вологодской губернiи черезъ Архангельскъ вывозится значительное количество. Именно, въ прошломъ году изъ Архангельска льна, доставленнаго Вологодской губернiей, вывезено болѣе, чѣмъ на 1 мил. руб. сер., несмотря на то, что въ прошломъ году, напр. въ Верховожьѣ, ленъ продавался всего по 3—4$^1/_2$ руб. за пудъ. Такихъ производствъ, которыя требуютъ рацiональнаго

преобразованія, много. Но для ихъ реорганизаціи и усовершенствованія нужны средства и свѣдущіе люди, которые бы взялись ихъ вести и совершенствовать. Впрочемъ, еслибы земство и правительство обратили на это надлежащее вниманіе, то въ свѣдущихъ лицахъ недостатка бы не было.

Ленъ, равно какъ смолу, такъ и другіе продукты, закупаютъ всего три архангельскія конторы черезъ посредство своихъ агентовъ, приказчиковъ и мѣстныхъ кулаковъ. Понятно, что эти послѣднія лица, ближе знакомыя съ нуждами крестьянства, не упускаютъ случаевъ пользоваться его бѣдственнымъ положеніемъ, такъ что значительная часть изъ заработковъ крестьянъ выпадаютъ на ихъ долю.

Между тѣмъ такихъ промысловъ, которые могутъ дать сѣверному населенію обезпеченное существованіе, не много; поэтому необходимо поддержать и развить тѣ, какіе уже существуютъ. Только промыслы и возможны и необходимы на сѣверѣ. Почва и климатъ тамъ такъ бѣдны, что заниматься исключительно земледѣліемъ нельзя, оно одно не можетъ обезпечивать сѣверное населеніе. Правда, въ урожайный годъ оно можетъ дать крестьянину достаточно хлѣба для прокормленія; но если у крестьянина не будетъ денегъ для удовлетворенія другихъ нуждъ, для уплаты податей и прочихъ повинностей, то онъ принужденъ будетъ продать часть изъ своего хлѣба, а самъ будетъ питаться суррогатами. Притомъ земледѣліе можетъ вознаграждать трудъ рабочаго только въ южной части Архангельской губерніи, въ Шенкурскомъ уѣздѣ, и то не всегда, такъ какъ въ теченіе 10-ти лѣтъ на сѣверѣ, какъ видно изъ оффиціальнаго отчета г. Данилевскаго, бываютъ три неурожайные года. Въ Вологодской губерніи хлѣбъ часто истребляется червемъ. Въ теченіе уже нѣсколькихъ лѣтъ сряду червь уничтожаетъ озимые посѣвы. Осенью, когда хлѣбъ начинаетъ пускать ростки, является червь. Когда наступаютъ морозы, онъ углубляется въ землю, доѣдаетъ остатки и окончательно погибаетъ только тогда, когда наступятъ сильные морозы и земля хорошо промерзнетъ. Крестьянамъ послѣ червя остается весьма мало, и то, что они собираютъ, называется шамшою. Мука изъ нея чрезвычайно плоха и похожа на песокъ. Выпеченный изъ этой муки хлѣбъ нельзя рѣзать ножемъ, онъ разсыпается, питательныхъ веществъ въ немъ весьма мало. Въ Кадниковскомъ уѣздѣ (одинъ изъ южныхъ уѣздовъ Вологодской губерніи), крестьяне чрезвычайно жалуются на этотъ хлѣбъ. Въ одномъ многочисленномъ и бѣдномъ се-

мействѣ мнѣ разсказали, что во время великаго поста у семьи не было денегъ, чтобы прикупать къ шамшѣ немного лучшаго хлѣба, она питалась однимъ только этимъ хлѣбомъ и всѣ члены этой семьи перехворали. И это въ Кадниковскомъ уѣздѣ, гдѣ хлѣбъ можетъ еще кое-какъ произростать. Между тѣмъ находятся люди, которые утверждаютъ, что выгодно заниматься земледѣліемъ на крайнемъ сѣверѣ. Кто-нибудь сдѣлаетъ опытъ, засѣетъ четверть хлѣба, ухаживаетъ за нимъ какъ нельзя лучше, прикрываетъ поле соломою, чтобы предохранить его отъ замерзанія и т. д., и получивъ послѣ всѣхъ этихъ трудовъ незначительный урожай, утверждаетъ на основаніи этого опыта, что на сѣверѣ выгодно заниматься хлѣбопашествомъ. Спрашивается, хватитъ-ли у крестьянъ средствъ и физическихъ силъ, чтобы такъ ухаживать за своимъ полемъ? Понятно, что онъ не можетъ этого выполнить и его труда не хватитъ для подобной работы. Хорошо удобрять свою землю могутъ только болѣе состоятельные крестьяне, у которыхъ достаточно скота и, слѣдовательно, навоза. Крестьяне знаютъ цѣну удобрительнымъ веществамъ. Навозъ у нихъ не пропадаетъ и нѣкоторые даромъ пускаютъ къ себѣ проѣзжающихъ, чтобы пользоваться получаемымъ при этомъ навозомъ. Къ сожалѣнію, скотъ у нихъ самый незавидный. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ коровы поражаютъ своимъ малымъ ростомъ, онѣ скорѣе похожи на телятъ, чѣмъ на коровъ. Кормъ имъ дается плохой и о травосѣяніи тамъ не имѣютъ и понятія. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ бѣднѣе становится растительность. Природа такъ-сказать все болѣе и болѣе мельчаетъ. Лѣсъ мелкій, жалкій, почва все болотистая, пашенъ мало и то все малогодныя. 20 числа іюля прошлаго года хлѣбъ былъ еще совершенно зеленый, въ иныхъ мѣстахъ онъ побитъ градомъ. Хлѣбъ не высокій, большею частью довольно рѣдкій, а наливъ зерна плохой. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ люди поражаютъ своею блѣдностью, исхудалостью и своею уродливостью. Вообще они чрезвычайно болѣзнены, а костюмъ ихъ самый незавидный. Такою же уродливостью и исхудалостью поражаетъ васъ и мѣстный скотъ. Въ Устьважскомъ селѣ, которое тянется на 2 версты въ длину, нельзя было найти ни одной порядочной лошади, все какія-то калѣки, изнуренныя, съ многочисленными ранами на тѣлѣ. И не мудрено, кормятъ ихъ весьма плохо, плохонькихъ сѣнокосовъ мало, а хорошихъ почти нѣтъ. Въ этомъ же селѣ, въ которомъ до 300 домовъ, нельзя было найти сливокъ. Между тѣмъ село это находится, сравнительно, въ доволь-

но хорошихъ условіяхъ: оно лежитъ при устьѣ рѣки Ваги, впадающей въ Сѣверную Двину. Слѣдовательно, мѣстность болѣе или менѣе оживленная и недалеко отъ Архангельска.

Одна изъ главныхъ причинъ этой поразительной бѣдности здѣшняго крестьянства состоитъ въ томъ, что оно обременено большими налогами, а платить ихъ нечѣмъ. Ему приходится выбирать одно изъ двухъ: или прикупать недостающій ему хлѣбъ или уплатить лежащія на немъ повинности. Поэтому неудивительно, что крестьяне такъ плохо питаются, что имъ приходится питаться хлѣбомъ, наполовину состоящимъ изъ овсяной мякины. Эта-то обстановка и порождаетъ тотъ болѣзненный видъ, исхудалость и уродливость, какимъ поражаютъ всякаго наблюдателя жители нѣкоторыхъ мѣстъ Архангельской губерніи. Надобно удивляться, какъ они еще могутъ существовать при такой обстановкѣ. Единственно, что ихъ поддерживаетъ—это вино. Питаясь такою неудовлетворительною пищею, они по необходимости должны прибѣгать къ помощи вина. Но то вино, которое они пьютъ, еще болѣе вредитъ ихъ здоровью. Имъ приходится пить больше сивуху, чѣмъ вино, а сивуха чистѣйшій ядъ для человѣческаго организма. Они отъ нея слабѣютъ, дѣлаются вялыми, впадаютъ въ разныя болѣзни и т. д. Здѣсь мы остановимся нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о значеніи вина и хорошей пищи для рабочаго населенія.

II.

У насъ обыкновенно кричатъ, что крестьяне лѣнтяи и пьяницы. Чтобы видѣть, насколько это обвиненіе справедливо, стоитъ только сравнить количество потребляемаго вина у насъ и заграницей. Заграницею, напр. въ Швеціи, крестьяне выпиваютъ въ день гораздо больше, чѣмъ нашъ крестьянинъ выпиваетъ въ мѣсяцъ или даже въ два. Шведскій крестьянинъ утромъ, когда только откроетъ глаза, пьетъ рюмку водки, потомъ кофе съ водкою же, за завтракомъ опять водку и пиво; точно также онъ не сядетъ обѣдать или ужинать безъ водки и пива. До ужина онъ еще иногда тянетъ пуншъ и другіе напитки. Шведскій крестьянинъ пьетъ много, но онъ не бываетъ пьянъ. Вино не дѣлаетъ его вялымъ, а напротивъ, придаетъ ему еще большую бодрость. Но зато вино, которое онъ пьетъ, доброкачественно и совершенно безъ сивухи. Нашъ-же крестьянинъ обыкновенно пьетъ

только разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ и то, сравнительно, немного. У него нѣтъ средствъ, чтобы пить столько, сколько пьетъ шведскій крестьянинъ. Между тѣмъ нашъ крестьянинъ отъ двухъ-трехъ рюмокъ уже пьянъ, потому что ему предлагается сивуха, а не водка. Слѣдовало бы положительно запретить продажу такой водки, потому что сивуха-то и составляетъ главное зло въ экономическомъ быту нашего крестьянства. Необходимо принимать всѣ возможныя мѣры къ тому, чтобы сивушная водка не была допускаема въ продажу.

Отъ плохой водки рабочій скоро пьянѣетъ и слѣдствіемъ этого бываетъ то, что онъ, пьяный, не помня себя, начинаетъ требовать еще и еще, спуская всѣ имѣющіяся при немъ деньги. Когда онъ опьянѣетъ, ему вмѣсто водки даютъ уже больше воды, къ которой, какъ говорятъ, прибавляется иногда сѣрная кислота. Казна отъ этого положительно теряетъ: во первыхъ, за воду, которая отпускается крестьянину взамѣнъ водки, она, конечно, акциза не получаетъ. Если бы водка была такъ чиста, какъ напр. въ Швеціи *), то рабочій, не пьянѣя такъ скоро, могъ бы и больше пить, и пилъ бы не воду, а водку, за которую получится акцизъ, притомъ все-таки не раззорялся бы такъ, какъ теперь, и здоровье его не страдало бы такъ, какъ оно страдаетъ отъ сивухи. Во вторыхъ, если крестьянинъ раззоряется, то онъ не въ состояніи внести всѣ тѣ повинности, какія отъ него требуются. Образуются недоимки, и казна, слѣдовательно, опять теряетъ; а эти потери бываютъ для нея довольно чувствительны. Государство, во первыхъ, лишается значительной доли своихъ доходовъ; во вторыхъ, оно иногда бываетъ принуждено дѣлать значительные расходы, выдавая въ случаѣ голода и другихъ нуждъ разныя субсидіи обѣднѣвшему населенію. Между тѣмъ правительству легко было бы установить продажу безсивушной и, слѣдовательно, безвредной водки, устраивая для этой цѣли контроль на водочныхъ заводахъ, за которыми и теперь, кажется, существуетъ достаточный надзоръ, такъ что особой затраты для этого не потребуется.

Рядомъ съ обвиненіемъ крестьянъ въ пьянствѣ, идетъ обвиненіе въ лѣности. Но это обвиненіе уже просто ни съ чѣмъ не сообразно. Кто же у насъ работаетъ, если не крестьяне? Напротивъ, надо еще удивляться тому, какъ они могутъ такъ много работать, питаясь

*) Въ Бельгіи открытъ способъ полученія безвредной водки. Способъ этотъ пока держится секретно. Онъ состоитъ вѣроятно въ томъ, что водка освобождается отъ сивухи.

такою дурною пищею. Извѣстно, что если человѣкъ работаетъ, то онъ долженъ хорошо ѣсть, чтобы возстановлять потерянныя силы и отдавать организму то, что онъ израсходовалъ во время работы. Безъ этого условія онъ слабѣетъ, становится вялымъ и по необходимости долженъ лѣниться. Но бѣдный крестьянинъ не позволяетъ себѣ лѣниться, нужда заставляетъ его работать сверхъ силъ и изнемогать въ трудѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, какую силу можетъ имѣть человѣкъ, если онъ питается однимъ только малопитательнымъ хлѣбомъ, да солью съ водою! На баркѣ, на которой я плавалъ по рѣкѣ Кубинѣ, изъ села Троичина въ Ананьино, была артель рабочихъ изъ 40 человѣкъ. Въ теченіе всего времени (5 сутокъ), они питались однимъ только хлѣбомъ, который былъ взятъ ими съ собою изъ дома и который успѣлъ достаточно зачерствѣть. Они его мочили, обсыпали солью и прихлебывали рѣчною водою, которая замѣняла имъ горячій супъ. У одного только нашлось немного солонины домашняго и давнишняго приготовленія. Хозяинъ судна давалъ имъ иногда изъ жалости нѣсколько картофеля, но такъ мало, что только нѣкоторымъ болѣе проворнымъ счастливцамъ доставалось по одной картофелинѣ. Вотъ какова была пища рабочихъ, которые все время были заняты трудною работою и при значительномъ холодѣ, такъ какъ это было въ началѣ вскрытія рѣкъ. Конечно, эта скудная пища при плохой одеждѣ не могла бы ихъ грѣть, еслибы они не прибѣгали часто къ отвратительной сивухѣ.

Удивительная вещь, у насъ до сихъ поръ многіе не могутъ понять, что рабочаго надо хорошо кормить, если желаютъ, чтобы онъ хорошо работалъ. Вѣдь лошади даютъ же овса, чтобы она была бодрѣе и лучше работала, отчего же этого не примѣняютъ къ человѣку? Вѣдь и ему надо ѣсть и вознаграждать потери своего организма. Вѣдь и ему надо быть сытымъ, и чѣмъ онъ сытѣе, тѣмъ онъ бодрѣе и лучше работаетъ. Отъ доброкачественности пищи зависитъ и доброкачественность работы. Если пища хороша и питательна, то рабочій хорошо и скоро работаетъ. Кромѣ того, онъ вслѣдствіе этого бываетъ и болѣе сообразительнымъ, а это весьма важное качество, даже для чисто машинальной работы.

Если случалось вамъ, читатель, когда-нибудь во время работы и занятій почувствовать голодъ, то вы знаете, что тогда работа уже не клеится, руки трясутся, въ глазахъ становится темно и вообще

весь организмъ приходитъ въ ненормальное состоянiе. По крайней мѣрѣ, когда мнѣ приходилось быть въ такомъ состоянiи, то я не только не подвигалъ свою работу впередъ, но, напротивъ, еще портилъ ее. Точно также не клеится работа, когда голодный желудокъ набьешь чѣмъ попало, въ особенности неудобоваримыми веществами: тогда дѣлаешься неподвижнымъ и тебя все клонитъ ко сну.

Фабрикантъ, даже въ видахъ собственныхъ интересовъ, долженъ заботиться о томъ, чтобы рабочiй всегда былъ сытъ и чтобы пища была доброкачественна и питательна, иначе онъ теряетъ отъ каждаго рабочаго по два или даже по три часа въ день. Бывши самъ въ теченiе года управляющимъ одной механической мастерской, я вполнѣ убѣдился въ справедливости этого факта. Хозяинъ мастерской, образованный и развитой человѣкъ, понимавшiй хорошо свою пользу, заботился о рабочихъ и хорошо ихъ кормилъ, давалъ имъ по два мясныхъ блюда въ день. Кромѣ того, имъ давались еще завтраки и ужины тоже хорошаго качества. Такъ какъ этими выгодами пользовались только тѣ рабочiе, которые имѣли на заводѣ и квартиру, другiе же рабочiе, въ особенности женатые, ходили обѣдать домой, то здѣсь можно было очень удобно прослѣдить влiянiе, какое оказываетъ на рабочихъ хорошая пища. Тѣ, которые пользовались хозяйскимъ столомъ, были всегда бодры, веселы и работящи; работа шла у нихъ успѣшно и не казалась имъ тягостною; другiе же, напротивъ, были вялы и работали гораздо медленнѣе первыхъ. За часъ до обѣда они уже не могли работать, руки у нихъ тряслись, работа не спорилась и вообще они были въ раздраженномъ состоянiи. Послѣ обѣда, набивши желудокъ разною трудноваримою и малопитательною пищею, они были неподвижны, глаза тупо смотрѣли во всѣ стороны, работа опять не клеилась и цѣлый часъ опять пропадалъ почти даромъ. Точно также пропадалъ часъ и передъ ужиномъ.

Такимъ образомъ этимъ рабочимъ платилось даромъ почти за три часа въ день, не говоря уже о томъ, что они были менѣе сообразительны, менѣе бодры и меньше успѣвали и въ остальные рабочiе часы, чѣмъ тѣ, которые пользовались свѣжею, здоровою и питательною пищею. Еслибы хозяинъ сталъ и этихъ рабочихъ кормить, хотя бы и даромъ, то и тогда съ выгодою для себя наверсталъ бы затраченную для этой цѣли сумму. Рабочiй получалъ по 10 коп. въ часъ, слѣдовательно, за три часа 30 коп., а обѣдъ, ужинъ и завтракъ стоили всего около 20 коп. въ день.

Изъ этого можно видѣть, что для заводчиковъ и фабрикантовъ прямая выгода заботиться о доброкачественности пищи своихъ рабочихъ. Но отъ нихъ не требуется, чтобы они даромъ кормили своихъ рабочихъ. Достаточно будетъ, если фабриканты будутъ взимать за столъ столько, во сколько онъ имъ самимъ обходится, заботясь только о томъ, чтобы имѣть его по возможности лучшаго качества. При оптовой покупкѣ, провизія, какъ извѣстно, обходится гораздо дешевле и бываетъ гораздо лучшаго качества. Кромѣ того и расходы на содержаніе кухни и проч. будутъ значительно меньше при общемъ столѣ, чѣмъ тогда, когда каждый рабочій самъ готовитъ себѣ пищу.

Но наши фабриканты и заводчики этого не понимаютъ и не хотятъ понять. Напротивъ, для бо̀льшей части изъ нихъ, какъ извѣстно, пища рабочихъ составляетъ статью дохода. Многіе изъ нихъ открываютъ при заводахъ и фабрикахъ на свое или чужое имя разныя лавочки, кабачки и т. п., продаютъ своимъ рабочимъ всѣ нужные жизненные припасы, водку и прочіе продукты, которые отличаются своею недоброкачественостью и притомъ продаются въ три дорога. Покупка нужныхъ продуктовъ въ этихъ лавкахъ бываетъ для рабочихъ иногда еще обязательною. Вообще фабриканты держатъ ихъ въ кабалѣ. Но подобные господа плохіе экономисты: они гоняются за копѣйками, а теряютъ рубли.

Вообще надо замѣтить, что вопросъ о продовольствіи рабочихъ представляется вопросомъ весьма важнымъ и насущнымъ для нашей промышленности. Безъ удовлетворительнаго его разрѣшенія не можетъ быть надлежащимъ образомъ развита наша промышленность, успѣхъ которой въ значительной степени зависитъ отъ хорошаго качества рабочихъ, которые придаютъ ей то или другое направленіе.

Всѣ такъ-называемые «бунты» рабочихъ, нанимающихся на полевыя, на желѣзно-дорожныя и т. п. работы, происходятъ главнымъ образомъ отъ неудовлетворительности пищи. Обыкновенно артель рабочихъ выбираетъ изъ своей среды одного или двухъ старшихъ, которымъ довѣряетъ вести дѣла ея, быть представителями ея интересовъ и на которыхъ возлагаются также обязанности по продовольствію артели. Но эти старшіе большею частью злоупотребляютъ даннымъ имъ довѣріемъ, пропиваютъ или утаиваютъ деньги рабочихъ и кормятъ ихъ крайне плохо. Кромѣ того, пища бываетъ крайне плоха и вслѣдствіе неумѣнья ее готовить. Хлѣбъ печется плохой,

тяжелый, приварки самые скудные. Дѣло доходитъ иногда до того, что рабочимъ приходится довольствоваться однимъ только трудноваримымъ и дурно испеченнымъ хлѣбомъ, вслѣдствіе чего они становятся ворчливыми, угрюмыми, сердитыми и крайне раздражительными. Малѣйшая замѣченная ими несправедливость выводитъ ихъ изъ терпѣнія и дѣлаетъ ихъ недовольными. Отсюда одинъ шагъ къ неповиновенію, къ отказу отъ работы, т. е. къ такъ-называемому бунту. Если еще взять во вниманіе то обстоятельство, что рабочему, вслѣдствіе дурной пищи, приходится прибѣгать къ употребленію горячихъ напитковъ, что́ раззоряетъ его и физически и матеріально, то причина этихъ бунтовъ станетъ еще болѣе ясною.

Рабочій, нанимаясь гдѣ-нибудь вдали отъ своего дома, семейства, дѣтей, на совершенно чужой ему сторонѣ, имѣетъ въ виду зашибить себѣ кое-какую деньгу, воротиться потомъ домой, уплатить подати и прожить зиму. Вмѣсто того, онъ тутъ-же спускаетъ весь свой заработокъ и остается ни съ чѣмъ. Ему иногда не только ничего не удается сберечь и свезти домой, но случается, что вслѣдствіе разныхъ штрафовъ за нимъ накопляются еще значительные начеты. Боясь именно этого послѣдняго обтоятельства, онъ и стремится уйти скорѣе домой, нарушая такимъ образомъ заключенное съ нимъ условіе, что въ свою очередь ведетъ къ болѣе или менѣе значительной неустойкѣ.

Такой «бунтъ» случился недавно въ одномъ изъ имѣній Петербургской губерніи и уѣзда. Крестьяне нанялись по 45 руб. за лѣто (6 или 7 мѣсяцевъ), проработали съ послѣдцихъ чиселъ, кажется, апрѣля до 30-го іюля, а ушли безъ ничего, за иключеніемъ заранѣе полученныхъ ими задатковъ; напротивъ того, за каждымъ изъ нихъ числится разныхъ начетовъ по 100 руб. Между тѣмъ нанявшіе ихъ желали имъ всего лучшаго, начиная съ платы въ 45 руб., которая обыкновенно бываетъ гораздо ниже (25—30 руб.) и кончая обхожденіемъ и пр. Единственная ошибка сосстороны нанимателя, которая, надо замѣтить, встрѣчается сплошь и рядомъ, состояла въ томъ, что онъ плохо распорядился насчетъ продовольствія рабочихъ. Имъ полагалась, кажется, по 1½ пуда на человѣка, если не больше, чистой, просѣянной и хорошей муки въ мѣсяцъ и по 7 к. въ сутки на приварку на человѣка. Распорядитель, старшина артели, началъ съ того, что пропилъ 75 руб. артельныхъ денегъ, закупалъ безъ толку провизію, хлѣбъ пекли плохо, приварки были недоброкачественны и т. д. Вотъ тутъ-то и начинается броженіе умовъ, которое кончилось аре-

стами, удаленіемъ зачинщиковъ и вообще всѣми послѣдствіями «бунта»; а рабочіе все-таки ушли раньше срока съ начетомъ по 100 руб. на каждаго. Между тѣмъ будь пища удовлетворительнѣе, ничего подобнаго не могло бы случиться, потому что рабочіе не имѣли никакого другаго повода быть недовольными. Хозяева, которые въ нихъ очень нуждались, всячески старались ихъ удовлетворять, давали имъ разныя льготы, обѣщали уничтожить всѣ имѣвшіеся за ними начеты; но ничто не помогло, рабочихъ нельзя было удержать, и они тайкомъ ушли.

Если просмотрѣть исторіи другихъ подобныхъ бунтовъ, то всѣ онѣ окажутся совершенно другъ на друга похожими, какъ двѣ капли воды. Вездѣ одна и та же причина производитъ одни и тѣ же послѣдствія. Но у насъ еще не всѣ понимаютъ важность этого вопроса.

Совсѣмъ иначе относятся къ нему за-границей — въ Америкѣ, Англіи, Швеціи и другихъ странахъ Европы. Такъ напр., еще недавно въ одномъ изъ американскихъ изданій, именно въ журналѣ «Technologiste», я встрѣтилъ статью, подъ заглавіемъ: «Public Health is Public Wealthe *), посвященную этому вопросу. Названный журналъ счелъ даже нужнымъ открыть у себя особый отдѣлъ по вопросу о народномъ здравіи, гдѣ разсматриваются всѣ условія положенія рабочаго класса, указывается на недостатки теперешнихъ ихъ жилищъ, пищи и вообще всего того, что касается быта этого класса. Рядомъ съ этимъ имѣются указанія, какъ слѣдуетъ строить жилища рабочихъ и какъ ихъ вентилировать, чтобы они удовлетворяли всѣмъ требованіямъ гигіены и проч. Въ первой статьѣ, которою открывается этотъ отдѣлъ, редакція формулируетъ его необходимость въ слѣдующихъ весьма замѣчательныхъ словахъ: «Быть можетъ, говоритъ она, нѣтъ другаго вопроса такой значительной важности и такъ дурно понятаго, какъ вопросъ о народномъ здравіи и народной силѣ. Расточительность въ употребленіи и разрушеніи человѣческой жизни является неизбѣжною чертою при быстромъ развитіи и ростѣ молодой націи; но теперь, когда наше населеніе достигло численности въ 30 или 40 милліоновъ, конечно, вполнѣ пора, чтобы мы обратили серьезное вниманіе на уничтоженіе этой неправильной траты. Мы по всему пространству нашего обширнаго отечества строимъ съ замѣчательною быстротою желѣзныя дороги, телеграфы, плавильни (литейные заводы), машинныя мастерскія, факторіи и товарные магазины, но ни-

*) Народное здравіе есть народное богатство.

какая сумма теперешняго благоденствія не въ состояніи будетъ вознаградить насъ за продолжительное пренебреженіе къ законамъ человѣческаго здравія. Англія уже сильно встревожилась громадною потерею, которую она терпитъ отъ напрасныхъ болѣзней и значительной траты времени и силы ея рабочаго населенія, и выказываетъ много усердія въ улучшеніи его положенія. Нью-Іоркъ, равно какъ и многія другія части Соединенныхъ Штатовъ, не можетъ допустить того, чтобы такъ много отстать отъ Англіи въ этомъ дѣлѣ. Въ нарушеніе простѣйшихъ законовъ, мы поспѣшно настроили огромную груду такихъ зданій, которыя только немногимъ лучше большихъ могилъ, назначенныхъ для преждевременнаго погребенія живущихъ. Почти половина населенія этого города спитъ въ темныхъ чуланахъ, совершенно лишенныхъ солнечнаго свѣта и едвали когда-нибудь освѣжаемыхъ чистымъ воздухомъ. Ни въ одномъ городѣ въ мірѣ, вѣроятно, такая значительная часть изъ жилищъ рабочаго класса не выстроена съ такимъ поражающимъ пренебреженіемъ къ двумъ основнымъ требованіямъ человѣческаго существованія—свѣта и чистаго воздуха. И не въ однихъ только нашихъ жилыхъ помѣщеніяхъ чувствуется потребность въ этихъ великихъ санитарныхъ агентахъ. Во многихъ изъ нашихъ факторій, училищъ, церквей и другихъ строеніяхъ существуетъ тотъ же недостатокъ.

«Будучи вполнѣ убѣждены въ той истинѣ, что никакая нація не можетъ прогрессировать съ тою силою и могуществомъ, какіе ей необходимы, чтобы быть въ состояніи поддержать подобающее мѣсто среди другихъ народовъ земнаго шара, если не обратитъ строгаго вниманія на сохраненіе силы и здоровья ея индивидуальныхъ членовъ, мы намѣреваемся дать надлежащее мѣсто на страницахъ «Technologist'a» вопросу о народномъ здравіи, насколько оно касается жилищъ, занятій и состоянія (быта) рабочаго класса, въ чемъ ему слишкомъ долго было отказываемо промышленными журналами нашей страны» *).

Вотъ какъ относятся къ вопросу о народномъ здравіи въ Америкѣ, то есть въ странѣ, гдѣ рабочая плата доходитъ до 10 долларовъ (15 р.) и не бываетъ менѣе $1^1/_2$—2 долларовъ (2—3 р.) въ день, и гдѣ слѣдовательно рабочій имѣетъ шансы жить гораздо лучше, чѣмъ напримѣръ у насъ. Онъ и дѣйствительно живетъ несравненно

*) Technologist, Fabruary. 1870, 10 page. New-Iork.

лучше нашего рабочаго; но это все-таки не удовлетворяетъ разсчетливыхъ американцевъ, видящихъ въ плохомъ положенiи рабочаго класса величайшее зло для своего отечества. Просматривая въ «Technologist'ѣ» статьи, касающiяся этого вопроса, можно легко видѣть, какъ горячо американцы принимаются за его рѣшенiе, причемъ они ни чуть не стѣсняются выставлять на судъ общества всѣ свои слабыя стороны. Они хорошо понимаютъ, что вся промышленность страны страдаетъ отъ неудовлетворительнаго положенiя рабочаго класса — единственнаго производителя всѣхъ тѣхъ цѣнностей, какими располагаетъ страна.

То, что въ Америкѣ и въ Западной Европѣ называется неудовлетворительнымъ или даже сквернымъ, у насъ было бы превосходно. Тамъ рабочiй питается и пьетъ хорошо. Онъ ни одинъ день не обойдется безъ мяса, вина, пива и проч., живетъ себѣ болѣе или менѣе комфортабельно, однимъ словомъ знаетъ во всякомъ случаѣ, что значитъ пожить хорошо. Несмотря на это, американцы не удовлетворяются теперешнимъ положенiемъ рабочаго класса, а желаютъ его улучшить. Притомъ они и не думаютъ объяснять бѣдность рабочихъ ихъ лѣностью, пьянствомъ и т. д., а сознаютъ себя въ этомъ виновными. У насъ же, напротивъ, причину бѣдственнаго положенiя рабочихъ постоянно сваливаютъ на нихъ же самихъ.

III.

Въ Западной Европѣ пришли къ тому убѣжденiю, что лучшимъ средствомъ къ улучшенiю быта рабочихъ можетъ служить производительная ассоцiацiя, т. е. артельная форма труда, которая у насъ искони существуетъ. Нашему народу эта форма производства вполнѣ сродственна. Всякое дѣло ведется у него артелью. Сама семья нашего крестьянина есть ничто иное, какъ артель. У всѣхъ членовъ семьи общiй столъ, общее помѣщенiе и все, что каждый членъ ея заработаетъ, принадлежитъ всей артели, т. е. семьѣ. Они сообща вносятъ подати, сообща исполняютъ лежащiя на всѣхъ членахъ повинности и проч. Далѣе, и общинное владѣнiе землею точно также есть ничто иное, какъ артельное владѣнiе, по крайней мѣрѣ таковымъ оно было въ началѣ. Теперь общинное владѣнiе утратило нѣсколько свой прежнiй характеръ и каждый общинникъ самъ долженъ стараться объ обработкѣ своего участка. Осталась только общая повинность съ кру-

говою порукою, одинаково тягостною, какъ для исправныхъ, такъ и неисправныхъ плательщиковъ.

Въ западной Европѣ стараются какъ можно болѣе распространять производительныя ассоціаціи. Тамъ находятъ, что положеніе рабочаго класса можетъ только тогда существенно улучшиться, когда всѣ продукты труда будутъ принадлежать рабочему, а это возможно только тогда, когда рабочій будетъ хозяиномъ своего дѣла, т. е. когда капиталъ и трудъ будутъ соединены въ одномъ лицѣ. Къ такому результату пришли на Западѣ.

У насъ же артельное производство, напротивъ, все болѣе и болѣе искажается и утрачиваетъ свое полезное значеніе. По мѣрѣ того, какъ рабочій классъ бѣднѣетъ и богатство скопляется въ немногихъ рукахъ, артельная кооперація теряетъ для рабочихъ всякое значеніе, а всѣми выгодами пользуются кулаки-капиталисты. Тамъ, гдѣ производство не требуетъ затраты большаго капитала, тамъ артельная форма труда еще практикуется довольно успѣшно. Тамъ же, гдѣ данное производство или данный промыселъ требуетъ участія значительнаго капитала, рабочіе подпадаютъ подъ вліяніе капиталиста даже тогда, когда они соединяются въ артель. Особенно часто это явленіе встрѣчается на сѣверѣ, гдѣ кулачество пустило глубокіе корни, гдѣ оно деморализуетъ общество, раззоряетъ его и ведетъ къ гибели все населеніи края. Фактическое подтвержденіе этого можно найти въ третьемъ выпускѣ «Трудовъ арханг. губ. статист. комитета за 1867 и 1868 г:» и въ «Сборникѣ народныхъ инородческихъ обычаевъ Арханг. губ.», составленномъ дѣйствительнымъ членомъ архангельскаго статистическаго комитета, П. С. Ефименко.

Въ Архангельской губерніи артельная форма труда, встрѣчающаяся во всѣхъ возможныхъ видахъ, выработала себѣ нѣкоторыя замѣчательныя особенности. Рыбные и звѣриные промыслы, которые составляютъ почти единственное средство къ существованію населенія, производятся на артельныхъ началахъ. Примѣръ особенно удачнаго соединенія капитала и труда въ лицѣ одного только работника представляетъ сельдяной промыселъ въ части моря, сосѣдней къ селенію Кандалакшѣ, въ селеніяхъ Ковдѣ и Княжой. Ловъ на такихъ мѣстахъ производится всѣмъ міромъ и добытое дѣлится по душамъ слѣдующимъ образомъ. Предварительно опредѣляютъ, сколько нужно рабочихъ для производства лова, и рѣшаютъ, сколько душъ должны выставить одного работника. Если нужно напр. одного съ трехъ

душъ, то дворъ изъ трехъ душъ посылаетъ одного, дворъ изъ шести душъ—двухъ и т. д.; если же въ домѣ двѣ души, то онъ присоединяется къ такому, въ которомъ четыре и оба посылаютъ двухъ работниковъ. Каждый работникъ долженъ принести съ собою необходимыя орудія лова и соль. Вырученныя отъ огульной продажи общаго лова деньги раздѣляются поровну между всѣми работниками, участвовавшими въ ловѣ. Работники-же, въ свою очередь, если не принадлежатъ къ одному дому, раздѣляютъ полученный заработокъ пропорціонально числу душъ домовъ, къ которымъ они принадлежатъ. Затѣмъ, если какое-нибудь семейство имѣетъ возможность, кромѣ участія въ мірскомъ ловѣ, отдѣльно отъ другихъ, заниматься этимъ же промысломъ, то такое занятіе ему допускается, только не въ тѣхъ участкахъ, которые принадлежатъ всему міру (Сборникъ, стр. 134).

Въ Пустозерской волости для производства рыбнаго промысла артель составляется на иныхъ началахъ. Тамъ обыкновенно при ревизіи собираются въ городъ, т. е. въ Пустозерскъ, хозяева семействъ всѣхъ 17 деревень, приписанныхъ къ этой волости. Всѣ жители этихъ деревень раздѣляются на 10 сотенъ; въ какой деревнѣ не хватаетъ душъ, къ той присчитываются души изъ другихъ деревень. Потомъ опредѣляютъ, сколько слѣдуетъ имѣть неводовъ на каждую сотню и въ какихъ мѣстахъ. Для возможнаго уравненія шансовъ улова, мѣста для рыбной ловли между сотнями распредѣляются такъ, чтобы и верхняя сотня пользовалась болѣе богатымъ низовымъ ловомъ и нижнія получили нѣсколько менѣе выгодныхъ мѣстъ въ верховьяхъ всей дачи. Затѣмъ каждая сотня распредѣляетъ доставшіеся ей участки между составляющими ее деревнями, а потомъ уже въ каждой деревнѣ назначается, поскольку душъ должно придтись на каждый неводъ (поплавень). На каждый поплавень приходится отъ 5 до 6 паевъ и къ каждому паю приписывается по ровному числу душъ, которые уже отъ себя выставляютъ работника, свою долю сѣтей, веревокъ и пр. Работники нанимаются (хотя бы они были даже изъ тѣхъ же семействъ, которыя ихъ выставляютъ) за деньги или изъ части въ уловѣ (Сборн., стр. 146—147). Эта форма артели отличается отъ предыдущей именно тѣмъ, что трудъ раздѣляется по неводамъ, причемъ, понятно, и добыча становится неравномѣрною для всѣхъ участвующихъ въ промысловомъ дѣлѣ. Въ первомъ примѣрѣ весь уловъ продается огульно и выручка дѣлится по числу ра-

работниковъ и душъ, а въ настоящемъ случаѣ каждый поплавень, составляя совершенно самостоятельную единицу, дѣлится тѣмъ же порядкомъ, только между своими сочленами, а до другихъ поплавней ему нѣтъ никакого дѣла.

Подобныя артели, впрочемъ, не всегда возможны. Онѣ возможны только тогда, когда у общины имѣются средства для закупки всѣхъ необходимыхъ орудій и матеріаловъ при производствѣ работъ. Въ противномъ случаѣ права на участки уступаются другимъ, что совершается двоякимъ образомъ: или каждый членъ продаетъ свое право кому нибудь другому и въ такомъ случаѣ вполнѣ зависитъ отъ покупателя, который даетъ ему столько, сколько вздумаетъ; или же права на пользованіе участками промысла продаются всею общиною. Въ послѣднемъ случаѣ выгоды каждаго члена ограждаются гораздо болѣе, чѣмъ въ первомъ. Такъ, въ деревнѣ Варзугѣ всѣ домохозяева изъ приписанныхъ деревень, числомъ 987 душъ, собираются каждый годъ для продажи съ аукціона мѣстъ, гдѣ ловится семга. Всѣ 987 душъ дѣлятся на пять частей, называемыхъ ярлыками, что дѣлается отъ ревизіи до ревизіи. Каждый ярлыкъ собирается въ отдѣльной избѣ, но для возможно большаго уравненія выгодъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою долю во всѣхъ рыболовныхъ участкахъ. Каждый ярлыкъ продаетъ принадлежащія ему доли изъ разныхъ участковъ, и деньги, полученныя за проданные участки, дѣлитъ поровну по душамъ, но при этомъ прежде всего считаются подати, а затѣмъ незначительный остатокъ распредѣляется по рукамъ (Сбор. стр. 136—137). Такое устройство представляетъ ту значительную выгоду, что затрудняетъ снятіе лучшихъ участковъ однимъ и тѣмъ же лицомъ за дешевую цѣну, потому что раздѣленіе каждаго участка на пять частей дозволяетъ покупать ихъ не однимъ только богатымъ, а самый торгъ, производимый одновременно въ пяти избахъ, затрудняетъ стачки торгашей.

Далѣе, на сѣверѣ артельная форма производства проявляется и въ томъ случаѣ, если предпринимателемъ какого нибудь дѣла является одно только лицо, именно капиталистъ, напр. въ тѣхъ случаяхъ, когда промыселъ вольный, т. е. когда право ловли принадлежитъ всякому, кто захочетъ заниматься даннымъ промысломъ, напр. тресковымъ, бѣлужьимъ, тюленьимъ и моржовымъ. Но въ этомъ случаѣ артельная форма болѣе или менѣе искажается, смотря по тому, на сколько въ данномъ промыслѣ преобладаетъ капиталъ или трудъ.

Предпринимателями обыкновенно являются лица, имѣющія какой нибудь запасный капиталъ. Они составляютъ съ рабочими артель; работники идутъ къ нимъ въ покрутъ, т. е. изъ опредѣленной доли въ приобрѣтенной добычѣ. Такимъ образомъ составляется ассоціація труда и капитала, представляемыхъ отдѣльными личностями. Подобнаго рода артель въ настоящее время, когда у рабочихъ нѣтъ средствъ соединить капиталъ и трудъ въ одномъ лицѣ, была бы наиболѣе желательна. Но для этого необходимо, чтобы лица, составляющія съ работниками ассоціацію, были болѣе развиты, болѣе нравственны и лучше понимали свои собственные интересы. На Сѣверѣ же кулаки — народъ большею частью самый неразвитый, и они всегда захватываютъ себѣ львиную долю въ барышахъ промысла.

Возьмемъ для примѣра тресковый промыселъ на Мурманскомъ берегу. Артель, составляющая тамъ промысловую единицу, состоитъ изъ 4 человѣкъ. На основаніи постояннаго, неизмѣннаго правила, сумма, вырученная за продажу всей наловленной рыбы, дѣлится такъ, что двѣ трети ея идутъ хозяину и лишь одна треть работникамъ. Эта треть дѣлится между ними поровну, такъ что каждый получаетъ по 1/12 всего улова, что составляетъ пай. Двѣ трети пая хозяинъ уступаетъ кормщику въ видѣ прибавки, за тѣмъ на долю хозяина остается 7 1/3 пая (стр. 117). По разсчету, сдѣланному г. Данилевскимъ (Сборн. стр. 124—25), на каждый пай при среднемъ уловѣ слѣдуетъ положить около 60 р. сер. Если изъ причитающихся на долю предпринимателя 480 р. вычесть около 75 р. расходовъ на прокормъ и подарки рабочимъ и около 250 р. на обзаведеніе необходимыми для производства промысла орудіями, всего 325 р., то окажется, что хозяинъ въ первый же годъ получитъ чистаго дохода около 2 1/2 паевъ, т. е. 155 р. или болѣе 47% чистой прибыли.

Тамъ, гдѣ населеніе вовсе не въ состояніи завестись всѣми необходимыми орудіями и матеріаломъ для производства промысла, тамъ оно окончательно подпадаетъ подъ страшную эксплуатацію мѣстныхъ кулаковъ и артельная форма производства окончательно теряетъ свой смыслъ.

Такъ, въ Колѣ всего двое капиталистовъ держатъ въ своихъ рукахъ почти всѣ промыслы, страшно эксплуатируя промышленниковъ, которые не въ состояніи завести на свой счетъ все необходимое для промысловаго предпріятія. Вотъ что разсказано въ Сборникѣ архангельск. стат. комитета о положеніи этого люда. Всѣ неимѣющіе

средствъ завести собственной снасти, какъ лопари, такъ и бѣднѣйшіе изъ жителей Колы, промышляютъ на хозяевъ, какъ работники, изъ опредѣленнаго покрута. Провизія и снасть—хозяйскія, шняки же (морскія рыбопромышленныя лодки) должны быть пополамъ между промысловыми артелями и хозяевами, именно: если шняка хозяйская, то артель платитъ половину назначаемой обыкновенно за шняку кортомы, а если она принадлежитъ промышленнику, то хозяинъ приплачиваетъ имъ ту же сумму. За неводъ артельщики платятъ 10 р. сер., за столъ, чаны, котлы и проч. 5 руб. Всѣ эти деньги вычитываются хозяиномъ изъ промысловой суммы. Уловленная рыба дѣлится пополамъ между хозяиномъ и промышленниками, и ихъ половина непремѣнно сдается хозяину по произвольно назначенной имъ цѣнѣ. Когда покрутчепники и ихъ кормщики, по малому улову рыбы или по низкой ея цѣнѣ, не могутъ отпромышлять своему хозяину за забранные ими долги, въ такомъ случаѣ они обязаны идти отъ того же хозяина на слѣдующую весну, только съ меньшею задачею денегъ и провизіи; въ случаѣ же нежеланія покрутченника идти отъ стараго хозяина на будущее время, онъ обязанъ взнести послѣднему свой долгъ наличными деньгами. Когда промышленникъ потеряетъ веревку или что-нибудь другое, то хозяинъ кладетъ ему на счетъ, т. е. вычитаетъ за это изъ его части. При расчетѣ, денегъ на руки покрутченникамъ никогда не даютъ, а снабжаютъ ихъ товаромъ, нужнымъ и ненужнымъ,—контрабанднымъ ромомъ, чаемъ, сахаромъ, съѣстными припасами и пр. (стр. 131 — 32). Слѣдовательно, за то только, что во время промысла мнимые половинщики получаютъ хозяйскую провизію, они должны подѣлиться половиною всего промысла, да и остальную часть отдать непремѣнно тому же хозяину не торгуясь, а за столько, сколько послѣдній соизволитъ положить самъ. Такимъ образомъ существованіе артелей, съ правомъ пользованія извѣстною долею отъ всего улова, не спасаетъ бѣднаго человѣка отъ эксплуатаціи, какъ скоро онъ принужденъ входить съ капиталистомъ въ сдѣлку и если этотъ капиталистъ человѣкъ грубый и невѣжественный. Голодный желудокъ уступаетъ въ этомъ случаѣ львиную долю сытому, а самъ довольствуется только скудными остатками.

На выволочномъ промыслѣ покрутчики ходятъ на своемъ содержаніи; артель тамъ дѣлится только на 8 паевъ, изъ которыхъ $4^1/_2$ идутъ хозяину, а остальные $3^1/_2$ рабочимъ, число которыхъ тутъ

почти вдвое больше, чѣмъ въ предыдущихъ примѣрахъ, именно ихъ полагается 7 человѣкъ (Сборн. стр. 161).

Число кулаковъ, держащихъ въ своихъ рукахъ все сѣверное населеніе, невелико. Какихъ-нибудь 25 скупщиковъ закабалили, напр., все Поморье. У нихъ даже существуетъ особая поговорка: «пусти душу въ адъ, такъ и будешь богатъ» (стр. 88). Какой-нибудь Иванъ-чай продается ими отъ 1 р. 40 до 2 р. сер. за 1 фунтъ; вмѣсто рома отпускается водка, подкрашенная сандаломъ и т. п. А между тѣмъ скупщики сами при покупкѣ крестьянскихъ продуктовъ дешевятъ все до крайности. Лопари и самоѣды подвергаются такой грубой эксплуатаціи съ ихъ стороны, что она безъ всякаго преувеличенія можетъ быть названа грабежомъ. Два-три кольскихъ купца, напр., произвольно подѣлили между собою всѣ лопарскія селенія и эксплуатируютъ ихъ какъ хотятъ. Лопарь никогда не выходитъ у нихъ изъ долга; они оплачиваютъ всѣ его подати и за это имѣютъ удовольствіе держать въ своихъ рукахъ цѣлыя селенія темнаго и бѣднаго люда и распоряжаться имъ, какъ своею собственностью, такъ что лопари иначе и не называютъ ихъ, какъ своими господами (стр. 90).

Печерскій край тоже имѣетъ своихъ собственныхъ господъ,—это чердынцевъ, которые съ открытіемъ навигаціи наплываютъ съ своими каюками и барками въ значительныя селенія, тоже предварительно и полюбовно подѣленныя ими между собою (стр. 92). Товары свои они раздаютъ больше въ долгъ, но за то и промышленники обязываются непремѣнно только имъ отдавать все напромышленное, и хотя цѣна назначается по обоюдному согласію, но всѣ выгоды бываютъ на сторонѣ чердынцевъ. Съ помощью водки и подкуповъ зажиточныхъ крестьянъ-промышленниковъ чердынецъ устанавливаетъ на товаръ такую цѣну, какую ему хочется, и волею неволею заставляетъ всѣхъ остальныхъ сдавать ему все напромышленное уже по объявленной имъ цѣнѣ. Барыши этихъ кулаковъ громадны. Платя, напр., за муку при покупкѣ не дороже 4 р. сер. за куль, да прибавляя еще на про-2 возъ р. 65 коп., они продаютъ ее въ Печорѣ за 12 руб. и это только на деньги. Какой же процентъ получаетъ чердынецъ, когда мѣняетъ товаръ на товаръ задолжавшему у него большинству населенія? Не даромъ же печорцы, вслѣдствіе такихъ порядковъ торговли говорятъ, что чердынцы объѣли ихъ начисто и теперь выѣдаютъ мозгъ изъ костей ихъ (Сборн. стр. 95).

Вотъ въ какомъ жалкомъ и печальномъ положеніи находится сѣ-

верное населеніе и какъ искажена артельная форма производства, которая на западѣ считается лучшею и которая дѣйствительно должна быть лучшею. Но въ томъ-то и бѣда, что у насъ крестьянинъ, вслѣдствіе своего круглаго невѣжества, не умѣетъ пользоваться тѣмъ, что у него есть, что онъ не сберегаетъ копѣйку, если она у него является, и легко поддается вліянію другихъ, которые умѣютъ его скрутить и захватить въ свои руки и которые большею частью изъ тѣхъ же крестьянъ. Имъ, этимъ послѣднимъ, удалось какимъ-нибудь образомъ нажить кое-какой капиталецъ, и этого имъ достаточно, чтобы запутать своихъ менѣе сильныхъ собратій. Они такимъ образомъ все болѣе и болѣе втягиваютъ себя въ грязь, становятся по мѣрѣ увеличенія своего богатства на счетъ другихъ все болѣе и болѣе жадными и безчеловѣчными, а другіе въ тоже время становятся все бѣднѣе и бѣднѣе и въ концѣ концовъ попадаютъ въ кабалу къ міроѣдамъ, въ полную отъ нихъ зависимость. Кулаки, выходя изъ крестьянской же среды, знаютъ всѣ ея нужды, и будучи безъ всякаго образованія и круглыми невѣжами, безсовѣстнѣйшимъ образомъ пользуются нуждами крестьянства, эксплуатируя его на каждомъ шагу.

Точно также искажены у насъ всѣ другіе виды артельныхъ коопераций. Напр., артельная форма производства работъ почти всегда примѣняется въ тѣхъ случаяхъ, когда рабочіе берутся выполнить какую-нибудь работу сообща; напр. при постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, при доставленіи грузовъ, при тягѣ судовъ и т. п. Въ этихъ случаяхъ, какъ выше было сказано, всегда артелью управляетъ старшій, который ведетъ всѣ дѣла ея, разсчитываетъ рабочихъ, заботится объ ихъ кормѣ и пр. Этотъ старшій выбирается или самою артелью или же назначается самимъ хозяиномъ, для котораго производится данная работа. Въ обоихъ случаяхъ почти всегда онъ безсовѣстнѣйшимъ образомъ обираетъ всѣхъ рабочихъ, которымъ большею частью приходится возвратиться домой безъ гроша денегъ. Это явленіе мы всюду замѣчаемъ, напр., на каменьщикахъ, плотникахъ и другихъ, приходящихъ на лѣто изъ великорусскихъ губерній въ Одессу и другіе города Новороссійскаго края, гдѣ задѣльная плата чрезвычайно высока, гдѣ поденьщикъ получаетъ 2—3 руб и больше въ сутки и гдѣ, слѣдовательно, онъ можетъ находиться въ такихъ же благопріятныхъ условіяхъ, какъ напр. американскій работникъ. Но эти деньги по большей части не попадаютъ въ руки рабочихъ, а почти цѣликомъ остаются у тѣхъ подрядчиковъ, приказчиковъ и надзорщиковъ, ко-

торые считаются у нихъ старшими, которые ихъ всегда при разсчетахъ опиваютъ и обсчитываютъ.

Такое же явленіе мы замѣчаемъ на артеляхъ, работающихъ на золотыхъ промыслахъ. Однимъ словомъ, всюду мы видимъ, что работники при работахъ всегда примѣняютъ артельную кооперацію, но всюду она искажается до послѣдней степени. Въ Архангельскѣ, напр., при смоляномъ и льняномъ буянахъ и въ гавани въ лѣтнее время работаютъ на архангельскихъ конторахъ нѣсколько сотъ человѣкъ и всѣ они, какъ водится, составляютъ артель. Даже можно встрѣтить вывѣску, на двухъ или трехъ языкахъ, гласящую о существованіи артели рабочихъ при архангельскомъ портѣ. Можно подумать, что тутъ дѣйствительно примѣнена артельная форма производства работъ, но на дѣлѣ оказывается совершенно другое. Староста артели хотя изъ тѣхъ же крестьянъ, но онъ ни что иное, какъ приказчикъ архангельскихъ конторъ и получаетъ отъ нихъ по 600 р. въ годъ жалованья. Слѣдовательно, онъ уже тутъ дѣйствуетъ не въ пользу артели, а въ пользу своихъ хозяевъ. Рабочіе тутъ являются простыми наемщиками. Но этотъ староста и себя не забываетъ. Получая жалованья всего 600 р. въ годъ, онъ проживаетъ по двѣ и больше тысячи руб. въ годъ, имѣетъ домъ, неуступающій по богатству дому своего хозяина, и нерѣдко, кромѣ того, ведетъ самостоятельную торговлю, однимъ словомъ живетъ не хуже любого купца. Откуда, спрашивается, беретъ онъ столько средствъ, чтобы такъ роскошно жить, имѣя всего 600 р. въ годъ? Понятно, съ тѣхъ рабочихъ, интересы которыхъ онъ, какъ староста, долженъ соблюдать. Рабочіе большею частью народъ бѣдный, задолжавшій старостѣ, который въ глухую зимнюю пору даетъ рабочему хлѣбъ и другіе необходимые предметы, а лѣтомъ вычитываетъ изъ заработковъ его, назначая, понятно, на все высокія цѣны, какія ему только вздумается. За отдаваемые въ займы деньги онъ беретъ страшные проценты. Онъ не гнушается и явно мошенническими пріемами. Такъ, при ежемѣсячныхъ разсчетахъ съ рабочими, получивъ отъ конторы деньги, онъ созываетъ рабочихъ, покупаетъ водки, напаиваетъ ихъ, и когда они порядочно опьянѣютъ, дѣлаетъ разсчетъ, по которому рабочіе обыкновенно не дополучаютъ отъ 10 до 30 коп. за рабочій день, смотря по тому, какой былъ заработокъ въ теченіе мѣсяца; а заработокъ бываетъ отъ 60 до 80 коп. и часто доходитъ до 1 руб. въ день. Въ началѣ прошлаго года въ одномъ изъ №№ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» была

помѣщена корреспонденція изъ Архангельска, въ которой описываются артели въ архангельской губерніи. Въ ней приводится весьма интересный разсчетъ несомнѣнныхъ барышей артельнаго старосты; приводимъ его цѣликомъ. «Въ мѣсяцѣ считается 24 рабочихъ дня. Если староста утянетъ у рабочихъ среднимъ числомъ по 15 коп. въ день, въ мѣсяцъ онъ получитъ 3 р. 60 коп. съ одного рабочаго, а со 100 рабочихъ, находящихся у него въ артели, 360 руб.; слѣдовательно, въ теченіе 4 рабочихъ мѣсяцевъ 100 человѣкъ рабочихъ теряютъ 1,440 руб., кромѣ процентовъ, которые беретъ староста за товаръ, отпускаемый имъ зимою въ долгъ и которые опредѣлить довольно трудно; можно только предполагать, что при угощеніи водкою полученіе старостою долговъ тоже даетъ ему большой процентъ на капиталъ, употребленный на покупку товара и въ сущности принадлежащій тѣмъ же рабочимъ». При этомъ корреспондентъ весьма справедливо замѣчаетъ, что сумма 1,440 р. была бы вполнѣ достаточна для уплаты податей и повинностей. Рабочій отдаетъ большую часть своихъ заработковъ старостѣ, а другую часть пропиваетъ, вслѣдствіе чего становится неисправимымъ плательщикомъ податей, за нимъ накопляются недоимки, онъ раззоряется и превращается въ полнаго крѣпостнаго у кулака, котораго онъ еще въ простотѣ своей считаетъ человѣкомъ необходимымъ.

Точно въ такомъ же искаженномъ видѣ примѣнено артельное начало при вырубкѣ лѣсовъ для лѣсопильныхъ заводовъ. Приказчиками архангельскихъ конторъ отводятся артелямъ участки лѣсу, въ которыхъ они рубятъ деревья извѣстной толщины, длины и качествъ и по опредѣленной цѣнѣ за каждое бревно. Тутъ кажется, будто рабочая артель является самостоятельною и сколько она выработаетъ, столько же и получитъ. Но на дѣлѣ это вовсе не такъ. Приказчики купеческихъ конторъ поступаютъ съ рабочими не лучше артельныхъ старостъ; рабочіе у нихъ постоянно въ долгу и вѣчно ими закабалены. Но тутъ еще интересна другая сторона дѣла. Приказчики, указывая рабочимъ мѣста для рубки лѣса, указываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и что рубить. Тѣ, понятно, буквально исполняютъ, что имъ приказываютъ. Они, слѣдовательно, являются лицами пассивными и очевидно неотвѣтственными за то, что они рубятъ напримѣръ въ недозволенномъ мѣстѣ. Но на дѣлѣ оказывается совершенно иное. Если приказчики имъ отведутъ участокъ, въ которомъ они не имѣютъ права рубить, или если приказчики укажутъ рабочимъ бревна такихъ размѣровъ,

которые рубить запрещено, то рабочіе, исполняющіе заданную работу, отвѣчаютъ за незаконную порубку, если она будетъ открыта. Ихъ тогда считаютъ за самостоятельную единицу, на которую купеческія конторы сваливаютъ всю отвѣтственность. Артель, говорятъ конторы, есть нашъ подрядчикъ, который взялся намъ доставить такое-то количество бревенъ, а гдѣ и что онъ вырубитъ,—это не наше дѣло. И дѣйствительно, съ артелью заключаются подобныя письменныя условія и ей поэтому приходится платиться страшными штрафами за самовольныя порубки. Артельщикамъ вслѣдствіе этого почти никогда ничего не остается изъ жалкихъ заработковъ, и они попадаютъ въ тѣ же неоплатные долги и въ ту же вѣчную кабалу, не смотря на то, что работа ведется у нихъ на артельныхъ началахъ.

Тѣ же обстоятельства прямо вліяютъ на состояніе промысловъ въ сѣверной части Россіи и гибельно отражаются на интересахъ сельскаго населенія. Но кромѣ этихъ обстоятельствъ есть много другихъ, которыя препятствуютъ успѣшному развитію на сѣверѣ Россіи такихъ промысловъ, которые могли бы доставлять значительныя выгоды сельскому населенію и существенно улучшить его бытъ. Чтобы познакомить читателей съ характеромъ этихъ препятствій, я подробно изложу положеніе наиболѣе важнаго промысла на сѣверѣ Россіи и вмѣстѣ съ тѣмъ укажу и на средства, которыя могли бы поправить дѣло.

IV.

Одно изъ самыхъ важныхъ производствъ сѣвернаго края есть сухая перегонка дерева. Положеніе этой отрасли промышленности по истинѣ печальное. Всѣ условія, которыми она обставлена, какъ-бы нарочно сгруппированы такъ, чтобы только препятствовать ей на каждомъ шагу. Съ одной стороны, неумѣнье вести дѣло со стороны самихъ крестьянъ, съ другой—неимовѣрныя пошлины со всѣми ихъ послѣдствіями; далѣе—громадность пространства, отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, дальность рынковъ сбыта, вслѣдствіе чего производители принуждены бываютъ обращаться къ посредству скупщиковъ-кулаковъ; наконецъ отсутствіе всякой конкуренціи въ главномъ пунктѣ сбыта лѣсныхъ издѣлій—въ Архангельскѣ—вслѣдствіе чего понижается и безъ того ничтожный заработокъ смолокура.

Веденіе дѣла крестьянами крайне плохое; жаль смотрѣть, какъ много тратятъ они труда, времени и матеріала, вслѣдствіе нераціональности употребляемыхъ ими способовъ выкурки смолы и дегтя. А трудъ этотъ чрезвычайно тяжелый и непріятный. Такъ напр., на заводахъ, гдѣ гонится деготь, стоитъ постоянный удушливый запахъ отъ паровъ дегтя, который выдѣляется въ воздухъ, вслѣдствіе худаго охлажденія продуктовъ сухой перегонки. Непривыкшему къ этому дыму человѣку нельзя и пяти минутъ пробыть на такомъ заводѣ: онъ сейчасъ начнетъ кашлять и поспѣшитъ уйти оттуда.

Еще болѣе тяжела работа смолокуровъ, которая по истинѣ можетъ быть названа каторжною. По окончаніи одной перегонки, не медленно приступаютъ къ другой, не смотря на то, что смолокуренная печь еще не успѣла охладиться и огонь въ топкахъ ея не потушенъ. Выгребя уголья, печь сейчасъ же наполняютъ снова смольемъ, чтобы такимъ образомъ выигрывать во времени и топливѣ; но вслѣдствіе этого получится меньше продуктовъ и, слѣдовательно, потратится даромъ много матеріала, на добываніе котораго они потратили гораздо больше труда и времени. Печь при вторичной нагрузкѣ ея смольемъ бываетъ такъ горяча, что рабочій, наполняющій ее смольемъ, долженъ входить въ нее въ одной только рубашкѣ, вслѣдствіе чего, впрочемъ, еще скорѣе прожигается его тѣло. Отъ духоты (въ печь, чтобы ее охладить, бросаютъ снѣгъ), чада и жара рабочій въ первое время и двухъ секундъ не можетъ оставаться въ печкѣ. Онъ выбѣгаетъ оттуда распотѣвшій на 30—40 градусный морозъ. Понятно, какъ это должно дѣйствовать на организмъ смолокуровъ. Если они еще люди нетерпѣливые и неосторожные и послѣ такой операціи, немедленно по выходѣ изъ печки, напьются холодной воды, чтобы утолить жажду, то почти всегда заболѣваютъ чахоткою и затѣмъ умираютъ. Случается даже такъ, что подобный неосторожный смолокуръ, выпивъ холодной воды, тутъ же начинаетъ кашлять и харкать кровью.

Что же смолокуры и дегтекуры получаютъ за свой трудъ? Вотъ что имъ достается за эту каторжную работу. Для полученія одного пуда дегтя требуется заготовить отъ $3^1/_4$ я до 4 пудовъ скалы, за которою приходится ѣхать верстъ за 50; если же ее покупаютъ, то за нее платить по 15—18 коп. за пудъ. Положимъ, что для одного пуда дегтя потребуется $3^1/_2$ пуда скалы, которую можно будетъ покупать по 16 коп. за пудъ, что составляетъ 56 коп.; пошлины за

скалу, по 6 коп. съ пуда, 21 коп. Всего матеріалъ обходится въ 77 коп. Къ этому надо еще прибавить стоимость бочки и пошлину съ нея, на что приходится по 4 коп. съ пуда (за бочку 80 коп. и пошлины за нее 30 коп., всего 1 р. 10 к., а въ ней дегтю вмѣщается 20—25 пудовъ), такъ какъ при продажѣ дегтя за бочку ничего не берется. Кромѣ того, здѣсь не вошли въ разсчетъ расходы по полученію билетовъ 2 раза по 20 коп. (прошеніе пишется на гербовой бумагѣ, да еще писарю приходится платить каждый разъ коп. по 20 за написаніе прошеній); точно также здѣсь не взято во вниманіе ни время, которое приходится тратить для полученія билетовъ, за которыми производителю нужно съѣздить къ лѣсничему и часто не застать его дома, ни ремонтъ завода (корчаги, въ которыхъ курится деготь, вслѣдствіе быстраго ихъ охлажденія снѣгомъ, скоро трескаются), ни много другихъ расходовъ. Крестьянину такимъ образомъ 1 пудъ дегтя обходится отъ 85 до 90 коп., если даже не больше, на мѣстѣ производства. Что же онъ получаетъ, если на мѣстѣ ему даютъ только 70 коп.? Очевидно, что дегтекуръ, если онъ закупаетъ скалу, получаетъ 20 коп. съ пуда убытку, а трудъ его къ тому еще пропадаетъ даромъ (стоимость работы для выкурки 1 пуда дегтя въ вышеприведенный разсчетъ не вошла). Если же онъ самъ и скалу собираетъ, то ему останется послѣ всѣхъ трудовъ, хлопотъ и разныхъ непріятностей коп. 20—25 съ пуда дегтя. Если же существуютъ еще дёгтекуры, которые закупаютъ для своего производства скалу отъ другихъ, то только потому, что послѣдніе находятся у нихъ въ зависимости и должны, какъ это будетъ объяснено далѣе, доставлять имъ скалу по той цѣнѣ, какую первымъ вздумается назначать. Обыкновенно этимъ кулакамъ закупщикамъ скала достается по 7 коп. за пудъ. Столько выручаетъ дегтекуръ!

Смолокуръ-же зарабатываетъ и того меньше, несмотря на то, что его трудъ еще тяжелѣе. Выше уже было сказано, что смолокуру достается много-много 6 — 8 коп. въ сутки. Крестьянинъ среднимъ числомъ выкуриваетъ отъ 15 до 20 бочекъ смолы въ годъ, т. е. онъ успѣваетъ заготовить и переработать 3 или 4 куб. сажени смолняка (по нормѣ, при печномъ способѣ, полагается 5 бочекъ смолы изъ 1 куб. саж. матеріала). Втеченіе года крестьяне заняты работами по смолокуренію отъ 8 до 9 мѣсяцевъ: весною они мѣсяца два заняты подсочкою лѣса, осенью рубятъ и складываютъ его, потомъ зимою вод-

возятъ смолнякъ къ печкѣ, а въ февралѣ, мартѣ и апрѣлѣ занимаются выкуркою заготовленнаго матеріала.

Вотъ болѣе подробный разсчетъ работы и заработка. Для заготовленія 1 куб. саж. смольняка (въ 1 куб. саж. около 200 деревъ) требуется:

Для подсачиванія втеченіе 5—6 лѣтъ по 3 дня въ годъ, а въ первый годъ 4 — 5 дней	18 дней.
» вырубки и складыванья	3 »
» доставки на заводъ	4 »
» распилки и расколки.	2 »
» выкурки въ печкѣ по $^1/_3$ куб. саж.	6 »
Лошадь для перевозки матеріала и топлива, считая стоимость работы лошади, равной стоимости работы чел.	6 »
Помощникъ смолокура при печкѣ	6 »
Всего . .	45 дней.

Обыкновенно лѣсъ подсачиваетъ *) смолокуръ съ женою и дѣтьми, работа которыхъ не входитъ въ разсчетъ. Не принято также во вниманіе время, нужное для выправки билета, для сплава бочекъ до главной сплавной рѣки, для приготовленія плота и многое другое. Едва-ли мы сдѣлаемъ ошибку, если примемъ, что для заготовки и выкурки 1 куб. саж. смолья рабочему нужно 50 рабочихъ дней. Что же онъ получаетъ за этотъ трудъ? Изъ 1 куб. саж., по нормѣ, полагается 5 бочекъ, но обыкновенно крестьяне получаютъ всего 4 или даже $3^1/_2$ бочки. За 8-ми пудовую бочку печной смолы даютъ 2 р. 75 коп. или 2 р. 70 к. съ доставкою въ Архангельскъ, съ уплатою пошлины, доливомъ и проч. Изъ этого слѣдуетъ вычесть:

Пошлины	80 коп.
Доставка въ Архангельскъ отъ 30 до 40 коп. сред . .	35 »
Скупщикамъ за коммисію по 10 коп. съ бочки . . .	10 »
Доливъ до отправки въ Архангельскъ и по прибытіи туда отъ $^3/_4$ до 1 ведра 10—15 коп. сред.	12 »
Стоимость бочки 15 — 20 коп. сред.	16 »

*) Подсачивать лѣсъ значитъ сдирать съ деревъ кору, вслѣдствіе чего наносятся имъ раны, отъ которыхъ они страдаютъ сокотеченіемъ и подсыхаютъ. Такое раненное дерево богато смолистыми веществами.

пошлины за самую бочку и за дрова для выкурки 1 куб. саж. смолы	12 к.
Ремонтъ печки	10 »
	1 р. 75 коп.

Вычитая изъ 2 р. 75 коп. или даже 2 р. 70 коп. 1 р. 75 коп. получаемъ въ остаткѣ около 1 рубля за бочку. Но если смолокуръ продаетъ свою смолу еще осенью, когда ему нужно уплатить подать и другія повинности, то скупщикъ беретъ себѣ за коммиссію 30 коп. съ бочки,—смолокуру остается коп. 80 за бочку. Но если допустимъ даже, что онъ получитъ за нее рубль и что онъ добудетъ изъ 1 куб. саж. не $3^1/_2$, а 4 бочки, то и въ этомъ, самомъ счастливомъ, случаѣ онъ выручитъ изъ 1 куб. саж. всего 4 руб., что за 50 рабочихъ дней составляетъ по 8 коп. въ сутки. Но скупщики часто взимаютъ еще съ крестьянъ смолокуровъ какіе-то проценты (за ссуду, что-ли), а потому они, вѣроятно, не безъ основанія говорятъ, что крестьянинъ отъ смолокуренія добываетъ лишь 3—5 коп. въ сутки.

Вотъ въ какомъ положеніи находится на сѣверѣ смолокуреніе. Оно еще въ гораздо худшемъ положеніи, чѣмъ дёгтекуреніе. А между тѣмъ крестьяне тѣхъ мѣстъ, гдѣ преимущественно занимаются смолокуреніемъ, въ Шенкурскомъ и Вельскомъ уѣздахъ, не имѣютъ за исключеніемъ земледѣлія почти никакого другого занятія.

Въ Кадниковскомъ, Тотемскомъ и другихъ уѣздахъ, гдѣ занимаются дегтекуреніемъ, положеніе крестьянства нѣсколько лучше. Во-первыхъ, тамъ хлѣбъ родится лучше, да кромѣ дегтекуренія у нихъ есть еще и другія занятія: у нихъ хорошо растетъ ленъ, зимою они заняты ческою его, пряжею, тканьемъ и пр. Во-вторыхъ и положеніе дегтекуренія здѣсь лучше, потому что деготь отсюда идетъ во внутреннія губерніи Россіи. Купцы — все русскіе; они имѣютъ дѣло прямо съ производителями, не прибѣгая къ посредству скупщиковъ. Цѣны на ростовской (Ярославской губ.), ананьинской, тропчинской (Вологодской губ.) и на другихъ ярмаркахъ назначаются правильно, смотря по требованію и предложенію дегтя. Кромѣ того и дегтя выкуривается почти столько, сколько его требуется. Въ прошломъ году, впрочемъ, его было выкурено мало, вслѣдствіе чего цѣна на деготь на мѣстѣ производства доходила до 1 р. 10 коп., а на ростовской ярмаркѣ до 1 р. 55 коп. за пудъ. Благодаря всему этому,

положеніе здѣшняго крестьянства—сравнительно еще довольно сносное; народъ здѣсь не такъ бѣдствуетъ, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ занимаются смолокуреніемъ.

Кромѣ смолы, при сухой перегонкѣ дерева здѣсь ничего болѣе не получается. Скипидаръ и дегтярная вода выливаются вонъ. Только въ одномъ мѣстѣ, недалеко отъ г. Вельска, у крестьянскихъ печей имѣются трубы съ холодильниками для собиранія скипидара, который въ этой мѣстности имѣетъ сбытъ. Благодаря этому приспособленію, крестьяне получаютъ еще отъ 4 до 6 пудовъ скипидара, который они продаютъ по 80 к.—1 р. за пудъ, а это уже удвоиваетъ ихъ доходъ. Въ другихъ же мѣстахъ ограничиваются добываніемъ одной только смолы, которая, какъ мы видѣли, весьма мало окупаетъ трудъ рабочаго. Вслѣдствіе этого смолокуреніемъ крестьяне занимаются не охотно.

Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ все меньше и меньше занимаются смолокуреніемъ. Это происходитъ отчасти потому, что матеріалъ становится хуже, а отчасти потому, что населеніе, живущее недалеко отъ Архангельска и моря, находитъ себѣ другіе промыслы, болѣе выгодные, чѣмъ смолокуреніе. Впрочемъ, бываютъ мѣста, въ которыхъ можно было бы заниматься смолокуреніемъ, но имъ не занимаются потому, что жители не знакомы съ этимъ производствомъ. Въ другихъ мѣстахъ между тѣмъ, иногда при весьма неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, этотъ промыслъ весьма распространенъ потому только, что тутъ уже давно имъ занимаются и жители къ нему привыкли. Бываютъ мѣста, въ которыхъ каждый поселянинъ занимается смолокуреніемъ, хотя оно ему приноситъ весьма мало выгоды. Впрочемъ, въ такихъ случаяхъ крестьянинъ куритъ смолу больше потому, что у него нѣтъ другого занятія.

Подвигаясь дальше къ сѣверу и притомъ лѣтомъ, я надѣялся увидѣть какую-нибудь работающую яму, но это мнѣ не удалось. Мнѣ попались не дѣйствующія, а уже засыпанныя ямы, въ которыхъ давно не производилось работы. Въ одномъ мѣстѣ встрѣтилась печь, въ которой шла перегонка подсоченнаго лѣса. Вообще вездѣ говорятъ, что печи вытѣсняютъ ямный способъ смолокуренія, такъ какъ печной способъ для смолокуровъ, сравнительно, гораздо выгоднѣе. Крестьяне всегда любятъ заимствовать все то, что они находятъ для себя выгоднымъ. Такъ напр., въ Тотемскомъ и Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губ., прежде для дегтекуренія употреблялись стоячія корчаги. Одному вздумалось замѣнить ихъ лежачими. Это оказалось болѣе выгоднымъ и тогда

вездѣ стоячія корчаги замѣнились лежачими, и теперь почти нѣтъ стоячихъ корчагъ. Точно также и смолокуры всюду замѣняютъ ямы печами, что для крестьянъ гораздо выгоднѣе. Надо ихъ только научить, какъ лучше пользоваться печами, если пока нельзя теперешній печной способъ смолокуренія замѣнить другими, болѣе выгодными. Если ихъ научить изъ печей получать хорошую смолу, то не будетъ надобности прибѣгать къ ямному способу. Теперь же они, дѣйствительно, получаютъ изъ печей дурную смолу. Изъ 70 т. бочекъ смолы, привезенныхъ въ прошломъ году въ Архангельскъ, 55 т. бочекъ были худшаго, пятаго сорта. (Смола въ Архангельскѣ раздѣляется на пять сортовъ. Лучшій сортъ—это однорубежка, а худшій—пятирубежка). Въ видахъ поощренія крестьянъ получать лучшіе сорты смолы, мѣстный смольный браковщикъ предлагалъ архангельскимъ купцамъ сдѣлать болѣе значительную разницу въ цѣнѣ между первыми сортами и послѣднимъ, но купцы отказываются принять эту мѣру. Теперь разница между первыми четырьмя сортами и послѣднимъ всего на 25 коп. Въ прошломъ году напр. за пятирубежку давали по 2 р. 70 к. или 2 р. 75 к., а за 1, 2, 3 и 4 рубежки только по 3 руб. Браковщикъ же предлагаетъ имъ увеличить эту разницу на 50, 75 к. и на 1 руб. Архангельскіе купцы этого не дѣлаютъ отчасти потому, что мало заботятся о развитіи смолокуренія, а больше потому, что они знаютъ, что имъ нѣтъ надобности, за отсутствіемъ конкуренціи, платить больше: и безъ того товаръ непремѣнно попадетъ къ нимъ въ руки, какую бы цѣну они ни давали.

Вслѣдствіе этого уменьшается постепенно и вывозъ смолы заграницу. Въ прошломъ году до августа мѣсяца было приплавлено всего около 70 т. бочекъ смолы, тогда какъ прежде, какъ мнѣ сообщилъ мѣстный браковщикъ, оно превышало 100 т. Точно также въ прошломъ году было приплавлено пеку на $^1/_3$ меньше, чѣмъ въ запрошломъ напр. году. Требованія на пекъ, вслѣдствіе этого, были значительны, но цѣна на него все-таки стояла одна и та же, именно 50 коп. за пудъ. Между тѣмъ заграницею цѣны на эти товары очень высоки. Напр. въ Стокгольмѣ, откуда смола и пекъ также идутъ въ Англію и другія мѣста, куда идетъ и наша смола, 8-ми пудовая бочка смолы стоитъ 6—7 руб. Фрахтъ же за доставку товаровъ изъ Архангельска за-границу вовсе не такъ значителенъ въ сравненіи съ тѣмъ, во сколько обходится доставка изъ Стокгольма напр. въ Англію. Въ юго-западной Швеціи цѣна даже на мѣстѣ производства еще выше.

Въ Финляндіи крестьяне за 8 пудовую бочку получаютъ чистыми деньгами безъ пошлинъ и другихъ расходовъ 3 руб. и больше, а у насъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Кубанѣ, гдѣ нѣтъ архангельскихъ монополистовъ, смола на мѣстѣ производства продавалась въ прошломъ году по 60 коп. за пудъ, что составитъ 4 р. 80 к. за 8 пудовую бочку. Впрочемъ, въ эту цѣну входятъ пошлина и другіе расходы.

Архангельскъ очень хорошій портъ и лѣтомъ къ нему приходитъ очень много судовъ, на которыхъ отправляется много товаровъ. Льну напр. въ прошломъ году было отправлено, какъ говорятъ, болѣе чѣмъ на 1 мил. руб. сер., что можно видѣть изъ того, что каждый изъ шести имѣющихся въ Архангельскѣ льняныхъ браковщиковъ (у каждаго браковщика по 10 рабочихъ) получилъ по 7,500 руб. однихъ процентовъ причитающихся за браковку льна. Но цѣны на товары въ Архангельскѣ весьма низкія.

Смола и пекъ также подвергаются браковкѣ, но браковка эта производится весьма несовершеннымъ способомъ. Браковщикъ опускаетъ въ бочку со смолою желѣзный прутъ и вертитъ его. Если онъ не задѣваетъ нигдѣ внутри и если бочка внутри надлежащей длины и требуемаго діаметра, что опредѣляется тѣмъ же щупомъ, то она считается полномѣрною и годится для заграничнаго отпуска. Затѣмъ браковщикъ приступаетъ къ опредѣленію достоинства смолы. Для этого онъ вынимаетъ щупомъ же пробу смолы и, смотря по тому, какъ скоро стекаетъ она со щупа, опредѣляетъ степень ея густоты и сортъ. Чѣмъ жиже смола, тѣмъ выше ея сортъ; самая густая смола представляетъ послѣдній, пятый сортъ. Все это опредѣляется, конечно, ощупью и отъ расположенія браковщика зависитъ причислить данную смолу къ тому или другому сорту. Если же щупъ, при опущеніи его въ бочку, станетъ задѣвать, то бочку эту бракуютъ. Слѣдствіемъ этого бываетъ то, что вынимаютъ одно изъ ея днищъ, а смолу выливаютъ въ мѣрникъ, состоящій изъ обрубка бочки, въ верхней части которой вколочены гвоздики, указывающіе полную мѣру бочки, т. е. 8 пудовъ и $7^1/_4$, $7^1/_2$ и $7^3/_4$ пуда. Если смола въ мѣрникѣ дойдетъ до гвоздиковъ, указывающихъ $7^3/_4$ или $7^1/_2$ пуда, то бочка не бракуется; если же ея нѣсколько меньше, то ее бракуютъ. Тогда забракованую бочку *отощаютъ*, т. е. особымъ приспособленнымъ для этой цѣли долотомъ утончаютъ стѣнки бочки, переливаютъ въ нее изъ мѣрника смолу, вставляютъ вынутое днище, если оно еще годится, а то дѣлаютъ новое, доливаютъ бочку, такъ какъ объемъ бочки, вслѣдствіе ея отощенія увеличился, и затыкаютъ

втулкою верхнее отверстіе бочки. Такимъ образомъ послѣ всѣхъ этихъ операцій бочка готова для заграничнаго отпуска.

Теперь посмотримъ, насколько совершененъ этотъ способъ бракованія смолы и какая происходитъ отъ этого потеря для производителей. Прежде, чѣмъ приступаютъ къ браковкѣ смолы, изъ бочекъ выпускаютъ подсмольную воду. Вмѣстѣ съ нею обыкновенно вытекаетъ и часть смолы. Такъ какъ подсмольная вода выпускается вонъ на землю, то отъ этого происходитъ болѣе или менѣе значительная потеря для производителя, потому что изъ этой подсмольной воды и той части смолы, которая съ нею вмѣстѣ вытекаетъ, можно бы было приготовить пекъ на тѣхъ пековаренныхъ заводахъ, которые имѣются тутъ же въ Архангельскѣ. Обыкновенно пековары въ Вельскомъ и Шенкурскомъ уѣздахъ даютъ по 50 коп. за 8-ми пудовую бочку такаго подсмолка. Но подсмолокъ, доставляемый крестьянами изъ печей, обыкновенно болѣе жидокъ, чѣмъ подсмолокъ изъ бочекъ, и, слѣдовательно, изъ него получается меньше пеку; да кромѣ того, приготовленный здѣсь пекъ надо еще везти въ Архангельскъ, тогда какъ въ первомъ случаѣ, т. е. при вываркѣ пеку въ Архангельскѣ, этого не требуется. Далѣе, при переливаніи смолы изъ бочки въ мѣрникъ обратно, проливается много смолы. Кромѣ того, вылить всю смолу до единой капли, въ особенности густую, нельзя. Слѣдствіемъ этого бываетъ иногда то, что бочка становится маломѣрною. Остающаяся въ бочкѣ смола, въ случаѣ ея маломѣрности, выбрасывается вонъ вмѣстѣ со стружками, на которыхъ она, понятно, остается при отощеніи бочки. Точно также теряется часть смолы, пристающей къ стѣнкамъ мѣрника, при переливаніи ея обратно въ бочку.

Послѣ всѣхъ этихъ операцій приходится, понятно, доливать не мало смолы въ подвергнутую промѣркѣ бочку. Разсчитано, что въ общемъ числѣ на 10 бочекъ теряется одна бочка для долива. Это прямая потеря, которая довольно велика. Но не меньше и косвенная потеря. Дѣло въ томъ, что десятая бочка, идущая на доливъ, уже оплочена пошлиною и приплавлена въ Архангельскъ. Пошлины за нее уплочено 80 коп., а за доставку отъ 30 до 40 коп. Слѣдовательно, на бочку приходится по 12 или $13^1/_3$ к. Кромѣ того, за отощеніе и вторичную укупорку забракованной бочки надо платить по 12 коп. съ бочки.

Послѣднія два обстоятельства не были мною приняты во вниманіе раньше, при разсчетѣ выручки крестьяниномъ за одну бочку

смолы, и, слѣдовательно, заработокъ его бываетъ еще меньше, чѣмъ я прежде полагалъ, потому что всѣ эти потери отъ браковки прямо ложатся на производителя. Смолу сплавляютъ въ Архангельскъ скупщики. При браковкѣ какой нибудь части изъ ихъ партіи, имъ выдается браковщикомъ свидѣтельство въ томъ, что отъ браку произошла потеря такая-то. Потомъ эта потеря взыскивается съ производителей. Такъ какъ скупщику продана смола не однимъ смолокуромъ, а многими, и такъ какъ неизвѣстно, чьи именно бочки были подвергнуты браку, то, понятно, скупщику является возможность, при окончательномъ разсчетѣ съ смолокурами, предъявлять каждому изъ нихъ полученное имъ отъ браковщика свидѣтельство, взыскивая съ каждаго происходившую отъ браковки потерю, причитающуюся на одну бочку. Скупщикамъ, вслѣдствіе этого, становится даже выгоднымъ, чтобы часть изъ приплавленной имъ партіи бочекъ смолы была забракована, потому что впослѣдствіи они вознаградятъ себя сторицею за происшедшій вслѣдствіе браковки расходъ.

Теперь остается узнать, что достигается браковкою и насколько она совершенна. Первая бочка всегда почти можетъ оказаться маломѣрною, хотя въ ней имѣется надлежащее количество смолы, потому что не всю смолу можно вылить въ мѣрникъ. Послѣдующія же бочки, напротивъ, могутъ иногда показаться полномѣрными, хотя онѣ собственно маломѣрны, потому что этому способствуетъ та смола, которая остается въ мѣрникѣ. Въ первыхъ бочкахъ, которыя подвергнутся браковкѣ, послѣ всѣхъ операцій будетъ, слѣдовательно, больше смолы, чѣмъ требуется, тогда какъ послѣднія будутъ отправлены за границу маломѣрными.

Такъ какъ наблюдается только затѣмъ, чтобы не было маломѣрныхъ бочекъ и такъ какъ за излишекъ не платится больше,—т. е. если будетъ въ бочкѣ вмѣсто 8 пуд., напр., 9 пуд., заплатится все таки только за 8 пуд.—то смолокуры стараются, чтобы въ бочку вошло ровно 8 пуд. смолы. Въ особенности имъ нѣтъ разсчета стараться, чтобы бочки вышли полномѣрными, если справедливо, что скупщики пользуются браковкою, чтобы увеличить доходность своихъ торговыхъ операцій, какъ это объяснено было выше.

Далѣе, при браковкѣ смолы требуется, чтобы въ ней было 8 пудовъ вѣса, между тѣмъ провѣряется это *мѣрою*. Понятно, что чѣмъ гуще смола, тѣмъ она тяжелѣе и, слѣдовательно, она можетъ не достигнуть въ мѣрникѣ до требуемой черты, хотя и будетъ имѣть

8 пудовъ. Точно также, чѣмъ жиже смола, тѣмъ она занимаетъ большій объемъ и она можетъ достигнуть до требуемой черты, но въ ней все-таки восьми пудовъ не будетъ. Правда, все это говоритъ въ пользу жидкой смолы, но такъ какъ въ настоящее время изъ 70 тыс. приприплавленныхъ въ прошломъ году бочекъ смолы, какъ выше было сказано, 55 т. были послѣдняго, худшаго сорта, т. е. самой густой смолы, то тяжесть несовершенства способа бракованія ложится теперь почти на всю отправляемую заграницу смолу.

Что касается способа браковки пека, то онъ тоже мало удовлетворяетъ цѣли. Онъ производится такимъ образомъ, что въ бочкѣ, съ противоположной стороны втулки, въ предположеніи, что нечистоты осядутъ на низъ, пробуравливаютъ дыру и по вынутой буравомъ пробѣ судятъ о качествѣ пека и о томъ, есть ли въ немъ постороннія примѣси. Понятно, что о присутствіи послѣднихъ по этой пробѣ узнать нельзя. Можно, напр., наливать бочки сначала хорошимъ пекомъ, дать ему остыть, потомъ дополнить ее худшимъ пекомъ съ разными посторонними примѣсями*). Если пекъ мягокъ, то его бракуютъ. Доставщикъ получаетъ его обратно, перевариваетъ его вторично или продаетъ его кому-нибудь, только не для заграничнаго отпуска, напр., на стоящія въ Архангельскѣ суда для собственной надобности. Вообще браковка производится чрезвычайно несовершенно и грубо. О достоинствѣ пека по браковкѣ ничего нельзя узнать, а о качествѣ смолы—весьма мало. Присутствіе примѣсей въ смолѣ, если она густа, опредѣлить никакъ нельзя; для браковщика оно представляется дѣломъ весьма темнымъ.

Итакъ, пользы отъ браковки смолы и пека весьма мало, между тѣмъ вреда отъ нея очень много. Конечно, ее можно было бы уничтожить совсѣмъ, еслибы смолокуреніе велось иначе, чѣмъ теперь, еслибы заводчики были болѣе солидны и еслибы можно было ограничиться указаніемъ на бочкахъ фирмы производителя, который сталъ бы отвѣтственнымъ лицомъ въ случаѣ, если окажутся какія нибудь неисправности и недостатки въ продуктахъ его производства. Но теперь, при раздробленности производства, этого достигнуть нельзя. Это будетъ возможно только при артельномъ веденіи дѣла, когда каждый артельный заводъ представитъ солидную фирму и надлежащую гарантію за доброкачественность всѣхъ выпускаемыхъ имъ товаровъ.

*) Впрочемъ, иногда вынимаютъ буравомъ пробу и изъ дна бочки. Но по ней все-таки нельзя достаточно судить о достоинствѣ пека, такъ какъ она слишкомъ мала.

Браковапіе смолы, слѣдовательно, служитъ большимъ тормазомъ для смолокуренія и имѣетъ не малое вліяніе на заграничный отпускъ этого товара. Привезенная въ прошломъ году въ Архангельскъ смола была большею частью старой выкурки. Свѣжей смолы было мало. Впрочемъ, браковщикъ полагалъ, что ея приплавятъ до конца навигаціи еще около 15 т. бочекъ, и это количество будетъ большею частью свѣжей выкурки. Незначительность приплава смолы свѣжей выкурки происходитъ вслѣдствіе того, что смолокуреніемъ занимаются большею частью болѣе состоятельные крестьяне, такъ какъ изъ всего вышеизложеннаго можно было видѣть, что при занятіи смолокуреніемъ требуется нѣкоторый капиталъ, и что вообще голыми руками, даже при ямномъ способѣ, ничего дѣлать нельзя. Для подвозки матеріала требуется, напр., лошадь, кормъ ей и проч., но лошадь не у всѣхъ найдется. Иногда крестьяне нарочно ничѣмъ не обзаводятся, изъ боязни, что у нихъ отнимутъ и продадутъ съ аукціона за разныя недоимки; въ особенности это замѣтно въ Шенкурскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи, гдѣ за крестьянами имѣются большія штрафныя недоимки. Смолокуреніемъ и дегтекуреніемъ занимаются больше состоятельные крестьяне потому еще, что для полученія права на выкурку дегтя или смолы нужно взять билетъ на заготовку какого-нибудь количества матеріала и внести пошлину впередъ. Бѣдные крестьяне не могутъ запастись такимъ билетомъ, такъ какъ пошлины нужно заплатить по крайней мѣрѣ за 100 пудовъ, напр., скалы по 6 коп. съ пуда, что составляетъ 6 руб. Къ этому слѣдуетъ прибавить расходы на гербовую бумагу, написаніе прошеній и время, нужное для поѣздки къ лѣсничему. Богатые крестьяне-скупщики пользуются этимъ, вносятъ пошлины за нѣсколько тысячъ пудовъ скалы и раздаютъ потомъ бѣднымъ билеты на заготовленіе матеріала, выдавая имъ при этомъ большею частью деньги впередъ. За это крестьянамъ приходится весь ими заготовленный матеріалъ продавать скупщикамъ, и притомъ по такой цѣнѣ, какую назначатъ сами скупщики. Они имъ даютъ по 7—9 коп. съ пуда.

Вотъ по какимъ причинамъ смолокуреніемъ занимаются болѣе состоятельные крестьяне. Они, имѣя кое-какія средства, рѣшаются не продавать свою смолу тогда, когда цѣна на нее низка. Они оставляютъ ее на другой, третій и т. д. годъ, въ надеждѣ, что цѣна на ихъ товаръ возвысится; но надежды ихъ большею частію остаются тщетными, и имъ приходится продавать смолу, пожалуй, еще по бо-

лѣе низкой цѣнѣ, такъ какъ она, отъ долгаго нахожденія въ бочкахъ, въ неудобныхъ помѣщеніяхъ, теряетъ нѣсколько въ качествѣ, уже не говоря о томъ, что часть ея теряется вслѣдствіе просачиванія сквозь стѣнки бочекъ. Такъ какъ просачиваются болѣе жидкіе продукты, то смола отъ долгаго лежанія густѣетъ и высшій сортъ ея уходитъ потомъ за нисшій.

Недоброкачественность нашей архангельской смолы уже пріобрѣла заслуженную извѣстность заграницею и теперь ей предпочитаютъ смолу шведскую, финскую и другихъ странъ. Между тѣмъ, прежде наша смола считалась лучшею во всей Европѣ и охотно покупалась. Теперь же она съ каждымъ годомъ ухудшается въ качествѣ. Это обстоятельство можетъ довести торговлю нашею смолою до того, что у насъ перестанутъ ее покупать даже тогда, когда она будетъ и лучше теперешняго.

Поучительнымъ примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить бывшая въ Архангельскѣ торговля щетиною. Вся щетина идетъ теперь изъ Вологодской губерніи въ Петербургъ, а оттуда заграницу. Между тѣмъ прежде, много лѣтъ тому назадъ, она вся шла черезъ архангельскій портъ. Это произошло оттого, какъ мнѣ сообщилъ одинъ изъ мѣстныхъ старинныхъ купцовъ, что щетину стали отпускать заграницу весьма плохаго качества, съ разными посторонними примѣсями. Заграницею, вслѣдствіе этого, потеряли довѣріе къ архангельской щетинѣ и ее перестали у насъ покупать. Недовѣріе это и до сихъ поръ существуетъ и такъ велико, что одного только указанія, что щетина изъ Архангельска, достаточно, чтобы она была за границею забракована или значительно понижена въ цѣнѣ, будь она даже самаго лучшаго качества. Одна изъ архангельскихъ конторъ хотѣла было возобновить отправку щетины заграницу изъ Архангельска, но принуждена была отказаться отъ своего желанія. Всюду ее преслѣдовало наименованіе «архангельской», несмотря на то, что отправленная этою конторою щетина была самаго лучшаго достоинства. Теперь изъ Устюга, лежащаго на Сѣв. Двинѣ, въ томъ мѣстѣ, откуда она становится судоходною, въ теченіе всего лѣта, щетина вмѣсто того, чтобы быть отправленною внизъ по теченію въ Архангельскъ, идетъ для заграничнаго отпуска въ Петербургъ, куда и приходится везти зимою гужемъ или лѣтомъ вверхъ противъ теченія по Сухонѣ, Кубенскому озеру и по цѣлой системѣ каналовъ. Въ послѣднемъ случаѣ доставка обходится въ нѣсколько разъ дороже,

чѣмъ въ первомъ, и товаръ отъ этого становится значительно дороже, но онъ все-таки охотнѣе покупается, если онъ идетъ черезъ Петербургъ, какъ черезъ мѣсто, которое успѣло зарекомендовать себя съ хорошей стороны, тогда какъ щетина, идущая черезъ архангельскій портъ, несмотря на ея бо́льшую дешевизну, вовсе не покупается.

Тоже самое легко можетъ случиться и со смолою, торговля которою можетъ отъ этого пострадать еще больше. Смолѣ нельзя будетъ разсчитывать на то, что если ее перестанутъ покупать въ Архангельскѣ, то мѣстомъ сбыта можетъ сдѣлаться Петербургъ. Ее вовсе перестанутъ покупать у насъ, доставка ея изъ Вологодской и Архангельской губерніи въ Петербургъ, какъ щетины напр., выйдетъ чрезвычайно дорога, да кромѣ того смолу можно будетъ получать изъ Швеціи, Финляндіи и другихъ странъ, тѣмъ болѣе, что требованія на сырую смолу съ каждымъ годомъ уменьшаются, такъ какъ желѣзо при строеніи судовъ стало вытѣснять дерево, а между тѣмъ для судовъ она прежде главнымъ образомъ и требовалась. Точно также и канаты для снастей замѣняются теперь желѣзными цѣпями и проволокою.

Теперь изъ Архангельска вывозится смолы гораздо меньше, чѣмъ прежде, но все-таки цифра отправляемой въ настоящее время заграницу смолы и пеку еще довольно почтенная. До августа мѣсяца въ прошломъ году было привезено, какъ выше уже сказано, 70 т. бочекъ и до конца навигаціи ожидали еще около 15 т. бочекъ. Кромѣ того, пеку было привезено 15 т. бочекъ, что, въ переводѣ на смолу, составитъ 25—30 бочекъ смолы. Всего смолы должно быть вывезено въ прошломъ году изъ Архангельска 110—115 т. бочекъ, что составляетъ сравнительно порядочное количество. Этимъ и надо пользоваться, пока мы еще окончательно не потеряли довѣрія къ нашей смолѣ. Надо возстановить ея прежнюю репутацію и мы можемъ быть обезпечены ея сбытомъ, такъ какъ ее нигдѣ и никогда не получатъ дешевле, чѣмъ у насъ. Главное, нужно, чтобы она качествомъ соотвѣтствовала заграничнымъ требованіямъ. Что ее можетъ идти больше, чѣмъ теперь, видно изъ слѣдующаго:

Изъ 70 т. бочекъ приплавленной въ прошломъ году въ Архангельскъ смолы, 55 т. приходится на 5-й, худшій сортъ ея. Всѣхъ сортовъ 5; изъ нихъ первые 2 или 3 сорта исключительно идутъ въ Германію, Голландію, Францію, Испанію, Италію, Турцію и т. д.; 4-й сортъ идетъ въ Шотландію, гдѣ смола употребляется для смазки овецъ, съ цѣлью предохранить ихъ отъ вредныхъ насѣкомыхъ. На-

конецъ 5-й сортъ цѣликомъ идетъ въ Англію, гдѣ смолу подвергаютъ дальнѣйшей перегонкѣ. Итакъ, изъ 70 т. бочекъ 55 т. идутъ въ одну только Англію, куда требуется 5-й, худшій сортъ, 15 т. бочекъ идутъ на удовлетвореніе требованіямъ всѣхъ остальныхъ странъ Европы, въ томъ числѣ и Шотландіи, куда идетъ все количество 4-го сорта смолы. Понятно, что будь больше первыхъ сортовъ смолы, то все ея количество могло бы имѣть сбытъ, потому что требованія на эти сорта въ Голландіи, Бельгіи, Франціи, Италіи, Испаніи и проч. очень велики.

Наученіемъ смолокуровъ получать лучшіе сорта смолы можно достигнуть увеличенія сбыта ея заграницу. Но этимъ ограничиваться еще нельзя.

Рядомъ съ улучшеніемъ производства сухой перегонки необходимо уничтожить все то, что служитъ ему препятствіемъ для дальнѣйшаго развитія. Такихъ препятствій, какъ мы видѣли, такъ много, что никакія улучшенія въ самыхъ способахъ производства не въ состояніи будутъ подвинуть его сколько-нибудь впередъ, если не будутъ уничтожены хоть главнѣйшія изъ нихъ. Самымъ главнымъ и сильнымъ препятствіемъ въ настоящее время безспорно является тотъ способъ взиманія пошлины, который теперь принятъ. Онъ чрезвычайно сложенъ, обремененяетъ въ высшей степени какъ производителей, такъ и честныхъ чиновниковъ, достигая все-таки весьма плохихъ результатовъ. Онъ представляетъ обширное поле для беззаконныхъ дѣйствій какъ со стороны крестьянъ, такъ и со стороны тѣхъ служащихъ, которые рады удить рыбу въ мутной водѣ.

Способъ взиманія пошлины состоитъ въ слѣдующемъ: желающій заниматься смолокуреніемъ долженъ прежде всего обратиться къ лѣсничему и взять у него билетъ на заготовленіе какого-нибудь количества смолы. Для этого требуется написать прошеніе на гербовой бумагѣ (въ удѣльномъ вѣдомствѣ прошенія пишутся на простой бумагѣ), заплатить писарю за составленіе его и съѣздить къ лѣсничему. Когда настанетъ санный путь, то матеріалъ перевозится изъ лѣса къ заводу. Тутъ долженъ его освидѣтельствовать лѣсничій или кто-нибудь другой изъ лѣснаго начальства. Если матеріалу окажется больше чѣмъ крестьянинъ имѣлъ право заготовить по своему билету, то излишекъ конфискуется, какъ самовольно вырубленный. Ему дозволяется заготовить больше противъ назначеннаго въ билетѣ только на 10%.

Спрашивается, какъ можно узнать въ лѣсу, то ли или другое количество смолы мною заготовлено, въ особенности, если смолье это будетъ состоять изъ пней и корней? Складывать его въ сажени на мѣстѣ нѣтъ возможности; это возможно только уже по доставкѣ матеріала къ заводу. Если у меня билетъ, напр., на 100 куб. саж. смолы и если при складываніи его на заводѣ оказалось не 110, допускаемыхъ закономъ, а 115 или 120 куб. саж., то все это лишнее количество конфискуется, какъ незаконнымъ образомъ заготовленное.

По выкуркѣ смолы, лѣсничему надо опять поѣхать на заводъ, провѣрить, получилось-ли изъ даннаго количества смолья то количество смолы, какое требуется по нормѣ, клеймить бочки, смотрѣть, нѣтъ ли смолья свѣжей заготовки и т. д.

Норма обязательнаго выхода смолы изъ 1 куб. саж. такъ велика, что смолокуры ее никогда не получаютъ. Требуется получить 5 бочекъ смолы изъ 1 куб. саж. смолья, а крестьяне получаютъ всего $3^1/_2$ или 4 бочки. Въ этомъ случаѣ производителю приходится платить больше, чѣмъ полагается по таксѣ. Между тѣмъ пошлина, какъ мы увидимъ дальше, и безъ того велика.

Далѣе, смолокуръ, отправляя свой товаръ на мѣсто продажи, напр., въ Архангельскъ, долженъ запастись свознымъ билетомъ, который для казеннаго вѣдомства долженъ быть писанъ на гербовой бумагѣ. Въ Архангельскѣ смола опять провѣряется по свознымъ билетамъ, затѣмъ бракуется и т. д. Вотъ сколько мытарствъ долженъ пройти смолокуръ, пока ему удастся сбыть свой злополучный товаръ! А это, конечно, не можетъ не вызывать со стороны его озлобленія къ лѣсному начальству и равнодушія или даже ненависти къ своему труду, который въ концѣ концовъ такъ плохо его вознаграждаетъ.

Изъ слѣдующаго можно видѣть, какъ велико озлобленіе крестьянъ къ лѣсному начальству. Одинъ изъ лѣсныхъ смотрителей встрѣтилъ разъ обозъ съ неоплаченнымъ пошлиною товаромъ. Онъ хотѣлъ остановить крестьянъ, но тѣ преспокойно взяли его, растянули на землѣ и переѣхали черезъ него всѣмъ обозомъ. Ихъ озлобленіе доходитъ такимъ образомъ до звѣрства. Самовольный порубщикъ, при поимкѣ его, готовъ убить на мѣстѣ поймавшаго — беззащитнаго лѣснаго сторожа. У нѣкоторыхъ, при провозкѣ товара мимо того пункта, гдѣ провѣряются билеты, бываютъ иногда дубины или даже ружья, чтобы убить всякаго, кто осмѣлится помѣшать имъ провезти товаръ. Всѣ крестьяне отъ души ненавидятъ лѣсныхъ сторожей, хотя они бы-

ваютъ изъ ихъ же среды. Послѣднихъ считаютъ фискалами, богоотступниками, идущими противъ своихъ же братьевъ, и имъ приходится жить выдѣленными изъ общества, такъ какъ и ихъ жизнь постоянно въ опасности. Одинъ изъ сторожей разсказывалъ, что домъ, въ которомъ онъ нанималъ себѣ комнату, былъ сожженъ крестьянами, и что ему чрезвычайно трудно найти себѣ квартиру, такъ какъ его не хотятъ и боятся пускать къ себѣ на жительство. Для безопасности лѣсныхъ сторожей, удѣльнымъ вѣдомствомъ предполагается снабдить ихъ ружьями, а также строить имъ помѣщенія.

Между тѣмъ сѣверный крестьянинъ вовсе не такой звѣрь, какимъ онъ въ этомъ случаѣ представляется. Онъ мягкаго характера, добръ и чрезвычайно честенъ. Тамъ конокрадства не бываетъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вовсе не знаютъ о существованіи замковъ. Иногда крестьяне просто поражаютъ своею честностью. Ямщикъ, напр., иногда отказывается брать на водку больше, чѣмъ обыкновенно полагается. Въ одномъ мѣстѣ крестьяне, которые нарочно пришли изъ деревни вытащить опрокинувшійся и провалившійся экипажъ, не хотѣли получить предложенныя имъ на водку деньги, говоря, что они пришли вытащить экипажъ, а не съ цѣлью получить на водку. Надо еще замѣтить, что опрокинувшійся экипажъ принадлежалъ очень достаточному лицу, которое имъ, вѣроятно, предложило болѣе или менѣе приличную сумму. Въ деревняхъ о кражахъ ничего не слышно и непривыкшаго человѣка иногда поражаетъ безпечность крестьянъ въ охраненіи своего добра. Одинъ у другаго никогда ничего не возьметъ.

Одно только они себѣ дозволяютъ—это кражу лѣса, и бываютъ, какъ мы видѣли, чрезвычайно озлоблены, если ихъ преслѣдуютъ за подобныя кражи. Они считаютъ лѣсъ общимъ достояніемъ, и никто, по ихъ мнѣнію, не имѣетъ права на преимущественное владѣніе и пользованіе лѣсами, которыхъ такъ много здѣсь. Крестьяне никакъ не могутъ привыкнуть къ мысли, что лѣса, которыми они до недавняго времени вполнѣ свободно пользовались, не составляютъ ихъ собственности. Они, пожалуй, свыклись бы съ этой мыслью, еслибы были болѣе обезпечены и менѣе нуждались. Бѣдность представляется главною побудительною причиною самовольныхъ порубокъ. Не имѣя возможности выправлять себѣ билетъ на заготовку смолокуреннаго матеріала и внести пошлины за какое-нибудь количество смолья, крестьянинъ принужденъ бываетъ прибѣгать къ самовольнымъ порубкамъ. Точно также, не будучи въ состояніи получать

все требуемое по нормѣ количество смолы изъ того матеріала, который ему полагается по билету, онъ прибѣгаетъ къ самовольнымъ порубкамъ, чтобы изъ большаго количества матеріала получить недостающее количество смолы. Далѣе, выручая отъ смолокуренія ничтожный заработокъ, а между тѣмъ, нуждаясь въ деньгахъ для уплаты оброка, податей и другихъ повинностей, онъ опять прибѣгаетъ къ самовольнымъ порубкамъ, такъ какъ для того, чтобы заработать нужную ему сумму, ему необходимо выкурить по возможности большее количество матеріала, что ему не всегда возможно, потому что таксаціею опредѣляется maximum того количества, какое ежегодно возможно отпускать изъ данной лѣсосѣки. Самовольныя же порубки ведутъ къ штрафамъ, а штрафы ихъ еще болѣе раздражаютъ.

Причиною самовольныхъ порубокъ служитъ также и то, что взимаемая теперь пошлина чрезвычайно велика. Она тѣмъ болѣе тяжело отзывается на производствѣ, что теперешній заработокъ смолокура самый ничтожный. Онъ выручаетъ, какъ мы видѣли, за бочку смолы не болѣе 1 руб. или даже 80 коп. Пошлины же платится по 5 руб. 25 к. за куб. саж. или по 80 коп. за бочку, т. е. однихъ пошлинныхъ денегъ приходится около 100%. Къ тому же существуетъ такого рода несообразность: тотъ же лѣсъ, но неподсоченный, а идущій на дрова, оплачивается пошлиною въ 1 руб. только. Значитъ, смолокуръ, который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ подсачивалъ лѣсъ, приготовляя его къ смолокуренію, т. е. придавая ему своимъ трудомъ бо́льшую цѣнность, долженъ за это самое платить за него въ $5^1/_4$ раза больше. Говорятъ, что это дѣлается потому, что лѣсъ во время подсочки замедляется ростомъ и, слѣдовательно, въ этомъ случаѣ его получится меньше, чѣмъ тогда, еслибы его не подсачивали. Но эта разница такъ незначительна, что изъ-за нея никакъ не слѣдуетъ увеличивать плату въ $5^1/_4$ разъ.

Далѣе, за пни и корни взимается такая-же пошлина, какъ и за подсоченный лѣсъ *). Между тѣмъ слѣдовало бы, напротивъ, поощрять выкорчеваніе пней и корней, такъ какъ они и валяющійся въ лѣсу сухоподстой способствуютъ распространенію лѣсныхъ пожаровъ. Не дѣлается-же это потому, что боятся, чтобы крестьянинъ не сталъ злоупотреблять дозволеннымъ правомъ безпошлинно курить

*) Казенное вѣдомство, впрочемъ, беретъ за пни и корни меньшую пошлину, но зато за подсоченный лѣсъ взимается больше, именно 1 р. 5 к., или 1 р. 15 к. за бочку.

смолу изъ пней и корней. Онъ, пожалуй, выкуритъ смолу изъ подсоченнаго лѣса, а скажетъ, что выкурилъ изъ пней и корней.

Но пошлина сама по себѣ, какъ она ни велика, все-таки не озлобляла-бы такъ крестьянъ, какъ самый способъ ея взиманія. Онъ сильно тормозитъ дѣло, его необходимо замѣнить другимъ, болѣе раціональнымъ и справедливымъ, иначе никогда нельзя будетъ разсчитывать на возможность развить и усовершенствовать эту отрасль промышленности. Правда, дѣлались попытки измѣнить существующій способъ взиманія пошлины, но они дѣлались нерѣшительно и нерадикально, причемъ рядомъ съ новыми способами оставлялся и старый. Это производило еще большую путаницу, которая заставила еще крѣпче держаться стараго способа и отказаться отъ новаго, хотьбы даже онъ самъ по себѣ былъ лучше.

Такъ напр., была предложена и утверждена акцизная система взиманія пошлины, которая была-бы несравненно лучше, но она до сихъ поръ нигдѣ на сѣверѣ не была примѣнена и наврядъ ли, при настоящемъ положеніи дѣла, можетъ быть примѣняема на практикѣ. Чтобы взимать акцизъ съ размѣровъ завода, надо, чтобы заводъ представлялъ болѣе или менѣе крупную единицу, которая вмѣстѣ съ тѣмъ должна быть единицею постоянною и опредѣленною. Теперь же крестьянскіе заводы малы и работаютъ тогда, когда имъ вздумается. Еслибы смолокуреніе развилось на артельныхъ началахъ, то вмѣсто нѣскольких маленькихъ маловыгодныхъ для крестьянъ заводовъ образовался-бы одинъ большой, который будетъ правильно вести свои дѣла и который можетъ работать круглый годъ. Тогда, понятно, можно будетъ назначить акцизъ съ завода, смотря по тому количеству матеріала, какое онъ въ состояніи будетъ переработывать въ годъ. Пошлина такимъ образомъ будетъ взиматься съ матеріала, а не съ издѣлій, какъ это дѣлается теперь. При взиманіи пошлины съ издѣлій поощряется тотъ, кто хуже работаетъ. Если, напр., я получу изъ 1 куб. саж. 6 бочекъ смолы, то плачу за нее 4 р. 80 к., вмѣсто 4 руб. за 5 бочекъ, сколько полагается по нормѣ. Если-же получу 4 бочки, то заплачу только 3 р. 20 коп. Мало того, если у меня получается 6 бочекъ вмѣсто 5, сколько полагается по нормѣ, то весь излишекъ конфискуется, какъ выкуренный изъ самовольно заготовленнаго матеріала, и мнѣ приходится заплатить штрафъ въ размѣрѣ тройной пошлины. Дозволяется нѣкоторый излишекъ противъ нормы, но не болѣе 10%; слѣдовательно, всякій излишекъ сверхъ 10%

конфискуется, обязывая еще того, кто старался лучшимъ образомъ вести свое производство, къ уплатѣ значительнаго штрафа. Если я кромѣ смолы стану получать еще напр., скипидаръ, то я долженъ уплатить пошлину и за скипидаръ. Точно также придется платить и за другіе продукты, которые вздумали бы получать при сухой перегонкѣ дерева. Однимъ словомъ, размѣръ пошлины за одну и ту-же куб. саж. можетъ возрастать до безконечности.

Слѣдствіемъ теперешняго способа взиманія пошлины бываетъ весьма много прискорбныхъ недоразумѣній, тормозящихъ на каждомъ шагу смолокуренное и дегтярное производства. Такъ напр., въ запрошломъ году Тотемскій лѣсничій назначилъ крестьянамъ сборнымъ пунктомъ для выдачи провозныхъ билетовъ и клеймовки бочекъ Фомійнскую станцію, но не успѣлъ во время пріѣхать. Въ это самое время, когда крестьяне съ своими товарами съѣхались на вышеназванную станцію, нагрянули жандармы и полиція, стали требовать отъ нихъ провозныхъ билетовъ и нагнали на крестьянъ такой страхъ, что тѣ долго не могли опомниться. Лѣсничій назначилъ нарочно одинъ общій сборный пунктъ, чтобы не ѣхать къ каждому производителю отдѣльно и тѣмъ ихъ не задержать, такъ какъ они торопились на ростовскую ярмарку. Пошлина крестьянами уже была уплочена, и впослѣдствіи дѣло выяснилось, но крестьяне все-таки поплатились и страхомъ и матеріально. Они долго не могли взяться за заготовку матеріала и когда они за нее взялись, скала уже гораздо труднѣе сдиралась съ дерева, потому что сдирка ея возможна весною, когда дерево въ полномъ соку. Совершенно такая же исторія случилась и въ прошломъ году, какъ это будетъ видно дальше.

При теперешнемъ способѣ взиманія пошлины, въ чиновникахъ существуетъ извѣстнаго рода подозрительность. Они постоянно боятся, не заготовлено-ли больше смолы, не заготовлено-ли больше матеріала; чиновники-же удѣльные нерѣдко обнаруживаютъ даже нѣкотораго рода жадность поймать самовольнаго порубщика, оштрафовать его и воспользоваться тою частью изъ штрафныхъ денегъ, которая полагается открывшему самовольную порубку. Одному удѣльному чиновнику даже пришла въ голову счастливая мысль штрафовать крестьянъ по 25 руб. каждый разъ, когда они станутъ въ удѣльныхъ лѣсахъ безпошлинно собирать ягоды и грибы! Къ счастью, этотъ благой совѣтъ высшимъ начальствомъ не былъ принятъ во вниманіе, а то удѣльному вѣдомству пришлось-бы еще чаще штрафовать кресть-

янъ, къ чему оно и такъ склонно. За крестьянами и теперь числятся значительныя недоимки штрафныхъ денегъ и крестьяне отъ этихъ штрафовъ такъ раззорены, что даже мѣстная администрація, за положительнѣйшею невозможностью, отказывается ихъ взыскивать. А этихъ штрафныхъ недоимокъ не мало. Такъ напр., въ одномъ изъ удѣльныхъ округовъ Шенкурскаго уѣзда за крестьянами числится 30 или даже 36 тысячъ руб. штрафныхъ недоимокъ. Само удѣльное вѣдомство пришло къ убѣжденію, что необходимо сложить съ крестьянъ нѣкоторую часть недоимокъ.

Эти подозрѣнія со стороны чиновниковъ вліяютъ весьма пагубно на производство. Такъ напр., въ позапрошломъ году одна купчиха закупила у крестьянъ 153 пуда скипидара, получаемаго изъ крестьянскихъ смолокуренныхъ печей, перегнала его и получила 104 пуда чистаго бѣлаго скипидара. Когда она обратилась за полученіемъ свознаго билета, то его не выдали, а скипидаръ засеквестровали, потому что удѣльный чиновникъ усомнился въ томъ, можно-ли изъ 153 пудовъ сыраго скипидара получить 104 чистаго. Печной скипидаръ онъ принялъ за смольный-красный, изъ котораго дѣйствительно получается, какъ полагается и по нормѣ, только четвертая часть и то зеленаго, а не бѣлаго скипидара. Дѣло затянулось; скипидаръ остался на другой годъ и утекалъ себѣ изъ бочекъ, а онъ между тѣмъ былъ запроданъ и за него чуть-ли не пришлось платить неустойку. Въ прошломъ году только послѣ Пасхи дѣло выяснилось, скипидаръ былъ освобожденъ, но не знаю, успѣла-ли купчиха и въ прошломъ году свезти свой скипидаръ, такъ какъ дороги тогда уже испортились значительно. Вслѣдствіе этого та же купчиха стала давать крестьянамъ за скипидаръ по 80 коп. за пудъ, а не по 1 рублю, какъ прежде; и если-бы она перестала покупать этотъ скипидаръ у крестьянъ, то сосѣдній пековаръ сталъ-бы имъ платить только по 50 коп. за пудъ, какъ онъ имъ дѣйствительно и предлагалъ; или-же крестьяне перестали-бы собирать свой скипидаръ. А это, какъ мы выше видѣли,—единственное мѣсто, гдѣ крестьяне устроили холодильники и собираютъ скипидаръ, отъ котораго у нихъ доходъ отъ смолокуренія уже удвоивается.

Подобная же исторія вышла въ прошломъ году и въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Значительная часть подсоченнаго лѣса была удѣльнымъ вѣдомствомъ засеквестрована только потому, что кора съ деревъ была содрана въ три или четыре періода, а не въ пять періодовъ, какъ полагается по установившемуся обычаю, хотя деревья стояли на

корню въ подсоченномъ видѣ долѣе, чѣмъ пять или шесть лѣтъ. Не было ни одного дерева, которое было менѣе 17-лѣтней подсочки, и такое смолье гораздо лучше пяти или шести-лѣтней подсочки. По призводившимся при мнѣ опытамъ такъ и оказалось. Смолы изъ такого матеріала получилось не столько, сколько требуется по нормѣ, но значительно больше.

Противники акцизной системы указываютъ на то, что ею можно будетъ злоупотреблять. Если не станутъ свидѣтельствовать матеріалъ и проч., говорятъ они, то каждый можетъ себѣ купить клочокъ земли съ лѣсомъ, выстроить тамъ заводъ и сказать, что онъ куритъ смолу изъ своего матеріала. Но это, понятно, преувеличено; если у него клочокъ земли, то онъ не въ состояніи будетъ перерабатывать изъ своего лѣса 100, 200 или больше куб. саж. смолья; если же онъ все-таки столько выкурилъ, то ясно, что тутъ дѣло нечистое, и такого господина можно притянуть къ отвѣтственности. Далѣе, выходя изъ того взгляда, что могутъ существовать подобныя злоупотребленія, можно прійти къ тому выводу, что казна и удѣлъ должны совсѣмъ запретить частное владѣніе лѣсомъ. Очевидно, что это невозможно. Наконецъ, и теперь, при теперешнемъ способѣ взиманія пошлины, существуютъ подобныя злоупотребленія. Въ Кадниковскомъ и Вельскомъ уѣздахъ Вологодской губерніи весьма много матеріала казеннаго и удѣльнаго вѣдомствъ идетъ подъ названіемъ помѣщичьяго. Помѣщики, зная, что матеріалъ не изъ ихъ имѣній, охотно выдаютъ крестьянамъ билеты на заготовку, выкурку и провозъ смолы, взимая, понятно, съ нихъ ничтожную плату. Въ прошломъ году оказалось, что одна помѣщица выдавала значительное количество билетовъ на заготовленіе смолы, тогда какъ у нея въ лѣсу и березы не имѣется. Многіе помѣщики выдаютъ билеты на заготовку матеріала въ 10 и 100 разъ больше, чѣмъ они могутъ отпускать изъ своихъ дачъ.

Кромѣ того, при теперешнемъ способѣ взиманія пошлины, существуетъ еще много другихъ злоупотребленій, отъ которыхъ казна и удѣлъ терпятъ значительныя потери. Въ прошломъ году удѣльное вѣдомство открыло много злоупотребленій на ананьинской ярмаркѣ въ Кадниковскомъ уѣздѣ Вологодской губерніи. Сумма этихъ потерь оказалась довольно почтенная, если принять во вниманіе, что изъ Ананьина отправляется сравнительно ничтожная часть всѣхъ выработанныхъ изъ удѣльныхъ лѣсовъ издѣлій, которыя большею частію

идутъ въ Архангельскъ. Потеря отъ открытыхъ въ прошломъ году злоупотребленій равняется 5,000 руб., но она представляетъ $^1/_3$ или $^1/_4$ часть всего того, что еще можно было открыть, такъ какъ многіе изъ судовъ ушли, не подвергшись осмотру и не всѣ билеты и товары можно было на другихъ судахъ провѣрять. Чтобы открыть эти злоупотребленія, понадобилось вмѣшательство полиціи и жандармскаго полковника, которые провѣряли провозные билеты, останавливали суда, провѣряли число бочекъ, одно судно было даже выгружено, брали съ виновныхъ значительные залоги, съ нѣкоторыхъ по 500 и 700 руб. и пр. Оно переполошило всѣхъ производителей Кадниковскаго уѣзда и значительной части Вельскаго уѣзда. Крестьяне вслѣдствіе этого до 9-го іюня, т. е. почти до самого сѣнокоса, какъ мнѣ сообщилъ мѣстный лѣсничій, не брали билетовъ на заготовленіе бересты ни на одинъ пудъ. Если они до самаго сѣнокоса не обращались къ лѣсничему за билетами, то надо полагать, что въ этомъ году почти что не будетъ никакой выкурки смолы и дегтя. Свѣжей скалы нарвать нельзя, да у крестьянъ и времени не хватитъ на сдирку бересты. Если будетъ какая-нибудь выкурка, то только изъ старой заготовленной бересты. Точно также мнѣ сообщили, что въ двухъ ближайшихъ къ селу Ананьино удѣльныхъ округахъ взяты билеты на заготовленіе самаго незначительнаго количества смолокуреннаго матеріала.

Это можно себѣ объяснить отчасти испугомъ крестьянъ и отчасти тѣмъ, что скупщики, которымъ пришлось представить большіе залоги, не разсчитались вполнѣ съ смолокурами, или по крайней мѣрѣ не выдали имъ задатковъ на будущій товаръ. Вслѣдствіе этого крестьяне лишились средствъ выправлять себѣ билеты на заготовленіе скалы и другихъ матеріаловъ. Такъ дѣйствительно и оказалось. Крестьяне 7-го удѣльнаго округа въ послѣднихъ числахъ іюня обратились къ удѣльному вѣдомству съ просьбою дозволить имъ заготовлять матеріалъ съ разсрочкою платежа пошлины до осени. Это имъ было дозволено, но наврядъ ли имъ удалось воспользоваться льготою, такъ какъ уже было поздно.

Если акцизная система взиманія пошлины не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ казны и удѣла, то есть другая система, болѣе справедливая и болѣе раціональная. Это—отдача участковъ лѣса въ оброчное или арендное содержаніе. Отдачею смолокуру извѣстнаго участка лѣса въ арендное содержаніе достигается *почти все*, чего только можно желать для развитія смолокуреннаго производства.

Одинъ или нѣсколько производителей вмѣстѣ, если они составляютъ между собою артель, берутъ какой-нибудь участокъ смолокуреннаго лѣса на извѣстное число лѣтъ. Этотъ участокъ, въ свою очередь, раздѣляется на столько частей, на сколько лѣтъ онъ взятъ въ аренду. Въ теченіе года арендаторы могутъ вырубать только одну такую часть лѣса, что дѣлается съ цѣлью не дать имъ возможности въ первые годы аренды уничтожать много лѣса, а въ концѣ срока ея сидѣть безъ матеріала. Кромѣ того, если арендаторъ можетъ въ годъ вырубать только опредѣленное количество лѣса, то онъ, подсачивая его, будетъ въ состояніи располагать имъ такъ, чтобы въ данное время данная часть матеріала была вполнѣ годна къ употребленію.

Удѣлу и казнѣ останется только охранять границы отданныхъ имъ въ аренду участковъ и слѣдить, чтобы въ этихъ участкахъ ежегодно было вырублено то, что допускается таксаціею. Казна и удѣлъ могли бы, пожалуй, обойтись только однимъ охраненіемъ границъ, отданныхъ ими въ аренду лѣсовъ, такъ какъ смолокуръ, въ отданномъ ему на срубъ лѣсу, можетъ дѣлать, что ему вздумается. Но дѣло въ томъ, что имъ приходится также и охранять вообще лѣса въ видахъ общегосударственныхъ интересовъ. Если за этимъ не слѣдить, то смолокуръ, уничтожившій преждевременно свой лѣсъ, останется безъ матеріала и, слѣдовательно, безъ занятія. Если онъ захочетъ, по уничтоженіи перваго участка, взять въ аренду еще другой участокъ, то очень можетъ случиться, что казна и удѣлъ найдутъ это невозможнымъ, чтобы сразу не уничтожать всѣ лѣса. Въ аренду ихъ можетъ отдаваться опредѣленное число, именно столько, сколько допускается таксаціею. Иначе можетъ случиться, что нашему потомству не хватитъ лѣса, что также необходимо имѣть въ виду.

Срокъ аренды какого-нибудь участка можетъ быть, напр., пятилѣтній, десятилѣтній или двадцатилѣтній, такъ какъ пятилѣтній неудобенъ. Лѣсъ подсачивается въ теченіе пяти лѣтъ, потомъ только онъ становится годнымъ къ употребленію. Слѣдовательно, подсачивая въ этомъ году первую часть лѣса, въ будущемъ году другую и т. д., придется на шестой годъ, вырубая первую часть, засочить новую шестую часть, иначе смолокуръ можетъ остаться безъ матеріала. Впрочемъ, по истеченіи первыхъ пяти лѣтъ, онъ могъ бы взять другой участокъ еще на пять лѣтъ, но тогда могло бы случиться, что рядомъ съ первымъ участкомъ нельзя ему отдать другой, а только въ другомъ, болѣе или менѣе отдаленномъ мѣстѣ, что для

арендатора не всегда можетъ быть удобнымъ. Ему придется раскинуться по большому пространству и работать въ двухъ различныхъ мѣстахъ, такъ какъ въ теченіе четырехъ лѣтъ онъ долженъ будетъ еще продолжать подсачивать и первый участокъ, гдѣ и заводъ у него устроенъ.

Десятилѣтній срокъ болѣе всего удобенъ. Если смолокуру, по истеченіи этого срока, достанется участокъ въ совершенно другомъ мѣстѣ, то тогда онъ можетъ безъ особенно чувствительныхъ для себя потерь перенести свой заводъ, потому что послѣдній, по истеченіи десяти лѣтъ, можетъ потребовать болѣе или менѣе фундаментальнаго ремонта, такъ что расходъ какъ на перевозку его приборовъ, матеріаловъ и всѣхъ принадлежностей, такъ и на перестройку его, окупится тѣмъ, что смолья не придется везти изъ далеко отстоящихъ отъ завода мѣстностей.

Арендная плата опредѣляется по количеству куб. саженъ смолья, какое будетъ получаться ежегодно изъ даннаго участка лѣса. Если положимъ, что ежегодная добыча смолья будетъ 100 куб. саженъ, то арендаторъ, съ которымъ заключается надлежащимъ образомъ условіе, долженъ внести арендныхъ денегъ по теперешней, напр., таксѣ, т. е. по 5 р. 25 коп. за куб. саж., или 525 руб. за 100 куб. саж. Удѣлу и казнѣ, по полученіи арендной платы, нѣтъ болѣе дѣла до того, что сдѣлаетъ арендаторъ съ своимъ лѣсомъ. Онъ можетъ изъ него добывать хоть золото и алмазы, это ихъ уже не касается. Если онъ дѣйствительно получитъ золото или алмазы, то это его счастье; если же онъ не съумѣетъ извлечь надлежащую выгоду изъ своего матеріала, то это его вина. Удѣлу и казнѣ останется регулировать арендную плату, чтобы она сообразовалась съ тѣмъ, что дѣйствительно можетъ получаться отъ переработки лѣса. Въ настоящее время, напр., плата въ 5 р. 25 коп. за куб. саж. смолья или, вѣрнѣе, лѣса, такъ какъ въ смолье, годное для смолокуренія, превращаетъ лѣсъ уже смолокуръ, черезъ-чуръ велика. Впослѣдствіи, напротивъ, она можетъ оказаться малою. Поэтому, было бы весьма благоразумно регулировать надлежащимъ образомъ арендную плату, чтобы не обременять ею производителей. При введеніи арендной отдачи лѣсовъ, вся сложная процедура теперешняго способа взиманія пошлины исчезнетъ, а сложность этой процедуры и есть главная причина того гнета, какой теперь приходится одинаково испытывать какъ чиновникамъ, такъ и производителямъ, если только они люди честные. Матеріалъ не при-

дется больше свидѣтельствовать ни на мѣстѣ его заготовки, ни на заводѣ.

Расходы на взиманіе пошлины и охраненіе лѣсовъ при введеніи новой системы значительно уменьшатся, такъ какъ придется ограничиться только охраненіемъ границъ отданныхъ въ аренду участковъ. Точно также изчезнетъ запутанность счетоводства, какая существуетъ теперь при взиманіи пошлины съ издѣлій. При полученіи билета на заготовку, напр., 1 куб. саж. смолья, смолокуру выдается 5 ярлыковъ на право выкурить 5 бочекъ смолы. Столько же, кажется, ярлыковъ высылается въ контору и столько же остается у чиновника, выдающаго билеты. Потомъ, при провѣркѣ дѣйствій чиновниковъ, къ каждому билету подбираются его ярлыки, а такъ какъ билетовъ выдается десятки тысячъ, то ярлыковъ бываетъ сотни тысячъ, для провѣрки и сличенія которыхъ требуется не мало усидчиваго труда и времени. Мало того; смола переработывается въ пекъ, при чемъ получается и скипидаръ; пошлина въ этомъ случаѣ взимается за пекъ, соображаясь съ нормою выхода его изъ смолы. Тогда количество пека и скипидара приходится перевести на смолу и по ней вычислять число ярлыковъ, что, понятно, еще болѣе усложняетъ дѣло. И дѣйствительно, провѣрка этихъ ярлыковъ не мало отупляетъ того, кто ею занимается. Надо имѣть гигантское терпѣніе и обладать величайшимъ хладнокровіемъ, чтобы исполнять это занятіе. Все это уничтожится при введеніи новой системы.

Арендный способъ отдачи лѣсовъ, какъ выше было сказано, и болѣе справедливъ. Если я собственникъ лѣсовъ и дозволяю другимъ ими пользоваться съ цѣлью получать отъ нихъ кое-какія выгоды, то я долженъ предлагать свои лѣса, т. е. свой товаръ, въ такомъ видѣ, какой для потребителей, т. е. для моихъ покупателей, наиболѣе удобенъ. Продавая имъ свой товаръ и получая отъ нихъ за него деньги, я долженъ его предлагать уже готовымъ, какъ въ торговлѣ обыкновенно и принято. Но въ отношеніи лѣсовъ это достигается только отдачею ихъ въ арендное содержаніе, такъ какъ въ этомъ случаѣ владѣлецъ продаетъ свое право на пользованіе его лѣсомъ. Тогда, само собою разумѣется, владѣльцу нѣтъ дѣла до того, какъ арендаторъ будетъ пользоваться лѣсомъ: пойдетъ ли лѣсъ на дрова, сгніетъ ли онъ, выкурится ли изъ него смола или добудется что нибудь другое, болѣе цѣнное. Дѣло владѣльца только облегчать арендатору пользованіе отданнымъ ему въ аренду лѣсомъ. Такъ вездѣ и дѣлается. И

со стороны казны и удѣльнаго вѣдомства являются, кажется, попытки отдавать свои лѣса въ арендное содержаніе. Но при этомъ оставляется и теперешній способъ взиманія пошлины съ издѣлій. Въ такомъ случаѣ, желаемая цѣль, понятно, не можетъ быть достигнута.

Арендную отдачу лѣсовъ надо вводить постепенно, а не сразу. Получая какой нибудь участокъ лѣса и подсачивая его теперь, можно будетъ имъ пользоваться спустя только пять лѣтъ. Слѣдовательно, если сразу перейти отъ теперешняго способа взиманія арендной пошлины къ арендной отдачѣ, то крестьяне могутъ остаться въ теченіе первыхъ 5-ти лѣтъ безъ матеріала и, слѣдовательно, безъ занятія. Поэтому, отдавая имъ теперь лѣса въ аренду, надо на первое время позволить продолжать пользоваться тѣмъ лѣсомъ, который они успѣли подсочить. По истеченіи этого срока, они переходятъ въ отведенные имъ участки, гдѣ у нихъ имѣется уже свѣжій матеріалъ, въ теченіе пяти лѣтъ ими же подготовленный.

Къ сожалѣнію, введеніемъ арендной отдачи лѣсовъ не уничтожаются еще всѣ обстоятельства, которыя тормозятъ теперь смолокуренное производство. По этой причинѣ я выше и сказалъ, что арендною отдачею лѣсовъ достигается *почти* все, чего можно желать для развитія сухой перегонки дерева. Остается еще одно обстоятельство, которое можетъ имѣть болѣе или менѣе сильное вліяніе на улучшеніе этого производства, смотря по тому, какъ на него взглянутъ.

Дѣло въ томъ, что теперь существуетъ законъ, по которому необходимо брать билеты для провоза изготовленныхъ издѣлій какъ изъ казенныхъ, такъ и изъ частныхъ лѣсовъ. Въ послѣднемъ случаѣ билеты выдаются или свидѣтельствуются мѣстною полиціею. Это дѣлается съ цѣлью слѣдить за производителями, чтобы они не заготовляли матеріала въ данной дачѣ больше, чѣмъ имъ, напр., дозволяется по условію, или же чтобы они, пользуясь правомъ заготовлять матеріалъ изъ дачъ одного владѣльца, не стали заготовлять его и изъ дачъ другого какого нибудь владѣльца. Тогда должна будетъ существовать извѣстная норма выходовъ издѣлій изъ даннаго количества матеріала, а вмѣстѣ съ нею и извѣстный процентъ того, что допускается получать сверхъ нормы. По условію можно будетъ видѣть, какое количество матеріала имѣетъ данное лицо право перерабатывать, а по нормѣ опредѣлится, какое количество издѣлій оно можетъ провезти. Но это послужитъ не малымъ стѣсненіемъ для производителей.

Поэтому, вмѣстѣ съ введеніемъ арендной отдачи лѣсовъ, необходимо отмѣнить и законъ, заставляющій производителей брать билеты на провозъ лѣсныхъ издѣлій. Если же этого сдѣлать нельзя, то необходимо провѣрить и установить новыя нормы выходовъ продуктовъ изъ того или другаго матеріала. Кромѣ того, надо увеличить и процентъ выходовъ сверхъ нормы, соображаясь всегда какъ въ первомъ, такъ и во второмъ случаѣ съ тѣмъ способомъ, какой употребляется тѣмъ или другимъ производителемъ. Точно также не слѣдуетъ строго преслѣдовать за бо́льшій выходъ, чѣмъ полагается по нормѣ. Въ настоящее время допускается 10% сверхъ нормы. Излишекъ конфискуется, какъ самовольная выкурка, причемъ приходится платить штрафъ въ размѣрѣ тройной пошлины, тогда какъ совершенно достаточно ограничиться обыкновенною платой. А это вполнѣ гарантируетъ владѣльца. Въ противномъ случаѣ придется косвеннымъ образомъ покровительствовать наименѣе раціональному способу, а всякое улучшеніе, такъ сказать, преслѣдовать, какъ оно теперь на дѣлѣ и выходитъ. Далѣе, обязанности по выдачѣ билетовъ надо возлагать не на полицейскихъ чиновниковъ, а на людей, спеціально для этой цѣли назначенныхъ. Въ настоящее время на исправниковъ и становыхъ возложено столько обязанностей по службѣ, что они положительно не въ состояніи исполнять все, что отъ нихъ требуется, въ особенности на сѣверѣ, гдѣ объѣзды ихъ бываютъ раскинуты на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ. Они, вслѣдствіе этого, дѣлаютъ много упущеній, которыми иные не замедляютъ пользоваться. А это, въ свою очередь, вызываетъ тѣ злоупотребленія, которыя такъ тяжело отзываются на производителяхъ, принося вмѣстѣ съ тѣмъ не малый вредъ казнѣ и удѣлу.

Къ счастію, удѣльное вѣдомство, какъ мнѣ недавно сообщили, уже рѣшилось совершенно измѣнить свой прежній взглядъ на свои отношенія къ мѣстному населенію. Оно поняло, что увеличить доходность своихъ имѣній можно не систематическимъ раззореніемъ крестьянъ, а, напротивъ, увеличеніемъ ихъ благосостоянія. Въ этихъ видахъ приняты мѣры къ сложенію значительной части изъ накопившихся за крестьянами штрафныхъ недоимокъ, а это — весьма благоразумная мѣра. Другая благоразумная мѣра состоитъ въ томъ, что крестьянамъ нѣкоторыхъ мѣстъ дозволено вносить пошлину не при заготовкѣ смолокуреннаго матеріала весною, а осенью, когда у нихъ бываютъ деньги. Это обстоятельство избавляетъ ихъ отъ необходи-

мости прибѣгать къ посредству скупщиковъ-кулаковъ. Далѣе, приступили къ удовлетворенію справедливыхъ жалобъ крестьянъ на неудовлетворительность ихъ надѣловъ. «Прежде, какъ выразился одинъ наивный удѣльный чиновникъ, поощрялась всякая мѣра, клонившаяся не въ пользу крестьянъ». Поэтому крестьянскіе надѣлы оказались крайне плохими. Пахатной земли, какъ мы выше видѣли, приходится всего около $^3/_4$ десятины на душу, сѣнокосовъ почти не имѣется, а попавшій имъ въ надѣлъ лѣсъ—самый плохой. Стоитъ только увидѣть гдѣ нибудь паршивенькій лѣсокъ, чтобы догадаться, что онъ крестьянскій. Точно также было сдѣлано весьма много другихъ упущеній, тяжело отозвавшихся на благосостояніи крестьянъ. Слѣдствіемъ этого были постоянныя неудовольствія и полнѣйшее обѣднѣніе и безъ того бѣднаго края.

Теперь же, благодаря просвѣщенной иниціативѣ новаго управляющаго вельскимъ удѣльнымъ имѣніемъ, Н. О. Осипова, и недавней ревизіи тайнаго совѣтника Н. А. Ананьева, все приняло оборотъ къ лучшему какъ для населенія, такъ и для самаго удѣла. Остается пожелать имъ счастливаго успѣха въ ихъ благомъ начинаніи.

V.

Въ заключеніе я перейду къ разъясненію тѣхъ основаній, на какихъ должны быть устроены артельныя смолокурни. Мною уже было заявлено въ печати, что всѣ участники въ производствахъ артельнаго завода получаютъ плату какъ за свой матеріалъ, такъ и за свой трудъ, какъ бы они артели и не составляли. Впослѣдствіи получающаяся прибыль раздѣляется *между всѣми соучаствовавшими въ производствѣ* пропорціонально тому, что каждый изъ нихъ успѣлъ въ теченіе года заработать. Это послѣднее обстоятельство дало многимъ поводъ сдѣлать мнѣ нѣкоторыя возраженія.

Подъ выраженіемъ «между всѣми соучаствовавшими въ производствѣ», я подразумѣвалъ не только постоянныхъ заводскихъ рабочихъ, но и тѣхъ, которые доставляютъ матеріалъ на заводъ. Мнѣ именно и возражаютъ на это, что доставщики смолья получаютъ за него плату, чѣмъ они должны быть удовлетворены, и что артель завода должны составлять собственно тѣ рабочіе, которые постоянно на немъ работаютъ, тѣмъ болѣе, что отъ послѣднихъ главнымъ образомъ зависитъ весь успѣхъ дѣла.

Все это было бы справедливо, еслибы не было упущено слѣдующее обстоятельство. Заводъ сухой перегонки безъ смолья существовать не можетъ; подготовлять смолье, чтобы оно годилось въ дѣло и было хорошаго качества, также надо умѣть, и, наконецъ, вѣдь и постояннымъ рабочимъ платится ежемѣсячно жалованье и притомъ такое, которое ихъ достаточно обезпечиваетъ; я предполагаю имъ платить по 15 руб. въ мѣсяцъ. За смолье же платится только по 6 рублей, а между тѣмъ работнику, приготовляющему смолье, также нужно мѣсяцъ работы для заготовки 1 куб. саж. Его трудъ, слѣдовательно, гораздо меньше оплачивается, чѣмъ трудъ постояннаго заводскаго рабочаго.

Между тѣмъ, трудъ какъ перваго, такъ и послѣдняго одинаково нуженъ и полезенъ для завода, и отдавать предпочтеніе одному изъ нихъ предъ другими никакъ не приходится. Напротивъ того, необходимо распредѣлять прибыли не пропорціонально тому, что каждый артельщикъ заработаетъ въ теченіе года, какъ я прежде предполагалъ, а болѣе справедливымъ образомъ; именно, постоянные рабочіе, получающіе хорошее ежемѣсячное жалованье и притомъ въ теченіе всего года, должны получать не всѣ деньги, которыя имъ причитаются изъ прибылей на основаніи вышеприведеннаго правила, а только часть ихъ.

По этой причинѣ я думаю раздѣлять прибыли между членами артели слѣдующимъ образомъ. Вся сумма раздѣлится на столько частей, сколько артельщиковъ, и притомъ часть каждаго изъ нихъ будетъ пропорціональна тому, что онъ успѣлъ заработать въ теченіе года. Положимъ, что артель будетъ состоять изъ 25 человѣкъ. Пять изъ нихъ будутъ постоянными рабочими на самомъ заводѣ, а остальные 20 займутся заготовкою, доставкою, распилкою и расколкою смолья. Если заводъ переработаетъ въ годъ 100 куб. саж. смолья, то каждый изъ нихъ доставитъ на заводъ по 5 куб. саж.

Тѣмъ членамъ артели, которые займутся доставкою сырыхъ продуктовъ, выдается сполна вся сумма, какая имъ причитается на ихъ долю. Постоянные же работники получатъ только 20% изъ той суммы, которая имъ причитается изъ прибылей. Остальные 80% пойдутъ на образованіе основнаго и оборотнаго капитала.

Для большей ясности этого раздѣленія прибылей, приведу численный примѣръ:

Положимъ, что отъ артельнаго завода въ концѣ года получится

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

Что касается суммы нужной на образованіе основнаго и оборотнаго капиталовъ, то она распадается пополамъ: одна половина пойдетъ на образованіе перваго изъ нихъ, а другая — на образованіе втораго. Въ нашемъ случаѣ сумма эта будетъ равняться 1.500 (удвоенному жалованью мастеровыхъ рабочихъ) безъ 360 руб. (20% вычитаемыхъ тѣмъ же рабочимъ), т. е. 1,440 руб. На основной и оборотный капиталъ, слѣдовательно, приходится по 720 руб.

Я раздѣляю эту прибыль по-ровну между тѣмъ и другимъ капиталами, потому что считаю ихъ одинаково важными. Оба эти капитала принадлежатъ всей артели. Основной капиталъ, когда достигнетъ опредѣленной величины, никогда не долженъ истощаться. Онъ будетъ служить для выдачи членамъ артели ссудъ, а получаемые отъ этихъ ссудъ проценты пойдутъ для выдачи пособій членамъ, если ихъ по-

стигнетъ какой нибудь несчастный случай, равно какъ и для улучшенія школъ и удовлетворенія другихъ собственныхъ нуждъ.

Оборотный же капиталъ служитъ какъ для усиленія заводской производительности этой же артели, такъ и для постройки новыхъ заводовъ для другихъ артелей. Въ послѣднемъ случаѣ за ссуду получится въ пользу артели извѣстный процентъ, напр. по 6%. Кромѣ того, артель, владѣя основнымъ капиталомъ, можетъ разсчитывать на полученіе кредита въ размѣрѣ, въ три или четыре раза его превышающемъ, что не маловажно.

Впослѣдствіи, если артель прекратитъ свое существованіе,— основной и оборотный капиталы раздѣлятся по-ровну между всѣми артельщиками.

Артельное смолокуреніе можетъ быть съ пользою примѣнено и въ томъ случаѣ, если какой нибудь лѣсовладѣлецъ захочетъ устроить у себя въ имѣніи заводъ для сухой перегонки дерева. Первымъ вопросомъ при желаніи устроить у себя подобный заводъ, является вопросъ о томъ, какъ получать для него смольнякъ. Крестьяне или не умѣютъ его добывать или не захотятъ его доставлять на данный заводъ. Сегодня они доставляютъ матеріалъ, напримѣръ, мнѣ, а завтра, если рядомъ со мною выстроится другой заводъ, они перейдутъ туда, а мнѣ придется остаться безъ матеріала; точно также будетъ и съ постоянными заводскими рабочими. Теперь знающихъ рабочихъ не имѣется; ихъ придется подготовлять, а потомъ, когда они научатся новому дѣлу, они перейдутъ къ первому встрѣчному, кто имъ предложитъ нѣсколько большее жалованье, чѣмъ они у меня получаютъ. Тогда я опять остаюсь не причемъ, а заводъ мой долженъ или прекратить свои дѣйствія, или я принужденъ буду взяться за обученіе новыхъ рабочихъ и т. д. Однимъ словомъ, тутъ выступаетъ вопросъ о преобладаніи капитала надъ трудомъ или труда надъ капиталомъ. Въ нашемъ случаѣ преимущества на сторонѣ труда. Они заключаются въ томъ, что, разъ добывъ денегъ, рабочіе могутъ уже самостоятельно вести начатое ими дѣло, потому что капиталъ у нихъ остается навсегда, тогда какъ капиталистъ не можетъ вѣчно владѣть рабочими.

Но рабочіе безъ капитала ничего не подѣлаютъ и, кромѣ того, имъ въ настоящемъ случаѣ не достаетъ и знаній. По этой-то причинѣ необходимо примирить интересы обѣихъ сторонъ, а этого можно достигнуть веденіемъ производства на артельныхъ началахъ. Давая

рабочимъ возможность участвовать въ барышахъ производства, мы ихъ этимъ самымъ привлечемъ и заинтересуемъ дѣломъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталистъ находитъ примѣненіе своему капиталу, который заключается въ наличныхъ деньгахъ, въ лѣсахъ или въ другого рода имуществахъ.

Между тѣмъ, въ настоящее время относятся къ этому вопросу весьма односторонне: одни готовы признать всѣ преимущества за трудомъ, не придавая капиталу никакого значенія; другіе же считаютъ трудъ ни во что, полагая, что они оказываютъ рабочему благодѣяніе, давая ему возможность заработывать себѣ на хлѣбъ для поддержанія своего жалкаго существованія. Очевидно, что какъ тѣ, такъ и другіе не правы. Несомнѣнно, что капиталъ есть продуктъ труда; но съ другой стороны капиталъ, образуясь благоразумнымъ сбереженіемъ, даетъ труду возможность быть еще болѣе производительнымъ. Капиталъ надо разсматривать какъ орудіе труда при всякомъ производствѣ. Какъ я, напр., имѣя руки, но не имѣя инструментовъ, не въ состояніи буду сдѣлать хотя бы простаго стола, точно также и рабочіе, собравшись вмѣстѣ для веденія какого нибудь дѣла, безъ капитала ни за что взяться не могутъ. Орудіе, инструменты и проч. имъ необходимо имѣть.

Съ другой стороны, и капиталъ безъ труда не мыслимъ. Представьте себѣ, что вы выстроили заводъ, приготовили всѣ приборы и инструменты, но у васъ нѣтъ людей для производства на немъ работъ. Что вы тогда станете дѣлать? Вашъ заводъ простоитъ годъ, два, десять и больше лѣтъ, не принося вамъ ни гроша прибыли; напротивъ того, все вами приготовленное современемъ разрушится, сгніетъ, инструменты и приборы перепортятся и т. д.

Ясно, стало быть, что оба фактора промышленности, трудъ и капиталъ, одинаково другъ въ другѣ нуждаются. Только при благоразумномъ взаимномъ отношеніи ихъ можетъ правильно развиваться промышленность. Чѣмъ правильнѣе будетъ взаимное содѣйствіе капитала и труда, тѣмъ лучше и значительнѣе будетъ производительность. Благоразумные и болѣе развитые представители промышленности поняли истину этого экономическаго закона и стали отводить труду надлежащее мѣсто въ участіи въ барышахъ производства. Въ Англіи, Франціи и другихъ государствахъ западной Европы можно встрѣтить много фабрикантовъ и заводчиковъ, которые вошли съ своими рабочими въ соглашеніе и признали ихъ соучастниками въ

выгодахъ своихъ заводовъ и фабрикъ. Они это дѣлаютъ въ видахъ собственныхъ интересовъ. Они понимаютъ, что имъ гораздо выгоднѣе, какъ нравственно, такъ и матеріально, предоставить труду въ производствѣ такую же роль, какую они сами занимаютъ, благодаря своему капиталу. Конечно, чтобы понять эту истину, надо быть человѣкомъ развитымъ, образованнымъ, иначе подобная артель рабочихъ и капиталистовъ можетъ принять такую жалкую форму, какую мы видимъ на сѣверѣ, гдѣ капиталисты — народъ неразвитый и страшные кулаки.

Задача настоящаго времени и состоитъ въ томъ, чтобы всѣхъ убѣдить въ справедливости этого принципа. Капиталъ, вслѣдствіе сложившихся обстоятельствъ, получилъ господствующую силу и продолжаетъ дѣйствовать по установившейся рутинѣ, не заботясь о справедливомъ отношеніи къ труду. Между тѣмъ, стоитъ немного подумать, чтобы убѣдиться въ нераціональности этого положенія дѣлъ.

Въ самомъ дѣлѣ: теперь рабочіе, не участвуя въ барышахъ того производства, которымъ они занимаются, мало имъ интересуются, небрежно работаютъ и вслѣдствіе этого мало производятъ. Фабриканту приходится еще нанимать особыхъ людей, которые сами не работаютъ, а смотрятъ только за рабочими, чѣмъ, впрочемъ, какъ извѣстно, цѣль все таки не достигается. Между тѣмъ, эти лица получаютъ всегда въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ сами рабочіе, которые главнымъ образомъ и производятъ всѣ тѣ цѣнности, которыми пользуются другіе. Кромѣ того, сколько безпокойства, хлопотъ и непріятностей причиняетъ нерадѣніе рабочихъ самому хозяину завода!

Совершенно иначе было бы, еслибы рабочіе сами стали пользоваться плодами своего труда, т. е. еслибы барышъ правильно дѣлился между ними и хозяиномъ, а не принадлежалъ всецѣло послѣднему. Рабочіе были бы болѣе заинтересованы дѣломъ, лучше и усерднѣе стали бы работать сами, безъ понуканія какъ со стороны фабриканта, такъ и со стороны другихъ лицъ, спеціально для этой цѣли назначаемыхъ. Трудъ ихъ сталъ бы болѣе производителенъ и притомъ при гораздо меньшихъ расходахъ, такъ какъ надзорщики надъ ними сдѣлались бы лишними. Хозяину тогда оставалось бы весьма мало хлопотъ, потому что рабочіе сами обо всемъ позаботятся не меньше хозяина. Послѣднему придется только закупать сырые матеріалы, продавать выработанные продукты и вести заводское счетоводство. Фабрикантъ отъ привлеченія рабочихъ къ участію въ ба-

рышахъ производства не только не будетъ въ проигрышѣ, а, напротивъ того, его выгоды отъ этого значительно увеличатся, не говоря уже о томъ, что онъ ни отъ кого никогда не услышитъ нравственнаго упрека. Промышленность тогда станетъ на болѣе твердую почву и значительно улучшится. Рабочій старательный и болѣе внимательный будетъ болѣе полезенъ дѣлу, чѣмъ самъ хозяинъ, потому что онъ всегда лучше знаетъ положеніе, потребности и недостатки производства. Потерь и кражъ будетъ гораздо меньше, чѣмъ теперь, или вовсе не будетъ, такъ какъ рабочіе, будучи сами заинтересованными лицами, станутъ слѣдить другъ за другомъ и каждый изъ нихъ побоится компрометировать себя, чтобы не быть удаленнымъ изъ артели и не лишиться выгоднаго заработка. Контроль такимъ образомъ будетъ какъ со стороны рабочихъ, такъ и со стороны хозяина. Я убѣжденъ, что производство, если фабрикантъ войдетъ въ соглашеніе съ рабочими на вышеуказанныхъ началахъ, на столько станетъ болѣе выгоднымъ, что первый за выдѣленіемъ изъ прибылей части, причитающейся послѣднимъ, все-таки получитъ больше, чѣмъ онъ получаетъ теперь, при настоящемъ положеніи дѣла.

Затронутый тутъ вопросъ на столько важенъ, что о немъ стоитъ поговорить и разсмотрѣть его отдѣльно и болѣе подробно. Но онъ мнѣ не по силамъ. Онъ столь же важенъ, какъ и вопросъ объ обязательномъ трудѣ, съ которымъ человѣчество уже удовлетворительно порѣшило. Но этимъ послѣднимъ вопросомъ не исчерпается еще все запутанное отношеніе капитала къ труду. Онъ представляетъ только переходную ступень и никто на немъ не думаетъ останавливаться. Хотя съ уничтоженіемъ обязательнаго труда рабочій сталъ болѣе свободнымъ и болѣе производительнымъ, въ чемъ теперь никто и не сомнѣвается, но это все-таки относительная свобода. Пока рабочій будетъ принужденъ выпрашивать себѣ работу у капиталиста, не пользуясь самъ плодами своего труда, до тѣхъ поръ онъ останется рабомъ и трудъ его будетъ малопроизводителенъ, отчего страдаетъ вообще вся промышленность. Слѣдовательно, она можетъ стать на твердую ногу тогда только, когда будетъ рѣшенъ удовлетворительно и первый, самый важный вопросъ—вопросъ о привлеченіи рабочихъ къ участію въ выгодахъ, добываемыхъ ихъ трудомъ, наравнѣ съ капиталистами.

Основанія, на которыхъ можетъ быть устроена артель капиталиста и рабочихъ, напр., въ нашемъ случаѣ, при постройкѣ смолоку-

реннаго завода, совершенно такія же, какія я привелъ выше, при образованіи артели изъ однихъ только рабочихъ. Капиталистъ получаетъ на основной капиталъ, затраченный имъ на постройку завода и на оборотный капиталъ, по 10 и больше процентовъ, смотря по размѣрамъ производства. Кромѣ того, онъ, если онъ самъ будетъ завѣдывать дѣлами завода, получитъ надлежащихъ размѣровъ жалованье. Рабочимъ за трудъ и матеріалъ также платится. Потомъ, въ концѣ года, по сведеніи счетовъ, прибыль раздѣляется между всѣми участвовавшими въ работахъ завода пропорціонально тому, что каждый выработалъ въ теченіе года. Въ это число входитъ и капиталистъ.

Такимъ образомъ послѣдній получаетъ хорошій и вполнѣ обезпеченный процентъ на затраченный имъ капиталъ, именно 10 и больше процентовъ, вознагражденіе за свой трудъ по веденію заводскихъ дѣлъ и еще участвуетъ въ барышахъ завода. Притомъ ему достанется львиная часть изъ прибылей, такъ какъ его жалованье будетъ въ нѣсколько разъ больше того, что получаетъ рабочій. Понятно, что жалованье ему потому полагается большее, что онъ, будучи лучше подготовленъ къ дѣлу, приноситъ ему больше пользы, и вознагражденіе это будетъ вполнѣ соотвѣтствовать экономическому закону, по которому вознагражденіе за трудъ тѣмъ больше, чѣмъ больше была затрата со стороны лица на пріобрѣтеніе имъ полезныхъ свѣдѣній. Напр., медикъ, ученый и проч. получаютъ за свой трудъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ простой рабочій, потому что имъ нужно было много лѣтъ учиться, дѣлать на ученье большія затраты и во все это время быть непроизводительными. Если хозяинъ не въ состояніи будетъ самъ вести дѣла завода, то онъ, понятно, жалованья не будетъ получать, а ограничится только тѣми процентами, какіе ему причитаются за его основной и оборотный капиталы, и частью изъ прибылей, пропорціональною этимъ же процентамъ.

Изъ прибылей, причитающихся рабочимъ, высчитывается извѣстный процентъ на образованіе фонда, который раздѣлится на двѣ части: одна часть послужитъ рабочимъ для уплаты хозяину части стоимости завода, чтобы послѣдній и каждый изъ первыхъ участвовали въ производствѣ одинаковыми паями, а другая часть отлагается въ сторону и послужитъ для покрытія убытковъ, если таковые окажутся. Рабочіе такимъ образомъ будутъ участвовать наравнѣ съ капиталистомъ не только въ барышахъ, но и въ убыткахъ производства.

Вотъ тѣ основанія, на которыхъ каждый помѣщикъ можетъ устроить у себя въ имѣніи смолокуренный заводъ. Онъ тогда будетъ обезпеченъ и матеріаломъ, и рабочими. Тутъ, такъ сказать, и овцы будутъ цѣлы и волкъ останется сытымъ. Рабочіе найдутъ себѣ хорошее занятіе, дающее имъ болѣе или менѣе значительный заработокъ, а помѣщикъ найдетъ выгодный сбытъ своему лѣсу и отличное примѣненіе своему капиталу. Но, повторяю, подобная артель труда и капитала возможна только тогда, когда представители капитала будутъ люди образованные и развитые, а не такіе, какими мы ихъ часто видимъ, въ особенности на сѣверѣ.

Точно также артельное смолокуреніе было бы выгодно и для мелкихъ лѣсовладѣльцевъ. Владѣя небольшимъ участкомъ лѣса и имѣя небольшой капиталъ, помѣщикъ не можетъ самъ приступить къ постройкѣ завода. Нѣсколько же такихъ мелкихъ помѣщиковъ, соединясь вмѣстѣ и съ рабочими, могутъ самымъ лучшимъ образомъ устроить подобный заводъ. Матеріала у всѣхъ ихъ вмѣстѣ хватитъ достаточно, а капитала большого не понадобится, если въ компанію будутъ приняты и рабочіе, которые сами выстроятъ заводъ, заготовятъ матеріалъ и будутъ работать на заводѣ. Заводъ гораздо скорѣе выстроится, матеріала пойдетъ на него меньше и онъ будетъ гораздо лучше и дешевле выстроенъ.

Кромѣ всего сказаннаго, чтобы развить смолокуренное и дегтярное производства и дать занимающимся ими болѣе обезпеченный и большій заработокъ, необходимо улучшить самую эту отрасль промышленности. Выше мы видѣли, что кромѣ дегтя и смолы, при сухой перегонкѣ дерева, на сѣверѣ ничего болѣе не получается, и что только въ одномъ мѣстѣ получается и скипидаръ. Поэтому необходимо устроить заводы такъ, чтобы ничего не терялось, чтобы возможно было получать всѣ тѣ продукты, какіе получаются при правильномъ веденіи сухой перегонки дерева. Далѣе, мы видѣли, что и тѣ немногіе продукты, какіе теперь смолокуръ получаетъ, продаются въ сыромъ видѣ и притомъ за безцѣнокъ, вслѣдствіе того, что сбытъ ихъ болѣе или менѣе ограниченъ. Кромѣ того, и провозъ сырыхъ продуктовъ къ мѣсту сбыта, какъ товара болѣе громоздкаго, дорого стоитъ.

Поэтому улучшеніе въ смолокуренномъ производствѣ должно главнымъ образомъ состоять въ томъ, чтобы сырые продукты, получающіеся при сухой перегонкѣ дерева, были подвергнуты дальнѣйшей

переработкѣ, чтобы получать изъ нихъ улучшенные продукты и притомъ такіе, какіе въ данное время наиболѣе нужны. Въ настоящее время, вслѣдствіе сильнаго развитія фабричной и заводской промышленности и желѣзнодорожнаго дѣла, усилились требованія на смазочныя вещества и колесныя мази. Эти именно продукты и получаются теперь изъ смолы и дегтя, и такъ какъ цѣны на теперешнія смазочныя масла велики и такъ какъ масла и мази, получаемыя изъ смолы и дегтя, не уступаютъ въ качествѣ и достоинствѣ первымъ и даже нѣкоторыя изъ нихъ превосходятъ, то понятно, что цѣны и на смоляное смазочное масло будутъ велики и переработка сырыхъ продуктовъ сухой перегонки дерева въ болѣе цѣнные будетъ чрезвычайно выгодна. Мало того, такъ какъ и у насъ фабричная и заводская промышленность и желѣзнодорожное дѣло сильно развилось, то и намъ эти продукты необходимы, и мы ихъ станемъ продавать въ самой Россіи, а не отправлять заграницу въ сыромъ видѣ, и потомъ ихъ оттуда получать въ переработанномъ видѣ, какъ это теперь дѣлается, за что намъ приходится платить страшныя деньги. Напр., въ 1869 году въ Россію было привезено изъ-за границы на 5 милл. руб. сер. скипидару, гарпіусу и нефти. Въ эту сумму не входятъ еще другія траты на покупку другихъ продуктовъ сухой перегонки дерева, какъ-то: уксусной кислоты, уксуснокислыхъ солей, смазочныхъ маслъ, колесныхъ мазей и пр. А между тѣмъ, все это могло бы быть приготовлено въ самой Россіи не хуже привознаго изъ-за границы.

Точно также и скипидаръ, котораго привозится много изъ-за границы и который у насъ на сѣверѣ, какъ мы выше видѣли, выливается вонъ, за неимѣніемъ сбыта его, можетъ быть переработываемъ въ ламповое масло, на приготовленіе сургуча, лаковъ и проч., а для этой послѣдней цѣли станутъ собирать сѣру, которая получается теперь при подсачиваніи сосноваго лѣса, но которую только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ собираютъ. Вмѣстѣ съ этимъ, для полученія большаго количества сѣры, вызовется потребность подсачивать и еловый лѣсъ, который теперь ни на что не идетъ и пропадаетъ совершенно даромъ. На сѣверѣ даже на постройки и другія потребности крестьяне его не берутъ, считая его поганымъ.

Далѣе, если смолу станутъ переработывать на смазочное масло и колесную мазь, а эти продукты будутъ продаваться въ самой Россіи, то и цѣна на сырую смолу и въ Архангельскѣ значительно возвы-

сится, такъ какъ стоимость ея увеличится и предложеніе ея въ Архангельскѣ уменьшится.

Вотъ какъ должна вестись и въ какую сторону должна быть направлена эта отрасль промышленности. Только при такихъ условіяхъ она можетъ быть вполнѣ выгодна, можетъ принести громадную пользу какъ мѣстному населенію, такъ и всему государству. Теперь крестьянинъ за переработку 5 куб. саж. смолья выручаетъ всего рублей 15 — 20, затративъ на это восьмимѣсячный трудъ, тогда какъ при улучшеніи этого производства онъ за эти же 5 куб. саж. получитъ, какъ мною вычислено, рублей 120, т. е. въ шесть разъ больше.

Къ числу мѣръ, необходимыхъ въ видахъ развитія смолокуреннаго производства, принадлежитъ и улучшеніе путей сообщенія. Главный путь, ведущій всѣ товары Кадниковскаго, части Вельскаго, Устюжскаго, Никольскаго и другихъ уѣздовъ Вологодской губерніи, это—Кубинская система. По рѣкѣ Кубинѣ и ея притокамъ отправляются товары въ Петербургъ по Маріинской системѣ и въ другія губерніи Россіи по Волжской системѣ. Рѣка Кубина впадаетъ въ Кубинское озеро, откуда беретъ свое начало рѣка Сухона, притокъ Сѣверной Двины. Кубинское озеро является такимъ образомъ главнымъ узломъ этихъ рѣчныхъ системъ. Къ сожалѣнію, оно чрезвычайно бурное, фарватеръ его не изслѣдованъ и служитъ главнымъ препятствіемъ для судоходства по этимъ рѣчнымъ системамъ. Точно также судоходство встрѣчаетъ сильное препятствіе на рѣкѣ Кубинѣ и ея притокахъ, вслѣдствіе настроенныхъ на нихъ мельницъ. Пароходства же, между тѣмъ, по этимъ рѣкамъ и по озеру не существуетъ. Были сдѣланы въ прошломъ году попытки въ этомъ направленіи, но весьма неудачно.

Далѣе, было бы полезно, по моему крайнему разумѣнію, продолжить линію желѣзной дороги отъ Вологды дальше, до Шенкурска, откуда, если уничтожить одинъ имѣющійся въ рѣкѣ Вагѣ порогъ, могло бы начинаться правильное пароходство. Тогда нѣкоторые товары, вмѣсто того, чтобы тянуться къ Архангельску, пошли бы внутрь Россіи, откуда, въ свою очередь, пошли бы другіе товары за границу черезъ Архангельскъ.

С. Шапиро.

НЕПРАКТИЧНЫЙ ЗАКОНОПРОЕКТЪ.

I.

Въ 1861 году совершенъ былъ переворотъ, которымъ наше рабочее населеніе выведено изъ крѣпостнаго и зависимаго положенія. Тутъ положено было первое основаніе, на которомъ можетъ быть построено зданіе его свободы и самостоятельности. Съ тѣхъ поръ въ Россіи, какъ и вездѣ, гдѣ зависимое населеніе было освобождено, началась работа въ двухъ направленіяхъ. Съ одной стороны, крестьянское населеніе надѣлялось землею, получало право полнаго распоряженія частями этой земли и такимъ образомъ становилось на свои собственныя, самостоятельныя ноги, а съ другой—установлялись твердыя основанія для тѣхъ случаевъ, когда оно работало по найму. У насъ въ настоящее время точно также возбужденъ вопросъ о наймѣ и даже уже составленъ законопроектъ, по поводу котораго мы и выскажемъ нѣкоторыя мысли.

Наша публика очень хорошо понимаетъ важность отношенія крестьянъ къ землѣ. Она знаетъ, что громадное большинство нашего рабочаго населенія состоитъ изъ крестьянъ и издавна привыкла смотрѣть на вопросъ о землѣ какъ на одинъ изъ первостепенныхъ нашихъ вопросовъ. Но значеніе вопроса о наймѣ вовсе не такъ ясно для нашего общества. Полагая, что большая часть нашего рабочаго населенія живетъ отъ находящейся въ его владѣніи земли, общество наше придаетъ весьма большое значеніе поземельнымъ надѣламъ, оброкамъ и сборамъ съ нихъ, а на вопросъ о наймѣ, смотритъ скорѣе какъ на вопросъ будущаго, чѣмъ какъ на вопросъ настоящаго. Постоянно повторяютъ, что у насъ пролетаріата нѣтъ, что наемнымъ трудомъ живетъ у насъ не-

значительное меньшинство и т. д. Все это составляетъ самую крупную ошибку. Въ числѣ дохода, получаемаго нашимъ рабочимъ классомъ, наемная плата не только равняется чистому доходу отъ находящихся въ крестьянскомъ владѣніи земель, но несомнѣнно превышаетъ его. Наше положеніе отличается, напр., отъ привислянскаго края тѣмъ, что у насъ менѣе людей, которые живутъ исключительно однимъ наемнымъ трудомъ, но за то же у насъ болѣе людей, которые живутъ на половину собственнымъ хозяйствомъ и на половину наемнымъ трудомъ. Для этихъ людей, установившіяся отношенія между нанимателемъ и наемникомъ по крайней мѣрѣ такъ же важны, какъ и отношенія къ землѣ, а число этихъ людей такъ велико, что въ громадномъ большинствѣ мѣстностей трудно встрѣтить крестьянское семейство, которое жило бы исключительно отъ одного своего надѣла. Чтобы читатель могъ составить себѣ правильное понятіе о размѣрахъ наемнаго труда въ Россіи, я ему скажу, что въ 45 губерніяхъ европейской Россіи въ крестьянскомъ землевладѣніи находится 89,403,000 дес. земли, у помѣщиковъ 82,466,000 дес., у казны и удѣла 132,842,000 дес., у другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, кромѣ казны, удѣла и помѣщиковъ, 120,926,000 дес. Слѣдовательно, крестьяне имѣютъ 89,403,000 дес., а другіе крупные землевладѣльцы 336,214,000 дес., т. е. почти въ четыре раза болѣе. Въ привислянскомъ краѣ землевладѣніе распредѣлено гораздо болѣе благопріятно для крестьянъ. Тамъ въ крестьянскомъ владѣніи находится 3,609,721 десятина, а у крупныхъ землевладѣльцевъ 6,453,030 дес., т. е. почти только вдвое болѣе. Не смотря на это, тамъ крестьянъ, надѣленныхъ землею, считается 1,995,304 чел., а безземельныхъ 1,405,555 чел., т. е. почти столько же. Въ Финляндіи поземельное отношеніе еще благопріятнѣе. Тамъ въ крестьянскомъ владѣніи находится 18,479,144 дес., а въ дворянскомъ всего 1,481,455 дес. Большинство этихъ земель сосредоточено въ одной Выборгской губерніи, но и тамъ дворянскихъ земель 1,049,420 д., а крестьянскихъ 1,942,869, т. е. вдвое болѣе—и тутъ распредѣленіе землевладѣнія несравненно благопріятнѣе, чѣмъ у насъ. Если отбросить Выборгскую и крайне сѣверную Улеоборгскую губернію, гдѣ во владѣніи казны находится 10,298,017 дес., то землевладѣніе въ Финляндіи распредѣлится слѣдующимъ образомъ. Во владѣніи крестьянъ 12,797,570 дес., у казны 1,001,380 дес., у другихъ крупныхъ землевладѣльцевъ 994,231 дес., всего у крупныхъ землевладѣльцевъ

1,995,611 дес. Слѣдовательно, у крестьянъ оказывается почти въ шесть съ половиною разъ болѣе земли, чѣмъ у крупныхъ землевладѣльцевъ. Не смотря на это, поземельныхъ владѣній въ Финляндіи считается 103,593, а хозяйствъ 252,309. И такъ, даже въ Финляндіи, при ея многоземеліи, при помянутомъ распредѣленіи земли, значительное большинство населенія живетъ наемнымъ трудомъ. Какимъ же образомъ наемный трудъ можетъ имѣть второстепенное значеніе у насъ, гдѣ крупное землевладѣніе преобладаетъ гораздо болѣе, чѣмъ въ какой-либо изъ нашихъ окраинъ, кромѣ Остзейскаго края? Въ девяти западныхъ нашихъ губерніяхъ *) во владѣніи крестьянъ находится 13,384,000 дес., а у крупныхъ землевладѣльцевъ 29,440,000 дес., т. е. въ 2,19 раза болѣе. Въ другихъ губерніяхъ европейской Россіи **) во владѣніи крестьянъ находится 76,019,000 дес., а у крупныхъ землевладѣльцевъ 382,813,000 дес., т. е. въ 5,03 раза болѣе; въ Россіи, слѣдовательно, крупнаго землевладѣнія почти въ два съ половиною раза болѣе, чѣмъ въ западномъ краѣ. Очень можетъ быть, что эти данныя изумятъ многихъ, но всякій можетъ провѣрить ихъ даже по «Военно-Статистическому Сборнику» 1871 года; пусть онъ сосчитаетъ цифры, которыя тамъ находятся, безъ всякихъ увертокъ и толкованій—и онъ убѣдится.

После этого нѣтъ надобности вычислять передъ читателемъ, сколько у насъ работниковъ на фабрикахъ, заводахъ и промыслахъ, сколько у насъ ремесленниковъ, работающихъ по найму, какая часть населенія живетъ заказной, поштучной работой, дѣлаетъ поштучно гвозди, ложки, валяные и пр. издѣлія, сколько прислуги, судорабочихъ и пр.; читатель пойметъ и безъ того, что среди нашего населенія наниматель и наемникъ—правило, а тотъ, кто не наниматель и не наемникъ—болѣе или менѣе рѣдкое исключеніе. Читатель пойметъ и еще одно, болѣе важное обстоятельство. Мы видимъ въ нашей средѣ классъ помѣщиковъ и крупныхъ землевладѣльцевъ. Этотъ классъ составляетъ значительную часть образованнаго общества. Между образованными людьми это весьма вліятельный классъ, но все-таки это только классъ, это только часть образованнаго общества. Капиталисты, духовенство, чиновники—это точно также вліятельные классы,

*) 1) Виленской, 2) Витебской, 3) Волынской, 4) Гродненской, 5) Кіевской, 6) Ковенской, 7) Минской, 8) Могилевской, 9) Подольской.

**) Остзейскій край и Войско Донское отбрасываются.

но это точно также только части образованнаго общества. Наниматели же—это *все* образованное общество безъ исключенія. Въ образованномъ обществѣ нѣтъ ни одной части, которая бы не принадлежала къ разряду нанимателей. Это обстоятельство имѣетъ громадное вліяніе на тѣ понятія, которыя составляются въ обществѣ. Даже самому добросовѣстному человѣку, если только онъ заинтересованъ извѣстнымъ образомъ въ дѣлѣ, справедливымъ представляется совершенно другое, чѣмъ не заинтересованному. Если читатель съ этой точки зрѣнія вникнетъ въ дѣло, то онъ можетъ увидать вещи, которыя его изумятъ гораздо болѣе, чѣмъ то, что мы говорили о значеніи найма для Россіи. Чтобы дать ему нѣкоторое предчувствіе, я укажу, въ видѣ намека, только на одинъ фактъ. Помѣщики составляютъ, какъ мы уже сказали, весьма вліятельный классъ, однако же даже во время господства крѣпостнаго права и по отношенію къ крѣпостнымъ, имъ воспрещались дѣйствія, направленныя къ разрушенію семейнаго союза. Помѣщикъ не могъ раздѣлять супруговъ, не могъ отдѣлять дѣтей отъ родителей. По отношенію же къ найму, разрушающія семейство сдѣлки не только допускаются, но въ области того найма, гдѣ всякій образованный человѣкъ является нанимателемъ, т. е. въ области найма прислуги, разрушеніе семейства составляетъ правило, а не исключеніе. Мало этого, еслибы законодательная власть была даже вполнѣ убѣждена во вредѣ такого явленія, она могла бы сдѣлать для его измѣненія только очень немногое. Это достаточно ясно показываетъ читателю, до какой степени онъ долженъ сосредоточить все свое вниманіе, чтобы отрѣшиться и отъ предразсудковъ и отъ мелкаго эгоизма, и составить себѣ правильное и безпристрастное понятіе о дѣлѣ.

Такое положеніе, съ одной стороны, показываетъ важность предмета, но съ другой—оно раскрываетъ передъ нами всѣ трудности, съ которыми придется бороться не только писателю, который вздумалъ бы разъяснять публикѣ идею справедливости этого дѣла, но и законодателю. Законъ менѣе всего всемогущъ; дѣйствительность слишкомъ часто показываетъ все безсиліе его предписаній. Для того, чтобы законъ оказался полезнымъ въ своемъ примѣненіи, необходимо, чтобы онъ отбросилъ всякія мечты о возможности вынуждать безусловное повиновеніе, не сообразуясь съ дѣйствительностью; онъ

не долженъ бросать своихъ предписаній на вѣтеръ — онъ долженъ предписывать только тамъ, гдѣ онъ обставилъ себя такъ, что повиновеніе послѣдуетъ. Можно издать законъ весьма справедливый, законъ, котораго пользу будутъ сознавать всѣ и къ которому всѣ будутъ относиться съ симпатіей, а онъ все-таки останется безъ примѣненія; рядомъ съ этимъ можно издать законъ и несправедливый, и для всѣхъ ненавистный, но онъ все-таки будетъ примѣняться, потому что онъ создалъ для себя практическую обстановку. Англійская законодательная практика давно привыкла дѣлать это различіе, и если какой-нибудь изъ государственныхъ людей предлагаетъ законъ и даетъ ему такую обстановку, что онъ останется безъ примѣненія, то противная партія не упуститъ случая осмѣять его и уронить руководителя въ глазахъ его собственныхъ приверженцевъ. Ему тотчасъ кидаютъ въ лицо упрекъ, что онъ прекрасный ораторъ и теоретикъ, но вовсе не государственный человѣкъ.

Справедливость и практичность—вотъ два условія всякаго закона. Справедливость, конечно, первое условіе; если законъ несправедливъ, то онъ будетъ тѣмъ вреднѣе, онъ тѣмъ болѣе будетъ подтачивать здоровыя основы общественной жизни, чѣмъ онъ будетъ практичнѣе. Но практичность для него, по крайней мѣрѣ, такое же необходимое условіе. Законодательный памятникъ, наполненный справедливыми, но не практическими законами, похожъ на школу съ паркетными полами, съ прекрасной выставкой учебныхъ пособій, но гдѣ дѣтей ничему не учатъ. Разъяснять идею справедливости, въ особенности съ практическою цѣлью, въ такихъ вопросахъ, какъ было рабство, въ тѣхъ обществахъ, гдѣ вся образованная часть населенія владѣла рабами, какъ теперь наемъ, конечно, дѣло весьма трудное. Успѣхъ не можетъ быть полный, однако же историческій опытъ показываетъ, что постоянныя усилія все-таки приводятъ къ цѣли. Несмотря на то, что общества, въ родѣ афинскаго, карфагенскаго и римскаго были даже немыслимы безъ рабства, рабство все-таки уничтожилось теперь. Въ самой области найма идея справедливости, даже въ нашемъ русскомъ обществѣ, въ теченіе послѣднихъ двухъ вѣковъ весьма измѣнилась. Теперь наемъ у насъ рѣзко отличается отъ всякой крѣпостной зависимости, а въ Уложеніи Алексѣя Михайловича онъ сливается съ нею незамѣтно въ одно учрежденіе. По Уложенію, холопъ можетъ быть закрѣпощенный и вольный человѣкъ. Въ ст. 17, гл. XX говорится, что господа не могутъ преслѣ-

довать своихъ холоповъ. Въ этой статьѣ уложенія подобные люди называются и холопами, и вольными людьми. Сказавъ спачала, что они *вольные люди*, уложеніе приводитъ причину, почему ихъ нельзя преслѣдовать и говоритъ: «суда не давать для того, что онъ (владѣлецъ) холопу вѣрилъ и у себя его держалъ безъ крѣпости». По понятію временъ уложенія, всякій рабочій, свободный или несвободный— холопъ; держать его въ рабствѣ—въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, но дурно ему *вѣрить*; человѣкъ, который ему вѣрилъ, наказывается за это и лишается своего крѣпостнаго права. Служилыя кабалы, ссудныя, жилыя и урочныя записи создаютъ цѣлый рядъ отношеній, составляющихъ незамѣтный переходъ отъ рабства къ найму. Въ 1643 году считалось уже большимъ прогрессомъ, когда воспрещено было боярскимъ людямъ давать служилыя кабалы и предписывалось замѣнять ихъ урочными записями, па опредѣленное число лѣтъ. Уложеніе должно было бороться противъ стремленія высшаго общества дѣлать всякаго наемника своимъ крѣпостнымъ. Эта борьба очень рельефно выражается въ ст. 32, гл. XI улож., гдѣ говорится: «А тѣмъ людямъ, у кого они (наймиты изъ крестьянъ и бобылей) въ работу наймутся... ни чимъ ихъ себѣ не крѣпить, и какъ отъ нихъ тѣ наймиты отработаются и имъ отпущать ихъ безо всякаго задержанія». Все это ясно показываетъ намъ, что идея справедливости въ области найма можетъ дѣлать успѣхи, и что разъяснять ее передъ обществомъ, въ въ особенности по каждому практическому случаю, дѣло не только не лишнее, но крайне необходимое и плодотворное.

Эта необходимость сдѣлается для читателя еще болѣе осязательною, если онъ уяснитъ себѣ, какъ пагубно дѣйствуютъ на общество страсти тамъ, гдѣ идея справедливости остается скрытою передъ нимъ и не разъясняется. Закрѣпленіе населенія сдѣлано было въ томъ же XVII вѣкѣ, въ которомъ издано Уложеніе. Менѣе чѣмъ за полвѣка до Уложенія, Россія, изъ-за вопроса о закрѣпленіи, раздиралась продолжительнымъ и кровавымъ междоусобіемъ, но лишь только крѣпостники взяли верхъ, какъ все высшее сословіе кинулось на закрѣпленія и старалось повсюду замѣнять наемный трудъ крѣпостнымъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они явно сознавали, что они дѣлаютъ несправедливость, но они не могли бороться съ собственнымъ своимъ увлеченіемъ.

Интересно наблюдать, какъ въ такихъ обстоятельствахъ бралось за дѣло законодательство того времени. Оно чувствовало, что оно не

въ силахъ остановить потока, котораго зловредное направленіе оно понимало; поэтому оно хотѣло, по крайней мѣрѣ, его ограничить, тамъ и сямъ воздвигнуть плотины, чтобы хотя нѣкоторые оазисы спасти отъ затопленія. Оно старается уменьшить число лицъ, которыя могли бы закабалять людей, и вотъ мы встрѣчаемся съ постановленіями въ родѣ слѣдующаго: «А которые вольные люди похотятъ жити у протопоповъ и у протодьяконовъ, и у поповъ, и у дьяконовъ, и у иныхъ причетниковъ церковныхъ или у служекъ монастырскихъ, и на тѣхъ людей протопопамъ и протодьяконамъ давати служилыя кабалы; а у поповъ и дьяконовъ и у иныхъ причетниковъ церковныхъ и у служекъ монастырскихъ тѣмъ вольнымъ людямъ жити изъ воли, по записямъ урочные годы, а служилыхъ кабалъ на такихъ вольныхъ людей попамъ и дьяконамъ и инымъ причетникамъ церковнымъ и служкамъ монастырскимъ не давать». Вотъ какъ разсуждаетъ уложеніе: въ пользу болѣе сильныхъ людей оно допускаетъ несправедливость, но старается обуздывать ее по отношенію къ менѣе вліятельнымъ. Не чувствуя себя въ силахъ уничтожить зло, оно старается сдѣлать несправедливое право достояніемъ возможно менѣе многочисленнаго привиллегированнаго сословія.

Что же вышло изъ этого? Крѣпостное право сосредоточивалось въ рукахъ одного привиллегированнаго сословія, которое дѣлалось могущественнѣе со дня на день; наконецъ, оно пріобрѣло самое рѣшительное вліяніе на судьбы государства. Будущность Россіи поставлена была въ зависимость отъ людей, деморализованныхъ крѣпостнымъ правомъ. Нечего объяснять, до какой степени это задержало наше развитіе и сколько вреда это намъ принесло. Мы избавились отъ этого зла отчасти благодаря не угаснимъ, еще здоровымъ чувствамъ того же самаго помѣстнаго дворянства и все-таки избавились, только чрезвычайно поздно, болѣе чѣмъ полстолѣтія спустя послѣ того, какъ оно уничтожилось въ цивилизованнѣйшихъ изъ европейскихъ государствъ; но если мы разъ спаслись отъ пропасти, благодаря нашему доброму генію и проблескамъ здраваго чувства, то намъ менѣе всего слѣдуетъ искушать счастье и снова легкомысленно ступать на колею нашихъ старыхъ грѣховъ. Если мы чувствуемъ, что какое-нибудь юридическое отношеніе заключаетъ въ себѣ извѣстную долю несправедливости, то мы каждый классъ нашего государства должны тѣмъ тщательнѣе охранять отъ него, чѣмъ выше онъ поставленъ въ обществѣ. То, что не можетъ быть дозволено работнику, не можетъ быть дозво-

лено и мастеру-ремесленнику, еще менѣе можетъ быть дозволено фабриканту или заводчику и еще менѣе помѣщику. Мысль эта многимъ можетъ показаться непрактическою; если общество однажды имѣетъ слабость терпѣть какую-нибудь несправедливость, то этой несправедливостью каждый отдѣльный его членъ воспользуется въ тѣмъ большихъ размѣрахъ, чѣмъ онъ сильнѣе и могущественнѣе. Это разсужденіе, однакоже, правильно только по отношенію къ нѣкоторымъ обществамъ; все тутъ зависитъ отъ духа людей и отъ чувствъ, въ которыхъ они воспитываются. Извѣстны цѣлыя цивилизаціи, которыхъ развитіе и процвѣтаніе основано было на томъ воззрѣніи, что къ высшему классу общества идея справедливости должна примѣняться съ большею строгостью, чѣмъ къ остальнымъ; таковы египетская, индѣйская цивилизаціи; какъ скоро они перестали держаться этого воззрѣнія, они стали упадать. Въ средніе вѣка могущество католическаго духовенства точно также основано было на томъ, что оно относилось къ своимъ членамъ съ большею строгостью, чѣмъ рыцарство и впало даже въ крайность ученія о безбрачіи. Отступленіе отъ этого воззрѣнія превратило католичество въ формальную религію и разрушило власть духовенства. Даже въ нашемъ собственномъ законодательствѣ мы можемъ указать на подобный образъ дѣйствія, увѣнчавшійся полнымъ успѣхомъ. Наше законодательство относилось строже къ государственнымъ и удѣльнымъ землямъ, чѣмъ къ помѣщичьимъ. По свѣдѣніямъ за 1868 г. 9,246,891 душ. (по 10 рев.) государственныхъ крестьянъ должны въ европейской Россіи получить въ надѣлъ изъ казенныхъ земель, на правахъ собственниковъ, 64,985,011 дес. земли, т. е. по 7,02 десятины на душу, а 862,740 душъ удѣльныхъ получили въ надѣлъ въ собственность 4,336,454 дес., т. е. по $5^{2}/_{5}$ дес. на душу. Изъ числа 9,939,707 душъ бывшихъ крѣпостныхъ, надѣлы получили въ собственность только 6,757,844 души и обращено въ крестьянскую собственность земель всего 22,649,271 дес., т. е. 2,27 дес., около двухъ десятинъ съ четвертью на душу; если считать даже однихъ только тѣхъ крестьянъ, которые получили надѣлы въ собственность, то окажется, что они получили на душу 3,35 десятины, несравненно менѣе, чѣмъ удѣльные и государственные. Разсуждая съ узкой точки зрѣнія, такой образъ дѣйствія долженъ былъ ослабить правительство и усилить дворянство, между тѣмъ, историческій опытъ показалъ прямо противное: ничто не способствовало въ большей степени

усиленію правительства, ничто не внушало населенію столько къ нему довѣрія, какъ именно то обстоятельство, что на государственныхъ и удѣльныхъ земляхъ крестьянамъ жилось гораздо лучше, чѣмъ на помѣщичьихъ. Сравнительно худшее положеніе помѣщичьихъ земель лишило помѣстное дворянство всякаго самостоятельнаго значенія; они имѣли только то значеніе, которое правительство давало имъ и очень хорошо чувствовали это; черезъ дурное состояніе своихъ земель, они дѣлали бѣдными и себя и русскій народъ.

Исторія показываетъ намъ очень ясно, что образъ дѣйствій, который такъ усилилъ у насъ правительство, настолько же способенъ усиливать и отдѣльные классы. Въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ духовенство отличалось своимъ справедливымъ образомъ дѣйствій по отношенію къ рабочему населенію на своихъ земляхъ; оно состояло въ этомъ отношеніи не только выше военнаго дворянства, но даже выше государей; въ этомъ очень ясно можно убѣдиться, если сравнить свѣдѣнія объ управленіи землями Карла В., напр., съ положеніемъ С. Жерменскаго монастыря; тутъ отношенія опредѣлены точнѣе и требованія гораздо незначительнѣе. Зато же духовенство сдѣлалось самымъ вліятельнымъ сословіемъ и папа смирялъ императоровъ. Въ новѣйшее время англійскіе тори постоянно уличаютъ виговъ въ дурномъ обращеніи съ рабочимъ населеніемъ и вводятъ противъ нихъ законы для улучшенія быта фабричныхъ рабочихъ; виги точно также поступаютъ съ тори и улучшаютъ бытъ сельскаго населенія. Имъ кажется, что они дѣйствуютъ одинъ относительно другаго какъ враги и соперники, что они вредятъ другъ другу, между тѣмъ, напротивъ, они этимъ поддерживаютъ и усиливаютъ одинъ другаго. При ихъ недальновидности, союзъ между ними равнялся бы самоубійству. Каждый изъ нихъ дѣйствуетъ, относительно себя, какъ злѣйшій свой врагъ, а относительно своего соперника, какъ первый его доброжелатель. Еслибы вмѣсто того, чтобы враждовать другъ съ другомъ, они вздумали бы помогать другъ другу, они сдѣлали бы себя бѣдняками, довели бы Англію до нищенства, лишились бы всякаго самостоятельнаго значенія и попались бы въ руки бюрократическаго чиновничества. Исторія слишкомъ ясно показываетъ справедливость этого заключенія. Всякому извѣстно, къ какимъ результатамъ привелъ въ XVIII вѣкѣ союзъ высшихъ сословій, которыя на материкѣ Европы составили привиллегированные классы. Точно къ такому же концу привелъ въ XIX вѣкѣ образъ дѣйствій

французской буржуазіи, которая постоянно кричала, что она погибаетъ, когда дѣло шло объ улучшеніи быта рабочаго класса; сколько она ни бьется и ни вертится, она никакъ не можетъ выбиться изъ-подъ ферулы бюрократіи.

Мы имѣемъ во Франціи одинъ прекрасный примѣръ, который бросаетъ яркій свѣтъ на это дѣло. Въ сѣверной Франціи существуетъ знаменитая анзенская горная компанія—это одно изъ самыхъ обширныхъ дѣлъ во Франціи. Пайщики, т. е. капиталисты, участвующіе въ этой компаніи, дѣйствовали какъ всякіе французскіе капиталисты; они думали только о томъ, какъ-бы увеличить свои барыши, притѣсняя рабочихъ; но директоры избрали нѣсколько иной путь, они противодѣйствовали пайщикамъ въ томъ же родѣ, какъ тори противодѣйствуютъ вигамъ, они становились на сторону рабочихъ и до извѣстной степени заботились объ нихъ. Оказалось, что они, такимъ образомъ, до того забрали капиталистовъ въ руки, что они дѣлами компаніи распоряжались неограниченно, и капиталисты, не смотря на свое право собственности, должны были подчиниться имъ. Въ маломъ видѣ тутъ совершилось то же, что Наполеонъ III сдѣлалъ по отношенію ко всему государству. Люди узкіе и грубо эгоистическіе чрезъ это самое создаютъ для себя наибольшіе шансы къ утратѣ самостоятельности.

Когда англичане помогали американскимъ рабовладѣльцамъ, тогда они причиняли Соединеннымъ Штатамъ несомнѣнный вредъ; но когда Соединенные Штаты захотѣли отомстить имъ и помогали феніямъ въ Ирландіи, тогда они принесли своимъ врагамъ точно такую же несомнѣнную пользу. Они заставили англичанъ дѣйствовать въ Ирландіи съ большею справедливостью, этимъ они сдѣлали ихъ менѣе узкими и болѣе умными, они развивали ихъ нравственно точно также, какъ тори развивали виговъ. Опытъ теперь уже вполнѣ доказалъ, что вслѣдствіе законовъ, благопріятныхъ для рабочихъ, какъ рабочіе, такъ и капиталисты сдѣлались одинаково болѣе интеллигентными, предпріимчивыми и богатыми. Давленіе Соединенныхъ Штатовъ, которое разрушило англійскіе предразсудки по отношенію къ ирландцамъ и создало новые законы, благопріятные для католиковъ и бѣднаго рабочаго класса, увеличило силу Англіи и сцементировало ее. Можно сказать, что каждый разъ, когда враги заставляютъ государство или какой-нибудь классъ общества вводить въ своей средѣ прогрессивные порядки, они наносятъ не вредъ, а ока-

зываютъ имъ услугу. Враги Манчестера, тори, доставили ему доходъ въ семьсотъ пятьдесятъ милліоновъ рублей въ годъ, они дали англійскимъ фабрикамъ тѣхъ искусныхъ рабочихъ, которые безъ нихъ были бы жалкими рабами, тѣхъ ловкихъ капиталистовъ, между которыми, напр., Плетъ дѣлаетъ на одной фабрикѣ оборотъ въ восемь милліоновъ, и которые безъ нихъ были бы безпутными тунеядцами.

Конечно, враги могутъ оказывать подобныя услуги, но полагаться на это и дѣлать изъ этого основу своего прогресса и своего благосостоянія—это верхъ отсутствія благоразумія. При такомъ нравственномъ настроеніи различныхъ классовъ государства, какъ разъ дождешься такихъ явленій, какъ отдѣленіе Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи, раздробленіе Австріи или война между федералистами и сепаратистами. Благонадежная политическая почва будетъ существовать только тогда, когда разные классы общества будутъ сами широко смотрѣть на свои интересы и правильно понимать ихъ. Составители великой хартіи, которые сами ограничили себя, положили основу величія Англіи. Когда я изображалъ передъ читателемъ, какъ все общество односторонне, въ качествѣ нанимателей, заинтересовано въ вопросахъ о наймѣ, онъ, можетъ быть, не зналъ какъ изъ этого положенія найти выходъ къ прогрессу. Теперь этотъ выходъ будетъ ясенъ для него: нужно разсматривать дѣло съ широкой точки зрѣнія общественнаго блага, съ той высоты, гдѣ интересъ каждой отдѣльной личности сливается съ общимъ интересомъ—и мы придемъ къ рѣшеніямъ, которыя могутъ производить одинаковое впечатлѣніе на всѣхъ, какъ на наемниковъ, такъ и на нанимателей.

II.

Что долженъ дать намъ наемъ? Почему онъ замѣняетъ рабство? Онъ долженъ дать намъ рабочее населеніе порядочное, дѣятельное и интеллигентное. Ничто не возвышаетъ въ такой степени трудолюбіе, порядочность и интеллигентность работника, какъ строгіе семейные нравы и заботливость о своихъ дѣтяхъ; американскій работникъ именно потому лучшій работникъ въ свѣтѣ, что ни одинъ работникъ не тратитъ такъ много на воспитаніе своихъ дѣтей *). Именно эта потребность держитъ заработную плату амери-

*) Въ Бостонѣ одно обученіе въ школѣ стоитъ работнику на каждаго ребенка по 30 руб. въ годъ.

канца на такомъ высокомъ уровнѣ, заставляетъ работника трудиться интеллигентно, чтобы его заработки не уменьшались отъ непроизводительности его труда. Но если мы съ этой точки посмотримъ на результаты, которые даетъ у насъ наемный трудъ, то результаты эти окажутся менѣе всего удовлетворительными. Самый главный недостатокъ нашего семейнаго быта заключается въ томъ, что у отцовъ семейства слишкомъ недостаточно развито понятіе о своихъ родительскихъ обязанностяхъ. Въ нашемъ обществѣ отцамъ постоянно внушается самое высокое понятіе объ ихъ правахъ и самое неудовлетворительное объ ихъ обязанностяхъ. Эта безнравственная черта нашего семейнаго воспитанія прекрасно подмѣчена писателемъ Островскимъ въ его комедіи «Свои люди сочтемся», гдѣ отецъ говоритъ про свою дочь: «захочу, въ кашѣ съѣмъ». Пока у насъ будутъ господствовать подобныя безнравственныя чувства, они будутъ самымъ могущественнымъ препятствіемъ для всякаго развитія. Грубыя воззрѣнія родителей на свои обязанности, какъ извѣстно, составляютъ одну изъ самыхъ главныхъ причинъ поразительной смертности между нашими дѣтьми и болѣе всякой другой причины развиваютъ пьянство. Наемный трудъ у насъ не только парализируетъ, но увеличичиваетъ зло. Если крестьянинъ пренебрегаетъ своими дѣтьми и часто пропиваетъ въ кабакѣ то, что необходимо для ихъ содержанія, то наемникъ въ городахъ вовсе не хочетъ знать своихъ дѣтей и взваливаетъ всѣ тягости воспитанія на мать. Вычисленія «Воен. Ст. Сборн.» (стр. 68) показываютъ, что у насъ въ городахъ Московской губерніи въ *тринадцать разъ* болѣе незаконорожденныхъ, чѣмъ въ селеніяхъ, въ Петербургской почти въ семь разъ болѣе, даже въ такихъ губерніяхъ, гдѣ нѣтъ никакихъ особыхъ причинъ для увеличенія числа незаконныхъ рожденій въ городахъ, напр. въ Казанской и Воронежской, въ городахъ въ *пять разъ* болѣе незаконныхъ рожденій, чѣмъ въ селеніяхъ. Конечно, законодательными мѣрами нельзя уничтожить главнаго источника этого явленія, обычая разлучать мужа и жену, родителей и дѣтей при наймѣ прислуги и проч., безнравственное обыкновеніе предпочитать холостую прислугу семейной; но законъ ни въ какомъ случаѣ своими предписаніями и своими выраженіями не долженъ поощрять того грубаго міровоззрѣнія, которое внушаетъ у насъ отцу и мужу увѣренность, что не онъ существуетъ для блага своей семьи, а эта семья существуетъ для того, чтобы служить ему. Одно изъ самыхъ важныхъ и самыхъ без-

нравственныхъ проявленій этихъ грубыхъ чувствъ составляетъ у насъ обыкновеніе мужей брать съ своихъ женъ оброкъ, какъ съ рабынь. Отецъ семейства не только не воспитываетъ своихъ дѣтей, но если мать тяжелымъ наемнымъ трудомъ зарабатываетъ что-нибудь для ихъ воспитанія, то онъ у ней отбираетъ и пропиваетъ въ кабакѣ.

У насъ, повидимому, и не подозрѣваютъ, до какой степени это зло поощряется воззрѣніями, выражающимися въ законѣ. Когда-то циническій взглядъ главы семейства на свои права простирался очень далеко. Родоначальникъ смотрѣлъ не только на жену и дѣтей, но на весь родъ свой какъ на своихъ рабовъ. Уложеніе Алексѣя Михайловича утверждаетъ это право, оно дозволяетъ главѣ семейства отдавать въ наймы не только дѣтей своихъ, но даже и братьевъ и племянниковъ, оно полагаетъ, что оно сдѣлало уже очень много, если оно ограничило срокъ найма пятью годами (гл. XX, ст. 116) и помѣшало этимъ превращенію житейскихъ записей въ крѣпостные акты. Съ тѣхъ поръ воззрѣніе законодателей значительно измѣнилось къ лучшему; однакоже и въ настоящее время предполагается подтвердить правило, что дѣти, не достигшіе 17-ти-лѣтняго возраста, не могутъ наниматься безъ согласія не только родителей, но даже опекуновъ, а жены безъ согласія ихъ мужей. У насъ безъ того существуютъ законы о повиновеніи дѣтей родителямъ и о порядкѣ выдачи паспортовъ женамъ отъ мужей. Эти законы слишкомъ достаточны для обезпеченія семейнаго единства и подобныя дополнительныя предписанія легко могутъ только пропитывать мужей и отцовъ той цинической заносчивостью, которая къ несчастію слишкомъ часто заставляетъ ихъ смотрѣть на свое семейство не какъ на предметъ своихъ обязанностей, а какъ на своихъ слугъ. Они уничтожаютъ впечатлѣніе ст. 2203 гр. зак., гдѣ говорится: «не могутъ быть отданы въ наемъ дѣти родителями, жены мужьями». Къ несчастію, даже это прямое порицаніе взгляда на жену и на дѣтей какъ на рабовъ, какъ на предметъ эксплуатаціи, остается у насъ мертвою буквою. Оно было направлено прямо противъ оброковъ, собираемыхъ мужьями съ своихъ женъ, матерями съ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, но оно никогда не примѣнялось и никто, кромѣ закоренѣлыхъ законниковъ, объ немъ ничего не слыхивалъ. Между тѣмъ, крайне необходимо, чтобы закономъ оказанъ былъ хотя какой-нибудь противувѣсъ тому циническому бездушію, съ которымъ отцы относятся у насъ къ своимъ семейнымъ обязанностямъ. Чтобы хотя сколько-нибудь помѣшать раз-

ложенію семейства подъ вліяніемъ этихъ грубыхъ чувствъ, нужно прежде всего высказать въ законѣ принципъ въ родѣ слѣдующаго: «Священная обязанность мужа и отца семейства способствовать обезпеченію своей жены и заботиться о томъ, чтобы малолѣтнія дѣти получали возможно лучшее содержаніе и воспитаніе. Поэтому, онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ препятствовать своей женѣ пріобрѣтать для своего обезпеченія и въ особенности для обезпеченія своихъ дѣтей, работая по найму или другимъ образомъ». Не подлежитъ сомнѣнію, что подобное постановленіе принесетъ свою пользу. Не повсемѣстно, но въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, путемъ административныхъ мѣръ, уничтожено было обыкновеніе мужей бить своихъ женъ и послѣдствія для утвержденія основъ семейства оказались самыя благодѣтельныя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что если наши законы будутъ высказывать строгій взглядъ на обязанности мужа и отца, взглядъ, прямо противодѣйствующій тому заносчивому цинизму, который позволяетъ у насъ главѣ семейства слишкомъ легко смотрѣть на свое положеніе и полагать, что онъ дѣлаетъ благодѣяніе даже и тогда, когда онъ далеко еще не выполнилъ и своихъ обязанностей, то это принесетъ свою долю пользы, но отъ рабства жены, отъ взиманія съ нея оброковъ это не избавитъ. Это не помѣшаетъ пьяному мужу, оставляющему своихъ дѣтей на произволъ голода и холода, отбирать у жены деньги и вещи, заработанныя ею тяжкимъ трудомъ для обезпеченія своихъ дѣтей, и нести въ кабакъ. Чтобы избавить наше отечество отъ этого зла, необходимы еще дополнительные уголовные законы, въ родѣ слѣдующихъ: «Мужъ, который дозволитъ себѣ отобрать у жены деньги или вещи, пріобрѣтенныя ею для содержанія своихъ дѣтей работою по найму или другимъ трудомъ, и употребить на свои потребности, подвергается за это аресту до одного мѣсяца. Но если онъ подобную собственность своей жены растратитъ или покусится растратить ради игры, пьянства или разврата, то онъ подвергается за сіе заключенію въ тюрьмѣ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Сверхъ того, онъ, не избавляясь отъ обязанности жить съ своей женою, долженъ выдать женѣ пожизненный видъ и давать ей денежное вспомоществованіе какъ для нее, такъ и для ея дѣтей, въ сроки и въ размѣрахъ, опредѣленныхъ судомъ. Этотъ размѣръ можетъ быть въ послѣдствіи увеличенъ, если его денежныя обстоятельства улучшатся». Только подобное законодательство, гдѣ нравственная сентенція будетъ поддержана практической мѣрой,

приведетъ дѣйствительно къ цѣли и сдѣлаетъ поворотъ въ легкомысленныхъ взглядахъ нашего общества.

Уничтоживъ рабство между работодавцемъ и работниковъ, мы должны прежде всего думать объ уничтоженіи рабства между мужемъ и женою-работницею, а затѣмъ и о другихъ условіяхъ организаціи наемнаго труда. Въ области экономическаго производства общество всего болѣе страдаетъ отъ дурного подбора капиталистовъ и работодателей. Чтобы парализовать неудобство этого явленія, необходимо дать работникамъ право выбирать себѣ господина. Этой свободой работника мы должны тѣмъ болѣе дорожить, чѣмъ значительнѣе наша неловкость въ созиданіи правильныхъ экономическихъ отношеній; это у насъ единственное средство сосредоточивать производство въ болѣе способныхъ рукахъ. Поэтому нельзя не возражать противъ мотивовъ къ проекту правилъ о наймѣ, говорящихъ о необходимости противодѣйствовать *переманиванью* рабочихъ. Свобода переманиванья рабочихъ—это единственное средство, которое мы теперь имѣемъ для того, чтобы создать способныхъ капиталистовъ; это хотя и неполное и неудовлетворительное, но все-таки единственное орудіе подбора. Возставать противъ переманиванья—значитъ защищать монополію и рабство. Жалобы на переманиванье породили въ XVII вѣкѣ крѣпостное право. Сдѣлавшись такимъ образомъ первымъ источникомъ нашего экономическаго упадка, онѣ не остановились на этомъ, онѣ побуждали законодателей закрѣплять и остальное свободное населеніе. Всякому извѣстно, какая масса закрѣпленій произведена была Петромъ Великимъ въ городахъ, на фабрикахъ и заводахъ. Деморализованные этимъ направленіемъ, господа стремились даже къ закрѣпленію своей прислуги. Въ ст. 73 указа 30-го марта 1716 года говорится: «Всѣ слуги, служащіе при офицерахъ, отнюдь прежде договореннаго времени, а наипаче же въ походахъ, изъ службы своего господина отходить да не дерзаютъ, ни безъ воли ихъ, гдѣ надо службу принимать, кто въ томъ погрѣшитъ, не токмо прежнему своему господину будетъ отданъ, но и сверхъ того жестоко наказанъ быть имѣетъ». Принужденіе служить также не можетъ быть оправдано съ нравственной точки зрѣнія, какъ принужденіе къ браку; въ примѣненіи къ дѣвушкамъ оно уже много разъ давало поводъ къ изнасилованію ихъ развратниками, а въ примѣненіи къ мужчинамъ

оно деморализуетъ нанимателей и поощряетъ грубое обращеніе человѣка съ человѣкомъ; неисполняющій обязательства служить можетъ за это подвергаться справедливой отвѣтственности, но отнюдь не обязательству служить. Вотъ почему всѣ статьи проекта, которыя возлагаютъ на наемника обязанность, во что бы то ни стало, продолжать свою службу, даже если о дѣйствіяхъ нанимателя возбуждено дѣло въ судѣ, вызываютъ противъ себя самыя серьезныя возраженія. Какъ можно заставлять свободную дѣвушку или женщину служить нанимателю, если этотъ наниматель покушается на честь или цѣломудріе наемника, посѣщаетъ свою наемницу ночью, какъ это часто бываетъ, и позволяетъ себѣ разныя неприличія и дерзости, обращается грубо и унизительно съ наемниками, во время суда ставитъ его въ невыносимыя положенія и старается принудить его прекратить дѣло. При работахъ массами, это правило, по крайней мѣрѣ, столько же вредно, какъ при наймѣ прислуги и ремесленниковъ, гдѣ содержательница модистокъ дѣлается сводней и насильно принуждаетъ своихъ работницъ къ разврату, а содержатель башмачнаго заведенія принуждаетъ двѣнадцатилѣтнихъ учениц топить чужихъ незаконныхъ дѣтей въ корытѣ, подъ предлогомъ купанья. Только тотъ можетъ не возражать противъ подобнаго правила, кто никогда не слыхалъ, какъ завозятъ рабочихъ большими артелями за сотни и тысячи верстъ, потомъ не даютъ имъ ни пищи, ни крова, ни одежды, потому что хозяинъ проигралъ деньги въ карты и не высылаетъ ничего для производства работъ и содержанія рабочихъ. Издать подобные законы, значило бы упустить изъ виду свойства нѣкоторыхъ нашихъ капиталистовъ, ихъ легкомысліе, ихъ безпечность, ихъ страсть брать на себя дѣла не по силамъ, отсутствіе самообладанія, вслѣдствіе котораго у нихъ деньги въ рукахъ не держатся. Подобные законы только поощряли бы развитіе этихъ недостатковъ; надѣясь на нихъ, неспособные изъ капиталистовъ еще болѣе привыкаютъ вести свои дѣла спустя рукава, вызываютъ этимъ самыя печальныя явленія, безпорядки и даже убійства, т. е. именно все то, что законы стараются предупредить. Подобные безпорядки—величайшая рѣдкость у капиталиста, у котораго дѣло обставлено основательно, подрядчики всегда удовлетворены и рабочіе разсчитаны, но они постоянно встрѣчаются у капиталистовъ раззоренныхъ, безпечныхъ и которые ведутъ дѣла свои кое-какъ. Кромѣ того, они встрѣчаются еще у такихъ капиталистовъ, которые изъ властолюбія или жадности при-

нимаютъ на себя задачи не по силамъ. Если капиталистъ имѣетъ такое обширное дѣло, за которымъ одному человѣку нельзя услѣдить, то онъ не долженъ вести его черезъ служащихъ и повѣренныхъ. Если онъ за это берется, то онъ поступаетъ точно также, какъ централизаторъ, который хочетъ управлять черезъ бюрократическихъ агентовъ всѣмъ въ отдаленной провинціи, хотя онъ о положеніи ея дѣлъ можетъ имѣть смутное понятіе. Онъ долженъ раздроблять свое дѣло по частямъ и дѣйствовать не черезъ служащихъ и повѣренныхъ, а черезъ компаньоновъ, изъ которыхъ каждый въ своемъ участкѣ былъ бы полнымъ и вполнѣ отвѣтственнымъ хозяиномъ, или черезъ артели, имѣющія съ нимъ компанейское условіе. Самые способные въ дѣламъ крупные капиталисты уже давно убѣдились, что наиболѣе благонадежная связь между капиталистомъ и дѣйствующимъ подъ рукою у него распорядителемъ создается компанейскимъ условіемъ; но многіе изъ нашихъ капиталистовъ слишкомъ любятъ, чтобы служащіе стояли у нихъ у порога, для того, чтобы слѣдовать правиламъ благоразумія. Эта странная заносчивость приводитъ къ тому, что служащіе и довѣренные, за дѣйствіями которыхъ капиталистъ не имѣетъ никакой возможности слѣдить, запутываютъ дѣла капиталистовъ, выводятъ этой запутанностью и своими злоупотребленіями рабочихъ изъ терпѣнія и вызываютъ безпорядки. Успѣхъ производства и хорошія отношенія между нанимателями и наемниками были бы обезпечены гораздо лучше, еслибы всѣ правила, о которыхъ здѣсь говорится—замѣнить однимъ: «Если кто либо въ отношеніяхъ найма внезапно прекратитъ исполненіе своихъ обязательствъ, то судъ рѣшаетъ, существовали-ли для этого достаточныя причины. Судъ своимъ рѣшеніемъ обязанъ возстановить и обезпечить справедливость, но онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ принуждать къ исполненію наемнаго обязательства ту сторону, которая окончательно отъ этого отказывается». Судъ не долженъ имѣть права принуждать нанимателя держать работника, который его обворовалъ, соблазнилъ его жену или дочь, или сдѣлалъ другой поступокъ, послѣ котораго держать этого работника было бы для него мученіемъ; но точно также не долженъ онъ имѣть права принуждать наемника служить нанимателю, у котораго жизнь для него будетъ пыткой, деморализирующимъ или невыносимымъ страданіемъ. Въ этомъ отношеніи нужно сдерживать несправедливыя требованія и покушенія, а не идти дальше ихъ. Размѣры найма, съ условіемъ, что наниматель и наемникъ не могутъ прекратить дѣйствія

обязательства ранѣе срока, должны ограничиваться предѣлами необходимости. Срокъ долженъ быть назначаемъ только тогда, когда наемъ, отъ котораго и та и другая сторона могутъ отказаться во всякое время, повлечетъ за собою дѣйствительно важныя неудобства. Но если эти неудобства принимать въ соображенія когда они на сторонѣ нанимателя, то они должны быть приняты въ соображеніе и тогда, когда они на сторонѣ наемника. Если хозяинъ обставилъ какое-нибудь дѣло съ затратою капитала, за сотни или тысячи верстъ нанялъ работниковъ и доставилъ ихъ на свой счетъ въ безлюдное мѣсто, то работники, конечно, не должны нарушать условія по одному своему капризу и безъ всякаго повода. Однакоже въ дѣйствительности несравненно чаще бываетъ прямо противоположное. Работникъ на свой счетъ или на собственныя деньги или на счетъ полученнаго имъ задатка отправляется за сотни или тысячи верстъ; разсчитывая на его заработокъ, жена ведетъ хозяйство съ помощью дорогаго и невыгоднаго найма. Между тѣмъ хозяинъ, заманивъ сотни работниковъ въ отдаленныя мѣста, разсчитываетъ ихъ или по своему капризу или потому, что не ожидаетъ болѣе отъ работъ тѣхъ выгодъ, которыя ожидалъ, или, наконецъ, по другимъ причинамъ. Все хозяйство работника разстроивается окончательно и онъ съ семействомъ на многіе годы дѣлается нищимъ. Одностороннія правила, въ родѣ тѣхъ, которыя предполагаются въ настоящемъ проэктѣ и которыя ограждаютъ преимущественно однихъ только хозяевъ, въ высшей степени непрактичны.

Но едва-ли не самое непрактичное и несправедливое предположеніе проэкта, это—предоставленіе права удерживать у себя паспортъ наемника. Обычай удерживать у себя паспортъ наемника былъ прямымъ послѣдствіемъ того же стремленія къ закрѣпленію, которое сдѣлало рабами половину русскаго рабочаго населенія. Указъ, воспретившій переходы, оказался въ глазахъ высшихъ сословій еще слишкомъ недостаточной мѣрой для закрѣпленія и порабощенія; къ ней постоянно присовокуплялись новыя, самые паспорты были введены съ той же цѣлью обезпечить закрѣпленіе. Борьба тутъ шла непрерывная; лишь только отмѣнялась одна мѣра, способствовавшая порабощенію, на ея мѣсто являлась другая. Если помѣщики и удѣлъ старались закрѣпить за собою людей, воспрещая имъ жить безъ паспорта, приписываться къ другимъ состояніямъ, то наниматели старались достигнуть того же самаго, захвативъ паспортъ наемника и удерживая его въ своихъ рукахъ. Крѣпостное право дало намъ неспособныхъ сельскихъ хозяевъ,

задерживанье паспортовъ дало намъ неспособныхъ капиталистовъ и болѣе чѣмъ что-либо другое удерживало нашу промышленность на низкомъ уровнѣ развитія. Англичане, которые занимали мѣста на нашихъ фабрикахъ и заводахъ, печатаютъ въ Англіи, что наши капиталисты, будто бы, до такой степени неспособны, что совершенно не умѣютъ дѣлать капиталы свои доходными, не смотря на то, что они портятъ здоровье своихъ рабочихъ совершенно непосильной работой. Неспособность эта проистекаетъ именно отъ возможности вредить здоровью рабочихъ, а эта возможность является вслѣдствіе того, что работникъ, у котораго отобранъ паспортъ, находится въ полной зависимости отъ своего хозяина. Законодательство должно не поощрять, а противодѣйствовать такому обычаю на томъ же основаніи, на которомъ оно противодѣйствовало крѣпостному праву. У лицъ женскаго пола моложе тридцати пяти лѣтъ должно быть положительно запрещено отбирать паспорты. Относительно прочихъ лицъ должно быть постановлено общее правило: «Такъ какъ аттестатъ о службѣ, паспортъ, билетъ, или другой видъ не составляетъ имущества, то воспрещается его закладывать или давать въ обезпеченіе при заключеніи займовъ, найма или какого бы то ни было другого обязательства. Всякій обязанъ имѣть свой видъ для предъявленія его по требованію начальства при себѣ, а не у кого либо другаго». Всѣмъ понятно, какъ вредно дозволять закладывать свой видъ для полученія въ займы денегъ или крова и насущнаго хлѣба. Никто не будетъ отрицать, что подобный закладъ установляетъ крѣпостное право и долженъ подавать поводъ къ торговлѣ людьми. Нѣтъ ничего легче, какъ завладѣть видомъ человѣка, который находится безъ мѣста, не имѣетъ ни денегъ, ни крова, ни пищи, и затѣмъ продавать его услуги кому угодно. Если наша публика не знаетъ, что столь распространенный обычай представлять въ закладъ виды при заключеніи найма подаетъ поводъ къ торговлѣ людьми, то она этого не знаетъ только потому, что вообще знаетъ очень мало о положеніи рабочаго класса. Если въ этомъ случаѣ на первое время окажется необходимымъ сдѣлать какую нибудь уступку, то только относительно найма въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, да и то только если не одни наниматели, но и наемники будутъ при этомъ обезпечены. Исключеніе это можетъ быть формулировано слѣдующимъ образомъ: «Если работники нанимаются болѣе чѣмъ за двѣсти верстъ артелями для работы въ глухихъ и ненаселенныхъ мѣстахъ и доставляются на мѣсто работъ хозяевами на

свой счетъ, то хозяевамъ предоставляется вносить въ мировой судъ залогъ процентными бумагами не менѣе чѣмъ по двадцати рублей на человѣка; изъ этой суммы вознаграждаются рабочіе, если отъ дѣйствія нанимателя они понесутъ убытки или раззореніе въ своемъ хозяйствѣ. Послѣ этого рабочій можетъ передать свой видъ тому же мировому судьѣ и мировой судья можетъ не выдать ему этого вида, если бы онъ вздумалъ оставить работы безъ всякаго повода до срока, обозначеннаго въ письменномъ обязательствѣ. Срокъ этотъ не можетъ однакоже простираться долѣе четырехъ мѣсяцевъ со дня заключенія найма».

Отношенія между хозяиномъ и работникомъ должны быть основаны на взаимномъ уваженіи, они должны быть самостоятельныя и нравственныя, они не должны пахнуть рабствомъ; но для этого необходимо, чтобы законы, которыми ограждается рабочій, были практическіе. Главный недостатокъ всего вообще нашего законодательства, касающагося найма, заключается въ мечтательномъ его характерѣ,— этотъ же недостатокъ практичности сохраняется у него и въ настоящемъ проэктѣ. Есть законы, которые существуютъ у насъ съ XVIII-го столѣтія, которые въ теченіи такого долгаго времени не вызвали даже и начала исполненія и которые, не смотря на это, вошли въ настоящій проэктъ съ еще болѣе слабой обстановкой. Такъ въ § 12 гл. IX устава цеховъ 12 ноября 1799 года говорится, что «мастеръ обязанъ ученика своего не только учить усердно, но и занимать должное время наукою». Въ ст. 146 настоящаго проэкта говорится, что хозяинъ «долженъ наблюдать за религіознымъ и умственнымъ образованіемъ учениковъ и отнюдь не препятствовать посѣщенію ими школы». И такъ, мы въ прошломъ столѣтіи установили обязательное обученіе съ тѣмъ, чтобы въ теченіи семидесяти трехъ лѣтъ не дать этому закону даже и начала исполненія и за тѣмъ издать законъ, который уже не рѣшается обязывать хозяевъ занимать несовершеннолѣтнихъ работниковъ «должное время наукою», а предписываетъ имъ только «не препятствовать посѣщенію школы»; да и это предписаніе ничѣмъ не обезпечено, такъ что оно опять можетъ остаться въ теченіи долгаго времени безъ начала исполненія. Таковъ характеръ почти всѣхъ законовъ для огражденія рабочихъ, помѣщенныхъ въ настоящемъ проэктѣ; всѣ они изданы уже болѣе или менѣе давно, но или вовсе не исполнялись, или исполнялись только случайно, когда злоупотребленія хозяевъ или особыя случайности вынуждали изслѣдованіе быта рабочихъ. 13 января 1720 г. (М. У. кн. V ст. 45) мы встрѣчаемъ законъ, который относится къ

современному проэкту точно также, какъ законъ объ обязательномъ обученіи 1799 г.; тутъ говорится, что «рядовымъ дозволяется служить своимъ мастерствомъ кому похотятъ въ свободное время» и только тогда, когда рядовой хотѣлъ служить своему офицеру, тогда онъ долженъ былъ *увѣдомить* своего начальника, «дабы тотъ наблюдалъ, чтобы ему исправно было заплачено». Право располагать по своему усмотрѣнію своимъ свободнымъ временемъ есть основное право всякаго свободнаго человѣка; если человѣкъ, находящійся на службѣ, не имѣетъ права располагать своимъ *свободнымъ отъ службы* временемъ по своему произволу даже и тогда, когда отъ этого не произойдетъ для службы никакого ущерба, тогда онъ не можетъ считаться свободнымъ человѣкомъ. Всякому извѣстно, до какой степени право, данное рядовымъ 13 января 1720 г., осуществлялось на дѣлѣ и дѣйствительно ли начальство наблюдало только за тѣмъ, чтобы рядовые за свою работу получали полное вознагражденіе. Въ ст. 11 настоящаго проэкта уже говорится, что безъ особаго дозволенія начальствъ не могутъ поступать въ услуженіе и на работы лица, состоящія, по особымъ обязанностямъ своего званія или служебному положенію, въ зависимости отъ начальства. Эта статья безъ всякаго сомнѣнія точно также не получитъ исполненія, но уже по радикально противоположной причинѣ, чѣмъ указъ 1720 г. Этотъ указъ не исполнялся потому, что выраженный имъ справедливый принципъ (рядовой имѣетъ право располагать своимъ свободнымъ временемъ) не ограждался въ своемъ исполненіи никакимъ практическимъ учрежденіемъ, а предположеніе ст. 11 проэкта не будетъ исполняться потому, что оно слишкомъ стѣснительно, и если бы изъ этого вышелъ законъ практическій, котораго исполненіе было бы обезпечено, то онъ очень скоро сдѣлался бы непопулярнымъ. Адвокатъ при какомъ нибудь судѣ по особымъ обязанностямъ своего званія находится въ зависимости отъ начальства, т. е. суда; неужели же безъ явной несправедливости можно принуждать его испрашивать разрѣшеніе на заключеніе найма? Это точно также несправедливо относительно всякихъ другихъ работниковъ, хотя несправедливость не представляется для насъ какъ для высшаго сословія такъ осязательно. 25 іюня 1781 года предписано на купеческихъ судахъ выдавать служителямъ въ недѣлю 7 чарокъ вина, 4 фунта крупъ, $2^1/_2$ ф. гороху, 9 ф. сухарей, 7 фунтовъ мяса, 1 ф. масла, 14 кружекъ полпива, $^1/_2$ кружки уксусу. Въ приложеніи къ ст. 977 т. XI уст. торг. назначается корабельнымъ служителямъ уже только $^1/_2$ ф.

мяса въ день, полпива не полагается,—это уже сдѣлалось роскошью,— а уксусу $^1/_2$ кружки на четыре недѣли. Въ § 56 указа 31 марта 1861 г. требуется еще, чтобы рабочіе были снабжаемы свѣжею, здоровою и обильною пищею. Въ ст. 164 проэкта требуется уже только, чтобы припасы не были вредны или *очевидно* недостаточны для пропитанія. Испорченность припасовъ еще можно доказать, но какъ доказать *до очевидности*, что они даются въ количествѣ недостаточномъ для пропитанія. Не лучше ли было бы предоставить самимъ рабочимъ рѣшать этотъ вопросъ и переходить по произволу отъ полученія припасовъ натурою къ полученію деньгами по справочнымъ цѣнамъ въ размѣрѣ указа 25 іюня 1781 года. Еще въ 1799 г. изданъ былъ законъ, который предписывалъ мастерамъ обращаться съ своими учениками человѣколюбиво и кротко. Законъ этотъ много лѣтъ не получалъ никакого исполненія; затѣмъ только въ новѣйшее время въ самыхъ видныхъ мѣстахъ нашего государства дѣлались изслѣдованія о положеніи малолѣтнихъ ремесленниковъ, и эти изслѣдованія каждый разъ обнаруживали разные ужасы. Не смотря на это, правило 1799 г. повторяется въ ст. 146 проэта и *только* (!) не создается никакого учрежденія, которое бы обезпечивало его исполненіе. Правило, что мастеръ не долженъ обращать своихъ учениковъ въ прислугу, съ 1799 г. фигурируетъ въ нашихъ законахъ въ видѣ изящнаго, правда, но совершенно безполезнаго украшенія. На осн. § 19 гл. IX указа 12 ноября 1799 г., ремесленники ни въ какомъ случаѣ не могутъ оставаться безъ мастера и если мастеръ, у котораго они нанялись, не только будетъ арестованъ, но сдѣлается боленъ и если дѣло не устроится добровольно, то управа назначаетъ мастера на счетъ больнаго, дабы дѣло не останавливалось. Въ уставѣ ремесл. (т. XI св. зак.) вмѣсто этого постановленія является другое, совершенно иного характера. Въ ст. 126 сказано, что если мастеръ занеможетъ и не имѣетъ подмастерьевъ и учениковъ, то цеховой старшина назначаетъ ему подмастерья или ученика, который бы его содержалъ своею работою. Это постановленіе направлено уже не къ тому, чтобы подмастерья и ученики не остались безъ работы по винѣ или по несчастью, постигшему мастера—оно написано прямо въ пользу мастера и для обезпеченья его интересовъ. Если вы хотите, читатель, составить себѣ понятіе о томъ, справедливо ли оно, то представьте себѣ, что васъ нарядили исполнять заказы въ пользу посторонняго вамъ больнаго человѣка; положимъ, что это очень человѣколюбиво, ну а если въ те-

ченіи этого времени дѣла ваши разстроются и семья ваша умретъ съ голоду? Настоящій проэктъ идетъ еще далѣе: въ ст. 152 говорится, что ученикъ обязанъ соблюдать по прежнему договоръ, если хозяинъ будетъ подвергнутъ заключенію менѣе чѣмъ на три мѣсяца. Тутъ возникаетъ одинъ юридическій вопросъ, который не мѣшало бы разъяснить въ примѣчаніи; если, имѣя въ этомъ случаѣ передъ собою перспективу голодной смерти, ученикъ покусится на свою жизнь, то не слѣдуетъ-ли его лучше отдать въ монастырь на прокормленіе вмѣсто того, чтобы подвергать его церковному покаянію на осн. ст. 1473 ул. о нак.? Мотивъ, вызвавшій ст. 152 проэкта, совершенно непонятенъ и побудительная причина тутъ отличается несравненно меньшею ясностью, чѣмъ въ ст. 68, гдѣ говорится: «Наниматель имѣетъ право прекратить договоръ съ рабочимъ, когда сей послѣдній находился подъ стражею долѣе *трехъ сутокъ*». Я полагаю, что во всѣхъ этихъ случаяхъ лучше всего, если не будетъ существовать никакого особаго закона, тѣмъ болѣе, что всѣ эти законы по всей вѣроятности не будутъ исполняться.

Еще въ XVIII вѣкѣ мы видимъ борьбу законодательства противъ закабаленія рабочаго народа посредствомъ долговъ. 9 января 1764 года послѣдовалъ указъ, который признавалъ всѣ векселя недѣйствительными, если удовлетвореніе по нимъ можетъ быть сдѣлано не чрезъ продажу имущества, а только чрезъ наемный трудъ векселедателя. Правило это подтверждено было 25 октября 1765 года. Не смотря на всю полезность и справедливость этихъ указовъ, они не успѣли войдти въ наши нравы въ теченіи болѣе чѣмъ цѣлаго столѣтія. Кому неизвѣстно политико-экономическое правило, что конкуренція всегда сдавливаетъ заработную плату до минимума удовлетворенія необходимыхъ потребностей рабочаго. Каждый разъ, когда работникъ дѣлаетъ долгъ, онъ долженъ уплачивать его или насчетъ своего здоровья, или насчетъ своей нравственности, онъ платитъ его или своей жизнью или воровствомъ. Кто хотя сколько нибудь читалъ о судьбѣ задолжавшихъ рабочихъ у насъ и на западѣ, тотъ очень хорошо это знаетъ. Кромѣ того, трудъ рабочаго, отрабатывающаго свой долгъ, точно также плохъ и не производителенъ, какъ и крѣпостной трудъ. Указы 1764 и 1765 г. остались къ несчастью, какъ и большая часть мѣръ, касающихся найма, прекрасной теоріей, на практикѣ же мы видимъ каждый день, какъ закабаляются рабочіе, какъ на нихъ записываются небывалые долги, какъ эти долги заставляютъ ихъ бродяжничать по всей Россіи, какъ полиція разыски-

ваетъ и ловитъ ихъ точно также, какъ бѣглыхъ при крѣпостномъ правѣ, подвергаетъ взысканіямъ за передержательство тѣхъ, у кого они находятъ пріютъ и т. д. Именно этому положенію, при которомъ капиталистъ непремѣнно хочетъ удерживать работника силою, а работникъ мститъ ему за это дурной работой, побѣгами, поджогами, порчею машинъ, мы обязаны медленнымъ развитіемъ промышленнаго производства. Не смотря на это, мы не только имѣли слабость отступить отъ раціональныхъ началъ, высказанныхъ у насъ въ половинѣ XVIII вѣка, но не имѣемъ достаточно мужества, чтобы къ нимъ возвратиться. И въ настоящемъ проэктѣ предполагаются разныя мѣры, которыя навѣрное останутся безъ исполненія, и будетъ продолжаться старая ловля рабочихъ, какъ рабовъ, со всею ея грязной обстановкой и будетъ она по прежнему производить экономическій хаосъ. Чтобы прекратить все это зло, необходимо выразить въ законѣ одинъ общій принципъ: «Взысканія всякаго рода могутъ производиться только посредствомъ продажи имущества; никто не можетъ быть принуждаемъ отработывать долгъ или подвергаться за него заключенію». Если имущіе люди будутъ знать, что рабочаго человѣка безполезно запутывать въ долгахъ, потому что долги эти пропадутъ за неимѣніемъ средствъ взысканія, то они не будутъ этого дѣлать и очень скоро сами убѣдятся во всѣхъ выгодахъ такого образа дѣйствія. Никакъ нельзя отрицать, что проэктъ явно сознаетъ вредъ, который происходитъ отъ запутыванія рабочаго населенія въ долгахъ, и явно стремится сдѣлать въ этомъ отношеніи что нибудь, но онъ отступаетъ передъ рѣшительнымъ шагомъ отчасти потому, что всѣ его постановленія пропитаны извѣстной нерѣшительностью, а отчасти потому, что наниматели иногда, впрочемъ только болѣе въ отдаленныхъ и глухихъ мѣстахъ, чѣмъ въ центральной Россіи, уплачиваютъ за рабочихъ недоимки.

Извѣстно, что крестьяне гораздо аккуратнѣе уплачиваютъ слѣдующіе съ нихъ сборы, чѣмъ многіе, напр., изъ землевладѣльцевъ. Я полагаю, что было бы въ высшей степени справедливо усилить взысканіе съ имущихъ и освобождать, по возможности, отъ излишнихъ стѣсненій рабочіе классы. Рабочіе, запутавшіеся въ недоимкахъ, составляютъ незначительное меньшинство. Для громаднаго большинства совершенно достаточнымъ стимуломъ къ уплатѣ сборовъ служитъ то обстоятельство, что чрезъ неаккуратную уплату они могутъ создать себѣ затрудненіе при выправкѣ паспорта и лишиться

прочнаго положенія на работѣ. Что касается до меньшинства, у котораго накопляются недоимки, то нужно знать подкладку этого дѣла для того, чтобы понять, что именно система закабаленія крестьянъ капиталистомъ, уплачивающимъ за нихъ подати, служитъ главнымъ источникомъ накопленія недоимокъ. За исключеніемъ особыхъ случаевъ, или глухихъ, сѣверныхъ и крайне несчастныхъ деревень, недоимки на крестьянахъ накопляются не тамъ, гдѣ крестьяне бѣднѣе, а тамъ, гдѣ волостное и сельское начальство плутоватѣе. Чтобы судить объ этомъ, нужно видѣть въ интимной бесѣдѣ этихъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые съ раскраснѣвшимся отъ вина лицомъ посвящаютъ васъ въ тайны накопленія недоимокъ, хвалятся тѣмъ, какъ ихъ становой приставъ сажалъ подъ арестъ и какъ они потомъ еще прикопили, какъ они дѣлятся будто бы съ начальствомъ и т. д. Подобные пройдохи выбираютъ своими жертвами способныхъ къ работѣ, но безхарактерныхъ и глупыхъ крестьянъ. Они дѣлаютъ имъ различныя послабленія и запутываютъ ихъ въ недоимкахъ; когда эти крестьяне утратятъ нить своихъ разсчетовъ съ обществомъ, они насчитываютъ на нихъ недоимки вдвое, имъ приходится платить за пріятелей и родственниковъ сельскаго начальства. Наконецъ заключается условіе съ капиталистомъ или его агентомъ. По этому условію капиталистъ обязанъ всю слѣдующую имъ заработную плату вносить на покрытіе недоимки. Разсчетъ капиталиста основанъ на сознаніи работника, что ему заработной платы не получить ни копейки, а между тѣмъ капиталистъ, по стачкѣ съ волостнымъ начальствомъ, предлагаетъ ему кредитъ товаромъ. За товаръ, конечно, берется двойная цѣна и капиталистъ имѣетъ работника за полцѣны; но именно по этому недоимка не только не можетъ покрыться, но постоянно наростаетъ. Каждый разъ, когда капиталистъ или землевладѣлецъ или кулакъ платитъ за работника подати или недоимки, крестьянинъ работаетъ за полцѣны и недоимки наростаютъ; крестьянинъ раззоряется, здоровье и хозяйство его разстроивается, семейство его гибнетъ, а казна получаетъ одни убытки. Мало этого, конкуренція подобныхъ работниковъ сбиваетъ цѣны, дѣлаетъ всѣхъ появляющихся на рабочемъ рынкѣ и болѣе бѣдными, и менѣе способными къ уплатѣ сборовъ. Только при нашемъ невѣдѣніи положенія рабочаго класса можно дозволять отработку долговъ, одинаково вредную и для работниковъ, и для промышленности, и для казны. При большихъ заработкахъ крестьянинъ можетъ болѣе заплатить, чѣмъ при меньшихъ, не смотря на то, что и у него останется

больше. Хожденіе на заработки само по себѣ имѣетъ уже очень вредную сторону, потому что семейство остается безъ отца и мужа, семейныя связи разстроиваются и хозяйство гибнетъ. Поэтому необходимо, по крайней мѣрѣ, чтобы на заработки ходили только въ тѣхъ случаяхъ, когда они представляютъ дѣйствительныя выгоды, чтобы за это дѣло брались только люди солидные и разсчетливые; у вертопраха брошенное имъ семейство будетъ погибать даже и при самомъ выгодномъ заработкѣ. То заманиванье людей, которое производится теперь съ помощью принципа отработки долговъ, при которомъ они совершенно опутываются и окабаляются, гибельно и для народной нравственности, и для народнаго хозяйства. Если крестьянинъ такъ легкомысленъ, что получивъ паспортъ, не будетъ пользоваться своей отлучкой для добровольнаго очищенія слѣдующихъ съ него сборовъ, или такъ неразсчетливъ, что не въ состояніи будетъ это сдѣлать, то онъ не получитъ паспорта на слѣдующій годъ,—это гораздо лучше, чѣмъ запутывать его. Если же это случилось съ нимъ по несчастью, то общество всегда выдастъ паспортъ на выгодную работу, потому что при круговой порукѣ для него очень не разсчетливо держать дома крестьянъ, которые внѣ дома имѣли бы лучшіе заработки. Правило, воспрещающее окончательно отработку долговъ, при теперешнемъ состояніи нашего общества, достаточно практично и найдетъ себѣ примѣненіе. Теперь прошли уже времена крѣпостнаго права и взяточничества, когда рабочіе люди были совершенно безгласны и не было суда, куда бы они могли жаловаться; но наши учрежденія далеко еще не усовершенствовались настолько, чтобы сдѣлать возможнымъ примѣненіе правила, ограничивающаго отработку срокомъ; каждый разъ, когда работникъ пойдетъ въ судъ, ему будетъ доказано, что это новый долгъ, котораго отработка только начинается. Правила проэкта, безъ малѣйшаго сомнѣнія, останутся мертвою буквою.

Такимъ же недостаткомъ практичности постоянно страдали почти всѣ правила, издававшіяся для огражденія рабочихъ. Въ указѣ 4 февраля 1843 г., въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ число рабочихъ часовъ опредѣлялось отъ 6 до 8 часовъ въ сутки. Хотя это правило никогда не исполнялось, однако же оно было подтверждено указомъ 31 марта 1861 года. Въ ст. 159 уст. рем. установляется десятичасовая работа въ сутки и хотя эта статья заимствована изъ указа отъ 16 апрѣля 1785 года, однако же объ исполненіи этого предписанія въ теченіи ста лѣтъ никто никогда не думалъ. Это не мѣшаетъ проэкту повто-

рить постановленіе о десяти-часовой работѣ, не присовокупляя къ нему никакого учрежденія, обезпечивающаго исполненіе. Указъ, воспрещающій платить товарами вмѣсто денегъ, изданъ былъ 15 августа 1845 г. и съ того времени оставался мертвою буквою и будетъ оставаться ею и впредь.

Такой непрактическій и мечтательный характеръ законодательства, касающагося огражденія рабочихъ, не составляетъ исключительной особенности нашего права. Такъ было вездѣ, такъ было и въ Англіи до тѣхъ поръ, пока исполненіе законовъ не было обезпечено учрежденіемъ фабричныхъ инспекторовъ. Англійскіе фабричные инспекторы болѣе чѣмъ кто либо способствовали тому, что публика получила понятіе о злоупотребленіяхъ, которыя дѣлаются нанимателями по отношенію къ наемникамъ, имъ мы обязаны самыми драгоцѣнными данными въ этомъ случаѣ. Какъ трудно обезпечить исполненіе законовъ, ограждающихъ рабочихъ даже и при такомъ учрежденіи, какъ англійскіе фабричные инспекторы, можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Чтобы обезпечить то обученіе дѣтей, занятыхъ въ ремеслахъ или на фабрикахъ, которое безплодно предписывалось нашими законами съ 1799 года, въ Англіи изданъ былъ законъ, который опредѣлялъ количество часовъ, какое фабричныя дѣти должны были проводить въ школѣ. На фабричныхъ инспекторовъ не только возложена была обязанность наблюдать за исполненіемъ этого правила, но имъ предоставлено было право, если въ школу назначенъ будетъ дурной учитель, смѣнить его и опредѣлить другаго, болѣе способнаго. Однакоже, и послѣ этого законъ остался мертвою буквою только потому, что палата лордовъ отвергла статью, которою дозволялось инспекторамъ облагать хозяевъ сборомъ для учрежденія школы и найма способнаго учителя. Все это прямо убѣждаетъ насъ, что если при извѣстныхъ обстоятельствахъ не возможно создать учрежденіе, которое бы обезпечивало исполненіе закона, то гораздо лучше вовсе не издавать новыхъ законовъ, чѣмъ пріучать народъ смотрѣть на законы какъ на слова, которыя или остаются въ области мечтаній, или только прикрываютъ дѣйствительность наружнымъ блескомъ нравственныхъ сентенцій.

Непрактичность закона можетъ заключаться не только въ томъ, что онъ не создаетъ учрежденія, обезпечивающаго его исполненіе, но и въ томъ, что онъ самъ, своими собственными предписаніями, сдѣлаетъ свое исполненіе невозможнымъ. Такое самоуничтоженіе произ-

водится путемъ непрактичнаго назначенія сроковъ. Всякій знаетъ, что наши рабочіе законовъ не читаютъ; поэтому каждый разъ, когда назначается срокъ для начатія иска, то срокъ этотъ равняется уничтоженію силы закона, кромѣ сроковъ очень продолжительныхъ, напр. десятилѣтняго. У насъ существуетъ законъ, который при взысканіи наемной платы даетъ различныя преимущества, но такъ какъ тотъ же самый законъ назначаетъ короткій срокъ для начала иска, то законъ этотъ вмѣсто того, чтобы помогать труженикамъ, обратился противъ нихъ, и извѣстно, что, благодаря его существованію, недоплаченная заработная плата всегда пропадаетъ. Въ проэктѣ установляется *трехдневный* срокъ для обжалованья суду рѣшеній полиціи между нанимателями и наемниками; чтобы дѣла рѣшались дѣйствительно судомъ, а не по произволу полиціи, нужно было бы установить срокъ *трехгодичный*. Срокъ можно еще допускать тамъ, гдѣ онъ объявляется тяжущемуся въ судѣ, да и то съ большой осторожностью, потому что нѣкоторые мировые судьи вовсе не объявляютъ сроковъ безграмотнымъ тяжущимся, хотя и пишутъ въ своихъ рѣшеніяхъ — «срокъ объявленъ».

Н. Ф.

АССОЦІАЦІЯ И АРТЕЛЬ.

Коренной переворотъ, совершонный въ 1861 г. въ экономической жизни русскаго народа освобожденіемъ его изъ крѣпостной зависимости, поставилъ его въ число тѣхъ элементовъ общества, въ которыхъ экономическіе законы получаютъ свободное примѣненіе и дѣйствуютъ неумолимо послѣдовательно въ дурную или хорошую сторону, смотря по тѣмъ условіямъ, которыя оказываютъ на его бытъ преобладающее вліяніе. Понятно, что изученіе этихъ условій и стремленіе измѣнить ихъ къ лучшему должно было войти въ кругъ дѣятельности представителей народной жизни, въ кругъ дѣятельности литературы и общественныхъ дѣятелей. Къ сожалѣнію, вопросы экономическіе принадлежатъ къ числу самыхъ сложныхъ вопросовъ общественнаго механизма; до сихъ поръ сама экономическая наука еще не сказала послѣдняго слова; какъ основанная пока еще болѣе на логическихъ построеніяхъ, чѣмъ на фактическихъ данныхъ, она не свободна отъ субъективныхъ взглядовъ, всегда находящихся подъ вліяніемъ преобладающихъ интересовъ или господствующихъ идей. Эта субъективность воззрѣній въ наукѣ и недостаточность фактическихъ основъ ея производитъ то, что наука политической экономіи не выработала еще безусловно вѣрныхъ аксіомъ относительно условій народнаго благосостоянія, подобныхъ тѣмъ аксіомамъ, какими обладаютъ въ настоящее время естественныя науки; нѣтъ почти ни одного научнаго положенія политической экономіи, которое бы не оспаривалось. Даже отрицательныя положенія, встрѣчающія наиболѣе сочувствія, въ родѣ свободы торговли, свободы труда, далеко еще не могутъ считаться окончательно рѣшенными. Это отсутствіе выработанныхъ непреложныхъ положеній, важность практическаго значенія въ непосредственномъ примѣненіи къ жизни добытыхъ путемъ или одинхъ

теоретическихъ соображеній, или подкрѣпленныхъ односторонними фактами выводовъ, дѣлаетъ ихъ легко орудіями эгоистическихъ стремленій партій. Чѣмъ болѣе какой либо экономическій вопросъ затрогиваетъ интересовъ, тѣмъ труднѣе его безпристрастное разрѣшеніе, тѣмъ болѣе въ разработкѣ его отражается вліяніе господствующихъ интересовъ. Вопросы торговли, землевладѣнія, рабочій вопросъ затрогиваетъ сильнѣе всего дѣйствительные интересы жизни, и потому разрѣшеніе ихъ представляетъ наиболѣе трудностей, въ строго научномъ ихъ изслѣдованіи. Трудность эта увеличивается тѣмъ, что вопросы экономическіе составляютъ только часть цѣлой общественной науки; заблужденія и ошибки другой, болѣе обширной части, вносятся въ политическую экономію въ видѣ предвзятыхъ идей и отражаются во всѣхъ ея построеніяхъ. Поэтому, когда практически возникаетъ въ жизни народа какой либо экономическій вопросъ, то разрѣшеніе его всегда представляетъ наиболѣе трудностей; наука употребляется орудіемъ всевозможныхъ интересовъ и самые экономическіе вопросы на практикѣ скорѣе разрѣшаются не на основаніи научныхъ доводовъ, а достигнутымъ преобладаніемъ представителей той или другой партіи. Достигаетъ преобладанія партія, представляющая интересы большинства—вопросы разрѣшаются въ смыслѣ благопріятномъ для большинства; достигаетъ наоборотъ преобладанія партія, представляющая интересы какого либо отдѣльнаго класса—вопросы разрѣшаются въ смыслѣ благопріятномъ въ интересахъ этой партіи и въ ущербъ всему остальному населенію. Самая борьба интересовъ, злоупотребляющихъ наукою, бываетъ причиною увлеченія и доведенія до абсурдовъ. Жгучесть рабочаго вопроса въ западной Европѣ была безъ всякаго сомнѣнія причиною тѣхъ болѣзненныхъ явленій, которыми сопровождалась каждая попытка къ его разрѣшенію.

Это же стремленіе извѣстныхъ экономическихъ интересовъ или предвзятыхъ идей вліять на разрѣшеніе экономическихъ вопросовъ должно было проявиться и у насъ, въ виду цѣлаго ряда возникшихъ экономическихъ вопросовъ. Такіе вопросы, какъ община, устройство хозяйства на вольномъ трудѣ, развитіе промышленности и торговли, самое устройство вольнаго труда, участіе въ расходахъ по управленію государствомъ въ видѣ вопроса уравненія повинностей, затрогивая самые разнорсдные и противоположные интересы, естественно должны были вызвать борьбу и обратить несчастную науку въ простое средство защиты самыхъ узкихъ интересовъ. Понятно, что при такомъ

положенiи вещей безъ увлеченiя обойдтись невозможно, а увлеченiя еще болѣе запутываютъ вопросъ.

Къ числу такихъ увлеченiй мы отнесемъ возникшiй въ средѣ представителей интересовъ бѣднаго населенiя вопросъ объ ассоцiацiяхъ. Блуждая по совершенно неизвѣстной почвѣ экономическихъ условiй труда въ Россiи, и вмѣстѣ съ тѣмъ, поражаемые бросающеюся въ глаза нищетою народа, люди, желавшiе помочь народу, естественно не могли почерпнуть чего-либо, вытекающаго непосредственно изъ дѣйствительныхъ условiй жизни. Они должны были искать средствъ на аналогической почвѣ другихъ странъ, болѣе разработанной и дающей готовые матерiалы. Сходство, невольно бросающееся въ глаза при самомъ поверхностномъ взглядѣ, русской артели съ западно-европейскою ассоцiацiею, а также шумъ, съ которымъ пропагандировалась въ Европѣ ассоцiацiя, возведенная тамъ многими на степень радикальнаго средства для доставленiя человѣчеству общаго благоденствiя, были причиною того, что какъ только явилась возможность экономическаго движенiя въ народѣ, явились и идеи о распространенiи ассоцiацiй. Къ сожалѣнiю, отличаясь необыкновенною довѣрчивостью ко всему иностранному, мы не задумывались о томъ, насколько формы западно-европейской ассоцiацiи соотвѣтствуютъ условiямъ и потребностямъ нашего быта; усвоивъ себѣ дѣленiе ассоцiацiй на потребительныя, кредитныя и производительныя, мы стали наполнять журналы описанiями успѣховъ ассоцiацiй на западѣ, забавно низведя потребительныя и кредитныя ассоцiацiи въ паллiативы, и ставя на пьедесталъ радикальнаго средства общественнаго спасенiя производительную ассоцiацiю. Сколько ни появлялось въ литературѣ статей и даже отдѣльныхъ сочиненiй, мы нигдѣ не найдемъ указанiй на необходимость изучить условiя нашего экономическаго быта, нигдѣ не найдемъ экономическаго изслѣдованiя развившагося самобытно артельнаго начала. Мы повѣрили на слово и сдѣлали введенiе формъ западноевропейской ассоцiацiи въ русскую жизнь цѣлью своихъ стремленiй. Преклоняясь предъ ассоцiацiоннымъ движенiемъ въ Европѣ, мы часто даже не умѣли отдѣлить тѣ чисто случайныя, придаточныя явленiя, которыми сопровождалось движенiе на Западѣ, и тѣмъ совершенно парализировали всякую возможность практическаго приложенiя ихъ въ Россiи. Вопросъ объ ассоцiацiяхъ спутался дотого, что въ большинствѣ публики, черпающей свои познанiя изъ журнальныхъ статей, сложился взглядъ, что вопросъ объ ассоцiацiяхъ есть вопросъ скорѣе

политическій, чѣмъ экономическій. Чувствуя сродство между артелью и ассоціаціей, мы съумѣли распространить такой же ложный взглядъ и на артели.

Печальнымъ результатомъ такого поверхностнаго отношенія къ столь серьезному вопросу было съ одной стороны то, что десятилѣтняя журнальная пропаганда ассоціацій осталась совершенно безплодною: попытки къ устройству ассоціацій дѣлались въ средѣ лицъ, неимѣющихъ дѣйствительной въ нихъ потребности и потому устроенныя ассоціаціи или весьма скоро распадались, или постепенно клонятся къ упадку, какъ образовавшіяся въ разныхъ городахъ потребительныя общества. Возникшія въ послѣднее время ссудо-сберегательныя товарищества не могутъ быть отнесены къ числу ассоціацій, возникшихъ изъ журнальной пропаганды; они возникли совершенно иначе. Успѣхомъ своимъ они обязаны именно тому, что они не были простымъ подражаніемъ западно-европейскимъ образцамъ, а были примѣнены къ дѣйствительнымъ потребностямъ и условіямъ сельскаго населенія. Съ другой стороны, поверхностное отношеніе къ вопросу ассоціаціи было причиною того, что самый вопросъ сдѣлался щекотливымъ вопросомъ. Стремленіе создавать ассоціаціи и артели стало многимъ казаться опаснымъ стремленіемъ; въ глазахъ многихъ оно сдѣлалось чуть не равнозначущимъ съ подкапываніемъ подъ основы общественнаго порядка.

Такимъ образомъ, эта поверхностная пропаганда оказала дѣлу ассоціаціи и артели медвѣжью услугу. Она скорѣе затруднила его, чѣмъ помогла. Поэтому въ настоящее время, чтобы поправить дѣло, необходимо по-возможности разъяснить его, поставить снова на ту чисто экономическую почву, которой оно безусловно и всецѣло принадлежитъ, и очистить отъ всего того, что сдѣлало его щекотливымъ. Безъ этого дальнѣйшее развитіе его, и въ особенности практическое примѣненіе его, невозможно.

Въ настоящей статьѣ мы не думаемъ принимать на себя эту трудную задачу; мы думаемъ, что разрѣшеніе ея возможно только совокупными усиліями лицъ, интересующихся вопросомъ; но мы хотимъ представить, по крайней мѣрѣ, хотя эскизъ того труда, который долженъ предшествовать практическому приложенію.

Говоря объ ассоціаціяхъ и артеляхъ, естественно прежде всего разъяснить самый вопросъ: какія причины обусловливаютъ возникновеніе ассоціацій и артелей.

Много уже было говорено и писано о томъ, какъ тяжело доставалась человѣку всякая его побѣда для дальнѣйшаго его развитія; со всѣхъ сторонъ онъ окруженъ враждебными элементами; каждый шагъ онъ долженъ завоевывать съ бою, и чѣмъ болѣе подвигается онъ впередъ къ побѣдѣ надъ внѣшними силами, тѣмъ сложнѣе и труднѣе становятся новыя препятствія, возникающія изъ среды болѣе утонченныхъ общественныхъ явленій; борьба съ природой уступаетъ мѣсто борьбѣ съ неблагопріятными общественными элементами. Послѣдніе столь же разрушительно, если еще не болѣе, дѣйствуютъ на отдѣльные части организма и требуютъ такой же энергіи воли и ума, какъ и борьба съ силами природы. Въ обоихъ случаяхъ единичныя усилія могутъ оказаться совершенно ничтожными въ виду силы напирающей бѣды, и могутъ быть по силамъ развѣ только цѣлой группѣ лицъ, соединившихся съ общею цѣлью самозащиты. Это сгруппированіе лицъ для экономической самозащиты и составляетъ главную основу ассоціацій и артелей. Въ чемъ заключается разница артели и существующихъ теперь въ западной Европѣ ассоціацій, я буду говорить ниже, но во всякомъ случаѣ разница эта касается только формы, въ которой проявляется одна и таже идея сгруппированія для экономической самозащиты.

Понятно, что еслибы можно было себѣ представить идеальное общество, въ которомъ каждый индивидуумъ пользуется полнѣйшимъ счастьемъ, свободой во всѣхъ отношеніяхъ и получаетъ все, что только захочетъ безъ всякихъ усилій, то въ такомъ обществѣ явленіе ассоціаціи немыслимо. Но коль скоро равновѣсіе нарушается, коль скоро является вслѣдствіе того или другаго препятствія необходимость борьбы (съ природой или съ результатами, вытекающими изъ общественнаго строя), коль скоро эта борьба не по силамъ одному человѣку, ассоціація является необходимымъ орудіемъ въ стремленіи человѣка къ достиженію благосостоянія. И на оборотъ, если мы представимъ общество, въ которомъ условія экономическаго быта постепенно улучшаются, въ которомъ экономическія препятствія болѣе и болѣе устраняются, то и самое стремленіе къ ассоціаціи, по мѣрѣ ослабленія силы препятствія, будетъ постепенно ослабѣвать. Эти общія соображенія еще нагляднѣе примѣнимы къ каждому отдѣльному виду ассоціацій; виды прежнихъ, существовавшихъ и уже исчезающихъ ассоціацій, какъ община, цехи и т. п., въ настоящее время тамъ, гдѣ они уже исчезли, немыслимы, вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ

условій, подобно тому какъ въ тѣ времена, когда цѣхи составляли прогрессивное явленіе, не были возможны ни производительныя, ни кредитныя ассоціаціи. Трудность борьбы сплачивала ассоціацію въ обязательную корпорацію, подобно тому какъ и въ настоящее время въ ассоціаціяхъ рабочихъ, для поддержанія цѣны заработной платы, трудность борьбы заставляетъ часто прибѣгать къ обязательному подчиненію рабочихъ волѣ союза. Съ исчезновеніемъ политическихъ неустройствъ и съ измѣненіемъ самыхъ способовъ производства, обязательная корпорація исчезаетъ и замѣняется свободной ассоціацией, которая развивается, видоизмѣняясь въ самыя разнообразныя формы, соотвѣтственно существующимъ потребностямъ общества. Нельзя никогда сказать, который видъ ассоціаціи важнѣе; существующій взглядъ, что всѣ ассоціаціи въ родѣ потребительныхъ, кредитныхъ, и т. под. суть палліативы, а настоящее спасительное средство— производительная ассоціація, совершенно ошибоченъ. Мечта о возможности пересозданія общества по заранѣе начертаному плану возвела производительную ассоціацію въ генеральскій чинъ между другими суболтернъ-ассоціаціями. Но простой взглядъ на ассоціацію, какъ на орудіе самозащиты, долженъ дать преимущество въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ тому виду ассоціаціи, который наиболѣе подходитъ къ цѣлямъ защищающихся; какъ ни разрушительно дѣйствіе митральезы, но она не принесетъ пользы, если вы будете употреблять ее противъ гранитныхъ стѣнъ крѣпости; средства борьбы должны соотвѣтствовать препятствію. Отдавать преимущество тому или другому виду можно только имѣя въ виду опредѣленное препятствіе.

Взглядъ на преимущество производительной ассоціаціи явился въ западной Европѣ подъ вліяніемъ препятствія, вызваннаго тамъ борьбой труда и капитала. Но самое это препятствіе распадается на столько отдѣльныхъ фазъ, что избирать при этомъ средствомъ для защиты труда одну производительную ассоціацію было бы слишкомъ односторонне. Борьба труда и капитала такое же общее выраженіе, какъ борьба съ непріятелемъ; и въ той, и въ другой средства защиты должны являться въ полномъ разнообразіи, и нельзя сказать, что вообще митральеза лучше тесака или наоборотъ. Разнообразіе экономическихъ препятствій и сила ихъ обусловливаютъ и разнообразіе самыхъ средствъ самозащиты, обусловливаютъ и разнообразіе нетолько видовъ ассоціаціи, но и самой внутренней организаціи каждой изъ нихъ.

Явленія, препятствующія свободному накопленію и развитію народнаго благосостоянія, съ одной стороны происходятъ отъ вліянія чисто внѣшнихъ силъ, отъ вліянія природы, съ другой—отъ условій общественнаго строя, составляющаго историческій результатъ жизни цѣлаго народа. Здѣсь нечего говорить, насколько естественныя условія вліяютъ на экономическій бытъ народа; значеніе этого вліянія уже признано, хотя оно не можетъ еще считаться достаточно разъясненнымъ. Вліяніе это или оказывается благопріятнымъ для развитія народнаго благосостоянія, или, наоборотъ, оно проявляется въ цѣломъ рядѣ препятствій, часто неодолимыхъ единичными усиліями человѣка. Препятствія, поставляемыя человѣку природою, являются въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и прослѣдить ихъ едва-ли вполнѣ возможно; человѣкъ долженъ бороться съ силами природы даже за свое существованіе; экономическая самозащита есть только видъ этой борьбы за существованіе, борьбы противъ препятствій, поставляемыхъ природою для пріобрѣтенія средствъ къ существованію и улучшенія ихъ. Эти препятствія или побѣждаются единичнымъ трудомъ человѣка, или требуетъ соединенныхъ усилій цѣлой группы лицъ. Въ послѣднемъ случаѣ, ассоціація или артель является средствомъ самозащиты, доколѣ умъ человѣка не находитъ другихъ средствъ въ механическихъ или другихъ пріобрѣтеніяхъ.

Разнообразіе препятствій, представляемыхъ человѣку природою и устраняемыхъ только соединенными усиліями группы лицъ, обусловливаетъ и разнообразіе этого разряда ассоціацій. Въ самыя древнія времена, затруднительность выбора земель для удобнаго размѣщенія населенія на извѣстномъ пространствѣ земли заставляла людей группироваться въ ассоціаціи, въ общины, переходившія въ обязательныя, частью подъ вліяніемъ чрезмѣрной трудности борьбы съ природою, частью подъ вліяніемъ совершеннаго отсутствія гарантіи закона. Недостатокъ путей сообщенія и малонаселенность, поставляющія громадныя препятствія сообщенію со всѣмъ остальнымъ міромъ, всегда вызывали сгруппированія лицъ въ ассоціаціи. Эти препятствія имѣютъ громадное значеніе у насъ въ Россіи. Населеніе, разбросанное на громадныхъ пространствахъ и не имѣющее возможности сбывать свои мѣстныя произведенія, часто бываетъ не въ состояніи прокормить себя тѣми скудными дарами природы, которые оно можетъ добыть у себя дома; часть его вынуждена покидать свои родныя мѣста и отправляться за 1000 верстъ, чтобы искать себѣ только хлѣба. Понятно, что

люди, удаляясь въ дальнія страны для заработковъ, отправляются въ дорогу цѣлыми группами и, добравшись до цѣли, остаются соединенными въ группы земляковъ, для преодолѣнія трудностей, какія они естественно должны встрѣтить здѣсь, попадая въ совершенно новыя, неизвѣстныя имъ условія. Артели бурлаковъ, артели рабочихъ на золотыхъ пріискахъ, наконецъ рабочія артели даже въ столицахъ, группируются по мѣсту происхожденія ихъ членовъ.

Перечислять всѣ тѣ препятствія, которыя создаетъ человѣку природа и которыя побѣждаются ассоціаціей, я здѣсь не буду; это моглобы составить предметъ цѣлаго сочиненія. Для меня важно только то положеніе, что ассоціація является орудіемъ человѣка нетолько въ одной сферѣ экономической борьбы съ капиталомъ, но что она является орудіемъ экономической самозащиты и противъ препятствій, поставляемыхъ человѣку природой.

Другая категорія экономическихъ препятствій заключаетъ въ себѣ всѣ тѣ препятствія, которыя поставляются человѣку экономическими условіями страны, составляющими результатъ общественной жизни народа. Въ этой категоріи наиболѣе чувствительными препятствіями, по крайней мѣрѣ въ наше время, должно признать съ одной стороны ничѣмъ не ограниченную конкурренцію, съ другой—неравномѣрное распредѣленіе капитала, а вслѣдствіе того и орудій борьбы съ другими препятствіями. Распространяться о томъ, что конкурренція не всегда дѣйствуетъ благотворно и что она часто вредно вліяетъ на условія производства, я не считаю нужнымъ; вліяніе конкурренціи разобрано весьма серьезно европейскими учеными; печальныя послѣдствія ея во многихъ случаяхъ признаются даже экономистами, полагающими принципъ свободы въ основу правильной экономической жизни. Одно изъ наиболѣе чувствительныхъ экономическихъ препятствій, вызываемыхъ конкурренціею, заключается въ пониженіи барышей предпринимателей или въ пониженіи заработной платы конкурренціею предпринимателей или лицъ, ищущихъ работы. Ассоціаціями, противодѣйствующими этому вліянію конкурренціи, явились въ давнія времена цехи, въ новѣйшія времена—стачки рабочихъ, а затѣмъ—такъ называемыя въ Англіи trades unions, во Франціи société de résistanse, имѣющія цѣлью нормированіе и поддержаніе заработной платы. Въ Россіи вліяніе конкурренціи точно также послужило основаніемъ къ образованію цѣлаго ряда артелей, правда, не имѣющихъ такого обширнаго значенія, какъ англійскія trades unions, но, тѣмъ не менѣе,

стремящихся путемъ соединенія въ группы пріобрѣсти перевѣсъ среди общей конкуррирующей массы. Сюда должны быть отнесены наши биржевыя и другія рабочія артели, пріобрѣтающія перевѣсъ предъ другими конкуррирующими въ предложеніяхъ работы представляемымъ ими ручательствомъ другъ за друга въ вѣрности работы; одна московская биржевая артель имѣетъ даже девизомъ «вѣрность и честность». Избраніе такого девиза прямо указываетъ, что именно матерьяльно гарантированными такими качествами она старается пріобрѣсти работу преимущественно передъ другими. Сюда же должна быть отнесена и интересная артель столяровъ и плотниковъ, состоящая изъ жителей пяти деревень, въ числѣ слишкомъ 900 душъ, въ 10 верстахъ отъ Ярославля, по вологодскому тракту. Крестьяне этихъ деревень въ зимніе и осенніе мѣсяцы занимаются вообще столярными работами и, въ особенности, изготовленіемъ ящиковъ для храненія и укладки винъ, бѣлилъ, табаку, свѣчь и пр. Чтобы уничтожить конкурренцію другъ передъ другомъ въ захватѣ работы, чтобы обезпечить за каждымъ полученіе этой работы, крестьяне означенной мѣстности заключили между собою союзъ; всѣ вмѣстѣ обсуждаютъ условія заказовъ, заключаютъ подряды и затѣмъ взятые подряды «всемірской сходъ» распредѣляетъ по возможности уравнительно по деревнямъ и такимъ образомъ гарантируетъ всѣмъ возможность участія въ выгодахъ подряда. Подобно конкурренціи передъ хозяевами, можетъ явиться конкурренція въ пользованіи какимъ-нибудь промысломъ, ограниченнымъ естественными предѣлами; въ предупрежденіе захвата одними передъ другими ассоціаціями является единственнымъ средствомъ гарантіи участіе всѣхъ въ этомъ промыслѣ. Сюда относятся рыболовныя артели на Уралѣ, гдѣ вся рыбная ловля распредѣляется на участки между соединившимися въ артели рыболовами. Сюда же, конечно, относится и артельный обычай, заведенный ломовыми извощиками, стоящими на биржахъ, — обезпечивать заработокъ каждому извощику жребіемъ въ принятіи работы.

Неравномѣрное распредѣленіе капитала представляетъ еще болѣе, чѣмъ конкурренція, препятствій къ свободному накопленію богатствъ. Однихъ оно надѣляетъ всѣми средствами производствъ, всѣми тѣми механическими изобрѣтеніями, которыми умъ человѣческій съумѣлъ достигнуть возможно большаго пользованія силами природы, и, такимъ образомъ, дѣлаетъ ихъ наибольшими участниками въ результатахъ общихъ усилій въ производствѣ; другихъ оно лишаетъ всѣхъ тѣхъ

необходимыхъ средствъ производства, безъ которыхъ немыслимо приниматься за работу, не рискуя подвергнуться напрасной тратѣ силъ, и такимъ образомъ устраняетъ ихъ отъ общаго участія въ пріобрѣтеніяхъ и дѣлаетъ ихъ простыми орудіями первыхъ. Чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣленіе богатствъ и капиталовъ, тѣмъ неравномѣрнѣе и распредѣленіе средствъ производства и тѣмъ недоступнѣе для лишенныхъ ихъ участіе въ общихъ пріобрѣтеніяхъ. Эта неравномѣрность, поставляющая большинство въ необходимость отказаться отъ всякаго самостоятельнаго предпріятія, подчиниться участи человѣка, живущаго на одной задѣльной платѣ, какъ извѣстно, всегда опредѣляющейся въ размѣрахъ, достаточныхъ только для удовлетворенія первыхъ потребностей, дѣлаетъ единичныя попытки этой категоріи лицъ выйти изъ замкнутаго круга совершенно безсильными; рекомендуемое имъ средство—сбереженіе—до такой степени трудное и медленное, что оно едва-ли кого можетъ утѣшить; при возможности удѣлять изъ заработной платы только ничтожную часть, самое большее, что оно можетъ дать отдѣльному рабочему, это—накопить маленькую сумму про черный день; но оно никогда не въ состояніи дать ему возможности выйти изъ его замкнутаго круга.

Эта неравномѣрность въ распредѣленіи необходимыхъ элементовъ производства, конечно, не вездѣ одинакова; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ она достигла почти крайняго предѣла, въ другихъ она еще борется съ элементомъ мелкихъ производителей, въ третьихъ она коснулась только нѣкоторой части производства; но, во всякомъ случаѣ, тамъ, гдѣ она достигла той степени, при которой единичныя усилія противодѣйствующей стороны безсильны въ борьбѣ съ нею, тамъ ассоціація является однимъ изъ могущественныхъ средствъ самозащиты. Сила этого препятствія, конечно, обусловливаетъ и самый видъ ассоціаціи. Сюда должны быть отнесены всѣ ассоціаціи потребительныя, кредитныя и производительныя; сюда же относятся ассоціаціи для закупки оптомъ матерьяловъ, ассоціаціи для сбыта и т. п. Изъ сказаннаго мною выше уже видно, что я не считаю которую либо изъ нихъ панацеею, а другія палліативами; напротивъ, каждый видъ я считаю одинаково важнымъ и практическимъ въ каждомъ данномъ случаѣ, считаю важнѣйшимъ тотъ, который наиболѣе доставляетъ силы членамъ ассоціацій. Добиваться, напр., ради идеи, образованія производительныхъ ассоціацій тамъ, гдѣ кредитныя ассоціаціи могутъ дать настолько силы отдѣльному производителю, что онъ въ состояніи стать

въ равныя условія производства съ капиталистомъ, было бы напраснымъ трудомъ; точно также напраснымъ трудомъ было бы добиваться производительной ассоціаціи тамъ, гдѣ производство приняло уже такіе крупные размѣры, что для достиженія путемъ ассоціаціи равныхъ условій производства потребовалась-бы громадная ассоціація лицъ, которыя, однакоже, по количеству требующихся рукъ для этого производства, не могли бы всѣ участвовать своимъ трудомъ въ этомъ производствѣ и явились бы въ немъ не членами ассоціаціи, а простыми акціонерами, вкладчиками своего, хотя и ничтожнаго, капитала.

Указавъ основную причину возникновенія ассоціацій и самаго разнообразія ихъ, я долженъ, однакожъ, замѣтить, что на практикѣ ассоціаціи не могутъ представлять такого рѣзкаго дѣленія на категоріи; существованіе въ одно и тоже время нѣсколькихъ препятствій часто вводитъ въ ассоціацію нѣсколько различныхъ цѣлей и тогда, понятно, самая ассоціація является смѣшанною. Къ потребностямъ полученія предметовъ потребленія по болѣе дешевой цѣнѣ могутъ примѣшиваться удовлетвореніе потребностей кредита, покупки сырья и т. п.; къ производительной ассоціаціи могутъ примѣшиваться операціи ассоціацій потребительныхъ и кредитныхъ, вспомоществованія и т. п.

Очевидно, что ассоціаціи, представляя собою идею самозащиты, должны были существовать во всѣ времена; онѣ не составляютъ явленія новаго, измышленнаго XIX вѣкомъ, какъ многіе ошибочно полагаютъ. Еслибы мы имѣли настоящую исторію ассоціацій, которой мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ, такъ какъ сочиненія, пытающіяся представить исторію ассоціацій, обыкновенно ограничиваются перечнемъ развившихся въ послѣднее время формъ, то мы убѣдились бы, что ассоціація далеко не новое явленіе. Всегда, когда экономическія препятствія были сознаваемы народомъ, когда народъ приходилъ къ убѣжденію, что единичныя усилія недостаточны для преодолѣнія ихъ и когда этому не противодѣйствовали общественныя постановленія и не вліялъ на общественную среду фанатизмъ, заставляющій считать эти препятствія неизбѣжными и неустранимыми, словомъ, гдѣ только являлась сознательная возможность преодолѣть экономическія затрудненія путемъ соединенныхъ усилій—вездѣ являлась ассоціація. Такъ, страховыя артели, общества для взаимной помощи существовали съ давнихъ временъ; съ давнихъ же временъ мы видимъ ассоціаціи на случай пожаровъ, градобитія, болѣзни и т. п. Въ древнемъ Римѣ существовали ассоціаціи; въ средневѣковой Европѣ мы видимъ гильдіи,

цехи, и затѣмъ встрѣчаемъ ассоціаціи, весьма подходящія къ современнымъ, такъ напр., основанныя на товариществѣ пасѣки, хлѣбопекарни, пивоварни, кузницы и т. п. Точно также и въ Россіи съ давнихъ поръ мы видимъ проявленіе артельнаго начала, проявленіе тѣхъ видовъ ассоціацій, которые существуютъ и въ настоящее время. Артели встрѣчаются въ Россіи въ самыя первыя времена ея исторіи.

Такимъ образомъ, ассоціаціи ни въ западной Европѣ, ни въ Россіи не составляютъ явленія новаго. Напротивъ, исторія показываетъ, что онѣ существовали всегда и вездѣ, и являлись только въ разнообразныхъ формахъ, соотвѣтственно тѣмъ препятствіямъ, для защиты отъ которыхъ онѣ возникали. Если же теперь въ западной Европѣ нѣкоторыя формы ассоціаціи приняли большіе размѣры и достигли болѣе юридическихъ формъ, то это съ одной стороны потому, что въ настоящее время народъ достигъ тамъ большаго умственнаго развитія, и, слѣдовательно, пріобрѣлъ способность къ болѣе сознательнымъ движеніямъ, а съ другой—потому, что самое значеніе нѣкоторыхъ препятствій значительно усилилось, вслѣдствіе измѣнившихся способовъ производства, потребовавшихъ болѣе значительныхъ капиталовъ, а также и вслѣдствіе переворота въ экономическихъ условіяхъ, произведеннаго движеніемъ конца прошедшаго столѣтія и новѣйшими изобрѣтеніями. Умственное развитіе народа для развитія ассоціацій имѣетъ весьма существенное значеніе; ассоціація возможна только тогда, когда является сознаніе о препятствіи и о возможности его преодолѣть соединенными усиліями. Послѣднее, впрочемъ, не требуетъ особеннаго умственнаго развитія, но сознаніе препятствія дается не такъ легко. Экономическія явленія вообще такъ сложны, что при поверхностномъ взглядѣ, часто самыя благопріятныя условія могутъ быть приняты съ перваго взгляда за препятствія и наоборотъ; чѣмъ дальше подвигается самая наука, тѣмъ болѣе она раскрываетъ связи въ явленіяхъ, тѣмъ глубже она отыскиваетъ причины явленій, тѣмъ невиннѣе представляются причины, непосредственно стоящія въ связи съ какимъ-либо послѣдствіемъ. Чѣмъ невѣжественнѣе масса, чѣмъ болѣе въ ней предразсудковъ, тѣмъ темнѣе самое понятіе о препятствіяхъ, тѣмъ непосредственнѣе оно связывается съ ближайшими причинами и искажается до приписыванія неудачъ и несчастій колдовству, вліянію неодушевленныхъ предметовъ и т. п. Поэтому, до появленія ассоціацій, дѣйствительно устраняющихъ экономическія препятствія, насколько они выяснились въ сознаніи на-

рода и въ наукѣ, возникаютъ самыя уродливыя попытки къ ассоціаціямъ, въ родѣ артельныхъ жертвоприношеній, артельныхъ наймовъ колдуновъ и т. п. Поэтому развитія болѣе правильно организованныхъ и достигающихъ цѣли ассоціацій естественно должно ожидать въ странахъ болѣе развитыхъ, и такъ какъ невозможно себѣ представить страну съ идеальнымъ экономическимъ устройствомъ, невозможно себѣ представить страну, въ которой не было бы экономическихъ препятствій, требующихъ ассоціаціи, то и естественно, что степень развитія ассоціацій можетъ служить однимъ изъ весьма замѣтныхъ указаній на умственное развитіе народа.

Недостаточно сознательное представленіе членовъ ассоціаціи о ея цѣляхъ, какъ самозащиты отъ извѣстнаго опредѣленнаго препятствія, имѣетъ послѣдствіемъ то, что самая ассоціація искажается, отступаетъ отъ непосредственной цѣли самозащиты и принимаетъ вредное направленіе. Можно привести примѣры ассоціацій, образовавшихся съ прямою цѣлью самозащиты и перешедшихъ къ совершенно другимъ цѣлямъ. Эти примѣры бросаются въ глаза и въ западной Европѣ, несмотря на все умственное развитіе народовъ. Прославленная Рочдэльская ассоціація во многихъ частяхъ своей широкой дѣятельности отступила отъ своей первоначальной цѣли и сдѣлалась ассоціаціей капиталистовъ, пользующихся доходомъ предпріятія, которое ведется наемными рабочими, неучаствующими въ барышахъ. Французскія производительныя ассоціаціи очень часто нанимаютъ по заработной платѣ рабочихъ, дѣйствуя сами на правахъ обыкновенныхъ хозяевъ, противъ которыхъ они сложились въ ассоціацію; наши биржевыя артели, выставляемыя многими за образецъ, очень часто дѣйствуютъ точно также... Кромѣ того, какъ въ европейскія ассоціаціи, такъ и въ наши артели, вслѣдствіе стремленія къ наживѣ, вкрадываются такого рода условія и правила, которыя точно также искажаютъ значеніе ихъ, какъ средствъ самозащиты; напримѣръ, во многихъ ассоціаціяхъ, а равно и въ нашихъ артеляхъ, часто можно замѣтить допущенное различіе членовъ по отношенію правъ ихъ на участіе въ выгодахъ, полученныхъ ассоціаціей; мы замѣчаемъ подручниковъ, въ отношеніи которыхъ остальные члены представляются лицами привилегированными, извлекающими себѣ выгоды болѣе или менѣе насчетъ поставленныхъ въ менѣе выгодныя условія подручниковъ. Наконецъ, въ нашихъ артеляхъ мы видимъ совершенно безобразныя явленія; напримѣръ, вмѣстѣ съ стремле-

ніемъ наблюдать за нравственностью своихъ членовъ, въ видѣ штрафовъ за нарушеніе артельныхъ правилъ и правилъ нравственности, мы видимъ штрафы въ видѣ поставки на артель ведра или полтора водки.

Изъ выраженнаго мною взгляда на ассоціацію, какъ на средство экономической самозащиты, дѣлается неизбѣжнымъ выводъ, что ассоціація не можетъ быть создана искусственно; усилія создать ассоціаціи могутъ датъ только толчокъ къ развитію ихъ, но не могутъ навязать ихъ. Въ каждой мѣстности развитіе ассоціацій и самыхъ видовъ ихъ зависитъ вполнѣ отъ силы дѣйствующихъ экономическихъ препятствій и степени сознанія ихъ. Никакая пропаганда не въ силахъ укрѣпить тѣ виды, которые не нужны. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается даже самымъ поверхностнымъ взглядомъ на развитіе ассоціацій въ западной Европѣ, явившихся тамъ въ послѣднее пятилѣтіе. Несмотря на энергическую пропаганду всѣхъ видовъ ассоціацій въ каждой странѣ, нигдѣ попытки развить всѣ виды ихъ не удались; въ каждой странѣ онѣ развились своеобразно и въ каждой странѣ развившіяся оказались наиболѣе полезными, несмотря на горькія жалобы пропагандистовъ о неудачѣ въ другихъ; неудачи эти обыкновенно сваливаютъ на народный характеръ и этимъ характеромъ стараются объяснить, почему именно тотъ, а не другой видъ ассоціаціи развился въ данной странѣ. Такой способъ объясненія доказываетъ, что наука еще недостаточно разработала ассоціацію; всегда, когда наука наталкивается на вопросъ новый, неизслѣдованный, она прежде всего разрѣшаетъ его какой-нибудь пустой фразой, пока фраза эта не замѣнится дѣйствительнымъ изслѣдованіемъ. Въ рѣдкой книгѣ объ ассоціаціяхъ вы не встрѣтите выраженія: нѣмцы склонны къ экономіи, французы — къ широкимъ предпріятіямъ, а потому въ Германіи развился кредитъ, а во Франціи производительныя ассоціаціи. Если мы примемъ во вниманіе разницу экономическихъ условій каждой страны и проведемъ паралель съ тѣмъ, какіе виды ассоціаціи развились въ данной мѣстности, то мы увидимъ, что развитіе ассоціацій вовсе не было результатомъ народнаго характера, а было результатомъ самозащиты отъ преобладающихъ въ той странѣ экономическихъ препятствій и подвинувшагося нравственнаго развитія народа. Въ Англіи мы видимъ сильное развитіе потребительныхъ обществъ, обществъ взаимнаго вспомоществованія, friendly society, промышленныхъ союзовъ; въ

Германіи мы видимъ кредитныя ассоціаціи, во Франціи потребительныя и производительныя. Я попытаюсь обойти вопросъ о народныхъ склонностяхъ, и хотя въ кратцѣ указать, что причина этой разницы заключается именно въ экономическихъ препятствіяхъ и въ степени ихъ силы.

Въ Англіи болѣе половины населенія принадлежитъ къ городскимъ жителямъ. Это городское населеніе въ большинствѣ состоитъ изъ поденьщиковъ, рабочихъ, не имѣющихъ ни капитала, ни собственности; большая часть производствъ, вслѣдствіе громаднаго примѣненія механическихъ изобрѣтеній, изъ мелкихъ обратились въ крупныя и требуютъ большого капитала. Отчего это произошло и именно въ Англіи — это другой вопросъ; для насъ важенъ самый фактъ. Это сосредоточеніе капиталовъ и самостоятельныхъ производствъ, въ рукахъ сравнительно немногихъ лицъ создаетъ тѣ именно экономическія препятствія, которыя мы подвели подъ вторую категорію экономическихъ препятствій. Вопервыхъ, оно дѣлаетъ невозможнымъ для работника сдѣлаться самостоятельнымъ производителемъ и пользоваться происходящими отъ того выгодами, а во вторыхъ, обрѣкая его на участь человѣка, живущаго заработной платой, она ставитъ его въ положеніе, не обезпеченное ни передъ какими случайностями и дѣлаетъ его жертвой неизбѣжной конкурренціи въ опредѣленіи цѣны заработнной платы, понижающейся при этомъ часто даже ниже удовлетворенія первыхъ потребностей. Чтобы побороть эти препятствія, англійскій рабочій дѣлаетъ всевозможныя усилія; сберегательныя кассы ломятся отъ мелкихъ сбереженій, удѣляемыхъ изъ заработной платы. Въ англійскихъ сберегательныхъ кассахъ находится до 300 милліоновъ вкладовъ; чтобы понять, до какой степени велика эта сумма, надо вспомнить, что во всѣхъ нашихъ сберегательныхъ кассахъ сумма вкладовъ едва достигаетъ 5 милліоновъ рублей. Но все-таки этихъ разрозненныхъ усилій недостаточно, чтобы бороться съ наличными препятствіями. Необходима ассоціація, необходимы дружныя усилія, чтобы хотя нѣсколько облегчить положеніе. Но при этомъ оказалось, что тѣ ассоціаціи, которыя съ такимъ усиліемъ пропагандировались, оказались наименѣе полезными или даже вовсе непримѣнимыми. Производительныя ассоціаціи оказались мечтой. Громадность капитала, требующагося для каждаго предпріятія, сдѣлала этотъ видъ недоступнымъ для рабочаго; если и были попытки создать производительныя ассоціаціи, то

эти самыя ассоціаціи весьма недолго сохраняютъ свой первоначальный характеръ и скоро обращаются въ акціонерныя компаніи, въ которыхъ акціонерами являются капиталисты-работники, а работниками — новые поденьщики. Напрасно нѣкоторые причисляютъ такія компаніи къ ассоціаціямъ; непремѣнное условіе ассоціаціи, — участіе членовъ трудомъ и капиталомъ и затѣмъ совершенное отсутствіе постороннихъ лицъ, на счетъ которыхъ извлекаются выгоды. Кредитныя ассоціаціи въ Англіи не существуютъ; кредитоваться можетъ только тотъ, кто имѣетъ нужду въ капиталѣ для производства, огромная же масса рабочихъ не имѣетъ ни собственности, ни капитала для самостоятельнаго производства и слѣдовательно неимѣетъ нужды въ кредитѣ. Ссудная операція для нихъ должна имѣть характеръ вспомогательный, т. е. срокъ и цѣна ссуды обусловливаются не временемъ оборота капитала, а возможностью постепеннаго возврата изъ сбереженій, вслѣдствіе чего она часто можетъ быть и безвозвратною. Не имѣя такимъ образомъ возможности пользоваться тѣми видами ассоціаціи, которые могли бы сдѣлать ихъ самостоятельными производителями, англійскіе рабочіе вынуждены искать защиту въ потребительныхъ обществахъ, въ обществахъ, имѣющихъ цѣлью взаимную помощь на случай болѣзни, смерти, недостатка работы и т. п., наконецъ, въ обществахъ огражденія заработной платы отъ чрезмѣрнаго пониженія, вслѣдствіе ли конкурренціи, возникшей изъ увеличенія числа ищущихъ работу, или вслѣдствіе стачекъ хозяевъ (Trades society Trades unions). Положеніе земледѣльческихъ классовъ въ Англіи немногимъ отличается отъ положенія большинства городскаго населенія. Вся поземельная собственность Англіи распредѣлена между 30,000 собственниками и 200,000 арендаторами; вся остальная масса сельскаго населенія такіе же рабочіе, какъ и городское, и слѣдовательно для нихъ точно также закрыта возможность группироваться въ производительныя или кредитныя ассоціаціи. Развитіе-же ассоціацій преимущественно въ городскомъ населеніи дѣлается вполнѣ понятнымъ при значительно высшемъ умственномъ развитіи городскаго населенія сравнительно съ сельскимъ.

Въ Германіи развитіе крупнаго производства и поглощеніе мелкихъ производствъ далеко еще не достигло той силы, какъ въ Англіи; напротивъ того, 85% изъ всего числа промышленныхъ предпріятій принадлежатъ мелкимъ производителямъ; кромѣ нѣкоторыхъ фабричныхъ центровъ, здѣсь преобладаетъ еще мелкое ремесленное производство, хотя оно постепенно уже подвигается къ переходу въ болѣе крупныя формы.

Землевладѣніе во многихъ мѣстностахъ Германіи преобладаетъ мелкое, какъ напримѣръ по Рейну. Понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ борьба мелкаго самостоятельнаго производителя противъ поглощенія крупнымъ должна выразиться въ стремленіи усилить необходимый для производства капиталъ. Средствомъ для этого представляются кредитныя ассоціаціи, которыми Германія въ настоящее время покрыта. Нѣтъ сомнѣнія, что когда средства, доставляемыя мелкому производителю кредитомъ, окажутся недостаточными, то явятся производительныя ассоціаціи; до тѣхъ же поръ, пока кредитныя ассоціаціи будутъ удовлетворять потребностямъ мелкихъ производителей, до тѣхъ поръ всѣ стремленія развить производительныя ассоціаціи окажутся безплодными.

Франція представляетъ развитіе въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ производительныхъ ассоціацій, около фабричныхъ центровъ развитіе потребительныхъ обществъ, société de resistance, соотвѣтствующихъ англійскимъ trade unions, и наконецъ вообще развитіе обществъ взаимнаго вспомоществованія. Говоря о Франціи, трудно останавливаться на однихъ экономическихъ условіяхъ. Толчокъ всему ассоціаціонному движенію въ Европѣ былъ данъ Франціею. Не говоря о попыткахъ устраивать фаланстеры, которыми думали передѣлать весь экономическій и соціальный строй, самая ассоціація была результатомъ строгаго обсужденія тяжелыхъ условій труда, и вышла изъ рукъ Бюшеза, именно какъ средство самозащиты. Мысль устройства ассоціаціи была встрѣчена съ увлеченіемъ и, конечно, это увлеченіе было главною причиною, что Франція, родина ассоціацій, болѣе всего дала громкихъ фразъ и менѣе всего ассоціацій. Экономическія условія оставлены безъ вниманія; ассоціаціи, и именно производительныя, были возведены въ радикальное средство спасенія, и къ сожалѣнію, въ концѣ концовъ значительная часть изъ нихъ рушилась и принесла разочарованіе. Изъ широкихъ стремленій захватить въ формы ассоціацій всѣ виды производства, производительныя ассоціаціи въ настоящее время ограничиваются предметами, большею частью, ремесленнаго труда и потихоньку пробиваютъ себѣ дорогу. Потребительныя общества во Франціи развились и дѣлаютъ успѣшные обороты въ большихъ фабричныхъ центрахъ, въ Парижѣ, въ Ліонѣ, въ Ліежѣ, Греноблѣ, Вьеннѣ. Такимъ образомъ изъ всего шума, который надѣлала во Франціи возродившаяся идея ассоціаціи, осталось весьма немного; тѣмъ не менѣе, экономическія условія Франціи представляютъ

весьма много условій, благопріятныхъ для развитія ассоціацій. Въ большихъ городскихъ центрахъ, гдѣ крупное производство уже поглотило мелкое и гдѣ условія труда немногимъ отличаются отъ условій англійскаго городскаго рабочаго, должны развиться ассоціаціи потребительныя и вообще формы, сходныя съ англійскими; въ мѣстностяхъ, гдѣ сохранилось мелкое ремесленное производство, должны развиться кредитныя и производительныя ассоціаціи, и наконецъ въ сельскомъ населеніи, представляющемъ почти восемь милліоновъ мелкихъ собственниковъ, развитіе ассоціацій должно встрѣтить самую добрую почву; въ послѣднемъ случаѣ главнымъ препятствіемъ является неразвитость сельскаго населенія. Уцѣлѣвшія отъ времени увлеченія ассоціаціи и возникающія вновь вполнѣ оправдываютъ эти соображенія: производительныя ассоціаціи ограничились трудомъ ремесленнымъ, потребительныя общества укрѣпились въ фабричныхъ центрахъ, кредитныя ассоціаціи для закупки машинъ, для сбыта—развиваются преимущественно между мелкими землевладѣльцами.

Такимъ образомъ сдѣланная мною параллель развитія ассоціацій въ трехъ государствахъ западной Европы показываетъ, что, несмотря ни на какія усилія пропаганды, ассоціація этимъ путемъ развиваться не можетъ; пропаганда даетъ только толчокъ дѣлу, укрѣпляются же ассоціаціи только тогда, когда избранныя формы соотвѣтствуютъ силѣ тѣхъ препятствій, противъ которыхъ выставляется въ данной мѣстности ассоціація.

Если развитіе различныхъ видовъ ассоціацій въ каждой отдѣльной мѣстности зависитъ вполнѣ отъ дѣйствующихъ въ той мѣстности экономическихъ условій, то точно также самая внутренняя организація каждаго вида ассоціацій не можетъ быть одинаковою для всѣхъ мѣстностей; она не можетъ быть создана по одному шаблону, а точно также должна измѣняться соотвѣтственно тѣмъ же причинамъ, какъ и развитіе самыхъ видовъ ассоціацій. Выдающіяся потребности бѣднаго населенія и существенная необходимость группироваться въ ассоціаціи и артели, были, конечно, причиной того, что на самую ассоціацію стали смотрѣть, какъ на форму, служащую спеціально бѣдному, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже просто одному рабочему классу. Но, принимая главнѣйшею причиною возникновенія ассоціацій необходимость самозащиты, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что эта причина вовсе не дѣлаетъ ассоціацію исключительнымъ достояніемъ только бѣднаго класса. Напротивъ того, неблагопріятныя

экономическія условія могутъ быть точно также неблагопріятны для богатыхъ классовъ и, слѣдовательно, между ними точно также можетъ возникнуть стремленіе къ защитѣ отъ этихъ неблагопріятныхъ условій посредствомъ сгруппированія въ ассоціаціи.

Правда, эта потребность къ сгруппированію не можетъ быть такъ сильна между богатыми классами, какъ между бѣдными, и самыя неблагопріятныя условія для нихъ не могутъ быть такъ разнообразны; тѣмъ неменѣе, отрицать существованіе ихъ для лицъ состоятельныхъ невозможно, и потому невозможно отрицать и доступность для нихъ ассоціаціи. Возникшія на практикѣ различныя общества взаимнаго кредита, взаимнаго страхованія и другія учрежденія, основанныя на взаимности, суть чистѣйшія формы ассоціаціи, доколѣ онѣ удовлетворяютъ только тѣмъ потребностямъ кредита или страхованія, для которыхъ онѣ образовались. Хотя незначительныя преимущества, доставляемыя этими ассоціаціями состоятельнымъ членамъ, легко заставляютъ ихъ забывать тѣ цѣли, которыя служили побужденіемъ къ образованію ассоціаціи, и хотя эти ассоціаціи легко переходятъ въ простыя коммерческія предпріятія съ цѣлью наживы, тѣмъ не менѣе отрицать характеръ ассоціаціи въ тѣхъ, которыя сохранили во всей чистотѣ удовлетвореніе только первоначальнымъ цѣлямъ, невозможно. Я уже указывалъ, что въ ассоціаціяхъ, возникающихъ среди бѣднаго населенія, стремленіе къ наживѣ и недостаточно сознательное отношеніе къ цѣлямъ ассоціацій точно также бываетъ причиною ихъ искаженія; слѣдовательно, отступленія, являющіяся среди ассоціацій, составившихся изъ лицъ состоятельныхъ, въ этомъ случаѣ не составляютъ какого-либо исключенія. Для послѣднихъ причиною искаженія часто служитъ еще то, что самыя ассоціаціи между состоятельными классами часто составляются безъ всякой дѣйствительной въ нихъ необходимости. Въ этомъ отношеніи отличный примѣръ представляютъ развившіяся въ послѣднее время у насъ въ Россіи общества взаимнаго кредита. Большая часть изъ нихъ группируются изъ лицъ болѣе или менѣе состоятельныхъ, имѣющихъ доступъ къ кредиту въ другихъ кредитныхъ учрежденіяхъ и, слѣдовательно, неимѣющихъ особенной нужды группироваться въ ассоціаціи. Когда образовывалось первое общество взаимнаго кредита, тогда еще почти не существовало другихъ кредитныхъ учрежденій, кромѣ государственнаго банка, гдѣ кредитъ доставался не легко; самое пользованіе кредитомъ многимъ изъ лицъ коммерческихъ было очень мало

извѣстно. Возникновеніе ассоціаціи съ цѣлью доставленія кредита лицамъ, хотя и состоятельнымъ, въ то время имѣло дѣйствительное значеніе. Но затѣмъ быстро развились частные банки, открывшіе широкій доступъ кредиту лицъ состоятельныхъ, они пополнили тотъ пробѣлъ, для котораго первоначально образовалось общество взаимнаго кредита. Причина, оправдывавшая сначала необходимость возникновенія кредитныхъ ассоціацій для лицъ состоятельныхъ, въ видѣ обществъ взаимнаго кредита, исчезла, и потому общества эти должны были или уничтожиться, или перемѣнить составъ членовъ, набравъ ихъ изъ лицъ менѣе состоятельныхъ, неимѣющихъ доступа въ частныя кредитныя учрежденія, или, оставляя прямую цѣль доставленія кредита своимъ членамъ, перейдти въ обыкновенныя банковыя учрежденія, имѣющія цѣлью доставленіе своимъ членамъ барышей. Они предпочли послѣднее; результатомъ этого явилось стремленіе къ расширенію операцій съ преимущественною цѣлью извлеченія барышей. Причина, которою многіе стараются оправдать существованіе обществъ взаимнаго кредита, удешевленіе кредита, едва ли можетъ быть признана дѣйствительною; цѣна денегъ опредѣляется существующею рыночною цѣною, и потому совершенно напрасно предполагали, что общества взаимнаго кредита могутъ давать кредитъ дешевле существующей въ другихъ банкахъ цѣны; если это иногда и возможно, то только какъ случайное явленіе. Остается еще одинъ мотивъ, оправдывающій ихъ существованіе, это—что они сохраняютъ своимъ членамъ тѣ барыши, которые на ихъ счетъ нажили бы частные банки; но одного этого мотива едвали достаточно, чтобы заставить людей рисковать своей отвѣтственностью, которая можетъ быть во всякомъ случаѣ болѣе сохраненныхъ барышей. Такимъ образомъ уничтоженіе причины, вызвавшей существованіе кредитныхъ ассоціацій между состоятельными лицами, было причиною перехода нашихъ обществъ взаимнаго кредита изъ чистыхъ ассоціацій въ обыкновенныя предпріятія для извлеченія барышей. Тоже самое можно сказать и относительно обществъ взаимнаго поземельнаго кредита; когда частная предпріимчивость создаетъ кредитныя учрежденія, дающія такой же кредитъ землевладѣльцамъ, какъ и взаимныя общества, когда причина, оправдывающая ихъ существованіе, исчезаетъ, они должны будутъ или исчезнуть, или точно также перейдутъ въ коммерческія предпріятія, имѣющія цѣлью извлеченіе барышей, а не удовлетвореніе кредитнымъ потребностямъ своихъ членовъ.

Доступность сгруппированія въ ассоціаціи нетолько бѣднымъ, но и богатымъ, очевидно уже обусловливаетъ различіе въ организаціи ассоціацій, служащихъ хотя бы одной и той же цѣли. Кредитная ассоціація, составленная изъ лицъ состоятельныхъ, совсѣмъ иная, чѣмъ кредитная ассоціація, образовавшаяся изъ лицъ, изъ которыхъ каждое можетъ представить только нравственное обезпеченіе въ вѣрности исполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Какъ та, такъ и другая составляются для удовлетворенія одинаковой потребности въ кредитѣ; разница же, обусловливающая различіе въ организаціи ихъ, происходитъ отъ большихъ или меньшихъ препятствій въ пріобрѣтеніи кредита отдѣльно взятыми единицами, входящими въ составъ ассоціаціи.

Безъ всякаго сомнѣнія, составныя части каждой ассоціаціи, скелетъ ея, остаются всегда одни и тѣ же; въ уставѣ каждой ассоціаціи будетъ глава объ участіи членовъ, объ отвѣтственности, оборотѣ и т. п.: но разница внутренней организаціи заключается въ той оболочкѣ, которая придаетъ ту или другую физіономію скелету. Эта оболочка должна вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ препятствіямъ, для которыхъ создается ассоціація; каждая часть ея должна быть соразмѣрна съ силою противодѣйствующихъ ей элементовъ и съ самымъ способомъ проявленія этого противодѣйствія. Кредитная потребность и препятствія къ удовлетворенію ея, напримѣръ, могутъ проявляться въ самой разнообразной степени, переходя отъ потребности самой существенной до потребности побочной, вспомогательной. Потребность въ кредитѣ самостоятельнаго производителя, будетъ ли онъ мелкій или крупный, почти одинакова и трудно сказать, который изъ нихъ болѣе нуждается въ кредитѣ; но разница въ трудности пріобрѣтенія его тѣмъ и другимъ до такой степени велика, что создаетъ два существенно отличные типа кредитныхъ ассоціацій; для перваго полная круговая порука составляетъ единственное условіе возможности пріобрѣтенія его; для втораго кредитъ пріобрѣтается весьма легко при ограниченной отвѣтственности. Рабочій, неимѣющій никакого самостоятельнаго промысла, живущій заработной платой, точно также имѣетъ потребность въ кредитѣ; потребность эта не можетъ быть для него такъ сильна, какъ для самостоятельнаго производителя, она является только въ исключительныхъ случаяхъ; самый возвратъ ссуды не представляетъ въ себѣ той строгой періодичности, которая у самостоятельнаго производителя связывается съ его оборотомъ, и потому для рабочаго самостоятель-

ная кредитная ассоціація почти невозможна; удовлетвореніе кредитной потребности его должно входить, какъ добавочная цѣль, въ ассоціаціи, имѣющія для него болѣе важное значеніе, какъ напр., въ ассоціаціи потребительныя, страховыя, общества взаимнаго вспомоществованія, trades union и т. п. Но кромѣ этой главной причины, обусловливающей различіе организаціи каждаго вида ассоціацій, на внутреннюю организацію должны съ такою же силою имѣть вліяніе и другія условія, чисто мѣстныя. Степень развитія членовъ, естественные предѣлы для дѣятельности ассоціаціи, поставляемыя ей общественными или чисто физическими условіями, обычаями и т. п., должны быть принимаемы въ разсчетъ точно также, какъ и сила преодолѣваемаго препятствія. Всѣ эти вліянія были, конечно, причиною разнообразія видовъ потребительныхъ обществъ, развившихся своеобразно въ различныхъ мѣстностяхъ, начиная отъ простой харчевой артели до общества рочдэльскихъ піонеровъ. Выясненіе этихъ условій, дѣлающихъ наиболѣе примѣнимой ту или другую форму внутренней организаціи, также важно, какъ важно выясненіе экономическихъ условій, указывающихъ на необходимость примѣненія въ данной мѣстности того или другаго вида ассоціацій. Къ сожалѣнію, вопросъ о внутренней организаціи ассоціацій въ связи съ экономическими требованіями весьма мало разъясненъ и требуетъ еще серьезныхъ изслѣдованій.

Въ вопросѣ о внутренней организаціи ассоціацій, точно также, какъ и въ вопросѣ объ устройствѣ артелей, есть одинъ вопросъ, хотя и побочный, но тѣмъ неменѣе, благодаря усиленной дѣятельности пропагандистовъ, пріобрѣвшій особенное значеніе. Вопросъ этотъ заключается въ томъ, должны-ли ассоціаціи и артели служить средствомъ воспитанія въ народѣ тѣхъ или другихъ качествъ и стремленій, или, ограничиваясь только прямыми своими экономическими цѣлями, онѣ должны быть чужды всякихъ предвзятыхъ педагогическихъ цѣлей. Вопросъ этотъ пріобрѣлъ особенное значеніе въ западной Европѣ. Сила, заключающаяся въ ассоціаціи, конечно, не могла быть не замѣчена въ борьбѣ различныхъ политическихъ и религіозныхъ партій. Желаніе пріобрѣсти поддержку въ этой силѣ было причиною того, что каждая партія притягивала къ себѣ ассоціацію и соотвѣтственно своимъ спеціальнымъ цѣлямъ вводила въ нее тѣ чуждые ассоціаціи элементы, которые обращали ассоціацію въ послушное орудіе той или другой идеи. Ассоціацией не пренебрегали ни клерикалы, ни радикалы, ни феодалы, ни самые умѣренные либералы. Результа-

томъ этого вышло то, что ассоціація сдѣлалась орудіемъ для проведенія тѣхъ или другихъ воззрѣній; педагогическому элементу придано было значеніе непремѣнной принадлежности ассоціаціи; развивающее, педагогическое значеніе ассоціацій поставлено выше ихъ значенія экономическаго. Нѣкоторые дошли на этомъ пути до абсурда, утверждая, что еслибъ ассоціація даже вредила экономическому быту рабочаго, то и тогда она полезна, какъ учрежденіе воспитывающее. Это смѣшеніе въ ассоціаціяхъ двухъ цѣлей, экономической и воспитательной, это предпочтеніе послѣдней передъ первою, конечно, прежде всего происходитъ отъ привычки смотрѣть на народъ свысока, какъ смотрятъ няньки на малаго ребенка, отъ привычки, дотого въѣвшейся въ большинствѣ, лицо ставить выше массы народа, что отъ нея часто бываютъ не въ силахъ освободиться даже самые искренніе друзья народа. Въ этомъ случаѣ съ ассоціаціей повторяется тоже самое, что повторялось и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда образованный классъ являлся помогать народу. Вспомнимъ, сколько безсмысленныхъ и безплодныхъ книжекъ написано по народному образованію единственно потому, что, вмѣсто сообщенія народу образовательныхъ данныхъ, старались навязывать ему тѣ или другія нравственныя сентенціи; вспомнимъ, что театръ только тогда пріобрѣлъ воспитательное значеніе, когда онъ оставилъ стремленіе воспитывать скучнѣйшими назидательными пьесами. Ассоціація имѣетъ свою непосредственную цѣль; достигая ее, она косвенно имѣетъ громадное воспитательное значеніе. Отрицать это невозможно, но вводить въ нее воспитательныя цѣли и подчинять имъ даже непосредственныя ея цѣли значитъ отрицать самую ассоціацію.

Воспитательный элементъ, примѣшиваемый къ ассоціаціи, до такой степени растяжимъ и измѣнчивъ, что при его помощи ассоціаціи могутъ сдѣлаться орудіемъ для проведенія самыхъ обскурантныхъ идей. Въ примѣрахъ существующихъ ассоціацій, не исключившихъ воспитательнаго элемента, можно указать ассоціаціи, воспитывающія духъ религіозной нетерпимости или національной вражды. Экспериментація экономическихъ и соціальныхъ теорій, при преобладаніи воспитательнаго элемента въ ассоціаціи, получаетъ широкое примѣненіе, въ ущербъ конечно безсознательныхъ жертвъ этихъ экспериментовъ; въ то время, какъ одни стараются путемъ ассоціаціи подготовлять революціонера, другіе смотрятъ на ассоціацію какъ на школу, изготовляющую кулаковъ. Такимъ образомъ ассоціація, представля-

ющая собою элементъ прогресса, движенія, благодаря примѣшиваемымъ воспитательнымъ цѣлямъ, утрачиваетъ это значеніе; польза ея дѣлается не только случайною, но часто сомнительною; а въ нѣкоторыхъ случаяхъ она можетъ сдѣлаться даже орудіемъ для проведенія самыхъ темныхъ, застарѣлыхъ идей. Введеніе воспитательнаго элемента въ ассоціацію объясняется многими тѣмъ, что экономическія цѣли ассоціаціи, съ такою силою выдвинутыя первыми проповѣдниками ассоціаціи, кажутся имъ недостаточными: увлекшись быстрымъ успѣхомъ развитія ассоціацій, они вообразили себѣ, что ассоціаціи могутъ искоренить всѣ соціальные недуги, въ которыхъ экономическій—только частица въ морѣ. Улучшеніе экономическаго быта рабочихъ путемъ ассоціаціи кажется имъ слишкомъ мелкою цѣлью, тогда какъ улучшеніе быта рабочихъ составляло и составляетъ всю суть соціальнаго вопроса, въ которомъ рознь, раздѣлявшая различныхъ представителей этой идеи, заключалась лишь въ средствахъ къ достиженію ея. Ассоціація была указана какъ одно изъ такихъ средствъ, но она отнюдь не должна считаться единственнымъ специфическимъ средствомъ. Выясните, что можетъ дать ассоціація, и требуйте отъ нея только то, что она можетъ дать. Если вы излечите человѣка отъ разстройства желудка, здоровье желудка отразится на всемъ его организмѣ, матерьяльномъ и нравственномъ; но не требуйте, чтобы лекарство, излечивающее желудокъ, направляло вмѣстѣ съ тѣмъ и образъ мыслей человѣка.

Сила ассоціаціи, какъ средства самозащиты, имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ она оказывается безсильною въ борьбѣ съ противостоящими препятствіями. Вода, заливающая пожаръ, дѣйствуетъ только до тѣхъ поръ, пока сила огня не превыситъ силы воды; царская водка, растворяющая золото, безсильна, когда встрѣчается съ другими химическими тѣлами. Этотъ непреложный законъ природы, что все имѣетъ свои предѣлы, далѣе которыхъ всякое усиліе безплодно, часто забывается, когда переходятъ изъ области природы въ сферу явленій общественныхъ и экономическихъ. Между тѣмъ въ экономическихъ явленіяхъ законъ этотъ имѣетъ такое же непреложное значеніе, а въ вопросѣ объ ассоціаціяхъ онъ забывается чаще всего. Нѣкоторыя попытки выяснить эти предѣлы ассоціацій еще встрѣчаются въ экономической литературѣ, но строгаго изслѣдованія ихъ не существуетъ вовсе.

Притомъ, самыя попытки разъяснить предѣлы ассоціаціи были результатомъ не уясненія сферы дѣятельности ассоціаціи, а скорѣе

полемическимъ пріемомъ, употребляемымъ для защиты своихъ воззрѣній на ассоціацію. Такъ, Лассаль, указывая несостоятельность къ разрѣшенію соціальнаго вопроса ассоціацій, возникающихъ постепенно среди рабочаго класса на основаніи принципа самозащиты, указываетъ возможные предѣлы ихъ дѣятельности для того, чтобы въ той же самой ассоціаціи, но только проводимой посредствомъ государственнаго вмѣшательства, найти радикальное средство къ разрѣшенію соціальнаго вопроса. Начертивъ предѣлы первыхъ, онъ увлекся въ своемъ планѣ и забылъ, что и при государственномъ вмѣшательствѣ предѣлы дѣятельности каждаго вида асоціацій остаются тѣ же самые, что въ его теоріи разрѣшенія соціальнаго вопроса путемъ ассоціаціи и государственнаго вмѣшательства главная роль принадлежитъ послѣднему, съ цѣлымъ рядомъ другихъ мѣръ, идущихъ параллельно съ ассоціацией, но не имѣющихъ съ нею ничего общаго. Съ другой стороны, экономисты, напуганные призракомъ соціальнаго переворота посредствомъ ассоціаціи, ограничиваютъ предѣлы и значеніе ассоціаціи только какъ учрежденія, пріучающаго рабочаго къ сбереженію и аккуратности, съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ сдѣлать изъ рабочаго миньятюрнаго капиталиста. Очевидно, что и они, ограничивая предѣлы ассоціацій, руководствуются не научными соображеніями, а увлеченіемъ въ противоположную сторону.

Лассаль рельефно указалъ предѣлы трехъ видовъ ассоціацій, основанныхъ на началахъ самопомощи, ассоціацій потребительныхъ, кредитныхъ и производительныхъ. Я приведу здѣсь эти указанія, хотя конечно они не могутъ считаться вполнѣ безспорными и исчерпывающими предметъ. Помимо предѣловъ, указываемыхъ Лассалемъ, есть предѣлы, лежащіе въ самыхъ ассоціаціяхъ, какъ напр. необходимость знанія другъ друга въ кредитныхъ ассоціаціяхъ, невозможность такихъ предпріятій для производительныхъ ассоціацій, которыя подвергаютъ все предпріятіе большому риску, требуютъ большой подвижности и т. п. Шефле въ своей книгѣ: «Капитализмъ и Соціализмъ.» прекрасно выяснилъ невыгоды ассоціацій, какъ предпринимателей, въ сравненіи съ выгодами частнаго предпринимателя. Эти предѣлы признаетъ и Лассаль, когда говоритъ, что ассоціаціи «обнимутъ все рабочее сословіе лишь постепенно, съ теченіемъ времени. Имъ слѣдуетъ начаться въ такихъ отрасляхъ промышленности, которыя по природѣ своей требуютъ сравнительно большаго числа работниковъ и потому больше всего годятся для ассоціацій. Кромѣ того, имъ слѣдуетъ на-

чаться въ тѣхъ округахъ и мѣстностяхъ, которые способнѣе другихъ къ ассоціаціямъ по роду промышленной дѣятельности, по густотѣ населенія и по добровольному расположенію къ ассоціаціямъ».

Лассаль слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ предѣлы дѣятельности трехъ видовъ ассоціацій, кредитныхъ и сырьевыхъ, потребительныхъ и производительныхъ.

1) Первыя, т. е. кредитныя и сырьевыя, могутъ сравнять положеніе неимущаго ремесленника съ положеніемъ имущаго ремесленника, имѣющаго маленькій капиталъ, достаточный для его мелкой промышленности. Стало быть, самое большее, что они могутъ сдѣлать, это дать неимущему ремесленнику возможность конкурировать съ хозяиномъ, обладающимъ собственнымъ капиталомъ, достаточнымъ для его ремесленной промышленности. Но дѣло въ томъ, что и хозяинъ, обладающій собственнымъ, достаточнымъ для ремесленнаго производства капиталомъ, не можетъ выдерживать конкуренціи съ крупнымъ капиталомъ и фабричнымъ производствомъ, потому что обширный размѣръ промышленности удешевляетъ всѣ расходы на производство, даетъ возможность довольствоваться меньшей прибылью съ каждаго отдѣльнаго продукта, и по многимъ другимъ причинамъ. Но кредитныя и сырьевыя общества по большей мѣрѣ только уравниваютъ неимущаго работника съ мелкимъ капиталистомъ, хозяиномъ мелкопромышленнаго заведенія; а такъ какъ капиталистъ этотъ не можетъ выдерживать конкуренціи съ фабричной крупной промышленностью, то и ремесленникъ, ведущій дѣла съ помощью этихъ обществъ, не можетъ выдержать ее.

2) Потребительныя общества — до тѣхъ поръ, пока въ нихъ будутъ вступать только отдѣльные кружки рабочихъ — не произведутъ никакихъ измѣненій въ общей рабочей платѣ, и слѣдовательно до тѣхъ поръ, вступившіе въ нихъ работники, благодаря удешевленію предметовъ потребленія, получатъ отъ нихъ слабое облегченіе своего стѣсненнаго положенія. Но какъ скоро потребительныя общества начнутъ все болѣе и болѣе обнимать все рабочее сословіе — законъ заработной платы (средній размѣръ заработной платы всегда сводится на безусловно необходимое содержаніе, требуемое привычками народа для поддержанія жизни и для размноженія) вступитъ въ дѣйствіе и необходимо понизитъ ее настолько же, насколько потребительныя общества удешевятъ средства существованія.

3) Непосредственная цѣль производительной ассоціаціи — сдѣлать

рабочихъ предпринимателями въ такихъ производствахъ, которыя не доступны единичнымъ личностямъ, замѣнить частнаго предпринимателя капиталиста и такимъ образомъ уничтожить различіе между рабочей платой и барышемъ предпринимателя и вознагражденіемъ труда сдѣлать самый продуктъ труда. Препятствія къ образованію и развитію производительныхъ ассоціацій путемъ самопомощи заключаются, по мнѣнію Лассаля, въ слѣдующемъ: «Успѣхи цивилизаціи именно въ томъ и состоятъ, что человѣческій трудъ съ каждымъ днемъ все больше замѣняется мертвой силой природы, т. е. машинами, стало быть, съ каждымъ днемъ возрастаетъ отношеніе величины затрачиваемаго капитала къ количеству человѣческаго труда. Слѣдовательно, если для фабрики піонеровъ потребовалось 1,600 работниковъ акціонеровъ, чтобы собрать капиталъ для 500 занятыхъ работниковъ, если, стало быть, тутъ оказывается отношеніе 3: 1, то у другихъ работниковъ, въ другихъ отрасляхъ, въ болѣе обширныхъ заведеніяхъ и для соблюденія условій ежедневныхъ успѣховъ цивилизаціи потребуются отношенія 1: 4, 1: 5, 1: 6, 1: 8, 1: 10, 1: 20 и т. д. Но положимъ даже, что достаточно отношенія 1:3. Слѣдовательно, чтобы получить капиталъ, нужный для основанія фабрики, дающей занятіе 500 работникамъ, надо собрать 1,600 работниковъ акціонеровъ. Пока рѣчь идетъ объ одной, о двухъ, о трехъ и т. д. фабрикахъ, это не представляетъ затрудненій въ воображеніи; вѣдь все это происходитъ въ воображеніи, въ мечтахъ, а на дѣлѣ вышло бы совсѣмъ иное. Но если вздумать распространить ассоціацію на все рабочее сословіе—а вѣдь рѣчь идетъ о немъ, а не о частныхъ лицахъ, желающихъ вылѣзть въ люди,—если, съ теченіемъ времени, хотятъ основать столько фабрикъ, чтобы все рабочее сословіе нашло въ нихъ занятіе, откуда же возьмется тройной, четверной, 5-й, 10-й, 20-й комплектъ всего рабочаго сословія, необходимый, сверхъ занятыхъ работниковъ, въ качествѣ работниковъ акціонеровъ, чтобы основать эти фабрики?»

Эти предѣлы для нѣкоторыхъ видовъ ассоціацій, указываемые Лассалемъ съ цѣлями полемическими, для того, чтобы доказать несостоятельность системы, основанной на началахъ самопомощи, тѣмъ неменѣе сохраняютъ свое значеніе и тогда, если мы отбросимъ всякій полемическій характеръ. Вопросъ самопомощи или государственнаго вмѣшательства въ дѣлѣ ассоціаціи—вопросъ во всякомъ случаѣ придаточный; разница вліянія того или другаго принципа въ дѣлѣ раз-

витія ассоціацій выражается въ простомъ разсчетѣ времени, въ болѣе или менѣе быстромъ распространенія ихъ; предѣлы каждаго вида ассоціацій остаются одними и тѣми же, какъ при самопомощи, такъ и при государственномъ вмѣшательствѣ, пока вмѣшательство это ограничивается только простымъ содѣйствіемъ къ развитію ассоціацій. Предполагаемая безпредѣльность развитія производительныхъ ассоціацій при помощи государственнаго вмѣшательства до преобразованія помощью ихъ всего социальнаго строя происходитъ отъ смѣшенія результатовъ ассоціаціи и государственнаго вмѣшательства; и то, и другое имѣетъ свою сферу дѣятельности, имѣетъ свои предѣлы; вліяніе послѣдняго, конечно, несравненно шире вліянія ассоціацій и даже не можетъ быть съ нимъ сравниваемо. Государственное вмѣшательство всегда давало то или другое направленіе соціальному строю страны, оно обладаетъ могущественною силою, путемъ самыхъ разнообразныхъ мѣръ, вліять на всѣ стороны общественныхъ условій жизни народа и, безъ всякаго сомнѣнія, въ силахъ, при желаніи, раззорить народъ, отдавъ его на расхищеніе группѣ лицъ, или, наоборотъ, оно можетъ содѣйствовать преимущественному развитію благосостоянія народа, уничтожая всякую возможность эксплуататорскихъ захватовъ. Но подобныя цѣли никогда не могутъ быть достигнуты какою нибудь одною мѣрою; утверждать это можно только въ увлеченіи, забывая всю сложность общественнаго механизма, въ которомъ дѣйствуютъ съ одинаковою силою физическіе, нравственные и общественные законы. Ассоціаціи имѣютъ свои непосредственныя экономическія цѣли; доля участія ихъ въ общемъ прогрессѣ можетъ ограничиваться только достиженіемъ этихъ цѣлей и еще тѣмъ косвеннымъ вліяніемъ, которое связано вообще со всякимъ учрежденіемъ, въ которомъ проявляется свободная, самостоятельная дѣятельность народа. Видѣть въ нихъ общественную панацею отъ всѣхъ золъ невозможно.

Непосредственныя экономическія цѣли ассоціацій, имѣя въ своемъ основаніи самозащиту отъ экономическихъ препятствій, обусловливаются развитіемъ понятій о самыхъ препятствіяхъ и подлежатъ развитію, предѣлы котораго предсказывать невозможно, въ особенности въ виду того, что многіе экономическіе вопросы въ самой наукѣ политической экономіи остаются еще нерѣшенными. Эта послѣдовательность въ развитіи ассоціацій, признаваемая и защитниками государственнаго вмѣшательства, устраняетъ самый вопросъ о возможности одновременнаго разрѣшенія соціальныхъ вопросовъ путемъ ассо-

ціацій, устраняетъ и самое значеніе какого-либо отдѣльнаго вида ассоціаціи, какъ радикальнаго средства въ стремленіи пересоздать общественный строй. Нѣкоторые защитники производительныхъ ассоціацій преимущественно предъ другими видами ставятъ на второй планъ ихъ непосредственныя экономическія цѣли и убѣждаютъ ихъ дѣйствовать во имя общей идеи, стоящей выше мелкихъ единичныхъ интересовъ. Они призываютъ ихъ къ дѣятельности во имя общей цѣли освобожденія труда отъ гнета капитала, утѣшаютъ личныя неудачи и потери роковою необходимостью убитыхъ въ сраженіи и доходятъ даже до увѣреній, что непосредственныя экономическія цѣли ассоціаціи скорѣе вредятъ, чѣмъ помогаютъ общему дѣлу. Понятно, что такое несерьезное отношеніе къ вопросу съ одной стороны вызываетъ шумныя проявленія и громкія фразы о значеніи ассоціацій, какія мы нерѣдко видимъ и слышимъ въ западной Европѣ, съ другой— распространяетъ невольный, хотя и совершенно неосновательный страхъ во всѣхъ тѣхъ, которые стоятъ внѣ интересовъ рабочаго сословія, возбуждая тѣмъ самымъ ничѣмъ неоправдываемую вражду. Еслибъ ассоціація не составляла самостоятельнаго экономическаго явленія, а была только случайно придуманнымъ символомъ или формою какого-либо общества съ другими цѣлями, какъ напр., молотокъ у франкъ-масоновъ, тогда совершенно естественно было бы требовать, чтобы ассоціація, прикрываясь экономическими цѣлями, служила своимъ главнымъ, общимъ цѣлямъ; смѣшно было бы, еслибы франкъ-масонъ смотрѣлъ на свой молотокъ какъ на орудіе для вбиванья гвоздей. Но такъ какъ ассоціація представляетъ собою чисто экономическое явленіе, имѣющее свои опредѣленныя цѣли и предѣлы, то смѣшно требовать отъ ассоціаціи, чтобы она служила не этимъ цѣлямъ, а какимъ-то другимъ, общимъ цѣлямъ, невыяснившимся достаточно даже для самихъ пропагандистовъ. Напротивъ того, ассоціація, достигая своихъ непосредственныхъ цѣлей, сама въ себѣ заключаетъ столько задатковъ прогресса, что можно не ошибаясь сказать, что еслибы сознаніе о ея силѣ въ устраненіи экономическихъ препятствій раньше проникло въ народъ, то самыя препятствія не могли бы разростись до такихъ размѣровъ, передъ которыми ассоціація дѣлается безсильною. Ассоціація, какъ и образованіе, имѣетъ въ себѣ столько живаго элемента, что ненужно примѣси никакихъ постороннихъ цѣлей для того, чтобы она была полезна.

То особенное значеніе, которое придаютъ въ послѣднее время въ

западной Европѣ производительной ассоціаціи преимущественно предъ другими ея видами, произошло не отъ того, что производительная ассоціація представляетъ собою панацею отъ всѣхъ золъ, а отъ того, что она является прямымъ противодѣйствіемъ тому экономическому препятствію, которое пріобрѣло тамъ преобладающее значеніе, именно противъ сосредоточенія капиталовъ, пріобрѣтенія капиталомъ преобладающаго значенія въ производствѣ и совершеннаго подчиненія ему первоначальнаго источника его—труда. Сознаваемое, однакоже, безсиліе производительной ассоціаціи въ борьбѣ съ силою этого препятствія заставило искать способовъ вооружить самую ассоціацію новымъ оружіемъ; попытки Луи Блана, Лассаля и другихъ имѣютъ именно это значеніе и, слѣдовательно, имѣютъ чисто временный мѣстный характеръ. Здѣсь главнымъ факторомъ является уже не экономическая сторона ассоціаціи, а политическіе вопросы участія государства въ разрѣшеніи соціальныхъ вопросовъ — область которыхъ несравненно шире области ассоціацій. Необходимость, заставившая прибѣгнуть къ этому способу, всего нагляднѣе доказываетъ, что ассоціація сама по себѣ, при сложности соціальныхъ вопросовъ, можетъ имѣть безспорно важное значеніе въ общемъ ходѣ соціальнаго строя, но ни въ какомъ случаѣ не заключаетъ въ себѣ элементовъ, достаточныхъ для разрѣшенія, при ея помощи, всѣхъ сторонъ этого вопроса.

Не считая такимъ образомъ какой-либо видъ ассоціаціи радикальнымъ средствомъ противъ всѣхъ экономическихъ болѣзней общества и признавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что ассоціація сама по себѣ, удовлетворяя своимъ непосредственнымъ цѣлямъ, можетъ въ значительной степени регулировать экономическія отношенія и тѣмъ самымъ содѣйствовать болѣе равномѣрному распредѣленію благопріятныхъ условій существованія, я считалъ необходимымъ указать, что та постановка вопроса, которая придала особенное, политико-соціальное значеніе производительнымъ ассоціаціямъ въ западной Европѣ, не имѣетъ никакой связи съ существомъ ассоціаціи, что она была вызвана мѣстными обстоятельствами и что возводить эту постановку вопроса въ самый принципъ ассоціаціи значитъ придавать ассоціаціи то значеніе, какого она по своему содержанію никогда не имѣла и имѣть не можетъ. Государственное вмѣшательство въ теоріяхъ Луи Блана и Лассаля обнимало собою реформу всѣхъ условій производства, и ассоціація въ ихъ теоріи играла роль только одного изъ многихъ факторовъ этой реформы. Воображать же, что, устраивая производительную или

какую другую ассоціацію, дѣлаешься спасителемъ общества, можетъ только человѣкъ, неимѣющій яснаго представленія о самомъ обществѣ.

Но если государственное вмѣшательство въ смыслѣ соціальнаго переворота не имѣетъ ничего общаго съ ассоціацией и если тутъ она является только однимъ изъ факторовъ, то съ другой стороны государственное вмѣшательство въ смыслѣ содѣйствія ассоціаціямъ къ достиженію ихъ непосредственныхъ, экономическихъ цѣлей имѣетъ особенное значеніе. Тутъ является вопросъ, должно ли предоставить развитіе ассоціацій, какъ орудія самозащиты, естественному ходу, по мѣрѣ уясненія въ самомъ обществѣ понятія объ экономическихъ препятствіяхъ и возможности бороться съ ними сгруппированіемъ силъ, или государство должно заботиться о томъ, чтобы понятія эти развивались скорѣе. Однимъ словомъ, это вопросъ — самопомощи и государственнаго вмѣшательства. Я не буду разъяснять здѣсь, что самопомощь и самозащита два различныя понятія; самозащита — цѣль, самопомощь — способъ достиженія этой цѣли. Государственное вмѣшательство въ этомъ случаѣ имѣетъ существенное отличіе отъ того государственнаго вмѣшательства, о которомъ я говорилъ выше. Послѣднее является въ роли реформаторской, преобразующей исторически сложившійся строй по заранѣе начертанному плану; вторая является только въ роли регулятора, уравновѣшивающаго эгоистическія стремленія отдѣльныхъ классовъ и открывающаго доступъ къ развитію матерьяльному и нравственному для большинства населенія.

Сравнивая два принципа, самопомощи и государственнаго вмѣшательства, и разъясняя, въ чемъ заключается ихъ противорѣчіе, необходимо прійдти къ заключенію, что самопомощь, заключая въ себѣ отрицаніе всякаго реформаторскаго стремленія, не представляетъ понятія, противоположнаго теоріи государственнаго вмѣшательства Лассаля; она принимаетъ настоящее экономическое положеніе какъ фактъ и стремится путемъ ассоціацій только помочь тѣмъ, которые поставлены въ немъ въ невыгодныя условія, нисколько не претендуя измѣнять соціальнаго устройства страны. Вторая прямо признаетъ настоящее соціальное устройство противнымъ справедливости и отвергаетъ его, считая, вмѣстѣ съ тѣмъ, всякое улучшеніе безъ кореннаго переустройства скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Очевидно, что эти два различные принципа стоятъ на совершенно различной почвѣ; одинъ имѣетъ задачей только облегчать страданія больнаго, другой

стремится освободить больнаго отъ болѣзни, хотя бы при этомъ ему пришлось вынести тяжелую операцію.

Поэтому противопоставленіе двухъ представителей этихъ двухъ совершенно различныхъ и неподлежащихъ сравненію принциповъ, Шульце Делича и Лассаля, приводимое въ большинствѣ книжекъ объ ассоціаціяхъ, не имѣетъ серьезнаго значенія. Если и существовало противорѣчіе между Шульце Деличемъ и Лассалемъ, то оно заключалось не въ теоріяхъ, представителями которыхъ они явились, а въ самыхъ цѣляхъ того и другаго. Самыя же теоріи, построенныя на совершенно различныхъ основаніяхъ, не должны быть и сравниваемы.

Принципъ самопомощи, не представляя понатія, противоположнаго понятію государственнаго вмѣшательства въ смыслѣ теоріи Лассаля, представляетъ, однакоже, прямое противоположеніе принципу государственнаго вмѣшательства въ смыслѣ болѣе тѣсномъ, въ смыслѣ со дѣйствія къ урегулированію экономическихъ отношеній. Здѣсь эти два крайніе принципа представляются въ слѣдующемъ: слѣдуетъ ли предоставить свободу усиленію существующихъ въ извѣстное время и въ извѣстной мѣстности экономическихъ препятствій, предоставивъ вполнѣ на волю терпящихъ бороться противъ нихъ, или, преклонивъ выю, все болѣе и болѣе удаляться отъ всякой возможности улучшенія, или въ интересахъ государства—положить предѣлъ усиленію зла, указать терпящимъ на причину ихъ бѣдствій, если, по недостаточному ихъ развитію, препятствія эти остаются незамѣченными, и, вооруживъ ихъ средствами бороться съ этими препятствіями, тѣмъ самымъ ограничить и постепенно устранить ихъ. Шульце Деличъ, безусловно отрицающій вмѣшательство,—представитель ученія самопомощи. Вторая система, прямо противоположная теоріи самопомощи (но не самодѣятельности — эти два понятія опять различны; понятіе, противоположное самодѣятельности — опека, понятіе, противоположное самопомощи — государственная помощь, неимѣющая ничего общаго съ понятіемъ государственной опеки), не имѣетъ еще выдающагося представителя, подобно Шульце Деличу, Лассалю или Луи Блану, и не можетъ считаться вполнѣ выясненной. Но достаточно самаго бѣглаго взгляда для того, чтобы убѣдиться, что теорія самопомощи въ развитіи ассоціацій должна уступить мѣсто теоріи государственной помощи. Въ томъ видѣ, въ какомъ представляются въ настоящее время народныя массы, даже если ихъ взять въ самыхъ передовыхъ государствахъ, далеко не

представляютъ такого развитія, чтобы быть въ состояніи понять тѣ дѣйствительныя экономическія препятствія въ ихъ экономической дѣятельности, устраненіемъ которыхъ путемъ ассоціаціи можетъ быть только открытъ путь къ ихъ дальнѣйшему развитію. Экономическія препятствія дѣйствуютъ вообще не только въ матерьяльномъ отношеніи, создавая нищету и голодъ, но и воздвигаютъ почти неодолимыя преграды развитію умственному и нравственному. Возможно ли ожидать какихъ благотворныхъ результатовъ отъ самопомощи массы, поставленной экономическими препятствіями въ матерьяльные и нравственные тиски? Теорія самопомощи, предполагающая необходимо сознаніе о препятствіяхъ и возможности преодолѣнія ихъ путемъ ассоціаціи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не открывающая возможности къ пріобрѣтенію этого сознанія, дѣлаетъ тѣмъ самымъ ассоціацію новымъ средствомъ преобладанія лицъ, поставленныхъ въ болѣе счастливыя условія, и недоступнымъ большинству. Сколько бы ни твердили о самопомощи утопающему, неумѣющему плавать, онъ все-таки утопетъ, если не будетъ ему дана возможность за что-либо ухватиться. Несостоятельность теоріи самопомощи лучше всего проявилась въ самой дѣятельности представителя ея, Шульце Делича: проповѣдуя самопомощь, онъ, однакоже, посвятилъ всю свою дѣятельность на пропаганду ассоціацій, на ознакомленіе рабочаго класса съ тѣми выгодами, какія можетъ ему представить ассоціація, на руководство въ образованіи самыхъ ассоціацій, на ходатайство предъ правительствомъ о признаніи за ними юридическихъ правъ, на составленіе наконецъ банка, имѣющаго цѣлью поддержаніе ассоціацій. Замѣняя достойною уваженія дѣятельностью своею и лицъ, преданныхъ интересамъ народа, дѣятельность государства, онъ тѣмъ самымъ живымъ примѣромъ доказалъ несостоятельность принципа самопомощи и подтвердилъ необходимость помощи извнѣ.

Поэтому, считая ассоціацію однимъ изъ могущественныхъ дѣятелей въ экономической жизни народа и не считая возможнымъ разсчитывать на то, что ассоціація можетъ развиться путемъ одной самопомощи, нельзя не признать государственную помощь въ этомъ дѣлѣ необходимою въ прямомъ интересѣ народа. Въ чемъ должна быть эта помощь, это вопросъ другой, который можетъ выясниться только при серьезномъ изученіи экономическихъ условій каждой отдѣльной страны, и при самомъ разъясненіи экономическаго значенія и силы ассоціацій.

Все, сказанное мною объ ассоціаціяхъ вообще, должно имѣть без-

условное примѣненіе и къ Россіи. Зависимость того или другаго вида ассоціацій и внутренней организаціи ихъ отъ чисто мѣстныхъ, физическихъ и соціальныхъ условій необходимо заставляетъ прійти къ убѣжденію, что формы развившихся въ западной Европѣ ассоціацій не могутъ служить обязательными образцами для ассоціацій въ Россіи; что формы эти, какъ достигшія уже извѣстнаго развитія, должны только служить руководствомъ, при вырабатываніи формъ, на основаніи дѣйствительныхъ экономическихъ потребностей, вытекающихъ изъ чисто мѣстныхъ условій народнаго быта. Къ этому заключенію должно прійти еще тѣмъ рѣшительнѣе, что самыя условія, какъ физическія, такъ и соціальныя, Россіи во многомъ рѣзко отличаются отъ условій, преобладающихъ въ западной Европѣ. Недостаточность населенія, огромныя пространства земель, трудность сообщенія, климатъ, бѣдность природы, съ другой стороны—огромная масса населенія, занимающагося самостоятельнымъ производствомъ, земледѣльческимъ или промышленнымъ, и ничтожное, сравнительно съ ремесленнымъ трудомъ, развитіе фабричной промышленности, едва занимающей милліонъ рабочихъ, рѣзко отличаютъ условія быта нашего народа отъ условій соціальнаго европейскаго быта. Освобожденіе крестьянъ съ землей сдѣлало Россію въ соціальномъ смыслѣ tabula rasa, на которой еще открыта возможность написать ту или другую будущность. Эта возможность начать съ начала и положить зародыши будущаго развитія возлагаетъ на представителей умственной жизни въ Россіи широкую задачу: руководствуясь опытомъ другихъ странъ, избѣжать тѣхъ ошибокъ, исправленіе которыхъ теперь составляетъ тамъ заботу всѣхъ передовыхъ дѣятелей. Важность этой задачи, выпавшей на долю дѣйствующихъ поколѣній, требуетъ отъ нихъ напряженія всѣхъ умственныхъ силъ, самой добросовѣстной работы, недопускающей никакихъ предвзятыхъ идей, никакого обезьянничества. Все сдѣланное теперь отзовется на всей будущей жизни Россіи; всякій промахъ, всякое легкомысленное рѣшеніе падетъ тяжелымъ проклятіемъ на теперешнее поколѣніе.

Развитіе экономическихъ условій страны составляетъ корень соціальной жизни всякой страны, а потому и въ Россіи экономическіе вопросы должны стоять въ настоящее время на первомъ планѣ. Правда, они принадлежатъ къ числу вопросовъ наиболѣе трудныхъ и можетъ быть не столь блестящихъ, какими представляются другіе вопросы; но неужели сознанія важности задачи недостаточно для того,

чтобы блескъ предпочесть дѣлу; неужели въ насъ не найдется настолько энергіи, чтобы не уподобиться лѣнтяямъ, откладывающимъ трудную работу на завтра и забывающимъ, что завтра можетъ-быть уже будетъ поздно?

Въ числѣ экономическихъ вопросовъ, стоящихъ въ настоящее время на очереди въ Россіи, безъ всякаго сомнѣнія вопросъ о развитіи ассоціацій имѣетъ весьма важное значеніе. Едва ли кто будетъ отрицать существованіе въ Россіи препятствій къ развитію благосостоянія въ народѣ, препятствій, являющихся какъ со стороны внѣшней природы, такъ и со стороны ея соціальнаго устройства. Безсиліе въ борьбѣ съ этими препятствіями единичныхъ личностей уже съ давняго времени привело народъ къ самозащитѣ путемъ сгруппированія силъ, въ видѣ первобытной формы артелей, не основанныхъ на какомъ либо формальномъ договорѣ, а на совѣсти и на сложившихся обычаяхъ. Эта первобытная форма народныхъ артелей сохранилась до сихъ поръ; ее часто противоставляютъ ассоціаціамъ и на основаніи существованія артелей отрицаютъ возможность развитія у насъ ассоціацій. Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, надо указать, въ чемъ именно заключается различіе артелей отъ ассоціаціи. По содержанію своему они представляютъ одинъ и тотъ же принципъ самозащиты; разница между ассоціацiей и артелью чисто внѣшняя; въ то время, какъ артель только терпится закономъ и основывается большею частью на взаимномъ довѣріи членовъ и уваженіи сложившихся въ этомъ отношеніи обычаевъ, ассоціація представляетъ собою форму юридическую, основанную на письменномъ договорѣ или уставѣ, и пользуется правами юридическаго лица. Очевидно, что здѣсь вся разница заключается только въ развитіи. Какъ переходная форма отъ артели къ правильно организованной ассоціаціи, являются артели, основанныя на письменномъ договорѣ, или ассоціаціи, имѣющія уставы, не утвержденные правительствомъ. Этотъ переходъ отъ обычной формы къ формѣ юридической обусловливается общимъ юридическимъ развитіемъ народа. Въ этомъ западно-европейскіе народы далеко опередили насъ, а потому самыя формы сгруппированія силъ приняли тамъ болѣе правильный видъ договоровъ или уставовъ. Эта чисто внѣшняя разница артели и ассоціаціи, стоящая въ связи съ юридическимъ развитіемъ народа, указываетъ на неизбѣжность, вмѣстѣ съ развитіемъ юридическихъ понятій въ народѣ, перехода артелей изъ того вида, въ какомъ онѣ существуютъ въ настоящее время, въ формы

болѣе усовершенствованныя [illegible] формы [illegible] въ западно-европейскимъ ассоціаціямъ [illegible] послѣдствій введенія гласнаго суда въ [illegible] — [illegible] въ народѣ понятія [illegible] — [illegible], что время [illegible] до сихъ поръ на [illegible] въ формы [illegible] а съ тѣмъ [illegible] въ формамъ [illegible] въ настоящее время [illegible] благосостоянія народа.

При этомъ [illegible] развитія [illegible] въ западной Европѣ [illegible] для рѣшенія этой задачи [illegible] ассоціацій въ западной Европы и распространеніе ихъ въ Россіи не справлялись ни съ мѣстными потребностями, ни съ условіями развитія народа [illegible] западно-европейскихъ ассоціацій [illegible] къ потребностямъ народа [illegible] ассоціацій, чтобы [illegible] формы [illegible] въ связи съ экономическими условіями страны [illegible] народнаго благосостоянія. Безусловные поклонники запада во что бы то ни стало придерживаются чужаго взгляда и выражаютъ доводами космополитичности науки. Въ подтвержденіе своего довода они ссылаются на [illegible] въ ассоціаціяхъ, которыя уже сдѣланы въ Россіи, и указываютъ преимущественно на ссудо-сберегатель-ныя товарищества, устроившіяся у насъ по образцу, подходящему къ европейскому. Доводы эти однакоже весьма шатки и только распространяютъ совершенно ложныя воззрѣнія о необходимости безусловнаго подражанія. О космополитичности науки едвали можно говорить, когда дѣло идетъ не о принципахъ науки, а о практическомъ примѣненіи ихъ, въ особенности же въ вопросахъ, непосредственно стоящихъ въ связи съ соціальными явленіями, далеко не соотвѣтствующими наукѣ. Примѣръ развитія ссудо-сберегат. товариществъ нисколько не можетъ служить подтвержденіемъ доводовъ въ пользу безусловнаго подражанія. Во 1-хъ, ссудо-сберегательныя товарищества удовлетворяютъ потребность такую, которая не можетъ представить особеннаго разнообразія и проявляется почти одинаково вездѣ. Сходство уставовъ развившихся въ Россіи ссудо-сберегательныхъ товариществъ съ герман-

скими доказываетъ только, что потребности народнаго кредита въ Россіи болѣе или менѣе сходны съ германскими, не болѣе. Во 2-хъ, хотя ссудо-сберегательныя товарищества въ основаніяхъ своихъ сходны съ германскими кредитными ассоціаціями, тѣмъ не менѣе въ нихъ отразилась одна черта, которая отличаетъ ихъ отъ германскихъ и вноситъ въ нихъ колоритъ чисто мѣстный, русскій. Черта эта—безусловное равенство въ правахъ членовъ на одинаковый кредитъ, вытекающее изъ особенностей распредѣленія состоятельности въ нашемъ сельскомъ населеніи. Село или волость не представляетъ широкаго разнообразія состоятельностей; за исключеніемъ нѣсколькихъ богачей-кулаковъ и извѣстной части совершенно нищихъ, остальная часть населенія подходитъ подъ одинъ уровень одинаково нуждающагося населенія. Необходимость открыть доступъ въ товарищество этому главному большинству населенія и необходимость гарантировать имъ пользованіе кредитомъ отъ захвата нѣсколькихъ, часто господствующихъ въ селѣ кулаковъ заставили ввести одинаковый кредитъ для всѣхъ членовъ, что составляетъ коренное отступленіе отъ германскихъ кредитныхъ товариществъ, гдѣ права членовъ на кредитъ измѣняются сообразно нравственной и матерьяльной оцѣнкѣ состоятельности ихъ.

При этомъ мы считаемъ необходимымъ напомнить, до какой степени печально окончилась попытка водворенія въ Россіи потребительныхъ обществъ по образцу нѣмецкихъ; изъ 60 образовавшихся въ Россіи потребительныхъ обществъ, едва ли наберется нѣсколько, которымъ удалось достигнуть значительнаго развитія, а главное, ихъ существенной цѣли—удешевленія продуктовъ. Такимъ образомъ практика, нисколько не подтверждая безусловной примѣнимости къ условіямъ нашего быта формъ европейскихъ ассоціацій, скорѣе подтверждаетъ доводъ противный. Ссудо-сберегательныя товарищества успѣхомъ своимъ обязаны именно тому, что они принаровлены къ потребностямъ и развитію большинства.

При отрицаніи возможности безусловнаго подражанія европейскимъ образцамъ и при признаніи существованія потребности къ сгруппированію силъ и необходимости перехода нашей первобытной формы артели въ формы, болѣе соотвѣтствующія современному развитію общества, естественно возникаетъ вопросъ, какія же формы могутъ быть предложены для удовлетворенія этой потребности? Отвѣтъ на этотъ вопросъ вытекаетъ самъ собой. Не зная достаточно дѣй-

ствительныхъ нуждъ народа, экономическихъ условій его производства, препятствій, представляющихся ему со стороны физическихъ и соціальныхъ условій страны, мы не можемъ предложить теперь какую-либо форму, которая бы имѣла значеніе серьезнаго отвѣта на вопросъ. Только запасшись необходимыми свѣдѣніями, мы будемъ имѣть возможность разрѣшить задачу, какіе виды ассоціаціи возможны въ Россіи и въ какой формѣ. Свѣдѣній этихъ, къ сожалѣнію, литература даетъ намъ очень мало. Поэтому всякая попытка облеченія артелей въ какую-либо обязательную форму и вообще навязываніе въ настоящее время какой-либо обязательной формы для проявляющагося стремленія къ ассоціаціи не только не можетъ считаться желательнымъ, но должно быть признано положительно вреднымъ. Оно не только помѣшало бы правильному разрѣшенію задачи, но могло бы, не создавъ ничего живаго, погубить и то, что уже существуетъ. Для того же, чтобы прійти къ разрѣшенію поставленнаго вопроса, необходимо серьезное и строгое изслѣдованіе экономическихъ условій труда и производства въ Россіи, необходимо выясненіе препятствій, встрѣчаемыхъ народомъ къ достиженію благосостоянія, и возможности преодолѣнія ихъ путемъ сгруппированія разрозненныхъ силъ. Только такимъ путемъ будетъ положено основаніе прочному развитію ассоціаціоннаго начала въ Россіи, только такимъ путемъ ассоціація и артель— сдѣлаются дѣйствительнымъ регуляторомъ неравенства экономическихъ условій.

Оканчивая настоящую статью, я позволю себѣ снова повторить, что я не имѣлъ претензіи создавать теоріи ассоціаціи; цѣль моя заключалась въ томъ, чтобы показать, что ученіе объ ассоціаціяхъ далеко еще не представляетъ собою вопроса исчерпаннаго, въ которомъ бы все слагалось въ извѣстныя формулы и подчинялось извѣстнымъ законамъ; что, напротивъ того, оно представляетъ еще цѣлый рядъ вопросовъ, требующихъ серьезнаго изученія. Я хотѣлъ показать, что настало и у насъ время, кромѣ простаго ознакомленія съ европейскою жизнью, заняться изученіемъ нашей собственной жизни.

А. Яковлевъ.

ССУДО-СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЯ
ТОВАРИЩЕСТВА ВЪ РОССІИ *).

Въ настоящей статьѣ я имѣю въ виду представить краткій, но по возможности полный очеркъ настоящаго положенія дѣла ссудныхъ товариществъ въ Россіи. Я опасаюсь только, что статья эта покажется до нѣкоторой степени одностороннею, такъ какъ я не коснусь, или по крайней мѣрѣ коснусь очень слегка, общаго вопроса о народномъ кредитѣ. Я считаю себя въ правѣ обойти эту сторону вопроса по слѣдующимъ двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому, что, говоря откровенно, я не считаю себя въ столь важномъ и сложномъ вопросѣ, какъ народный кредитъ, вполнѣ компетентнымъ судьею; во вторыхъ, потому, что я считаю избранный мною способъ изложенія, если можно такъ выразиться, эмпирическій, болѣе полезнымъ въ настоящемъ положеніи дѣла—не потому, чтобы я считалъ практику выше науки, но потому собственно, что сомнѣнія, возраженія противъ этого дѣла, по крайней мѣрѣ въ началѣ его, исходили не изъ среды людей науки, но большею частію изъ той среды людей мнительнаго, подозрительнаго нрава, которые сами себя—нѣсколько, впрочемъ, самовластно—именуютъ людьми практическими. Я имѣю главнымъ образомъ въ виду убѣдить этихъ людей въ возможности примѣненія ассоціаціоннаго начала къ народному кредиту въ Россіи. Такъ какъ возраженія противъ

*) Статья эта была предметомъ доклада, сдѣланнаго княземъ Васильчиковымъ 14-го марта въ Имп. вольн. экон. обществѣ.

возможности примѣненія ассоціаціи къ народному кредиту въ Россіи почти всегда исходили изъ точки зрѣнія практической, то я и прибѣгну къ положительнымъ, практическимъ выводамъ, извлеченнымъ изъ данныхъ и фактовъ нынѣ дѣйствующихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Впрочемъ, я долженъ измѣнить только-что данному слову не касаться теоріи; я все-таки долженъ коснуться научной стороны вопроса, но коснусь ее лишь настолько, насколько это необходимо для того, чтобы очертить рамку настоящаго изложенія.

Главное значеніе ссудо-сберегательныхъ товариществъ состоитъ въ томъ, что они пополняютъ огромный пробѣлъ, который до послѣдняго времени, не смотря на всѣ успѣхи экономической науки, все-таки оставался непополненнымъ. Пробѣлъ этотъ — совершенное пренебреженіе какъ къ теоріи народнаго кредита, такъ и къ осуществленію его на практикѣ. Наука и практика внимательно и глубоко разработали всѣ многоразличные вопросы о кредитѣ поземельномъ, коммерческомъ, торговомъ; но кредитъ народный, доступный большинству населенія, оставался нетронутымъ. Правда, поименованные мною другіе виды кредита назывались иногда также народными, но это названіе приписывалось имъ по злоупотребленію словомъ, такъ какъ въ дѣйствительности они удовлетворяли только потребностямъ счастливыхъ избранныхъ. Вообще слово «*народный*», мнѣ кажется, употреблялось и употребляется весьма часто всуе. *Народнымъ* зовутъ и просвѣщеніе, хотя оно до новѣйшаго времени исключительно обращалось къ образованію средняго и высшаго сословія; *народнымъ* называютъ и продовольствіе, хотя мѣропріятія по этому предмету большею частію доставляли очень скудныя средства и очень незначительному меньшинству населенія; *народнымъ* называли и здравіе, хотя медицинскія пособія до простаго народа весьма рѣдко достигали; наконецъ, *народнымъ* называли и кредитъ, хотя онъ давался только подъ залогъ такого имущества, движимаго и недвижимаго, какого у народа нѣтъ, или подъ учетъ такихъ бумагъ, какихъ въ простомъ народѣ въ обращеніи не существуетъ. Я далекъ отъ мысли осуждать и отвергать пользу всѣхъ этихъ спеціальныхъ кредитовъ; я полагаю, что всѣ они нужны для полнаго понятія о народномъ кредитѣ. Но точно такъ, какъ въ тѣлесномъ организмѣ кровь выработывается въ сердцѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и жилы, артеріи, которыя проводятъ эту кровь во всѣ части тѣла, точно также я полагаю, что и мелкія кредитныя общества, въ родѣ ссудо-сберегательныхъ товари-

ществъ, должны существовать для проведенія кредита изъ центральныхъ банковъ—государственнаго и частныхъ—въ низшіе слои народа. Мнѣ кажется, что только тамъ, гдѣ эта цѣль будетъ достигнута, гдѣ это свободное обращеніе вполнѣ будетъ устроено, только тамъ, въ той благословенной странѣ, гдѣ это преобразованіе совершится, можно будетъ сказать, что народный кредитъ основанъ.

Затѣмъ я считаю нужнымъ перейти и къ опредѣленію этого понятія, которое въ такихъ общихъ выраженіяхъ могло представиться нѣсколько темнымъ. Я полагаю, что условія, которыя характеризуютъ народный кредитъ, суть слѣдующія: онъ долженъ быть мѣстнымъ, онъ долженъ быть личнымъ, онъ долженъ быть мелкимъ. И только при этихъ трехъ условіяхъ онъ достигнетъ своей цѣли—быть общедоступнымъ, что я и называю народнымъ. Кредитъ этотъ долженъ быть мѣстнымъ потому, что за извѣстнымъ разстояніемъ расходы и неудобства передвиженія такъ стѣснительны для бѣднаго класса народа, что поглощаютъ всѣ выгоды полученной ссуды. Онъ долженъ быть личнымъ потому, что личныя способности, личный трудъ и нѣкоторыя нравственныя качества—трудолюбіе, добросовѣстность суть единственныя гарантіи, какія простой народъ представляетъ для своего кредита. Наконецъ этотъ кредитъ долженъ быть мелкимъ, потому что опытъ всѣхъ кредитныхъ учрежденій указываетъ, что тамъ, гдѣ крупный кредитъ совмѣщается съ мелкимъ и становится съ нимъ на однихъ правахъ, тамъ онъ немедленно его подавляетъ и поглощаетъ въ свою исключительную пользу тѣ свободныя суммы и средства, которыя имѣются въ кассахъ банка. На этомъ послѣднемъ условіи—необходимости сохраненія въ народныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ только мелкаго кредита, я считаю нужнымъ нѣсколько остановиться, такъ какъ условіе это недостаточно оцѣнивается и потому забывается. При первоначальномъ введеніи ссудо-сберегательныхъ товариществъ многіе изъ учредителей пренебрегли этимъ условіемъ и допущеніемъ различныхъ паевъ и различныхъ размѣровъ ссудъ отступили отъ этого кореннаго условія, допустивъ смѣшеніе операцій мелкаго кредита съ операціями сравнительно крупнаго. Предположеніе о пользѣ такого смѣшенія совершенно ошибочно; я думаю, что точно также, какъ напр., въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, сліяніе сословій еще не достигается тѣмъ, что въ однихъ и тѣхъ же покояхъ сходятся и садятся на однихъ и тѣхъ же скамьяхъ люди и въ нѣмецкихъ платьяхъ, и въ простыхъ русскихъ кафтанахъ, точно также

сліяніе экономическихъ интересовъ еще не достигается тѣмъ, что всевозможные виды и роды кредита смѣшиваются, перетасовываются и накрываются общею фирмою взаимнаго кредита. Найти ту нить, по сю пору еще не уловленную, которая соглашаетъ и примиряетъ крупную торговлю и промышленность, крупный кредитъ съ мелкою торговлею, промышленностію и мелкими нуждами народа, — найти эту нить, которую до сихъ поръ, къ сожалѣнію, серьезно и не искали — вотъ главная задача экономическихъ обществъ и современной науки Смѣю думать, что ссудныя товарищества нѣсколько подвинули эту задачу къ разрѣшенію, не потому, чтобъ они могли удовлетворить всѣмъ потребностямъ и нуждамъ народа—до этого имъ, разумѣется, еще далеко, но потому, что они открываютъ для изслѣдованія дѣйствительнаго экономическаго быта простого народа такой обильный и вѣрный источникъ, какого, я думаю, наука сама по себѣ найти не можетъ. Съ этой точки зрѣнія я бы и хотѣлъ представить въ моей статьѣ сводъ свѣденій, выводъ изъ фактовъ и данныхъ, взятыхъ изъ народной жизни; ссудо-сберегательныя товарищества выражаютъ цифрами и положительными данными дѣйствительныя насущныя потребности народа, со всѣми ихъ оттѣнками и условіями.

Здѣсь представляетса вопросъ о томъ, въ какой степени ассоціаціонное начало, которое уже процвѣтаетъ въ Европѣ, можетъ быть примѣнимо къ нашему народному быту? Когда нѣсколько лицъ дѣлали попытки примѣненія ссудо-сберегательныхъ товариществъ къ нашему сельскому населенію, то часто слышались упреки, что будто бы они только подражаютъ нѣмецкимъ ферейнамъ, развившимся въ Германіи подъ руководствомъ Шульце-Делича и непригоднымъ для Россіи. Когда уже въ самомъ началѣ дѣла ставили въ непремѣнную обязанность измѣнить эти основы и принять другія, своеобразныя формы, то я прежде всего старался обратиться къ изслѣдованію вопроса, въ чемъ именно наша русская натура, нашъ славянскій бытъ такъ глубоко различаются отъ иноплеменнаго быта, и почему мы должны a priori измѣнить условія учрежденій народнаго кредита въ Россіи? Я пришелъ въ этомъ отношеніи къ убѣжденію, что всѣ народы проходили въ экономическомъ своемъ развитіи почти одинъ и тотъ же путь, что они встрѣчали почти одинаковыя препятствія къ этому развитію и преодолѣвали ихъ средствами, очень подобными тѣмъ, которыя и нынѣ предлагаются. Поэтому, я никогда не видѣлъ положительнаго основанія съ самаго начала дѣла уже прибѣгать къ

своеобразнымъ формамъ въ дѣлѣ народнаго кредита, въ то время, когда въ другихъ странахъ для удовлетворенія той же потребности кредита выработались уже извѣстныя формы и представляли очень удовлетворительные результаты. Но есть, однакоже,—я въ этомъ долженъ сознаться,—одна радикальная и глубокая черта различія между нашимъ народнымъ бытомъ и всѣми иноплеменными: это—преобладаніе въ Россіи сельскаго населенія, и въ этомъ населеніи—осѣдлаго, домовитаго сословія крестьянъ-домохозяевъ. Это различіе составляетъ, дѣйствительно, хотя узкую и незамѣтную, но глубокую межу, живое урочище, отдѣляющее русское крестьянство отъ иностраннаго пролетаріата; оно-то, по моему мнѣнію, и имѣетъ вліяніе на всѣ учрежденія сельско-хозяйственныя кредитныя, предлагаемыя въ нашемъ отечествѣ. Это вліяніе обнаруживается въ слѣдующихъ главныхъ явленіяхъ: 1) если кредитъ въ той формѣ, въ которой я его старался опредѣлить, какъ кредитъ общедоступный, признается нужнымъ и полезнымъ въ другихъ странахъ, гдѣ большинство населенія состоитъ изъ фабричныхъ, бездомныхъ и безземельныхъ рабочихъ, то во сто кратъ болѣе онъ представляется необходимымъ въ Россіи, гдѣ огромное большинство населенія состоитъ изъ крестьянъ землевладѣльцевъ, эксплуатирующихъ свои собственныя земли. Одна изъ элементарныхъ истинъ въ наукѣ народнаго хозяйства есть та, что никакая промышленность не нуждается столько въ затратахъ, какъ земледѣліе, что никакое сельско-хозяйственное преуспѣяніе не мыслимо безъ нѣкоторыхъ авансовъ. И такъ какъ для бѣднаго класса затраты невозможны безъ ссудъ, то очевидно, что первое условіе преуспѣянія сельскаго хозяйства есть дарованіе ему кредита. 2) Переходя къ формамъ кредитныхъ ассоціацій, выработаннымъ въ Германіи, я не только нахожу, что формы эти пригодны для нашего отечества, но даже позволяю себѣ выразить мысль, что онѣ гораздо лучше приспособляются къ нашему сельскому быту, чѣмъ къ быту рабочихъ классовъ средней и западной Европы. Извѣстно, что въ наше время возникло противъ ассоціацій по образцу Шульце-Делича весьма сильное противодѣйствіе въ самой Германіи, именно отъ извѣстнаго дѣятеля Лассаля. Онъ упрекалъ эти товарищества въ томъ, что они не достигаютъ цѣли своей, именно въ томъ отношеніи, что фабричные рабочіе не имѣютъ ни своего капитала, ни имущества, а потому не имѣютъ къ чему примѣнить ссуды и авансы, имъ предлагаемые; что для нихъ нужны не кредитныя ассоціаціи, а образованіе произво-

дительныхъ ассоціацій, путемъ сбереженія и государственной помощи; что это условіе составленія собственнаго самостоятельнаго капитала и есть единственное средство для фабричныхъ рабочихъ достичь самостоятельности и выйти изъ-подъ кабалы капиталистовъ-фабрикантовъ. Хотя я не вполнѣ раздѣляю это мнѣніе, но не могу не признать въ немъ нѣкоторой весьма разумной основы. Но дѣло въ томъ, что у насъ въ Россіи этотъ вопросъ представляется въ совершенно обратномъ смыслѣ. Если въ Германіи, при многочисленности фабричнаго класса, кредитныя ассоціаціи не могутъ удовлетворять потребностямъ значительной части населенія, то у насъ, напротивъ, при преобладаніи въ населеніи класса самостоятельныхъ мелкихъ крестьянъ землевладѣльцевъ и земледѣльцевъ, ссудныя операціи, удовлетворяемыя кредитными ассоціаціями, получаютъ первенствующее значеніе. Кредитныя ассоціаціи въ Россіи настолько нужнѣе для народа, сравнительно съ потребностью въ нихъ въ Германіи, насколько нашъ классъ мелкихъ крестьянъ-собственниковъ и хозяевъ многочисленнѣе, чѣмъ въ средней Европѣ. 3) Наконецъ, фактъ почти исключительнаго преобладанія у насъ земледѣльческихъ промысловъ указываетъ на тотъ предметъ, на который прежде всего нужно обратить вниманіе при организаціи народнаго кредита. Мнѣ кажется, что необходимо вникнуть на самыхъ мѣстахъ въ тѣ условія, которыя въ каждой мѣстности для кредита наиболѣе пригодны; нужно уразумѣть и изслѣдовать, какіе именно сроки, какіе размѣры паевъ, ссудъ, вкладовъ наиболѣе требуются для нашего крестьянства. Этихъ указаній ни опытъ германскихъ ферейновъ, ни теорія a priori дать не могутъ; только положительный опытъ долженъ быть руководителемъ въ этомъ отношеніи; только онъ можетъ вѣрно указать требуемыя для народнаго кредита условія.

Вотъ собственно тѣ немногія слова, которыя я хотѣлъ предпослать, чтобы обрисовать мой общій взглядъ на этотъ предметъ.

Затѣмъ постараюсь представить краткій, весьма бѣглый историческій очеркъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ Россіи. Первая заслуга по этому дѣлу принадлежитъ человѣку нынѣ покойному, и если голоса людей, глубоко убѣжденныхъ въ великихъ послѣдствіяхъ его скромныхъ начинаній, достигнутъ до него, то я считаю долгомъ упомянуть здѣсь о Святославѣ Федоровичѣ Лугининѣ, первомъ учредителѣ перваго ссудо-сберегательнаго товарищества въ Россіи, въ селѣ Рождественскомъ, Костромской губерніи, Ветлужскаго уѣзда.

Вторая заслуга принадлежитъ гг. Яковлеву *) и Колюпанову **), которые изданными ими сочиненіями въ 1869 и 1870 г. объяснили этотъ предметъ популярно и наглядно, обратили вниманіе нашего общества на этотъ весьма важный предметъ, который до того времени мало былъ извѣстенъ. Они, можно сказать, пустили все дѣло въ ходъ. Далѣе открывается періодъ промежуточныхъ дѣйствій, о которыхъ лучше было бы вовсе умолчать: были разные опыты, соглашенія, доклады, коммисіи, опыты болѣе или менѣе удачные, но скорѣе, можно сказать, неудачные. Самое начало практическаго осуществленія должно отнести къ лѣту 1870 г., когда одновременно г. Вл. Ф. Лугининъ, братъ учредителя перваго рождественскаго товарищества, и г. Яковлевъ издали популярную брошюру: «Сельскія ссудныя товарищества», послужившую руководствомъ къ практическому устройству кредитныхъ товариществъ, и когда по иниціативѣ предсѣдателя новгородской губернской управы Н Н. Фирсова и по постановленію губернскаго собранія былъ выработанъ первоначальный, впрочемъ весьма грубый еще проэктъ устава для ссудо-сберегательныхъ товариществъ Новгородской губерніи, и вмѣстѣ съ тѣмъ назначены были отъ новгородскаго земства ссуды для образованія основнаго капитала ссудныхъ товариществъ. Затѣмъ въ теченіи осени 1870 г. открыто было 5 ссудныхъ товариществъ въ Новгородской губерніи. Къ декабрю 1870 г. въ Россіи уже существовало 16 товариществъ.

Въ декабрѣ 1870 года на бывшемъ въ Москвѣ сельско-хозяйственномъ съѣздѣ былъ представленъ А. В. Яковлевымъ докладъ о ссудныхъ товариществахъ ***), и вслѣдствіе этого учреждена была коммисія при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, которой поручено было выработать нормальный уставъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ и вообще заняться разработкой вопроса о ссудныхъ и промышленныхъ товариществахъ и артеляхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ выработать уставъ постояннаго комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ при имп. моск. общ. сел. хоз. Въ настоящее время коммисія эта обратилась уже въ утвержденный правительствомъ комитетъ. Я, какъ предсѣдатель этой коммисіи и затѣмъ комитета, не

---

*) «Очеркъ народнаго кредита въ западной Европѣ и въ Россіи.»

**) «Практич. руководство къ устройству сельскихъ банковъ въ Россіи».

***) Протоколъ засѣданія 27 декабря 1870 г. 2 съѣзда сельскихъ хозяевъ, бывшаго при Имп. моск. общ. сел. хоз. Ц. 15 к.

считаю себя въ правѣ описывать ея дальнѣйшія дѣйств ія. Я желалъ бы только, чтобы дѣйствія эти выяснились изъ тѣхъ фактовъ, которые я въ настоящей статьѣ представлю *).

. Къ настоящему времени открыто и утверждено уже 66 товариществъ; число членовъ въ этихъ товариществахъ по меньшей мѣрѣ нужно предполагать въ 15 тысячъ человѣкъ, хотя положительныхъ свѣденій объ этомъ еще нѣтъ. Я вывожу эту сумму 15 тысячъ изъ средней сложности числа членовъ тѣхъ товариществъ, которыя представили уже свои отчеты по 1-е января 1872 г. Кромѣ того, въ разныхъ мѣстахъ Россіи открылись другія народныя кредитныя общества, которыя существуютъ въ совершенно разнообразныхъ и, къ сожалѣнію, неудовлетворительныхъ формахъ. Такъ напр., на Уралѣ, въ приуральскихъ заводахъ, Пермской губерніи, имѣются такъ называемыя горнозаводскія товарищества, числомъ около 17, съ капиталомъ въ 61,430 рублей.

Прежде чѣмъ говорить о выводахъ, которые представляютъ отчеты товариществъ, я остановлюсь на нѣкоторыхъ вопросахъ, которые, такъ сказать, представляются сами собою и на которые опытъ даетъ уже довольно положительные отвѣты. Первый представляющійся вопросъ состоитъ въ томъ, въ какомъ районѣ разстоянія и въ какомъ составѣ членовъ всего удобнѣе и полезнѣе могутъ дѣйствовать ссудо-сберегательныя товарищества. Въ этомъ отношеніи самымъ естественнымъ и самымъ удобнымъ предѣломъ для операцій ссудо-сберегательныхъ товариществъ есть все-таки волость или церковный приходъ. Я вовсе не разумѣю подъ этимъ опредѣленіемъ территоріальный округъ, именно соотвѣтствующій волости или приходу; но я полагаю, что волость, какъ центръ, къ которому народъ привыкъ сходиться для судебныхъ и мірскихъ разбирательствъ, и церковь, куда народъ ходитъ для исполненія своихъ религіозныхъ обязанностей, что это составляетъ уже такой центръ, который заводитъ между прихожанами или членами одной волости такія связи, знакомства, которыя ничѣмъ другимъ замѣнены быть не могутъ и кото-

*) Коммисія выработала образцовый уставъ для ссудо-сберегательныхъ товариществъ, который одобренъ министромъ финансовъ по соглашенію съ мин. вн. дѣлъ. Товарищества, принимающія этотъ уставъ, получаютъ утвержденіе въ двѣ недѣли, тогда какъ до этого утвержденіе уставовъ требовало три и четыре мѣсяца; уставъ этотъ напечатанъ вмѣстѣ съ объясненіями въ отдѣльной брошюрѣ: «Сельскія ссудо-сберегательныя товарищества». Брошюра эта издана коммисіею и разослана безплатно во всѣ управы.

рыя для успѣха товарищества имѣютъ существенное значеніе. Я полагаю, что только въ видѣ исключенія можно допустить составъ этихъ ссудныхъ товариществъ изъ двухъ или болѣе волостей или, лучше сказать, только ближайшихъ деревень этихъ волостей, находящихся отъ центра ссудныхъ товариществъ на разстояніи отъ 20 до 25 верстъ. Это разстояніе я тоже принимаю не произвольно; я полагаю, что въ сельскомъ быту сообщеніе удобно и возможно только на томъ разстояніи, которое пѣшеходъ можетъ пройти безъ особенныхъ усилій въ теченіи одного дня взадъ и впередъ. Условіе закладывать лошадь и выѣзжать на ней такъ стѣснительно для крестьянина, что онъ часто отказывается отъ значительныхъ выгодъ, чтобы только избѣгнуть этой крайности—въ будни потому, что лошадь работаетъ, въ праздникъ потому, что крестьянская лошадь въ эти дни только и возобновляетъ свои силы, истраченныя въ теченіи тяжелой шестидневной работы. Поэтому, районъ дѣйствій товарищества естественно опредѣляется возможностью пѣшеходнаго сообщенія.

Что касается состава членовъ ссудныхъ товариществъ, то и здѣсь нормы волостнаго населенія приблизительно совпадаютъ съ удобствами товарищества. Примѣрный разсчетъ я дѣлалъ такимъ образомъ: такъ какъ въ средней сложности, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ губерніяхъ, въ волости оказывается около 2,000 ревизскихъ душъ и по среднему статистическому выводу приходится около $3^1/_4$ ревизскихъ душъ на одинъ дворъ, т. е. на одного домохозяина, то и можно принять населеніе волости среднимъ числомъ въ 600 человѣкъ домохозяевъ. Изъ этихъ 600 человѣкъ я—тоже нѣсколько гадательно, однако приблизительно вѣрно, по опыту дѣйствующихъ нынѣ товариществъ—принимаю, что около $^2/_3$ этого количества могутъ и должны быть постепенно приняты въ члены ссудныхъ товариществъ. Затѣмъ дѣйствительно, я думаю, что остальная $^1/_3$ останется внѣ круга дѣйствія этихъ учрежденій и что эта $^1/_3$ должна подраздѣлиться еще на 2 половины: $^1/_6$ состоитъ изъ домохозяевъ, которые въ томъ размѣрѣ кредита, который даютъ товарищества, не нуждаются, т. е. изъ крестьянъ зажиточныхъ, а другая $^1/_6$ будетъ состоять изъ такихъ лицъ, которыя или впали уже въ совершенную нищету, исключающую для нихъ возможность помощи кредитомъ, или, не имѣя самостоятельнаго производства, не имѣютъ потребности въ кредитѣ, или которыя, наконецъ, не могутъ быть приняты въ товарищество по своей нравственной несостоятельности. Та-

кимъ образомъ каждая волость среднимъ числомъ можетъ дать 400 членовъ, что для успѣшности операцій ссудо-сберегательнаго товарищества совершенно достаточно. При большемъ числѣ членовъ значительно затруднится успѣшность дѣйствій правленія и едва-ли будетъ возможно знакомство членовъ между собою, что составляетъ, между тѣмъ, главную основу товарищества.

Здѣсь представляется самъ собою вопросъ: будетъ-ли кредитъ, открываемый ссудными товариществами, доступенъ бѣднѣйшему классу крестьянскаго населенія и достигнутъ-ли эти учрежденія предполагаемой цѣли, именно оказать помощь и кредитъ массѣ народа?

На первый вопросъ я отвѣчаю отрицательно, а на второй все-таки утвердительно, хотя я и сказалъ, что извѣстная часть населенія, по той или другой причинѣ, не можетъ пользоваться услугами кредитныхъ товариществъ. Дѣло въ томъ, что за исключеніемъ этой части, остается громадная масса народа, которой ссудосберегательныя товарищества должны принести дѣйствительную и несомнѣнную пользу. Я старался уловить ту черту, при которой, по понятію самихъ крестьянъ, прекращается состоятельность крестьянина и довѣріе къ нему членовъ товарищества, я подслушивалъ разговоры ихъ, иногда происходящіе даже вполголоса, при пріемѣ и шарованіи новыхъ членовъ. Я пришелъ къ слѣдующему заключенію, которое было подтверждено и другими лицами, дѣлавшими наблюденія. Если при предложеніи новаго кандидата по справкамъ оказывается, что у него есть хотя бы одна лошадь и одна корова, то онъ всегда имѣетъ много шансовъ быть принятымъ въ члены, если только за нимъ нѣтъ другихъ пороковъ и недостатковъ. Но если тутъ же заявляется, что онъ продалъ послѣднюю коровенку и заморилъ лошадь, или что онъ землю запродалъ въ чужія руки, т. е. когда онъ теряетъ значеніе самостоятельнаго производителя, тогда дѣйствительно пріемъ его дѣлается сомнительнымъ и большая часть этихъ кандидатовъ забаллотировывается безпощадно.

На этомъ основаніи я уже слышалъ и читалъ упреки, дѣлаемые товариществамъ, что они вращаются исключительно въ кругу зажиточныхъ крестьянъ, не достигая бѣднѣйшаго класса, бѣднѣйшихъ слоевъ сельскаго населенія, и одинъ даже очень прогрессивный журналъ пришелъ къ тому заключенію, что ссудныя товарищества имѣютъ только цѣлію или могутъ имѣть только одно послѣдствіе,—подготовленіе фермеровъ, съемщиковъ для помѣщичьихъ земель. Но уже одни

размѣры ссудъ, которыя получаютъ заемщики въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, показываютъ, насколько этотъ намекъ справедливъ. Если бы существовалъ такой умыселъ, то существовало бы и стремленіе къ возвышенію размѣровъ ссудъ и паевъ; нельзя допустить, чтобы ссудою въ 50 р.,—каковой размѣръ, вообще говоря, и не достигается въ настоящее время,—можно было пріобрѣсти какого нибудь надежнаго фермера или съемщика для значительной запашки. Затѣмъ я соглашаюсь съ упомянутымъ журналомъ и его единомышленниками, что кредитъ этотъ остается недоступнымъ для извѣстнаго меньшинства сельскаго населенія, что онъ не вполнѣ достигаетъ цѣли, потому что человѣку совершенно бездомному, не имѣющему самостоятельнаго промысла, не къ чему прикладывать даруемый ему кредитъ, не изъ чего возвращать получаемыя ссуды.

Но мнѣ кажется, что въ Россіи недоступность кредита въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ для нѣкоторой части населенія не имѣетъ такого серьезнаго значенія, чтобы отрицать вслѣдствіе этого самую пользу ихъ. Пролетаріатъ, къ сожалѣнію, дѣйствительно зарождается въ Россіи; можно сказать даже, что онъ ростетъ довольно быстро; но онъ далеко еще не имѣетъ тѣхъ ужасающихъ размѣровъ, которые онъ принялъ въ другихъ странахъ. Мы допускаемъ, что извѣстное, но незначительное меньшинство останется исключеннымъ изъ дѣйствій кредитныхъ операцій; но мы полагаемъ, что если какая нибудь незначительная часть и будетъ оставлена въ сторонѣ, то все-таки польза этихъ товариществъ заключается въ томъ, что они могутъ выручить и спасти остальное огромное большинство, что они могутъ предупредить и остановить дальнѣйшее обѣднѣніе земледѣльческаго класса и вообще предотвратить язву пролетаріата, свирѣпствующую въ Западной Европѣ и угрожающую въ будущемъ Россіи. Излѣченіе этой язвы мнѣ казалось всегда такою тяжолою задачею, которая, по крайней мѣрѣ, моему уму, моимъ понятіямъ не по силамъ. Но въ тоже время я убѣжденъ, что предупрежденіе ея возможно, если только мѣры будутъ приняты во время. Къ числу ихъ я отношу и ставлю на первомъ мѣстѣ ассоціаціи всякаго рода, и въ томъ числѣ кредитныя.

И такъ, хотя мы не можемъ утѣшаться надеждой, что ссудосберегательныя товарищества помогутъ и спасутъ отъ бѣдности все сельское населеніе Россіи, но смѣло можемъ разсчитывать на то, что они оставятъ въ сторонѣ самое незначительное меньшинство. Эти надежды подкрѣпляются и положительными фактами. Мнѣ кажется, что

лучшимъ доказательствомъ въ этомъ отношенiи можетъ служить размѣръ ссудъ и паевъ. Ибо очевидно, что еслибы эти учрежденiя дѣйствовали въ кругу крестьянъ, преимущественно зажиточныхъ, то размѣръ ссуды, положенный по уставамъ, именно отъ 80 до 100 р.— клонился бы къ повышенiю, къ достиженiю того maximum'а, который допускается по уставу. Между тѣмъ, отчеты ссудныхъ товариществъ, которые представлены, и наблюденiя тѣхъ лицъ, которыя занимаются этимъ дѣломъ, указываютъ, что размѣръ ссудъ клонится къ пониженiю, т. е. что въ большей части товариществъ среднiй размѣръ ссудъ не только не достигаетъ maximum'а, но не доходитъ даже до 1/2 высшаго размѣра. Въ одномъ товариществѣ Костромской губернiи среднiй размѣръ, правда, довольно крупный—103 р. 50 к.; въ другомъ, череповскомъ, гдѣ мѣстность очень торговая и промышленная, онъ нѣсколько превышаетъ 1/2 высшаго размѣра и равняется 58 р. 9 к.; въ Выскатскомъ товариществѣ, Гдовскаго уѣзда, среднiй размѣръ кажется довольно крупный—62 р., но такъ какъ высшiй размѣръ, положенный здѣсь—150 р., то все-таки онъ ниже 1/2. Во всѣхъ прочихъ товариществахъ размѣры останавливаются на слѣдующихъ числахъ: въ одномъ на 28 р., въ другомъ—45 р., въ третьемъ—37 р., въ четвертомъ—23 р., въ пятомъ—39 р. Среднiй же размѣръ по всѣмъ товариществамъ выходитъ 39 р. 77 к. Я думаю, что эти цифры достаточно указываютъ, что люди, пользующiеся кредитными ссудо-сберегательными товариществами, принадлежатъ къ сословiю среднему или едва-ли не бѣдному, ибо 39 рублями человѣкъ торговый и промышленный не удовольствуется.

Теперь я считаю возможнымъ перейдти къ главному предмету статьи — къ выводамъ и заключенiямъ, исходящимъ изъ дѣйствiй товариществъ и выражающимся въ цифрахъ отчетовъ, представленныхъ ими. Къ сожалѣнiю, эти свѣденiя весьма ограничены; я имѣю пока отчеты по 1 января только отъ 10 товариществъ *). Поэтому, я не хочу преувеличивать значенiе этихъ выводовъ; я соглашаюсь, что опытъ былъ слишкомъ кратокъ и ограниченъ, чтобы можно было сдѣлать изъ него положительные выводы; но все-таки я думаю, что указанiя эти могутъ быть полезны для дальнѣйшаго веденiя

*) Отчеты представлены отъ слѣдующихъ товариществъ: 1-го Череповскаго, 6 Череповскаго, Шереховскаго, Дворецкаго, Боровенскаго, Комковскаго (всѣ Новгородской губ.), Пыщугскаго (Костромской), Нестеровскаго (Тамбовской), Быстрецевскаго (Псковской) и Воиновскаго (Тульской).

дѣла. Отчеты представлены отъ 10 товариществъ; при томъ изъ этихъ 10 отчетовъ только 5 относятся къ полному году, такъ какъ остальныя товарищества открыли свои дѣйствія въ теченіи года и потому отчеты ихъ не представляютъ полныхъ заключеній о всей годовой операціи.

Отъ другихъ товариществъ тоже есть отчеты, но они составлены не на столько удовлетворительно, чтобы изъ нихъ можно было извлечь какія либо заключенія. Главныя статьи, на которыя я желалъ бы обратить вниманіе, такъ какъ онѣ послужатъ основаніемъ для дальнѣйшихъ выводовъ, слѣдующія: въ теченіи перваго года въ этихъ 10 товариществахъ, при первоначальномъ капиталѣ 13,900 р., обороты достигли 76,062 руб.; число членовъ возрасло до 2,474 и сумма частныхъ займовъ до 14,855 р., паевые взносы составляли сумму 8,590 р., изъ этого числа полныхъ паевъ внесено 47, на сумму 2,350 р. и паевыхъ долей, т. е. не полныхъ паевъ, на сумму 5,246 р., что составляетъ на одного члена около 3 р. 44 к.

Но самый главный фактъ, на который я обращаю вниманіе, есть то, что ссуды, выданныя товариществами своимъ членамъ, простирались на сумму 66,879 р., изъ которыхъ по наступившимъ уже срокамъ уплачено 25,978 р. и считается отсроченными, но не просроченными, 32 ссуды, на сумму 1,008 р.; во всѣхъ 10-ти отчетахъ убытковъ никакихъ не показано; пени за отсрочки составляютъ тоже очень незначительныя суммы. Все это показываетъ уже быстрое развитіе дѣятельности ссудо-сберегательныхъ товариществъ и довольно прочное довѣріе, которымъ они пользуется у частныхъ лицъ и у мѣстныхъ жителей.

Разсматривая размѣры паевыхъ взносовъ, мы встрѣчаемъ фактъ, бросающійся въ глаза и какъ бы свидѣтельствующій о значительной достаточности членовъ товарищества. Размѣръ паевыхъ взносовъ довольно значительно превышаетъ обязательный по уставамъ размѣръ этихъ взносовъ; именно, въ большей части товариществъ положено вносить 1 р. 80 к. въ годъ, въ треть 60 коп., а между тѣмъ въ 10-ти товариществахъ внесено отъ 1 р. 30 коп. до 7 р. 69 к.; въ средней сложности на одного члена выходитъ паевыхъ взносовъ 3 р. 44 к., значитъ противъ обязательнаго взноса болѣе на 1 р. 64 к. Но тутъ представляется маленькое недоразумѣніе. Изъ числа этихъ взносовъ нѣкоторые, но весьма немногіе, были полные и значитъ нужно бы вычесть полные взносы изъ имѣющагося количества паевыхъ взносовъ, и затѣмъ

раздѣлить эту сумму на остальное число членовъ; тогда пропорція паевыхъ взносовъ нѣсколько уменьшится и выйдетъ на одного члена паевыхъ взносовъ, только въ одинъ годъ 2 р. 53 к., — болѣе все-таки обязательнаго взноса на 73 к. Все это могло бы быть принято какъ признакъ нѣкоторой зажиточности членовъ, если бы съ другой стороны не представлялось слѣдующее, нѣсколько странное, но характеристическое соображеніе. Акуратность, эта высшая добродѣтель нѣмецкаго племени, такъ несвойственна, такъ противна нашей русской, широкой, если позволено будетъ такъ выразиться, нѣсколько неряшливой натурѣ, что крестьянинъ предпочитаетъ стѣснить себя взносомъ денегъ впередъ, чѣмъ дать себѣ трудъ вспоминать сроки и соблюдать ихъ. Въ этомъ я убѣдился по личному опыту. Мнѣ случалось видѣть крестьянъ, вступающихъ въ члены товарищества. На вопросъ, сколько онъ долженъ внести, я ему считалъ долгомъ объяснить, что на основаніи устава съ него слѣдуетъ получить 60 к. и затѣмъ вносить каждую треть по стольку же; — но товарищи начинаютъ тутъ же настаивать, чтобы онъ внесъ полный годовой взносъ, объясняютъ ему, что ему иначе придется приходить по нѣскольку разъ въ годъ, что если онъ просрочитъ взносомъ, то его исключатъ изъ числа членовъ и тогда онъ потеряетъ право получать ссуду. Такимъ образомъ крестьянинъ часто вноситъ деньги сполна или за нѣсколько сроковъ впередъ только для того, чтобы не приходить два или три раза и чтобы не вспоминать подходящаго срока платежа. Но по той или другой причинѣ, оказывается, что въ нѣкоторыхъ товариществахъ образовались съ перваго года довольно значительные собственные фонды. Въ одномъ товариществѣ, на 50 членовъ 617 руб. паевыхъ взносовъ, въ другомъ на 44 члена 900 р., въ третьемъ на 609 членовъ 2,516 р. Полныхъ же паевыхъ взносовъ очень немного: въ 10 товариществахъ ихъ поступило отъ 47 членовъ 2,350 р. Вычтя это число изъ общаго итога паевыхъ взносовъ, получимъ 6,157 р. на 2,437 членовъ, что и составитъ на одного члена 2 р. 53 к. Эти числа и указываютъ соотношеніе между крестьянами, нѣсколько зажиточными и другими крестьянами, бѣднѣйшими. Мнѣ кажется, что эти 47 членовъ, внесшихъ полные паи, принадлежатъ къ классу крестьянъ, уже стоящихъ нѣсколько выше общаго средняго уровня зажиточности нашихъ домохозяевъ, и что остальные 2,437 относятся къ тому среднему классу крестьянъ, которые занимаютъ деньги для насущныхъ, самыхъ крайнихъ своихъ

потребностей; мнѣ кажется, что это ихъ состояніе именно и выражается довольно опредѣлительно двумя числами: среднимъ размѣромъ паевыхъ взносовъ 2 р. 53 к. и среднимъ размѣромъ ссудъ 39 р. 70 к.

Одинъ изъ фактовъ, наиболѣе рисующихъ бѣдное экономическое положеніе народа, есть слабое поступленіе вкладовъ: отъ 2,474 членовъ поступило вкладовъ всего только 375 р., тогда какъ въ тоже время отъ постороннихъ лицъ представлено вкладовъ 1,006 руб. Общая сумма сбереженія членовъ вкладами относится къ общему итогу полученныхъ ими ссудъ какъ 1:179. Это можно бы было приписать недовѣрію къ самому дѣлу, потому что при открытіи дѣйствій ссудныхъ товариществъ опасаются еще довѣрять имъ денежные вклады, еслибъ такое заключеніе не противорѣчило другому, слѣдующему факту: въ то время, какъ отъ 2,474 членовъ накопилось всего вкладовъ 375 р., въ тоже время отъ постороннихъ лицъ поступило вкладовъ 1,006 р. и занято товариществами у частныхъ лицъ, большею частью крестьянъ же, безъ всякаго другого обезпеченія, кромѣ круговой поруки членовъ, 14,885 р. — Изъ сопоставленія этихъ двухъ данныхъ, ясно обозначается явленіе, которое, къ сожалѣнію, уже было подмѣчаемо часто въ Россіи: весь нашъ простой народъ состоитъ изъ двухъ главныхъ разрядовъ, именно изъ крестьянъ зажиточныхъ, промышленныхъ и торговыхъ, составляющихъ сословіе кулаковъ-аферистовъ, мелочныхъ торговцевъ, и изъ другой огромной части, которая находится въ крайне бѣдномъ положеніи. Очевидно, что эти займы, дѣлаемые товариществами большею частію у мѣстныхъ жителей, поступаютъ только отъ перваго незначительнаго меньшинства, очень зажиточныхъ домохозяевъ; незначительность же вкладовъ и множество мелкихъ ссудъ показываютъ, что всѣ прочіе еще только нуждаются въ ссудахъ, не имѣя еще никакой возможности изъ своихъ трудовыхъ копѣекъ откладывать что либо въ ссудныя товарищества въ видѣ вкладовъ.

Обращаюсь теперь къ операціи ссудъ. Въ этомъ отношеніи самое замѣчательное и вмѣстѣ утѣшительное явленіе, выдающееся въ отчетахъ, мною просмотрѣнныхъ, есть исправное возвращеніе ссудъ. Въ теченіе перваго года (я повторяю, что все исчисленіе относится къ періоду, менѣе годичнаго, потому что половина ссудныхъ товариществъ открылась въ теченіи 1871 года) въ теченіи перваго года, число выданныхъ ссудъ простиралось до 1864, на сумму 66,879 р.; изъ нихъ возвращено по наступленію сроковъ 25,978 р. и отсрочено всего въ

10 товариществахъ 32 ссуды на сумму 1,008 р. Процентовъ за отсрочку получено 39 р. 59 к. и пени за просрочку 28 р. 1 к. Если вывести отношеніе ссудъ возвращенныхъ къ итогу выданныхъ, то возвращенныя ссуды составятъ 38% общаго итога ссуженныхъ суммъ. Эти 38% возвращены въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что они были выдаваемы въ теченіи цѣлаго года, такъ что 38% успѣли оборотиться въ теченіи уже этого года. Отсрочено, какъ я сказалъ, 32 ссуды; остальныя не возвращены, потому что сроки не подошли. Такимъ образомъ просроченныхъ ссудъ нѣтъ. По уставу, отсрочка допускается на 3 мѣсяца, а послѣ 3 мѣсяцевъ производится взысканіе. До сихъ поръ не было еще ни одного взысканія, не понесено ни одного рубля убытку, по крайней мѣрѣ въ 10 имѣющихся отчетахъ не показано ни одного рубля. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ, напр. въ Череповскомъ, возвращено 13,819 р., т. е. болѣе ½, отсрочено ссудъ на 340 р., а прочимъ не подошли сроки. Въ Доворецкомъ товариществѣ, гдѣ я состою попечителемъ, изъ 5,818 ссудъ поступило въ возвратъ 3,147; въ другомъ товариществѣ изъ 6,879 поступило 4,417; въ третьемъ изъ 2,594 возвращено 2,184. Я привелъ эти данныя потому, что попечители этихъ товариществъ мнѣ лично знакомы и я достовѣрно знаю, что у нихъ никакихъ потерь или просрочекъ не было.

Уже въ началѣ статьи я упомянулъ о тѣхъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ, которыя встрѣтило это дѣло при самомъ его началѣ. Эти опасенія относились преимущественно къ двумъ главнымъ статьямъ. Сомнѣніе относилось во первыхъ къ тому, что неисправность нашихъ сельскихъ хозяевъ положительно свидѣтельствуется многочисленными недоимками и просрочками во всѣхъ ихъ платежахъ, поэтому трудно представить, чтобы дѣло личнаго кредита, не обезпеченнаго никакимъ залогомъ, могло пойти въ народѣ, извѣстномъ своею неисправностію въ платежахъ. Во вторыхъ, къ тому, что въ нашихъ глухихъ мѣстахъ, въ провинціальномъ нашемъ быту весьма трудно будетъ найти людей, способныхъ для веденія счетоводства и письмоводства, при томъ ограниченномъ вознагражденіи, которое изъ мелкихъ кредитныхъ операцій можетъ быть удѣлено на вознагражденіе этого труда.

Сомнѣнія, заявленныя на счетъ состоятельности дѣйствій ссудныхъ товариществъ, имѣли повидимому очень твердыя основанія. Сомнѣнія относились къ двумъ сторонамъ вопроса: 1) къ шаткости лич-

исправности нашихъ русскихъ хозяевъ, то, дѣйствительно, достаточно вспомнить прежнія продажи помѣщичьихъ имѣній по объявленіямъ опекунскаго совѣта или даже прочитать цѣлыя страницы объявленій о продажѣ имущества поземельными банками, херсонскимъ или петербургскимъ, чтобы убѣдиться, что, дѣйствительно, русскій человѣкъ, какъ говоритъ пословица, не перекрестится, пока громъ не грянетъ, что неисправность платежа происходитъ часто не отъ несостоятельности, не отъ недостатка средствъ, а отъ нашей безпечности, которая какъ будто ожидаетъ понужденія и угрозы, чтобы исполнить свои долговыя обязательства; мы постоянно видимъ примѣры, что имѣнія выкупаются и остаются въ рукахъ прежняго владѣльца въ самые послѣдніе сроки передъ продажей. Какъ же объяснить это неожиданное явленіе исправности возвращенія ссудъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, ссудъ, выданныхъ безъ всякаго залога и не подлежащихъ никакому вмѣшательству или понужденію со стороны какихъ бы то ни было властей?

Я позволю себѣ приписать это слѣдующимъ двумъ причинамъ, кроющимся въ самомъ устройствѣ товариществъ: 1) удобство, выгода пользоваться не единовременными, а постоянными ссудами, — изъ товарищества, находящагося вблизи мѣстожительства крестьянина, и пользоваться этими ссудами не по милости начальства, а по праву, это удобство для крестьянина такъ велико въ сравненіи съ тою ограниченною и скромною суммою, которую онъ долженъ возвратить, что онъ, разумѣется, опасается потерять навсегда это право отъ единовременной своей неисправности и потому напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы внести сумму долга въ срокъ и остаться членомъ товарищества, имѣя въ виду, что, внеся ее въ сроки, онъ всегда будетъ имѣть возможность вновь ею воспользоваться. Я думаю, что это побужденіе, можетъ быть, не имѣетъ такого значенія въ населеніи, какое преобладаетъ въ Европѣ, гдѣ каждый по своимъ занятіямъ можетъ легко перемѣнять свое мѣстожительство, и, оказавшись несостоятельнымъ въ одномъ мѣстѣ, можетъ надѣяться воспользоваться кредитомъ въ другой отдаленной мѣстности, куда онъ переходитъ. Но это побужденіе всесильно при осѣдломъ нашемъ сельскомъ населеніи, прикрѣпленномъ къ землѣ; оно нравственно дѣйствуетъ на крестьянъ, дорожащихъ правомъ постоянной срочной ссуды, которая имъ дается въ извѣстное время года, въ которое они наиболѣе въ ней нуждаются. Вторая причина, которая вліяетъ на исправность платежей и возвра-

щеніе ссудъ, есть чисто практическая, выходящая изъ круга всякихъ научныхъ и экономическихъ соображеній. Кассы ссудныхъ товариществъ обыкновенно круглый годъ, исключая немногихъ осеннихъ мѣсяцевъ, остаются пустыми; это одинъ изъ экономическихъ фактовъ, которые наглядно рисуютъ намъ сельскій бытъ; деньги накопляются только въ октабрѣ, ноябрѣ, декабрѣ. Когда я въ ноябрѣ мѣсяцѣ предлагалъ крестьянамъ помѣстить эти свободныя деньги въ процентныя бумаги, то они на это не согласились, объяснивъ при этомъ, что они теперь не берутъ ссудъ потому, что срокъ взятымъ теперь ссудамъ, считая срокъ девятимѣсячный, придется въ лѣтнюю пору, когда они не имѣютъ еще никакой возможности выручить что-либо для уплаты долга; но что, какъ только наступитъ декабрь (отъ котораго срокъ девятимѣсячныхъ ссудъ будетъ приходиться уже въ августѣ, послѣ сбора хлѣба), то сейчасъ деньги начнутъ разбирать и къ 1 февраля ихъ не останется. Такъ дѣйствительно и случилось: около 4,000 р. было разобрано въ декабрѣ и январѣ, а 1 февраля принуждены были заключить новый заемъ. Когда въ кассахъ ссудныхъ товариществъ есть деньги, то происходитъ слѣдующая процедура: является въ засѣданіе человѣкъ 20—40 крестьянъ за ссудами; имъ отвѣчаютъ, что денегъ мало. Нѣкоторые изъ нихъ, по мѣрѣ возможности, разбираютъ наличныя суммы и въ концѣ концовъ остается извѣстное число заемщиковъ неудовлетворенныхъ, которые должны уйти, не получивъ ссуды. Эти-то люди немедленно отправляются, когда ожидаются первыя слѣдующія затѣмъ поступленія, спрашиваютъ имена плательщиковъ, которые первые должны возвратить ссуды, и тогда эти лица, желающіе получить ссуду, становятся добровольно стражами и опекунами надъ тѣми лицами, которыя должны возвратить ссуду. Ожидая отъ нихъ денегъ, они слѣдятъ шагъ за шагомъ за всѣми ихъ дѣйствіями и хозяйственными операціями. Эта неуловимая связь между плательщиками и лицами нуждающимися въ ссудахъ составляетъ второе не матеріальное побужденіе къ исправному возвращенію ссудъ. Мнѣ случалось видѣть, что крестьяне, приходящіе просить отсрочки, какъ-бы прогоняются сквозь строй, на нихъ сыплются нарѣканія, упреки, что вотъ мы ждемъ уплаты, а вы просите отсрочки; тѣ кланяются обществу, просятъ какъ-бы пощады, хотя уставъ дозволяетъ имъ требовать отсрочку и, наконецъ, добиваются если не слезами, то, по крайней мѣрѣ, обильнымъ потомъ.

Въ числѣ затрудненій, мѣшающихъ образованію въ Россіи ссудо-

сберегательныхъ товариществъ, указываютъ на необходимость для нихъ сложнаго счетоводства и письмоводства. Но вопросъ объ этомъ затрудненіи нужно раздѣлить на двѣ части. Если говорится о трудности первоначальнаго устройства дѣла, то, дѣйствительно, безъ иниціативы образованныхъ и добросовѣстныхъ лицъ, стоящихъ выше уровня простого народа, первоначальное введеніе ссудныхъ товариществъ немыслимо. Прежде всего иниціатива требуется для составленія устава и еще болѣе для истолкованія его малограмотнымъ крестьянамъ; далѣе, для выбора первыхъ членовъ-учредителей, наконецъ для нѣкотораго руководства при первыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ общества. Но если затѣмъ полагаютъ, что и дальнѣйшее веденіе дѣла требуетъ усидчиваго, постояннаго труда попечителей и особеннаго знанія бухгалтеріи, то я думаю, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Главная отличительная черта всѣхъ операцій ссудныхъ товариществъ состоитъ въ ихъ простотѣ и однообразіи, въ особенности однообразіи операцій. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: операціи этихъ обществъ состоятъ исключительно въ ссудахъ; вкладовъ поступаетъ весьма немного, текущихъ счетовъ нѣтъ, учетовъ векселей не производится, гипотечныхъ залоговыхъ операцій тоже не полагается; значитъ всѣ дѣйствія ограничиваются одними ссудными операціями. Далѣе, размѣры ссудъ почти всегда одинаковы и всегда выражаются въ круглыхъ числахъ: 25, 30, 40, рѣдко 50. Сроки ихъ также по временамъ года, довольно однообразны. Такъ напр., зимою крестьяне занимаютъ на продолжительные сроки до будущаго урожая, т. е. на 8—9 мѣсяцевъ; весенніе сроки нѣсколько сокращаются, лѣтомъ дѣлаются еще короче; такъ что въ извѣстное время года правленію приходится выдавать почти одинаковую сумму и все на одинъ и тотъ же срокъ. Засѣданія правленія бываютъ только по воскресеньямъ, послѣ обѣдни и продолжаются до 2—3 часовъ, пока желаніе пообѣдать не разгонитъ и заемщиковъ и членовъ правленія. Лѣтомъ, въ рабочую пору, всѣ операціи этихъ сельскихъ банковъ прекращаются; по крайней мѣрѣ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ кассы остаются пустыми, члены заняты своею страдою и засѣданія правленія почти отмѣняются. Опасеніе, что расходы по счетоводству и письмоводству будутъ поглощать значительно прибыли товариществъ также не оправдались. По имѣющимся отчетамъ, расходы эти въ 10 товариществахъ простираются всего на 650 р.; самое крупное изъ существующихъ товариществъ, Череповское, которое имѣло до 27 т. обороту, издер-

жало 192 р. на управленіе и счетоводство. Отношеніе расходовъ по управленію къ оборотамъ выражается по разнымъ товариществамъ въ слѣдующихъ цифрахъ: въ одномъ оно составляетъ 0,65, въ другомъ 0,75, въ третьемъ $1^1/_2$%, въ средней сложности 0,85%, т. е. менѣе 1%. Вообще надо замѣтить, что крестьяне очень скупы на вознагражденіе всякаго умственнаго и письменнаго труда; положеніе лицъ, занимающихся счетоводствомъ и письмоводствомъ въ судо-сберегательныхъ товариществахъ, до того стѣснительно, что нужно желать, чтобы трудъ этотъ вознаграждался съ большею щедростью.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ сомнѣнія, которыя пугали людей нерѣшительныхъ, въ настоящее время опровергаются положительными фактами; успѣхъ кредитныхъ товариществъ доказалъ, что крестьяне живо интересуются дѣломъ и безъ особенныхъ затрудненій ведутъ его, коль скоро они находятъ въ немъ дѣйствительную помощь.

Но первый успѣхъ еще не всегда доказываетъ необходимость дальнѣйшихъ успѣховъ; поэтому я долженъ теперь остановиться на вопросѣ, что необходимо для того, чтобы обезпечить дальнѣйшее развитіе народныхъ кредитныхъ учрежденій.

Мнѣ кажется, что вопросъ о народномъ кредитѣ тѣсно, неразрывно связанъ съ другими вопросами этого рода и составляетъ только одну изъ вѣтвей общаго ассоціаціоннаго вопроса. Народный бытъ едва ли улучшится, народное хозяйство едва ли достигнетъ процвѣтанія при помощи одного кредита; самый кредитъ не можетъ утвердиться на прочномъ основаніи, если рядомъ не будетъ дано помощи и труду, производительности. Всякая ссуда предполагаетъ возвращеніе и возвращеніе съ процентами; значитъ, всякое возвращеніе предполагаетъ также усиленіе труда, усиленіе производительности, изъ котораго на данный рубль накопляются копѣйки, которыя составляютъ приростъ. Если производительность, усиленная кредитомъ, не даетъ этого прироста, то самый кредитъ, вмѣсто пользы, ляжетъ на заемщика новою тягостью. Поэтому, съ вопросомъ о ссудныхъ товариществахъ долженъ быть тѣсно и неразрывно связанъ вопросъ о производительныхъ ассоціаціяхъ или производительныхъ артеляхъ. Устройство этого рода ассоціацій представляетъ собою весьма трудную и совершенно самостоятельную задачу, а потому я не считаю возможнымъ касаться ея въ статьѣ о кредитныхъ товариществахъ. Но я желалъ бы здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, которые относятся одинаково какъ къ другимъ видамъ артелей, такъ и къ кредитнымъ.

Я убѣжденъ, что какъ ссудо-сберегательныя товарищества, такъ

и другія артели и ассоціаціи не могутъ обойтись безъ посторонней помощи и что эта помощь должна быть раздѣлена на три главныя части: помощь должна быть дана отъ частныхъ лицъ, отъ земства и отъ правительства. Частныя лица должны помочь первоначальному введенію товариществъ и артелей, направить ихъ и дать имъ общее руководство. Земство должно помочь ссудами для образованія первоначальнаго капитала. Правительство можетъ помочь двумя главными мѣрами: облегченіемъ и упрощеніемъ формальностей при утвержденіи уставовъ и гарантіей, которая можетъ быть дана отъ правительства кредиту ассоціацій и товариществъ. Затѣмъ самое веденіе дѣла можетъ и должно быть предоставлено дѣятельности самихъ товариществъ.

Здѣсь представляется уже вопросъ, столько разъ обсуждавшійся во всѣхъ возможныхъ видахъ и формахъ—вопросъ о преимуществахъ исключительной самодѣятельности народа, самопомощи, предъ какимъ бы то ни было содѣйствіемъ правительства. Я не считаю нужнымъ повторять здѣсь доводовъ за и противъ, которые сдѣлались уже почти общими мѣстами и избитыми фразами, но хочу обратить вниманіе на одно странное обстоятельство, которое обыкновенно встрѣчается какъ только начинаютъ говорить объ этомъ вопросѣ. Крайности, дѣйствительно, всегда сходятся, и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ два крайнія противоположныя мнѣнія, которыя, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приходятъ къ одному и тому же заключенію. Извѣстно, что въ глазахъ такъ-называемыхъ осторожныхъ и мнительныхъ консерваторовъ всякій актъ народной самодѣятельности принимается съ нѣкоторыми опасеніями, и съ ихъ стороны я признаю это совершенно послѣдовательнымъ и раціональнымъ. Но труднѣе объяснить, что лица, выдающія себя за сторонниковъ полноправности народа, какъ будто приходятъ къ тому же убѣжденію, что самодѣятельность народа въ экономическихъ дѣлахъ оказывается несостоятельною и несбыточною.

Когда на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ А. В. Яковлевъ держалъ свой докладъ о ссудныхъ товариществахъ, то мы увидѣли предъ собою густой строй юныхъ воспитанниковъ одного учебнаго заведенія, которые заявили слѣдующій взглядъ на этотъ предметъ. Они говорили, что инициатива частныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ была бы вредною, ибо могла бы подчинить дѣйствія кооперативныхъ обществъ исключительно вліянію этихъ лицъ; они утверждали, что земства не имѣютъ

ни матеріальныхъ средствъ, ни довольно нравственной силы, чтобы удѣлить что-либо изъ своихъ остатковъ на поддержаніе народнаго кредита, и пришли къ тому заключенію, что все дѣло должно быть предоставлено исключительно администраціи или, по крайней мѣрѣ, инициативѣ государственной власти. Я останавливаюсь на этомъ взглядѣ въ особенности потому, что взглядъ этотъ, какъ кажется, раздѣляется весьма многими лицами, совершенно искренно преданными народному благу. Этотъ взглядъ едва ли, однакоже, справедливъ. Онъ исходитъ изъ одной, нѣсколько ошибочной мысли или представленія о какой-то идеальной администраціи, выбираемой изъ ревнителей народной пользы, народныхъ нуждъ; и мнѣ кажется, исходитъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ администрація болѣе или менѣе къ этому идеалу приближается. Дѣйствительно, совершенно понятно, что англійскій экономистъ Д. С. Милль въ странѣ, гдѣ администрація почти слилась съ общественнымъ мнѣніемъ, защищаетъ теорію постепенной централизаціи всѣхъ кредитныхъ и хозяйственныхъ учрежденій въ рукахъ правительственной власти. И это ученіе, мнѣ кажется, составляетъ историческій результатъ того, что въ теченіе вѣковъ эта страна жила подъ законами самоуправленія и посредствомъ своихъ свободныхъ учрежденій достигла, наконецъ, почти полнаго соглашенія администраціи съ мѣстными земскими нуждами и мнѣніями. Но есть французская пословица, что самая любезная дѣвушка можетъ дать только то, чѣмъ сама обладаетъ — la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a, — точно также отъ всякаго общества, администраціи, земства можно требовать только то, что они могутъ дать. Поэтому и всѣ наши требованія должны ограничиться самыми умѣренными размѣрами. Я полагаю, что частныя лица могутъ посвятить этому дѣлу часть своего досуга, потому что это дѣло не требуетъ постояннаго, усидчиваго труда, потому что оно не заставитъ хозяина бросить свое хозяйство, администратора—службу; словомъ, что при постоянномъ жительствѣ на одномъ мѣстѣ человѣкъ образованный и желающій помочь общему дѣлу найдетъ возможнымъ исполнить обязанности, которыя на него будутъ возложены въ этомъ отношеніи. Затѣмъ земство можетъ удѣлить часть своихъ капиталовъ для образованія основнаго фонда ссудныхъ товариществъ, потому что для этого не требуются такія значительныя суммы, которыхъ не имѣли бы земства. Если товарищество получитъ 1 тысячу рублей, то подобная сумма обезпечитъ его первоначальныя дѣйствія по крайней

10 товариществахъ 32 ссуды на сумму 1,008 р. Процентовъ за отсрочку получено 39 р. 59 к. и пени за просрочку 28 р. 1 к. Если вывести отношеніе ссудъ возвращенныхъ къ итогу выданныхъ, то возвращенныя ссуды составятъ 38% общаго итога ссуженныхъ суммъ. Эти 38% возвращены въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что они были выдаваемы въ теченіи цѣлаго года, такъ что 38% успѣли оборотиться въ теченіи уже этого года. Отсрочено, какъ я сказалъ, 32 ссуды; остальныя не возвращены, потому что сроки не подошли. Такимъ образомъ просроченныхъ ссудъ нѣтъ. По уставу, отсрочка допускается на 3 мѣсяца, а послѣ 3 мѣсяцевъ производится взысканіе. До сихъ поръ не было еще ни одного взысканія, не понесено ни одного рубля убытку, по крайней мѣрѣ въ 10 имѣющихся отчетахъ не показано ни одного рубля. Въ нѣкоторыхъ товариществахъ, напр. въ Череповскомъ, возвращено 13,819 р., т. е. болѣе $^1/_2$, отсрочено ссудъ на 340 р., а прочимъ не подошли сроки. Въ Доворецкомъ товариществѣ, гдѣ я состою попечителемъ, изъ 5,818 ссудъ поступило въ возвратъ 3,147; въ другомъ товариществѣ изъ 6,879 поступило 4,417; въ третьемъ изъ 2,594 возвращено 2,184. Я привелъ эти данныя потому, что попечители этихъ товариществъ мнѣ лично знакомы и я достовѣрно знаю, что у нихъ никакихъ потерь или просрочекъ не было.

Уже въ началѣ статьи я упомянулъ о тѣхъ сомнѣніяхъ и опасеніяхъ, которыя встрѣтило это дѣло при самомъ его началѣ. Эти опасенія относились преимущественно къ двумъ главнымъ статьямъ. Сомнѣніе относилось во первыхъ къ тому, что неисправность нашихъ сельскихъ хозяевъ положительно свидѣтельствуется многочисленными недоимками и просрочками во всѣхъ ихъ платежахъ, поэтому трудно представить, чтобы дѣло личнаго кредита, не обезпеченнаго никакимъ залогомъ, могло пойти въ народѣ, извѣстномъ своею неисправностію въ платежахъ. Во вторыхъ, къ тому, что въ нашихъ глухихъ мѣстахъ, въ провинціальномъ нашемъ быту весьма трудно будетъ найти людей, способныхъ для веденія счетоводства и письмоводства, при томъ ограниченномъ вознагражденіи, которое изъ мелкихъ кредитныхъ операцій можетъ быть удѣлено на вознагражденіе этого труда.

Сомнѣнія, заявленныя на счетъ состоятельности дѣйствій ссудныхъ товариществъ, имѣли повидимому очень твердыя основанія. Сомнѣнія относились къ двумъ сторонамъ вопроса: 1) къ шаткости лич-

наго кредита, основаннаго на одномъ довѣріи и добросовѣстности членовъ, и 2) ко всеизвѣстной и, къ сожалѣнію, дѣйствительной неисправности и безпорядочности всѣхъ нашихъ русскихъ хозяевъ, какъ частныхъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянскихъ общинниковъ. Что касается понятія о шаткости личнаго кредита, то на это много вліяли существовавшія доселѣ преимущественно формы кредита, кредита поземельнаго гипотечнаго подъ залогъ недвижимаго имущества; они составляли почти единственную форму кредита въ Россіи, и мы другой не знали и не признавали. Когда я и нѣсколько другихъ лицъ говорили о необходимости кредита для народа, то насъ спрашивали, какія обезпеченія можетъ представить народъ, и когда мы при этомъ отвѣчали, что ссуды могутъ обезпечиваться круговою порукою крестьянъ, безъ всякаго другаго обезпеченія, то финансисты спеціалисты, къ которымъ мы сначала имѣли слабость обращаться, отвѣчали намъ улыбкою жалости къ такимъ превратнымъ экономическимъ и финансовымъ понятіямъ. Правда, тутъ же явились и другіе финансисты съ болѣе практическими или спекулятивными соображеніями, которые предлагали въ этомъ случаѣ свои услуги для основанія центральнаго банка въ помощь ссуднымъ товариществамъ и, разумѣется, съ участіемъ въ ихъ барышахъ и убыткахъ. Когда мы имѣли дерзость отвѣчать, что не только такую помощь не признаемъ въ настоящее время нужною, но что участіе въ барышахъ и убыткахъ крупнаго банка только повредитъ нашему дѣлу, то улыбка жалости превращалась въ улыбку презрѣнія. Дѣйствительно, былъ ли вѣренъ разсчетъ практическихъ финансистовъ? Правда, что едва ли при другихъ операціяхъ банки и банкиры могли бы заработать такіе проценты, какіе обнаруживаются въ отчетахъ ссудныхъ товариществъ. Въ одномъ изъ нихъ прибыль составляетъ 82% на паевой капиталъ, въ другомъ 39%, въ третьемъ 48%, въ четвертомъ 33%, въ пятомъ 24%. Наконецъ въ одномъ, именно въ Гдовскомъ, Петербургской губерніи, по отчету, полученному мною только на дняхъ, оказывается чистой прибыли 79%. Въ средней сложности всѣхъ товариществъ отношеніе чистой прибыли къ собственному, паевому капиталу составляетъ 31—32%. Очевидно, что центральный банкъ нашелъ бы выгоды отъ участія въ такихъ барышахъ, но едва ли бы барыши эти не исчезли отъ участія крупныхъ капиталистовъ, поглощаясь ими соразмѣрно ихъ благотворительному содѣйствію. Что касается втораго соображенія — обычной и вошедшей въ пословицу не-

исправности нашихъ русскихъ хозяевъ, то, дѣйствительно, достаточно вспомнить прежнія продажи помѣщичьихъ имѣній по объявленіямъ опекунскаго совѣта или даже прочитать цѣлыя страницы объявленій о продажѣ имущества поземельными банками, херсонскимъ или петербургскимъ, чтобы убѣдиться, что, дѣйствительно, русскій человѣкъ, какъ говоритъ пословица, не перекрестится, пока громъ не грянетъ, что неисправность платежа происходитъ часто не отъ несостоятельности, не отъ недостатка средствъ, а отъ нашей безпечности, которая какъ будто ожидаетъ понужденія и угрозы, чтобы исполнить свои долговыя обязательства; мы постоянно видимъ примѣры, что имѣнія выкупаются и остаются въ рукахъ прежняго владѣльца въ самые послѣдніе сроки передъ продажей Какъ же объяснить это неожиданное явленіе исправности возвращенія ссудъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, ссудъ, выданныхъ безъ всякаго залога и не подлежащихъ никакому вмѣшательству или понужденію со стороны какихъ бы то ни было властей?

Я позволю себѣ приписать это слѣдующимъ двумъ причинамъ, кроющимся въ самомъ устройствѣ товариществъ: 1) удобство, выгода пользоваться не единовременными, а постоянными ссудами, — изъ товарищества, находящагося вблизи мѣстожительства крестьянина, и пользоваться этими ссудами не по милости начальства, а по праву, это удобство для крестьянина такъ велико въ сравненіи съ тою ограниченною и скромною суммою, которую онъ долженъ возвратить, что онъ, разумѣется, опасается потерять навсегда это право отъ единовременной своей неисправности и потому напрягаетъ всѣ свои силы, чтобы внести сумму долга въ срокъ и остаться членомъ товарищества, имѣя въ виду, что, внеся ее въ сроки, онъ всегда будетъ имѣть возможность вновь ею воспользоваться. Я думаю, что это побужденіе, можетъ быть, не имѣетъ такого значенія въ населеніи, какое преобладаетъ въ Европѣ, гдѣ каждый по своимъ занятіямъ можетъ легко перемѣнять свое мѣстожительство, и, оказавшись несостоятельнымъ въ одномъ мѣстѣ, можетъ надѣяться воспользоваться кредитомъ въ другой отдаленной мѣстности, куда онъ переходитъ. Но это побужденіе всесильно при осѣдломъ нашемъ сельскомъ населеніи, прикрѣпленномъ къ землѣ; оно нравственно дѣйствуетъ на крестьянъ, дорожащихъ правомъ постоянной срочной ссуды, которая имъ дается въ извѣстное время года, въ которое они наиболѣе въ ней нуждаются. Вторая причина, которая вліяетъ на исправность платежей и возвра-

щечіе ссудъ, есть чисто практическая, выходящая изъ круга всякихъ научныхъ и экономическихъ соображеній. Кассы ссудныхъ товариществъ обыкновенно круглый годъ, исключая немногихъ осеннихъ мѣсяцевъ, остаются пустыми; это одинъ изъ экономическихъ фактовъ, которые наглядно рисуютъ намъ сельскій бытъ; деньги накопляются только въ октябрѣ, ноябрѣ, декабрѣ. Когда я въ ноябрѣ мѣсяцѣ предлагалъ крестьянамъ помѣстить эти свободныя деньги въ процентныя бумаги, то они на это не согласились, объяснивъ при этомъ, что они теперь не берутъ ссудъ потому, что срокъ взятымъ теперь ссудамъ, считая срокъ девятимѣсячный, придется въ лѣтнюю пору, когда они не имѣютъ еще никакой возможности выручить что-либо для уплаты долга; но что, какъ только наступитъ декабрь (отъ котораго срокъ девятимѣсячныхъ ссудъ будетъ приходиться уже въ августѣ, послѣ сбора хлѣба), то сейчасъ деньги начнутъ разбирать и къ 1 февраля ихъ не останется. Такъ дѣйствительно и случилось: около 4,000 р. было разобрано въ декабрѣ и январѣ, а 1 февраля принуждены были заключить новый заемъ. Когда въ кассахъ ссудныхъ товариществъ есть деньги, то происходитъ слѣдующая процедура: является въ засѣданіе человѣкъ 20—40 крестьянъ за ссудами; имъ отвѣчаютъ, что денегъ мало. Нѣкоторые изъ нихъ, по мѣрѣ возможности, разбираютъ наличныя суммы и въ концѣ концовъ остается извѣстное число заемщиковъ неудовлетворенныхъ, которые должны уйти, не получивъ ссуды. Эти-то люди немедленно отправляются, когда ожидаются первыя слѣдующія затѣмъ поступленія, спрашиваютъ имена плательщиковъ, которые первые должны возвратить ссуды, и тогда эти лица, желающіе получить ссуду, становятся добровольно стражами и опекунами надъ тѣми лицами, которыя должны возвратить ссуду. Ожидая отъ нихъ денегъ, они слѣдятъ шагъ за шагомъ за всѣми ихъ дѣйствіями и хозяйственными операціями. Эта неуловимая связь между плательщиками и лицами нуждающимися въ ссудахъ составляетъ второе не матеріальное побужденіе къ исправному возвращенію ссудъ. Мнѣ случалось видѣть, что крестьяне, приходящіе просить отсрочки, какъ-бы прогоняются сквозь строй, на нихъ сыплются нарѣканія, упреки, что вотъ мы ждемъ уплаты, а вы просите отсрочки; тѣ кланяются обществу, просятъ какъ-бы пощады, хотя уставъ дозволяетъ имъ требовать отсрочку и, наконецъ, добиваются если не слезами, то, по крайней мѣрѣ, обильнымъ потомъ.

Въ числѣ затрудненій, мѣшающихъ образованію въ Россіи ссудо-

сберегательныхъ товариществъ, указываютъ на необходимость для нихъ сложнаго счетоводства и письмоводства. Но вопросъ объ этомъ затрудненіи нужно раздѣлить на двѣ части. Если говорится о трудности первоначальнаго устройства дѣла, то, дѣйствительно, безъ инициативы образованныхъ и добросовѣстныхъ лицъ, стоящихъ выше уровня простого народа, первоначальное введеніе ссудныхъ товариществъ немыслимо. Прежде всего инициатива требуется для составленія устава и еще болѣе для истолкованія его малограмотнымъ крестьянамъ; далѣе, для выбора первыхъ членовъ-учредителей, наконецъ для нѣкотораго руководства при первыхъ собраніяхъ и совѣщаніяхъ общества. Но если затѣмъ полагаютъ, что и дальнѣйшее веденіе дѣла требуетъ усидчиваго, постояннаго труда попечителей и особеннаго знанія бухгалтеріи, то я думаю, что это мнѣніе совершенно ошибочно. Главная отличительная черта всѣхъ операцій ссудныхъ товариществъ состоитъ въ ихъ простотѣ и однообразіи, въ особенности однообразіи операцій. Дѣло представляется въ слѣдующемъ видѣ: операціи этихъ обществъ состоятъ исключительно въ ссудахъ; вкладовъ поступаетъ весьма немного, текущихъ счетовъ нѣтъ, учетовъ векселей не производится, гипотечныхъ залоговыхъ операцій тоже не полагается; значитъ всѣ дѣйствія ограничиваются одними ссудными операціями. Далѣе, размѣры ссудъ почти всегда одинаковы и всегда выражаются въ круглыхъ числахъ: 25, 30, 40, рѣдко 50. Сроки ихъ также по временамъ года, довольно однообразны. Такъ напр., зимою крестьяне занимаютъ на продолжительные сроки до будущаго урожая, т. е. на 8—9 мѣсяцевъ; весенніе сроки нѣсколько сокращаются, лѣтомъ дѣлаются еще короче; такъ что въ извѣстное время года правленію приходится выдавать почти одинаковую сумму и все на одинъ и тотъ же срокъ. Засѣданія правленія бываютъ только по воскресеньямъ, послѣ обѣдни и продолжаются до 2—3 часовъ, пока желаніе пообѣдать не разгонитъ и заемщиковъ и членовъ правленія. Лѣтомъ, въ рабочую пору, всѣ операціи этихъ сельскихъ банковъ прекращаются; по крайней мѣрѣ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ кассы остаются пустыми, члены заняты своею страдою и засѣданія правленія почти отмѣняются. Опасеніе, что расходы по счетоводству и письмоводству будутъ поглощать значительно прибыли товариществъ также не оправдались. По имѣющимся отчетамъ, расходы эти въ 10 товариществахъ простираются всего на 650 р.; самое крупное изъ существующихъ товариществъ, Череповское, которое имѣло до 27 т. обороту, издер-

жало 192 р. на управленіе и счетоводство. Отношеніе расходовъ по управленію къ оборотамъ выражается по разнымъ товариществамъ въ слѣдующихъ цифрахъ: въ одномъ оно составляетъ 0,65, въ другомъ 0,75, въ третьемъ $1^1/_2{}^0/_0$, въ средней сложности $0,85^0/_0$, т. е. менѣе $1^0/_0$. Вообще надо замѣтить, что крестьяне очень скупы на вознагражденіе всякаго умственнаго и письменнаго труда; положеніе лицъ, занимающихся счетоводствомъ и письмоводствомъ въ судо-сберегательныхъ товариществахъ, до того стѣснительно, что нужно желать, чтобы трудъ этотъ вознаграждался съ большею щедростью.

Такимъ образомъ, всѣ тѣ сомнѣнія, которыя пугали людей нерѣшительныхъ, въ настоящее время опровергаются положительными фактами; успѣхъ кредитныхъ товариществъ доказалъ, что крестьяне живо интересуются дѣломъ и безъ особенныхъ затрудненій ведутъ его, коль скоро они находятъ въ немъ дѣйствительную помощь.

Но первый успѣхъ еще не всегда доказываетъ необходимость дальнѣйшихъ успѣховъ; поэтому я долженъ теперь остановиться на вопросѣ, что необходимо для того, чтобы обезпечить дальнѣйшее развитіе народныхъ кредитныхъ учрежденій.

Мнѣ кажется, что вопросъ о народномъ кредитѣ тѣсно, неразрывно связанъ съ другими вопросами этого рода и составляетъ только одну изъ вѣтвей общаго ассоціаціоннаго вопроса. Народный бытъ едва ли улучшится, народное хозяйство едва ли достигнетъ процвѣтанія при помощи одного кредита; самый кредитъ не можетъ утвердиться на прочномъ основаніи, если рядомъ не будетъ дано помощи и труду, производительности. Всякая ссуда предполагаетъ возвращеніе и возвращеніе съ процентами; значитъ, всякое возвращеніе предполагаетъ также усиленіе труда, усиленіе производительности, изъ котораго на данный рубль накопляются копѣйки, которыя составляютъ приростъ. Если производительность, усиленная кредитомъ, не даетъ этого прироста, то самый кредитъ, вмѣсто пользы, ляжетъ на заемщика новою тягостью. Поэтому, съ вопросомъ о ссудныхъ товариществахъ долженъ быть тѣсно и неразрывно связанъ вопросъ о производительныхъ ассоціаціяхъ или производительныхъ артеляхъ. Устройство этого рода ассоціацій представляетъ собою весьма трудную и совершенно самостоятельную задачу, а потому я не считаю возможнымъ касаться ея въ статьѣ о кредитныхъ товариществахъ. Но я желалъ бы здѣсь упомянуть о нѣкоторыхъ общихъ вопросахъ, которые относятся одинаково какъ къ другимъ видамъ артелей, такъ и къ кредитнымъ.

Я убѣжденъ, что какъ ссудо-сберегательныя товарищества, такъ

и другія артели и ассоціаціи не могутъ обойтись безъ посторонней помощи и что эта помощь должна быть раздѣлена на три главныя части: помощь должна быть дана отъ частныхъ лицъ, отъ земства и отъ правительства. Частныя лица должны помочь первоначальному введенію товариществъ и артелей, направить ихъ и дать имъ общее руководство. Земство должно помочь ссудами для образованія первоначальнаго капитала. Правительство можетъ помочь двумя главными мѣрами: облегченіемъ и упрощеніемъ формальностей при утвержденіи уставовъ и гарантіей, которая можетъ быть дана отъ правительства кредиту ассоціацій и товариществъ. Затѣмъ самое веденіе дѣла можетъ и должно быть предоставлено дѣятельности самихъ товариществъ.

Здѣсь представляется уже вопросъ, столько разъ обсуждавшійся во всѣхъ возможныхъ видахъ и формахъ—вопросъ о преимуществахъ исключительной самодѣятельности народа, самопомощи, предъ какимъ бы то ни было содѣйствіемъ правительства. Я не считаю нужнымъ повторять здѣсь доводовъ за и противъ, которые сдѣлались уже почти общими мѣстами и избитыми фразами, но хочу обратить вниманіе на одно странное обстоятельство, которое обыкновенно встрѣчается какъ только начинаютъ говорить объ этомъ вопросѣ. Крайности, дѣйствительно, всегда сходятся, и въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, мы видимъ два крайнія противоположныя мнѣнія, которыя, однако, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приходятъ къ одному и тому же заключенію. Извѣстно, что въ глазахъ такъ-называемыхъ осторожныхъ и мнительныхъ консерваторовъ всякій актъ народной самодѣятельности принимается съ нѣкоторыми опасеніями, и съ ихъ стороны я признаю это совершенно послѣдовательнымъ и раціональнымъ. Но труднѣе объяснить, что лица, выдающія себя за сторонниковъ полноправности народа, какъ будто приходятъ къ тому же убѣжденію, что самодѣятельность народа въ экономическихъ дѣлахъ оказывается несостоятельною и несбыточною.

Когда на сельско-хозяйственномъ съѣздѣ въ Москвѣ А. В. Яковлевъ держалъ свой докладъ о ссудныхъ товариществахъ, то мы увидѣли предъ собою густой строй юныхъ воспитанниковъ одного учебнаго заведенія, которые заявили слѣдующій взглядъ на этотъ предметъ. Они говорили, что инициатива частныхъ лицъ въ этомъ дѣлѣ была бы вредною, ибо могла бы подчинить дѣйствія кооперативныхъ обществъ исключительно вліянію этихъ лицъ; они утверждали, что земства не имѣютъ

ни матеріальныхъ средствъ, ни довольно нравственной силы, чтобы удѣлить что-либо изъ своихъ остатковъ на поддержаніе народнаго кредита, и пришли къ тому заключенію, что все дѣло должно быть предоставлено исключительно администраціи или, по крайней мѣрѣ, иниціативѣ государственной власти. Я останавливаюсь на этомъ взглядѣ въ особенности потому, что взглядъ этотъ, какъ кажется, раздѣляется весьма многими лицами, совершенно искренно преданными народному благу. Этотъ взглядъ едва ли, однакоже, справедливъ. Онъ исходитъ изъ одной, нѣсколько ошибочной мысли или представленія о какой-то идеальной администраціи, выбираемой изъ ревнителей народной пользы, народныхъ нуждъ; и мнѣ кажется, исходитъ изъ тѣхъ странъ, гдѣ администрація болѣе или менѣе къ этому идеалу приближается. Дѣйствительно, совершенно понятно, что англійскій экономистъ Д. С. Милль въ странѣ, гдѣ администрація почти слилась съ общественнымъ мнѣніемъ, защищаетъ теорію постепенной централизаціи всѣхъ кредитныхъ и хозяйственныхъ учрежденій въ рукахъ правительственной власти. И это ученіе, мнѣ кажется, составляетъ историческій результатъ того, что въ теченіе вѣковъ эта страна жила подъ законами самоуправленія и посредствомъ своихъ свободныхъ учрежденій достигла, наконецъ, почти полнаго соглашенія администраціи съ мѣстными земскими нуждами и мнѣніями. Но есть французская пословица, что самая любезная дѣвушка можетъ дать только то, чѣмъ сама обладаетъ — la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle a, — точно также отъ всякаго общества, администраціи, земства можно требовать только то, что они могутъ дать. Поэтому и всѣ наши требованія должны ограничиться самыми умѣренными размѣрами. Я полагаю, что частныя лица могутъ посвятить этому дѣлу часть своего досуга, потому что это дѣло не требуетъ постояннаго, усидчиваго труда, потому что оно не заставитъ хозяина бросить свое хозяйство, администратора — службу; словомъ, что при постоянномъ жительствѣ на одномъ мѣстѣ человѣкъ образованный и желающій помочь общему дѣлу найдетъ возможнымъ исполнить обязанности, которыя на него будутъ возложены въ этомъ отношеніи. Затѣмъ земство можетъ удѣлить часть своихъ капиталовъ для образованія основнаго фонда ссудныхъ товариществъ, потому что для этого не требуются такія значительныя суммы, которыхъ не имѣли бы земства. Если товарищество получитъ 1 тысячу рублей, то подобная сумма обезпечитъ его первоначальныя дѣйствія по крайней

мѣрѣ на 1-й годъ почти вполнѣ, при помощи, разумѣется, другихъ оборотовъ и частныхъ займовъ. Что земство можетъ дать эту помощь, на то я могу представить фактическія, положительныя данныя. Большая часть остаточныхъ земскихъ капиталовъ состоитъ въ капиталахъ народнаго продовольствія и въ капиталахъ общественнаго призрѣнія. Не говоря о первыхъ, которые имѣютъ специальное назначеніе, одинъ капиталъ общественнаго призрѣнія могъ бы вполнѣ удовлетворить этимъ ссудамъ. Капиталъ этотъ лежитъ какъ неприкосновенный фондъ, котораго проценты идутъ на содержаніе приказовъ, богадѣленъ и т. п. богоугодныхъ заведеній; въ настоящее время онъ приноситъ 4—$4^1/_2$%, потому что весь помѣщенъ въ облигаціи главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Еслибы этотъ капиталъ былъ обращенъ на ссуды товариществамъ, то они могли бы давать 6% безъ затрудненія, съ обоюдною выгодою какъ для себя, такъ и для земства. Опытъ перваго и втораго года дѣйствій ссудо-сберегательныхъ товариществъ доказываетъ, что изъ 6% занять въ частныхъ рукахъ довольно трудно; заемщики требуютъ 7—8%, даже до 10%. Затѣмъ отъ правительства, отъ администраціи, какъ я уже высказалъ, должно ожидать, во 1-хъ, облегченія самаго хода дѣла, а не прямого вмѣшательства, облегченія тѣхъ затрудненій, которыя могли бы быть противопоставлены дѣлу разными частными агентами и представителями центральнаго правительства въ губерніяхъ и уѣздахъ; чѣмъ непосредственнѣе будетъ сообщеніе между товариществами и центральною властію, тѣмъ, я думаю, скорѣе и легче будетъ достигаемо утвержденіе уставовъ; во 2-хъ, въ виду недовѣрія частныхъ капиталистовъ, являющагося частью отъ незнакомства ихъ съ самымъ характеромъ товариществъ, частью по новизнѣ дѣла, правительство могло бы помочь товариществамъ, давъ имъ необходимую для кредита гарантію. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи правительство уже оказало помощь дѣлу народнаго кредита. Уставы ссудо-сберегательныхъ товариществъ въ настоящее время утверждаются въ двѣ недѣли, тогда какъ прежде требовалось 3—4 мѣсяца; въ настоящее же время составляются правила, имѣющія въ виду еще болѣе облегчить утвержденіе этихъ уставовъ; затѣмъ, по представленію с.-петербургскаго отдѣленія комитета о ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, основаннаго при московскомъ обществѣ сельскаго хозяйства, и по ходатайству г. министра финансовъ, котораго благосклонное вниманіе постоянно слѣдитъ за ходомъ этого дѣла, послѣ-

довало 25-го февраля Высочайшее повелѣніе, имѣющее чрезвычайно важное и существенное значеніе для развитія ссудо-сберегательныхъ товариществъ. На основаніи этого Высочайшаго повелѣнія, открывается въ государственномъ банкѣ и во всѣхъ его конторахъ и отдѣленіяхъ кредитъ подъ прямые векселя всѣмъ ссудо-сберегательнымъ товари ществамъ, по истеченіи года со дня ихъ открытія.

Теперь остается пожелать, чтобы со стороны частныхъ лицъ и современнаго общества было оказано такое же вниманіе къ этому дѣлу и, позволю себѣ выразиться, снисхожденіе. Я говорю—снисхожденіе, потому что дѣйствительно нельзя ожидать, чтобы люди, посвятившіе себя этому новому дѣлу, избѣгли невольныхъ ошибокъ. Къ сожалѣнію, именно въ послѣднее время стали появляться противъ нѣкоторыхъ дѣятелей нареканія, которыя я позволю себѣ назвать черезчуръ строгими. Еслибы самыя основныя начала всего этого дѣла, еслибы свобода сходокъ, свобода совѣщаній, право ассоціацій были бы также безспорно признаны въ Россіи, какъ это признается въ Америкѣ, Англіи, Швеціи, то я могъ бы себѣ представить, что люди, согласные въ главныхъ основаніяхъ, не встрѣчая противодѣйствія и отрицанія, вступаютъ въ пренія о второстепенныхъ вопросахъ самаго примѣненія этого благотворнаго начала. Но когда мы видимъ, что самое начало колеблется, что значительная часть общества еще отвергаетъ пользу и нужду ассоціацій, когда на каждомъ шагу мы встрѣчаемъ монополію, крупную торговлю, крупный кредитъ, которые отвергаютъ всякое право мелкихъ капиталовъ и личнаго труда конкурировать съ ними, уже издавна обставившими себя формальными установленіями и гарантіями; когда, словомъ, самыя основанія еще не утвердились въ сознаніи общества, то я полагаю, что люди, раздѣляющіе одни и тѣ же убѣжденія, не должны были бы расходиться въ мелочахъ и подробностяхъ. Я полагаю, что куда бы ни пошли ссуды, выдаваемыя изъ ссудныхъ товариществъ — на покупку сѣмянъ, лошади, коровы, на уплату повинностей, или куда бы ни шло молоко, добываемое въ артельныхъ сыроварняхъ — на питаніе дѣтей или дѣланіе сыра, я думаю, что все-таки объ этомъ вопросѣ весьма трудно судить изъ химическихъ лабораторій и административныхъ канцелярій. Я думаю, что самыя потребности народа укажутъ, пригодны ли ему эти учрежденія и выяснятъ факты лучше, чѣмъ можно ихъ разъяснить изъ такихъ дальнихъ мѣстностей, какъ наша первопрестольная столица. Мы по крайней мѣрѣ принялись за это дѣло,—я говорю мы,

какъ членъ комитета, котораго имѣю честь состоять предсѣдателемъ,— мы принялись за это дѣло съ единственнымъ желаніемъ указать возможность примѣненія ассоціаціоннаго начала къ нашему сельскому быту. Разумѣется, мы не могли увлекаться дотого, чтобы думать, что мы выработаемъ окончательную и совершенную форму подобнаго рода кредитныхъ учрежденій; но уже въ теченіе перваго года значеніе ихъ начинаетъ выясняться. По настоящее время возникло 66 товариществъ, въ 23 губерніяхъ, большею частью великороссійскихъ *) и 43 уѣздахъ; учреждены они безъ всякаго участія и вмѣшательства начальства, власти; авансы, сдѣланные земствомъ и частными лицами, не могутъ считаться значительными **); одиннадцать товариществъ устроены даже безъ всякаго первоначальнаго капитала; никакія власти не пекутся о нихъ; тѣмъ неменѣе, они достигаютъ уже значительнаго развитія. Собственный капиталъ ихъ, составляющійся изъ паевыхъ взносовъ, возросъ почти до суммы первоначальнаго капитала, полученнаго отъ земства или частныхъ лицъ. Займы у частныхъ лицъ превосходятъ первоначальный фондъ; наконецъ, обороты товариществъ превышаютъ въ 6 разъ сумму ихъ первоначальнаго капитала. Товарищества дѣйствуютъ въ средѣ не спекулятивной, а въ средѣ нуждающихся крестьянъ. По уставу, въ 4 товариществахъ размѣръ паевъ—100 рублей, въ 55 товариществахъ высшій размѣръ паевъ 50 руб., а въ 7 онъ ниже 25 руб. Maximum ссудъ въ 17 товариществахъ по уставу 100 руб. и болѣе, въ остальныхъ 49—отъ 50 до 80 руб. Если сравнить эти размѣры съ размѣрами ссудъ въ Германіи, то оказывается, что наши товарищества дѣйствуютъ въ средѣ менѣе зажиточной, чѣмъ германскія; притомъ они дѣйствуютъ исключительно въ средѣ сельскаго населенія.

Вообще кредитныя ассоціаціи въ Россіи имѣютъ гораздо большее значеніе для народнаго благосостоянія, чѣмъ они могутъ имѣть въ западной Европѣ. Кредитъ нужнѣе для нашихъ крестьянъ, эксплуатирующихъ свою землю, чѣмъ для фабричнаго населенія западной Европы. Трудно себѣ представить, чтобы нашъ экономическій бытъ и на-

*) Въ Новгородской 18, въ С.-Петербургской 4, Московской 5, Псковской 4, Тамбовской 3, Тульской 3, Костромской 3, Тверской 3, Лифляндской 3, Подольской 3, Полтавской 2, Херсонской 2, Вятской 2, Пермской 2, Рязанской 1, Кіевской 1, Самарской 1, Пензенской 1, Волынской 1, Екатеринославской 1, Курской 1, Эстляндской 1, Уфимской 1.

**) Всего отъ земства и частныхъ лицъ выдано 54 товариществамъ для составленія первоначальнаго капитала 60,292 р.

ше сельское хозяйство могли когда-нибудь выдти изъ того застоя, въ который они погружены, если имъ не будетъ данъ кредитъ въ той формѣ, о которой я говорю, именно въ формѣ общедоступной, т. е. кредитъ мелкій, мѣстный и личный. Поземельный кредитъ въ Россіи долженъ считаться кредитомъ привилегированнымъ; онъ не имѣетъ этого характера въ другихъ странахъ, гдѣ государственная территорія подѣлена между частными землевладѣльцами, крупными и мелкими. Но въ Россіи поземельный кредитъ гипотечный относится только къ одной половинѣ территоріи и къ самому незначительному меньшинству частныхъ землевладѣльцевъ, т. е. къ 300 или 400 тысячъ хозяевъ, составляющихъ весь итогъ частнаго землевладѣнія въ Россіи. Другая половина территоріи принадлежитъ всей массѣ крестьянъ; хотя они и эксплуатируютъ свою землю въ количествѣ 85 мил. десятинъ, какъ самостоятельные хозяева, тѣмъ неменѣе этимъ поземельнымъ кредитомъ пользоваться не могутъ, потому что земля крестьянъ состоитъ въ общинномъ владѣніи и не подлежитъ ни залогу, ни продажѣ. По этой причинѣ личный взаимный кредитъ составляетъ въ нашемъ отечествѣ для всей этой массы хозяевъ не только предметъ всенародной пользы, но conditio sine qua non, вопросъ — быть или не быть. Можетъ быть на это нѣкоторые строгіе судьи отвѣтятъ: не быть народному кредиту, покуда существуетъ община; пусть же, скажутъ намъ, разсѣютъ эти общины, существованіе коихъ противно здравымъ экономическимъ понятіямъ, пусть крестьяне-общинники разорвутъ эту связь, которою стѣсняются, и для нихъ откроются всѣ тѣ блага, которыя такъ щедро расточаются во всѣхъ образованныхъ странахъ частнымъ землевладѣльцамъ!

Нѣтъ — такъ нѣтъ. Но мнѣ кажется, что ставить вопросъ такъ категорически было бы неразумно и даже нѣсколько опасно. Я говорю—неразумно, потому что опытъ другихъ странъ, не говоря о нашемъ кратковременномъ опытѣ, показываетъ, что кредитъ доступенъ и возможенъ даже для сословій, не владѣющихъ никакимъ имуществомъ и промышляющихъ своей оборотливостью и своимъ трудомъ. Если такъ, то немыслимо, отчего бы онъ не могъ быть примѣнимъ къ нашему сельскому быту, къ нашимъ крестьянамъ, которые представляютъ ту же гарантію личнаго труда и, вмѣстѣ съ тѣмъ, другую гарантію, хотя неполную, но имѣющую вѣсъ, именно гарантію общинныхъ земель и угодьевъ. Затѣмъ, я признаю такую постановку вопроса опасною въ экономическомъ отношеніи. Расторженіе общины—

это изреченіе, которое повторяется у насъ также настойчиво, какъ изреченіе Катона: Carthago delenda est, есть вопросъ спорный, загадочный и, по крайней мѣрѣ, вопросъ, разрѣшеніе котораго весьма далеко въ будущемъ. Между тѣмъ, оскудѣніе нашихъ сельскихъ обществъ, обѣднѣніе нашихъ крестьянъ есть фактъ и фактъ положительный, современный и, къ сожалѣнію, весьма быстро развивающійся. Приписывать это обѣднѣніе исключительно формѣ общиннаго владѣнія, мнѣ кажется, было бы пристрастно, односторонне. Я спрашиваю, еслибы другіе виды собственности, личнаго землевладѣнія, торговли, промышленности, акціонерныхъ компаній, желѣзно-дорожныхъ обществъ были поставлены въ тѣ же условія, подъ которыми живутъ крестьяне, т. е. еслибы имъ безусловно отказано было во всякомъ кредитѣ, во всякихъ авансахъ, ссудахъ, въ состояніи ли они были бы выдержать этотъ кризисъ лучше, чѣмъ наше крестьянское общество? Стоитъ вспомнить, какой вопль неудовольствія, негодованія—и вопль справедливый—поднялся со всѣхъ концовъ Россіи, когда, послѣ освобожденія крестьянъ, временно, на короткій срокъ былъ пріостановленъ залогъ помѣщичьихъ имѣній; вскорѣ этотъ кризисъ былъ побѣжденъ, открыты были частные банки, общества взаимнаго поземельнаго кредита; банкирскія деньги вновь потекли къ этому обильному источнику весьма крупныхъ барышей, явились Ротшильды и Френкели на спасеніе русскаго землевладѣнія. Но подъ этимъ неумолимымъ закономъ, подъ которымъ прожило частное землевладѣніе въ Россіи въ теченіе 3—4 лѣтъ, русское крестьянство живетъ споконъ вѣка; ему отказываютъ въ довѣріи, въ кредитѣ, по той будто бы причинѣ, что общинное владѣніе не представляетъ никакой гарантіи, никакого обезпеченія. Но если это не такъ, если опытъ другихъ странъ и успѣхъ нашихъ собственныхъ попытокъ создать народныя кредитныя учрежденія, если этотъ опытъ указываетъ противное; если крестьяне безъ всякой потери или съ самымъ незначительнымъ содѣйствіемъ земскими капиталами успѣли въ первый годъ своего существованія занять изъ частныхъ рукъ сумму больше той, которая была имъ ссужена отъ земства, если ихъ обороты и ссуды превзошли почти въ 10 разъ ихъ собственный капиталъ, если съ другой стороны оказывается, что изъ 1,652 выданныхъ ссудъ потребовалось отсрочекъ только по 32, если наконецъ въ отчетахъ 10 товариществъ никакихъ убытковъ не показано, а напротивъ, означено прибылей около 31—32%, то я думаю, что не остается больше никакихъ не-

только причинъ, но и благовидныхъ предлоговъ, откладывать или отсрочивать дальнѣйшее разрѣшеніе этихъ важнѣйшихъ экономическихъ задачъ.

Въ заключеніе позволю себѣ высказать слова, которыя составляютъ мое глубокое и коренное убѣжденіе: отказывать народнымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такую же экономическую ошибку и—скажу болѣе—такое же общественное преступленіе, какъ отказывать народу въ правосудіи.

Князь А. Васильчиковъ.

КАССАЦІОННЫЙ СУДЪ
И
НАШЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО.

I.

Не разъ уже было замѣчено, что ни одна изъ реформъ настоящаго царствованія —за исключеніемъ, конечно, крестьянской— не обратила на себя въ такой степени общественное вниманіе у насъ, какъ реформа судебная. Въ то время, какъ, напр., земскія собранія давно уже привыкли къ полному равнодушію публики къ ихъ засѣданіямъ, а дѣятельность ихъ дѣлается предметомъ общественныхъ толковъ только тогда, когда прямо и непосредственно затрогиваетъ тѣ или другіе частные интересы, залы судебныхъ засѣданій не перестаютъ привлекать многочисленныхъ посѣтителей повсемѣстно.

Юридическія сочиненія и изданія представляютъ собою чуть-ли не единственный оживленный отдѣлъ современной русской литературы. Книги юридическаго содержанія, не въ примѣръ всѣмъ прочимъ, имѣютъ у насъ теперь довольно значительный сбытъ, быстро переживаютъ по нѣскольку изданій; чуть-ли не ежедневно выходятъ новыя произведенія по этой части, начиная отъ перепечатокъ нашихъ законовъ извѣстныхъ московскихъ фабрикацій, и кончая дѣльными руководствами, компиляціями и даже самостоятельными научными трудами по тѣмъ или другимъ отдѣламъ права и судопроизводства. Все это доказываетъ, что, съ одной стороны, русское общество нетолько не охладѣло къ судебной реформѣ, какъ ко многимъ другимъ, но напротивъ, все болѣе ею интересуется и стремится усвоить себѣ ея сущность и характеръ; а съ другой стороны—русская мысль угадала это

настроеніе современнаго общества и по мѣрѣ силъ заботится объ удовлетвореніи этой потребности въ ознакомленіи съ новымъ судомъ и его цѣлями.

При такомъ положеніи дѣлъ естественно было бы предположить, что у насъ сдѣлано уже очень много для оцѣнки какъ свѣтлыхъ, такъ и темныхъ сторонъ судебной реформы, что практическія достоинства и недостатки всѣхъ тѣхъ новыхъ началъ, которыя внесены въ русскую жизнь этой реформой, болѣе или менѣе выяснены не съ точки зрѣнія однихъ общихъ началъ теоріи и духа законодательства, но, что гораздо важнѣе, на основаніи анализа того, что дѣйствительно уже сдѣлано новыми судами до настоящаго времени: Въ самомъ дѣлѣ, для каждаго должно быть ясно, что въ виду совершившагося на нашихъ глазахъ радикальнаго преобразованія судебной части въ Россіи, мыслящая часть общества не можетъ удовольствоваться однимъ сознаніемъ превосходства новыхъ законовъ судопроизводства надъ старыми, а должна задавать себѣ еще слѣдующіе вопросы: Въ какой мѣрѣ дѣятельность новыхъ судовъ соотвѣтствуетъ тому идеалу, который имѣлъ въ виду законодатель при изданіи судебныхъ уставовъ 1864 года, и достигаетъ цѣлей, этими уставами предположенныхъ? Не встрѣчаетъ ли практика новыхъ судовъ какихъ-нибудь затрудненій при преслѣдованіи упомянутыхъ задачъ, поставленныхъ ей законодателемъ, и если встрѣчаетъ, то какія именно эти препятствія и какимъ образомъ ихъ устранить? Надъ всѣми этими вопросами возвышается другой, болѣе общій и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый важный вопросъ: какъ велика та сумма благъ или страданій, которая внесена въ русскую жизнь новымъ строемъ судебнаго дѣла, и въ чемъ именно она заключается? Ибо, что бы ни говорили противники утилитаризма въ общественныхъ наукахъ, единственнымъ критеріемъ годности или негодности того или другаго учрежденія, въ концѣ концовъ, служитъ сумма пользы или вреда, приносимаго имъ данному обществу.

Самый вопросъ однакожъ можетъ показаться большинству читателей, по меньшей мѣрѣ, празднымъ. Какъ, спросятъ они, неужели необходимы еще «лукавыя мудрствованія» для убѣжденія въ томъ, что судъ скорый, гласный, устный, нелицепріятный и допускающій широкое участіе выборнаго начала и общественной совѣсти, стоитъ неизмѣримо выше прежнихъ судебныхъ порядковъ и приноситъ огромную пользу странѣ? Развѣ мы не испытываемъ ежедневно этихъ преимуществъ и этой пользы, когда только приходимъ въ соприкоснове-

ніе съ судебнымъ міромъ? Но такое возраженіе въ сущности крайне поверхностно. Для того, чтобы судъ вполнѣ удовлетворялъ своей задачѣ, мало того, чтобъ онъ дѣйствовалъ скоро, подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, чтобъ въ своихъ убѣжденіяхъ и сужденіяхъ о томъ, кто правъ, кто виновенъ, онъ былъ совершенно безпристрастенъ, «не уважая побочныхъ обстоятельствъ и не взирая ни на какихъ особъ», какъ говоритъ законъ. Все это только одна сторона дѣла, безспорно очень важная, но все-таки только одна сторона. Необходимо еще, чтобъ сами-то эти убѣжденія и сужденія были по-возможности справедливѣе и гуманнѣе, чтобъ взгляды суда на представляющіеся его разрѣшенію вопросы права были какъ можно шире и свободнѣе,—однимъ словомъ, чтобъ рѣшенія суда какъ можно менѣе отставали отъ уровня современной мысли и осуществляли именно ту справедливость, которой домогается современное общество. Дѣйствительно, извѣстно, что идея справедливости, осуществленіе которой есть задача всякаго суда, далеко не есть нѣчто безусловное, вѣчное и неизмѣнное; напротивъ, понятіе о томъ, что право и что неправо, гдѣ кончается правда и гдѣ начинается кривда, хоть медленно, но постоянно измѣняется. Многое изъ того, что еще недавно считалось естественнымъ и справедливымъ, напр. рабство во всѣхъ его видахъ, вліяніе религіи, происхожденія и пола на гражданскій бытъ, въ настоящее время считается крайне несправедливымъ и возмущаетъ нравственное сознаніе современнаго человѣка; и наоборотъ, многое изъ того, что нѣкогда считалось противнымъ требованіямъ права, теперь считается дѣломъ безразличнымъ и не нарушающимъ ни общественныхъ интересовъ, ни идеи справедливости. И вотъ судъ, дѣйствуя совершенно безукоризненно, отправляя свои обязанности гласно, скоро и безпристрастно, можетъ, тѣмъ неменѣе, въ своихъ воззрѣніяхъ на то, что слѣдуетъ считать правомъ и чѣмъ руководствоваться въ разрѣшеніи сомнительныхъ случаевъ, относительно спорныхъ правъ гражданъ,—существенно расходиться съ тѣми понятіями и потребностями, которыя существуютъ въ данное время въ обществѣ. Въ такомъ случаѣ дѣятельность суда, безъ всякаго сомнѣнія, не будетъ удовлетворять своей цѣли, состоящей въ томъ, чтобъ примѣнять, къ каждому возникающему практическому случаю, нормы справедливости именно въ томъ видѣ, какъ она понимается современнымъ обществомъ, а не той, которая соотвѣтствовала понятіямъ и требованіямъ давно минувшихъ дней. И тогда можетъ возникнуть серьезный во-

просъ: дѣйствительно-ли организованный такимъ образомъ судъ исполняетъ свою прямую задачу, и не уничтожаются ли, или, по крайней мѣрѣ, не ослабляются-ли хорошіе результаты его дѣятельности дурными, проистекающими изъ разлада между принципами, руководящими дѣятельностью суда, и понятіями о правѣ, господствующими въ обществѣ?

Эти предварительныя общія замѣчанія могутъ уяснить читателю, что поставленный нами вопросъ о полезныхъ и вредныхъ сторонахъ судебной реформы не есть, однакожъ, ни праздный вопросъ, ни парадоксъ. Само собою разумѣется, что рѣчь идетъ не о томъ, чтобъ отрицать громадную пользу этого великаго преобразованія. Мы хотимъ сказать только, что пора безотчетнаго увлеченія новымъ судомъ уже прошла, или, по крайней мѣрѣ, должна пройти, а слѣдовательно, пора положить конецъ безцѣльному славословію, которое, будучи даже вполнѣ заслуженнымъ, ни къ чему не поведетъ. Наступило время строгой и всесторонней критической оцѣнки судебной реформы, причемъ, само собою разумѣется, важнѣйшей задачей русской юридической мысли должно быть изслѣдованіе темныхъ сторонъ этого преобразованія, хотя бы эти стороны были гораздо менѣе важны, чѣмъ свѣтлыя, ибо это можетъ повести къ дальнѣйшему усовершенствованію нашего судебнаго дѣла, въ чемъ оно не удовлетворяетъ еще потребностямъ русской жизни; тогда какъ поклоненіе, хотя-бы и совершенно справедливое, достоинствамъ судебной реформы можетъ повести только къ ложной увѣренности въ томъ, будто мы достигли уже всего возможнаго въ отношеніи организаціи судебнаго дѣла, и вредному квіетизму, которымъ русское общество и безъ того заражено довольно сильно. Дѣйствительно, у насъ нерѣдко можно слышать и встрѣчать въ печати ту мысль, что наши судебные уставы стоитъ ничуть не ниже, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже выше лучшихъ европейскихъ законодательствъ. Господа, питающіе свое патріотическое чувство подобными тезисами, упускаютъ изъ виду при этомъ, что практическое значеніе для общества имѣютъ не законы сами по себѣ, а ихъ осуществленіе, и что самые лучшіе законы въ дѣйствительномъ ихъ примѣненіи могутъ оказаться, вслѣдствіе разныхъ, весьма разнообразныхъ причинъ, съ гораздо меньшимъ удѣльнымъ вѣсомъ, чѣмъ тотъ, который далъ имъ законодатель. Изученіе этихъ причинъ составляетъ серьезную обязанность печати, понимающей свое истинное назначеніе.

Къ сожалѣнію, однакожъ, наша печать почти совершенно игнори-

руетъ эту свою обязанность, по отношенію къ судебной реформѣ. Юристы по профессіи если и занимаются иногда литературными работами, то исключительно въ догматическо-коментаторскомъ направленіи. Они ограничиваются изъясненіемъ смысла законовъ и примѣненіемъ ихъ къ сомнительнымъ практическимъ случаямъ, т. е. чисто технической, такъ сказать ремесленной стороной юриспруденціи. О критикѣ же, какъ законовъ, такъ и общаго направленія нашей судебной практики, съ точки зрѣнія соціально-экономическихъ интересовъ русской народной жизни—у насъ, можно сказать, нѣтъ еще и помину. Между тѣмъ, именно въ настоящее время, когда гласный судъ составляетъ у насъ еще явленіе новое и ему поэтому приходится выдерживать борьбу съ укоренившимися въ обществѣ и судебной корпораціи традиціями прежнихъ, совершенно иныхъ порядковъ, почва для подобнаго рода изслѣдованій, по сравнительному изученію стараго и новаго суда, чрезвычайно изобильна и благодарна. Эти соображенія побудили насъ изложить здѣсь нѣсколько мыслей о нѣкоторыхъ любопытныхъ явленіяхъ въ нашей новой судебной практикѣ, значеніе которыхъ до сихъ поръ, какъ намъ кажется, недостаточно оцѣнено. Мы избрали дѣятельность кассаціоннаго суда по слѣдующимъ основаніямъ. Съ одной стороны, кассаціонные департаменты сената составляютъ, при дѣйствіи уставовъ 1864 года, единственное судебное мѣсто, вѣдомство котораго простирается не на опредѣленную только мѣстность, но на всю Россію (разумѣется, на тѣ части русской территоріи, гдѣ введенъ новый судъ). Отсюда понятно, что характеръ и направленіе дѣятельности кассаціоннаго суда, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстъ, имѣютъ значеніе обще-государственное, а потому каждая попытка критическаго разбора дѣятельности этого суда и ея недостатковъ, какъ бы слаба эта попытка ни была, можетъ принести несомнѣнную пользу. Съ другой стороны, работа эта, по отношенію къ кассаціоннымъ департаментамъ сената, несравненно легче, чѣмъ относительно всѣхъ другихъ судебныхъ мѣстъ, такъ какъ для оцѣнки дѣятельности сената мы имѣемъ готовый и весьма богатый матеріалъ въ печатаемыхъ его рѣшеніяхъ. Практика кассаціоннаго сената на виду у всѣхъ, тогда какъ тотъ, кто задался бы изученіемъ практики, напр. какой нибудь судебной палаты, долженъ бы былъ предварительно одолѣть громадный архивный трудъ, такъ какъ, за исключеніемъ московской судебной палаты,

всѣ другія палаты печатаютъ свои рѣшенія лишь изрѣдка въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Затѣмъ, какъ читатель увидитъ, мы обращаемъ здѣсь исключительное вниманіе на дѣятельность *гражданскаго* кассаціоннаго департамента сената. Мы руководствовались при этомъ слѣдующимъ соображеніемъ. Наше уложеніе о наказаніяхъ и уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, представляютъ весьма обстоятельный и полный кодексъ уголовнаго права. Въ примѣненіи этихъ кодексовъ на практикѣ если и возникаютъ иногда недоразумѣнія, то они происходятъ не отъ неясности и неполноты самого закона, а отъ неправильнаго его пониманія и примѣненія судебными мѣстами. Вслѣдствіе этого, дѣятельность уголовнаго кассаціоннаго департамента вноситъ мало существенно-новаго въ нашъ юридическій бытъ, а ограничивается преимущественно исправленіемъ тѣхъ ошибокъ и отступленій отъ закона, которыя сдѣланы низшими судебными мѣстами. Другое дѣло—практика сената по гражданскимъ дѣламъ. Наше гражданское законодательство крайне отстало и несовершенно. Оно отличается особенно неполнотой, неясностью и даже противорѣчивостью. Въ то время, какъ уложеніе о наказаніяхъ есть систематическій кодексъ довольно новаго происхожденія (1845) и въ 1866 г. приведено въ согласіе съ судебными уставами 1864 г., нашъ сводъ гражданскихъ законовъ (1-я часть X тома св. зак.) представляетъ собраніе различныхъ указовъ, изъ которыхъ многіе относятся еще ко второй половинѣ XVII вѣка. Отсюда происходитъ то обстоятельство, что цѣлые отдѣлы гражданскаго права, превосходно разработанные въ западно-европейскихъ законодательствахъ, или вовсе игнорируются въ нашемъ сводѣ, или затрогиваются въ одной, двухъ статьяхъ, иногда въ нѣсколькихъ словахъ. При такихъ условіяхъ, задача кассаціоннаго суда, по гражданскимъ дѣламъ, у насъ въ высшей степени трудна, но зато чрезвычайно самостоятельна и плодотворна. Дѣятельность этого суда, какъ высшаго толкователя законовъ, при явной отсталости и неполнотѣ этихъ послѣднихъ, является чисто творческой и потому весьма важной по своимъ послѣдствіямъ. Ему приходится создавать, иногда на основаніи двухъ-трехъ словъ въ законѣ, иногда по общимъ началамъ права и руководствуясь общимъ смысломъ законовъ, юридическія нормы для цѣлой массы имущественныхъ и другихъ гражданскихъ отношеній, не предусмотрѣнныхъ нашимъ законодателемъ. А такъ какъ взгляды и толкованія кассаціон-

наго сената обязательны для всѣхъ остальныхъ судебныхъ мѣстъ, почти въ равной мѣрѣ съ законами, и потому имѣютъ огромное вліяніе на весь ходъ правосудія у насъ, то понятно, какое значеніе имѣютъ для всего общества вопросы: въ какой мѣрѣ принципы, руководящіе дѣятельностью гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, соотвѣтствуютъ интересамъ и понятіямъ современной русской жизни, и въ чемъ заключаются условія, парализующія благотворную дѣятельность этого высшаго судилища въ имперіи. Матеріаломъ для отвѣта на эти вопросы могутъ, какъ намъ кажется, послужить излагаемыя ниже замѣчанія о нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ нашей кассаціонной практики по гражданскимъ дѣламъ.

II.

Идея кассаціоннаго суда, какъ извѣстно, заключается въ томъ, что ему предоставляется провѣрка правильности судебныхъ рѣшеній, исключительно съ точки зрѣнія правильнаго примѣненія закона къ тому или другому факту, служащему предметомъ судебнаго разбирательства.

Задача всѣхъ остальныхъ судебныхъ мѣстъ двоякая: они должны, прежде всего, вывести изъ всего матеріала, собраннаго судебнымъ производствомъ, заключеніе о томъ, какіе факты, имѣющіе значеніе для дѣла, представляются доказанными тѣми данными, которыя собраны участвующими въ дѣлѣ частными лицами и органами правительственной власти. Затѣмъ, установивъ, что такіе-то факты, имѣющіе значеніе для опредѣленія того, кому принадлежитъ спорное имущественное право (въ дѣлахъ гражданскихъ) или уголовной отвѣтственности обвиняемаго лица (въ дѣлахъ уголовныхъ)—несомнѣнно доказаны, судъ долженъ перейти къ другой половинѣ своей работы—опредѣленію того, какія послѣдствія по закону влекутъ за собой эти факты для участвующихъ въ дѣлѣ лицъ; другими словами, во второй части своей работы судъ примѣняетъ законъ, какъ общую норму, къ признанному имъ предварительно частному случаю. Кассаціонный же судъ отличается отъ другихъ судебныхъ мѣстъ тѣмъ, что ему предоставлена только вторая часть судейскаго труда, необходимаго для разрѣшенія дѣла. Относительно констатированія того или другаго факта, кассаціонный судъ вполнѣ полагается на низшія судебныя

мѣста, разсматривавшія дѣло по существу, но онъ провѣряетъ только, дѣйствительно ли ими примѣненъ къ этому факту тотъ законъ, который подходитъ къ данному случаю, а не другой, и правильно ли понятъ ими смыслъ закона. Кассаціонный судъ, напр., не входитъ въ разсмотрѣніе того, правильно ли низшій судъ изъ имѣющихся въ дѣлѣ бумагъ, свидѣтельскихъ показаній и другихъ доказательствъ вывелъ заключеніе, что одно лицо нарушило договоръ, заключенный съ другимъ. Но онъ подвергаетъ разбору правильность вывода низшаго суда, что по закону нарушеніе договора съ однимъ контрагентомъ даетъ право другому требовать его уничтоженія; и если находитъ, что этотъ выводъ не соотвѣтствуетъ смыслу нашихъ законовъ, то кассируетъ (отмѣняетъ) рѣшеніе низшаго суда, постановленное въ противоположномъ смыслѣ.

Кассаціонный судъ есть произведеніе французской государственной жизни и представляетъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ любопытнѣйшихъ продуктовъ творчества французскаго политическаго генія. Его происхожденіе коренится глубоко во всей исторіи Франціи. До революціи 1789 г. во Франціи не было ни общаго для всей страны законодательства, ни верховнаго суда, котораго власть простиралась бы на всю страну. Страна управлялась, кромѣ королевскихъ ордонансовъ, представлявшихъ зародышъ будущаго общаго законодательства, началами католическаго, а мѣстами и римскаго права, и безконечно разнообразными для каждой мѣстности обычаями. Судьи были также исключительно мѣстные и руководствовались указанными законодательными источниками по своему выбору и усмотрѣнію. Отсюда жалобы на произволъ и разнообразіе судебныхъ рѣшеній, раздающіяся особенно часто во французской литературѣ XVIII вѣка. Это отсутствіе единства въ законодательствѣ и преобладаніе судейскаго произвола надъ строгой законностью глубоко возмущало французовъ XVIII вѣка. Единственный исходъ изъ этого положенія они видѣли въ томъ, чтобъ ввести точное, полное и общее для всей страны законодательство, которое совершенно уничтожило бы произволъ и даже усмотрѣніе судьи, превративъ его въ механическаго исполнителя народной воли, выражаемой въ законѣ, какъ продуктъ дѣятельности ея представительницы—государственной власти. Но одно изданіе общихъ законовъ казалось людямъ обновленной Франціи недостаточной гарантіей единства и централизаціи въ дѣлѣ правосудія. Необходимо было изобрѣсти такой живой органъ въ судебномъ организмѣ, который

имѣлъ бы спеціальной обязанностью слѣдить за тѣмъ, чтобъ законъ дѣйствительно примѣнялся на дѣлѣ однообразно и точно, который, однимъ словомъ, былъ бы представителемъ государственнаго единства въ судебномъ мірѣ. Такимъ органомъ явился кассаціонный судъ, на котораго возложена была обязанность служить руководителемъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ страны въ единообразномъ и правильномъ примѣненіи закона. Этотъ кругъ дѣятельности отмежеванъ кассаціонному суду и во всѣхъ тѣхъ странахъ, которыя впослѣдствіи заимствовали его у Франціи,—между прочимъ и у насъ.

И, такъ обязанность нашего кассаціоннаго сената заключается въ томъ, чтобъ слѣдить за правильнымъ пониманіемъ и примѣненіемъ законовъ всѣми остальными судебными мѣстами имперіи, разъяснять имъ смыслъ закона тамъ, гдѣ онъ неясенъ,—словомъ, быть стражемъ строгой законности quand-même. Казалось бы, чего же лучше? Очевидно, что такого рода функція верховнаго суда должна быть въ высшей степени благотворна для общества во всѣхъ отношеніяхъ. Цеховые юристы дальше этого признанія пользы единства судебнаго толкованія законовъ и не идутъ. Для нихъ польза эта составляетъ аксіому, не подлежащую дальнѣйшей критикѣ и сомнѣнію. Но если посмотрѣть на вещи не съ одной чисто-юридической точки зрѣнія, а со стороны дѣйствительной полезности для современной русской жизни принципа строгой законности въ дѣятельности гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, то окажется, что общепринятое на этотъ счетъ мнѣніе подлежитъ еще нѣкоторымъ ограниченіямъ и оговоркамъ. Въ доказательство этого приведемъ здѣсь нѣсколько примѣровъ.

Наши законы о союзѣ семейномъ, о природѣ и юридическихъ послѣдствіяхъ брака, о личныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, объ отношеніяхъ между родителями и дѣтьми и пр., какъ извѣстно, крайне отсталы и несовершенны. Отличаясь чрезвычайной неполнотой и преобладаніемъ церковно-патріархальныхъ воззрѣній, они даютъ широкій просторъ для произвола и деспотизма въ отношеніяхъ главы семейства къ подчиненнымъ ему лицамъ (мужа къ женѣ, отца къ дѣтямъ). Это одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ въ нашемъ гражданскомъ законодательствѣ, ибо семейный бытъ вообще находится у насъ въ плачевномъ положеніи, и задача государства заключается, конечно, не въ томъ, чтобъ потворствовать самодурству и поощрять безобразія въ семьѣ—этой основѣ гражданской жизни.

Какъ бы то ни было, устарѣлые и во многомъ несправедливые законы о семьѣ существуютъ у насъ до сихъ поръ. Но такъ какъ, съ другой стороны, законы эти далеко не отличаются точностью и полнотой, которыя могли бы связать судъ безусловной необходимостью примѣнять строгость закона къ каждому случаю, то задача суда, какъ вообще исполнительныхъ органовъ государственной власти, при такихъ условіяхъ заключается въ томъ, чтобы, пользуясь недомолвками закона и нѣкоторыми его уклоненіями отъ общихъ устарѣвшихъ началъ, расширить кругъ примѣненія къ дѣйствительной жизни этихъ уклоненій, ввести такимъ образомъ въ юридическій бытъ новыя, прогрессивныя начала, болѣе удовлетворяющія современнымъ понятіямъ о справедливости и достигающія прямой цѣли всякаго закона— охранять слабаго отъ эксплуатаціи его личности и имущества болѣе сильнымъ.

До введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, эту роль смягчительницы суровости отжившихъ законовъ брала на себя, главнымъ образомъ, администрація. Такъ какъ въ то время не было еще у насъ строгаго разграниченія предѣловъ вѣдомства судебной и административной власти, то послѣдняя очень часто вторгалась въ кругъ дѣятельности первой; и такъ какъ администрація отличается отъ суда тѣмъ, что она не въ такой степени, какъ этотъ послѣдній, связана положительнымъ закономъ, а можетъ дѣйствовать во многомъ по собственному усмотрѣнію, то дѣятельность ея въ сферѣ семейнаго права нерѣдко оказывалась весьма благотворной. Тамъ, гдѣ судъ долженъ былъ бы примѣнить положительный законъ (ибо суду не предоставлено входить въ обсужденіе того, насколько тотъ или другой законъ справедливъ и разуменъ, девизъ его—dura lex, sed lex), тамъ администрація дѣйствовала на основаніи естественной справедливоси и практической необходимости, не справляясь съ стѣснительнымъ и несправедливымъ закономъ. Въ результатѣ выходило, что беззаконныя дѣйствія администраціи болѣе удовлетворяли практическимъ нуждамъ общества и были притомъ болѣе справедливы, чѣмъ строгое исполненіе гражданскихъ законовъ. Это въ особенности замѣтно было на одномъ изъ важнѣйшихъ отдѣловъ семейнаго права—вопросѣ о совмѣстной жизни супруговъ. Нашъ сводъ гражданскихъ законовъ, придерживаясь всецѣло и безусловно стариннаго, церковнаго взгляда на бракъ не какъ на юридическій актъ договорнаго соглашенія, а какъ на религіозное таинство, связующее супруговъ вѣчно и не-

разрывно, послѣдовательно опредѣляетъ, что супруги всегда и вездѣ должны жить вмѣстѣ, за исключеніемъ лишь случаевъ, положительно въ законѣ указанныхъ, и что поэтому никакія соглашенія супруговъ о раздѣльной жизни не имѣютъ никакого значенія. Вообще говоря, это, конечно, вполнѣ согласно съ сущностью и идеей брака, даже съ юридической точки зрѣнія. Поэтому необходимость совмѣстной жизни супруговъ признается въ принципѣ всѣми законодательствами. Даже при господствѣ парижской коммуны, которую нельзя было упрекнуть въ приверженности къ религіознымъ началамъ, въ брачныхъ контрактахъ, состоявшихъ всего изъ нѣсколькихъ строчекъ, помѣщалось условіе, что жена обязывается всюду слѣдовать за своимъ мужемъ. Но съ другой стороны очевидно, что дать мужу безусловное право при всѣхъ обстоятельствахъ требовать совмѣстнаго жительства съ нимъ жены—значитъ поставить послѣднюю нерѣдко въ самое безотрадное положеніе и сдѣлать ее положительно рабыней мужа. Въ жизни встрѣчается множество случаевъ, когда важные семейные и хозяйственные интересы всей семьи, или лично жены, требуютъ раздѣльнаго пребыванія ея отъ мужа. Справедливое законодательство и органы его—судъ и администрація—должны заботиться о томъ, чтобъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ смягчать суровость закона въ этомъ отношеніи, согласно практическимъ потребностямъ. Это тѣмъ болѣе необходимо у насъ, гдѣ разводъ или разлученіе супруговъ крайне затруднительно и въ огромномъ большинствѣ случаевъ просто невозможно. А если невозможно юридически разлучить супруговъ, то является настоятельная потребность въ томъ, чтобъ допустить, по крайней мѣрѣ, фактическую раздѣльность въ тѣхъ случаяхъ, когда брачная жизнь супруговъ по той или другой причинѣ не можетъ идти нормальнымъ ходомъ. И вотъ администрація у насъ въ прежнее время поддерживала своимъ авторитетомъ эти практически-необходимыя отступленія отъ общаго закона. Кому неизвѣстно, что семейныя дѣла, въ особенности у высшихъ сословій, прежде разбирались не столько въ судебныхъ мѣстахъ, сколько въ административныхъ (въ полиціи, у губернаторовъ, чиновъ жандармскаго управленія), и что эти послѣдніе, руководствуясь больше справедливостью и собственнымъ усмотрѣніемъ, чѣмъ буквой закона, принимали, большей частью, сторону слабаго и угнетеннаго, и потому разрѣшали женѣ отдѣльное жительство, обязывали мужа давать содержаніе ей и дѣтямъ и т. под. Это можно видѣть изъ нѣкоторыхъ дѣлъ, которыя начались при дѣйствіи

стараго суда и кончились при новомъ (напр., дѣла супруговъ Палевичъ, Марковыхъ, Вагнеръ, Голицыныхъ и др.). Но такъ дѣйствовала не одна только высшая администрація. Само духовенство, уступая гнетущей общественной нуждѣ, давало многимъ супругамъ такъ называемыя *распустныя письма*, т. е. подверждало добровольныя соглашенія супруговъ о раздѣльной жизни; судебныя мѣста утверждали подобнаго рода договоры (напр., договоръ супруговъ Шелковниковыхъ въ 1819 г.), а полиція смотрѣла совершенно равнодушно на фактическое разлученіе супруговъ.

Но вотъ у насъ введенъ новый судебный строй, однимъ изъ основныхъ принциповъ котораго явилось строгое разграниченіе предѣловъ вѣдомства судебной власти отъ административной. Вмѣшательство администраціи въ семейныя дѣла, въ особенности относительно совмѣстной жизни супруговъ, содержанія жены мужемъ и другихъ вопросовъ, прямо предусмотрѣнныхъ въ гражданскихъ законахъ и потому составляющихъ предметъ вѣдѣнія судебныхъ мѣстъ, сдѣлалось невозможнымъ. Явилась новая категорія судебныхъ дѣлъ по требованіямъ мужей о сожительствѣ женъ, женъ о пропитаніи ихъ мужьями, отцовъ о возвратѣ дѣтей. Говоримъ «новая категорія», потому что въ старой *судебной* практикѣ такихъ дѣлъ почти совсѣмъ не бывало; по крайней мѣрѣ—вы напрасно стали бы искать ихъ въ такомъ богатомъ и объемистомъ изданіи, какъ сборникъ рѣшеній стараго сената. Судебныя мѣста, къ которымъ начали обращаться съ подобнаго рода исками о правахъ семейныхъ, очевидно не могутъ, по примѣру прежней административной практики, руководствоваться при разрѣшеніи этихъ требованій однимъ личнымъ усмотрѣніемъ и инстинктивнымъ чувствомъ справедливости, а должны, по самой сущности своего назначенія, стать на почву положительнаго закона. Самое большее, что судъ можетъ сдѣлать для осуществленія справедливости въ семейномъ быту и смягченія суровости признаваемаго закономъ патріархальнаго устройства въ русской семьѣ, это толковать законы по возможности снисходительнѣе къ «унижаемымъ и оскорбляемымъ» въ семьѣ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законы, по неясности, неполнотѣ или неопредѣленности, оставляютъ мѣсто для судебнаго толкованія; нарушить же положительный законъ тамъ, гдѣ примѣненіе его къ данному судебному случаю не представляетъ никакого сомнѣнія, никакой судъ не можетъ, какъ бы подобнаго рода рѣшенія ни противорѣчили внутреннему убѣжденію и понятіямъ о справедливости самихъ судей,

постановляющихъ рѣшенія. При крайнемъ несовершенствѣ нашего гражданскаго законодательства съ внѣшней даже стороны (т. е. относительно систематичности, логичности и полноты его), снисходительная судебная практика могла бы, однакожъ, принести огромную пользу нашему юридическому быту, съуживая кругъ дѣйствія обветшавшихъ началъ въ законодательствѣ и распространяя примѣненіе на практикѣ тѣхъ болѣе прогрессивныхъ принциповъ, которые хотя въ слабой степени, но успѣли уже проникнуть и въ наше дѣйствующее право. Но тутъ является неожиданное препятствіе со стороны—кого бы вы думали?—*кассаціоннаго суда*. Какъ ни странно, повидимому, утверждать, что прогрессивному развитію нашего юридическаго быта, согласно съ требованіями общественной справедливости, мѣшаетъ иногда высшій представитель новаго суда, призваннаго осуществить судъ правый и проч., но что это дѣйствительно такъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ, взятыхъ изъ нашей новой судебной практики. Полковникъ Соломко, одинъ изъ обрусителей западной окраины, «находящійся въ распоряженіи» виленскаго генералъ-губернатора, предъявляетъ изъ Вильны искъ въ петербургскомъ окружномъ судѣ, требуя, чтобы судъ призналъ его жену, проживающую въ Петербургѣ, обязанною жить съ нимъ по мѣсту его службы. Жена его объясняетъ, что Соломко кругомъ въ долгахъ, ему ежеминутно грозитъ опасность быть посаженнымъ въ тюрьму за долги и онъ не имѣетъ рѣшительно никакихъ средствъ содержать ее и воспитывать дѣтей; что она истратила свое состояніе на уплату долговъ мужа, но теперь ничего больше не имѣетъ и вынуждена жить у матери въ Петербургѣ: что мужъ ея, не имѣя опредѣленныхъ служебныхъ занятій, а «находясь въ распоряженіи» администраціи сѣверо-западнаго края, не имѣетъ и постоянной осѣдлости, а командируется то въ одно, то въ другое мѣсто этого края; слѣдовательно и она должна вести кочевую жизнь, чрезъ что правильное воспитаніе дѣтей дѣлается невозможнымъ. Выяснилось также на судѣ, что, во время иска, Соломко не былъ уже въ Вильнѣ, а странствовалъ гдѣ-то въ командировкѣ; что онъ послалъ въ полицію 15 р. на проѣздъ его жены и двухъ дѣтей изъ Петербурга въ Вильну, а другихъ средствъ на проѣздъ г-жа Соломко не имѣетъ; что истецъ растратилъ значительное состояніе своей жены и заставлялъ ее подписывать за него векселя; что дѣти «тяжущихся» супруговъ нуждаются въ искусномъ леченіи и т. под. обстоятельства. Окружный судъ, а затѣмъ и судебная палата, отка-

зали Соломкѣ въ искѣ. Къ несчастію для г-жи Соломко, дѣло перешло въ гражданскій кассаціонный департаментъ сената. Сенатъ, какъ и слѣдовало ожидать, оставилъ совершенно въ сторонѣ всѣ тѣ фактическія обстоятельства, которыя побудили окружный судъ и палату оградить г-жу Соломко отъ притязаній ея мужа. Онъ сталъ исключительно на юридическую почву и призналъ, что, при поступленіи мужа на службу, жена должна слѣдовать за нимъ «на точномъ основаніи» статьи такой-то, а слѣдовательно, противное этому рѣшеніе палаты должно быть отмѣнено *). Такимъ образомъ, дѣло, въ концѣ концовъ, рѣшено не въ пользу г-жи Соломко и новый судъ явился защитникомъ не слабаго противъ сильнаго, а наоборотъ. Между тѣмъ, какъ ни разбирайся это дѣло старымъ административнымъ порядомъ или же въ какомъ нибудь иностранномъ судѣ, оно, по всей вѣроятности, получило бы противоположный исходъ. Какое впечатлѣніе произвелъ на г-жу Соломко результатъ ея тяжбы съ мужемъ въ новомъ судѣ—угадать нетрудно, и нѣтъ сомнѣнія, что общество, столь существенно заинтересованное въ улучшеніи нашего печальнаго семейнаго быта, страдающаго именно отъ чрезмѣрной власти «большаковъ» надъ подчиненными членами семьи, не можетъ не стать на ея сторону въ этомъ случаѣ.

Такимъ же образомъ кассаціонный сенатъ отнесся къ другому капитальному вопросу семейнаго права — обязанности мужа содержать жену и праву жены на это содержаніе.

Законъ безусловно признаетъ какъ эту обязанность мужа, такъ и право жены; но для того, чтобы законъ не оставался мертвой буквой, этого еще недостаточно. Дѣло въ томъ, что тамъ, гдѣ семейная жизнь идетъ правильнымъ ходомъ, существованіе подобнаго закона излишне; онъ пріобрѣтаетъ дѣйствительное значеніе въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, гдѣ естественные законы семейной жизни нарушаются однимъ изъ членовъ семьи, и общественная власть должна вмѣшаться для возстановленія нормальнаго порядка въ семьѣ; а тутъ-то и оказывается, что мало еще признать, напр., право каждаго изъ супруговъ на совмѣстную съ нимъ жизнь другого супруга или право жены на содержаніе ея мужемъ, а необходимо придумать и средства, какъ осуществить эти права, когда они добровольно не исполняются; иначе, такая важная гарантія, напр. для женъ, какъ обязанность му-

*) См. «Вѣсть» 1869 г. № 258 и рѣш. гр. кассац. деп. сен. за 1870 г. № 1145.

жей давать имъ приличное содержаніе, можетъ оказаться мертвой буквой. Въ иностранныхъ законодательствахъ, вслѣдствіе возникающихъ постоянно практическихъ потребностей, давно уже придуманы различныя мѣры, гарантирующія каждому изъ супруговъ выполненіе другимъ супругомъ своихъ обязанностей по отношенію къ нему. У насъ, съ появленіемъ въ практикѣ судовъ категоріи семейныхъ (гражданскихъ) дѣлъ, тоже обнаружилась настоятельная потребность въ такого рода мѣрахъ для обезпеченія дѣйствительнаго исполненія законовъ о союзѣ семейномъ. Но такъ какъ объ этихъ исполнительныхъ пріемахъ въ самомъ законѣ ничего не упоминается, то пришлось восполнить его при помощи общихъ соображеній; и здѣсь судамъ опять пришлось столкнуться съ противодѣйствіемъ со стороны кассаціоннаго сената, который, въ качествѣ неумолимо строгаго толкователя положительнаго закона, не допускаетъ никакихъ, хотя бы самыхъ необходимыхъ, восполненій его судебной практикой. На практикѣ, напр., возникаетъ очень часто слѣдующій вопросъ: что дѣлать въ томъ случаѣ, когда мужъ, живя вмѣстѣ съ женой, явно нарушаетъ установленную закономъ его обязанность — давать женѣ содержаніе «по состоянію и возможности своей»? По австрійскому праву, въ томъ случаѣ, когда содержаніе, даваемое мужемъ женѣ, не соотвѣтствуетъ его средствамъ и общественному положенію семьи, жена имѣетъ право обратиться въ судъ, который и опредѣляетъ размѣръ содержанія. Даже во Франціи, гдѣ юридическое положеніе женщины далеко незавидное, жена можетъ судебнымъ порядкомъ требовать, чтобъ на содержаніе ея мужъ давалъ опредѣленную срочную сумму, опредѣляемую судомъ, сообразно средствамъ мужа. Но главной гарантіей для женъ въ исправномъ пропитаніи ихъ мужьями, по иностраннымъ законодательствамъ, служитъ то обстоятельство, что, при нарушеніи этой обязанности мужьями, законодательства эти допускаютъ право женъ на *разлученіе* съ ними, т. е. на раздѣльную жизнь, охраняемую и признаваемую закономъ. У насъ старая административная практика признавала право жены на раздѣльную жизнь, при неисполненіи мужемъ требованія закона о пропитаніи жены. Новые суды, въ началѣ своего существованія, тоже прибѣгали къ этой единственной серьезной мѣрѣ понужденія мужей къ содержанію своихъ женъ, какъ видно изъ рѣшенія по дѣлу Марковыхъ. Но кассаціонный сенатъ въ рѣшеніи по этому дѣлу («Сборникъ» 1868 года № 526) призналъ такой взглядъ неправильнымъ на томъ основаніи, что супруга, во

всякомъ случаѣ, должна жить вмѣстѣ и что недоставленіе мужемъ женѣ своей содержанія не освобождаетъ ее отъ обязанности совмѣстной съ нимъ жизни, а даетъ ей право обратиться въ судъ съ особымъ требованіемъ о содержаніи. Сенатъ, придерживаясь, такимъ образомъ, строго буквальнаго смысла закона, не обращаетъ при этомъ никакого вниманія на то, какое практическое значеніе можетъ имѣть для жены предоставляемое имъ ей право требовать въ судѣ отъ мужа содержанія? Это тѣмъ болѣе странно, что самъ сенатъ, въ другомъ рѣшеніи (по дѣлу Вагнеръ), призналъ, что, будто бы, «немыслимо опредѣлить какой бы то ни было цифрой, сколько мужъ долженъ и можетъ отдѣлять изъ своихъ доходовъ на содержаніе жены». Сенатъ, слѣдовательно, отвергъ обѣ гарантіи, признаваемыя иностранными законодательствами, какъ необходимыя мѣры понужденія мужей къ содержанію женъ — опредѣленіе цифры этого содержанія и дозволеніе женѣ жить отдѣльно отъ мужа. Какой же смыслъ можетъ имѣть предоставленное сенатомъ женѣ право требовать содержанія отъ мужа, посредствомъ суда? Что изъ того, если судъ признаетъ справедливость ея требованія, когда у него отняты средства къ тому, чтобъ осуществить право жены?

Далѣе возникаетъ другой вопросъ: что̀ если мужъ, несмотря на требованіе закона, бросаетъ свою жену, не хочетъ жить вмѣстѣ съ ней? Какъ возстановить нарушенное такимъ образомъ требованіе закона о совмѣстной жизни супруговъ? Въ западной Европѣ этотъ вопросъ рѣшенъ довольно удовлетворительно и притомъ (какъ многіе другіе подобные вопросы) не столько закономъ, сколько самой судебной практикой. Такъ, по французскому праву, судъ можетъ въ такомъ случаѣ, въ видѣ наказанія, обязать мужа давать женѣ опредѣленную срочную сумму на пропитаніе, до тѣхъ поръ, пока онъ не возьметъ ее къ себѣ. По австрійскому праву, если разлученіе супруговъ произошло по винѣ мужа, то онъ обязанъ содержать разлученную съ нимъ жену до вторичнаго ея замужества, поступленія въ монастырь или смерти. У насъ старая административная практика, а за ней и новые суды вначалѣ примѣняли эту мѣру и признавали за женой, въ случаѣ оставленія ея мужемъ, право требовать пропитанія при отдѣльной жизни. Но тутъ случилось совершенно тоже самое, что и съ предъидущимъ вопросомъ. Гражданскій кассаціонный департаментъ, разсмотрѣвъ дѣло супруговъ Вагнеръ, призналъ, что «петербургская судебная палата, разсмотрѣвъ искъ Ѳеодосіи Вагнеръ,

предъявленный ею къ мужу своему, Павлу Вагнеръ, о присужденіи ей съ мужа по 40 р. въ мѣсяцъ за все время, прожитое ею врозь отъ мужа, и о назначеніи ей и впредь содержанія въ такой же мѣрѣ, допустила совершенно неправильное толкованіе 106 ст. т. X ч. I, признавъ, что эта статья служитъ главнѣйшимъ доказательствомъ искапросительницы, присудивъ ей за нѣсколько лѣтъ прошедшаго времени, равно какъ и на будущее время, по 40 р. въ мѣсяцъ содержанія, по случаю отдѣльнаго ея жительства отъ мужа, и опредѣливъ эту цифру на собственномъ своемъ соображеніи, что, по отношенію къ состоянію и возможности Вагнера, такое содержаніе оказывается непреувеличеннымъ». Онъ основываетъ выводъ этотъ на томъ соображеніи, что обязанность мужа давать женѣ пропитаніе неразрывно связана *по закону* съ обязанностью супруговъ жить вмѣстѣ, и слѣдовательно, жена, живущая отдѣльно отъ мужа (по чьей бы то ни было винѣ), не имѣетъ никакого права требовать пропитанія отъ мужа, а можетъ только требовать совмѣстной съ нимъ жизни *). Тоже самое высказано сенатомъ въ другомъ дѣлѣ, супруговъ Макаровыхъ. Макарова именно искала въ мировыхъ учрежденіяхъ понужденія мужа жить съ ней совмѣстно. Самарскій мировой съѣздъ призналъ требованіе ея правильнымъ и призналъ мужа ея обязаннымъ «до изъявленія согласія на совмѣстное жительство выдавать на содержаніе жены по 8 р. въ мѣсяцъ». Съѣздъ, слѣдовательно, прибѣгъ къ тому средству, которое въ практикѣ западно-европейской считается вполнѣ законнымъ и справедливымъ въ подобныхъ случаяхъ и которое въ сущности есть лучшая мѣра понужденія мужа къ совмѣстному жительству съ женой, когда нѣтъ законной причины разлученія. Нашъ законъ, правда, не упоминаетъ о правѣ судебныхъ мѣстъ постановлять опредѣленія въ этомъ смыслѣ. Но съ другой стороны законъ у насъ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, настаиваетъ на святости и неразрывности брачныхъ узъ и вытекающей изъ этого необходимости совмѣстной жизни супруговъ. Слѣдовательно, разумная судебная практика, стремящаяся не къ механическому исполненію буквы закона, а къ примѣненію его духа и общаго смысла, не только можетъ, но и должна озаботиться пріисканіемъ мѣръ, направленныхъ къ тому, чтобы поддержать принципъ совмѣстной жизни супруговъ, какъ кореннаго элемента брака, въ тѣхъ случаяхъ, когда принципъ этотъ произвольно и несправед-

*) «Сборникъ рѣш. гражд. касс. деп. сената за 1868 г.», № 461.

ливо нарушается мужемъ. Дѣйствительно, наше законодательство, какъ и всякое другое, не можетъ же допустить непосредственное, физическое насиліе для понужденія мужа жить съ женой и наоборотъ: въ мнѣніяхъ государственнаго совѣта 1850 и 1851 годовъ, по вопросу о слѣдованіи женъ за ссыльными мужьями, прямо выражено, что принужденіе супруговъ жить вмѣстѣ противъ ихъ воли — невозможно. Какое же другое средство можетъ повести къ возстановленію брачнаго сожительства супруговъ, или, по крайней мѣрѣ, къ вознагражденію страдающей въ своихъ законныхъ правахъ жены, какъ не признаніе судомъ обязанности мужа содержать брошенную имъ жену? Но кассаціонный сенатъ, до котораго восходило дѣло Макаровыхъ, не обратилъ никакого вниманія на всѣ эти обстоятельства. Вѣрный своей системѣ—придерживаться буквы закона, не вникая въ его смыслъ и не соображая, въ какой степени могущія произойти послѣдствія согласны съ идеей самого закона, не говоря уже объ интересахъ общества, онъ отмѣнилъ рѣшеніе съѣзда по слѣдующимъ основаніямъ. «На основаніи ст. 103 т. X ч. 1 супруги обязаны жить вмѣстѣ, доколѣ самый бракъ подлежащей властью и по основаніямъ, предустановленнымъ закономъ, не будетъ расторгнутъ, а потому строго воспрещаются всѣ акты, клонящіеся къ самовольному разлученію супруговъ. Изъ сего слѣдуетъ, что для охраненія святости брачнаго союза не могутъ быть допускаемы и распоряженія суда относительно назначенія женамъ, живущимъ отдѣльно, содержанія отъ ихъ мужей, ибо такое распоряженіе могло бы такому незаконному разлученію дать видъ нѣкоторой терпимости со стороны самого правительства» (Сборникъ рѣшеній за 1870 г. № 799).

Мы не будемъ вдаваться здѣсь въ оцѣнку состоятельности доводовъ и соображеній сената по существу ихъ, но ограничимся указаніемъ на специфическую особенность кассаціонной практики, сравнительно съ прежнимъ нашимъ юридическимъ бытомъ. Особенность эта, какъ легко замѣтить изъ приведенныхъ нами примѣровъ, состоитъ въ слѣпой, безусловной приверженности къ буквѣ закона, безъ всякаго соображенія, въ какой мѣрѣ буквальное пониманіе и примѣненіе закона, безъ дополненія или уменьшенія, не только согласно съ практическими потребностями общества, но соотвѣтствуетъ внутреннему смыслу и цѣли самаго закона. Отсюда, какъ видно изъ приведенныхъ судебныхъ дѣлъ, и безпрестанныя столкновенія кассаціоннаго сената съ низшими судебными мѣстами. Дѣло въ томъ, что какъ бы судьи

ни прониклись сознаніемъ своего долга быть неумолимыми исполнителями закона во что бы то ни стало, но инстинктъ справедливости, присущій болѣе или менѣе каждому человѣку, не можетъ заглохнуть совершенно и у слѣпаго жреца слѣпой Ѳемиды. Судъ, которому предстоитъ рѣшать не отвлеченные вопросы права, но судьбу живыхъ людей, стоящихъ предъ нимъ во всей своей конкретной величинѣ, нерѣдко вынуждается своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ на компромиссы между безусловными требованіями закона и интересами справедливости въ каждомъ данномъ случаѣ. До введенія судебной реформы, когда чувство строгой законности было очень слабо развито у насъ, да и не могло развиться по несовершенству, неполнотѣ и другимъ недостаткамъ самихъ законовъ, такіе компромиссы въ судебныхъ рѣшеніяхъ составляли весьма обыкновенное явленіе. По свидѣтельству извѣстнаго нашего юриста, г. Побѣдоносцева, который по службѣ своей въ сенатѣ имѣлъ возможность глубоко изучить старую судебную практику, «несовершенство стараго суда заставляло часто для соблюденія правды нарушать формы и обряды». Г. Думашевскій выражается объ этомъ предметѣ еще обстоятельнѣе. «Кто слѣдилъ за практикой прежнихъ и новыхъ судебныхъ установленій, особенно высшихъ, говоритъ онъ, тотъ не могъ не замѣтить, что въ основѣ ихъ рѣшеній преобладаетъ не законъ, не право въ объективномъ смыслѣ, а чувство справедливости. У насъ весьма нерѣдко можно встрѣтить рѣшеніе, рѣшительно несогласное съ законами, но при всемъ томъ, по обстоятельствамъ даннаго дѣла, вполнѣ справедливое».

Разница между старыми и новыми судебными мѣстами въ этомъ отношеніи заключается лишь въ томъ, что послѣднія встрѣчаютъ въ своемъ стремленіи согласить законность съ справедливостью сильное препятствіе со стороны кассаціоннаго сената. Оно и неудивительно. Кассаціонный судъ, по сущности своей задачи, имѣетъ дѣло не съ реальными жизненными столкновеніями, а съ отвлеченными началами права. Онъ игнорируетъ и долженъ игнорировать всю совокупность фактическихъ обстоятельствъ, на которыхъ низшія судебныя мѣста основали свое убѣжденіе о правѣ той или другой стороны въ дѣлѣ. Ему предстоитъ разсмотрѣть лишь то, вѣрно ли примѣненъ положительный законъ къ факту, имѣвшемуся въ виду суда, и больше ничего. Понятно, что весь тотъ психическій процессъ, который привелъ судей къ убѣжденію въ необходимости постановить по данному дѣлу

именно такое-то рѣшеніе, какъ наиболѣе удовлетворяющее требованію справедливости въ этомъ дѣлѣ, остается чуждъ и непонятенъ членамъ суда кассаціоннаго, разрѣшающимъ не реальныя правовыя отношенія, а общіе юридическіе вопросы. Витая постоянно въ области юридической метафизики, а не живыхъ гражданскихъ правоотношеній, кассаціонный судъ разучается понимать истинную задачу всякаго суда—осуществлять въ спорныхъ и сомнительныхъ случаяхъ именно ту справедливость, которая присуща современному обществу и его сознанію о правѣ. Отсюда отмѣна гражданскимъ кассаціоннымъ департаментомъ сената въ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами дѣлахъ рѣшеній низшихъ судебныхъ мѣстъ, не смотря на то, что рѣшенія эти, какъ мы видѣли, не только вполнѣ справедливы и согласны съ выводами судебной практики всѣхъ цивилизованныхъ странъ, но соотвѣтствуютъ и *внутреннему смыслу* нашего законодательства, хотя и не опираются на его букву.

Чтобы покончить съ дѣятельностью кассаціоннаго сената по семейному праву, приведемъ здѣсь еще одинъ примѣръ. Нерѣдко случается, что послѣ помолвки или сговора женихъ или невѣста отказываются отъ вступленія въ бракъ. Съ точки зрѣнія справедливости очевидно, что та сторона, которая отказалась отъ брака, должна вознаградить другую за убытки, происшедшіе для нея отъ приготовленія къ браку. Иностранныя законодательства, дѣйствительно, предусматриваютъ этотъ случай и разрѣшаютъ его вполнѣ справедливо. Такъ, по италіянскому гражданскому кодексу (ст. 54), если женихъ или невѣста откажется отъ брака безъ основательной причины, то обязывается судомъ къ возмѣщенію другой сторонѣ издержекъ на предстоящій бракъ. Австрійское гражданское уложеніе признаетъ это правило (ст. 46) и сверхъ того опредѣляетъ, что подарки, сдѣланные женихомъ невѣстѣ или наоборотъ, если бракъ потомъ не состоялся не по винѣ дарителя, могутъ быть взяты обратно (ст. 1247). Нашъ законъ собственно объ этомъ ничего не говоритъ, но онъ признаетъ за общее правило, что всякій обязанъ вознаградить того, кому причинилъ вредъ или убытокъ своимъ дѣйствіемъ или бездѣйствіемъ, хотя бы онъ дѣйствовалъ въ предѣлахъ своего права и не нарушалъ никакого закона. Не трудно примѣнить это общее начало къ данному случаю и ввести, такимъ образомъ, въ нашъ юридическій бытъ тѣ раціональныя правила по этому вопросу, которыя существуютъ въ западной Европѣ. Новая судебная практика, дѣйствительно, пыталась

это сдѣлать. Такъ, петербургскія мировыя учрежденія, по свидѣтельству г. Никитина, всегда присуждали жениховъ къ уплатѣ издержекъ на бракъ въ случаѣ ихъ отказа на него *). Тоже начало признано ржевскимъ окружнымъ судомъ въ рѣшеніи по дѣлу Карминыхъ и др. **). Но и тутъ дѣятельность новыхъ судовъ, относительно прогрессивнаго развитія русскаго права, встрѣтила тормазъ въ судѣ кассаціонномъ. Разсмотрѣвъ этотъ вопросъ въ дѣлахъ Волкова (Сборникъ 1869 г., № 292) и Гречищева (Сборникъ 1870 г., № 403), сенатъ призналъ слѣдующее. Во-первыхъ, строго охраняя бракъ, какъ церковное таинство, отъ смѣшенія его съ другими гражданскими отношеніями, онъ установилъ тотъ принципъ, что примѣненіе общихъ законовъ о значеніи сдѣлокъ малолѣтнихъ и объ отвѣтственности каждаго за свои дѣйствія невозможно. «Бракъ есть таинство, повторяетъ сенатъ въ дѣлѣ Волкова, и вступленіе въ оный, какъ совершающееся по обрядамъ церкви, не можетъ быть обусловливаемо никакимъ обязательствомъ, а слѣдовательно и причисляемо къ такого рода договорамъ и обязательствамъ, какія въ приведенныхъ статьяхъ закона предусмотрѣны». Во-вторыхъ, признавъ, что вопросъ объ отвѣтственности за убытки при отказѣ отъ брака долженъ быть разрѣшенъ на основаніи однихъ законовъ о семейномъ союзѣ, сенатъ разрѣшилъ этотъ вопросъ отрицательно. «Законъ, говоритъ сенатъ въ рѣшеніи по дѣлу Гречищева, предоставляетъ *право* сочетающимся лицамъ вступить въ бракъ не иначе, какъ по непринужденному согласію, а родителямъ давать дѣтямъ на вступленіе въ бракъ дозволеніе. Право каждаго изъ этихъ лицъ ничѣмъ не ограничено, и законъ не стѣсняетъ ихъ воли даже и послѣ даннаго согласія или дозволенія на вступленіе въ бракъ, которое, вслѣдствіе разныхъ случайностей въ жизни, можетъ быть свободно измѣняемо».

Итакъ, для огражденія свободы брачнаго союза, необходимо предоставить каждому право вводить другихъ лицъ въ убытки и расходы обѣщаніемъ жениться, получать подарки и проч., не подвергаясь впослѣдствіи никакой отвѣтственности за такіе поступки въ случаѣ отказа отъ женитьбы, такъ какъ подобное обѣщаніе ничѣмъ не связываетъ. Излишне было бы распространяться о томъ, въ какой мѣрѣ такіе взгляды сената могутъ оказать вліяніе на нашъ юридическій бытъ, при обязательности его рѣшеній для всѣхъ судеб-

*) «Судебный Вѣстникъ» 1869 г., № 244.
**) Тамъ же, №№ 113 и 160.

ныхъ мѣстъ имперіи. Мы отмѣтимъ здѣсь только ту сторону разсматриваемыхъ рѣшеній, которая непосредственно касается содержанія настоящей статьи — разногласія между воззрѣніями гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, какъ строгаго блюстителя буквы закона, и остальныхъ судебныхъ мѣстъ, и невыгоднаго вліянія кассаціоннаго суда на культурное развитіе русскаго права.

III.

Указанная выше характеристическая особенность гражданской кассаціонной практики и вліяніе ея на нашъ юридическій бытъ не составляютъ, впрочемъ, исключительной принадлежности семейнаго права. Особенность эта заключается, въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ, и въ другихъ отдѣлахъ гражданскаго права. Въ этомъ не трудно убѣдиться изъ слѣдующихъ примѣровъ.

На низшихъ ступеняхъ человѣческой культуры, союзы семейный, родовой и племенной имѣютъ огромную власть надъ отдѣльными своими членами. Солидарность всѣхъ членовъ союза, основаннаго на кровномъ родствѣ, совершенно поглощаетъ индивидуальную жизнь и волю каждаго въ отдѣльности изъ лицъ, принадлежащихъ къ союзу. Прямое послѣдствіе этого явленія есть представленіе о вѣчномъ существованіи рода, путемъ преемственнаго наслѣдованія младшихъ поколѣній старшимъ. Первобытному человѣку наслѣдованіе ближайшихъ родственниковъ умершему родоначальнику и продолженіе такимъ образомъ существованія его личности въ религіозномъ, гражданскомъ и политическомъ отношеніяхъ представляется фактомъ необходимымъ и неизбѣжнымъ, единственно возможной формой семейно-родоваго существованія. Отсюда представленіе о томъ, что наслѣдники по закону (единственно допускаемые въ то время) суть *необходимые* преемники какъ религіозныхъ и политическихъ, такъ и имущественныхъ правъ и обязанностей умершаго родича (heredes sui, heredes necessarii въ древнѣйшемъ римскомъ правѣ). Понятіе о томъ, что преемникомъ гражданской личности умершаго могутъ оказаться другія лица, кромѣ его ближайшихъ родственниковъ, или что эти послѣдніе могутъ не захотѣть принять на себя эту священную обязанность, совершенно чуждо патріархальному человѣку. Прогрессъ человѣческой мысли, однакожъ, неустанно работаетъ надъ эманципаціей

личности изъ подъ гнета многихъ историческихъ условій, между прочимъ и семейно-родоваго союза. Постепенно вырабатывается понятіе, что принуждать человѣка принять на себя права и обязанности другаго лица, хотя бы то былъ его родоначальникъ, несправедливо; что поэтому отвѣтственность наслѣдника предъ посторонними лицами по обязательствамъ умершаго должна наступить только послѣ добровольнаго принятія имъ званія наслѣдника. Но и это правило оказывается недостаточнымъ для огражденія наслѣдниковъ отъ незаслуженной отвѣтственности за долги наслѣдодателей. Является такъ называемое beneficium inventarii, т. е. право наслѣдника принять имущество лишь послѣ предварительной описи и оцѣнки актива и пассива умершаго, причемъ наслѣдникъ по описи (инвентарю) отвѣчаетъ за долги умершаго лишь имуществомъ умершаго, а не собственнымъ. Инвентарь представляетъ весьма важную гарантію для лицъ, получающихъ наслѣдство, въ томъ, что они не будутъ отвѣчать своимъ личнымъ состояніемъ за долги другихъ лицъ, хотя бы то были ихъ ближайшіе родственники и наслѣдодатели. Онъ выражаетъ стремленіе прогрессивно развивающихся законодательствъ — эманципировать личность изъ подъ гнета семейныхъ отношеній и подчинить имущественные интересы гражданъ исключительно ихъ свободной, непринужденной волѣ. Въ этомъ направленіи идутъ всѣ европейскія законодательства, установившія множество подробныхъ правилъ для безобиднаго соглашенія противоположныхъ интересовъ наслѣдниковъ и кредиторовъ умирающаго гражданина. У насъ сложный вопросъ объ отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателя затронутъ въ *одной* только статьѣ гражданскихъ законовъ (ст. 1259, т. X ч. I св. зак.). Слѣдовательно и тутъ судебной практикѣ предоставлено обширнѣйшее поприще дѣятельности въ разрѣшеніи возникающихъ на практикѣ многочисленныхъ и безконечно разнообразныхъ случаевъ, на основаніи одной этой статьи закона. Присматриваясь внимательно къ дѣятельности новыхъ судовъ по этому вопросу, не трудно замѣтить и здѣсь то разногласіе между рѣшеніями сената и низшихъ судебныхъ мѣстъ, о которомъ мы говорили выше. Низшія судебныя мѣста обнаруживаютъ несомнѣнное желаніе быть по возможности осторожнѣе въ признаніи отвѣтственности наслѣдниковъ за пассивъ дошедшаго къ нимъ имущества, и для этого прибѣгаютъ къ толкованію законовъ и общему ихъ смыслу, а сенатъ, опираясь на букву закона, относится къ этимъ толкованіямъ и дополненіямъ закона отрицательно, и тѣмъ

опять-таки парализуетъ органическое развитіе русскаго права судебной интерпретаціей. Такъ напр., по вопросу о моментѣ, съ котораго наступаетъ для наслѣдника обязанность отвѣчать за долги, лежащіе на наслѣдствѣ, судебныя мѣста признаютъ необходимымъ возложить эту отвѣтственность на наслѣдниковъ лишь съ момента утвержденія ихъ въ правахъ наслѣдства судомъ, такъ какъ это служитъ достовѣрнымъ признакомъ того, что данныя лица суть дѣйствительно наслѣдники такого-то и приняли его имущество. Но сенатъ (Сборникъ 1867 г. № 384), на разрѣшеніе котораго пошелъ этотъ вопросъ, нашелъ этотъ взглядъ неправильнымъ. Онъ, по обыкновенію, остановился на буквѣ законовъ о наслѣдствѣ и вывелъ изъ молчанія закона, т. е. изъ факта отрицательнаго, положительный выводъ о томъ, что утвержденіе судомъ въ правахъ наслѣдства вовсе не обязательно, ибо «законы не устанавливаютъ такого обязательнаго судебнаго утвержденія». Сенатъ не обратилъ никакого вниманія на то, что хотя законъ вообще ничего не говоритъ объ утвержденіи судомъ наслѣдниковъ въ ихъ правахъ, но настоятельная практическая необходимость въ осязательномъ, безспорномъ признакѣ, по которому можно было бы судить о дѣятельномъ принятіи даннымъ лицомъ правъ и обязанностей умершаго, ввело въ употребленіе судебное признаніе въ правахъ наслѣдства, какъ единственно надежный критеріумъ для констатированія отвѣтственности наслѣдниковъ по долгамъ умершихъ. Другіе признаки того, что данное лицо приняло имущество умершаго на правахъ наслѣдника, и потому должно отвѣчать по его долгамъ, какъ то: фактическое владѣніе и пользованіе этимъ имуществомъ, платежъ по нѣкоторымъ обязательствамъ умершаго и т. д., очень неопредѣленны, и вполнѣ доказать ихъ довольно затруднительно. Принятія наслѣдства по описи (инвентарю) у насъ нѣтъ; нѣтъ также ни апотекарной системы, ни вообще, правильно организованной на началѣ гласности, системы кредита. При такихъ условіяхъ, съ открытіемъ наслѣдства, лицо, имѣющее право на это наслѣдство, поставлено въ очень невыгодное положеніе: знать нетолько вѣрно, но и приблизительно сумму долговъ, лежащихъ на наслѣдствѣ, оно не можетъ; принять его по описи, такъ чтобъ отвѣчать за долги умершаго только оставленнымъ имъ имуществомъ, тоже нельзя. Такимъ образомъ, каждое принятіе наслѣдства у насъ представляется предпріятіемъ рискованнымъ. Принявъ сегодня наслѣдство въ 1,000 руб., вы не можете быть увѣрены въ томъ, что завтра не явятся кредиторы умершаго съ

требованіями на 10,000 руб. и вы должны будете уплатить 9,000 р. изъ собственнаго кармана. Понятно, что судьи, какъ прежде, такъ и теперь, движимые естественнымъ чувствомъ справедливости, стараются дать какъ можно болѣе льготъ наслѣдникамъ въ принятіи на себя отвѣтственности по обязательствамъ наслѣдодателей. Одной изъ такихъ льготъ является требованіе судебнаго утвержденія въ правахъ наслѣдства, какъ доказательства того, что наслѣдникъ сознательно и рѣшительно принялъ на себя званіе наслѣдника. Но сенатъ отвергнулъ это требованіе, основываясь на буквальномъ смыслѣ закона, не требующаго подобнаго утвержденія. Онъ находитъ, что судъ долженъ признавать отвѣтственными наслѣдниками и такихъ лицъ, которыя фактически приняли въ свое вѣдѣніе имущество умершихъ и распоряжались имъ. Нужды нѣтъ, что признаніе такого принципа ставитъ суды въ очень затруднительное положеніе, такъ какъ трудно доказать достовѣрно фактическое принятіе имущества и обязательствъ наслѣдователя, и подвергаетъ ихъ риску возлагать отвѣтственность за долги умершихъ на такихъ лицъ, которыя въ дѣйствительности не суть ихъ наслѣдники; была бы соблюдена буква закона, до остальнаго суду нѣтъ дѣла. Это разногласіе между практическими потребностями, органомъ которыхъ тутъ являются низшія судебныя инстанціи, и кассаціоннымъ сенатомъ, какъ органомъ строгой законности, обнаруживается и въ другихъ вопросахъ, относительно отвѣтственности наслѣдниковъ за долги наслѣдодателей. Такъ напр., какъ старые, такъ и новые суды признавали неоднократно, что нельзя считать человѣка, разъ принявшаго въ свое вѣдѣніе имущество умершаго, за окончательно принявшаго званіе наслѣдника со всѣми сопряженными съ нимъ обязанностями; другими словами, они признаютъ за наслѣдниками право отречься отъ разъ принятаго наслѣдства, если, по ознакомленіи съ балансомъ наслѣдства, они найдутъ для себя невыгоднымъ принять его. При старомъ порядкѣ, государственный совѣтъ, по дѣлу Баташева, высказалъ то мнѣніе, что принявшій наслѣдственное имущество можетъ впослѣдствіи отречься отъ платежа долговъ умершаго, возвращая кредиторамъ самое это имущество и доходы съ него во время владѣнія имъ *).

Въ новой судебной практикѣ встрѣтился аналогичный случай въ петербургской судебной палатѣ. Предъявленъ былъ искъ противъ нѣ-

*) «Юридическій Вѣстникъ» 1868 г., февраль, стр. 21—24.

скольких лицъ, какъ наслѣдниковъ умершаго, и представлено опредѣленіе судебнаго мѣста объ утвержденіи отвѣтчиковъ въ правахъ наслѣдства къ должнику по обязательству. Отвѣтчики заявили, что они не воспользовались имуществомъ умершаго, а владѣетъ и пользуется имъ другое лицо, въ чемъ сослались на свидѣтелей. Петербургская судебная палата отказала въ искѣ, такъ какъ истцы ничѣмъ не доказали, что отвѣтчики дѣйствительно приняли имущество умершаго, и потому обязаны отвѣчать по его долгамъ. Рѣшеніе въ существѣ своемъ правильное и справедливое. Нерѣдко бываетъ, что лицо, выхлопотавшее себѣ утвержденіе въ правахъ наслѣдства, потомъ узнаетъ, что пассивъ наслѣдства превышаетъ активъ его, или что вообще наслѣдство находится въ такомъ положеніи, что принятіе его невыгодно, и потому на дѣлѣ не принимаетъ его. Обязывать такихъ лицъ отвѣчать за долги, лежащіе на наслѣдствѣ потому только, что они прежде не знали (да и не могли знать, какъ указано было выше) о состояніи баланса умершаго, было бы чрезвычайно несправедливо. Но сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе палаты, разсудивъ слѣдующимъ образомъ: «Не подлежитъ сомнѣнію, что лицо, по просьбамъ и доказательствамъ утвержденное въ правахъ наслѣдства, предполагается, въ силу сего постановленія, дѣйствительнымъ и отвѣтственнымъ наслѣдникомъ... Безъ сомнѣнія, могутъ быть случаи, въ коихъ принявшій наслѣдственныя права и утвержденный въ оныхъ наслѣдникъ вправѣ и послѣ того доказывать, что послѣ умершаго вовсе не осталось наслѣдственнаго имѣнія, или что есть другія лица, хотя не утвержденныя, но въ сущности самымъ дѣйствіемъ принявшіе на себя наслѣдничью обязанность: но все сіе признанные наслѣдники обязываются доказать, а пока не доказали, не изъемлются отъ наслѣдничьяго званія и сопряженной съ онымъ отвѣтственности» *) (въ данномъ случаѣ отвѣтчики, дѣйствительно, ссылались на свидѣтелей въ подтвержденіе того, что не они, а другое лицо приняло имущество умершаго, и не ихъ вина, что судъ свидѣтелей этихъ не допросилъ).

По другому дѣлу, московская судебная палата высказала мнѣніе что хотя на наслѣдниковъ переходитъ обязанность отвѣчать по имущественнымъ сдѣлкамъ наслѣдодателей, но обязанность эта наступаетъ для нихъ лишь со дня объявленія имъ того обязательства. Такой взглядъ вызванъ явной несправедливостью сдѣлать наслѣдниковъ

*) «Сборникъ рѣшеній» за 1869 г., № 1266.

отвѣтственными за упущенія по договорамъ не ими заключеннымъ и имъ вовсе неизвѣстнымъ. Положимъ, напр., что извѣстное лицо заключаетъ съ другимъ лицомъ договоръ и обусловливаетъ исполненіе своихъ обязанностей по этому договору въ опредѣленный срокъ большой неустойкой, расторженіемъ контракта и т. п. серьезными послѣдствіями. Затѣмъ, лицо это умираетъ до наступленія срока исполненія своихъ обязательствъ. Наслѣдники его, не зная содержанія договора, не исполняютъ въ срокъ обязательствъ умершаго. Неужели же они должны платить неустойку или подвергаться другимъ имущественнымъ потерямъ за неисполненіе условій, заключенныхъ наслѣдодателемъ и имъ неизвѣстнымъ? Не будетъ ли это нарушеніемъ основнаго принципа права и справедливости—отвѣтственности каждаго за свои, а не за чужія дѣйствія? Но кассаціонный сенатъ и тутъ отнесся къ толкованію палаты отрицательно, основываясь, какъ всегда, на неполнотѣ закона. Онъ нашелъ, что установленнаго палатой правила «въ приведенномъ ею законѣ не содержится» и что «по безусловному смыслу закона, не можетъ быть установлено для наслѣдниковъ особаго новаго начала исполненія по обязательствамъ, не существовавшаго для умершаго, ибо на нихъ переходятъ всѣ тѣ обязанности, какія лежали бы на самомъ умершемъ, еслибъ жизнь его продолжалась, съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ сроковъ и всѣхъ условій, законамъ не противныхъ, которыя въ договорѣ постановлены, не взирая даже на то, послѣдовало ли истеченіе сроковъ при жизни или по смерти обязавшагося лица» *). Эта строгость, доходящая до несправедливости, относительно отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ умершаго, дышетъ патріархальнымъ ригоризмомъ древне-римскаго права, которое смотрѣло на наслѣдниковъ, какъ на полныхъ представителей всей личности умершаго, въ религіозномъ и гражданскомъ отношеніяхъ, и считало точное исполненіе обязательствъ умершаго преемникомъ его священной семейно-религіозной обязанностью послѣдняго.

Замѣчательное сходство съ этимъ дѣломъ имѣетъ другое дѣло, въ которомъ былъ возбужденъ и разрѣшенъ вопросъ о моментѣ, съ котораго наслѣдничьи обязанности должны быть возложены на лицъ, получающихъ имущество умершаго не по законному наслѣдованію, а по завѣщанію. По закону, если умершій оставилъ послѣ себя сохран-

*) «Сборникъ рѣшеній» за 1869 годъ, № 714.

ныя росписки, какъ доказательство того, что извѣстное его имущество находится на сохраненіи у другихъ лицъ, выдавшихъ ему эти росписки, то наслѣдники его обязаны, въ теченіе шести мѣсяцевъ со дня открытія наслѣдства, вызвать, посредствомъ публикаціи въ вѣдомостяхъ, лицъ, выдавшихъ росписки, для возвращенія взятаго ими на сохраненіе имущества; въ противномъ случаѣ наслѣдники теряютъ право иска по упомянутымъ роспискамъ. Харьковской судебной палатѣ представлялся въ одномъ дѣлѣ случай разрѣшить вопросъ: съ какого времени слѣдуетъ считать начало шести-мѣсячнаго срока для учиненія означеннаго вызова душеприкащикомъ и наслѣдникомъ по завѣщанію? Она нашла, что для этихъ лицъ «наслѣдство открывается не съ момента смерти владѣльца, потому что въ это время *неизвѣстны* ни тѣмъ ни другимъ возникающія для нихъ изъ выраженной въ завѣщаніи воли завѣщателя права и обязанности, даже не съ момента открытія завѣщанія, потому что неизвѣстно, будетъ ли этотъ актъ признанъ имѣющимъ исполнительную силу, а лишь съ того времени, когда завѣщаніе засвидѣтельствовано, и тѣмъ самымъ возникаютъ, для указанныхъ въ ономъ лицъ, предоставляемыя однимъ права и возлагаемыя на другихъ обязанности». Тутъ опять попытка судебной власти установить то разумное и справедливое начало, что наслѣдникъ долженъ нести сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности только послѣ того, какъ эти обязанности стали ему положительно извѣстны. Но сенатъ отмѣнилъ это рѣшеніе, опять-таки, не на основаніи положительныхъ юридическихъ соображеній, а на томъ единственномъ основаніи, что въ законѣ такого правила прямо не выражено, и потому нѣтъ, будто бы, причины дѣлать изъятіе изъ общаго правила о наслѣдствѣ въ пользу наслѣдниковъ по завѣщанію *). Сенатъ, по обыкновенію, не обратилъ никакого вниманія на практическія послѣдствія его взгляда по этому предмету и на тѣ затрудненія, въ которыя онъ неизбѣжно долженъ поставить какъ частныхъ лицъ, такъ и судебныя мѣста. Положимъ, что мнѣ отказано по завѣщанію лица, живущаго въ другомъ мѣстѣ, имущество его, находящееся у третьяго лица на сохраненіи по роспискѣ, и что я узналъ о существованіи этого завѣщанія позже шести мѣсяцевъ по смерти завѣщателя, такъ что вызова въ полугодовой срокъ я не могъ сдѣлать. Нечего и говорить о томъ, что при значительности разстояній, затруднитель-

*) «Сборникъ рѣшеній» за 1869 годъ, № 1032.

ности сообщеній во многихъ мѣстахъ и маломъ распространеніи грамотности и печатнаго слова у насъ, такіе случаи могутъ быть очень часто. Почему же, спрашивается, я долженъ потерять свое право собственности на завѣщанное мнѣ имущество, когда вызова я дѣлать не могъ во-время по той простой причинѣ, что не подозрѣвалъ существованія такого завѣщанія? Правда, законъ говоритъ, что когда наслѣдники почему-либо не вступятъ въ свои права, обязанность дѣлать вызовъ по сохраннымъ роспискамъ возлагается на мѣста и лица, обязанныя вызывать кредиторовъ и должниковъ умершихъ, и что неисполненіе послѣдними этой обязанности подвергаетъ ихъ «законной отвѣтственности». Значитъ, я могу, въ указанномъ случаѣ, требовать цѣнность завѣщаннаго мнѣ по сохранной роспискѣ имущества съ тѣхъ мѣстъ и лицъ, которыя должны были сдѣлать вызовъ, если, разумѣется, они его не сдѣлали. Но кому неизвѣстно, что у насъ на практикѣ взысканіе частными лицами съ административныхъ «мѣстъ и лицъ» убытковъ отъ неправильныхъ дѣйствій по должности затруднено до невозможности, и тѣмъ болѣе въ данномъ случаѣ, гдѣ законъ не опредѣляетъ, какого рода «законной отвѣтственности» подвергаются должностныя лица за упущеніе сдѣлать вызовъ. Надо принять въ соображеніе еще и то, что во многихъ случаяхъ для меня можетъ быть гораздо важнѣе полученіе самого имущества, отданнаго на сохраненіе, чѣмъ возмѣщеніе его цѣнности, и что нерѣдко также должностныя лица, если судъ и обяжетъ ихъ возмѣстить мнѣ цѣнность означеннаго имущества, могутъ оказаться несостоятельными къ исполненію рѣшенія суда, тогда какъ самое имущество, отданное на сохраненіе, обыкновенно должно находиться на лицо. Сообразивъ все это, мы поймемъ, въ какой степени глубже и практичнѣе посмотрѣла на это дѣло харьковская судебная палата, чѣмъ гражданскій кассаціонный департаментъ сената, который ограничился однимъ повтореніемъ словъ закона, не вникнувъ нисколько въ суть дѣла.

Можно было бы привести еще не мало примѣровъ въ подтвержденіе высказаннаго нами о существенномъ различіи во взглядахъ, съ одной стороны, гражданскаго кассаціоннаго суда, а съ другой — всѣхъ остальныхъ судебныхъ мѣстъ, по вопросу объ отвѣтственности наслѣдниковъ по обязательствамъ наслѣдодателей — вопросу (замѣтимъ кстати) одному изъ капитальнѣйшихъ по практическому своему значенію, такъ какъ случаи этого рода возникаютъ чуть ли не ежедневно; но и приведенныхъ примѣровъ, кажется, достаточно для того,

чтобы уяснить сущность и причины этого разногласія. Законъ объ отвѣтственности за долги, лежащіе на наслѣдствѣ, у насъ крайне неполонъ и несовершененъ; онъ не знаетъ ничего о принятіи наслѣдства по инвентарю, единственномъ безобидномъ для кредиторовъ и наслѣдниковъ способѣ принятія наслѣдства (за исключеніемъ торговаго права, цѣликомъ заимствованнаго нами изъ иностранныхъ источниковъ, и потому болѣе справедливаго въ этомъ отношеніи). Судьи, разсматривающіе дѣла по существу, и потому имѣющіе возможность оцѣнить всю несправедливость относительно наслѣдниковъ такого порядка, всѣми силами стараются дополнить и развить дѣйствующее законодательство въ духѣ необходимыхъ льготъ и гарантій для наслѣдниковъ. Но кассаціонный сенатъ, не совсѣмъ правильно понимая свою задачу блюстителя и толкователя закона и имѣя дѣло не съ живыми людьми и борьбой ихъ интересовъ, а съ отвлеченными юридическими вопросами, съ своей стороны, настаиваетъ на строгомъ соблюденіи легальнаго statu-quo со всѣми его недостатками и несправедливостью.

IV.

Такимъ же въ сущности характеромъ отличается дѣятельность гражданскаго кассаціоннаго департамента сената по договорному или обязательственному праву. Практика сената по отдѣлу договорныхъ отношеній, составляющихъ преимущественную принадлежность развитаго экономическаго оборота, заслуживаетъ глубочайшаго вниманія по огромному значенію ея для хозяйственныхъ интересовъ народа и весьма поучительна, какъ критерій нашего умственнаго развитія вообще и правоваго въ частности. Къ сожалѣнію, однакожъ, по программѣ этой статьи, мы должны оставить въ сторонѣ всѣ тѣ особенности договорной кассаціонной практики, которыя присущи ей наравнѣ съ судебной практикой вообще, и ограничиться нѣкоторыми замѣчаніями о характеристическихъ чертахъ, отличающихъ воззрѣнія кассаціоннаго суда отъ взглядовъ другихъ судебныхъ мѣстъ, старыхъ и новыхъ, и вытекающихъ притомъ изъ самой природы кассаціоннаго судопроизводства. Укажемъ здѣсь на нѣкоторыя изъ такихъ воззрѣній, относящіяся къ обязательственному праву.

Существуетъ у насъ законъ, по которому, въ случаѣ безграмот-

ности лица, дающаго актъ, подпись, сдѣланная вмѣсто него по просьбѣ другимъ лицомъ, должна быть, прежде представленія акта къ явкѣ, засвидѣтельствована полиціей. До введенія судебной реформы правило это никогда не соблюдалось. Судебныя мѣста постоянно производили взысканія по актамъ, подписаннымъ за неграмотныхъ другими лицами, хотя бы подписи послѣднихъ не были засвидѣтельствованы полиціей, особенно если акты были явлены у маклера, нотаріуса или въ присутственномъ мѣстѣ, что̀ составляетъ, безъ сомнѣнія, ручательство ихъ подлинности и законности. Это было согласно и съ буквой закона, который, предписывая такую мѣру предосторожности, не говоритъ, однакожъ, чтобы несоблюденіе ея влекло за собой недѣйствительность самаго акта. Но еще болѣе это было правильно по смыслу закона. Цѣль установленія подобной мѣры, какъ справедливо высказала харьковская судебная палата по дѣлу Киселева, есть предупрежденіе подлоговъ въ личностяхъ, отъ имени коихъ акты совершаются, и, слѣдовательно, несоблюденіе этой формальности можетъ имѣть значеніе лишь при возбужденіи спора о подлогѣ. Но если такого спора нѣтъ, если актъ засвидѣтельствованъ маклеромъ, и на немъ есть подпись свидѣтелей, удостовѣряющихъ самоличность какъ выдавшаго актъ, такъ и подписавшагося за него по его просьбѣ, то такой актъ имѣетъ законную силу. Казалось бы, что со введеніемъ новаго судопроизводства, дающаго гораздо болѣе свободы суду въ оцѣнкѣ силы доказательствъ и отрицающаго вообще принципъ мертваго формализма, еще менѣе можно было ожидать, что полицейскому засвидѣтельствованію будетъ придаваться серьезное значеніе. Но вышло наоборотъ. Судебныя мѣста, правда, дѣйствовали въ этомъ смыслѣ, но кассаціонный сенатъ взглянулъ на дѣло иначе. Для него достаточно было существованія подобной статьи закона, чтобъ основываясь на ней, отмѣнить множество рѣшеній и установить разъ навсегда безусловную необходимость полицейскаго засвидѣтельствованія. Тщетно будете указывать, что актъ явленъ у маклера, нотаріуса или присутственнаго мѣста, которые, вѣроятно, убѣдились въ дѣйствительности подписи и заслуживаютъ довѣрія не менѣе полиціи; тщетно свидѣтели, подписанные на актѣ, удостовѣряютъ, что въ ихъ присутствіи неграмотный просилъ такого-то подписаться за него; тщетно, наконецъ, вы будете указывать на то, что чѣмъ же я виноватъ, если «мѣста и лица», свидѣтельствовавшія акты, вовсе не считали участіе полиціи необходимымъ. У сената одинъ отвѣтъ:

законъ говоритъ, что подпись должна быть засвидѣтельствована въ полиціи, между тѣмъ этого не соблюдено, ergo и пр. Онъ не вошелъ также въ обсужденіе довода, высказаннаго харьковской судебной палатой, что полицейское засвидѣтельствованіе установлено только для предупрежденія подлоговъ, слѣдовательно, пока спора о подлогѣ нѣтъ, несоблюденіе этой формальности не имѣетъ значенія, а отмѣнилъ рѣшеніе, какъ противное буквѣ закона (Сборникъ рѣшеній 1870 г. № 230).

Въ другомъ дѣлѣ сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе мирового съѣзда, присудившаго долгъ по роспискѣ, подписанной за неграмотнаго другимъ лицомъ, по спросѣ свидѣтелей о дѣйствительности подписи, опять-таки по нарушенію «точнаго смысла» закона, безъ дальнѣйшихъ соображеній, тогда какъ законъ допускаетъ спросъ свидѣтелей объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ выдачу домашняго акта (тамъ же, № 254). И такъ, благодаря приверженности кассаціоннаго сената къ буквѣ закона, новая судебная практика является болѣе формалистической и менѣе справедливой, относительно актовъ, выдаваемыхъ неграмотными, чѣмъ практика старыхъ судовъ. Практическія послѣдствія отъ этого толкованія сената для нашего юридическаго быта весьма важны. Извѣстно, что процентъ грамотныхъ въ русскомъ народѣ ничтоженъ, и что поэтому число актовъ, подписанныхъ за неграмотныхъ другими лицами, обращающихся въ нашемъ гражданскомъ быту, громадно. Съ другой стороны, хотя законъ о полицейскомъ засвидѣтельствованіи подписей за неграмотныхъ существуетъ давно, но въ прежнее время формальность эта совершенно правильно не считалась необходимой при наличности другихъ доказательствъ подлинности акта. Слѣдовательно, противоположное этому воззрѣніе кассаціоннаго сената, въ сущности, есть какъ бы новый законъ, а между тѣмъ сила этого толкованія распространяется и на акты, выданные до введенія судебной реформы. Такимъ образомъ, множество лицъ, владѣющихъ имущественными правами по обязательствамъ, выданнымъ неграмотными до введенія новаго суда, лишились теперь судебной защиты своей законной собственности, благодаря строгому формализму кассаціоннаго сената. Не трудно представить себѣ, какое впечатлѣніе должно произвести сопоставленіе старой и новой практики по этому предмету на умы простыхъ смертныхъ, которые не изучали юриспруденціи и руководствуются однимъ здравымъ смысломъ да инстинктомъ справедливости. Мы знаемъ та-

кіе случаи, гдѣ формальныя заемныя письма, явленныя гдѣ слѣдуетъ, но безъ злополучнаго полицейскаго засвидѣтельствованія, признавались вполнѣ обязательными въ старыхъ судебныхъ мѣстахъ, а при разсмотрѣніи ихъ въ новыхъ судахъ оказывались ничтожными и неимѣющими никакого юридическаго значенія. Тутъ, какъ хотите, сравненіе не въ пользу новаго суда.

Этотъ характеръ практики кассаціоннаго суда по вопросу о значеніи формальностей въ договорномъ правѣ обнаруживается и во многихъ другихъ, болѣе частныхъ случаяхъ. Такъ, напр., извѣстно, что у насъ на практикѣ очень употребительно прикрытіе займовъ сохранными росписками. Заимодавецъ, желая обезпечить себѣ болѣе вѣрное полученіе даннаго въ долгъ капитала и избѣгнуть расходовъ на совершеніе формальнаго заемнаго письма, беретъ у должника вмѣсто долговаго акта домашнюю росписку о принятіи этого капитала должникомъ на сохраненіе съ обязанностью возвратить по первому требованію заимодавца. Законъ, изъ фискальныхъ цѣлей, желая препятствовать такого рода фиктивнымъ поклажамъ (договорамъ о сохраненіи), обставляетъ совершеніе такихъ росписокъ нѣкоторыми формальностями, при несоблюденіи коихъ росписка теряетъ значеніе сохранной. Но если такая росписка и удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ по формѣ, а при производствѣ дѣла обнаружится, что она выдана по займу, то росписка теряетъ значеніе сохранной и остается долговымъ актомъ, и истецъ подвергается штрафу за желаніе избѣгнуть расходовъ на гербовую бумагу и платежа установленныхъ пошлинъ. Въ судебной практикѣ споры о долговомъ значеніи сохранныхъ росписокъ встрѣчаются очень часто, такъ какъ документы эти, по удобству совершенія и своимъ юридическимъ послѣдствіямъ, весьма употребительны и настоящихъ сохранныхъ росписокъ почти нѣтъ въ дѣйствительности. Старые суды, поэтому, не сомнѣвались придавать всякой сохранной росписке, неудовлетворяющей законнымъ формальностямъ или оспариваемой отвѣтчикомъ, значеніе домашней долговой росписки. Такой образъ дѣйствій судебныхъ мѣстъ, санкціонированный неоднократно авторитетомъ стараго сената, былъ вполнѣ правиленъ и справедливъ, ибо всѣмъ извѣстно, что сохранныя росписки выдаются вмѣсто актовъ займа. Новые суды тоже было придерживались иногда этого взгляда, но встрѣтили энергическій отпоръ со стороны гражданскаго кассаціоннаго департамента сената. Такъ, по дѣлу Филипенко, харьковская судебная палата признала, что собственное

показаніе истца о томъ, что представленная имъ ко взысканію сохранная росписка выдана по займу, служитъ полнымъ удостовѣреніемъ этого факта и даетъ этому акту значеніе заемнаго обязательства. Сенатъ отмѣнилъ рѣшеніе палаты и призналъ ея выводъ неправильнымъ, ибо «законъ (будто бы) не допускаетъ общаго предположенія о томъ, что всякая сохранная росписка заключаетъ въ себѣ заемъ, буде поклажа ею не доказана». Поэтому, по мнѣнію сената, необходимо, чтобъ истецъ по неформальной сохранной роспискѣ представилъ еще другія доказательства того, что заемъ дѣйствительно состоялся. Между тѣмъ самъ законъ, какъ мы видѣли, допускаетъ общее предположеніе о томъ, что сохранныя росписки выдаются вмѣсто долговыхъ актовъ, и, въ виду общеизвѣстности этого факта, допустить такое предположеніе необходимо. Требовать же, чтобы истецъ въ каждомъ данномъ случаѣ, сверхъ сохранной росписки, представилъ еще другія доказательства состоявшагося займа, значитъ лишить многихъ владѣльцевъ неформальныхъ сохранныхъ росписокъ ихъ законой собственности, потому что представленіе подобныхъ доказательствъ въ большинствѣ случаевъ невозможно. А въ виду настойчивости требованій кассаціоннаго сената по этому предмету, какъ въ приведенномъ, такъ и во многихъ другихъ рѣшеніяхъ, судебныя мѣста должны отказывать въ удовлетвореніи законныхъ требованій по письменнымъ актамъ, которые признавались въ старыхъ судахъ. Другой примѣръ. Законъ установляетъ извѣстныя, весьма сложныя формальности для уплаты долга по закладной. Старая судебная практика признавала, что законъ этотъ опредѣляетъ лишь тотъ порядокъ, по которому должна быть произведена надпись объ уплатѣ на самой закладной, но не исключаетъ возможности доказывать эту уплату и другими, не столь формальными способами, напр. домашними росписками о полученіи платежа, на основаніи общаго закона, обязывающаго судебныя мѣста придавать силу доказательства всякому письменному акту, если подлинность его не оспорена (Сборникъ рѣшеній стараго сената, т. I, № 557). Но иначе взглянулъ на дѣло кассаціонный департаментъ **). Какъ строгій блюститель «точнаго смысла» закона, онъ призналъ, что коль скоро законъ установляетъ извѣстную форму для совершенія платежа по закладной, значитъ соблюденіе

*) «Сборникъ рѣшеній» за 1869 г., № 987.

**) «Сборникъ рѣшеній» за 1868 г., № 304.

этой формы необходимо; слѣдовательно, платежъ по займу съ залогомъ недвижимаго имущества не можетъ быть удостовѣренъ, подобно другимъ займамъ, простой роспиской кредитора въ полученіи слѣдуемыхъ ему денегъ; и, имѣя въ рукахъ подобную росписку, должникъ не обезпеченъ, что ему не придется вторично платить по той же закладной.

Вообще кассаціонный сенатъ относится съ безпощадной строгостью къ условіямъ дѣйствительности или недѣйствительности актовъ, установленнымъ закономъ. Такъ, напр., существуетъ у насъ до сихъ поръ законъ, по которому колонисты (т. е. иностранные поселенцы) не могутъ входить ни въ какія письменныя обязательства безъ разрѣшенія ихъ начальствъ. Нечего и говорить о томъ, въ какой степени подобнаго рода опека и привилегированное положеніе колонистовъ справедливы и раціональны. Несостоятельность этой системы попечительства достаточно сознана уже теперь всѣми и, какъ извѣстно, вопросъ о сліяніи колонистовъ съ другими свободными сельскими обывателями уже рѣшенъ. Одна изъ самыхъ темныхъ сторонъ такого рода закона заключается въ томъ, что онъ вводитъ въ убытки совершенно незаслуженнымъ образомъ многихъ лицъ, которыя добросовѣстно, не зная о существованіи такого правила, входятъ въ договорныя соглашенія съ колонистами, и даетъ этимъ послѣднимъ возможность эксплуатировать незнаніе другихъ лицъ въ свою пользу. Очевидно, что при такихъ условіяхъ разумная судебная практика должна стремиться къ тому, чтобы смягчить суровость закона, ведущую къ явной несправедливости. Но кассаціонный сенатъ поступаетъ какъ разъ наоборотъ. Онъ не только ревниво блюдетъ «точный смыслъ» этого закона, но распространяетъ его силу далѣе дѣйствительныхъ ея предѣловъ, именно на евреевъ-земледѣльцевъ. Извѣстно, что эти послѣдніе большею частью суть земледѣльцы только по имени, а въ дѣйствительности занимаются торговлей и промыслами разнаго рода. Многіе изъ нихъ въ глаза не видали колоніи, въ которой записаны земледѣльцами, а живутъ по городамъ, гдѣ занимаются городскими промыслами. Законъ, зная эту особенность быта евреевъ-земледѣльцевъ, присвоиваетъ имъ бóльшія промышленныя, а слѣдовательно, и обязательныя права, чѣмъ иностраннымъ поселенцамъ; и это очень понятно, ибо опека надъ сельскими обывателями, съ цѣлью обезпечить ихъ противъ необдуманныхъ и невыгодныхъ для нихъ сдѣлокъ, имѣетъ еще смыслъ, тогда какъ по отношенію къ го-

родскимъ, промышленнымъ сословіямъ она несправедлива и нецѣлесообразна. Поэтому судебныя мѣста придаютъ законную силу обязательствамъ евреевъ-земледѣльцевъ, заключеннымъ безъ разрѣшенія ихъ начальства. Это тѣмъ болѣе необходимо, что множество такихъ «земледѣльцевъ» проживаютъ въ городахъ, отстоящихъ на большихъ разстояніяхъ отъ мѣстъ ихъ приписки, такъ что испрашивать разрѣшеніе каждый разъ, когда колонисту по торговымъ его дѣламъ придется выдать самую незначительную росписку, для нихъ рѣшительно невозможно. Но сенатъ отвергнулъ, какъ неправильный, такой взглядъ и цѣлымъ рядомъ рѣшеній призналъ, что евреи-земледѣльцы, какъ названные въ законѣ «колонистами», подлежатъ дѣйствію общаго закона о колонистахъ и относительно необходимости разрѣшенія начальства и относительно необходимости разрѣшенія начальства на ихъ сдѣлки. Не говоря уже о томъ, что это толкованіе и строго-юридически не выдерживаетъ критики, оно приводитъ къ весьма страннымъ результатамъ на практикѣ. Многія лица, вступившія съ мнимыми земледѣльцами въ имущественныя сдѣлки, нисколько не подозрѣвая объ ихъ правахъ состоянія, были и продолжаютъ быть до сихъ поръ весьма непріятно изумленными, узнавъ, что эти сдѣлки, хотя и не отрицаемыя колонистами, не имѣютъ никакой силы. Предъявляете вы, положимъ, росписку колониста въ томъ, что онъ занялъ у васъ деньги, и просите о взысканіи по ней. Колонистъ не отрицаетъ, что онъ деньги получилъ, но объявляетъ, что не намѣренъ ихъ уплатить, такъ какъ, по такой-то статьѣ и рѣшеніямъ сената, росписка его, выданная безъ разрѣшенія колоніяльнаго начальства, недѣйствительна. Какъ бы ни возмущался судъ такими возраженіями, онъ долженъ подчиниться авторитету сената и отказать въ искѣ. Если же онъ (какъ иногда случается) послѣдуетъ внутреннему убѣжденію и настоящему смыслу закона и рѣшитъ дѣло противъ колониста, то послѣдній непремѣнно доведетъ дѣло до сената, который и отмѣняетъ подобныя рѣшенія. Въ новороссійскомъ краѣ, гдѣ еврейскихъ колоній всего болѣе, такіе случаи встрѣчаются въ судебной практикѣ, особенно мировой довольно часто и, конечно, не особенно способствуютъ популярности новаго суда.

Вообще надо замѣтить, что новый судъ, значительно ослабивши письменность и формализмъ въ процессѣ, увеличилъ эти самые недостатки въ матеріальномъ правѣ, т. е. въ тѣхъ юридическихъ нормахъ, которыя служатъ матеріаломъ для содержанія судебныхъ рѣ-

шеній. Порядокъ производства дѣлъ въ судахъ значительно упрощенъ и сокращенъ, живое слово чрезвычайно уменьшило письменность. Но когда дѣло доходитъ до главнаго—рѣшенія гражданскихъ споровъ судомъ, вы легко замѣчаете, что новый судъ гораздо формалистичнѣе и стѣснительнѣе для тяжущихся, чѣмъ старый, что въ немъ находятъ защиту только такія имущественныя права, которыя вполнѣ безупречны въ формальномъ отношеніи. Достаточно малѣйшаго уклоненія отъ предписанныхъ закономъ обрядовъ для того, чтобъ лишить васъ несомнѣнныхъ имущественныхъ правъ. Изъ приведенныхъ примѣровъ можно заключить, что значительная доля заслугъ въ этомъ отношеніи принадлежитъ кассаціонному суду.

V.

Кто знакомъ близко съ судебной дѣятельностью гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, тотъ не можетъ не замѣтить еще множества другихъ случаевъ, гдѣ практика этого высшаго судилища имперіи далеко не соотвѣтствуетъ тѣмъ надеждамъ, которыя могли быть на нее возложены. Самая значительная часть этихъ случаевъ относится къ такимъ причинамъ, которыя составляютъ общее явленіе русской жизни и потому одинаково вліяютъ на дѣятельность всѣхъ судебныхъ мѣстъ имперіи; о нихъ мы говорить не будемъ, а ограничимся указаніемъ на явленія, характеризующія собственно русскій кассаціонный судъ, какъ таковой. Поучительный фактъ такого рода составляетъ, напр., взглядъ сенатя на юридическое значеніе обычая въ мировомъ судѣ. Законъ предоставляетъ мировымъ судьямъ въ извѣстныхъ случаяхъ рѣшать дѣла по общеизвѣстнымъ мѣстнымъ обычаямъ, именно по ссылкѣ одной или обѣихъ сторонъ и лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ, положительно неразрѣшенныхъ законами. Нечего и говорить о томъ, что примѣненіе мировыми судьями обычаевъ, при неполнотѣ, неясности, а главное несоотвѣтствіи нашихъ гражданскихъ законовъ съ правовыми понятіями русскаго народа, должно бы служить однимъ изъ важнѣйшихъ средствъ для того, чтобъ сдѣлать мировой судъ дѣйствительно народнымъ судомъ, который могъ бы вытѣснить и замѣнить явно несостоятельный волостной судъ. Но сенатъ, какъ строгій блюститель писанаго закона, косо смотритъ на введеніе въ судебную жизнь народнаго обычая. Онъ видитъ въ немъ какъ бы антагониста и врага закона госу-

дарственнаго, и потому стѣсняетъ кругъ его примѣненія до крайности. Буквально придерживаясь ст. 130 устава гражд. судопроизводства (о примѣненіи обычая), онъ постоянно требуетъ, чтобъ мировые судьи пользовались обычаемъ исключительно въ тѣхъ случаяхъ, на которые нельзя найти отвѣта ни въ буквѣ, ни въ общемъ смыслѣ законовъ. Но въ дѣйствительности такихъ случаевъ вовсе нѣтъ, потому что всякій спорный юридическій вопросъ можетъ быть разрѣшенъ, если не положительнымъ, опредѣленнымъ закономъ, то по общему смыслу законовъ. Доказательствомъ служитъ то, что окружные суды и палаты, которые вовсе не имѣютъ права руководствоваться обычаемъ, разрѣшаютъ же всѣ возникающія въ ихъ практикѣ сомнѣнія на основаніи писаныхъ законовъ. Слѣдовательно, толкованіе сената въ сущности ставитъ мировыхъ судей внѣ всякой возможности примѣнять обычаи въ своей практикѣ, ибо на всякій случай, гдѣ они найдутъ справедливымъ и умѣстнымъ разрѣшить споръ по обычаю, найдутся какія нибудь правила въ законѣ, вслѣдствіе чего судья уже не можетъ руководствоваться обычаемъ.

Найдетъ ли, напр., мировой судья возможнымъ оцѣнить значеніе представленнаго къ дѣлу домашняго акта по мѣстному обычаю, сенатъ указываетъ ему, что для оцѣнки силы и значенія домашнихъ бумагъ есть правило въ законѣ, а потому обычай примѣненъ здѣсь быть не можетъ (Сборникъ рѣшеній за 1866 г., № 75).

Другой случай. Извѣстно, что на практикѣ управляющіе имѣніями рѣдко имѣютъ формальныя довѣренности отъ владѣльцевъ, а управляютъ имѣніями по словесному или домашнему письменному соглашенію съ владѣльцами. Константиноградскій мировой съѣздъ призналъ по одному дѣлу, что если управляющій имѣніемъ выдалъ третьему лицу росписку въ полученіи отъ него денегъ, то хотя бы онъ деньги эти присвоилъ себѣ и не записалъ въ конторскія книги, росписка эта обязательна для владѣльцевъ имѣнія, не смотря на то, что управляющій формальной довѣренности не имѣлъ. И это рѣшеніе было совершенно правильно. Мировой судья, а затѣмъ и съѣздъ, усмотрѣли, что лицо, выдавшее росписку истцу, распоряжалось имѣніемъ, какъ управляющій, въ присутствіи владѣльца и безъ него, что еслибъ оно даже не имѣло законной довѣренности, нельзя не признать за нимъ, согласно обычаю, права производить по экономіи раздачу сѣнокоса на различныхъ условіяхъ, не откладывая до тѣхъ поръ, пока возвратится владѣлецъ и трава посохнетъ, что если управляю-

щій не записалъ полученныхъ имъ денегъ въ книги, то это касается уже владѣльца, который долженъ знать, кому онъ довѣряетъ, а не третьяго лица, давшаго деньги управляющему. Иначе это дѣло и нельзя разрѣшить. Нельзя же требовать отъ каждаго мужика, входящаго въ какія нибудь хозяйственныя сдѣлки съ управляющимъ, чтобъ онъ предварительно читалъ его формальную довѣренность отъ владѣльца. Вина послѣдняго, если онъ не снабжаетъ ею своего уполномоченнаго; за что же должны страдать посторонніе лица, которыя въ лицѣ управляющаго довѣряли экономіи, а послѣ его смѣны вдругъ узнаютъ, что они должны съ требованіями своими обратиться не къ экономіи, а къ Богъ-вѣсть-куда убравшемуся управляющему. Но сенатъ рѣшилъ иначе. Онъ нашелъ въ этомъ дѣлѣ неправильное примѣненіе обычая, ибо для разрѣшенія вопроса объ отвѣтственности вѣрителей за своихъ уполномоченныхъ имѣется положительный законъ, по которому такая отвѣтственность наступаетъ только по выдачѣ формальной довѣренности, и потому отмѣнилъ рѣшеніе съѣзда (Сборникъ рѣшеній за 1870 г., № 777). Такую же услугу оказалъ русскому праву формализмъ сената по вопросу о вознагражденіи врачей за частную практику. Тираспольскій мировой судья присудилъ врачу Гольду за пользованіе жены купца Циперфейна 50 р. вмѣсто 5 р., предложенныхъ ему этимъ послѣднимъ. Въ опредѣленіи этой цифры онъ руководствовался показаніями экспертовъ-врачей объ обычной нормѣ вознагражденія за медицинскій трудъ. Но съѣздъ отмѣнилъ это рѣшеніе, принявъ въ соображеніе законную норму вознагражденія врачей по врачебному уставу (30 коп. за визитъ) и то, что между Гольдомъ и Циперфейномъ предварительнаго уговора о вознагражденіи перваго не было. Сенатъ утвердилъ рѣшеніе съѣзда, такъ какъ руководствоваться въ данномъ случаѣ обычаемъ, по мнѣнію сената, судья не имѣлъ права при существованіи закона, опредѣляющаго размѣръ вознагражденія врачей (тамъ же, № 898). Это сенатское рѣшеніе ставитъ врачей въ безвыходное положеніе. Съ одной стороны, очевидно, что обезпечиваемый за ними закономъ минимумъ вознагражденія совершенно ничтоженъ и нисколько не соотвѣтствуетъ цѣнности медицинскаго труда въ настоящее время. Съ другой стороны, заключать заранѣе письменныя условія съ паціентами о размѣрѣ платы за визиты ни одинъ порядочный врачъ не станетъ; да и тотъ, кто рѣшился бы на такой образъ дѣйствій, скоро останется безъ практики. Такимъ образомъ, медицинскій трудъ, въ отличіе отъ всѣхъ

прочихъ видовъ труда, оказывается ничѣмъ негарантированнымъ противъ недобросовѣстности и эксплуатаціи, благодаря ригоризму сената, не допускающаго въ данномъ случаѣ руководства обычаемъ.

Конечно, это толкованіе сената, какъ и всѣ предыдущія, основано на буквальномъ смыслѣ закона, и потому, можно сказать, безупречно съ формальной стороны. Но съ другой стороны нельзя не видѣть, что, благодаря такимъ юридическимъ принципамъ, у мировыхъ судей рѣшительно отнимается возможность дать какое-нибудь практическое значеніе мѣстнымъ правовымъ обычаямъ и тѣмъ ввести въ русское право истинно-народныя начала. А между тѣмъ составители судебныхъ уставовъ считали однимъ изъ важнѣйшихъ преимуществъ мироваго суда то обстоятельство, что мировые судьи, какъ избранные изъ среды мѣстныхъ жителей, будутъ близко знакомы, между прочимъ, и съ мѣстными обычаями, и потому лучше съумѣютъ удовлетворить потребности населенія въ правдѣ и справедливости, чѣмъ судьи коронные. Не находится ли практика гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, стремящаяся къ возможно большему ограниченію обычнаго права въ мировомъ судѣ, въ явномъ противорѣчіи съ этой мыслью законодателя и не подорвано ли такимъ образомъ значеніе мироваго суда въ одномъ изъ главныхъ его основаній? Вотъ вопросъ, заслуживающій серьезнаго вниманія всѣхъ, кому дороги интересы судебной реформы, но до сихъ поръ оставленный безъ отвѣта. Игнорированіе нашимъ кассаціоннымъ судомъ практическихъ потребностей русскаго юридическаго быта замѣчается на каждомъ шагу при внимательномъ изученіи кассаціонныхъ рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ. Кромѣ всѣхъ приведенныхъ примѣровъ, есть еще многое множество болѣе частныхъ и такъ-сказать разрозненныхъ случаевъ, гдѣ эта особенность проявляется очень ярко. Укажемъ на нѣкоторые изъ нихъ. Мы говорили только-что объ отношеніи сената къ обычному праву въ мировомъ судѣ. Совершенно такимъ же образомъ онъ относится и къ попыткамъ общихъ судебныхъ мѣстъ развивать и дополнять русскую систему права на основаніи юридическихъ обычаевъ и особенностей нашего правового быта. Лучшимъ примѣромъ этого рода можетъ служить любопытное во всѣхъ отношеніяхъ дѣло о завѣщаніи Шибалкина (Сборникъ рѣшеній за 1870 г., № 917). Извѣстно, что строгое римское понятіе о правѣ собственности, какъ совокупности правъ владѣнія, пользованія и распоряженія не проникло еще до сихъ поръ въ бытъ русскаго народа и слабо развито

даже въ законодательствѣ. Оттого въ завѣщаніяхъ у насъ очень часто случается, что отказъ кому-либо имущества въ собственность выражается передачей имущества въ распоряженіе, въ пользованіе или владѣніе. Сверхъ того, въ купеческомъ быту въ особенности часто бываютъ случаи передачи имущества въ безотчетное распоряженіе душеприкащиковъ, которые должны исполнить отказы завѣщателя для богоугодныхъ и благотворительныхъ цѣлей, и остающееся затѣмъ имущество отдать наслѣдникамъ или оставить за собой. Справедливость требуетъ, чтобъ судебныя мѣста, зная, въ какой степени правовыя понятія нашего общества расходятся относительно этихъ вопросовъ съ дѣйствующими законами и оффиціальной юридической терминологіей, толковали подобныя завѣщанія, соображаясь съ тѣми юридическими понятіями и выраженіями, которыя распространены въ обществѣ, ибо только такимъ образомъ будетъ исполнена *дѣйствительная* воля завѣщателей, а не мнимая. Законъ признаетъ безусловную обязанность суда свято исполнять волю завѣщателя о своемъ имуществѣ, доколѣ воля эта не противорѣчитъ положительному закону. Слѣдовательно, судъ, добросовѣстно относящійся къ этой своей обязанности, долженъ истолковать смыслъ каждаго завѣщанія такъ, какъ его понималъ, по всей вѣроятности, самъ завѣщатель, т. е. согласно съ тѣмъ значеніемъ, которое придаетъ употребленнымъ въ завѣщаніи выраженіямъ общество, а не сообразно оффиціальному значенію этихъ выраженій. Такимъ образомъ именно и поступила петербургская судебная палата въ дѣлѣ Шибалкина, сославшись, какъ на основаніе для истолкованія завѣщанія Шибалкина, на судебныя дѣла, т. е. на юридическій обычай, усмотрѣнный палатой изъ доходившихъ до ея разсмотрѣнія дѣлъ о завѣщаніяхъ. Но сенатъ нашелъ всѣ соображенія палаты, основанныя на характеристическихъ особенностяхъ русскаго правоваго быта, несогласными съ опредѣленіями закона о завѣщаніяхъ, и потому отмѣнилъ ея рѣшеніе. Для насъ тутъ имѣетъ особенный интересъ то обстоятельство, что сенатъ какъ будто не понялъ настоящаго смысла ссылки палаты на судебныя дѣла. Онъ нашелъ, что «заключеніе палаты основано не на законѣ, и даже не на судебной практикѣ, ибо палата не говоритъ, чтобы подобныя завѣщательныя распоряженія были судебными рѣшеніями признаваемы законными и дѣйствительными, а собственно на случающихся въ завѣщаніяхъ распоряженіяхъ сего рода. Но на основаніи 9 ст. уст. гражд. суд. судебныя установленія

обязаны рѣшать дѣла по точному разуму существующихъ законовъ, а въ случаѣ неясности, неполноты, недостатка или противорѣчія основывать рѣшенія на общемъ смыслѣ законовъ». Изъ этихъ словъ можно заключить, что, по мнѣнію сената, обычаи и характеристическія особенности юридическаго быта современнаго русскаго общества не имѣютъ ровно никакого значенія для судебныхъ мѣстъ—начало, которое едва-ли можетъ содѣйствовать успѣшному достиженію главной цѣли всякаго суда: развитію и усовершенствованію правоваго быта общества. Другой примѣръ полнаго разлада между толкованіемъ сената и потребностями жизни представляетъ рѣшеніе кассаціонной практикой вопроса о юридическомъ значеніи пари. Всѣ иностранныя законодательства признаютъ особый родъ обязательствъ, основанныхъ на игрѣ случая и опредѣляющихъ заранѣе извѣстныя юридическія послѣдствія при наступленіи зависящаго отъ случайныхъ или вообще неизвѣстныхъ контрагентамъ причинъ обстоятельства (contrats aleatoires). Къ числу такихъ договоровъ принадлежитъ и биться объ закладъ (пари). У насъ, какъ и вездѣ, пари весьма употребительно во всѣхъ слояхъ общества, и неисполненіе такого договора считается столь же нечестнымъ, какъ и нарушеніе всякаго другого договора. Законъ, однакожъ, ничего не говоритъ о подобнаго рода договорахъ, но устанавляетъ общее правило, что всякій договоръ обязателенъ для заключившихъ его лицъ, если онъ не содержитъ противной законамъ цѣли. Основываясь на этомъ общемъ правилѣ, сенатъ призналъ по одному дѣлу, что договоръ дѣйствителенъ и въ такомъ случаѣ, если его нельзя подвести ни подъ одну изъ категорій обязательствъ, перечисленныхъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ. Ничто не мѣшало сенату примѣнить это соображеніе и къ договорамъ пари. Этимъ былъ бы выполненъ одинъ изъ многочисленныхъ пробѣловъ въ нашемъ гражданскомъ правѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣланъ шагъ къ уменьшенію вреднаго разлада между правовыми понятіями общества и постановленіями закона. Разладъ этотъ не можетъ не обнаружить своихъ дурныхъ послѣдствій тамъ, гдѣ судъ, задача котораго состоитъ въ защитѣ нарушенныхъ интересовъ права въ обществѣ, отказываетъ въ защитѣ вполнѣ законныхъ, въ глазахъ этого общества, правъ. Но сенатъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, ограничился исключительно отрицательной дѣятельностью и установилъ то правило, что договоръ пари, какъ неотносящійся ни къ одному изъ видовъ, указанныхъ въ законѣ обязательствъ, не можетъ пользоваться защи-

той судебной власти при нарушеніи его однимъ изъ контрагентовъ. Интересный фактъ въ этомъ же родѣ представляетъ толкованіе сената по вопросу о допущеніи неграмотныхъ быть повѣренными въ мировомъ судѣ. Законъ, исчисляя тѣ категоріи лицъ, которыя не могутъ быть повѣренными у мировыхъ судей, не относитъ къ нимъ безграмотныхъ; при исчисленіи же условій, необходимыхъ для права веденія дѣлъ въ общихъ судахъ, грамотность указана, какъ необходимое условіе. Въ видахъ возможнаго огражденія простого народа отъ эксплуатаціи такъ-называемыми ходатаями, было бы желательно, чтобъ грамотность считалась необходимымъ условіемъ для хожденія по дѣламъ и у мировыхъ судей. Конечно, опытъ доказываетъ, что самые опасные для темнаго простонародья ходатаи принадлежатъ къ числу грамотныхъ. Но, съ другой стороны, всякое ограниченіе круга такихъ ходатаевъ требованіемъ извѣстнаго образовательнаго ценза можетъ принести немалую пользу. Сенатъ, однакожъ, дѣйствуетъ въ противоположномъ направленіи. Вмѣсто того, чтобъ распространить на мировое судопроизводство правило, изложенное для общихъ судовъ (что сенатъ могъ сдѣлать безъ всякихъ затрудненій), онъ послѣдовательно отстаиваетъ привиллегію ходатаевъ у мировыхъ судей быть неграмотными, хотя неграмотный повѣренный, безъ сомнѣнія, можетъ оказывать очень плохія услуги своимъ вѣрителямъ.

Итакъ, дѣятельность гражданскаго кассаціоннаго департамента сената, независимо отъ общихъ недостатковъ, свойственныхъ практикѣ всѣхъ нашихъ судебныхъ мѣстъ, и которыхъ мы здѣсь не касались, имѣетъ свои специфическія недостатки, вытекающіе именно изъ природы и задачъ кассаціоннаго суда, въ отличіе отъ другихъ судебныхъ мѣстъ. Сущность всѣхъ тѣхъ отдѣльныхъ случаевъ, нами отмѣченныхъ, гдѣ практика сената оказывается неудовлетворяющей своему назначенію, сводится, какъ видно съ перваго раза, къ одной коренной особенности кассаціонной практики — слѣпой приверженности къ буквѣ закона, безъ соображенія его внутренняго смысла и практическаго значенія, и вытекающему отсюда нежеланію развивать и совершенствовать русское право новыми правовыми взглядами и понятіями, положительно въ законѣ невыраженными. Прямымъ послѣдствіемъ этого является, какъ мы видѣли, постоянная борьба между кассаціоннымъ судомъ, какъ строгимъ блюстителемъ легаль-

ности, съ одной стороны, и остальными судебными мѣстами, какъ органами общественной справедливости и практическихъ потребностей русской жизни—съ другой стороны. Побѣдителемъ въ этой борьбѣ, разумѣется, остается кассаціонный сенатъ. Неутѣшительность такого порядка вещей не требуетъ объясненій. Но какой же изъ всего этого слѣдуетъ сдѣлать выводъ? спроситъ читатель. Неужели тотъ, что самая идея кассаціоннаго суда, какъ такого, который разсматриваетъ въ каждомъ дѣлѣ не всю конкретную его обстановку, а отвлеченный вопросъ о правильномъ примѣненіи закона къ фактамъ, уже признаннымъ другимъ судомъ, не удовлетворяетъ требованіямъ правосудія? Или тотъ, что мы еще «не созрѣли» для кассаціоннаго суда, что члены его у насъ невѣрно понимаютъ и исполняютъ свою задачу, что онъ не соотвѣтствуетъ нуждамъ и потребностямъ русскаго правосудія? Оба эти вывода намъ кажутся слишкомъ общими и односторонними. Во всякомъ случаѣ, для того, чтобъ произнести окончательный приговоръ надъ кассаціоннымъ судомъ вообще или русскимъ въ частности, потребовались бы обширныя и разностороннія изслѣдованія о дѣятельности этого суда въ разныхъ странахъ. Приведенные же нами факты изъ практики нашего гражданскаго кассаціоннаго суда могутъ привести только къ слѣдующему, болѣе частному, но зато и болѣе вѣрному выводу. Всякое учрежденіе только тогда можетъ принести пользу, когда оно согласовано со всѣми другими элементами общественной жизни, одновременно съ нимъ существующими. Кассаціонный судъ, какъ стражъ строгой законности, можетъ поэтому быть полезнымъ въ своей дѣятельности только тогда, когда самые законы, которые ему приходится толковать и охранять, удовлетворяютъ требованіямъ общественной справедливости. Судебная реформа коснулась у насъ только внѣшней стороны отправленія правосудія—порядка производства дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ. Но законы, опредѣляющіе тѣ взгляды и убѣжденія, которыми судьи должны руководствоваться при рѣшеніи споровъ объ имущественныхъ правахъ, т. е. матеріальное содержаніе судебной дѣятельности, остались въ прежнемъ состояніи; а между тѣмъ законы эти въ высшей степени неудовлетворительны и во многомъ несправедливы. До введенія новаго суда, темныя стороны гражданскаго законодательства далеко не давали себя чувствовать такъ, какъ теперь. Это объясняется очень просто тѣмъ, что тогда господствовалъ у насъ не законъ, а личное усмотрѣніе судебной и административной власти. Та-

кимъ образомъ, тамъ, гдѣ законъ оказывался явно несправедливымъ или практически непримѣнимымъ, его безъ труда обходили; тамъ, гдѣ судъ затруднялся такимъ нецеремоннымъ обращеніемъ съ закономъ, на помощь обществу приходила администрація, гораздо менѣе связанная буквою закона (какъ напр., въ семейныхъ дѣлахъ). Несмотря на всѣ недостатки такого порядка вещей, онъ былъ единственно возможнымъ при существующемъ гражданскомъ законодательствѣ и все же удовлетворялъ болѣе или менѣе потребности общества въ правосудіи, лучшемъ, чѣмъ то, которое предлагалось ему Сводомъ законовъ. Точно также, въ случаѣ неполноты или неясности законовъ (что встрѣчается у насъ на каждомъ шагу), старые суды не стѣснялись развивать и дополнять русское право на основаніи общихъ соображеній и потребностей русскаго юридическаго быта. Но судебная реформа все это измѣнила, и измѣнила, какъ мы видѣли, далеко не вездѣ къ лучшему. Такой перемѣнѣ содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, новый факторъ, введенный въ систему русскаго судопроизводства—кассаціонная инстанція. Иначе оно и не могло быть. Задача кассаціоннаго суда заключается въ охраненіи единства примѣненія и толкованія закона судебными мѣстами. Единство и однообразіе пониманія закона безспорно вещь хорошая. Желательно, чтобъ всѣ судебныя мѣста страны примѣняли одинаково законы, чтобъ интересы и права гражданъ находили равную защиту во всѣхъ судебныхъ мѣстахъ и зависѣли не отъ произвола судей, а отъ безпристрастнаго закона, какъ общей и для всѣхъ равной нормы. Желательно также, чтобъ путь, по которому долженъ идти судъ при разсмотрѣніи каждаго дѣла, былъ намѣченъ законодателемъ какъ можно болѣе точно и опредѣленно, дабы судьѣ оставлено было по-возможности меньше мѣста для произвола. Поэтому и дѣятельность кассаціоннаго суда, направленная къ поддержанію этого авторитета закона и единообразному его примѣненію, говоря вообще, должна быть плодотворной и цѣлесообразной. Но необходимымъ для этого условіемъ должно быть возможно большее совершенство самого законодательства. Понятно, что чѣмъ справедливѣе и развитѣе нормы закона, тѣмъ полезнѣе дѣятельность того учрежденія, которое бдительно и ревниво охраняетъ эти нормы отъ нарушенія ихъ судебными мѣстами. Но если, какъ у насъ, законы крайне несовершенны и строгое примѣненіе ихъ на практикѣ или вовсе невозможно, или ведетъ къ явной несправедливости, то и дѣятельность кассаціоннаго суда, какъ неумо-

лимаго блюстителя этихъ законовъ, оказывается нетолько не полезной, но во многихъ случаяхъ едва-ли даже не вредной. Само собою разумѣется, что главная доля отвѣтственности за такой результатъ дѣятельности высшаго судилища имперіи падаетъ не на самое это судилище, а на остающіеся до сихъ поръ безъ измѣненія гражданскіе законы. Это, впрочемъ, далеко не единственный случай, гдѣ практическое осуществленіе судебной реформы напоминаетъ намъ старую истину о невозможности вливать вино новое въ сосуды старые, другими словами—о необходимости согласованія внутренняго, органическаго, между всѣми общественными учрежденіями данной страны. Коренной переворотъ, произведенный въ нашемъ уголовномъ правосудіи введеніемъ суда присяжныхъ, со всѣми его необходимыми принадлежностями, все болѣе и болѣе напоминаетъ намъ о несовершенствѣ, чрезмѣрной строгости и непрактичности русскаго уголовнаго законодательства. Оправдательные вердикты присяжныхъ очень ясно указываютъ на то, что по многимъ родамъ преступленій, наказанія, положенныя за нихъ закономъ, чрезмѣрно суровы и не соотвѣтствуютъ современнымъ понятіямъ о справедливости (напр., по преступленіямъ противъ вѣры), а другія вовсе подлежатъ исключенію изъ уголовнаго кодекса (напр., нарушенія паспортнаго устава). Ярко выступила наружу и несостоятельность удержанной до сихъ поръ системы подсудности по сословіямъ, въ силу которой одно и то же преступленіе вѣдается судомъ низшимъ или высшимъ, смотря по тому, принадлежитъ ли обвиняемый къ привиллегированному сословію или нѣтъ. Не подлежитъ теперь сомнѣнію также и то, что слишкомъ узкіе предѣлы, въ которые уголовный законъ заключаетъ право русскаго суда повышать и понижать наказаніе, рѣшительно вредны при судѣ присяжныхъ и предоставленномъ ему правѣ снисхожденія, и ведутъ нерѣдко къ оправдательнымъ приговорамъ въ ущербъ справедливости. Совершенно естественно поэтому, что и въ области гражданскаго судопроизводства кассаціонный судъ, какъ совершенно новое явленіе въ системѣ русскаго суда, такъ серьезно парализуется въ своей дѣятельности уцѣлѣвшими до сихъ поръ гражданскими законами, обязанными своимъ происхожденіемъ эпохѣ, хотя не особенно отдаленной, но неизмѣримо далеко отстоящей отъ нашего времени во всѣхъ отношеніяхъ.

И. Оршанскій.

ПРОВИНЦІЯ И МИРОВОЙ СУДЪ.

I.

Во всей Европѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, цѣлая бездна отдѣляетъ бытъ села отъ городскаго быта; у насъ это различіе тѣмъ рѣзче, что большинство сельскихъ жителей или вовсе не приходятъ въ соприкосновеніе съ городами, или соприкасаются лишь съ такими населенными мѣстностями, которыя ни благоустройствомъ, ни образованностью, ни торговою или иною дѣятельностью не заслуживаютъ названія города, а именуются городами собственно потому, что такъ принято называть мѣстности, въ которыхъ сосредоточивается въ извѣстной мѣрѣ административное управленіе. Выѣзжайте изъ столицы въ провинцію, и вы очень рѣдко встрѣтитесь съ «городомъ» въ настоящемъ смыслѣ этого слова, если только свернете съ желѣзной дороги. И неудивительно: всего-то у насъ, *по счету*, 2,800 городовъ, считая пригороды, мѣстечки, посады и т. п. Хоть сколько-нибудь соотвѣтствуютъ понятію о городѣ тѣ населенныя мѣстечки, въ которыхъ около десяти тысячъ жителей; исключите изъ 2,800 мѣстностей 175 такихъ, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, по десятку тысячъ жителей, и останутся 2,625 *городскихъ* поселеній, ничѣмъ не напоминающихъ города, кромѣ острога, полицейскаго управленія, инвалидной команды и проч. Да что значатъ эти мѣстности въ сравненіи съ 320,474 населенныхъ мѣстностей европейской Россіи: на 2,635 *такъ называемыхъ* городовъ вѣдь причтется 317,849 *селъ*. Вотъ она наша провинція: это село, которое до открытія земскихъ учрежденій спало

сномъ непробуднымъ, никому невѣдомымъ селомъ и только въ послѣднее время стало заявлять о своемъ существованіи.

Мудреное ли дѣло, послѣ этого, что составители судебныхъ уставовъ, при всей добросовѣстности работы ихъ, не знали села и не могли приноровить судебныхъ уставовъ къ провинціальной, т. е. по преимуществу *сельской* жизни? Жизнь же этой среды должна бы получить особенное значеніе въ глазахъ правительства, какъ жизнь огромнаго большинства подданныхъ, представляющая въ то же время и наибольшее накопленіе богатствъ. Со времени введенія въ дѣйствіе земскихъ учрежденій и мировой судебной юстиціи, задача правительства значительно облегчена: къ примѣненію реформы призваны наиболѣе просвѣщенные люди страны, отъ которыхъ правительство можетъ узнать правду о провинціи, неоднократно извращенной въ описаніяхъ проѣзжихъ туристовъ и отчетахъ проѣзжихъ чиновниковъ. Мировые судьи—изъ *мѣстныхъ* жителей, въ большинствѣ случаевъ близко знакомыхъ съ краемъ; тѣ изъ нихъ, которые въ то же время не порвали связи съ центрами образованности, могутъ правильно освѣтить потребности провинціальной жизни, требующія удовлетворенія со стороны законодательства.

Нельзя при этомъ не отдать полной справедливости министерству юстиціи въ томъ, что оно съ самого начала введенія судебныхъ уставовъ и до сихъ поръ приглашаетъ предсѣдателей съѣздовъ мировыхъ судей сообщать свои замѣчанія по вопросу о примѣненіи закона къ провинціальной жизни; эти замѣчанія печатаются министерствомъ и разсылаются предсѣдателямъ, помогая послѣднимъ вдумываться въ дѣло. Трудно, однако, не согласиться и съ тѣмъ, что и внѣ личнаго состава мироваго суда найдется не мало лицъ, знакомыхъ съ судебными уставами и бытомъ провинціи, и что крайне полезно было бы и ихъ привлечь къ разработкѣ вопроса, а для этого у насъ нѣтъ инаго пути, кромѣ печати. Наконецъ, гласное обсужденіе вопроса въ періодическомъ изданіи можетъ принести еще ту пользу, что хоть сколько-нибудь ознакомитъ съ провинціей столичныхъ дѣятелей, призванныхъ нерѣдко сочинять правила для обстоятельствъ, имъ совершенно неизвѣстныхъ. Полагая, что платье, сшитое за-глаза, можетъ пригодиться только въ томъ случаѣ, если оно будетъ сшито по мѣркѣ того, для кого оно предназначается, мы желали бы оказать настоящею статьею содѣйствіе къ тому, чтобы у насъ высылали изъ столицъ поменьше такого платья, котораго вовсе надѣть нельзя провинціалу, или

такого, которое требуетъ значительной передѣлки; такая предосторожность тѣмъ болѣе необходима, что законы должны быть устойчивы, ихъ нельзя перемѣнять, какъ платье, а передѣлка ихъ можетъ совершаться лишь медленно, въ ущербъ организму провинціи. Мы позволяемъ себѣ разсчитывать на то, что предлагаемыя нами замѣчанія о неудобствахъ, встрѣчающихся въ примѣненіи судебно-мироваго устава къ провинціальной, т. е. почти исключительно сельской жизни, будутъ не лишены нѣкотораго практическаго значенія, такъ какъ большинство ихъ внимательно обсуждалось коллегіею мировыхъ судей Александровскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. По самому происхожденію своему эти замѣчанія будутъ, слѣдовательно, касаться преимущественно рѣдко-населенныхъ полосъ Россіи. Не забудемъ, однако, того, что изъ 50 губерній (мы исключаемъ польскія) европейской Россіи, въ 22 приходится на квадратную милю менѣе 1,200 жителей и что, слѣдовательно, почти половина всѣхъ губерній относится къ *рѣдко*-населеннымъ. Замѣчанія провинціальныхъ судей, по самому происхожденію своему, будутъ касаться преимущественно только сельскихъ жителей; но при этомъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ 50 губерніяхъ на 52,253,697 жителей сельскихъ сословій всего только 5,743,880 жителей городскихъ сословій, т. е. почетныхъ гражданъ, купцовъ, мѣщанъ и цеховыхъ!

Начнемъ съ устава гражданскаго судопроизводства, пытаясь отвѣчать на вопросъ: какихъ измѣненій въ немъ требовала бы провинціальная жизнь?

При опредѣленіи подсудности гражданскихъ дѣлъ мировой юстиціи, законъ, какъ видно изъ мотивовъ къ судебнымъ уставамъ, обнародованныхъ государственною канцеляріею, имѣлъ въ виду предоставить разбирательству мировыхъ судей «дѣла самыя простыя и несложныя, не представляющія трудности въ разрѣшеніи»; къ такимъ дѣламъ законъ отнесъ «*малоцѣнные иски*», а потому, по ст. 29 уст. гражд. судопр. вѣдомству мироваго суда подлежатъ иски по обязательствамъ и договорамъ и о движимости цѣною не свыше 500 рублей. Иски цѣною выше 500 р. сер. законъ уже относитъ къ «многоцѣннымъ», разборъ которыхъ слишкомъ затруднилъ бы мироваго судью. Само по себѣ понятно, что трудно защитить теоретически какую бы то ни было норму, ограничивающую подсудность судебной инстанціи: трудно доказать, что иски въ 550 р. сер. сложнѣе исковъ въ 500 р. сер., или что иски въ 450 р. сер. уже настолько сложны,

что не слѣдовало бы довѣрять мировымъ судьямъ, не всегда юридически подготовленнымъ, разборъ исковъ въ 500 р. сер. Правильная норма въ подсудности не можетъ быть предустановлена a priori, a должна быть выведена изъ практики. Что же говоритъ провинціальная практика? Пять участковыхъ мировыхъ судей Александровскаго мироваго судебнаго округа въ одинъ голосъ заявляютъ, что очень часто истцы, для того только, чтобы имѣть дѣло съ мировымъ судьею, а не съ окружнымъ судомъ, стараются обойти законъ о подсудности: подраздѣляютъ цѣнные иски на такіе доли, которыя не превышали бы 500 р. сер. Такая тактика вполнѣ понятна въ мѣстностяхъ малонаселенныхъ, лишенныхъ путей сообщенія и удаленныхъ отъ окружнаго суда на сотню или сотни верстъ, при дороговизнѣ пребыванія въ томъ городѣ, гдѣ помѣщается судъ. Эта тактика пущена въ ходъ въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ публика уразумѣла, что окружные суды присуждаютъ истцу, въ случаѣ выигрыша дѣла, только за веденіе дѣла извѣстную сумму денегъ, которую истецъ предоставляетъ повѣренному, а издержки истца на поѣздку и пребываніе въ городѣ не вознаграждаются, точно также, какъ и убытки въ экономическихъ предпріятіяхъ, сопряженныя съ затратою времени на судебные процессы. На это скажутъ, что тяжущіеся могутъ, и не являясь лично, поручать дѣло повѣренному. Но много ли такихъ повѣренныхъ въ провинціи, которымъ можно было бы поручить дѣло заглазно? Много ли у насъ, наконецъ, такихъ тяжущихся, которые, не предпринимая отдаленнаго и затруднительнаго путешествія въ окружной судъ, съумѣли бы путемъ почтовыхъ сношеній передать дѣло повѣренному? Вѣдь во многихъ мѣстностяхъ окружные суды такъ толкуютъ нотаріальныя права мироваго судьи, что не предоставляютъ послѣднему права на совершеніе довѣренностей для хожденія по дѣламъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, и истцу уже для совершенія довѣренности приходится бросать свое хозяйство, которое поручить некому, и ѣхать къ нотаріусу, отдаленному отъ половины мѣстностей уѣзда на сто и болѣе верстъ. Удивляться ли тому, что при такихъ обстоятельствахъ тяжущіеся всячески стараются избѣжать дорого стоющаго и, по мѣстнымъ условіямъ, едва доступнаго окружнаго суда? Кромѣ того, не говоритъ ли въ нихъ, при раздробленіи цѣнныхъ исковъ, та простая логика, по которой возможно довѣрить разборъ дѣла въ 700 руб. сер. тому мировому судьѣ, которому довѣряются иски цѣною въ 500 р. сер. Наконецъ, самое поня-

тіе о цѣнѣ и цѣнности весьма относительно: въ русской провинціи не мало бѣдняковъ, для которыхъ тяжба о 500 р. сер., *подсудная* мировой юстиціи, составляетъ вопросъ о цѣломъ состояніи; такія лица, по закону, обязаны подчиняться рѣшенію судьи; почему же не подчинять рѣшенію того же судьи людей болѣе богатыхъ, для которыхъ та же стоимость иска представляетъ гораздо меньшую относительную цѣнность? Совершенно вѣрна, однако, и та мысль составителей судебныхъ уставовъ, что необходимо ограничить юрисдикцію судебной инстанціи извѣстными предѣлами, для того, чтобы не затруднять ея, а потому должны быть установлены и предѣлы подсудности мировой юстиціи; но для того, чтобы эти грани совпадали съ потребностями провинціальной жизни, необходимо, чтобы онѣ вытекали изъ нея же: люди, знающіе жизнь и судебную практику въ провинціи, полагаютъ, что было бы цѣлесообразно предоставить разбору мировыхъ судей иски по обязательствамъ и договорамъ не выше *тысячи* руб. сер. Такая норма, по мнѣнію людей жизни, ближе совпадала бы съ тѣмъ предѣломъ, котораго *не достигаетъ* большинство обыденныхъ исковъ въ провинціи и выше котораго стоятъ иски многоцѣнные, исключительные, сложные. Во всякомъ дѣлѣ рѣшается вопросъ *о правѣ лица*; идетъ ли при этомъ рѣчь о потерѣ десяти рублей или ста рублей — это не уменьшаетъ и не увеличиваетъ отвѣтственности суда по вопросу о правѣ, попранномъ или защищенномъ судомъ; иски малоцѣнные имѣютъ часто величайшее нравственное значеніе и бываютъ несравненно сложнѣе исковъ на большую сумму. Если же законъ почти не ограничиваетъ подсудности мировому судьѣ *родомъ дѣлъ*, но преимущественно стоимостью ихъ, то, казалось бы, есть основаніе, прислушиваясь къ голосу провинціальныхъ судей-практиковъ, по собственному опыту могущихъ понимать и положеніе тяжущихся, увеличить норму подсудности гражданскихъ дѣлъ до 1,000 р. сер., что касается исковъ о движимости и исковъ о вознагражденіи за ущербъ и убытки.

Въ мотивахъ къ п. 2 ст. 92 сказано: «Есть дѣла, которыя по самому свойству иска или спора должны быть оканчиваемы *скорымъ*, сокращеннымъ порядкомъ и по возможности въ *тѣхъ самыхъ мѣстахъ*, гдѣ оныя возникаютъ». Къ такимъ дѣламъ мотивы относятъ только дѣла о вознагражденіи за ущербъ и убытки, не указывая на разборъ дѣлъ между сельскими рабочими и хозяевами. Такое упущеніе можетъ быть объяснено только незнаніемъ провинціальной жизни:

въ губерніяхъ, рѣдко населенныхъ, появляется, на рабочее время, огромное множество рабочихъ, нанимающихся часто весьма многочисленными артелями. Иной артели слѣдуютъ, при окончаніи работъ, тысячи рублей сер. При ограниченіи подсудности мировому судьѣ не только 500 р. сер., но и тысячею рублей, очень часто рабочіе и хозяева ставятся въ совершенную невозможность искать защиты суда, такъ какъ не имѣютъ ни средствъ, ни времени добраться до того города, одного на нѣсколько уѣздовъ, въ которомъ засѣдаетъ окружной судъ. Допустимъ даже, что заинтересованныя стороны доберутся, для рѣшенія такого дѣла, которое можетъ быть рѣшено только на мѣстѣ и быстро, до отдаленнаго суда; но всегда ли судьи общихъ судебныхъ мѣстъ окажутся компетентными въ разборѣ тяжбъ, возникающихъ изъ житейскихъ отношеній, въ большинствѣ случаевъ извѣстныхъ только *сельскимъ* мировымъ судьямъ, каковы недоразумѣнія между сельскими рабочими и хозяевами? И такъ, вполнѣ соглашаясь съ мотивами къ судебнымъ уставамъ въ томъ, что есть дѣла, которыя «должны быть оканчиваемы *скорымъ*, сокращеннымъ порядкомъ и по возможности *въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ*, гдѣ оныя возникли», нельзя не отнести къ разряду этихъ дѣлъ и недоразумѣній между хозяевами и *сельскими* рабочими, откуда прямо слѣдуетъ, что разборъ такого рода дѣлъ можетъ быть предоставленъ только мировымъ судьямъ, а не отдаленнымъ отъ тяжущихся общимъ судебнымъ мѣстамъ. Ограничивать въ этомъ отношеніи юрисдикцію мироваго судьи значило бы не только лишать заинтересованныя стороны суда, но и подвергать ихъ суду менѣе компетентному, обходя судъ болѣе компетентный, какъ ближе стоящій къ жизни и состоящій изъ лицъ, знакомыхъ съ обычаями данной мѣстности, ея промышленностью и другими обстоятельствами, при незнаніи которыхъ невозможенъ разборъ дѣлъ между *сельскими* рабочими и хозяевами. Къ дѣламъ, которыя должны бы быть подсудны мировому судьѣ также безъ ограниченія цѣны иска, нельзя не отнести, по тѣмъ же причинамъ и въ силу того же мотива къ судебнымъ уставамъ, и дѣлъ о потравѣ полей. Возможность разобрать подобное дѣло *только* на мѣстѣ и *только* немедленно по занесеніи жалобы, очевидна до такой степени, что не требуетъ доказательствъ.

Мы сказали выше, что законъ *почти* не ограничиваетъ подсудности мировой юстиціи *родомъ* гражданскихъ дѣлъ, а преимущественно стоимостію ихъ. Но мы спѣшимъ оговориться: въ законъ занесено въ

этомъ отношеніи весьма существенное ограниченіе, тяжело отражающееся на экономическомъ бытѣ провинціи, представлявшей до сихъ поръ terra incognita для многихъ. По закону (ст. 31, п. 1-й) изъяты изъ подсудности мировому судьѣ *всѣ* иски, безъ ограниченія цѣною, о правѣ *собственности*, или о правѣ на *владѣніе* недвижимымъ имуществомъ. Такимъ образомъ всякій арендаторъ, желая доказать свое право на владѣніе, пользованіе извѣстнымъ участкомъ земли, вынужденъ обращаться въ окружный судъ, мимо ближайшаго суда, знакомаго съ такого рода дѣлами изъ самой жизни. Въ послѣднее время нерѣдко являются у насъ арендаторами крестьяне, у которыхъ достаетъ средствъ только на аренды незначительнаго размѣра; въ случаѣ спора о правѣ на владѣніе арендуемымъ участкомъ, какъ бы ничтожны ни были размѣры участка, такой арендаторъ, въ большинствѣ случаевъ бѣдный и невѣжественный, вынужденъ, согласно п. 1 ст. 31, обращаться въ окружный судъ, который онъ едва знаетъ по имени и отъ котораго его отдѣляетъ пространство въ нѣсколько сотъ верстъ, едва проѣздное весною и осенью изъ-за грязи, зимою — изъ-за непостоянства южной зимы, а лѣтомъ — изъ-за того, что хозяинъ въ рабочую пору ни на одинъ день не можетъ бросить своего хозяйства. Мало того: Положеніе 19-го февраля 1861 года, признавъ крестьянъ полноправными гражданами, въ тоже время сдѣлало первый шагъ къ тому, чтобы въ Россіи появлялась *мелкая* поземельная собственность. Въ настоящее время нотаріальное и судебное устройство не поощряютъ, а затрудняютъ появленіе мелкихъ собственниковъ: крестьянину, покупающему десятокъ десятинъ земли, предстоитъ поѣздка къ нотаріусу, жительствующему на краю уѣзда, въ уѣздномъ городѣ, отдаленномъ отъ большинства населенныхъ мѣстностей; по пріобрѣтеніи этого незначительнаго участка, собственнику, затратившему на эту операцію послѣднюю копѣйку, въ случаѣ недоразумѣній, негдѣ искать судебной защиты, такъ какъ окружный судъ, для него, по отдаленности и неизвѣстности, — та же китайская имперія, а мировой судья, по закону, не принимаетъ къ разбору никакихъ, даже самыхъ малоцѣнныхъ дѣлъ о правѣ собственности на недвижимость. Въ провинціи такой порядокъ вещей крайне затрудняетъ большинство населенія, отзываясь неблагопріятно на экономическомъ развитіи края; поэтому судьи-практики, знакомые съ дѣтства съ бытомъ крестьянина и провинціею, полагаютъ полезнымъ отмѣнить изъятіе, установленное п. 1 ст. 31, и предоставить разбору мироваго судьи не только иски о

движимости, но и иски о недвижимости цѣною не выше тысячи руб. сер.

Впрочемъ, благодаря 3 п. ст. 31, исключившему изъ подсудности мировому судьѣ всѣ гражданскіе иски между крестьянами цѣною до ста руб. сер. и оставившему *окончательное* рѣшеніе ихъ, какъ и было, за волостнымъ судомъ, — большинство населенія провинціи, т. е. крестьяне, только въ рѣдкихъ случаяхъ пользуются благами судебной реформы, суда независимаго и свѣдущаго. Огромное большинство сдѣлокъ крестьянина касаются лицъ его же сословія и цѣнностію не превосходятъ ста руб. сер.; во всѣхъ этихъ случаяхъ крестьянинъ вынужденъ подчиняться суду волостному, въ которомъ, къ несчастью, вслѣдствіе долговременнаго отсутствія школъ и воспитывающихъ государственныхъ учрежденій, водка, кумовство и подкупы всякаго рода играютъ немаловажную роль. Кромѣ того, волостной судъ рѣшеніями своими не только не воспитываетъ, но какъ бы даетъ санкцію понятіямъ, съ которыми борются новое время и учрежденія, недавно призванныя къ жизни. Что сказать напримѣръ о такомъ рѣшеніи волостнаго суда, которымъ постановлено «рубить колеса» всякому крестьянину, который осмѣлится въ самое горячее время уборки пшеницы, осыпающейся по достиженіи извѣстной степени зрѣлости, выѣхать въ поле въ одинъ изъ праздниковъ, необозначенныхъ ни въ какомъ календарѣ? Что сказать о томъ, что волостной судъ, вслѣдствіе жалобы мужа на то, что его избила жена, распоряжается высѣчь *мужа* за то, что онъ такой простофиля, «что позволяетъ женѣ себя бить»? Преимущество волостнаго суда состоитъ въ томъ, что онъ руководствуется не закономъ, а *обычаемъ*; но желательно ли дальнѣйшее примѣненіе *всякихъ* обычаевъ, сложившихся при обстоятельствахъ, развращавшихъ народъ? Намъ могутъ возразить, что отъ тяжущихся крестьянъ зависитъ довѣрить разборъ хотя бы самаго малоцѣннаго иска мировому судьѣ, которому онъ въ силу этого и станетъ подсуднымъ. Это справедливо и нерѣдко уже случается не практикѣ. Но вотъ что любопытно при этомъ: только въ тѣхъ случаяхъ обѣ стороны желаютъ подчиниться мировому судьѣ, когда ни одна изъ нихъ не дѣйствуетъ недобросовѣстно; если же одна изъ сторонъ лукавитъ, то она настаиваетъ на неподсудности иска мировой юстиціи и дорожитъ судомъ волостнымъ; слѣдовательно, самые прискорбные случаи, когда именно и требовалось бы суда мироваго судьи, ускользаютъ отъ его вліянія и крестьянинъ въ случаяхъ наибольшей важ-

ности лишенъ защиты суда просвѣщеннаго и предоставленъ суду волостному, издѣваться надъ некомпетентностію котораго ему не мѣшаетъ то, что этотъ судъ состоитъ «изъ своихъ». Неразъ и мы, и другіе судьи слышали жалобы отъ крестьянъ, которые до сихъ поръ никакъ еще не могутъ войдти во вкусъ предоставленной имъ привилегіи, состоящей въ подчиненіи ихъ *сословному* волостному суду. Провинціальная жизнь громко вопитъ противъ волостныхъ судовъ и могла бы удовлетвориться слѣдующею комбинаціею: 1) предоставить *окончательному* рѣшенію волостнаго суда гражданскіе иски между крестьянами не свыше десяти, а не ста рублей сер.; но съ тѣмъ, чтобы и на эти рѣшенія допускались *кассаціонныя* жалобы мировому судьѣ въ случаѣ явнаго нарушенія волостнымъ судомъ законовъ о подсудности, что случается чуть не ежедневно, и въ случаѣ нарушенія правилъ судопроизводсвва, изложенныхъ въ Положеніи 19 февраля 1861 г.; въ случаѣ кассаціи рѣшенія мировымъ судьею дѣло подлежало бы новому разбору другаго волостнаго суда. 2) Предоставить *неокончательному* рѣшенію волостнаго суда гражданскіе иски между крестьянами цѣною отъ десяти до ста р.; на эти рѣшенія подаются *апелляціонныя* жалобы мировому судьѣ; на рѣшенія послѣдняго, въ *апелляціонномъ* порядкѣ постановленныя, подаются *кассаціонныя* жалобы въ съѣздъ мировыхъ судей *). Казалось бы, что при подобной организаціи мы не лишили бы народъ полезной стороны волостнаго суда, не нарушили бы и самостоятельности его, но значительно уменьшили бы тотъ вредъ, который онъ приноситъ во многихъ случаяхъ. Такимъ судоустройствомъ мы бы сдѣлали «новый судъ» доступнымъ не только дворянамъ, купцамъ и разночинцамъ, но и *большинству* населенія въ провинціи, т. е. крестьянамъ, которые въ настоящее время, при необразованности своей, или обращаются въ волостной судъ, закрѣпляющій своими приговорами это невѣжество, или, опять мимо мироваго судьи, вынуждены искать окружнаго суда, на дѣлѣ для нихъ замкнутаго, благодаря тому же невѣжеству массы и другимъ причинамъ, изложеннымъ выше.

Мы всѣ сознаемъ, что народъ у насъ въ невѣжествѣ; но многіе

---

*) Въ статьѣ «Нерѣшенные вопросы крестьянскаго дѣла» предлагается иная комбинація для улучшенія волостныхъ судовъ; но такъ какъ настоящій вопросъ далеко еще не можетъ считаться выясненнымъ, то различныя мнѣнія, однородныя по своей сущности, не мѣшаютъ одно другому.

Изд.

изъ насъ вспоминаютъ объ этомъ не тогда, когда слѣдовало бы, и учрежденія, ими создаваемыя, прилаживать къ нравственному уровню той среды, для которой они предназначаются. Такъ, согласно ст. 409 гражд. судопр. существованіе *всякаго* долга и *всякой* уплаты по долгу требуетъ *письменнаго* удостовѣренія. Отъ кого? Отъ лицъ, которыхъ никто не научилъ писать. Крестьянинъ продалъ свою послѣднюю коровенку лавочнику села, для того, чтобы уплатить подати; онъ продалъ ее при свидѣтеляхъ и можетъ свидѣтельскими показаніями доказывать на судѣ фактъ продажи, такъ какъ движимость можетъ быть продаваема и безъ письменныхъ документовъ. Но лавочникъ, *при свидѣтеляхъ* купившій корову, не уплатилъ хозяину ея денегъ и 409 ст. устава гражд. судопр. лишаетъ крестьянина возможности сослаться въ судѣ на то, что свидѣтели *видѣли*, какъ продавалась корова, *слышали* тогда же, что лавочникъ предполагалъ уплатить за нее деньги, положимъ, на слѣдующій день; судъ не приметъ въ уваженіе этихъ свидѣтельскихъ показаній, если лавочникъ отопрется отъ долга, потому что кассаціоннымъ департаментомъ сената было неоднократно разъяснено и, кажется намъ, вполнѣ правильно, что изъ какой бы сдѣлки долгъ ни вытекалъ, а по гражданскимъ законамъ и согласно 409 ст. гражд. судопр. онъ требуетъ *письменнаго* удостовѣренія и дѣйствительность его не можетъ быть доказываема свидѣтельскими показаніями. Просвѣщенные люди, а въ особенности юристы, легко поймутъ, что законъ не можетъ предоставить безусловной свободы истцу доказывать долгъ свидѣтельскими показаніями, для того, чтобы предупредить злоупотребленія; но какъ сильно возмущается на судѣ совѣсть того честнаго крестьянина, *присяжнымъ* показаніямъ свидѣтелей котораго судъ не вѣритъ, давая торжествовать лицу, всенародно признаваемому безчестнымъ, но не уличенному по закону. Допустимъ, наконецъ, что время и горькій опытъ научили нашего крестьянина, продавца коровы: онъ потребовалъ отъ лавочника *письменнаго* документа. Но къ чему это ведетъ? Крестьянинъ неграмотенъ и потому не въ состояніи *прочесть* документа въ минуту написанія его.

Вотъ какой былъ случай въ нашей судебной практикѣ: К. былъ долженъ крестьянину П. *по роспискѣ* 15 руб. 12 коп. сер. и безъ росписки 5 руб. сер. Предъ наступленіемъ срока уплаты К. явился къ П. и просилъ отсрочить ему уплату по 1-е января 1870 года. П. согласился и К. тутъ же написалъ росписку и *прочелъ ее* П.; изъ

прочтенія росписки П. убѣдился въ томъ, что К. обязуется уплатить ему *весь* долгъ не позже 1-го января 1870 года. По выѣздѣ К. изъ села, неграмотный крестьянинъ П. далъ прочесть оставленную ему заемную росписку постороннему лицу и тогда только, къ ужасу своему, узналъ, что К. въ роспискѣ обязался уплатить часть долга не къ 1-му января 1870 года, а «*по истеченіи*» 1870 года, а остальную часть лишь въ 1872 году. Къ счастью П., отвѣтчикъ К. *читалъ* росписку *при свидѣтеляхъ*, т. е. при свидѣтеляхъ прочелъ П. росписку не такъ, какъ она была имъ написана. Противъ К. возбуждено преслѣдованіе за мошенничество; К. былъ обвиненъ и остался доволенъ приговоромъ съѣзда, тщетно попытавшись опровергнуть обвинительный приговоръ судьи. Но какъ часто возможны подобные случаи съ «темнымъ» человѣкомъ при такой обстановкѣ, что судъ не будетъ въ состояніи защитить праваго! Да, пока грамотность не правило, а исключеніе въ массѣ народа, весьма естественна эксплуатація неграмотнаго большинства полуграмотнымъ меньшинствомъ; этотъ безспорный фактъ, невыясненный какъ слѣдуетъ, и подалъ поводъ людямъ близорукимъ утверждать, будто грамотность только и ведетъ къ мошенничеству. Разскажемъ еще одинъ случай изъ нашей судебной практики: шинкарь одного села надоѣлъ мѣстному сельскому обществу тѣмъ, что безпрерывно пускалъ, не имѣя на то права, свой скотъ на общественное пастбище; сельскій староста рѣшился наконецъ задержать телушку шинкаря и, сдавъ ее на руки пастуху общественнаго стада, приказалъ ему не выдавать шинкарю телушки, пока шинкарь не уплатитъ 40 коп. сер. штрафа, о чемъ староста и увѣдомилъ шинкаря. Шинкарь, получивъ «бумагу» съ печатью старосты, не долго думая, оторвалъ отъ нея именно тотъ клочокъ, на которомъ находилась печать, и написалъ на этомъ клочкѣ: «*прошу выдать телушку.—Б. Ш.*». Какъ видитъ читатель, г. Ш. имѣлъ осторожность подписать на клочкѣ бумаги, снабженномъ печатью старосты, свою фамилію, для того, чтобы его не могли обвинять въ подлогѣ. Съ этою запискою шинкарь послалъ свою работницу къ пастуху, поручивъ ей вручить ее пастуху и взять у него телушку, не уплачивая штрафа. Пастухъ, при видѣ «бумаги», смутился, а при видѣ «печати» смутился еще больше и, признавъ въ послѣдней печать сельскаго старосты, по внѣшнимъ очертаніямъ ея, такъ какъ пастухъ былъ неграмотенъ, выдалъ работницѣ телушку, а записку оставилъ у себя. Каково было удивленіе сельскаго старосты, когда пастухъ разсказалъ

ему происшедшее и вручилъ ему записку! Староста, самъ неграмотный, былъ не мало смущенъ, узнавши свою печать и поспѣшилъ къ волостному писарю; только тогда дѣло разъяснилось и возбуждено преслѣдованіе въ мошенничествѣ противъ шинкаря; г. Ш. былъ обвиненъ, подавалъ кассаціонную жалобу въ сенатъ, но и этимъ тюрьмы не избѣжалъ.

Мы могли бы привести еще не мало примѣровъ изъ судебной практики въ доказательство того, какъ часто страдаетъ народъ отъ того, что онъ не только не обладаетъ относительнымъ образованіемъ, но даже простою *грамотностью*. Тѣмъ не менѣе къ нему, т. е. къ *большинству* населенія провинціи, находящемуся въ безпомощномъ состояніи, всецѣло примѣняется требованіе закона о *письменномъ* удостовѣреніи извѣстныхъ обыденныхъ сдѣлокъ. Рѣшить не трудно, легко ли это достается народу. Намъ кажется, что ближайшее знакомство съ бытомъ провинціи убѣдило бы всякаго въ необходимости ограничить требованіе ст. 409 гр. судопр. въ примѣненіи къ крестьянамъ и притомъ не только въ интересѣ лицъ, ссужающихъ деньги, но и въ интересѣ лицъ, которыя кредитуются. Закономъ гражданскимъ неграмотный, занимающій деньги, ограждается тѣмъ, что законъ обставляетъ этотъ заемъ весьма сложными формами; но это усложненіе въ свою очередь настолько стѣснительно, при требованіи ст. 409 гр. судопр., т. е. *письменнаго* удостовѣренія о займѣ, что лишаетъ крестьянина кредита и на ничтожную сумму. По вышеизложеннымъ соображеніямъ, и въ виду того, что законъ не можетъ игнорировать быта той среды, для которой предназначается, казалось бы цѣлесообразнымъ въ дополненіе къ ст. 409 гр. суд. постановить, что допускаются свидѣтельскія показанія въ удостовѣреніе долга не свыше тридцати руб. сер. въ случаѣ неграмотности *взыскателя* и въ удостовѣреніе уплаты долга на такую же сумму въ случаѣ неграмотности *отвѣтчика*. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ крестьянинъ такъ свято чтитъ присягу, что не рѣшится показать ложно подъ присягою на судѣ.

Настоящими замѣтками мы далеко не исчерпали всѣхъ случаевъ, въ которыхъ уставъ гражданскаго судопроизводства оказывается не приложеннымъ къ провинціи, такъ сказать еще и не существовавшей въ то время, когда составлялись судебные уставы; но мы указали на главнѣйшія неудобства. Земскія учрежденія, мировой судъ и народная школа пробудили провинцію; эти учрежденія призвали къ дѣя-

тельности относительно «лучшихъ людей» и побудили ихъ вникнуть поближе въ бытъ большинства населенія. Мы вполнѣ увѣрены въ томъ, что въ наши дни и столичные дѣятели, помня о томъ, что провинція наша—*село*, не пожелаютъ болѣе отворачиваться отъ этого, неизвѣстнаго имъ предмета, или изучать его по «очеркамъ» и «отчетамъ», но внимательно прислушаются къ искреннему голосу мѣстныхъ дѣятелей и постараются удовлетворить ихъ справедливымъ желаніямъ. Судебные уставы безспорно составляютъ славу настоящаго царствованія; но еще большую, быть можетъ, славу его составляетъ стремленіе поставить законъ въ уровень съ жизнью и, прислушиваясь къ голосу послѣдней, соотвѣтственно ея дальнѣйшему развитію, видоизмѣнять и законъ.

II.

Значительное большинство предсѣдателей мировыхъ съѣздовъ, насколько можно судить объ этомъ по замѣчаніямъ ихъ на судебные уставы, напечатаннымъ министерствомъ юстиціи, свидѣтельствуютъ о совершенномъ бездѣйствіи *почетныхъ* мировыхъ судей. Но при этомъ, если не ошибаемся, рѣдко съ надлежащею полнотою разъяснялись причины этого бездѣйствія, а разслѣдованіе ихъ чрезвычайно существенно уже потому, что почетныхъ судей *въ провинціи* несравненно болѣе, чѣмъ *участковыхъ*, и что поэтому, по мысли законодателя, преимущественно на первыхъ и падала бы обязанность осуществить судъ, возможно болѣе близкій и потому удобный для тяжущихся. Въ этомъ отношеніи, на что мы уже не разъ указывали выше, существуетъ огромное различіе между столицею и провинціею: въ Петербургѣ на пространствѣ отъ 80 до 90 квадратныхъ верстъ распредѣлены 30 участковыхъ судей и всего 14 почетныхъ; въ Александровскомъ уѣздѣ Екатеринославской губерніи на пространствѣ 12,000 квадратныхъ верстъ устроено 5 камеръ участковыхъ судей и на 5 участковыхъ судей приходится до 20 почетныхъ. Намъ могутъ сказать на это, что населеніе Петербурга слишкомъ въ семь разъ превосходитъ населеніе Александровскаго уѣзда, и что поэтому значительное число участковыхъ судей необходимо Петербургу; но мы этого и не оспариваемъ и не въ томъ вовсе вопросъ. Мы позволимъ себѣ сравненіе столицы съ захолустьемъ, по *территоріи* и *числу* судей,

для того, чтобы наглядно пояснить, какое значеніе *для провинціи* могъ бы получить *почетный* мировой судья, какъ судъ *ближайшій*, такъ какъ у насъ на каждаго изъ участковыхъ судей приходится по 2,400 квадр. верстъ, а на столичнаго—всего отъ 2 до 3 кв. верстъ; къ тому же въ столицѣ, гдѣ мнѣ нужно лишь *полчаса ходьбы* для того, чтобы добраться до своего участковаго судьи, а *не 5 часовъ ѣзды*, какъ въ провинціи, я во всякое время года могу пройти въ камеру по удобному тротуару, а въ провинціи часто вовсе не смѣю помышлять о поѣздкѣ за нѣсколько десятковъ верстъ, такъ какъ изъ-за невылазной грязи я едва въ силахъ пѣшкомъ перейти черезъ дворъ. Земство экономически не въ силахъ организовать столько мировыхъ участковъ, чтобы для большинства сельскихъ жителей судъ оказался *близкимъ*, такъ какъ на содержаніе участковымъ мировымъ судьямъ пришлось бы затратить огромныя суммы денегъ; оставалось бы земству воспользоваться институтомъ почетныхъ мировыхъ судей, не получающихъ содержанія и избираемыхъ въ такомъ числѣ, что этимъ самымъ значительно сокращаются разстоянія, отдѣляющія публику отъ мѣстъ пребыванія судей. Но для того, чтобы почетные мировые судьи приносили пользу, необходимо, чтобы они дѣйствовали, а намъ отовсюду заявляютъ, что они бездѣйствуютъ.

Нельзя отрицать исключеній: есть и почетные мировые судьи, къ которымъ часто обращаются тяжущіеся и которые часто замѣняютъ участковыхъ мировыхъ судей. Но въ большинствѣ случаевъ почетные мировые судьи ограничиваются участіемъ въ съѣздахъ мировыхъ судей, которые посѣщаютъ изрѣдка, крайне неисправно. Польза ихъ на съѣздѣ несомнѣнна и при томъ, если не всегда при рѣшеніи вопросовъ юридическихъ, то безспорно при рѣшеніи вопросовъ факта. Съ этой точки зрѣнія почетные мировые судьи и въ настоящее время оказываютъ значительную услугу обществу. Что же касается того, чтобы мечтать о распространеніи ихъ единоличной судебной дѣятельности по гражданскимъ дѣламъ и уголовнымъ, могущимъ прекратиться примиреніемъ, то едва ли было бы благоразумно мечтать объ этомъ: въ участковые судьи избираются, по возможности, лица съ юридическою подготовкою и избраннымъдается такая обстановка, которая позволяетъ судьѣ посвятить все время судебной дѣятельности. Такой подготовки и подобнаго отношенія къ дѣлу избиратели не въ правѣ требовать отъ почетнаго мироваго судьи, не бросающаго своего хозяйства или промысла и могущаго заниматься судебною практикою лишь

между прочимъ. Послѣ этого понятно, что публика, при полнѣйшемъ довѣріи къ дарованіямъ и добросовѣстности *почетнаго* судьи, болѣе довѣряетъ познаніямъ и вниманію къ дѣлу *участковаго* судьи, а потому крайне рѣдко, почти никогда не обращается къ единоличному разбору почетнаго мироваго судьи. Избраніе мировыхъ почетныхъ судей въ возможно большемъ числѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ тѣмъ мотивамъ, которыми руководились составители судебныхъ уставовъ. Такъ, мы читаемъ въ этихъ мотивахъ, обнародованныхъ государственною канцеляріею: «Чтобы по возможности усилить дѣятельность мирового судьи лучшими людьми, желающими посвятить обществу свои услуги безвозмездно, дабы, съ одной стороны, облегчить земство въ содержаніи большаго числа мировыхъ судей, а съ другой стороны привлечь къ сему дѣлу людей, которые по своимъ домашнимъ или служебнымъ отношеніямъ не могутъ принять на себя постоянныхъ обязанностей участковаго мироваго судьи... *весьма желательно, чтобы число такихъ почетныхъ дѣятелей было сколь можно большее*». Столь же «желательно», добавимъ мы, чтобы почетные дѣятели «были» сколь можно дѣятельнѣе. Но мы уже указали на одну изъ существеннѣйшихъ причинъ, по которой только въ исключительныхъ случаяхъ возможно ожидать отъ почетнаго судьи единоличной судебной дѣятельности; добавимъ теперь, что эта дѣятельность ограничивается самимъ закономъ. Въ ст. 46 учр. суд. установл. изображено, что почетный мировой судья творитъ судъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, подлежащихъ мировому разбирательству, «*когда обѣ стороны обратятся къ его посредничеству*».

Мы уже видѣли, что составителями судебныхъ уставовъ была предусмотрѣна невозможность для *почетнаго* судьи по его домашнимъ или служебнымъ отношеніямъ принять на себя *постоянныя* обязанности участковаго мироваго судьи; судя по тому, что въ мотивахъ составители уставовъ неоднократно возвращаются къ мысли о томъ, что «мировые судьи, какъ почетные, такъ и участковые, должны пользоваться одинаковыми правами и преимуществами», мы полагаемъ, что ограниченіе ихъ судебной дѣятельности разборомъ лишь дѣлъ по заявленію *обѣихъ* заинтересованныхъ въ дѣлѣ сторонъ не имѣло другаго значенія, кромѣ желанія *облегчить* дѣятельность почетныхъ судей. Въ этомъ убѣждаетъ насъ и сличеніе вышеприведенной 46-й ст. съ 47-ю, въ которой сказано: «почетный мировой судья разбираетъ дѣла на томъ же основаніи, какъ и участковый...»

Намъ кажется вполнѣ цѣлесообразнымъ то, что законодатель былъ озабоченъ мыслію объ облегченіи обязанностей почетныхъ судей; иначе невозможно было поступить, не рискуя запугать избираемыхъ въ почетные судьи, въ виду желанія привлечь къ вліянію на мировую юстицію лицъ, которыя могли бы служить обществу, «*не оставляя своихъ домашнихъ занятій и обязанностей*». Глазами составителей судебныхъ уставовъ взглянуло на почетныхъ судей и общество: оно не считаетъ себя въ правѣ затруднять безвозмезднаго слугу общества, а сами слуги общества считаютъ себя въ правѣ удѣлять ему только свой досугъ, котораго у иного изъ нихъ и весьма мало. Въ результатѣ оказывается, что стороны почти никогда не обращаются къ почетному мировому судьѣ, а большинство почетныхъ судей и не желало бы себѣ единоличной судебной дѣятельности, не имѣя для нея времени.

Слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, чтобы дѣятельность *почетныхъ* судей должна была ограничиваться участіемъ въ коллегіальныхъ засѣданіяхъ съѣзда? Отнюдь нѣтъ. Начать съ того, что по ст. 10-й устава уг. судопр., разъясненной мотивами, «*каждый* судья», а слѣдовательно и почетный мировой судья, *обязанъ* немедленно освободить задержаннаго подъ стражею безъ постановленія уполномоченныхъ на то мѣстъ и лицъ. Въ силу этой одной статьи закона почетный мировой судья уже имѣетъ огромное значеніе, какъ власть единоличная. Кромѣ того, ст. 47-я учр. судебн. установл., установляя, что почетный судья разбираетъ дѣла на томъ же основаніи, какъ и участковый, давала нѣкоторое основаніе думать, что къ разбору дѣлъ уголовныхъ *почетный* мировой судья *можетъ* приступать наравнѣ съ участковымъ, согласно ст. 42 уг. судопроизвод. «по непосредственно усмотрѣннымъ имъ преступнымъ дѣйствіямъ, подлежащимъ преслѣдованію независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ». Право на такое толкованіе давали мотивы къ судебнымъ уставамъ и рѣшенія уголовнаго кассаціоннаго департамента 1867 г. №№ 71 и 512. Въ комментаріяхъ къ ст. 42 уг. судопр. сказано, съ полнѣйшимъ основаніемъ, что мировой судья «не можетъ быть поставляемъ закономъ въ крайне *затруднительное*, даже *неестественное* положеніе — быть очевидцемъ преступнаго дѣйствія и не имѣть права подвергнуть виновнаго заслуженному имъ взысканію». Затѣмъ вышеуказанными рѣшеніями сената было разъяснено, что «мировой судья», усмотрѣвъ изъ разбора гражданскаго дѣла такое преступное дѣяніе, которое подле-

жить преслѣдованію, независимо отъ жалобъ частныхъ лицъ, можетъ возбудить преслѣдованіе по 3 п. 42 ст. уг. судопр. т. е. по личному усмотрѣнію. Въ виду того, что ст. 47 учр. суд. установл. предоставляетъ *почетнымъ* мировымъ судьямъ *разборъ* дѣлъ на одинакихъ правахъ съ участковыми; въ виду того, что не только участковому, но и почетному судьѣ было бы «*крайне затруднительно*» и «*неестественно*» бездѣйствіемъ прикрывать преступленіе; въ виду того, что и сенатомъ за мировыми судьями было признано право возбужденія дѣлъ уголовныхъ изъ разбора дѣлъ гражданскихъ возникающихъ, — не безъ основанія многіе полагали, что не только участковый, но и почетный мировой судья въ правѣ возбуждать преслѣдованіе по лично имъ усмотрѣннымъ преступнымъ дѣйствіямъ. А какое бы это было благо для провинціи: тамъ строятъ зданіе гдѣ попало, тутъ мочатъ ленъ и коноплю въ рѣкѣ, тамъ валяется падаль, здѣсь не чинятъ моста, тамъ не прививаютъ оспы и нанимаютъ въ богадѣльню кухарку-сифилитика (фактъ изъ жизни), тутъ обираютъ людей посредствомъ рулетки, тутъ валяется пьяный на улицѣ, тамъ высыпали среди двора золу съ огнемъ и проч.... *Участковыхъ* мировыхъ судей всего пять на 1,200 квадр. верстъ; скоро ли натвнется на эти безобразія участковый судья, изъ шести дней просиживающій четыре безвыходно въ своей камерѣ и настолько занятый судебною практикою вообще, что онъ старается *не* усматривать *лично* никакихъ преступныхъ дѣяній. Это было бы дѣломъ почетныхъ мировыхъ судей, еслибы имъ принадлежало право, предоставленное 3 п. ст. 42 уг. судопр.; ихъ такъ много въ уѣздѣ, что еслибы каждый изъ нихъ возбудилъ въ теченіе года только по десяти дѣлъ такого рода, то уже значительно выиграли бы общественное благоустройство и безопасность.

Прислушаемся къ тому, какъ прекрасно высказался о назначеніи почетныхъ мировыхъ судей комментарій къ ст. 16 учр. судебн. установл. Они должны, по смыслу мотива къ этой статьѣ, «оказывать своимъ вліяніемъ содѣйствіе къ охраненію общественнаго порядка и спокойствія, къ развитію мѣстнаго благосостоянія». Затѣмъ мотивъ къ ст. 42-й уст. уг. судопр. какъ бы цѣликомъ продиктованъ требованіями жизни: «Мировой судья (не сказано: *участковый* мировой судья) одинаково долженъ привлекать къ отвѣтственности какъ вора или самовольнаго порубщика, такъ и торговца, продающаго вредные для здоровья припасы, или человѣка, намѣренно повреждаю-

щаго дорогу или мостъ, какъ купца, употребляющаго невѣрные вѣсы и мѣры, или нищаго, испрашивающаго подаяніе по лѣни и привычкѣ къ праздности, такъ и буяна...» Еще бо̀льшее право предполагать, что законодатель имѣлъ въ виду предоставить не только участковому, но и почетному мировому судьѣ возможность, не являясь безмолвнымъ зрителемъ правонарушеній, такъ-сказать, ежечасно и повсемѣстно служить обществу, давалъ мотивъ къ ст. 16 учр. судебн. установл., въ которомъ выражено *категорически*: «*почетному* мировому судьѣ (NB) можетъ быть предоставлено и разсмотрѣніе тѣхъ дѣлъ о маловажныхъ преступленіяхъ или проступкахъ, которые во-1-хъ относятся до явнаго нарушенія законовъ, ограждающихъ общее спокойствіе и частную безопасность, въ предѣлахъ указанной въ законѣ власти мирового судьи, въ особенности (не сказано: «исключительно») когда на мѣстѣ нѣтъ участковаго мирового судьи, и во-2-хъ, по закону, могутъ быть начинаемы не иначе, какъ по жалобамъ частныхъ лицъ и оканчиваемы примиреніемъ». Къ сожалѣнію, этому мотиву не соотвѣтствуетъ редакція ст. 46 учр. судебн. установл., по которой почетный судья приступаетъ къ разбору дѣлъ только въ тѣхъ случаяхъ, когда *обѣ* стороны обратятся къ его посредничеству. Правда, что въ большинствѣ правонарушеній, перечисленныхъ нами выше, преслѣдованіе которыхъ должно бы, по нашему мнѣнію, зависѣть отъ личнаго усмотрѣнія, можетъ оказаться потерпѣвшее лицо, которое занесетъ жалобу почетному судьѣ; но въ такого рода проступкахъ трудно предположить, чтобы *обѣ* стороны, т. е. обвиняющая и обвиняемая *искали* суда; послѣдняя, напротивъ, будетъ уклоняться отъ суда и такимъ образомъ обращеніе *обѣихъ* сторонъ къ почетному судьѣ не состоится. Редакція ст. 46 учр. судебн. установленій, только по сличеніи ея со ст. 47-ю, вполнѣ приравнивающею почетнаго судью къ участковому, могла давать основаніе предоставить и почетному судьѣ возбужденіе преслѣдованія независимо отъ жалобы лицъ потерпѣвшихъ, по лично усмотрѣннымъ имъ преступнымъ дѣйствіямъ. Но не такъ истолковалъ эту статью кассаціонный деп. сената въ рѣшеніи 1869 года № 58. Согласно этому толкованію, обязательному для цѣлой Россіи, статья 42 уг. судопр. относится къ праву *участковыхъ* мировыхъ судей приступать къ разбирательству дѣла, но не распространяется на мировыхъ судей *почетныхъ*, которымъ, какъ говоритъ сенатъ, по смыслу 46 ст. учр. суд. установл. предоставленъ разборъ тѣхъ только проступковъ, по коимъ дѣла начинаются не иначе, какъ по

жалобамъ потерпѣвшихъ отъ проступка лицъ и только въ тѣхъ случаяхъ, когда потерпѣвшее лицо обратится къ суду почетнаго мирового судьи, а обвиняемый не будетъ настаивать на судѣ у участковаго судьи.

Вполнѣ признавая обязательность такого примѣненія закона, пока сенатъ не дастъ инаго толкованія, мы позволяемъ себѣ, однако, усомниться въ безошибочности и цѣлесообразности его: если составители судебныхъ уставовъ признавали «*неестественнымъ*» и «*крайне затруднительнымъ*» для мирового судьи вообще безмолвно присутствовать при въ-очію совершающихся правонарушеніяхъ; если составители судебныхъ уставовъ старательно избѣгали всякаго постановленія, которое хотя бы на волосъ уменьшало права *почетнаго* судьи сравнительно съ правами *участковаго* мирового судьи,—то изъ этого прямо слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, что законодатель не могъ имѣть въ виду не поддержать значенія почетнаго мирового института, лишивъ его возможности возбужденія преслѣдованій. Намъ самимъ уже не разъ случалось слышать упреки: «что вы дѣлаете; на глазахъ вашихъ валяется падаль, засоряются рѣки, а отъ этого гибнутъ люди и скотъ; вы судья, а на все это смотрите хладнокровно, не принимая никакихъ мѣръ». «Такое право принадлежитъ только участковому судьѣ», отвѣчали мы; но отвѣтъ нашъ не удовлетворялъ собесѣдниковъ и намъ возражали: «помилуйте, до участковаго судьи 40 верстъ, онъ здѣсь никогда не бываетъ и бывать не можетъ, а вы тутъ постоянно живете». Вотъ какъ высказывается провинціальная жизнь.

При написаніи судебныхъ уставовъ вѣроятно предполагали, что на практикѣ судьѣ только въ рѣдкихъ случаяхъ придется самому возбуждать преслѣдованія, а что въ большинствѣ случаевъ это будетъ исполняться полиціею, *специальную* обязанность которой это и составляетъ по закону. Въ Петербургѣ такъ и оказалось: тамъ не судъ, а полиція, обвиняя предъ судомъ, блюдетъ за благоустройствомъ и безопасностію. Но что дѣлается въ провинціи? Въ провинціи, въ большинствѣ случаевъ, полиція существуетъ только по названію и не только сотскіе, сельскіе старосты и старшины, но и становые пристава почти никогда не возбуждаютъ никакихъ преслѣдованій, развѣ если поймаютъ вора. Огромное большинство сотскихъ, старостъ и старшинъ даже вовсе и не знаютъ своихъ правъ и обязанностей и съ удивленіемъ выслушиваютъ рѣчь о томъ, что на нихъ законъ возла-

гаетъ долгъ блюсти за благоустройствомъ и безопасностію. Почти каждый изъ сельскихъ урядниковъ настолько бездѣйствуетъ въ этомъ отношеніи, что подлежалъ бы преданію суду за бездѣйствіе власти; но кромѣ преданія суду общихъ судебныхъ, а не мировыхъ учрежденій, и не существуетъ никакихъ мѣръ взысканія, которыя убѣдили бы сельское начальство въ томъ, что законъ признаетъ ихъ лицами, отвѣтственными за порядокъ. Но преданіе суду сельскаго начальства сопряжено съ такими сложными формальностями и настолько затрудняетъ прокурорскій надзоръ, обремененный работой, что избѣгается всячески; отсюда же является полнѣйшая безконтрольность и ненаказуемость дѣйствій сельской полиціи. Теоретики, не знающіе провинціи, могутъ возразить на это, что сельскіе урядники состоятъ въ административномъ подчиненіи у мировыхъ посредниковъ и чиновъ уѣздной полиціи, которые и могутъ настаивать на исполненіи ими ихъ обязанностей. Но такое возраженіе было бы несогласно съ указаніями провинціальной жизни: въ провинціи большинство мировыхъ посредниковъ безмятежно выжидаютъ того времени, когда это учрежденіе отойдетъ въ вѣчность, а большинство чиновъ полиціи еще не освоилось съ мыслію о томъ, что оно не только исполняетъ порученія, но должно быть *самодѣятельно*, и селеніе, въ которомъ живетъ становой приставъ, по благоустройству, ничѣмъ не отличается отъ остальныхъ селъ. При такомъ взглядѣ на дѣло начальства можетъ ли оно явиться воспитателемъ сельской полиціи и подвергать послѣднюю взысканіямъ за бездѣйствіе? Трудно не согласиться съ тѣмъ, что большинство мировыхъ судей болѣе большинства чиновъ уѣздной полиціи—и по относительному образованію своему, и по общественному положенію, и по способу назначенія на должность—заинтересовано въ мѣстномъ благоустройствѣ и мѣстномъ благосостояніи; поэтому, казалось бы, трудно не согласиться и съ тѣмъ, что мировые судьи скорѣе и успѣшнѣе чиновъ уѣздной полиціи сколько-нибудь воспитали бы намъ сельскую полицію.

По вышеизложеннымъ соображеніямъ, судьи-практики, какъ граждане, страдающіе отъ провинціальной неурядицы, полагаютъ полезнымъ, чтобы мировому судьѣ, независимо отъ теперь существующаго порядка преданія суду, принадлежало право привлекать къ отвѣтственности сотскихъ, старостъ и старшинъ въ случаѣ усмотрѣннаго судьею нерадѣнія этихъ лицъ къ возбужденію преслѣдованій и обнаруженію виновныхъ въ проступкахъ противъ благочинія, порядка и спокой-

ствія, противъ общественнаго благоустройства, уставовъ о паспортахъ, строительнаго и путей сообщенія, пожарнаго, почтоваго и телеграфнаго, противъ народнаго здравія, личной и имущественной безопасности. Во всѣхъ означенныхъ случаяхъ сотскіе, старосты и старшины могли бы подлежать оштрафованію мировымъ судьею, согласно 29 ст. устава о наказ., какъ за неисполненіе законныхъ постановленій правительства. Самая мысль о подчиненіи полиціи мировому судьѣ не будетъ новостью; она уже выражена въ ст. 47 уг. судопр., дающей право судьѣ «*поручать*» что-либо полиціи, и въ ст. 53 уг. судопр., дающей ему даже право «дѣлать полицейскимъ чинамъ предостереженіе» въ извѣстныхъ случаяхъ. Оставалось бы только сдѣлать вліяніе мирового судьи на сельскую полицію болѣе дѣйствительнымъ, и *съ бумаги*, которою оно пока ограничивается, перенести въ самую жизнь.

Если не ошибаемся, то съ предоставленіемъ вышеуказанныхъ правъ *почетнымъ* и *участковымъ* мировымъ судьямъ, измѣнится въ провинціи и характеръ выборовъ почетныхъ судей Земскія собранія будутъ продолжать избирать ихъ въ «*возможно*» большемъ числѣ, но перестанутъ избирать «невозможное», сообразно мѣстному контингенту людей, число почетныхъ судей и отнесутся къ этимъ выборамъ поосторожнѣе и построже. Каждый избиратель перестанетъ думать, что избраніемъ почетнаго судьи онъ какъ-бы говоритъ комплиментъ человѣку за то, что онъ—«человѣкъ добрый» и этимъ и ограничивается; избиратель, опуская шаръ въ ящикъ, вспомнитъ о томъ, что власть почетнаго мирового судьи не ограничивается на практикѣ правомъ раза три въ годъ, украсивъ себя цѣпью, посидѣть на съѣздѣ мировыхъ судей, но что ему предоставлена возможность возбужденіемъ преслѣдованій и наблюденіемъ за сельскою полиціею, *не покидая своихъ домашнихъ занятій*, при всякомъ удобномъ случаѣ, въ предѣлахъ цѣлаго уѣзда, служить благосостоянію роднаго края; избиратель вспомнитъ, наконецъ, о томъ, что нѣтъ такого закона, которымъ нельзя было бы злоупотребить, и что поэтому онъ не долженъ избирать въ почетные судьи такое лицо, власть котораго могла бы обратиться во вредъ населенію, или по бездарности, или по недобросовѣстности, или по невѣжеству избираемаго.

Намъ уже не разъ случалось указывать на то, что судебные уставы писались въ такое время, когда въ столицѣ знали провинцію только изъ замѣтокъ проѣзжихъ туристовъ и изъ отчетовъ проѣзжихъ, или

пріѣзжихъ чиновниковъ, т. е. почти не знали ея вовсе. Мы говорили также, что поэтому нельзя удивляться и нѣкоторымъ неудобствамъ встрѣчаемымъ нынѣ при примѣненіи въ провинціи судебныхъ уставовъ, не принаровленныхъ къ ея быту. Какъ на одно изъ доказательствъ такой несоотвѣтственности мы можемъ указать на 182 ст. уг. судопр., столь краткую и ясную, что она, съ перваго взгляда, и не можетъ возбуждать, казалось бы, никакихъ недоразумѣній. Приведемъ текстъ этой статьи: «Приговоръ, вступившій въ законную силу, обращается немедленно къ исполненію». Для того, чтобы осязательно представить, къ какимъ затрудненіямъ можетъ вести примѣненіе этой статьи закона, приведемъ примѣръ. Въ началѣ августа, крестьянинъ, идя по проселочной дорогѣ, укралъ съ поля арбузъ изъ кучи сорванныхъ арбузовъ; обвиненный въ воровствѣ, онъ сознался и, согласно ст. 169 и 171 устава о нак. нал. м. суд., долженъ быть заключенъ въ тюрьму *не менѣе*, чѣмъ на *6 недѣль*, а можетъ быть заключенъ, согласно рѣш. сената 1868 г. № 908, и на *шесть мѣсяцевъ*. Допустимъ, что дѣло рѣшено около перваго сентября, и что крестьянинъ изъявилъ удовольствіе на приговоръ, который, какъ вошедшій въ законную силу, долженъ быть приведенъ немедленно въ исполненіе. Крестьянина арестуютъ и везутъ въ острогъ, въ уѣздный городъ, откуда онъ возвращается приблизительно лишь въ концѣ октября мѣсяца. Этотъ несчастный просидѣлъ за кражу арбуза, при возможно болѣе снисходительномъ приговорѣ, единственное время въ году, когда на югѣ Россіи, гдѣ хлѣба въ овинахъ не сушатъ, молотятъ; этотъ несчастный возвращается домой, когда уже поздно везти хлѣбъ въ портъ и когда съ хлѣбомъ ранѣе весны некуда дѣваться, еслибы хлѣбъ и былъ вымолоченъ; безъ него работа дома стояла, потому что у него нѣтъ работниковъ въ семьѣ. Что ему предстоитъ? Зимою будутъ требовать податей, а выручить не изъ чего! Такихъ примѣровъ можно представить сотни: допустите, что ничтожнѣйшая кража совершена крестьяниномъ предъ наступленіемъ весны, и въ такомъ случаѣ немедленное исполненіе приговора о заключеніи въ тюрьму главы семейства не только можетъ на рабочую пору оставить хозяйство безъ призрѣнія, а дѣтей безъ пропитанія, но и навсегда пустить цѣлую семью по міру; крестьянинъ за этотъ годъ не произведетъ посѣва, а таковы ли запасы у нашего крестьянина, чтобы онъ могъ обойтись безъ урожая одного года, или чтобы онъ хоть скоро оправился, не получивъ за одинъ рабочій годъ никакого дохода!

Еслибы провинція и семь лѣтъ тому назадъ хоть сколько нибудь заявила себя; еслибы въ то время уже знали экономическое положеніе крестьянина, то, при составленіи судебныхъ уставовъ, не упустили бы изъ виду того, что для крестьянъ, т. е. для значительнаго большинства подданныхъ, личное задержаніе въ извѣстную пору года равняется голоду, продолжительному раззоренію, а потому можетъ не только не исправить однажды провинившагося, но вывести его изъ острога, въ которомъ его старательно развращали товарищи, на путь болѣе серьезныхъ преступленій. Но тутъ все дѣло только въ томъ, что провинцію не знали, а не въ стремленіяхъ закона; что же касается стремленій судебныхъ уставовъ, то вездѣ просвѣчиваетъ забота о томъ, чтобы распоряженіе суда не оказалось слишкомъ обременительнымъ для бѣдняка и чтобы экономическія послѣдствія его не были слишкомъ отяготительны. Такъ напримѣръ, по ст. 974 гр. судопр. земледѣльческія орудія, рабочій скотъ и годовой запасъ экономическихъ продуктовъ могутъ быть арестованы по взысканію, къ которому присужденъ владѣлецъ ихъ, *«только за неимѣніемъ другаго имущества»*. Это сдѣлано, какъ поясняетъ комментарій къ этой статьѣ закона, *«съ цѣлію отстраненія крайняго для отвѣтчика стѣсненія»*. Слѣдовательно, еслибы составители судебныхъ уставовъ вспомнили о значеніи личнаго присутствія хозяина и его личнаго труда въ рабочую пору, то они несомнѣнно внесли бы и оговорку въ уставъ. Мы убѣждаемся въ этомъ еще болѣе, при чтеніи мотива къ 187 ст. уг. судопр., по которой уплата какъ денежнаго взысканія (по приговору *уголовнаго* суда), такъ и вознагражденія за вредъ и убытки, въ случаѣ неимѣнія у виновнаго никакихъ наличныхъ средствъ для внесенія присужденной съ него денежной суммы, *можетъ быть разсрочено на опредѣленные сроки*, смотря по количеству взысканія и способамъ къ уплатѣ». Въ мотивѣ къ этой статьѣ сказано между прочимъ: «Эта статья принята въ видахъ облегченія людей небогатыхъ въ уплатѣ наложенныхъ на нихъ денежныхъ взысканій».

Не ясно ли теперь, что составители судебныхъ уставовъ вполнѣ сознавали, что одно и то же наказаніе можетъ повлечь за собою совершенно иныя экономическія послѣдствія, глядя по состоятельности наказуемаго лица, по его экономической обстановкѣ? Не ясно ли, что судебные уставы имѣли въ виду такъ обставить дѣло, чтобы наказаніе не карало строже, чѣмъ это имѣлось въ виду закономъ? Не ясно

ли, наконецъ, что если судебными уставами и не дано права мировому судьѣ въ извѣстныхъ случаяхъ отсрочивать исполненіе приговора о личномъ задержаніи, то только потому, что во время составленія судебныхъ уставовъ, бытъ провинціи, бытъ русскаго крестьянина еще слишкомъ мало былъ извѣстенъ. Простая послѣдовательность требовала бы того, чтобы тому же судьѣ, которому предоставлена возможность разсрочить уплату денежнаго взысканія, принадлежало и право отсрочить наложеніе наказанія личнаго, если немедленное исполненіе приговора можетъ вести къ нищетѣ, раззоренію и преступленію.

Скажемъ еще разъ: въ то время, когда писались судебные уставы, наша провинція спала сномъ непробуднымъ. Благодаря судебной, земской и школьной реформамъ, провинція проснулась, протираетъ глаза и начинаетъ лепетать. Пусть же она *говоритъ* и пусть найдутся люди, готовые *послушать* ее.

Бар. Н. Корфъ.

Александр. уѣздъ,
Екатериносл. губ.

роды человѣка. Всѣ они, по даннымъ обѣтамъ, не принадлежатъ міру, съ его грѣховными влеченіями, съ его эгоистическими стремленіями, въ которыхъ сѣмена всякаго зла — частнаго и общественнаго; слѣдовательно, ихъ жизненной цѣлью не можетъ быть ничто иное, кромѣ искренняго, чистаго и самоотверженнаго служенія добру, во всѣхъ его видахъ. И что другое могло бы быть этой цѣлью? — Пріобрѣтенія? но ради какой напасти они человѣку одинокому, во всемъ съ избыткомъ обезпеченному и дѣтей послѣ себя не оставляющему? — Удовлетвореніе разнымъ суетамъ тщеславія? Но развѣ мыслимая вещь, чтобы работали бѣсу тщеславія ставшіе внѣ міра и, значитъ, чуждые его нечистыхъ страстей? — Чтожъ еще, наконецъ? Удовольствія жизни? Наслажденія мірскими благами и т. п.? Но достаточно вспомнить о даваемыхъ ими обѣтахъ, чтобы понять всю нелѣпость подобнаго предположенія. Наконецъ, назначеніе и сущность служенія всѣхъ ихъ — «быть свѣтомъ передъ людьми, чтобы видѣли ихъ *добрыя дѣла* и прославляли за то общаго Отца небеснаго». И чѣмъ другимъ, какъ не свѣтомъ, должны быть они, такъ высоко поставленные среди православныхъ? И какой другой свѣтъ можетъ служить къ наибольшей славѣ Отца небеснаго, какъ не свѣтъ *добрыхъ дѣлъ*?

Послѣ этого, могутъ ли быть сомнѣнія въ томъ, что администраторы изъ такихъ личностей — образцы честности, правды и любви? Не всѣ ли тутъ данныя, не самыя ли надежныя тутъ гарантіи, чтобы среда благоденствовала подъ ихъ вліяніями и направленіями, сколько разумными, столько же и плодотворными; чтобы эта среда, въ свою очередь, разумно и плодотворно вліяла и на міръ православный? — Да, жизнь представляетъ образчики именно *такихъ* администраторовъ изъ этихъ личностей: время отъ времени, тамъ и здѣсь, являются они среди духовенства, какъ особенная милость, какъ особенное благословеніе Божіе; вносятъ свѣтъ и жизнь въ данную мѣстность и оставляютъ послѣ себя не мильоны, явные или сокровенные, племянникамъ и племянницамъ своимъ, а долго неизгладимые плодотворные слѣды правды и любви.

Но та же жизнь представляетъ образчики администраторовъ иного строя, иныхъ направленій, прямо противоположные первымъ, — и неособенно рѣдкіе образчики. Имъ-то, ихъ администраторской дѣятельности, главнымъ образомъ, и обязана среда наибольшею частью нравственныхъ недуговъ, разъѣдающихъ ее.

Начать съ симпатіи къ средѣ. Въ чемъ могла бы и должна бы

выражаться эта симпатія: не въ томъ ли, чтобы нравственно, матерьяльно, всячески, поднять и возвысить эту среду, приниженную, придавленную и оттого безвліятельную; чтобы дать ей ту свободу духа, тотъ разумный смыслъ жизни, съ которыми она могла бы занять свое, давно потерянное мѣсто въ общественной средѣ?—Конечно, въ томъ, и тѣмъ болѣе въ томъ, что, по существу дѣла, между администраторомъ и средой самая тѣсная и неразрывная солидарность: администраторъ и подвѣдомые ему священники—пастыри народа и апостолы евангельской истины между христіанами; администраторъ, безъ пособія разумно дѣйствующихъ священниковъ, съ точки зрѣнія истиннаго апостольства, также безполезенъ въ каждой данной мѣстности, какъ безполезенъ въ своемъ приходѣ всякій нерадивый о своемъ дѣлѣ священникъ; словомъ, администраторъ можетъ удовлетворить своему главному назначенію—архи*пастырства*—подъ единственнымъ условіемъ,—conditio sine qua non, — самаго тѣснаго взаимодѣйствія съ подвѣдомымъ ему пастырствомъ. Между тѣмъ, что же мы видимъ на дѣлѣ? Иные изъ администраторовъ ставятъ себя на такую недосягаемую высоту по отношенію къ управляемымъ, что эти послѣдніе имѣютъ все право говорить: «между ими и нами утверждена великая пропасть». И пусть бы только; пусть бы довольствовались они этимъ недоступнымъ для простыхъ смертныхъ самовозношеніемъ, — нѣтъ, тутъ систематическое, полное подавленіе личности. Даже крѣпостничество, подъ добрый часъ, съ снисхожденіемъ относилось къ уму, къ заслугѣ, по крайней мѣрѣ, къ сѣдинѣ; а тутъ нерѣдко умъ и заслуги всего болѣе и придавливаются, отчего и самая сѣдина не спасаетъ. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ послѣднее время это придавливанье человѣческой личности начало нѣсколько смягчаться въ своихъ *внѣшнихъ* формахъ; но легче ли отъ того духовенству? При такомъ порядкѣ возможно ли взаимодѣйствіе, о которомъ сказано выше?—Очевидно, невозможно и даже немыслимо. И дотого немыслимо, что эти администраторы, по самымъ серьезнымъ вопросамъ о православіи, довольствуются предписаніями и донесеніями на бумагѣ, и никогда и никакъ не снисходятъ до искренней, откровенной бесѣды съ тѣми, которые стоятъ лицомъ къ лицу съ жизнью, и считаютъ величайшей дерзостью, если кто-либо изъ таковыхъ осмѣлится сдѣлать полезнѣйшее для дѣла указаніе. Исполняя внѣшнюю сторону своихъ обязанностей, реченные администраторы, чаще или рѣже, «обозрѣваютъ» ввѣренныя ихъ управленію мѣстности; но что̀ эти «обозрѣ-

нія»—желаніе ли лично узнать духовныхъ дѣятелей каждаго мѣста, ихъ силы и способности; повѣрить ихъ дѣятельность, дать имъ нужныя указанія, чтобы, при посредствѣ ихъ, вліять на народъ; желаніе ли ближе и точнѣе ознакомиться съ религіознымъ и нравственнымъ уровнемъ православныхъ, чтобы давать то или другое направленіе непосредственнымъ дѣятелямъ въ ихъ средѣ и т. п.? — Ничуть. Эти «обозрѣнія» — помпы встрѣчъ и проводовъ, причемъ подвѣдомое пастырство играетъ жалкую и нелѣпо-смѣшную роль всполошенныхъ и трясущихся отъ страха школьниковъ, надъ чѣмъ съ такой наглостью всегда потѣшается почтенное гражданство въ провинціи. Спрашивается: на какомъ разумномъ основаніи и ради какого блага православія творится все это? — Быть можетъ, по византійскимъ обычаямъ, или по какимъ-либо высшимъ соображеніямъ, всему этому такъ и быть слѣдуетъ... ad majorem dei gloriam. Но по обще-человѣческому закону, систематическое давленіе человѣческихъ личностей—самый вѣрный способъ убить все, что есть лучшаго въ ихъ природѣ. Безправное и безпощадное давленіе личностей неразвитыхъ огрубляетъ и оскотиниваетъ ихъ; таковое же давленіе личностей развитыхъ неизбѣжно толкаетъ ихъ на тотъ путь лжи, всяческихъ продѣлокъ, всяческихъ уклоненій отъ правды и закона, весь вредъ котораго, для какой бы то ни было соціальной жизни, и представить себѣ трудно. Не это ли, въ большей или меньшей степени, сообразно съ силой давленія, и можно замѣтить въ массѣ низшаго духовенства, если всмотрѣться въ его жизнь, въ его отношенія къ тѣмъ, отъ которыхъ оно само зависитъ и которые отъ него зависятъ? Извѣстна епархія, въ которой долговременное, образцовое давленіе администратора, въ свое время знаменитости, довело сказанное духовенство до nec plus ultra умственно-нравственнаго упадка.

Давленіе человѣческихъ личностей само собою предполагаетъ отсутствіе положительнаго закона, который гарантировалъ бы слабыхъ отъ гнетущихъ вліяній сильныхъ, и дѣйствованіе личнаго произвола власти, которая не хочетъ признавать за подвластными никакихъ правъ—ни соціальныхъ, ни даже общечеловѣческихъ. Такъ оно и есть въ дѣйствительности. Чтобы видѣть, до какой крайности можетъ доходить личный произволъ власти, стоитъ только навести справку о дѣйствованіи иныхъ администраторовъ, особенно гдѣ-либо въ провинціальныхъ тундрахъ. На этотъ разъ мы не считаемъ удобнымъ воспользоваться богатымъ запасомъ свѣдѣній, доставленныхъ намъ

изъ многихъ, даже очень многихъ мѣстностей Руси православной, касательно крайностей этого произвола. Не считаемъ нужнымъ указывать и на всѣ тѣ печатныя свѣдѣнія объ нихъ, которыя въ послѣдніе годы сообщались въ газетахъ. Укажемъ лишь на одну черту этого произвола, общую у реченныхъ администраторовъ,—на ту легкость, съ какой иные изъ нихъ переводятъ священниковъ съ мѣста на мѣсто и даже совсѣмъ лишаютъ ихъ мѣстъ—безъ вины, безъ суда, а просто въ силу личнаго усмотрѣнія. Вотъ что, между прочимъ, разсказывалось не очень давно о самарскомъ администраторѣ: «одни переводы священниковъ съ мѣста на мѣсто,—причемъ въ цѣлой губерніи только нѣсколько священниковъ, имѣвшихъ возможность откупаться, избѣгли этой бѣды,—довели почти всѣхъ до всецѣлаго разоренія; дѣло доходило до того, что изъ одного отдаленнаго уѣзда въ другой одни и тѣ же лица переводились по десяти и болѣе разъ (№ 256 «Голоса», 1866 г. «Путевыя письма»)». Что могло быть побужденіемъ для этого почтеннаго администратора гонять священниковъ съ мѣста на мѣсто?—Ничего разумнаго, ничего осмысленнаго; а о чемъ-либо въ родѣ правды и закона и поминать уже нечего. Ничѣмъ незаслуженное, кромѣ неимѣнія чѣмъ откупаться, разореніе священниковъ—значитъ, неисходное нищенство священническихъ семей—тутъ еще не самое главное. Главное тутъ—уничтоженіе всякой возможности дѣйствовать священникамъ, какъ пастырямъ душъ. Не нужно великой мудрости, достаточно здраваго смысла, чтобы сообразить, что нравственное вліяніе пастыря на пасомыхъ пріобрѣтается многими трудами и продолжительнымъ временемъ, и что, поэтому, гонка пастырей съ мѣста на мѣсто была ни меньше, ни больше, какъ поруганіемъ всего пастырскаго служенія и дѣла. Не забудемъ, что противъ этого произвольнаго «усмотрѣнія» у пастырей нѣтъ надежной защиты, нѣтъ вѣрной обороны: гонимые, безпрекословно должны они мыкаться съ мѣста на мѣсто, подъ страхомъ быть лишенными всякаго мѣста, или, что и того хуже, попасть въ пожизненные пономари. Не скажутъ ли, что послѣ Высочайше утвержденнаго «Положенія 16 апрѣля 1864 г.» такія явленія сдѣлались уже невозможными? А печатно извѣстныя исторіи, курско-бѣлгородская, владимірская, иркутская и т. п., развѣ не послѣ этого Положенія сотворились, и не служатъ неопровержимыми доказательствами, что произволъ не особенно готовъ склоняться даже передъ Высочайше утвержденными «Положеніями»? Послѣ всего этого и предлагаемъ на общественное обсужденіе вопросъ:

каково должно быть вліяніе подобныхъ администраторовъ на управляемую ими среду?... Если они, поставленные на такой видной высотѣ, позволяютъ себѣ такъ смѣло попирать законъ евангелія, такъ небоязненно идти противъ ученія и примѣра того «пастыря добраго», о которомъ говорится въ евангеліи, да и къ законоположеніямъ относиться черезчуръ ужъ своеобычно, то, подражая имъ, до какой смѣлости беззаконія не дерзнутъ доходить стоящіе на нижнихъ степеняхъ администраціи, а чрезъ нихъ и вся масса духовенства? Примѣръ главнаго администратора—вѣдь это чуть-чуть не законъ для всей администраціи и для всѣхъ управляемыхъ, и особенно администратора облеченнаго священной властью... Да и помимо управляемой среды, само общество развѣ настолько слѣпо и безсмысленно, чтобы не видѣть и не понять страшнаго разлада, между тѣмъ, что проповѣдуетъ и заповѣдуетъ ему администраторъ, и тѣмъ, какъ онъ самъ дѣйствуетъ въ своей средѣ? Развѣ общество приметъ за правду цвѣтистыя фразы о правдѣ, любви и прочихъ матерьяхъ важныхъ, когда наглядно знаетъ, сколько зла въ дѣйствіяхъ фразера? — А еще недоумѣваютъ, отчего такое гибельное отсутствіе всего, что зовется правдой и законностью дѣйствій, чуть не во всѣхъ отправленіяхъ нашей частной и общественной жизни; откуда такой глубокій упадокъ началъ религіозныхъ и нравственныхъ чуть не во всемъ нашемъ обществѣ! Отчего и откуда?!.. Примѣры слишкомъ авторитетны, чтобы не слѣдовать имъ.

Мы затронули лишь одну черту произвола реченныхъ администраторовъ. Въ свое время правда явится немезидой для всѣхъ тѣхъ, которые воображаютъ, что никому невѣдомы тайны громадныхъ капиталовъ, то при жизни превращаемыхъ въ дома и земли на имя какихъ-нибудь родственниковъ, то по смерти остающихся въ разныхъ бумагахъ и всяческихъ цѣнностяхъ. Но и на основаніи представленной черты общественное сознаніе не можетъ ошибиться въ опредѣленіи значенія той реформы, которая затронула бы лишь кое-какія внѣшнія стороны, а не коснулась самой сущности дѣла, которая бы измѣнила лишь формы и оставила неприкосновенными принципы и которая дѣлала бы компромиссы съ тѣмъ, откуда и идетъ все зло. Не ошибется общественное сознаніе, если придетъ къ заключенію о безплодности и безполезности для жизни такой реформы.

Но если реформа, столько времени ожидаемая, не внесетъ «духа жизни» въ среду, о которой была выше рѣчь, то во что же превра-

тится она, эта среда, и теперь уже только-что только терпимая, а въ нѣкоторыхъ слояхъ общества и совсѣмъ нетерпимая?—Приходитъ ли это на мысль тѣмъ, которые горой стоятъ за всяческіе компромиссы въ проэктируемой реформѣ духовной администраціи?..

II.

ВЫХОДЪ ИЗЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

Въ числѣ вопросовъ, вызванныхъ необходимостью преобразованій въ духовенствѣ, по важности своей, не послѣднее мѣсто долженъ бы занимать вопросъ о выходѣ изъ этого сословія тѣхъ лицъ, которыя, почему-либо, поставлены въ необходимость прибѣгнуть къ этой мѣрѣ. Между тѣмъ, этотъ вопросъ доселѣ остается въ совершенномъ забвеніи. Считается ли онъ лишнимъ, отложено ли его обсужденіе,—неизвѣстно. А отъ этой неизвѣстности тяжело страдаетъ не малое число духовныхъ лицъ. Этотъ вопросъ необходимо постановить, обсудить и рѣшить, потому что съ нимъ соединено слишкомъ многое въ пастырскомъ служеніи; и именно теперь, потому что другаго, болѣе благопріятнаго для удовлетворительнаго рѣшенія его времени трудно ожидать.

Два главныхъ мотива, въ силу которыхъ духовныя лица поставляются въ необходимость оставлять свое служеніе и самое званіе: вдовство и убѣжденіе въ своей неспособности быть истиннымъ пастыремъ. Оба мотива, съ точки зрѣнія евангельской, настолько важны и даже законны, что казалось бы духовнымъ лицамъ должна быть предоставлена полная свобода, въ томъ или другомъ случаѣ, поступить именно такъ, какъ требуетъ ихъ собственная совѣсть, единственно компетентный судья въ дѣлахъ такого рода. Между тѣмъ, для этого выхода поставлены такія условія, что онъ почти невозможенъ. Что имѣлось при этомъ въ виду, неизвѣстно; но упущено изъ виду самое главное—результаты такого насилія пастырской совѣсти.

Что пастырь, какъ представитель и проводникъ началъ нравственныхъ въ общественной средѣ, долженъ быть самъ нравственно чистымъ, говорить объ этомъ нѣтъ нужды, — это понятно само собой. Пастырь безнравственный, въ извѣстномъ смыслѣ, не просто недостойный служитель религіи, а величайшее, какое только можетъ быть, общественное зло: онъ, такъ сказать, авторизуетъ ту самую

гангрену, которая разъѣдаетъ до всецѣлаго разложенія человѣческія общества. Отсюда глубокое разумѣніе жизни выразилось въ заповѣди апостола: «епископъ (епископъ и пресвитеръ на языкѣ апостоловъ безразличны) *долженъ быть* безукоризненъ, одной жены мужъ, нравственно чистъ» и т. д. Отсюда бракъ обязателенъ для того, кто желаетъ принять на себя званіе и служеніе пастырства.

Но вотъ пастырь прожилъ съ женою года два-три, годъ, или даже нѣсколько мѣсяцевъ, — бываютъ случаи, и того меньше, — и овдовѣлъ: въ состояніи ли кто-либо, самъ не испытавшій, составить себѣ настоящее понятіе о положеніи пастыря, лишившагося жены въ тѣ годы, когда, не говоря уже ни о чемъ прочемъ, женщина составляетъ самую существенную, физіологическую потребность человѣческой природы? Если блаженный Іеронимъ, по его собственному сознанію, страшными, для насъ почти невѣроятными подвигами самоумерщвленія, до конца жизни не могъ добиться того, чтобы избавиться отъ «обуреваній плоти»; точно такъ же, какъ и извѣстный кіевскій подвижникъ—Іоаннъ многострадальный, то какой выходъ изъ этого положенія пастырю?

Говорятъ—«борьба». И замѣчательно, что крѣпче всѣхъ настаиваетъ на этой борьбѣ свѣтское фарисейство, то самое, которое, при самой безобразной нравственной распущенности, по тѣмъ или другимъ житейскимъ соображеніямъ маскируется въ фанатическую ревность о благочестіи. Что это дѣйствительно такъ, то вотъ отвѣтъ пишущему эти строки одного очень авторитетнаго въ духовномъ управленіи лица, когда рѣчь велась о «вдовствѣ священниковъ»: «это дѣло давно въ ходу, и было бы окончено, еслибъ не вмѣшивались свѣтскіе ревнители благочестія» (отвѣтъ *писанный*, а не словесный)... Разумѣла ли и разумѣетъ ли эта фарисейская ревность о благочестіи, что творитъ? Разумѣетъ ли значеніе борьбы, которой требуетъ, и всѣ послѣдствія, для самаго благочестія, если пастырь не устоитъ въ этой борьбѣ?

«Ad impossibilia nemo obligatur»—жизненно-юридическая аксіома, противъ которой, конечно, сказать нечего. А къ ней—другая аксіома, противъ которой, надѣемся, самое фанатическое фарисейство не найдетъ, что сказать: «не всѣ вмѣщаютъ это слово (о безженной жизни), но которымъ дано...; могущій вмѣстить, да вмѣститъ». Очевидно, для безженной жизни требуются совершенно особенныя органическія условія, съ отсутствіемъ которыхъ такая жизнь — физіологическая невозможность. Отсюда безженная жизнь и предоставлена лишь «могущимъ вмѣстить», т. е. сознавшимъ въ себѣ особенныя органическія условія,

необходимыя для такой жизни. Кто рѣшается вступить въ монашество, тотъ, значитъ, сознаплъ въ себѣ эти условія; оттого монашество и представляется вездѣ образцомъ нравственной чистоты. А рѣшающемуся сдѣлаться пастыремъ нужно ли что-либо въ родѣ такого сознанія? Нисколько. Впереди всего стоитъ у него жена. Поэтому, лишившись жены, какъ же онъ «вмѣститъ» то, чего не можетъ, не въ силахъ, не въ состояніи вмѣстить, чего ему даже *не дано* вмѣстить? Вѣдь что ни дѣлай онъ, какъ блаженный Іеронимъ, а существеннаго закона своей физической природы уже не передѣлаетъ. Еще будь его жизнь, какъ монашествующихъ, стѣнами и запорами ограждена отъ внѣшнихъ вліяній и соблазновъ, борьба могла бы быть не столь тяжкой и опасной въ смыслѣ паденій; но пастырь, по самымъ условіямъ своего служенія, поставленъ въ непосредственныя отношенія къ міру вообще и къ женщинѣ въ особенности, болѣе непосредственныя, чѣмъ кто-либо другой: ему открываются самыя сокровенныя тайны жизни и совѣстей. Что же остается пастырю при сознаніи невозможности борьбы, при сознаніи опасности паденій, отъ которыхъ онъ ничѣмъ не гарантированъ, какъ оказался не гарантированнымъ тотъ пустынникъ, уже старикъ, который послѣ сорокалѣтнихъ одиночныхъ подвиговъ палъ въ первую же ночь—когда представился удобный къ тому случай?

Остается одно — вступить въ новый бракъ. А такъ какъ, оставаясь пастыремъ, онъ не можетъ сдѣлать этого, то очевидно, единственно законный выходъ для него—выйти изъ той среды, въ которой онъ, по собственному сознанію, оставаться не можетъ, не долженъ. Именно на этомъ прежде всего и останавливаются тѣ изъ пастырей, овдовѣвшихъ въ молодости, которые вступили на путь пастырства не ради лишь средствъ къ жизни, а ради дѣйствительнаго пастырскаго служенія. По здравому смыслу, по совѣсти, съ точки зрѣнія нравственныхъ вліяній на общество, не должны ли быть облегчены для нихъ всѣ способы для этого выхода, тѣмъ болѣе, что онъ не можетъ не быть тяжкимъ и самъ по себѣ? Казалось бы такъ. Но вотъ тутъ-то гражданское законоположеніе и является тормазомъ, да такимъ, переступить черезъ который изъ тысячъ рѣшаются развѣ единицы *). Какой смыслъ, какая цѣль этого, что достигается этимъ тормазомъ?

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, впрочемъ, «св. синодъ заваленъ просьбами вдовыхъ священниковъ объ увольненіи изъ духовнаго званія». Заваленъ просьбами, и никакихъ общихъ мѣръ не предпринимается!..

Что достигается, объ этомъ мы пока умолчимъ. Замѣтимъ только, что, за невозможностью имѣть законную жену, совершенно естественно заводятся незаконныя связи. Духовное начальство, конечно, беретъ противъ такихъ соблазнительныхъ связей тѣ или другія мѣры, но едва ли не ради лишь очищенія своей совѣсти: не можетъ же оно не знать, что пастырь,—пусть онъ не держитъ ни молодыхъ работницъ, ни молодыхъ родственницъ въ своемъ домѣ (да и не держатъ развѣ что сельскіе бѣдняки, потому что не въ состояніи держать «экономокъ»),—имѣетъ всю возможность образовать столько связей въ своемъ приходѣ, сколько захочетъ, и особенно въ народной средѣ, гдѣ подобныя связи почти и въ грѣхъ не ставятся; по крайней мѣрѣ считаются меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ напр. хлебнуть ложку молока въ постъ. Но самъ попавшій въ эту погибельную колею, самъ подающій примѣръ безнравственности, какъ бы сталъ пастырь бороться съ нравственнымъ растлѣніемъ пасомыхъ, до какихъ крайностей ни доходило бы оно? Поневолѣ долженъ молчать. Если же мы представимъ себѣ, что вдовство пастырей самое обычное явленіе и въ общемъ счетѣ представляется въ пропорціи неменьшей, какъ 4:10; что объ-руку съ нравственными паденіями неминуемо идетъ тотъ порокъ, который, разъ привившись, превращается въ неизцѣлимую страсть, то и поймемъ настоящее значеніе тормазовъ, какъ по отношенію къ дѣлу пастырства, такъ и по отношенію къ жизни общества.

Что до другаго мотива, то онъ лучше всего объясняется нагляднымъ примѣромъ, который въ прошломъ году былъ заявленъ въ одной газетной корреспонденціи изъ Касимова. Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, 25-ти лѣтъ отъ роду, неукоризненно-честнаго поведенія, обратился къ епархіальному начальству съ просьбою объ увольненіи его изъ духовнаго званія. Видимыхъ побужденій къ такой страшной для священника рѣшимости не было никакихъ. Но вотъ какъ объясняетъ ее корреспондентъ. Двадцати лѣтъ онъ кончилъ семинарскій курсъ и посвященъ на мѣсто своего отца. Увлекшись юношескими порывами служить дѣлу пастырства, но не соразмѣривъ своихъ силъ и способностей съ этимъ дѣломъ, онъ скоро увидѣлъ и сознаъ, что ошибся. А когда затѣмъ его стала затягивать эта грязь жизни, что такъ обычна среди пастырства, эта необходимость вытягивать послѣдніе гроши у бѣдняка, у вдовы и сироты, побираться хлѣбомъ у полунищихъ своихъ прихожанъ, тогда совѣсть его не вынесла больше: послѣ долгихъ и мучительныхъ колебаній, онъ рѣ-

шился, во что бы то ни стало, выбиться изъ среды, для которой оказался совсѣмъ непригоднымъ. Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что епархіальная власть не особенно благопріятно отнеслась къ такой рѣшимости и употребила, съ своей стороны, все возможное и отъ нея зависящее, чтобы парализовать ее; но какъ намъ, тоже пережившимъ кое-что на своемъ вѣку, представляется,—это героизмъ честности, на который способны лишь исключительныя натуры; и задержать этого священника тамъ, гдѣ онъ самъ сознаіъ себя не на мѣстѣ, значитъ совсѣмъ и непоправимо загубить его. А это лишь примѣръ того, что весьма и весьма нерѣдко творится въ средѣ пастырства. Какъ ни уродуетъ человѣка семинарство, но юноши-идеалисты не особенная рѣдкость и здѣсь. И вотъ юноша съ самыми идеальными стремленіями, объ условіяхъ и требованіяхъ дѣйствительной жизни, благодаря системѣ классическаго quasi-образованія, никакого понятія не имѣющій, прямо съ семинарской скамьи дѣлается пастыремъ. Что же онъ встрѣчаетъ? Съ самыхъ первыхъ шаговъ такую грязь и пошлость всѣхъ этихъ поборовъ и выжиманій съ прихожанъ, а изъ-за нихъ непрестанныхъ столкновеній съ самой лютой язвой пастырства—пономарствомъ, всѣхъ этихъ уродливыхъ отношеній, вѣками закрѣпленныхъ, пасомыхъ къ пастырямъ, въ основѣ которыхъ лежитъ—водка, водка и опять-таки водка, и пр., и пр., отъ которыхъ и не идеалиста, а просто честнаго человѣка не можетъ не коробить. Затѣмъ, такъ называемое, сельское хозяйство, безъ всякихъ средствъ вести его сколько-нибудь правильно; вслѣдствіе чего необходимость или самому отработывать все, отъ навозницы и до овиносушенія включительно, или прибѣгать къ помощи прихожанъ, причемъ требуется уже цѣлые потоки водки. Pour la bonne bouche, — эти праздничныя хожденія по приходу, свадьбы, похороны и т. д., гдѣ пьянственныя безобразія, самый существенный, необходимый по укоренившемуся обычаю элементъ. По началу, молодой пастырь горячо принимается за борьбу съ грязью и пошлостью; но увы, скоро убѣждается, что борьба слишкомъ непосильна: онъ одинъ, а противъ него весь «причетъ церковный» съ невообразимой мерзостью каждоминутныхъ козней, кляузъ, заглазной ругани и личныхъ дерзостей; противъ него горланы прихода, всегда горой стоящіе за пьянственныя безобразія; противъ него его непосредственное начальство, для котораго подобные пастыри—самое несносное бѣльмо на глазу; противъ него почти все, иногда и самая жена его, никакихъ идеальныхъ стрем-

ленiй не разумѣющая, а знающая, что съ такими порядками натерпишься и голоду, и холоду, и всяческихъ житейскихъ невзгодъ, особенно «какъ пойдутъ еще ребятишки». Отвелъ бы свою измученную душу молодой пастырь хоть на чемъ-нибудь; но на чемъ? Журналъ, газета, новая книга—для него вещи всецѣло недоступныя; семинарское старье,—но ему ужъ и въ семинарiи оскомину набила вся эта схоластика; собесѣдованiе съ сосѣдними священниками, — но тѣ ужъ закаленные практики... Мы еще и тысячной доли не представили того, что есть въ дѣйствительности; тѣмъ не менѣе спрашиваемъ всякаго, способнаго дать честный отвѣтъ: чтожъ остается этому священнику?... Очевидно бѣжать оттуда, куда онъ попалъ не вслѣдствiе зрѣлаго, окрѣпшаго сознанiя, а вслѣдствiе юношескаго увлеченiя. Бѣжать?.. Но онъ закрѣпощенъ; по ему заперты законные выходы. Остается, значитъ, кинуться въ тотъ самый омутъ, противъ котораго по началу возмущалась вся его душа, и погрязнуть въ немъ на всю жизнь—что и есть, что и дѣлается. А еще со стороны дивятся, отчего это такъ скоро свертываются лучшiя силы въ пастырской средѣ: попробовали бы!!..

Что до тормазовъ, представляемыхъ гражданскимъ законоположенiемъ, то мы упомянемъ лишь объ одномъ изъ нихъ. «Священнослужители бѣлаго духовенства, уволенные по собственному желанiю изъ духовнаго вѣдомства, возвращаются въ *первобытное* свое состоянiе, и не пользуются впредь иными выгодами, кромѣ присвоенныхъ тому состоянiю; имъ воспрещается вступать въ государственную службу всякаго рода, *по познанiямъ и способностямъ*, священникамъ ранѣе десяти лѣтъ по увольненiи» (Св. зак. «О состоянiяхъ» изд. 1842 г. ст. 266 и дал.). Переведите это законоположенiе на языкъ жизни, что выйдетъ? «Пастырь, по собственному желанiю дерзающiй выйти изъ своего званiя, осуждается на голодную смерть». Да!.. не больше и не меньше. Права, прiобрѣтенныя имъ образованiемъ, отняты; служебная дѣятельность, *по познанiямъ и способностямъ*, для него закрыта на цѣлыя десять лѣтъ,—на время совершенно достаточное, чтобы отъ прiобрѣтенныхъ познанiй и тѣни не осталось, а способности заглохли. Какiе же остаются ему способы существованiя? Частная служба? Но, благодаря системѣ классическаго образованiя, онъ не знакомъ ни съ агрономiей, ни съ бухгалтерiей и ни съ какимъ родомъ частной дѣятельности. Уроки, письмоводство? Но отъ этого и безсемейные едва прокармливаются, а въ провинцiи

еще и этого не найдешь. [illegible] торговыхъ и промышленныхъ съ [illegible] и говорить нечего. За что же [illegible]? Лишь за то, что пастырь-вдовецъ не [illegible] быть [illegible] для прихожанъ, что пастырь, [illegible] свою непригодность къ [illegible] дѣлу пастырства, можетъ исправить свою ошибку, въ которой [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]. А тутъ — [illegible] свою [illegible], свою [illegible], [illegible] свою [illegible], свои честныя убѣжденія, — и все-таки не вздумай оставаться тамъ, куда разъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

О грѣхахъ заурядныхъ такъ пастырей, въ родѣ того, что «позорно-де для сословія, что священникъ слагаетъ съ себя санъ», и говорить не стоитъ. Позорны соблазны, позорны дѣянія, совершаемыя пастырями, во-время невыпущенными изъ среды, которая должна быть нравственно-безупречною, а не въ высшей степени честный поступокъ священника, когда онъ слагаетъ съ себя санъ, вслѣдствіе сознанія и твердаго убѣжденія, что по той или другой причинѣ не можетъ болѣе носить его достойно.

Беллюстинъ.

КАКЪ БЫТЬ СО СКОПЦАМИ?

Расколъ принадлежитъ къ одному изъ крупныхъ явленій русской общественной и исторической жизни. Уже одна цифра раскольниковъ, до 10-ти милліоновъ, показываетъ его важность. Но что такое расколъ? Что онъ такое—какъ фактъ нравственнаго порядка, какъ извѣстное явленіе въ области человѣческаго духа, этой безпокойной, вѣчно стремящейся куда-то силы, ищущей свѣта и вѣчной правды? Чего хотятъ люди, чего они ищутъ, чѣмъ недовольны? Почему эта кажущаяся смѣсь предразсудковъ и темнаго невѣжества обнаруживаетъ такое могучее вліяніе на умы и завлекаетъ милліоны? Неужели все это мракъ и невѣжество, и люди предпочитаютъ тьму свѣту? Неужели въ расколѣ нѣтъ лучей свѣта и его магнетическое вліяніе заключается только въ его отрицательныхъ сторонахъ? Что въ немъ истиннаго и вѣчнаго, присущаго природѣ человѣка и потому неискоренимаго? Что вредно этой природѣ и должно быть разсматриваемо какъ отклоненіе отъ вѣчныхъ законовъ духа, ведущаго человѣчество къ правдѣ и счастію? Что такое расколъ, какъ явленіе психологическое; что онъ такое, какъ явленіе общественное и политическое? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ; на чьей сторонѣ правда, на чьей заблужденіе, въ чемъ правда и въ чемъ заблужденіе — кто изъ насъ дастъ отвѣтъ? Все, что писалось о русскомъ расколѣ и о русскихъ сектахъ, не уходило дальше оцѣнки внѣшней и формальной стороны, дальше догадокъ и умозаключеній, дальше горизонтальнаго изслѣдованія и никогда не шло, да и не могло идти, въ глубь явленія, перпендикулярно къ самому его источнику.

Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ вопросъ о расколѣ, оттѣсненный реформаціоннымъ движеніемъ, сталъ на второй планъ. Расколъ не только какъ бы забылся нашимъ обществомъ, но оно и дѣйствительно обнаружило гораздо большую къ нему терпимость. Но вотъ года два назадъ поднимается Плотицинское дѣло—и затѣмъ начинается непрерывный рядъ скопческихъ процессовъ, обнаружившихъ всю смутность общественнаго сознанія, всю неясность общественной мысли и полное невѣдѣніе общества по одному изъ важнѣйшихъ явленій его внутренняго духовнаго содержанія.

Плотицинское дѣло вызвало въ обществѣ и въ литературѣ рядъ запальчивыхъ и страстныхъ порывовъ, никакъ не могшихъ подѣйствовать благотворно на общественное сознаніе. Оно вызвало полемику, забывшую о границахъ благопристойности, и поставило весь вопросъ на такую почву, на которой разрѣшеніе его совершенно невозможно. Публика, желавшая научиться и разъяснить себѣ, что такое скопчество, находила въ газетахъ «патріотическаго» оттѣнка, какъ «Московскія Вѣдомости», «Вѣсть», «Современныя Извѣстія» и «Биржевыя Вѣдомости», только пышныя тирады, взывавшія къ безпощадному гоненію и преслѣдованію, пугавшія общественное мнѣніе и возбуждавшія дурные, страстные инстинкты. «Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ предметомъ разговоровъ во всѣхъ кругахъ общества служатъ,—кто бы подумалъ?—скопцы!» писала одна московская газета. «Дѣло идетъ о раскрытіи зла, которое издавна гнѣздится въ нашемъ народѣ, о сектѣ въ полной мѣрѣ противуобщественной, число приверженцевъ которой повидимому не только не уменьшается, но возрастаетъ. Само собою разумѣется, что относительно скопческой секты не должно быть рѣчи о вѣротерпимости, которая не можетъ такъ далеко простираться, чтобы во имя ея была допускаема организованная пропаганда секты, подрывающей самыя основы человѣческаго общежитія. При самой широкой свободѣ ни одно цивилизованное общество не можетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ подобную секту, если она пріобрѣтаетъ власть и становится вооруженною организаціей. Именно интересъ самой свободы требуетъ энергическаго противодѣйствія темнымъ властямъ, которыя заводятся въ обществахъ и захватываютъ людей въ свои сѣти».... Въ другой газетѣ писали: «кто бы подумалъ, что у насъ, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, будетъ играть такую видную роль скопчество; кто бы могъ вообразить, что въ вѣкъ религіознаго, повидимому, индиферентизма, всплываетъ на поверхность

житейскихъ интересовъ самая фанатическая, самая изувѣрная секта, что въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ, въ печати будетъ еще происходить борьба противъ явленій, считавшихся безумными и отвратительными не только въ средніе вѣка, но даже въ эпоху отдаленной древности, и борьба—безуспѣшная... Слово скопецъ, солидарность скопцовъ, ихъ пропаганда, собираніе для этой пропаганды средствъ, безсиліе предъ скопцами властей—все это понятія почти нарицательныя. Обязанность общества и власти вести борьбу съ этимъ изувѣрнымъ status in statu, съ этимъ вылитымъ изъ денегъ колосомъ общественнаго развращенія—никогда не подлежала сомнѣнію. Мириться со скопчествомъ невозможно. Съ этой изувѣрной и подземной пропагандой можно только бороться, бороться энергически и неутомимо. Условіе этой борьбы — отысканіе и преслѣдованіе враговъ и ихъ денежныхъ арсеналовъ»... «Было время, писали еще въ третьемъ мѣстѣ, когда организованный заговоръ людорѣзовъ-скопцовъ противъ всего человѣчества имѣлъ просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и люди на Руси, особливо простонародье, рѣзались скопцами, какъ бараны; когда золото скопческое, жадно собираемое желтолицыми фанатиками на воцареніе на Руси новаго скопческаго царя, имѣющаго прійдти изъ Иркутска и возсѣсть на престолѣ русскихъ царей, вмѣсто нынѣ царствующаго дома, неустанно подкупало правосудіе, принимавшее иногда мѣры къ наказанію виновныхъ въ людорѣзничествѣ. Нынѣ времена эти кончились. Пробилъ на Руси часъ, когда подкупъ правосудія сдѣлался почти немыслимъ — и въ это-то новое время начинается Плотицинское дѣло». Среди этого браннаго клича, обращавшагося къ страсти и нисколько не уяснявшаго сущности вопроса, являлись и кое-какія фактическія указанія, по характеру впрочемъ очень преувеличенныя. Такъ, «Биржевыя Вѣдомости» указываютъ, какъ производится скопческая пропаганда. «Скопцы для мѣняльныхъ лавокъ своихъ стараются со своей родины брать мальчиковъ, но чтобы исключительно они были изъ сиротъ, или имѣли бы родственниковъ самыхъ дальнихъ. Выбираютъ мальчиковъ наиболѣе красивыхъ. Найдя такого подходящаго мальчика, они пріучаютъ его къ лавкѣ и къ своему образу жизни, отнюдь не допуская его до отлучекъ изъ дому и до развлеченій. И когда мальчикъ начинаетъ дѣлаться прекраснымъ юношею (это ихъ выраженіе), тогда они стараются не упустить времени, соблазняютъ его къ оскопленію разными обѣщаніями богатства. Это имъ почти всегда удается. Оскопивъ, они

его вылечиваютъ, потомъ посылаютъ его къ мѣняламъ въ Ригу или Петербургъ, смотря по тому, какъ по обстоятельствамъ они найдутъ удобнѣе. Проживъ 5, 6 и болѣе лѣтъ (тоже смотря по обстоятельствамъ), этотъ юноша новокрещенный (какъ они его называютъ) является въ Москву, къ своему прежнему патрону (или даютъ ему хорошее мѣсто у другаго), уже взрослымъ мужчиною и выработаннымъ купчиною. Онъ является здѣсь совершенно за новое лицо, такъ что иногда и сосѣди по лавкѣ съ трудомъ узнаютъ въ немъ бывшаго хорошенькаго мальчика. Та же участь постигаетъ и дѣвочекъ «сиротъ», только этихъ послѣднихъ, по обрѣзаніи, оставляютъ большею частью здѣсь же, въ своихъ вертепахъ-домахъ. А сколько умираетъ отъ этой проклятой ихъ операціи малолѣтковъ и взрослыхъ! Живутъ эти люди по виду тихо и смирно, какъ будто ангелы настоящіе, зла никому не дѣлаютъ. А на самомъ дѣлѣ эта еретическая лига есть общество, кощунствующее надъ духомъ и плотію человѣка и большею частью производящее свои варварскія операціи надъ человѣкомъ въ такихъ лѣтахъ, когда онъ не имѣетъ еще полнаго сознанія въ той потерѣ, которую ему причиняютъ». Вспомнили и отыскали Надеждина, который въ запискѣ, составленной имъ въ 1845 году для министра внутреннихъ дѣлъ, писалъ, что «скопцы не умѣютъ представить себѣ иначе утвержденія для нихъ царства небеснаго на землѣ, какъ въ воцареніи на россійскомъ престолѣ Императора Петра III, котораго они считаютъ вторымъ Христомъ, истиннымъ сыномъ Божіимъ, живымъ донынѣ. Онъ-то долженъ прійдти къ нимъ съ восточной Иркутской стороны, зазвонить въ Успенскій колоколъ, созвать своихъ дѣтушекъ, завладѣть короною съ державою и потомъ надъ всѣми людьми свершить страшный судъ». Такимъ образомъ, скопчеству придавался политическій характеръ и значеніе революціонной пропаганды. Находили даже связь въ Плотицынскомъ дѣлѣ съ подпольной польской интригой и приводили списки лицъ поляковъ-участниковъ. Заявлялось желаніе, чтобы слѣдствіе надъ скопцами было поручено графу М. Н. Муравьеву, ибо только ему одному «можетъ быть по плечу отвѣтственность по Плотицынскому дѣлу—и передъ правительствомъ, и передъ обществомъ, и даже передъ потомствомъ».

Изъ словъ защиты по Плотицынскому дѣлу публика узнала, что скопчество выродилось изъ такъ-называемой хлыстовщины, появившейся въ 1733 году въ царствованіе Анны Іоанновны. Начало скоп-

леній не разумѣющая, а знающая, что съ такими порядками натерпишься и голоду, и холоду, и всяческихъ житейскихъ невзгодъ, особенно «какъ пойдутъ еще ребятишки». Отвелъ бы свою измученную душу молодой пастырь хоть на чемъ-нибудь; но на чемъ? Журналъ, газета, новая книга—для него вещи всецѣло недоступныя; семинарское старье,—но ему ужъ и въ семинаріи оскомину набила вся эта схоластика; собесѣдованіе съ сосѣдними священниками, — но тѣ ужъ закаленные практики... Мы еще и тысячной доли не представили того, что есть въ дѣйствительности; тѣмъ не менѣе спрашиваемъ всякаго, способнаго дать честный отвѣтъ: чтожъ остается этому священнику?... Очевидно бѣжать оттуда, куда онъ попалъ не вслѣдствіе зрѣлаго, окрѣпшаго сознанія, а вслѣдствіе юношескаго увлеченія. Бѣжать?.. Но онъ закрѣпощенъ; но ему заперты законные выходы. Остается, значитъ, кинуться въ тотъ самый омутъ, противъ котораго по началу возмущалась вся его душа, и погрязнуть въ немъ на всю жизнь—что и есть, что и дѣлается. А еще со стороны дивятся, отчего это такъ скоро свертываются лучшія силы въ пастырской средѣ: попробовали бы!!..

Что до тормазовъ, представляемыхъ гражданскимъ законоположеніемъ, то мы упомянемъ лишь объ одномъ изъ нихъ. «Священнослужители бѣлаго духовенства, уволенные по собственному желанію изъ духовнаго вѣдомства, возвращаются въ *первобытное* свое состояніе, и не пользуются впредь иными выгодами, кромѣ присвоенныхъ тому состоянію; имъ воспрещается вступать въ государственную службу всякаго рода, *по познаніямъ и способностямъ*, священникамъ ранѣе десяти лѣтъ по увольненіи» (Св. зак. «О состояніяхъ» изд. 1842 г. ст. 266 и дал.). Переведите это законоположеніе на языкъ жизни, что выйдетъ? «Пастырь, по собственному желанію дерзающій выйти изъ своего званія, осуждается на голодную смерть». Да!.. не больше и не меньше. Права, пріобрѣтенныя имъ образованіемъ, отняты; служебная дѣятельность, *по познаніямъ и способностямъ*, для него закрыта на цѣлыя десять лѣтъ,—на время совершенно достаточное, чтобы отъ пріобрѣтенныхъ познаній и тѣни не осталось, а способности заглохли. Какіе же остаются ему способы существованія? Частная служба? Но, благодаря системѣ классическаго образованія, онъ не знакомъ ни съ агрономіей, ни съ бухгалтеріей и ни съ какимъ родомъ частной дѣятельности. Уроки, письмоводство? Но отъ этого и безсемейные едва прокармливаются, а въ провинціи

еще и этого не найдешь. О занятіяхъ торговыхъ и промышленныхъ съ ремесленными и говорить нечего. За какую же вину такая страшная кара? Лишь за ту, что пастырь-вдовецъ не хочетъ быть соблазномъ для пасомыхъ; что пастырь, сознавшій свою непригодность къ необдуманно-избранному имъ дѣлу пастырства, желаетъ исправить свою ошибку, въ которой видитъ собственную погибель, съ неисчислимымъ вредомъ для пасомыхъ. Тяжкая вина, заслуживающая «лишенія правъ», пріобрѣтенныхъ такъ дорого купленнымъ образованіемъ, и осужденія на голодную смерть!.. Во всякомъ родѣ человѣческой дѣятельности, во всякомъ родѣ общественной службы, человѣкъ, сознавшій, что онъ не пригоденъ въ данномъ мѣстѣ и добровольно оставляющій его, не только не карается за то, не только не теряетъ ничего при этомъ, но, совершенно напротивъ, пріобрѣтаетъ особенное право на уваженіе, потому что такъ могутъ поступать лишь люди несокрушимо-честныхъ убѣжденій, для которыхъ общественное дѣло безконечно выше какихъ бы то ни было ихъ личныхъ интересовъ и житейскихъ разсчетовъ. А тутъ—сознавай свою ошибку, свою непригодность, насилуй свою совѣсть, свои честныя убѣжденія, — и все-таки до конца оставайся тамъ, куда разъ имѣлъ несчастіе попасть: подобный nonsens и могъ сочиниться только подъ византійскими вліяніями.

О предлогахъ закрѣпощать такъ пастырей, въ родѣ того, что «позорно-де для сословія, что священникъ слагаетъ съ себя санъ», и говорить не стоитъ. Позорны соблазны, позорны дѣянія, совершаемыя пастырями, во-время невыпущенными изъ среды, которая должна быть нравственно-безупречною, а не въ высшей степени честный поступокъ священника, когда онъ слагаетъ съ себя санъ, вслѣдствіе сознанія и твердаго убѣжденія, что по той или другой причинѣ не можетъ болѣе носить его достойно.

Веллюстинъ.

КАКЪ БЫТЬ СО СКОПЦАМИ?

Расколъ принадлежитъ къ одному изъ крупныхъ явленій русской общественной и исторической жизни. Уже одна цифра раскольниковъ, до 10-ти милліоновъ, показываетъ его важность. Но что такое расколъ? Что онъ такое—какъ фактъ нравственнаго порядка, какъ извѣстное явленіе въ области человѣческаго духа, этой безпокойной, вѣчно стремящейся куда-то силы, ищущей свѣта и вѣчной правды? Чего хотятъ люди, чего они ищутъ, чѣмъ недовольны? Почему эта кажущаяся смѣсь предразсудковъ и темнаго невѣжества обнаруживаетъ такое могучее вліяніе на умы и завлекаетъ милліоны? Неужели все это мракъ и невѣжество, и люди предпочитаютъ тьму свѣту? Неужели въ расколѣ нѣтъ лучей свѣта и его магнетическое вліяніе заключается только въ его отрицательныхъ сторонахъ? Что въ немъ истиннаго и вѣчнаго, присущаго природѣ человѣка и потому неискоренимаго? Что вредно этой природѣ и должно быть разсматриваемо какъ отклоненіе отъ вѣчныхъ законовъ духа, ведущаго человѣчество къ правдѣ и счастію? Что такое расколъ, какъ явленіе психологическое; что онъ такое, какъ явленіе общественное и политическое? На эти вопросы нѣтъ отвѣтовъ; на чьей сторонѣ правда, на чьей заблужденіе, въ чемъ правда и въ чемъ заблужденіе — кто изъ насъ дастъ отвѣтъ? Все, что писалось о русскомъ расколѣ и о русскихъ сектахъ, не уходило дальше оцѣнки внѣшней и формальной стороны, дальше догадокъ и умозаключеній, дальше горизонтальнаго изслѣдованія и никогда не шло, да и не могло идти, въ глубь явленія, перпендикулярно къ самому его источнику.

Въ послѣдніе пятнадцать лѣтъ вопросъ о расколѣ, оттѣсненный реформаціонным движеніемъ, сталъ на второй планъ. Расколъ не только какъ бы забылся нашимъ обществомъ, но оно и дѣйствительно обнаружило гораздо большую къ нему терпимость. Но вотъ года два назадъ поднимается Плотицинское дѣло—и затѣмъ начинается непрерывный рядъ скопческихъ процессовъ, обнаружившихъ всю смутность общественнаго сознанія, всю неясность общественной мысли и полное невѣдѣніе общества по одному изъ важнѣйшихъ явленій его внутренняго духовнаго содержанія.

Плотицинское дѣло вызвало въ обществѣ и въ литературѣ рядъ запальчивыхъ и страстныхъ порывовъ, никакъ не могшихъ подѣйствовать благотворно на общественное сознаніе. Оно вызвало полемику, забывшую о границахъ благопристойности, и поставило весь вопросъ на такую почву, на которой разрѣшеніе его совершенно невозможно. Публика, желавшая научиться и разъяснить себѣ, что такое скопчество, находила въ газетахъ «патріотическаго» оттѣнка, какъ «Московскія Вѣдомости», «Вѣсть», «Современныя Извѣстія» и «Биржевыя Вѣдомости», только пышныя тирады, взывавшія къ безпощадному гоненію и преслѣдованію, пугавшія общественное мнѣніе и возбуждавшія дурные, страстные инстинкты. «Вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ предметомъ разговоровъ во всѣхъ кругахъ общества служатъ,—кто бы подумалъ?—скопцы!» писала одна московская газета. «Дѣло идетъ о раскрытіи зла, которое издавна гнѣздится въ нашемъ народѣ, о сектѣ въ полной мѣрѣ противуобщественной, число приверженцевъ которой повидимому не только не уменьшается, но возрастаетъ. Само собою разумѣется, что относительно скопческой секты не должно быть рѣчи о вѣротерпимости, которая не можетъ такъ далеко простираться, чтобы во имя ея была допускаема организованная пропаганда секты, подрывающей самыя основы человѣческаго общежитія. При самой широкой свободѣ ни одно цивилизованное общество не можетъ терпѣть въ своихъ нѣдрахъ подобную секту, если она пріобрѣтаетъ власть и становится вооруженною организаціей. Именно интересъ самой свободы требуетъ энергическаго противодѣйствія темнымъ властямъ, которыя заводятся въ обществахъ и захватываютъ людей въ свои сѣти».... Въ другой газетѣ писали: «кто бы подумалъ, что у насъ, въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, будетъ играть такую видную роль скопчество; кто бы могъ вообразить, что въ вѣкъ религіознаго, повидимому, индиферентизма, всплываетъ на поверхность

житейскихъ интересовъ самая фанатическая, самая изувѣрная секта, что въ правительственныхъ сферахъ, въ обществѣ, въ печати будетъ еще происходить борьба противъ явленій, считавшихся безумными и отвратительными не только въ средніе вѣка, но даже въ эпоху отдаленной древности, и борьба—безуспѣшная... Слово скопецъ, солидарность скопцовъ, ихъ пропаганда, собираніе для этой пропаганды средствъ, безсиліе предъ скопцами властей—все это понятія почти нарицательныя. Обязанность общества и власти вести борьбу съ этимъ изувѣрнымъ status in statu, съ этимъ вылитымъ изъ денегъ колосомъ общественнаго развращенія—никогда не подлежала сомнѣнію. Мириться со скопчествомъ невозможно. Съ этой изувѣрной и подземной пропагандой можно только бороться, бороться энергически и неутомимо. Условіе этой борьбы — отысканіе и преслѣдованіе враговъ и ихъ денежныхъ арсеналовъ»... «Было время, писали еще въ третьемъ мѣстѣ, когда организованный заговоръ людорѣзовъ-скопцовъ противъ всего человѣчества имѣлъ просторъ въ своихъ дѣйствіяхъ, и люди на Руси, особливо простонародье, рѣзались скопцами, какъ бараны; когда золото скопческое, жадно собираемое желтолицыми фанатиками на воцареніе на Руси новаго скопческаго царя, имѣющаго прійдти изъ Иркутска и возсѣсть на престолѣ русскихъ царей, вмѣсто нынѣ царствующаго дома, неустанно подкупало правосудіе, принимавшее иногда мѣры къ наказанію виновныхъ въ людорѣзничествѣ. Нынѣ времена эти кончились. Пробилъ на Руси часъ, когда подкупъ правосудія сдѣлался почти немыслимъ — и въ это-то новое время начинается Плотицинское дѣло». Среди этого браннаго клича, обращавшагося къ страсти и нисколько не уяснявшаго сущности вопроса, являлись и кое-какія фактическія указанія, по характеру впрочемъ очень преувеличенныя. Такъ, «Биржевыя Вѣдомости» указываютъ, какъ производится скопческая пропаганда. «Скопцы для мѣняльныхъ лавокъ своихъ стараются со своей родины брать мальчиковъ, но чтобы исключительно они были изъ сиротъ, или имѣли бы родственниковъ самыхъ дальнихъ. Выбираютъ мальчиковъ наиболѣе красивыхъ. Найдя такого подходящаго мальчика, они пріучаютъ его къ лавкѣ и къ своему образу жизни, отнюдь не допуская его до отлучекъ изъ дому и до развлеченій. И когда мальчикъ начинаетъ дѣлаться прекраснымъ юношею (это ихъ выраженіе), тогда они стараются не упустить времени, соблазняютъ его къ оскопленію разными обѣщаніями богатства. Это имъ почти всегда удается. Оскопивъ, они

его вылечивають, потомъ посылаютъ его къ мѣняламъ въ Ригу или Петербургъ, смотря по тому, какъ по обстоятельствамъ они найдутъ удобнѣе. Проживъ 5, 6 и болѣе лѣтъ (тоже смотря по обстоятельствамъ), этотъ юноша новокрещенный (какъ они его называютъ) является въ Москву, къ своему прежнему патрону (или даютъ ему хорошее мѣсто у другаго), уже взрослымъ мужчиною и выработаннымъ купчиною. Онъ является здѣсь совершенно за новое лицо, такъ что иногда и сосѣди по лавкѣ съ трудомъ узнаютъ въ немъ бывшаго хорошенькаго мальчика. Та же участь постигаетъ и дѣвочекъ «сиротъ», только этихъ послѣднихъ, по обрѣзаніи, оставляютъ большею частью здѣсь же, въ своихъ вертепахъ-домахъ. А сколько умираетъ отъ этой проклятой ихъ операціи малолѣтковъ и взрослыхъ! Живутъ эти люди по виду тихо и смирно, какъ будто ангелы настоящіе, зла никому не дѣлаютъ. А на самомъ дѣлѣ эта еретическая лига есть общество, кощунствующее надъ духомъ и плотію человѣка и большею частью производящее свои варварскія операціи надъ человѣкомъ въ такихъ лѣтахъ, когда онъ не имѣетъ еще полнаго сознанія въ той потерѣ, которую ему причиняютъ». Вспомнили и отыскали Надеждина, который въ запискѣ, составленной имъ въ 1845 году для министра внутреннихъ дѣлъ, писалъ, что «скопцы не умѣютъ представить себѣ иначе утвержденія для нихъ царства небеснаго на землѣ, какъ въ воцареніи на россійскомъ престолѣ Императора Петра III, котораго они считаютъ вторымъ Христомъ, истиннымъ сыномъ Божіимъ, живымъ донынѣ. Онъ-то долженъ прійдти къ нимъ съ восточной Иркутской стороны, зазвонить въ Успенскій колоколъ, созвать своихъ дѣтушекъ, завладѣть короною съ державою и потомъ надъ всѣми людьми свершить страшный судъ». Такимъ образомъ, скопчеству придавался политическій характеръ и значеніе революціонной пропаганды. Находили даже связь въ Плотицынскомъ дѣлѣ съ подпольной польской интригой и приводили списки лицъ поляковъ-участниковъ. Заявлялось желаніе, чтобы слѣдствіе надъ скопцами было поручено графу М. Н. Муравьеву, ибо только ему одному «можетъ быть по плечу отвѣтственность по Плотицынскому дѣлу—и передъ правительствомъ, и передъ обществомъ, и даже передъ потомствомъ».

Изъ словъ защиты по Плотицынскому дѣлу публика узнала, что скопчество выродилось изъ такъ-называемой хлыстовщины, появившейся въ 1733 году въ царствованіе Анны Іоанновны. Начало скоп-

честву положилъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, Кондратъ Селивановъ, выдававшій себя за Петра III и за Христа. Селивановъ былъ наказанъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Въ царствованіе Павла I онъ былъ вызванъ изъ ссылки и посаженъ въ домъ сумасшедшихъ. Въ 1802 году онъ былъ выпущенъ; въ періодъ религіозной терпимости, въ началѣ царствованія Императора Александра I, снова дѣйствовалъ и пропагандировалъ, наконецъ въ 1820 году былъ заключенъ въ Суздальскій монастырь, гдѣ и умеръ. Относительно Плотицына оказалось, что онъ вовсе не скопецъ, онъ не воспріялъ ни огненнаго крещенія, ни такъ-называемой царской (большой) печати. Жившіе въ домѣ Плотицына мужчины оказались тоже не оскопленными, женщины оказались только сомнительными скопчихами, но не всѣ—иныя не были вовсе оскоплены. Самъ Плотицынъ никого не совращалъ, жилъ очень уединенно, даже странно—онъ и всѣ находившіеся при немъ лица не ѣли мяса и жизнь вели затворническую. Тамбовская уголовная палата судила ихъ по уликамъ, по вещамъ и предметамъ, найденнымъ при обыскѣ, и по сококупности тѣхъ данныхъ, которыя палата назвала скопческой обстановкой. «Гг. сенаторы! говорилъ защитникъ Татьяны Плотицыной и Іова Зыкина, вы должны примѣнить законъ, какъ бы онъ строгъ ни былъ; вы судьи, а судъ не милуетъ, онъ только примѣняетъ законъ. Но самый законъ долженъ быть примѣненъ съ толкомъ и разумѣніемъ; одно толкованіе даетъ закону жизнь и смыслъ; толкованіе его можетъ быть широкое и узкое; то толкованіе истинно, которое ближе всего подходитъ къ цѣлямъ и намѣреніямъ законодателя». И защитникъ спрашиваетъ: какая цѣль руководила законодателемъ, ради чего преслѣдуютъ скопцовъ? Изъ-за вѣры?..: «Не намъ, людямъ XIX вѣка, возстановлять память о прежнихъ гоненіяхъ, пятиться въ средніе вѣка; намъ законъ—святая вѣротерпимость, неприкосновенность личныхъ убѣжденій». Но если преслѣдованіе проистекаетъ не изъ религіозныхъ убѣжденій, не совершается ли оно изъ видовъ политическихъ?—спрашиваетъ защитникъ. Этотъ взглядъ дѣйствительно когда-то господствовалъ; подъ его вліяніемъ сложились наши законы о скопцахъ и имъ пропитана книга Надеждина. Но развѣ исторія послѣднихъ лѣтъ не доказала, что вообще расколъ въ Россіи нисколько не опасенъ, что онъ не имѣетъ никакого значенія и лишенъ политическаго элемента? Онъ не поддается ни искушеніямъ, ни навѣтамъ, и раскольники такіе же вѣрные слуги государства и Государя, какъ православные. И такъ,

что же остается отъ скопчества, во имя чего оно преслѣдуется? «Во имя человѣческой природы, во имя чувствъ человѣческихъ, оскорбляемыхъ жестокимъ изувѣрствомъ. Государству нѣтъ дѣла до того, во что кто вѣруетъ, но оно можетъ сказать: живите смирно, не смѣйте калѣчить другъ друга, не смѣйте вредить другъ другу, не смѣйте и сами себя калѣчить. Всякаго нарушителя этого запрета государство вправѣ подвергнуть самому строгому наказанію, все равно съ какою бы цѣлью онъ ни сдѣлалъ это нарушеніе».

Дѣло Плотицына кончилось; голосъ защиты оказался недостаточно сильнымъ, Максимъ Плотицынъ и сестра его Татьяна сосланы въ Восточную Сибирь—и вопросъ о скопцахъ затихъ.

Что же вынесло общественное мнѣніе, то самое общественное мнѣніе, голосъ котораго высказывается въ приговорѣ присяжныхъ, изъ суда надъ Плотицынымъ? Что это за секта? Какъ на нее смотрѣть? Вредна ли она? На сколько и чѣмъ именно? Слѣдуетъ ли вооружаться противъ нея по религіозному принципу? Слѣдуетъ ли видѣть въ ней вредный политическій элементъ или смотрѣть на нее какъ на простое членовредительство? Какую программу могли извлечь себѣ будущіе присяжные для всѣхъ будущихъ дѣлъ подобнаго рода? Печать требовала энергическаго преслѣдованія, усматривая въ скопчествѣ кромѣ *людорѣзанія* политическую опасность, горючій матеріалъ, которымъ покушалась пользоваться подпольная интрига. Защита, отрицая политическій элементъ и не допуская гоненія религіознаго, сводила вопросъ къ членовредительству или къ тому же людорѣзанію. Среди этого неустановившагося и невыяснившагося мнѣнія началось въ Москвѣ дѣло Кудриныхъ, а въ Калугѣ—дѣло о Перемышльскихъ и Лихвинскихъ скопцахъ.

Кудринское дѣло производилось въ особенно полной обстановкѣ—были приглашены врачи и эксперты. Московскій окружной судъ придавалъ очевидную важность дѣлу, и данныя, доставленныя предварительнымъ слѣдствіемъ, считалъ, конечно, недостаточными для составленія безошибочнаго заключенія.

На судебномъ слѣдствіи было выяснено многое, что по существу Плотицынскаго дѣла и не могло быть выяснено. Кудринское дѣло поэтому можно считать уже значительнымъ шагомъ впередъ въ отношеніи разъясненія скопческаго вопроса. Вотъ что узнала публика.

Дмитрій Кудринъ показалъ, что *случайность* произошла съ нимъ въ дѣтскомъ возрастѣ, когда ему было лѣтъ десять, и по волѣ отца.

Было это такъ, разсказывалъ Кудринъ: «отецъ однажды весной ласкалъ меня и спросилъ, хочу ли я быть счастливымъ и любимымъ его сыномъ. Я сказалъ, что хочу. Отецъ на это сказалъ, что я долженъ слушаться, не ѣсть мяса, потому что тогда былъ такой день, и не пить. На третій день отецъ позвалъ меня въ садъ, въ уединенное мѣсто и сказалъ, что *вотъ что* нужно сдѣлать со мною. Я, выслушавъ отца, заплакалъ; но онъ говорилъ, что это будетъ легко, и повелъ меня въ садъ. Тамъ я сказалъ ему, что мнѣ очень больно, что я закричу, потому что не было возможности терпѣть. Отецъ говорилъ, что я буду угоденъ Богу, потомъ закинулъ мнѣ рубашку на голову, что-то щелкнуло и я почувствовалъ боль. Послѣ этого я былъ боленъ недѣль шесть и отецъ лечилъ меня и что-то прикладывалъ».

Андрей Кудринъ, пріѣхавъ въ 1829 году въ Москву, познакомился тамъ съ унтеръ-офицеромъ Горшковымъ. Горшковъ этотъ жилъ въ Кремлѣ на казенной квартирѣ, читалъ очень часто Андрею Кудрину священное писаніе и говорилъ, какъ надобно жить, чтобы спастись. Затѣмъ Горшковъ оскопилъ Кудрина, который сейчасъ же послѣ оскопленія пошелъ отъ него къ себѣ на квартиру къ Харитонію въ Огородникахъ. Экспертъ-врачъ замѣтилъ при этомъ, что при подобной операціи истекаетъ много крови и что Андрей Кудринъ не могъ дойти послѣ операціи изъ Кремля къ Харитонію въ Огородникахъ.

Подобныя же показанія были и со стороны женщинъ. Такъ, Павлова показала, что тетка ея сдѣлала съ нею «*что-то*» въ деревнѣ, когда Павловой было 10 лѣтъ. Тетка говорила, что безъ этого нельзя ѣхать въ Москву. Съ Кузмичевой это «*что-то*» сдѣлала тоже тетка, когда Кузмичевой было 12 лѣтъ. Но что именно сдѣлала тетка, Кузмичева не знаетъ.

Врачи-эксперты объяснили, что неполное оскопленіе мужчинъ *врядъ-ли* достигаетъ цѣли и что даже при полномъ, надо полагать, влеченіе къ женщинамъ у такихъ субъектовъ не прекращается совсѣмъ; что ovariotomia—операція очень трудная, лишаетъ женщину способности къ дѣторожденію. Вырѣзываніе же грудныхъ желѣзъ лишаетъ лишь возможности кормить грудью; другіе пріемы оскопленія не лишаютъ способности рожанія.

Свидѣтель Василій Михайловъ показалъ, что когда ему было лѣтъ 11, то у него не держалась моча, поэтому надъ нимъ смѣялись. Ходилъ тогда къ нимъ въ домъ Николай Родіоновъ. Родіоновъ сказалъ Михайлову, что вылечитъ его—позвалъ къ себѣ и оскопилъ. Гово-

рилъ онъ тогда, чтобы Михайловъ не пилъ вина, мясного не ѣлъ и не ругался. «Я знаю обрядъ скопцовъ, говорилъ Михайловъ, и первая у нихъ молитва за Государя, потомъ за начальство и за весь христіанскій родъ. На моленіяхъ у нихъ бываютъ пророки и пророчицы; напримѣръ: когда дождя не бываетъ, то молитва пророка доходитъ до Бога и посылается дождь, или если война, то войну утишаетъ.... Я имѣлъ связь съ женщиной уже оскопленной, также какъ и Дмитрій Кудринъ. Прежде у женщинъ скопцы отрѣзали груди, но дѣлали это больше изъ глупости...»

Эксперты показали, что сущность скопческаго ученія состоитъ въ ниспроверженіи основнаго догмата въ православномъ и вообще христіанскомъ ученіи — догмата объ искупленіи міра чрезъ крестную смерть Богочеловѣка. Искупителемъ скопцы считаютъ не Іисуса Христа, а своего лжехриста Селиванова. Историческое бытіе Христа они признаютъ, почитаютъ его даже и сыномъ Божіимъ, но всю евангельскую исторію, какъ и вообще библію, объясняютъ по-своему: такъ, Іисуса Христа они признаютъ скопцомъ же и проповѣдникомъ скопчества, крещеніе по ихъ мнѣнію было ничто иное, какъ оскопленіе, поэтому Іоаннъ Креститель пользуется у нихъ особеннымъ уваженіемъ; апостолы были будто бы тоже скопцами, а также и многіе святые христіанской церкви. Но какъ Іисусъ Христосъ принялъ не полное оскопленіе и скопчество вообще начало упадать, то для совершеннаго искупленія людей отъ грѣха и явился новый по ихъ мнѣнію истинный Христосъ, сынъ божій—Селивановъ. Селивановъ есть средоточіе всего скопческаго ученія; онъ явится, какъ Мессія, открыто и со славою и тогда наступитъ царство скопцовъ и все человѣчество будетъ состоять изъ нихъ. Скопцы хотя и говорятъ, что признаютъ царствующій домъ и вообще правительство, но трудно помирить ихъ увѣреніе въ вѣрноподданствѣ съ ихъ ученіемъ о Петрѣ III, какъ о царѣ, который долженъ наконецъ воцариться открыто. Главная обрядовая сторона заключается въ радѣніи. Имъ скопцы хотятъ достигнуть вдохновенія свыше и послѣ усиленныхъ тѣлодвиженій, прыганья и пѣнья доходятъ дѣйствительно до экстаза. При радѣніяхъ скопцы одѣваются въ длинныя рубашки и халаты. Обряды христіанской церкви они исполняютъ, въ церковь ходятъ, исповѣдуются и причащаются. Оскопленію подвергаются уже тѣ, кто изъявилъ готовность поступить въ секту и кто уже допускается на радѣнія. Оскопленіе бываетъ полное и неполное. Полное оскопленіе называется

«царской печатью», «большой печатью», «второй чистотой». Относительно символическихъ предметовъ и вещественныхъ доказательствъ экспертиза уяснила, что пояски употребляются скопцами при радѣніяхъ; портретъ Петра III пользуется особеннымъ почетомъ, портретъ Селиванова также очень уважается, картина распятаго монаха есть картина несомнѣнно скопческая; одинъ современный Селиванову скопецъ призналъ въ распятомъ монахѣ самого Селиванова, съ которымъ изображаемый имѣетъ дѣйствительное сходство; картина царя Давида можетъ имѣть значеніе для скопцовъ, такъ какъ свои радѣнія они оправдываютъ примѣромъ псалмопѣвца, о которомъ церковная пѣснь говоритъ: «скакаше играя»; въ ладонки скопцы имѣютъ обыкновеніе зашивать и носить разныя реликвіи своего лжехриста и пророковъ—волосы, ногти и т. п.; книга Эккартзгаузена «Ключъ къ таинствамъ природы», какъ и вообще мистическія сочиненія, проповѣдующія превосходство внутренней церкви предъ внѣшнею, пользуются уваженіемъ у скопцовъ; что же касается до книги «Таинственная Капля», изданной за границею, то въ ней нѣтъ ничего сомнительнаго для православныхъ читателей. Съ разрѣшенія духовной цензуры книга эта напечатана теперь въ Россіи, впрочемъ съ нѣкорыми измѣненіями и дополненіями, направленными противъ скопцовъ.

Скопческая секта, какъ и всякая секта и ученіе, продолжающее существовать, не есть ученіе закостенѣвшее; она развивается и измѣняется. Поэтому ученіе это еще не такъ всесторонне изслѣдовано, чтобы о немъ можно было сказать послѣднее слово, тѣмъ болѣе, что скопцы сохраняютъ свое ученіе въ глубокой тайнѣ и вообще облекаютъ глубокой таинственностью все свое поведеніе. Извѣстны только главные пункты ихъ вѣроученія и тѣ коренныя основанія, изъ которыхъ они исходятъ, напримѣръ ложное толкованіе XIX гл. 20 ст. евангелія отъ Матѳея. Источникомъ для изученія скопчества служилъ до сихъ поръ сборникъ соловецкаго архимандрита Досиѳея, записки о скопческой ереси преосвященнаго Іакова, епископа нижегородскаго, и сочиненіе Надеждина. Источники эти не провѣрены критикой, и съ какой осторожностью, въ какихъ именно пунктахъ ими слѣдуетъ пользоваться—не установлено. На вопросъ защиты, можно ли считать радѣніе безнравственнымъ, экспертиза не дала общаго отвѣта, но объяснила, что ихъ нельзя считать безнравственными въ тѣсномъ, исключительномъ смыслѣ, какъ напримѣръ хлыстовскія радѣнія, но они безнравственны на основаніи общаго понятія о хри-

стіанской нравственности, какъ такія дѣйствія, которыя не согласны съ христіанскимъ представленіемъ о чинности и благоприличіи богослужебныхъ дѣйствій. На другой вопросъ защиты—полезно ли преслѣдовать религіозныя секты именно въ видахъ ихъ ослабленія и прекращенія, экспертиза объяснила, что, на основаніи историческихъ данныхъ, строгія мѣры гоненія противъ такъ-называемыхъ старообрядцевъ служили только къ усиленію и распространенію раскола; напротивъ, расколъ, оставленный въ покоѣ, самъ собою ослабѣвалъ. Но это общее основаніе не примѣнимо къ скопческой сектѣ, самой вредной, ибо время, когда Селивановъ жилъ на свободѣ и когда радѣнія совершались у него торжественно, скопцы зовутъ «золотымъ ихъ времечкомъ». Защита указала, что извѣстный профессоръ казанскаго университета Добротворскій, въ предисловіи своей книги «Изслѣдованія о людяхъ божьихъ», высказываетъ относительно хлыстовъ другія мнѣнія.

Сводя мнѣнія экспертизы, защита высказала вотъ что: «Одинъ экспертъ прямо сказалъ, что скопческая секта соединена съ изувѣрствомъ, а другой объяснилъ болѣе уклончиво, что она только близка къ сектамъ, соединеннымъ съ изувѣрствомъ. Оба эксперта въ этомъ случаѣ, какъ и вообще, смотрятъ на дѣло съ точки зрѣнія строгаго православія. Поэтому вопросъ объ изувѣрствѣ можно совершенно устранить и затѣмъ остается только безнравственность, которая по словамъ экспертовъ заключается въ радѣніяхъ и скаканіяхъ скопцовъ, но ни въ чемъ больше. Нельзя согласиться въ этомъ случаѣ съ экспертами; радѣнія скопцовъ можно считать нелѣпыми, безобразными, но безнравственнаго въ нихъ ничего нѣтъ. Другой признакъ безнравственности есть самое оскопленіе. На вопросъ: почему оскопленіе слѣдуетъ считать безнравственнымъ, экспертиза отвѣтила: потому что оно противоестественно; но не все, что противоестественно, безнравственно. Безнравственныя преступленія исчислены и точно опредѣлены ст. 993—1003 Улож.; это—непотребство, противозаконное сожительство, противоестественные пороки, сводничество; поэтому, не оставляя почвы закона, можно утверждать, что оскопленіе противоестественно, но въ немъ нѣтъ ни свирѣпаго изувѣрства, ни безнравственности. Оно—цѣломудріе, возведенное, подъ вліяніемъ религіознаго фанатизма, до послѣдней, конечной его степени. И такъ, предметомъ обсужденія остается религіозная секта. Какіе бы ни были ея доводы, какъ бы ни уклонились ея послѣдователи отъ догматовъ

православной вѣры, но во всякомъ случаѣ они по своему ищутъ истины; истина—главная цѣль ихъ. Сектаторъ заблуждается; онъ въ своихъ поискахъ сбился съ прямого пути, отошелъ отъ истины на тысячу верстъ, но онъ все-таки ищетъ истину. Вопросъ: «что есть истина?» остается неразрѣшеннымъ и до сихъ поръ. Истину и въ частныхъ случаяхъ и въ наукѣ ищутъ тысячу лѣтъ и въ тысячу первый не находятъ. Искать истину не предосудительно; но не далеко еще то время, когда за исканіе истины люди платились жизнью. Вспомните средніе вѣка, когда такъ называемыхъ еретиковъ жгли на кострахъ; но то время прошло; теперь ихъ не сжигаютъ и даже преслѣдуютъ не вездѣ. Надъ человѣкомъ занимается новая заря, заря новаго, высокаго ученія о томъ, что сфера мысли и совѣсти должна быть свободна, что преслѣдовать и карать человѣка за свободу мысли и совѣсти нельзя, что, не смотря на многочисленные костры, разныя религіозныя ученія продолжали и продолжаютъ существовать. Это высокое ученіе о свободѣ убѣжденія привилось еще не вездѣ; оно существуетъ въ сѣверной Америкѣ, и тамъ однакоже люди живутъ не только не хуже, но гораздо лучше, чѣмъ въ другихъ странахъ».

Обвинительная власть смотрѣла на скопчество съ другой точки. Для нея вопросъ о значеніи преслѣдованія различныхъ сектъ и религіозныхъ ученій, т. е. вопросъ о вѣротерпимости, являлся вопросомъ несущественнымъ. Задача суда не въ провѣркѣ правильности и полезности извѣстной законодательной мѣры, а единственно въ правильномъ и справедливомъ приложеніи къ данному дѣянію относящагося къ нему закона. Въ настоящемъ случаѣ законъ требуетъ преслѣдованія скопческой ереси. Ересь эта вредная, пользующаяся всѣми средствами для пропаганды и ея распространенія. «Подкупъ, принужденіе въ силу власти и вліянія и даже физическое насиліе, все служитъ для этой цѣли. Оскопленіе малолѣтнихъ есть фактъ доказанный. А это представляетъ ужасное, потрясающее преступленіе. У мальчика, едва поднявшагося на ноги, не понимающаго, что съ нимъ дѣлаютъ, отнимаютъ всю его жизнь, отрываютъ отъ другихъ людей, обрекаютъ на лишенія семейной жизни, лишаютъ всѣхъ его радостей, не даютъ возможности и впослѣдствіи отказаться отъ гнуснаго ученія, дѣлаютъ навсегда уродомъ, калѣкой, больнымъ, ибо оскопленіемъ, какъ доказано, разрушается организмъ человѣка». Кромѣ этого, скопчество имѣетъ политическій характеръ, потому что отожествляетъ Селиванова съ Петромъ III и проповѣдуетъ пришествіе

и воцареніе Петра III. «Для скопцовъ церковь—муравьиное гнѣздо; правительство—черные вороны; всѣ не скопцы—іудеи и фарисеи, лютые звѣри, міръ проклятый, о сокрушеніи и уничтоженіи котораго они непрестанно молятся; что же касается до посѣщенія церквей и исполненія обрядовъ, то это только лицемѣріе, предписанное скопцамъ ихъ пророками-наставниками».

Присяжные признали: тринадцать человѣкъ невиновными; Андрея Кудрина виновнымъ во вторичномъ самооскопленіи, въ принадлежности къ сектѣ и въ распространеніи ея; Дмитрія Кудрина только въ принадлежности къ скопчеству и заслуживающимъ снисхожденія, остальныхъ тринадцать человѣкъ виновными по извѣстнымъ пунктамъ, но тоже заслуживающими снисхожденія. Судъ постановилъ: всѣхъ подсудимыхъ, признанныхъ виновными, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать на поселеніе въ отдаленный край восточной Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору мѣстнаго начальства.

Послѣ всего того, что было выяснено и высказано въ московскомъ судѣ, калужское дѣло не представляетъ уже никакого интереса новизны и не заключаетъ въ себѣ ничего руководящаго; но для полноты вывода въ немъ нельзя обойти слѣдующихъ фактовъ. Въ числѣ 11 обвиняемыхъ находился Титъ Григорьевъ Гонцовъ; ему 96 лѣтъ, онъ судился въ 1815 году и былъ оставленъ безъ преслѣдованія, какъ уличившій своего оскопителя. Гонцовъ слабо держится на ногахъ, едва двигается и, будучи подведенъ къ судебному столу, едва слышитъ предлагаемые ему вопросы. На обвиняемыхъ женщинахъ признаковъ оскопленія не найдено. Аѳанасій Вареоломеевъ Глумовъ, 19 лѣтъ, Максимъ Вареоломеевъ Глумовъ, 21 года, Павелъ Павловъ Шароновъ, 21 года и Романъ Петровъ Чиревъ, 20 лѣтъ—оскоплены, но виновными себя въ самооскопленіи не признали. Обвинительная власть, раздѣляя скопцовъ на оскопленныхъ и не оскопленныхъ или такъ называемыхъ духовныхъ скопцовъ, не признавала оскопленіе необходимымъ условіемъ принадлежности къ скопческой сектѣ. Присяжные по всѣмъ вопросамъ суда отвѣчали: «да, виновенъ», но Тита Гонцова признали заслуживающимъ снисхожденія, а Аѳанасія Глумова дѣйствовавшимъ безъ полнаго разумѣнія. Судъ приговорилъ Аѳанасія Глумова заключить въ тюрьму на одинъ годъ, а Тита Гонцова, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ мѣста Сибири не столь отдаленныя; всѣхъ же остальныхъ, лишивъ всѣхъ правъ состоянія, сослать въ отдаленный край вос-

точнѣе Сибири, съ порученіемъ ихъ строжайшему надзору мѣстнаго гражданскаго начальства.

Смутность и противорѣчіе неустановившихся понятій, обнаружившіяся въ приведенныхъ трехъ процессахъ, имѣютъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ кажется, ибо переступаютъ тѣсныя границы исключительно скопческаго вопроса. И защита и обвиненіе стали ниже своей задачи. Во имя чего дѣйствуетъ обвиненіе—во имя ли одной мертвой буквы карающаго закона или во имя истины, т. е. общественнаго блага? Допускаетъ ли законъ толкованіе, долженъ ли онъ заключать въ себѣ начало прогрессивности, или же онъ сила, заставляющая коснѣть жизнь и парализующая ея развитіе? Нѣтъ, говоритъ наука, законъ есть жизненное явленіе, развивающееся параллельно съ создающей его жизнью и изъ нея почерпающее свое обновленіе. Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же и на судѣ и въ московской печати по поводу дѣла Кудриныхъ были высказаны мысли противоположныя? Мы слышали другія слова, мы читали не такое толкованіе. Было сказано, что задача суда не въ провѣркѣ правильности закона, а только въ правильномъ примѣненіи его къ данному случаю. Вопросъ о томъ, насколько основательно такое-то постановленіе закона, на судѣ не можетъ быть и возбужденъ, ибо для этого существуетъ другой путь—законодательный. Это вѣрно. Но въ судѣ есть еще и другой элементъ—элементъ общественнаго мнѣнія, выражающійся въ голосѣ присяжныхъ. Присяжные не законодательная власть, они не могутъ ни создать, ни измѣнить закона, но въ ихъ нравственномъ убѣжденіи, въ ихъ закрытой отъ глазъ суда совѣсти кроется та сила, которая и закону и приговору суда даетъ жизнь и прогрессивность. Не допуская критики закона и подвергая обсужденію только фактъ преступности, присяжные своимъ короткимъ «да» или «нѣтъ» обнаруживаютъ на законъ то нравственное давленіе, вслѣдствіе котораго тѣ или другія статьи его могутъ или измѣнить или даже совершенно утратить свое значеніе. Сказать присяжнымъ, что они должны только прилагать правильно законъ къ данному факту, значитъ отрицать весь институтъ присяжныхъ, сводить ихъ значеніе къ нулю, ставить ихъ на невѣрную точку зрѣнія и превращать ихъ въ исключительное орудіе обвиненія. Судъ не есть карающая сила—задача его выше и гуманнѣе, и эта-то гуманность входитъ въ него дѣйствующимъ факторомъ изъ закрытой совѣсти присяжныхъ. Защита и обвиненіе, допросъ свидѣтелей и экспертовъ даютъ только сырой матеріалъ, который, очистившись и пе-

реработавшись въ убѣжденіи присяжныхъ, является тѣмъ законченнымъ выраженіемъ общественной совѣсти, на основаніи котораго судъ произноситъ свой приговоръ. Мы, публика, не знаемъ, что происходитъ въ душѣ каждаго присяжнаго; мы, публика, еще меньше знаемъ, путемъ какой борьбы мнѣній, убѣжденій и чувствъ присяжные выработываютъ свой приговоръ; но въ ихъ «да» или «нѣтъ» заключается не одна фактическая оцѣнка даннаго случая, заключается еще и нравственная его оцѣнка. Вотъ почему, если бы присяжные, какъ выраженіе общественной совѣсти и общественной справедливости, усматривали бы напримѣръ въ дѣтоубійствѣ явленіе исключительно ненормальнаго соціальнаго порядка и стали бы оправдывать его во всѣхъ случаяхъ—законъ, карающій дѣтоубійство, утратилъ бы свою карающую силу.

Причина того давленія на присяжныхъ, о которомъ мы говоримъ, заключается въ неясности неустановившагося общественнаго мнѣнія на значеніе суда, и вотъ почему наши судебные ораторы еще и до сихъ поръ излагаютъ въ своихъ рѣчахъ азбуку гласнаго судебнаго института, вносятъ въ свои толкованія личный элементъ и, увлекаясь обвиненіемъ или защитой, съ энергіей усиленной настойчивости вступаютъ даже въ тѣ предѣлы, гдѣ уже нѣтъ мѣста для справедливости. Слѣдовательно неясность общественнаго сознанія превращается въ личное орудіе ораторовъ той или другой стороны и дѣлается средствомъ, которое эксплуатируетъ возбужденная страсть.

Скопческій вопросъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ до сихъ поръ являлся на судъ общественнаго мнѣнія, носилъ преимущественно страстный характеръ. По Плотицынскому дѣлу извѣстными органами печати было высказано столько тревожащаго и запугивающаго, скопческая секта была представлена въ такомъ грозномъ обобщеніи и въ такомъ грозящемъ общественному счастію Россіи видѣ, точно вопросъ заключается въ возможности насильственнаго обращенія въ скопчество всѣхъ и каждаго, точно каждому приходится дрожать за свою жизнь. Надеждинъ считалъ всѣхъ скопцовъ въ Россіи отъ 8 до 10 тысячъ; возьмемъ вдвое—20 тысячъ, или въ теченіи ста лѣтъ существованія этой секты среднее ея увеличеніе въ годъ составляетъ 200 человѣкъ. Мы беремъ уголовную статистику и въ ней находимъ, что за смертоубійство наказывается ежегодно около 1500 человѣкъ, за воровство, мошенничество, разбой, грабежъ и другіе виды преступленій противъ собственности наказывается ежегодно около 24,000 человѣкъ—про-

центъ громадный сравнительно съ количественнымъ размѣромъ скопчества, а между тѣмъ ни смертоубійство, ни разбой и грабежъ не возбуждаютъ въ общественномъ мнѣніи никакой страстности, не затрогиваютъ его дурныхъ инстинктовъ, не поднимаютъ изъ глубины души его мстительнаго чувства. Почему? Только потому, что по отношенію ко всѣмъ видамъ прочно установившихся въ обществѣ уголовныхъ преступленій точно также прочно установилось и извѣстное выработанное на нихъ воззрѣніе, извѣстный размѣръ примиренія и интеллектуальнаго отношенія, исключающаго паническое чувство. Въ отношеніи же скопчества мы находимся въ моментѣ неустановившейся мысли, въ моментѣ совершеннаго невѣденія, какъ намъ оріентировать свой надъ нимъ взглядъ, судъ и сужденіе.

Новизна вопроса и смутность общественной мысли отразились и въ дѣйствующемъ законодательствѣ по скопческому вопросу. Эти неясности и разнорѣчія уже вступаютъ на путь кассаціоннаго ихъ разрѣшенія и мы касаемся ихъ не въ смыслѣ законодательнаго предрѣшенія, а только въ смыслѣ того давленія общественнаго мнѣнія, которое обнаружило свое вліяніе на характеръ предшествовавшаго нашему времени уголовнаго законодательства по скопческому вопросу.

Рѣшеніемъ московскаго окружнаго суда всѣ признанные присяжными виновными были осуждены судомъ на ссылку въ отдаленныя мѣста Восточной Сибири, не смотря на то, что относительно нѣкоторыхъ присяжные усмотрѣли облегчающія обстоятельства. А между тѣмъ по 134 ст. уложенія—«если преступленіе учинено по легкомыслію или же слабоумію, глупости, крайнему невѣжеству, которымъ воспользовались другіе для вовлеченія въ преступленіе убѣжденіями, приказаніями, или дурнымъ примѣромъ людей, имѣвшихъ надъ нимъ по природѣ или по закону высшую сильную власть» (пунк. 4 и 6), то суду по 135 ст. «предоставляется уменьшить мѣру слѣдующаго виновному наказанія въ предѣлахъ назначенной закономъ степени или понизить оное одною или двумя степенями». Такъ и поступилъ калужскій судъ. Но почему же калужскій судъ поступилъ не одинаково съ московскимъ? Отвѣтъ—въ той же новости скопческаго вопроса, по которому еще не успѣло выработаться на него ни точное общественное, ни точное законодательное воззрѣніе. Взглядъ на скопчество какъ бы выходитъ изъ общей рамки сложившагося воззрѣнія на другія нарушенія условій русскаго соціальнаго порядка. На московскомъ судѣ экспертиза, признававшая справедливымъ принципъ непреслѣдованія

сеятъ вообще, отрицала его въ отношенiи скопчества, точно принципъ можетъ двоиться и точно могутъ существовать рядомъ двѣ взаимно исключающiя правды. По 197 ст. уложенiя «послѣдователи сектъ, именуемыхъ духоборцами, иконоборцами, молоканами, iудѣйствующими, а равно и другiе принадлежащiе къ ересямъ, которыя, установленнымъ для сего порядкомъ, признаны или впослѣдствiи будутъ признаны особенно вредными, за распространенiе своей ереси и совращенiе въ оную другихъ, по совершенномъ изобличенiи въ семъ преступленiи, подвергаются: лишенiю всѣхъ правъ состоянiя и ссылкѣ изъ Европейской Россiи въ Закавказкiй край, изъ Ставропольской губернiи и Закавказскаго края въ Сибирь, а по Сибири въ отдаленнѣйшiя оной мѣста, для водворенiя особо отъ другихъ поселенцевъ и старожиловъ». «Скопцы же, по лишенiи всѣхъ правъ состоянiя, *отправляются* изъ всѣхъ мѣстъ въ отдаленный край Восточной Сибири съ порученiемъ ихъ строжайшему надзору тамошняго гражданскаго начальства»; значитъ всѣ послѣдователи сектъ *подвергаются* лишенiю всѣхъ правъ состоянiя и ссылкѣ, но скопцы *отправляются*, гдѣ бы они ни судились, гдѣ бы они ни были изобличены, непремѣнно въ отдаленный край Восточной Сибири, и это безразлично, не смотря ни на уменьшающiя, ни на усиливающiя обстоятельства, а исключительно за одну принадлежность къ скопческой сектѣ. И вотъ мы видимъ, что одни суды, примѣняя общiй законодательный принципъ допускаютъ относительно скопцовъ принципъ смягченiя, другiе же, основываясь на специальной статьѣ, относящейся къ скопчеству, его не допускаютъ.

Происходитъ-ли это отъ неясности закона, или же отъ давленiя общественнаго мнѣнiя? Если бы неопредѣлительность закона была единственнымъ фактомъ, влiяющимъ на рѣшенiе, то при отсутствiи исключительнаго возбужденiя мысли, примѣненiе закона совершалось бы въ направленiи общаго духа нашего законодательства, т. е. въ смыслѣ суда милостиваго; но если подобное направленiе усматривается не всегда, то очевидно, что есть обстоятельства, влiяющiя мѣстами на его уклоненiя и эти обстоятельства заключаются—еще разъ—въ смутности возбужденной общественной мысли, не нашедшей себѣ еще твердой точки опоры.

И дѣйствительно, твердой точки опоры въ воззрѣнiи на скопчество у насъ не существуетъ. Обвинительная власть, держась на точкѣ воззрѣнiя, установленной Надеждинымъ, усматриваетъ въ скопчествѣ са-

мые вредные, разрушительные элементы. Эта секта, по ея мнѣнію, разъѣдаетъ весь соціальный и политическій бытъ, разрушаетъ семью, разрушаетъ человѣческій организмъ. Поэтому «скопчество по самой сущности своей есть язва, которую можно, искоренить, но измѣнить нельзя». Исходя изъ этого приговора, высказаннаго надъ скопчествомъ Надеждинымъ, обвинительная власть проводитъ его въ строгой послѣдовательности, какъ въ общемъ воззрѣніи на вопросъ, такъ и въ частности, въ приложеніи къ отдѣльнымъ фактамъ и подробностямъ. Поэтому для обвинительной власти не существуетъ ни ослабляющихъ, ни увеличивающихъ вину обстоятельствъ, она относится безразлично къ скопчеству духовному и къ скопчеству физическому, къ скопческой пропагандѣ и къ простой принадлежности къ скопческой сектѣ, къ оскопленію и къ самооскопленію. Достаточно одной принадлежности къ скопчеству, одного названія «скопецъ», чтобы нести на себѣ всю тягость отвѣтственности за свою или за чужую вину. Для всѣхъ преступниковъ есть разныя степени виновности—для убійцъ, разбойниковъ, грабителей, поджигателей—нѣтъ ихъ только для скопцовъ: шестнадцатилѣтній мальчикъ, оскопленный фанатикомъ скопцомъ, идетъ вмѣстѣ съ своимъ оскопителемъ въ тотъ-же отдаленный край Восточной Сибири. Нѣтъ исключенія даже для столѣтнихъ старцевъ.

Но это по крайней-мѣрѣ послѣдовательно. Защита въ своемъ дѣлѣ оказалась много слабѣе. Конечно, средства обвиненія богаче, задача его легче и вліяніе его болѣе глубокое и потрясающее, ибо оно дѣйствуетъ на чувство страха, на самый могущественный изъ всѣхъ человѣческихъ инстинктовъ — инстинктъ самосохраненія. Защита же выходитъ больше изъ общихъ воззрѣній и общихъ теоретическихъ началъ и въ тоже время ставитъ себя въ зависимость отъ частностей извѣстнаго факта. Отъ этого ея противорѣчія и въ противорѣчіяхъ ея слабость. Такъ, въ дѣлѣ Плотициныхъ все сводились къ простому членовредительству, потому что судимые не были оскоплены; вѣротерпимость становилась внѣ всякаго сомнѣнія, политическій элементъ скопчества отрицался; «государству нѣтъ дѣла до того, во что кто вѣруетъ, но оно можетъ сказать: живите смирно, не смѣйте калѣчить другъ друга, не смѣйте вредить другъ другу, не смѣйте и сами себя калѣчить,» говорила защита. Въ дѣлѣ Кудриныхъ, гдѣ судились оскопленные, гдѣ обвиненіе исходило изъ того мнѣнія, что «скопцы враги человѣчества, развратители нравственности, нарушители зако-

новъ Божіихъ и человѣческихъ; что скопцовъ можно искоренить, а не измѣнить»—защита ставила внѣ сомнѣнія вопросъ объ изувѣрствѣ и спрашивала, что нравственно, и что безнравственно, что истина и что не истина; защита видѣла въ скопчествѣ одинъ религіозный элементъ, простое исканіе истины, ошибку ищущаго, но заблуждающагося ума. Противъ воззрѣній, установленныхъ Надеждинымъ и на которыхъ строились обвиненія, защита не выставила ничего болѣе новаго, ни одного вновь изслѣдованнаго факта, ослабляющаго воззрѣнія Надеждина, не заручилась никакими статистическими данными. Конечно, защита и не располагала средствами для подобныхъ, и особенно статистическихъ, изслѣдованій и ей не оставалось другаго пути, кромѣ единственнаго ею избраннаго; въ такомъ положеніи дѣла аргументація обвиненія должна была оказаться болѣе сильною. Экспертиза стала тоже на сторону обвиненія.

Гдѣ же правда? Право и обвиненіе, права и защита—истина лежитъ въ серединѣ, внѣ крайностей, внѣ страстныхъ увлеченій, внѣ преувеличеній—истина въ спокойномъ, разсудочномъ взглядѣ на дѣло.

Скопчество есть одно изъ явленій нравственнаго порядка; это—доведенное до крайняго фанатизма, стремленіе къ нравственной чистотѣ. Ложное толкованіе священнаго писанія, ссылки на Христа, апостоловъ, отцевъ церкви, примѣры Оригена и другихъ архіереевъ, не больше какъ средство. Начало скопческихъ побужденій лежитъ въ глубинѣ души человѣческой, въ томъ стремленіи духа, по которому съ самаго начала міра и до сихъ поръ происходитъ борьба двухъ противоположныхъ стремленій, выразившихся въ древности въ двухъ противоположныхъ философскихъ ученіяхъ—въ философіи стоиковъ и въ философіи эпикурейцевъ. Одно начало аскетизма, другое—наслажденія. Этотъ порывъ человѣческаго духа гораздо глубже и общѣе, чѣмъ можетъ казаться. Все человѣчество дѣлилось и дѣлится на эти два противоположные лагеря, каждый тяготѣетъ къ одному изъ нихъ, поведеніе каждаго изъ насъ, все наше личное міровоззрѣніе опредѣляется именно этимъ тяготѣніемъ. Аскетизмъ и его порожденіе—скопчество и эпикуризмъ и его порожденіе—философія наслажденія, кончающаяся нравственнымъ растлѣніемъ, только крайніе полюсы извѣстныхъ душевныхъ противорѣчій, доведенныхъ до абсурда; потому-то аскетизмъ есть явленіе нравственнаго порядка, и средства противъ него заключаются исключительно въ явленіяхъ нравственнаго порядка.

Скопчество въ своемъ основаніи есть ученіе въ высшей степени

антисоціальное и потому оно само въ себѣ несетъ начало своего собственнаго разрушенія. Идемъ къ абсурду и предполагаемъ, что все человѣчество оскопилось и что дѣйствительно наконецъ наступило всеобщее царство скопцовъ. А что же на завтра?... Скопчество разрушаетъ семью и вмѣсто ея даетъ монастырь; скопчество отворачивается отъ всего гражданскаго общежитія и должно отрицать существующій грѣховный, по его мнѣнію, порядокъ; наконецъ доведенное до крайности—оно ведетъ къ искаженію физической природы человѣка. Но развѣ во всемъ этомъ не начало конца?

И вотъ почему совершенно ошибочно преувеличенное воззрѣніе на скопчество. Мнѣніе, вооружающееся противъ скопчества со всѣмъ пыломъ разгоряченной страсти, погрѣшаетъ тѣмъ же фанатизмомъ, въ которомъ винитъ скопчество. Подумаешь, что подлѣ каждаго изъ насъ стоитъ скопецъ съ ланцетомъ. А между тѣмъ скопцы во сто лѣтъ и при обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ ихъ распространенію, дошли лишь до 10,000 человѣкъ, тогда какъ остальныя секты считаютъ въ числѣ своихъ членовъ 10 мильоновъ. Развѣ ничтожная цифра скопцовъ не служитъ лучшимъ доказательствомъ необычайной медленности развитія скопчества?

Логическій арсеналъ скопцовъ слишкомъ слабъ, чтобы можно было допустить неотразимость скопческой діалектики.

Они проповѣдуютъ физическое пришествіе Селиванова и Петра III. Это возможно было проповѣдывать въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но пройдетъ еще 50 лѣтъ и абсурдъ дойдетъ до своего послѣдняго предѣла, ибо Селиванову уже и теперь было бы лѣтъ полтораста.

Они измѣняютъ смыслъ евангелія; но слова его такъ ясны, что искажать ихъ можно лишь передъ дѣтьми и передъ слушателями, не понимающими словъ.

Они проповѣдуютъ оскопленіе—но антисоціальное его значеніе не въ физическомъ отнятіи, а въ томъ нравственномъ моментѣ, который ему предшествуетъ. Что же касается отнятій у мужчинъ и операцій надъ женщинами, то медицинская экспертиза уже указала—и это подтвердили сами скопцы—что операціи эти не ведутъ къ тѣмъ результатамъ, которыхъ отъ нихъ ожидаютъ.

Что же остается отъ скопчества прочнаго и вѣчнаго, что могло бы сулить ему будущее и возможность его усиленія? Ничего. Теперешняя сила его,—если только у него есть сила,—въ невѣжествѣ его окружающей среды, въ мракѣ русской деревни, и этотъ именно мракъ

породилъ скопчество. Скопцы исходятъ изъ того, что міръ слишкомъ грѣховенъ, что онъ растлѣваетъ безсмертную человѣческую душу. Взгляните на русскую жизнь, на мракъ, обитающій въ душѣ и въ мысли и въ поведеніи простонародья—развѣ на сторонѣ скопцовъ не оказывается значительной доли правды? Развѣ появленіе ихъ было бы возможно среди свѣта и чистоты? Порожденіе невѣжества, скопчество питается невѣжествомъ и только въ немъ находитъ свою точку опоры. Скопцы—враги общества; но кто же, кромѣ этого самого общества, создалъ и воспиталъ въ своемъ собственномъ нѣдрѣ этихъ враговъ? Слѣдовательно все, что способствуетъ свѣту, изгоняетъ и уничтожаетъ мракъ, и только въ свѣтѣ корень противоядія и торжество побѣды. Фанатическіе противники скопчества проповѣдуютъ противъ нихъ мечь и разрушеніе; они ссылаются на опытъ терпимости, который былъ сдѣланъ безуспѣшно въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Но кто вамъ говоритъ о равнодушіи и бездѣятельности; кто вамъ говоритъ, что съ мракомъ не слѣдуетъ бороться? Слѣдуетъ, но только нужно избрать вѣрное и дѣйствительное оружіе. Если вы тушите пожаръ, вы льете въ огонь воду, а не подкладываете дровъ. Преслѣдованіе ведетъ только къ лукавству и къ болѣе утонченному обману. Развѣ скопцы не соблюдаютъ всѣхъ внѣшнихъ обрядовъ христіанской церкви? Точно также они или откажутся отъ оскопленія, или найдутъ средство производить свои операціи иначе, съ менѣе замѣтными наружными слѣдами; они откажутся и отъ бѣлыхъ платковъ, и отъ темныхъ одеждъ; но тогда опасность будетъ больше.

Общественное мнѣніе народа вовсе не относится индеферентно къ скопчеству. Скопчество не имѣетъ у него кредита и не пользуется его уваженіемъ. На каждомъ скопцѣ лежитъ печать отчужденія, пришитъ ярлыкъ, котораго народъ пришпиливать къ себѣ не захочетъ. Поэтому-то скопцы усиливаютъ свои ряды или вербованіемъ ничего не понимающихъ дѣтей, которыхъ они за тѣмъ ростятъ въ фанатизмѣ нетерпимости, или среди людей съ фанатическимъ образомъ мыслей, наклонныхъ къ мистицизму. Но послѣдніе исключеніе, ибо фанатизмъ и мистицизмъ не народная русская черта, а противорѣчіе русскому здравомыслію. Слѣдовательно остается только воспользоваться народнымъ здравымъ смысломъ, чтобъ само общественное мнѣніе народа сдѣлало невозможнымъ дальнѣйшую пропаганду скопчества и чтобы оно само собою угасло, какъ секта и ученіе.

Защита уже высказала слѣдующую мысль: «Для совершеннаго

уничтоженія этого вида преступленій—было сказано на московскомъ судѣ—нужно было бы только, чтобы уголовная палата увѣдомляла о своемъ приговорѣ то общество, къ которому принадлежитъ обвиняемый, что вотъ такой-то признанъ скопцомъ; при такомъ правилѣ, положительно можно сказать, что подобныя преступленія уничтожались бы въ какіе нибудь десять лѣтъ». Предлагая эту мѣру, чѣмъ пользуется защита? Она пользуется уже существующимъ народнымъ общественнымъ мнѣніемъ, которое клеймитъ скопчество презрѣніемъ и насмѣшкой. Быть скопцомъ—позоръ и стыдъ; кто же захочетъ добровольно подвергать себя презрѣнію и оскорбленію? Фанатики? Но фанатизмъ невозможенъ, если онъ будетъ разоблаченъ, если нелогичность и безсмыслица скопческихъ догматовъ и символистики сдѣлаются извѣстными народу, если разоблачающему опроверженію будетъ дана самая широкая гласность. Кафедра духовнаго проповѣдника лучшее для этого мѣста, и простая, вразумительная, ясная и прямо дѣйствующая на здравый смыслъ пропаганда—самое могучее средство борьбы и искорененія. Было ли когда нибудь испытано это средство? Было ли когда нибудь возбуждено народное общественное мнѣніе? Обращались ли когда нибудь къ народному здравомыслію? Нѣтъ. Слѣдовательно пока это средство не было испытано, извѣстные органы печати лишаютъ себя права говорить что нибудь противъ терпимости.

Терпимость не есть индеферентизмъ; терпимость, о которой мы говоримъ, есть тоже борьба, но борьба не физическими средствами, а средствами нравственными; она есть обращеніе не къ страсти, а къ разсудку. Нужно, чтобы оглашенное скопчество утратило въ народѣ весь свой кредитъ, чтобы разоблаченіе его абсурдовъ сдѣлалось полнымъ. Откуда же скопчество почерпнетъ свою силу—когда источникъ, его формирующій, изсякнетъ; когда въ замѣнъ преслѣдованія, укрѣпляющаго фанатизмъ и создающаго ложное понятіе о мученичествѣ, явится насмѣшливое равнодушіе?

Н. Ш.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

КЛАССИЧЕСКАЯ СТРАНА

КРУПНАГО ЗЕМЛЕВЛАДѢНІЯ.

I.

Ничто не можетъ быть поразительнѣе той крайней безцеремонности, съ которою представители идей крупныхъ землевладѣльцевъ англо-саксонскаго племени подстрекаютъ своихъ послѣдователей отстаивать самыя несправедливыя, самыя гибельныя для страны и для нихъ самихъ начала. Характеристическій образецъ въ этомъ отношеніи представляютъ сочиненія въ родѣ брошюры Фитцгиббона *) по ирландскому поземельному вопросу. Въ этой брошюрѣ, напр. Милль называется мечтательнымъ новаторомъ, человѣкомъ, который говоритъ съ ложнымъ сознаніемъ своего философскаго превосходства, со всей смѣлостью *глубокаго невѣжества*; далѣе знаменитый англійскій экономистъ сравнивается съ мореплавателемъ, который придерживается правила „ничего не знать, это значитъ ничего не бояться.“ Читая исторію, безпрестанно приходится наталкиваться на разсказы о взяткахъ, которыя брали съ чужихъ правительствъ дипломаты и государственные люди при разрѣшеніи международныхъ вопросовъ. Историки сообщаютъ эти факты безъ малѣйшаго негодованія, съ какою-то апатическою привычкою къ подобнымъ явленіямъ, какъ будто-бы все это такъ и должно быть. Точно также

*) Geald Fitzgibbon: The Land difficulty of Ireland.

апатично смотритъ общественное мнѣніе на самыя нелѣпыя подстрекательства къ сопротивленію прогрессивнымъ мѣрамъ со стороны руководителей реакціонерныхъ партій, на самую недобросовѣстную ложь, на самое искусственное развитіе реакціонерныхъ чувствъ посредствомъ возбужденія неосновательнѣйшихъ страховъ въ наиболѣе слабыхъ личностяхъ, заинтересованныхъ въ реакціи. Обществу кажется, что такой образъ дѣйствія реакціонеровъ совершенно естественъ; оно нетолько не встрѣчаетъ его съ негодованіемъ, но самые передовые люди иногда косвенно поощряютъ его своимъ примѣромъ. Такое безтактное поведеніе со стороны общественнаго мнѣнія и со стороны представителей прогрессивныхъ и реакціонерныхъ интересовъ имѣетъ самыя плачевныя послѣдствія. Когда началась первая борьба между патриціями и плебеями, когда Аппій Клавдій, рѣшившись дѣйствовать такъ, какъ дѣйствуютъ теперь въ Англіи какіе нибудь Фитцгиббоны, гордился народной ненавистью къ себѣ, и считалъ для себя высшимъ достоинствомъ свою проповѣдь насилія, тогда, въ рѣшительную минуту, патриціи отвернулись отъ него и сосредоточили свой выборъ на человѣкѣ болѣе мягкихъ воззрѣній. Такой образъ дѣйствія со стороны патриціевъ подготовилъ великую будущность Риму. Общественное мнѣніе обыкновенно незнакомо съ тѣми тяжкими послѣдствіями, которыя порождаются для развитія общества крайней безцеремонностью и грубостью, съ какими руководители реакціонерныхъ элементовъ возбуждаютъ ихъ къ сопротивленію прогрессу; оно не понимаетъ, какъ должно себя держать для обузданія этого прискорбнаго направленія. Если общественное мнѣніе будетъ твердо знать, какія страшныя бѣдствія могутъ угрожать обществу отъ безцеремоннаго возбужденія реакціонеровъ къ сопротивленію прогрессу, оно станетъ отворачиваться отъ реакціонеровъ, лишь только они задумаютъ дѣйствовать черезъчуръ безцеремонно. Опасеніе лишиться всякой поддержки со стороны общественнаго мнѣнія и вооружить противъ себя слишкомъ большую силу, заставитъ самихъ реакціонеровъ отталкивать отъ себя слишкомъ безцеремонныхъ приверженцевъ. Если общественное мнѣніе будетъ высказываться противъ регрессивныхъ поползновеній съ достаточною энергіею и тактомъ, тогда и самая реакціонерная пресса будетъ выполнять лишь прямое свое назначеніе, т. е. будетъ облегчать для реакціонеровъ тѣ уступки, которыя имъ придется дѣлать прогрессу. Но какъ скоро общественное мнѣніе вы-

сказывается слишкомъ слабо, чтобы препятствовать реакціонернымъ излишествамъ, оно непремѣнно накликаетъ на общество и на страну самыя тяжкія испытанія. Незнакомому съ дѣломъ человѣку трудно себѣ представить, до какого нелѣпаго и гибельнаго упрямства можетъ доводить реакціонерная пресса своихъ читателей; она заставляетъ ихъ дѣйствовать наконецъ уже нетолько противъ прогресса и общаго блага, но очевидно во вредъ себѣ и увлекаться самой нераціональной горячностью. Подобное настроеніе реакціонерныхъ элементовъ дѣлаетъ невозможнымъ распространеніе въ обществѣ тѣхъ неизбѣжныхъ здравыхъ идей, которыя обезпечиваютъ самыя насущныя потребности населенія и прогресса, даже такія потребности, безъ обезпеченія которыхъ спокойствіе и порядокъ дѣлаются невозможными. Исторія указываетъ намъ, что при подобной обстановкѣ, самое безспорное и несомнѣнно доказанное наукою можетъ считаться спорнымъ въ теченіе долгаго времени; общество въ страхѣ отъ анархическаго и ожесточеннаго сопротивленія реакціонеровъ, боится высказывать свое сочувствіе очевидной истинѣ; оно страдаетъ, оно предвидитъ печальный исходъ, а между тѣмъ даже его лучшіе писатели боятся высказывать тѣ идеи, безъ осуществленія которыхъ зло никакимъ образомъ не можетъ быть излѣчено. Реакціонеры не хотятъ и думать объ уступкахъ, они все болѣе и болѣе выказываютъ безсмысленное упрямство, которое доводитъ ихъ до крайнихъ степеней одичанія и грубой ненависти къ общественному мнѣнію, и наконецъ наступаетъ моментъ, когда дальнѣйшая жизнь общества сдѣлается невозможною безъ уступокъ съ ихъ стороны. Можетъ ли быть что-нибудь очевиднѣе несовмѣстимости представительнаго демократическаго управленія съ учрежденіемъ рабства? Точно также очевидно, что спокойное и правильное развитіе демократическаго общества можетъ быть обезпечено только широкимъ развитіемъ народнаго образованія. Плантаторы Соединенныхъ Штатовъ очень легко могли убѣдиться, что чувство самосохраненія должно неизбѣжно побудить американцевъ и уничтожить рабство, и образовать негровъ. Однакожъ вмѣсто того, чтобы приготовиться къ такому исходу и открыть себѣ путь къ сближенію, плантаторы возбуждали другъ друга къ самому нелѣпому и упрямому сопротивленію. Подобно римлянамъ въ послѣднее время республики, они вели политическую борьбу съ помощью политическихъ дуэлей, тайныхъ и явныхъ убійствъ и такихъ пріемовъ, которые встрѣчаются

только въ самыхъ варварскихъ обществахъ. Чего могли они достигнуть такой борьбой противъ неизбѣжнаго, кромѣ деморализаціи общества? Они это знали, но ихъ безконечное упрямство вызвало тяжкую, продолжительную междоусобную войну, которая потребовала страшныхъ жертвъ и расплодила въ странѣ непримиримую ненависть. Въ этой войнѣ они были побѣждены. Что же, воспользовались ли они урокомъ, сдѣлались ли они благоразумнѣе? Стали ли они думать о томъ, какъ бы согласовать свои собственные интересы съ общественными? Приняли ли образъ дѣйствія, при которомъ неизбѣжное могло мирно совершиться? Нѣтъ! Вмѣсто того, чтобы научиться быть гражданами, они выродились въ разбойниковъ. Всякому извѣстно, сколько лѣтъ теперь прошло послѣ подавленія рабовладѣльческаго возстанія, но южные штаты до сихъ поръ не могутъ успокоиться: упрямство бывшихъ рабовладѣльцевъ постоянно держитъ ихъ въ такомъ состояніи анархіи, которое встрѣчается только въ азіятскихъ государствахъ. Тенесси, Сѣверная и Южная Каролина, Георгія, Алабама и Техасъ наводнены тайными обществами плантаторовъ, которые содержатъ вооруженныя шайки тайныхъ убійцъ и различныхъ анархистовъ. Сенаторъ Скотъ, предсѣдатель спеціальнаго по этому предмету слѣдственнаго комитета, насчитываетъ въ одной Сѣверной Каролинѣ до сорока тысячъ человѣкъ, которые принадлежатъ къ организованнымъ тайнымъ обществамъ плантаторовъ *). Чтобы охарактеризовать образъ дѣйствія этихъ тайныхъ обществъ, можно привести слѣдующіе примѣры. По свѣдѣніямъ изъ Нашвиля (въ Тенесси) отъ 25 февраля 1871 года, въ окрестностяхъ этого города закрыты почти всѣ школы, въ которыхъ обучались негры, по причинѣ оскорбленій, наносимыхъ учителямъ и ученикамъ; владѣльцы не доплачиваютъ заработной платы, а работники не смѣютъ настаивать, опасаясь тайныхъ убійствъ, совершаемыхъ надъ неграми, и оскорбленій, которыя грозятъ негритянкамъ. Если убійца будетъ схваченъ, то его большею частію освобождаютъ товарищи. Во Франкфуртѣ (въ Кентуки), по свѣдѣніямъ отъ того же 25 февраля, двадцать человѣкъ въ маскахъ ворвались въ тюрьму и освободили Скрогинса, обвинявшагося въ убійствѣ негра. Негры, которые осмѣливаются принимать должности и подавать голоса противъ плантаторовъ, убиваются или подвергаются безчис-

*) New-York Tribune March. I. 1871.

ленпымъ оскорбленіямъ. Въ одной Колумбіи изслѣдованіемъ обнаружено до тысячи подобныхъ случаевъ. Шайки по нѣсколько сотъ человѣкъ изъ бывшихъ сепаратистскихъ солдатъ всюду шатаются по южнымъ штатамъ и производятъ безчисленныя безчинства. Часто они лучше вооружены и обучены, чѣмъ мѣстная милиція изъ негровъ. Такимъ образомъ плантаторы поддерживаютъ въ южныхъ штатахъ духъ распущенной солдатчины, который такъ долго былъ язвою средневѣковой Европы. Увлекаясь своимъ упрямствомъ, они не думаютъ о томъ, что впослѣдствіи сами сдѣлаются жертвою тѣхъ анархическихъ и разбойничьихъ наклонностей, которыя они сами развиваютъ въ странѣ своими деньгами. Чтобы имѣть возможность дѣйствовать посредствомъ разбойничьихъ шаекъ, тайныхъ убійствъ и пр., они деморализировали судъ. Къ убійствамъ и угрозамъ они присоединили подкупъ и наконецъ дошло до того, что часто невозможно достигнуть осужденія за тайное злодѣяніе даже отъ присяжныхъ изъ самихъ негровъ. Деморализація суда и полиціи естественно привела къ тому, что воры и обыкновенные мошенники совершаютъ свои преступленія съ той же самой дерзостью, какъ и шайки, поддерживаемыя тайными обществами, и конечно не разбираютъ цвѣтъ и партію ограбленнаго и обворованнаго. Чтобы положить конецъ подобному анархическому положенію, приходится прибѣгать къ чрезвычайнымъ мѣрамъ. Въ февралѣ 1871 года губернаторъ Южной Каролины обратился къ президенту съ требованіемъ войска, и ему послано было нѣсколько полковъ, съ правомъ употреблять ихъ по произволу губернатора. Не трудно себѣ представить, до какой степени необходимость прибѣгать къ подобнымъ мѣрамъ должна разрушать идею свободы.

Какъ слѣдуетъ смотрѣть на тотъ классъ общества, который препятствуетъ развитію въ народныхъ массахъ образованія нетолько пассивнымъ своимъ сопротивленіемъ, но и прямымъ насиліемъ, который деморализируетъ народъ, обманывая его на заработной платѣ и умышленно развращаетъ судъ? Какъ слѣдуетъ смотрѣть на тотъ классъ, который не довольствуется тѣмъ, что развиваетъ въ народѣ невѣжество и мошенничество, но дѣлаетъ его еще и разбойникомъ, содержитъ тайныхъ убійцъ и многочисленныя вооруженныя шайки искателей приключеній? Какъ слѣдуетъ смотрѣть на тотъ классъ, который взятками и терроризмомъ деморализируетъ судъ и полицію, уничтожаетъ свободу, пріучая народъ

къ насильямъ во время выборовъ и къ произвольнымъ вмѣшательствамъ въ дѣла гражданъ съ помощью военной силы. Очевидно, что тотъ классъ, который такими путями борется противъ прогресса столь неизбѣжнаго, что или прогрессъ этотъ долженъ совершиться или общество должно погибнуть, — дѣйствуетъ прямо противъ собственныхъ своихъ интересовъ и изъ ни чѣмъ не оправдываемаго упрямства, столько же вредитъ обществу, сколько и самому себѣ.

Оказывается однакожъ, что реакціонеры дѣйствуютъ съ такимъ нераціональнымъ упрямствомъ не въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ. Точно такая же деморализація и точно такое же анархическое состояніе, какое создано было американскими крупными землевладѣльцами на югѣ Соединенныхъ Штатовъ, порождено было англійскими въ Ирландіи. Одинъ англійскій писатель, говоря объ ирландцахъ, восклицаетъ: „Въ Ирландіи, въ общинѣ изъ четырехъ или пяти тысячъ жителей болѣе нищеты и страданій, чѣмъ можно найти на всемъ пространствѣ Франціи или Бельгіи!" Другой, который приводитъ эти слова, спрашиваетъ, какъ же отозвался этотъ образъ дѣйствія на самихъ землевладѣльцахъ? Оказывается, что земли ихъ сдѣлались бездоходными; ничтожные доходы невѣрными; а положеніе землевладѣльцевъ опаснымъ. Все это дотого справедливо, что въ прошломъ году по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ насчитывалось до трехъ-сотъ-шестидесяти аграрныхъ преступленій въ мѣсяцъ *). „Нужно сознаться, говоритъ тотъ же писатель, что въ цивилизованной Европѣ это единственная аристократія, которая для огражденія своихъ правъ можетъ опираться на одну только силу... Въ цивилизованныхъ странахъ очень мало собственниковъ, которые пользуются такой недостаточной безопасностью.... жизнь ирландскихъ землевладѣльцевъ тяжкая. Они постоянно служатъ предметомъ всеобщей ненависти и презрѣнія. Постоянно возобновляющіяся убійства возбуждаютъ въ нихъ самихъ мрачныя воспоминанія и рисуютъ имъ ужасающія воображеніе картины въ будущемъ." Благодаря политической анархіи, которая распространена была въ этой несчастной странѣ, Ирландія сдѣлалась источникомъ слабости, а не силы для Англіи **), точно также какъ Аравія, верховья Евфрата

*) The Times, № 26. 980. февраля 7, 1871 г.

**) I. G. Mac. Carthy: Irisch land questions pleinly Stated and answered. London 1870 г.—стр. 9, 17, 18, 19, 22.

и другія одичалыя или мятежныя владѣнія Турціи. Дѣйствія английскихъ землевладѣльцевъ въ Ирландіи, которые довели страну до такого жалкаго положенія и породили для Англіи серьезную политическую опасность, заставили наконецъ мыслящихъ англичанъ и всѣхъ мыслящихъ людей вообще внимательнѣе взглянуть на это крупное англійское землевладѣніе, которое такъ усердно воспѣвалось и восхвалялось всякаго рода реакціонерами во всѣхъ частяхъ цивилизованнаго міра. Если оно было въ состояніи породить поразительныя и бросающіяся въ глаза бѣдствія и приготовить какъ для Ирландіи, такъ и для Англіи безвыходныя политическія страданія, то ясно, что на него нельзя было смотрѣть такъ легко, какъ смотрѣли прежде; невниманіе и легкомысліе могли дать въ этомъ случаѣ самые горькіе плоды. Весьма интересенъ тотъ новый свѣтъ, которымъ освѣтилось теперь англійское крупное землевладѣніе.

II.

До сихъ поръ наблюденія дѣлались по большей части слѣдующимъ образомъ: обращались къ странѣ крупнаго или мелкаго землевладѣнія и если находили въ ней благосостояніе, цвѣтущую торговлю, богатую производительность, то изъ этого обилія выводили заключеніе, что крупное или мелкое землевладѣніе (смотря по тому, какую страну наблюдали) приводитъ именно къ такому результату; а если оказывалось, что въ какой-либо странѣ съ крупнымъ землевладѣніемъ земледѣліе было въ болѣе цвѣтущемъ состояніи и урожаи обильнѣе, чѣмъ въ другой странѣ съ мелкимъ землевладѣніемъ, то доказательство въ пользу крупнаго землевладѣнія считалось совершенно убѣдительнымъ. Но наблюдатели, производившіе свои наблюденія этимъ первобытнымъ способомъ, забывали, что этимъ путемъ нетолько возможно доказывать, но и дѣйствительно доказывалась польза самыхъ зловредныхъ учрежденій. Въ древности мы видимъ цвѣтущія и просвѣщенныя государства, гдѣ главная масса труда производилась рабами. Въ эти времена наибольшая земледѣльческая и промышленная производительность была удѣломъ рабовладѣльческихъ странъ, каковы Греція, Римъ, Карѳагенъ. Страны, гдѣ вовсе

не было рабства или гдѣ оно существовало въ ограниченныхъ размѣрахъ, были по большей части бѣдны и непроизводительны. Указывая на превосходно воздѣланныя поля Карѳагена или Антики, поверхностнаго наблюдателя легко было убѣдить въ необходимости и пользѣ рабства. А между тѣмъ рабство сдѣлалось причиной паденія всѣхъ этихъ перловъ античной цивилизаціи, и если бы оно пустило такіе же глубокіе корни въ Соединенныхъ Штатахъ Америки, то, нѣтъ сомнѣнія, оно погубило бы и эту богатую, цвѣтущую республику. Восточный деспотизмъ, съ его произволомъ и жестокостями, съ политическимъ вліяніемъ гарема и евнуховъ, существовалъ въ аравійской цивилизаціи въ ея самыя цвѣтущія времена, и если дѣлать такіе выводы, какіе дѣлали реакціонеры относительно англійскаго крупнаго землевладѣнія, то можно было бы заключить, что восточный деспотизмъ — весьма благодѣтельное учрежденіе, а господство евнуховъ способствуетъ развитію науки. Точно такія же заключенія можно было бы вывести изъ исторіи Египта и Индіи для того, чтобы доказать пользу кастъ и теократическаго управленія. Пользу наслѣдственныхъ должностей и феодальнаго устройства можно было бы доказывать цвѣтущимъ состояніемъ Нидерландовъ во время среднихъ вѣковъ; пользу борьбы партій, гдѣ побѣдители изгоняютъ цѣликомъ побѣжденныхъ, можно было бы доказывать богатствомъ городовъ средневѣковой Италіи; наконецъ, самую пользу анархіи можно было бы доказать тѣмъ, что въ бывшей аравійской цивилизаціи наука достигла высшаго развитія именно въ то время, когда анархія была въ самомъ разгарѣ. Конечно, теперь всякій мыслящій человѣкъ понимаетъ, что такія доказательства слишкомъ шатки и что для правильнаго пониманія фактовъ и событій необходимо прежде всего поставить читателя на настоящую точку зрѣнія посредствомъ раціональнаго анализа явленій и затѣмъ уже представлять ему факты въ надлежащемъ ихъ свѣтѣ. Если вмѣсто того, чтобы сравнивать страны, которыя пользовались благосостояніемъ или бѣдностью при свободномъ и при рабскомъ трудѣ, при деспотическомъ и народномъ правленіи и т. д., мы возьмемъ одно общество, положимъ даже такое, которое пользовалось благосостояніемъ въ то время, когда въ его средѣ господствовало рабство или деспотизмъ, и покажемъ дѣйствительную роль, какую въ его исторіи играло это рабство или этотъ деспотизмъ, то результатъ у насъ выйдетъ совершенно другой, и мы составимъ себѣ пра-

вильное понятіе о дѣлѣ. При сколько-нибудь правильномъ изслѣдованіи, мы никакимъ образомъ не можемъ прійти къ заключенію, что рабство способствовало благосостоянію Греціи, Карѳагена или Рима, что арабы были обязаны своею цивилизаціею гаремамъ или евнухамъ. Точно также только такимъ путемъ можно получить правильное понятіе о значеніи крупнаго землевладѣнія въ Англіи, которая постоянно была идеаломъ и образцомъ для защитниковъ крупной собственности. Когда норманны завоевали Англію, они ввели тамъ феодальную систему, однакожъ они ее ввели не въ томъ видѣ, въ какомъ она господствовала на материкѣ Европы, а сдѣлали въ ней усовершенствованіе, заключавшееся въ томъ, что они ослабили отдѣльныхъ крупныхъ феодальныхъ владѣльцевъ въ пользу центральной власти. Это ослабленіе, какъ извѣстно, сдѣлалось первымъ источникомъ благосостоянія и величія Англіи, потому что оно заставило англійскую аристократію поневолѣ соединиться съ городами и положить краеугольный камень для зданія представительныхъ политическихъ формъ. При всемъ томъ англійская аристократія неохотно шла на соединеніе съ городами; она не видѣла ничего хорошаго въ новомъ своемъ устройствѣ, напротивъ, завидовала силѣ и могуществу континентальныхъ феодаловъ; она пропагандировала не сближеніе съ народомъ, а отдаленіе отъ него. Это, напр., весьма ясно обрисовывается во время первыхъ ея завоеваній въ Ирландіи. Въ то время, когда Англія стояла сравнительно на высокой степени цивилизаціи, Ирландія была полудикой страной. Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ ней насчитываютъ только до трехъ сотъ тысячъ жителей. Каково было настроеніе этого населенія, видно изъ того, что послѣ первыхъ столкновеній съ англійской аристократіей, когда ирландцы захватили множество англійскихъ военнопленныхъ и рабовъ, выборные страны изъ числа мѣстныхъ аристократовъ, на армагскомъ (Armagh) синодѣ постановили освободить всѣхъ рабовъ изъ военноплѣнныхъ англичанъ. Англійская аристократія, конечно, рада была воспользоваться такимъ благодушіемъ ирландской аристократіи, но она за это стала ее глубоко презирать и постаралась излѣчить отъ такого недостатка, она стала убѣждать ее въ необходимости отдѣлиться отъ народныхъ массъ и унизить ихъ насколько возможно въ чемъ, по мнѣнію англійской аристократіи, заключалась истинная цивилизація. Современные писатели разсказываютъ, какъ много стоило труда Ричарду II, въ концѣ XIV вѣка, хотя нѣсколько цивили-

зовать важнѣйшихъ изъ ирландскихъ аристократовъ, въ родѣ потомковъ королей Макъ Морро; нужно было много ловкости, чтобы заставить ихъ не держать себя со своею дружиною и своими слугами на ровной ногѣ, не сидѣть съ ними за однимъ столомъ, не ѣсть изъ одного блюда и не пить изъ одной чаши. Однако въ концѣ концовъ попытки англійскихъ аристократовъ по отношенію къ ирландскимъ удались, ирландцы поняли всю суть цивилизаціи, и въ Ирландіи явились настоящіе аристократы въ англійскомъ смыслѣ, въ родѣ Оконора и Ольфельда; первый отдалъ двѣ трети Конота, котораго онъ былъ предводителемъ, Вильяму де-Бергъ, чтобы обезпечить за собою остальную треть въ видѣ наслѣдственной бароніи, а послѣдній уступилъ свои владѣнія англійскому королю съ тѣмъ, чтобы двѣ части получить въ пожизненное владѣніе, а остальную треть въ наслѣдственное. Этотъ родъ цивилизаціи возбуждалъ въ массахъ ирландскаго населенія глубокое негодованіе и ожесточеніе; ирландцы утверждали, что мѣстные аристократы не имѣли права распоряжаться землями, которыя принадлежали народу, а не имъ, что они были только избранные начальники и не имѣли права превращаться въ наслѣдственныхъ, но англійскіе мечи были сильнѣе — и идеи англійской аристократіи восторжествовали *).

Такое направленіе цивилизиціи, которое развивало въ высшихъ слояхъ англійскаго общества страсть уединяться и замыкаться въ недоступное величіе, привело только къ тому, что члены англійской аристократіи постоянно грызлись между собою; междоусобіямъ, грабежамъ, кровопролитію не было конца. Аристократія сдѣлала изъ Англіи такую разбойничью яму, въ которой самимъ аристократамъ было такъ же невыносимо жить, какъ и народу. Такъ было до конца XII вѣка. XIII и XIV вѣка были для Англіи временемъ объединенія и конституціонной практики. Въ теченіе всего XIII вѣка мы видимъ цѣлый рядъ замѣчательнѣйшихъ законодательныхъ памятниковъ, которыми ограждаются права всѣхъ слоевъ англійскаго общества; одинъ домъ Плантаженетовъ, начиная съ Генриха III, издалъ тридцать семь конституцій, подтверждавшихъ права народа **). XIV вѣкъ отличается возрастаніемъ вліянія городовъ въ предста

*) H. Iervis: Ireland under british rule, London, 1868 г. стр. 19, 36, 66 и т. д.

**) F. Schubert: Die Verfassungsurkuden und Grundgesetze der Staaten Europa Königsberg 1848 г. ч. I, стр. 30.

вительномъ собраніи, стремленіемъ въ рабочемъ населеніи къ свободѣ, къ обезпеченію за собою правъ на землю и къ ограниченію произвола въ поборахъ съ земледѣльцевъ. Въ англійскомъ правѣ создалась аксіома, что никто не можетъ имѣть безусловной собственности надъ землею, всякое право на нее можетъ быть только ограниченное; но всѣ эти зачатки великаго будущаго, при которомъ и земледѣліе и промышленность Англіи одинаково начинали процвѣтать, были погублены направленіемъ, которое приняла аристократія во имя своихъ воззрѣній на цивилизацію. Въ XV вѣкѣ господство аристократическихъ стремленій снова проявилось съ особенною силою; движеніе къ свободѣ и объединенію прекратилось; снова начались междоусобія и кровопролитія; въ половинѣ этого вѣка массы земледѣльцевъ лишились своихъ земель. Несмотря однакожъ на то, что аристократія такимъ образомъ уничтожила благосостояніе народа, она сама отъ этого выиграла такъ мало, что ея права на земли сдѣлались въ высшей степени шаткими и невѣрными. Ни одинъ крупный землевладѣлецъ, который владѣлъ сегодня богатыми имѣньями не могъ поручиться за то, что онъ будетъ владѣть ими и завтра. Въ концѣ XV столѣтія пятая часть англійской земли посредствомъ конфискацій перешла отъ крупныхъ землевладѣльцевъ въ руки короля, и кончилось тѣмъ, что въ Англіи почти совсѣмъ изчезла свобода, утвержденная прежними хартіями. Въ XVI вѣкѣ положеніе земель, которыя находились въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ Англіи, вполнѣ напоминаетъ тѣ же самыя явленія, какія повторялись вездѣ, гдѣ преобладало и преобладаетъ до сихъ поръ крупное землевладѣніе—въ Спартѣ, въ Римѣ, въ Испаніи, въ южной Италіи, въ бывшихъ испанскихъ колоніяхъ Америки и т. д. Огромныя пространства земли оставались невоздѣланными и были превращены въ пастбища, тысячи земледѣльцевъ лишились работы и сдѣлались нищими. На горькіе упреки, съ которыми обращались къ землевладѣльцамъ, они отвѣчали, что они имѣютъ право распоряжаться своею собственностью, какъ имъ угодно. Большія и малыя фермы уничтожались, вся земля превращалась въ пастбища для большихъ гуртовъ скота; съ семействами фермеровъ, которые тутъ жили, поступали самымъ безцеремоннымъ образомъ. Почти въ теченіи цѣлаго столѣтія Генрихъ VII, Генрихъ VIII и Эдуардъ VI боролись законодательными мѣрами противъ упадка земледѣлія, который порождался аристократическимъ хозяйствомъ, но ничего не могли сдѣлать, и массы

народа постоянно и все въ большихъ размѣрахъ доводились до нищеты. Когда-то говорили про Италію, что ее губятъ латифундіи; точно также въ одномъ сочиненіи, изданномъ въ 1581 году, авторъ восклицаетъ, что овцы сдѣлались источникомъ бѣдствій для Англіи и изгнали изъ страны земледѣліе *). Если Англія послѣ двухъ столѣтій живой общественной жизни, подавленная междоусобіями, залитая кровью, отъ истощенія и поддалась административному произволу, то она все-таки не могла скрывать то неудовольствіе, которое развивалось въ ней отъ жалкаго соціальнаго положенія и разстроеннаго земледѣлія, порожденнаго крупнымъ землевладѣніемъ. Просвѣщеніе развило потребности; неудовлетворенныя потребности увеличивали неудовольствіе народа, производили бродяжничество и т. д. Какъ скоро разшевеливаютъ умъ и чувства народа, онъ перестаетъ смотрѣть съ грубымъ равнодушіемъ на смерть своихъ дѣтей отъ нищеты и страданій. Народное возбужденіе привело въ Англіи къ подати для бѣдныхъ, къ тому, что короли стали неблагопріятно смотрѣть на роскошную столичную жизнь дворянства. Дворянство же, въ свою очередь, смотрѣло неблагопріятно на развитіе просвѣщенія и свободомыслія; точно такъ же какъ духовенство, оно видѣло прямую свою выгоду въ ихъ подавленіи. Въ Англіи оно встрѣчало препятствія къ осуществленію своего плана, которыя бѣсили его, и оно обзывало Тюдоровъ демагогами. Оно стремилось къ установленію наслѣдственности и къ устраненію способностей даже въ дѣлѣ науки. Всякаго рода свѣтскія и духовныя должности оно хотѣло замѣщать своими и на этомъ поприщѣ ему пришлось выдержать борьбу съ возникающей интеллигенціей изъ народа. Но если ей трудно было дѣйствовать въ Англіи, зато въ Ирландіи его мысль осуществлялась вполнѣ. Страну эту держали въ самомъ глубокомъ и грубомъ невѣжествѣ. Въ началѣ XIV вѣка въ Дублинѣ хотѣли учредить университетъ, но этому поставили препятствіе и мысль объ университетѣ была забыта; только черезъ полтораста лѣтъ вновь задумано было учредить университетъ въ Дрогедѣ „потому что въ Ирландіи не было ни одного общественнаго учрежденія, гдѣ можно было учиться“,—но и это не удалось; въ то же время ирландцевъ не принимали въ англійскіе университеты и они могли учиться только

*) The Land question in England (The Westminster review, № LXXVI, October 1870 г. стр. 235).

въ очень немногихъ монастыряхъ. Между тѣмъ было время, что ирландскія школы процвѣтали. Такой образъ дѣйствія возбудилъ противъ англійской аристократіи и ея учрежденій всеобщую ненависть. Переселенцы, которые уходили за море, отвергали эти учрежденія съ безусловнымъ отвращеніемъ; всѣ усиллія привить къ нимъ крупную собственность и аристократическіе порядки оказались безуспѣшными. Когда въ Англіи настала критическая минута народнаго возстанія, народъ кричалъ: „смерть гордымъ лордамъ". Относительно Ирландіи лорды также жестоко обсчитались. То невѣжество, которое должно было обратиться на пользу аристократіи, обратилось противъ нея. Въ то время, когда политика Генриха VIII сдѣлала изъ Англіи реформатскую страну и англійская аристократія мѣняла вѣру, подкупленная раздачею дворянству конфискованныхъ церковныхъ имуществъ, составлявшихъ одну пятую англійской земли,— Ирландія, благодаря своему невѣжеству, осталась католическою. Когда же наступило критическое время борьбы между народомъ съ одной стороны и королемъ и аристократіею съ другой, тогда Ирландія нетолько не стала на сторонѣ аристократіи, но въ ней водворилась полнѣйшая анархія; страна раздѣлилась на множество мелкихъ партій, которыя истребляли другъ друга и этимъ значительно способствовали торжеству революціи. Послѣ революціи аристократія, окруженная народной ненавистью, подвергалась величайшей опасности. Гаррингтонъ даже предлагалъ Кромвелю издать аграрный законъ и принудить крупныхъ землевладѣльцевъ къ раздѣлу своихъ земель *). Обираніе и раздѣлы земли были тогда въ большой модѣ: Генрихъ VIII обобралъ духовенство, Елизавета, Яковъ I, Вильгельмъ III, обирали ирландскихъ землевладѣльцевъ въ пользу англійскихъ, Кромвель—въ пользу людей своей партіи.

Всякая партія употребляла тогда конфискацію, какъ средство для одушевленія своихъ сподвижниковъ. Еслибы религіозная партія, на которую опирался Кромвель, была хотя на сколько-нибудь многочисленнѣе или благоразумнѣе, англійская аристократія никакъ не могла бы устоять послѣ революціи. Но трудно себѣ представить что-нибудь непрактичнѣе этой партіи; она тотчасъ же стала дѣйствовать самымъ непопулярнымъ образомъ и возбудила про-

*) Land Tenures and thers consequences (Westminster review, № LXXIII, January 1870 г. стр. 48).

тивъ себя всеобщую ненависть. Еслибы Кромвель могъ дѣйствовать подобно Генриху VIII, который раздѣлилъ земли католическаго духовенства между собою, дворянствомъ и земледѣльцами, если бы онъ не видѣлъ необходимости отдать все своей малочисленной и ненавистной народу партіи, какъ онъ вынужденъ былъ сдѣлать это въ Ирландіи, еслибы онъ могъ роздать земли среднему классу, который съ такой охотою бралъ фермы, и массѣ земледѣльцевъ, то англійская революція XVII вѣка имѣла бы тѣ же результаты, какъ французская въ XVIII; въ Англіи землевладѣніе приняло бы тѣ же формы, какія оно имѣетъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ. Если англійскую аристократію не постигла участь французской, то въ этомъ менѣе всего была виновата она сама; она удержалась потому, что у сподвижниковъ Кромвеля политическій и соціальный переворотъ былъ на второмъ планѣ, а на первомъ религіозный: ради религіи они оставляли въ сторонѣ всякія политическія соображенія и даже забывали разсчеты простого благоразумія. Кромвель однакожъ скоро увидѣлъ, въ какое положеніе поставлена была страна ошибками его партіи. Страна раздробилась на множество безсильныхъ партій, изъ которыхъ ни одна не была въ состояніи ни послужить опорою для правительства, ни представить рѣшительной опозиціи; оставалось прибѣгнуть къ механическому средству управленія съ помощью военной силы и чрезъ военныхъ начальниковъ. Однакожъ всѣ партіи сходились между собою въ одномъ: въ ненависти къ аристократіи. Аристократія была въ загонѣ, вліяніе ея уничтожалось, имущество конфисковалось. Передъ правительствомъ положеніе земледѣльцевъ изображалось въ такихъ же мрачныхъ краскахъ, въ какихъ въ болѣе близкое къ намъ время изображались бѣдствія ирландскихъ фермеровъ. Чрезмѣрная конкуренція дѣлала арендную плату совершенно невыносимою. Земледѣльцы, точно такъ же какъ въ Ирландіи, не рѣшались дѣлать никакихъ улучшеній, потому что всякое улучшеніе обогащало только землевладѣльца и вело къ безмѣрному увеличенію ренты. Бѣдствующіе, задавленные земледѣльцы погибали на землѣ, которая только ухудшалась, а не улучшалась. Аристократія была во власти правительства, но правительство слишкомъ хорошо чувствовало свою слабость, чтобы нанести ей рѣшительный ударъ и стать на ея мѣсто во главѣ страны. Кромвель слишкомъ хорошо зналъ, что блескъ, который его окружалъ, былъ блескъ мишурный.

Послѣ всѣхъ этихъ переворотовъ общественнаго мнѣнія значеніе крупныхъ землевладѣльцевъ для Англіи выяснилось съ достаточною ясностью, но всего знаменательнѣе то направленіе, которое приняла тогда дѣятельность англійской аристократіи. Когда мы читаемъ, какъ въ Испаніи или Португаліи духовенство держало народъ въ самомъ грубомъ невѣжествѣ, разжигая нелѣпѣйшій фанатизмъ, какъ оно заставляло и короля, и дворянство, и даже ученыхъ и поэтовъ дѣйствовать въ свою пользу, но прямо противъ ихъ интересовъ, мы сознаемъ, что это духовенство было крайне вреднымъ сословіемъ, но въ то же время мы понимаемъ, какими стимулами оно руководилось: каждый членъ высшаго духовенства, каждый инквизиторъ или епископъ понималъ, что чѣмъ болѣе онъ будетъ фанатизировать народъ, тѣмъ болѣе духовенство, а вмѣстѣ съ нимъ и онъ, будетъ получать богатствъ чрезъ добровольныя приношенія и завѣщанія и тѣмъ болѣе оно возвысится въ обществѣ. Но какими стимулами руководилась англійская аристократія? Какой интересъ имѣлъ каждый отдѣльный аристократъ въ томъ, чтобы передавать свои земли въ наслѣдство не вмѣстѣ своимъ дѣтямъ, а только одному изъ нихъ, чтобы стѣснять распоряженіе этимъ имѣніемъ и пр.? Этимъ онъ, безъ всякаго сомнѣнія, уменьшалъ счастье своей жизни и наполнялъ ее безъ всякой нужды многими горькими минутами. Что онъ выигрывалъ оттого, что въ своемъ семействѣ порождалъ холодность и раздоръ; что онъ выигрывалъ оттого, что мучилъ дочерей своихъ старымъ дѣвствомъ, что онъ стѣснялъ себя въ распоряженіи своимъ имуществомъ дотого, что не могъ даже увеличить его доходность? Онъ лично только проигрывалъ отъ такого порядка и стѣснялъ себя, страдалъ всю свою жизнь даже не для того, чтобы одинъ изъ его дѣтей или внуковъ возвысился на счетъ другихъ. Чаще всего случалось, что на счетъ его страданій возвышался въ обществѣ совершенно посторонній ему человѣкъ и возвышался во вредъ обществу. Въ XVIII вѣкѣ 250,000 англійскихъ аристократовъ всячески стѣсняли себя и свои семейства для того, чтобы полтораста человѣкъ, совершенно чуждыхъ имъ людей, могли сдѣлаться черезъ сто лѣтъ послѣ ихъ смерти владѣльцами половины земли въ Англіи, къ крайнему ущербу для всего общества. Еслибы каждый англійскій аристократъ въ концѣ XVII вѣка въ своемъ образѣ дѣйствія исключительно руководствовался личнымъ своимъ интересомъ, то это, срав-

нительно, было бы для Англіи большимъ счастьемъ: людей, которые раціонально дѣйствуютъ во имя своихъ интересовъ, еще можно кое-какъ согласить. Но въ томъ-то и бѣда для Англіи, что англійскіе аристократы дѣйствовали самоотверженно, стѣсняя себя, ради интересовъ аристократіи. Во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ ими руководилъ глубоко укоренившійся предразсудокъ, своего рода суевѣріе. Конечно, сословный фанатизмъ англійской аристократіи оказался менѣе вреднымъ, чѣмъ религіозный фанатизмъ испанцевъ, хотя испанское духовенство дѣйствовало раціонально, а англійская аристократія въ разрѣзъ съ логикой. Но меньшій вредъ въ Англіи произошелъ только оттого, что въ Испаніи всѣ дѣйствовали самоотверженно ради предполагаемой пользы католической религіи, а въ сущности для пользы одного высшаго духовенства; въ Англіи же самоотверженіе на пользу своего сословія показывала одна аристократія въ то время, когда весь народъ ей противодѣйствовалъ. Люди имѣютъ сильное инстинктивное стремленіе дѣйствовать не исключительно для себя, а сообща и на общую пользу, и именно поэтому чрезвычайно опасно, если такое стремленіе получитъ ложное направленіе, фанатически-религіозное или сословное. Въ подобныхъ случаяхъ гораздо лучше, чтобы каждый человѣкъ отдѣльно преслѣдовалъ свои личные интересы, даже съ самымъ узкимъ эгоизмомъ. Англія, и въ особенности Ирландія и Индія, представляютъ намъ образецъ вреда, который можетъ сдѣлать хорошо организованное сословіе, преслѣдующее свои общественныя цѣли, не согласныя съ интересами всего народа. Съ реставраціей при Карлѣ II въ средѣ самой аристократіи возникъ вопросъ, какое положеніе она должна принять въ обществѣ. Она рѣшила, что ей прежде всего не слѣдуетъ сливаться съ народомъ, напротивъ, нужно выдѣлиться изъ него и управлять страною въ своихъ исключительныхъ интересахъ. Задача эта была не легкая, она была удобоисполнима только при условіи большихъ жертвъ и большихъ стѣсненій, но аристократія съ какимъ-то слѣпымъ фанатизмомъ рѣшилась вынести всѣ сопряженныя съ этимъ страданія. Она показала болѣе твердости, мужества и самообладанія, болѣе дисциплины, чѣмъ какая бы то ни было другая аристократія Европы. Къ несчастью, всѣ эти энергическія жертвы принесены были только для того, чтобы вредить обществу и народу. Опасное время революціи показало англійской аристократіи, гдѣ находится сила ея враговъ, съ чѣмъ

она можетъ бороться и съ чѣмъ бороться ей невозможно, но что она можетъ употреблять какъ орудіе для своей поддержки. Масса рабочаго населенія, какъ сельскаго, такъ и городскаго, была неорганизована и безсильна, на зато же ея неудовольствіе и отчаяніе могло послужить весьма опаснымъ орудіемъ въ рукахъ той партіи, которая съумѣла бы имъ воспользоваться. Власть короля и духовенства была надломлена, на за то же истинной и дѣятельной силой оказалось среднее сословіе въ союзѣ съ мелкими землевладѣльцами. Парализировать массы такъ, чтобы никто не могъ на нихъ опереться для своего возвышенія, разбить союзъ средняго сословія съ мелкими землевладѣльцами и составить одну партію изъ землевладѣльческой интеллигенціи, короля и духовенства, которая дѣйствовала бы, руководимая аристократіею и давала бы ей возможность бороться съ среднимъ сословіемъ, — таково было направленіе, принятое аристократіею. Но для того, чтобы оставаться во главѣ сплоченныхъ ею въ одно цѣлое разнородныхъ элементовъ, аристократія нуждалась въ большомъ единодушіи и въ строгой дисциплинѣ. Для того, чтобы установить эту дисциплину, ей нужно было управлять своими дѣлами желѣзною рукою, такъ что даже ея собственные члены постоянно возмущались противъ тѣхъ мученій и нравственныхъ страданій, которымъ ихъ подвергали. Деспотическая черствость, съ которою поступали другъ съ другомъ англійскіе аристократы, стоила той черствости, съ какою держали другъ друга въ рукахъ члены самыхъ вліятельныхъ монашескихъ орденовъ. Уже при Карлѣ II аристократія утвердила на прочномъ основаніи всѣ тѣ внутреннія стѣсненія, которыя послужили краеугольнымъ камнемъ для ея возвышенія. Въ то же самое время точно такія же, если не большія, стѣсненія введены были въ Шотландіи. Дѣти англійскихъ аристократовъ до такой степени возмущались аристократическими семейными порядками, что аристократія славилась несчастной семейной жизнью. Отсутствіе любви и взаимная ненависть между родителями и дѣтьми были такъ обыкновенны, что семействомъ можно было управлять только посредствомъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, которыя сохранились въ англійскихъ аристократическихъ семействахъ до сихъ поръ, хотя они совершенно вывелись въ прочихъ частяхъ образованнаго общества. Замѣчательно, что старшіе привиллегированные дѣти часто доставляли своимъ родителямъ болѣе страданій и хлопотъ, чѣмъ младшіе. Оказывается, что если

человѣка искусственно выправляютъ, чтобы сдѣлать изъ него во что бы то ни стало законодателя, то это для него точно также невыносимо, какъ насильственное принужденіе сдѣлаться сапожникомъ или выправка фрунтовика. Рядомъ съ этимъ аристократія установила тотъ циклъ идей, который составилъ типическое англійское понятіе о свободѣ. Это хитросплетеніе, ловко измышленное для того, чтобы удерживать въ народѣ порывы къ развитію не посредствомъ какой-нибудь внѣшней, бросающейся въ глаза, а посредствомъ его собственной, внутренней силы, составляетъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ интригъ, которыя когда-либо изобрѣтались во всемірной исторической жизни. Жалкія поддѣлки какого-нибудь Наполеона III — верхъ неловкости въ сравненіи съ этой, глубоко продуманной и, такъ-сказать, насквозь прочувствованной системой, которую могло создать только сословіе, вполнѣ сознававшее свою слабость и съ крайнимъ фанатизмомъ, во чтобы то ни стало желавшее превратить ее въ силу. Въ какомъ глупомъ и жалкомъ положеніи была бы англійская аристократія, еслибы она, подобно континентальной или подобно Наполеонамъ, выступила врагомъ свободы: какъ скоро пришелъ бы тогда конецъ ея господству! Мы видимъ, напротивъ, что многихъ писателей до сихъ поръ поражаетъ большое количество либеральныхъ законовъ, которые изданы были во время реставраціи,—есть такіе писатели, которые говорятъ, что это было плодоноснѣйшее время для англійской свободы. Если сопоставить основную идею англійской свободы съ ходомъ англійскаго законодательства и съ образомъ дѣйствій аристократіи, нельзя не удивляться тому, какимъ она оказалась удобнымъ и ловкимъ орудіемъ въ рукахъ аристократіи для достиженія ею своихъ цѣлей. Основная мысль англійской свободы заключается въ устраненіи вмѣшательства общественныхъ властей; каждый человѣкъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствія въ своей сферѣ, долженъ быть полнымъ хозяиномъ своихъ дѣлъ и долженъ всего достигать безъ какой бы то ни было общественной помощи. Изъ этихъ убѣжденій вышли свобода рѣчи, свобода собраній, огражденіе личной безопасности, независимый судъ, свобода петицій и т. д. На всѣ эти права англичане и прогрессивные европейцы совершенно основательно смотрѣли, какъ на залоги здороваго общественнаго развитія, а европейскіе и континентальные аристократы—какъ на гибельное для нихъ своеволіе. Англійскіе аристократы

были гораздо проницательнѣе; они поняли, что такое понятіе о свободѣ, при отсутствіи другихъ идей, давало имъ въ руки могущественнѣйшее орудіе, и нетолько не способствовало противодѣйствію ихъ направленію, но даже парализировало его. Англійскіе аристократы создали для себя крайне стѣснительные законы о наслѣдствѣ и владѣніи имуществомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, при Карлѣ II отстранили отъ себя всякое правительственное вмѣшательство и разрушили феодальныя связи съ королемъ или, лучше сказать, уничтожили феодальныя обязанности. Порядокъ наслѣдованія — это такой порядокъ, гдѣ вмѣшательство законодательства совершенно необходимо; а такъ какъ законодательство должно быть, по-возможности, для всѣхъ однообразное, то было совершенно естественно, что и по отношенію къ поземельной собственности дѣйствовали законы, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени однородные. Эти законы были стѣснительны даже для аристократіи, но она съ ними примирялась во имя властолюбія; такого стимула не было у мелкихъ собственниковъ, и законы о маіоратномъ наслѣдствѣ были для нихъ совсѣмъ ужъ неудобны. Семейная жизнь людей малаго достатка естественно приводитъ ихъ къ желанію одинаково надѣлять всѣхъ своихъ дѣтей; имущество дробилось, а долги на мелкой поземельной собственности, вслѣдствіе стѣснительныхъ условій владѣнія, росли все болѣе и болѣе. Къ этому примѣшались ловкія административныя мѣры и нѣсколько насилія—и обладаніе мелкою поземельною собственностью для бѣдныхъ людей становилось невыносимо и начинало возбуждать недовольство въ земледѣльческомъ населеніи. Аристократія воспользовалась такимъ положеніемъ мелкихъ собственниковъ, созданнымъ ею же: она стала пріобрѣтать ихъ земли; чрезъ это опасный союзникъ средняго класса нетолько ослаблялся, но еще превращался въ орудіе, которымъ могла располагать по своей волѣ аристократія. Всякое крупное землевладѣніе порождаетъ слѣдующее явленіе: какъ скоро землевладѣлецъ эксплуатируетъ свои права, раздавая свои земли мелкимъ арендаторамъ, то конкуренція между землевладѣльцами возвыситъ аренду до самыхъ неестественныхъ размѣровъ. Высокая аренда заставляетъ землевладѣльцевъ брать все болѣе мелкіе участки. Чрезъ это земледѣльческое населеніе впадаетъ въ крайнюю бѣдность, поземельные участки мельчаютъ неестественно, а въ то же время огромныя пространства земли лежатъ впустѣ. При бѣдности

сельскаго населенія не можетъ процвѣтать и городское населеніе; промышленность, его питающая, не можетъ развиваться потому, что массы населенія не имѣютъ средствъ для покупки фабрикатовъ и довольствуются домашнимъ производствомъ. Аристократія тоже не можетъ поддерживать вообще промышленность, потому что гоняется только за рѣдкимъ и дорогимъ производствомъ и можетъ развѣ дать неестественное развитіе заграничной торговлѣ. Пустыри, которыми наполняется страна, могутъ служить только какъ пособіе для разведенія скота, и въ этомъ дѣлѣ капиталистъ всегда можетъ успѣшно конкурировать съ земледѣльцемъ, и постоянно беретъ верхъ надъ нимъ. Разведеніе скота требуетъ большаго капитала и малаго числа рабочихъ, а тамъ, гдѣ нуженъ большой капиталъ и мало рабочихъ рукъ, тамъ крупный производитель всегда имѣетъ перевѣсъ надъ мелкимъ,—даже въ нашихъ степяхъ крупные скотопромышленники забиваютъ мелкихъ. Вотъ почему всѣ страны крупнаго землевладѣнія характеризуются малыми размѣрами земледѣльческаго производства, бѣднѣйшимъ земледѣльческимъ населеніемъ и до уродливости неестественнымъ развитіемъ скотоводства. Именно этимъ явленіемъ характеризуется бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства въ южной Италіи, Испаніи, Португаліи и т. д. Затѣмъ, крупный арендаторъ не можетъ конкурировать съ мелкимъ, въ особенности по производству предметовъ потребленія массы народа. Публику обыкновенно увѣряютъ, что капиталистъ кладетъ въ землю капиталъ, чрезъ что увеличиваетъ производство, и, взявъ поэтому верхъ надъ мелкимъ производителемъ, способствуетъ развитію земледѣлія. Публика убѣждается такимъ доводомъ и окончательно перестаетъ понимать дѣло. Крупный арендаторъ дѣйствительно употребляетъ на свое сельско-хозяйственное производство капиталъ, но дѣло-то въ томъ, что громадное большинство этого капитала употребляется на такіе предметы, гдѣ мелкій арендаторъ обходится или вовсе безъ капитала или употребляетъ его въ несравненно меньшихъ размѣрахъ. Капиталъ этотъ употребляется прежде всего на наемъ рабочихъ; мелкій арендаторъ работаетъ самъ, слѣдовательно, ему не нужно получать процента съ наемнаго капитала, а затѣмъ онъ работаетъ усерднѣе и лучше, такъ какъ онъ работаетъ собственно для себя. Кромѣ того, капиталъ употребляется на различныя постройки и хозяйственныя принадлежности; мелкій арендаторъ производитъ все это въ значитель-

ныхъ размѣрахъ собственнымъ трудомъ и отчасти даже матеріалъ добываетъ себѣ кое-какъ самъ, крупный же арендаторъ долженъ работниковъ нанимать, а матерьялъ весь покупать. Если гдѣ-нибудь капиталистъ могъ бы играть роль сельскаго хозяина, совершенствующаго сельское хозяйство, такъ это въ настоящее время въ Англіи; однакожъ, мы видимъ, что и тамъ собственно улучшенія въ почвѣ дѣлаются самими землевладѣльцами, а капиталистъ арендаторъ употребляетъ капиталъ на наемъ рабочихъ, на обзаведеніе и т. д., т. е. на всѣ тѣ предметы, гдѣ мелкій арендаторъ имѣетъ надъ нимъ естественное преимущество. Крупные арендаторы могутъ еще брать верхъ надъ мелкими нововведеніями и усовершенствованіями. Дѣйствительно, говоря о своемъ превосходствѣ, они обыкновенно сильно напираютъ на этотъ пунктъ. На дѣлѣ однакожъ оказывается, что нововведенія могутъ давать преимущество только отдѣльнымъ и весьма немногимъ личностямъ, опередившимъ другихъ въ примѣненіи нововведеній; но какъ скоро они входятъ въ общее употребленіе, мелкіе производители опять-таки берутъ верхъ надъ крупными. Все это приводитъ къ тому выводу, что страна, гдѣ хозяйничаетъ крупный землевладѣлецъ или крупный арендаторъ съ наемными работниками, отличается весьма характеристическими чертами отъ страны, гдѣ преобладаетъ мелкій арендаторъ и въ особенности мелкій собственникъ. Въ первой странѣ—значительная часть земли подъ лугами и пастбищами для прокорма скота; земледѣльческіе продукты по цѣнѣ могутъ быть и выше, чѣмъ въ странѣ съ мелкой собственностію, но пищи для человѣка производится въ ней гораздо меньше, и такимъ образомъ страна съ мелкой собственностью можетъ содержать болѣе густое населеніе. Страна крупной аренды и собственности кормитъ одного быка тамъ, гдѣ можно было бы кормить, кромѣ быка, еще и человѣка. Черезъ это самое и распредѣленіе богатствъ въ странѣ крупной собственности совершенно иное, чѣмъ въ странѣ съ мелкой собственностью. Мелкіе собственники сами вмѣстѣ съ тѣмъ и ремесленники или содержатъ ремесленниковъ и мелкихъ производителей на мѣстѣ, тутъ же они мѣняются своими произведеніями и живутъ, приблизительно, одинаково; при крупной арендѣ, промышленное производство сосредоточивается въ городахъ, гдѣ живетъ населеніе, обезпеченное не соразмѣрно высокимъ содержаніемъ, для котораго и предназначается мясо быковъ, вскормленныхъ на поляхъ, обращенныхъ въ пастбище,

вмѣсто пашни. Все это мы видимъ, напр., при сличеніи Бельгіи съ Англіей. Въ Бельгіи болѣе густое населеніе (9,281 человѣкъ на кв. милю, а въ Англіи 5,172 ч.). Въ то же время въ Бельгіи въ городахъ живетъ 1,181,371 чел., а въ селеніяхъ—3,348,090 ч., а въ Англіи городское населеніе составляетъ 10,556,288 чел., а сельское — 10,403,189 чел. Животная пища въ Англіи болѣе въ ходу, чѣмъ въ Бельгіи. Земли, розданныя въ аренду по мелкимъ участкамъ, приносятъ болѣе дохода и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ промышленность достигла высокой степени развитія, и тамъ, гдѣ она въ болѣе или менѣе жалкомъ положеніи. По замѣчанію знатоковъ, во Фландріи фермы постоянно подраздѣляются, потому что они чрезъ это дѣлаются доходнѣе; они дѣлаются доходнѣе и потому, что мелкія фермы производительнѣе; въ Ирландіи они дотого производительнѣе, что крупные арендаторы сами разбивали свои арендныя земли на мелкіе участки и раздавали ихъ мелкимъ фермерамъ. Даже въ самой Англіи оправдался этотъ выводъ; мелкія фермы западной Англіи доходнѣе крупныхъ въ восточной. Фактъ этотъ дотого несомнѣненъ, что даже противники не оспаривали его. Грегъ, напримѣръ, опровергая Лена (Laing), соглашается, что шотландская земля въ 1,600 акровъ, раздѣленная на фермы въ двѣсти акровъ, производитъ вдвое и втрое менѣе, чѣмъ фландрская; въ Шотландіи на ней будетъ жить 88 человѣкъ, а во Фландріи 1,500. Отсюда онъ выводитъ, однакожъ, что фламандцы будутъ получать меньшее вознагражденіе за трудъ *). Но это заключеніе не имѣетъ основанія; въ Бельгіи земледѣлецъ не живетъ исключительно отъ своей земли, слѣдовательно она не составляетъ всего его дохода, а на крупной фермѣ работникъ значительную часть своего заработка уступаетъ капиталисту; остается только несомнѣнный фактъ, что въ Шотландіи 1,600 акровъ содержатъ для обогащенія десяти фермеровъ 88, а во Фландріи 1,500 человѣкъ. Еслибы земля въ Англіи принадлежала какимъ-нибудь кулакамъ или промышленникамъ, которые преслѣдовали бы въ жизни одну цѣль, нажить какъ можно болѣе денегъ, то они конечно раздѣлили бы ее на мелкія фермы, они, можетъ быть, сильно притѣсняли бы мелкихъ фермеровъ, но все-таки сохранили

*) W. Greg. Essays on political and social science. London, 1853, vol. 1, Laing on peasant proprietorship. Стр. 124.

бы для страны возможность перейти къ мелкому землевладѣнію. Но къ несчастію для Англіи, ея земля не принадлежала людямъ, которые дѣйствовали исключительно изъ эгоистическихъ интересовъ, люди эти еще того менѣе дѣйствовали во имя общаго блага: они были фанатически преданы одному интересу—интересу своего сословія.

Мелкое фермерство дѣлаетъ земли болѣе доходными, но въ странѣ, гдѣ нѣтъ свободнаго развитія, крупные землевладѣльцы непремѣнно воспользуются чрезмѣрной конкуренціей и раззорятъ фермеровъ въ конецъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ обѣднѣетъ и вся страна. Этого не случится, если арендныя условія установлены обычаемъ однажды навсегда; но тогда земли не будутъ уже доходными для землевладѣльцевъ. Въ странѣ, гдѣ господствуютъ идеи свободы, преобладаніе мелкаго фермерства на основаніи произвольныхъ, а не обычныхъ условій держитъ сельское населеніе въ постоянномъ волненіи. Фермеръ не наемный работникъ, онъ собственникъ произведеній, отъ него зависитъ вносить или не вносить арендную плату. Какъ скоро условія аренды дѣлаются слишкомъ отяготительными, въ свободной странѣ фермеры перестаютъ платить, мстятъ, если ихъ къ тому принуждаютъ, если отбираютъ у нихъ земли и т. д. Неудовольствія и политическая опасность, съ которою сопряжено учрежденіе мелкаго фермерства, цѣнились англійскою аристократіею гораздо выше, чѣмъ увеличеніе доходовъ, къ которому оно могло привести. Поэтому англійскіе землевладѣльцы постоянно сочувствовали крупному фермерству и стремились распространить его на своихъ земляхъ; они даже на свой счетъ устраивали фермы и были очень рады, если могли имѣть дѣло съ крупными фермерами вмѣсто ненавистныхъ сельскому населенію управляющихъ. Крупные фермеры, съ которыми землевладѣльцы входили въ такія условія, что они во всякое время могли ихъ прогнать, сверхъ всего увеличивали политическое вліяніе аристократіи. Современемъ англійская аристократія такъ фанатически привязалась къ крупному фермерству, что бывали случаи, когда землевладѣльцы отдавали крупнымъ фермерамъ десятину земли въ аренду за 23 рубля, между тѣмъ какъ рядомъ мелкіе арендаторы давали за такую же землю подъ садъ 300 рублей *).

---

*) The Land question in England (Westminster Review, № LXXVI, October, 1870, стр. 259). Вѣроятно это зависѣло отъ стѣсненій, которыми связываетъ себя аристократія.

IV.

Кромѣ того, что такой образъ дѣйствій доставилъ англійской аристократіи сильную партію, онъ нетолько устранилъ ее отъ центра борьбы за существованіе, но доставилъ ей и въ этомъ случаѣ завидную роль. Борьбу за существованіе велъ теперь не мелкій фермеръ съ землевладѣльцемъ, а сельскій работникъ съ фермеромъ. Съ политической точки зрѣнія положеніе фермера было гораздо удобнѣе положенія землевладѣльца; онъ давалъ работнику деньги, а не работникъ ему, работникъ не имѣлъ прежняго случая сопротивляться платежамъ, вызывать вмѣшательство общественной власти и этимъ каждую минуту раскрывать передъ обществомъ свои раны. Вмѣстѣ съ тѣмъ фермеръ являлся тутъ въ роли спекулятора и кулака, а землевладѣлецъ—въ качествѣ мирового судьи, лечилъ раны, наносимыя народу кулачествомъ, назначалъ подать для бѣдныхъ и распредѣлялъ ее между нуждающимся населеніемъ. Подать для бѣдныхъ сдѣлалась средствомъ парализировать неудовольствіе въ народныхъ массахъ и мѣшать среднему сословію вырвать господство изъ рукъ аристократіи, которымъ она пользовалась съ большою ловкостью и энергіею. Чѣмъ больше населеніе было скучено, тѣмъ сильнѣе долженъ былъ дѣйствовать парализаторъ, такъ что напримѣръ Лондонъ славился баснословнымъ богатствомъ своей кассы для бѣдныхъ. Аристократы сдѣлали даже изъ этого средство дальнѣйшаго подкупа своихъ фермеровъ. Сельскихъ работниковъ они заставляли жить въ ближайшихъ городахъ, такъ что эти города оплачивали подать для бѣдныхъ, которую слѣдовало бы оплачивать фермерамъ, а между тѣмъ это давало даже фермерамъ возможность уменьшать нѣкоторымъ рабочимъ заработную плату въ тѣхъ размѣрахъ, въ которыхъ они получали помощь изъ кассы бѣдныхъ.

Все это было, конечно, очень хитро; однакоже, несмотря на всѣ хитросплетенія, крупное землевладѣніе довело бы Англію до той же бѣдности и до того же грубаго невѣжества, до котораго оно довело южную и среднюю Италію, Испанію и Португалію, еслибы не существовало препятствія, представлявшаго аристократіи могущественный противовѣсъ, уничтожить которое она была не въ силахъ,—это была эмансипація городскаго населенія. Нельзя ска-

зать, чтобы Англія вообще была страной вѣротерпимости, но она была ею для тѣхъ вѣроисповѣданій, которыя всего болѣе подвергались преслѣдованіямъ на материкѣ Европы. Благодаря вѣротерпимости, въ Англію въ XVII вѣкѣ переселились массы довольно развитаго и предпріимчиваго населенія, бѣжавшаго отъ религіозныхъ преслѣдованій изъ континентальной Европы; религіозно-политическая борьба пріучила это населеніе къ свободѣ, и оно съ особенной горячностью стояло за свободу сходокъ и свободу рѣчи. Усилія англійской аристократіи уничтожить это злое сѣмя разбились въ прахъ, въ особенности послѣ того, какъ въ XVIII вѣкѣ ея попытка нанести злому духу рѣшительный ударъ, кончилась жалкимъ фіаско и отдѣленіемъ Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Благопріятное для торговли положеніе Англіи довершило пораженіе аристократіи. Англійская торговля и англійскія владѣнія распространились по всѣмъ частямъ свѣта; Англія сдѣлалась страною самаго совершеннаго промышленнаго производства. Огромный запросъ на работу, легкость, съ которою можно было переселяться и богатѣть за моремъ, сильно возвышали заработную плату, и Англія, сдѣлавшись мастерской для всей Европы, благодаря превосходству своихъ издѣлій, брала дань со всего свѣта. При такомъ положеніи искусственное и дорогое сельское-хозяйственное производство сдѣлалось совершенно незамѣтнымъ и фермеры имѣли выгодныхъ покупателей для своего дорогаго мяса и еще болѣе дорогаго хлѣба. Всякая другая страна, которая не имѣла бы промышленнаго превосходства надъ своими сосѣдями, при такомъ состояніи землевладѣнія и сельскаго хозяйства непремѣнно впала бы въ крайнюю бѣдность, но въ Англіи ея промышленное богатство маскировало существующую бѣдность. Правда, въ это время вредное и гибельное вліяніе крупнаго, въ особенности феодальнаго землевладѣнія во всей Европѣ обратило уже на себя вниманіе и обнаружилось во всей своей наготѣ; но того, что возбуждало противъ себя особенное неудовольствіе, т. е. рабства, феодальной зависимости, безчисленныхъ мелкихъ и стѣснительныхъ поборовъ, ненавистныхъ привиллегій—или вовсе не было въ Англіи, или же если они и существовали, то были гораздо менѣе тягостны; зато въ ней кидались въ глаза цвѣтущая промышленность, свободное населеніе и подать для бѣдныхъ, которая принимала безпрестанно большіе размѣры. Такъ какъ аристократія была господствующимъ сословіемъ, то всѣ эти

благополучія приписывались ей точно также, какъ въ древности изобрѣтеніе земледѣлія и разныхъ полезныхъ искусствъ приписывалось богамъ и царямъ, хотя ни тѣ, ни другіе ничего не изобрѣтали. Однакожъ, сами аристократы должны были живо чувствовать, до какой степени ихъ образъ дѣйствія былъ вреденъ для страны. Несмотря на рѣдко встрѣчающееся соединеніе благопріятныхъ условій, производительность англійскихъ земель не увеличивалась, несмотря даже на постоянное возрастаніе цѣны продуктовъ земледѣлія; во второй половинѣ XVIII вѣка, при уничтоженіи мелкаго землевладѣнія и водвореніи крупнаго фермерства, производительность земель стала даже уменьшаться. Хотя съ возвышеніемъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства рента возрастала, но недостаточная производительность все-таки приводила къ тому, что промышленное населеніе и капиталисты богатѣли несравненно быстрѣе, чѣмъ земледѣльцы фермеры и землевладѣльцы. Быстрое возрастаніе богатства капиталистовъ заставляло аристократію опасаться утраты своего вліянія. Чтобы удерживаться на прежней высотѣ, она должна была постоянно и быстро уменьшаться въ числѣ и сосредоточивать земли въ меньшемъ числѣ рукъ; въ 1793 году отъ землевладѣльцевъ зависѣло такое громадное число голосовъ, что они избирали 157 человѣкъ въ палату общинъ, куда большинство голосовъ попадало по рекомендаціи 154 могущественныхъ аристократовъ *). Такое поразительное самоуничтоженіе было все-таки недостаточно, и аристократія должна была рѣшаться на такія дѣйствія, которыя нетолько прямо противорѣчили всѣмъ ея ученіямъ о неприкосновенности правъ народа, но которыя могли выставить ея членовъ въ глазахъ страны какими-то грабителями. Англія обладала значительными пространствами общинныхъ земель. Начиная съ XVII и въ особенности съ половины XVIII столѣтія, крупные землевладѣльцы присвоивали себѣ эти земли, сначала незаконными, а потомъ и законными путями. Съ 1710 по 1801 годъ они присоединили такимъ образомъ къ своимъ владѣніямъ болѣе трехъ милліоновъ акровъ, т. е. десятую часть англійской земли. Но и этого оказалось недостаточнымъ; крупные арендаторы могли производить только по непомѣрно дорогимъ цѣнамъ; иностранное соперничество, несмотря на издержки провоза и несовершенное земледѣліе, сбивало

*) Land tenures and their consequences (Westminster review, № LXXIII, Ianuary, 1870, стр. 52).

цѣны до того, что фермеры оставляли поля необработанными и обращали ихъ въ луга. Въ 1791 г. пришлось прибѣгнуть къ огражденію фермеровъ посредствомъ ввознаго тарифа. Чтобы парализировать неудовольствіе народныхъ массъ отъ такого неестественнаго возвышенія цѣнъ на предметы первой необходимости, аристократія должна была быстро увеличивать подать для бѣдныхъ, такъ что эта подать въ теченіе 35-ти л. съ 1750 по 1785 г. утроилась, съ 4-хъ мил. возрасла до 12-ти мил. р. с.

Таково было значеніе крупнаго землевладѣнія въ Англіи, тамъ, гдѣ землевладѣльцы встрѣчались съ могущественной силой, разрушавшей ихъ вліяніе. Въ Ирландіи не было такой противодѣйствующей силы; крупное землевладѣніе вступило тутъ во всѣ свои права и вполнѣ убѣдительно доказало, что въ рукахъ англичанъ оно точно такъ же уничтожаетъ благосостояніе и спокойствіе въ странѣ, какъ въ рукахъ итальянцевъ, испанцевъ и португальцевъ, что по своему вліянію на цивилизацію оно можетъ быть сопоставлено съ католическимъ монашествомъ и духовенствомъ Рима, Испаніи и Португаліи. Въ теченіе XVII вѣка ирландская земля служила наградою и приманкою для всякой изъ боровшихся въ Англіи партій; страна была брошена въ такую бездну анархіи, что въ теченіи полстолѣтія населеніе уменьшилось почти вдвое: во второй четверти XVII вѣка тамъ считалось 2,200,000 человѣкъ, а въ 1672 году 1,320,000 человѣкъ. Затѣмъ наступило время тираніи Вильгельма III, который разомъ конфисковалъ 1,060,792 акра земли. Англійскіе крупные землевладѣльцы, раздѣлившіе между собою земли Ирландіи, точно такъ же, какъ испанское и португальское духовенство, стали находить, что просвѣщеніе и развитіе промышленности для Ирландіи весьма опасно. Средствъ для образованія ирландцамъ никакихъ не давали, а въ 1694 году имъ воспрещено было воспитывать своихъ дѣтей внѣ страны. Въ теченіе всего XVIII столѣтія издавался одинъ законъ за другимъ для уничтоженія ирландской промышленной производительности. Въ 1690 году подано было прошеніе въ англійскій парламентъ объ уничтоженіи ирландской торговли шерстяными произведеніями на томъ основаніи, что эта отрасль производительности находится въ рукахъ католиковъ. Но лишь только шерстяная промышленность была убита, ирландцы занялись льнянымъ производствомъ, но и это производство было уничтожено воспрещеніями вывоза. Такимъ образомъ ирландское производство и ирландская торговля убивались шагъ за ша-

гомъ и города въ Ирландіи дошли до крайняго упадка. Въ 1776 году было издано постановленіе, что никакой товаръ не можетъ быть вывезенъ изъ Ирландіи иначе, какъ на англійскихъ корабляхъ и притомъ только въ Англію. Даже на британскіе острова можно было вывозить товаръ только подъ конвоемъ. Наконецъ въ 1778 году всякій вывозъ былъ вовсе воспрещенъ. Англійскіе лорды превзошли даже испанцевъ. Ирландцамъ осталось одно земледѣліе, но земля была во власти англійскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ, которые постоянно мечтали о томъ, какъ-бы ввести въ Ирландіи, по образцу Англіи, крупное фермерство и потому оставляли за собою полный произволъ выгонять мелкихъ фермеровъ, когда имъ будетъ угодно. Задавленный непомѣрной рентой, которая взыскивалась самымъ безжалостнымъ образомъ и возрастала съ году на годъ, ирландскій фермѣръ не имѣлъ возможности, подобно англійскому, спасаться въ городъ и дѣлаться тамъ фабричнымъ работникомъ или ремесленникомъ. Ирландскіе землевладѣльцы, не имѣя возможности устраивать крупныхъ фермъ, передавали свои земли въ распоряженіе откупщикамъ ренты, которые выжимали изъ земледѣльцевъ, сколько могли. Возрастаніе ренты на различныхъ земляхъ было не одинаково и это различіе зависѣло отъ степени жестокосердія землевладѣльца и его склонности притѣснять. Такъ напр. фарнейская территорія въ 1692 году была раздѣлена на два участка равной цѣнности, изъ которыхъ каждый приносилъ 1,313 ф. ренты, въ 1769 году рента эта на одномъ участкѣ возвышена была до 3,000 фунтовъ. Это было уже весьма значительное возвышеніе; но на другомъ участкѣ она была увеличена до 5,000 фунтовъ, т. е. почти вчетверо *). Мудрено ли, если такія притѣсненія выводили населеніе изъ терпѣнія. Послѣ возстанія 1745 года Ирландія наводнилась какъ въ городахъ, такъ и въ селеніяхъ, разнаго рода тайными обществами, между которыми самое знаменитое было общество „white boys.“ Замѣчательно, что въ этихъ обществахъ принимали участіе нетолько земледѣльцы-католики,. но и городское рабочее населеніе изъ протестантовъ—всѣ одинаково чувствовали надъ собою руку притѣсненія. Они дѣйствовали тайными убійствами и другими насиліями. Прекращеніе этой анархіи оказывалось рѣшительно невозможнымъ; доходило дотого, что предписано было даже

*) S. Trench. Realities of Irish olife. London, 1869, стр. 69.

вѣшать безъ суда. Но какъ въ Испаніи и въ тѣхъ государствахъ Востока, гдѣ населеніе доведено притѣсненіями до отчаянія, подобныя мѣры не уменьшали, но увеличивали анархію. Въ 1759 г. французы едва не сдѣлали высадку въ Ирландіи. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, все населеніе вооружилось. Вооруженныя банды были такъ многочисленны и составили такую значительную силу, что правительство не рѣшалось ихъ обезоружить. Когда начались движенія въ американскихъ колоніяхъ, ирландцы, пользуясь пріобрѣтенной силой, стали подражать ихъ образу дѣйствія. Волонтеры собирались въ такомъ числѣ, что правительство рѣшительно не знало, что дѣлать; волненіе грозило превратиться въ мятежъ, съ которымъ правительству при тогдашнихъ обстоятельствахъ было бы очень трудно сладить. Хотя теперь землевладѣльцы очутились въ рукахъ крестьянъ, а не крестьяне въ рукахъ землевладѣльцевъ, но англійская аристократія была такъ упряма, что не хотѣла соглашаться ни на какія улучшенія. Англичане слишкомъ ясно видѣли, что упрямство аристократіи можетъ повести къ гибельнымъ результатамъ и приступили къ реформамъ. Сначала въ 1778 году издано было предписаніе, дозволявшее католикамъ пріобрѣтать поземельную собственность, затѣмъ учрежденъ былъ комитетъ для изслѣдованія причинъ бѣдности въ странѣ. Но эти мѣры возбуждали такое сильное негодованіе въ аристократіи, что правительство стало изыскивать другой путь для усмиренія страны. Путь этотъ скоро былъ найденъ. Возбуждено было сильное движеніе въ пользу свободной торговли. Сорокъ тысячъ вооруженныхъ волонтеровъ стояли на сторонѣ этого движенія. Несмотря на сопротивленіе и интриги, въ 1780 году былъ утвержденъ законъ о свободной торговлѣ между Ирландіею и британскими колоніями. Это однакожъ нетолько не успокоило, но еще болѣе усилило движеніе. Волонтеры составили цѣлую армію съ генералами, пушками и т. д.; ихъ предводителями были лорды и графы. Они требовали, чтобы Ирландія была признана отдѣльнымъ королевствомъ, съ отдѣльнымъ парламентомъ; 16 апрѣля 1782 года правительству былъ поданъ адресъ въ этомъ смыслѣ и правительство сдѣлало уступку. Движеніе развивалось и шло далѣе и наконецъ въ 1792 и 1793 г. правительство вынуждено было сдѣлать новыя уступки даже самой католической религіи. Этими уступками воспользовались, хотя съ грѣхомъ пополамъ, высшій классъ ирландскаго общества и горо-

жане, а сельское населеніе осталось въ сторонѣ, хотя именно ему были обязаны высшіе классы, что пріобрѣли нѣкоторыя выгоды, впрочемъ неимѣющія достаточной прочности. Между тѣмъ вспыхнула французская революція. Поощряемые политическими обществами, которыя въ это время образовались въ большомъ числѣ въ Англіи, Шотландіи и Ирландіи и проповѣдывали революцію и республику, ирландскіе крестьяне составили множество тайныхъ союзовъ, нападали по ночамъ на жилища, захватывали оружіе и убивали землевладѣльцевъ и должностныхъ лицъ. Въ свою очередь землевладѣльцы въ 1796 году составили знаменитое общество оранжменовъ, прославившееся поджогами и разными безчинствами. Въ графствѣ Армагъ ихъ кровавые подвиги разогнали половину жителей. Для успокоенія края изданъ былъ законъ, воспрещавшій носить оружіе. Но когда этотъ законъ сталъ энергически приводиться въ исполненіе, онъ произвелъ въ странѣ такое ожесточеніе, что крестьянскія и національныя тайныя общества пріобрѣли огромное число членовъ и такъ усилились, что вошли въ сношенія съ французскимъ правительствомъ и просили у него помощи. Съ ихъ стороны это была однакожъ большая ошибка; католическое духовенство, боявшееся идей французской революціи, отвернулось отъ нихъ, стало интриговать противъ нихъ и помогло обществу оранжменовъ въ свою очередь усилиться. Анархія возрастала со дня на день и чѣмъ энергичнѣе были мѣры, которыя принимались правительствомъ, тѣмъ сильнѣе возрастало волненіе и наконецъ въ 1798 году вспыхнуло возстаніе. Оно было подавлено, но при этомъ погибло болѣе 70,000 человѣкъ и вся страна была раззорена. На этотъ разъ исходъ народнаго движенія былъ весьма печальный и ирландскіе земледѣльцы не получили ничего, что могло бы прочно обезпечить ихъ благосостояніе; однакожъ, они настолько уже усилились, что съ половины XVIII вѣка, когда снова началось народное движеніе, благосостояніе крестьянъ стало быстро увеличиваться. Ихъ пища и ихъ образъ жизни улучшались, число населенія стало возрастать. Въ 1712 году въ Ирландіи насчитывалось 2,000,000 жителей; до 1767 года оно увеличивалось очень медленно, въ этомъ году насчитывали только 2,554,276 человѣкъ; но съ тѣхъ поръ оно стало быстро размножаться и въ 1791 г. было уже 4,206,612 жит. *).

*) Fr. Handbuch der vergleichenden Statistik. Leipzig, 1868, стр. 207.

Все это показываетъ довольно ясно, что въ жизни ирландскаго народа въ теченіи XVIII вѣка роль англійской аристократіи была весьма не завидная. Въ первой половинѣ XVIII вѣка она убила въ Ирландіи просвѣщеніе, промышленность и наконецъ даже развитіе сельскаго хозяйства; когда затѣмъ борьба партій въ Англіи возбудила въ Ирландіи сильное политическое движеніе, тогда она обратила страну въ разбойничью яму. Встрѣчая въ первое время въ Ирландіи такое же слабое препятствіе, какое испанскіе гранды и духовенство встрѣчали въ XVIII вѣкѣ въ Испаніи, англійскіе аристократы кинули страну въ бездну невѣжества, лѣни и бѣдности; когда же они встрѣтили препятствіе въ народныхъ движеніяхъ, они въ-конецъ деморализировали и страну, и самихъ себя. Они очень хорошо понимали, что англійская партія движенія видитъ въ ирландскомъ невѣжествѣ для себя политическую опасность, что она будетъ поддерживать въ Ирландіи волненіе и что они своими средствами не будутъ въ состояніи его прекратить. Если бы англійскіе аристократы обладали хоть небольшой долей гражданской доблести, если бъ они питали хоть небольшую любовь къ интересамъ человѣчества, они непремѣнно постарались бы стать къ земледѣльцамъ въ отношеніе чистое, гдѣ интересы ихъ были бы разграничены и не встрѣчались враждебно; такой исходъ для нихъ конечно былъ бы во сто разъ лучше той взаимной деморализаціи, до которой они довели и страну и себя своимъ упрямствомъ. Рѣшиться на такой исходъ для нихъ было не трудно, потому что они мало заботились о величинѣ своихъ доходовъ и, къ крайнему ущербу и для себя и для земледѣльцевъ, позволяли безжалостно эксплуатировать себя откупщикамъ и заимодавцамъ. Своимъ упрямствомъ они дѣйствительно помѣшали всякому прочному улучшенію въ бытѣ; но необходимость въ улучшеніи все-таки осталась и неизбѣжность его была несомнѣнна; англійскіе крупные землевладѣльцы въ Ирландіи добились только того, что сдѣлали свое положеніе еще болѣе непріятнымъ и опаснымъ, потому что деморализировали народъ и развили въ немъ горькую ненависть къ себѣ. Не разсчетливо они дозволяли вырывать у себя путемъ терроризма то, что имъ гораздо выгоднѣе было бы давать добровольно.

V.

Таковы были дѣйствія англійской аристократіи въ Ирландіи; можетъ быть еще болѣе замѣчательна ея дѣятельность въ Индіи. Индія всегда была страною мелкаго землевладѣнія. Здѣсь вся земля, принадлежащая крестьянамъ, находилась въ общинномъ землевладѣніи. Община считалась настоящимъ владѣльцемъ и ни одинъ ея членъ не могъ продавать и закладывать землю безъ согласія всей общины. Въ иныхъ странахъ земля обрабатывалась сообща, въ другихъ производились передѣлы *). Этому общинному владѣнію индѣйцы придаютъ очень важное значеніе, и если кто-нибудь изъ членовъ выбываетъ изъ общины, имя его все-таки остается въ спискѣ общинниковъ въ теченіи ста лѣтъ. Кромѣ членовъ общины на земляхъ живутъ еще припущенники, которые пожизненно и наслѣдственно обрабатываютъ клочокъ земли, внося за него оброкъ. Рядомъ съ этимъ, точно также какъ и въ нашемъ общинномъ владѣніи, общинныя земли отдаются въ наемъ на короткіе сроки членамъ общины или постороннимъ лицамъ. При магометанскомъ владычествѣ всѣ эти земли были обложены оброками, а для сбора оброковъ назначены сборщики, земиндары, которые вмѣсто жалованья удерживали себѣ извѣстный процентъ изъ собраннаго оброка. Когда англичане утвердили свое господство въ Индіи, англійская аристократія стала находить, что невозможно управлять такой обширной страной, не опираясь на крупныхъ землевладѣльцевъ, а такъ какъ подобныхъ землевладѣльцевъ въ Индіи не было, то надобно было ихъ создать. За выполненіе этой задачи взялся лордъ Корнуэльсъ, герой реакціонерной партіи, прославившійся какъ бичъ свободы во время возстанія Соединенныхъ Штатовъ. Онъ придумалъ изъ земиндаровъ сдѣлать англійскихъ лордовъ. Но англичанамъ очень хорошо было извѣстно, какъ индѣйцы привязаны къ своимъ правамъ землевладѣнія, и что земиндары никакихъ правъ на землю не имѣютъ. Поэтому даже сэръ Джонъ Шаръ, предсѣдатель коммиссіи, назначенной для изслѣдованія индѣйскихъ поземельныхъ отношеній, не рѣшался передать земиндарамъ право соб-

---

*) The Land tenures of british India (The Westminster review № LXV, Ianuary 1868).

ственности на землю. Не смотря на все свое расположеніе увеличить ихъ права, онъ предложилъ дать имъ землю въ пользованіе только на десять лѣтъ. Но Корнуэльсъ настаивалъ на предоставленіи имъ права собственности. Англійская аристократія, разрѣшавшая это дѣло въ Лондонѣ, составила для себя изъ земиндаровъ самый поэтическій и плѣнительный образъ. Она увѣряла, что лишь только земиндары сдѣлаются собственниками, они будутъ разчищать лѣса, поднимутъ земледѣліе посредствомъ привлеченія къ нему капиталовъ, возвысятъ нравственный уровень своихъ арендаторовъ и т. д. Въ 1792 году состоялось распоряженіе, которое сдѣлало въ Бенгаліи изъ земиндаровъ крупныхъ землевладѣльцевъ. На основаніи такихъ-то мечтательныхъ соображеній, милліоны земледѣльцевъ, которые въ теченіи тысячелѣтій владѣли землею по общинному праву лишились своихъ правъ и отданы были въ безусловное распоряженіе жаднымъ земиндарамъ. Это сдѣлано было безъ малѣйшаго повода, со стороны владѣльцевъ земель, безъ всякой нужды и въ разрѣзъ съ постоянными разглагольствованіями самой же англійской аристократіи, безъ всякаго вознагражденія. Даже въ исторіи самыхъ варварскихъ странъ рѣдко встрѣчались примѣры подобной безцѣльной нелѣпости, а между тѣмъ англійская аристократія была въ такомъ восторгѣ отъ своего счастливаго изобрѣтенія, что она непремѣнно настаивала на его распространеніи по всей Индіи; и дѣйствительно оно было распространено на Багоръ и Ориссу. Вскорѣ земиндары оказались менѣе всего благодѣтелями своихъ арендаторовъ, и такими же эксплуататорами, какъ и англійскіе лорды. Индѣйскіе же земледѣльцы, наперекоръ ожиданіямъ англійской аристократіи, вовсе не желали быть облагодѣтельствованными земиндарами и очень не охотно разставались съ принадлежащими имъ землями. Они начали съ земиндарами нескончаемые процессы и вели ихъ съ такимъ упорствомъ, что земиндары, которые до вмѣшательства англичанъ пользовались значительнымъ благосостояніемъ, въ конецъ раззорились. Не смотря на это, англійская аристократія, признававшая, что ея распоряженіемъ воздвигнутъ „великій памятникъ человѣческой мудрости“, захотѣла къ довершенію неурядицы увеличить число крупныхъ землевладѣльцевъ, и, кромѣ земиндаровъ, призвала къ поземельной собственности еще классъ „яжирдаровъ“, т. е. лицъ, которыя получали отъ прежнихъ властителей право собственности на оброки, собираемые въ извѣстныхъ мѣстностяхъ земиндарами. Эти мудрыя

распоряженія расплодили не плодоносныя жатвы, а классъ дѣлателей фальшивыхъ документовъ. Дошло наконецъ до того, что правительство не могло уже взыскивать податей. Новые крупные землевладѣльцы отказывались платить ихъ, потому что съ изданіемъ новыхъ распоряженій земледѣльцы не вносили никакихъ оброковъ, оспаривали право на взысканіе этихъ оброковъ и волочили дѣла по судамъ. Правительство не хотѣло дожидаться и пустило въ продажу имѣнія, созданныя великимъ памятникомъ мудрости; уже въ 1796 году десятая часть всѣхъ земель Бенгаліи, Багора и Ориссы поступила въ продажу съ молотка. Если принять въ соображеніе, что въ одной Бенгаліи 46 милл. жителей, то мы будемъ имѣть прекрасный образчикъ для сравненія съ одновременнымъ переворотомъ въ поземельныхъ отношеніяхъ и съ продажею земель массами во Франціи. Хотя здѣсь переворотъ былъ порожденъ тяжелой необходимостью, но все-таки возбудилъ противъ себя негодованіе, какъ переворотъ насильственный; а въ Индіи это была нелѣпѣйшая, ненужная затѣя, раззорившая цѣлую страну—и никто объ этомъ не заботился, никто неговорилъ ни слова противъ нея. Въ 1799 году задумали поправить дѣло, предоставивъ земиндарамъ право взыскивать арендную плату по своему произволу, не смотря ни на какой споръ. Въ это время земли по большей части уже не были въ рукахъ земиндаровъ; онѣ были куплены разжившимися подъ крылышкомъ англійской аристократіи людьми, которые никогда не жили въ купленныхъ имѣніяхъ и, также какъ въ Ирландіи, предоставляли сборъ оброковъ откупщикамъ; крупные откупщики сдавали его болѣе мелкимъ, мелкіе кулакамъ и эти-то кулаки получили право распоряжаться съ земледѣльцами по своему произволу. Бѣдствія, явившіяся результатомъ такого вреднаго постановленія, невозможно ни описать, ни перечислить. Доведенные до отчаянія, индѣйскіе земледѣльцы бѣжали изъ селеній въ лѣса; разбои и анархія распространились всюду; на огромныхъ пространствахъ земля опустѣла и обратилась въ болото. Не смотря на это, англійская аристократія такъ была ослѣплена своимъ «великимъ памятникомъ человѣческой мудрости», что распорядилась ввести подобное же крупное землевладѣніе и въ Мадрасѣ. Здѣсь, рядомъ съ немногими значительными имѣніями, повсемѣстно господствовалъ родъ владѣнія, который англичане по-своему окрестили мелкой собственностью; земледѣльцы имѣли въ своемъ владѣніи по одной и по двѣ десятины. Стои-

ло-ли обращать вниманіе на такую мелочь? Земли у этихъ мелкихъ собственниковъ были отобраны и отданы земиндарамъ. Но результатъ получился тотъ же, какъ и въ Бенгаліи, Багорѣ и Ориссѣ: въ самомъ скоромъ времени земиндары сдѣлались несостоятельными и ихъ земли поступили въ распоряженіе казны за недоимки. Провинція Удъ отъ крупнаго землевладѣнія была спасена Лорежомъ. Въ сѣверо-западной Индіи подобные опыты дѣлались уже съ разными предосторожностями: изобрѣтена была какая-то временная крупная собственность; однакожъ и здѣсь англійскіе опыты привели къ тѣмъ же результатамъ, какъ и въ Бенгаліи, они расплодили только грабежи, убійства и бунты. Пройдя чрезъ всѣ возможныя формы крупнаго и мелкаго землевладѣнія, англичане наконецъ убѣдились, что въ Индіи, какъ для процвѣтанія страны, такъ и для финансовыхъ цѣлей правительства, самая лучшая форма—общинное землевладѣніе; при его господствѣ сѣверо-западныя области достигли цвѣтущаго положенія, и оно распространено теперь на Пенджабъ. Весьма характеристично для міровоззрѣнія англичанъ то обстоятельство, что они, отбирая у десятковъ мильоновъ землевладѣльцевъ ихъ общинную и личную собственность въ пользу крупныхъ землевладѣльцевъ, даже и не подумали о необходимости вознаградить ихъ. Теперь же, по случаю возвышенія подати съ земли въ тѣхъ частяхъ Индіи, гдѣ она находится въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, они толкуютъ о вознагражденіи собственниковъ за обложеніе ихъ возвышенной податью для искуственныхъ орошеній и другихъ учрежденій, отъ которыхъ выиграютъ также бѣдные люди *).

Таковы были результаты крупнаго землевладѣнія въ великобританскомъ государствѣ втеченіи XVIII вѣка. XIX вѣкъ начинается горькими жалобами на иностранное соперничество и на то, что землю въ Англіи невозможно воздѣлывать при низкихъ продажныхъ цѣнахъ на хлѣбъ. Чтобы сдѣлать для фермеровъ возможнымъ воздѣлываніе земель, въ 1804 г. были возвышены ввозныя пошлины на хлѣбъ, но земли все-таки оставались не воздѣланными; поэтому въ 1814 г. предположено было снова возвысить пошлину, но это предположеніе возбудило такое негодованіе въ городскомъ населе-

---

*) Indian taxation: Lord Cornwalis's land settlement (The Westminster review № LXXV, July, 1870), стр. 32.

ніи, что пошлина не была возвышена. Въ 1815 г. иностранное соперничество понизило цѣны на хлѣбъ; вслѣдствіе этого множество пахатныхъ земель обращено было въ луга, рента и заработная плата понизились; чтобы дать фермерамъ возможность производить, ввозныя пошлины были такъ возвышены, что они равнялись воспрещенію ввоза. Но англійское земледѣліе не было уже способно удовлетворять потребностямъ народа, запретительная пошлина произвела искуственный голодъ. Цѣны на хлѣбъ такъ возвысились, что аристократія стала опасаться серьезнаго народнаго движенія, и чтобы его парализировать, должна была непомѣрно возвысить подать для бѣдныхъ. Въ 1817 г. эта подать достигла пятидесяти пяти мильоновъ рублей; на каждое семейство въ Англіи приходилось 22 руб. Не смотря на это, въ 1819 г. земледѣліе въ Англіи было въ такомъ состояніи, что тамъ подъ лугами и выгонными полями находилось 22.329,000 акровъ и кромѣ того подъ паромъ 2.100,000 акровъ, между тѣмъ какъ пшеницею и рожью засѣяно было только 4.500,000 акровъ *); кромѣ того, удобныхъ, но не воздѣланныхъ полей было 5.647,000 акровъ **). При хорошемъ способѣ сельскаго хозяйства, конечно, не мудрено достигать тѣхъ урожаевъ, которые удивляли иностранцевъ, но вѣдь это значитъ морить людей съ голоду и прикрываться удивленіемъ не вникающей въ дѣло толпы. Цѣны на хлѣбъ въ Англіи были такъ высоки, что даже послѣ измѣненія въ тарифѣ, сдѣланномъ въ 1828 г., англійскія цѣны были вдвое выше, чѣмъ на материкѣ Европы. Англійская аристократія сдѣлала такое напряженіе для поддержанія своего богатства и окружающаго ее ореола, что она перевалила черезъ высшую точку своего величія и ея популярность стала клониться къ упадку, а между тѣмъ она все-таки не достигла своей цѣли. Между тѣмъ знать изъ капиталистовъ переростала ее блескомъ и богатствомъ, и чтобы удержать себя отъ нападенія, ей нужно было

*) Pablo Pebrer: Histoire financière et statistique generale de l'empire britanique. Paris, 1834, T. 2 p. 93.

**) Во Франціи 22.221,971 гект. воздѣланныхъ земель и 11.637,212 гек. луговъ и выгону—воздѣланной земли вдвое больше луговъ, а въ Англіи въ два съ четвертью раза меньше; между тѣмъ офиціальныя изслѣдованія показали, что и при плохомъ французскомъ хозяйствѣ хорошіе французскіе урожаи равняются обыкновеннымъ англійскимъ и каждая десятина пшеницы производитъ въ шесть разъ болѣе пищи равнаго достоинства, чѣмъ $^1/_2$ десятины луговъ и $^1/_2$ десятины выгону.

еще разъ прибѣгнуть къ двусмысленному и въ концѣ концовъ гибельному средству хищничества. Она съ неутомимымъ усердіемъ присвоивала себѣ общинныя земли. Съ 1801 по 1844 г. она присвоила себѣ 3.740,520 акровъ общинной земли; всего она захватила болѣе семи мильоновъ акровъ, болѣе одной пятой всей англійской земли. Политическая экономія всегда обладала особеннымъ искуствомъ провозглашать несомнѣннымъ результатамъ науки то, что было выгодно для немногихъ. Когда производились эти захваты, англійскіе политико-экономы не находили достаточно сильныхъ выраженій, чтобы изобразить жалкое состояніе этихъ земель и великую пользу, которая произойдетъ отъ передачи ея въ руки крупнымъ землевладѣльцамъ; по ихъ словамъ, англійская аристократія должна была облагодѣтельствовать англійское сельское населеніе точнотакже, какъ земиндары облагодѣтельствовали индѣйское. Въ унисонъ съ англійскими экономистами всѣ политико-экономы Европы кричали о пользѣ раздачи общинныхъ земель въ частное владѣніе. Теперь же, когда дѣло сдѣлано, — та же самая англійская политическая экономія хватается за голову и говоритъ, что это было расхищеніе достоянія бѣдныхъ, что это было бѣдствіе для страны. Позднее и безполезное раскаяніе. Въ то же самое время и точно такими же путями крупные землевладѣльцы захватывали земли, принадлежавшія горнымъ шотландцамъ, на томъ основаніи, что шотландцы не умѣютъ пользоваться своею собственностію и что нужно ихъ облагодѣтельствовать. Результатомъ захвата было то, что множество пахатныхъ земель было превращено въ луга и въ выгонъ и населеніе раззорилось. Назначалось и вознагражденіе за отобранныя земли, но изъ ста случаевъ оно давалось въ одномъ. Въ 1819 г. въ Шотландіи было болѣе необработанныхъ земель, способныхъ къ обработкѣ, чѣмъ дѣйствительно воздѣланныхъ *).

Въ Ирландіи въ началѣ XIX столѣтія отношеніе крупныхъ землевладѣльцевъ къ земледѣльческому населенію осталось прежнее. Движенія XVIII вѣка принесли много пользы высшимъ сословіямъ, но для массы сельскаго населенія они не дали никакого прочнаго результата. Крупные землевладѣльцы по прежнему дер-

*) Въ Шотландіи дѣйствительно воздѣланныхъ земель въ 1819 году было 5.265.000 акровъ, а способныхъ къ воздѣлыванію и остающихся не обработанными 5.950.000 акровъ.—Pablo-Pebrer: Histoire financière et statistique generale de l'empire britanique, Paris, 1834, T. 2 стр. 93.

жали мелкихъ арендаторовъ въ безусловномъ подчиненіи, по прежнему сочувствовали крупному фермерству; къ тому же, введенію этого фермерства много способствовало улучшеніе путей сообщенія, и постоянно увеличивавшійся вывозъ сельско-хозяйственныхъ произведеній въ Англію, гдѣ господствовала искуственная дороговизна земледѣльческихъ продуктовъ. Усиленный вывозъ дѣлалъ возможнымъ дорогое производство. Въ результатѣ вышло тоже, что и въ Шотландіи; въ 1819 году въ Ирландіи сравнительно было втрое болѣе способныхъ къ обработкѣ земель, которыя оставались необработанными, чѣмъ въ Англіи; въ то же время отъ обращенія пашень въ луга количество скота быстро возрастало. Мелкіе фермеры никакъ не могли воспользоваться возвышеніемъ цѣнъ, потому что ихъ стѣсняли все на болѣе незначительномъ пространствѣ и отчаянная конкуренція крайне возвышала ренту. Въ Фарнеѣ, наприм., о которомъ мы говорили выше, рента съ 1769 г. по 1841 г. увеличилась съ 8,000 ф. на 46,395 ф., т. е. почти въ шесть разъ. Въ то же время населеніе было стѣснено на такомъ маломъ пространствѣ, что 41,107 душъ жило на пространствѣ въ 24.938 десятинъ. Однако же Ирландію уже невозможно было держать въ прежнемъ невѣжествѣ, враждебная аристократіи буржуазная партія сдѣлалась слишкомъ сильна въ Англіи и не допускала этого въ своихъ интересахъ; просвѣщеніе развивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ развивались и потребности. Кромѣ того, развитіе въ Ирландіи шло такимъ путемъ, что оно должно было усиливать ожесточеніе противъ землевладѣльцевъ. Въ 1808 г. въ школахъ насчитываютъ 200,000 учениковъ, а въ 1824 году уже 456,549 *); но въ то же время англичане задумали черезъ школу вести свою національно-религіозную пропаганду. Это до такой степени озлобляло католическое духовенство, что оно употребляло всѣ свои усилія, чтобы возбуждать католиковъ противъ протестантовъ и землевладѣльцевъ, и достигало блестящихъ результатовъ. Читая описаніе Ирландіи, подумаешь, что рѣчь идетъ о какой нибудь Джунгаріи или Афганистанѣ: дома наполнены оружіемъ, человѣкъ не рѣшается выходить пѣшкомъ, а всегда выѣзжаетъ верхомъ, въ карманѣ у него заряженные пистолеты, въ сѣдлѣ пистолеты, за пазухой револьверъ. Вы идете вечеромъ по улицамъ ирландскаго города безпечно и спокойно, какъ въ цивилизованной

*) The Irish national school system. (The british Quarterly Review, NC October 1869), стр. 309 и 310.

Европѣ; вдругъ какой-то человѣкъ наводитъ на васъ заряженный пистолетъ и кричитъ вамъ „въ сторону“: это землевладѣлецъ или агентъ землевладѣльца, котораго поклялись убить и который не подпускаетъ къ себѣ близко проходящихъ людей. Среди бѣлаго дня убитъ человѣкъ; кругомъ на поляхъ работало множество народу, никто не обращаетъ вниманія на убитаго, нѣтъ возможности найдти не только помощи, но даже свидѣтеля, который бы разсказалъ, какъ было дѣло; назначается высокая награда за свидѣтельское показаніе, но и награда не дѣйствуетъ. Вмѣстѣ съ убитымъ землевладѣльцемъ находился его родственникъ; онъ съ ужасомъ возвращается домой и разсказываетъ о происшедшемъ, но по лицамъ своей прислуги замѣчаетъ, что они давно знали, что все это случится. Онъ подозрѣваетъ каждаго въ своемъ домѣ, онъ выѣзжаетъ не иначе, какъ съ двумя или тремя вооруженными до зубовъ людьми, сидящими съ нимъ въ экипажѣ; онъ предупреждаетъ кучера, что если тотъ осмѣлится не остановиться по первому приказанію, то будетъ убитъ. Съ такими-то предосторожностями приходилось выѣзжать землевладѣльцу. Или вотъ: землевладѣльцы задумали нанести своимъ врагамъ рѣшительный ударъ, къ смерти приговаривается человѣкъ, котораго невинность доказана самымъ несомнѣннымъ образомъ, но это не дѣйствуетъ, его все-таки убиваютъ, земледѣльцы цѣлыми деревнями не платятъ арендной платы, между ними есть такіе, которые хвалятся, что они не помнятъ, когда въ послѣдній разъ заплатили ее; между тѣмъ терроризмъ тайныхъ убійствъ не даетъ землевладѣльцамъ возможности устраивать большихъ фермъ; землевладѣльцы раззоряются массами. Нужно упрямство англійской аристократіи, чтобы горѣть въ такомъ огнѣ и не пожелать развязать тягостныя отношенія. Среди такого-то хаоса О'Конель поднялъ знамя реформы и прогресса; его противники, какъ истые плантаторы, съ такимъ ожесточеніемъ гонялись за его жизнью и дѣлали столько на нее покушеній, что онъ могъ выходить на улицу не иначе, какъ сопровождаемый конвоемъ изъ своихъ приверженцевъ. На улицахъ Ирландіи этотъ демагогъ, окруженный своей добровольной стражей, передъ которымъ всѣ клапялись и которому даже его враги, землевладѣльцы, изъ страха подобострастно отдавали честь, былъ похожъ на японскаго князя, путешествующаго по улицамъ Іеддо. 1831-й годъ наполненъ былъ кровавыми стычками, въ 1832 г. тайныя убійства возросли отъ

247 до 429. Правительство, наконецъ вынуждено было издать рядъ либеральныхъ мѣръ и даже подвергнуть порицанію выходки оранжменовъ. Въ сущности крестьяне выиграли очень не много, но перемѣна въ направленіи правительства оградила ихъ отъ самыхъ возмутительныхъ притѣсненій и отъ нахальства оранжменовъ. Поэтому убійства начали уменьшаться: въ 1833 г. ихъ было 387, въ 1834—363, но зато мелкія придирки увеличились, а съ тѣмъ вмѣстѣ и мелкая месть; случаи, подобные аграрной мести, увеличились отъ 4,236 до 5,127. О'Конель, видя невозможность обезпечить положеніе ирландскаго населенія, сталъ домогаться эмансипаціи Ирландіи или даже полнаго ея отдѣленія отъ Англіи. Правительство съ своей стороны старалось ослабить О'Конеля, подкупивъ католическое духовенство казеннымъ содержаніемъ; но духовенство оказало рѣшительное сопротивленіе такой мѣрѣ. Въ то время, когда такимъ образомъ боролись вверху, внизу народъ безъисходно страдалъ; необходимость отстаивать свое существованіе тяжкими, деморализующими пріемами грозила ему гибельными послѣдствіями, а между тѣмъ не было никакого исхода; втеченіи цѣлаго столѣтія тяжкой конвульсивной борьбы землевладѣльцами не было сдѣлано ни малѣйшей уступки. Они наслаждались въ Лондонѣ полной безопасностью; какое имъ было дѣло до того, страдаетъ ли народъ въ Ирландіи или нѣтъ. Отъ времени до времени они посылали въ свои имѣнья управляющихъ на вѣрную смерть, но за свои тысячи фунтовъ всегда находили людей, готовыхъ жертвовать за нихъ жизнью. Наконецъ, какъ громовой ударъ, наступилъ голодъ 1846 года. Тутъ только обнаружилась та бездна нищенства и бѣдности, которыя скрывались въ Ирландіи; люди умирали цѣлыми семействами на поляхъ, на улицахъ городовъ, въ отдаленныхъ хуторахъ. Въ пользу голодающихъ собирались массы денегъ, покупался хлѣбъ, но до голодающихъ не доходилъ. Увѣряютъ, что бывали даже такіе случаи: на отдаленномъ хуторѣ цѣлое семейство умирало съ голода; въ ближайшемъ городѣ были и деньги и хлѣбъ для вспомоществованія, но умиравшіе не знали этого, а если они и знали, то не кому было сходить туда, несчастные умирали безвѣстно, не кому было даже хоронить ихъ. На однихъ общественныхъ работахъ столпилось 734.000 работниковъ, незнавшихъ чѣмъ прокормиться; ввезено было хлѣба на пятьдесятъ два съ половиною мильона рублей. Ужасные разсказы о бѣдствіяхъ этого голода одинаково взволновали

общественное мнѣніе Англіи и населеніе Ирландіи. «Вонъ изъ этой страны, на которой виситъ проклятіе», повторяли ирландцы. Они ждали цѣлое столѣтіе и ничего не дождались, кромѣ того, что къ нимъ все болѣе и болѣе прививались разбойничьи инстинкты. Они стали переселяться массами; тѣ, которые обезпечивали себя на мѣстѣ переселенія, посылали домой деньги для вспомоществованія новымъ переселенцамъ; втеченіи пяти первыхъ лѣтъ, съ 1847—1851 г., переселилось 1.088.000 человѣкъ; втеченіи пяти лѣтъ, они прислали въ Ирландію для вспомоществованія переселенцамъ 26.106.000 руб. сер. И такихъ-то благородныхъ, любящихъ, прекрасныхъ людей англійскіе землевладѣльцы эксплуатировали безъ всякаго сожалѣнія, деморализировали съ невѣроятнымъ бездушіемъ, чернили въ глазахъ свѣта съ неслыханной безцеремонностью. Исторія не проститъ имъ этого, ихъ поведеніе въ Ирландіи останется надолго въ памяти и будетъ служить для нихъ вѣчнымъ укоромъ. Страданія ирландскаго народа втеченіи этого времени были такъ велики, что съ 1841 по 1851 г. въ ней населеніе уменьшилось на 1.622,739 человѣкъ. Ирландскій голодъ стоилъ англичанамъ шестьдесятъ мильоновъ рублей. Такое ненормальное положеніе вывело наконецъ общественное мнѣніе Англіи изъ терпѣнія и оно потребовало реформъ въ поземельныхъ отношеніяхъ. Явилась наконецъ эта долго жданная реформа. Какая же это была реформа? Облегчена была продажа обремененныхъ долгами имѣній, т. е. сдѣлано облегченіе для самихъ же крупныхъ землевладѣльцевъ. Послѣ этого ирландцамъ оставалось одно—возложить всѣ свои надежды на переселеніе. За эту мѣру они ухватились со всею страстью, какъ за послѣднее прибѣжище; и дѣйствительно, втеченіи четырнадцати лѣтъ выселилось 2,209,389. человѣкъ; они переслали изъ Америки для вспомоществованія переселенцамъ болѣе шестидесяти семи мильоновъ рублей серебромъ. Англійскіе крупные землевладѣльцы, которые всѣ бѣдствія Ирландіи приписывали слишкомъ густому населенію, могли бы быть довольны; но что же вышло? Съ 1841 по 1850, не смотря на всѣ бѣдствія, земледѣліе въ Ирландіи все-таки улучшалось, количество обработанныхъ земель увеличилось съ 13.464.300 акровъ до 14.802.581; съ 1841 по 1855 г. цѣна скота увеличилась отъ 21 м. до 35 м. ф.—Но съ тѣхъ поръ количество обработанныхъ земель стало быстро уменьшаться; въ 1860 г. обработанныхъ земель было уже только

5.970.139 акровъ, а за тѣмъ 5.519.678 акровъ; обработка ухудшилась такъ, что акръ производилъ уже меньше, чѣмъ прежде. Цѣна произведеній была въ 1859 г. 39 м. ф., 1860—34 м., въ 1862 г. 29 м., въ 1863 г. 27 м. ф., въ 1869 г. количество пашенъ уменьшилось на 164.000 акровъ. Замѣчательно, какъ англійскіе крупные землевладѣльцы сошлись въ своихъ дѣйствіяхъ даже съ монголами. Монголы въ Китаѣ дѣйствовали точно такъ же, какъ англичане въ Ирландіи; они точно также жаловались на густоту населенія, точно также обращали пашни въ пастбища и луга, точно также дѣйствовало духовенство, однимъ словомъ все, не исключая оранжменовъ и тайныхъ взаимныхъ убійствъ, — снимокъ съ монгольскаго. Крупными землевладѣльцами овладѣла страсть къ крупнымъ фермамъ, которыя дѣлали изъ страны пустыню, похожую на Испанію, среднюю Азію или Буэносъ-Айресъ; мелкимъ фермерамъ оставлялись самые безплодные и негодные участки. Положеніе дѣлалось со дня на день невыносимѣе, а реакціонеры увѣряли англійскую публику, что Ирландія процвѣтаетъ. Они утверждали, что жилища улучшаются, заработная плата увеличивается, бѣдности стало меньше и населеніе рабочихъ домовъ съ 1851 г. по 1861 г. уменьшилось съ 249,877 до 49,984, что пахатныхъ земель въ 1841 г. было 13,464,300 акровъ, а въ 1866 г. 15,549,796 акровъ *); но это была чистѣйшая неправда; въ Ирландіи пахатныхъ (arable land) земель дѣйствительно около 16 мильоновъ десятинъ, но воздѣланныхъ только 5¹/₂. Въ то время, когда ирландцы переселялись массами, число бѣдныхъ дѣйствительно уменьшалось, но уже съ 1859 г. оно опять быстро начало увеличиваться: въ 1859 г. бѣдныхъ **) считалось 44.806 челов., а въ 1867 г. уже 68,650 челов., т. е. въ полтора раза болѣе. Сказки, выдаваемыя крупными землевладѣльцами за истину, мѣшали публикѣ получить правильное понятіе о положеніи Ирландіи, между тѣмъ деморализація разъѣдала народъ, доведенный до отчаянья; въ прошломъ году въ Ирландіи насчитывалось 360 аграрныхъ преступленій въ мѣсяцъ ***). Общественное мнѣніе снова стало требовать реформъ. Защитники ирландскихъ крестьянъ требовали для огражденія сельскаго населенія установленія постоянной ренты. Аристокра-

---

*) Ireland under British rule, H. Iervis, London 1868, стр. 306.

**) Kolb: Verafh Statistik. Leipzig 1868 стр. 234

***) The Times N. 26980—February 7. 1871.

тія упорно отвергала эту мысль; отнять у ней право возвышать ренту — это, по ея мнѣнію, было возмутительное нарушеніе правъ собственности. Когда англійская аристократія у десятковъ мильоновъ индѣйцевъ отбирала ихъ общинную и личную землю только потому, что ей пришла такая фантазія, когда она отбирала у бѣднаго народа Англіи мильоны акровъ общинной земли, и захватывала у шотландскихъ горцевъ ихъ воздѣланныя поля и т. д., тогда это не было нарушеніемъ права собственности. Когда же пришлось ограничивать аристократію въ присвоенномъ ею себѣ правѣ держать Ирландію въ безысходной анархіи, тогда оказалось, что это ограниченіе составляетъ нарушеніе ея частнаго права собственности. Противорѣчіе, здѣсь существующее, бьетъ прямо въ глаза и всякій чувствуетъ, что въ разсужденіяхъ англійской аристократіи есть что-то крайне несправедливое. Если добираться до корня этой несправедливости, то станетъ понятно главное зло, которое сдѣлано было англійскимъ крупнымъ землевладѣніемъ англійскому народу. Начиная съ XIII вѣка, англійскій народъ велъ борьбу противъ правительственнаго произвола. Противъ чего же онъ боролся въ то время? Король считался господиномъ англійской земли; въ качествѣ господина земли, онъ былъ въ одно и тоже время и общественный дѣятель и частный человѣкъ. Какъ общественный дѣятель, онъ могъ дѣйствовать только въ общественномъ интересѣ, но онъ задумалъ къ этому общественному интересу относиться какъ къ своему частному праву; во имя господства своего надъ землею, онъ пытался общественный интересъ обратить въ свое частное право. Противъ этой-то попытки и боролся англійскій народъ. Но если англійскій народъ боролся противъ покушенія обратить общій интересъ въ частное право, то онъ долженъ бы былъ поставить вопросъ рѣзче, опредѣленнѣе, онъ долженъ бы былъ настаивать, что публичное право не отчуждаемо, что не можетъ существовать частнаго права вредить интересамъ общества. Если бы англичане втеченіи всей своей борьбы, начиная съ XIII столѣтія и до нашихъ дней, изыскивали средства для обезпеченія общественнаго интереса отъ превращенія его въ частное право, они при энергіи и ловкости, съ которыми боролись, достигли бы несравненно большихъ политическихъ и соціальныхъ результатовъ. Но во главѣ у нихъ стояли крупные землевладѣльцы, для которыхъ поставить вопросъ такимъ образомъ было въ высшей степени невыгодно. Если бы круп-

ные землевладѣльцы боролись противъ обращенія королемъ общественнаго интереса въ свое частное право, то это начало прямо примѣнено было бы и къ нимъ; вѣдь по феодальнымъ понятіямъ они были надъ землею точно такими же господами, какъ и король, лишь съ тою разницею, что они имѣли надъ собою высшаго господина. Поэтому все, что сдѣлалось бы для огражденія общественнаго интереса отъ превращенія въ частное право, прямо примѣнялось бы и къ нимъ. Поэтому крупные землевладѣльцы старались поставить вопросъ такъ, чтобы они могли ограничивать короля, а сами оставались бы неограниченными. Поэтому они протестовали не противъ обращенія королемъ общественнаго интереса въ свое частное право, а противъ его покушеній будто бы на ихъ собственное частное право. И они достигли, что король былъ ограниченъ, а они въ своихъ покушеніяхъ на общество подвергались все меньшимъ и меньшимъ ограниченіямъ. Но если бы вопросъ былъ съ самаго начала поставленъ правильно, если бы англійскій народъ съ должной энергіей настаивалъ на томъ, что права вредить обществу существовать не можетъ, то крупные землевладѣльцы не могли бы уничтожать права общественныхъ собраній, которыя существовали въ средніе вѣка, и превращать ихъ въ частное право отдѣльныхъ лицъ и сословій; они бы не могли завладѣвать общественными землями и эксплуатировать ихъ во вредъ обществу, лишая бѣднаго возможности содержать корову, которую онъ содержалъ прежде для своего семейства. Не могло бы явиться и мысли дать въ Индіи заминдарамъ такія же неограниченныя права, какія пріобрѣли лорды сами для себя; права заминдаровъ, слѣдовало еще болѣе ограничить, а никакъ не превращать въ неограниченныя: заминдары пользовались своими правами, чтобы брать съ народа взятки и наживаться на счетъ притѣсненій, и въ этомъ они должны были подлежать ограниченію. Если бы вопросъ былъ съ самаго начала поставленъ правильно, то у духовенства не могло бы родиться право на десятины, англійскіе землевладѣльцы не могли бы утверждать, что они имѣютъ несомнѣнное частное право дѣйствовать такъ, чтобы держать населеніе Ирландіи въ состояніи постоянной деморализирующей анархіи и крайней бѣдности. Мало этого, до тѣхъ поръ пока англичане не поставятъ въ Ирландіи вопроса правильно, они всегда будутъ чувствовать себя въ безвыходномъ положеніи. Они теперь произвели въ Ирландіи реформы и утверждаютъ, что эти

реформы успокоятъ край; между тѣмъ всякому видно съ перваго раза, что они никогда не могутъ привести къ этому результату, потому что не удовлетворяютъ существенной потребности страны. Существенная потребность Ирландіи заключается въ томъ, чтобы ея почва была, по возможности, вся обработана и чтобы тѣ, которые ее обработываютъ, были ограждены отъ разрушающихъ производительность аграрныхъ притѣсненій. Между тѣмъ одно изъ новѣйшихъ распоряженій заставляетъ совершенно не причастныхъ къ дѣлу лицъ давать вознагражденіе семействамъ погибшихъ отъ аграрнаго убійства; это постановленіе носитъ совершенно первобытный характеръ и на практикѣ привело лишь къ тому, что теперь убитыхъ признаютъ случайно убившимися и потому убійцъ даже не преслѣдуютъ. Конечно, это можетъ обуздывать охотниковъ до притѣсненій и пожалуй даже сдѣлать аристократію уступчивѣе, но вѣдь это обоюдоострое оружіе. Другое постановленіе, также недавно изданное, дѣйствительно полезно. Въ силу этого постановленія, фермеръ, произвольно удаленный землевладѣльцемъ, имѣетъ право на вознагражденіе за сдѣланныя имъ улучшенія и за понесенные убытки. Этимъ закономъ прямо установляется начало, въ силу котораго собственникъ орудія труда не можетъ распоряжаться этимъ орудіемъ въ ущербъ работника, производящаго съ помощію этого орудія; собственникъ не можетъ помѣшать работнику сдѣлать свой трудъ наиболѣе плодоноснымъ, улучшая орудіе. Проводя послѣдовательно это начало, окажется, что фабричный работникъ можетъ во всякое время, не спросивъ хозяина, улучшать машину, и хозяинъ, которому послужитъ на пользу это улучшеніе, долженъ вознаграждать работника. Не спрашивая хозяина, работникъ можетъ улучшить свой трудъ, и если отъ этого производство и доходъ увеличатся, хозяинъ обязанъ его вознаграждать: мало этого, если хозяинъ вздумаетъ по произволу прогнать работника, сдѣлавшаго улучшеніе въ производствѣ, то онъ долженъ возмѣстить ему ущербъ. Проведеніемъ этого начала въ жизнь англійскіе общественные дѣятели заслужили себѣ по справедливости благодарность потомства. А въ жизнь они его дѣйствительно проводятъ; въ англійскихъ газетахъ постоянно печатаются рѣшенія по подобнымъ дѣламъ; напр., арендаторъ Келленеръ требовалъ 279 ф. за безпокойство и улучшенія; противъ возраженій отвѣтчика судъ нашелъ, что арендаторъ имѣлъ право дѣлать усовершенствованія, необходимыя для наилучшаго веденія дѣла, но

призналъ оцѣнку истца слишкомъ высокой и присудилъ ему 150 ф. *). Но при всемъ томъ публичные дѣятели Англіи встрѣчаютъ еще неодолимыя препятствія къ осуществленію насущныхъ потребностей Ирландіи. Для Ирландіи теперь необходимы не постановленія, ограждающія мелкихъ ирландскихъ фермеровъ отъ притѣсненій на ихъ ничтожныхъ и негодныхъ участкахъ; нужно, чтобы они получили возможность обработывать огромныя пространства прекрасной земли, остающейся теперь безъ обработки; но для этого-то именно ничего и не дѣлается. Поэтому, сколько бы „Times" насъ ни увѣрялъ, что край теперь спокоенъ, но, читая постоянныя извѣстія о новыхъ аграрныхъ преступленіяхъ въ Ирландіи, нельзя не убѣдиться, что дѣло еще не сдѣлано, и что впереди предстоитъ еще много работы.

VI.

Увѣренность въ превосходствѣ англійскаго крупнаго землевладѣнія продолжалась только до тѣхъ поръ, пока политическое вліяніе англійской аристократіи имѣло все свое значеніе. Оно было порожденіемъ обожанія силы; но лишь только это вліяніе было потрясено парламентскими реформами, явились и сомнѣнія въ достоинствахъ крупнаго землевладѣнія; впрочемъ, сначала еще не сомнѣвались въ его экономическихъ результатахъ, а говорили только, что оно плодитъ бѣдность въ сельскомъ населеніи. Въ 1863 г. медицинское изслѣдованіе о пищѣ сельскаго населенія показало, что третья часть земледѣльцевъ имѣетъ пищу недостаточную, а пятая такую, при которой сохраненіе силъ и здоровья невозможно; въ трехъ чисто земледѣльческихъ округахъ Беркъ, Оксфордъ и Сомерсетъ по большей части пища недостаточна: завтракъ состоитъ обыкновенно изъ хлѣба съ молокомъ и воды; обѣдъ состоитъ тоже изъ хлѣба; только не обремененный семействомъ можетъ прибавлять къ этому кусочекъ сыру; вечеромъ ѣдятъ картофель и только пользующійся особымъ благосостояніемъ прибавляетъ къ этому кусочекъ свинаго сала; на ужинъ употребляется также хлѣбъ съ водой. Жилище такое же неудовлетворительное. Когда англійская публика узнала,

*) The Times, Lanuary, 30, 1871.

какъ сельскіе работники живутъ и спятъ въ повалку въ одной комнатѣ, когда передъ ней была раскрыта скандалезная исторія о подрядчикахъ, которые поставляли на сельскія работы дѣтей и женщинъ, она пришла въ ужасъ, либеральная пресса много шумѣла объ этомъ, но она шумѣла не для того, чтобы помочь сельскимъ работникамъ, а для своихъ постороннихъ цѣлей, и, достигнувъ этихъ цѣлей, она замолкла. Однакожъ, послѣ этого никто уже не сомнѣвался болѣе, что крупное землевладѣніе имѣетъ самое невыгодное вліяніе на благосостояніе сельскаго населенія. Мы видѣли выше, что защитники крупнаго землевладѣнія сначала соглашались, что земля, раздробленная на мелкіе участки, производитъ болѣе, но они увѣряли, что на крупныхъ участкахъ работники содержатся лучше: теперь было несомнѣнно доказано противное—что же оставалось имъ теперь? Имъ оставалось еще сравненіе съ англійскимъ сельскимъ работникомъ сельскаго работника въ странахъ, которыя вообще по степени своего благосостоянія и своей цивилизаціи стояли ниже Англіи; но это было также раціонально, какъ доказывать пользу рабства, сравнивая рабовъ въ древнихъ Афинахъ съ дикарями Австраліи. Далѣе, при сравненіи хозяйства мелкихъ участковъ съ крупными, оказывалось, что на берегу Фландріи, Фрисландіи и Голштиніи мелкіе участки производятъ несравненно лучшіе урожаи, чѣмъ крупныя фермы на противуположномъ берегу Англіи. Поразительнѣйшее доказательство превосходства мелкой собственности представляютъ собою острова канала, отдѣляющаго Англію отъ материка Европы,—Гернсея, Джерсея, Алдернея. Ихъ сельско-хозяйственная производительность безъ всякаго сравненія превосходитъ сельско-хозяйственную производительность Англіи; урожаи тамъ вдвое значительнѣе; они заваливаютъ рынки своими произведеніями, большее благосостояніе земледѣльцевъ бросается въ глаза самому поверхностному наблюдателю. Бѣдность тамъ почти невозможна. Сельское населеніе на этихъ островахъ въ однихъ мѣстахъ вдвое, а въ другихъ втрое гуще, чѣмъ въ Англіи; въ тоже время прочее населеніе вчетверо и въ пять разъ гуще, чѣмъ въ Англіи *). Не смотря на это и на густоту своего населенія, эти острова производятъ такъ много, что ежегодно массы своихъ произведеній ввозятъ въ Англію. Съ тѣхъ поръ, какъ хлѣбная торговля сдѣлалась свободною, ввозъ хлѣба сталъ принимать

*) Это изслѣдованіе Торнтона вполнѣ принято Миллемъ, см. S. S. Mill Chapters and speches on the irishland question, London. 1870, стр. 23, § 6.

[illegible]

Попытки крупныхъ землевладѣльцевъ распространить свои идеи въ колоніяхъ привели къ самымъ печальнымъ результатамъ. На югѣ Соединенныхъ Штатахъ крупное землевладѣніе породило рабство, въ западной Австраліи крупное землевладѣніе привело къ тому, что колоніи находились въ самомъ жалкомъ и бѣдственномъ положеніи, между тѣмъ какъ въ другихъ частяхъ Австраліи при мелкомъ землевладѣніи колоніи сдѣлались богатыми и цвѣтущими. Крупные землевладѣльцы не могли производить съ помощью свободнаго труда, и, чтобы какъ нибудь существовать, они въ 1849 г. должны были просить англійское правительство послать имъ преступниковъ; и этимъ они навлекали на себя ненависть всѣхъ австралійскихъ колоній, которыя кричали, что западная Австралія гнойная язва, деморализирующая край. Въ Нижней Канадѣ французское владычество расплодило крупное землевладѣніе и аристократическія учрежденія, англійская аристократія тщательно сохраняла это тепличное растеніе; и что же—это навлекало на Канаду безчисленныя страданія: пришлось заплатить 6 мил. руб., чтобы изба-

*) The Times, N 27,011, March 15, 1871.

виться отъ этихъ учрежденій и, сверхъ того, они возбудили въ странѣ такую къ себѣ ненависть, что Канада раздѣлилась. На островахъ принца Эдуарда крупное землевладѣніе породило крайнее ожесточеніе между землевладѣльцами и фермерами и по предложенію главы аристократической партіи лорда Дерби, права землевладѣльцевъ были скуплены правительствомъ.

Изслѣдованія и разъясненія, къ которымъ повели всѣ споры о землевладѣніи въ Англіи, весьма поучительны. Окончательный результатъ ихъ такой: крупное землевладѣніе съ мелкимъ фермерствомъ. Но крупное землевладѣніе съ мелкимъ фермерствомъ порождаетъ убійственную конкуренцію. Чтобы избѣгнуть безчисленныхъ бѣдствій, необходимо, чтобы рента опредѣлялась не конкуренціею, а обычаемъ. Ульстеръ самая благоденствующая часть Ирландіи, но за то она единственная провинція, гдѣ рента опредѣляется обычаемъ. Фермеръ въ подобныхъ мѣстахъ приближается уже къ собственнику и фермы покупаются. Мелкая собственность представляетъ еще болѣе благопріятное условіе. Милль защищаетъ мелкое фермерство, гдѣ рента установляется обычаемъ, но истинныя его симпатіи на сторонѣ мелкой собственности: когда Десли предложилъ продавать части земель лордовъ, чтобы удовлетворять другихъ наслѣдниковъ, Милль возразилъ противъ этого только на томъ основаніи, что эти земли стали бы покупаться капиталистами, а не земледѣльцами *). Но мелкое землевладѣніе все-таки имѣетъ очень важное неудобство; земледѣлецъ копитъ не для того, чтобы улучшить, а для того, чтобы купить землю. Для нормальнаго распредѣленія земли соотвѣтственно условіямъ культуры и для удовлетворенія наслѣдниковъ, необходимо огромное число отчужденій; утверждаютъ, что во Франціи четвертая часть мелкихъ земель продается ежегодно. Кромѣ того, земли крайне обременяются долгами. Всѣхъ этихъ неудобствъ не имѣетъ общинное владѣніе, а потому хорошо установившееся, безоброчное общинное владѣніе представляетъ самый совершенный типъ отношеній къ землѣ. Тутъ отъ земли живутъ не два и не три человѣка, а одинъ, какъ при мелкой собственности, и этотъ одинъ можетъ копить исключительно для улучшенія своей земли, а не для покупки новой. Даже

*) Mill: Professor Leslie on the land question (The Fortniqhtly review, Iuny 1870—стр. 652).

въ имѣніяхъ крупныхъ землевладѣльцевъ общинное фермерство, въ родѣ нашего русскаго, наиболѣе нормальное отношеніе; оно было бы наиболѣе нормальнымъ уже и потому, что оно скорѣе всякаго другого приводитъ къ обычной рентѣ. Тому, кто желаетъ оцѣнить бѣдствія, которыя можетъ накликать на Россію предложеніе петербургскаго земства о замѣнѣ общиннаго фермерства личнымъ, очень полезно познакомиться съ положеніемъ Ирландіи; тутъ онъ увидитъ несчастныхъ фермеровъ, на клочкахъ земли, за которые они платятъ какихъ нибудь 60 коп. сер. ренты, на которыхъ ничего не можетъ рости, кромѣ какихъ нибудь жалкихъ бобовъ, въ то время, когда рядомъ фермеръ имѣетъ нѣсколько десятковъ акровъ и въ землѣ нѣтъ недостатка. Общинное владѣніе въ значительной степени ограждаетъ отъ подобныхъ крайностей и можетъ оградить совершенно. Идею поземельной собственности англичане укореняли въ себѣ болѣе, чѣмъ какой либо другой народъ, но и они заговорили о томъ, что земля должна перестать быть частною собственностью, — заговорили не только философы, но и государственные люди и публицисты. Стренше, членъ совѣта генералъ-губернатора Индіи, утверждаетъ, что сѣверо-восточныя части Индіи обязаны общинному владѣнію безпримѣрнымъ своимъ благоденствіемъ (unexempled state of prosperity *). Даже въ такомъ журналѣ, какъ Westminster review встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующихъ: «Идея объ отчужденіи земли въ частное владѣніе противна тремъ четвертямъ человѣческаго рода" **).

Н. Флеровскій.

---

*) Westm. rev. Ianuary 1870, стр. 60.
**) October 1870, стр. 247.

УМСТВЕННОЕ ДВИЖЕНІЕ ИСПАНІИ.

Г. Тубино и его этюды.

Estudios prehistoricos, por D. Francisco M. Tubino. Madrid, 1868.
Estudios contemporaneos, por D. F. M. Tubino, Sevilla, 1866.
El Quijote y la Estafeta de Urganda, por F. M. Tubino, Sevilla, 1862.
Murillo, su época, su vida, su cuadros, por D. F. M. Tubino, Sevilla 1864.
Pablo de Cespedes (Obra premiada por Voto unanime de la Academia de nobles artes de San Fernando en el certamen de 1866). Su autor D. Francisco Tubino Madrid, 1868.

Доисторическіе этюды Д. Франциско Тувино. Мадридъ, 1868. *Современные этюды*, его-же. Севилья, 1866. *Кихотъ и Ургандская Эстафета*, его-же, Севилья, 1862. *Мурильо, его эпоха, жизнь, картины*, его-же, Севилья, 1864. *Павелъ Сеспедесъ* (Трудъ, удостоенный преміи академіей изящныхъ искусствъ С. Фердинанда, на конкурсѣ 1866), его-же, Мадридъ, 1868.

I.

Насколько можно довѣрять личнымъ наблюденіямъ, едва ли не самый утѣшительный элементъ возрожденія Испаніи — элементъ народный. Революція 1868 года застала народъ врасплохъ, съ ничтожнымъ запасомъ грамотности, подъ сильнымъ вліяніемъ „черной братіи", въ первобытныхъ условіяхъ промышленности, безъ круговой поруки, безъ гарантій свободнаго и плодотворнаго труда... Все это такъ. Но какъ онъ повелъ себя въ минуты политическаго кризиса? Кто упрекнетъ его въ спячкѣ? Кто упрекнетъ его въ равнодушіи къ вопросамъ государственнаго и соціальнаго устройства? Вся Испанія охвачена была цѣпью деревенскихъ юнтъ, работавшихъ въ духѣ полной автономіи и народоправства. Куда бы ни заѣхалъ другъ народа, дѣятель освободительной пропаганды, отовсюду стекались

толпы и слушали его съ сознательнымъ рвеніемъ. Масса, сбѣгавшаяся на митинги во всѣхъ углахъ Испаніи, въ полномъ смыслѣ—народная масса. Въ Андалузіи я былъ личнымъ свидѣтелемъ того, какъ площади покрывались толпами въ 10, 15, 25 тысячъ человѣкъ, на двѣ трети крестьянъ, пріѣзжавшихъ нарочно, и притомъ въ рабочій день, чтобы видѣть и слышать того или иного оратора. Въ каждомъ крупномъ центрѣ Испаніи, въ Мадридѣ, Барселонѣ, Севильѣ, Гренадѣ, Кордовѣ, Кадиксѣ, Хересѣ, Толедо, Вальядолидѣ вы находили по нѣсколько народныхъ клубовъ. Войдя въ нихъ, вы видѣли, какъ рабочіе съ женами и дѣтьми приходятъ коротать вечеръ, слушая чтеніе статей и полезныхъ книгъ, обсуждая текущіе вопросы внутренней политики, укрѣпляя себя въ здоровыхъ началахъ самоуправленія, готовясь къ энергической и осмысленной борьбѣ съ произволомъ, клерикализмомъ и узурпаціей.... Много я на своемъ вѣку видѣлъ великихъ парламентовъ, рейхсратовъ, конгрессовъ, митинговъ и, право, нигдѣ я не встрѣчалъ такого достойнаго, сдержаннаго, симпатичнаго „міра“, какъ на народныхъ сборищахъ Испаніи. Депутаты, академики, литераторы, студенты, публицисты и пропагандаторы ведутъ себя гораздо задорнѣе, бурливѣе, подчасъ неприличнѣе и смѣшнѣе, чѣмъ простодушные пастухи и винодѣлы, судорабочіе и погонщики муловъ гдѣ-нибудь въ Кордовѣ или Кадиксѣ. И не однѣми политическими манифестаціями, криками: «Viva la soberania nacional!» и «Abajo los Borbones!» занимался испанскій народъ. Онъ почувствовалъ необходимость учиться, онъ началъ заводить школы, устраивать ассоціаціи въ городахъ и селахъ. Ему недоставало только руководителей... Какъ бы масса ни была воспріимчива къ благотворнымъ идеямъ—вырабатываетъ ихъ меньшинство. Оно направляетъ, возбуждаетъ и организуетъ. До тѣхъ поръ, пока въ странѣ нѣтъ устойчиво сложившейся „интеллигенціи“—нѣтъ и гарантій противъ захватовъ охранительной буржуазіи, которая пользовалась вездѣ кровавыми усиліями народа для своего неподвижнаго, эгоистичнаго довольства. Поэтому-то друзья свободы и умственной эмансипаціи и обращаются съ надеждами и ожиданіями къ молодежи всѣхъ тѣхъ странъ, которымъ суждено двигаться впередъ. Испанія болѣе другихъ нуждается въ иниціативѣ меньшинства. При пылкости народнаго воображенія, при преобладаніи страстнаго темперамента надъ разсудочной работой, масса можетъ легко кинуться за призрачнымъ благомъ, за волкомъ въ овечьей шкурѣ, за фразерами, дѣйствую-

щими въ реакціонныхъ видахъ. Безъ школы и неустаннаго разбиванія невѣжества ударами науки и точнаго мышленія, никакой политическій переворотъ не гарантированъ отъ реакціи. Вотъ почему направленіе молодежи, ея стремленія и труды, ея гражданская доблесть и умственные задатки и получаютъ такой интересъ для всякаго наблюдателя того соціологическаго процесса, который оптимисты уже окрестили „возрожденіемъ“ Испаніи.

И что-бы не произошло въ этой странѣ, ея правители должны отнынѣ внимать голосу тѣхъ, въ комъ живутъ лучшія упованія Испаніи. Новый король и его совѣтники рискуютъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо, своимъ положеніемъ, если они во-время не поймутъ ихъ.

II.

Бывало, въ Парижѣ, сталкиваясь съ молодыми людьми различныхъ національностей, я старался опредѣлять относительную цифру каждой изъ нихъ. На долю Испаніи приходилась всегда самая почтенная цифра. Пройдитесь по центральной артеріи латинскаго квартала—бульвару St-Michel, прислушайтесь къ разговорамъ въ cafés и пивныхъ, загляните въ студенческіе кружки и вы, навѣрно, наткнетесь на нѣсколько группъ, говорящихъ по-испански. Испанцы отправляются прежде всего въ Парижъ и, разъ попавши туда, находятъ его мѣстомъ „злачнымъ и прохладнымъ.“ Веселиться, учиться, наводить на себя лоскъ, набираться идей—за всѣмъ этимъ испанецъ ѣдетъ во Францію. Вы его не найдете ни въ Англіи (кромѣ эмигрантовъ), ни въ Германіи, ни въ Италіи. Франція давно повліяла на свѣтскую жизнь, на литературныя и соціальныя идеи Испаніи и связь этихъ двухъ странъ производила и производитъ, въ одно и тоже время, и ретроградное, и прогрессивное движеніе. Елисейскія поля, бульвары, придворный и хлыщеватый міръ привлекали изъ-за Пиренеевъ богатыхъ и титулованныхъ молодыхъ людей и дѣлали изъ нихъ изможденныхъ «petit crevés», набитыхъ пустымъ чванствомъ, изъѣденныхъ развратомъ и абсолютизмомъ, въ которомъ они практиковались въ салонахъ Донъ-Карлоса. Дѣти чиновниковъ и промышленниковъ проходятъ почти ту же школу и на лѣвомъ берегу Сены, сидя по цѣлымъ днямъ въ кафе, проводя ночи за баккара въ обществѣ кокотокъ, шулеровъ, бездомныхъ прохо-

димцевъ и кутилъ. Въ пять-шесть лѣтъ эти юноши превращаются въ развратныхъ старикашекъ и вмѣсто юридическихъ и медицинскихъ свѣдѣній выносятъ размягченіе мозга отъ абсента и общее тѣлесное и нравственное разстройство отъ другихъ причинъ... Вотъ двѣ категоріи питомцевъ Парижа. Они возвращаются на родину затѣмъ только, чтобы пополнять армію шалопаевъ, которыми кишатъ кафе вокругъ Puerta del Sol, проѣдать наслѣдства и поступать на государственные „харчи": въ министерствахъ и канцеляріяхъ до сихъ поръ царствуютъ взятки, синекуры и ничегонедѣланье...

Къ счастію, есть третья категорія молодыхъ людей, отправляющихся въ Парижъ съ дѣйствительнымъ желаніемъ вынести оттуда серьозный запасъ знаній и идей. Въ Сорбоннѣ, въ Collége de France, въ медицинской и юридической школахъ, на публичныхъ лекціяхъ и конференціяхъ знакомился я съ этими будущими дѣятелями освобожденной Испаніи. Многіе изъ нихъ пріѣзжаютъ учиться заново съ дипломами докторовъ. Всѣ, кого только я зналъ, отличались горячимъ отношеніемъ къ судьбамъ своей родины и смѣлымъ характеромъ мыслительнаго анализа. Лучшіе люди эмиграціи, жившіе въ Парижѣ до 1868 года, собирали ихъ вокругъ себя, поддерживали въ нихъ энергію и чистоту убѣжденій и знакомили ихъ съ крупными личностями научной, литературной и политической сферы. Не преклоняясь рабски передъ французской интеллигенціей, эти труженики извлекаютъ лучшій ея сокъ, пріобрѣтая ту широту міровоззрѣнія, какая разработывается только въ большихъ центрахъ жизни и науки.

III.

Вотъ къ этому-то разряду и принадлежитъ молодой дѣятель, труды котораго я выбралъ предметомъ моего этюда. Г. Тубино потому занимателенъ для иностранца-изслѣдователя, что въ немъ выразилась настоятельная необходимость, которую чувствуютъ всѣ мыслящіе люди Испаніи: пустить свѣтъ смѣлаго анализа въ различныя сферы знанія и мышленія разомъ, не дожидаясь плодовъ отечественной науки. Популяризація необходима Испаніи болѣе всевозможныхъ открытій и отдѣльныхъ кабинетныхъ ученыхъ. Безъ нея ни политическій, ни соціальный строй не будутъ имѣть прочнаго устоя въ странѣ, гдѣ клерикализмъ не дозволялъ никакихъ втор-

женій положительнаго знанія во тьму изувѣрства и суевѣрія. Г. Тубино—одинъ изъ немногихъ друзей народа, понявшихъ всю важность воспитательной пропаганды. Онъ не глубокій мыслитель, онъ не ученый, онъ не крупный литературный талантъ; но ничто не чуждо ему, и во всѣ области, куда онъ только проникалъ, онъ вносилъ свои вклады и не переставалъ будить мыслительныя силы своихъ соотечественниковъ. На немъ всего легче прослѣдить стремленія лучшаго молодого поколѣнія Испаніи. Его личная судьба представляетъ рядъ стремленій къ свѣту и научной правдѣ, завершившихся полнымъ усвоеніемъ себѣ всѣхъ выводовъ естествознанія и мышленія, симпатичнаго въ самыхъ своихъ недодѣланностяхъ.

Юношей пустился Тубино въ журналистику. Его скоро замѣтили, и молодымъ человѣкомъ 24 лѣтъ онъ былъ уже редакторомъ газеты „Andalucia", издающейся въ Севильѣ. Его дѣятельность началась въ его родномъ краю, Андалузіи, которую онъ любитъ съ восторженностью южной, пылкой натуры. Все въ немъ дышетъ полуарабской воспріимчивостью и плодовитостью. Онѣ побуждали его кидаться то въ ту, то въ другую сторону естествознанія, искусства, археологіи, философіи, не давая ему погрузиться въ дрязги мелкаго журнализма, гдѣ горячій трудъ самообразованія превращается такъ скоро въ сухую рутину, прикрывающую узость понятій и невѣжественность. Онъ придалъ своей газетѣ характеръ, по преимуществу просвѣтительный, укрѣпившись въ убѣжденіи, что политика должна быть положительной наукой, и что тотъ, кто не имѣетъ философскихъ принциповъ, не можетъ быть и передовымъ публицистомъ. Успѣхъ его изданія поддержалъ его въ борьбѣ съ мракобѣсіемъ. Теперь „Andalucia" одна изъ самыхъ распространенныхъ газетъ въ Испаніи. Она выходитъ тремя изданіями и вліяніе ея въ Андалузіи—громадно. На федеральномъ съѣздѣ въ Кордовѣ, на которомъ мнѣ привелось присутствовать, всѣ республиканскіе дѣятели, собравшіеся туда, рѣшили единогласно выразить г-ну Тубино благодарность за его усилія по дѣлу политической и соціальной эмансипаціи на югѣ Испаніи. Онъ живетъ попеременно въ Мадридѣ и въ Севильѣ, пишетъ передовыя статьи, хронику, корреспонденціи и успѣваетъ въ промежуткахъ предаваться научнымъ и литературнымъ этюдамъ съ пыломъ учащагося юноши и съ неустаннымъ желаніемъ что-нибудь разработать и распространить въ массѣ читающаго люда.

IV.

Въ 1866 году Тубино, вслѣдствіе обстоятельствъ „отъ него независящихъ", долженъ былъ оставить редакцію своей газеты. Онъ воспользовался этимъ перерывомъ и занялся съ большимъ жаромъ антропологіей и наукой о доисторическихъ судьбахъ человѣка. Его знакомство съ языками помогло ему въ этихъ этюдахъ. Онъ перечиталъ все, что появилось по антропологіи въ Англіи, Франціи, Германіи и предпринялъ спеціальныя поѣздки по Швейцаріи, Баваріи, Бельгіи, Франціи, Англіи, берегамъ Рейна. По прошествіи двухъ лѣтъ онъ напечаталъ собраніе своихъ конференцій и записокъ подъ заглавіемъ: „Estudios prehistoricos". Тутъ онъ первый изъ новыхъ дѣятелей Испаніи указалъ публикѣ на мѣсто, занимаемое антропологіей въ системѣ положительнаго знанія, и ознакомилъ ее со всѣми изслѣдованіями иностранныхъ ученыхъ вплоть до новѣйшихъ трудовъ. Онъ производилъ и самъ изысканія около Севильи, гдѣ нашелъ весьма замѣчательный могильный склепъ. Въ то же время, онъ сносился со всѣми любителями естествознанія и образовалъ общество доисторической археологіи, которую мадридская академія признала наконецъ, по его настояніямъ, *наукой, стоющей изученія.*

Г. Тубино принадлежитъ къ школѣ научныхъ мыслителей, признающихъ въ природѣ матерію и движеніе, какъ единственные источники бытія, и стремящихся къ единству знанія. Онъ не задумывается поставить науку о человѣкѣ выше всѣхъ остальныхъ. По его мнѣнію, антропологія даетъ ключъ къ изученію вселенной: къ ней нужно восходить для того, чтобы имѣть критерій въ знаніи всей совокупности явленій, доступныхъ нашему пониманію. Такимъ воззрѣніемъ г. Тубино становится солидарнымъ съ цѣлой школой мыслителей и изслѣдователей, раздѣляя ихъ увлеченіе принципомъ „единства силъ природы" и прибавляя къ нему спеціальное увлеченіе антропологіей. Нельзя охуждать его за это. Онъ не былъ бы истымъ андалузцемъ, еслибъ въ его научные и философскіе взгляды не закрался южный темпераментъ. Вопросъ „единства силъ природы" до сихъ поръ еще спорный и ошибка сторонниковъ этого принципа заключается въ торопливости, съ которою они обобщаютъ опыты, произведенные въ нѣкоторыхъ областяхъ точной науки. Не-

сомнѣнно, что отдѣльныя части физики сливаются въ одно цѣлое, а органическая химія, благодаря синтетическимъ работамъ, не разнится больше ничѣмъ существеннымъ отъ химіи неорганической; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что мы имѣемъ право объявлять полное тождество химіи съ физикой и біологіей. Въ іерархіи естествознанія г. Тубино держится болѣе научнаго принципа, ставя ученіе о человѣкѣ на верху научной пирамиды. Простыя науки поглощаются болѣе сложными, а въ антропологіи заключаются двѣ высшія ступени знанія: наука объ организованномъ веществѣ (біологія) и наука о движеніи человѣчества (соціологія).

Тубино, разъ признавъ, что такъ-называемая „Исторія" не разрѣшаетъ самыхъ существенныхъ и знаменательныхъ вопросовъ относительно прогресса человѣчества и не даетъ намъ никакихъ точныхъ данныхъ о происхожденіи и первобытной цивилизаціи человѣка, возлагаетъ всѣ свои научныя упованія на доисторическую археологію. Вотъ какъ онъ разсуждаетъ въ одномъ изъ своихъ антропологическихъ опытовъ:

„...Правда или нѣтъ, что исторія, какова она теперь, со всѣми ея успѣхами, не въ силахъ разсказать намъ первые шаги человѣчества по землѣ и показать, каково было его развитіе съ того времени, откуда начинаются общественные памятники его судебъ? Довольно-ли полна эта исторія, чтобы обнять первые зачатки (полные высокаго интереса) религіознаго и общественнаго развитія, которые зародились до космическихъ явленій, измѣнившихъ теперешнюю земную внѣшность или одновременно съ ними и были до сихъ поръ облекаемы въ самыя нелѣпыя преданія и смѣшныя басни?.. Ни въ какомъ случаѣ!..."

Строгому ученому покажутся, быть можетъ, наивными такіе вопросы, но не нужно забывать, что мы въ Испаніи, гдѣ религіозная нетерпимость сковывала научныя истины болѣе политическихъ. То, что въ нѣмцѣ, французѣ или англичанинѣ отзывается ратованіемъ съ вѣтренными мельницами или вѣщаніемъ истинъ, извѣстныхъ во Франціи, подъ именемъ „Vérités de monsieur la Palisse", то въ вульгаризаторѣ Иберійскаго полуострова — смѣлая и въ высокой степени почтенная пропаганда. Тутъ дѣло не въ новизнѣ, а въ научной подкладкѣ, а эту подкладку Тубино дѣйствительно имѣетъ и не собьется въ своихъ обобщеніяхъ съ прямого, здороваго пути. Онъ отстаиваетъ права возлюбленной имъ науки съ искренностью и смѣлостью, на которую способны очень немногіе изъ европейскихъ

свѣтилъ въ своихъ академическихъ рѣчахъ и популярныхъ книгахъ.

„Антропологія, заявляетъ онъ, не начинается ни писанной исторіей, ни миѳологіей, предполагающими значительную степень умственнаго развитія. Она начинается въ тотъ моментъ, когда исторія земли какъ-бы сливается съ исторіей человѣчества; она начинается геологіей. Земныя лѣтописи еще далеко неполны. И напрасно бы мы стали скрывать трудности, какія намъ предстоятъ на этомъ пути. Но сознавая того, что геологическіе документы заключаютъ въ себѣ большіе пробѣлы, мы все-таки вправѣ утверждать, что пріобрѣтенные результаты способны двигать впередъ антропологическія изысканія.“

Хотя онъ и держится нѣкоторыхъ предвзятыхъ взглядовъ, для него дороги положительные факты и научный строй мышленія. Я не могу входить въ моемъ очеркѣ въ подробное изложеніе того, что имъ затронуто въ его антропологическихъ этюдахъ. Достаточно показать, на какихъ трудахъ и изслѣдованіяхъ основалъ г. Тубино свое міровоззрѣніе, которое мы прослѣдимъ, и на его философско-литературныхъ опытахъ. Онъ воздерживается отъ полемики съ преданіемъ, говоря, что для него важны точные факты, а соглашать ихъ съ тѣмъ, съ чѣмъ они не согласимы, онъ предоставляетъ досужимъ мудрецамъ.

Слова, сказанныя 1 іюля 1869 г. въ общемъ собраніи парижскаго антропологическаго общества извѣстнымъ Брокà, какъ нельзя лучше подходятъ къ такимъ дѣятелямъ, какъ Тубино, и воздаютъ ему и всѣмъ тѣмъ, кто совмѣщаетъ въ себѣ научное рвеніе и гражданскую доблесть, заслуженную похвалу.

Брокà сказалъ:

„По-дѣлóмъ охуждаютъ тѣхъ эгоистовъ ученыхъ, которые подъ удобнымъ предлогомъ углубленія въ свои труды думаютъ, что имѣютъ право оставаться равнодушными ко всѣмъ крупнымъ вопросамъ, волнующимъ человѣческія общества; превосходство ихъ ума и знаній нетолько не даетъ имъ этого права, но напротивъ налагаетъ на нихъ обязанность принимать участіе въ политической жизни и производить должное вліяніе на окружающую среду».

„Они должны интересоваться дѣлами своей родины! Пускай они предаются, глядя по темпераменту, философскимъ, религіознымъ, общественнымъ или гуманитарнымъ задачамъ! Въ добрый часъ!“

V.

Въ точной наукѣ гораздо легче держаться извѣстнаго пріема изслѣдованій, извѣстнаго типа мышленія. Дѣло усложняется, когда анализу подвергаются соціальныя, политическія и нравственныя идеи, которыя выработывались вожаками человѣчества. Тотъ-же Тубино, перейдя изъ области антропологіи въ обширную область соціологіи, начинаетъ колебаться въ ту и другую сторону, не переставая страстно отыскивать истину.

Довольно объемистый томъ, озаглавленный имъ: «Estudios contemporàneos», обнимаетъ громадную программу философско-соціальныхъ этюдовъ. Про эту книжку онъ выразился словами Монтеня: «Ceci est un livre de bonne foi», поставивъ ихъ эпиграфомъ. И въ самомъ дѣлѣ, искренность автора не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Онъ высказывается безъ обиняковъ и старается ввести въ свой анализъ какъ можно больше существенныхъ элементовъ; но врядъ-ли все то, о чемъ онъ толкуетъ, провѣрено его собственнымъ анализомъ. Позволяю себѣ такое сомнѣніе вслѣдствіе односторонности, закравшейся въ приговорахъ надъ различными системами и доктринами. У Тубино слишкомъ бойкій и воспріимчивый умъ, чтобы не оцѣнить крупной иниціативы, хотя бы къ ней и примѣшано было много увлеченія; но желая захватить какъ можно больше матеріала, онъ довѣрился коментаторамъ вовсе не того направленія, къ которому онъ самъ принадлежитъ. Его «Современные этюды» раздѣляются на три отдѣла. Первый, носящій заглавіе «Los intereses morales y los materiales» (Нравственные и матеріальные интересы), представляетъ систематическій очеркъ исторіи развитія человѣчества въ его главнѣйшихъ культурныхъ и философскихъ моментахъ. Послѣ картины историческаго движенія древности и средневѣковой эпохи идетъ очеркъ философскихъ системъ послѣ реформаціи: Бэконъ, Декартъ. Локъ, Энциклопедія, Вольтеръ, Соціальныя теоріи и доктрины С. Симона, Фурье, Р. Оуэна, Чартизма, Бентама разбираются имъ въ видѣ теоретическаго предисловія къ картинѣ пауперизма и проституціи, къ вопросу о воспитаніи женщины и къ анализу Мультусова закона. Отдѣлъ заканчивается обозрѣніемъ матеріальныхъ успѣховъ человѣчества и личными взглядами автора на сліяніе ду-

ховныхъ и вещественныхъ интересовъ и на свободу, какъ средство излечить язвы и немощи современной цивилизаціи, при помощи равенства и правосудія.

Второй отдѣлъ „Современныхъ этюдовъ“ посвященъ очерку политическихъ и административныхъ системъ, подъ общимъ заглавіемъ: „Philosophia politica“. Тутъ разбираются всѣ вопросы государственнаго управленія и пересматриваются еще разъ идеи и установленія древности и среднихъ вѣковъ. Начиная съ эпохи возрожденія, авторъ входитъ въ болѣе подробный разборъ идей и системъ Макіавелли, Т. Мура, Руссо, Канта, исторической и абсолютистской школы, Шеллинга, Фихте, Гегеля. Онъ разбираетъ отношенія соціальныхъ теорій къ государству, эклектическій соціализмъ, мнѣніе такъ-называемой „административной школы“ и вопросъ о государственной централизаціи. Взгляды и мнѣнія современныхъ публицистовъ, каковы: Дюпонъ-Уайтъ, Одилонъ-Баро, Жюль-Симонъ, приводятъ его отъ критики либерализма въ различныхъ развѣтвленіяхъ къ анализу идей Прудона и демократическихъ школъ. Отдѣлъ заканчивается школой индивидуалистовъ, гдѣ Миллю отведено главное мѣсто. Послѣдняя глава трактуетъ объ общихъ понятіяхъ государства, его границахъ, его компетентности, объ индивидѣ, его правахъ и обязанностяхъ и наилучшихъ условіяхъ свободы. Третій отдѣлъ, носящій заговолокъ „De la justicia y la libertad on las elecciones“ (О правосудіи и свободѣ при выборахъ), заключаетъ въ себѣ теоретическія и практическія соображенія о выборномъ началѣ и его примѣненіяхъ въ различныхъ государственныхъ и общинно-земскихъ условіяхъ.

Какъ видите, „Современные этюды“ Тубино—нѣчто въ родѣ кодекса и энциклопедіи философско-соціальныхъ идей и свѣдѣній. Обширность программы показываетъ замѣчательную воспріимчивость автора, задѣвающаго рѣшительно всѣ существенные вопросы, по которымъ публицистъ, работающій въ духѣ эмансипаціи своей родины, долженъ имѣть опредѣленные приговоры, симпатіи и выводы. Еслибъ г. Тубино и воздержался отъ всякихъ личныхъ взглядовъ, его книга все-таки была бы лестнымъ документомъ его начитанности и интеллигентныхъ стремленій.

VI.

Видно, что Тубино, составляя свою книгу, укрѣпился въ политическомъ принципѣ народной автономіи и свободы. Съ этого пункта онъ не сходитъ и вездѣ остается послѣдовательнымъ въ чисто-политическихъ вопросахъ.

Въ предисловіи мы читаемъ:

„Законъ переворотовъ есть законъ человѣчества для всей вселенной. Тотъ, кто его отрицаетъ, можетъ, если ему угодно, отрицать и то, что солнце свѣтитъ, а огонь жжетъ. Физическому закону геологическихъ переворотовъ соотвѣтствуетъ нравственный законъ научныхъ, экономическихъ, политическихъ, литературныхъ и соціальныхъ переворотовъ. Прогрессъ поступаетъ постоянно такимъ путемъ: сильные протесты, сильные кризисы и крупныя разрѣшенія; послѣ чего начинается опять то же движеніе. Задачи, представляющія собою неизвѣстное, являются, вначалѣ, какъ стремленіе недовольныхъ настоящимъ, опередившихъ свое время; антитеза есть торжествующій переворотъ, отрицаніе, сдѣлавшееся положеніемъ, умиротворенный протестъ, удовлетворенная нужда, утопія, превратившаяся въ доказанную и признанную истину."

Эта тирада показываетъ, какъ Тубино далекъ отъ всякаго доктринаризма. Но чисто-политическихъ симпатій недостаточно въ критикѣ философско-соціальныхъ доктринъ, знаменующихъ собою усилія друзей человѣчества въ разрѣшеніи роковыхъ задачъ и немощей соціальнаго тѣла. Разбирая ученія С. Симона, Фурье, въ особенности Р. Оуэна и І. Бентама, Тубино слишкомъ довѣряетъ доктринерамъ-коментаторамъ, вродѣ Ребо, противъ которыхъ самъ же потомъ ратуетъ на чисто политическомъ полѣ. Я не стану упрекать его въ томъ, что онъ не становится слѣпымъ послѣдователемъ того или иного новатора; но человѣку съ научной подкладкой менѣе простительно проглядѣть настоящія заслуги мыслителя и произвольно объяснять его принципы. Въ сенсимонизмѣ онъ видитъ опасность для общественной морали, преувеличивая ученіе С. Симона о страстяхъ и ихъ законности. Инаціативу же С. Симона, какъ возбудителя идеи объ историческихъ законахъ, онъ упускаетъ изъ вида; а они-то бы и должны были освѣтить ему истинный взглядъ на этого мыслителя. Если исторія, составляемая метафизиками и диллетантами,

не удовлетворяетъ его, если онъ ищетъ такихъ же прочныхъ законовъ въ движеніи человѣческихъ обществъ, какіе видны въ природѣ, ему прежде всего слѣдовало бы оцѣнить высокодаровитый починъ С. Симона, сказавшійся въ требованіи научныхъ основъ и для политико-соціальныхъ системъ и знаній. Точно также близоруко относится Тубино и къ ученію Р. Оуэна о вмѣняемости. Въ ней онъ видитъ опять мнимую общественную опасность и удивляется, какъ Эмиль-де-Жирарденъ, выходя изъ того же основного принципа, какъ и Р. Оуэнъ, утверждаетъ, что „человѣкъ заблуждающійся не можетъ не заблуждаться“, что »преступленія должно называть ошибками« и что „ни у кого нѣтъ права наказывать ихъ, вмѣсто того чтобы предупреждать ихъ взаимной помощью“. Какъ антропологъ, Тубино не можетъ отрицать научности терпимаго отношенія къ человѣческимъ преступленіямъ и проступкамъ. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, онъ навѣрно разсуждалъ бы, какъ мыслитель, основывающійся на точныхъ фактахъ человѣческой организаціи, а не на метафизическихъ абсолютахъ. Но его увлекъ идеализмъ гражданственности, въ которомъ я и нахожу источникъ всѣхъ его противорѣчій и ложныхъ проговоровъ. Менѣе страстно отнесся онъ къ Бентаму. Онъ говоритъ:

»Въ основѣ его полезности лежитъ высокая самоотверженность. Цѣль Бентама—доставить индивиду, какъ члену общества, все то добро, какого онъ только въ состояніи достичь на землѣ, а обществу, какъ совокупности разумныхъ существъ, наибольшую сумму блага.“

Ученіе утилитаризма безпокоитъ Тубино и онъ съ живостію восклицаетъ:

»Польза имѣетъ постоянныхъ защитниковъ въ чувствахъ, въ соперничествѣ, въ честолюбіяхъ; самоотверженность же живетъ въ одиночествѣ и ея голосъ такъ слабъ, что почти никогда не доходитъ до слуха человѣка, вращающагося въ водоворотѣ житейской суеты.«

Рыцарскій духъ самоотреченія и принципъ братства возбуждаетъ въ Тубино почти негодованіе къ идеямъ Мальтуса о народонаселеніи. Его взглядъ на пауперизмъ и проституцію проникнутъ горячимъ демократическимъ чувствомъ; но ему противно подчиниться роковой необходимости общественныхъ феноменовъ. Онъ желаетъ бороться съ ними до истощенія силъ и все, что можно поднять, облагородить, возродить измѣненіемъ формъ и условій жизни, находитъ въ

немъ страстнаго защитника. Въ женщинѣ онъ въ особенности клеймитъ себялюбіе и бездушіе общества, не разрѣшая однакожъ вопроса ея полной эмансипаціи. Я могъ бы привести въ переводѣ десятки теплыхъ и продуманныхъ страницъ, гдѣ Тубино, заявляя свои гуманитарныя стремленія, силится согласить матеріальныя нужды человѣчества съ духовнымъ преуспѣяніемъ, но у меня не хватитъ мѣста. Не вдаваясь въ отчаянный пессимизмъ, онъ глубоко скорбитъ о торжествѣ неправды и узурпаціи, о нищетѣ и неволѣ рабочаго люда, обо всѣхъ ужасахъ пролетаріата. Въ его іеремiадахъ чувствуется не слащавая меланхолія, а жаркое стремленіе молодости уврачевать всѣ общественныя немощи широкой струей добра, братства и свободы!..

„Тяжело (восклицаетъ онъ на заключительной страницѣ перваго отдѣла своей книги), возмутительно видѣть, какъ рядомъ съ семействами, расточающими громадные капиталы, цѣлыя семьи мрутъ съ голода; томительно сознавать, какъ разумныя существа жертвуютъ жизнью изъ-за куска территоріи; омерзительно смотрѣть на то, какъ чистое существо превращается въ помойную яму проституціи; грустно становится при взглядѣ на убійственный трудъ пролетарія, принужденнаго задыхаться въ вонючихъ мастерскихъ, въ то время какъ миліоны празднаго люда утопаютъ въ развратѣ; глубоко-поразительны душевныя страданія, доводящія до самоубійства; но еще грустнѣе, еще больнѣе видѣть, какъ человѣчество втеченіе тысячи лѣтъ то падаетъ, то поднимается, сегодня сдавленное кастами въ Индіи, завтра съ невольничествомъ женщины въ Египтѣ, то въ развратномъ Вавилонѣ, то въ безстыдныхъ Аѳинахъ, то подъ гнетомъ Цезарей, то на протяженіи средневѣковья съ его возмутительными господскими правами и религіознымъ изувѣрствомъ вплоть до нашихъ дней, до царства противорѣчій, до круговорота добра и зла, до того момента, когда цивилизація, точно богъ Янусъ, кажетъ два лица, одно всегда обращенное къ пороку и заблужденію, другое—къ истинѣ и добродѣтели.

„Если мы хотимъ положить предѣлъ всѣмъ этимъ колебаніямъ, всѣмъ этимъ немощамъ и невзгодамъ, обратимся же къ нашей энергіи и доброй волѣ, необходимымъ для высокихъ патріотическихъ попытокъ, указывающимъ путь грядущаго, держа въ рукахъ знамя человѣческаго прогресса. На немъ написаны эти два слова, долженствующія совмѣщать въ себѣ всю дѣятельность человѣка:

„Правосудіе и свобода.“

VII.

Въ области государственно-административной Тубино является вполнѣ свободнымъ отъ всякихъ примѣсей дурно направленнаго идеализма. Въ ней онъ вполнѣ свѣжій человѣкъ и вдобавокъ—болѣе компетентный. То, что въ соціально-философскихъ вопросахъ мѣшаетъ ему отнестись къ предмету съ должной широтой, становится добрымъ импульсомъ. Его взглядъ на составъ и атрибуты государства не терпитъ никакихъ компромисовъ. Онъ врагъ централизаціи. Къ его теоретическимъ соображеніямъ, подкрѣпленнымъ здравой и точной критикой, присоединяется его личное чувство. Тубино—андалузецъ; а въ Андалузіи идеи автономіи и федерализма живутъ издавна, и всѣ передовые дѣятели теперешней Андалузіи стремятся единодушно къ федеральному народоправству. Конституціонализмъ встрѣчаетъ въ Тубино энергическаго, безпощаднаго критика, показывающаго, не прибѣгая къ рѣзкостямъ, всю призрачность и искуственность этого государственнаго уклада.

„Конституціонализмъ, говоритъ Тубино, занимается больше сути вещей пустыми фразами, запутываясь въ лабиринтѣ теорій. Нѣтъ ничего хитро-сплетеннѣе его положеній; они блестятъ, но содержаніе ихъ ничтожно и ошибочно."

И потомъ:

„Эта доктрина не удовлетворяетъ желаніямъ народовъ по главному вопросу опредѣленія границъ, какими должно сдерживать дѣйствія государства въ его отношеніяхъ къ индивиду."

Къ Миллю, какъ представителю индивидуализма, въ его высшихъ философскихъ и государственныхъ моментахъ, Тубино относится трезво, безъ придирокъ, безъ восторженныхъ фразъ, не обвиняя его ни въ чемъ произвольно, но показывая вездѣ, гдѣ можно, державную необходимость соглашенія между государственнымъ и индивидуальнымъ принципомъ. Тому же пріему онъ слѣдуетъ и въ оцѣнкѣ политическо-соціальной критики Прудона. Мощный умъ французскаго полемизатора и обличителя современной анархіи нашелъ вѣрные отголоски въ симпатіяхъ и стремленіяхъ испанскаго публициста. Онъ становится на сторону Прудона, котораго онъ называетъ „el escritor mas calumniado de la epocha" (болѣе всѣхъ оклеветанный

писатель нашей эпохи), въ разсмотрѣніи взаимныхъ правъ гражданина и государства, цитируя параграфъ изъ Прудонова этюда: „Война и Миръ“, гдѣ говорится, что граждане, не имѣющіе гражданской доблести, не могутъ требовать отъ государства уваженія своей свободы.

„Нужно, заключаетъ свой доводъ Тубино, взять въ разсчетъ нашу соціальную идіосинкразію, наши стремленія, наши недостатки и достоинства, и когда все это будетъ обслѣдовано, взвѣшено и классифицировано, когда наши государственные перевороты будутъ объяснены въ ихъ причинахъ и послѣдствіяхъ, хорошихъ и дурныхъ, съ разсмотрѣніемъ партій, борющихся на политической аренѣ, тогда, не забывая умственнаго развитія страны, слѣдуетъ рѣшить, что̀ нужно сдѣлать для приведенія въ гармонію нашего прогресса посредствомъ началъ истиннаго знанія и гарантій свободы“.

Но время принесло вмѣсто теоретическаго отвѣта сентябрскую революцію, и публицистъ, написавшій эти строки, очутился въ рядахъ живыхъ дѣятелей, которымъ дороги научныя истины, но еще дороже самое скорое возстановленіе свободы и федеральнаго народоправства. За то и другое онъ борется теперь нетолько на столбцахъ своей „Andalucia“, но и какъ руководитель передовыхъ группъ, готовящихся къ бою съ реакціей и полу-произволомъ, надѣвшими личину либерализма.

VIII.

Въ области искусства Тубино плаваетъ, какъ рыба въ водѣ Свою родную Севилью онъ изучилъ съ пыломъ мѣстнаго патріота. Въ церквахъ, монастыряхъ, дворцахъ и частныхъ домахъ онъ высмотрѣлъ каждую картину, каждую мозаику, каждую архитектурную подробность. Не безъ гордости указывалъ онъ намъ въ севильскомъ соборѣ на нѣсколько картинъ, „имъ открытыхъ“, какъ онъ выражался. Его диллетантизмъ просвѣтленъ всѣмъ тѣмъ, что появлялось серьезнаго и талантливаго въ иностранныхъ литературахъ объ испанскомъ творчествѣ. Человѣку, преданному дѣлу освобожденія народа, среди трудовъ и разочарованій пропаганды, отрадно окунуться въ прошедшее, гдѣ значатся дѣйствительно крупные продукты народнаго генія. Надъ современной Испаніей тяготѣетъ столько

приговоровъ неспособности, безлюдья, мертвенной спячки, что впечатлительному человѣку, желающему возбудить умственную и творческую энергію въ своихъ сверстникахъ, необходимо убѣдиться какъ можно глубже въ производительности протекшихъ вѣковъ....

Выборъ Тубино палъ какъ-разъ на три творческія силы въ двухъ отрасляхъ изящнаго искуства—на Сервантеса, на Мурильо и на бойца художественнаго возрожденія, артиста и критика, Павла Сеспедеса, игравшаго роль насадителя идей о прекрасномъ, какія Италія унаслѣдовала отъ античнаго міра. Тутъ національное чувство было удовлетворено въ молодомъ изслѣдователѣ. Тутъ не приходилось сознавать такъ горько всю отсталость родины, какъ въ дѣлѣ научнаго движенія и философско-соціальныхъ идей. Напротивъ, матерьялъ, надъ которымъ трудился Тубино, говорилъ его народной гордости, что въ ту эпоху, когда Испанія считала въ ряду своихъ дѣятелей такіе таланты, какъ Сервантесъ, Кальдеронъ, Мурильо, ей нечего было стыдиться своей интеллигентной бѣдности... До сихъ поръ всѣ испанцы, даже самые молодые, живутъ еще памятью объ эпохѣ крупныхъ талантовъ. Въ нихъ звучитъ струна того, что французы прозвали „шовинизмомъ", какъ только рѣчь коснется художественнаго прошлаго. Ни одинъ изъ нихъ не преминетъ заявить вамъ, что итальянцы и французы всѣмъ обязаны испанской поэзіи, что безъ нея не было бы въ Европѣ театра, что въ живописи испанскій геній нашелъ сочетаніе всѣхъ творческихъ элементовъ, что безъ Сервантеса романъ никогда бы не сдѣлался преобладающей формой литературнаго творчества. Шутники увѣряютъ, что испанцы окрещиваютъ въ національной купели даже офенбаховскую музыку... Это самохвальство было бы смѣшно и печально, еслибъ въ прошедшемъ Испаніи не стояло нѣсколькихъ всемірныхъ именъ, и еслибы въ молодомъ поколѣніи не видѣлось здороваго движенія во имя свободы и знанія.

IX.

Донъ-Кихотъ сдѣлался такимъ-же нарицательнымъ именемъ, какъ Тартюфъ и Альцестъ; но психическо-нравственные комментаріи этого типа характеризуютъ исключительно нашу эпоху. Всѣ предыдущія столѣтія, въ лицѣ своихъ эрудитовъ и умниковъ, доискивались со-

вершенно другого. Одному хотѣлось доказать, что „Донъ-Кихотъ" стоитъ выше или ниже той или иной классической нормы, другому, что Сервантесъ желалъ осмѣять то или иное важное лицо, третьему, что онъ изобразилъ аллегорію, которую слѣдуетъ распутать. Тубино обозрѣваетъ всѣхъ комментаторовъ „Донъ-Кихота" и находитъ, что до 30-хъ годовъ XIX вѣка не появилось ни одного анализа, въ которомъ значеніе и красоты сервантесовой поэмы были бы поставлены въ настоящемъ свѣтѣ. Онъ останавливается на „Comentarios de D. Diego Clemencin", изданныхъ въ 1833 году, гдѣ авторъ впервые постарался очистить смыслъ „Донъ-Кихота" отъ пустой болтовни досужихъ эрудитовъ. Въ этомъ критикѣ онъ видитъ здоровое отношеніе къ творчеству Сервантеса, желаніе привести литературный продуктъ въ тѣсную связь съ эпохой, съ современными идеями и съ общими вопросами красоты и нравственности. Изъ новѣйшихъ иностранныхъ критиковъ Тубино говоритъ въ особенности о Сисмонди, Кантю и Віардо. Мнѣніе его о Віардо потому стоитъ привести, что этотъ французскій критикъ, связанный дружбой съ нашимъ романистомъ И. С. Тургеневымъ—и въ изученіи сервантесовой поэмы солидаренъ съ нимъ. Віардо придаетъ личности Донъ-Кихота тотъ глубокій нравственный смыслъ, который И. С. Тургеневъ развилъ въ своей лекціи „Гамлетъ и Донъ-Кихотъ", показывая высокія душевныя доблести осмѣяннаго „ingenioso hidalgo" сравнительно съ эгоистомъ-Гамлетомъ, проникнутымъ идеей личной мести, на которую у него не хватаетъ темперамента. Віардо находитъ, что еслибъ Донъ-Кихотъ былъ только литературной сатирой, онъ остался бы посредственнымъ произведеніемъ. Не оспаривая нравственнаго толкованія личности рыцаря печальнаго образа, Тубино не безъ основанія замѣчаетъ, что и такіе критики, какъ Віардо, Кантю и Сисмонди придаютъ все-таки Сервантесу много цѣлей и замысловъ, какихъ онъ не имѣлъ и не могъ имѣть. Сервантесъ писалъ, не мудрствуя лукаво, и прямо говоритъ въ прологѣ къ своей „simple y sencilla historia", какъ хотѣлъ осмѣять выживающую рыцарскую шумиху, питавшуюся въ его время глупыми книжками, которымъ онъ желалъ положить предѣлъ.

Тубино прекрасно дѣлаетъ, держась прежде всего искренняго отношенія самого автора къ своему произведенію. Авторъ можетъ ошибаться въ степени собственнаго дарованія. Онъ не въ состояніи предвидѣть, какія красоты найдутъ въ немъ потомки; но его цѣль

всегда принадлежитъ ему и его эпохѣ. Онъ всегда проявляетъ въ своемъ творческомъ продуктѣ одинъ изъ главныхъ признаковъ времени. Этихъ признаковъ и слѣдуетъ искать здоровому критику искуства. Моральныя обобщенія—дѣло чисто субъективное. Они мѣняются каждое десятилѣтіе. Позволительно и даже должно показать въ критическомъ анализѣ, насколько тотъ или иной типъ симпатиченъ намъ, т. е. насколько онъ приближается къ нашему человѣчному идеалу; но это не даетъ ни малѣйшаго права навязывать художнику соображенія, вышедшія изъ мозговыхъ аппаратовъ настоящей минуты. Въ литературной критикѣ умничать легче, чѣмъ гдѣ-либо, потому-то она и наводнена самыми разнокалиберными приговорами о художественномъ достоинствѣ одного и того же произведенія, если оно, какъ „Донъ-Кихотъ", обошло весь грамотный міръ.

Тубино, воздерживаясь отъ приписыванія Сервантесу небывалыхъ цѣлей, не умаляетъ нисколько удѣльнаго вѣса нравственной личности Донъ-Кихота.

Онъ говоритъ:

„Размышляя надъ Донъ-Кихотомъ, прочитывая любое изъ его похожденій, самое простое, приходишь къ опредѣленію этихъ двухъ достоинствъ, этихъ двухъ значеній, которыя не исключаютъ одно другого, не враждуютъ между собою, потому что они логичны, какъ роковой выводъ силлогизма. Съ одной стороны, Сервантесъ подрываетъ странствующее рыцарство, которое онъ нашелъ одряхлѣвшимъ, въ разладѣ съ вѣкомъ и съ идеаломъ практической жизни, съ правомъ и здоровой философіей; съ другой стороны, онъ представилъ существованіе иного рыцарства, одерживающаго болѣе побѣдъ, не вооружаясь щитомъ, не покрываясь шлемомъ. Что изображаетъ „Донъ-Кихотъ" въ философскомъ смыслѣ? Настоящій типъ благороднаго гидальго, правдиваго, человѣчнаго, милосердаго, терпимаго ко всѣмъ людскимъ немощамъ и слабостямъ, непримиримаго врага порока, лжи, безнравственности и преступленія. Что такое донкихотство? Порывъ души, стремящейся въ силу тайнаго голоса правды и состраданія къ покровительству слабаго и къ помощи страждущему. Эгоизмъ скептиковъ можетъ конечно осуждать такое поведеніе, но самоотверженность добрыхъ людей будетъ всегда стоять за него".

X.

Донъ-Кихотъ и Гамлетъ одинаково озабочиваютъ критиковъ и коментаторовъ своей душевной болѣзнью. Нѣмцы еще долго будутъ спорить на тэму: сумасшествіе Гамлета было-ли настоящее или притворное? Точно также и Донъ-Кихотъ вызвалъ не мало разсужденій о своемъ умственномъ разстройствѣ. Тубино полемизируетъ по этому поводу съ Don Nicolas Diaz de Bensimla, авторомъ „Estafeta de Urganda", подавшимъ ему поводъ этюда о ломанчскомъ рыцарѣ. Д. Бенсимла утверждаетъ, что въ Донъ-Кихотѣ должно признать меланхолію. Тубино же, вооружаясь всѣмъ, что ему извѣстно по психіатріи, доказываетъ, что душевная болѣзнь, овладѣвшая Донъ-Кихотомъ—„разсуждающая мономанія", или „моральная дурь", или „дѣятельное сумасшествіе", слѣдуя разнымъ психіатрамъ. Доводы Тубино толковѣе діалектики его противника. Онъ старается основать ихъ на мнѣніяхъ спеціалистовъ, но довѣряетъ многимъ положеніямъ старыхъ психіатровъ безъ должной критики. Даже такой изувѣръ идеализма, какъ Руайе-Колляръ, извѣстный своими архиметафизическими взглядами на умопомѣшательство, кажется ему авторитетнымъ мыслителемъ въ этомъ вопросѣ.

„Донъ-Кихотъ", говоритъ онъ, все равно что Жанна д'Аркъ, Фурье, Огюстъ Контъ и многіе другіе *мономаны*, преслѣдуетъ свой химерическій идеалъ, создавши вокругъ этого центра совершенно вымышленный міръ, который не мѣшаетъ ему, однакожъ, разсуждать здраво во всемъ, что не касается его пунктика".

Такая параллель—черезчуръ рискованна... Мономаны, подобные Фурье и Конту, даже и въ предѣлахъ своего идеала, создаютъ умственныя построенія, сосредоточивающія въ себѣ тенденціи цѣлой генераціи, или рядъ законовъ, добытыхъ знаніемъ. Еще къ теософіи Фурье можно въ извѣстной степени примѣнить теорію мономаніи, но главный и незыблемо-прочный трудъ Огюста Конта: „Система положительнаго мышленія" тогда только назовется продуктомъ мозговой горячки мономана, когда естественные законы, обобщаемые въ ней, перестанутъ быть для насъ источникомъ правды. До сихъ поръ не одинъ Тубино, мало знакомый съ трудами Конта, но и спеціальные критики философскихъ системъ, умышленно или по непониманію, смѣшаютъ два періода умственной дѣятельности Конта и періодъ мозговаго разстройства распространяютъ и на эпоху свѣтлаго научнаго мышленія...

XI.

Послѣ поэмы Сервантеса, у испанцевъ нѣтъ ничего универсальнѣе въ мірѣ искуства, какъ картины Мурильо. Даже драматурги, создавшіе ихъ театръ, Калдеронъ, Лопе де-Вега, Тирсо де-Молина, не такъ общеизвѣстны, какъ художникъ, написавшій „Непорочное зачатіе“ Лувра. Въ Мурильо сказался такой своеобразный пошибъ, что его соотечественникамъ нельзя не ставить его на показъ вселенной, нельзя не подавать его, какъ говорятъ французы, „à toute sauce“. Андалузцы въ особенности гордятся имъ. Въ Севильѣ народился и разцвѣлъ талантъ Мурильо. Тамъ же и должно искать всѣхъ подробностей, обставляющихъ изученіе его творческаго поприща. Тубино, пользуясь всѣмъ, что иностранные знатоки и критики искуства написали о севильскомъ мастерѣ и сказали объ его произведеніяхъ, составилъ свой этюдъ, безъ лишнихъ подробностей эрудиціи, но по широкой программѣ. Послѣ общихъ соображеній объ эпохѣ, къ которой принадлежалъ Мурильо, и о пластическомъ искуствѣ вообще, онъ характеризуетъ борьбу художественнаго романтизма съ идеалами, вынесенными изъ Италіи. Особенный характеръ испанской живописи въ XVI и XVII вѣкахъ показываетъ онъ на тенденціяхъ крупныхъ мастеровъ, останавливаясь спеціально на севильской школѣ. Къ личности Мурильо и его судьбѣ Тубино отнесся съ симпатіей пылкаго диллетанта и патріота. Всѣ главнѣйшія обстоятельства жизни художника разсказаны старательно, съ сохраненіемъ колорита эпохи, съ характеристикой натуры и нравственныхъ стремленій. Въ главѣ о философскомъ значеніи Мурильо, Тубино впадаетъ въ ложный тонъ. Онъ правъ, говоря, что передъ появленіемъ Мурильо школа севильскихъ мастеровъ исчерпала традиціи итальянскаго искуства. Идеалы эпохи возрожденія, занесенные мастерами, учившимися въ Италіи, не въ состояніи уже были дать плодотворный импульсъ фантазіи и мастерству. Культъ прекраснаго тѣла и скульптурныхъ формъ—произвелъ поворотъ къ здоровому пониманію пластики, но, перейдя потомъ въ утонченность, сказался въ фальши и манерности, какъ это мы видимъ и у итальянскихъ мастеровъ, начиная съ Карачей. Мурильо сразу внесъ съ собою задушевное, лирическое содержаніе и окрасилъ свое творчество въ туземный, страстный колоритъ. Это—несомнѣнно. Но въ его картинахъ сказалось точно тоже, что и въ картинахъ Рембранта. Онѣ

заговорили о цѣломъ мірѣ нравственныхъ стремленій, которыми одушевлена была среда, окружающая художника, помимо его личныхъ взглядовъ и пристрастій. Въ нихъ выразился также ярко испанскій лиризмъ, какъ въ произведеніяхъ Рембранта—идеализмъ фламандской расы. Тубино хочетъ выставить Мурильо романтикомъ, который рѣшился выкурить духъ языческой чувственности и замѣнить ее восторженнымъ культомъ религіознаго идеала, въ чемъ и успѣлъ блистательно. Если бы даже Мурильо и проникнутъ былъ такимъ субъективнымъ стремленіемъ, то для серьезной критики искуства личные взгляды художника—дѣло второстепенное. Они не характеризуютъ собою эпохи, а только общіе признаки ея и составляютъ крупное содержаніе всякаго искуства. Какъ бы ни былъ смѣлъ мистическій романтизмъ Мурильо, его манера заняла въ исторіи пластики высокое мѣсто за то чувство *реальной* правды и задушевной прелести, которое дѣлаетъ его творчество вѣчно юнымъ и разнообразнымъ, не смотря на замѣчательное однообразіе сюжетовъ. Мурильо выразилъ всѣ духовныя порыванія своей эпохи самымъ реальнымъ письмомъ, какъ и слѣдовало настоящему художнику, и его стиль есть такое же чувственное проявленіе извѣстныхъ соціальныхъ феноменовъ, какъ и творчество Рембранта, который въ грязь самаго безпощаднаго реализма вносилъ всегда лучъ только ему одному принадлежащаго нравственнаго свѣта.

Свои художественные этюды Тубино завершаетъ добросовѣстнымъ и интереснымъ трудомъ (особливо для любителей), удостоившимся преміи: біографіей и оцѣнкой дѣятельности Пабло-де-Сеспендесъ, въ которомъ онъ видитъ настоящаго насадителя новаго письма въ Испаніи и учителя цѣлой категоріи андалузскихъ мастеровъ, разнесшихъ по всей Испаніи культъ прекраснаго тѣла. Въ Пабло-де-Сеспендесъ кромѣ артиста жилъ и мыслитель. Онъ оставилъ нѣсколько трудовъ по критикѣ и художественной эрудиціи и стремится постоянно сочетать безупречную пластическую форму съ внутреннимъ содержаніемъ. Тубино приводитъ въ своей монографіи не только подробности путешествій Пабло-де-Сеспендесъ по Италіи, его работъ и знакомствъ, но и обстоятельный списокъ всѣхъ мастеровъ его цикла, какъ итальянскихъ, такъ и андалузскихъ, съ 1538 по 1608 годъ, съ описаніемъ всѣхъ его картинъ, скульптурныхъ вещей, этюдовъ и рисунковъ. Размѣры этого очерка не позволяютъ мнѣ цитировать подробности, которыя впрочемъ были

бы занимательны только для спеціальныхъ любителей изящнаго искуства.

XII.

Я представилъ въ краткомъ очеркѣ умственную дѣятельность одного изъ талантливыхъ и бойкихъ поборниковъ возрожденія Испаніи. Читатель видѣлъ, что во взглядахъ его много блуждающаго и непрочнаго. Онъ противорѣчитъ себѣ въ симпатіяхъ и стремленіяхъ. Точное знаніе, которое онъ считаетъ краеугольнымъ камнемъ своего теперешняго міровоззрѣнія, еще не на столько владѣетъ имъ, чтобы замѣнить запасъ дурно направленнаго идеализма чѣмъ нибудь болѣе прочнымъ. Добрые задатки въ политическомъ и соціальномъ смыслѣ сталкиваются еще въ этюдахъ Тубино съ повтореніемъ ограниченныхъ приговоровъ доктринерства надъ различными идеями и принципами, къ которымъ молодой дѣятель отнесется въ скоромъ времени съ болѣе научной критикой. Я нарочно хотѣлъ взять такого публициста, какъ Тубино, не затмѣвающаго остальную пишущую братію блескомъ своихъ дарованій и мыслительнаго почина. Это—medium интеллигентной сферы, но medium хорошаго калибра. Такихъ дѣятелей Испанія еще не насчитываетъ сотнями. Ихъ нѣсколько десятковъ, не болѣе. Но если при здоровомъ міровоззрѣніи вся масса молодыхъ людей, готовыхъ служить родинѣ, выскажетъ столько же энергіи въ изученіи памятниковъ родного искусства и трудовъ всѣхъ крупныхъ умовъ запада—Испанія черезъ 20—30 лѣтъ сдѣлаетъ громадные успѣхи. Пускай даже извѣстная доля шовинизма сохранится въ этихъ молодыхъ людяхъ, только бы они работали такъ, какъ редакторъ газеты „Andalucia". Есть не мало передовыхъ испанцевъ, въ глазахъ которыхъ Тубино недостаточно радикаленъ и даже просто отсталый публицистъ; ихъ радикализмъ гораздо дѣятельнѣе его мнѣній; но они — ничтожное меньшинство. Ихъ пропаганда приноситъ плодъ только благодаря людямъ, обращающимъ свою любознательность на все, что существенно въ движеніи міровыхъ идей и въ національномъ творчествѣ.

Петръ Боборыкинъ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ ТЕМНАГО ЛЮДА

(Романы, повѣсти и разсказы Ѳ. Рѣшетникова).

I.

Съ сороковыхъ годовъ, подъ вліяніемъ идей запада, наша литература начинаетъ замѣтно измѣнять свой характеръ. Она изъ примѣровъ Жоржъ Занда, Сю и другихъ французскихъ писателей этой школы увидѣла, что не весь міръ заключается въ міркѣ будуаровъ и гостиныхъ, въ которомъ она до того времени жила; что за этимъ міркомъ широко раскидывается міръ, въ которомъ мірокъ будуаровъ и гостиныхъ кажется крохотной ничтожной точкой—великій міръ народной жизни, міръ страданій, невѣжества, страха, упорной, трудной, безнадежной борьбы; она поняла наконецъ, что за героями и героинями этого великосвѣтскаго мірка съ ихъ утончёнными чувствованіями, изящными и безплодными разговорами и не менѣе изящными и безплодными волненіями и стремленіями стоитъ цѣлая масса людей, передъ трудовой жизнью которыхъ жалки и смѣшны эти изящные разговоры, волненія и стремленія, стоитъ великая сила, народъ, — сила, которою держится общество, которая одна даетъ и смыслъ и цѣль жизни всѣхъ лучшихъ людей вѣка, героевъ не гостиныхъ и будуаровъ, но дѣйствительной жизни. И литература наша признала, что вниманія ея заслуживаетъ и мужикъ, изживающій свой труженическій вѣкъ за сохой, и мастеровой, не разгибающій по цѣлымъ днямъ спины надъ станкомъ,

и работница, перебивающаяся изо дня въ день поденной платой— словомъ, весь бѣдный темный людъ, который бьется изъ за-куска хлѣба, бьется за право на свою бѣдную, темную жизнь, бьется съ надеждой добиться приволья, достатка, отдыха, успокоенія. Литература начала спускаться изъ мірка будуаровъ и гостиныхъ въ курныя, душныя избы, въ грязные, сырые подвалы и конуры, гдѣ пріютился этотъ работящій темный людъ, въ кабаки, гдѣ онъ въ отравленной водкѣ черпаетъ хотя мгновенный роздыхъ отъ тяжелаго, притупляющаго труда, хотя мгновенное забытье въ своей темной черной долѣ.

Сначала литературѣ нашей показалось дико въ этомъ темномъ, грязномъ, бѣдномъ мірѣ; она, какъ элегантная дама, была непривычна къ нему. Она закрывала глаза, когда нагота, въ которой выказывалось безобразіе и грязь этого міра, оскорбляла слишкомъ рѣзко ея зрѣніе, привыкшее къ безобразію и грязи, прикрытыхъ лоскомъ будуаровъ и гостиныхъ; она брезгливо брала за руки героевъ и героинь этого темнаго міра и выводила ихъ на судъ читателямъ въ значительно причесанномъ и обмытомъ видѣ, передавала ихъ грубую рѣчь, смягчая по усмотрѣнію тѣ выраженія, которыя оскорбили бы щекотливый слухъ читателей, привыкшихъ къ изящнымъ разговорамъ героевъ будуаровъ и гостиныхъ. Она считала ихъ трудовую жизнь и неустанную борьбу за право жизни незаслуживающими вниманія публики, и чтобы сдѣлать ихъ достойными этого вниманія придавала имъ изящныя и утонченныя чувства будуарныхъ героевъ и героинь: изъ мужика, который зарѣзался въ порывѣ дикой страсти, дѣлала Вертера, изъ крестьянки, которая томилась съ горя, что ее бросилъ милый, идеальную Офелію; она заставляла и Вертера въ зипунѣ, и Офелію въ посконномъ сарафанѣ декламировать длинные чувствительные монологи, которые отличались отъ изящныхъ разговоровъ будуаровъ и гостиныхъ только тѣмъ, что были уснащены выраженіями въ родѣ таперича и опосля, въ перемежку съ речитативами изъ русскихъ пѣсенъ. Литература изъ элегантной дамы превратилась въ разряженную крестьянку театральныхъ подмостковъ.

Но привычка брала свое. Мало по малу литература освоилась съ міромъ бѣднаго темнаго люда и перестала считать необходимымъ придавать ему лоскъ будуаровъ и гостиныхъ; но еще не скоро рѣшилась она показывать его такимъ, какимъ онъ былъ на дѣлѣ.

Настало поклоненіе народности. Романтизмъ, охватившій Европу, столкнулся у насъ со старовѣрствомъ, которое упорно открещивалось отъ началъ западной жизни, и это-то столкновеніе отразилось возведеніемъ народныхъ началъ, т. е. міросозерцанія бѣднаго темнаго люда, въ единое спасающее ученіе. Народолюбіе, преклоненіе передъ народной мудростью сдѣлалось догматомъ значительной литературной партіи. Для этой народолюбивой литературы народъ не могъ быть темнымъ невѣжественнымъ людомъ, который ждетъ своего Мессію, чтобы выбиться изъ своей тьмы на свѣтъ человѣческой жизни; онъ самъ былъ хранителемъ великой силы, которая должна была спасать Русь отъ тлетворныхъ идей запада, пророкомъ вѣщей истины, которая должна была обновить общество, разлагающееся отъ гніенія запада. При такомъ взглядѣ на народъ, дѣйствительная неприглядная жизнь его отодвигалась на задній планъ и выдвигалась впередъ та духовная жизнь, которою награждали его народолюбцы: его глубокая мудрость — святое храненіе мудрости предковъ; его мощь, которая выказывалась въ могучемъ смиреніи и безотвѣтномъ несеніи своей темной доли, въ неспособности заявлять свои права на лучшую; его любовь, которая опять-таки выказывалась преимущественно смиреніемъ и безотвѣтностью передъ людьми, непосредственно стоявшими надъ нимъ, и чуть ли не въ обоготвореніи этихъ людей. Непривлядная дѣйствительная жизнь темнаго люда показывалась сквозь ореолъ, которымъ поэтическія преданія освѣщаютъ жизнь древнихъ патріарховъ. Что ни старикъ, то вѣщій пророкъ, или по крайней мѣрѣ мудрецъ, проникшій тайну жизни, своимъ благолѣпіемъ и рѣчами, списанными изъ несторовскихъ лѣтописей, внушавшій невольное благоговѣніе; что ни парень, то разудалый молодецъ, которому ни по чемъ было перебить хоть десятки Соловьевъ - разбойниковъ и своимъ безкорыстіемъ пристыдить корыстолюбиваго князя. Отъ этого обоготворенія бѣдному темному люду было ни тепло ни холодно. Скорѣе холодно, потому что образы его, созданные обоготворявшими его писателями, приводили къ тому заключенію, что если народъ чутьемъ своей вѣщей природы, не смотря на гнетущія условія его жизни, достигъ такой высокой степени умственнаго и нравственнаго развитія, которая не мыслима для лукавыхъ народовъ запада, то или условія его жизни не гнетущи и благопріятны для его развитія, или онъ обладаетъ чудодѣйственной силой, передъ которой ничтожна и безсильна на-

ука: — въ обоихъ случаяхъ нечего хлопотать о томъ, чтобы измѣнить условія его жизни; въ первомъ, эти хлопоты — ненужная роскошь, во второмъ — дерзкое самозванство со стороны тѣхъ, которые должны преклоняться передъ народною мудростью.

Время шло и доказало всю несостоятельность народной мудрости. Мощь народа, грозившая шапками закидать врага, оказалась безсильна отстоять себя противъ враговъ, вооруженныхъ всѣми ухищреніями западной науки. Могучее смиреніе народа, пассивно носившаго ярмо рабства, довело его до той степени нищеты и истощенія, которая стала грозить обществу разложеніемъ. Общество поняло наконецъ, что его здоровье и жизнь зависятъ отъ здоровья и жизни темнаго люда, что страданія, нищета и неправда, выносимыя этимъ людомъ, поддерживаемыя его безпримѣрнымъ могучимъ смиреніемъ, распространяются гангреной, заражающей всѣ слои общества. Оно сознало необходимость дѣйствительныхъ мѣръ. Для этого нужно было узнать вполнѣ степень страшной болѣзни, увидѣть темную жизнь во всемъ ея мракѣ. Литература окончательно изъ элегантной дамы превратилась въ работницу. Она сроднилась съ этимъ бѣднымъ темнымъ людомъ, она стала показывать его обществу такимъ, какимъ онъ былъ на дѣлѣ. Крестьянская реформа дала свое освященіе этому превращенію. Она развязала руки писателямъ, давно сознававшимъ необходимость этого превращенія, и заставила на словахъ признать эту необходимость даже тѣхъ, которые въ душѣ были противъ нея. Темный людъ сдѣлался героемъ литературы, описанія его темной жизни стали à l'ordre du jour. Журналы были завалены повѣстями и романами изъ быта темнаго люда. Каждый день новыя имена вписывались въ списокъ бытописателей его темной жизни. Но едвали не вся масса этихъ романовъ и повѣстей забывалась такъ же скоро, какъ и прочитывалась; имена этихъ бытописателей одно за другимъ мелкали на журнальныхъ оберткахъ и остановивъ на мигъ глаза читателя, ускользали безслѣдно изъ его памяти. Это скорое забвеніе со стороны читающей публики было черной неблагодарностью къ этимъ писателямъ, черствымъ нежеланіемъ цѣнить трудъ, который былъ положенъ на эти романы и повѣсти. А труда именно было положено невѣроятно много. Этотъ трудъ такъ и билъ въ глаза при чтеніи этихъ романовъ и повѣстей изъ народной жизни. Въ каждой строкѣ такъ и слышалось неимовѣрное усиліе автора подобрать самыя рѣзкія безобразія, самыя мрачныя стороны этой жизни, нагромоздить самый

потрясающій эффектъ на эффектъ, выдавить изъ головы самыя жалостныя и проникающія слова, какія только имѣются въ русскомъ языкѣ, чтобы расчувствовать читателя. Но неблагодарный читатель упорно не хотѣлъ расчувствоваться: чувство человѣческое любитъ свободу и туго поддается впечатлѣніямъ, которыя ему навязываютъ. Читателю постоянно казалось, что всѣ эти темныя стороны и жалостныя слова нарочно подобраны для того, чтобы выставить во всемъ блескѣ гражданскую скорбь и либерализмъ автора, а такъ какъ читателю извѣстно, что люди всего болѣе стараются выказывать тѣ свойства, обладаніе которыми считается почему либо сомнительнымъ, то и сочувствіе нѣкоторыхъ авторовъ къ темному люду и искренность ихъ жалостныхъ словъ казались сомнительными; отъ ихъ произведеній отдавало декламаторской фальшью, неестественностью, мертвенностью.

Рядомъ съ этими писателями были и другіе, искренность гражданской скорби которыхъ стояла выше всякаго подозрѣнія; но за то они грѣшили избыткомъ ея, и при чтеніи ихъ произведеній, невольно приходил на умъ извѣстная фраза: «pas trop de zèle, messieurs, pas trop de zêle. Глубоко проникшись убѣжденіемъ, что гнетущая темная жизнь можетъ создавать только темный людъ, они, чтобы убѣдить общество въ необходимости пересоздать эту жизнь, представляли темный людъ дотого темнымъ, что онъ терялъ уже очертаніе и обликъ человѣческій и казался однимъ сплошнымъ грязнымъ чернымъ пятномъ. Нищета и рабство порождаютъ невѣжество, грубость, пьянство — и вотъ темный людъ превращался поголовно въ идіотовъ, лишенныхъ послѣдней капли человѣческаго смысла, пьяницъ, которые съ самаго дня рожденія не знали ни одной трезвой минуты, говорили не членораздѣльными звуками, а какимъ-то мычаньемъ и рычаньемъ, не разжимали въ цѣлую жизнь кулаковъ ни разу; словомъ, народъ былъ массой не бѣдныхъ темныхъ людей, а безсмысленныхъ скотовъ или дикихъ звѣрей, которыхъ слѣдовало запереть въ клѣть или посадить на цѣпь. Не смотря на несомнѣнный либерализмъ этихъ авторовъ, въ ихъ произведеніяхъ постоянно сказывался баричъ, который, заглянувъ въ темный міръ, не имѣлъ силы остаться въ немъ настолько, чтобы вглядѣться въ него, открыть въ этомъ бѣдномъ, темномъ мірѣ свѣтлыя стороны, которыя ручались бы за его возрожденіе; испуганный баричъ кидался изъ этого міра повѣдать обществу весь ужасъ мрака,

поразившаго его непривычный глазъ, и не могъ показать ни одного луча свѣта въ этомъ мракѣ. Это повѣданіе однѣхъ темныхъ сторонъ считалось реализмомъ въ искусствѣ. Но этотъ реализмъ былъ на руку людямъ, которые рады были бы на вѣки удержать темный людъ въ его тьмѣ. Праздные читатели хохотали до упаду, читая стихотворные разсказы объ идіотизмѣ темнаго люда, потѣшались вволю надъ его пьянымъ рычаньемъ и кулаками. Подписчики „Вѣсти" торжествовали, видя въ темномъ людѣ скота и звѣря, котораго надо было запирать и сажать на цѣпь. Не правы-ли мы, восклицали они, ссылаясь на произведенія, вдохновленныя такой гражданской скорбью. У людей, которые были настолько наивны, что хотѣли познакомиться съ бытомъ народа изъ этихъ повѣстей и романовъ, безнадежно опускались руки, эти повѣсти и романа были грознымъ приговоромъ: „оставь надежду навсегда" для тѣхъ, кто хотѣлъ работать для бѣднаго темнаго люда.

Между всѣми этими бытописателями темнаго люда, одинъ Рѣшетниковъ выдавался крупнымъ и одинокимъ явленіемъ. Его романы и повѣсти не забывались тотчасъ по прочтеніи, но производили глубокое, истинное впечатлѣніе на общество, именно то впечатлѣніе, которое должна бы была произвести сама жизнь темнаго люда. Тайна этого впечатлѣнія въ томъ, что Рѣшетниковъ не пошелъ ни одной избитой дорогой, но выбралъ свой путь. Онъ не подражалъ никому, но былъ самимъ собой. Онъ, писалъ не мудрствуя лукаво надъ жизнью, но повинуясь инстинкту, побуждавшему его изображать жизнь, съ которой сжился, которую добросовѣстно изучилъ; писалъ, не набиваясь на эффектъ, не выбирая нарочно самыя выдающіяся, рѣзкія стороны жизни, которую изображалъ, писалъ не ради того, чтобы рядиться въ гражданскую скорбь и заслужить отъ рецензентовъ похвальный отзывъ за либерализмъ, писалъ съ наивной и безъискусственной правдивостью лѣтописца, который заноситъ на страницы своихъ лѣтописей все видѣнное и пережитое, но не съ его безстрастіемъ. Не смотря на то, что личность автора постоянно скрыта за дѣйствующими лицами его романовъ и повѣстей, не смотря на полнѣйшее отсутствіе всякихъ краснорѣчивыхъ тирадъ гражданской скорби, во всемъ, что онъ писалъ, виденъ не баринъ-бѣлоручка, который заглянулъ на мигъ въ многострадальный бытъ темнаго люда и ужаснулся его тьмы и страданій,—виденъ человѣкъ, жившій жизнью этого люда, и котораго сердце наболѣло отъ этой многострадальной жизни. Искреннее, глубокое,

теплое чувство проникаетъ все, что писалъ Рѣшетниковъ, слышится во всемъ, несмотря на трезвость, обыденность и даже порой неумѣлость его рѣчи. Эта искренность, которую не поддѣлать никакимъ искусствомъ, подкупаетъ читателя; онъ видитъ пережитую жизнь, дѣйствительную, не нарочно придуманную для того, чтобы взбудоражить его нервы и вырвать у него протестъ негодованія. И читатель довѣрчиво отдается впечатлѣнію, которое производитъ на него эта жизнь; онъ послушно идетъ за писателемъ, который показываетъ ему изо дня въ день эту жизнь однообразнаго, притупляющаго труда, темной борьбы за кусокъ хлѣба, за бѣдную одежду, плохо защищающую тѣло отъ холода и непогодъ, жизнь невѣжества, безнадежности, мрака; онъ вѣритъ, когда писатель показываетъ ему, какъ день за днемъ въ этой жизни гибнутъ молодыя свѣжія силы, которымъ нужно было немного воздуха и свѣта, чтобы стать великими честными силами, какъ медленно день за днемъ вымираютъ надломленныя непосильной борьбой старыя силы. Объ этой гибели говорится читателю просто, безъ трескучихъ декламацій, безъ слезливыхъ оханій и возгласовъ, говорится какъ о явленіи привычномъ. Для человѣка, пережившаго эту жизнь, оханья и возгласы были бы наивностью; но зато въ каждомъ словѣ этого человѣка чуется правда, безотрадная, неприкрашенная правда, такъ вѣрно названная трезвой правдой.

II.

Первое произведеніе Рѣшетникова, которое сдѣлало потрясающее впечатлѣніе на общество, былъ его этнографическій очеркъ „Подлиповцы“. Оно было встрѣчено ожесточенными нападками со стороны литературы будуаровъ и гостиныхъ и литературы народолюбцевъ. Рѣшетникова обвиняли въ униженіи достоинства человѣка, въ клеветѣ на народъ, въ непониманіи истинныхъ задачъ искусства, въ безнадежной бездарности. Но за то оно было встрѣчено живымъ сочувствіемъ со стороны всего, что было молодого и свѣжаго въ обществѣ, всего, что сознавало, что пришло наконецъ время показать неприкрашенную правду жизни, сказать о жизни народа слово безъ лицемѣрныхъ умалчиваній и смягченій. Въ „Подлиповцахъ“ Рѣ-

шетниковъ показалъ эту правду во всей ея наготѣ; онъ сказалъ безпечному образованному люду:—смотри, какъ живутъ тысячи твоихъ братьевъ;—онъ показалъ картину такого страшнаго вырожденія, что безпечный образованный людъ содрогнулся. Читатель повѣрилъ автору. Трезвость и наивная правдивость его рѣчи не допускала ни малѣйшаго сомнѣнія въ истинѣ его словъ.

Подлиповцы—жители деревни на дальнемъ сѣверѣ Россіи. Природа обдѣлила подлиповцевъ. Морозъ убивалъ всѣ всходы хлѣба и подлиповцы бросили хлѣбопашество. Тощія коровенки, которыя находятъ еще кое-какое пастбище, вмѣстѣ съ жалкими грядами овощей, да сосновой корой, кормятъ подлиповцевъ. Эта пища, которой не хватаетъ къ веснѣ, не можетъ развить ни силы, ни энергіи подлиповцевъ. Промышленность подлиповцевъ ограничивается плетеніемъ лаптей и набирухъ, да выдѣлкой кадокъ, за которыя выручается рѣдко-рѣдко нѣсколько грошей. Подлиповцы не способны додуматься даже до такого прибыльнаго промысла, какъ плетеніе рогожъ, которымъ кормятся цѣлые уѣзды Вологодской губерніи. Они тупое, жалкое, забитое племя, которое обречено на вымиранье—и это племя существуетъ въ цивилизованномъ государствѣ! Вотъ какъ описываетъ авторъ бытъ этихъ забытыхъ цивилизаціей людей. «Въ деревнѣ не видится жизни. Лѣтомъ еще можно увидать мужчину или женщину, или ребятъ на полѣ или около домиковъ, но зато не слышится веселаго говора, не слышится пѣсенъ, у всѣхъ точно какое-то горе, какое-то болѣзненное состояніе. Даже и дѣти рѣзвятся какъ-то словно не хотя; побѣжитъ ребенокъ—упадетъ, заплачетъ и побѣжитъ домой; даже лошади, коровы и свиньи ходятъ какъ-то сонно, однѣ только курицы да два пѣтуха бѣгаютъ скоро и воздухъ оглашается крикомъ крестьянъ на животныхъ, лаемъ одной собаки, единственнаго сторожа уцѣлѣвшаго какимъ-то чудомъ отъ бойни хозяина, желавшаго употребить ея шкуру на шапку, крикомъ маленькихъ ребятъ, да чириканьемъ коростелей въ болотѣ... Зимой еще хуже; тогда всѣ дома точно погребены снѣгомъ, на дорогѣ цѣлую недѣлю не видать слѣдовъ человѣческихъ, все какъ будто спряталось, только кой-гдѣ корова промычитъ, да рыщетъ по полю собака. Такъ вотъ и кажется, что люди вымерли или напала на нихъ спячка. Въ самихъ домахъ тоже не лучше. Самое худое время—это зима. Вездѣ бѣдная обстановка, нечистота, плачъ и стоны; половина лежитъ, половина сидитъ молча, или что нибудь дѣлаетъ, ругая работу, ру-

гая себя и все окружающее. Словно всѣмъ имъ жизнь опротивѣла, всѣ чѣмъ-то мучатся, всѣмъ опостылѣлъ Божій свѣтъ. А есть между ними молодые парни и дѣвушки». И такъ день за днемъ, годъ за годомъ, пока не унесетъ ихъ гнилая горячка или не изсушитъ голодуха.

Эта нищета, это вырожденіе—не нищета и вырожденіе пауперовъ Запада; тѣ были созданы цивилизаціей; нищета и вырожденіе подлиповцевъ порождены тѣмъ, что цивилизація не коснулась ихъ. Читая «Подлиповцевъ», можно подумать, что переносишься въ бытъ доисторическихъ племенъ. Пролетарій Запада борется за жизнь; онъ понимаетъ свое положеніе, условія жизни, которыя создали его, онъ сплачивается въ тѣсные союзы, чтобы отстоять свое существованіе; онъ примыкаетъ къ той или другой политической партіи, знаетъ, какъ отзовется на немъ та или другая правительственная мѣра, т. е. онъ знаетъ и дѣлаетъ это по крайней мѣрѣ въ лицѣ лучшихъ своихъ членовъ, которые составляютъ крупный процентъ всей массы народа; онъ въ лицѣ ихъ начинаетъ заявлять права свои на голосъ въ общественныхъ дѣлахъ, онъ складываетъ безпомощно руки и умираетъ лишь тогда, когда послѣднія силы его сломились въ борьбѣ, когда ему осталось одно—умереть. Ничего подобнаго вы не найдете въ подлиповцахъ. Перенесите западнаго пролетарія въ Подлипную, дайте ему тотъ же клочекъ бѣдной земли, на которой вымерзаетъ подлиповская жатва, дайте ему тотъ же лѣсъ, изъ котораго подлиповцы добывали только лапти да набирухи, ту же глину, изъ которой они мазали свои печи, гдѣ дѣти бывали пришиблены выпавшими камнями, и Подлипную нельзя будетъ узнать. Изъ того же лѣса западный пролетарій срубитъ чистенькій домикъ вмѣсто курной лачуги, изъ той же глины и камней сложитъ печь, которая не будетъ выѣдать глаза дымомъ и пришибать ребятишекъ. Корова въ тепломъ стойлѣ, съ запасомъ хорошаго сѣна, не будетъ тощать; толково обработанныя гряды огорода дадутъ хорошій запасъ овощей. Живутъ же люди среди природы еще болѣе суровой и непріютной, чѣмъ природа Подлипной, напр. на сѣверѣ Норвегіи, и не мрутъ съ голода, не вырождаются въ идіотовъ. Но эти люди связаны съ цивилизованнымъ міромъ не одною внѣшнею, искусственною связью.

Первое знакомство подлиповцевъ съ общественностью и цивилизаціей сохранилось въ ихъ памяти, какъ страшное народное бѣд-

ствіе—то былъ пріѣздъ становаго, который *обласкалъ* ихъ. Отъ этой ласки становаго подлиповцы не досчитались кто лошади, кто кормилицы-коровы. Наѣзды поповъ были не менѣе страшны для подлиповцевъ. Попъ наѣзжаетъ смотрѣть, молятся ли подлиповцы образамъ вмѣсто своихъ пермякскихъ божковъ, попъ креститъ, вѣнчаетъ и хоронитъ, за все это надо попу платить, а гдѣ взять плату голоднымъ подлиповцамъ? Благодаря этому-то обстоятельству, родины, свадьбы, эти торжественныя событія нехитрой жизни темнаго люда, бывающія для него предлогомъ незатѣйливаго, грубаго веселья, которое даетъ ему передохнуть на мгновеніе, бываютъ для подлиповцевъ страшнымъ бѣдствіемъ. Родится ребенокъ; «а пошто онъ родился?“ скажутъ подлиповцы, и будутъ плакать и ругаться, при мысли, что за крестины надо отдать послѣднюю курицу; зачахнетъ ребенокъ—и они будутъ преравнодушно смотрѣть на его страданія, а помретъ—опять заругаются и заплачутъ, что надо платить попу за то, чтобы похоронить ребенка въ землю. Полюбилъ подлиповскій парень дѣвушку и радъ бы обвѣнчаться, не ради религіозныхъ убѣжденій,—подлиповцы еще не доросли до нихъ,—а ради страха, чтобы наѣхавшій попъ, найдя ребятъ въ избѣ, не наложилъ штрафа,—да платить попу нечѣмъ; и ребята родятся, да также скоро и мрутъ у матери, изнуренной голодомъ. Зароютъ подлиповцы или закинутъ куда ни попало умершихъ ребятъ, да и дрожатъ отъ страха, не нашелъ бы становой мертвыя тѣла. Вся психическая жизнь ихъ сводится на страхъ передъ темными силами природы, не менѣе темными для нихъ общественными силами вродѣ становаго, которыя, какъ онѣ ни мелки и ни ничтожны въ механизмѣ государственной машины,—страшныя, грозныя силы для подлиповцевъ. Каждый годъ у подлиповцевъ бываетъ время голодухи, когда они всѣ поголовно лежатъ больные и не знаютъ, что съ ними дѣлается, „и только плачутъ и ругаются“, какъ повѣствуетъ наивнымъ тономъ лѣтописца Рѣшетниковъ о жизни подлиповцевъ.

Невѣжество подлиповцевъ можетъ сравниться съ невѣжествомъ развѣ какихъ-нибудь дикарей Тихаго океана. Весь міръ подлиповцевъ заключается въ ихъ Подлипной; все, что лежитъ за предѣлами ихъ жалкой деревушки—міръ чуждый и страшный подлиповцамъ. «О существованіи земли они знали, что земля даетъ пищу, да еще что въ землю зарываютъ покойниковъ. Знали они, что есть городъ Чердынь только потому, что бывали въ немъ, а есть ли еще что за

Чердынью—дѣло темное," говоритъ авторъ. Слѣдовательно, подлиповцы не доросли еще до соображеній о томъ, что земля держится на трехъ китахъ и что Іерусалимъ есть пупъ земли. Можно болѣе или менѣе остроумно осмѣять эти соображенія, но народные мудрецы, которые своимъ умомъ дошли до нихъ, все-таки работали умомъ, стремились выбиться изъ своего невѣжества, все-таки и для такого нехитраго вывода, какъ тотъ, что Іерусалимъ есть пупъ земли, нужно было имѣть хоть какое-нибудь темное религіозное чувство, этотъ первый признакъ выхода человѣка изъ животной непосредственности, первый признакъ его пробуждавшагося сознанія; подлиповцы не доросли даже до понятія, ставившаго Іерусалимъ пупомъ земли, они не доросли даже до понятія, что и другіе такіе же люди, какъ и они. «Въ городѣ они видѣли разныхъ людей, повѣствуетъ авторъ, и не могли понять, что это за люди; этихъ людей они боялись, не вѣрили имъ, а только ѣздили туда, чтобы сбыть необходимое для обмѣна на пищу».

Кажется, такая жизнь, въ которой все сводилось на удовлетвореніе животныхъ потребностей, должна была бы убить въ подлиповцахъ всякое человѣческое чувство, сдѣлать изъ нихъ звѣрей или скотовъ. Но велика сила человѣка; она сказывается, несмотря на всѣ условія, которыя, казалось, должны бы были задавить ее; она подняла человѣчество отъ степени безсмысленнаго скота и дикаго звѣря. Проходя съ Рѣшетниковымъ подлиповскую жизнь день за днемъ, слѣдовало бы ожидать, что подлиповцы перегрызутся между собой изъ-за куска хлѣба. Жизнь дала имъ такъ мало крохъ этого хлѣба, что они заѣдаютъ вѣкъ одинъ другому. Сысойка хочетъ жениться на Апроськѣ, но онъ долженъ ждать пока умрутъ его старая мать и маленькіе братъ и сестра, а то Апроськѣ не будетъ мѣста въ лачугѣ. Когда брата и сестру пришибло камнемъ, Пила подозрѣваетъ, не убилъ ли ихъ Сысойка, чтобы очистить мѣсто Апроськѣ. «Што ты, медвѣдь я што-ли?» говоритъ Сысойка, обиженный подозрѣніемъ. Бѣдный темный Сысойка не дикій звѣрь, онъ не способенъ сдѣлаться убійцей, чтобы избавиться отъ тѣхъ, кто стоитъ на дорогѣ между нимъ и единственнымъ счастьемъ его темной жизни, и не способенъ не изъ страха ласокъ становаго, не изъ страха передъ тѣмъ или другимъ наказаньемъ, а потому, что онъ не медвѣдь, какъ онъ говоритъ, потому что въ немъ, хоть смутно, но живетъ сознаніе, что онъ человѣкъ. Бѣдный темный Сысойка, за-

бытый цивилизаціей, болѣе человѣкъ, чѣмъ иные люди изъ такъ называемаго цивилизованнаго *порядочнаго* общества, которые не дрогнувъ растопчутъ хоть бы родного отца, если онъ стоитъ поперегъ ихъ дороги, и если не сдѣлаютъ этого, то изъ другихъ побужденій, далеко не столь человѣчныхъ, какъ побужденіе Сысойки. И за бѣднымъ темнымъ людомъ есть не одна отрицательная заслуга, доказывающая, что онъ не медвѣдь. Онъ готовъ подѣлиться послѣдней картошкой съ больнымъ пріятелемъ, подѣлиться опять-таки не изъ страха наказанія, не изъ надежды на награду, но подѣлиться просто по чувству человѣчности, которое не позволитъ съѣсть одному свои драгоцѣнныя картошки, при мысли, что пріятель лежитъ больной отъ голода. Счастливымъ героямъ и героинямъ будуаровъ и гостиныхъ эта заслуга можетъ показаться ничтожной, смѣшной; но еслибы эти герои и героини доросли до человѣчности бѣднаго подлиповца, жизнь была бы не тѣмъ, что она есть. Поставьте этого Пилу, который дѣлится послѣдними картошками, въ другія условія, онъ найдетъ средства служить своимъ братьямъ дѣйствительнѣе, нежели дѣлежомъ картошекъ, онъ точно такъ же будетъ отдавать имъ свою жизнь, какъ отдавалъ ее, дѣля послѣднія картошки, стоявшія между нимъ и голодной смертью. Кто умѣлъ быть вѣренъ въ маломъ, съумѣетъ быть вѣренъ и въ большомъ.

Пускай эти черты человѣчности рѣдки между подлиповцами, но часто ли онѣ встрѣчаются и въ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ бы ихъ скорѣе слѣдовало ожидать? Эти черты всплываютъ надъ бездной невѣжества и дикости подлиповцевъ, онѣ ручательство, что подлиповцы не обречены остаться подлиповцами, какъ только цивилизація,—только не та цивилизація, которая создаетъ западнаго пролетарія, — внесетъ свой свѣтъ въ ихъ темный бытъ. Честь и слава писателю, который съумѣлъ и въ темномъ подлиповскомъ бытѣ уловить эти свѣтлыя черты и чуять человѣчность подъ самыми дикими и безобразными формами, подъ которыми скрыла ее жизнь. Эту же человѣчность умѣлъ найти Рѣшетниковъ и въ безднѣ безобразія и дикости семейныхъ отношеній подлиповцевъ. Эти отношенія стоятъ у подлиповцевъ на той ступени, на которой они стояли у доисторическихъ народовъ. Два—три очень ясные намека на отношенія Пилы къ дочери его Апроськѣ даютъ полную мѣру безобразной животности семейныхъ отношеній подлиповцевъ. Но негодующему читателю, готовому за то забросать подлиповцевъ каменьями, слѣ-

дуетъ напомнить черты той же животности, проявляющіяся, хотя и не такъ грубо, въ лицѣ Эленъ и Анатоліевъ Курагиныхъ изъ «Войны и мира» Л. Н. Толстаго. Животность подлиповцевъ—слѣдствіе того, что ни одинъ лучъ свѣта не запалъ еще въ непроглядный мракъ ихъ жизни; а животность Курагиныхъ—слѣдствіе извращенности всѣхъ человѣческихъ чувствъ, порочнаго стремленія къ мраку, когда свѣтъ былъ имъ такъ доступенъ, такъ и билъ имъ въ глаза. Для подлиповцевъ возможно возрожденіе,—его нѣтъ для Курагиныхъ. Подлиповцы вымираютъ потому, что имъ не дали жить, Курагины вырождаются потому, что они не способны жить. Если подлиповцы сходятся съ женщиной на томъ нехитромъ основаніи, которое выражается словами, что „безъ бабы жить неловко, а съ бабой баско жить,“ то масса общества, за исключеніемъ немногихъ свѣтлыхъ личностей, умѣвшихъ внести человѣчность въ свои отношенія къ женщинѣ, руководится въ этихъ отношеніяхъ исключительно подлиповскими побужденіями, прикрытыми или романтизмомъ, или мистицизмомъ. Сойдясь съ бабой, подлиповцы ругаются весь вѣкъ, зачѣмъ сошлись, зачѣмъ народили дѣтей, которыя плачутъ и ѣсть хотятъ и за которыхъ надо платить попамъ; ругаютъ жену, когда она заболѣетъ, и спрашиваютъ ее: „а што, поколѣешь ли ты?“ Грубая животность, скрытая кое-какъ лакомъ цивилизаціи въ другихъ сферахъ общества, высказывается у подлиповцевъ во всей безобразной наготѣ. Въ человѣчной средѣ и болѣзненная женщина можетъ иногда быть связующей, руководящей силой семьи, у подлиповцевъ женщина—самка, и какъ скоро она перестанетъ быть ею, она лишнее бремя, которое подлиповцы рады скорѣе зарыть въ землю, чуть только она не можетъ удовлетворить смыслу подлиповской жизни. Но и между этими дикарями встрѣчается глубокое человѣчное чувство, и между ними выдаются люди, которые не бросятъ больную женщину, но пока въ нихъ есть капля силы, будутъ ходить за ней и когда она умретъ, сохранятъ о ней долгое воспоминаніе. Сысойка хоронитъ свою любимую Апроську. Горе его выражается не вертеровскими монологами и не речитативами изъ народныхъ пѣсенъ; оно выражается дико и безобразно, какъ и слѣдовало ожидать отъ дикаря: «Апроська, открой глаза» умоляетъ онъ. «Апроська, запишши»! Но видя, что Апроська безотвѣтна на мольбы его, онъ приходитъ въ изступленіе. «Запишши, чортъ, убью!» кричитъ онъ, грозя кулакомъ. „Дикъ и золъ сдѣлался Сысойка, говоритъ Рѣшетниковъ

Теперь онъ походилъ на собаку, лишившуюся своего дѣтища; онъ готовъ былъ Богъ знаетъ что дѣлать, только бы Апроська была жива, готовъ былъ помереть, но не зналъ, какъ помереть." Но не въ одномъ темномъ Сысойкѣ въ эти страшныя минуты, когда человѣкъ становится лицомъ къ лицу съ тупой безжалостной силой, вырывающей у него все, что ему было дорого въ жизни, пробуждаются всѣ дикія силы, которыя, усыпленныя образованіемъ, привычными приличіями, дремлютъ въ его душѣ, готовыя проснуться при первомъ ударѣ. И еслибы Сысойка былъ тѣмъ животнымъ, какимъ повидимому должна была его сдѣлать жизнь, если бы онъ сошелся съ Апроськой только на томъ нехитромъ основаніи, что безъ бабы неловко, онъ не сталъ бы такъ долго тосковать о ней, и заживъ жизнью, которая сначала показалась ему невѣроятно баской послѣ подлиповской жизни—бурлачествомъ, не сталъ бы въ каждую счастливую минуту вспоминать съ сожалѣніемъ: „Эхъ, кабы Апроська была жива, пошто Апроська умерла!" Бабъ вездѣ много, но ему нужна была одна его Апроська.

Повидимому, слѣдовало бы ожидать, что жизнь Подлипной, жизнь голода, дикости, мрака, должна была бы убить въ подлиповцахъ послѣднія силы, энергію, способность труда; но эта сила, эта способность воскресаютъ въ нихъ при первой перемѣнѣ къ лучшему, вѣрнѣе при томъ, что темные подлиповцы считаютъ этой перемѣной. Съ какой радостью кинулись подлиповцы на бурлацкую работу, какъ они гордятся тѣмъ, что могутъ работать тамъ, гдѣ работаютъ другіе люди. Пусть эта сила труда проявляется безтолково, неумѣло, но она проявляется и подлиповцы не виноваты въ томъ, если эта честная сила не сказывается въ нихъ болѣе умѣло, дѣльно. Они хватаются за всякую работу: «Рубятъ доску безъ нужды, и весело имъ, и они думаютъ, что робятъ. Рубятъ такъ, что потъ ихъ прошибаетъ, и имъ баско кажется. Работаютъ они каждый день и бахвалятся, что они робить мастера». Бѣдный темный людъ, работающій безъ толку потому, что въ немъ сказалась его рабочая сила,—какой урокъ даетъ онъ всѣмъ празднымъ героямъ и героинямъ, у кого въ виду работы, кровную необходимость которой они сознаютъ, не поднимаются руки, потому что вся сила изжита въ праздныхъ мечтаніяхъ, потому что не хочется выйти изъ своего лѣниваго комфорта! И какое теплое чувство своей связи съ человѣчествомъ сказалось въ этихъ жалкихъ дикаряхъ; они счастливы тѣмъ, что могутъ ра-

ботать вмѣстѣ съ другими людьми. Они счастливы тѣмъ, что живутъ съ другими людьми. „Они никогда не живали въ такомъ большомъ обществѣ людей своей братьи, говоритъ авторъ. Подлиповцы торжествовали“. Пусть это чувство братства съ человѣчествомъ—смутное, темное чувство, но оно есть, и подлиповцы не виноваты, если жизнь не дастъ ему созрѣть въ свѣтлое сознательное чувство, которое бы стало великой силой, зиждущей будущее человѣчество. Но жизнь подлиповская вмѣсто братьевъ, дружно работающихъ для общаго блага, создаетъ дикарей, которые въ голодную минуту утащатъ другъ у друга хлѣбъ и когда имъ горько станетъ отъ тяжелой работы и ругани прикащика, отведутъ душу тѣмъ, что выругаютъ другъ друга. Но ругань и воровство подлиповцевъ—наивное воровство и ругань; это темные инстинкты дикарей; воровство болѣе крупнаго размѣра и ругань героевъ Иліады не помѣшало имъ быть героями; это воровство, эта ругань—не мелкая отвратительная вражда, не глубокій развратъ людей, которые готовы изъ-за оскорбленнаго самолюбія портить безжалостно жизнь другъ другу, пускать по міру цѣлыя семьи, торговать совѣстью и правдой для того, чтобы пороскошнѣе убрать свои будуары и гостинныя.

Всѣ условія, кажется, сошлись для того, чтобы сдѣлать изъ подлиповцевъ поголовно идіотовъ и дикарей; суровая природа, безъисходная нужда и неумолимый гнетъ общественныхъ условій и, несмотря на то, между подлиповцами выдаются крупныя, даровитыя личности, которыя указываютъ путь другимъ. Таковъ Пила, самый умный и энергическій мужикъ изъ подлиповцевъ. Всѣ подлиповцы лежатъ больными и только плачутъ и ругаются. Пила, хоть онъ и самъ также боленъ какъ и они, пойдетъ набирать лекарственныхъ травъ, которыя онъ выучился отличать у одной городской бабы, обдастъ ихъ кипяткомъ и поитъ больныхъ; пускай цѣлебность травъ сомнительна, но Пила не виноватъ, что онъ не учился въ медицинской академіи, и врачи первобытныхъ народовъ пользовали своихъ паціентовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, травами, цѣлебность которыхъ была такъ же сомнительна. Дикарю Подлипной, для того чтобы усвоить новое для него понятіе о цѣлебности травъ въ болѣзни, нужна была такая же усиленная работа мозга, какъ какому-нибудь европейскому ученому, чтобы усвоить новое ученіе. Пила авторитетъ Подлипной. Лежатъ подлиповцы въ своихъ лачугахъ, стонутъ и не знаютъ, работать ли имъ въ огородѣ, или косить сѣно. Пила

скажетъ: надо косить,—и они косятъ, скажетъ: надо робить,—и они робятъ. Пила выучилъ ихъ торговать въ городѣ; онъ возитъ про давать въ городъ ихъ лапти, набирухи и кадки, которыхъ они не сработали бы безъ него; безъ Пилы давно всѣ подлиповцы „подохли бы съ голоду,“ какъ они сами говорятъ. Ему стоитъ сказать слово, и подлиповцы покидаютъ свои лачуги и идутъ бурлачить. Словомъ, еслибы подлиповцы жили въ эпоху младенчества человѣчества, имя Пилы могло бы дойти до нашихъ временъ, какъ имя какого-нибудь миѳическаго врача, вождя и учителя народа. Пила имѣетъ всѣ задатки такого учителя и вождя дикихъ племенъ въ борьбѣ съ суровой природой и неменѣе суровой нищетой; но Пила въ девятнадцатомъ вѣкѣ—жалкій дикарь. Пила, что грѣха таить, несмотря на все радѣнье о подлиповцахъ, не чуждъ и жадности и корысти этихъ историческихъ вождей. Когда онъ везетъ продавать на городской рынокъ незатѣйливыя издѣлія подлиповской промышленности, онъ забираетъ себѣ половину выручки, какъ принадлежащую ему по праву, а половину отдаетъ подлиповцамъ; но за то когда онъ не выручилъ ничего, то идетъ побираться Христа ради и дѣлится набранной милостыней съ подлиповцами.

У дикаря Пилы много смѣтливости, много здраваго ума. Отправившись въ городъ поступить въ бурлаки, онъ успѣлъ разглядѣть, что и въ большомъ городѣ тѣ же отношенія между сильными міра сего и темнымъ людомъ, какъ и въ его Подлипной; онъ сразу разгадалъ тотъ же гнетъ и подъ новой, невиданной еще формой. Въ Подлипной онъ не зналъ никого выше попа и становаго, въ городѣ онъ понялъ, что нетолько съ такими большими людьми какъ попъ и становой, которыхъ не смѣютъ бить и сѣчь какъ подлиповцевъ, но и съ людьми побольше поповъ и становыхъ дѣлаютъ «только не силой, а чѣмъ-то инымъ» все, что захотятъ, какъ это было и съ подлиповцами. Дикарю, не видѣвшему ничего кромѣ Подлипной, для того, чтобы придти къ такому заключенію, нужна замѣчательная способность обобщенія—отличительный признакъ даровитыхъ натуръ. Это открытіе не подавило въ Пилѣ ни чувства собственнаго достоинства, ни энергіи. Когда его бьетъ частный, который для него и больше и страшнѣе попа и станового, взятыхъ вмѣстѣ, Пила не молчитъ. „Ты не дерись, я, батъ, самъ восемь медвѣдей убилъ,“ говоритъ онъ. Пила не выноситъ напраслины и обиды. Уйдя бурлачить съ подлиповцами, онъ подбиваетъ ихъ про-

тивъ лоцмана, который бьетъ ихъ, ругаетъ и обсчитываетъ. „Што вы молчите,“ говоритъ онъ, и бурлаки не изъ однихъ подлиповцевъ, подчинившіеся его авторитету, отказываются работать сверхъ положенія. Вскорѣ Пила самъ положилъ конецъ своему авторитету, проговорившись, что сидѣлъ въ острогѣ, куда засадилъ его частный, избившій его за наивную похвальбу, „я. батъ, самъ восемь медвѣдей убилъ.“ Острожникъ становится подозрителенъ бурлакамъ. Пила не зналъ, что острогъ кладетъ пятно на того, кто разъ попалъ въ него, хотя бы и неповинно; эта утонченность цивилизаціи непонятна дикарю Подлипной. Одинъ авторитетъ надъ подлиповцами сохраненъ имъ неприкосновенно. „Твоя голова не намъ чета,“ говорятъ они съ наивнымъ удивленіемъ. И Пила гордъ и счастливъ этимъ признаніемъ его силы. „Али я не сила?“ наивно бахвалился онъ.

И Пила правъ. Онъ сила въ жизни подлиповцевъ. Еслибы въ первобытномъ человѣчествѣ не было такихъ силъ, какъ Пила, оно никогда не поднялось бы изъ своего дикаго состоянія до той ступени, на которой стоитъ теперь. Еслибы въ немъ было болѣе силъ такого же размѣра какъ Пила, оно бы не стояло такъ долго на этой ступени, но твердо, дружно шагнуло бы на высшую. Въ обществѣ, гдѣ много такихъ силъ какъ Пила, въ которыхъ воплощается сознаніе неправды, негодованіе противъ насилія, не будетъ мѣста для разгула дикаго произвола; эти силы пробудятъ дремлющую общественную совѣсть, заставятъ общество устыдиться неправды и униженія, которое оно выносило безмолвно. Давно бурлаки были недовольны обсчитываньемъ, руганью и кулаками лоцмана, но они молча сносили все, пока Пила не сказалъ имъ: „да што вы его слушаете?“ Кажется ничто не измѣнилось въ положеніи бурлаковъ, имъ не стало тяжелѣе, чѣмъ было прежде; но послѣ этого слова Пилы, имъ уже стало невозможно сносить все безгласно, какъ прежде сносили. Сказано два-три слова не болѣе— и обаяніе могущества лоцмана подорвано. Но эти слова показали бурлакамъ, что лоцманъ не страшенъ, что его злоупотребленіямъ можно сопротивляться. И лоцманъ испугался дружнаго протеста бурлаковъ. Онъ тотчасъ перемѣнилъ тонъ и сталъ упрашивать бурлаковъ вмѣсто того, чтобы грозить имъ. И не проговорись Пила, что онъ сидѣлъ въ острогѣ, лоцманъ до конца пути не смѣлъ бы заставить бурлаковъ работать сверхъ положенія. Произволъ силенъ не собственной силой

своей, онъ силенъ равнодушіемъ тѣхъ, кого онъ давитъ, и при первомъ протестѣ задавленныхъ скажется его собственное безсиліе.

И не смотря на все, Пила, оторвавшійся отъ своей Подлипной, затерянный съ своими товарищмми среди незатѣйливой цивилизаціи приволжскихъ городовъ, не болѣе какъ вьючное животное, которое должно тянуть свою лямку, пока не надорвется его послѣдняя сила. Его міръ мыслей и чувствъ тѣсенъ, нужда, гнетущая, безъисходная нужда, сдавливаетъ ихъ неумолимо въ темный кругъ физическихъ ощущеній, и въ рѣдкія минуты удается имъ вырваться изъ этого темнаго круга. »Чувствовать имъ нечего,“ говоритъ авторъ, описывая обыденную жизнь бурлаковъ: „имъ или баско, или худо; они своихъ деревенскихъ забыли, съ людьми имъ хорошо, да и чувствовать имъ некогда; то рубить, то стругать, то колотить надобно. А встанутъ рано, ѣсть захотятъ—чувство, поработаютъ, ѣсть хотятъ—чувство, спать захотятъ—чувство.“ Но вотъ тяжелую работу смѣняетъ отдыхъ, и бурлаки ложатся на солнцѣ. Тутъ просыпаются въ бурлакахъ другія ощущенія. „Солнышко такъ и грѣетъ ихъ, оно освѣщаетъ загрубѣлыя желтыя лица бурлаковъ и вообще какъ-то привѣтливо. Бурлаку любо, что солнышко свѣтитъ и грѣетъ баско и онъ долго, долго смотритъ на солнышко и думаетъ какую-то думу.... «Славное солнышко, пошто оно не каждый день свѣтитъ? когда и вовсе его нѣтъ, а когда покажется и спрячется, чучело.» Бурлацкая жизнь научила подлиповцевъ радоваться и свѣту солнца, и красотѣ міра—чувства, которыхъ они не знали въ Подлипной; тамъ они грѣлись на солнцѣ, какъ животное грѣется, не сознавая радостнаго ощущенія красоты—это ощущеніе было первымъ пробужденіемъ сознанія жизни высшей, чѣмъ жизнь Подлипной. Это ощущеніе усиливается новыми встрѣчами, видомъ новыхъ мѣстностей. »Барки плывутъ. И хорошо бурлакамъ, какъ плывутъ барки. Люди сидятъ измученные и что-то думаютъ, вѣроятно о трудной работѣ, которой еще не дѣлывали, и весело имъ, барка плыветъ, плыветъ, лѣсъ и камни мелькаютъ. Ишь какое дерево-то хорошее промелькнуло! Вонъ какой лѣсъ показался, рѣчка бѣжитъ, а тамъ вдали деревушка подъ горой стоитъ и сѣрыя поля съ грядами видятся... Вонъ село какое-то съ деревянной церковью, или какія-то крыши высокія, такъ вотъ и кажется, что дома другъ на дружку лѣпятся. Вонъ опять поле, плетнемъ огороженное, какой-то мужикъ въ тележкѣ ѣдетъ. А вотъ на лѣво лѣсъ горитъ, и тушить его некому.

А вонъ мужики куда-то бревна везутъ. Вотъ и въ лодкѣ мужикъ съ бабой переѣзжаетъ... и все плыветъ, идетъ, бѣжитъ куда-то, все смотритъ на бурлаковъ, киваетъ имъ привѣтливо, здравствуй, молъ, поштенный, куда те Богъ несетъ?“ Какой поэтической прелестью дышатъ эти безъискусственныя строки, которыми передаются первыя впечатлѣнія подлиповцевъ при встрѣчѣ съ незнакомымъ имъ міромъ, и какой правдой вмѣстѣ съ тѣмъ! Чувствуется, что подлиповцы должны были именно испытывать то, что говоритъ авторъ. Мы видимъ грубыхъ, задавленныхъ дикарей, которые съ теплымъ, глубоко человѣчнымъ чувствомъ встрѣчаютъ новую для нихъ жизнь. Сколько любви въ этихъ простыхъ, привѣтныхъ словахъ, которыя чудятся имъ во всемъ, что они видятъ, которыя служатъ откликомъ привѣту жизни, звучащему въ нихъ самихъ: „здравствуй, молъ, поштенный, куда те Богъ несетъ?“ И въ этой чертѣ нѣтъ ни малѣйшей натяжки, ни малѣйшей идеализаціи, чтобы заинтересовать читателя. Это сама жизнь.

Но эти свѣтлыя минуты коротки въ жизни подлиповцевъ. Не въ жизни темнаго люда развиться теплому человѣчному чувству. Бурлацкая жизнь научила подлиповцевъ другимъ отношеніямъ къ жизни и людямъ. Въ праздникъ, когда барка стоитъ, бурлаки идутъ смотрѣть городъ. На бульварахъ гуляетъ разряженная губернская публика, это міръ чуждый бурлакамъ, міръ, который брезгливо отварачивается отъ нихъ, отъ котораго отгоняетъ ихъ полиція, чтобы они своими лохмотьями не оскорбили зрѣнія этого люда, и подлиповцы съ первой же встрѣчи начинаютъ понимать свою рознь съ этимъ міромъ. «Любуется она (публика) бурлаками, Богъ вѣсть», говоритъ авторъ: „Для нея играетъ музыка, и пріятно какъ-то играетъ, но нѣтъ лучше бурлацкихъ пѣсенъ. Около загородки стоятъ бурлаки и боятся войти въ загонъ; слушаютъ они музыку, хорошо, весело играютъ, долго бы слушалъ, да непонятно что-то. Постоитъ бурлакъ, заноетъ у него сердце и пойдетъ онъ невеселый на барку. А тамъ поютъ родныя пѣсни, выигрываютъ родные напѣвы, пляшутъ: все какъ-то лучше, отраднѣе.—Баско играютъ, да не по намъ, разсуждаютъ бурлаки.—И люди-то тамъ какіе.—Эхъ, батъ, сыграй веселую.. Вотъ тутъ болитъ, говоритъ одинъ бурлакъ, указывая на грудь или на сердце.—Што тамъ! у нихъ свое, у насъ свое. И выпѣваются бурлацкія пѣсни, грустныя, заунывныя, и далеко и долго разносятся эти пѣсни. А поютъ-то

какъ они. Сидитъ бурлакъ, подопретъ щеку руками, задумается точно, въ глазахъ жизнь видится, на лицѣ горе и смотритъ въ воду.» Сознательная жизнь сказалась въ подлиповскихъ лицѣ выраженіемъ горя, и это горе пробудила въ нихъ встрѣча съ другими людьми, его братьями, которые зовутся гордо старшей братьей. Эта счастливая, нарядная, довольная собой старшая братья—міръ чуждый подлиповцамъ; у нихъ свое, у насъ свое, говорятъ подлиповцы. И подлиповцы не глядятъ уже болѣе на этотъ міръ съ наивнымъ изумленіемъ, какъ на невиданную диковинку. Они поняли, что этой нарядной, довольной собой провинціальной публикѣ нѣтъ дѣла до бѣдныхъ, полуголодныхъ, измученныхъ бурлаковъ въ ихъ жалкихъ лаптяхъ и грязныхъ лохмотьяхъ. Эта публика не скажетъ имъ привѣтливо „здравствуй, молъ, почтенный", и бурлаки это хорошо знаютъ, и нѣтъ у нихъ теплаго чувства къ этой публикѣ, нѣтъ сознанія кровной связи съ ней. Хорошо житье этой публики, да не радуетъ оно подлиповцевъ, какъ радуетъ ихъ хорошее житье своего брата. Хороша и весела музыка этой нарядной и довольной толпы, да не годится она для бурлаковъ. Раздражаетъ она ихъ и непонятна имъ; имъ понятенъ только „безконечный стонъ," стонъ ихъ бурлацкихъ пѣсенъ. И они ушли отъ счастливой и довольной братьи тянуть свой унылый стонъ.

Подлиповцы скоро разочаровались въ прелестяхъ бурлачества. Они привыкли и къ чистому хлѣбу, который такъ радовалъ ихъ послѣ пѣстиковъ съ корой—ихъ подлиповской пищи, и къ щамъ съ гнилымъ мясомъ—своему праздничному обѣду, казавшемуся имъ такимъ рѣдкимъ лакомствомъ послѣ голодухи подлиповской. Видъ рѣки, деревень, городовъ и самое солнышко перестало ихъ радовать. Утомленіе отъ тяжелаго труда—труда вьючнаго скота—начало сказываться. Припѣвъ «дернемъ, подернемъ, да разъ, ухнемъ, да ухнемъ, да разъ», подъ который они послѣ подлиповскаго лежанья бодро тянули бечевку, радуясь, что силой двигаютъ барку, потерялъ свою чарующую силу надъ подлиповцами. Бурлацкая жизнь стала имъ ненавистна. Но куда уйти отъ нея, что дѣлать, подлиповцы не знали. «Бурлаки дѣйствуютъ веслами и потесями, говоритъ Рѣшетниковъ: вода плещется, барка скрипитъ, точно какъ плачетъ, обливается водой, смывая бурлацкія слезы. Бурлаки работаютъ, то и дѣло нагибаютъ спины, наклоняются, подымаются, шлепаютъ тяжелыми усталыми ногами, думаютъ что-то, вѣроятно о томъ, какъ бы лечь да

отдохнуть. Рубашки смокли, прильнули къ горячему тѣлу, по бородамъ текутъ крупныя капли пота и падаютъ то на тѣло, то на рукавицы... Эхъ ты жизнь, горе горькое!" Пила не хвастается болѣе тѣмъ, что привелъ подлиповцевъ бурлачить, онъ говоритъ Сысойкѣ: —Что дѣлать? вотъ те и бурлачество, прибавляетъ онъ иронически. Дѣти его пропали.—Пила любитъ дѣтей и говоритъ: „Померли, ну хоть не мучатся. А пошто имъ жить-то... А вотъ на насъ такъ нѣту смерти.—Утонуть! говорятъ подлиповцы. Они годами маялись въ Подлипной и промаялись бы тамъ до послѣдней минуты, ни разу не призвавъ смерти, не задавъ себѣ страшнаго вопроса „а пошто жить?" промаялись бы, какъ мается животное, съ тупымъ равнодушіемъ встрѣчая приближающуюся смерть. Въ Подлипной имъ не пришла бы въ голову мысль утопиться, самоубійство чуждо первобытнымъ народамъ. На этой степени животной непосредственности человѣкъ можетъ только повиноваться инстинктамъ своей природы; ему нужно подняться отъ этой непосредственности для того, чтобы противуестественная мысль самоубійства запала въ его голову. Подлиповцамъ нужна была встрѣча съ болѣе цивилизованной жизнью, нужно было убѣдиться, что имъ нѣтъ доли въ этой жизни для того, чтобы придти къ убѣжденію, что имъ жить не для чего, а лучше утонуть. Они пришли къ этому убѣжденію, несмотря на то, что зажили жизнью, которая была для нихъ привольнѣе подлиповской.

Подлиповцы вскорѣ начали выражать свою обиду на жизнь не однимъ безконечнымъ стономъ пѣсни и не одними поползновеніями утонуть. Они стали присматриваться къ жизни, и въ нихъ начало накипать сознательное недовольство. Они увидѣли, что какъ они ни робятъ, а все бѣдны; что за ихъ кровавый трудъ имъ даютъ грошевую плату, ихъ обсчитываютъ лоцмана. Одежонка, взятая изъ Подлипной, изодралась. Они по-прежнему впроголодь;—и между тѣмъ они знаютъ, что тяжелымъ трудомъ своимъ сплавляютъ богатые грузы, что грошовая плата, которую не выдаютъ имъ сполна,—и та должна принести крупный барышъ купцу. «Вотъ мы таперича муку premъ, жалуется Пила Сысойкѣ, а ее не дадутъ намъ, а дадутъ когда гривну, когда полтину,—знамо они богаты.» Затѣмъ ихъ донимаетъ другой вопросъ. Они удивляются тому, что, какъ ни плавятъ муку на Чердынь и много плавятъ, а она все тамъ дорога.—А пошто? Кто плавитъ ее—богатъ, порѣшилъ Пила. И богачество, какъ они говорятъ, кажется имъ страшной враждебной силой. Имъ кажется,

что оно виновато, если дорогъ хлѣбъ, оно виновато, если дорога обувь и одежда и подлиповцы должны носить свои драные кафтанишки и лапти. Оно виновато, если и лоцманъ бьетъ ихъ и обсчитываетъ.

Смерть скоро положила конецъ и дальнѣйшимъ размышленіямъ подлиповцевъ о богачествѣ и собственной трудовой жизни. Бичевая лопнула, бурлаки упали, Сысойка разбился, Пила перешибъ себѣ грудь и умеръ. Сцена смерти по своей безъискусственной простотѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе.– «Померъ, говорятъ бурлаки, столпившіеся около Пилы и Сысойки.—Эхъ-ма! вотъ-те и жизнь. Померъ.—Добрый былъ, добрый. И мы такъ помремъ, разсуждали бурлаки чуть не плача.—Тятька, стонетъ Сысойка.—И онъ помретъ.—Сысоюшка, поживи ошшо чуточку, просятъ бурлаки. Пилу схоронили бурлаки. Не одна слеза упала на Пилу, холодныя это были слезы бурлацкія.“ Темная, тупая сила случайности положила конецъ этой темной безрадостной жизни. Искорка огня, которая не смотря на все, что дѣлала жизнь, чтобы загасить ее, тлѣла упорно и которая могла бы разгорѣться въ свѣтлое пламя, еслибы жизнь захотѣла того, угасла на всегда. Трудовая, страдальческая, темная жизнь, тянувшаяся годами, годами выбивавшаяся къ свѣту—порвалась, промаявшись даромъ. И много такихъ жизней такъ же промаявшись погибнетъ, погибнетъ безполезно, безслѣдно, погибнетъ даромъ. Чтожъ дѣлать, это зло неизбѣжное! скажутъ мудрецы, которые рады изъ этой неизбѣжности создать себѣ предлогъ, чтобы оставить существовать зло, потому что борьба съ нимъ лишитъ ихъ многихъ удобствъ и нарушитъ ихъ эгоистическое спокойствіе. Полно, дѣйствительно-ли ничего нельзя сдѣлать?

Мудрецы на это отвѣчаютъ обыкновенно, что все сдѣлается само собой, ходомъ прогресса, развитіемъ промышленности и пр. и пр. и въ подтвержденіе своихъ словъ укажутъ на сыновей Пилы, Ивана и Пашку. Оба мальчика подростки ушли бурлачить съ отцемъ и, запоздавши на барку, остались одни въ незнакомомъ городѣ. Иванъ и Пашка, какъ молодые парни, скорѣе освоились съ новой работой, съ новой жизнью. Отецъ ихъ—эта голова, которая была не чета подлиповцамъ, эта великая подлиповская сила, пересталъ скоро быть силой для Ивана и Пашки. Смышленные ребята слышали, какъ прикащикъ ругалъ Пилу и Сысойку свиньями за неумѣнье работать.—Пошто они свиньи? спрашиваетъ Иванъ у Пашки.—

А по то, што робить не умѣютъ. Немного помолчавъ, они спрашиваютъ другъ у друга:—свиньи мы или нѣтъ? кажется, свиньи, а ровно и нѣтъ, свиньи-то во какія, а мы вотъ какіе. Первое пробужденіе мысли Ивана и Пашки сказалось этимъ разсужденіемъ и толчкомъ, пробудившимъ ее, было оскорбленіе. Хорошее педагогическое условіе для развитія! Какой-нибудь досужій юмористъ можетъ расточать мишурныя блестки своего остроумія надъ этой сценой; но всякій, имѣющій глаза, чтобы видѣть, кому удавалось хоть разъ взглянуть на жизнь темнаго люда, скажетъ, что долго еще Иванамъ и Пашкамъ придется, и не въ однихъ темныхъ углахъ въ-родѣ бурлачества, доказывать, что они не свиньи, а люди, тѣмъ, что умѣютъ работать. Ивану и Пашкѣ посчастливилось, работа вывезла ихъ. Пробившись нѣсколько времени, гдѣ тасканьемъ тяжестей, гдѣ нищенствомъ, они попали на пароходъ. „Житье на пароходѣ хорошее ребятамъ, говоритъ Рѣшетниковъ.—Когда идетъ пароходъ, они бросаютъ въ печь дрова, и въ это время ходятъ черные какъ трубочисты и только изрѣдка *любуются надъ людьми*. Они узнали, что такое пароходъ, и знаютъ каждый уголокъ на пароходѣ, каждую вещь, для чего она тутъ хранится, или придѣлана. Товарищи любятъ ихъ, въ особенности любитъ ихъ поваръ и часто даетъ имъ то кусочекъ пирога, то кусочекъ жаркого, или иныхъ какихъ сластей понемногу, а главное—въ свободное время, когда пароходъ стоитъ, учитъ ихъ читать. Въ это свободное время Иванъ и Павелъ купались въ рѣкѣ, смывали съ себя сажу, надѣвали чистенькія рубашки и ходили по городу, или спали, или починивали одежду. Они получали по шести рублей жалованья.“ Вотъ и все. Какъ же не торжествовать мудрецамъ — Иванъ и Павелъ достигли того, что эти мудрецы считаютъ идеаломъ народнаго благоденствія. Иванъ и Павелъ одѣваются въ чистыя рубашки вмѣсто рвани, которую носили Пила и Сысойка, не только не голодаютъ, но имъ перепадаетъ иногда и сладкій кусокъ, правда, благодаря счастливой случайности, и наконецъ, благодаря той же счастливой случайности, учатся грамотѣ — высшая точка развитія, до которой мудрецы допускаютъ народъ. Но мудрецамъ, чтобы быть послѣдовательными, надо бы или вовсе запретить обученіе грамотѣ народа, или устроить такъ, чтобы онъ не шелъ далѣе одного процесса чтенія, какъ гоголевскій Петрушка. А то Иванъ и Пашка изъ книгъ узнали про разные города, узнали, какъ въ нихъ

живутъ люди, и хороша показалась имъ жизнь этихъ людей, и теменъ не только міръ Подлипной, но и тотъ, въ которомъ они жили. Молодая, свѣжая мысль заработала.—А пошто они такіе? спрашиваютъ они одинъ другаго про подлиповцевъ.—А Богъ знаетъ, такъ ужъ вѣрно Богъ устроилъ, одинъ богато живетъ, а другой бѣдно, и живутъ-то вездѣ по-своему, одинъ сытъ, а другой кору ѣстъ.—А пошто же не всѣ богаты?—Ну ужъ и не говори больше. Ты говори спасибо, что и такъ-ту живемъ.

Этими словами оканчиваются „Подлиповцы“: молодой парень, только что начинающій жить, говоритъ „спасибо, что и такъ-ту живемъ“. Сколько безнадежной усталости, какая неувѣренность въ жизни слышится въ этихъ словахъ. Въ эти годы смѣлыхъ надеждъ, порывовъ, когда силы молодости кипятъ и рвутся, способные молодые парни, добившись сытнаго куска, крѣпкой одежды, спѣшатъ заглушить въ себѣ всякое желаніе лучшаго, всякій пытливый вопросъ. Да и какъ не дрожать имъ надъ этимъ сытнымъ кускомъ, надъ этою чистою, крѣпкою одежонкою, которыя такъ дороги имъ послѣ гнилой рвани, послѣ корокъ хлѣба, выпрошенныхъ Христа-ради или украденныхъ изъ-за угла. Вѣдь лишиться всего этого такъ легко. Пароходство еще вещь новая, но привыкнетъ къ нему народъ—и повалитъ тысячами на пароходы, смекнувъ, что это выгоднѣе бурлачества. Но одинъ пароходъ стоитъ десяти барокъ бурлацкихъ и требуетъ менѣе рукъ, чѣмъ одна барка. Рукъ будетъ много, и тогда, не угоди Иванъ и Павелъ капитану или штурману, и на ихъ мѣсто будутъ сотни охотниковъ. Гдѣ ужъ тутъ еще думать о другой, лучшей жизни, гдѣ ужъ тутъ стремиться къ высшему развитію!

III.

Вслѣдъ за „Подлиповцами,“ появился цѣлый рядъ повѣстей и романовъ: „Горнорабочіе,“ который остался неоконченнымъ съ прекращеніемъ «Современника», „Глумовы“, тоже изъ быта горнорабочихъ, и наконецъ романъ „Гдѣ лучше,“ который считается многими лучшимъ произведеніемъ Рѣшетникова. Но ни одно изъ этихъ произведеній не сдѣлало такого глубокаго, потрясающаго впечатлѣнія на общество, какъ „Подлиповцы“. Эти романы не открывали обществу новыхъ дикарей, которые жили съ нимъ бокъ-о-бокъ, не давали

потрясающихъ эффектовъ, въ родѣ зарытой живой въ могилу Апроськи. Но зато они открывали новыя стороны изъ быта народа, бросали яркій свѣтъ на его жизнь, на складъ его понятій, и надолго останутся правдивой и безъискуственной лѣтописью его жизни, которая, когда народъ будетъ имѣть своего историка, научитъ его понимать бытъ народа въ переходную эпоху, которую переживаетъ наше поколѣніе и которую быть можетъ придется пережить и будущему. Мотивъ этихъ романовъ одинъ и тотъ же: та же нищета, невѣжество, грубость и забитость; то же безсознательное стремленіе къ свѣту, та же гибель лучшихъ силъ, смерть въ неравной борьбѣ за право жизни, или, когда это право добыто, другая, еще болѣе страшная смерть—смерть нравственная.

Въ „Горнорабочихъ", „Глумовыхъ", „Гдѣ лучше", мы видимъ массу задавленнаго темнаго люда; онъ то надрывается надъ работой, то заливаетъ горе зеленымъ виномъ. Съ перваго взгляда, можетъ, покажется, что нечего искать рѣзкихъ, выдающихся чертъ въ этой массѣ. Нищета, невѣжество и забитость выбили на ней свое однообразное, грубое клеймо. Міръ ея интересовъ тѣсенъ, цѣли ея мелки; вся жизнь сводится на одну заботу о кускѣ хлѣба. Нечего искать здѣсь смѣлаго полета мысли, нѣтъ здѣсь простора ризвитію лучшихъ силъ человѣка. Все блѣдно, сѣро, темно, все придавлено неумолимой рукой судьбы. Такъ, на дальнемъ сѣверѣ нечего искать яркихъ красокъ и причудливыхъ, прекрасныхъ формъ роскошной растительности, которая созрѣваетъ подъ жгучимъ солнцемъ юга; суровый холодъ сковываетъ творческую силу природы и даетъ пробиться только жалкому кустарнику и низменному мху. Но и жалкій кустарникъ и низменный мохъ покажутся однообразными и непригядными только праздному туристу, который гонится за одной пріятной пестротой впечатлѣній. Человѣкъ, который умѣетъ видѣть жизнь вездѣ, гдѣ бьется пульсъ, гдѣ сказывается малѣйшій ея проблескъ, увидитъ ее и въ жалкомъ кустарникѣ и въ низменномъ мхѣ. Для привычнаго, внимательнаго глаза каждый кустарникъ, каждый мохъ имѣетъ свои отличительныя свойства, свой ясно очерченный образъ. Такъ и у Рѣшетникова, если пробѣжать наскоро его романы, масса сѣраго рабочаго люда рисуется у васъ въ глазахъ, какъ тотъ народъ, который пишутъ на заднемъ планѣ своихъ картинъ живописцы, чтобы онъ служилъ фономъ для героевъ, приковывающихъ все вниманіе зрителя на первомъ планѣ, т. е. сплошной

массой головъ съ еле-обозначенными и почти одинаковыми чертами. Это однообразіе колорита и рисунка навлекло на Рѣшетникова упрекъ въ нехудожественности его произведеній и бѣдности творчества. Нельзя не сознаться, что была и доля правды въ этомъ упрекѣ, и объ этомъ будетъ сказано далѣе; но нужно принять во вниманіе и то, что этотъ однообразный и сѣрый колоритъ—колоритъ самой жизни.

У Рѣшетникова нѣтъ героевъ, которые бы, занявъ передній планъ, отвлекали вниманіе читателя отъ сѣрой массы народа; герой его — темный людъ. И вотъ, зритель невольно начинаетъ вглядываться пристальнѣе въ эти очертанія, казавшіяся ему такъ однообразными, и мало по малу, изъ безличной сѣрой массы выдѣляется передъ его глазами человѣкъ за человѣкомъ, и онъ начинаетъ различать его незатѣйливую, дюжинную, но вѣрно очерченную физіономію; зрителю не бросаются въ глаза ни яркія краски юга, ни греческіе или римскіе профили, за то нѣтъ и фальши, нѣтъ ни одной вымученной у воображенія черты. Эти люди знакомы вамъ, они близко связаны съ вами кровной связью языка и племени, въ этихъ людяхъ, несмотря на вашу оторванность отъ нихъ, несмотря на то, что они не признаютъ въ васъ своихъ, что между вами и ими лежитъ пропасть, вы признаете своихъ, и вы послушно пойдете за авторомъ, когда онъ поведетъ васъ смотрѣть, какъ медленно, день за днемъ проходитъ жизнь этого люда.

Въ „Горнорабочихъ“ и «Глумовыхъ» описывается бытъ народа, прикрѣпленнаго къ заводу. Здѣсь читатель видитъ все безобразіе прежняго чиновничьяго управленія, передъ которымъ блѣднѣло безобразіе крѣпостнаго права. Здѣсь произволъ, несдержанный разсчетомъ уберечь свою собственность, являлся во всей своей разнузданности. У рабочаго не было ничего своего, его время, трудъ, силы, семья—все было въ рукахъ прикащиковъ. Прикащики и смотрители забирали женъ и дочерей въ любовницы, морили рабочихъ въ рудникахъ. Задавленный народъ тянулъ въ кабалѣ свою надрывающую сердце пѣсню про злую долю, да отводилъ душу дома, вымѣщая накипавшую злобу на женѣ и дѣтяхъ. Но вотъ перемѣнились порядки. Объявлена воля. Рабочая сила освободилась. Трудъ сталъ свободнымъ, и чорнорабочему явилась возможность выбирать трудъ наиболѣе обезпечивающій его съ семьей, трудъ наиболѣе сродный и доступный ему. Заводскіе рабочіе и пошли отыскивать тако-

го труда. Романъ „Гдѣ лучше"—одиссея этихъ поисковъ. Рабочіе испытали жизнь на рудникахъ, гдѣ приходилось копаться по цѣлымъ днямъ въ душныхъ, темныхъ подземельяхъ, гдѣ ихъ заливало водой, гдѣ они задыхались отъ сырости и удушливыхъ газовъ, пока не подкашивала ихъ надолго или навсегда лихорадка или гнилая горячка. Они пришли на соляныя варницы и увидѣли, что и свободный трудъ не всегда обезпечиваетъ на варницахъ, какъ и послѣ, въ другихъ промыслахъ, на которые поступали наши искатели лучшаго оказывалось, что рабочихъ рукъ болѣе, нежели спроса. При такихъ условіяхъ наниматели рабочихъ смотрѣли на себя, какъ на благодѣтелей. Хочу, беру — и у рабочаго есть кусокъ хлѣба, не возьму — и онъ голодаетъ. Ими распоряжались по произволу, усчитывали плату, оскорбляли, били, и они должны были молчать. Они могли, правда, уйти, но для того, чтобы начать тянуть ту же канитель на новомъ мѣстѣ. Терентій Горюновъ, чтобы получить мѣсто уставщика, долженъ былъ дать взятку смотрителю въ двадцать четыре рубля, за мѣсто съ жалованьемъ отъ 52 до 75 рублей въ годъ. За то ему предоставлялось право гривенниками и пятаками набрать уплату за взятку и получить исправный барышъ съ бабъ, которыя носили соль въ мѣшкахъ изъ варницы въ амбары. Племянники его и племянница, которые пошли съ нимъ отыскивать гдѣ лучше, тоже пришли къ заключенію, что на волѣ не многимъ лучше, чѣмъ въ крѣпостномъ трудѣ. То былъ подневольный трудъ, онъ давалъ жалкій кусокъ хлѣба, но онъ давалъ его, а тутъ приходилось брать этотъ кусокъ хлѣба съ боя. Онъ давался только тѣмъ изъ рабочихъ, у кого было здоровое горло и дюжіе кулаки, которые могли пробиться впередъ, бесжалостно давя тѣхъ, кто былъ слабѣе. Рабочіе, чтобы добиться работы, должны были отнимать время у отдыха, забираться къ дверямъ варницъ за нѣсколько часовъ до начала работъ. Отворялись двери—и начиналась свалка. И горе тѣмъ, кто былъ слабѣе, горе и тѣмъ, кто былъ честнѣе и совѣстливѣе, чье человѣчное чувство возмущалось отъ этой драки за кусокъ хлѣба, превращавшей людей въ дикихъ звѣрей. Сильные и менѣе совѣстливые пробивались, а они уходили въ свои темные углы. Женщины могли избавиться отъ этой тяжелой борьбы за жизнь, могли купить себѣ и сладкій кусокъ и промѣнять лохмотья на наряды той же цѣной, какъ и при крѣпостномъ правѣ.

Рабочіе ушли съ варницъ въ губернскій городъ искать дру-

гихъ работъ; они перепробовали всѣ работы, которыя требовали только сырой рабочей силы; вездѣ они приносили тотъ же неутомимый трудъ, ту же упорную энергію—и вездѣ они убѣждались, что новый трудъ, за который они хватались съ надеждою, что онъ наконецъ дастъ имъ возможность жить не впроголодь, ходить не въ нищенскихъ лохмотьяхъ,—не обезпечивалъ ихъ ни на волосъ болѣе оставленнаго труда: лучшее, на которое они жадно кидались, оказывалось хуже прежняго лучшаго. Они ходили и землю копать на желѣзную дорогу,—и переболѣли отъ изнуренія и дурной пищи, ходили и на кирпичные заводы, и наконецъ пришли въ Петербургъ. Петербургъ представлялся имъ землей обѣтованной, въ богатомъ городѣ, должно быть, работы вдоволь на всѣ руки, тамъ и плата хорошая, тамъ и житье хорошее. Но и въ Питерѣ оказалось не лучше. Они увидѣли, что „никто и въ Питерѣ не хвалится житьемъ. Оно бы и заработокъ ладный, и все-таки ни сытъ, ни голоденъ. Еще ладно, кто на одномъ мѣстѣ долго держится. А какъ свернешься съ мѣста, и слоняйся да проживай денежки. Ну вотъ лѣто лѣтошнее бережешь денежки, а дома работы нѣтъ, и проживешь все, а лѣтомъ опять на работу». Пошли рабочіе по питерскимъ заводамъ, въ литейщикахъ, на сахарномъ заводѣ, на зеркальномъ. И увидѣли они, какъ день за днемъ убываетъ ихъ рабочая сила; какъ то того, то другого товарища везли въ больницу, а оттуда на погостъ. Лѣтописи темнаго люда богаты скорбными листами. Въ Питерѣ еще хуже рабочей силѣ; на каждомъ шагу дразнитъ привольное житье. Тамъ темный людъ еще глубже и больнѣе чувствуетъ свою темноту. Ему еще сильнѣе хочется зажить другой жизнью, зажить, какъ живутъ люди. Эта потребность жить, какъ живутъ люди, которая въ мірѣ будуаровъ и гостиныхъ вырождается въ мелкое и пошлое желанье щегольнуть другъ передъ другомъ роскошью, удивить безумнымъ мотовствомъ, въ бѣдномъ темномъ людѣ—сознаніе человѣческаго достоинства, законное желаніе здоровой жизни. Ему бы хотѣлось здоровой вкусной пищи, которую можетъ человѣкъ ѣсть безъ отвращенія, вмѣсто вонючей гнили, которою питается по привычкѣ, сложивъ про нее поговорку, что въ мужицкомъ брюхѣ и долото сгніетъ; ему бы хотѣлось носить чистое, приличное платье вмѣсто нищенскихъ отрепьевъ, изъ-за которыхъ его гонятъ вездѣ, и увидя которыя люди припрятываютъ свои вещи и деньги. Въ Питерѣ на каждомъ шагу соблазны: гдѣ устоять

противъ нихъ рабочему; и самъ онъ знаетъ, что плохо дѣлаетъ, что не устоялъ, да что дѣлать? „Въ Питерѣ, говоритъ онъ, и заработокъ ладный, а деньги идутъ самъ не знаешь на что". И дороговизна питерская подъѣдаетъ рабочихъ; темный, сырой уголъ обходится рубля въ два въ мѣсяцъ; хлѣбъ вдвое дороже противъ губерніи. И поживъ въ Питерѣ, рабочіе снова задали себѣ этотъ вопросъ—гдѣ лучше?

И нигдѣ не лучше рабочей силѣ — оттого, что у ней нѣтъ ничего, кромѣ рукъ. Рѣшетниковъ показываетъ намъ, какъ у темнаго люда отнимается все, чѣмъ жизнь дорога человѣку. Глубокія кровныя привязанности, счастье въ семьѣ — роскошь, недоступная темному люду. И не потому, что природа лишила его человѣчныхъ чувствъ, способности привязаться, — темная жизнь давитъ все своей желѣзной рукой. Измученный рабочій приходитъ съ работы домой. Какъ былъ бы онъ счастливъ отдохнуть въ скромной, но чистой, свѣтлой горенкѣ, встрѣтить улыбку и ласку веселой и довольной жены, смѣхъ и игры сытыхъ и чисто одѣтыхъ дѣтей. Онъ забылъ бы и тяжелый трудъ, и всякія обиды. А его ждетъ отдыхъ въ дымной, грязной лачугѣ, грубость, бѣдность, жалобы, попреки жены, ревъ голодныхъ и побитыхъ дѣтей—домашній адъ бѣдняка. Не стерпитъ онъ, выругаетъ жену, прибьетъ дѣтей, и потомъ ему самому стыдно и жалко, и онъ эти чувства стыда и недовольства вымѣститъ опять же на женѣ и дѣтяхъ. И радъ бы онъ удержаться отъ брани, побоевъ, онъ видитъ, что отъ нихъ его темная жизнь становится еще темнѣе, но онъ не можетъ удержаться. Темная жизнь не создаетъ здоровыхъ людей и эти люди больны—больны волей. Ему станетъ невыносимо и онъ уйдетъ въ кабакъ выпить съ горя опять, но и этимъ горя не размыкаетъ—дома его ждутъ ругань и попреки жены. Эти попреки оскорбляютъ его достоинство,—онъ глава дома, онъ господинъ жены. Онъ пользуется правомъ господина и «учитъ» жену—безобразіе семьи растетъ. Жена, измученная заботами, дѣтьми, непосильной работой, и рада бы угодить мужу, и рада бы смолчать, но это свыше ея силъ. Тоска, раздраженіе должны найти себѣ исходъ. Она не можетъ молчать, видя какъ мужъ тащитъ въ кабакъ гроши, на которые можно прокормить дѣтей день лишній. Она видитъ, что попреками портитъ дѣло и принимаетъ рѣшимость встрѣтить мужа лаской, но у него, измученнаго, озлобленнаго, для нея только злыя и горькія слова,—и

она отвѣчаетъ такими же злыми и горькими. И день за днемъ тянется эта убійственная жизнь. Люди, которые сошлись для того, чтобы вдвоемъ легче нести бремя жизни, люди, которые горячо любятъ другъ друга, терзаютъ одинъ другаго, какъ злѣйшіе враги.

Но зато и какъ немного надо, чтобы сдѣлать изъ домашняго ада мирную семью, изъ этихъ дикихъ звѣрей, которые грызутъ другъ друга, — довольныхъ собою и жизнью людей. Посмотрите на учителя Курносова въ праздникъ, когда у него есть чѣмъ отпраздновать его не хуже людей. У него нашлось 25 копѣекъ на поросенка, да еще 15 на мясо и пирогъ, да еще на водку—расходовъ всего менѣе рубля; и онъ счастливъ, онъ по человѣчески обращается съ женой, въ домѣ миръ и благодать — и все это куплено лишнимъ рублемъ. Сколько грубости и безобразій, сколько слезъ и горя унесетъ этотъ нашедшійся лишній рубль! Въ темномъ мірѣ безвыходной нужды лишній рубль, лишній десятокъ рублей—вопросъ жизни и смерти, вопросъ человѣческаго достоинства и униженія. Счастіе того же Курносова разбилось потому, что не хватило десяти рублей на покупку коровы. Да, въ этомъ мірѣ разыгрываются цѣлыя драмы изъ-за коровы. Прасковья Курносова страстно хочетъ, чтобы мужъ купилъ ей корову. Это не праздная бабья прихоть. Корова, это вопросъ экономической самостоятельности для женщины темнаго люда. По принятому обычаю, деньги съ коровы считаются собственностью женщинъ. Женщинѣ, у которой есть корова, не придется выканючивать у мужа каждый грошъ, у ней есть свой заработокъ, своя собственность. Независимость начинается съ возможности располагать своей копѣйкой. Если мужъ самодуръ и станетъ отбирать выручку, все-таки у ней останется возможность утянуть хоть нѣсколько грошей. Корова открываетъ цѣлый міръ дѣятельности для женщины темнаго люда. Корова—признакъ достатка, домовитости хозяйки; при коровѣ можно завести и мелкую скотину, и птицу держать. Понятно, почему Прасковьѣ Курносовой страстно хотѣлось имѣть корову—счастье это для нее такъ велико, что она убѣждена даже, что мать ея, которая сошла съ ума, когда засѣкли ея мужа, должна непремѣнно выздоровѣть, когда будетъ куплена корова. „Можетъ и маменька въ чувствіе придетъ, когда будетъ корова“, говоритъ она. А тутъ мужъ пропиваетъ деньги и не хочетъ купить коровы. Найдись у него разомъ лишнихъ рублей десять, онъ купилъ бы корову женѣ, но эти десять рублей надо

копить по грошамъ, и силъ не станетъ уберечь эти гроши, когда тоска гонитъ забыться въ кабакъ. Прасковьѣ не понять того горя, съ котораго пьетъ мужъ, она знаетъ одно, что онъ женихомъ обѣщался любить ее и ей «всякія радости предоставить». Въ отказѣ дать ей цѣль всѣхъ ея желаній, ея счастье въ жизни — корову, она видитъ охлажденіе, измѣну. Начинается пиленье мужа попреками, въ семьѣ Курносовыхъ домашній адъ. Домъ опостыливаетъ мужу и онъ тащитъ все въ кабакъ; тащитъ наконецъ и самоваръ, на который Прасковья хотѣла вымѣнять корову. Послѣдняя надежда Прасковьи убита. Она не выноситъ обиду и въ отмщенье стрижетъ мужу усы. Оскорбленный въ своемъ достоинствѣ мужа, осмѣянный, Курносовъ бросаетъ жену, связывается съ другой женщиной, развратницей и пьяницей, и спивается съ кругу. И все оттого, что у него не было ни разу въ жизни десяти свободныхъ рублей. Въ мірѣ темнаго люда разыгрываются драмы еще страшнѣе изъ-за того же десятка рублей. Степанида Елизарова отбирала у сына деньги и пропивала ихъ. Сынъ пересталъ отдавать матери заработокъ; она стала получать его прямо изъ конторы на основаніи малолѣтства сына. Озлобленный Степанъ ночью кинулся на мать съ топоромъ. Она подала жалобу и Степанъ пропалъ въ острогѣ. Иные, конечно, скажутъ, что виной этихъ драмъ не бѣдность, а собственная безхарактерность и безнравственность темнаго люда, его неспособность «терпѣть любя, терпѣть прощая“, терпѣть—не ожидая лучшей участи. Но для того, чтобы во имя терпѣнія и любви сносить лишенія, страданія, обиды, чтобы ежеминутно подавлять въ себѣ накипающую злобу и отчаяніе, имѣть всегда привѣтъ и ласку въ отвѣтъ на ругань и побои — нужны нечеловѣческія силы, Этого не хотятъ понять моралисты. Превыспреннія требованія ставить легко. Но пусть бы они сами попробовали исполнить ихъ. Пусть они укажутъ на человѣка даже развитого, который былъ бы способенъ во имя принципа терпѣнія и любви вынести жизнь подобной безпрерывной нравственной ломки, подобнаго хроническаго самоотверженія. И нигдѣ ни въ какомъ слоѣ общества не найдется такого человѣка. Герои и героини хроническаго самоотверженія водились еще въ литературѣ, когда писателей звали сочинителями, и вывелись, когда литература перестала быть сочинительствомъ; подобные герои и героини видятся теперь только въ благонравныхъ англійскихъ романахъ, написанныхъ для назиданія молодыхъ дѣву-

шекъ, но жизнь не доказываетъ, чтобы эти назиданія принесли какіе-нибудь плоды. И оно понятно. Несравненно легче рискнуть жизнью въ какомъ-нибудь самоотверженномъ подвигѣ, чѣмъ постоянно выдержать подобное хроническое самоотверженіе.

Не однѣ драмы изъ-за десятка лишнихъ рублей подрываютъ семейное счастье темнаго люда. Въ его темномъ мірѣ женщина ничѣмъ не ограждена отъ наглыхъ покушеній. И отцы и мужья сами торгуютъ ею, или, когда другіе торгуютъ, молчатъ, заливая въ кабакѣ злобу и стыдъ, молчатъ потому, что со „старшихъ" взять нечего темному люду. Полицейскій Артамоновъ изнасиловалъ дочь Токменцова, Елену—и нѣтъ на него управы; въ темномъ мірѣ заводскихъ рабочихъ Артамоновъ всесильный человѣкъ. Кинется въ глаза прикащику красивое лицо работницы, онъ скажетъ: приходи, живи у меня—и она идетъ. Не поди она, ее сгонятъ съ мѣста, сгонятъ мужа, и дѣти останутся безъ хлѣба. Она идетъ, проклиная злую долю, снося дома побои отца и мужа, снося стыдъ и насмѣшки. Годы идутъ, женщина привыкаетъ къ позору, и дорога къ публичному дому проторена, ей не уйти отъ него, какъ не ушла Палагея Семихина; а если семья удержитъ—то ей не уйти отъ кабака. Много разсказовъ о такихъ семьяхъ занесено на страницы рѣшетниковскихъ лѣтописей. Жена рабочаго Елизарова въ романѣ „Гдѣ лучше" содержала семью цѣной позора. Она достала мужу выгодное мѣсто полѣсовщика. Горько было Елизарову жить этой цѣной и радъ бы былъ онъ содержать семью честнымъ трудомъ,—но честный трудъ давалъ черствый кусокъ хлѣба, и то не для всей семьи; и онъ сносилъ свой стыдъ, подъ пьяную руку срывая сердце, обругавъ жену, которая тотчасъ зажимала ему ротъ намекомъ, и онъ сваливалъ всю вину на свое горе горькое, бѣдность непокрытую.

Эта бѣдность не даетъ темному люду сплотиться въ дружную семью, она разгоняетъ кровныхъ по широкому раздолью матушки Руси мыкать горе, отыскивая гдѣ лучше. Темный людъ расходится просто, безъ мелодраматическихъ сценъ прощаній, безъ клятвъ и увѣреній. Женщины ревутъ въ голосъ, мужчины скрываютъ прошибающую слезу; расходятся, не зная сойдутся ли когда-нибудь, и мыкаютъ порознь горе годами, не зная ничего другъ о другѣ; писать—нуженъ гривенникъ, да и что писать? Встрѣтятся и не узнаютъ другъ друга, дотого измѣнило ихъ это исканье „гдѣ лучше". Вотъ какъ, наивнымъ слогомъ лѣтописца, описываетъ Рѣ-

шетниковъ встрѣчу Панфила Горюнова съ сестрой въ Петербургѣ. „Товарищи Панфила Прохорыча глядѣли то на него, то на женщину; они то улыбались, то почесовали затылки и что-то обдумывали. Ихъ лица выражали словно зависть и какъ-будто говорили: „Ишь вѣдь, свидѣлись таки; экое подумаешь людямъ счастье". И темный людъ тѣмъ глубже чувствовалъ лишеніе этого счастья—что это счастье одно доступно ему. Міръ мысли, науки, умственныхъ наслажденій, міръ широкой дѣятельности, захватывающей всѣ силы, ему недоступенъ; бѣдность забила его въ тѣсный кругъ физическихъ потребностей и естественныхъ привязанностей; эти привязанности однѣ вносятъ лучъ свѣта въ его темную жизнь, будятъ въ немъ человѣчныя стороны его природы. Ради этихъ привязанностей онъ готовъ биться, пока есть въ немъ хоть капля силъ, хоть искра жизни. „Ну, для кого я бьюсь и истязаюсь какъ собака", жалуется Токменцовъ дочери. Этими привязанностями темный людъ поднимается отъ степени животнаго и входитъ въ міръ человѣческой жизни. Но и онѣ для него запретная роскошь. При такой жизни нечего требовать человѣчности въ его семьѣ. Мужъ уйдетъ на заработки; онъ годами живетъ врозь съ женой, завертывая при случаѣ на короткую побывку. Онъ привыкаетъ къ порядкамъ и образованности большихъ городовъ. Семейная связь порвана. Жена плачетъ сначала, тамъ утѣшается и въ отместку гуляющему на чужой сторонѣ мужу сама начинаетъ гулять. Въ мірѣ, гдѣ мысль спитъ непробуднымъ сномъ, женщины рѣдко способны къ прочной связи, любовь для нихъ—безобразная гульба. Естественныя послѣдствія такихъ условій жизни—усиленіе проституціи въ большихъ городахъ, приливъ подкинутыхъ дѣтей въ воспитательныхъ домахъ, а дома подъ часъ и дѣтоубійство, чтобъ возвратившійся мужъ не поучилъ жену за чужаго ребенка, непрошеннаго пришлеца подъ его крышей.

При крѣпостномъ правѣ иные хозяйственные помѣщики въ видахъ улучшенія рабочей силы облегчали браки крестьянъ, давая имъ первое обзаведеніе; той же системы, только въ другой формѣ, держалось управленіе заводами. Женатому рабочему отпускались пайки на жену и дѣтей. Прикрѣпленный къ заводу, Токманцевъ не задумался жениться, разсчитывая на пайки, но трудъ сталъ свободнымъ, а рабочій обязаннымъ заботиться самъ о прокормленіи жены и дѣтей. Съ чувствомъ свободы родилось въ немъ и чувство собственнаго достоинства и за-

конное честолюбіе. Съ крѣпостного нечего взыскать; онъ не властенъ въ своей жизни и нищета ему не въ указъ. Но вольный человѣкъ долженъ жить какъ люди, не то скажутъ, что онъ бездѣльный, негодящій человѣкъ или пьяница. И вотъ Корчагинъ и Караваевъ, трезвые, работящіе мастеровые, насмотрѣвшись на горькую жизнь женатыхъ, порѣшили жениться тогда, когда они скопятъ настолько, чтобы самимъ быть хозяевами. Темная жизнь научила ихъ мальтусовскому закону воздержанія. Они лучше согласны протянуть одиноко ея убійственную канитель, нежели выносить домашній адъ семьи темнаго люда. Моралисты могутъ торжествовать; число неразумныхъ браковъ уменьшается—но уменьшается ли зло? Станетъ-ли темная жизнь темнаго люда свѣтлѣе отъ приложенія мальтусовской теоріи на дѣлѣ? Многіе ли изъ темнаго люда добьются возможности содержать семью безбѣдно? На одного, который добьется,—какая масса погибшихъ. Караваевъ добился, а женщина, для которой онъ работалъ, не вынесла тяжелой жизни—и умерла. Значитъ разсчетливость и предусмотрительность—роскошь для темнаго люда. Откажетъ ли себѣ темный людъ въ безразсудномъ бракѣ, или нѣтъ—все равно; такъ ужъ лучше, махнувъ рукой на будущее, урвать хоть нѣсколько мгновеній счастья. Хоть день, да мой—эта поговорка отчаянія сложена темнымъ людомъ. Для того, чтобы мальтусовское воздержаніе оказалось дѣйствительнымъ воздержаніемъ, темному люду нужна нечеловѣческая сила. Воздержаніе его оказывается только воздержаніемъ отъ одного только брака, отъ законной семьи. Оно увеличиваетъ число внѣбрачныхъ связей, подкинутыхъ дѣтей, вытравленіе плода, дѣтоубійство, усиливаетъ развратъ и проституцію съ ихъ гибельными послѣдствіями—моровой язвой новаго времени, подтачивающей жизнь еще и недоразвившихся поколѣній. Караваевъ и Корчагинъ, съумѣвшіе стать выше темныхъ инстинктовъ, въ мірѣ которыхъ живетъ темный людъ—рѣдкія исключенія. Но развѣ можно требовать, чтобы масса состояла изъ Караваевыхъ и Корчагиныхъ? И эта ломка природы не прошла даромъ ни Караваеву, ни Корчагину.

У темнаго люда жизнь отнимаетъ не одну семью; она отнимаетъ и мысль и сознаніе—все, что поднимаетъ человѣка надъ животнымъ. Если же въ немъ случайно и зашевелится мысль, то это мысль тяжелая, безрадостная, мысль о своей горегорькой бѣдности. Вотъ образчики этихъ мыслей. У Токменцова засѣкли старшаго сына. Жена пошла жаловаться; онъ привезъ домой безвинно

наказаннаго младшаго. Онъ знаетъ, что его нарядятъ не въ очередь рыть руду и зададутъ урокъ не по силамъ. „Токменцевъ думаетъ, и думы пойдутъ невеселыя, говоритъ Рѣшетниковъ: Осподи Іисусе, да пошто же ты экую напасть приставилъ намъ грѣшнымъ? Чѣмъ я-то хуже другихъ, чѣмъ я-то не человѣкъ? Вотъ Ганька, шельмецъ, говоритъ, что люди по нынѣшнему выходитъ все одно что собаки. Онъ это по малолѣтству судитъ... оно вѣдь и правда. И онъ началъ думать: почему человѣкъ—скотъ или собака, но хорошаго ничего не выдумалъ, надоѣло ему эти пустяки разбирать. Чѣмъ больше онъ думалъ, тѣмъ гаже казалась ему жизнь. Какой-бы предметъ ему ни пришелъ въ голову—этотъ предметъ мѣшалъ ему жить». А вотъ думы Ильи Глумова, кучера, который цѣлый день съ лошадьми стоитъ у подъѣзда дома, гдѣ баринъ его, прикащикъ, сидитъ за параднымъ обѣдомъ. Онъ голоденъ, не смѣетъ отойти отъ лошадей и съѣсть что-нибудь на свои деньги, какъ другіе кучера; а на дворѣ праздникъ, и тутъ идетъ пиръ горой, а онъ какъ каторжный прикованъ къ лошадямъ. Пусть трудъ его не такъ физически тягостенъ, за то онъ тягостенъ нравственно. У рабочаго, когда онъ отбудетъ свои рабочіе часы, есть уголъ, сырой, тѣсный уголъ, но, свой, гдѣ онъ вздохнетъ свободно, гдѣ никто надъ нимъ не командуетъ; онъ можетъ идти, куда хочетъ, видѣть, кого хочетъ. У слуги этого нѣтъ; каждая минута его принадлежитъ хозяину; онъ долженъ обо всемъ спрашиваться хозяина, можетъ видѣть своихъ близкихъ, если это дозволитъ хозяинъ; онъ прикованъ къ хозяйскому колокольчику. Илья — слуга самодура, который говоритъ: „Ну кто кромѣ меня есть сила? Я командиръ, я всѣмъ орудую, не будь меня, не было бы и васъ, скотовъ“. Невеселыя мысли наведетъ жизнь у такого командира. Илья вспоминаетъ свое дѣтство, какъ праздникъ справлялся въ семьѣ. „Жалко ему сдѣлалось прежнихъ дней; припомнилось много и худого и хорошаго, припомнилась сестра его, особенно нравившаяся ему въ этотъ день, когда она играла съ нимъ и съ сосѣдними ребятишками въ жмурки и игры. Такъ грустно сдѣлалось ему, что онъ заплакалъ, но плакалъ незамѣтно и недолго, ругая прикащика какъ только умѣлъ“. А вотъ думы Панфила Горюнова, котораго засадили въ острогъ за фальшивую бумажку. „Общество острожниковъ показалось ему до того противнымъ, что онъ проклиналъ жизнь, грызя рукавъ своей грязной ру-

бахи, пропитанной всякой гадостью. Ему хотѣлось даже разбить голову, хотѣлось повѣситься. Будь онъ на свободѣ, онъ что-нибудь да придумалъ бы, но при теперешнемъ положенiи лучшаго ничего не могъ придумать, и только не приводилъ въ исполненiе своихъ мыслей, потому что повѣситься было не на что, билъ свою голову объ стѣну, попробовалъ руками давить свою шею,—не вынесъ".

Нужно быть генiемъ для того, чтобы мысль могла работать при такихъ условiяхъ. При всѣхъ недостаткахъ воспитанiя дѣтей въ образованныхъ семьяхъ, мысль развивается тамъ на несравненно болѣе здоровыхъ впечатлѣнiяхъ. Тамъ ребенокъ прежде всего поставленъ въ несравненно болѣе здоровыя физическiя условiя; затѣмъ ему наперерывъ спѣшатъ передать научныя понятiя, осмысленно или нѣтъ, но если онъ не идiотъ отъ природы, то умъ его выберетъ изъ нихъ пригодную пищу; ему говорятъ, хоть ради приличiй, о высшемъ назначенiи человѣка, о служенiи обществу, а если не говорятъ, то хоть даютъ книжки, которыя это скажутъ ему. Мысль ребенка темнаго люда пробуждается на сравненiи житья хорошо откормленной скотины и собственной жизни, и вмѣсто вывода о высшемъ назначенiи человѣка приходитъ къ тому, что человѣкъ, скотъ, или собака—все одно. Выраженiя: свинья, оселъ, телячья башка, которыя ему безпрестанно приходится слышать, подтверждаютъ этотъ выводъ. Дальнѣйшая жизнь навсегда скрѣпляетъ этотъ выводъ въ его умѣ. Ребенка пришлютъ на фабрику и онъ тамъ вертитъ до одуренiя рукояткою или мажетъ кистью, пока не одеревенѣютъ члены и невольный сонъ не сомкнетъ глаза. Кругомъ его грубость, пьянство, животность. Ни одного хорошаго впечатлѣнiя, ни одного здороваго стимула для мысли. А думать о чемъ? Перебирать свою жизнь день за днемъ, годъ за годомъ и видѣть, „что каждый предметъ мѣшаетъ ему жить?“ И порѣшитъ онъ, что думать—пустяки, какъ ни думай легче не будетъ—и пойдетъ топить назойливую мысль въ кабакѣ. Куда ему идти кромѣ кабака? Клубовъ у него нѣтъ, театровъ тоже. Чѣмъ занять свой досугъ въ праздничные дни? Чѣмъ отвести душу, когда осилитъ горе? Читать? Многiе-ли изъ темнаго люда умѣютъ читать, и многiе ли изъ тѣхъ, которые умѣютъ, поднялись выше чтенiя гоголевскаго Петрушки? Да и что сталъ бы читать темный людъ? Разныя грязненькiя грошовыя назидательныя книжицы, или опрятныя по наружному виду, но едва-ли не еще болѣе грязненькiя по своему содержанiю книги, издаваемыя нѣкоторыми

народно-солдатскими писателями. Такъ что еслибы пришлось выбирать для народа изъ двухъ золъ меньшее — кабакъ или чтеніе подобныхъ книжицъ—то трудно рѣшить, которое изъ нихъ перетянуло бы вѣсы. Наконецъ, еслибы и были книги, то для нихъ нужны деньги, а гдѣ ихъ возьметъ темный людъ? Ну, купитъ онъ двѣ-три книги въ годъ, много ли онѣ дадутъ ему чтенія. Библіотеки для чтенія ему недоступны. Мысль для него роскошь; онъ обреченъ только на одну о своей горькой долѣ—и кабакъ. Онъ и самъ не радъ, что его тянетъ въ кабакъ, но что же дѣлать, гдѣ взять силъ терпѣть, въ чемъ найти забвенье? „Въ кабакѣ забыться можно, говорятъ рабочіе Пелагеѣ Мокроносовой, которая упрекаетъ брата за то, что тотъ пьетъ. „А што ему дѣлать? Обниматься съ тобой? Какія такія радости ты предоставишь ему".

И забывается темный людъ, и глохнетъ въ немъ мысль. Притупленный мозгъ, отравленная водкой кровь, надломленныя силы передаются изъ поколѣнія въ поколѣніе, и темный людъ вырождается.

Вопросъ объ этомъ роковомъ наслѣдствѣ мучилъ Рѣшетникова, пока въ своихъ романахъ и очеркахъ „Забитые люди" онъ не далъ двухъ-трехъ картинъ этого вырожденія. Возьмите его повѣсть „Макся". Макся—сынъ дьячка, который умеръ отъ пьянства, и хотя онъ въ качествѣ чина духовнаго сословія и пользуется преимуществами передъ темнымъ людомъ—свободой отъ рекрутчины, даровымъ и обязательнымъ образованіемъ—но на дѣлѣ эти преимущества оказываются миѳомъ. Онъ долженъ всю жизнь пробѣдствовать сельскимъ причетникомъ, и это еще при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Даровое и обязательное образованіе такого рода, что выдержать цѣлый курсъ и не притупиться безнадежно могутъ или тупицы, застрахованныя уже отъ притупленія, или рѣдкія даровитыя личности. Природа обидѣла Максю способностями и взамѣнъ ихъ дала ему одно всевыносливое терпѣніе и честность. Даже уроки умирающаго отца, которые были бы толчкомъ для мало-мальски смышленой натуры, пропали даромъ. „Макся, говоритъ ему отецъ,—Макся, мнѣ жалко тебя... жалко". Макся плакалъ. „Не хнычь, Макся, самъ пробивай себѣ дорогу... Вѣдь тебѣ много придется терпѣть, и ахъ, какъ много..." Макся ничего не понималъ. „Ты не вини меня, что я твой отецъ... не я виноватъ, никто не виноватъ... Родись ты отъ благочиннаго, ты бы не такой былъ. Учись главное, а коли не выучишься, не ходи пожалуйста въ монахи и солдаты, развѣ когда все

испробуешь". Легко сказать: пробивай себѣ дорогу самъ; бѣдняку, чтобы пробить себѣ дорогу, нужны недюжинныя способности. Въ мірѣ достаточныхъ людей ворожащія бабушки и дѣдушки могутъ вытащить за уши дюжинность и бездарность. Родителямъ, за хорошія деньги, можетъ посчастливиться найти и хорошаго педагога, который вложитъ хоть нѣсколько здравыхъ понятій въ голову дѣтокъ-тупицъ. Эти тупицы передадутъ дѣтямъ своимъ хоть нѣкоторую долю большей воспріимчивости мозга къ умственному труду. Не то бываетъ для темнаго люда. И сильныя личности изъ него выбиваются на дорогу поломанными, обезсиленными, а бездарныя должны гибнуть. Макся не способенъ учиться, его гонятъ изъ семинаріи. Товарищи его собираются на мѣста, говорятъ о томъ, чѣмъ они будутъ. Одинъ Макся не собирается никуда, онъ живо чувствуетъ свою бездарность, свою безпомощность. „На широкую дорогу пойдешь, смѣются надъ нимъ товарищи.—Будь я проклятъ, чтобъ я пошелъ.—Ну-ка скажи, кто ты будешь? Макся улыбается и молчитъ. Онъ ничѣмъ не могъ похвастаться". И бѣдняга Макся больно чувствовалъ и гнетъ налегшей жизни, и свою безпомощность выбиться, дотого больно, что бѣгалъ на рѣку утопиться, да „силъ не хватило, страшно показалось". Выключенный изъ семинаріи, Макся поступилъ въ звонари. Эта жизнь дикости, мрака, нищеты доканала Максю. Въ немъ было живо человѣческое чувство и онъ не могъ примириться съ этой жизнью. Вотъ какъ описываетъ Рѣшетниковъ настроеніе бѣднаго Макси. „Задумается Макся, кругомъ тихо, голуби воркуютъ. Задумается Макся и вздохнетъ: Вотъ голубямъ что, а я то что... Пей водку, а пользы нѣтъ... Потомъ ему сдѣлается грустно, такъ вотъ и защемитъ сердце... Заплачетъ Макся: какой я человѣкъ... Звонарь, сволочь. Хоть бы пѣвчимъ сдѣлаться, такъ голосу нѣтъ.

Опять сидитъ Макся и представится ему что-то хорошее, и кажется ему, что онъ хуже всѣхъ, и не можетъ понять отчего онъ такой, и только на міръ божій сердится.—А черти васъ дери, скажетъ онъ со злостью, плюнетъ съ колокольни въ городъ и пойдетъ къ колоколамъ». Послѣ онъ поступилъ въ почтальоны и допился до съумасшествія. Онъ и трезвымъ начиналъ заговариваться, и когда его спрашивали: что мучитъ тебя? онъ говорилъ: не твое дѣло! не я первый, не я послѣдній такой". И онъ правъ: не онъ первый, не онъ послѣдній былъ и, вѣроятно, будетъ жертвой этихъ условій жизни.

Шилохвостовъ еще болѣе рѣзкій примѣръ вырожденія. Онъ былъ сыномъ идіотки. Мать его призрѣли добрые люди изъ жалости къ забитой, несчастной нищей-дѣвочкѣ. Она росла молча, снося и насмѣшки, и обиды, и всѣ считали ее безчувственной. „Одно только замѣчали торговки, что послѣ того, какъ побалуютъ съ ней парни или озорники мущчины, она сядетъ въ уголъ и давай нюнить. Но нигдѣ не плакала такъ Маланья, какъ дома и по ночамъ, и плакала она такъ горько, что разбужала спящихъ. О чемъ она плакала? О томъ-ли, что она неизвѣстнаго происхожденія, о томъ ли, что ее ругаютъ и смѣются надъ нею всѣ, о томъ ли, что Богъ ей разуму не далъ? Она никому не говорила. Да если бы она и объяснила это кому-нибудь, то всякій насмѣялся бы надъ ней". Сыну призрѣвшей ее семьи вздумалось жениться на ней. У ней родился сынъ, такой же здоровый и сильный работникъ, какъ и отецъ, но наслѣдовалъ отъ матери страшное наслѣдство. На него находили припадки бѣшенства, когда у него являлась потребность убивать—и онъ поступилъ на бойню. Позже, чтобъ избавиться отъ наказанія за убійство, онъ сдѣлался палачемъ. Его убійство не было слѣдствіемъ испорченности и безчеловѣчія. Это было несчастное извращеніе его умственныхъ способностей. Въ здоровыя минуты онъ проклиналъ свое ремесло; онъ отдавалъ все, что могъ, арестантамъ. Когда его упрекали товарищи, сравнивавшіе его умѣренное житье съ привольнымъ житьемъ другихъ палачей: „пошто ты мало доходовъ получаешь?"—„Плевать мнѣ на нихъ, отвѣчалъ Шилохвостовъ. Я бы дорого далъ тому, кто замѣнилъ меня". Шилохвостовъ, убійца и палачъ, изнемогаетъ подъ клеймомъ отчужденія, которымъ онъ отмѣченъ среди людей. Онъ кончилъ дикимъ помѣшательствомъ. И Шилохвостовъ не исключеніе. Сколько есть этихъ несчастныхъ жертвъ роковаго наслѣдства въ острогахъ, разсѣянныхъ по лицу матушки Руси, сколько этихъ несчастныхъ жертвъ скитаются юродивыми, кликушами и прочими божьими людьми. Притупляющій трудъ, пища, пригодная только для „для брюха, гдѣ долото сгніетъ", униженіе, невѣжество имѣютъ одинъ исходъ—кабакъ или острогъ, или больница съумасшедшихъ. И Рѣшетникова нельзя обвинить въ пессимизмѣ за этотъ взглядъ. Онъ и не „проводитъ его", какъ писатели гражданскихъ мотивовъ; вѣрный своему характеру лѣтописца, онъ только заноситъ на страницы своей лѣтописи черные дни темнаго люда; къ этому взгляду приводитъ сама жизнь.

хоть онъ едва отличитъ трехъ-рублевую отъ пяти-рублевой—и онъ отправится доканчивать свое образованіе въ томъ же острогѣ. Захочется городовому показать, что и онъ административное лицо, облеченное властью, и онъ остановитъ, какъ воровку, бабу съ узломъ, въ которомъ она несетъ свое добро, и отправитъ ее въ часть. И выйдетъ темный людъ изъ части и изъ острога, безъ гроша, безъ мѣста и заработковъ, пронищенствуетъ и проголодаетъ дня два и приходитъ просить, какъ Пелагея Мокроносова, какъ милости, чтобы его снова пустили въ часть ночевать, или въ отчаяніи сдѣлаетъ какое-нибудь безчинство для того, чтобы его снова заперли въ острогъ, гдѣ покрайней мѣрѣ у него есть куда преклонить голову, есть хоть кусокъ хлѣба.

Многіе называютъ эту скорбь автора о темномъ людѣ слезливостью сантиментальныхъ барынь, готовыхъ удариться въ истерику при видѣ каждой капли пота, падающей со лба рабочаго, и потому желающихъ для народа такой жизни, въ которой онъ могъ бы жить сложа руки и только ловить ртомъ падающихъ съ неба жареныхъ жаворонковъ. Но люди, которые, какъ Рѣшетниковъ, вынесли на самихъ себѣ жизнь темнаго люда, не сантиментальныя барыни и менѣе чѣмъ кто-либо способны желать, чтобы народъ жилъ сложа руки, ловя падающихъ съ неба жареныхъ жаворонковъ. Не избавленія народа отъ труда хотятъ эти люди. Они считаютъ трудъ непремѣннымъ условіемъ разумной жизни—люди, пренебрегающіе этимъ условіемъ, вырождаются. Они хотятъ, чтобы трудъ не поглощалъ всѣ силы темнаго люда, не сводилъ его на степень вьючнаго скота; они хотятъ, чтобы трудъ давалъ ему здоровый кусокъ хлѣба, здоровый, свѣтлый уголъ, возможность жить, какъ живутъ люди; они хотятъ, чтобы онъ давалъ ему и отдыхъ, который необходимъ темному люду для того, чтобы внести въ свою темную жизнь хоть искру свѣта науки и мысли.

IV.

Въ этой темной массѣ, надрывающейся надъ работой, гибнущей въ кабакахъ, въ острогѣ, умирающей повально въ больницахъ, Рѣшетниковъ показываетъ двухъ-трехъ человѣкъ, которые наконецъ

проложили себѣ дорогу, достигли завѣтной цѣли рабочаго, сдѣлались мастерами. Но какой цѣной? Темный людъ пробился или утративъ въ борьбѣ за существованіе все, чѣмъ была ему дорога жизнь, или все, что было человѣчнаго въ немъ самомъ. Караваевъ, который по мальтусовскому закону воздержанія не захотѣлъ жениться на Пелагеѣ Мокроносовой, пока онъ не станетъ мастеромъ, добившись наконецъ хорошаго, вѣрнаго заработка въ Петербургѣ, узналъ, что Мокроносову давно схоронили. „Кабы ты женился, она была бы жива», упрекаютъ его товарищи, и онъ мучается самъ этимъ упрекомъ, хоть и замужство съ нимъ не прибавило бы Мокроносовой ни одного лишняго шанса на жизнь. Они мыкали горе порознь, тогда они мыкали бы его вмѣстѣ, задавленные семьей. Эта семья связала бы руки Караваеву и онъ пробился только потому, что у него хватило силъ отказать себѣ въ единственной радости своей темной жизни. Онъ зажилъ, довольный жизнью, но у него осталось отравленное воспоминаніе на всю жизнь. Корчагинъ заплатилъ за то, что пробился, еще болѣе дорогой цѣной. Корчагинъ былъ честный, дѣльный рабочій, признанный нравственной силой между товарищами. „Какъ Корчагинъ скажетъ, такъ тому и быть надо", говорили про него рабочіе. Корчагинъ тянулъ свою трудовую лямку годами, надѣясь разжиться и сдѣлаться хозяиномъ, чтобы жениться на любимой женщинѣ; онъ былъ трезвый рабочій, онъ былъ выносливѣе прочихъ и ему менѣе нужно было забываться въ кабакѣ. Но бѣда лихая пропяла и его крѣпкую натуру. Любимая женщина пропала безъ вѣсти. Онъ скопилъ уже деньги, но ихъ украли въ острогѣ, куда его засадили по подозрѣнію въ кражѣ у одного купца. Трезвый, бережливый работникъ запилъ. „Нашему брату стоитъ съ панталыку сбиться, а тутъ и пиши пропало", жалуется онъ въ кабакѣ. Ну, когда я теперь поправлюсь! Вотъ я и пью съ горя. И глупо я дѣлаю, ей Богу, и Прасковья меня мучаетъ; не знаю, жива ли она или нѣтъ, и положеніе мое меня мутитъ. И все-таки глупо я дѣлаю. Будьте вы всѣ прокляты! Ну скажите, что мнѣ дѣлать? Если я удавлюсь, вы скажете, что дуракъ, бросите меня какъ собаку. Да не обидно развѣ мнѣ, что я столько безпокоился. Ужъ мнѣ не прожить столько, сколько я прожилъ. Правда, года были тяжелые, да я надѣялся, а то опять все надо съизнова начинать". Корчагинъ очнулся, когда первая боль удара прошла и къ тому же узналъ, что его Прасковья Курносова

жива и нашелъ въ себѣ силы начать все съизнова. Но Прасковья Курносова почему-то не взлюбила его и у Корчагина осталась одна цѣль жизни: копить деньги, чтобы выбиться въ хозяева. Страстная, сосредоточенная энергія вынесла Корчагина. Онъ сталъ твердой ногой въ жизни: сдѣлался изъ батрака хозяиномъ и изъ человѣка кулакомъ. Рѣшетниковъ говоритъ: «Какъ всѣ бѣдные и многотерпѣвшіе люди, разбогатѣвши, дѣлаются кулаками, и Корчагинъ славился кулачествомъ. Съ рабочими обращался круто, пользовался ими, какъ вьючнымъ скотомъ. Раздавая по праздникамъ грошовое подаяніе, онъ съ чистой совѣстью забивалъ въ могилы сотни людей непосильнымъ трудомъ, который наваливалъ на своихъ рабочихъ. Домъ его былъ полной чашей счастія; а мастерскія— слезъ и страданій.»

Эта черта общая темному люду. И какъ ни восторгаются славянофилы любвеобиліемъ русскаго народа, но онъ ничуть не отличается своимъ любвеобиліемъ отъ другихъ народовъ. Такъ свидѣтельствуетъ его правдивый лѣтописецъ, котораго невозможно заподозрить ни въ незнаніи быта народа, ни въ клеветѣ на народъ. Изъ краткаго некролога Рѣшетникова видно, какъ онъ болѣлъ сердцемъ за народъ; онъ плачетъ, когда описываетъ мученія Пилы; онъ не ограничивается одними слезами; онъ готовъ хлопотать за каждаго побитаго крестьянскаго мальчика, хотя эти хлопоты при его общественномъ положеніи могли навлечь на него серьезныя непріятности. Но онъ понималъ любовь къ народу не въ преклоненіи передъ его мудростью, не въ восхваленіи небывалыхъ доблестей, а въ правдивомъ словѣ, которое онъ говорилъ обществу о его страданіяхъ, которое открывало его и свѣтлыя и темныя стороны. И Рѣшетниковъ, передавая толки рабочихъ пролетаріевъ, говоритъ, что русскій мастеръ хуже нѣмца мастера. Это справедливо не въ нравственномъ отношеніи, но въ практическомъ. Нѣмецъ мастеръ не проходилъ школу русскаго работника: онъ не знаетъ всѣхъ сноровокъ, увертокъ русскаго работника, не знаетъ мелкихъ обсчитываній, которымъ научила ихъ горькая нужда. Русскій мастеръ, протянувшій нѣсколько лѣтъ рабочую лямку, знаетъ все это въ точности. Естественно, что ставъ мастеромъ, онъ оказывается деспотомъ, несравненно болѣе жестокимъ, мелочнымъ и нестерпимымъ, нежели мастеръ-нѣмецъ.

И эта черта — кулачество—выбившагося въ хозяйство темнаго

люда, свойственна не одному русскому народу. Повѣсти Жоржъ-Занда, повѣсти изъ народнаго быта другихъ извѣстныхъ писателей даютъ замѣчательные типы кулаковъ-крестьянъ, мелкихъ торговцевъ и хозяевъ мастерскихъ, и въ этомъ они вѣрно слѣдуютъ указанію жизни. Жизнь не дала развиться въ темномъ людѣ другимъ силамъ, кромѣ темной животной силы, которая вынесла его въ борьбѣ за право ѣсть, пить и дышать. Выбившись на міръ довольства, онъ принесетъ въ него одну темную силу. Пока онъ выбивался, пока у него не было надежды на обезпеченную привольную жизнь, рабочему легко было дѣлиться послѣдней крохой съ товарищемъ; эта кроха не обезпечивала его; ему ничего не стоило отдать ее, чтобы избавиться отъ тяжелаго чувства видѣть горе товарища; онъ зналъ, что случись ему нужда, товарищъ сдѣлаетъ для него то же самое. Но вотъ онъ выбивается, какъ говорится, въ „люди". Чѣмъ тяжелѣе были вынесенныя лишенія, тѣмъ болѣе онъ дрожитъ за свой кусокъ хлѣба, тѣмъ безчеловѣчнѣе моритъ онъ работой своихъ рабочихъ; каждая пріобрѣтенная копѣйка для него страхованіе будущаго, ручательство, что прежніе тяжелые дни не повторятся. Чѣмъ болѣе вынесъ онъ горя—тѣмъ безпощаднѣе его кулачество, и мастерская его дѣлается „полной чашей слезъ и страданій". А если проснется совѣсть, если человѣческое чувство возмутится, то легко успокоить его. Прикащикъ, обиравшій Токменцова, поставилъ рублевую свѣчу, Корчагины крупныхъ размѣровъ пожертвуютъ колоколъ, Корчагины англійскихъ романовъ отдадутъ извѣстную сумму на Poor-tax—и совѣсть ихъ перестанетъ возмущаться.

Корчагину удалось добиться только хозяйства, и то долгимъ, упорнымъ трудомъ; но еслибы прихоть судьбы вдругъ сдѣлала Корчагина богачемъ или такимъ всесильнымъ лицомъ, какимъ былъ прикащикъ на заводахъ—и вмѣсто солиднаго, чиннаго кулака, изъ Корчагина вышелъ бы дикій самодуръ, который удивилъ бы своими безобразіями общество. Чѣмъ болѣе его гнули и ломали въ его прежней темной жизни, тѣмъ сильнѣе возгорѣлась бы въ немъ потребность гнуть и ломать другихъ въ своей новой, раззолоченной и не менѣе темной жизни; чѣмъ болѣе ему приходилось терпѣть лишеній, тѣмъ необузданнѣе сдѣлались бы теперь его прихоти. Тутъ начинается разгулъ самаго дикаго самодурства. Вмѣсто трезваго рабочаго передъ вами прикащикъ изъ „Глумовыхъ". Ему нужны рабы, наложницы для его потѣхи. Онъ нагло ломается надъ ними: „Лижи мои ноги", говоритъ

онъ безотвѣтной Пелагеѣ Семихиной: „Чувствуешь ли ты, тварь, мою милость?“ И милость въ томъ, что онъ опозорилъ ее и позоритъ передъ каждымъ встрѣчнымъ. Онъ взялъ мальчика въ казачки и потѣшается имъ, какъ звѣрькомъ. „Колька, катайся колесомъ, Колька, лай собаченкой“, и Колька долженъ все безпрекословно исполнять, потому что нужда скачетъ, нужда пѣсенки поетъ. И прикащикъ торжествуетъ, у него казачекъ такой же, какъ у управляющаго. Онъ живетъ какъ баринъ, онъ не простой рабочій, и рабочій людъ долженъ чувствовать это.

Но рядомъ съ этими темными сторонами народа, Рѣшетниковъ указываетъ и на свѣтлыя. Перебирая страницу за страницей его правдивую лѣтопись страданій народа, мы невольно проникаемся глубокимъ удивленіемъ къ силѣ этого темнаго люда и въ этой силѣ видимъ ручательство, что онъ не обреченъ безвыходно оставаться темнымъ людомъ. Эта сила не въ той рѣшимости, съ какою онъ, махнувъ рукой на старое житье, идетъ себѣ искрещивать матушку Русь по всѣмъ направленіямъ съ какой нибудь гривной въ карманѣ. Эта рѣшимость можетъ внушать удивленіе только людямъ, незнакомымъ съ народомъ. Темному люду нечего терять, онъ не отъ добра ищетъ, гдѣ лучше... Родной уголъ, который онъ оставляетъ, ничуть не лучше грязныхъ ночлеговъ, въ которыхъ ему придется пріютиться на дорогѣ. Кусокъ хлѣба, который онъ заработывалъ, такъ же непроченъ, какъ и тотъ, который ему порой приходится дорогой выпрашивать Христа-ради. Неизвѣстность пути, неизвѣстность того, что его ожидаетъ, не страшна тому, кто навѣрное зналъ, что ему дома „не у чего было жить“. Не въ этой нечеловѣческой выносливости темнаго люда сказалась эта сила, ручательство для него лучшихъ дней. Чтобы опредѣлить настоящую мѣру этой выносливости, надо знать, какой процентъ темнаго люда гибнетъ оттого, что желудокъ его доведенъ до той степени, „что въ немъ и долото гніетъ», надо знать и то, какъ онъ выноситъ: сознательно ли онъ борется, потому-ли, что не хочетъ дать жизни сломить себя, или безсознательно, какъ борется дикій звѣрь за свою добычу, какъ борется растеніе за право жизни, пробиваясь корнями въ глубинѣ земли. Эта выносливость, которая ведетъ темный людъ черезъ всю Россію искать, гдѣ лучше, та же стихійная сила, которая заставляетъ рыбу искать, гдѣ глубже и растеніе оборачивать листья къ солнцу. Эта сила даетъ расте-

нію прозябать на тощей почвѣ и потомъ, когда его перенесутъ на жирную почву, растянуть безобразно широко свои корни и безпощадно глушить другія, слабѣйшія. Эта стихійная сила не выведетъ темный людъ на свѣтъ человѣческой жизни. Эта сила можетъ создать только Корчагиныхъ и прикащиковъ.

Этотъ выходъ должны подготовить другія силы, и Рѣшетниковъ показываетъ намъ, какъ медленно зрѣютъ эти силы, какъ прорываются порой невольнымъ словомъ или честнымъ порывомъ, значеніе котораго не сознаетъ еще и самый темный людъ. Значеніе ихъ могутъ оцѣнить только люди, такъ глубоко изучившіе народъ, какъ Рѣшетниковъ. Эти силы—честное негодованіе противъ неправды, глубокое чутье правды и чувство братской связи, котораго не могло задавить въ немъ ни что. «Онъ человѣкъ справедливый»,—высшая похвала, какую только можно заслужить въ глазахъ народа. Эта потребность справедливости не выводъ холодныхъ умозрѣній или требованій догматизма, это—непосредственное, почти инстинктивное чувство, но это чувство такъ сильно, что бѣдный темный людъ бросаетъ вѣрный кусокъ хлѣба, чтобы не измѣнить этому чувству. Тимофей Горюновъ получилъ за взятку мѣсто надсмотрщика за работами; онъ можетъ держаться на этомъ мѣстѣ только обирая свою братью рабочихъ, и онъ дѣлаетъ всяческія льготы бабамъ, которыя носили соль въ мѣшкахъ, изъ одного человѣческаго чувства состраданія. Подозрѣніе прикащика, что онъ сдѣлалъ это за взятку, глубоко возмущаетъ его, и онъ рѣшается уйти съ варницъ, гдѣ можно было работать только обирая своего брата. Вотъ какъ говоритъ объ этой рѣшимости лѣтопись „Гдѣ лучше". «Жизнь казалась Горюнову до того противной, прикащикъ и смотритель такими гадкими, что онъ готовъ былъ въ ту же минуту уйдти въ другое мѣсто, чтобы не брать грѣха на душу". И онъ ушелъ. Стихійная сила дала Горюнову и силу уйдти. Лишенія не въ диковинку темному люду. Привычка опираться на одного себя даетъ ему крѣпкую вѣру въ себя, и „пропиталъ" его, какъ называетъ темный людъ свой скромный капиталъ—заработокъ дюжихъ рукъ — долженъ, такъ вѣритъ онъ, дать ему вездѣ кусокъ хлѣба. Жена Токменцова, послѣ того какъ задрали ея сына и ее самое высѣкли, идетъ жаловаться къ главному управляющему, идетъ безъ всякаго пропитала, кромѣ надежды на поданный Христа-ради кусокъ. Стихійная сила поддержала въ темной Токменцовой чувство человѣческой правды. Это чувство правды такъ

же сильно и въ ея мужѣ. Онъ узналъ, что Илья Назаровъ, сынъ прикащика, хочетъ жениться на его дочери. Прикащикъ — великій моголъ въ жизни темнаго люда, въ его власти карать и миловать, давать хлѣбъ и морить съ голоду рабочихъ. Другой, на мѣстѣ Токменцова, пришелъ бы въ восторгъ, узнавъ, что его дочь удостоилась чести быть выбранной сыномъ начальника, будь тотъ отъявленный подлецъ; такой выборъ сулитъ такъ много выгодъ, и грѣшныхъ и безгрѣшныхъ. Токменцовъ вмѣсто восторга пришелъ въ страшное негодованіе. — „Не хочу родниться съ подлыми людьми, говоритъ онъ: сроднись съ подлецомъ, и будешь самъ подлецъ". И онъ обѣщаетъ обломать ноги Назаркину Ильѣ, если тотъ осмѣлится снова появиться въ его домѣ. Честное чувство сказалось въ темномъ людѣ въ грубой формѣ, сказалось грубыми угрозами Назаркину Ильѣ, истязаніями дочери, но оно и не могло проявиться въ другой. Довольно того, что оно есть, это честное чувство. Оно въ положеніи темнаго люда — героизмъ. Токменцовъ, который знаетъ, что ему придется „издохнуть на работѣ какъ собака", и не хочетъ купить себѣ избавленіе отъ этой собачьей смерти безчестнымъ родствомъ—герой. И много есть въ темномъ людѣ такихъ безвѣстныхъ героевъ правды, которые служатъ ей просто, безъ громкихъ словъ, не сознавая всего величія своего служенія. И Горюновъ, и Токменцовъ, и Елизаровъ—рабочіе, имена которыхъ занесены въ лѣтописи Рѣшетникова, и даже презираемый товарищами „лакеишка" прикащика Илья Глумовъ, который обворовываетъ хозяина и кончаетъ острогомъ—всѣ служатъ этой братской правдѣ. Всѣ они могли бы купить себѣ привольное житье, продавъ своихъ братьевъ. На всѣхъ фабрикахъ, у всѣхъ хозяевъ водятся шпіоны, которые за свою службу пользуются многими преимуществами: они не издыхаютъ па работѣ какъ собака, въ ихъ брюхѣ не гніетъ долото; они даже скапливаютъ себѣ кругленькій капиталецъ. (Рѣшетниковъ, въ одномъ изъ своихъ очерковъ, почему-то названныхъ имъ юмористическими, описываетъ происхожденіе одного богача, разжившагося всякими неправдами). Смѣлый, энергическій, работящій Токменцовъ, смѣтливый, изворотливый Терентій Горюновъ могли бы зажить этой привольной жизнью; но они выбрали свою темную, трудовую, чистую отъ всякой неправды жизнь. Темный людъ не пойдетъ въ предатели. Общее страданіе сплачиваетъ его чувствомъ

братства, и онъ считаетъ позоромъ измѣнить ему. Но это свѣтлое чувство еще не дѣятельное чувство, оно еще не выяснилось въ народномъ сознаніи.

Но это свѣтлое чувство имѣетъ свою оборотную темную сторону; эта сторона—ненависть противъ тѣхъ, которые злоупотребляютъ своими правами. Оно часто бываетъ причиной разныхъ безнравственныхъ явленій въ средѣ темнаго люда. Такъ, напримѣръ, нанести хозяину убытокъ, обокрасть его — не считается позорнымъ дѣломъ между рабочими. Тотъ же Терентій Горюновъ, котораго порядки на варницѣ мучили дотого, что онъ ушелъ, чтобы не брать грѣха на душу, хоть самъ неспособенъ обокрасть хозяина, не считаетъ кражу у хозяина безчестнымъ поступкомъ. Тотъ же самый Токменцовъ, который ни за что не хотѣлъ родниться съ подлецами, считаетъ ни чуть не унизительнымъ для себя выдать дочь за человѣка, ворующаго руду. Это безнравственно, но темнаго люда никто не училъ нравственности; это подрываетъ общественный порядокъ, но этотъ порядокъ недоступенъ пониманію темнаго люда. Впрочемъ, только въ мелкихъ личностяхъ темнаго люда высказывается вражда въ такой безсмысленной формѣ. Въ крупныхъ она высказывается словомъ укора, хотя порой имъ приходится дорого за него расплачиваться. Глумовъ, отецъ Курносовой, не стерпѣлъ обиды своихъ братьевъ, попрекнулъ прикащика безчеловѣчіемъ и былъ засѣченъ до смерти прикащикомъ. Смерть его надолго сохранилась въ памяти темнаго люда. Глумовъ сдѣлался для рабочихъ идеаломъ правды и чести. Его именемъ корили они малодушныхъ, равнодушно сносившихъ всѣ обиды и неправды. „То-ли бы сдѣлалъ Глумовъ, Глумовъ не стерпѣлъ бы“, говорили рабочіе, „не въ отца пошелъ“, упрекали они сына Глумова за то, что тотъ поступилъ въ лакеи къ прикащику. Другому парню было бы извинительно струсить грозы прикащичей, но сынъ Глумова не долженъ былъ измѣнять памяти отца, не долженъ былъ падать такъ низко. Это чувство передается дѣтямъ по наслѣдству отъ отцовъ. Токменцовъ возвращается съ рудниковъ, везя въ телегѣ высѣченнаго сына Ганьку. Ганька грозитъ прикащику, отецъ поддразниваетъ его. „Сказано, Подосенову голову сорву! крикнулъ зло Ганька. — Ха, ха, руки коротки. — Тятька! закричалъ Ганька, и поднялся. Отецъ посмотрѣлъ на него весело. Ганька глядитъ дикаремъ, по щекамъ ползутъ слезы. Отецъ сжалъ кулаки и не

сказалъ ни слова". Эта коротенькая сцена стоитъ цѣлыхъ страницъ комментаріевъ.

Но Глумовы рѣдкія исключенія, да они и не способны указать темному люду выходъ изъ его тьмы. А темный людъ уже начинаетъ искать этого выхода... Нужда научила его тому, что все его горе-горькое ведется оттого, что нѣтъ между нимъ „согласія". Темный людъ додумался до того, что смутное чувство братской связи должно стать въ немъ дѣятельнымъ чувствомъ. Терентій Горюновъ совѣтуетъ устроить стачку. Онъ говоритъ, что выдумалъ „эту механику", чтобы не обсчитывали. Уговоримъ другихъ и скажемъ: „не хотимъ-молъ за эту цѣну робить", совѣтуетъ Пелагея Мокроносова. Но тутъ-же оказывается, что это средство не дѣйствительно. „Дура, да онъ (хозяинъ) тебя прогонитъ. Развѣ мало нашего брата безъ работы шляется? Развѣ мало нынѣ развелось нищихъ?" Потолковавъ, рабочіе приходятъ къ рѣшенію, что все зло „оттого, что мы сами плохи. Нѣтъ у насъ согласія. Такъ-ту мы, по отдѣльности, тараторимъ, а сбери насъ всѣхъ, и сало во рту застыло. Народъ загалдилъ.—Да доведись до тебя, ты первый лыжи дашь.—Чтожъ мнѣ одному што ли въ петлю лѣзть, одинъ въ полѣ не воинъ". Неутѣшительная страница лѣтописи, но въ ней есть намеки на лучшее. Народъ, который пришелъ къ сознанію, что онъ „плохъ", не долго останется плохимъ. Онъ открылъ свою язву—а только скрытыя язвы страшны. Это сознаніе собственной „плохости"—не сознаніе безнадежнаго безсилія. Народъ, который выдѣлялъ изъ себя Токменцовыхъ и Глумовыхъ, не можетъ быть въ корень „плохъ". Сегодня онъ открылъ глаза на то, что онъ плохъ, завтра онъ откроетъ ихъ на средство не быть плохимъ.

V.

Рѣшетниковъ—писатель массы. Въ его лѣтописяхъ вы не встрѣтите титаническихъ натуръ: такихъ людей не выработала жизнь нашего темнаго люда. Она выработала только людей не титаническихъ силъ, но крупныхъ, здоровыхъ силъ, которыя могли бы сдѣлать многое, еслибы въ ихъ темную жизнь внесли лучъ свѣта. Люди этихъ силъ—любимые типы Рѣшетникова: они или выносливая чернорабочая сила, которая бьется упорно, или сила, затертая въ

міръ физическаго труда, и топящая свою тоску въ винѣ. Этой силѣ, если она не отмѣчена особеннымъ талантомъ, еще труднѣе пробиться, чѣмъ первой, и горе тому изъ темнаго люда, кто отмѣченъ даромъ судьбы—его темная жизнь станетъ еще темнѣе. Возьмите два наиболѣе выдающіеся примѣра изъ многихъ примѣровъ, занесенныхъ Рѣшетниковымъ въ его лѣтописи. Петръ Савичъ Курносовъ, учитель заводской школы, человѣкъ, который самъ собой дошелъ до убѣжденія давать дѣтямъ народа основательное образованіе, безъ зуботычинъ и розогъ—и это въ то время, когда въ литературѣ еще не поднимался вопросъ о томъ, сѣчь или не сѣчь дѣтей. Курносовъ былъ посланъ заводскимъ начальствомъ въ уѣздное училище; въ городѣ онъ встрѣтился съ „умными людьми, которые давали ему хорошія книги“, и ученикъ уѣзднаго училища силой своего ума переросъ многихъ жрецовъ науки, доказывавшихъ, что розги выводить слѣдуетъ въ школахъ исподоволь. Но жизнь Курносова сдѣлалась ежедневной мелкой борьбой, борьбой, на которую однакоже нужно много нравственныхъ силъ. Казначей требовалъ, чтобы дѣти вмѣсто ученья ловили ему скворцовъ, казначей не давалъ денегъ на книги и учебныя пособія и заставлялъ Курносова собирать деньги съ учениковъ, грозя отставить его отъ должности учителя, которая была цѣлью его жизни. Слободчане звали дуракомъ учителя, который, вступивъ въ должность, объявилъ ученикамъ, что хочетъ учить ихъ любовью, а не побоями; начальство звало сумасшедшимъ человѣка, который захотѣлъ учить дѣтей чернаго народа геометріи. И боролся Курносовъ, пока были силы; не стало ихъ, онъ запилъ. Его высѣкли, жена остригла ему усы. Ученики осмѣяли учителя съ обстриженнымъ усомъ, „стеганнаго учителя“. Авторитетъ его подорванъ невозвратно, дѣло его жизни погибло. Ему осталось одно—допить до смерти. И честная сила погибла—погибла, но не измѣнила себѣ.

Второй примѣръ такой погибшей силы—герой повѣсти, озаглавленной „Между людьми“. Эта повѣсть переноситъ насъ въ міръ мелкаго чиновничества—другого темнаго люда, который живетъ не „пропиталомъ“ дюжихъ рукъ, но мелкимъ умственнымъ трудомъ, для котораго нужны умственныя способности ничуть не выше смѣтливости дрессированной лошади или собаки, умѣющей считать. По искренности тона, эта повѣсть при появленіи ея была принята за исповѣдь автора — и общество не ошиблось, какъ подтверждаетъ некрологъ Рѣшетникова: первая часть была именно исповѣдью; и пото-

му эта повѣсть имѣетъ двойной интересъ для читателей. Герой ея, сынъ пьяницы-почтальона, воспитывается дядей и теткой. Они люди не дурные, дядя честный почтальонъ, тетка добрая женщина и любятъ мальчика по-своему; но они темные люди и воспитываютъ его по преданіямъ темнаго люда: за битаго двухъ не битыхъ даютъ и учи сына, пока поперегъ лавки лежитъ, послѣ самъ почувствуетъ и спасибо скажетъ. И масса дѣтей темнаго люда „умѣетъ чувствовать" это ученье: они становятся „шолковыми", и нетолько не озлобляются, но когда придетъ чередъ имъ воспитывать своихъ ребятъ, вспоминаютъ о немъ съ благодарностью: „спасибо, молъ, что „учили", вотъ и человѣкомъ сдѣлали". Но съ ребенкомъ, отмѣченнымъ печатью нравственной силы, цѣль этого ученья не достигается. Маленькій герой озлобился—и началъ мстить своимъ учителямъ. Ненаправленная сила ушла на буйство и дикую вражду. Онъ находилъ злую радость устроить воспитателямъ и сосѣдямъ „пакость". Но много подъ этой злобой таилось въ этомъ ребенкѣ и глубокой человѣчной любви ко всему страдающему и задавленному. Отмстивъ злобной „пакостью" своимъ притѣснителямъ, онъ готовъ былъ жалѣть до слезъ и отставнаго солдата съ деревянной ногой, надъ которымъ смѣялся весь міръ почтальоновъ, когда онъ пѣлъ: „ахъ, тошно сердцу моему, нищенку", и Таню, которую всѣ ругали за то, что она высидѣла въ острогѣ за украденный кошель, испортилась тамъ, схоронила тамъ ребенка и пошла по міру. „И никто не любилъ ее, а подавали ей милостыню только Христа-ради, хотя и знали, что не въ прокъ шла эта милостыня. И жалко было смотрѣть на эту бѣдную и никто не жалѣлъ ее", говоритъ онъ о ней. Пожалѣлъ одинъ задавленный ребенокъ, чутьемъ понявшій свою связь съ бѣдной отверженной сестрой.

Жаждущее любви сердце бѣднаго ребенка не выноситъ дикой вражды съ окружающимъ его міромъ и онъ бѣжитъ и долго бродяжничаетъ съ нищими, пока его случайно не узнаютъ и не приводятъ къ роднымъ. Дядя отдаетъ его на службу — и молодая сила осуждена развиваться въ мірѣ мелкаго мошенничества, сила, уходившая на волю, должна улечься въ узкія рамки чиновничьей исполнительности. И снова она прорывается то дикимъ буйствомъ, то новыми „пакостями". Онъ крадетъ письма и газеты; въ кражѣ послѣднихъ его поощряютъ училищные педагоги, любители политическихъ новостей на даровщинку, и тщеславное желаніе по-

казать, что и онъ сила въ своемъ маленькомъ мірѣ; кромѣ того въ кражѣ имъ руководитъ инстинктъ сороки, которая тащитъ въ гнѣздо красивую вещицу; онъ таскалъ конверты, красиво надписанные, которые ему нравились, и не распечатавъ ихъ, бросалъ, налюбовавшись ими. Воровство открылось, его выгнали изъ службы. Это произвело спасительный переломъ. Но болѣе стыда и боли наказанія его потрясло зло, которое онъ сдѣлалъ дядѣ. Дядя пострадалъ по службѣ, запилъ съ горя и сталъ дурно жить съ женой. Четырнадцатилѣтній мальчикъ нашелъ въ себѣ силы перевоспитать себя и загладить сдѣланное зло. Онъ сталъ служить дядѣ всѣми силами, „носилъ дрова и воду, дѣлалъ все, что дѣлаетъ прислуга, и былъ этимъ доволенъ,—не тронулъ чужой нитки. Его послали въ монастырь на исправленіе, но здоровая натура его хотѣла жизни, а не отреченія отъ нея. Веселая монастырская жизнь сначала понравилась ему, пока онъ не приглядѣлся къ ней. Приглядѣвшись, онъ „понялъ, что онъ не нищій и можетъ самъ пріобрѣтать себѣ хлѣбъ честнымъ, безукоризненнымъ трудомъ — и разубѣдился въ своихъ намѣреніяхъ“. Проснувшаяся честная сила зрѣла медленно, но непрерывно; мысль начала свою первую работу. „Въ моей головѣ былъ чистый хаосъ, говоритъ герой повѣсти „Между людьми“: рисовались какія-то страшныя картины, то чего-то хотѣлось, то мнѣ себя было жалко, то я думалъ объ дядѣ, то мнѣ уйти куда-то хотѣлось, то не нравился весь городъ со своими людьми. Но, какъ я теперь помню, ничего я не могъ осмыслить. Работы въ головѣ было много, приглядѣлся къ жизни и увидѣлъ, что я глупъ и неразвитъ. Досадно мнѣ было и я думалъ, хорошо мнѣ умереть теперь, а то для чего я буду жить? Кругомъ темно, и не было у меня такого человѣка, съ которымъ бы я могъ, какъ говорится, душу открыть“. Это желаніе смерти—не тоска пресыщенія разныхъ байроновскихъ и лермонтовскихъ героевъ, которые трубили о томъ, что рождены не для пошлой дѣйствительности, и не дѣлали ничего, чтобы очеловѣчить эту пошлую жизнь; это законная скорбь молодой, честной силы, которая рвется къ жизни и видитъ, что для нея закрыты всѣ пути, что некому указать ей этотъ путь, скорбь о томъ, что люди осуждены жить такой жизнью. Въ этой молодой силѣ жило чутье другой, лучшей жизни. Она скорбитъ и о томъ, что въ деревняхъ бѣдность такая, что кажется можно только животнымъ жить, и о томъ, что въ мірѣ чиновничества

на желтыхъ лицахъ ни одной улыбки не замѣтишь, что этотъ міръ такъ забитъ и жалокъ. И если эта скорбь порой смѣняется невольнымъ смѣхомъ, то этотъ смѣхъ не разъѣдающая иронія Мефистофеля; это просто неловкая и невольная улыбка, которая сорвется даже въ минуту искренней печали, когда что-нибудь смѣшное кинется ему въ глаза, и тотчасъ же смѣнится привычнымъ выраженіемъ грусти. „Смѣшно видѣть этихъ забитыхъ людей, пишетъ Рѣшетниковъ, въ то время, когда они идутъ мимо начальническаго дома; видно, что имъ не хочется идти мимо оконъ; трепетъ какой-то вдругъ напалъ и зло беретъ. Одинъ, своротивъ съ тротуара, пошелъ около стѣны. Хорошо, что окна высоки, можно согнуться; другой идетъ по тротуару, смущенно глядитъ въ окно, держа руку на готовѣ, третій идетъ за нимъ слѣдомъ, въ такомъ же настроеніи“.

Вмѣстѣ съ этой скорбью о братьяхъ, съ жаждой знанія, въ героѣ живо и желаніе приносить пользу. Онъ поступаетъ на службу писцомъ—и гордится тѣмъ, что служитъ въ такомъ мѣстѣ, „гдѣ рѣшаются дѣла о людяхъ“. Бѣдный писецъ, перебѣливая бумаги, думаетъ, что и онъ своимъ трудомъ вноситъ свою долю въ жизнь общества; это чувство наивно сказывается въ немъ и во время принятія присяги: „повторяя слова, я думалъ, зачѣмъ я измѣню; я буду вѣрно служить, не такъ какъ они, буду служить для пользы людей. Когда вечеромъ я легъ спать, я долго думалъ объ этой присягѣ. Не лгалъ ли я? Нѣтъ. Я клялся отъ чистаго сердца. И когда я представлялъ себѣ всѣхъ служащихъ, всѣ ихнія дѣянія, я ужаснулся. Гдѣ же клятва? Гдѣ же тѣ желанія? Отчего эта присяга имѣетъ только тогда силу, когда произносишь слова ея? неужели тоже будетъ и со мной?“ Эти размышленія могутъ показаться очень наивными, кругозоръ мысли героя очень узкимъ, но какая сила и глубина натуры сказалась въ нихъ! Отличительная черта всѣхъ сильныхъ натуръ та, что онѣ не умѣютъ ни къ чему относиться легко. Пусть узокъ міръ мысли бѣднаго канцелярскаго писца, но онъ не подозрѣваетъ узости его, для него это міръ необъятнаго, міръ святыни, и онъ будетъ вѣрно служить ей, насколько хватитъ силъ, онъ не продастъ ее ни за какія блага міра. Не одинъ Кузьминъ принималъ присягу, съ нимъ принимали ее сотни и тысячи товарищей, но онъ одинъ отнесся такъ честно къ присягѣ; другіе отнеслись съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ требуемому обря-

ду и, разумѣется, не вслѣдствіе какихъ-либо убѣжденій, а просто по мелкости и пошлости натуры, не способной отнестись глубоко къ чему бы то ни было. Можно улыбнуться наивности бѣднаго писца, съ такимъ чувствомъ начинавшаго свою писарскую службу, какъ „дѣло, имѣющее вліяніе на судьбу людей", но нельзя не признать честности этихъ отношеній. Тотъ, кто умѣлъ быть вѣрнымъ въ маломъ, съумѣетъ быть вѣрнымъ и въ большомъ. Умъ, который такъ честно стремится проникнуть до глубины тѣсный міръ, въ который поставила его судьба, скоро исчерпаетъ ее, дно откроется и вмѣстѣ съ тѣмъ откроется истина, что глубина была призрачная. Тогда онъ съ тою же неутомимой силой и съ тою же неподкупной честностью уйдетъ въ широкій міръ науки и жизни и станетъ у нихъ допрашиваться отвѣта. Не легко даются эти отвѣты. Много силъ надо, чтобы видѣть, какъ день за днемъ исчерпывается тотъ мірокъ, въ которомъ жили, какъ обнажается мутное, тинистое дно, въ которомъ видѣли необъятность,—видѣть и не отступить пугливо, не призвать снова темныя волны, которыя, скрывая дно, сулили неисчерпаемую глубину.

Нравственный кризисъ, пережитый героемъ, разрѣшается тѣмъ, что онъ дѣлается писателемъ—но писателемъ неудачнымъ. Общество вообще относится къ такимъ писателямъ съ безчеловѣчной черствостью и оскорбительнымъ презрѣніемъ. Неудавшійся писатель для него—бездарная, мелкая, темная личность, проѣденная громаднымъ и ничѣмъ не оправданнымъ честолюбіемъ и тщеславіемъ, которая возмечтала о себѣ, что она талантъ. Въ этихъ обвиненіяхъ такъ и слышна завистливая пошлая посредственность, которая не можетъ простить тому, кто захотѣлъ выдѣлиться изъ нея. Но для людей, которые способны заглянуть поглубже въ жизнь, такіе неудавшіеся писатели, какъ Кузьминъ—жертвы роковаго закона, что все въ жизни покупается „искупительными жертвами"; они—одно изъ знаменій времени. Число этихъ жертвъ неизмѣнно увеличивается во всѣ переходныя эпохи. Въ такія эпохи мысль зрѣетъ, въ обществѣ прибываютъ новыя силы, которыя просятъ дѣла; но условія общественной жизни не даютъ исхода этимъ силамъ — и онѣ ищутъ его себѣ въ словѣ. Такъ было и съ Кузьминымъ; онъ былъ натура практическая, ему нужно было живое дѣло, такое дѣло, которое отдавало бы въ его руки жизнь тѣхъ несчастныхъ, чьей тяжелой долѣ онъ могъ только безплодно сострадать, такое дѣло,

плоды котораго онъ могъ бы видѣть, осязать; гордился же онъ тѣмъ, что служитъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ рѣшается судьба людей. Но такое дѣло недоступно Кузьминымъ, они могутъ быть только строчильными машинами. Неудовлетворенная потребность вліянія на другихъ, потребность дѣла, высказывается въ словѣ. Тамъ, гдѣ закрыты всѣ пути къ живому дѣлу, лучшія силы уходятъ въ литературу; понятно, что многіе, какъ Кузьминъ, уходятъ не вслѣдствіе замѣчательнаго таланта, который увелъ бы ихъ на этотъ путь при всѣхъ другихъ условіяхъ, а уходятъ потому, что литература единственный исходъ для нихъ. Понятно и то, что эти люди дѣла—могутъ быть плохими людьми слова. Шиллеръ не даромъ заставляетъ Телля сказать, что онъ не умѣетъ говорить, а явится, когда нужно будетъ дѣло. И эти люди дѣла въ несродной имъ работѣ, за которую взялись съ отчаянія,—не бездарныя, темныя личности, не проѣденныя громаднымъ честолюбіемъ ничтожества—это великія, честныя силы, которыхъ отвергаютъ непроницательные зодчіе.

Глубоко трагична жизнь этихъ людей. Бѣдный канцелярскій писецъ Кузьминъ сдѣлался, какъ говорится на канцелярскомъ языкѣ, сочинителемъ. Въ провинціи жизнь этихъ „сочинителей“ нестерпима. Сочинитель наживетъ враговъ, которымъ не нужно ждать никакого удобнаго случая, чтобы стереть съ лица земли канцелярскаго писца, сочинитель заглохнетъ тамъ безъ поддержки — и въ концѣ концовъ сопьется съ круга, чтобы затопить наиболѣе злую мысль. Кузьминъ ѣдетъ изъ темнаго чиновничьяго міра въ Петербургъ. Петербургъ—городъ обѣтованный, онъ для бѣднаго писца-сочинителя

...Арена дѣятельной силы,
Пытливой мысли и труда.

Тамъ просторъ мысли, развитіе, котораго онъ такъ жадно ждалъ, тамъ, быть можетъ, ждетъ его и литературная слава. Тамъ печальники о меньшей братьи встрѣтятъ его съ распростертыми объятіями, укажутъ ему дорогу. Пріѣзжій чиновникъ изъ Петербурга, щеголявшій въ провинціи либерализмомъ, потому что либерализмъ былъ à l'ordre du jour, обѣщалъ герою мѣсто. Бѣднякъ продалъ все, что у него было, и поѣхалъ, разсчитывая на обѣщаніе и еще на даровую пищу демидовскихъ кухонь; поѣхалъ съ крѣпкой вѣрой въ себя и въ людей. Прибылъ онъ въ городъ обѣтованный и вскорѣ изъ страшной плющильной машины жизни столичной былъ выброшенъ, какъ „винтъ не-

годный". Мѣсто, доставленное чиновникомъ либераломъ, который, потому что ordre du jour смѣнился, оказался уже не меценатомъ меньшей братьи, но взыскательнымъ начальникомъ,—недавало ему средствъ существовать даже впроголодь. Питаться въ демидовскихъ кухняхъ, при необходимости обивать пороги редакцій, оказалось неудобно. Ему нуженъ былъ досугъ, чтобы учиться, чтобы развивать мысли, а ему приходилось карпѣть цѣлые дни надъ безсмысленной перепиской; ему нужно было упорнымъ трудомъ развивать свой талантъ, готовиться сказать свое слово людямъ, а ему приходилось писать, чтобъ не умереть съ голоду, размѣнивать недозрѣвшую мысль на мелочь, продать еще зеленый хлѣбъ на корню, сознавая, что люди никогда не узнаютъ, какое здоровое зерно принесъ бы этотъ хлѣбъ, если бы ему дали вызрѣть. Либералъ-меценатъ, покончившій съ либерализмомъ, выгналъ его изъ службы за нарушеніе порядка. Редакторы не платили, въ настоящемъ голодъ, въ будущемъ темная, безвѣстная смерть. Осталось одно—пить, пить, чтобы забыть и голодъ и униженіе, пить, чтобы забыть обманутыя надежды и утопить мысль. Но вино сжигало жизнь, а не топило мысль. Разбуженная мысль, мысль о темной жизни братьевъ, мысль о человѣческой правдѣ не гасла въ немъ до послѣдней минуты. И онъ передъ смертью написалъ разсказъ о своей забитой, темной, безплодно загубленной жизни, которая могла бы быть такой свѣтлой и плодотворной, могла бы внести свѣтъ и въ жизнь другихъ людей, если бы люди того захотѣли; „и онъ бросилъ этотъ разсказъ, какъ проклятіе, въ лицо людямъ, между которыми онъ погибъ". „Вы довели меня до нищеты, пишетъ онъ передъ смертью редактору, не платившему ему за статьи, но я, нищій, я честнѣе васъ, потому что я достаю себѣ теплый уголъ и хлѣбъ такимъ трудомъ, надъ которымъ вы въ вашей паршивой газеткѣ смѣетесь. Идите на площадь и вы увидите сотрудника вашего съ сапогами и сюртуками, кричащаго: сапоги хороши, сапоги купите, г. редакторъ. Спросите Кузьмина, онъ по вашей милости пьяницей сдѣлался". Но еще болѣе своей личной обиды озлобляетъ его мысль объ обидѣ той великой правды, для которой онъ жилъ; честное чувство гражданина не прощаетъ редактору его измѣны гражданскому долгу, и онъ бросаетъ ему въ лицо негодующій укоръ за новое направленіе его газеты. „Я прочиталъ одинъ № газеты. Позвольте спросить, какое направленіе вашей плюгавой газеты, какія идеи вы проводите?" Эти слова:

гражданскій долгъ и чувство гражданина, покажутся чѣмъ-то страннымъ и смѣшнымъ людямъ, между которыми сгибла эта честная сила,—эти слова у насъ не получили права гражданства, и лишь изрѣдка являются люди, для которыхъ они символъ вѣры, и которые остаются имъ вѣрны, вѣрны до смерти, какъ герой повѣсти „Между людьми". Безсильный, умирающій, онъ еще „смотритъ на народъ". И сколько отчаянья, какое убійственное сознаніе своего безсилія выноситъ онъ изъ этого „смотрѣнья". Незадолго до смерти онъ заноситъ въ дневникъ слѣдующія строки: „По вечерамъ, я шляюсь по кабакамъ и смотрю на народъ. Дуракъ". Дуракъ, скажутъ и люди, между которыхъ онъ погибъ, люди, довольные своей жизнью, люди не дѣлающіе своимъ символомъ вѣры словъ, которыми жилъ бѣдный „сочинитель"... Дуракъ, самъ виноватъ. Кто велѣлъ ему бросать службу и ѣхать въ Петербургъ? Служилъ бы у дяди, который и его вывелъ бы въ почтмейстеры, женился бы на дочери какого нибудь секретаря, взялъ бы хорошее приданое и служилъ бы какъ служатъ всѣ, записывая на имя жены то домикъ, то ломбардные билеты; и жилъ бы себѣ, какъ живутъ всѣ, и жирѣлъ бы, подписывая бумаги, да поигрывая въ преферансъ, пока ударъ не положилъ бы конецъ мирно и благонамѣренно протекшей жизни, и не на больничной кровати, среди умирающаго темнаго люда, окончилась бы эта жизнь, но среди горько оплакивающей семьи, готовой идти по его стопамъ; и бренные останки съ подобающей торжественностью были бы отвезены подъ пышнымъ катафалкомъ на кладбище, сопровождаемые плачущей родней и ассистентами, несущими знаки отличія безпорочной службы,—вмѣсто того, чтобы быть забитыми въ деревянный ящикъ изъ голыхъ досокъ, отвезенными на ломовомъ на кладбище и заваленными въ общую яму. Какъ не дуракъ! Его ждалъ завидный удѣлъ, удѣлъ порядочныхъ людей—и онъ не захотѣлъ взять его. Не захотѣлъ—или не могъ?

Не могъ—вотъ въ чемъ дѣло. Въ людяхъ, какъ онъ, есть безпокойная и честная сила, которая не даетъ имъ зажирѣть въ безсмысленной жизни, но гонитъ ихъ изъ нея—въ міръ труда, борьбы, нищеты, въ міръ страдающаго темнаго люда. Тѣсно этой силѣ и въ мірѣ темнаго люда, но она задохлась бы въ другомъ.

Она погибла потому, что была одинока. И много гибнетъ такихъ силъ. Но не погибель страшна. Страшно то, что она погибла, увидавъ тщету своей борьбы, погибла безъ надежды, что по слѣ-

дамъ ея явятся другія, которыя поведутъ ту же борьбу и не погибнутъ безслѣдно, не погибнутъ, не сдѣлавъ ничего. Она погибла безъ этой отрадной надежды, которая примирила бы ее и съ загубленной жизнью, безъ свѣтлой вѣры, видящей вдали цѣль достигнутую другимъ поколѣніемъ. Съ такой надеждой, съ такой вѣрой и жить не страшно и умирать легко. Люди отняли у Кузьмина и эту надежду и эту вѣру. Онъ пишетъ въ дневникѣ, умирая въ Обуховской больницѣ: „Славное мѣсто!.. Лежу я въ другой палатѣ, при мнѣ уже четверо умерли безъ стоновъ, безъ мученій. Помучились вы. бѣдные, въ этой жизни, нечего вамъ смерти страшиться... Такъ и я встрѣчу смерть, можетъ быть сію минуту. Какая она? По медицинѣ я вычиталъ, что страшилищъ нѣтъ... Умирай Кузьминъ, умирай тварь земная, ничтожное твореніе природы, и теперь передъ смертью сознайся, что ты только лягушка, хотѣвшая быть воломъ. Ну, къ чему ты стремился? чего ты желалъ? чего ты достигъ? Ничего, кромѣ того, что ты скорѣе умрешь. Кому ты принесъ пользу?“ Вотъ участь честной силы между людьми. Горе тому обществу, гдѣ гибнутъ такія силы!

VI.

Лѣтописецъ темнаго люда не могъ забыть тѣхъ, кому въ темномъ мірѣ выпала самая темная доля — женщинъ. Двойнымъ гнетомъ налегла на нихъ жизнь: гнетомъ нищеты и гнетомъ семьи. И бьются всю жизнь подъ этимъ гнетомъ всевыносливыя труженицы, бьются, отстаивая у жизни самихъ себя, своихъ дѣтей, бьются, не смотря на то, что природа дала имъ менѣе силъ. Темная жизнь ихъ начинается тычками въ родной семьѣ, гдѣ онѣ являются непрошеными гостьями, лишними ртами, которые отнимаютъ долю другихъ. Едва окрѣпнутъ немного ихъ руки—ихъ ждетъ тяжелая работа. Не необходимость труда страшна, страшно то, что трудъ не по силамъ, что онъ забиваетъ еще неразвившіяся силы, что онъ забиваетъ мысль. Наступаетъ молодость — праздникъ жизни, пора счастья и надеждъ. Но для женщины темнаго люда нѣтъ праздника жизни. Дома жизнь ея—подозрительный надзоръ семьи, оскорбительные попреки и пренебреженіе. Дѣвушка не кормилица семьи, какъ братья, дѣвушка—товаръ, который сбывается въ чужую семью. И цѣнность

товара оберегается ревниво, а то онъ останется на рукахъ. Вотъ что говоритъ рѣшетниковская лѣтопись объ этой безотрадной молодости. „А жить въ родительскомъ домѣ молодой дѣвушкѣ ужасно опротивѣло: одной скучно; хотя за работой она и поетъ пѣсни для того, чтобы ей не думалось, и тутъ все-таки лѣзутъ мысли и ей не весело; придетъ мать: это не ладно, то не такъ, и пошла ворчать; при отцѣ немного получше, но за то тошно смотрѣть и слушать, какъ родители грызутся между собой и ровно не ссорятся они, а все у нихъ брань. Придутъ ребята—крикъ, а отъ этого Кольки и покою нѣтъ и ничѣмъ не уговоришь... И вездѣ-то, Господи, такая идетъ жизнь. Развѣ вотъ съ Илинькой будетъ спокой. Говорятъ же дѣвушки, что только и радостей у насъ, что замужъ выходить". Но и эта радость коротка. Замужество не счастье для нея. Тамъ тотъ же трудъ, та же нужда и новыя тяжелыя заботы. Она внесетъ съ собой въ семью не свѣжія, бодрыя силы, но силы уже надломленныя домашнимъ гнетомъ, накипѣвшее озлобленіе. Послѣ первыхъ дней радости она почуетъ надъ собой новый гнетъ, еще болѣе тяжелый —

Будетъ бить ее мужъ привередникъ
И свекровь въ три погибели гнуть.

И день за днемъ будутъ гаснуть ея силы, засыпать непробуднымъ сномъ мысль; и въ сорокъ лѣтъ будетъ она глядѣть дряхлой старухой, и будетъ такъ же безпощадно забивать своихъ дочерей, какъ забивали ее самоё—уча ихъ уму-разуму. И такъ до безконечности будутъ смѣняться поколѣніе за поколѣніемъ, прозябая въ своемъ темномъ мірѣ.

Это—прозябаніе нормальной жизни женщины темнаго люда. Порой оно нарушается новымъ горемъ. Дѣвушка не дождется свадьбы, парень обманетъ ее и броситъ беременную. Праздникъ ея жизни—въ одной любви; но за пиръ на этомъ праздникѣ она расплачивается горькими слезами. Дома попреки, товаръ потерялъ цѣнность и можетъ остаться на рукахъ лишнимъ бременемъ; въ деревнѣ — насмѣшки подругъ, нахальныя оскорбленія парней, а впереди на рукахъ ребенокъ, котораго нужно будетъ кормить, котораго въ ея семьѣ ждутъ пинки и ругань и завалявшаяся корка хлѣба. Правда, ей не придется выносить то поруганіе, то общее отчужденіе, которому обречена обманутая и брошенная дѣвушка въ западной Европѣ. Въ нашемъ народѣ менѣе фарисейской нетерпимости и бо-

лѣе здраваго смысла, но до полнаго пониманія и прощенія далеко— и жизнь такой дѣвушки не легка. Много слезъ пролила брошенная Лизавета Елизарова, упрекая мать за то, что та не учила ее съ любовью тому, какъ горько приходится дѣвушкѣ, когда она повѣритъ льстивымъ рѣчамъ парня; много тяжелыхъ попрековъ отъ отца и пересмѣшекъ подругъ, и охлажденіе другаго парня, который полюбилъ ее. Но человѣчное чувство восторжествовало въ парнѣ. Онъ снова сошелся съ нею и они пошли вмѣстѣ искать, гдѣ имъ будетъ лучше, гдѣ они заработаютъ настолько, чтобы имъ можно было зажить, какъ „люди".

Вѣковая нужда и горе, забивая тысячи слабыхъ, учила уму-разуму немногихъ сильныхъ. Вѣковой гнетъ училъ понимать цѣну самостоятельности—и въ средѣ задавленныхъ женщинъ темнаго люда нарождались силы. Тѣмъ крупнѣе были эти силы, что онѣ проявились среди вѣковой немощи. Эти силы, не однѣ стихійныя силы, не одна выносливость и рѣшимость идти отыскивать, гдѣ лучше живется; это силы нравственныя, негодованіе противъ гнета, негодованіе противъ тѣхъ, кто рабски сноситъ его, вызовъ на борьбу съ нимъ. Всѣ эти черты выхвачены изъ жизни и занесены на страницы лѣтописей Рѣшетникова. На осиновскомъ заводѣ ждутъ ревизора, рабочіе собираются подать прошеніе на притѣсненія. Женщины злятся, что прошеніе выходитъ не ладно. Ихъ честолюбіе оскорблено несостоятельностью мужей.—„Вы только на словахъ бойки!.. Вотъ и видно, что у васъ ни на грошъ ума-разума! кричали онѣ: а еще харахоритесь". Ждутъ пріѣзда ревизора. Женщины поджигаютъ мужчинъ стоять крѣпко.—„Если вы, олухи царя небеснаго, будете смотрѣть на него, да хлопать ушами, мы вамъ не жены", грозятъ онѣ мужчинамъ. Все это броженье пробуждающихся силъ оканчивается словами, какъ всегда оканчивается первое броженіе. Не было ядра, къ которому бы могли примкнуть бродившія силы. Управляющій пригрозилъ, рабочіе струсили и бабы оказались энергичнѣе мужчинъ. Всѣ молчатъ. Молодые пятятся за стариковъ, бабы начинаютъ выдвигаться впередъ. Но протестъ ихъ кончился ничѣмъ. За то послѣ какъ горько упрекали бабы струсившихъ мужей!— „Ну, не правда ли, вы свиньи, отчего вы не говорили. А?" Жены стали плевать на мужей.—„Будьте вы прокляты, хвастуши! Вотъ и надѣйся; на словахъ такъ города берете". Не изящно высказы-

вается въ женщинѣ темнаго люда ея сила, но она есть, и ея, какъ видно изъ этихъ строкъ, болѣе у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ.

Рѣшетниковъ не первый писатель, который замѣтилъ въ женщинѣ эту черту; ее замѣтилъ и Тургеневъ. Женщины Тургенева тоже идутъ смѣло тамъ, гдѣ мужчина отступаетъ въ нерѣшимости. Но онѣ сильны только въ одномъ мірѣ любви и сила ихъ—сила отчаянія человѣка, который отстаиваетъ все, что есть у него въ жизни. И, кромѣ того, сила ихъ—сила ограниченности. Онѣ не заѣдены рефлексіей и не больны гамлетствомъ, потому что міръ мысли былъ закрытъ для нихъ. И Помяловскій замѣтилъ, что болѣзнь „кладбищенства, заѣвшая его героя, была болѣзнь не дамская". Если и болѣли его женщины, то по привычкѣ молчать, болѣли неслышно въ своемъ углу и никто не зналъ объ этой болѣзни. Другимъ же легко было оказаться сильными силой Наташи Рудиной и Елены въ „Накануне". Но тутъ другая сила. Тутъ женщина гонитъ на борьбу, тутъ она идетъ сама, и не отступаетъ, когда мужчина пятится назадъ. Этой силы не показывали тургеневскія героини — и понятно. На нихъ не ложился неумолимо тотъ гнетъ, который давилъ женщинъ темнаго люда и который закалилъ въ нихъ силу отпора. Въ романѣ „Гдѣ лучше" женщины тоже первыя подстрекаютъ устроить стачку. Во многихъ очеркахъ Рѣшетникова встрѣчаются типы бойкихъ женщинъ, которыя закалились гнетомъ и умѣютъ постоять за себя. Такъ, напр., героиня очерка Мирониха, смышленая рабочая баба, которая заткнетъ за поясъ мужчину и недастъ себя въ обиду. Ей не платитъ долга чиновникъ, но она-таки вытребовала свой долгъ, не смотря на то, что чиновники эти полновластные властелины заводскихъ бабъ.—„Гдѣ это такіе порядки написаны, чтобы долговъ не получать,—жалуется она начальнику.—Ты думаешь, мнѣ мое добро не дорого? Подикось, я бы и съ тебя взыскивать стала. На что начальство поставлено?" Это не бойкость какой нибудь чиновницы, которая даетъ волю языку на томъ основаніи, что она благородная дама, что дамамъ все позволено, и которыя тотчасъ опѣшатъ при малѣйшемъ возраженіи. Для женщинъ темнаго люда не существуетъ привиллегій благородныхъ дамъ: имъ приходится платиться дорого за каждое лишнее слово. И когда обида и неправда вырвутъ у нихъ это смѣлое „лишнее" слово, онѣ скажутъ его не сдуру, не безсознательно, и не опѣшатъ потомъ трусливо. Въ этомъ словѣ скажется сознаніе ихъ правъ и требованіе,

чтобы ихъ уважали.—„Мы васъ кормимъ,—говоритъ Мирониха далѣе,—безъ насъ вамъ бы и трескать было нечего“.

Мирониха—только намекъ на такой типъ женщинъ; но вполнѣ сложившійся типъ этихъ женщинъ представляетъ бабушка Опариха. Это сильная, дѣятельная баба, которая своимъ вліяніемъ заправляетъ цѣлой деревней. Къ Опарихѣ идутъ всѣ за совѣтомъ въ бѣдѣ и за помощью въ болѣзни. Но Опариха вовсе не идеалъ женщины, которая служитъ обществу, она далеко не Феликсъ Гольтъ въ сарафанѣ. Опариха принадлежитъ къ хищническому типу. Когда жизнь такъ сложилась, что надо давить или быть задавленнымъ, то сильныя натуры берутся за первое. Нужно исключительное развитіе и особенныя благопріятныя условія, чтобы изъ сильныхъ выработались слуги обществу, а не хищники его. Опариха—кулакъ-баба. Вся деревня у ней кругомъ въ долгу и потому волей ея вершится все въ деревнѣ. Деревенскіе, какъ водится, въ глаза кланяются ей, а за глаза ругаютъ ее. Опариха понимаетъ свою силу и глубоко презираетъ толки деревенскихъ: „кто самъ плохъ, не подастъ Богъ“, говоритъ она, какъ всѣ кулаки, называющіе божьей подачкой свои вымогательства. Но если Опариха не научена жизнью исполненію заповѣди: у кого двѣ рубашки, отдай одну неимущему, за то она твердо научена стоять за себя и своихъ. Она не стерпитъ обиды женщинъ. Мужикъ Алексѣй, съ которымъ она была много лѣтъ въ связи, заколачиваетъ жену. Другая женщина стала бы радоваться униженію соперницы; Опариха говоритъ, что онъ несправедливо бьетъ ее за то, что та не отдаетъ выручку за скотину и огородъ, „потому что огородъ и скотинка должны завсегда принадлежать хозяйкѣ“. Она узнаетъ, что міръ собирается сѣчь ненавистную ей соперницу, и заставляетъ міръ измѣнить приговоръ. „Слышала, хотятъ стягать Дарью Яковлеву?“ Лицо Опарихи передернулось, глаза сверкнули. — „Какое право они взяли бабу стягать?—Да тебѣ тутъ што?—„Разѣ мнѣ не обида? Разѣ это не обида всѣмъ бабамъ, коли надъ нами мужики будутъ командывать такъ и издѣваться“. Опариха забыла, что Дарья Яковлева ея злѣйшій врагъ; чувство общей обиды поглотило чувство личной вражды. На замѣчаніе, что она зла на Дарью Яковлеву, она отвѣчаетъ: „Сколь сердита, столько и милостива. Ты думаешь, я безъ чувствія, што ли?“ И Опариха, не смотря на свою усталость, отправляется въ деревню и поднимаетъ всѣхъ бабъ, объявивъ имъ, что вышелъ та-

кой указъ, чтобы бабъ больше не стегать. Агитація ея увѣнчана успѣхомъ. Бабы голосятъ про мужиковъ: „Врутъ они все, этому не должно быть, на то рази мы дались имъ“. Но эта агитація не дѣйствительна для спасенія Дарьи отъ розогъ, и Опариха дѣйствуетъ рѣшительнѣе. Когда повели Дарью, она врывается въ волостное правленіе. „Всѣ крестьяне разомъ смолкли и удивленно смотрѣли на нее.—Гдѣ старшина? Внезапно наставшая тишина, или громкій голосъ Опарихи заставили старшину выйти въ эту комнату.—Вотъ гляди, Опариха,—кричалъ старшина, кусая рѣдьку.—Я давно Опариха, а ты кто? Ахъ ты пьяница горькая, и какой такой дуракъ тебя, старый чортъ, старшиной поставилъ, кричала Опариха, при послѣднемъ словѣ дернувъ старосту чувствительно за бороду.—Нѣтъ, ты па-астой, говорилъ пьяный старшина. — Молись Богу, что ты пьянъ, а то бы я тебѣ всѣ глаза выковыряла.—Ой ли, выковыряла?—Ну-ка, скажи, какъ твой судъ насчетъ Дарьи? — Стегать.—Вотъ тебя постегать бы!—Народъ захохоталъ.—А вы-то што, олухи царя небеснаго. Вы-то што стоите точно подохлые... Для того ли васъ въ судъ позвали, штобъ табачище проклятый курить и хохотать... Эхъ, гляди, они водку лопаютъ. Ну, и судъ!—Да ты пошла, наше дѣло, загорланили крестьяне.—Вы-то што, вы и слова сказать хорошенько не умѣете!—Потомъ, обратясь къ ошеломленному старшинѣ, который тупо глядѣлъ то на народъ, то на нее и почесывалъ спину, Опариха крикнула:—Подавай писаря.—Ты што кричишь, халатница. Не твое дѣло, пошла вонъ!—Какъ, меня гнать! да я у самого губернатора была, да и онъ выслушалъ, не гналъ. А ты што за фря такая. Анъ и впрямь здѣсь кабакъ, только бочки нѣтъ. Поглядите-ка, православные, писарь съ старшиной лыка не вяжутъ.—Ребята, гоните ее! закричалъ разозлившійся писарь. Но никто не трогался съ мѣста, всѣ переглядывались другъ съ другомъ, улыбались и шептали: „накось, эва какая“. Опариха воспользовалась одержаннымъ торжествомъ. Она заставила писаря прочитать вслухъ указъ, что бабъ стегать не слѣдуетъ, и затѣмъ потребовала написать паспортъ Дарьѣ на годъ и тутъ же выложила на столъ свои трудовые три рубли. На удивленіе бабъ, Опариха отвѣчала:—„Нечего удивляться, всякій можетъ успѣть коли дѣло правое и разсудокъ имѣешь“.

Отъ этой сцены, приведенной въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, такъ и вѣетъ дѣйствительной, живой правдой; Опариха—типъ,

живьемъ выхваченный изъ народа. Передъ вами энергическая, смѣлая личность, какихъ рѣдко удается встрѣчать, которая умѣетъ понимать правду и постоять крѣпко за эту правду, и не смотря на то, передъ вами живая баба, простая торговка, которая свое пониманье правды выражаетъ простымъ живымъ языкомъ. Идеальные поклонники народа не преминули бы сдѣлать изъ Опарихи вѣщую пророчицу, которая изрекла бы мудрыя изрѣченія о правдѣ, о святости ея языкомъ народныхъ былинъ и такъ-же походила бы на живую Опариху, какъ нарумяненная актриса въ сарафанѣ на крестьянку. Писатели гражданскихъ мотивовъ, за ея протестъ противъ сѣченья, одѣли бы сморщенное и плутоватое лицо Опарихи ореоломъ героини и никакъ не допустили бы разрушить этотъ ореолъ кулачествомъ. Одинъ лѣтописецъ жизни темнаго люда не побоялся правды. Онъ умѣлъ честно относиться къ жизни—и за то онъ и открывалъ такіе живые типы народной жизни, какъ бабушка Опариха. Вѣковой гнетъ не забилъ силъ женщины и въ средѣ ея являются личности, которыя умѣютъ отстаивать свои права, личности, которыя умѣютъ захватить себѣ широкій кругъ дѣятельности, не смотря на тѣсныя границы, отмѣренныя имъ жизнью. Бабушка Опариха не только ведетъ обширную, по ея средствамъ, торговлю, почище старосты вершитъ своимъ вліяніемъ деревенскія дѣла, но и находитъ управу даже на чиновниковъ: подаетъ просьбу губернатору и избавляетъ отъ рекрутчины незаконно сданнаго парня. Опариха—зарождающійся типъ буржуазіи, который выработывается изъ народа, когда ему удается добиться обезпеченнаго куска хлѣба. Въ ней и свѣтлыя и темныя стороны этой буржуазіи. Съ одной стороны, безжалостное вымогательство денегъ, безстыдное кулачество и желаніе властвовать; съ другой—сознаніе своихъ правъ, зараждающееся чувство независимости и сила отстоять ихъ отъ произвола, сила, купленная силой, управляющей міромъ—деньгами, которыя были пріобрѣтены изворотливостью, предпріимчивостью, бережливостью и черствостью—отличительными свойствами буржуазіи и бабушки Опарихи. Въ виду этого трудно сказать, слѣдуетъ ли радоваться появленію бабушекъ Опарихъ. Если, съ одной стороны, въ отношеніи высшихъ онѣ съумѣютъ отстоять правду, не дать себя и своихъ въ обиду, за то съ другой—въ отношеніи къ массѣ, онѣ окажутся безпощадными деспотами, которые будутъ давить ее гнетомъ своихъ, выжатыхъ изъ неѧ же, денегъ.

Рѣшетниковъ не остановился на своей бабушкѣ Опарихѣ и занесъ въ свои лѣтописи другой, болѣе свѣтлый женскій типъ, типъ женщины, которая ищетъ самостоятельной честной жизни.

Это Дарья Андреевна Яковлева, героиня романа „Свой хлѣбъ". Мысль, положенная Рѣшетниковымъ въ основу этого романа,—мысль глубокая и оригинальная. До сихъ поръ всѣ героини романовъ, которыя искали независимости и своего куска хлѣба, писались по извѣстному шаблону. Героиня, обыкновенно, жила себѣ преспокойно, не мечтая ни о трудѣ, ни о независимости, пока не встрѣчалась съ героемъ изъ новыхъ людей, который принимался развивать ее тирадами изъ публицистическихъ статей разныхъ журналовъ. Героиня проникалась тогда мгновенной и глубочайшей ненавистью къ своей жизни и роднымъ, бросала ихъ послѣ грозной сцены и уходила жить новой жизнью, о которой говорилось много краснорѣчивыхъ, но весьма туманныхъ фразъ. Все выходило книжно, ходульно, мертво. Рѣшетниковъ едва-ли не первый и единственный изъ нашихъ писателей задумалъ типъ героини, которую не книга, не чужое слово, но сама жизнь научила порвать всѣ связи съ празднымъ міромъ и идти на жизнь труда и лишеній для того, чтобы спасти свое человѣческое достоинство, чтобы добиться независимости. Вѣрный себѣ, Рѣшетниковъ представилъ не титаническую натуру, которая, разорвавъ всѣ связи со своими, уходитъ работать для великихъ цѣлей, и послѣ тяжелой и неравной борьбы умираетъ, бросивъ проклятіе обществу. Такихъ женщинъ еще не выработала жизнь; немногія исключительныя личности, именно своей исключительностью, доказывали, что онѣ только намеки на новый типъ женщины — работницы для общества, женщины-гражданки, типъ, который еще вырабатывается и Богъ знаетъ, когда еще выработается жизнью; поэтому онъ не могъ быть занесенъ какъ вполнѣ сложившійся и выяснившійся типъ на страницы лѣтописей правдивымъ лѣтописцемъ жизни. Новая героиня Рѣшетникова просто здоровая, честная дѣвушка, съ яснымъ умомъ, энергической волей, но у которой и ума, и воли ровно настолько, сколько надо, чтобы понять всю грязь окружающей ее жизни и уйти добывать себѣ честный кусокъ хлѣба. Но именно это трезвое отношеніе автора къ героинѣ и представляетъ явленіе, какъ нельзя болѣе утѣшительное. Мы переросли то время, когда женщина, которая не хотѣла ѣсть неправедно нажитый хлѣбъ, которая не хотѣла быть за этотъ хлѣбъ

рабой родныхъ, казалась героиней, передъ которой чуть ли не слѣдовало становиться на колѣни. Правда, такихъ женщинъ еще не много, но ихъ уже есть столько, что мы привыкли къ нимъ и относимся къ нимъ съ однимъ глубокимъ и вполнѣ заслуженнымъ ими уваженіемъ, но не ставимъ ихъ на ходули, не носимся съ ними, какъ съ невиданной диковинкой, не восторгаемся ими какъ признакомъ нашего развитія и зрѣлости, какъ восторгается новоиспеченный прапорщикъ своими эполетами и пробившимся усомъ.

Дарья Андреевна явленіе тѣмъ болѣе отрадное, что она создана средой, въ которой всего рѣже можно встрѣтить задатки здоровой жизни — средой мелкаго чиновничества. Эта среда выползла изъ міра темнаго люда въ сытый, но не доползла еще и до весьма ограниченной доли образованія, и въ ней сошлись наиболѣе темныя стороны и того и другаго люда. Прочная обезпеченность человѣка даетъ ему досугъ для развитія мысли, въ немногихъ даровитыхъ личностяхъ, даетъ ему наконецъ сознаніе собственной независимости. Не такъ бываетъ въ средѣ мелкаго чиновничества. Тамъ малѣйшая прихоть можетъ лишить мѣста и пустить по міру съ семьей. Мелкій чиновникъ долженъ постоянно униженно кланяться. Отъ частыхъ поклоновъ изъ него выработывается такая жалкая, уродливая, согбенная фигура, въ которой трудно различить очертаніе человѣка. Отъ вѣчнаго трепетанія и заискиванія, черты лица этой фигуры застыли въ какое-то подобострасно холопское выраженіе, которое можно встрѣтить только на лицахъ прежнихъ дворовыхъ. Такихъ фигуръ, такого выраженія лица вы не встрѣтите въ темномъ людѣ. И ему приходится дрожать передъ хозяевами, кланяться за работу, но онъ живетъ съ своимъ хозяиномъ въ двухъ разныхъ мірахъ: отдавши хозяину поклонъ за работу, онъ потомъ мѣсяцами не видится съ нимъ. Чиновникъ живетъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ начальствомъ, онъ долженъ постоянно снискивать его милости, — поклоны его не временное выпрашиванье заработка, какъ у темнаго люда, — его поклоны хроническое заискиванье, которое имѣетъ растлѣвающее въ корень вліяніе. Прочно обезпеченный человѣкъ усвоиваетъ себѣ хоть наружный лоскъ порядочности, увлекается хоть ради моды разными „идеями“. Во всемъ этомъ разумѣется мало утѣшительнаго; но все таки это лучше того непробуднаго мрака, того полнѣйшаго невѣжества, въ которомъ живутъ семьи Яковлевыхъ: и повторяемое ради моды слово можетъ быть услышано и сохранено

въ честномъ молодомъ сердцѣ, которое станетъ служить ему уже не ради моды; оно можетъ быть искрой, которая, по словамъ поэта, „запавъ въ чужую грудь, въ ней пробудится пожаромъ“. Въ мірѣ Яковлевыхъ нечего слышать, нечего сохранять, кромѣ преданій чиновничьяго благородства и китайской обрядности, подъ которой скрывается грубая животность. Люди обезпеченные выработали себѣ хоть извѣстную приличную форму, которой они держется въ отношеніи темнаго міра—изъ уваженія къ самимъ себѣ. Натолковавшись ради моды о бѣдномъ братѣ, нагорячившись о добрѣ, они иногда оказываютъ дѣйствительныя услуги и эти услуги ужь никакъ не могутъ быть сравниваемы съ тѣми ударами плетью по голому тѣлу, сквозящему сквозь лохмотья, которыми награждаетъ темный людъ мелкое чиновничество. Оно само такъ недавно выползло изъ темнаго люда въ „благородство“, оттого оно такъ боится, чтобы кто нибудь не заподозрилъ его прежней близости съ темнымъ людомъ, чтобы и самъ темный людъ не вспомнилъ о ней, оттого оно и страхуетъ себя отъ этихъ подозрѣній и напоминаній оскорбленіями и пинками, которые должны показать темному люду всю пропасть, залегшую между нимъ и ихъ благородствомъ. Въ этомъ мірѣ все мелко, грязно, пошло. Его борьба за существованіе отвратительна. Это не свалка рабочихъ у варницы, въ которой люди вырываютъ заработокъ другъ у друга, какъ дикіе звѣри добычу, это -мелкое подличанье, сплетни, подставленіе ноги изъ-за угла своему сопернику.

Положеніе женщины въ этой средѣ еще унизительнѣе. Работа на сторону, „на людей“, какъ говоритъ авторъ, считается позоромъ чиновничьему благородству. Жена можетъ работать только на мужа, она раба мужа — едва ли еще не болѣе, нежели женщина темнаго люда. Привычка жить на чужой счетъ убиваетъ въ ней всякую самостоятельность. „Женщина пропадетъ безъ мужа, говоритъ Рѣшетниковъ, описывая бытъ мелкихъ чиновниковъ. Она мечтаетъ только о мужѣ, она готова выйти за всякаго, кто только возьметъ ее“. Женщина темнаго люда скажетъ: одна голова не бѣдна, есть изъ за чего себя неволить—и пойдетъ въ люди. Ей работа не страшна. Привычка къ работѣ разовьетъ въ ней самостоятельность и чувство собственнаго достоинства. Она не только не кинется на шею всякому, но даже если судьба пошлетъ хорошаго человѣка и зажиточнаго—остановится передъ его зажиточностью. Она не пріучена къ мысли

жить на счетъ другаго. „Мнѣ совѣстно, у тебя все есть, а у меня ничего“, говоритъ Пелагѣя Мокроносова своему жениху Петрову. Одинокая голова женщины мелкаго чиновничьяго міра бѣдна. Ничего не придумаетъ эта голова, кромѣ жеманныхъ уловокъ, чтобы понравиться кавалерамъ и поскорѣе добыть себѣ жениха. Дѣвушка, которая считаетъ эти уловки униженіемъ, — выродокъ изъ чиновничьяго міра; на нее косо смотрятъ, зовутъ гордячкой, придумываютъ болѣе или менѣе остроумныя причины этого равнодушія къ кавалерамъ, или по-просту распускаютъ сплетни. За ними слѣдуютъ попреки родныхъ, увѣщанья жить какъ всѣ люди живутъ,— угрозы. Есть еще растлѣвающая сторона въ жизни мелкаго чиновничества, которой не знаетъ женщина темнаго люда, — взятки. Жены, сестры мелкихъ чиновниковъ ходятъ по деревнямъ, обирая яйца и цыплятъ; принимаютъ разныя приношенія, приносимыя по черной лѣстницѣ въ видѣ головъ сахару, фунтиковъ чая и кульковъ муки. Женщина, въ которой проснулось бы сознаніе всей гнусности этого крохоборства — выродокъ въ мірѣ мелкаго чиновничества. Ее считаютъ измѣнницей святынѣ чиновничьихъ преданій, модницей, нахватавшейся модныхъ идей. Не легка жизнь такой женщины въ этомъ мірѣ; такая жизнь—борьба ежедневная, ежеминутная, непрестанная борьба, и выйти изъ нея побѣдительницей дается немногимъ: побѣдительницей выйдетъ только та женщина, которая съумѣетъ вырвать у жизни свой хлѣбъ.

Рѣшетниковъ съ замѣчательной глубиной анализа показываетъ, какъ слагаются въ такихъ женщинахъ силы, которыя подготовляютъ разрывъ съ темнымъ міромъ крохоборства, продажности, неправды и рабства. Дарья Андреевна—нелюбимая мачихой падчерица; первый толчокъ къ разрыву данъ ей семьей. Обиженная дѣвочка находитъ отраду въ играхъ съ сосѣдними мѣщанскими дѣтьми. Возмущенное чиновничье благородство налагаетъ строгій запретъ на эти игры—и дѣвочка начинаетъ сознавать нелѣпость этого благородства, которое лишаетъ ее единственной отрады въ жизни. Евангеліе доказываетъ ей не одну нелѣпость, но и преступность этого благородства. Дѣти—неумолимые логики: ихъ неиспорченные свѣтской софистикой умы не допускаютъ никакихъ сдѣлокъ. Это черта, выхваченная изъ жизни. Всѣ способныя и загнанныя дѣти первое развитіе почерпаютъ въ евангеліи. Такъ было и съ Лео Шпильгагена; такъ было и съ Кузьминымъ — героемъ повѣсти „Между

людьми"; такъ было и съ многими людьми не романовъ и повѣстей, но дѣйствительной жизни. Ранній мистицизмъ — ступень, черезъ которую неизбѣжно должны были проходить всѣ лучшіе люди нашего времени. Ученіе любви и братства — единственный исходъ для честныхъ молодыхъ силъ, на которыхъ темная жизнь налегла всей своей неправдой и враждой. На требованіе молодой дѣвушки евангельской правды жизнь отвѣчаетъ казуистикой отца протопопа и монастырскими истязаніями. Дарья Андреевна бѣжитъ изъ монастыря, куда ее хотѣла отдать мачиха, домой; но не съ тѣмъ, чтобы ѣсть хлѣбъ отца. Этотъ хлѣбъ, проходящій черезъ руки мачихи, горекъ. Не сладокъ онъ даже и прямо изъ рукъ любимаго отца — за него надо платить отреченіемъ отъ собственнаго я. Она должна платить за него жизнью въ мірѣ, который ей ненавистенъ: въ мірѣ продажности, невѣжества, неправды — а жить въ этомъ мірѣ значитъ примиряться съ его грязью и безобразіемъ. Не смотря на свою кротость, сдержанность, она внесла сѣмя раздора въ семью; правда — мечъ, сокрушающій неправду. Она раздражила и сестру, удивляясь, какъ она можетъ выходить за пьяницу за мужъ, или жить у невѣстки, которая ее бьетъ; раздражила и брата, высказавъ свое негодованіе на его грубое обращеніе съ народомъ, на его поборы; раздражила и дядюшку, покровителя семьи, и всю семью тѣмъ, что не захотѣла ему кланяться, и всего болѣе раздражила мачиху, тѣмъ что стала „соваться не въ свое дѣло", т. е. заботиться о ея заброшенныхъ дѣтяхъ. Для честной силы нѣтъ примиренія съ этой жизнью, и она уходитъ жить своимъ трудомъ, — ѣсть свой хлѣбъ. Смерть отца развязала ей руки и она ушла заработывать свой хлѣбъ швеей. Почему она выбрала именно этотъ заработокъ, когда ей представлялся другой, менѣе тяжелый, которымъ она могла бы кормить и своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ — торговля въ лавкѣ, которую хотѣла открыть ея мачиха, — неизвѣстно. Этого выбора нельзя объяснить даже и ея разрывомъ съ міромъ чиновничьимъ. Дарья Андреевна не была изъ тѣхъ болѣзненныхъ нервныхъ натуръ, которымъ нужно во что бы ни стало уйти отъ прежней обстановки, даже когда отношенія ихъ къ ней измѣнились. Работая въ лавкѣ мачихи, Дарья Андреевна была бы лицомъ вполнѣ самостоятельнымъ, семья мачихи держалась бы ею, что доказывается тѣмъ, что послѣ ея отказа — планъ лавки былъ оставленъ. Этотъ отказъ заставилъ мачиху разсовать дѣтей по разнымъ благодѣте-

лямъ и пріютамъ. Дарья Андреевна, собственнымъ опытомъ и опытомъ любимаго брата Кузьмы, знала, что̀ такое жизнь у благодѣтелей. Авторъ объясняетъ ея поступленіе въ швеи желаніемъ жить жизнью рабочаго люда.—„Я хотѣла рабочей жизни,—говоритъ она швеямъ, которыя косятся на нее за то, что она отбиваетъ ихъ заработокъ, — и хоть получаю болѣе вашего, зато переношу лишеній не меньше“. Положимъ, она права съ своей точки зрѣнія. Она лишилась всѣхъ друзей, порвала всѣ привычки, навлекла множество непріятностей на себя и брата своимъ кускомъ хлѣба, заработаннымъ иглой; лишеніе и упорный трудъ, безсонныя ночи, просиженныя надъ шитьемъ, сырой и темный уголъ, были для нея, привыкшей къ довольству, къ легкой работѣ, свѣтлому, теплому жилью, несравненно тяжеле, чѣмъ для работницъ, выросшихъ въ сырыхъ подвалахъ и съ дѣтства пріученныхъ чуть ли не по цѣлымъ суткамъ гнуть спину надъ шитьемъ. Что же заставило ее выбрать именно этотъ заработокъ, когда у нея былъ другой, болѣе легкій—и полезный для семьи? Неужели одно желанье испытать страданія рабочей жизни? Но эта эстетическая жажда страданій не вяжется съ здравымъ смысломъ героини. Или любовь ея къ страдающему темному люду? Но эта любовь должна бы была удержать отъ этой жизни. Благодаря выгодамъ своего положенья, Дарья Андреевна могла только отбивать заработокъ у своихъ сестеръ. Послѣ ея поступленія въ магазинъ, хозяйка отказала двумъ швеямъ, которыхъ держала, и первой мастерицѣ, которую замѣнила Дарья Андреевна. Эта настойчивость заработывать свой хлѣбъ швейнымъ мастерствомъ кажется со стороны Дарьи Андреевны ничѣмъ необъяснимой маніей.

Эта ошибка въ концепціи выкупается за то многими превосходными сценами изъ быта швей. Въ нихъ въ яркомъ свѣтѣ выставляется и кулачество хозяйки, которая сознается, что магазинъ можетъ держаться только при одномъ условіи—набрать дѣвочекъ въ ученье, т. е. дѣтей, трудъ которыхъ можно будетъ эксплуатировать, платя имъ за то коркой хлѣба и лохмотьями; и пустота свѣтскихъ фразерокъ, которыя кричатъ о святости труда, о женской самостоятельности, а сами живутъ на содержаніи у нелюбимыхъ мужей, и не платятъ трудящемуся люду за свои наряды; и забитость бѣдныхъ швей, которыя медленно чахнутъ надъ своей работой, или въ виду неизбѣжной смерти, махнувъ рукой, скажутъ „хоть день да мой“—и пустятся во всѣ тяжкія.

Дарья Андреевна скоро разочаровалась въ своемъ кускѣ хлѣба. Первое время, когда она устроила себѣ бѣдный, но свой уголъ, на первый заработокъ ѣла свой первый кусокъ хлѣба, за который ей никому не приходилось кланяться—она была счастлива. „На душѣ ея было такъ хорошо, какъ никогда“, говоритъ авторъ. Но проработавъ годъ другой, она увидѣла всю тягость и безцѣльность своей жизни. Силы стали ломиться, однообразная трудовая жизнь, жизнь, въ которой она могла быть только исправной машиной, начала надоѣдать ей. Она хотѣла любви, счастья. „Выйти за мужъ, думаетъ она, нужно заработать столько, чтобы мужъ не упрекнулъ“, и спрашиваетъ: „зачѣмъ я изнуряю себя, для кого я стараюсь и для чего?“. Для того только, чтобы протянуть это темное, холодное, безцѣльное существованіе. Для того только, чтобы накормить себя. Цѣль ея жизни ничуть не выше цѣли животнаго. Все сводится на удовлетвореніе первыхъ неумолимыхъ потребностей жизни. Она человѣкъ— ей нужно большее. Она примирилась бы и съ страданіями, и съ лишеніями, если бы видѣла, что ими можетъ купить это большее, — но ими она можетъ купить только разживу магазинщицы.

Выводъ неутѣшительный. Женщина упорнымъ трудомъ можетъ купить себѣ только право на бѣдное, темное прозябаніе. Такъ дорого добытый кусокъ хлѣба не даетъ ей полной человѣческой жизни. Но какъ ни горекъ этотъ свой кусокъ хлѣба, все же онъ лучше чужого. Даже такая дрянная личность, какъ Марья Андреевна, не вынесла чужого хлѣба и хотѣла удавиться, потому что у нея не хватило мужества заработывать свой. Какъ ни непроченъ свой кусокъ хлѣба, чужой ничуть не прочнѣе. Марья Андреевна послѣ неудачной попытки самоубійства пошла на мужнины хлѣба, мужъ запилъ, лишился мѣста по смерти дядюшки-покровителя—и Марьѣ Андреевнѣ пришлось выпрашивать у Дарьи Андреевны крохи ея трудоваго куска, чтобы не голодать. Дарья Андреевна не выдерживаетъ непосильнаго труда и заболѣваетъ. Выйдя изъ больницы, она попадаетъ въ компаньонки къ богатой, выжившей изъ ума старухѣ, которая хорошо платитъ ей и оставляетъ небольшую сумму въ наслѣдство. Общество всегда цѣнитъ болѣе своихъ потѣшниковъ, нежели работниковъ. Сдѣлавшись обладательницей небольшой, но значительной для нея суммы денегъ, Дарья Андреевна ѣдетъ въ Петербургъ учиться акушерству. Смерть помѣшала автору дать читателямъ лѣтопись ея жизни въ Петербургѣ. И потому насчетъ

ея дальнѣйшей судьбы мы можемъ только ограничиться предположеніемъ, что она примкнетъ къ передовымъ людямъ, которые откроютъ ей цѣль жизни пошире той, какою она жила, и судя по тѣмъ задаткамъ, которые вложилъ въ нее авторъ, можно смѣло сказать, что и всѣ трудности и невзгоды петербургской жизни не слемятъ ее нравственно, какъ не сломило ее добыванье хлѣба въ губернскомъ городѣ.

VII.

Теперь остается подвести итоги тому, что было сказано о Рѣшетниковѣ въ этомъ обзорѣ его произведеній. Онъ неизмѣнно вездѣ вѣренъ своему характеру лѣтописца, и только изрѣдка, проблесками мелькаетъ въ немъ художникъ. Однако Рѣшетниковъ имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться замѣчательнымъ художникомъ: глубину пониманія жизни, знаніе народа, купленное не дилетантскимъ отрывочнымъ вглядываньемъ въ него, но добросовѣстнымъ изученіемъ, но братской связью одной жизни, глубокое, искреннее чувство, пониманіе задачъ своего времени, безошибочное чутье жизненной правды, не терпѣвшее ни одной фальшивой черты, ни одного преувеличеннаго оттѣнка, и честность труда, не допускавшая его насиловать свой талантъ и писать ради денегъ, когда онъ не чувствовалъ къ тому расположенія. Всѣ эти задатки рѣдко встрѣчаются въ одномъ писателѣ. Но эти задатки такъ и остались задатками. Они не сказались ни въ одномъ произведеніи, которое, какъ „Мертвыя души“ или „Горе отъ ума“, осталось бы и для будущихъ поколѣній памятникомъ пережитой эпохи. Рѣшетниковъ не создалъ ни одного типа; ни одно изъ дѣйствующихъ лицъ его романовъ не сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для цѣлаго разряда людей, ему подобныхъ, какъ Скалозубъ, Фамусовъ и даже Обломовъ. Читателю нужно пристально вглядываться въ его дѣйствующихъ лицъ, чтобы различить ихъ черты; а произведенія, которыя требуютъ отъ читателя такого труда, не могутъ быть признаны художественными. И въ художественныхъ произведеніяхъ могутъ не кидаться въ глаза зрителю яркость и эффектность красокъ; но все-же и среди самаго однообразнаго и сѣраго колорита фигуры должны выдѣляться изъ полотна рельефностью очертаній.

Эта необходимость вглядываться пристальнѣе въ героевъ и героинь Рѣшетникова причина того, что его произведенія цѣнились по достоинству только небольшой частью общества и критикой, болѣе нежели читателями. Отчасти въ томъ виноваты сами читатели, привыкшіе къ эффектности французскихъ и оригинальному юмору англійскихъ романовъ. Для желудковъ, пріученныхъ къ пряностямъ, простой, здоровый хлѣбъ покажется не слишкомъ вкусной пищей. Но извѣстная доля вины лежитъ и на самомъ авторѣ. Недостаточная рельефность очертаній, множество ненужныхъ аксесуаровъ, загромождавшихъ планъ картины, отвлекали вниманіе зрителей отъ главныхъ фигуръ и утомляли его. Произведенія Рѣшетникова можно сравнить съ картинами живописца-самоучки, въ которыхъ проблески замѣчательнаго таланта теряются среди массы слабыхъ штриховъ неумѣлой руки, и самый рельефный и жизненный образъ теряетъ свою жизненность оттого, что не соблюдены законы перспективы. Этихъ законовъ не умѣлъ соблюдать Рѣшетниковъ; у него неидущія къ дѣлу подробности занимаютъ одинаковое мѣсто съ главными, жизненными чертами его героевъ, иногда даже меньшее. Такъ онъ, напримѣръ, въ Подлиповцахъ очень подробно разсказываетъ, какъ ѣли подлиповцы свою первую въ жизни булку, передаетъ ихъ ѣду и ругань во многихъ сценахъ, а о томъ, какъ Пила, побывъ въ городѣ, „понялъ, что не только съ такими большими для него людьми, какъ попъ и становой, которыхъ не смѣютъ бить и сѣчь, какъ подлиповцевъ, но и съ людьми побольше поповъ и становыхъ дѣлаютъ все, что захотятъ, только не силой, а чѣмъ-то инымъ“, говорится всего нѣсколько строчекъ. И еслибы Рѣшетниковъ въ двухъ-трехъ дышащихъ правдой жизни сценахъ, какія онъ умѣлъ писать, представилъ читателю психологическій процессъ, которымъ Пила пришелъ къ этому выводу, вмѣсто голословнаго о немъ отзыва, то онъ оставилъ бы замѣчательную страницу народной лѣтописи и разъяснилъ бы суть народной жизни и будущее, къ которому идетъ она, несравненно болѣе, чѣмъ тысячами сценъ, въ которыхъ онъ заставляетъ темный людъ по нѣскольку разъ проходить одни и тѣже мытарства и которыя своимъ повтореніемъ напоминаютъ порой ту обстоятельность, съ какой старыя бабы разсказываютъ свои исторіи, приплетая на каждомъ шагу неидущія къ дѣлу подробности. Эта способность замѣчать такія глубокія черты, какъ та, которая приведена выше

ручательство, что изъ Рѣшетникова могъ бы выработаться одинъ изъ тѣхъ писателей, которые отмѣчаютъ собою цѣлую эпоху.

Что-же помѣшало Рѣшетникову сдѣлаться такимъ писателемъ? Что не дало развиться тѣмъ богатымъ задаткамъ, которые представляютъ его произведенія? Съ одной стороны ему помѣшали несчастно сложившіяся обстоятельства, не дававшія ему выбиться изъ положенія самоучки. Онъ умеръ 29 лѣтъ, написавъ сравнительно съ другими писателями слишкомъ много. Онъ не имѣлъ возможности основательнымъ ученіемъ подготовиться къ дѣятельности писателя. Для того, чтобы быть писателемъ, мало искренняго чувства, мало знанія жизни и чутья ея правды и задачъ своего времени; нужно умѣнье создавать эту жизнь въ образахъ, которые производили бы на читателя впечатлѣніе самой жизни. Нужно умѣть сгруппировать выхваченныя у жизни черты, выдвигая главныя на первый планъ, слегка намѣчивая менѣе существенныя и вовсе опуская самыя ничтожныя. Нужно умѣть отвести каждой части принадлежащее ей мѣсто, такъ чтобы ни одна изъ нихъ не нарушала полноты впечатлѣнія общаго; нужно уловить законы перспективы, уловить у жизни ея переливы красокъ, свѣта и тѣни. Эти краски въ литературѣ, языкъ —весьма важное условіе, тѣмъ болѣе въ беллетристикѣ. Тамъ, гдѣ онъ заставляетъ говорить народъ, Рѣшетниковъ неподражаемъ; но тамъ, гдѣ ему приходится говорить отъ себя или дѣлать психилогическій анализъ, языкъ его становится вялымъ и блѣднымъ. Напр., дѣлая характеристику жены Токменцовой, онъ говоритъ, что она была женщина не развитая. Таже фраза о теткѣ и невѣстѣ героя повѣсти „Между людьми“ можетъ быть умѣстна, потому что разсказъ ведется отъ лица самого героя, который образовался по журнальнымъ статьямъ того времени и весьма естественно перенялъ ихъ языкъ, какъ бываетъ со всякими новичками-учениками; но тамъ, гдѣ авторъ говоритъ отъ своего лица, очерчивая внутренній міръ своихъ героевъ, онъ долженъ бы былъ говорить живымъ языкомъ, а не подобными казенными выраженіями. Только при соблюденіи всѣхъ условій перспективы и колорита можно создать художественное произведеніе; безъ нихъ и идея, положенная въ произведеніе, какъ бы истинна и плодотворна ни была она, пропадетъ для массы зрителей; безъ нихъ произведеніе будетъ напоминать рисунки китайскихъ живописцевъ, въ которыхъ отдѣльныя частности могутъ быть разработаны съ изумительнымъ искусствомъ и поразитель-

ною вѣрностью, но цѣлая картина покажется хаотическимъ сборищемъ фигуръ, изъ которыхъ вамъ трудно будетъ создать въ памяти цѣлый образъ.

Съ другой стороны, сдѣлаться Рѣшетникову такимъ писателемъ помѣшало и то, что онъ былъ сыномъ переходнаго времени. Эпохи, какъ та, которую мы переживаемъ, вообще неблагопріятны для творчества и искусства. Старые идеалы умираютъ; но они были воплотившись въ жизни, и люди, служащіе имъ, имѣли уже рельефно сложившіеся образы для своихъ произведеній, уже выработанныя формы для выраженія своихъ идеаловъ. Но подъ этой выработанной формой имъ уже нельзя было скрыть вымирающую жизнь. Подъ мастерствомъ языка и художественностью образовъ сказывается обезсилѣвшая мысль и безплодность творчества. Произведенія ихъ напоминали старческое утомительное повтореніе старыхъ воспоминаній, грезъ, давно пережитаго и забытаго. Жизнь отворачивалась отъ нихъ и молодая сила, которая шла на службу ей, не могла учиться у нихъ, учиться ей было не у кого. Новые идеалы если и были выяснены въ сознаніи общества, то еще не настолько воплотились въ жизни, чтобы можно было уловить ихъ въ той осязательности и цѣлостности, которыя необходимы для того, чтобы художникъ учился у жизни. Онъ могъ только рабски списывать знакомыя явленія ея, но чуть емъ хотѣлъ заглянуть поглубже наружности, подняться до законовъ, управляющихъ жизнью, и останавливался въ безсиліи. Въ глубинѣ крутился такой хаосъ сталкивающихся элементовъ, что онъ не могъ уловить ни одного стройнаго образа. Ему приходилось выхватывать изъ хаоса черту за чертой, разбирать ее въ мельчайшихъ подробностяхъ, чтобы узнать, какому міру она принадлежала, и на эту работу мыслителя критика потратить всѣ силы: для возсозданія цѣлаго образа жизни изъ этихъ чертъ—не оставалось времени.

Сверхъ того, въ выяснившихся среди хаоса новыхъ идеяхъ были и такія, которыя имѣли вредное вліяніе на творчество. Прежнее ученіе, идеализмъ, выросшее на почвѣ мистическихъ ученій о независимомъ духѣ, видѣло въ человѣкѣ одно духовное начало и выдѣляло человѣка изъ жизни. Человѣкъ былъ царемъ жизни; онъ властвовалъ въ ней одной силой своей внутренней правды. Все зло въ жизни происходило отъ того, что онъ измѣнялъ этой правдѣ; стоило ему снова возвратиться къ ней и всѣ бѣдствія жизни были безсильны надъ нимъ. Эпиктетъ былъ счастливъ и въ оковахъ. Вся

сила человѣка была въ этой внутренней правдѣ, въ его *я*. Вотъ почему художники сосредоточивали всѣ силы свои на разсматриванье всѣхъ сторонъ этого *я*, они зарывались во всѣхъ мельчайшихъ складкахъ и извивахъ его: они, вооружившись микроскопомъ, разсматривали самыя крохотныя клѣточки его и открывъ самую ничтожную, считали себя великими мудрецами, проникшими въ тайникъ жизни. При такомъ кропотливомъ копошеніи въ мелочахъ, утрачивалась способность видѣть разомъ человѣка, нераздѣльно съ его средой. Условія жизни, создающія человѣка, среда, вліяющая на него—все это было забыто, все было ничто передъ его самымъ крохотнымъ чувствованьицемъ или мыслью, передъ самой микроскопической особенностью его *я*. Вѣрное возсозданіе этого *я* составляло всю цѣну произведенія, было единственной цѣлью, къ которой стремились авторы, и какъ скоро она была достигнута, ко всему остальному относились съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Произведенія этого рода распространяли въ обществѣ полнѣйшее безучастіе ко всему, что выходило за узкій кругъ, въ которомъ улеглась личная жизнь героевъ. Идеализмъ, все глуше и глуше запираясь въ этомъ кругу, мельчалъ день ото дня и наконецъ въ жизни послышалось вмѣсто прежняго восторженнаго юношескаго голоса одно старческое безсильное бормотанье.

На смѣну искуства идеализма явилось реальное искуство. Исходной точкой реализма былъ человѣкъ, не какъ независимый всевластный духъ, парящій надъ жизнью, но какъ продуктъ двухъ сложныхъ факторовъ: условій жизни и силъ природы. Для вѣрнаго воспроизведенія жизни, реальное искуство должно было въ своихъ произведеніяхъ отвести обоимъ факторамъ должное мѣсто. Не признавая ихъ обоихъ, невозможно было создать цѣльнаго образа человѣка. Но реализмъ не удержался на этой исходной точкѣ: онъ явился протестомъ противъ идеализма, и какъ всякій протестъ, впалъ въ крайность. Идеализмъ дѣлалъ человѣка царемъ жизни, реализмъ, или вѣрнѣе ультра-реализмъ, сдѣлалъ изъ него раба ея. Онъ проглядѣлъ силы, таившіяся въ человѣкѣ, если эти силы проявлялись въ нравственномъ мірѣ, признавъ ихъ и этотъ міръ мечтами идеализма и все вниманіе свое остановилъ на условіяхъ жизни, на средѣ. Но еслибы среда была все, а человѣкъ ничто, то человѣчество не додумалось бы даже и до свайныхъ построекъ и человѣкъ остался бы тѣмъ же рабомъ въ мірѣ природы, какъ и животное, вмѣсто того, чтобы быть въ немъ работникомъ. Среда же, въ смыслѣ обще-

ственныхъ условій жизни, создается настолько же самими людьми, сколько и природой. Какъ бы то ни было, условія жизни, какъ главный и единственный факторъ, признанный этимъ ультра-реальнымъ искусствомъ, заняли главное мѣсто въ его произведеніяхъ. Самъ человѣкъ отошелъ на задній планъ, и для того, чтобы распознать черты его, въ него приходилось пристально вглядываться. Авторъ смотрѣлъ на него исключительно со стороны вліянія на него среды. Одинаковая среда, при своемъ всемогуществѣ, могла создавать только одинаковыя личности; ультра-реализмъ не былъ способенъ разглядѣть въ этихъ личностяхъ присущихъ имъ силъ для воздѣйствія на среду, и въ результатѣ оказывалось однообразіе, безличность и бѣдность творчества. Въ какихъ многоразличныхъ комбинаціяхъ ни представлять нищету одежды, скудость пищи и ничтожность заработка, ощущенія, обусловливаемыя ими, если и выйдутъ иногда изъ тѣснаго міра физическихъ ощущеній, то не дадутъ мысли другой пищи, кромѣ страданія и озлобленія. И пока наука не внесла свой свѣтъ въ этотъ тѣсный міръ, пока ходъ жизни не поднялъ его на дѣятельную борьбу съ гнетущей средой, въ этомъ тѣсномъ кругѣ негдѣ развернуться всѣмъ силамъ человѣческой природы во всей ихъ полнотѣ и богатствѣ, и не много дастъ онъ писателю красокъ и образовъ для своихъ созданій. Ему придется поневолѣ тянуть все одну и ту же пѣсню лазаря:

Холодно, странничекъ, холодно,
Голодно, родименькій, голодно.

придется, какъ Рѣшетникову, отводить описанію того, какъ ѣли подлиповцы свою первую булку въ жизни, ровно столько же мѣста, сколько и наблюденію надъ тѣмъ, какъ Пила своимъ умомъ дошелъ до пониманія законовъ, управлявшихъ и жизнью подлипной, и жизнью губернскаго города. И если въ произведеніяхъ Рѣшетникова встрѣчаются такіе замѣчательные характеры, какъ бабушка Опариха и Горюновъ, или Глумовъ и Токменцовъ, то этимъ онъ обязанъ исключительно силѣ собственнаго таланта и чутью жизни и человѣка, а никакъ не теоріямъ ультра-реальнаго искусства.

При жизни Рѣшетникова, въ журналистикѣ появлялись самые разнорѣчивые отзывы о его талантѣ. Одни отвергали въ немъ всякій талантъ, другіе возводили его на пьедесталъ, какъ писателя, ставшаго во главѣ своего времени, какъ учителя, сказавшаго обществу новое слово жизни. Первые отзывы не стоитъ опровергать, вторые—

нельзя пройти молчаніемъ: въ нихъ молодые писатели могутъ увидѣть програму своей дѣятельности. Не только Рѣшетниковъ, но и самъ Гоголь, еслибы явился въ наше время, не могъ бы быть такимъ писателемъ. Рѣшетниковъ, какъ и Гоголь, указывалъ обществу его язвы, и явись онъ во время Гоголя, онъ пріобрѣлъ бы несравненно болѣе громкую и прочную извѣстность. Тогда нужно было безпечно заснувшему въ своемъ самодовольствѣ обществу указать на разъѣдавшія его язвы; нужно было выставить ихъ во всей ихъ наготѣ и безобразіи, потрясти его до глубины сознанія. Нужно было сказать больному „ты боленъ", для того, чтобы онъ увидѣлъ свою болѣзнь и пошелъ лечиться. Теперь мы знаемъ, что мы больны. Язвы наши обнажены давно. Мы измѣрили всю зіяющую глубину и ширину ихъ; мы содрогнулись отъ ихъ безобразія. Теперь мы хотимъ исцѣлиться. Теперь намъ нужны люди, которые указали бы намъ животворный источникъ, гдѣ бы мы нашли исцѣленіе—и только тотъ писатель, который укажетъ намъ этотъ источникъ, станетъ во главѣ своего времени. Въ Германіи есть такіе писатели—мы еще ждемъ ихъ. Рѣшетниковъ не могъ быть такимъ писателемъ, потому что онъ былъ только правдивымъ лѣтописцемъ жизни. Онъ могъ только заносить бьющія въ глаза явленія ея на страницы своихъ лѣтописей, но не провидѣть тѣ, которыя еще вырабатываются въ глубокомъ тайникѣ жизни. Для того, чтобы провидѣть ихъ, нужна та сила творчества, которая въ наукѣ создаетъ гипотезы, открывающія новые законы, въ литературѣ—типы, вродѣ тѣхъ, какіе давала Жоржъ-Зандъ. Вотъ почему Рѣшетникову, въ ряду нашихъ писателей, слѣдуетъ отвести мѣсто правдиваго лѣтописца темнаго люда, не болѣе, и признать за нимъ заслугу, что онъ лѣтописями своими открывалъ на его многострадальную жизнь глаза обществу. Онъ сказалъ обществу: „смотри, вотъ міръ, котораго ты совсѣмъ не знаешь, смотри, сколько въ немъ силъ"—и этимъ словомъ онъ сослужилъ своему времени честную, почетную службу писателя-гражданина.

М. Цебрикова.

ТИПЫ И НРАВЫ АНГЛИЧАНЪ.

Новое сочиненіе Тэна, „Очерки Англіи“, заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и всѣ вообще сочиненія этого талантливаго писателя; но, быть можетъ, ни въ одномъ изъ его прежнихъ произведеній не находили еще мы такой замѣчательной наблюдательности, такого рѣдкаго умѣнья подмѣтить характерныя черты и нѣсколькими бойкими штрихами рисовать типъ, полный правды и жизни— типъ, по которому можно составить себѣ понятіе о цѣлыхъ классахъ людей. Тэнъ выводитъ передъ нами длинный рядъ подобныхъ типовъ, вырванныхъ на удачу изъ всѣхъ классовъ англійскаго общества, и эти обращики, представленные во всей ихъ жизненной правдѣ, такъ сказать фотографически, даютъ намъ ключъ—если мы сколько нибудь знакомы при этомъ съ исторической и политической жизнью Англіи — даютъ намъ ключъ ко всѣмъ учрежденіямъ этой страны и поясняютъ, почему рядомъ съ свѣтлыми сторонами, которыя она представляетъ, еще лежатъ такія темныя пятна. Впрочемъ это относится только къ тѣмъ, такъ сказать, фотографическимъ воспроизведеніямъ англійскаго общества, которыя мы находимъ въ книгѣ Тэна; что же касается его собственныхъ коментарій, то читатель, знакомый съ направленіемъ этого писателя, конечно не увлечется ими. Личныя симпатіи автора слишкомъ сквозятъ въ нестерпимой растянутости описаній англійскаго комфорта и богатства, дворцовъ, парковъ и галлерей, въ восхваленіи патріархальныхъ добро-

дѣтелей лордовъ и пр. Все это, по нашему мнѣнію, могло быть опущено безъ ущерба для интереса книги и для цѣли, которую мы имѣемъ въ виду, знакомя съ нею читателей. Цѣль же наша— познакомить публику съ бытомъ, учрежденіями, обычаями и характеромъ народа, который, въ новѣйшее время, начинаетъ особенно интересовать Европу. Прогрессивное развитіе англійскихъ учрежденій совершалось безъ всякихъ конвульсій, медленнымъ, едва замѣтнымъ шагомъ, въ противоположность съ конвульсивными скачками континентальной Европы, которую каждый порывъ ея къ правильному соціальному строю приводилъ, въ результатѣ, какъ разъ къ противоположному концу. Но, въ настоящее время, и въ самой Англіи парождается движеніе, и, быть можетъ, предстоитъ борьба двухъ началъ, изъ которыхъ одно коренится въ исторіи англійской расы, во всѣхъ ея обычаяхъ, традиціяхъ и учрежденіяхъ; а другое, хотя и привитое, уже давно зрѣетъ въ массахъ. Многихъ занимаетъ теперь вопросъ, дѣйствительно ли предстоитъ эта борьба, настолько ли уравнялись два противоположныя начала, чтобы борьба между ними была возможна, а ежели она возможна, то съ которой стороны болѣе шансовъ на побѣду? Для тѣхъ, кого занимаютъ эти вопросы, кого вообще занимаетъ будущее какого нибудь народа или всѣхъ народовъ Европы, такая книга, какъ «Очерки Англіи», представляетъ богатый матеріалъ для соображеній и заключеній. Но, повторяемъ, мы заимствуемъ изъ нея только то, что, по нашему мнѣнію, имѣетъ значеніе живого факта и даетъ ключъ къ уразумѣнію его характера, наклонностей и учрежденій.

I.

Вотъ уже полчаса, какъ взошло солнце, но его не видно. Въ туманной дали начинаютъ выступать зеленоватые рубцы: это земля. Пароходъ подвигается впередъ; на громадной бухтѣ плоскій берегъ кажется просто полосой грязи на водѣ; всѣ краски поглощаются сыростью; всѣ тѣни блѣднѣютъ и стушевываются, и пейзажъ походитъ на блѣдную акварель, по которой ребенокъ размазалъ капли воды. Но вотъ открывается чисто англійскій пейзажъ: блѣдно-зеленые холмы, исполосанные изгородями и усѣянные одинокими деревьями; огороженное пастбище, потомъ другое, третье,—со скотомъ, предоставленнымъ самому себѣ.

Рѣка огромна, но грязна и какого-то бураго, неопредѣленнаго цвѣта. Тѣснимая приливомъ, она поднимается на грязные холмы и, омывъ ихъ, снова опадаетъ. По ней тянутся безконечныя вереницы судовъ, большихъ и малыхъ, всевозможной величины и самыхъ разнообразныхъ формъ.

Я вступаю въ разговоръ съ молодымъ англичаниномъ средняго круга. Собесѣдникъ мой, отличающійся рѣшительными и рѣзкими чертами лица, съ насмѣшливымъ выраженіемъ, возвращается изъ пріятной и поучительной прогулки въ Индію и Австралію, продолжавшейся цѣлый годъ, въ который онъ проѣхалъ всего 40,000 миль. «Чтобы знать народы, надо видѣть ихъ», говоритъ онъ. Онъ «независимъ», т. е. имѣетъ средства къ жизни, и хочетъ жениться. Приданаго ему не нужно. Изъ разговора съ нимъ для меня становится ясно, въ чемъ состоитъ счастье англичанъ: свой home въ шесть часовъ вечера; привѣтливая, вѣрная жена, чай; четверо или пятеро дѣтей на колѣнахъ и почтительная прислуга. Родители совсѣмъ не тяготятся ими; они обязаны только дать дѣтямъ образованіе,—говорилъ мнѣ мой англичанинъ; въ Англіи дѣвушки не нуждаются въ приданомъ, а мальчики пролагаютъ себѣ дорогу въ жизни, какъ умѣютъ. Я знаю одного адвоката, каторый много получаетъ и все проживаетъ, за исключеніемъ 300—400 фун. стер. въ годъ, которые онъ ежегодно откладываетъ для своихъ дѣтей. Такимъ образомъ дѣти обезпечены, да и притомъ же торговля и промышленность открываютъ передъ ними множество дорогъ, закрытыхъ для молодого француза. Изъ всѣхъ странъ, видѣнныхъ моимъ знакомымъ, онъ находитъ Англію наиболѣе нравственною, хотя все-же, по его мнѣнію, главный порокъ ея состоитъ въ недостаткѣ нравственности. О Франціи онъ судитъ съ англійской точки зрѣнія: «французскія женщины дурно воспитаны, онѣ не читаютъ Библіи, слишкомъ пристрастны къ баламъ, занимаются только тряпками; мужчины, съ своей стороны, проводятъ все время въ кофейняхъ, содержатъ любовницъ;—отсюда столько несчастныхъ браковъ. Причина этого зла коренится совсѣмъ не въ расѣ, а въ воспитаніи. Въ Англіи изъ француженокъ, получившихъ солидное англійское воспитаніе, выходятъ очень хорошія жены».

— Стало быть, въ вашей странѣ все хорошо?

— Нѣтъ, въ нашемъ народѣ коренится страшный порокъ — пьянство. У насъ человѣкъ, заработывающій 20 шиллинговъ въ не-

дѣлю,—10 изъ нихъ навѣрное пропиваетъ. Прибавьте къ этому непредусмотрительность, недостатокъ работы, нищету.

— Но противъ нищеты вы имѣете дома призрѣнія, рабочіе дома?

— Но бѣдные не идутъ туда, они предпочитаютъ поститься, умирать съ голоду.

— Почему же такъ?

— По тремъ причинамъ. Во-первыхъ, потому что имъ хочется пьянствовать; во вторыхъ,—они не терпятъ жизни въ заперти и, наконецъ, въ третьихъ, вступленіе въ названныя учрежденія обусловлено нѣкоторыми формальностями. Необходимо доказать принадлежность къ какому-нибудь приходу, а эти люди большею частью не знаютъ, откуда они родомъ.

Мой англичанинъ очень разговорчивъ и совсѣмъ не чопоренъ. Таковы же и двое другихъ его соотечественниковъ, съ которыми я знакомлюсь на пароходѣ. Я всегда находилъ англичанъ разговорчивыми, и если о нихъ составилось противуположное мнѣніе, то это потому, какъ я полагаю, что въ чужихъ краяхъ, будучи принуждены объясняться на чуждомъ языкѣ, они молчатъ отъ застѣнчивости и наблюдаютъ за собой, чтобъ не дать повода къ насмѣшкамъ. Когда же съ ними говорятъ на ихъ языкѣ, и говорятъ плохо, съ иностраннымъ акцентомъ, то, сознавая свое превосходство, они ободряются и дѣлаются говорливы. Обратитесь къ нимъ вѣжливо, мягко, съ какимъ-нибудь вопросомъ, или даже просьбой объ услугѣ—они охотно окажутъ вамъ ее; я испыталъ это двадцать разъ, и въ Лондонѣ, и повсюду.

Одна молодая женщина страдаетъ морскою болѣзнью. Мужъ ея, повидимому торговый агентъ, поддерживаетъ ей голову, ухаживаетъ за ней съ безграничною нѣжностью, нисколько не стѣсняясь. Двѣ молодыя дѣвушки, лѣтъ 15 или 16-ти, говорящія по французски и по нѣмецки безъ малѣйшаго иностраннаго акцента, отличаются большими выразительными глазами и длинными зубами; онѣ совершенно свободно болтаютъ и смѣются, обнаруживая восхитительную живость и веселость, безъ всякой тѣни кокетства; онѣ не думаютъ о зрителяхъ. Вотъ дама въ очкахъ, лѣтъ сорока, подъ руку съ мужемъ; поношенное платье — остатокъ отъ прежнихъ нарядовъ; необыкновенные зубы въ родѣ клыковъ; необычайная серьезность и высокій комизмъ. Француженка, даже пожилая, ни за что не по-

забудетъ расположить пограціознѣе складки своего платья. Замѣтимъ еще невозмутимое терпѣніе и флегматичность долговязаго и сухопараго англичанина, неподвижно просидѣвшаго на своемъ диванѣ. Онъ прошелся всего одинъ разъ, ни съ кѣмъ не говорилъ и съумѣлъ довольствоваться самимъ собою. Какъ контрастъ съ нимъ, мнѣ кажутся славными малыми даже три француза, трактующіе о чемъ угодно, горячась, жестикулируя и сыпля плохими каламбурами.

Облака разсѣялись и заблистало солнце. По правую и по лѣвую сторону виднѣются сельскіе домики, опрятные, красивые, только что выкрашенные. На горизонтѣ—возвышенности, одѣтыя зеленымъ дерномъ, и по нимъ разсыпаны, красивыми группами, высокія деревья, по лѣвую сторону скучены, вокругъ синеватой колокольни, темные дома Грэвзенда. Все чаще и чаще встрѣчаются суда и магазины, предвѣщая близость города; узкіе мостки тянутся съ берега шаговъ на пятьдесятъ надъ лоснящимся отложеніемъ прилива, и съ каждымъ шагомъ ощущается могущество человѣка, преобразовавшаго природу. Вотъ доки, склады, лѣсные дворы, массы строительныхъ матеріяловъ, пеньки; груды товаровъ, жилые дома; вотъ по правую сторону возвышается желѣзный остовъ церкви, который прилаживаютъ здѣсь, чтобы совсѣмъ готовый перевести въ Индію. Начиная отъ Гринвича, рѣка превращается въ улицу, длиною въ цѣлую милю, если не болѣе, по которой движутся суда, по двумъ противуположнымъ направленіямъ, между двумя нескончаемыми рядами темнокрасныхъ зданій, сложенныхъ изъ кирпича и черепицъ; передъ зданіями тянется рядъ толстыхъ свай, вбитыхъ въ илъ, къ которымъ привязываютъ выгружаемыя суда. Нѣтъ счета складамъ мѣди, камня, каменнаго угля, снастей и проч., нѣтъ счета тюкамъ, бочкамъ, мѣшкамъ. Но всего любопытнѣе каналы, проведенные отъ доковъ къ морю; они похожи на улицы, пересѣкающія одна другую и по которымъ тянутся нескончаемыми вереницами корабли. Все это въ туманѣ отъ дыма, сквозь который прорѣзываются солнечные лучи. Воздухъ тяжелъ, какъ въ огромной теплицѣ, и пахнетъ углемъ.

II.

Лондонъ, въ дождливое воскресенье, съ запертыми лавками, пустыми улицами, имѣетъ видъ огромнаго безмолвнаго кладбища; про-

хожіе подъ зонтиками, точно привидѣнія, изрѣдка появляются на улицахъ и скверахъ. Впечатлѣніе самое унылое.

Мелкій, частый, неумолимый дождь, кажется, никогда не перестанетъ; шлепаешь по грязи; вездѣ вода, грязная, вонючая. Желтоватый туманъ поднимается отъ земли и стоитъ въ воздухѣ; въ тридцати шагахъ, домъ, пароходъ кажутся какимъ-то пятномъ на бумагѣ. Въ Стрендѣ, особенно, и во всей остальной части Сити, послѣ часовой прогулки васъ одолѣваетъ сплинъ и вы начинаете понимать самоубійство. На темныхъ кирпичныхъ зданіяхъ, вытянутыхъ въ линію, туманъ и сажа наложили свой отпечатокъ. Всюду царствуетъ безмолвіе.

Цѣлую недѣлю человѣчество работаетъ усидчиво, ожесточенно, борясь съ неумолимой нуждой. Что же дѣлать въ день отдохновенія? Кабаки и церковь, пьянство или проповѣдь, забвеніе или размышленіе,—вотъ занятія для празднующихъ. Тѣмъ или другимъ способомъ, размышляя или напиваясь, имъ удается разсѣяться, забыться.

Я заходилъ въ четыре церкви, и въ двухъ слушалъ проповѣди. Одна была диссидентская, въ Стренде, въ холодномъ, пустомъ зданіи, безъ всякихъ украшеній, кромѣ двухъ аллегорическихъ фигуръ. Изъ-за большихъ деревянныхъ скамеекъ, виднѣлись однѣ только головы молящихся, между которыми не было простого народа; то была приличная, чисто одѣтая буржуазія, степенная и серьезная, которая пришла запастись нравственными совѣтами. Проповѣдникъ совѣтуетъ быть твердыми въ своихъ правилахъ, но согласоваться съ обществомъ. Двери кабаковъ хотя и запираются по воскресеньямъ, но ихъ можно отворить и пить въ задней комнатѣ. Этотъ остатокъ древняго пуританизма немыслимъ во Франціи. Запретить французскому крестьянину пить и веселиться въ воскресенье, которое, по его мнѣнію, только для этого и существуетъ, было бы дѣломъ совершенно невозможнымъ. Это возможно только при темпераментѣ англичанъ; здѣсь вино не веселитъ, какъ на югѣ, здѣсь оно раздражаетъ; не даромъ же вошло въ поговорку, что пьяный французъ болтаетъ, пьяный нѣмецъ спитъ, а пьяный англичанинъ дерется.

Другой остатокъ пуританизма—это большія Библіи на цѣпяхъ, на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ; путешественники могутъ читать ихъ, въ ожиданіи поѣзда. По нѣкоторымъ признакамъ, сейчас

узнаешь аристократическую страну. Такъ напримѣръ, на воротахъ Сент-Джемскаго парка вывѣшено слѣдующее объявленіе. „Сторожамъ парка предписывается не пускать въ садъ нищихъ, оборванныхъ, неопрятно одѣтыхъ и всѣхъ вообще людей неприличнаго вида“.

Въ Лондонѣ 2,250,000 жителей, т. е. вдвое больше, чѣмъ въ Парижѣ; но что значатъ цифры! Надо видѣть Лондонъ, чтобы понять, какая это громада. Отъ лондонскаго моста до Гэмптонкура считается 8,000 зданій на пространствѣ почти 3-хъ миль. Послѣ улицъ и кварталовъ, въ которыхъ дома скучены какъ ульи, начинаются безчисленные загородные дома, коттеджи всѣхъ возможныхъ стилей, окруженные зеленью и деревьями. Здѣсь живетъ зажиточная буржуазія. Дома, обыкновенно двухъ-этажные, отличаются порядкомъ и чистотой, при входѣ звонокъ для разнощиковъ и другой для посѣтителей; въ нижнемъ этажѣ кухня и помѣщеніе для прислуги; украшеній и рѣзьбы мало, наружныхъ ставень нѣтъ, большія окна даютъ много свѣта, всюду цвѣты; конюшни отдалены. Англичанинъ любитъ природу, комфортъ и обособленность. Онъ не вынесъ бы нашихъ большихъ клѣтокъ, наполненныхъ всякимъ народомъ; онъ даже въ самомъ Лондонѣ умѣетъ устроить для себя отдѣльный домикъ съ садомъ. Англійскіе парки отличаются обширностью и вкусомъ. Сент-Джемскій паркъ—настоящая деревня; старые огромные деревья, обширные луга, широкіе пруды, населенные утками и водяными птицами, коровы, овцы пасущіяся на отгороженныхъ лугахъ, на вѣчно-зеленой травѣ, —словомъ все говоритъ здѣсь о любви англичанъ къ деревнѣ: о томъ же свидѣтельствуетъ и литература ихъ.

Снѣгъ здѣсь рѣдокъ: но зато царствуетъ вѣчный туманъ, дождь идетъ почти каждый день, пѣшеходы шлепаютъ по самой отвратительной грязи. Посмотрите на ноги и на обувь женщинъ; вмѣсто ботинокъ—сапоги, ноги какъ у аиста и соотвѣтствующая тому походка.

Въ два часа, главная аллея Гайдъ-парка—самаго обширнаго изъ лондонскихъ парковъ—превращается въ настоящій манежъ. Маленькія дѣвочки, восьмилѣтніе мальчики галопируютъ на своихъ пони рядомъ со своими родителями; я видалъ полныхъ, почтенныхъ матронъ, катавшихся верхомъ. Сильное движеніе, повидимому, необходимо для здоровья англичанъ; молодыя дѣвушки и дамы ѣздятъ въ паркъ даже въ дождливую погоду. Послѣ лошадей и множе-

ства прислуги потребность всѣхъ зажиточныхъ классовъ составляетъ: чистое бѣлье и часто обновляемое платье, потому что климатъ очень портитъ его. Въ Лондонѣ множество купцовъ, скупающихъ поношенное платье. Нарядъ джентльменовъ долженъ быть безукоризненъ, ихъ платье переходитъ къ человѣку низшаго класса и кончаетъ свое существованіе на плечахъ нищаго. Нигдѣ не обозначается такъ явно общественное положеніе человѣка его внѣшнимъ видомъ, какъ здѣсь. Бальный костюмъ франта, или розовая шляпка съ цвѣтами какой нибудь лэди оказываются впослѣдствіи на какомъ нибудь нищемъ или на старой тряпичницѣ.

Отъ пяти до семи часовъ, происходитъ настоящая выставка красоты и нарядовъ, отличающихся безвкусіемъ. Васъ поражаетъ страшное смѣшеніе самыхъ негармонирующихъ цвѣтовъ, отсутствіе граціи, излишество золотыхъ украшеній, пестрыя платья, развѣвающіеся газы, массы висящихъ или завитыхъ волосъ, микроскопическія шляпки на колосальныхъ шиньонахъ. Англичанки отличаются особеннымъ искуствомъ безобразить себя. Я замѣтилъ одной дамѣ, что туалеты въ Англіи гораздо ярче, чѣмъ во Франціи. „Но мы получаемъ ихъ изъ Франціи", отвѣтила она. Я благоразумно промолчалъ, хотя могъ бы отвѣтить: „но выбираете ихъ вы сами". Часто встрѣчаешь прелестныя лица, но также часто и бараньи физіономіи. Многія похожи на восковыхъ куколъ, съ стеклянными глазами, безъ всякихъ выраженій. Иныя напоминаютъ кусокъ сырого бифштекса. На этихъ неподвижныхъ лицахъ, слишкомъ бѣлыхъ и розовыхъ, лежитъ отпечатокъ тупости. У иныхъ ноги, какъ у цапли, шея какъ у аиста и непремѣнно цѣлая батарея длинныхъ бѣлыхъ зубовъ, съ мясистыми, выдающимися челюстями. Но за то въ Англіи же можно встрѣтить образцы совершенной красоты: ангельскія лица, глаза синіе, глубокіе, цвѣтъ лица, какъ лепестки розы, походка какъ полетъ птички, божественная улыбка; прибавьте къ этому веселость, невинность, богатство непочатой натуры и наивной откровенности. Я встрѣчалъ много прелестныхъ амазонокъ, скромныхъ, серьезныхъ, безъ всякой тѣни кокетства; очевидно, онѣ пріѣзжаютъ въ паркъ только за тѣмъ, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, а вовсе не для того, чтобы показать себя. Манеры ихъ просты, безъ всякаго жеманства, онѣ жмутъ руку крѣпко, по-мужски, въ ихъ туалетѣ нѣтъ никакихъ побрякушекъ, онъ выказываетъ въ нихъ крѣпкое тѣлосложеніе и цвѣтущее здоровье. Онѣ управляютъ своею ло-

шадью съ отвагой и увѣренностью. Иногда отецъ или братъ останавливаются побесѣдовать съ пріятелемъ о дѣлахъ, или о политикѣ, дѣвушки слушаютъ и пріучаются къ серьезному разговору. Съ удовольствіемъ смотришь на отцевъ и братьевъ, сопровождающихъ амазонокъ: это не истасканныя физіономіи, какъ у французовъ; сдержанность ихъ внушаетъ невольное уваженіе. Въ Гайдъ-паркѣ я часто и долго смотрѣлъ на полисменовъ. Они никогда не кричатъ. Если стѣснятся экипажи,—полисменъ поднимаетъ руку, чтобы остановить кучеровъ, и опускаетъ ее, когда можно ѣхать. Кучера всегда повинуются. Капитаны на пароходахъ, чиновники, негоціянты — никто не тратитъ понапрасну словъ; безъ жестовъ, безъ суеты и криковъ, за приказаніемъ слѣдуетъ немедленное исполненіе.

Умственный трудъ цѣнится въ Англіи гораздо дороже, чѣмъ на континентѣ.

Въ Оксфордѣ профессоръ (head master) очень часто получаетъ отъ одной до трехъ тысячъ фун. стерл. Тенисонъ, который пишетъ весьма мало, получаетъ въ годъ 125,000 франковъ. Ректоръ Итонской коллегіи получаетъ 152,000 фр. жалованья; многіе изъ профессоровъ коллегій получаютъ отъ 30 до 40,000 фр.; лондонскій епископъ получаетъ 250,000, Іоркскій архіепископъ— 357,000 фр. За печатный листъ въ „Revue-de-deux-Mondes“ платятъ 200 фр., а въ англійскихъ журналахъ до 500; „Times“ платитъ за нѣкоторыя статьи по 2,500 фр. Тэккерей въ 24 часа заработалъ 4,000 фр., прочитавъ по одной лекціи въ Брайтонѣ и въ Лондонѣ. Сборникъ, въ которомъ онъ помѣщаетъ свои романы, платилъ ему по 2,000 ф. стер. въ годъ и сверхъ того 10 ф. ст. съ листа; у этого Сборника было 100,000 подписчиковъ — и 120,000 фр. чистаго дохода. Не говорю уже о громадныхъ состояніяхъ извѣстныхъ фабрикантовъ и аристократовъ, о доходахъ или барышахъ въ 200,000 ф. ст. Но и расходы соразмѣрны съ доходами. Въ Англіи, имѣя 8,000 ф. ст., нельзя считать себя богатымъ. Много получать и много проживать—вотъ правило англичанъ; они ничего не откладываютъ, никогда не думаютъ о будущемъ, и развѣ только застраховываются.

О томъ, какими громадными средствами обладаетъ Англія, можно судить по ея общественнымъ постройкамъ. Начнемъ съ тоннеля; ступеней сто ведутъ внизъ; внизу отверстіе величиной съ нашъ пантеонъ; тоннель тянется на 500 шаговъ длины. Это чудо чело-

вѣческихъ рукъ, но чудо совершенно безполезное. Внутри тоннеля лавочка, гдѣ продаются дѣтскія игрушки и откуда постоянно слышится жалкая пискливая музыка; газъ бросаетъ колеблющійся свѣтъ, со стѣнъ капаетъ вода; видъ тоннеля ужасенъ, мраченъ; въ немъ можно вообразить себя внутри вавилонской башни. Я всегда находилъ, что Лондонъ похожъ на древній Римъ, а Парижъ на древнія Аѳины. Этотъ новѣйшій Римъ, также какъ и древній, тяготѣетъ на рабочемъ классѣ. Всякое чудовищное построеніе, въ родѣ Вавилона, пирамидъ, императорскаго Рима, наводятъ на мысль о невѣроятномъ, страшномъ напряженіи рабочихъ силъ.

Всякій большой городъ, столица, фабрика напоминаетъ мнѣ о націяхъ, жившихъ около Средиземнаго моря и погибшихъ подъ давленіемъ римской машины. Теперь передъ закономъ нѣтъ рабовъ; но часто и теперь сила обстоятельствъ дѣлаетъ человѣка рабомъ.

Лондонскіе доки изумляютъ, подавляютъ своими коллосальными размѣрами. Въ Лондонѣ шесть такихъ доковъ и каждый изъ нихъ образуетъ настоящую пристань, съ цѣлымъ лѣсомъ трехмачтовыхъ кораблей. Между ними есть въ 2,500, въ 3,000 и болѣе тоннъ. Они приходятъ сюда изо всѣхъ частей свѣта, и здѣсь знакомятся между собой жители всего земнаго шара. Въ лондонскіе доки приходитъ до 40,000 кораблей въ годъ, и среднимъ числомъ ихъ стоитъ здѣсь заразъ 5—6,000.

Но заглянемъ послѣ этой картины народнаго богатства, въ одинъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона—въ Шедуэль. Своею обширностью и колосальною нищетой онъ вполнѣ отвѣчаетъ обширности и богатству Лондона. Я видалъ бѣдные кварталы Марселя, Антверпена, Парижа, но сравнивать ихъ съ Шэдуелемъ невозможно. Узкія, грязныя улицы, обставленныя низкими, кирпичными домами съ красными крышами, скрещиваются по всѣмъ направленіямъ и ведутъ къ рѣкѣ. Воры, нищіе, публичныя женщины—особенно послѣднія — наполняютъ Шэдуель. Изъ винныхъ погребовъ раздается раздирающая уши музыка; кое-гдѣ встрѣчается негръ, играющій на скрипкѣ; въ открытыя окна видны неубранныя постели, танцующія женщины. Три раза, въ продолженіи 10 минутъ, собиралась толпа передъ дверьми домовъ, глазѣя на драку женщинъ, — одна изъ нихъ, съ окровавленнымъ лицомъ, вся въ слезахъ, пьяная, кричала хриплымъ, пронзительнымъ голосомъ и порывалась броситься на мущину. Зрители смѣялись; населеніе сосѣднихъ переулковъ,—

оборванныя дѣти, нищіе, публичныя женщины,--волной приливало на крики. Всѣ они грязны, оборваны и только изрѣдка увидишь на комъ-нибудь признакъ опрятности, какой-нибудь новый лоскутъ. Я видѣлъ подбитые глаза, завязанные носы, окровавленныя щеки. Женщины страшно размахиваютъ руками; но самое ужасное,—это ихъ голосъ, пронзительный, разбитый, точно голосъ больной совы.

Уже отъ самаго тоннеля нѣтъ прохода отъ уличныхъ мальчишекъ, жалкихъ, босыхъ, кувыркающихся, чтобы получить милостыню; они кишатъ на лѣстницахъ Темзы, хилые, блѣдные и грязнѣе даже парижскихъ ночныхъ нищихъ. Причина, конечно, та, что климатъ здѣсь хуже, а джинъ смертельнѣе. На ступеняхъ сидятъ люди, замѣчательные по своимъ лохмотьямъ; не видавъ ихъ, невозможно вообразить, до чего можетъ быть изодрана и грязна одежда. Люди эти спятъ или дремлютъ, съ открытымъ ртомъ; ихъ посинѣлыя лица, съ землянымъ оттѣнкомъ, бываютъ иногда испещрены красноватыми жилками. Въ этихъ кварталахъ встрѣчаются цѣлыя семьи, не имѣющія другой постели, кромѣ мѣшка сажи, на которомъ они спятъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Для такого несчастнаго, изнуреннаго созданья одно убѣжище—пьянство. „Не пить!“ вскричалъ на допросѣ одинъ подобный бѣднякъ—„лучше сейчасъ же умереть!“

Полисменъ не совѣтовалъ мнѣ ходить въ нѣкоторые переулки. Я прошелся только по самымъ широкимъ изъ нихъ, населенныхъ преимущественно публичными женщинами. На грязныхъ дворахъ, зараженныхъ вонью гніющаго тряпья, навѣшаны лохмотья и мокрое бѣлье. Дѣтей — какъ муравьевъ; на одномъ маленькомъ дворикѣ меня окружило человѣкъ пятнадцать ребятишекъ, грязныхъ, босыхъ. Сестренки таскали на рукахъ грудныхъ ребятъ; нѣтъ ничего ужаснѣе этихъ крошечныхъ, бѣлобрысыхъ, безволосыхъ созданій, у которыхъ цѣлые наросты грязи на щекахъ. Дѣти съ любопытствомъ разсматривали джентльмена и показывали на меня пальцемъ. Матери, неподвижныя, съ потухшимъ взглядомъ, смотрѣли изъ дверей, черезъ которыя было видно ихъ жилище, состоящее обыкновенно изъ одной комнаты, въ которой тѣснится все семейство, въ самомъ скверномъ воздухѣ. Дома большею частью одноэтажные, низенькіе, узкіе, настоящія конуры. Каково должно быть въ нихъ зимой, когда дождь и туманъ не прекращаются цѣлыя недѣли и окна заперты. Для того, чтобы семья не умерла съ голоду, нужно, чтобы отецъ не пьянствовалъ, не гулялъ и никогда не былъ болѣнъ.

Я не забуду этихъ узкихъ улицъ, пропитанныхъ человѣческими испареніями и наполненныхъ толпами блѣдныхъ дѣтей, которые сидятъ на скамьяхъ лондонскаго моста. Цѣлыя семейства проводятъ здѣсь ночи и жмутся другъ къ другу, чтобы сколько нибудь отогрѣть окоченѣвшіе члены. На протяженіи ста шаговъ, вы встрѣтите двадцать женщинъ; однѣ выпрашиваютъ у васъ стаканъ джину, другія говорятъ: „мнѣ нужно расплатиться съ долгами". Вы видите передъ собой не развратъ, а нищету, и какую нищету! Вамъ дѣлается дурно при видѣ этой жалкой процессіи, блуждающей по великолѣпнымъ улицамъ Лондона; вамъ кажется, что передъ вами проходятъ мертвецы. Вотъ она, язва англійскаго общества!

Она бросается въ глаза даже на общественныхъ увеселеніяхъ. Я былъ на скачкахъ въ Ипсонѣ. Скачки происходятъ на большой зеленой равнинѣ, слегка гористой. Народу собралось тысячъ двѣсти. Здѣсь не видно ничего красиваго, изящнаго: сюда ѣздятъ не показываться, а смотрѣть и шумно веселиться. По равнинѣ тянется цѣлая цѣпь кэбовъ, колясокъ, тележекъ съ пирожками, холоднымъ мясомъ, арбузами, фруктами, виномъ и преимущественно шампанскимъ. Этотъ пиръ на распашку дѣлаетъ видъ нищеты еще ужаснѣе; нищіе стараются всучить вамъ свои копѣечныя куклы или описаніе скачекъ, убѣждаютъ васъ позволить имъ почистить ваши сапоги. Они похожи на голодныхъ собакъ, избитыхъ, паршивыхъ, которыя жаждутъ, но не надѣются получить кость. Они пришли сюда въ надеждѣ насытиться крохами, остающимися отъ большаго пира. Многіе спятъ тутъ же на землѣ между гуляющими, съ поднятымъ кверху лицомъ и открытымъ ртомъ. На лицахъ лежитъ отпечатокъ тупого страданья. Большая часть этихъ бѣдняковъ босикомъ и всѣ безъ исключенія грязны; ихъ костюмы уморительны; тутъ вы увидите и фракъ, и бальное платье, и дѣтскія шляпки на древнихъ старухахъ. Съ грустью гляжу я на эту вѣтошь, побывавшую на нѣсколькихъ плечахъ; она унижаетъ человѣка, обличаетъ въ немъ самое низкое общественное положеніе. Крестьянинъ, работникъ, ремесленникъ отличается отъ насъ своимъ положеніемъ; но это положеніе не унизительно: ихъ блуза принадлежитъ имъ; она досталась имъ не съ чужаго плеча. Обычай же здѣшнихъ бѣдняковъ носить обноски, болѣе чѣмъ страненъ; въ немъ обнаруживается недостатокъ гордости. Эти люди добровольно дѣлаютъ изъ себя подонки общества.

Одна изъ женщинъ, въ старой измятой шляпкѣ, съ грязнымъ, болѣзненнымъ ребенкомъ на рукахъ, бродила около нашего омнибуса; увидавъ брошенную бутылку, она быстро схватила ее и выпила остатки. Маленькая дочь ея плелась за нею и грызла поднятую съ земли дынную корку. Невозможно изобразить ихъ улыбку, когда имъ давали шилингъ или пирожокъ. Улыбка эта какъ будто говорила: „не бейте меня, умоляю васъ! Но если хотите, то можете и бить!“ Лица загорѣли и огрубѣли; у матери на щекѣ рубецъ, вѣроятно отъ удара сапогомъ; и мать, и дѣти, особенно дѣти, малорослы и дики. Огромная общественная мельница, давящая этихъ людей, стираетъ съ нихъ своими желѣзными колесами послѣднiй слѣдъ человѣческаго образа.

Раздается звонокъ. Триста, четыреста полисменовъ расчищаютъ равнину и, по данному сигналу, выступаютъ 34 всадника. Сначала кажется, будто они ѣдутъ медленно; но вотъ одна группа отдѣлилась отъ остальныхъ и мчится впередъ. „Шляпы долой!“ Всѣ поднимаются съ мѣстъ и громкое ура! оглашаетъ амфитеатръ. Неподвижныя физiономiи оживились, самые хладнокровные одушевились и сильно жестикулируютъ, внизу, гдѣ держатъ пари, страшное волненiе. Но всего любопытнѣе было смотрѣть на толпу, какъ она мигомъ разлилась и покатила по равнинѣ, точно черная волна, вслѣдъ за наѣздниками. Полисмены стоятъ въ нѣсколько рядовъ и повременамъ прибѣгаютъ къ боксу, чтобы охранить площадку, на которой они принимаютъ наѣздниковъ и лошадей; ихъ будутъ повѣрять и вѣсить. Когда лошади приближаются къ цѣли, скорость ѣзды дѣлается разомъ замѣтна, и вся масса лошадей и наѣздниковъ мчится, какъ вихрь. Пари бываютъ громадные, до 50,000 ф. ст. Недавно какой-то полковникъ, проигравъ все свое состоянiе, тутъ же застрѣлился; еслибъ онъ подождалъ окончанiя скачекъ, онъ выигралъ бы навѣрное на столько, чтобы расплатиться. Владѣлецъ одного изъ частныхъ амфитеатровъ вскричалъ въ минуту отъѣзда: „всѣ деньги, которыя я выручилъ здѣсь, идутъ за Бокстона“. Многiе извощики проиграли своихъ лошадей съ экипажами.

По окончанiи скачекъ, мы сходимъ внизъ; на лѣстницахъ и въ буфетахъ страшная давка; но большая часть прiѣхавшихъ въ каретахъ привезли свою провизiю и обѣдаютъ на чистомъ воздухѣ. Всѣ веселы и довольны; всѣ сословiя смѣшиваются; одинъ изъ нашихъ товарищей встрѣтилъ своего кучера за однимъ столомъ съ какимъ-

то господиномъ и двумя дамами; кучеръ приглашенъ къ обѣду своими сѣдоками. Онъ рекомендуетъ П..., которому предлагаютъ хересу, портвейну; здѣсь всѣ равны, какъ на древнихъ сатурналіяхъ. Завтра равенство исчезнетъ и кучеръ сдѣлается почтителенъ, какъ и всегда. Подъ вечеръ праздникъ въ полномъ разгарѣ. 24 джентльмена торжественно уставляютъ на своемъ омнибусѣ 75 выпитыхъ ими бутылокъ. Толпа бросаетъ другъ въ друга куриными костями, раковой шелухой и кусками дерна. Двѣ группы джентльменовъ вышли изъ своихъ омнибусовъ и боксируютъ десять противъ десяти; у одного изъ нихъ не оказалось потомъ двухъ зубовъ. Еще позднѣе, веселье принимаетъ характеръ полной разнузданности, которая представляетъ разительный контрастъ съ неизмѣнно чинными фигурами англичанъ. На возвратномъ пути, по всей дорогѣ, шатались пьяные.

Въ одиннадцать часовъ вечера, мы пошли въ Клермонъ-Гарденъ, нѣчто въ родѣ парижскаго Мабиля, гдѣ обыкновенно заканчивается этотъ праздникъ. При входѣ — тѣснота и безпорядокъ. Врывается толпа англичанъ, съ криками: „пропустите японскихъ посланниковъ!“ Давка страшная, особенно на поворотахъ, только гдѣ нибудь въ темномъ углу можно вздохнуть свободно. Посѣтители одѣты хорошо, или, по крайней мѣрѣ, опрятно. Женщины — лоретки, но не низшаго сорта. Забавнѣе всего ихъ манія щипать, особенно иностранцевъ, которыхъ онѣ не оставляютъ въ покоѣ. Мой товарищъ, человѣкъ лѣтъ сорока, такъ изщипанъ, что спасается бѣгствомъ. Какая-то женщина колотитъ по спинѣ мужчину за то, что тотъ наступилъ ей на ногу; мужчина смѣется и все общество тоже. Вообще англичане добрые малые, никто не сердится, всѣ веселы въ этомъ столпотвореніи. Многія изъ находящихся здѣсь бѣдныхъ дѣвушекъ красивы; нѣкоторыя кажутся скромными, тихими, смѣются очень мало, танцуютъ очень прилично; на нихъ платья съ открытыми лифами, но онѣ танцуютъ въ мантильяхъ. Число подобныхъ женщинъ въ Лондонѣ трудно опредѣлить; ихъ насчитываютъ до 50,000. Иные дома сверху до низу биткомъ набиты ими. Общество мужчинъ въ Клермонъ Гардонѣ, повидимому, состоитъ изъ богатыхъ торговцевъ и ремесленниковъ средняго класса, которые пріѣзжаютъ сюда отдохнуть отъ цифръ, торговли и угля. Имъ нуженъ грубый блескъ, иллюминація изъ разноцвѣтныхъ шкаликовъ, нарядныя женщины, яркія платья, райскія птицы. Бу-

тылка шампанскаго стоитъ 12 шиллинговъ и вечеръ обходится фунтовъ въ шесть; но для нихъ это не составляетъ разсчета; они богаты. Тяжело смотрѣть, какъ сходятся здѣсь мужчины съ женщинами. Грубость и нищета, глупость и отупѣніе соединяются за бутылкой и потомъ расходятся, съ горькимъ сознаніемъ человѣческой слабости и паденія. Общество — прекрасное зданіе; но какая помойная яма въ нижнемъ этажѣ! Цивилизація облагороживаетъ человѣка, но животныхъ инстинктовъ его не можетъ побѣдить!

III

Вотъ нѣсколько англійскихъ типовъ: Гвардейскій солдатъ (life guard), откормленный атлетъ, какъ будто вырощенный для выставки, какъ ростятъ свеклу или капусту. Веселый, добродушный нравъ, нѣкоторая неповоротливость и фатовство, но особаго рода. Въ красной, обтянутой курткѣ, съ тростью въ рукахъ, онъ чванится своимъ ростомъ и выставляетъ на показъ свои жирные бока; изъ подъ фуражки, похожей на лепешку, виднѣются напомаженные волосы, съ проборомъ во всю голову. Нужно было видѣть, въ какой монументальной позѣ остановился одинъ изъ нихъ, когда его атаковали уличные мальчишки. Не менѣе монументальны и *лакеи* въ богатыхъ домахъ. Лакей за каретой до того красивъ, что его можно принять за большую куклу. Уличные мальчишки щиплютъ ихъ за икры, чтобъ убѣдиться въ томъ, что они—живые люди.

Тѣ же мясистые атлетическіе типы и у *джентльменовъ*. Иногда обжорливость кладетъ на нихъ свою печать; при этомъ, обыкновенно, широкое, красное лицо, съ обвисшими щеками и рыжими бакенбардами, съ глазами, лишенными всякаго выраженія. Я видѣлъ такой типъ въ вагонѣ; онъ походилъ на огромный дубъ, одѣтый въ свѣтлую жокетку, былъ онъ красенъ до корней волосъ и страшно сопѣлъ. Мнѣ невольно думалось, что такое животное навѣрное дало бы 120 килогр. мяса. Убавьте крови и жиру, оставивъ тѣлосложеніе, прибавивъ къ нему деревенскую наружность, огромные усы, взъерошенные волосы и бороду, бѣгающіе глаза, широкія, жилистыя руки — и вы получите первобытнаго германца, выходящаго изъ своихъ лѣсовъ. Но это все крайности: чаще всего вы встрѣчаете рабочее животное, высокое, худое, мускулистое, но сильное и выносливое. Этотъ типъ встрѣчается, какъ между джентльменами,

духовными и среднимъ классомъ, такъ и между народомъ. Вотъ для примѣра три типа: Длинный, вытянутый clergyman (пасторъ), точно замерзшій, съ узкими, но опредѣленными идеями, направленными исключительно на добрыя дѣла. Нужно имѣть очень крѣпкое тѣлосложеніе, чтобъ выдержать это тридцатилѣтнее апостольское служеніе, непрерывныя проповѣди, посѣщенія зараженныхъ переулковъ, длинныя путешествія пѣшкомъ по грязнымъ предмѣстьямъ. Членъ парламента: плечи, руки, ноги какъ у плотника, огромные бѣлые зубы, сильныя челюсти, которыя едва пропускаютъ слова; черты лица крупныя и неправильныя; вся фигура такъ топорна, что на ней странно видѣть модное платье, ослѣпительной бѣлизны бѣлье, голубой галстухъ и перчатки. Тусклый взглядъ ничего не говоритъ, жестовъ никакихъ; это не leader, а просто—членъ партіи; онъ вотируетъ и работаетъ. Но для ночныхъ засѣданій, для повѣрки счетовъ, пересмотра старыхъ дѣлъ, для митинговъ, комитетовъ, клубовъ, для всякой скучной работы, онъ не замѣнимъ. *Англичанинъ средняго класса.* Я подмѣтилъ этотъ типъ въ омнибусѣ; онъ ѣхалъ со всей своей семьей. Ему около 32 лѣтъ; платье съ иголочки; вѣроятно не менѣе 15—20,000 дохода; видъ рѣшительный и вмѣстѣ солидный; это настоящая машина, правильно устроенная и никогда не устающая. Это будущій pater familias. Лице правильное, холодное, неподвижное; взглядъ тусклый. Подлѣ него молоденькая жена, одѣтая съ большими претензіями, граціозно-наивная, постоянно занимающаяся своимъ ребенкомъ. Ребенокъ бѣлый, толстый, цвѣтущій здоровьемъ, закутанный въ вышитыя пышныя пеленки. Напротивъ нянька, лѣтъ 35, улыбающаяся, почтительная. Это былъ отличный образчикъ англійскаго семейства. Мужъ энергически, добросовѣстно и безъ скуки несетъ супружеское ярмо; его счастіе заключается въ удовольствіи пить чай дома, въ туфляхъ; у него будетъ много дѣтей, которые отъ домашней тоски разбѣгутся изъ дому, и которымъ, чтобъ пережить трудное время, нужно обладать натурой своего папаши. Надѣлите эту сильную массу костей и мускуловъ свѣтлымъ, яснымъ, дѣятельнымъ умомъ, научите какой нибудь спеціальности, или дайте многостороннее образованіе,—и вы увидите, какой прекрасный образъ получитъ этотъ самый типъ. Представьте себѣ его на палубѣ корабля, на войнѣ, или просто во главѣ 20 человѣкъ прикащиковъ, въ судѣ, гдѣ онъ выноситъ приговоръ о жизни и благосостояніи,—онъ будетъ пре-

красенъ, онъ будетъ вполнѣ отвѣчать своему назначенію. *Женщины* въ Англіи тоже высоки и стройны; изъ десяти дѣвушекъ, одна, навѣрное, красавица. На лошадяхъ, это настоящія амазонки, какъ по ловкости, такъ и по росту и здоровью. Жизнь на воздухѣ и гимнастическія упражненія еще болѣе способствуютъ развитію и безъ того сильной и здоровой расы. Другой образчикъ—*дѣти*. Это—живые цвѣты, особенно въ деревнѣ, розовые, толстощекіе, какъ херувимы; крѣпкое пышное тѣльце обличаетъ здоровую породу—будущаго сильнаго молодца. Къ восьми годамъ, въ нихъ, вмѣсто ума, начинаетъ развиваться физическая и нравственная энергія. Выраженіе лица большею частью сердитое, неласковое и напоминаетъ молодыхъ бульдоговъ. Животные инстинкты слишкомъ преобладаютъ: книги ему противны, онъ предпочитаетъ ѣсть, боксировать, ѣздить верхомъ. Но тѣ же инстинкты надѣляютъ его и хорошими качествами; онъ храбръ, выносливъ, смѣлъ, пріученъ къ ударамъ и опасностямъ всякаго рода. Эта сильная организація требуетъ и сильнаго питанія; средній классъ въ изобиліи употребляетъ чеснокъ, портеръ и особенно грогъ, т. е. водку съ водой.

Въ Англіи вамъ вездѣ подадутъ обильный, питательный обѣдъ, но совершенно безвкусный; за то тутъ на подносѣ стоятъ разныя приправы, всякіе перцы, индѣйскіе уксусы. Однажды я глотнулъ, ошибкой, такого уксуса и подумалъ, что проглотилъ горячій уголь. Одинъ англичанинъ увѣрялъ меня, что возбуждающее необходимо для нихъ, и что даже въ Индіи, гдѣ онъ прожилъ 5 лѣтъ, англичанамъ вовсе не слѣдуетъ отучаться отъ крѣпкихъ напитковъ. Климатъ, туманъ, тяжелая умственная и физическая работа требуютъ сильнаго питанія. Англійскій работникъ, работающій вдвое противъ французскаго и живущій въ манчестерскомъ Fоу, требуетъ большаго количества мяса и спирту, чтобъ дѣйствовалъ его локомотивъ. Питтъ довольствовался за обѣдомъ двумя бутылками портвейна.

Но возвратимся къ типамъ. Привожу письмо моего пріятеля, пробывшаго нѣсколько недѣль въ Англіи: „Знаете ли, что болѣе всего поразило меня въ Англіи? Полное усыпленіе нервной системы. Однажды я смотрѣлъ, какъ молодые люди играли въ крикетъ. Ихъ было семеро; они катали шары, дѣлали промахи, не попадали по нѣскольку разъ сряду; но, не смотря на то, въ продолженіи полутора часа ни одинъ изъ нихъ не возвысилъ голоса, не сдѣлалъ ни одного упрека. Игра шла совершенно спокойно и даже

большею частью молча. Вы вѣрно замѣтили, что англичане говорятъ чрезвычайно тихо, и я такъ привыкъ къ тихимъ звукамъ ихъ голосовъ, что едва не оглохъ, попавъ въ итальянское общество". На-дняхъ мой кучеръ такъ быстро въѣхалъ въ конюшню, что лошади, которыхъ тамъ запрягали, начали бѣситься. Прибѣжавшій грумъ едва усмирилъ ихъ. Но при этомъ кучеръ и грумъ не обмѣнялись ни однимъ словомъ. Случись это въ другой странѣ, какою бранью разразились бы обѣ стороны!

Вообразите себѣ человѣка сильнаго, грубоватаго и молчаливаго и вы получите особенный типъ англійскаго *буржуа*. Вотъ его біографія. Джонъ С.... сынъ работника; онъ съ самаго дѣтства работалъ въ маленькой кузницѣ своего отца, и обладая способностью къ механикѣ, изобрѣлъ какой-то снарядъ для прикрѣпленія рельсовъ къ шпаламъ. Ему предложили денегъ и онъ устроилъ заводъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ началъ приносить компаньонамъ 20,000 ф. ст. чистаго дохода. Теперь Джону 28 лѣтъ, у него хорошее состояніе, и онъ проводитъ свой день слѣдующимъ образомъ. Утромъ отправляется на заводъ, наблюдаетъ за работами и самъ работаетъ; вечеромъ сидитъ въ кофейнѣ, на 6 пенсовъ выпиваетъ пива и аккуратно въ 10-ть часовъ ложится спать. Вотъ уже года три или четыре какъ онъ помолвленъ съ одной дѣвушкой. Невѣстѣ уже 24 года, Джонъ любитъ ее и непремѣнно женится на ней; но женится не скоро,—ему хорошо и такъ. Невѣста терпѣлива, тиха и покорна. По субботамъ, они предпринимаютъ прогулки вдвоемъ, въ понедѣльникъ возвращаются вмѣстѣ домой. Все это очень невинно; здѣшніе нравы допускаютъ эту вольность. У Джона нѣтъ ни одной мысли, никакой любознательности; онъ едва умѣетъ писать и никогда не читаетъ. Кромѣ его собственнаго состоянія его ничто не интересуетъ; старая жакетка для работы, новая—для воскресенья, вотъ весь его нарядъ, онъ какъ улитка живетъ въ своей скорлупѣ. По совѣту джентльмена, своего компаньона, онъ выстроилъ себѣ славный домъ; но ему не по себѣ въ этомъ домѣ. Элліотъ превосходно изобразилъ эти тяжелыя, ограниченныя натуры, которыя такъ часто встрѣчаются въ Англіи; вѣрныя преданію, онѣ остаются на вѣки прикованныя къ своему механическому труду и мѣстнымъ интересамъ, и лишь изрѣдка, въ видѣ исключенія, выходятъ изъ этого состоянія. На оборотъ, человѣку образованному, развитому флегматическій темпераментъ придаетъ особенное благородство. Я

помню нѣсколько такихъ господъ; блѣдныхъ, съ свѣтлыми голубыми глазами, съ правильными чертами лица; это лучшіе представители человѣческой породы; въ нихъ нѣтъ ничего рыцарскаго, блестящаго, свѣтскаго, какъ у французовъ; но за то ихъ свѣтлый умъ не легко сбить съ толку. Они приводятъ въ дѣйствіе это качество своего темперамента; по ихъ мнѣнію, первое достоинство человѣка состоитъ въ постоянномъ сохраненіи своего хладнокровія и благоразумія. Разнообразные оттѣнки каждаго типа неизчислимы. Вотъ *дэнди* втораго разряда. Это совершенно модная гравюра; бѣлье, платье— все у него безукоризненно. Голова и бакенбарды только что вышли изъ подъ рукъ парикмахера, да и самъ владѣлецъ ихъ точно парикмахерская кукла. *Clergyman* обыкновенно имѣетъ видъ суровый и ходитъ прямо, точно аршинъ проглотилъ. Здѣсь не такъ скоро старятся, какъ во Франціи и особенно въ Парижѣ, гдѣ женщины въ особенности замѣчательно скоро отцвѣтаютъ; здѣсь даже въ старости многія женщины сохраняютъ свѣжесть. Я помню двухъ сѣдыхъ старушекъ, у которыхъ были румяныя лица, безъ малѣйшей морщинки. Вмѣстѣ съ свѣжестью лица, они сохранили и душевную теплоту.

Женскіе типы въ Англіи до безконечности разнообразны, напримѣръ: *Степенная женщина*, строгихъ правилъ, съ деревяннымъ умомъ и съ деревянными манерами. *Глуповатая* безсмысленно открываетъ ротъ и видимо ничего не понимаетъ; большая, толстая, лимфатическая *самка* съ бѣлыми рѣсницами; *гусыня* съ большими, глупыми, выпуклыми глазами, съ длинной тальей надъ шарообразнымъ кринолиномъ. *Молоденькая дѣвушка*, почти ребенокъ, розовая, игривая, съ распущенными кудрями, настоящая птичка, безпрестанно смѣется, щебечетъ и въ этомъ щебетаньи столько же мысли, какъ въ щебетаньи птички. Диккенсъ изобразилъ этотъ типъ въ Дорѣ, въ романѣ „Давидъ Копперфильдъ.“ *Бѣлокурая дѣва*, съ опущенными глазами, краснѣющая, стыдливая Евва, только неспособная къ грѣхопаденію; голосъ чистый, нѣжный, какъ музыка. Типъ этотъ, съ любовью изображенный Шекспиромъ и Диккенсомъ—лучшій цвѣтокъ Англіи. *Высокочестная женщина*, спокойная, серьезная, недоступная искушенію. Къ этому же роду принадлежатъ молодыя квакерши; скромный нарядъ, ровный цвѣтъ лица монахини и непробудное чувство.

Идеалъ англійской жизни состоитъ въ томъ, чтобы съ юныхъ лѣтъ сдѣлаться самостоятельнымъ, жениться на бѣдной, имѣть много дѣтей, тратить свои доходы, трудиться безъ устали и поставить

своихъ дѣтей въ необходимость также трудиться, безпрестанно обогащать себя положительными знаніями, искать развлеченія отъ работы въ другой работѣ, отдохновенья въ путешествіяхъ,—словомъ, постоянно производить и пріобрѣтать. Другой жизни они не желаютъ ни для себя, ни для своихъ дѣтей. Подобное настроеніе я объясняю себѣ слѣдующими причинами: во-первыхъ, правомъ первородства, многочисленностью дѣтей, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ обязанъ самъ заботиться о себѣ и съ дѣтства свыкаться съ мыслью, что онъ самъ долженъ составить себѣ состояніе. Англичане не боятся хлопотъ, доставляемыхъ большимъ количествомъ дѣтей, и обязанностью трудиться для нихъ до глубокой старости; они заранѣе примиряются съ мыслью, что сыновья ихъ принуждены будутъ бороться съ нуждой, а дочери ѣхать, можетъ быть, въ Индію, или Австралію, чтобъ заработывать свой хлѣбъ. Вторая причина—климатъ; я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ его громадномъ значеніи. Шесть мѣсяцевъ здѣсь идутъ дожди, да и въ остальное время года дожди не рѣдки. Туманъ бываетъ такъ густъ, что иногда цѣлый день горитъ газъ. Подъ такимъ небомъ естественно, что идеаломъ англичанина дѣлается теплая, сухая квартира, комфортабельная обстановка, добрая жена и куча здоровыхъ дѣтей. Только этимъ онъ спасается отъ скуки. Въ такомъ климатѣ, требующемъ спиртныхъ напитковъ, мясной пищи, теплой одежды, искуственнаго свѣта и отопленія, положеніе бѣдныхъ классовъ ужасно. Живя въ Англіи, нужно имѣть 20,000 ф. ст. доходу или лишить себя жизни. Вотъ почему англичанинъ такъ страстно добивается богатства. По моему мнѣнію, оно необходимое условіе нравственности, образованія и вообще всѣхъ качествъ, дѣлающихъ человѣка джентльменомъ. Отъ этого онъ такъ много трудится; трудъ обращается для него въ привычку,—достигнувъ своей цѣли и не имѣя нужды въ личномъ трудѣ, онъ присоединяется къ сосѣду, къ своей общинѣ, къ своей ассоціаціи или къ государству и трудится для нихъ. „Трудись и помогай какому нибудь полезному дѣлу, иначе ты недостоинъ названія человѣка и не имѣешь права уважать себя"—говоритъ общественное мнѣніе въ Англіи, и этотъ новый двигатель очень важенъ и имѣетъ большое значеніе въ такой странѣ, какъ Англія, гдѣ идеи и убѣжденія усвоиваются съ большею осторожностью и обдуманностью, и вслѣдствіе чего гораздо тверже укореняются, чѣмъ въ другихъ націяхъ. Стойкость убѣжденій объяс-

няется отчасти и тѣмъ, что въ флегматическомъ темпераментѣ меньше противорѣчій живости и увлеченій, сбивающихъ съ прямого пути; меньше способности наслаждаться счастіемъ, и потому болѣе противодѣйствія соблазнамъ. Къ тому же чувство долга необыкновенно развито у англичанъ во всѣхъ слояхъ и составляетъ національную черту ихъ характера.

Бросимъ послѣдній взглядъ на типы. Англійскій бѣдный классъ необыкновенно выносливъ. Здѣшніе земледѣльцы, изнуренные, удрученные работой, напоминаютъ старыхъ извощичьихъ клячь. Безцвѣтные сѣроватые волосы висятъ жидкими прядями; ротъ полуоткрытъ отъ ослабленія мускуловъ, глаза безъ выраженія, человѣкъ двигается какъ автоматъ, и когда лице его воодушевляется, онъ кажется пробудившемся отъ непріятнаго сна. Истощеніе трудомъ особенно замѣтно на женщинахъ. Улыбка ихъ — когда онѣ улыбаются, та́къ грустна, что я отворачивался, чтобъ не видать ее.

Англичанки среднихъ и высшихъ классовъ замѣчательно образованы. Отличительная черта ихъ характера — это отсутствіе кокетства; онѣ лишены того чувства, которое заставляетъ женщину быть постоянно на сторожѣ и постоянно думать, что на нее обращено вниманіе. Въ нихъ мало женственности. Недавно я гулялъ съ двумя знакомыми дѣвушками. Онѣ, какъ козы, взбирались на крутыя горы, обѣ энергичныя и больше похожія на мальчиковъ; обѣ онѣ говорили по нѣмецки, но по французски еще не умѣли объясняться: „но вѣдь у васъ гувернантка", замѣтилъ я имъ. — „Да, но чтожъ дѣлать, когда мы такъ безтолковы", отвѣчали онѣ съ громкимъ смѣхомъ. Въ нихъ очевидно отсутствовало всякое желаніе казаться лучше, чѣмъ онѣ есть. Взрослыя, сформировавшіяся дочери богатаго джентльмена, онѣ по характеру еще дѣти. Позднее развитіе и отсутствіе свѣтскости порождаютъ много другихъ хорошихъ качествъ. Я лично убѣдился, какою полною свободою пользуются здѣсь дѣвушки; онѣ обращаются съ мущинами, какъ съ товарищами. Катаются верхомъ съ молодыми людьми, посѣщаютъ митинги и трактуютъ обо всемъ, безъ всякой задней мысли; ни одинъ фатъ не рѣшится относиться къ нимъ иначе, какъ къ сестрамъ, съ уваженіемъ. Въ Манчестерѣ мои два товарища француза обѣдали у знакомыхъ; вечеромъ ихъ попросили проводить двухъ молодыхъ дѣвушекъ, съ которыми они провели еще полчаса, весело

разговаривая, безъ всякаго смущенія или жеманства. Благодаря такимъ обычаямъ, самый грубый и развращенный человѣкъ сохраняетъ нѣкоторую поэзію и нѣжность чувствъ. Англійскіе путешественники возмущаются на континентѣ, видя какъ нагло заглядываютъ мужчины подъ шляпки и толкаютъ женщинъ на улицѣ. Въ богатыхъ и достаточныхъ семьяхъ дѣвушки свободно говорятъ на нѣсколькихъ языкахъ, читаютъ классиковъ, многія изучаютъ латинскій языкъ, чтобъ потомъ учить своихъ дѣтей или меньшихъ братьевъ; занимаются естественными науками — иногда со страстью; вообще обогащаютъ свой умъ наблюденіями. Такъ какъ въ Англіи очень немногія женщины могутъ разсчитывать на замужество, то для нихъ съ дѣтства стараются открыть какой нибудь источникъ существованія. Часто отецъ даетъ въ приданое дочери сумму, равняющуюся годовому доходу старшаго сына и еще обязываетъ жениха ея обезпечить невѣстѣ годовой доходъ въ 200, 400 ф. стер. Подобныя требованія очень затрудняютъ браки; къ тому-же въ Англіи считается необходимымъ условіемъ вступать въ бракъ по любви. Почти во всякомъ семействѣ есть незамужняя дочь, которая становится потомъ *теткой*, помогаетъ воспитывать дѣтей, завѣдывать какимъ нибудь отдѣломъ хозяйства, или дѣлается писательницей, артисткой. Извѣстно, какое множество женскихъ именъ встрѣчается въ англійской литературѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ пользуются европейскою извѣстностью. Онѣ пишутъ въ различныхъ сборникахъ, вступаютъ въ ассоціаціи, заводятъ школы для бѣдныхъ дѣтей. Каждая дѣвушка старается найдти занятіе, сообразное съ своими способностями, или развить какой нибудь талантъ, чтобъ предохранить себя отъ нужды или по крайней мѣрѣ отъ скуки. Изумительно, съ какимъ мужествомъ англійскія дѣвушки встрѣчаютъ свою трудную долю и начинаютъ учиться. Ни въ одномъ англійскомъ домѣ я не видалъ моднаго журнала, и меня увѣряли, что ни одна образованная женщина въ Англіи не станетъ читать такихъ пошлостей. Мнѣ попался въ руки номеръ „англійскаго женскаго обозрѣнія"; въ немъ были „письма и документы объ австрійской эмиграціи", „объ общественномъ образованіи во Франціи", и другія не менѣе серьезныя статьи; ни романовъ, ни описаній театровъ или модъ—ничего, кромѣ ученаго и серьезнаго. Во Франціи, въ журналѣ, предназначенномъ для женщинъ, вы неизбѣжно находите картинки модъ, выкройки, пустыя, ненужныя рукодѣлья, сантиментальные разсказы и на по-

слѣдней страницѣ корреспонденція редакторши съ подписчицами — образецъ глупости и пустоты. Не позоръ-ли для человѣчества, что его умъ можетъ переварить такую дрянь? Не желаете-ли узнать, о чемъ пишутъ въ журналахъ англійскія женщины? Вотъ вамъ статьи „о воспитаніи въ рабочихъ домахъ“, „о сельскихъ школахъ для бѣдныхъ въ Англіи“, „о преподаваніи въ низшихъ классахъ“, „статистика госпиталей“, „положеніе рабочихъ женщинъ въ Англіи и Франціи“. Большая часть этихъ писательницъ не замужемъ, многія изъ нихъ исполняютъ должности секретарей различныхъ обществъ; одно изъ такихъ обществъ доставляетъ работу женщинамъ, другое—обязано посѣщать рабочіе дома, третье—больницы. Всѣ названныя статьи—полезнаго содержанія; привычка преподавать въ классахъ, пренія, разговоры съ мущинами, серьезныя занятія, самостоятельный взглядъ на вещи не остаются безплодны. Женщины научаются наблюдать и разсуждать, вникать въ самую суть дѣла, знаютъ, какъ взяться за него. Кто читалъ англійскіе романы, тотъ знаетъ, какъ вѣрно англійскія писательницы обрисовываютъ характеры. Бывали случаи, что женщина, жившая постоянно въ деревнѣ и погруженная въ семейныя хлопоты, внезапно должна была, вслѣдствіе стѣсненныхъ обстоятельствъ, выступить на литературное поприще, и тутъ оказывалось, что она знаетъ сердце человѣческое не хуже какого нибудь профессора-психолога. Сравните съ этимъ нашу провинціальную пустоту и праздность скучающихъ женщинъ, жизнь нашей старой дѣвы, которая воспитываетъ чижиковъ, переноситъ сплетни изъ дома въ домъ, вяжетъ крючкомъ и ходитъ по церквамъ. Напрасно думаютъ, что англійскія писательницы непремѣнно педантки; я знаю многихъ изъ нихъ, онѣ очень милы и естественны, и обыкновенно живутъ семейною жизнью. Между ними есть двѣ—геніальныя; но одинъ извѣстный французскій артистъ, имѣвшій случай провести съ ними нѣсколько дней, даже не узналъ, что онѣ пишутъ; ни однимъ словомъ не обнаружили онѣ желанія говорить о себѣ, или о своихъ произведеніяхъ. Это во Франціи составилось такое убѣжденіе, что женщина, переставшая быть куклой, перестала быть и женщиной. Въ романѣ „Джонъ Галифоксъ“ чрезвычайно вѣрно изображенъ взглядъ англичанокъ на бракъ: въ немъ выставлена молодая дѣвушка, положительная, практичная, истая англичанка. Она не мечтаетъ о страстной любви, о сантиментальныхъ прогулкахъ, рука въ руку, при свѣтѣ луны; она хочетъ быть

помощницей, полезнымъ товарищемъ своего мужа въ его трудахъ, путешествіяхъ и предпріятіяхъ. Подобные примѣры мы видимъ въ мистриссъ Ливингстонъ и въ лэди Бэкеръ; одна совершила путешествіе черезъ всю Африку изъ одного края въ другой; другая достигла устьевъ Нила и едва не погибла. Изнанка медали — это ловля мужей. Несмотря на здоровые обычаи и условія англійской жизни, въ пустыхъ, свѣтскихъ характерахъ нѣтъ недостатка и въ Англіи. Многія молодыя дѣвушки злоупотребляютъ своей свободой, охотясь на жениховъ. У каждаго англичанина въ глубинѣ сердца таится идеалъ супружества; онъ мечтаетъ жить съ женщиной, которую изберетъ, имѣть дѣтей и свой собственный, замкнутый мірокъ; пока онъ не достигъ своего идеала, онъ скучаетъ и тяготится жизнью. Иногда ему приходится долго ждать, особенно если онъ младшій сынъ. Онъ получаетъ такъ мало, что не можетъ содержать семью и потому уѣзжаетъ въ Индію, Австралію, работаетъ изъ всѣхъ силъ, возвращается и женится. Англичане способны сильно и глубоко привязываться, слѣдствіемъ чего бываютъ тайныя страданія, семейныя драмы. Привычка къ молчаливой сосредоточенности дѣлаетъ то, что страсть достигаетъ до высшей степени; часто она ничѣмъ не кончается, потому что нѣтъ взаимности, или средствъ на содержаніе семьи, или разница общественнаго положенія слишкомъ значительна. Тогда влюбленный путешествуетъ, чтобъ разсѣяться, ѣдетъ на край свѣта, или сходитъ съ ума. Молодые люди пользуются такой свободой, что могутъ до свадьбы хорошо узнать другъ друга. Они видятся безъ всякаго присмотра иногда впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ. Когда молодой человѣкъ рѣшился жениться, онъ прежде всего обращается къ дѣвушкѣ и потомъ уже къ родителямъ.

Въ Англіи почти всегда приданое жены помѣщается къ душеприказчику, который беретъ на свою отвѣтственность и выдаетъ только доходы съ него, служащіе карманными деньгами жены, на которыя она должна одѣвать себя и дѣтей. Состояніе это составляетъ ея неотъемлемую собственность и остается неприкосновеннымъ, какія бы крушенія ни потерпѣло состояніе мужа. Эту предосторожность принимаютъ въ виду закона, въ силу котораго жена не имѣетъ ничего своего, все принадлежитъ мужу. Вотъ причина, побудившая Стюарта Миля такъ настойчиво возставать противъ подчиненности женщинъ. Въ Англіи законы, религія, обычаи ста-

вятъ женщинъ въ бо́льшую зависимость, чѣмъ въ другихъ странахъ и мужья часто злоупотребляютъ этимъ. Мужъ считаетъ себя въ правѣ ничего не говорить женѣ о своихъ дѣлахъ. Это неравенство нерѣдко ведетъ къ печальнымъ послѣдствіямъ: деспотъ-мужъ умираетъ; жена, которую всю жизнь держатъ въ невѣденіи, конечно, неспособна распутать дѣла, и замѣнить главу семейства. Бракъ пользуется въ Англіи глубокимъ уваженіемъ и общественное мнѣніе строго преслѣдуетъ нарушителей его. Примѣры прелюбодѣянія въ Англіи рѣже, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Англичане объясняютъ хорошее поведеніе своихъ женщинъ слѣдующими причинами: во-первыхъ, свободой, которою онѣ пользуются съ дѣтства и благодаря которой, рано узнаютъ людей и жизнь и теряютъ способность увлекаться мечтами. Во-вторыхъ, привычкой разсуждать, солиднымъ образованіемъ, богатствомъ свѣденій и впечатлѣній, дающихъ здоровую пищу уму. Въ-третьихъ, плодородіемъ англійскихъ женщинъ. Дѣйствительно, полная дѣтская дѣтей, съ полнымъ кортежемъ нянекъ и гувернантокъ, оставляетъ не много времени на сентиментальныя мечты. Прибавьте, что англійскія женщины проводятъ 8—9 мѣсяцевъ въ году въ деревнѣ, гдѣ у нихъ бездна занятій: собираніе коллекцій, чтеніе. посѣщеніе бѣдныхъ, преподаваніе въ воскресныхъ рабочихъ школахъ. Какихъ еще лучшихъ помощниковъ для нравственнаго принципа? Во Франціи, принципъ этотъ основанъ на чувствѣ чести, а въ Англіи—на чувствѣ долга; первое понятіе слишкомъ условно; идея долга гораздо опредѣленнѣе.

Англичанки вообще здоровѣе француженокъ и красота ихъ не нуждается въ прикрасахъ; я приписываю это благопріятнымъ гигіеническимъ условіямъ, въ которыхъ первыя воспитываются; нервы у нихъ крѣпче, темпераментъ спокойнѣе, выносливѣе. Англичанка не умѣетъ такъ, какъ француженка, поддерживать разговоръ въ своей гостинной; у нее нѣтъ столько такта, быстроты, гибкости ума, чтобъ разомъ примѣниться къ людямъ и положеніямъ, понять съ полуслова, заставить каждаго думать, что она дорожитъ его присутствіемъ, слегка польстить. Англичанка просто привѣтлива, гостепріимна; но разумѣется, свѣтская женщина, которая хочетъ, чтобъ домъ ея былъ любимымъ мѣстомъ свиданья всѣхъ замѣчательныхъ людей, должна обладать болѣе сложными качествами. Я видѣлъ забавный контрастъ въ этомъ родѣ въ Дьеппѣ, въ одномъ ресторанѣ. Мужъ-французъ, улыбающійся, хлопотливый, любезно суетился

около столовъ и, казалось, прислуживалъ изъ одного удовольствія прислуживать, между тѣмъ, какъ англичанка-жена, сухая, неподвижная фигура, ледянымъ тономъ, ломанымъ французскимъ языкомъ допрашивала всѣхъ уходившихъ послѣ обѣда: „заплатили-ли вы?“ Ей и въ голову не приходило, что вопросъ этотъ можетъ показаться оскорбительнымъ. Это не мѣшаетъ англичанамъ быть очень гостепріимными, хотя, быть можетъ, гостепріимство ихъ объясняется отчасти скукой.

Заглянемъ теперь въ ихъ домашнюю жизнь, начавъ съ прислуги.

Слуга получаетъ въ Англіи отъ 40—50 ф. стер. въ годъ, а если онъ не на хозяйскомъ столѣ, то ему прибавляютъ еще 12 шиллинговъ въ недѣлю. Обязанности каждаго слуги очень ясно распредѣлены, такъ что они не могутъ отговариваться незнаніемъ, или сваливать свое дѣло на другаго. Обыкновенно здѣшняя прислуга отличается хорошею нравственностью, исполняетъ свои обязанности добросовѣстно и все дѣлаетъ въ свое время, съ точностью и аккуратностью машины. Чувство долга царитъ и въ кухнѣ, и въ передней, какъ на кораблѣ, и въ мастерской, служа связывающимъ звеномъ между подчиненными и начальниками. Два обстоятельства еще болѣе облегчаютъ эти отношенія. Прислуга пользуется нѣкоторою независимостью и очень дорожитъ ею. Въ Лондонѣ есть служительскій клубъ — „Общество слугъ“, уставъ котораго воспрещаетъ служить долѣе двухъ лѣтъ въ одномъ домѣ, чтобъ сдерживать этимъ деспотизмъ хозяевъ. Для услугъ есть опредѣленные часы, остальнымъ временемъ прислуга вполнѣ располагаетъ и можетъ уходить со двора, оставивъ дома одного слугу. По воскресеньямъ хозяинъ дома исполняетъ обязанность каплана; члены семейства, гости и слуги собираются въ одну комнату и хозяинъ прочитываетъ небольшую проповѣдь и молитву.

Теперь я долженъ показать дурную сторону англійскихъ нравовъ. Въ обыкновенной жизни англичане необщительны; общественныя положенія у нихъ страшно разграничены, и вмѣсто того, чтобъ стараться сгладить эти границы, они все болѣе и болѣе ихъ увеличиваютъ. Такъ напримѣръ, положеніе гувернантокъ въ Англіи бываетъ иногда въ высшей степени тягостно. У всѣхъ гувернантокъ, которыхъ мнѣ случалось видѣть, какія-то окаменѣлыя лица, что особенно поражаетъ на лицахъ молодыхъ. Тонъ, походка, все у нихъ ненатурально, все какъ-будто приведено въ оборонительное положеніе. Онѣ сохраняютъ этотъ

видъ даже въ дружескомъ кружкѣ; привычка наблюдать за собой и сдерживаться такъ укореняется, что гувернантка становится особымъ типомъ, подчасъ даже непріятнымъ. Что касается до лакеевъ, то ихъ подобострастное почтеніе къ господамъ превосходитъ все, что мы видимъ на континентѣ. Непріятно смотрѣть на подобныя отношенія человѣка къ человѣку. Неравенство замѣчается даже между членами одной семьи. Молодой человѣкъ, даже въ пріятельской бесѣдѣ, называетъ своего отца *My governor*. И въ самомъ дѣлѣ, въ силу закона и обычая, отецъ естъ полновластный господинъ въ своемъ домѣ, какъ комендантъ въ своей крѣпости. Онъ можетъ лишать дѣтей наслѣдства, и мы уже видѣли, какъ подчинена ему жена. Неровное распредѣленіе наслѣдства не мало способствуетъ охлажденію между братьями; старшій получаетъ 200,000 ф. ст. годоваго дохода, меньшой же всего 5,000 ф. с., живетъ въ двухъ меблированныхъ комнатахъ, работаетъ цѣлый день; разница слишкомъ велика, чтобъ были возможны дружба и откровенность. Наконецъ, послѣдняя причина разъединенія—это независимость дѣтей; сынъ можетъ жениться, дочь выйти замужъ, безъ согласія отца, вслѣдствіе чего ссоры между родителями очень часты и нерѣдко длятся всю жизнь. Отецъ знаетъ, что сынъ можетъ оставить его, пойдти противъ него въ главныхъ случаяхъ жизни и потому говоритъ себѣ: „онъ вправѣ такъ поступать, такъ пусть же несетъ и всѣ неудобства этого права.“ Англичане удивляются, что во Франціи по нѣсколько семействъ живутъ иногда подъ одной кровлей, обѣдаютъ за однимъ столомъ. У англичанъ не бываетъ ничего подобнаго; у нихъ каждая семья должна имѣть свое отдѣльное хозяйство, или, если семьи живутъ вмѣстѣ, то строго разсчитываются. У англичанъ на первомъ планѣ—я. Каждый имѣетъ свой уголъ, куда не въ правѣ проникать ни отецъ, ни братъ, ни мать, ни сестра. Эта привычка къ сдержанности, отсутствіе короткости, даже съ близкими, ведутъ къ нѣкотораго рода стоицизму. Но вотъ оборотъ медали: сколько я могъ замѣтить, отсутствіе короткости порождаетъ, съ одной стороны, деспотовъ, съ другой—безгласныхъ, угнетенныхъ и эксцентриковъ.

Трудно заставить молодыхъ англичанъ разговориться о ихъ любовныхъ интригахъ; самый намекъ на этотъ предметъ оскорбляетъ ихъ; литература ихъ еще скромнѣе; нѣтъ романа, котораго нельзя было бы читать молодой дѣвушкѣ. Послѣ многихъ наблюденій и разговоровъ, я пришелъ къ слѣдующимъ заключеніямъ: сѣверные жители разви-

ваются позднѣе; чувства у нихъ также пробуждаются поздно. Англичане, вообще, застѣнчивы, а въ этомъ случаѣ—особенно; огромная конкуренція подстрекаетъ ихъ къ усиленной работѣ, потому что дѣло идетъ о карьерѣ; жизнь въ Англіи очень дорога; умъ настроенъ на одно—пріобрѣсти какъ можно болѣе денегъ, и воображенію некогда разыграться. Физическія занятія служатъ противодѣйствіемъ ему; чтобъ отдохнуть отъ этихъ занятій, они катаются на лодкахъ, верхомъ, на конькахъ, охотятся, ѣздятъ за границу, дѣлаютъ экскурсіи, поднимаются на вершины горъ. Молодой, богатый, не занятый англичанинъ всего мѣсяца три проводитъ въ Лондонѣ. Лондонскія удовольствія не такъ заманчивы, какъ парижскія; общественное мнѣніе въ Англіи менѣе снисходительно, а имъ очень дорожатъ. Гризетки, лоретки, „погибшія, но милыя созданья“ въ Англіи рѣдки, остается уличная женщина, отъ которой пахнетъ джиномъ, и къ которой чувствуешь сожалѣніе и отвращеніе. Замужнія женщины въ Англіи недоступны; что-же касается до такъ называемыхъ содержанокъ, то ихъ прячутъ гдѣ-нибудь въ загородныхъ домахъ, куда ѣздятъ съ субботы до понедѣльника. Дамъ полусвѣта, которыя такъ расплодились въ послѣднее время на континентѣ, въ Лондонѣ не много. Остается одинъ способъ удовлетворенія животныхъ инстинктовъ—способъ самый простой и грубый. Въ Страндѣ и Геймаркетѣ, на многихъ магазинахъ и домахъ, по наружности довольно приличныхъ, красуются вывѣски: „здѣсь отдаются постели“. Вечеромъ чинныя фигуры англичанъ входятъ и выходятъ изъ этихъ домовъ. Англичанинъ никогда не пойдетъ подъ руку съ публичной женщиной; онъ хранитъ въ тайнѣ свои прогулки въ подобныя мѣста,—прогулки, совершаемыя не для удовольствія, а для удовлетворенія животной потребности. Страсти здѣсь ужасны, и потому религія и общественное мнѣніе служатъ полезною уздой для нихъ; англичане поступаютъ благоразумно, казня такъ строго порокъ: чѣмъ большею опасностью грозитъ наводненіе, тѣмъ сильнѣе надо укрѣплять доки. Положеніе дѣвушекъ изъ бѣдной буржуазіи очень печально, личный трудъ не обезпечиваетъ ихъ существованія; имъ нужна помощь мужчины. Мнѣ говорили, что число такихъ дѣвушекъ въ Лондонѣ громадно; онѣ добровольно отдаются и не умѣютъ потомъ сойти съ этого пути; англичанки не обладаютъ ни складомъ ума и сердцемъ француженокъ, ни ихъ изобрѣтательностью и предпріимчивостью. Онѣ не умѣютъ откладывать и сбе-

регать, заставить купить себѣ какое-нибудь заведеніе, сдѣлаться бѣлошвейками, модистками, какъ француженки. Англичанки сознаютъ свое паденіе, считаютъ себя на вѣки погибшими, живутъ изо дня въ день, спиваются съ круга и умираютъ въ больницѣ.

IV.

Ознакомимся теперь съ системой народнаго обученія. Гэрро, Итонъ, Рэгби—главныя второклассныя учебныя заведенія, равняющіяся французскимъ лицеямъ. Въ нихъ воспитывается 500—800 учениковъ съ 13 до 17 лѣтъ. Возьмемъ за образецъ Гэрро. Это заведеніе частное, основанное не по инициативѣ государства, а на капиталъ, завѣщанный частнымъ лицомъ; училище это владѣетъ помѣстьемъ и небольшимъ доходомъ, всего въ 1,100 ф. ст. Помѣстьемъ управляютъ выборныя лица изъ сельской аристократіи, которыя, вмѣстѣ съ тѣмъ, получаютъ право дѣлать важныя измѣненія въ училищѣ и избирать его ректора. Но главный двигатель воспитательной машины—общество профессоровъ. Кромѣ преподаванія въ училищѣ, они даютъ столъ и квартиру ученикамъ, и если учениковъ не слишкомъ много, то они обѣдаютъ вмѣстѣ съ учителемъ и его семьей; въ противномъ случаѣ, ученики обѣдаютъ отдѣльно, подъ предсѣдательствомъ женщинъ учительской семьи. Въ одной комнатѣ помѣщаются по два ученика; старшіе имѣютъ отдѣльную комнату; при подобной обстановкѣ ученикъ находится какъ-бы въ родной семьѣ и не подчиняется казарменной дисциплинѣ. Гэрро окруженъ густою зеленью, передъ домомъ огромный лугъ для игры въ крикетъ. Я встрѣчалъ маленькихъ и большихъ учениковъ, въ городѣ и за городомъ, и по ихъ грязнымъ ботинкамъ можно было судить, что они ходятъ по болотамъ и повсюду, гдѣ имъ вздумается. Въ Англіи юность проходитъ на чистомъ воздухѣ, въ поляхъ, безъ особенно строгаго надзора, и подобное воспитаніе гораздо полезнѣе вліяетъ, какъ на здоровье и на умъ, такъ и на характеръ и воображеніе мальчика, чѣмъ воспитаніе въ нашихъ училищахъ, среди душной атмосферы городовъ. Въ Англіи, права человѣка уважаются и въ дѣтяхъ; отъ ученика требуютъ, чтобъ онъ присутствовалъ въ классахъ, на репетиціяхъ, являлся къ обѣду, былъ дома вечеромъ, въ назначенный часъ; но остальное время дня принадлежитъ ему; онъ можетъ проводить его, какъ хочетъ. Отъ ученика требуютъ одного, чтобъ онъ учился, — учился когда и гдѣ

онъ хочетъ, но чтобъ исполнялъ свою обязанность. Ученики гуляютъ по улицамъ, заходятъ въ лавки, отправляются за городъ, купаться, ловить рыбу, кататься на конькахъ, отыскивать гнѣзда. Они самовластно распоряжаются своимъ временемъ, своими деньгами; устраиваютъ завтраки, украшаютъ свои комнаты; я слышалъ даже, будто ихъ маленькое имущество продается за долги. Пользуясь самостоятельностью, они несутъ и отвѣтственность за нее. Забавно видѣть 12-ти-лѣтнихъ мальчишекъ, сознающихъ все свое человѣческое достоинство. Дѣти занимаются въ Англіи не болѣе 8 часовъ въ день. Гимнастика, игры, особенно крикетъ,—занимаютъ большую часть дня, и кромѣ того, два-три раза въ недѣлю, классы кончаются въ 12-ть часовъ дня, для того, чтобъ остальное время дѣти могли заниматься физическими упражненіями. Въ нихъ англичане полагаютъ свою славу. Каждое училище старается перещеголять другія и посылаетъ на состязаніе своихъ искуснѣйшихъ гребцовъ или игроковъ. Въ прошломъ году, Гэрро одержалъ побѣду надъ Итономъ и надѣется одержать также и въ нынѣшнемъ. Дѣйствительно, въ Англіи есть много молодыхъ людей, честолюбіе которыхъ направлено къ тому же, къ чему было направлено честолюбіе греческихъ атлетовъ; они питаются извѣстной пищей, не позволяютъ себѣ излишествъ ни въ столѣ, ни въ напиткахъ, и систематически развиваютъ свои мускулы. Подготовившись такимъ образомъ, они ѣздятъ на гонки, на состязанія въ игрѣ въ крикетъ, нетолько по Англіи, но даже и въ Америку. Въ этихъ играхъ лежитъ начало ассоціацій, повиновенія и дисциплины, такъ-какъ въ каждомъ союзѣ игроковъ въ крикетъ есть свой начальникъ. Дѣти и молодые люди образуютъ организованное общество, которое имѣетъ свои законы и своихъ начальниковъ. Начальники выбираются изъ высшаго класса, обыкновенно 15 человѣкъ изъ лучшихъ учениковъ всѣхъ классовъ. Они поддерживаютъ порядокъ, заставляютъ подчиняться правиламъ и вообще заступаютъ мѣсто нашихъ надзирателей; не позволяютъ притѣснять слабыхъ, примиряютъ ссорящихся, служатъ посредниками, когда завяжется какое-нибудь непріятное дѣло между маленькимъ ученикомъ и лавочникомъ, или крестьяниномъ; наказываютъ виновныхъ. Ученики управляютъ учениками и каждый въ свою очередь пользуется властью. Ученикъ уже въ школѣ учится подчиняться закону и власти, сознаетъ ихъ пользу и не возстаетъ противъ нихъ, не

смѣется надъ ними, какъ французскій школьникъ. Онъ понимаетъ, что свобода налагаетъ обязанности и готовъ подчиниться всѣмъ общественнымъ условіямъ и принять всѣ права и обязанности гражданина. Кромѣ этой общей подготовки, онъ имѣетъ еще и подготовку частную. Старшіе ученики образуютъ изъ себя „Общество преній", гдѣ они обсуждаютъ политическіе и нравственные вопросы; ректоръ училища занимаетъ въ этомъ обществѣ мѣсто почетнаго президента. Послѣ рѣчей молодыхъ ораторовъ, вотируются мнѣнія и заносится въ протоколъ краткій отчетъ о засѣданіи. Это настоящій парламентъ въ миніатюрѣ. Трое старшихъ учениковъ издаютъ обозрѣніе, подъ названіемъ „Тріумвиратъ", въ видахъ развитія въ товарищахъ любви къ отечеству и возбужденія сочувствія къ положенію страны. Журналъ этотъ консервативнаго направленія и трактуетъ объ англо-французскомъ союзѣ, о выборахъ, объ избирательномъ правѣ; слогъ напыщенный, много общихъ мѣстъ, но разсужденія не лишены здраваго смысла. Такъ, напримѣръ, въ статьѣ объ избирательномъ правѣ высказывается желаніе расширить его, но только до извѣстныхъ предѣловъ; авторъ взываетъ при этомъ случаѣ къ опытности своихъ молодыхъ читателей, которые, во время вакацій, бывали въ деревнѣ, знакомились съ поселянами, съ лавочниками, и могутъ судить, настолько-ли они умны и развиты, чтобъ пользоваться избирательными правами. Такимъ образомъ, сужденіе почерпается изъ фактовъ, основано на практикѣ, а не на теоріи. Я читалъ одинъ номеръ этого журнала и могу утвердительно сказать, что рѣдко наши ученики имѣютъ такія свѣдѣнія въ политикѣ. Но вотъ еще одна черта: вся англійская молодежь, или почти вся, религіозна. Вообще, въ Англіи разница между жизнью ребенка и взрослаго человѣка не велика; школа и жизнь—двѣ ступени одной лѣстницы; одна ступень ведетъ на другую. Англійскій юноша не выходитъ, какъ французскій, изъ замкнутой темницы, его не поражаетъ, не смущаетъ новая атмосфера. Онъ не только образовывалъ свой умъ, но въ тоже время изучалъ и жизнь. Его понятія уже сложились; въ 20 лѣтъ у него уже выработаны убѣжденія въ политикѣ и религіи; вкусы его опредѣлились и ему нечего колебаться: онъ знаетъ, на что употребить свои способности. Во всѣхъ отношеніяхъ, англійское воспитаніе превосходнѣе французскаго, лучше готовитъ къ жизни, лучше формируетъ характеры. Подобное воспитаніе даетъ нравственныхъ и физическихъ борцевъ,

со всѣми преимуществами, но также и со всѣми недостатками такой системы. Одна изъ самыхъ дурныхъ сторонъ ея — это чрезмѣрное физическое развитіе, въ ущербъ умственному. „У насъ—говорилъ мнѣ итонскій преподаватель — игра на первомъ планѣ, а книги—на второмъ"; всякій мальчикъ стремится сдѣлаться атлетомъ. Почти всѣ игры кончаются ранами и синяками, и всякій полагаетъ свою славу въ томъ, чтобъ какъ можно равнодушнѣе переносить ихъ. Каждый ребенокъ дѣлается борцемъ, боксеромъ; кулакъ — самое употребительное оружіе въ школѣ. Боксъ—это родъ дуэли, имѣющій свои законы. У каждаго изъ сражающихся по два свидѣтеля, которые вытираютъ имъ лица, подставляютъ свое колѣно вмѣсто кресла, для отдыха. Нападенія повторяются и продолжаются по получасу. Главное правило — биться, пока держишься на ногахъ; къ концу битвы, у бойцевъ глаза подбиты, щеки вздуты, губы разбиты. Къ сожалѣнію, и самая система обученія отличается такимъ же насильственнымъ характеромъ. Кромѣ такихъ наказаній, какъ увеличенные уроки, лишеніе отпуска, карцеръ, употребляются и розги. Довольно, если ученикъ былъ три раза записанъ на доскѣ, чтобъ его высѣкли. Во всѣхъ заведеніяхъ эту пріятную обязанность выполняетъ ректоръ. Во Франціи, ни одинъ надзиратель, за сто тысячь франковъ жалованья, не возьметъ на себя такую обязанность. По правиламъ, даже и старшіе ученики не изъяты отъ этого наказанія; но разумѣется, ему подвергаются только средніе и маленькіе. Странно то, что розги очень популярны среди самихъ учениковъ; въ Чертергозѣ, лѣтъ 50 тому назадъ, ученики, узнавъ, что сѣченіе хотятъ замѣнить штрафомъ, возстали противъ этого и кричали: „не нужно штрафовъ! да здравствуютъ розги!» Разумѣется, они на другой же день возобновили знакомство съ ними. Профессоры, съ которыми я говорилъ объ этомъ наказаніи, не считаютъ его унизительнымъ и находятъ, что оно развиваетъ стоическую твердость; боль служитъ, по ихъ мнѣнію, естественнымъ укрощеніемъ и тѣлесное наказаніе не считалось бы оскорбленіемъ, еслибы общественное мнѣніе не связывало съ нимъ понятія о стыдѣ. Но вотъ еще одна унизительная обязанность, возлагаемая на младшихъ учениковъ: они должны быть слугами старшихъ. Мѣстами этотъ обычай нѣсколько сгладился; но въ принципѣ, онъ еще сохраняется и по прежнему развиваетъ наклонность къ деспотизму, жестокости и грубости, которые и безъ того уже коренятся въ ан-

глійскомъ ребенкѣ. Каждый старшій ученикъ имѣетъ у себя по нѣскольку лакеевъ изъ младшихъ учениковъ, которые обязаны исполнять всѣ его порученія, убирать комнату, готовить завтракъ, будить въ назначенный часъ, присутствовать при играхъ и занятіяхъ своего патрона и переносить всѣ его капризы. Чтобъ внушить своимъ слугамъ повиновеніе, старшіе ученики обращаются съ ними очень жестоко; пощечины и пинки считаются лаской въ сравненіи съ другими наказаніями. Случалось, что старшіе такъ били своихъ маленькихъ слугъ, что тѣ по нѣскольку недѣль не были въ состояніи принимать участіе въ играхъ и другихъ занятіяхъ. Я привелъ здѣсь самыя мрачныя стороны англійскаго воспитанія; но англичане такъ неуклонно дѣйствуютъ на почвѣ реформы, что вѣроятно и эти темныя стороны скоро прояснятся. Однако даже и при этой увѣренности онѣ оставляютъ непріятное впечатлѣніе, потому что школа съ такимъ направленіемъ есть нѣчто вродѣ первобытнаго общества, гдѣ сила царитъ безконтрольно, тѣмъ болѣе, что притѣсняемые, изъ самолюбія, не хотятъ обличать притѣснителей.

Наука въ томъ видѣ, какъ ее преподаютъ въ англійскихъ училищахъ, не можетъ противодѣйствовать грубымъ вкусамъ; въ ней нѣтъ ничего увлекательнаго и ее выносятъ, какъ неизбѣжное зло; занятія большею частію техническія, а не научныя; она болѣе служитъ къ упражненію ума и памяти, чѣмъ къ пріобрѣтенію познаній и къ расширенію умственнаго кругозора. „По выходѣ изъ училища, говорили мнѣ англичане — мы должны переучиваться, или вѣрнѣе начинать съ начала и учиться, посредствомъ чтенія, философіи, исторіи, литературѣ, искуствамъ. Всѣ наши школьныя знанія ограничиваются греческимъ и отчасти латинскимъ языками.“ Теперь начинаютъ исправлять этотъ недостатокъ и расширять программу, но все же она еще слишкомъ узка и главнымъ предметомъ изученія остается Евклидъ и классическіе поэты.

Англичане сами сознаются, что привычка много тратить и неумѣнье довольствоваться небольшими средствами составляютъ ихъ національный порокъ. На субсидію, выдаваемую парламентомъ на первоначальныя школы, содержится всего 8,500 школъ, между тѣмъ какъ на ту же сумму во Франціи устроили бы не менѣе 25,000 школъ и дали бы образованіе 1,500,000 дѣтей. Въ Англіи же на эти деньги воспитываютъ всего 950,000 дѣтей. Арнольдъ вычислилъ, что содержаніе всѣхъ французскихъ школъ, со всѣми расходами по управленію, равняется

четвертой части того, что тратится на англійскія школы. Въ Оксфордѣ студенты проживаютъ по 300 ф. ст., когда 200 ф. было бы совершенно достаточно. Авторъ „Тома Брауна" разсказываетъ, что студентъ, у котораго была даровая квартира, тратилъ 75 ф., и на него всѣ смотрѣли съ презрѣніемъ. Въ другихъ государствахъ богачу-студенту и въ голову не приходитъ презирать своего товарища-бѣдняка. Въ Оксфордѣ находится 24 учебныхъ заведенія, одно отъ другого независимыхъ, и каждое изъ нихъ, среднимъ числомъ, получаетъ до 15,000 ф. ст. дохода, Въ Оксфордѣ 1,300 студентовъ, въ Кэмбриджѣ 1,100, въ Лондонѣ ихъ также не мало; но всѣ эти высшія заведенія существуютъ только для богатыхъ, для аристократовъ, потому что ученіе въ нихъ обходится очень дорого, отъ 200 до 300 ф. ст. въ годъ; и притомъ, даваемое въ нихъ образованіе—греческій, латинскій языки, чистая математика—составляютъ умственную роскошь и замедляютъ начало полезной карьеры. Въ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ коллегій, наказаніемъ служитъ штрафъ отъ пяти шилинговъ до одного фунта, въ другихъ—умственные уроки, чаще всего выговоры директора, лишеніе отпуска, временное и наконецъ совершенное исключеніе. Въ Оксфордѣ не бываетъ кутежей; университетскіе инспектора ходятъ по городу и могутъ искать студентовъ въ трактирахъ и въ публичныхъ домахъ. Студенты ѣздятъ кутить въ Лондонъ или въ сосѣднія деревни; но большею частію они очень нравственны; главный порокъ между ними—пьянство. Впрочемъ, въ настоящее время и этотъ порокъ уменьшился сравнительно съ тѣмъ, что было назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ. Университетскій курсъ продолжается три года. Англійскіе университеты похожи на клубы блестящей молодежи. Многіе разбогатѣвшіе отцы посылаютъ туда своихъ сыновей съ единственной цѣлью пріобрѣтенія выгодныхъ знакомствъ; бѣдные и не знатные студенты дѣлаются слугами богатыхъ, въ надеждѣ, что впослѣдствіи они помогутъ имъ составить карьеру. Самые обычаи университетовъ поддерживаютъ сословныя различія. Во многихъ коллегіяхъ, студенты-аристократы имѣютъ свой отдѣльный столъ, платье особаго покроя и пользуются всякими привиллегіями. Многіе студенты получаютъ на свои прихоти по 500 ф. ст. и кромѣ того пользуются большимъ кредитомъ. Они сорятъ деньгами изъ тщеславія; держатъ лошадей, собакъ, лодку, роскошно отдѣлываютъ свои комнаты.

Во Франціи страсти развиваются ранѣе, чему способствуютъ

многія обстоятельства: воспитанники постоянно сидятъ въ заперти; длинные часы скуки развиваютъ ихъ воображеніе; вредная столичная атмосфера проникаетъ въ ихъ заточеніе; разговоры со старшими и чтеніе распущенной литературы—довершаютъ остальнои. Молодой человѣкъ, выпущенный на свободу, встрѣчаетъ заразительные примѣры: бездну искушеній, всѣ удобства къ тому, чтобы развратиться втайнѣ и, вдобавокъ, общество, ко всему относящееся снисходительно. Десять лѣтъ такой жизни отнимаютъ волю, разслабляютъ характеръ и оставляютъ послѣ себя осадокъ горечи и пустоты. Человѣкъ извиняетъ себя тѣмъ, что нужно все узнать, все испытать; и дѣйствительно, узнаетъ жизнь; но какъ часто вмѣстѣ съ тѣмъ теряетъ энергію, душевную теплоту, способность къ здоровой дѣятельности и въ тридцать лѣтъ оказывается способнымъ лишь на то, чтобы сдѣлаться чиновникомъ или ростовщикомъ. Въ Англіи молодой человѣкъ не такъ легко развращается, потому что привыкъ къ свободѣ и не имѣетъ столько искушеній; притомъ же, мнѣніе общества и литературы въ Англіи гораздо строже. Два условія особенно противодѣйствуютъ разврату: во-первыхъ—ранняя любовь и ранняя женитьба, и во-вторыхъ—національная склонность къ физическимъ упражненіямъ. Любовь къ спорту служитъ отличнымъ исходомъ для сильной, здоровой юности; соперничество въ этомъ отношеніи очень развито. Въ каждомъ заведеніи имѣется своя лодка, восемь отборныхъ гребцовъ и опытный лоцманъ. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ правила англійскихъ университетовъ значительно измѣнились. Теперь студенты могутъ жениться и къ слушанію лекцій допускаются католики и диссиденты. Страсть къ состязанію въ играхъ и въ гонкѣ уменьшилась, неравенство между студентами стало менѣе замѣтно; во многихъ заведеніяхъ студентамъ не позволяется мотать. Оксфордъ перестаетъ быть аристократическимъ клубомъ, атлетической гимнастикой, духовнымъ англиканскимъ училищемъ; онъ на пути къ тому, чтобы сдѣлаться современной, свѣтской, либеральной академіей. Но въ Англіи, настоящее никогда не разрываетъ всѣхъ своихъ связей съ прошлымъ; учрежденія не падаютъ, а измѣняются и улучшаются, при помощи все новыхъ и новыхъ реформъ.

V.

Ознакомимся теперь поближе съ различными слоями англійскаго общества. Начнемъ съ нисшихъ. Въ бѣдныхъ общинахъ, котеджи или деревенскіе дома очень бѣдны. Это просто мазанки, обитыя дранью и покрытыя соломой. Внутренность ихъ состоитъ изъ узкой, низкой комнаты, съ тонкими перегородками и съ маленькими окошечками. Каково должно быть зимой, взаперти, съ большой семьей, въ такихъ двухъ комнаткахъ, гдѣ сушится мокрое бѣлье, дѣтскія пеленки, гдѣ печка дымитъ и воздухъ пропитанъ человѣческими испареніями! Женщины чахоточныя, изнуренныя частыми родами, носятъ на лицѣ печать крайняго утомленія. Въ одной изъ такихъ хижинъ жилъ поденщикъ съ семьей, состоявшей изъ жены и шестерыхъ дѣтей. Онъ нанимался въ работу на годъ или на полгода и получалъ по 12 шиллинговъ въ недѣлю; вышеописанная квартира стóитъ отъ 3 до 4 фунтовъ стерл. въ годъ. У рабочаго, къ которому мы зашли, было худое, вытянутое лицо, съ грустнымъ, приниженнымъ выраженіемъ. Спутники мои вѣжливо попросили у него позволенія войдти и представили ему меня, какъ французскаго джентльмена. Хозяева приняли насъ радушно; я замѣтилъ, что во Франціи я видалъ хижины гораздо бѣднѣе; но это, повидимому, нисколько не утѣшило бѣднаго рабочаго. Домикъ его былъ однако опрятный, съ хорошею желѣзною печкой. Тарелки съ голубыми узорами стояли на полкахъ въ отличномъ порядкѣ.

Я видалъ потомъ много такихъ домиковъ, и почти всегда, хотя въ одной комнатѣ, находилъ на полу коверъ; иногда комната оклеена обоями, на стѣнахъ гравюры въ рамкахъ; во всѣхъ домахъ имѣется Библія, иногда и еще кой-какія книги, духовнаго содержанія, или новые романы, или „объ искусствѣ воспитывать кроликовъ“ и т. п. Но главное, что я всегда находилъ въ нихъ, это—порядокъ: двери притворяются, ставни не сломаны, стекла цѣлы, на полу не стоятъ лужи, печки не дымятъ, полъ подметенъ, все прибрано. Вѣроятно, безпорядокъ и грязь въ этомъ климатѣ дѣйствуютъ вреднѣе, чѣмъ во Франціи и человѣкъ поневолѣ долженъ быть чистоплотнѣе, порядочнѣе и предусмотрительнѣе, какъ, напримѣръ, въ Голландіи. Въ деревушкѣ, гдѣ жило не болѣе 400 душъ, была однако маленькая гостинница, очень приличная и блиставшая чистотой; въ ней съ удовольствіемъ можно было остановиться и переночевать. Мы заходили къ плот-

нику, къ каретнику; они сидѣли за столомъ со своими семьями и пили чай съ хлѣбомъ и съ масломъ. Дома ихъ выстроены изъ краснаго кирпича и покрыты красной черепицей; около одного дома былъ довольно большой огородъ; комнаты немного низки, но воздуху довольно, мелкія стекла, сплоченныя свинцовыми ободочками, пропускаютъ много свѣта. Дорога, ведущая къ пристройкамъ, вымощена кирпичемъ. Въ нижнемъ этажѣ двѣ спальни, на окнахъ ни пылинки; полъ чистый, на платьяхъ ни одной дыры.

Какъ въ высшихъ классахъ, такъ и между ремесленниками и крестьянами, развита страсть къ комфорту и расточительности, забота о будущемъ не свойственна англичанамъ и, при первомъ несчастіи, человѣкъ попадаетъ на содержаніе прихода. Въ домѣ фермера, обрабатывающаго сто десятинъ земли, я былъ пораженъ совершенно голландской чистотой; даже въ Утрехтѣ и Амстердамѣ я не видывалъ ничего подобнаго. У этого фермера 12 лошадей великолѣпной породы и паровая молотилка; кромѣ того, онъ ежегодно продаетъ по 80 головъ откормленныхъ свиней. Наружность фермера серьезная, умная, рѣшительная; онъ не болтливъ, но и не угрюмъ; жена его повидимому хорошая, умная хозяйка.

Въ 12-ти миляхъ отъ этой деревни находится образцовая ферма. Она состоитъ изъ 15 или 20 низкихъ кирпичныхъ зданій, выстроенныхъ по самому экономическому способу. Образцовая ферма не должна дорого стоить, иначе ей не станутъ подражать. Выки, свиньи, бараны помѣщены каждый въ своемъ стойлѣ; стойла всѣ вычищены и воздухъ въ нихъ чистый; намъ показали образцовыя стойла съ рѣшетчатымъ поломъ. Животныхъ откармливаютъ впродолженіи 6 недѣль и они остаются, въ теченіе этого времени, безъ движенія. Здѣсь были все дорогія и рѣдкія породы; быкъ съ своимъ семействомъ привезенъ изъ Индіи и напоминаетъ буддійскую скульптуру. Паровыя машины для всѣхъ сельскихъ работъ, маленькая желѣзная дорога для подвоза пищи скотинѣ, которую кормятъ рубленой брюквой и толчеными бобами. При этомъ очень сложное земледѣліе, основанное на теоріи и опытѣ, безпрерывно улучшаемое и снабжаемое полезными орудіями. Мнѣ говорили, что ферма эта служитъ превосходнымъ образцемъ, и что семейная жизнь фермеровъ и крестьянъ можетъ дать мнѣ точное понятіе о положеніи этихъ классовъ.

Однако впослѣдствіи я убѣдился, по офиціальнымъ документамъ, что свѣдѣнія эти не довольно точны; зло гораздо зна-

чительнѣе, а бѣдность постоянно возрастаетъ. Въ земледѣльческихъ округахъ, недѣльный заработокъ состоитъ всего изъ 7 или 8 шиллинговъ. Слѣдуетъ прибавить, что крестьянинъ пускаетъ въ наймы жену и дѣтей, которыя полютъ цѣлыми толпами. Агрономія, развиваясь все болѣе и принимая видъ ученаго ремесла, вводитъ въ деревню бѣдность, монотонность, всѣ непріятности фабричной жизни. Дѣти чахнутъ, остаются неучами, развращаются; въ линкольнскомъ округѣ, изъ 400 домовъ 200 состоятъ изъ одной комнаты, въ которой вся семья спитъ въ повалку. Всѣ позднѣйшія свѣдѣнія убѣждаютъ меня, что здѣсь классъ земледѣльцевъ-не арендаторовъ самый несчастный и невѣжественный. По развитію и уму между крестьянами и рабочими такая разница, какъ между рабочими и учеными. Люди, жившіе во Франціи, увѣряютъ, что французскій крестьянинъ гораздо развитѣе англійскаго; особенно хвалятъ они его умѣренность, привычку обходиться безъ посторонней помощи, рвеніе къ работѣ и привязанность къ землѣ. Англійскіе же крестьяне расточительны, неосмотрительны, вѣчно на содержаніи прихода, или богатыхъ крестьянъ. Если даже англійскій крестьянинъ и владѣетъ клочкомъ земли, то онъ не умѣетъ обработывать его и къ тому же земля здѣсь очень плохаго свойства, требуетъ хорошей обработки, удобренія и большихъ затратъ. Въ Дэвонширѣ и въ другихъ графствахъ, крестьянинъ получаетъ иногда отъ 8—10 шиллинговъ въ недѣлю. При такомъ ничтожномъ заработкѣ, имѣя семью, состоящую изъ 6—8 человѣкъ, трудно обойтись безъ частной или общественной помощи; крестьянка и вообще англійская женщина низшихъ классовъ не способна къ работѣ и нерѣдко не умѣетъ даже готовить кушанье; на обѣдъ покупается свѣжій хлѣбъ, масло, чай, окорокъ, что обходится дороже домашняго обѣда. Съ преобразованіемъ земледѣлія, привычки тоже измѣнились; лѣтъ 50 тому назадъ, мясо считалось роскошью у крестьянъ, и болѣе одного раза въ недѣлю они не позволяли себѣ такого лакомства, зимой же ѣли только солонину. Теперь же они и одного дня не могутъ обойтись безъ свѣжаго мяса. Несмотря на огромную производительность Англіи, въ мясѣ ощущается недостатокъ и его привозятъ изъ Даніи и Голландіи. Живущіе по деревнямъ фабричные рабочіе отчасти тоже существуютъ милостынею, но какъ ни велика частная благотворительность въ Англіи, однако и ее не хватаетъ на такую массу нуждающихся.

Здѣсь не только старинныя помѣстья переходятъ по праву первородства въ однѣ руки, но и разбогатѣвшая буржуазія старается пріобрѣсть землю, поселиться на ней и втерѣться въ мѣстную аристократію; на это преимущественно употребляются тѣ $2^1/_2$ милліарда сбереженій, которые ежегодно накопляются въ Англіи. Они идутъ скорѣе на обогащеніе богатыхъ, чѣмъ на облегченіе неимущихъ. Зато помѣщики служатъ естественными благодѣтелями и начальниками народа. Рѣдко можно встрѣтить землевладѣльца, который не отдавалъ бы безвозмездно своего времени и денегъ на пользу общинъ; они служатъ мировыми судьями, президентами комитетовъ и полезныхъ ассоціацій. Одинъ землевладѣлецъ открылъ безплатную школу, въ которой между прочими предметами обучаютъ пѣнію; въ школѣ есть фортепіано, даются концерты, самъ помѣщикъ поетъ съ дѣтьми, находя, что музыка имѣетъ хорошее вліяніе на нихъ, и съ этою цѣлью онъ даже посылаетъ учителя музыки по деревнямъ, для обученія ей дѣтей. Въ другой деревнѣ, помѣщики наняли коттэджъ изъ двухъ комнатъ, чтобъ устроить клубъ для крестьянъ и платятъ въ складчину за помѣщеніе, освѣщеніе, отопленіе, за содержаніе служанки при клубѣ, за книги и журналы, которые въ немъ имѣются. Но въ то же время, они стараются устроить такъ, чтобъ впослѣдствіи клубъ могъ существовать на ту плату, которую будутъ вносить посѣтители. Въ первой комнатѣ читаютъ, во второй играютъ въ шашки, въ шахматы, курятъ, разговариваютъ. Цѣль учредителей — отвлечь народъ отъ кабаковъ; они понимаютъ, что для этого нужно дать ему что-нибудь въ замѣнъ, сообразное съ его вкусами. Инстинкты и потребности нужно удовлетворять, но удовлетвореніе должно быть невинное и, если возможно, полезное. Напримѣръ, крестьяне не работаютъ по воскресеньямъ; дома же у нихъ холодно, грязно, темно — естественно, что они стремятся въ такое мѣсто, гдѣ всегда свѣтло и весело, т. е. въ кабакъ. Стало быть надо устроить для нихъ такой пріютъ, гдѣ вмѣсто джина имъ подавали бы чай, гдѣ время проходило бы пріятно и откуда они возвращались бы домой трезвые. Въ Англіи составилось общество, требующее, чтобъ по воскресеньямъ были открыты музеи, разрѣшены концерты и публичныя чтенія; такимъ способомъ вѣрнѣе можно уничтожить пьянство, чѣмъ проповѣдями. Помѣщики не только благотворятъ народу, но и обращаются съ нимъ внимательно и ласково.

Въ Англіи низшіе классы не завистливы, имъ и въ голову не

приходитъ завидовать и желать занять мѣсто богатаго джентльмена; они скорѣе способны смотрѣть на него, какъ на своего покровителя, гордиться имъ, особенно, если джентльменъ принадлежитъ къ старинной фамиліи, которая, впродолженіи многихъ поколѣній, живетъ въ данной мѣстности. Мнѣ случилось разговаривать въ вагонѣ съ лейбъ-гвардейцами: „Всѣ наши офицеры—джентльмены", съ гордостью говорили мнѣ эти колоссальные добряки. Они получаютъ по два шиллинга въ день и третья часть изъ нихъ женаты. „А ваши вдовы получаютъ-ли пенсію?" — „Нѣтъ, но частныя учрежденія помогаютъ имъ". Все это еще остатки феодализма: государь заботился о своихъ вассалахъ, а вассалы гордились своимъ государемъ.

Феодальный характеръ тѣмъ могущественнѣе въ Англіи, что и самое устройство ея сохранило феодальный отпечатокъ. Владѣльцы помѣщичьихъ домовъ, замѣняющихъ старинные замки, разыгрываютъ на новый ладъ роли древнихъ бароновъ. Въ каждомъ приходѣ, даже въ самомъ отдаленномъ, есть нѣсколько семействъ, имѣющихъ родовыя помѣстья, въ которыхъ они обыкновенно и живутъ, исполняя обязанности естественныхъ и признанныхъ покровителей. Въ Англіи нѣтъ такого пристрастія къ городской жизни, какъ во Франціи. Исключая большихъ городовъ, гдѣ сосредоточены торговля или фабричное производство, въ провинціальныхъ городахъ, напримѣръ въ Іоркѣ, живутъ только лавочники; цвѣтъ же націи, аристократія, живетъ по деревнямъ. Даже самый Лондонъ есть ничто иное, какъ огромное мѣсто для дѣловыхъ свиданій. Туда пріѣзжаютъ лѣтомъ, на 2—3 мѣсяца, чтобъ разсѣяться, повидаться съ друзьями или устроить свои дѣла. Но настоящее мѣстопребываніе англійскихъ богачей—ихъ country-seat: тамъ ихъ родина, ихъ кругъ дѣятельности; имъ извѣстны всѣ дѣла ихъ прихода. Они всегда исполняютъ въ немъ какую-нибудь должность и исполняютъ добросовѣстно. Они должны первые подавать примѣръ щедрости, какъ феодальный баронъ долженъ былъ идти первый подъ выстрѣлы. Одинъ землевладѣлецъ говорилъ мнѣ, что у него идетъ на подписки десятая часть его доходовъ, и у сосѣдей его точно также; прибавьте къ этому налогъ въ пользу бѣдныхъ, по 3 шиллинга съ каждаго фунта отъ поземельнаго дохода, а въ нѣкоторыхъ округахъ до 7 шиллинговъ. Покоряясь-ли закону, или добровольно, но только достаточные классы несутъ съ истиннымъ мужествомъ тягость общественной нищеты. Разумѣется, такое общество замкнуто и строго консерва-

тивно. Англичане, жившіе за границей, сознаютъ всю глупость и нелѣпость этой несчастной гордости и стоятъ выше ея, но въ остальныхъ она поражаетъ. Англійскіе аристократы увѣрены, что ремесленникъ, торговецъ, банкиръ, который цѣлый день долженъ думать о барышахъ и о заработкѣ—не джентльменъ и не можетъ имъ быть. У него нѣтъ такого образованія, такихъ идей, онъ не можетъ такъ выражаться. „О чемъ можетъ говорить купецъ, фермеръ, какъ не о своемъ ремеслѣ? Умъ грубѣетъ отъ грубыхъ занятій и грубыхъ привычекъ". Купецъ и ремесленникъ склонны къ эгоизму, чужды безкорыстія и широкихъ, возвышенныхъ взглядовъ, которые составляютъ будто-бы принадлежность только высшихъ классовъ; люди нисшихъ классовъ не могутъ будто-бы отрѣшиться отъ личныхъ интересовъ и думать объ общественномъ благѣ, а повелѣвать можно только при такихъ условіяхъ. Аристократы — властители своего края, они дѣлаютъ первый шагъ, чтобъ принять новаго владѣльца. Когда богатый человѣкъ покупаетъ землю, онъ не долженъ никого предупреждать своими визитами; если онъ уменъ, образованъ, съ хорошими манерами, словомъ — джентльменъ, то недѣли черезъ двѣ объ этомъ всѣ узнаютъ и сосѣди сами пріѣдутъ знакомиться съ нимъ. Но хотя они и примутъ новичка въ свое общество, все же онъ не будетъ пользоваться ихъ привиллегіями. Его не пошлютъ въ парламентъ и если онъ выступитъ въ кандидаты, то о немъ скажутъ: „это новичекъ, онъ не принадлежитъ странѣ. Онъ хотя и посаженъ на эту землю, но еще не пустилъ въ нее корней. Можетъ быть сынъ или внукъ его будетъ представителемъ, но не онъ самъ". Аристократія тѣмъ и сильна, что съ незапамятныхъ временъ живетъ въ данной мѣстности.

Я стараюсь хорошенько уяснить значеніе слова *джентльменъ*; оно повторяется безпрестанно и служитъ выраженіемъ многихъ чисто-англійскихъ идей. Для нихъ настоящій джентльменъ — это человѣкъ истинно благородный, честный, безкорыстный, достойный повелѣвать, способный подвергнуть себя опасности и даже принести себя въ жертву для пользы тѣхъ, представителемъ которыхъ онъ служитъ. Джентльменъ—человѣкъ честный и добросовѣстный; всѣ убѣжденія его здраво обдуманы, онъ поступаетъ хорошо, какъ по своей натурѣ, такъ и по принципу. Прибавьте къ этому англійскія черты характера: самообладаніе, неизмѣнное хладнокровіе, серьезность, исполненныя достоинства манеры, твердость въ несчастіи, полное отсутствіе хвас-

товства и афектаціи,—и вы получите лучшій образецъ джентльмена. Мы посѣтили семь или восемь зáмковъ, большихъ и малыхъ. Всѣ они красивы, а нѣкоторые роскошны. Вся обстановка въ нихъ отличается изумительнымъ комфортомъ. Ковры, клеенка устилаютъ домъ сверху до низу; клеенка снимается, моется и сохраняетъ ковры. Въ моей комнатѣ стоялъ столъ изъ дорогаго дерева, съ мраморной доской; на доскѣ лежалъ тростниковый поддонникъ; на поддонникѣ — графинъ съ стаканомъ. Книгу нельзя положить просто на столъ, для нея есть особенный пюпитръ. Подсвѣчникъ не простой, даже нельзя просто свѣчку задуть — она облечена въ стеклянный футляръ, съ механическимъ гасильникомъ. Другія мелочи еще замысловатѣе; даже не скоро догадаешься, для какого употребленія онѣ назначаются. Подчасъ находишь, что безъ этого комфорта гораздо удобнѣе. Во время путешествія, англичане нагружены такимъ множествомъ лорнетовъ, биноклей, зрительныхъ трубокъ, пальто, плэдовъ, чахловъ, непромокаемыхъ плащей, зонтиковъ, палокъ, нессесеровъ, мѣшковъ, книгъ, журналовъ, что на ихъ мѣстѣ я предпочелъ бы остаться дома. Страшно подумать, сколько англичане тратятъ на свой комфортъ.

Въ Англіи много историческихъ замковъ; любопытно видѣть, какія сокровища скопляются иногда въ одномъ семействѣ, благодаря праву первородства. Мнѣ показывали одинъ замокъ, гдѣ въ силу завѣщанія каждый владѣлецъ обязанъ ежегодно покупать на нѣсколько тысячъ фунтовъ стерлинговъ серебра; когда всѣ буфеты были набиты серебромъ, то рѣшено было сдѣлать серебряныя перилы у лѣстницы. Недалеко отъ Вудстока я видѣлъ замокъ, принадлѣжащій герцогу Мэльборо и напоминающій Лувръ. Замокъ этотъ былъ подаренъ націей знаменитому полководцу Мэльборо. Украшенія его очень затѣйливы. Многія залы высоки, какъ церкви; библіотека имѣетъ 100 футовъ длины. Въ домовой церкви стоитъ памятникъ родоначальнику. Въ одной галлереѣ висятъ фамильные портреты, въ другой — фарфоръ; картинныхъ галерей нѣсколько; паркъ простирается на двѣ тысячи миль въ окружности. Въ немъ великолѣпныя деревья, огромные пруды и роскошные мосты.

Право первородства имѣетъ очень много дурныхъ сторонъ, особенно въ дворянскомъ сословіи. Очень часто старшій сынъ, съ дѣтства испорченный лестью и баловствомъ, бываетъ дуракомъ или безпутнымъ мотомъ; онъ путешествуетъ, ничему не научаясь, привозитъ съ кон-

тинента однѣ дурныя привычки, слоняется безъ дѣла и скучаетъ. Еслибы аристократія не обновлялась талантливыми выскочками, то члены ея вскорѣ сдѣлались бы безполезными, ограниченными и даже вредными людьми, что и теперь уже случается. Неравенство ведетъ за собой печальные контрасты. Впрочемъ, мысль о неравенствѣ менѣе огорчаетъ младшихъ сыновей, чѣмъ мы думаемъ; они привыкли къ ней съ дѣтства и покоряются этому освященному вѣками обычаю, какъ необходимому закону природы. По своему характеру, англичанинъ не боится труда, а разумная гордость говоритъ ему, что гораздо почтеннѣе жить собственнымъ трудомъ, чѣмъ наслѣдственнымъ.

Но у этого обычая есть и хорошія стороны. Вотъ онѣ: какъ у богатыхъ, такъ и у бѣдныхъ англичанъ почти всегда много дѣтей. Англичане ни въ чемъ не умѣютъ себѣ отказывать; они хотятъ пользоваться всѣми удобствами, обращать на себя вниманіе и предпочтутъ скорѣе увеличить свои труды, чѣмъ сократить свои расходы. Вмѣсто того, чтобъ сокращать расходы, они все увеличиваютъ ихъ, и слава Богу, если сведутъ концы съ концами. Много трудиться и много расходовать—вотъ правило англичанъ. Младшіе сыновья обыкновенно отлично образованы; кромѣ общаго образованія, они получаютъ еще и спеціальное. Съ дѣтства пріученные разсчитывать на самихъ себя и сохраняя воспоминаніе объ отцовскихъ помѣстьяхъ, они считаютъ унизительнымъ для себя не нажить такого-же состоянія. Ихъ цѣль—сравняться въ немъ съ старшимъ братомъ. Какого-же лучшаго двигателя къ дѣятельности? Младшіе братья ѣдутъ въ Индію, въ Китай, въ Австралію и, нажившись тамъ, возвращаются въ Англію, чтобъ свить въ ней свое гнѣздо. Въ Лондонѣ есть кварталъ, который называется „Австралійскимъ“. Онъ населенъ людьми, составившими себѣ богатство въ Викторіи, въ Мельбурнѣ. Слабые погибаютъ при такихъ законахъ; но предпріимчивый умъ, энергія, всѣ силы человѣческой природы получаютъ полное развитіе. Человѣкъ крѣпнетъ въ борьбѣ, лучшіе элементы націи обновляются и золото волнами приливаетъ въ страну.

Рядомъ съ дѣльцемъ, ведущимъ дѣла, стоитъ священникъ, направляющій умы. Мы уже сказали, что Англія—страна религіозная. Въ ней на каждомъ шагу видишь библейскія черты. Такъ напримѣръ, по воскресеньямъ даже слуги увольняются и не прислуживаютъ за столомъ. Всякій прислуживаетъ себѣ самъ, какъ умѣетъ. Духовенство пользуется большимъ уваженіемъ. Всѣ священники считаются джентльменами и дѣйстви-

тельно бываютъ ими, если не по рожденію и состоянію, то по воспитанію. Опи большею частью получаютъ образованіе въ оксфордскомъ или кембриджскомъ университетѣ. Молодыя, набожныя дѣвушки хорошихъ фамилій охотно идутъ замужъ за пасторовъ. Я гулялъ съ однимъ священникомъ по деревнѣ; онъ заходилъ въ крестьянскіе дома, ласкалъ дѣтей, освѣдомлялся объ ихъ успѣхахъ, увѣщевалъ лѣнивыхъ, журилъ пьяницъ, говорилъ съ крестьянами объ ихъ дѣлахъ. Это наставникъ ихъ въ полномъ смыслѣ; жена его учитъ бѣдныхъ дѣтей, и къ нему и къ ней ежедневно приходятъ за помощью, или попросить вина, или какого-нибудь лакомства для больнаго.

Возвратившись въ Лондонъ, я тщетно старался собрать точныя свѣдѣнія на счетъ цифры капиталовъ и числа лицъ, составляющихъ аристократію. По словамъ Потера, въ 1841 г. въ Англіи и въ Валисѣ было 123,000 муж. и 322,000 ж., пользовавшихся независимымъ состояніемъ; въ 1861 г. народонаселеніе увеличилось съ 16,000,000 до 20,000,000; богатство также значительно возросло. Главную силу государства составляетъ богатая, могущественная и образованная аристократія; остальныя сословія имѣютъ второстепенное значеніе.

VI.

Французскіе государственные люди не разъ пытались перенести во Францію систему правленія Англіи и Соединенныхъ Штатовъ; иные увѣряли даже, будто потребуется не болѣе двухъ лѣтъ, чтобъ пріучить французскій народъ къ этой системѣ. Но тѣ, кто говорилъ это, забывали, что у каждаго государства, какъ и у каждаго человѣка, есть свой организмъ, который другіе не могутъ усвоить себѣ, а могутъ только подражать его внѣшности. Подъ хартіями, учрежденіями, законами кроются убѣжденія, привычки, характеръ народа, положеніе его различныхъ классовъ, ихъ взаимныя отношенія,—словомъ, глубокіе корни подъ видимыми вѣтвями; эти корни питаютъ и поддерживаютъ дерево. Посадите дерево безъ корней,—оно завянетъ и упадетъ при первой бурѣ. Мы удивляемся прочности англійскаго государственнаго строя, забывая, что онъ держится и распускается отъ множества живыхъ нервовъ, которые пустили корни по всему пространству государства. Предположимъ въ Англіи революцію; предположимъ полное и внезапное уничтоженіе

обѣихъ палатъ и королевской фамиліи: верхушка будетъ снесена, остальное-же останется неприкосновеннымъ. Въ каждой общинѣ есть семьи, около которыхъ группируются другія семьи; есть аристократы, естественные начальники, дающіе направленіе; имъ довѣряютъ, за ними идутъ; люди эти заранѣе намѣчены по своему званію, богатству, заслугамъ, воспитанію и вліянію; рожденные быть генералами, они соединяютъ разбѣжавшихся солдатъ и мгновенно образуютъ арміи, въ противоположность Франціи, гдѣ буржуа и работникъ, дворянинъ и крестьянинъ, въ вѣчной враждѣ между собой, гдѣ фракъ и блуза не довѣряютъ другъ другу, гдѣ начальники— чиновники, орудія чужой воли, непризнанные, временные, которымъ оказываютъ только наружное повиновеніе, но не искреннее довѣріе: ихъ терпятъ, но не признаютъ. Напротивъ того, англійское правительство непоколебимо, потому что имѣетъ законныхъ представителей. Надо хорошо вдуматься въ это, повидимому, простое слово, чтобъ понять его значеніе. Представителю дается власть изображать собой извѣстное лицо или общество т. е. дѣлать это лицо или общество *присутствующимъ* тамъ, гдѣ его нѣтъ; рѣшать, повелѣвать, исполнять его именемъ то, чего оно само, за отсутствіемъ, по недостатку требуемыхъ познаній, по неспособности или другимъ причинамъ, не можетъ исполнить иначе, какъ передавъ свою волю другому человѣку. Въ общественныхъ дѣлахъ, также какъ и въ частныхъ, настоящій представитель есть тотъ, кому добровольно передается голосъ. При общей подачѣ голосовъ, большинство еще не доказываетъ полнаго соглашенія. Невѣжественный избиратель, принужденный выбирать между двумя списками, или двумя именами, о которыхъ онъ не имѣетъ своего личнаго яснаго понятія, не можетъ сдѣлать разумнаго выбора, а масса народа состоитъ почти изъ однихъ невѣждъ. 20,000 крестьянъ, рабочихъ, мелкой буржуазіи, идутъ къ урнамъ, какъ стадо барановъ; они знаютъ кандидатовъ только по слуху,— рѣдко по наружности. Иные вотируютъ на удачу, для нихъ все равно, тотъ-ли, другой-ли. Во всякомъ случаѣ предпочтеніе, которое они оказываютъ кому-нибудь изъ кандидатовъ, очень слабо и шатко; такіе избиратели не защитятъ своего избранника, если кто-нибудь вздумаетъ столкнуть его, и вотъ почему самое государство такъ шатко, у него нѣтъ корней. При первомъ поворотѣ общественнаго мнѣнія, при первомъ уличномъ возмущеніи, избранники падаютъ, уступая мѣсто другимъ, и когда случается подобное со-

бытіе, народъ опять повторяетъ: „Все равно, тотъ-ли, другой-ли“. Вотъ почему всѣ французскія учрежденія — республика, имперія, монархія—бываютъ только временныя и напоминаютъ собой декораціи, которыя попеременно украшаютъ пустую сцену и мѣняются, когда представленіе кончилось. Мы равнодушно смотримъ, какъ поднимаются, опускаются и исчезаютъ эти декораціи. Насъ безпокоитъ шумъ, пыль, непріятныя физіономіи хлопальщиковъ; но мы и этому покоряемся, какъ неизбѣжному злу. Каковы бы ни были наши офиціальные представители, хотя бы и выбранные народомъ, но они не служатъ выраженіемъ общественной воли; они не настоящіе представители, общество терпитъ ихъ не потому, что они лучшіе, а изъ боязни замѣнить ихъ еще худшими. Высшій классъ также не можетъ дать намъ представителей, потому что духъ равенства, который такъ сильно развитъ въ насъ, возмущается противъ знатности и богатства. Пройдетъ болѣе ста лѣтъ, прежде, чѣмъ мы будемъ въ состояніи подражать Сѣверной Америкѣ и имѣть настолько образованную демократію, чтобъ каждый рабочій или крестьянинъ обладалъ такимъ же политическимъ смысломъ, какимъ обладаютъ въ настоящее время учитель и деревенскій нотаріусъ. Въ ожиданіи этого времени, не мѣшало бы прибѣгнуть къ двойному голосованію, сначала—въ общинѣ и потомъ—въ главномъ городѣ округа. Въ Англіи, представительная система дѣйствительна и прочна потому, что между избирателями и представителями существуетъ естественная связь. Народъ желаетъ имѣть своими вожаками именно этихъ, а не другихъ людей; онъ не колеблется въ своемъ выборѣ, каждый приходъ или округъ имѣетъ своихъ кандидатовъ, извѣстныхъ каждому рабочему. Даже во времена *гнилыхъ мѣстечекъ* парламентъ служилъ выраженіемъ народной воли. Частыя реформы въ англійской избирательной системѣ совершенствуютъ ее, не измѣняя сущности. На первомъ планѣ все-же остается воля народа. Вотирующій и не вотирующій, рабочій и лавочникъ желаютъ имѣть предводителя изъ высшаго класса. Имѣютъ ли или нѣтъ эти сословія законное средство выразить свое одобреніе и направить его на то или другое лицо,—право одобрять выборъ все же принадлежитъ имъ. Все равно, ими или другими избранъ предводитель, но если они идутъ за нимъ, значитъ одобряютъ его, и такимъ образомъ положеніе избраннаго прочнѣе, чѣмъ во Франціи, гдѣ существуетъ прямая подача голосовъ. Члены парламента большею частью сознаютъ важность лежащихъ на нихъ обязанностей.

Многіе изъ нихъ пользуются своимъ каникулярнымъ временемъ собственно для того, чтобы побывать на континентѣ, во Франціи, Испаніи, Италіи, Германіи, освѣжить, провѣрить свои убѣжденія, и они дѣлаютъ это не одинъ, а пять, десять разъ. Они слѣдятъ за всѣми измѣненіями общественнаго мнѣнія, не отстаютъ отъ своего времени и пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе точнаго опыта. Какая бы черная точка ни показалась на политическомъ горизонтѣ,— въ Даніи, въ Польшѣ, въ Римѣ или въ Соединенныхъ Штатахъ— они уже тамъ и привозятъ оттуда точныя свѣдѣнія. Заграницей они знакомятся съ людьми извѣстными, спеціалистами, приглашаютъ ихъ къ себѣ, разбираютъ ихъ по ниточкѣ, часто записываютъ всѣ подробности своего разговора и, по возвращеніи, отдаютъ эти записки своимъ знакомымъ. Я видѣлъ подобныя рукописи и нахожу ихъ очень поучительными. Одинъ обозрѣваетъ наши фермы, осматриваетъ машины, скотъ, обогащаетъ себя цифрами и потомъ издаетъ или читаетъ цѣлое сочиненіе о состояніи сельскаго хозяйства во Франціи. Другой обозрѣваетъ фабрики въ Парижѣ, а жена его посѣщаетъ ремесленныя школы.

По примѣру государственныхъ людей, почти всѣ достаточные и богатые люди въ Англіи поступаютъ такимъ же образомъ. Я знаю семейства, получающія около 12,000 ф. годоваго дохода, изъ которыхъ они откладываютъ по тысячѣ франковъ на путешествія. Въ Англіи нѣтъ ни одного образованнаго молодаго человѣка, который не былъ бы на континентѣ; безъ путешествія воспитаніе считается неполнымъ. Многіе видятъ только внѣшность, но всѣ привозятъ какія-нибудь новыя идеи, или, по крайней мѣрѣ, отрѣшаются отъ грубыхъ предразсудковъ и ложныхъ понятій. Благодаря всѣмъ этимъ свѣдѣніямъ, общественное мнѣніе въ Англіи болѣе просвѣщенно и разумно, менѣе несостоятельно въ политикѣ и болѣе доступно исправленію, чѣмъ въ другихъ странахъ. Государственные люди ведутъ націю надлежащимъ путемъ и потому ихъ поддерживаютъ и поощряютъ. Англичане справедливо гордятся своимъ *selfgovernement*. „Мы сами устраиваемъ свои дѣла, не дожидаясь вмѣшательства государства“, говорятъ они.

Развитіе частной предпріимчивости въ Англіи по истинѣ изумительно. Напримѣръ, въ 21 годъ, изъ 13,200,000 ф. стер., употребленныхъ на общественное образованіе, государство дало всего 4,200,000 ф. стер., остальное собрано по подпискѣ. Въ Англіи безчисленное множество обществъ, напримѣръ: „общество для спасенія утопающихъ“,

„общество распространенія знаній", „общество распространенія библіи", „исправленія порока", „покровительства животныхъ", „уничтоженія священнической десятины", „общество для постройки хорошихъ домовъ", „общество обращенія рабочихъ въ собственниковъ", „общество эмиграціи", „общество для основанія сберегательной кассы", „общество распространенія экономическихъ и соціальныхъ знаній", „общество трезвости", „общество хорошаго употребленія воскресныхъ дней", „общество для основанія школъ воспитательницъ". Стоитъ пройтись по улицамъ или заглянуть въ газеты, чтобъ убѣдиться, какъ много такихъ обществъ и какія есть между ними полезныя. Мнѣ говорили, что всѣ они ведутся умно и добросовѣстно. Англичанинъ не можетъ отрѣшиться отъ общественныхъ интересовъ. Онъ принимаетъ въ нихъ дѣятельное участіе, онъ не можетъ жить особнякомъ и считаетъ своею обязанностью приносить пользу человѣчеству.

Я присутствовалъ на митингѣ „общества воспитанія и образованія молодыхъ бродягъ". Общество это содержитъ около 100 юношей отъ 13 до 20 лѣтъ; между ними есть осужденные и есть такіе, которыхъ бѣдные родители помѣщаютъ въ заведеніе этого общества, чтобъ оградить отъ сближенія съ мошенниками и недопустить сдѣлаться ворами. Мальчикамъ даютъ квартиру, одежду и пищу; ихъ обучаютъ шить башмаки, дѣлать игрушки, дѣтскую мебель, печатать. Дѣтямъ, принадлежащимъ ко второй категоріи, дозволено было образовать изъ себя духовный оркестръ, и они играли на дворѣ передъ началомъ митинга. Я всматривался въ ихъ лица: они мрачны и непріятны; одежда у нихъ особенная,—сѣрая съ голубымъ. Какъ бы ни было хорошо устроено исправительное заведеніе, но оно никогда не бываетъ пріятнымъ мѣстомъ. Содержаніе каждаго мальчика въ заведеніи обходится приблизительно въ 17 ф. стер. въ годъ, между тѣмъ какъ содержаніе преступника, среднимъ счетомъ, въ 75 ф. стер. Лондонскій воръ украдетъ не менѣе какъ на 300 ф. стер. въ годъ; стало быть гораздо выгоднѣе платить за бродягу въ исправительное заведеніе, чѣмъ оставлять его рости на свободѣ. Англійская благотворительность подкрѣпляетъ себя цифрами.

Изъ этого заведенія мы пошли въ воспитательный домъ, который помѣщается въ огромномъ каменномъ зданіи. Комнаты опрятны, съ хорошей вентиляціей. Здѣсь есть школа, отдѣленіе для младенцевъ, времен-

ный пріютъ, мастерскія; въ верхнемъ этажѣ помѣщаются дортуары дѣтей старшаго возраста. Днемъ койки поднимаются къ стѣнамъ. Въ мастерскихъ мальчики плетутъ корзины, дѣлаютъ маленькія модели изъ дерева для рисовальныхъ школъ. При мнѣ заставили воспитанниковъ пѣть и маршировать. Хорошо дѣлаютъ, что постоянно занимаютъ ихъ работами. Дѣти очень похожи на арестантовъ и лица у нихъ какія-то безпокойныя. Несмотря на то, что огромная зала наполнена ребятами, воздухъ въ ней чистъ. Почти всѣ дѣти одѣты довольно опрятно и въ башмакахъ. Маленькія дѣвочки носятъ на рукахъ грудныхъ дѣтей. Самыя послушныя и прилежныя надзираютъ за другими и получаютъ за это по нѣскольку пенсовъ въ недѣлю. Всѣхъ учатъ читать, писать, считать, пѣть и занимаютъ гимнастикой. Дѣвочки учатся шить у надзирательницы, молодой дѣвушки, милой, веселой, ласковой; она получаетъ 12 шиллинговъ въ недѣлю, а смотритель—25 шиллинговъ. Подобныя заведенія, въ бѣдныхъ кварталахъ, избавляютъ отъ страшной заразы. Въ 1856 г. число маленькихъ преступниковъ въ Англіи доходило до 10,194 человѣкъ, а въ 1866 г. оно понизилось до 7,850.

Въ лондонскихъ школахъ насчитываютъ 25,000 учащихся, а во всей Англіи—300,000 человѣкъ. Изъ учебныхъ заведеній, всего три существуютъ на счетъ правительства; всѣ остальныя содержатся частными лицами, которыя понимаютъ, что школа лучше полиціи охраняетъ безопасность жителей.

Въ Лондонѣ частная предпріимчивость ничѣмъ не стѣсняется. Недавно тамъ основано заведеніе, гдѣ женщины, пріѣзжающія въ этотъ городъ по своимъ дѣламъ, имѣющія удостовѣреніе въ хорошей нравственности, могутъ получать квартиру, столъ и даже пользоваться книгами. Другое заведеніе основано съ цѣлью предохранить бѣдныхъ молодыхъ женщинъ отъ искушеній. Имъ даютъ работу и жизнь сообща имъ обходится дешевле; каждая тратитъ не болѣе 10 ф. ст. Мы уже упоминали объ обществѣ распространенія библіи. Замѣтимъ, что это общество не даетъ книгъ даромъ, а продаетъ ихъ, на томъ основаніи, что купленными вещами болѣе дорожатъ. Учредительницы выбираютъ своими коммисіонершами бѣдныхъ женщинъ, потому что онѣ ближе къ народу и пользуются большимъ довѣріемъ; на этихъ женщинахъ лежитъ обязанность сближаться съ женами рабочихъ, собирать ихъ по вечерамъ, обучать шитью, хозяйству и распространять Библію.

Неустанная пропаганда служитъ самымъ дѣйствительнымъ сред-

ствомъ къ направленію общественнаго мнѣнія. Когда зародится укого нибудь хорошая идея, ее сообщаютъ друзьямъ и тѣ, если одобряютъ ее, даютъ денегъ, пишутъ въ газетахъ, стараются возбудить сочувствіе публики, открываютъ подписку. Идея получаетъ извѣстность; снѣжный шаръ катится, увеличиваясь; подкатывается къ парламентскимъ дверямъ, отворяетъ ихъ и проникаетъ въ парламентъ. Вотъ механизмъ реформъ, вотъ какъ дѣлаются въ Англіи дѣла; снѣжныхъ клубочковъ всегда бываетъ множество; иные разбиваются, но изъ остатковъ образуются новые. Любопытно смотрѣть, какъ человѣческій муравейникъ упорно катитъ эти шары. Мы объясняемъ это рвеніе англійскою потребностью къ дѣятельности, остающимся избыткомъ энергіи отъ личныхъ дѣлъ. У людей богатыхъ и независимыхъ эта потребность находитъ себѣ исходъ въ путешествіяхъ, въ трудныхъ предпріятіяхъ. Миссъ Нантингэль не была заражена ханжествомъ и мистицизмомъ сестеръ милосердія, когда пріѣхала въ Крымъ заводить госпитали; двигателями у нея служили дѣятельный умъ и любовь къ человѣчеству.

Забота англичанъ о будущемъ проявляется совсѣмъ не въ томъ, въ чемъ она проявляется у французовъ. Англичанинъ предпочитаетъ не оставлять дѣтямъ наслѣдства, но дать имъ хорошее образованіе. Онъ скорѣе согласится больше работать, чѣмъ отказаться отъ путешествія; онъ охотно удѣляетъ часть своего времени и денегъ на то, чтобъ скрѣпить и улучшить общество, которое охраняетъ его самого и будетъ охранять его потомство. Человѣкъ, хорошо понимающій интересы, будетъ также заботливо крыть крышу общественнаго зданія, какъ и крышу своего частнаго дома.

Я посѣтилъ больницу св. Варфоломея. Это учрежденіе имѣетъ 40,000 ф. стер. дохода, не считая частныхъ приношеній. Многія больницы носятъ надпись: „Содержатся на частныя пожертвованія“. Совѣтъ собирается разъ въ недѣлю; казначей, которому такъ много дѣла, служитъ однако безплатно. Больныхъ 600 человѣкъ, а помѣщеній имѣется на 800. Зданіе очень обширно и заключаетъ въ себѣ библіотеку, разныя коллекціи и анатомическій музей. Сопровождавшій меня молодой врачь говорилъ мнѣ, что студенты могутъ во всякое время посѣщать больныхъ. Постели широки и стоятъ на большомъ разстояніи одна отъ другой. Чистота вездѣ замѣчательная и повидимому все въ этой больницѣ отлично устроено; кушанье готовится на газѣ; кромѣ палатъ для взрос-

лыхъ, есть особыя палаты и для дѣтей. Докторъ говорилъ мнѣ, что въ Англіи, отъ усиленной работы и джину сильно распространены сумашествіе и идіотизмъ.

Я осмотрѣлъ также и рабочіе дома (workhouses), которые, какъ всѣмъ извѣстно, имѣютъ сходство съ тюрьмой. Эти дома, въ соединеніи съ налогомъ на бѣдныхъ, составляютъ одну изъ характеристическихъ чертъ англійскаго народа, который считаетъ за правило, что несчастные, лишенные свободы, имѣютъ право на общественную помощь. Общество платитъ за нихъ, но запираетъ и эксплуатируетъ ихъ. Условія жизни въ рабочихъ домахъ непріятны для бѣдняковъ и они всѣми силами избѣгаютъ поступать туда. Въ томъ домѣ, который я видѣлъ, находилось около 600 стариковъ, покинутыхъ или безпріютныхъ дѣтей, мужчинъ и женщинъ, неимѣющихъ работы. Послѣднихъ было всего менѣе, не болѣе 40 женщинъ и 12 мужчинъ. Зимою число ихъ значительно увеличивается. Сверхъ того, это заведеніе выдаетъ пособіе и тѣмъ, кто живетъ на квартирахъ; на каждаго человѣка выдается отъ 3 до 4 шиллинговъ въ недѣлю. Мы прошли 60 или 80 большихъ и малыхъ комнатъ, въ которыхъ помѣщались прачешная, пивоваренная, булочная, мастерскія—столярныя, сапожныя, прядильни для льна, дѣтскія для младенцевъ, школа для дѣвочекъ, общія залы для стариковъ и для старухъ, мужская, женская и дѣтская больница, родовспомогательное заведеніе, отдѣленіе для сумасшедшихъ, спальни, столовыя, пріемныя, залы для прогулокъ и проч. Все это чисто и хорошо провѣтривается, но другіе рабочіе дома гораздо лучше видѣннаго мною. Дѣти имѣютъ здоровый видъ; но больные, сумасшедшіе и старики кажутся болѣе изнуренными, чѣмъ въ Италіи или во Франціи. Это приписываютъ климату и джину. Между прочимъ, я видѣлъ Пентонвиль, — тюрьму, гдѣ помѣщаются на испытаніе осужденные преступники. Они остаются здѣсь девять мѣсяцевъ и потомъ ихъ пересылаютъ по назначенію. Смотря по поведенію ихъ въ тюрьмѣ, наказаніе смягчается. Это удивительный—желѣзный—улей, отлично выстроенный и годный на выставку машинъ.

Я получилъ билетъ на смотръ волонтеровъ. Это также частное учрежденіе; англичане, понимая, что нужно имѣть войско на случай войны, идутъ въ волонтеры, экипируются и вооружаются на свой счетъ, безъ всякаго вмѣшательства и помощи центральной власти. Въ шесть мѣсяцевъ, у нихъ образовалось такимъ образомъ 130,000 чел. войска, а въ случаѣ надобности у нихъ найдется

200,000. Волонтеры ежедневно посвящаютъ полтора часа на военныя упражненія, а готовясь къ смотрамъ, употребляютъ на упражненія до 4-хъ часовъ въ сутки. Частныя приношенія на этотъ предметъ постоянно увеличиваются; сильные помогаютъ слабымъ. Одинъ герцогъ принималъ съ экстреннымъ поѣздомъ 2,000 своихъ рудокоповъ. Почти всѣ богатые и достаточные люди записаны въ волонтеры; ихъ клубъ называется: „За родной очагъ" (for hearth and home). Многія дамы покровительствуютъ ему. Смотръ происходилъ въ Гайдъ-Паркѣ. Новая милиція дѣйствовала очень хорошо. Солдаты одѣты просто, но практично; въ костюмахъ ихъ видимо имѣлось въ виду не щегольство, а свобода движеній. Это общество основалось вслѣдствіе необходимости въ усиленіи арміи.

Самоуправленіе, между прочими своими преимуществами, имѣетъ одно очень важное—это то, что оно приводитъ въ дѣятельность всѣ умственныя способности народа. Чѣмъ болѣе я наблюдаю и размышляю, тѣмъ болѣе убѣждаюсь въ томъ, что въ англійской правительственной системѣ служатъ пружинами не тѣ или другія учрежденія, но извѣстныя чувства, сильно укоренившіяся въ массахъ. Правительство это прочно, потому что общество глубоко чтитъ извѣстныя начала; оно дѣятельно и прогрессивно, потому что, за исключеніемъ этихъ началъ, остальное подлежитъ обсужденію, контролю и личной инициативѣ. Такое прочное зданіе можетъ выдержать всякія нападенія. Никакія рѣчи, митинги, союзы не могутъ пошатнуть его, и по этому критика имѣетъ право быть энергичной, настойчивой, даже рѣзкой. Прочность учрежденія допускаетъ полную свободу контроля, и надо сознаться, что контроль дѣйствуетъ неумолимо, не останавливаясь ни передъ чѣмъ; всякій внѣшній и внутренній вопросъ разбирается со всѣхъ сторонъ до самыхъ мельчайшихъ подробностей. Контроль доходитъ до грубости; онъ выражается надменно, жестко, наставительно, съ вѣчною холодною ироніей, съ обдуманною, сдержанною страстностью. Въ день моего пріѣзда въ Лондонъ я видѣлъ разнощиковъ афишъ, которые были увѣшаны афишами слѣдующаго содержанія: „Страшное нарушеніе народныхъ правъ! Лорды заносятъ въ бюджетъ, не спросясь согласія народа, налогъ въ 450,000 ф. стер. Сограждане! подавайте петицію!"

Я былъ въ Палатѣ Лордовъ. Членовъ присутствовало немного; говорятъ, что бываетъ по 5—6 членовъ, за исключеніемъ важныхъ засѣданій, когда они всѣ собираются. Впрочемъ, пренія совершенно

излишни, потому что мнѣнія каждаго изъ членовъ напередъ извѣстны. Мнѣ назвали главныхъ пэровъ; всѣ они баснословно богаты; у одного 220,000 ф. ст. дохода съ земель; у другаго 300,000 д. земли; третьему принадлежитъ цѣлый кварталъ въ Лондонѣ, и 1,000,000 ф. ст. доходу. Герцогъ Сотерлэндъ владѣетъ въ сѣверной Шотландіи цѣлымъ графствомъ того же имени. Присутствуютъ три епископа, въ бѣлыхъ одеждахъ; но вообще обстановка парламента невнушительна. Одинъ изъ лордовъ — точно старая дипломатическая машина; другой похожъ на стараго библіотекаря; министръ похожъ на умнаго стряпчаго. Въ числѣ молодыхъ пэровъ есть изящные денди, съ проборомъ черезъ всю голову, и есть бородатые, точно странствующіе прикащики. Манеры у нихъ просты, можно подумать, что это простые буржуа собрались въ своемъ клубѣ; они сидятъ въ своихъ цилиндрическихъ шляпахъ, говорятъ съ своихъ мѣстъ, безъ жестовъ, не громко, какъ въ обыкновенномъ разговорѣ.

Въ палатѣ Общинъ засѣдаютъ съ 10-ти часовъ вечера до полуночи. Тамъ безцеремонность идетъ еще далѣе. Зала полна; всѣ въ шляпахъ; у однихъ шляпа на затылкѣ, у другихъ надвинута на лобъ. Нѣкоторые въ пальто; почти всѣ сидятъ, развалившись на скамьяхъ; одинъ почти лежитъ, двое или трое разстегнулись. Они входятъ, выходятъ, разговариваютъ безъ всякаго стѣсненія; еслибъ они держали себя такъ въ какомъ нибудь клубѣ, то клубъ не пользовался бы репутаціей приличнаго. Подлѣ насъ помѣстились многіе лорды изъ Верхней палаты; всѣ они одѣты небрежно; одинъ богатѣйшій лордъ—въ потертомъ сюртукѣ. Въ залѣ водворилась тишина; въ ней такъ тѣсно, что писать на столѣ невозможно, члены пишутъ на колѣнахъ. Некуда даже поставить стаканъ съ водой, члены, вставая, ставятъ его на свою скамью. Каждый говоритъ стоя, около своего мѣста; жестовъ очень мало.

Выборы въ палату происходятъ не совсѣмъ чисто. Кандидатъ нанимаетъ цѣлый домъ, или гостинницу; привозитъ избирателей въ своей каретѣ, угощаетъ ихъ, подряжаетъ крикуновъ и ораторовъ, которые говорятъ за него въ кабакахъ, или подкупаетъ людей съ сильными кулаками, которые забрасываютъ противника яблоками. Подчасъ выходятъ шумныя, буйныя сцены. Выборы обыкновенно обходятся дорого. Парламентъ допускаетъ нѣкоторые расходы, и если сумма не превышаетъ 500 ф. ст., то это даже не считается подкупомъ. Нерѣдко партія дѣлаетъ складчину для этого предмета; бываетъ, что из-

держки доходятъ до 6,000 ф. ст. и болѣе. Для того, чтобы избиратель побезпокоился и пріѣхалъ на выборы, нужно дать ему что-нибудь положительное—мѣсто или обѣщаніе мѣста; нужно кормить его хорошими обѣдами, поить хорошими винами, а иногда предложить и деньги. Случалось такъ, что явныя издержки по выборамъ составляли 460 ф. ст., а тайныя 3,700. Но главная сила кандидата заключается въ его мѣстномъ вліяніи, богатствѣ, древности рода, долгомъ владѣніи землей и въ покровительствѣ, которое его фамилія оказывала жителямъ своей общины. „Въ Англіи—говоритъ одинъ романистъ, хорошій наблюдатель—люди слишкомъ расположены усвоивать себѣ мнѣнія людей высшаго полета, дозволять руководить собою". Во Франціи мы видимъ совершенно противное.

VII.

Въ Лондонѣ умъ и талантъ теряютъ 25 процентовъ. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ аристократія родовая или денежная. Артисты, писатели остаются на второмъ планѣ, исключая 5—6 особенно знаменитыхъ; ихъ принимаютъ въ общество, въ видѣ исключенія, какъ львовъ, какъ любопытное явленіе.

Заглянемъ въ «Punch» и сравнимъ его съ французскими каррикатурными листками. Въ Англіи вы не найдете ни одной каррикатуры на лоретокъ; у насъ онѣ безчисленны; мы дурно поступаемъ: лучше не показывать своихъ язвъ. Гаварни говорилъ: „Я ненавижу лоретокъ, потому что люблю женщинъ"; онъ на тысячу ладовъ подсмѣивается надъ кокотками, но онѣ такъ прелестны у него, что нечувствительно оставляютъ вредное впечатлѣніе. Вы не найдете также въ англійскихъ листкахъ ни одной каррикатуры на невѣрность мужа или жены; напротивъ, они изображаютъ только супружескую нѣжность. Вотъ напримѣръ: возвращеніе мужей домой въ субботу вечеромъ. Платформа покрыта женщинами, большею частью молодыми, съ радостными лицами; дѣти танцуютъ отъ удовольствія, какая встрѣча! Посмотрите, для контраста, тотъ же сюжетъ въ рукахъ французскаго художника: поѣздъ мужей, отправляющихся въ Трепоръ или въ Труваль. Вмѣсто незаконной любви, у нихъ любовь дозволенная даетъ цѣлый рядъ сюжетовъ, которыхъ наши живописцы и не касаются никогда. Многіе рисунки изображаютъ маленькія продѣлки молодаго человѣка и молодой

дѣвушки, которые, почти или совсѣмъ, порѣшили вопросъ о свадьбѣ.—На берегу моря, Теодоръ и Емилія сидятъ за выступомъ набережной, воображая, что ихъ никто не видитъ; Теодоръ, стоя на колѣняхъ, цѣлуетъ ручку Емиліи. Они забыли о подвижномъ оптическомъ зеркалѣ, которое уже давно наведено на нихъ, и въ которое смотритъ цѣлое общество. Насмѣшка добродушна; авторъ видимо желалъ бы быть на ихъ мѣстѣ. Онъ старается выставить ихъ въ лучшемъ видѣ, хорошо одѣтыми, хорошо воспитанными; его молодыя дѣвушки прекрасны, „Punch" въ восхищеніи отъ ихъ распущенныхъ бѣлокурыхъ волосъ. Замѣтьте, что у него все благопристойно: въ кавалькадахъ, на водѣ, въ вѣтреную погоду карандашъ его ничего не открываетъ; если онъ касается платья женщины, то лишь затѣмъ, чтобъ опустить его. По той же причинѣ и волокитство почтительно: обожатель держитъ платокъ, сморкаетъ маленькаго братца; онъ не побѣдитель, онъ скорѣе побѣжденный, дѣвушки бранятъ его и помыкаютъ имъ. Въ перспективѣ непремѣнно свадьба. Но вотъ и супруги; посмотримъ на семейныя картины. Въ нихъ нѣтъ горькой ироніи и отталкивающихъ сценъ; нѣтъ нахмуренныхъ буржуа, капризныхъ деспотовъ — дѣтей. Въ дѣтской шумъ: четыре мальчика и столько же дѣвочекъ играютъ въ солдаты, бѣгаютъ, барабанятъ, но какія розовыя щечки! Какой веселый этотъ народъ! Двѣ маленькія дѣвочки гуляютъ въ саду; онѣ пресерьезно просятъ свою бабушку попрыгать съ ними черезъ веревочку. Дѣвочка отыскала ножницы и преважно стрижетъ своего братишку, которому хочется быть такимъ же плѣшивымъ, какъ дѣдушка. Рожественскій вечеръ: въ большой залѣ, ярко освѣщенной и украшенной хмѣлемъ, дѣдушка танцуетъ визави съ своей шестилѣтней внучкой, которая весело и съ плутовской ужимкой присѣдаетъ передъ нимъ. Во всемъ проглядываютъ прелести семейной жизни. Правда, у отца много хлопотъ: 6—8—10 человѣкъ дѣтей, и ежегодно число ихъ увеличивается; отцу уже 50 лѣтъ, голова у него лысая, животъ изрядный, а дѣтей—какъ муравьевъ. Младшій только-что отнятъ отъ груди, и этотъ быть можетъ еще не послѣдній. Цѣлый полкъ тетущекъ, бабушекъ наполняетъ и безъ того полный домъ. *Pater familias* оттѣсненъ на лѣстницу и обѣдаетъ на ступеняхъ. У француза выступаетъ холодный потъ при одной мысли о подобномъ счастьи. Сколько возни съ такой семьей! Надо везти ее на воды, устроить ее, обо всемъ позаботиться: объ

обѣдѣ, о платьѣ, о воспитаніи, здровьи, объ удовольствіяхъ, а главное, о поддержаніи согласія и дисциплины. Въ самомъ дѣлѣ, подобная семья, съ придачей слугъ и служанокъ, составляетъ цѣлое государство и отецъ—начальникъ ея, судья, повелитель. Я видѣлъ въ деревняхъ семейства изъ тридцати человѣкъ хозяевъ и прислуги; прибавьте 20 крестьянскихъ дворовъ; двѣнадцать лошадей въ конюшнѣ; неподалеку ферму; при такихъ условіяхъ современный джентльменъ не многимъ отличается отъ своего предка — феодальнаго барона; конечно, это довольно рѣдкіе случаи; но и въ горожанинѣ и въ лондонскомъ отцѣ находишь черты той же власти. Онъ твердъ въ своемъ авторитетѣ, онъ на первомъ планѣ, не такъ какъ во Франціи; сознавая свою отвѣтственность, онъ управляетъ добросовѣстно. Вотъ, напримѣръ, онъ рѣшилъ ввести у себя леченіе водой; бѣдныхъ ребятъ облачаютъ въ длинныя рубашки и въ клеенчатые чепцы и ставятъ одного за другимъ, дрожащихъ, испуганныхъ, подъ холодный душъ. Подошла зима; нужно всему семейству крѣпкую экономическую обувь. Пришелъ башмачникъ, и подъ родительскимъ наблюденіемъ, дѣвочки, съ отчаяніемъ въ душѣ, надѣваютъ на свои ножки огромныя ботинки, подбитыя гвоздями. Родителю угодно провести нѣсколько дней на берегу моря, но подчиняться правиламъ гостинницы ему непріятно. Каррикатура изображаетъ его устроившимся на берегу моря; купальныя кареты служатъ спальнями, обѣдъ готовятъ на чистомъ воздухѣ; мамаша, тетушка, дѣти—всѣ принимаютъ участіе въ этомъ дѣлѣ; 20-лѣтній сынъ съ сигарою въ зубахъ чиститъ овощи. Отецъ, съ довольнымъ видомъ и насмѣшливою улыбкой, наблюдаетъ и руководитъ. Глядя на него, убѣждаешься, что онъ не привыкъ встрѣчать противорѣчіе. Его осанка, взглядъ, руки въ карманахъ, его важность, флегматическіе, медленные жесты, рѣдкія слова—все обнаруживаетъ въ немъ полное сознаніе своей законной, неоспоримой власти. Я согласенъ, что это фантазія, утрировка, каррикатура—все что угодно; но тѣмъ не менѣе, она поучительна; всматриваясь въ эти сцены, мы понимаемъ англійскую жизнь, понимаемъ, почему англичане, имѣя по полдюжинѣ дѣтей, умѣютъ такъ хорошо управлять ими. Вотъ еще своеобразные типы — англійскіе слуги. Классъ этотъ очень многочисленъ въ Англіи и въ каждомъ зажиточномъ семействѣ бываетъ много слугъ; поэтому художникъ часто выводитъ ихъ на сцену. Онъ рисуетъ непріятности ихъ положенія. Важная, гордая старуха съ

собачкой гуляетъ по парку, за ней идетъ лакей. „Джонъ!“—„Милэди?“—„Возьмите Бьюти—бѣдняжка устала“. Та же сцена между молоденькой дѣвушкой и ея горничной. У послѣдней уже двѣ собаки на рукахъ, а барышня говоритъ: „Паркеръ, надо-бы взять и Пуннети, онъ замочилъ ноги!“ Идетъ проливной дождь; скупой лордъ спокойно сидитъ въ своей каретѣ и спрашиваетъ своихъ лакеевъ, съ которыхъ вода льетъ ручьями: „Есть у васъ зонтики?“—„Нѣтъ, милордъ.“—„Ну, такъ снимите ваши шляпы и подайте ихъ мнѣ въ карету“. На основанiи нѣкоторыхъ фактовъ, я думаю, что во Францiи со слугами обращаются гуманнѣе, хотя и не окружаютъ ихъ такимъ комфортомъ, какъ въ Англiи; въ нихъ болѣе уважаютъ человѣческое достоинство, и ливрея не такъ унижаетъ ихъ. Во всемъ можно подмѣтить разницу между страной iерархической и страной равенства. Но художникъ изображаетъ и смѣшныя стороны лакеевъ. При господствѣ аристократическаго начала, каждое сословiе имѣетъ подъ собой сословiе болѣе низкое и гордится передъ нимъ, боится, чтобы его не смѣшали съ нимъ. Теккерей прекрасно изображаетъ эти черты. Въ Англiи онѣ такъ же развиты между прислугой, какъ и между господами, и нѣтъ ничего глупѣе лакейской гордости. Слуга объявляетъ лорду, что не хочетъ болѣе служить ему, потому что лордъ ѣхалъ на имперiалѣ омнибуса. Слуга изъявляетъ свое согласiе носить угли въ дѣтскую: „Если милэди проситъ меня сдѣлать въ видѣ одолженiя, то я буду носить; но надѣюсь, что милэди не приметъ меня за служанку“. Лакеи считаютъ себя джентльменами, потому что они хорошо одѣты, красивы, откормлены и пользуются комфортомъ. Они деликатны, берегутъ себя и желаютъ имѣть хорошiя манеры. Вотъ лакей въ коляскѣ, просматривающiй свою книжку съ замѣтками о пари. Другаго зовутъ ѣхать за каретой, но онъ отвѣчаетъ, небрежно развалившись: „Если милэди находитъ, что ѣхать не жарко, то пускай ѣдетъ, а я не поѣду, потому что мнѣ жарко!“ „Джэнъ“, говоритъ молодая женщина своей горничной, меня удивляетъ, что никто не всталъ, когда я вошла въ кухню“. Камеристка, поднявъ голову, надменно отвѣчаетъ: „Въ самомъ дѣлѣ, милэди? Мы тоже были удивлены, что вы пришли въ кухню въ то время, когда мы завтракали“. Но чтобъ судить, нужно видѣть эти фигуры, эти жесты, эту брюзгливую физiономiю старой служанки, которую за безобразiе никто не взялъ замужъ, эту важность, самодоволь-

ство, величіе и вмѣстѣ раболѣпіе лакея, который знаетъ, что онъ красивъ.

Удовольствія англичанъ бываютъ преимущественно атлетическія; стоитъ взглянуть въ альбомы, чтобъ убѣдиться, что страсть къ лошадямъ и опаснымъ охотамъ есть нѣчто національное. Надъ робкими и неловкими мужчинами смѣются такъ же, какъ и надъ знатными иностранцами, которые не находятъ удовольствія въ томъ, чтобы ломать себѣ шею. Англичанамъ съ дѣтства говорятъ: „ты долженъ быть мужчиной"; съ дѣтства вкореняютъ въ него убѣжденіе, что онъ не долженъ выказывать ни малѣйшей слабости; отъ него требуютъ смѣлости, предпріимчивости, его учатъ быть покровителемъ слабыхъ женщинъ. Крошечный мальчуганъ говоритъ толстой лэди, испугавшейся стада быковъ: „Не бойтесь, спрячьтесь за меня". Другой, 6-лѣтній, гарцуетъ на своемъ пони и кричитъ своимъ взрослымъ сестрамъ, которыя стоятъ на балконѣ: „эй вы, дѣвочки: если хотите покататься по морскому берегу, то я васъ провожу.» Старый деревенскій джентльменъ имѣетъ видъ откормленнаго борова, напоминающаго своего дѣдушку кабана. Надутый англійскій присяжный отправляется на засѣданіе; онъ видимо объѣлся, какъ животное, а жена суетъ ему въ карманъ еще разныя закуски. Какъ извѣстно, присяжныхъ не выпускаютъ, пока не кончится судъ и они не вынесутъ единогласнаго приговора; голодъ дѣлаетъ ихъ сговорчивѣе, потому что для англійскихъ желудковъ нѣтъ ничего ужаснѣе голода.

Вотъ въ главныхъ чертахъ портретъ англичанина: ребенкомъ онъ похожъ на толстыхъ мальчишекъ Рубенса, или скорѣе Іордана, вдобавокъ съ сердитой физіономіей бульдога; возмужавши, онъ дѣлается похожъ на мясника. Подъ 50 лѣтъ англичане сильно толстѣютъ, пріобрѣтаютъ большіе животы, короткія шеи, висячій подбородокъ, крѣпкія челюсти, словомъ у нихъ всѣ признаки сильно развитаго пищеварительнаго снаряда. Веселый или нахмуренный взглядъ изъ-подъ нависшихъ бровей и общее выраженіе лица обличаютъ сильную натуру и холерическій темпераментъ; при этомъ здравый смыслъ, благородство, стойкость, прилежаніе, словомъ всѣ качества характера, благодаря которымъ англичанинъ благоденствуетъ въ жизни и дѣлается если не пріятнымъ, то во всякомъ случаѣ полезнымъ.

Совершенно противоположенъ этому типъ англійскаго артиста. Извѣстно, насколько у французовъ артистъ стоитъ выше бур-

жуа; въ Англіи напротивъ: музыканты цѣнятся наравнѣ съ учеными обезьянами. Артисту-музыканту платятъ за то, „что онъ побрянчалъ въ гостиной“. Художники—народъ бородатый, непричесанный, дурно одѣтый, дурно воспитанный, ктому же съ претензіями. Еще не такъ давно англичанамъ нужно было доказывать, что ремесло артиста, художника, точно такъ же благородно, какъ ремесло адвоката. Это послѣднее дается въ Англіи безъ большаго труда; человѣку, никогда не изучавшему юридическихъ наукъ, довольно одного года практики у laweyr, чтобъ получить право заниматься адвокатурой. Въ Англіи всего шесть юридическихъ профессоровъ и выходные экзамены не обязательны. Спеціальной политехнической школы здѣсь тоже нѣтъ: кто желаетъ сдѣлаться инженеромъ, тотъ поступаетъ къ инженеру и учится, практикуясь, какъ маляръ у живописца. Отсутствіе предварительнаго теоретическаго изученія и высшаго систематическаго образованія составляетъ чисто національную черту англичанъ, для которыхъ главное—опытность и практика. Впрочемъ, прослѣдить цѣлый курсъ юридическаго права было бы очень трудно здѣсь. Въ Англіи нѣтъ собственно кодекса, а есть просто собраніе уставовъ и постановленій, вошедшихъ въ силу, часто противорѣчащихъ одно другому, такъ что юристъ долженъ примѣнять ихъ по своему усмотрѣнію. Нѣкоторые изъ законовѣдовъ—адвокаты, прокуроры, атторнеи,—получаютъ отъ 20,000 до 35,000 ф. ст. годоваго дохода. Какъ уголовные, такъ и гражданскіе процессы, рѣшаются съ участіемъ присяжныхъ; но они разсматриваютъ дѣло только съ фактической стороны, не касаясь юридической. Въ гражданскихъ дѣлахъ они участвуютъ по просьбѣ тяжущихся и получаютъ за это извѣстное вознагражденіе.

Я присутствовалъ при трехъ процессахъ въ вестминстерскомъ судѣ. Первое дѣло было о разводѣ, по просьбѣ жены; дѣла подобнаго рода перестали уже быть достояніемъ однихъ аристократовъ; теперь издержки по разводу не превышаютъ 25 или 30 ф. ст. Отчеты о разводахъ наполняютъ газеты и открываютъ интересныя стороны англійскихъ нравовъ; они приподнимаютъ завѣсу надъ деспотизмомъ и грубостью мужей, составляющими несчастіе англійскихъ браковъ. Здѣшніе адвокаты исполняютъ вмѣстѣ съ тѣмъ и обязанности судебныхъ слѣдователей. Во время засѣданія, они ходатайствуютъ, защищаютъ и въ тоже время допрашиваютъ и передопрашиваютъ каждаго свидѣтеля. Свидѣтеля допрашиваютъ защитники обѣихъ

сторонъ, стараясь сбить, спутать его, поймать на какомъ-нибудь противорѣчіи. Нѣтъ ничего непріятнѣе, какъ попасть въ свидѣтели предъ англійскимъ судомъ. Такимъ образомъ вся тягость процесса падаетъ на адвоката; судья только руководитъ допросомъ, контролируетъ и служитъ примирителемъ, какъ королева—примирительницей партій въ парламентѣ. Подсудимая сидѣла особо за рѣшеткою; она была изъ простаго класса и отвѣчала на всѣ вопросы твердо и обдуманно, но выражаясь по простонародному. Она видимо удерживалась, чтобъ не разрыдаться. Ей предложили вопросъ, не била-ли она мужа щипцами, не затѣвала-ли она сама ссоры съ мужемъ. Она наклонила голову, подумала съ минуту и потомъ съ увѣренностью отвѣтила: *нѣтъ, никогда*. Надо почитать отчеты уголовныхъ засѣданій, чтобы понять, какая высокая обязанность лежитъ на судьѣ и какъ свято она выполняется. Въ англійскихъ судьяхъ вовсе не проявляется желанія подставить ногу подсудимому, отмстить за общество; они не обнаруживаютъ инстинктовъ охотника, стерегущаго дичь. Англійскій законъ предписываетъ считать человѣка невиновнымъ, пока преступность его не доказана положительно. Согласно духу закона, судья произноситъ приговоръ съ убѣжденіемъ и безпристрастіемъ. Онъ не преувеличиваетъ значенія уликъ, не скрываетъ, что онѣ слабы. Выраженія его обдуманны и умѣренны. Но всякая хорошая вещь имѣетъ свою дурную сторону; въ силу англійскаго законодательства, виновный пользуется покровительствомъ, въ ущербъ обществу. Здѣсь очень трудно представить законныя доказательства виновности, и преступники часто остаются не наказанными.

Въ Англіи лучшее общество не посѣщаетъ театровъ, за исключеніемъ двухъ оперъ, гдѣ цѣны безумно высоки. Въ оперу ѣздятъ не иначе, какъ въ бальныхъ костюмахъ. Остальные театры посѣщаются простымъ народомъ и низшей буржуазіей. Оригинальныхъ пьесъ теперь въ Англіи не даютъ, а даются только переведенныя, или передѣланныя съ французскаго. Это удивляетъ меня; англичане—мастера подмѣчать и изображать характеры, которые такъ своеобразны у нихъ и стоютъ того, чтобъ ихъ выводили на сцену. Въ веселости и юморѣ у нихъ также нѣтъ недостатка.

Жизнь въ Англіи вообще не дорога, если умѣешь довольствоваться необходимымъ. Одинъ мой знакомый тратитъ всего 10 фр. въ день; его обѣдъ, состоящій изъ пива, ростбифа, картофеля, спаржи, пирога

и сыра, стоитъ два шиллинга; квартира состоитъ изъ двухъ комнатъ, очень чистыхъ и приличныхъ. Другой мой знакомый платитъ за хорошую комнату съ прислугой и завтракомъ по одной гинеѣ въ недѣлю. Подлѣ Реджентсъ-Парка можно нанять цѣлый домъ за 100 ф. въ годъ. Но для тѣхъ, кто желаетъ жить роскошнѣе, цѣны выростаютъ до громадныхъ размѣровъ. Всѣ предметы роскоши: опера, охота, изящная обстановка доступны только богатымъ людямъ, что служитъ новымъ разграниченіемъ между богатымъ и бѣднымъ. Пьянство страшно развито среди народа: на тротуарахъ часто валяются пьяные. Мнѣ говорилъ одинъ пасторъ, что изъ 10 рабочихъ—8 пьяницъ. Въ Лондонѣ они зарабатываютъ до 2-хъ ф. ст. въ недѣлю и, получивъ заработокъ, пьянствуютъ по 3—4 дня. Пьянство доводитъ ихъ до меланхоліи, до сумасшествія: понятно, что въ Англіи очень много обществъ трезвости и воздержанія.

Ихъ энергическая пропаганда приноситъ огромную пользу. Во многихъ улицахъ я видѣлъ картины, которыя издаются этими обществами; вотъ сюжетъ этихъ картинъ: Пьяница, искаженный и потерявшій человѣческій образъ, окруженъ чертенятами, которые по клочкамъ рвутъ его сердце и мозгъ; главный чортъ показываетъ ему бутылку джину, на которой написано: „My best spirit“.

VIII.

Чтобъ получить надлежащее понятіе объ англійской дѣятельности, нужно побывать въ главныхъ промышленныхъ городахъ; съ этою цѣлью я отправился въ Манчестеръ. Подъѣзжая къ нему, я увидѣлъ какое-то тяжелое, странной формы облако, стоявшее надъ городомъ. Подъ этимъ сводомъ поднимались, точно обелиски, высокія трубы и тянулась нескончаемая темная масса строеній. Это былъ настоящій кирпичный Вавилонъ. Вблизи Манчестеръ показался еще мрачнѣе; земля и воздухъ пропитаны туманомъ и копотью. Фабрики тянутся одна за другой; всѣ онѣ построены изъ темнаго кирпича, съ окнами безъ ставень, и похожи на огромныя тюрьмы. Глядя на нихъ, вспоминаешь о казармахъ, о рабочихъ домахъ на 400,000 чел., о тюрьмахъ для каторжниковъ. Одно изъ нихъ шестиэтажное, а въ этажѣ по 40 оконъ. Въ этомъ зданіи, при оглушительномъ шумѣ станковъ, при свѣтѣ газа, цѣлый день

стоитъ милліонъ людей, безмолвно двигающихъ машины; можетъ-л быть что нибудь болѣе ужасное, болѣе противное человѣческо природѣ? Къ 6-ти часамъ вечера, изъ мастерскихъ выходитъ шум ная толпа; мужчины, женщины, дѣти запружаютъ улицы. Всѣ он грязны, многія дѣти босикомъ; у всѣхъ изнуренныя, мрачныя фи гуры. Одни останавливаются подлѣ винныхъ погребовъ, другі расползаются по своимъ норамъ. Около предмѣстья настроены од нимъ обществомъ маленькіе домики. Темная улица вымощена же лѣзными опилками, дома низки, но по крайней мѣрѣ каждая семь у себя дома; туманъ въ предмѣстьи не такъ густъ, дома не ску чены такъ, какъ въ городѣ. Здѣсь живутъ любимцы судьбы, счаст ливчики.

Я былъ въ Манчестерѣ лѣтомъ, въ лучшее время года; ка кова же должна быть жизнь тамъ зимой, когда густой туманъ душитъ, поглощаетъ всю природу, когда чувствуешь, какъ тяго тѣетъ надъ человѣкомъ этотъ безжалостный климатъ и это ярмо— промышленность!

Жизнь владѣльцевъ фабрикъ или торговыхъ домовъ можн сравнить съ жизнью какого-нибудь владѣтельнаго принца. Дѣй ствительно, въ ихъ рукахъ такіе капиталы, такія большія пред пріятія, на нихъ лежитъ такая отвѣтственность, что они не усту паютъ владѣтельнымъ принцамъ ни въ значеніи, ни въ гордо сти. Они имѣютъ во всѣхъ частяхъ свѣта своихъ уполномоченныхъ и представителей, обязанныхъ слѣдить день за днемъ за состояніемъ и финансами всѣхъ близкихъ и дальнихъ странъ. Фабриканты содержатъ толпы рабочихъ и могли бы быть благодѣтелями милліоновъ людей. Они распоряжаются народнымъ трудомъ. *„Милліонъ“*, *„пол-милліона“* — вотъ самыя употребительныя слова въ ихъ разговорахъ. Они снаряжаютъ экспедиціи, чтобъ осмотрѣть какую-нибудь часть свѣта, отправляютъ товары въ Японію, въ Китай, въ Австралію, въ Египетъ, въ Ново-Зеландію; предпринимаютъ разведеніе овецъ, аклиматизацію чайнаго дерева, разведеніе хлопка въ какой-нибудь новой странѣ. Ихъ склады тканей можно сравнить съ вавилонскими монументами; одинъ такой складъ имѣетъ 102 метра длины; тюки поднимаются паровой машиной. На иной бумагопрядильной фабрикѣ 300,000 станковъ. По точнымъ свѣдѣніямъ о привозѣ сырья и о вывозѣ бумажныхъ издѣлій, манчестерскій округъ получалъ, впродолженіи двухъ лѣтъ, по 500,000,000

фр. въ мѣсяцъ чистаго дохода, и до сихъ поръ еще получаетъ по 250,000,000 фр. Капиталы здѣсь громадны, а во всемірной промышленной борьбѣ побѣда всегда остается за крупными капиталами.

Организація фабрикъ превосходна; рабочіе прилежны и повинуются заведенному порядку; управляющій исправенъ; въ назначенный часъ онъ уже на своемъ мѣстѣ; машины превосходны; можно безошибочно вычислить сумму ихъ производительности. Рабочіе, управляющій, машины, коммиссіонеры — всѣ дѣйствуютъ правильно, непрерывно, какъ будто хорошо заведенныя и подмазанныя колеса. Хозяинъ ежедневно проводитъ часа 4 въ мастерскихъ и въ своей кассѣ, — и этого вполнѣ достаточно. Дисциплина и исправность подчиненныхъ довершаютъ остальное. Но нищета бѣдныхъ классовъ въ этихъ промышленныхъ городахъ еще ужаснѣе, чѣмъ въ Лондонѣ; апогею нищеты представляетъ Бельфастъ въ Ирландіи, гдѣ вечеромъ, по выходѣ изъ фабрикъ, дѣвушки босикомъ, безъ рубашекъ, въ однихъ сѣрыхъ рабочихъ блузахъ, стоятъ на тротуарахъ, въ надеждѣ прибавить развратомъ хотя нѣсколько пенсовъ къ своему дневному заработку.

Вотъ два выдающіеся типа рабочихъ: одинъ—атлетъ, откормленный не въ мѣру, плечистый, мускулистый, неповоротливый. Говорятъ, это портеръ такъ сильно развиваетъ мускулы. Нельзя не удивляться, глядя на эти широкія спины, выпуклыя груди, мясистыя плечи. Иные буквально гиганты, пудовъ шести и болѣе; подобные типы чаще всего встрѣчаются на чугунныхъ заводахъ. Второй типъ—флегматикъ; онъ встрѣчается повсюду, но особенно на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ. Блѣдное лице, глаза тусклые, взглядъ неподвижный, холодный, движенія плавныя, медленныя, разсчитанныя. Люди этого темперамента не дѣлаютъ большихъ усилій, и потому слывутъ лучшими работниками; это машины, двигающія машинами. Французскій рабочій работаетъ первый часъ отлично, второй хуже, третій еще хуже, а послѣдній уже не дѣлаетъ ничего путнаго. Его мускульная сила ослабѣваетъ и въ особенности его вниманіе утомляется. Здѣсь же, напротивъ, рабочій работаетъ одинаково во всѣ часы, при томъ же робочій день состоитъ изъ 10, а не 12 часовъ, какъ у насъ. Въ Англіи потребно вдвое меньше рабочихъ, чѣмъ во Франціи, для производства одинаковаго количества работы. Но зато во Франціи рабочіе гораздо искуснѣе во многихъ ремеслахъ и обладаютъ болѣе тонкимъ и изящнымъ вкусомъ.

Не смотря на прочность англійскихъ произведеній, французы неохотно покупаютъ ихъ, единственно потому, что онѣ не изящны на видъ. Тонкость чувства и живость воображенія мѣшаютъ французу быть усидчивымъ, если работа монотонна; онъ не можетъ дѣйствовать какъ рабочая лошадь; онъ спѣшитъ, останавливается и увлекается фантазіей. На чугунныхъ заводахъ лучшіе рабочіе получаютъ отъ 33 до 35 шиллинговъ въ недѣлю; остальные отъ 15 до 20 шил. На бумагопрядильныхъ фабрикахъ мужчина заработываетъ отъ 16 до 28 шил. въ недѣлю, а женщины и дѣти—отъ 7 до 12 шил. Средній заработокъ взрослаго человѣка въ Ланкаширѣ состоитъ изъ 20 шил.; одинокій рабочій можетъ прожить на 10 шил. въ недѣлю; но если у него жена и 4 дѣтей, то онъ проживетъ не менѣе 30 шил.; доходъ не превышаетъ расхода и семья рабочаго едва сводитъ концы съ концами; въ случаѣ же какого-нибудь несчастія — болѣзни, потери мѣста—семья подвергается страшной нищетѣ. Только лучшіе и искуснѣйшіе изъ рабочихъ могутъ существовать безбѣдно. Положеніе рабочихъ классовъ особенно затрудняется слѣдующими причинами: дурнымъ климатомъ, вызывающимъ необходимость много тратить на топливо, освѣщеніе, мясо и спиртные напитки; огромной конкуренціей, принуждающей работать до истощенія силъ, чтобъ удержаться на своемъ мѣстѣ. При такихъ условіяхъ, надо много усилій, чтобъ удержаться на поверхности; при малѣйшей оплошности идешь ко дну, а дно здѣсь ужасно. Еще одна причина нищеты рабочихъ: ихъ плодовитость. У нихъ родится, среднимъ числомъ, отъ 4 до 6 дѣтей; есть семьи, въ которыхъ по 15 и даже по 18 дѣтей. До 10 лѣтъ ребенокъ только потребляетъ и ничего не производитъ. Если положить только по 4 ребенка на семью, оставшихся въ живыхъ, то нужно, чтобъ развитіе торговли удвоивалось черезъ каждыя 30 лѣтъ, или чтобъ половина народонаселенія эмигрировала. Затѣмъ остается еще рискъ потерять мѣсто,—рискъ, неизбѣжный въ ремесленномъ мірѣ. То какая-нибудь отрасль мануфактуры, на которую разсчитывали, падаетъ вслѣдствіе усовершенствованія ея въ сосѣдней странѣ, то фабрики закрываются по случаю голода, войны или перемѣны моды; то затѣвается стачка и сотни тысячъ рабочихъ остаются между небомъ и землей, безъ работы и безъ хлѣба; но самое ужасное несчастіе, какое можетъ постигнуть рабочаго — это страсть къ водкѣ, чему не мало способ-

ствуетъ и самый климатъ. Въ такомъ климатѣ человѣку необходимо согрѣться, оживиться, хотя на минуту забыть свою грустную, тяжелую жизнь. Всѣ эти причины, вмѣстѣ взятыя, лишаютъ рабочаго всякой возможности достигнуть благосостоянія, сдѣлаться самому купцемъ или капиталистомъ. Мнѣ говорилъ человѣкъ, вращающійся между рабочими болѣе 26 лѣтъ, что такихъ счастливцевъ приходится всего 5%; остальные умираютъ въ больницахъ, въ рабочихъ домахъ, или на попеченіи своихъ дѣтей. Вообще фабричная производительность истощаетъ народонаселеніе; такъ, напримѣръ, въ Манчестерѣ народъ гораздо слабѣе, чѣмъ въ новомъ городѣ Ольдгэмѣ. Большая часть англійскихъ рабочихъ работаетъ на фабрикахъ; къ земледѣлію также примѣнена фабричная система. Чтобъ сравнить положеніе англійскаго рабочаго съ положеніемъ французскаго крестьянина, нужно обратить вниманіе на ихъ нравы. Французскій крестьянинъ, воздержный, замкнутый въ своей узкой сферѣ, придерживающійся рутины, почти всегда владѣетъ клочкомъ земли, т. е. видимымъ капиталомъ, источникомъ жизни, обезпечивающимъ его спокойствіе. Къ тому же, сельскія занятія и вольное хлѣбопашество дѣлаютъ жизнь гораздо естественнѣе и непринужденнѣе. Но зато англійскій рабочій, особенно городской, гораздо развитѣе, онъ имѣетъ гораздо болѣе соціальныхъ, политическихъ, религіозныхъ свѣдѣній; его кругозоръ шире; онъ любознателенъ, слушаетъ разсужденія о серьезныхъ вопросахъ. Недавно какой-то путешествующій біографъ прочиталъ двѣ лекціи о Маколеѣ; цѣна за входъ была полтора шиллинга—и все же зала была полна рабочими. Въ Лондонѣ читались рабочимъ безплатныя лекціи о пользѣ геологіи. Умственному развитію рабочихъ способствуетъ еще и то, что они, попавъ въ этотъ громадный организмъ, чувствуютъ свою зависимость отъ другихъ и, вслѣдствіе этого, сближаясь съ своими товарищами, выходятъ изъ своей замкнутой жизни.

Мнѣ разсказывали, что нѣсколько лѣтъ назадъ 25 рабочихъ, имѣвшихъ каждый по 30 шилинг. сбереженій, вступили въ ассоціацію, чтобъ дѣлать машины. Сначала у нихъ не было никакихъ заказовъ, они условились тратить не болѣе 3 шиллинг. въ недѣлю, т. е. голодать съ семьей, но не покидать своего дѣла. Наконецъ, явился покупатель и заинтересовался предпріятіемъ, убѣдившись, что машина хороша. Это привлекло къ ассоціаціи публику и подняло ея кредитъ. Теперь она процвѣтаетъ. Двѣнадцать менѣе искус-

ныхъ членовъ отдѣлились отъ нея и основали отдѣльное общество, по своему собственному плану. Сначала они управляли своимъ заводомъ по очереди, теперь же избираютъ себѣ въ начальники одного изъ самыхъ искусныхъ рабочихъ, который ежегодно раздаетъ членамъ по нѣскольку фунтовъ стерл. дивиденду. Но большая часть барышей откладывается на расширеніе предпріятія, которое уже цѣнится теперь въ 5—6,000 фунт. стерлинг. Управляющій не получаетъ никакого вознагражденія, всѣ члены работаютъ или надзираютъ за работами въ мастерскихъ, ни одинъ не вышелъ изъ общества и не желаетъ сдѣлаться празднымъ буржуа. Въ тотъ день, когда я былъ въ Ольдгэмѣ, тамъ праздновалось основаніе ассоціаціи. Члены устроили процессію съ флагами и на одномъ изъ флаговъ были изображены портреты основателей, а по срединѣ всевидящее око, окруженное девизами, гласившими, что члены ассоціаціи не требуютъ ничего, кромѣ справедливости. Улицы были полны народа; дѣти и женщины бѣжали по сторонамъ и замыкали шествіе. Женщины здѣсь полныя и свѣжія; у нихъ прекрасныя, обнаженныя руки, широкія плечи, полная грудь, не красивое, но крѣпкое тѣлосложеніе, которымъ отличаются даже худощавыя. Онѣ стояли группами у дверей, въ то время, какъ мужья ихъ пировали.

Здѣсь, какъ и во всякомъ фабричномъ городѣ, цѣль всякой ассоціаціи — возвысить рабочую силу. Всѣ онѣ имѣютъ сношенія между собой и центральною конторою въ Лондонѣ. Если какая нибудь ассоціація вступаетъ въ стачку, то мѣстная касса помогаетъ членамъ ея, и сверхъ того ихъ поддерживаетъ также центральная касса, если коммисія находитъ причины стачки уважительными. Каждый рабочій обязанъ вносить еженедѣльно въ кассу по одному шиллингу и, кромѣ того, не имѣетъ права работать дешевле установленной платы. Зато въ случаѣ потери работы или болѣзни, рабочіе получаютъ помощь изъ общественныхъ суммъ. Каждую недѣлю собираются засѣданія, но пренія ихъ и постановленія сохраняются въ тайнѣ. Президенты, казначеи и другія должностныя лица баллотируются и не получаютъ никакого вознагражденія; каждый членъ въ свою очередь исполняетъ какую нибудь должность. Эти общества основаны на очень прочныхъ началахъ; капиталъ центральной кассы простирается до нѣсколькихъ милліоновъ, и ассоціація можетъ поддерживать рабочихъ, неимѣющихъ

работы, въ теченіи полугода и даже цѣлаго года. Рабочаго, который выйдетъ изъ общества или откажется вступить въ него, считаютъ измѣнникомъ; съ нимъ обращаются какъ съ зачумленнымъ; съ нимъ никто не говоритъ, ему не отвѣчаютъ; онъ осужденъ на нравственное одиночество.

Замѣчательно, что эти общества никогда не уклоняются отъ своей цѣли; цѣль же у нихъ одна: увеличеніе заработка. Они не касаются правительства, что непремѣнно случилось бы во Франціи. Это общества не политическія и даже не соціальныя; англійскіе рабочіе не утописты, они не мечтаютъ о пересозданіи общества, объ уничтоженіи процентнаго роста, объ отмѣнѣ закона о наслѣдствѣ, о равномъ распредѣленіи заработка, о принадлежности земли къ государству *). „У насъ этого ничего не бываетъ“—говорили мнѣ англійскіе фабриканты.—«Наши рабочіе не соціялисты; они понимаютъ политическую экономію, и главное—у нихъ слишкомъ много здраваго смысла, чтобъ гоняться за химерами: мы боимся стачекъ, а не соціальнаго переворота“.

Рабочіе въ Англіи находятся въ постоянной борьбѣ съ хозяевами; но борьба эта ограничивается спросомъ и предложеніемъ труда. На этомъ полѣ сраженія у каждаго есть свое оружіе—отказъ въ трудѣ; отказъ этотъ гибеленъ для обѣихъ сторонъ. Фабрикантъ раззоряется, рабочій голодаетъ; но тѣмъ не менѣе, обѣ стороны твердо отказываются, одна — принимать, другая — предлагать трудъ: эта борьба допускается закономъ, потому что въ ней исключается насиліе. Общественное мнѣніе остается при этомъ нейтральнымъ и рабочій долженъ расположить его въ свою пользу своимъ терпѣніемъ и благоразуміемъ. Но, разумѣется, не смотря на все это, отношенія между рабочими и капиталистами остаются ненормальными и рабочіе смотрятъ на хозяина какъ на своего естественнаго врага. Фабриканты, понимая, какъ эта непріязнь опасна для ихъ интересовъ, стараются смягчить ее, устроиваютъ сберегательныя кассы, въ которыя рабочіе могутъ помѣщать свои крошечныя сбереженія; строятъ или нанимаютъ дома, переходящіе, по системѣ погашенія, черезъ нѣсколько лѣтъ въ собственность рабочихъ; заводятъ воспитательные дома и ремесленныя школы для ихъ дѣтей. Фабриканты обязаны давать ежедневно мальчикамъ, работающимъ на ихъ фабрикахъ, два часа свободы для

*) Это писано нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

занятій въ школѣ. Всѣ эти филантропическія стремленія вытекаютъ изъ желанія уменьшить послѣдствія непредусмотрительности, которая — по словамъ фабрикантовъ—составляетъ главный порокъ англійскихъ рабочихъ. Животные инстинкты въ нихъ слишкомъ сильны; умъ пробуждается и пріобрѣтаетъ власть надъ этими инстинктами не такъ быстро, какъ у жителей юга. Нужно помогать ему пробуждаться, давать ему толчки для того, чтобъ онъ пробилъ покрывающую его кору; но, однажды пробудившись, англійскій умъ достигаетъ изумительнаго развитія и силы. Въ этой странѣ цивилизація болѣе необходима, чѣмъ во всякой другой.

Въ Манчестерѣ я нашелъ, между прочимъ, много любопытнаго въ Пильсъ-Паркѣ, большомъ, прекрасномъ паркѣ, устроенномъ въ центрѣ города, по частной инищіативѣ. Въ этомъ паркѣ помѣщаются библіотека и музей, въ которомъ, кромѣ очень порядочной картинной галлереи и коллекціи бабочекъ, змѣй, птицъ и пр., находятся залы съ различными иностранными и старинными матеріями, съ промышленными продуктами, хлопкомъ, пенькою, мареною, словомъ, съ цѣлымъ собраніемъ полезныхъ и любопытныхъ предметовъ. Сопровождавшій насъ богатый негоціантъ говорилъ намъ, что разнообразіе этихъ предметовъ, занимая зрѣніе рабочихъ, развиваетъ въ нихъ мысль; имъ необходимо разсѣяніе, и каждый часъ, который они проводятъ здѣсь, есть часъ, отнятый отъ кабака. Въ залахъ нѣтъ сторожей; ихъ охраняетъ общественная честность; никогда ни одна вещь не была украдена или испорчена, а посѣтителей бываетъ до 2,250 чел. въ день. Библіотека также основана на пожертвованія частныхъ лицъ и предназначена исключительно для рабочихъ. Въ ней 25,000 томовъ и сверхъ того получаются газеты; посѣтителей бываетъ до 10,000 въ мѣсяцъ. Подписчиковъ около 1,400; тѣ изъ нихъ, которые представляютъ двухъ извѣстныхъ поручителей, могутъ брать книги на домъ. Рабочіе преимущественно читаютъ біографіи Нельсона и Веллингтона и книги духовнаго содержанія. Нашъ провожатый говорилъ намъ, что среди рабочихъ есть много весьма образованныхъ; они собираютъ коллекціи и особенно любятъ заниматься естественными науками; въ нихъ замѣчается наклонность къ позитивизму. Они охотно читаютъ также политико-экономическія обозрѣнія и газеты. Надо отдать справедливость англійскимъ газетамъ: даже самые дешевые листки представляютъ много дѣльнаго. Еслибъ здѣшній рабочій не пьянствовалъ и занимался

чтеніемъ хотя по одному часу въ день, то онъ имѣлъ бы возможность достаточно образоваться.

Замѣчательны еще ремесленныя школы, которыя также основаны и содержатся на общественный счетъ. Въ нихъ воспитывается до 600 мальчиковъ и дѣвочекъ, старше 10 лѣтъ. Школа раздѣляется на два отдѣленія: въ одномъ учатся большею частью дѣти лавочниковъ, пріобрѣтающіе, за небольшую плату, познанія во французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, въ математикѣ, рисованіи и музыкѣ. Другое отдѣленіе безплатное. Въ немъ учатъ читать, писать, ариѳметикѣ и начальнымъ правиламъ рисованія; сюда ходитъ множество мальчиковъ и дѣвочекъ, одѣтыхъ въ лохмотья; ихъ посылаютъ фабриканты. Особенное вниманіе обращено здѣсь на черченіе и на элементарную математику. Въ высшемъ классѣ дѣтямъ отъ 13 до 16 лѣтъ объясняютъ шестую книгу Евклида; отъ нихъ требуется, чтобъ они понимали конструкцію машинъ. При школѣ имѣется обширная библіотека для учениковъ. Въ настоящее время во всѣхъ городахъ устроены такія школы, оказывающія, какъ говорятъ, очень благотворное вліяніе. Англичане пришли къ убѣжденію, что народъ нужно учить и что иначе съ нимъ трудно справляться. Религія помогаетъ имъ въ дѣлѣ образованія. Нельзя не удивляться разумному направленію этихъ заведеній и живой иниціативѣ частныхъ лицъ, которыя добровольно улучшаютъ положеніе государства, не прибѣгая къ нему за помощью. Англичане жертвуютъ много и съ пользой; не колеблясь принимаютъ на себя починъ въ хорошемъ дѣлѣ, не скупятся на деньги, не ждутъ, когда дѣло принесетъ плоды, а идутъ все дальше и дальше. Многое, чему мы подчиняемся, показалось бы имъ невыносимымъ; они ненавидятъ все, что напоминаетъ военную дисциплину и казармы. Такъ, напримѣръ, у нихъ на желѣзныхъ дорогахъ пассажировъ не запираютъ на станціяхъ, какъ стадо барановъ; они дожидаются поѣзда на тротуарѣ, подлѣ рельсовъ. Билетовъ на багажъ не существуетъ; всякій кладетъ свои вещи куда хочетъ и отыскиваетъ ихъ гдѣ можетъ. По просьбѣ кого-нибудь изъ пассажировъ и съ согласія остальныхъ, омнибусъ измѣняетъ свой обычный путь и идетъ по другой улицѣ.

Случается, что какой-нибудь фанатикъ принимается проповѣдывать на улицѣ; кричитъ, кривляется и собираетъ вокругъ себя толпу. Мальчишки смѣются надъ нимъ, передразниваютъ его, но никакая власть не вмѣшивается и 5—6 человѣкъ внимательно слу-

шаютъ проповѣдника. Англійскія власти считаютъ несправедливымъ останавливать человѣка, который никого не обижаетъ, а только пользуется правомъ высказывать свою мысль. *Self-help*—вотъ великое слово, понятное только въ Англіи; изъ этого слова проистекаютъ всѣ ассоціаціи, всякая свобода, между прочимъ и общинная. Манчестеръ управляется самъ собою и самъ избираетъ и содержитъ свою полицію; центральное правительство почти не вмѣшивается. И такъ повсюду въ Англіи. Общественное зданіе стоитъ на многихъ столбахъ, а не на одномъ, и потому внезапные перевороты, въ родѣ нашихъ революцій 1830, 1848 и 1852, въ Англіи не мыслимы.

Негоціантъ повелъ насъ въ большой загородный рабочій домъ. Зданіе это очень обширно и чисто содержится. Изъ оконъ видъ на поля, сады и рощи. Внутри огромныя залы, вышиною въ 20 футовъ. Повидимому, строители изъ тщеславія соорудили такое великолѣпное зданіе. Постели почти совсѣмъ чисты и накрыты одѣялами; старухи и увѣчныя одѣты въ бѣлые чепцы и новыя платья. Все предусмотрѣно. Повсюду чистый воздухъ и нигдѣ ни малѣйшаго зловонія. Въ этомъ домѣ есть отдѣленіе для умалишенныхъ и для идіотовъ; ихъ по нѣскольку часовъ занимаютъ работами, шитьемъ и проч., а въ свободное время они танцуютъ подъ звуки скрипки. Видъ у этихъ несчастныхъ вообще здоровый и веселый. Въ одномъ отдѣленіи помѣщается школа, въ которой старшіе ученики надзираютъ за младшими. Заведеніе это — настоящій дворецъ въ сравненіи съ жилищами бѣдныхъ. Манчестерскій или ливерпульскій рабочій, работая по 10 часовъ въ день, едва имѣетъ возможность ѣсть мясо одинъ разъ въ недѣлю; здѣсь же здоровый человѣкъ работаетъ всего 6 часовъ, и ѣстъ мясо 4 раза въ недѣлю; можетъ читать газеты, Библію, книги; дышетъ хорошимъ воздухомъ, любуется зеленью. Между тѣмъ, не смотря на всѣ эти удобства, въ минуту нашего посѣщенія, въ заведеніи не было ни одного здороваго человѣка; они прибываютъ только зимой. Когда рабочіе обращаются къ мѣстнымъ властямъ за помощью, имъ отвѣчаютъ: „Докажите, что вы можете работать,—ступайте въ рабочій домъ“. Девять десятыхъ отказываются. Отчего же происходитъ это? Сегодня, я видѣлъ старуху, которая вытаскивала изъ навозной кучи выброшенныя овощи; эта старуха, конечно, не согласится идти въ рабочій домъ, чтобъ не лишиться возможности напиваться. Ну, а другія? Мнѣ говорили, что

рабочіе всѣми силами стараются сохранить свой home и свою свободу, что они не выносятъ заточенія и подчиненія дисциплинѣ. Отецъ предпочитаетъ зрѣлище своихъ блѣдныхъ, бѣлобрысыхъ дѣтей подлѣ больной матери разлукѣ съ семьей и одиночному заключенію; ему кажется, что, переставъ быть главой семейства, онъ перестаетъ быть человѣкомъ. На рабочій домъ смотрятъ какъ на тюрьму и бѣдняки считаютъ за стыдъ попасть туда. Не слишкомъ ли деспотична и требовательна администрація въ этихъ заведеніяхъ? Конечно, ея вина, если человѣка считаютъ за машину, если его оскорбляютъ и унижаютъ, не сознавая того. Диккенсъ беретъ сторону бѣдныхъ и представляетъ жизнь въ рабочихъ домахъ съ ужасной стороны.

Съ 10 до 12 часовъ, мы, въ сопровожденіи двухъ знакомыхъ полисменовъ, путешествовали по кварталамъ, пользующимся дурною репутаціей. Въ Манчестерѣ считается 600 полисменовъ и каждый получаетъ около одного фунта стер. въ недѣлю. Наши провожатые называются *dedective* (сыщиками), на нихъ лежитъ обязанность отыскивать воровъ. Одинъ изъ нихъ служитъ въ Манчестерѣ 26 лѣтъ, другой служилъ уже во многихъ большихъ городахъ. Оба они люди серьезные, разсудительные. Они не представляются всевѣдущими, говорятъ мало и отвѣчаютъ точно. Ихъ неподвижныя, исполненныя достоинства фигуры и умное выраженіе лица внушаютъ довѣріе. Они подтвердили намъ объ отвращеніи бѣдныхъ къ рабочимъ домамъ, прибавивъ, что заведенія эти никуда не годны и только поощряютъ лѣность. Семейство рабочаго заработываетъ до 30 шил., а этого достаточно для прокормленія семьи съ тремя дѣтьми. Но большею частью рабочіе женятся рано, лѣтъ 18, и къ 30 годамъ имѣютъ уже съ полдюжины дѣтей; ктому-же они не бережливы и пьянствуютъ; жена—хорошая работница, но плохая хозяйка; когда рабочій умираетъ, его, обыкновенно, не на что похоронить. Мы осмотрѣли, между прочимъ, и ночлеги. Въ низкой, душной комнатѣ помѣщалось 4 или 5 занятыхъ кроватей. Цѣлая постель стоитъ 5 пенсовъ, а половина—2$^1/_2$ пенса. На одной кровати спалъ мужчина съ своей женой; мужчина былъ худъ и блѣденъ; женщина, изнуренная болѣзнью и желтая, походила на старую восковую маску. Въ одной кофейнѣ я видѣлъ человѣкъ 500 бѣдняковъ, скученныхъ на грязныхъ скамьяхъ, передъ эстрадой, на которой танцовали двѣ т(.)дія дѣвушки, одѣтыя въ розовыя газовыя платья. Цѣна за входъ

2 пенса; посѣтители пьютъ джинъ и курятъ; воздухъ, пропитанный человѣческими испареніями, невыносимъ. Затѣмъ мы пошли въ публичный домъ. Полисменъ говорилъ мнѣ, что населеніе этихъ домовъ обыкновенно поставляется фабриками. Женщины сидѣли въ низкой комнатѣ и были одѣты въ платья съ закрытыми лифами. Многія изъ нихъ были очень худы и съ какими-то одичалыми лицами. Подлѣ лоснящейся мулатки сидѣла молодая, хорошенькая дѣвушка съ умнымъ и задумчивымъ лицомъ. Не смотря па іюль, на дворѣ было холодно, и въ комнатѣ топилась печь. Мы побывали въ 20 или 30 кабакахъ. Посѣтители ихъ курили и играли въ домино, почти не обращая на насъ вниманія, и едва поднимали глаза, когда мы проходили мимо нихъ. Лица ихъ, при газовомъ освѣщеніи, были ужасны.

IX.

Мнѣ кажется, я начинаю понимать свойство англійскаго ума, такъ мало похожаго на французскій умъ. По крайней мѣрѣ, когда я провѣрялъ свои заключенія, сообщая ихъ моимъ друзьямъ англичанамъ, то они находили ихъ вѣрными. Внутренность англійской головы можно сравнить съ „Гидомъ Муррея", въ которомъ бездна фактовъ и мало мыслей, множество точныхъ и полезныхъ свѣденій; небольшія статистическія таблицы, большое количество цифръ; подробныя и вѣрныя географическія карты; краткія, сухія, историческія замѣтки, а вмѣсто предисловія нравственные и полезные совѣты, но никакого общаго вывода и отсутствіе всякой поэзіи; словомъ, складъ вѣрныхъ, точныхъ документовъ и очень полезная памятная книжка для путешественника. Французъ требуетъ, чтобъ всякая вещь, всякая книга имѣла пріятную форму; англичанинъ довольствуется только полезнымъ. Французъ любитъ идею для идеи, англичанинъ беретъ ее какъ орудіе мышленія и предвидѣнія. Вообще французъ мыслитъ дедуктивно, на основаніи классификацій, англичанинъ же мыслитъ индуктивно, на основаніи памяти, наблюденій, большого количества фактовъ и подлинныхъ документовъ.

Англійское образованіе направлено собственно на то, чтобъ укрѣплять, а не развивать умъ; это своего рода умственная гимнастика. Что касается понятія о человѣческихъ отношеніяхъ, то у нихъ

есть для этого готовая рамка; молодой человѣкъ безъ труда усвоиваетъ ее. Во Франціи нѣтъ такой рамки для мысли. Правительство мѣнялось разъ десять и потому не пользуется авторитетомъ; религія осталась такою же, какою была въ средніе вѣка; ея старыя формы утратили свое значеніе, а новыя еще не выработались. Съ 16-ти лѣтъ, юношу охватываетъ сомнѣніе; онъ мечется во всѣ стороны; если у него есть хотя немного ума, онъ чувствуетъ настоятельную потребность составить себѣ какія нибудь убѣжденія, или, по крайней мѣрѣ, усвоить себѣ какія-нибудь мнѣнія. Въ Англіи же рамка готова, религія почти разумна; система правленія почти превосходна; пробуждающійся умъ находитъ предначертанными свои будущія убѣжденія; ему не нужно созидать цѣлаго зданія, а нужно развѣ только расширить какое-нибудь готическое окно, вычистить подвалъ, или поправить лѣстницу. Умъ не подвергается такимъ потрясеніямъ, такому возбужденію, какъ во Франціи; онъ менѣе работаетъ, потому что у него нѣтъ двигателя—скептицизма.

Въ англійскомъ воспитаніи все стремится къ тому, чтобъ обогатить молодой умъ фактами, а не теоріями. Практическія занятія, свѣдѣнія, почерпаемыя изъ отчетовъ митинговъ, цифры, документы, статистика,—вотъ умственныя упражненія англичанъ; цѣль ихъ—полезная и успѣшная дѣятельность въ сферѣ частныхъ или общественныхъ интересовъ. У англичанъ есть прирожденная склонность къ фактическому, къ точному; они уважаютъ опытъ и требуютъ точныхъ свѣдѣній. Кто изучалъ англійскую литературу отъ Шекспира и Бэкона до нашихъ временъ, тотъ знаетъ, что склонность эта наслѣдственна, и что она проистекаетъ изъ особеннаго склада ихъ ума и ихъ понятій объ истинѣ. По ихъ мнѣнію, знаніе нужно не для знанія, а для дѣйствія; наука важна только по ея провѣреннымъ выводамъ и по ея приложенію къ дѣлу. Мнѣ доводилось встрѣчать въ Англіи людей съ очень разностороннимъ и основательнымъ образованіемъ, но безъ всякихъ идей; они остановились на полдорогѣ и даже не чувствуютъ потребности привесть въ систему свои познанія; у нихъ какія-то отрывочныя мысли и они не чувствуютъ ни охоты, ни способности связать ихъ въ какую-нибудь систему. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ ихъ языкъ, на который очень трудно переводить мало-мальски отвлеченныя разсужденія.

Этотъ недостатокъ отзывается и на ихъ законахъ. У англичанъ нѣтъ кодекса, въ собственномъ смыслѣ, а есть просто собраніе уза-

коненій; вмѣсто юридической школы, тамъ есть рутина. Англичане жалуются на этотъ пробѣлъ. Законы у нихъ дотого запутанны, что для того, чтобъ купить имѣніе, нужно взять одного или двухъ свѣдущихъ юристовъ, которые цѣлый мѣсяцъ разбираютъ права покупателя и продавца и провѣряютъ, не будетъ ли эта покупка поводомъ къ тяжбѣ. Я слышалъ, что положеніе многихъ административныхъ учрежденій и особенно адмиралтейства запутанно до смѣшнаго; безпорядокъ, расходы, несообразные съ приносимой пользой, затяжки, медленность въ отправленіи дѣлъ,—словомъ самый плохой механизмъ, потому что онъ устроенъ безъ всякаго плана. Англичане подвигаются впередъ и исправляютъ свои недостатки ощупью, и только послѣ долгой практики научаются вести дѣла. Отрывочныя свѣдѣнія о Соединенныхъ - Штатахъ, объ Индіи, Китаѣ, объ общей подачѣ голосовъ, о свободной торговлѣ указываютъ англичанину путь къ разумной политикѣ, а свободное выраженіе общественнаго мнѣнія довершаетъ въ немъ образованіе здравыхъ понятій. При такихъ свѣдѣніяхъ, онъ могъ предпринять экспедицію въ Абиссинію, но никогда не допустилъ бы совершить экспедицію въ Мексику; онъ можетъ желать расширенія избирательнаго права; но не желаетъ, чтобы оно было разомъ распространено па всѣхъ. Такимъ образомъ англичанинъ огражденъ отъ всякихъ теорій и всякихъ переворотовъ. Нужно замѣтить, что англичане искусные наблюдатели не однихъ только фактовъ, но также и нравственныхъ проявленій. Чтобъ убѣдиться въ томъ, довольно почитать современные англійскіе романы; въ нихъ вполнѣ обнаруживается англійская наблюдательность. Они представляютъ бездну мелкихъ фактовъ и нравственныхъ проявленій, иногда прекрасно изображенныхъ. Ни одна литература не анализируетъ чувства такъ вѣрно и подробно, не слѣдитъ такъ за внутренней борьбой, которая образуетъ характеръ, за медленнымъ развитіемъ страстей, порока или добродѣтели, за тѣмъ, какъ постепенно и незамѣтно принимаетъ умъ извѣстное направленіе. Одни англичане изучили ребенка и знаютъ, какъ формируется изъ него человѣкъ. Насколько мнѣ извѣстно, англичане не любятъ шутить словами; они или молчатъ или ведутъ поучительную бесѣду; отсюда много непріятнаго, между прочимъ — скука. Умъ требуетъ разнообразія. Въ Италіи есть опера и любовь; въ Германіи философія и музыка; во Франціи фейерверкъ остроумія. Въ Англіи же нѣтъ ничего, кромѣ добросовѣстнаго труда, полезныхъ

произведеній, обезпеченности и комфорта. Зато англичане далеко превзошли насъ въ умѣньи говорить спичи. Спичами наполняются ихъ газеты, спичи говорятся у нихъ за всѣми обѣдами—политическими, географическими, экономическими, учеными, или въ честь какихъ-нибудь знаменитостей. За обѣдомъ, на которомъ мнѣ случилось присутствовать, президентъ предложилъ тостъ за здоровье королевы и потомъ по очереди за здоровье всѣхъ присутствовавшихъ гостей; при каждомъ тостѣ президентъ произносилъ: „Имѣю честь предложить тостъ за здоровье нашего знаменитаго гостя такого-то,“ и прибавлялъ нѣсколько лестныхъ словъ; все это говорилось серьезно—дружески и съ легкимъ оттѣнкомъ юмора: я удивлялся его умѣнью говорить и еще болѣе удивлялся тому, что это ему не наскучало. Каждый гость, въ честь котораго провозглашался тостъ, вставалъ и отвѣчалъ: „Благодарю всѣхъ находящихся здѣсь джентельменовъ и нашего почтеннаго президента за ихъ лестное вниманіе.“ Каждый, смотря по способности или знанію, говорилъ о будущности народа, о развитіи науки. Присутствующіе рукоплескали, стучали ножами и кричали: „*Hear! hear!*“ Нѣкоторые взлѣзали на стулья и съ бокаломъ въ рукѣ привѣтствовали оратора; веселое настроеніе охватило все общество и всѣ закричали: „Ура!“ Одна газета замѣтила, что по-французски нельзя говорить и не лгать въ то же время. Французъ говоритъ: „Тысячу благодарностей! Я въ восхищеніи! Прелестный человѣкъ!“—и слушатель знаетъ, насколько ему можно вѣрить. Конечно, мы на это могли бы отвѣтить англичанамъ, что зато они не умѣютъ спорить безъ бокса. Полемика у нихъ чрезвычайно жестка; у насъ подобная полемика вызвала бы ежедневныя дуэли. Къ счастію, въ Англіи царствуетъ убѣжденіе, что дуэль—нелѣпа, и что изъ-за оскорбительной статьи не стоитъ браться за оружіе. Самыя пренія англичанъ похожи на пріемы бокса; они изобьютъ, изуродуютъ другъ друга и потомъ подаютъ другъ другу руку, безъ всякаго неудовольствія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ къ этому привыкаешь и начинаешь находить, что грубость выраженій выкупается вполнѣ откровенностью, силой убѣжденій, разсудительностью, искренностью негодованія, мужественнымъ и сдержаннымъ краснорѣчіемъ. Нельзя сказать, чтобы англичане были не остроумны, правда, у нихъ свое особенное остроуміе; оно не привлекательно, но оригинально, сильно, ѣдко и отзывается горечью, какъ и ихъ національные напитки. Ихъ *humour* состоитъ

въ томъ, чтобъ сохранять серьезный видъ, разсказывая смѣшныя вещи. Этотъ юморъ сильно проглядываетъ въ произведеніяхъ лучшихъ англійскихъ писателей. Онъ проявляется то въ смѣшной каррикатурѣ, то въ глубокомъ сарказмѣ; онъ дѣйствуетъ на нервы и глубоко западаетъ въ память. Юморъ этотъ есть порожденіе сдержаннаго негодованія и веселаго воображенія. Онъ любитъ контрасты, неожиданныя превращенія, онъ наряжаетъ глупость въ одежду разума и наоборотъ. Гейне, Аристофанъ, Рабелэ и, повременамъ, Монтескье болѣе всѣхъ одарены этимъ англійскимъ юморомъ, но съ придачей веселости, живости и увлеченія, свойственныхъ только теплымъ странамъ. Англійскій же юморъ всегда оставляетъ вкусъ уксуса. Насмѣшка англичанъ рѣдко бываетъ добродушна; они слишкомъ глубоко чувствуютъ и осуждаютъ человѣческія нелѣпости, чтобъ забавляться ими: они возмущаются и страдаютъ.

Очеркъ нашъ былъ бы не полонъ, если бы мы не поговорили и объ англійскомъ искуствѣ. Обозрѣвая англійскія галлереи, я убѣдился, что школа ихъ составляетъ отрасль фламандской школы, но отрасль, носящую особенный, англійскій отпечатокъ. Живопись перестаетъ изображать одно тѣло, а изображаетъ вмѣстѣ съ нимъ душу, характеръ, иногда отпечатокъ грусти, или задумчивости, или аристократической спѣси. Гейнольдс—потомокъ Ванъ-Дика, но потомокъ далекій. Его Три Граціи лишены наивности и первобытной простоты; несмотря на ихъ англійскій костюмъ, вамъ сдается, что это лэди, имѣющія карету, мажордома и дюжину лакеевъ, въ желтыхъ штиблетахъ. Этотъ психологическій характеръ все болѣе и болѣе усвоивается англійскою живописью. Краски, гармонія, красота линій въ ней — аксессуары; холстъ — завѣса, подъ которой скрываются идеи, цѣли, уроки, этюды характеровъ и нравовъ. Для подобныхъ стремленій лучшее выраженіе—поэзія; и дѣйствительно, на сколько посредственны англичане въ другихъ искуствахъ, на столько высоки они въ поэзіи. По моему мнѣнію, въ ней они не имѣютъ соперниковъ. Я не знаю другой поэзіи, которая бы такъ живо говорила душѣ, такъ умѣла затронуть ея сокровеннѣйшія фибры, въ которой слова передавали бы лучше всѣ оттѣнки чувствъ и всѣ порывы души. Въ сущности, англійская поэзія имѣетъ тотъ же характеръ, какъ и живопись,—характеръ чисто психологическій; она по преимуществу изображаетъ внутреннюю жизнь человѣка. Поэтъ, какъ и художникъ, не думаетъ о формѣ, не подбираетъ словъ;

слова приходятъ сами собой, мысль выражается внезапно, во всей своей животрепещущей правдѣ, со всѣми своими причудливыми скачками, отъ фамильярности и сарказма къ благоговѣнію и восторгу. Чѣмъ болѣе я всматриваюсь въ эту потребность углубляться въ самое себя, въ это преобладаніе духовной стороны, тѣмъ лучше понимаю, въ чемъ коренится у этой націи религіозное чувство.

Какъ извѣстно, въ Англіи много сектъ; главныя изъ нихъ: квакерская, пресвитеріянская, уэслейская, унитаріянская и англиканская. Послѣдняя — самая значительная. Англиканская церковь опирается на свою древность, на свой союзъ съ государствомъ, на свои привилегіи, богатства, на присутствіе своихъ епископовъ въ палатѣ лордовъ, а главное—на свое среднее положеніе между пуританами и католиками. Она имѣетъ связи въ аристократіи, служитъ однимъ изъ главныхъ органовъ конституціи, нравится государственнымъ людямъ, потому что консервативна, отличается строгой простотой обрядовъ и нѣкоторой терпимостью. Въ этой оффиціальной церкви нужно отличать три партіи: High church, аристократическую, болѣе приверженную къ обрядамъ, Low church, болѣе популярную, болѣе духовную, и Broad church, къ которой принадлежатъ лучшіе умы въ Англіи. Эта послѣдняя выдѣляется изо всѣхъ своимъ примирительнымъ направленіемъ. Чтобъ объяснить религіозность англичанъ, нужно знать одну особенность ихъ ума: они склонны вѣрить, что существуетъ *нѣчто* внѣ человѣческихъ понятій. Въ этомъ отношеніи, у нихъ даже самые крайніе сторонники чистаго опыта согласны съ вѣрующими. Гербертъ Спенсеръ также допускаетъ нѣчто недоступное уму, *непознаваемое*. Даже Стюартъ Милль не рѣшается отрицать это. Подобное настроеніе ума располагаетъ къ серьёзности. Человѣкъ сознаетъ передъ собой что-то несоразмѣрное съ его силами, что-то подавляющее: онъ благоговѣетъ и задумывается. Такимъ образомъ, почва къ воспринятію религіи готова. Таинственное *нѣчто* находитъ себѣ выраженіе въ понятіи о провидѣніи и евангельскіе тексты передаютъ смутныя движенія души. Такова тайная внутренняя работа, которая естественно приводитъ англичанъ къ религіозности. Въ нихъ она перестаетъ быть оффиціальной формулой и становится живымъ чувствомъ.

СТРАННАЯ СЕКТА

(Этнографическій очеркъ).

Каждый годъ акуратно нѣсколько „экспертовъ отъ наукъ“ открываютъ у насъ на Руси всевозможныя безобразія; каждый годъ новыя чудеса познаются нашею читающей публикой, которая отъ избытка вновь открываемыхъ чудесъ и безобразій дотого привыкла къ нимъ, что если въ одинъ прекрасный день какой либо экспертъ откроетъ въ нашемъ благословенномъ отечествѣ древняго Юпитера, скрывающагося отъ взоровъ любопытныхъ, то навѣрно никто не удивится и скажетъ только: „чего, дескать, на святой Руси не бываетъ“. Разнаго рода сепаратизмы, обрусѣнія, обнѣмеченія и т. п. чудеса уже не смущаютъ никого, и тщетно вопіютъ противъ этихъ чудесъ разные досужіе люди; но если бы только знали защитники обрусѣнія и противники обнѣмеченія, офранцуживанія и т. п. золъ, что изъ русскаго человѣка можетъ сдѣлаться, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, нѣчто въ родѣ еврея, то конечно они совсѣмъ бы растерялись. Дѣйствительно, для простого русскаго человѣка, который въ большинствѣ случаевъ считаетъ жида чѣмъ-то поганымъ, который не утерпитъ, чтобы не надѣть крестъ на зазѣвавшагося еврея, чтобы не замѣтить ему о его христопродавничествѣ,—принять еврейскій догматъ, еврейскій обычай, еврейское имя и еврейскую одежду съ перваго взгляда кажется рѣшительно невозможнымъ. Между тѣмъ фактъ перехода въ гебраизмъ существуетъ и притомъ стремленіе от-

стать отъ былаго дотого сильно, что какой нибудь Кузька и по внѣшнему виду и даже по способу мышленія дѣлается рѣшительно точно какой раби изъ Могилева. Фактъ дѣйствительно страненъ, чтобы не сказать безобразенъ, но удивляться рѣшительно нечему, такъ какъ переходъ въ гебраизмъ незначительной части нашего народа имѣетъ основаніе и въ самомъ характерѣ русскаго простого человѣка, и въ исторіи его религіознаго протеста.

Всю жизнь свою прожилъ русскій человѣкъ на готовенькомъ; и онъ дотого привыкъ къ готовому, дотого еще слабъ въ умственномъ отношеніи, что самъ создать для себя что-либо подходящее, по крайней мѣрѣ въ настоящій моментъ, рѣшительно не въ силахъ. Слѣдуетъ отдать полную справедливость русскому человѣку въ томъ, что перенимать чужое онъ мастеръ и подчасъ даже съобезьянничаетъ въ томъ, что совершенно не подходитъ ни къ окружающимъ его обстоятельствамъ, ни къ личному его характеру — и вотъ однимъ изъ такихъ обезьянствъ представляется фактъ существованія кое-гдѣ на Руси такъ называемаго субботничества.

Съ другой стороны, если мы вглядимся въ исторію нашего религіознаго протеста, то увидимъ слѣдующее: православіе, въ томъ видѣ, какъ оно живетъ въ народѣ, рѣшительно его не удовлетворяетъ, и слѣдствіемъ этой неудовлетворительности является начавшееся съ стародавнихъ временъ алчное исканіе истины. По самому характеру человѣческой природы, путей при такомъ исканіи представляется три: люди чистаго разума должны дать полный просторъ разуму и пойдутъ къ истинѣ путемъ раціонализма — таковы наши молокане; люди чувства, перваго впечатлѣнія, станутъ пытаться достичь истины путемъ возбужденія чувственнаго, путемъ энтузіазма,—таковы наши энтузіасты: христовщинцы, скопцы и др., которые разуму не вѣрятъ, а ждутъ всего отъ прямого откровенія; наконецъ, третій разрядъ людей, стремящихся познать истину, разсуждаетъ такъ: у насъ истины нѣтъ—надо во что бы то ни стало сыскать ее; если мы станемъ доходить своимъ умомъ, то до истины не доберемся, такъ какъ человѣческій разумъ конеченъ и безконечнаго понять не можетъ; чувства тоже ежеминутно обманываютъ человѣка и довѣряться имъ невозможно; слѣдуетъ значитъ дознаться, не было ли такой вѣры, объ истинности которой бывали указанія свыше? Есть такая вѣра, говорятъ субботники, и сами православные признаютъ ее за божественную, а народъ, который ея держался, за

народъ благословенный Богомъ,—отсюда переходъ въ гебраизмъ и затѣмъ цѣлый рядъ безобразій, въ родѣ отпусканія пейсовъ, ношенія ермолки, закона о продолженіи сѣмени и т. п.

Нѣкоторые изслѣдователи (по большей части впрочемъ тѣ, которые на дѣлѣ сектантовъ не видали, а изучали наше разновѣріе по книжкамъ и по оффиціальнымъ документамъ), воображаютъ почему-то, что субботничество не есть явленіе новое, и находятъ зачатки его въ жидовствующихъ Пскова, Новгорода и Москвы.

Но если мы вглядимся повнимательнѣе въ догматику жидовствующихъ и нынѣшнихъ субботниковъ, то замѣтимъ огромную между ними разницу, которая не допускаетъ даже и малѣйшихъ сближеній между этими двумя сектами. Скудость свѣдѣній о сектѣ жидовствующихъ, явныя недомолвки въ имѣющихся на лицо матеріалахъ,—все это даетъ возможность изслѣдователямъ сплетать на эту тему самыя разнообразныя исторіи и дѣлать какіе угодно выводы. На самомъ дѣлѣ, на основаніи имѣющихся у насъ подъ рукой данныхъ, мы рѣшительно не можемъ утверждать, что жидовствующіе были дѣйствительно схожи съ нашими субботниками; Схарія и его послѣдователи не признавали божественнаго Христа, и этого обстоятельства было достаточно, чтобы этихъ сектантовъ приравняли къ исповѣдующимъ гебраизмъ. Жидовствующіе никогда такъ строго не держались Моисеева закона и скорѣе наравнѣ со стригольниками и башкинцами могутъ быть причислены къ раціоналистическому направленію нашего религіознаго протеста. Положимъ, что и этотъ выводъ можно вполнѣ назвать не строго научнымъ выводомъ, а плодомъ личныхъ убѣжденій или, вѣрнѣе, вѣрованій, но тѣмъ не менѣе онъ имѣетъ столько же за, какъ и противъ себя. Настоящіе субботники строго придерживаются гебраизма, съ обрѣзаніемъ, отвращеніемъ отъ пищи, приготовленной православными, запретомъ свинаго мяса, закономъ перехода братней жены и т. п. Сами евреи не очень строго придерживаются Моисеева закона и допускаютъ позднѣйшія толкованія пятикнижія и мудрствованія Талмуда; наши же субботники никакихъ толкованій не признаютъ, такъ какъ самый переходъ ихъ въ гебраизмъ произошелъ вслѣдствіе постановки вопроса объ ошибочности выводовъ человѣческаго разума; вся внѣшность, которая блюдется евреями какъ святыня, завѣщанная Моисеемъ, также исключена субботниками, такъ какъ они не

признаютъ возможности приближенія къ божеству при посредствѣ чувственнаго возбужденія.

У субботниковъ нѣтъ свободнаго хода разуму, какъ у нашихъ раціоналистовъ, и нѣтъ чувственнаго возбужденія, какъ у энтузіастовъ; только то и вѣрно, чтó самъ „Егова“ передалъ „Мысею“; чего нѣтъ въ пятикнижіи—то ложь, а что есть въ пятикнижіи—то слѣдуетъ понимать такъ, какъ оно тамъ написано. Это отрицаніе возможности изслѣдованія и есть причина неподвижности секты; субботничество въ самомъ основаніи своемъ скрываетъ причину будущаго скораго своего паденія и представляется какъ бы переходною ступенью къ раціонализму. Уже теперь замѣтно у субботниковъ, что лучшіе умы между ними начинаютъ допускать въ дѣло религіи разумъ и незавѣдомые переходы въ молоканство встрѣчаются уже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ живутъ эти русскіе евреи.

Намъ удалось совершенно случайно наткнуться на небольшую колонію субботниковъ и довольно близко ознакомиться какъ съ догматикою, такъ и съ особенностями ихъ житья-бытья.

Едва только началось гоненіе на скопчество (которое по счету послѣдователей Селиванова уже десятое, и слѣдовательно послѣднее) какъ всякіе оффиціальные ревнители православія, въ родѣ исправниковъ, становыхъ и другихъ чиновниковъ обратителей на путь истины, стали съ своей стороны помаленьку нажимать сектантовъ, чтобы выказать начальству свое рвеніе къ службѣ и требованіямъ церкви. Тутъ уже не было разбора, кто во что вѣритъ: чуть къ православной церкви душою не лежитъ (по оффиціальному: къ посѣщенію храма нерадивъ и противенъ)—тотчасъ раскольникъ; чуть раскольникъ — тотчасъ скопецъ. Мѣстный исправникъ тоже не захотѣлъ оставаться безъ дѣла, и въ силу этого донесъ, что есть, дескать, и у него скопцы, которые собираются въ избѣ на молитву по субботамъ, и сталъ ждать награды за это открытіе; но, къ великому его сожалѣнію, никакой награды онъ не получилъ, такъ какъ начальство случилось либеральное, да ктому-же еще и знало, что по субботамъ на моленье скопцы никогда не собираются, а если кѣмъ суббота и уважается, то это нѣкоторыми лишь молоканскими подтолками, да субботниками. Узнавши о донесеніи исправника, я при случаѣ завернулъ въ упомянутое имъ селеніе и нашелъ дѣйствительно 15 семействъ субботниковъ или, какъ они сами себя называютъ, „херовъ“. Какъ я ни бился, откуда добыли они себѣ

это прозвище—ни до чего путнаго не добился. „И Мысей-пророкъ херомъ былъ, и Самуилъ, первый священникъ, тоже херъ; малымъ чѣмъ Господь хера отъ ангеловъ умалилъ; херъ все одно, что праведникъ; вотъ есть нашего закона, да читаютъ и пишутъ книжки разныя: талмудъ книгу къ примѣру—тѣ не херы; кто по нашей, по Мысеевой вѣрѣ пошелъ, тотъ и херъ передъ Богомъ". С. В. Максимовъ тоже упоминаетъ въ своей статьѣ: „За Кавказомъ" о томъ, что тамошніе субботники сами себя называютъ герами, но что́ они понимаютъ подъ этимъ словомъ—не объяснено *).

Живутъ субботники тихо, смирно и зажиточно, какъ всѣ религіозные сектанты на Руси; подчасъ даже и въ православную церковь заглядываютъ, по всѣмъ вѣроятіямъ въ силу того же, почему наши самые завзятые энтузіасты корчатъ изъ себя рьяныхъ православныхъ, т. е. страха ради іудейска. Съ начальствомъ живутъ субботники въ ладахъ, вѣрнѣе всего потому, что начальство отъ нихъ довольно далеко; живутъ они въ лѣсу, на полянкѣ, и начальство въ этотъ лѣсъ не особенно охотно заглядываетъ. Интереснѣе всего однако ихъ отношеніе къ православнымъ односельчанамъ и обратно. Дѣло въ томъ, что селеніе, гдѣ они проживаютъ, обладаетъ весьма смѣшаннымъ населеніемъ; тутъ есть и хохлы, есть и великоруссы, есть даже нѣсколько семействъ приписныхъ цыганъ; часть великоруссовъ слѣдуетъ старинному благочестію, а потому сторонится отъ прочихъ и немного таки кичится какъ своею начитанностью, такъ и своимъ достаткомъ; православные не долюбливаютъ „старцевъ" и смотрятъ на нихъ лишь какъ на туго набитые кошельки; отсюда почтительно-дерзкая насмѣшечка, желаніе побольше содрать, подчасъ даже радость при божескомъ посѣщеніи, напр. при пожарѣ, морѣ и т. п. Субботникъ—душа-человѣкъ, если бы только не несчастное желаніе всѣхъ поучать; эта страсть отыскивать прозелитовъ страшно надоѣдаетъ всѣмъ, испытавшимъ ее; субботникъ богатѣй-мужикъ, но людскому горю всегда пособникъ: „къ херамъ къ этимъ, что въ свою мошну полѣзай"; пробовали иногда наши русачки, по привычкѣ своей, позабавиться: крестъ на шею субботникамъ накидывали, да и свиное ухо изъ кожуха сочиняли—только не беретъ,

*) Нашъ почтенный профессоръ Хвольсонъ, которому мы не можемъ не выразить нашей искреннѣйшей признательности за нѣкоторыя весьма интересныя указанія, толкуетъ слово «герръ»—чужакъ, принявшій Моисеевъ законъ.

не обозлится субботникъ нисколько, а еще шапку сниметъ, да низко-пренизко поклонится; пошутили такъ, да и бросили. Любитъ субботникъ, когда къ нему православный въ гости придетъ; угощаетъ и такъ и этакъ, а самъ все толкуетъ, все разсказываетъ изъ „божественнаго"; ясно, что иногда слушатель развѣшиваетъ уши и, глядишь, черезъ нѣсколько времени прячетъ отъ васъ ермолку свою, которую сладилъ ему въ городѣ портной изъ евреевъ. Православные смотрятъ на нихъ какъ на людей угождающихъ Богу и почтенныхъ, а потому, глядишь, и „пóмочь" субботнику справятъ, да и вообще охотно къ нему работать идутъ. Субботники раскольниками не помѣчены и только одна семья какими-то судьбами попала у попа въ разрядъ старообрядцевъ; вслѣдствіе того, что ихъ не считаютъ раскольниками, они не лишены права избранія на общественныя должности, а пользуясь всеобщимъ уваженіемъ на селѣ, они то и дѣло попадаютъ въ кандидаты; но ни разу еще не было примѣра, чтобы хоть одинъ субботникъ исправлялъ какую-нибудь общественную должность; вслѣдствіе того, что субботники не хотятъ земнаго возвеличенія и почета, и вслѣдствіе иныхъ причинъ, они всегда отказываются отъ чести, предложенной имъ ихъ односельчанами, къ немалому огорченію послѣднихъ. Чрезвычайно строгая нравственность, безукоризненная честность и крайняя обходительность субботниковъ заставляютъ предполагать въ нихъ хорошихъ „начальниковъ", но они непоколебимы и приходится выбирать изъ своихъ, православныхъ, которые вышеупомянутыми качествами обладаютъ къ сожалѣнію весьма рѣдко.

Субботникъ никогда не пьетъ ничего, кромѣ такъ называемаго „виссаита" или церковнаго вина, которое всегда чисто виноградное, безъ примѣси спирта, сандала и т. п. Но и этого вина дозволяется выпить только стаканчикъ, да и то не иначе, какъ въ праздникъ; кто замѣченъ обществомъ въ излишнемъ употребленіи вина, тотъ подвергается на первый разъ штрафу (смотря по достатку) въ общественную кассу, а на второй — даже исключенію изъ общества впредь до доказаннаго исправленія.

Въ семейномъ быту субботники придерживаются указаній библіи; отецъ—глава семьи, и не повиноваться ему—значитъ идти противъ Бога; по смерти отца старшій сынъ становится хозяиномъ и всѣ остальные члены обязаны почитать его за отца; единственно кому даетъ онъ нѣкоторый (въ хозяйственномъ отношеніи) отчетъ въ

своихъ дѣйствіяхъ—это мать, которой, впрочемъ, иногда, по смерти мужа предоставляется право выдѣлить изъ семейнаго имущества свою часть и оставить семью; это допускается лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ дѣти вдовы уже совершеннолѣтни и старѣйшины признаютъ невозможнымъ для нихъ совмѣстное жительство. Ослушаніе отцу, неуваженіе къ нему или къ матери, въ случаѣ же смерти отца ослушаніе старшому — наказывается отдачею въ работу на болѣе или менѣе долгій срокъ и даже изгнаніемъ изъ общества. На семейной молитвѣ глава семьи читаетъ ветхій завѣтъ (большею частію у субботниковъ намъ случалось находить писанный ветхій завѣтъ, что ихъ весьма затрудняетъ; у одного изъ нихъ мы видѣли даже „священную исторію ветхаго завѣта“ Рудакова, по которой читали на молитвенныхъ собраніяхъ; понятно, что всѣ пророчества и прообразованія къ рожденію Мессіи были тщательно перехерены, такъ что и разобрать невозможно было, что тамъ напечатано), безъ комментарій, чтобы не дать поблажки разуму.

Женщина у субботниковъ пользуется достаточною (сравнительно съ православными) свободою, хотя напримѣръ и не имѣетъ собственности, какъ это случается встрѣчать въ нѣкоторыхъ молоканскихъ толкахъ; развода нѣтъ, и только старѣйшины могутъ дозволить новый бракъ, въ случаѣ если бы о мужѣ или женѣ не имѣлось никакихъ свѣдѣній впродолженіе десяти лѣтъ. Женщина дарована Богомъ человѣку главнымъ образомъ для поддержанія потомства, для нарожденія вѣрныхъ рабовъ Божіихъ; если женщина долгое время послѣ вступленія въ бракъ остается безплодною, то это явный признакъ гнѣва Божія; слѣдуетъ умилостивить божество помощью ближнимъ и молитвою. Въ этомъ случаѣ чета уже не осмѣливается отказывать никому изъ просящихъ помощи и конечно не безъ того, чтобы окружные православные не попользовались такимъ благопріятнымъ случаемъ поживиться чѣмъ ни на есть; всѣ грѣхи того, кому отказано въ помощи, ложатся на душу отказавшаго и безплодіе продолжается вслѣдствіе новаго прогнѣвленія божества. Разницы тутъ уже не дѣлается никакой; раздаютъ что только могутъ всѣмъ, кто ни попроситъ. Разъ случился такой казусъ: одна дѣвушка, вышедши замужъ, не любила мужа и Богъ наказалъ ее; восемь лѣтъ жила она съ мужемъ, а дѣтей у нихъ все не было. Мужъ не жалѣлъ денегъ и раздавалъ милостыню въ избыткѣ, жена успѣла уже полюбить мужа и молилась безъ устали,

но видно гнѣвъ Божій продолжался и потомство на свѣтъ не являлось. Наконецъ прослышалъ мужъ, что въ ближнемъ городѣ живетъ угодившій Богу рэби, который можетъ помолиться и такимъ образомъ какъ бы отчитать безплодную смоковницу; не долго раздумывая, мужъ беретъ съ собой жену, ѣдетъ къ почтенному рэби, долго упрашиваетъ его помолиться за нихъ грѣшныхъ и наконецъ, успокоенный согласіемъ праведника, уѣзжаетъ домой одинъ, такъ какъ женѣ его надо попоститься и помолиться вмѣстѣ съ рэби. Проходитъ недѣли двѣ времени и жена возвращается домой, помолившись и напостившись вдоволь. Ровно черезъ девять мѣсяцевъ она родила счастливому мужу сына, а счастливый мужъ, увѣренный вполнѣ, что гнѣвъ Божій преложенъ на милость, далъ новорожденному имя Мануйло, т. е. съ нами Богъ. Были скептики, которые рисковали кое-что говорить о рэби, но общее мнѣніе все-таки было таково, что онъ святой человѣкъ и только его молитвамъ обязана прежде безплодная женщина рожденіемъ ребенка.

Мы разсказали здѣсь этотъ фактъ не какъ простую сплетню, а именно для того, чтобы показать, до какой степени сильна въ русскомъ человѣкѣ любовь къ отчиткамъ всякаго рода; православіе оставлено, но отчитка вошла въ плоть и кровь, и еврейскій рэби замѣнилъ только обманщика знахаря, бродячаго отставного солдата и т. п.; видимый обманъ не бросается въ глаза, и достаточно, чтобы обманщикъ, кто бы онъ ни былъ, произнесъ отчитку, чтобы не было сомнѣнія и чтобы довѣрчивый русскій человѣкъ призналъ въ немъ не простаго смертнаго, а вѣщаго мужа и угодника. Видно, какъ ни мѣняй костюма, имени и другихъ внѣшностей, суть-то все-таки останется таже и все объіудеяніе состоитъ на самомъ дѣлѣ лишь въ ермолкѣ, въ прибавленіи къ своему имени иного, заимствованнаго изъ ветхаго завѣта, и въ другихъ видимостяхъ, которыя характеристичныхъ основъ вовсе не измѣняютъ, а сами измѣняются то и дѣло, смотря по времени, мѣсту и обстоятельствамъ.

Бракъ совершается у субботниковъ весьма просто: достаточно одного благословенія со стороны главы семейства и бракъ считается совершоннымъ. Иногда, опять таки „страха ради іудейска“, бракосочетавшіеся отправляются и въ православную церковь и тамъ брачуются по православному обряду; но есть очень много четъ, обошедшихся и безъ этой формальности. Настоящее поколѣніе субботниковъ почти все сполна уже отправляется „уцерквиться“, желая

конечно узаконить своихъ дѣтей, но еще очень недавно строго было запрещено „уцерковлять“ браки, и тотъ, кто осмѣливался дѣлать это, не смотря на существовавшее запрещеніе, подвергался изгнанію изъ общества. Дѣвушка до брака своей воли не имѣетъ (точно также, какъ и у окружныхъ православныхъ), и только по благословеніи на бракъ она выходитъ изъ крѣпостного у отца состоянія. Кромѣ того, что на ней лежитъ обязанность прясть и ткать на домашнихъ, она должна до свадьбы похоронить нѣсколькихъ (чѣмъ больше, тѣмъ лучше и притомъ все равно субботниковъ или православныхъ) человѣкъ, т. е. изготовить на нихъ полотна; для православнаго достаточно бываетъ и десяти аршинъ, а для каждаго субботника требуется 49 аршинъ, какъ я объясню ниже. Отношенія мужа къ женѣ чрезвычайно гуманны (конечно сравнительно), не смотря на взглядъ на женщину лишь какъ на продолжительницу потомства; дѣти есть, значитъ Богъ благословилъ мужа черезъ жену, а отсюда и благодарность ей за это, почтеніе, любовь. Желаніе имѣть потомство такъ сильно у субботниковъ (къ нему между прочимъ побуждаетъ ихъ и то обстоятельство, что въ обитаемой ими мѣстности земли гибель, а народонаселеніе чрезвычайно рѣдко), что по смерти мужа неженатый братъ его обязанъ жениться на вдовѣ и продолжить его сѣмя, по ветхозавѣтному изрѣченію. Есть уже одинъ примѣръ протеста противъ такого рода насилія, но несогласившійся продолжать братнино сѣмя изгнанъ изъ общества. Странность эта до-нельзя возмущаетъ ближнихъ священниковъ, народъ же относится къ ней совершенно равнодушно. Мнѣ случилось видѣть такую чету и любоваться на совѣтъ и любовь, существующіе между супругами; но, къ сожалѣнію, они пребывали въ сожительствѣ уже три года, а дѣтей у нихъ не было, что конечно не мало ихъ смущало. Браки, подобно окружнымъ православнымъ, заключаются у субботниковъ весьма рано. Часто такъ называемое „обрученіе“, которое и замѣняетъ у нихъ бракъ, совершается тогда, когда жениху едва минетъ 16 лѣтъ, а невѣстѣ 14. Есть даже одна чета, которая не можетъ и жить вмѣстѣ; мужу всего 13 лѣтъ, а женѣ—11. Хлопоты по отысканію невѣсты лежатъ по закону цѣликомъ на матери жениха; послѣ отысканія подходящей невѣстки и получивши согласіе родителей ея, мать приводитъ избранницу къ сыну, который волей-неволей ведетъ ее къ своему отцу; отецъ принимаетъ сына и будущую сноху непремѣнно лежа, вѣроятно желая

изобразить собою ветхозавѣтнаго патріарха; сынъ подводитъ свою невѣсту къ лавкѣ, на которой лежитъ отецъ, и проситъ его благословить бракъ ихъ; отецъ поднимается немного съ своего ложа, кладетъ руки на головы жениха и невѣсты и говоритъ: „Именемъ Бога Авраама, Исака и Якова и всего Израиля благословляю сожительство ваше и словами его освящаю союзъ вашъ: плодитесь, умножайтесь и населяйте землю“. Этого благословенія считается совершенно достаточно для брачущихся и съ этой поры они считаются мужемъ и женою. Дня черезъ три или четыре по обрученіи бываетъ брачный пиръ, на которомъ прочитываются двѣ главы изъ ветхаго завѣта: отецъ мужа читаетъ разсказъ о женитьбѣ Іакова, а отецъ жены читаетъ разсказъ о бракѣ Товита. Въ послѣднее время матери конечно чаще стали прислушиваться къ желаніямъ сыновей и дочерей своихъ и подневольные браки встрѣчаются уже какъ исключенія. Бракъ у субботниковъ не дозволенъ только между лицами, находящимися между собою во второй степени родства; браки въ четвертой степени уже конечно не уцерковляются. Часты также браки съ православными дѣвушками, такъ какъ субботники охотно принимаютъ къ себѣ въ домъ православную невѣстку, конечно не безъ намѣренія увеличить стадо Бога Израиля; православные родители охотно отдаютъ своихъ дочерей въ субботническія семьи, такъ какъ ихъ ожидаетъ тамъ довольство, да и роднымъ кое-что перепадетъ отъ зятниной семьи. Вслѣдствіе раннихъ браковъ, разврата вовсе не существуетъ въ средѣ субботниковъ, и въ то время, когда окрестныя села славятся легкостью поведенія женщинъ, ни одну еще субботницу не было возможности упрекнуть тѣмъ же. Сифилисъ царствуетъ кругомъ, а у субботниковъ о немъ понятія не имѣютъ. Если бракъ заключенъ по субботническому обряду еще тогда, когда молодые люди не достигли еще возраста, требуемаго православною церковью, то чета сожительствуетъ нѣкоторое время безъ уцерковленія, а затѣмъ, уже по достиженіи дозволенныхъ лѣтъ, отправляется въ православную церковь и узаконяетъ свой союзъ обрядомъ вѣнчанія.

На восьмой день по рожденіи ребенка, отецъ его совершаетъ надъ нимъ обрядъ обрѣзанія; прежде обрядъ этотъ совершался чрезвычайно неумѣло и притомъ овчарными ножницами, но съ тѣхъ поръ, какъ одинъ проѣзжій торговецъ-еврей подѣлился съ субботниками своими познаніями по этой части, послѣдніе стали употреб-

лять для этой операціи болѣе усовершенствованное орудіе—дамскія рабочія ножницы и дѣло пошло спорѣе. Если ребенокъ въ утробѣ или при рожденіи своемъ обреченъ однимъ изъ родителей на служеніе Богу (обреченные должны $^1/_{10}$ часть прибылей отдавать неимущимъ, ходить за больными и вообще всю жизнь свою посвятить на добрыя дѣла), то обрѣзаніе надъ нимъ совершаетъ не отецъ его, а собраніе всѣхъ старѣйшинъ, причемъ манипулируетъ конечно одинъ изъ нихъ, но по избранію всего общества. По случаю обрѣзанія не обошлось безъ раскола; одни стали обрѣзать цѣликомъ, другіе же только часть препуціи; почти каждый день идутъ объ этомъ толки, спорятъ, горячатся, но ни къ какому соглашенію до сихъ поръ еще не пришли.

Что касается до похоронъ, то они совершаются субботниками по обычаю православныхъ, хотя и тутъ они ухитряются немного уклониться отъ общаго порядка; уклоненіе это состоитъ именно въ томъ, что покойникъ по еврейскому обряднику долженъ быть спеленутъ и субботники обматываютъ подъ платьемъ (чтобы не замѣтилъ священникъ) своихъ отошедшихъ единовѣрцевъ семью семиками холста; богатые пеленаютъ въ свой холстъ, бѣдныхъ же пеленаетъ или община или доброхотные датели на свой счетъ. Спеленать въ свой холстъ покойника и на свой счетъ сдѣлать похоронный обѣдъ считается великимъ добрымъ дѣломъ.

Собственно богослуженія у субботниковъ нѣтъ и всякій молится въ своей семьѣ у себя на дому. Общія сходки назначаются только въ весьма важныхъ случаяхъ, какъ-то: при морѣ, пожарѣ, неурожаѣ. Впрочемъ иногда случается, что вся община собирается у какого нибудь всѣми уважаемаго члена общины и этотъ послѣдній читаетъ ветхій завѣтъ. Всякое молитвенное собраніе, будетъ ли оно домашнее или общественное, начинается и оканчивается слѣдующими словами, произносимыми наистарѣйшимъ изъ молящихся: „О Боже предвѣчный, Ты Богъ Авраама, Исакія и Якова и всего своего Израиля, осѣни насъ своею милостью, какъ осѣнилъ народъ свой въ пустынѣ; защити насъ, какъ защитилъ народъ свой отъ злыхъ египтянъ; спаси насъ и помилуй, какъ спасъ и помиловалъ патріарховъ и пророковъ“. Другихъ молитвъ нѣтъ рѣшительно никакихъ; но отсутствіе разъ установленныхъ обращеній къ Богу вовсе не значитъ, что субботники никогда не обращаются къ Богу съ молитвою о помощи; случится больной въ домѣ, и старѣйшина обра-

щается къ „Еговѣ“ съ слѣдующими словами: „Боже Авраама, Исакія и Якова и всего своего Израиля, какъ древле изцѣлилъ Ты отца Товита, такъ и нынѣ изцѣли болящаго (—ящую) сего“. Падетъ лошадь въ домѣ, и хозяинъ говоритъ: „Боже Авраама...., какъ древле отнялъ ты скотъ и богатство у страдательнаго Іова, такъ и нынѣ лишилъ ты грѣшныхъ рабовъ своихъ потребнаго; но какъ древле источилъ ты милость свою на страдательнаго Іова и наградилъ его сторицею, такъ и нынѣ...“ Вся суть дѣла вообще въ томъ, чтобы въ молитвенномъ прошеніи былъ высказанъ весь титулъ Іеговы и употреблено непремѣнно сравненіе даннаго случая съ подобнымъ фактомъ изъ ветхозавѣтной исторіи. Иногда при такого рода молитвенныхъ обращеніяхъ употребляются символы, нѣчто въ родѣ заклинаній. Такъ напр., намъ удалось присутствовать при освященіи вновь выкопаннаго колодца; одинъ изъ старѣйшинъ, подойдя къ срубу, трижды ударилъ кіемъ по немъ въ прообразованіе ударовъ Моисея въ скалу при изведеніи изъ камня воды въ пустынѣ, и тогда уже проговорилъ по разъ принятой формулѣ слѣдующую молитву: „Боже Авраама, Исакія и Якова и всего своего Израиля, какъ напоилъ ты божественною водою народъ свой израильскій древле, такъ и нынѣ сотвори кладезь сей во здравіе сему новому Израилю“. Тѣмъ впрочемъ освященіе и кончилось, конечно съ прочтеніемъ той главы изъ ветхаго завѣта, гдѣ разсказывается упомянутый выше случай съ Моисеемъ. Интересно, что во всѣхъ молитвахъ своихъ говорятъ непремѣнно: „Богъ всего своего Израиля“ — этимъ они хотятъ указать именно на два народа израильскихъ, древній и новый, іудеевъ и субботниковъ.

Особыхъ наставниковъ у субботниковъ нѣтъ, по той простой причинѣ, что наставлять ихъ не въ чемъ; всякій членъ общины грамотенъ и можетъ читать самъ, а разъясненія не допускаются, такъ какъ разумъ человѣческій считается не безгрѣшнымъ. Въ послѣднее время однако въ субботничествѣ, которое случилось намъ наблюдать, совершается переворотъ, который можетъ повести за собой почти огульный переходъ всей общины въ раціонализмъ; благодаря чрезвычайно честной и добродѣтельной жизни, одинъ изъ старѣйшинъ (домохозяевъ) получаетъ все болѣе и болѣе вліянія и рискуетъ уже иногда вставлять между чтеніемъ ветхаго завѣта коекакія свои поясненія; сначала, не смотря на все уваженіе къ нему, на него напустились и стали укорять въ любомудріи; но умный

лять для этой операціи болѣе усовершенствованное орудіе—дамскія рабочія ножницы и дѣло пошло спорѣе. Если ребенокъ въ утробѣ или при рожденіи своемъ обреченъ однимъ изъ родителей на служеніе Богу (обреченные должны $^1/_{10}$ часть прибылей отдавать неимущимъ, ходить за больными и вообще всю жизнь свою посвятить на добрыя дѣла), то обрѣзаніе надъ нимъ совершаетъ не отецъ его, а собраніе всѣхъ старѣйшинъ, причемъ манипулируетъ конечно одинъ изъ нихъ, но по избранію всего общества. По случаю обрѣзанія не обошлось безъ раскола; одни стали обрѣзать цѣликомъ, другіе же только часть препуціи; почти каждый день идутъ объ этомъ толки, спорятъ, горячатся, но ни къ какому соглашенію до сихъ поръ еще не пришли.

Что касается до похоронъ, то они совершаются субботниками по обычаю православныхъ, хотя и тутъ они ухитряются немного уклониться отъ общаго порядка: уклоненіе это состоитъ именно въ томъ, что покойникъ по еврейскому обряднику долженъ быть спеленутъ и субботники обматываютъ подъ платьемъ (чтобы не замѣтилъ священникъ) своихъ отошедшихъ единовѣрцевъ семью семиками холста; богатые пеленаютъ въ свой холстъ, бѣдныхъ же пеленаетъ или община или доброхотные датели на свой счетъ. Спеленать въ свой холстъ покойника и на свой счетъ сдѣлать похоронный обѣдъ считается великимъ добрымъ дѣломъ.

Собственно богослуженія у субботниковъ нѣтъ и всякій молится въ своей семьѣ у себя на дому. Общія сходки назначаются только въ весьма важныхъ случаяхъ, какъ-то: при морѣ, пожарѣ, неурожаѣ. Впрочемъ иногда случается, что вся община собирается у какого нибудь всѣми уважаемаго члена общины и этотъ послѣдній читаетъ ветхій завѣтъ. Всякое молитвенное собраніе, будетъ ли оно домашнее или общественное, начинается и оканчивается слѣдующими словами, произносимыми наистарѣйшимъ изъ молящихся: „О Боже предвѣчный, Ты Богъ Авраама, Исакія и Якова и всего своего Израиля, осѣни насъ своею милостью, какъ осѣнилъ народъ свой въ пустынѣ; защити насъ, какъ защитилъ народъ свой отъ злыхъ египтянъ; спаси насъ и помилуй, какъ спасъ и помиловалъ патріарховъ и пророковъ". Другихъ молитвъ нѣтъ рѣшительно никакихъ; но отсутствіе разъ установленныхъ обращеній къ Богу вовсе не значитъ, что субботники никогда не обращаются къ Богу съ молитвою о помощи; случится больной въ домѣ, и старѣйшина обра-

старѣйшина вывернулся изъ бѣды и теперь уже проповѣдуетъ вскользь о томъ, что человѣку данъ разумъ для познанія божества въ мірѣ, что хотя разумъ этотъ далеко не безошибоченъ, все таки надо и его допускать въ дѣло религіи, что еслибы Богу не была угодна пытливость разума, онъ не даровалъ бы его человѣку и т. п. Ясно, что разъ дорога разуму открыта — тѣмъ самымъ положенъ конецъ допотопному субботничеству; мѣстные молокане очень хорошо поняли, къ чему клонится дѣло и вполнѣ увѣрены, что не сегодня-завтра субботники открыто перейдутъ къ раціонализму. Конечно, быть можетъ, нѣкоторая часть субботниковъ и не захочетъ разстаться съ прежденизлюбленной вѣрой, какъ съ единственно понятной для нихъ формулой богопочитанія, но часть эта такъ незначительна и притомъ такъ скоро можетъ, при постоянныхъ сношеніяхъ съ своими бывшими собратами, доразвиться до нихъ, что можно ожидать весьма скораго уничтоженія субботничества въ томъ селѣ, гдѣ намъ удалось наблюдать ихъ.

Какъ я сказалъ уже, всѣ субботники грамотны, такъ какъ всякій старѣйшина обязанъ выучить грамотѣ всѣхъ дѣтей, принадлежащихъ къ его семьѣ; ученье идетъ по давнишнему дѣдовскому порядку, т. е. по азамъ, съ подзатыльниками и другими „улещаніями"; дѣло идетъ однако по-маленьку, и намъ случалось видѣть у субботникевъ 9-ти-лѣтнихъ дѣтей, плетущихся по ветхому завѣту—съ прихрамываніемъ, но все-таки плетущихся. Только нѣкоторые умѣютъ писать—это искусство считается роскошью, хотя и очень уважается. Дѣвочки тоже всѣ умѣютъ читать, такъ какъ и онѣ зачитываются всласть взятіями Іерихоновъ и мѣдными трубами Гедеона (Идивонъ).

Всѣ еврейскіе праздники свято чтятся субботниками; кущи справляютъ они „страха ради іудейска" у себя же во дворѣ подъ навѣсомъ; на пасху пекутъ опрѣсноки и жарятъ цѣликомъ съ костями ягненка, кровью котораго пачкаютъ двери своихъ избъ и притомъ, конечно незавѣдомо, пачкотню эту выводятъ въ видѣ креста; стучатъ въ стѣны въ день усмиренія гнѣва царя Артаксеркса и даже вѣшаютъ петлю подъ навѣсомъ, вѣроятно для Амана. Вечеромъ въ пятницу наступаетъ у субботниковъ шабашъ и длится до „заката субботняго солнышка". Никакими средствами нельзя заставить субботника сдѣлать что-нибудь во время шабаша; еврея можно смутить деньгами, субботникъ же не пойдетъ ни на какой

компромиссъ. Въ шабашъ субботники даже не ѣдятъ ничего и не пьютъ, чтобы не думать о земномъ въ тотъ день, который долженъ быть весь посвященъ Богу; они весьма порицаютъ евреевъ, которые сдѣлали уступку человѣческой натурѣ и только не готовятъ ничего въ шабашное время, а ѣдятъ заготовленное въ пятницу. Весь шабашъ употребляется на безмолвное сидѣніе и „воздыханіе", которое такъ облюблено русскимъ человѣкомъ православнымъ, молоканиномъ, скопцомъ, хлыстомъ, поповцемъ, безпоповцемъ и субботникомъ; даже читать ветхій завѣтъ запрещается въ шабашъ, такъ какъ читающій можетъ развлечься сторонними фактами, сообщаемыми въ немъ и отклониться мыслію отъ главнаго—величія Еговы. Только старѣйшина, т. е. человѣкъ совершенно сложившійся, можетъ читать писаніе, да и то съ разборомъ.

Не обошлось впрочемъ у субботниковъ и безъ такъ-называемыхъ „видимостей," противъ которыхъ ведутъ такую ожесточенную войну наши раціоналистическія секты; такъ напр., при чтеніи, старѣйшина надѣваетъ на себя суконный домотканный плащъ, сшитый изъ синихъ и бѣлыхъ полосъ, на груди у него виситъ до колѣнъ нѣчто въ родѣ эпитрахили, тоже сшитой изъ бѣлаго и синяго сукна, на лбу привѣшены „законники." Законниками у субботниковъ называется бѣлый холщевый мѣшочекъ, въ которомъ зашиты, писанныя на толстой картонной бумагѣ, 10 заповѣдей; отъ мѣшочка идутъ двѣ ленточки, которыя и обвязываются вокругъ головы такъ, чтобы законники приходились какъ разъ посреди лба; голова старѣйшины покрыта при этомъ ермолкой изъ синяго и бѣлаго сукна или бархата, смотря по достатку; изъ-подъ ермолки непремѣнно торчатъ по вискамъ изъ рукъ вонъ не ладящіе съ русской физіономіей—пейсы. „Да какъ у васъ ангеловъ-то пишутъ?" объяснилъ мнѣ одинъ изъ старѣйшинъ, о которомъ я упоминалъ уже выше,—„вѣдь власы въ низъ нисходящи и кудряваты — такъ-то и мы дѣлаемъ; надѣнешь шапочку-то, волосъ и не видать, а надыть, чтобы напоминать семейскимъ о небесныхъ благовѣстникахъ—вотъ и выпускаемъ грѣшные власы свои во ихъ власъ прообразованіе." Терпѣть не можетъ субботникъ, если его шапочку назвать ермолкой, а его кудри ангельскіе—пейсами: „это у жидовъ пейсы да ермолки, а у насъ ихъ нѣтъ; у Мысея не показано такъ называть—это ихніе лжемессіи придумали." Вообще слова: жидъ, жидовство представляются для субботниковъ, которыхъ намъ удалось наблюдать, чѣмъ-то въ

родѣ брани; жидъ—талмудистъ, слѣдовательно еретически толкующій законъ Моисея; чѣмъ были слова: якобинецъ и волтеріанецъ для людей начала нынѣшняго столѣтія, тѣмъ же самымъ представляются субботнику изъ описываемой мною общины слова: жидъ, еврей, іудей. „Знаемъ мы этихъ умниковъ-то, что поумнѣе Мысея быть захотѣли, знаемъ, и такъ-то о гибели ихней жалкуемъ, что и на̀-поди. Говорили мнѣ ихніе разные прокураты, какъ ихняя вѣра толкуетъ, только ничего въ ихъ вѣрѣ хорошаго не нашелъ я. Вотъ тоже и наши есть,—свихнулись; на Капказѣ живетъ много нашего брата субботника, только тоже въ уклонѣ отъ вѣры живутъ; талмудъ читаютъ, книжки разныя жидовскія,—ну и нѣсть имъ спасенія. То ли дѣло хурувимы—это вотъ вѣрніе и отъ нихъ намъ многому поучиться слѣдуетъ; эти Мысеева закона, настоящій Израиль.“ „Виданое-ли дѣло, чтобы чистое, богоданное животное не ѣсть и за нечисть почитать? а евреи такъ дѣлаютъ, задины ни за что сѣть не станутъ—трейфъ; и не вѣсть что затрейфили, хоть съ голоду помирай! а все талмудъ ихъ проклятый, да мессіи ихніе лживые. У Мысея ничего этого нѣтъ, значитъ и не надо, а свое прибавлять грѣхъ. Ишь вотъ Фараонъ вавилонскій придумывалъ, придумывалъ все по своему, да и замычалъ по волчиному—не возносись въ гордынѣ твоей. И наши туда же съ дуру полѣзли, слышно, дѣтей по еврейскому обучаютъ, чтобы этотъ талмудъ читали.“ Изъ всего только-что сказаннаго явствуетъ, что субботничество въ подражаніи своемъ гебраизму дошло дотого, что дало даже мѣсто въ средѣ своей обоимъ значительнѣйшимъ сектаторскимъ направленіямъ, выяснившимся въ Моисеевой религіи; караимы и талмудисты евреевъ вполнѣ соотвѣтствуютъ описываемымъ геррамъ и закавказскимъ субботникамъ; субботники, которыхъ мы наблюдали, считали себя правовѣрными, а закавказскихъ собратій своихъ—новаторами и еретиками, также точно и караимы себя признаютъ исповѣдующими истинную Моисееву религію, а талмудистовъ — новаторами и еретиками.

Когда я первый разъ пришелъ къ упомянутому выше старѣйшинѣ-новатору, онъ принялъ меня сурово и неохотно отвѣчалъ мнѣ на кое-какіе вопросы объ урожаяхъ, заработкахъ и т. п.; надо было какъ-нибудь разувѣрить его, что я не подосланъ. Обыкновенныя средства не дѣйствовали въ этомъ случаѣ, потому что никого еще изъ другихъ субботниковъ я не зналъ и не могъ передать

ему ни поклона, ни рекомендаціи. Я сталъ дѣйствовать на проломъ и прямо объявилъ, что хочу узнать ихъ вѣрованіе съ чисто научною цѣлью; сначала старикъ сталъ увѣрять меня, что ихъ вѣра православная, что они въ церковь ходятъ усердно, подати платятъ аккуратно, съ начальствомъ живутъ мирно, супротивностей никакихъ не чинили, но мало-по-малу онъ наконецъ удостовѣрился, что я не отъ губернатора и сдѣлался разговорчивѣе; я разсказывалъ ему о разныхъ вѣрахъ, на Руси существующихъ; смышленый старикъ съ жадностью ловилъ мои слова и на слѣдующій день мы сидѣли уже за неизмѣннымъ спутникомъ всякихъ изслѣдованій—ведерпымъ самоваромъ, да бутылочкой настоящей мадеры, которую гдѣ-то въ Осташковѣ изготовляютъ про всю Русь православную, и болтали о субботническихъ догматахъ и даже о возможности дальнѣйшаго существованія той субботнической общины, гдѣ жилъ мой собесѣдникъ. Я постараюсь передать здѣсь самую суть нашего разговора словами самого старѣйшины, такъ какъ передавать весь разговоръ считаю излишнимъ.

„Много врутъ про насъ вздору—глотки-то не заткнешь, языка не привяжешь, говорилъ старѣйшина. Выдто мы ребятъ малыхъ въ жертву Богу приносимъ — врутъ, никогда такого у насъ не было. Посвящать мы ихъ Богу посвящаемъ, а только ничего надъ ними мы не дѣламъ. Да я вотъ такой-то точно; меня мать въ утробѣ Богу посвятила; и ничего во мнѣ нѣтъ особаго, и женатъ я, и дѣти есть, и не въ попахъ я хожу, а такъ только говорится „посвященный“ —на нищую братію долженъ я десятину отъ трудовъ своихъ выдавать, окромя той десятины, что на народъ сходитъ. Ужъ и скопителями-то насъ величаютъ, а у насъ этого опять нѣтъ; Богъ далъ уды—Богъ и отнять властенъ, а человѣкъ не властенъ; сказано: плодитесь и населяйте землю — мы законъ и исполняемъ, а оскопившись, не исполнишь. Говорятъ, они и въ Бога не вѣрятъ—опять врутъ. Богъ-то былъ, есть и будетъ; и язычникъ и тотъ въ Бога вѣритъ, только зря про него думаетъ. А вотъ они то, что другихъ учить падки, такъ сами не больно-то учены; въ писаніи сказано: „сый“, а они толкуютъ: „сынъ“. Духъ иное дѣло—онъ есть и въ писаніи—объ немъ и спорить нельзя, ну а объ сынѣ нѣтъ. Сами говорите: Мысей великъ пророкъ, по указанію Божію писалъ, а того не разберете, что онъ въ писаніи сына не прописывалъ. Что-же онъ не зналъ объ немъ, что-ли? Не помудрѣе-ли

Мысея вы быть хотите? Такъ вамъ-то Богъ не подсказывалъ, а онъ-то со словъ божескихъ писалъ.

— Да кто же „сынъ" то былъ? чѣмъ вы его считаете?

— Сына нѣтъ, а Христосъ былъ. Великъ онъ пророкъ передъ Богомъ и херомъ онъ былъ съ двѣнадцати лѣтъ—это и въ евангеліи есть. Хороша эта книжка, кабы да вы изъ нея выписочку сдѣлали! куда какъ хороша бы книжка была! Есей пророкъ — знаешь? Опять Илья пророкъ, Езекій пророкъ, Давыдъ царь пророкъ, Иванъ Богусловъ пророкъ; такъ-то вотъ и Христосъ въ пророкахъ ходилъ. Онъ самъ васъ въ дѣло носомъ тычетъ, да вы отъ слѣпоты сами отстать не хотите.

— Значитъ у васъ признаются только два лица? спросилъ я, желая уяснить себѣ отношеніе субботниковъ къ ученію объ ѵпостасяхъ.

— Да вѣдь Богъ-то духъ, отвѣчалъ мой собесѣдникъ. Знаешь ли ты, что эта самая „упустась" означаетъ? То-то вотъ вы дѣла-то ни разбираете. Это тоже наше же, еврейское слово—значитъ „явленіе", а вы толкуете: лицо.

Откуда почерпнулъ это свѣдѣніе старикъ—рѣшительно не знаю, но наши сектанты дотого убѣждены въ истинности своихъ вѣрованій, что сами создаютъ доказательства, часто приводятъ въ свидѣтельство ими же самими придуманные факты и притомъ находятся въ полномъ убѣжденіи, что они говорятъ правду, что обо всемъ этомъ они гдѣ-то читали, или отъ кого-то слышали.

— Сказано: Богъ, Елой, Егова, Творецъ, Вседержитель, а ты понимай: Сила, Любовь, Духъ, Творецъ, Вседержитель. Какъ ни называй—все одно выходитъ. Ты теперь такъ понимай: солнышко одно на небѣ, а и теплитъ, и свѣтитъ, и произрастаетъ.

Такимъ образомъ, благодаря сравненію, употребленному моимъ собесѣдникомъ, мнѣ стало ясно, что субботники признаютъ одну лишь ѵпостась, причемъ Духа святаго признаютъ лишь за особое проявленіе божеской дѣятельности, Сына же не признаютъ вовсе и считаютъ его за пророка наравнѣ съ другими ветхозавѣтными пророками; одно лишь смущало меня и я постарался разъяснить себѣ непонятное для меня обстоятельство.

— Ну, а Іоаннъ-то креститель, тоже пророкъ?

— Иванъ Богусловъ? а то какже?

— Такъ вѣдь онъ пророчествовалъ о Христѣ и даже призналъ его?

— Вотъ это-то и пустое. Гдѣ-жъ онъ призналъ? Онъ вобче говорилъ, а вы о Христѣ понимаете. „Грядетъ по мнѣ"—такъ вѣдь и я по немъ гряду, такъ можетъ и я Мессія. Ужъ если хочешь знать, такъ не таковъ Мессія будетъ, каковъ былъ Христосъ Назарейскій. У Мысея что сказано? Придетъ во славѣ и въ гласѣ трубнемъ; оно такъ и есть. Какъ ему придти-то, поднимутся по всѣмъ землямъ войны и братъ на брата встанетъ бранію. Тогда-то явится онъ, батюшка, и подниметъ кличъ по землѣ: народъ мой любезный, граждане Сіонскіе, пріидете ко мнѣ! И соберутся къ нему всѣ, кто ему вѣрнымъ остался и станутъ въ полкъ его и отнимутъ св. грады у поганыхъ, а ненавидящіе насъ устыдятся. Онъ же воцарится во св. градѣ навѣки съ потомствомъ своимъ и всѣ вѣрніи его тутъ съ нимъ будутъ. Читалъ небось тоже, что Мессія будетъ царемъ іудейскимъ, а развѣ тотъ-то царь былъ? Сколько разъ принимались отнимать св. градъ у поганыхъ, однако что-то не дюже подается—видно не время. А тогда сами поганые отстанутъ отъ града, увидѣвъ силу и могущество его. Небось и вы Мессію также по-нашенски ожидаете въ славѣ, да въ почести, аки судію великаго, только вотъ уступить-то не хочется—все свое, да свое. Апокалипсисъ-книгу читалъ-ли? Тамъ что сказано? Даромъ что-ли вы ее за вдухновенную признали? Небось не даромъ. А тамъ что сказано? Пріидетъ, а не пришолъ. Тамъ Мессія-то прямо таки по-нашенски ожидается. Опять Хабалъ-книга Мысея пророка? Тамъ что сказано? А вы ее за бредни почитаете. А почему? Да потому, что подъ вашу статью не подходитъ.

— Какая же это Хабалъ-книга? Вѣдь Моисею приписываютъ только пять книгъ?

— Ну хоть не пять, а и побольше; да эту-то книгу оно и правда, что не самъ онъ написалъ, только съ его словъ писана она Арономъ косноязычнымъ. Велика сія книга передъ Богомъ! страсть велика! Теперь эту книгу и достать трудно—рѣдка стала, а прежде-то вотъ, помню, что видывалъ и я ее грѣшный у отца; какъ ему читать ее—надѣнетъ питрафиль бѣлонебесную, а законники на чело препояшетъ, а мы-то сидимъ, не шелохнемся — на руку старикъ строгъ былъ дюже. И чего только нѣтъ въ этой книгѣ: и леченья разныя, и науки, и какъ золотые камни дѣлать, и все-то тамъ прописано. Извѣстно, кабы теперь на нее наткнуться—почиталъ бы съ почтеніемъ, а тогда-то, бывало, побаловать съ ребятенками хочется, сидишь, да глазами хлопаешь.

Какъ ни бился я, дальнѣйшихъ поясненій о томъ, что это за книга, я не получилъ. Старикъ перепуталъ въ конецъ свои воспоминанія, сталъ говорить мнѣ стихи изъ голубиной книги, потомъ свернулъ на какое-то московское подкаретное изданіе Мартына Задеки, наконецъ сталъ втупикъ и отрубилъ опять свое: „велика сія книга передъ Богомъ! Егова всю ее на небесахъ написалъ и показалъ Мысею, а тотъ уже говорилъ Арону косноязычному. Кабы да эту книгу, да на умнаго человѣка — не разстался бы съ нею!"

Оказалось такимъ образомъ, что русскій человѣкъ не могъ не дать своего чисто мѣстнаго колорита пересаженной къ нему іудейщинѣ. Странное дѣло, но ни одна изъ нашихъ сектъ не обходится безъ какой-нибудь книги божественнаго происхожденія; скопческія „страды" падаютъ съ неба, хлыстовская „молитва пресладкая Христа сына божія къ своему на землѣ подобію"—тоже; такого же происхожденія (т. е. нашептана Богомъ Матвѣю Семеновичу) молоканская книга: „благодарное раздумье", которое намъ случалось видѣть только одинъ разъ; ясно, слѣдовательно, что мотивъ вездѣ одинъ и тотъ же, и остается предположить, что необходимость имѣть богоданный кодексъ вытекаетъ изъ источника древняго; и въ самомъ дѣлѣ, субботническая хабалъ-книга чрезвычайно напоминаетъ, извѣстную съ одного конца Россіи до другаго, голубиную книгу, которая тоже „выпадаетъ" съ неба.

Русскаго человѣка часто укоряютъ въ томъ, что онъ обезличивается весьма скоро при встрѣчѣ съ чуждою національностью и принимаетъ и языкъ, и обычаи инородческіе; въ примѣръ такого обезличенія, намъ приводятся великороссійскія поселенія среди зырянъ, нѣсколько омордвинившихся селъ въ волжскомъ бассейнѣ, уступчивость великорусской національности малорусской въ воронежской губерніи; но еслибы только потрудились хорошенько изслѣдовать это мнимое обезличеніе, то увидѣли бы, что мнѣніе это совершенно ошибочно. Что̀ именно перенимаетъ русскій человѣкъ? Только внѣшность, да и къ той онъ съумѣетъ прибавить своего, чисто русскаго, иногда весьма гнуснаго. Услыхалъ пограничный съ Китаемъ поселенецъ слово: «фу» — онъ его перенялъ и къ русской рѣчи своей то и дѣло прибавляетъ облюбленное: «фу»; онѣмечился русскій вовсе, а ужъ съ своею чистокровно-русскою неумытостью и съ знаменитою шириною натуры никогда не разстанется; казакъ сибирскій обратчился и по разговору и по обычаю сдѣлался рѣшительно брат-

скимъ (бурятъ), но ужъ отъ вороватости своей ни за что не откажется и передалъ даже это неказистое качество окружнымъ инородцамъ; русскій мужикъ объіудеялся вовсе, пейсы носить сталъ, ермолку, и даже увѣряетъ, что онъ не Кузька, аАаронъ; но и тутъ не обошлось безъ русскаго духа — явилась Хабалъ-книга, іудейству пришлось мириться съ апокалипсисомъ, который облюбила склонная къ мистицизму натура русская.

Но не въ одномъ этомъ проявились характеристическія черты русскаго типа; въ русскій гебраизмъ втерлось много такого, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ требованіями Моисеева закона. Надо отдать полную справедливость субботникамъ, что особеннаго развитія въ нихъ замѣтить рѣшительно невозможно; уже самое принятіе ими религіи готовой, еврейской религіи, есть признакъ отсутствія самодѣятельности разума, а потому и понятно, что чисто духовное богопочитаніе гебраизма не могло быть для нихъ вполнѣ понятнымъ, какъ людямъ совершенно еще не подготовленнымъ къ духовному поклоненію божеству. Намъ случалось видѣть даже у самыхъ рьяныхъ противниковъ всякихъ видимостей—молоканъ, почти совершенно такое же, какъ и у православныхъ, иконопочитаніе, т. е. прикладываніе къ портрету Уклеина и другихъ; у христовщинцевъ потребность поклоняться видимому божеству высказывается еще рѣзче и вслѣдствіе этого являются на радѣніяхъ портреты христовщинскихъ дѣятелей и даже самолично Богъ и Богородица, которымъ поклоняются корабельщики. Совершенно тоже самое замѣчаемъ мы и у субботниковъ; законъ Моисея строго воспрещаетъ поклоняться изображеніямъ божества, но Моисей не могъ предвидѣть только одного обстоятельства—желанія поклоняться ему самому, какъ создателю религіи. Почти въ каждомъ субботническомъ домѣ встрѣчались намъ изображенія Моисея въ разные моменты его жизни, чаще же всего попадались намъ картинки изъ изданія: „Священная исторія въ картинахъ“ и одна только лондонская гравюра, изображающая Моисея при горькихъ источникахъ Мерры съ „трисіяніемъ“. Когда я спрашивалъ у хозяевъ, зачѣмъ повѣсили они эти изображенія въ красномъ углу, то они отвѣчали, что дѣлаютъ это изъ уваженія къ Моисею, который настолько угодилъ Богу, что сдѣлался посредникомъ въ отношеніяхъ его къ людямъ и сподобился передать начертаніе божественной религіи народу Божію. Когда, по моей просьбѣ, они снимали со стѣнъ эти картинки, то

тщательно обтирали ихъ, цѣловали и относились къ нимъ вообще такъ, какъ относится любой православный къ иконамъ; старообрядческаго иконолюбія впрочемъ я не замѣтилъ. Передъ семейнымъ чтеніемъ ветхаго завѣта, читающій всегда отправляется прежде поцѣловать икону Моисея, по окончаніи чтенія опять идетъ прикладываніе, въ которомъ принимаютъ участіе уже всѣ члены семьи.

По убѣжденію субботниковъ, благость божія не въ силахъ долѣе сносить людскаго беззаконія и не сегодня—завтра зазвучитъ призывная труба Еговы; телеграфы, желѣзныя дороги и реформы, потребовавшія непомѣрнаго увеличенія податей, совершенно сбили ихъ съ толку и они твердятъ то и дѣло о наступившихъ уже послѣднихъ временахъ. „Поднимутся брани многія и великія, братъ на брата мечомъ препояшется и настанетъ тма и мерзь великая (?); разступится земля, изольется на нее для омовенія отъ грѣховъ море-окіянъ и выйдетъ изъ него древній Фараонъ въ багряницѣ и въ трисіяніи, дабы затмить свѣтомъ грядущаго Мессію; какъ древле вселился сатана въ него же для погубленія народа Божія, такъ и нынѣ вселится въ него сатана для новой попытки къ погубленію всего Израиля чрезъ убійство грядущаго Мессіи. И разверзнутся небеса и обуяетъ свѣтъ правды Фараона и нарекутъ ему съ неба имя—антихристъ, за противность его Мессіи. Съ востока же покажется Мессія въ блескѣ славы и величія; свѣтъ правды озаритъ Фараона и устыдится онъ своего трисіянія и угаснетъ свѣтъ сіянія его; тутъ приступитъ къ нему Мессія и поразитъ его копьемъ истины и снова разверзнется земля и поглотитъ проклятое тѣло его, душу и море. Тогда-то въ ликованіи побѣды воскликнетъ Мессія къ вѣрнымъ сынамъ своимъ, которые выйдутъ изъ-подъ воды морской убѣленны отъ грѣховъ и неправды, соберетъ ихъ со всѣхъ концовъ земли, воцарится съ ними въ градѣ святомъ и царствію его не будетъ конца. Да не мы одни такъ-то думаемъ; много нашихъ на Капказъ ушло Мессію встрѣчать и столкнулись тамъ съ нѣмцами—тоже Мессію встрѣчать пришли. Вотъ бабочки есть, старушки богомольщицы, такъ говорятъ, даже колыбельку Мессиину на горѣ Араратѣ видать изъ подъ земли“.

Вотъ какую картину создалъ гебраизмъ при помощи совершенно чуждой ему подкладки религіознаго дуализма. То же стремленіе, которое сдѣлало у христовщинцевъ Христа чѣмъ-то въ родѣ дуалистическаго юнаго бога, сражающагося съ темнымъ божествомъ, ко-

торое внесло въ христіанство присущій древнерусскому язычеству миѳъ о борьбѣ свѣтлаго и темнаго начала,—то-же стремленіе вторглось и въ замкнутое субботничество, столь строго относящееся ко всякимъ нововведеніямъ, и упочвило то, что было посажено чуждаго и не мирящагося съ перваго взгляда со складомъ ума, характеромъ и всѣмъ строемъ жизни русскаго человѣка. Когда я сталъ доискиваться, откуда почерпнулъ мой собесѣдникъ вышепереданную мною картину, выхваченную изъ ученія Зердуистры, если не прямикомъ, то по крайней мѣрѣ при посредствѣ своихъ собственныхъ дуалистическихъ языческихъ основъ и значительнаго общенія съ болгарскими богомилами,—то онъ снова заговорилъ о Хабалъ-книгѣ, которая, по его словамъ, добавляетъ еще много подробностей, испарившихся изъ его памяти. Слѣдуетъ предполагать однако, что на самомъ дѣлѣ никакой Хабалъ-книги и не существуетъ, такъ какъ (по крайней мѣрѣ подвергшіеся моему наблюденію) субботники ее никогда сами не читали, а или полагаютъ, что видѣли у отцовъ, или же слышали о ней отъ стариковъ. Намъ кажется, что Хабалъ-книга служитъ только въ рукахъ болѣе смѣлыхъ старѣйшинъ ловкимъ отводомъ для слишкомъ строгихъ гебраистовъ, когда первые хотятъ ввести что-нибудь новенькое, своего собственнаго измышленія. Собственныхъ соображеній не допускается, разсужденіе изгнано изъ субботничества и вотъ на сцену является мнимая Хабалъ-книга, написанная на небесахъ самимъ Богомъ для Моисея, а противъ такого авторитета уже конечно никто спорить не станетъ.

Что касается будущности субботничества, то намъ кажется рѣшительно невозможнымъ дальнѣйшее его существованіе тамъ, гдѣ мы его наблюдали. Уже самая потребность появленія Хабалъ-книги показываетъ, что строгій ветхозавѣтный гебраизмъ перестаетъ удовлетворять лучшіе умы общины, а разговоры о томъ, что Егова не далъ бы разума человѣку, еслибы онъ не былъ потребенъ, прямо предвѣщаютъ имѣющій случиться переворотъ. Понятно, что не вся еще община подготовлена къ тому, чтобы окончательно сбросить съ себя ярмо гебраизма, но большая часть, намъ кажется, ждетъ только удобнаго случая. Въ то время, когда такимъ образомъ мѣстное субботничество стоитъ на перепутьѣ, не дремлютъ тѣ, къ кому видимо тянутъ наиболѣе развившіеся гебраисты; на основаніи рѣшенія собора 1866 года, молокане то и дѣло посылаютъ своихъ наставниковъ въ ближнія къ субботникамъ селенія, а наставники за

самоварчикомъ раздуваютъ искорку, вспыхнувшую въ субботническомъ застоѣ. Но кромѣ возможности перехода нѣкоторой, лучшей части субботнической общины, въ молоканство (что, конечно, не можетъ однако совершиться въ одинъ годъ), есть еще одинъ путь, по которому и пойдетъ вѣроятно та часть общины, которая недоразвилась еще до пониманія поклоненія божеству въ духѣ и которой не слишкомъ еще пріѣлась религія патріарховъ. Путь этотъ— талмудизмъ. Уже теперь приходится слышать иногда жалобы, въ родѣ: „наукамъ-то вотъ мы не выучены, а то начитаться бы талмуда еврейскаго — можетъ и въ немъ тоже есть что отъ Бога?" Два семейства, переселившіяся не особенно давно на Кавказъ, прямикомъ таки съютились съ тамошними субботниками и переняли отъ нихъ талмудистскую премудрость *), которою и угощаютъ изрѣдка въ письмахъ своихъ бывшихъ односельцевъ. Вопросъ состоитъ только въ томъ: явится-ли для проповѣди талмуда какой-нибудь рискунъ-еврей, или же рискнетъ на эту новинку доморощенный проповѣдникъ. Что и тотъ и другой успѣютъ въ своемъ дѣлѣ—это вѣрно.

— Откуда же ваша вѣра? спросили мы разъ того же старѣйшину. Кто изъ русскихъ людей первый пошелъ по ней?

— Митрополитъ Лука,—отрубилъ онъ—новгородскій епископъ.

И такъ, вотъ кому взвалили на плечи сами субботники обузпривитія гебраизма къ русскому люду—Лукѣ Жидятѣ, который ни душой, ни тѣломъ въ этомъ не виноватъ; довольно было услыхать субботнику прозвище Луки, чтобы въ умѣ его родилась мысль о томъ, что Жидята былъ первымъ, принявшимъ Моисеевъ законъ на Руси.

На вопросъ: почему явилась возможность перехода кучки русскихъ людей въ гебраизмъ? полагаю излишне даже и отвѣчать, такъ какъ что только невозможно при томъ состояніи народнаго образованія, которое мы видимъ въ настоящее время въ нашемъ необъятномъ по части пространства и всякаго рода непочатыхъ угловъ отечествѣ. Къ сожалѣнію, много еще времени пройдетъ и много воды утечетъ, когда станутъ невозможны метаморфозы, подобныя той, которая приключилась съ Кузькой, сдѣлавшимся вдругъ Аарономъ.

В. Майновъ.

---

*) Они, между прочимъ, до того вѣѣлись въ талмудистскую кашу, что, основываясь на книгѣ «Ниддъ», не только отстраняются отъ женщинъ во время менструаціи, но и отказываются вообще отъ всякаго съ нею сообщенія. Новая черта чисто русскаго духовнаго и плотскаго самоотверженія.

ОРГАНИЗАЦІЯ ЛИТЕРАТУРНАГО ТРУДА.

Среди безконечнаго разнообразія вопросовъ, которые подлежатъ ex officio вѣдѣнію литературы, есть одинъ, который постоянно и едва ли не намѣренно обходится деликатнымъ молчаніемъ—это вопросъ объ условіяхъ, какъ матеріальныхъ, такъ и нравственныхъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ, среди которыхъ производится вся масса умственнаго труда, результатъ котораго именуется печатнымъ словомъ. То немногое, что высказывается по этому поводу, высказывается какъ-бы случайно, вскользь и едва задѣваетъ окраину вопроса, оставляя средину нетронутою. Что побуждаетъ литературу къ этому деликатному умалчиванію? Скромная ли неувѣренность въ своемъ правѣ отвлекать вниманіе общества отъ болѣе близкихъ ему интересовъ вещами, которыя ни до кого, кромѣ самихъ господъ литераторовъ, повидимому, не касаются, и возводить въ дѣло общественной важности интересы ничтожной горсти людей, какихъ нибудь двухъ-трехъ сотъ человѣкъ? Боязнь ли раздразнить гусей,—или же, наконецъ, та изстари укоренившаяся замашка, которая всякое „высшее служеніе“ превращаетъ въ элевзинское таинство и, ревниво оберегая авторитетъ его жрецовъ, опускаетъ между ними и непосвященною толпою завѣсу непроницаемой тайны?—Каковы бы ни были причины этого явленія, результаты его едва-ли выгодны для кого бы то ни было. Отношенія, существующія у насъ между литературою и публикою, далеко не могутъ считаться нормальными, или, выражаясь точнѣе, эти отношенія могутъ считаться почти вовсе

не существующими. Та живая связь между пишущими и читающими, которая составляетъ душу живу всякой литературы и источникъ ея силы, ослабляется все болѣе и болѣе. То общеніе мыслей и чувствъ, та чуткость взаимнаго пониманія на полсловѣ, которыя еще на нашей памяти такъ облегчали задачу прежнихъ литературныхъ дѣятелей, все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто со стороны публики какому-то объективному равнодушію, какому-то безстрастію усталости и скуки. Въ общей сложности печатается и читается не меньше прежняго и даже больше,—но читается иначе, чѣмъ прежде: нѣтъ тѣхъ рѣзко очерченныхъ симпатій и антипатій, нѣтъ той серьезности увлеченія; въ книги и журналы заглядываютъ какъ въ справочную книгу, или пробѣгаютъ ихъ на досугѣ, отъ нечего дѣлать, одобряютъ или порицаютъ, и затѣмъ откладываютъ въ сторону, чтобы вернуться къ реальнымъ, дѣловымъ интересамъ жизни. Рядомъ съ этимъ индифферентизмомъ идетъ полнѣйшее незнаніе тѣхъ условій, среди которыхъ литературѣ приходится дѣйствовать. Не говоря уже о внутренней, такъ-сказать закулисной сторонѣ дѣла, которую и узнать публикѣ неоткуда, даже такіе доступные для общаго свѣдѣнія факты, какъ напримѣръ, положеніе, создаваемое литературѣ законами о печати, извѣстны большинству публикѣ лишь въ крайне-смутномъ видѣ и нерѣдко приходится слышать по этому поводу сужденія и вопросы, изобличающіе полнѣйшее незнаніе самыхъ основныхъ положеній закона 6-го апрѣля. Такое незнаніе имѣетъ въ результатѣ своемъ цѣлый рядъ недоразумѣній, еще болѣе расширяющихъ ту пропасть, которая отдѣляетъ литературу отъ общества.

Нелѣпо было бы взваливать цѣликомъ на литературу и ея дѣятелей отвѣтственность за такое ненормальное положеніе вещей. Литература есть не болѣе какъ барометръ, повышеніемъ и пониженіемъ котораго выражается общее состояніе соціальной атмосферы. Никому не приходитъ въ голову претендовать на барометръ, когда онъ опускается на „дождь“ и всякій понимаетъ, что для того, чтобы заставить его подняться до „ясно“, нужны такія условія, вызвать которыя барометръ безсиленъ. Но, если всякая человѣческая дѣятельность наравнѣ съ безсознательными стихіями, управляется совокупностью вліяній, лежащихъ внѣ ея самой и противъ круговой поруки которыхъ въ большинствѣ случаевъ она реагировать безсильна, то не надо забывать, что она и съ своей стороны, именно потому, что она сознательна, и по сколько она сознательна,—т. е. по сколько

стремится выяснить себѣ связь причинности въ окружающихъ явленіяхъ, — есть, съ своей стороны, дѣятельный факторъ. Если для всякой человѣческой дѣятельности выясненіе тѣхъ условій, среди которыхъ она происходитъ, составляетъ первый и весьма существенный шагъ на пути къ предположенной цѣли, то для литературы и подавно. Прямая и откровенная постановка вопроса, уже тѣмъ однимъ, что она устраняетъ всѣ иллюзіи, недоразумѣнія и разочарованія, сокращаетъ путь, и отрицательные выводы, къ которымъ она большею частію приводитъ, если и не даютъ еще сами по себѣ ключа къ рѣшенію задачи, то во всякомъ случаѣ, сокращая число ошибочныхъ рѣшеній, подыскиваемыхъ ощупью и на-угадъ, увеличиваетъ вѣроятіе пріискать наконецъ вѣрное рѣшеніе. Съ этой точки зрѣнія, выясненіе тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ условій, которыми обставленъ литературный трудъ, выясненіе самаго процесса этого труда важно не для однихъ людей литературной профессіи; общество настолько же заинтересовано въ ознакомленіи съ этимъ процессомъ, насколько оно заинтересовано и въ его результатахъ. Другими словами, если для общества важно, чтобы у него была литература, вполнѣ достойная этого имени, то для него также важно знать, что мѣшаетъ осуществленію этого идеала.

И это еще не все. Литература, независимо отъ ея спеціальнаго назначенія, есть такая же отрасль труда, какъ и всякая другая. Тѣ блаженныя времена, когда журналы пробавлялись даровыми приношеніями диллетантовъ, удѣлявшихъ писательству свои „досуги", и когда писатели скрывали передъ своими великосвѣтскими знакомыми то, что должно было составить славу ихъ въ потомствѣ, краснѣя за каждое пятнышко въ своемъ кабинетѣ, канули въ вѣчность. Споръ о томъ, насколько писатель въ правѣ торговать своей музой или, по просту говоря, брать гонораръ за свои произведенія, относится къ области давно минувшихъ и позабытыхъ курьезовъ. Въ настоящее время литературная работа совмѣщаетъ въ себѣ всѣ признаки и аттрибуты обыкновеннаго труда и наравнѣ съ послѣднимъ состоитъ въ тѣсной связи съ экономическими и соціальными условіями окружающей среды. Для всякаго, интересующагося изслѣдованіемъ этихъ условій, она представляетъ чрезвычайно благодарное поле для наблюденій; самая ограниченность этого поля, т. е. сравнительная малочисленность литературныхъ тружениковъ, облегчаетъ наблюденіе, давая возможность тѣснѣе группи-

ровать явленія и уловлять связь между законами и ихъ дѣйствіемъ. Такимъ образомъ литературная дѣятельность примыкаетъ внутреннею, такъ сказать, субъективною своею стороною къ той обширной области соціально-экономическихъ изслѣдованій, къ которой въ концѣ концовъ сводятся и въ которой ждутъ своего рѣшенія всѣ великіе вопросы науки и жизни. Уже этого одного достаточно, чтобы обезпечить и за этой внутренной, субъективной стороною долю общаго интереса по крайней мѣрѣ равную той, которая всѣми признается за объективными ея результатами.

I.

Если вліяніе и почетъ, которыми литература когда-то пользовалась въ массѣ общества, въ значительной степени ослабѣли въ настоящее время, то литераторство по прежнему стоитъ въ глазахъ большинства какъ-то особнякомъ отъ всѣхъ остальныхъ профессій и облечено ореоломъ, затмѣвающимъ блескъ всѣхъ прочихъ отличій. Быть знакомымъ съ литераторомъ считается уже не малымъ отличіемъ; иная провинціальная, а то пожалуй и столичная m-me Декамье, одержимая духомъ того, что англичане называютъ (cilibrity hunting (гоньба за знаменитостями), только и спитъ и видитъ, какъ бы залучить къ себѣ литератора, хотя бы изъ плохенькихъ, посуливъ своимъ знакомымъ угощеніе этого рода; она сознаетъ, что выросла во мнѣніи окружающихъ цѣлою головой и уже не жалѣетъ о трудахъ и неудачахъ, понесенныхъ ею, прежде чѣмъ осуществилась эта завѣтная мечта. Видѣть себя въ печати, хотя бы въ одномъ изъ тѣхъ заштатныхъ изданьицъ, которыя и съ литературою то имѣютъ весьма мало общаго, — равняется для инаго, даже солиднаго человѣка, повышенію въ чинѣ. Съ умиленіемъ читаетъ и перечитываетъ онъ свое собственное произведеніе, перешедшее сквозь горнило редакціи и побывавшее подъ типографскимъ станкомъ. Собственныя слова его, воспроизведенныя въ печатныхъ буквахъ, глядятъ на него какъ-то чудно и необыкновенно авторитетно: онъ открываетъ въ нихъ такую глубину мысли и богатство содержанія, какихъ и самъ прежде не подозрѣвалъ. Мы знали одного педагога, который имѣлъ много задатковъ, чтобы быть полезнымъ и почтеннымъ дѣятелемъ въ своей сферѣ: дѣло свое онъ зналъ хо-

рошо, ученики его любили, — но на бѣду нашъ педагогъ, въ качествѣ человѣка, стоящаго выше уровня толпы, считалъ себя призваннымъ домогаться той печати высшаго помазанія, которая налагается званіемъ литератора. Къ вящей еще бѣдѣ, это ему чуть-чуть не удалось; какое-то сочиненіе его на тему, соприкасающуюся съ его спеціальностью, было напечатано въ одномъ малоизвѣстномъ сборникѣ; но затѣмъ счастье, которое было такъ близко, такъ возможно, куда-то предательски скрылось, оставивъ ему по себѣ лишь нѣчто въ родѣ писательскаго запоя. Повѣсти, драмы и романы рѣкою текли изъ-подъ пера его и.... оставались въ портфелѣ. Экземпляръ злополучнаго сборника, въ которомъ красовалось единственное напечатанное произведеніе его, онъ хранилъ какъ палладіумъ, какъ обѣтованіе лучшихъ дней, какъ наглядное доказательство того, что если дни эти еще не настали, то виною тому лишь людская злоба и несправедливость. Къ профессіи своей онъ относился съ тѣмъ тоскливымъ раздраженіемъ, съ какимъ люди живутъ на бивуакахъ, ожидая со дня на день благопріятнаго поворота дѣлъ, который позволитъ имъ устроить свою обстановку болѣе прочно и по своему вкусу. Чувство обиды все росло и росло, питаясь собственною горечью, и горечь эта нисколько не умалялась оттого, что не было субъекта, на котораго можно бы было ее излить и въ которомъ воплотилась бы очевидная несправедливость судьбы, приковавшей литературнаго Прометея къ такому низменному дѣлу, какъ преподаваніе грамматики ребятишкамъ. Нечего и говорить, что спряженіе глаголовъ при этихъ условіяхъ шло спустя рукава; вообще говоря, не было человѣка несчастнѣе этого непризнаннаго литератора.... кромѣ развѣ тѣхъ знакомыхъ, которымъ онъ неотвязно читалъ свои объемистыя рукописи. Впрочемъ развязка этой буржуазной драмы вышла благополучнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Истощивъ всѣ усилія, чтобы проторить своимъ произведеніямъ дорожку въ какую нибудь либеральную редакцію, нашъ педагогъ махнулъ на либерализмъ рукою и успѣлъ прикомандироваться на скромныхъ правахъ „посторонняго сотрудника“ къ одному изданію, пользовавшемуся самою незавидною репутаціею. Послѣ этого онъ окончательно успокоился. Внутренній разладъ и брюзгливое раздраженіе уступили мѣсто олимпійскому самодовольству человѣка, который сознаетъ, что исполнилъ свое призваніе: онъ попалъ, какъ выражался Бѣлинскій, на свою полочку.

Мы думаемъ, что исторія нашего педагога-литератора есть исторія весьма многихъ и многихъ честолюбцевъ, которые, наоборотъ античному правилу, гласящему, что лучше „быть первымъ въ селеніи, чѣмъ вторымъ въ государствѣ“, полагаютъ больше чести въ томъ, чтобы примазаться хоть какъ нибудь сбоку къ république des lettres, чѣмъ въ добросовѣстномъ и полезномъ служеніи такому дѣлу, въ которомъ природныя способности, спеціальная подготовка и пріобрѣтенный опытъ, казалось бы, позволяли имъ чувствовать себя хозяевами и мастерами дѣла. Исторія эта поучительна въ томъ смыслѣ, что она показываетъ, изъ какихъ элементовъ отчасти слагается тотъ почетъ, которымъ литераторство пользуется въ обществѣ, и объясняетъ странное противорѣчіе между этимъ внѣшнимъ почетомъ и тѣмъ, въ сущности безправнымъ и одинокимъ положеніемъ, въ которомъ литературные работники стоятъ среди окружающаго ихъ общества. Почетъ этотъ сродни тому завистливому благоговѣнію, съ которымъ прапорщикъ смотритъ на толстыя штабъ-офицерскія эполеты, провинціальная щеголиха перенимаетъ фасоны у заѣзжей столичной модницы, или коллежскій регистраторъ перебираетъ всѣ ступени табели о рангахъ, отдѣляющія его отъ „особъ“. Понятно, что на такой подкладкѣ суеты и тщеславія не можетъ быть и мѣста серьезному пониманію задачъ литературной дѣятельности и правильной оцѣнкѣ ея общественнаго значенія.

Но есть еще другой разрядъ почитателей литературной профессіи, для которыхъ табель о рангахъ отступаетъ на второй планъ и основнымъ мотивомъ служитъ сердечность и лиризмъ благихъ стремленій, подчасъ наивныхъ, но всегда безкорыстныхъ и искреннихъ. Въ глазахъ молодежи, кое-чему учившейся, кое о чемъ думавшей и, главное, много перечувствовавшей, литература представляется какимъ-то фокусомъ, изъ котораго во всѣ стороны исходятъ лучи добра и разума. Любимые писатели представляются такому юношѣ не иначе, какъ въ сіяніи этихъ лучей; онъ не знаетъ о нихъ ничего, кромѣ тѣхъ статей, подъ которыми подписано ихъ имя, да и зачѣмъ ему знать больше? Развѣ они не всѣ въ этихъ статьяхъ? И онъ переноситъ на неизвѣстныя ему личности то горячее сочувствіе, съ которымъ онъ пробѣгалъ ихъ произведенія, еще ярче оттѣняемыя невзрачностью окружающей сѣренькой жизни. Вотъ бы стать въ кругу этихъ людей,—думаетъ юноша,—пожить бы ихъ жизнью, сказать бы вслѣдъ за ними и свое слово.... А этихъ своихъ словъ

у него много и кажется ему, что никто еще кромѣ него до нихъ не додумался и не дочувствовался. Что ему въ кружкѣ этихъ избранныхъ людей будутъ рады, какъ давно ожиданному гостю, что слово, выношенное и выстраданное въ горячкѣ юношескихъ восторговъ, отзовется громко и далеко,—въ этомъ онъ не сомнѣвается. Впрочемъ въ послѣднее время этотъ благодушный взглядъ на литературу и ея дѣятелей сталъ уступать мѣсто болѣе критическому отношенію. Въ той самой средѣ, въ которой до сихъ поръ литература находила самыхъ искреннихъ и горячихъ своихъ почитателей, все чаще и чаще приходится слышать сужденіе, что литература говоритъ не то, что слѣдуетъ, не такъ какъ слѣдуетъ. Но идеалъ литературной дѣятельности продолжаетъ стоять въ этой средѣ такъ же высоко, какъ когда либо, и если практика по какимъ либо случайнымъ обстоятельствамъ уклоняется отъ этого идеала, то тѣмъ болѣе причинъ для тѣхъ, которые, глядя со стороны, замѣтили эти отклоненія, приложить руку къ дѣлу и направить его куда слѣдуетъ. Къ тому же и выходы, открываемые другими сферами дѣятельности для тѣхъ изъ молодыхъ силъ такъ называемой интеллигенціи, которымъ отъ колыбели не поворожила бабушка,—не настолько многочисленны и заманчивы, чтобы относительно ихъ могло существовать затрудненіе въ выборѣ и чтобы юноша, видящій въ выборѣ профессіи нѣчто большее, чѣмъ простой вопросъ о карьерѣ или о кускѣ насущнаго хлѣба, не стремился къ профессіи, которая, вмѣстѣ съ изряднымъ, повидимому, матеріальнымъ обезпеченіемъ, сулитъ ему и возможность «плодотворнаго труда».

Но и на литературномъ поприщѣ, какъ и вездѣ, много званныхъ, но мало избранныхъ. Нумера забракованныхъ рукописей, которымъ въ каждой редакціи отведенъ свой уголокъ для мирнаго успокоенія „до востребованія“, могли бы представить свою долю интереса для любителей статистическихъ цифръ; видъ этихъ бумажныхъ кладбищъ для человѣка съ живымъ воображеніемъ могъ бы воспроизвести цѣлую повѣсть безсонныхъ ночей, восторговъ, тревогъ, надеждъ и разочарованій, которая прошла между первымъ моментомъ творчества и тѣмъ моментомъ, когда рукопись возвращается автору съ роковою, лаконическою припискою: „неудобна для напечатанія“. Но, какъ ни печальна и ни поучительна эта повѣсть, есть другая, еще болѣе поучительная и, зачастую, не менѣе печальная, это—повѣсть тѣхъ избранныхъ, передъ которыми от-

крываются двери заповѣднаго святилища. Ее-то мы и намѣрены прослѣдить.

Первыя неизбѣжныя мытарства пройдены благополучно; дѣвственная статья, хотя и съ значительными помарками и передѣлками, красуется въ только-что вышедшей книжкѣ журнала въ обществѣ такихъ именитыхъ подругъ, что скромная дебютантка навѣрное сконфузилась бы, если бы только бумага, на которой она отпечатана, умѣла конфузиться. Гонорарій, аккуратно расчитанный по числу листовъ и страницъ, выданъ сполна, — правда по уменьшенной противъ нормальной таксѣ, — благо новичекъ не знаетъ этой послѣдней, да если бы и зналъ, то на радостяхъ и по робости, свойственной новичкамъ, не сталъ бы протестовать. *) За первой статьей слѣдуетъ вторая, — въ кружкахъ свѣдущихъ людей начинаютъ поговаривать о новомъ питателѣ, какъ о подающемъ надежды. Обращеніе редактора утрачиваетъ свою олимпійскую недоступность, онъ улыбается и удостоиваетъ приглашенія на редакціонный вечеръ. И вотъ дебютантъ стоитъ въ кругу олимпійцевъ; онъ видитъ своими глазами и осязаетъ своими руками то, что пред-

---

*) Этотъ обычай расчитываться съ начинающими писателями по уменьшенной таксѣ если и не можетъ, къ чести нашей литературы, считаться правиломъ, общимъ для всѣхъ редакцій, за то въ нѣкоторыхъ принятъ за общее правило, которое и соблюдается въ предѣлахъ возможности; а какъ широки эти предѣлы, можно судить изъ того, что тамъ, напримѣръ, гдѣ обычная полистная плата считается въ пятьдесятъ рублей, начинающимъ платится только тридцать. Въ оправданіе этой кулаческой продѣлки (а въ оправданіи она нуждается тѣмъ болѣе, что къ ней не брезгаютъ прибѣгать иные редакторы, подъ фирмою которыхъ кулачество клеймится во всѣхъ его видахъ)—можно привести, и дѣйствительно приводятъ, доводъ, поражающій съ перваго взгляда своей основательностью: статья начинающаго писателя требуетъ въ большинствѣ случаевъ значительной обработки со стороны редакціи, а потому несправедливо было бы уравнивать такую статью въ отношеніи гонорарія съ произведеніемъ писателя опытнаго, рукопись котораго прямо отсылается въ типографію. Но доводъ этотъ не выдерживаетъ критики по двумъ причинамъ: во первыхъ, и между «опытными» писателями попадаются такіе, рукописи которыхъ задаютъ ничуть не меньше, а подъ часъ и больше работы редакціи, чѣмъ произведеніе какого нибудь новичка, между тѣхъ гонорарій этихъ господъ стоитъ, выражаясь биржевымъ языкомъ, al pari, или даже выше пари, во вторыхъ, даже въ томъ случаѣ, если весь трудъ редакціи относительно статьи новичка писателя ограничился отсылкой ея въ типографію, да обычнымъ просмотромъ корректуры, то дѣло отъ этого нисколько не измѣняется: онъ получаетъ свою уменьшенную чуть не на половину плату—не стоитъ молъ баловать тебя молокососа,—остальное наверстывается любезностями, если молокососъ оказывается изъ обѣщающихъ.

ставлялось изъ его прекраснаго провинціальнаго далека какою-то сіяющею отвлеченностью. Мало по малу онъ становится между этими людьми своимъ человѣкомъ, узнаетъ всю ту подноготную литературнаго мірка, которая, ничѣмъ не отличаясь отъ подноготныхъ прочихъ мірковъ, все-таки почему-то считается наряду деликатесъ, приберегаемыхъ для знатоковъ. Прежніе знакомые начинаютъ взирать на него съ благоговѣніемъ: они жадно ловятъ тѣ крохи литературнаго small talk и новостей дня, которыя перепадаютъ на ихъ долю изъ его разговоровъ; съ нимъ ни о чемъ другомъ не заговариваютъ, какъ о тѣхъ статьяхъ, которыя онъ написалъ, или думаетъ написать. Наивные Маниловы пророчатъ ему, что изъ него непремѣнно выйдетъ второй Добролюбовъ или Писаревъ, или новая звѣзда беллетристики, которая окончательно затмитъ собою сіяніе меркнущихъ звѣздъ „сороковыхъ годовъ". Онъ, конечно, не вѣритъ этимъ пророчествамъ; но отъ нихъ въ душѣ все-таки остается осадокъ, которому онъ немножко вѣритъ. Между тѣмъ, литературная карьера его въ сущности подвигается не такъ быстро, какъ то кажется со стороны благодушнымъ Маниловымъ. Вслѣдъ за первымъ удачнымъ произведеніемъ слѣдуютъ другія менѣе удачныя, за поощреніями кружка слѣдуютъ „придирчивыя" критики, или, что еще обиднѣе, гробовое молчаніе обозрѣвателей. Все, что о немъ печатается, до послѣдней бѣглой замѣтки въ какомъ-нибудь листкѣ, о существованіи котораго онъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ,—доходитъ какими-то неисповѣдимыми путями до его свѣдѣнья, волнуетъ и раздражаетъ его; да и поощренія кружка становятся сдержаннѣе и покровительственное доброжелательство уступаетъ мѣсто извѣстному себѣ-на-умѣ.

Медовый мѣсяцъ литераторства проходитъ. Жизнь устанавливается и принимаетъ разъ навсегда опредѣленный складъ; неумолимый реализмъ жизненнаго изо-дня-въ-день начинаетъ предъявлять одинъ за другимъ такіе мелкіе счеты, которые въ первоначальной смѣтѣ совсѣмъ ускользнули изъ виду, а теперь все растутъ и растутъ и рѣшительно измѣняютъ итогъ. Скромно восторженный новичокъ превратился въ литератора по профессіи. Профессія пообносилась на немъ, какъ обнашивается платье, и сидитъ если не такъ щеголевато, какъ когда была новенькая, съ иголочки, за то гораздо ловчѣе и покойнѣе. Онъ таки кое чему понаучился за это время; онъ узналъ, что не боги горшки обжигаютъ и уже не удивляется, видя, что въ этомъ самомъ свѣтломъ изъ мірковъ

умъ и ограниченность, талантъ и бездарность, искренность убѣжденія и мелкіе расчеты своекорыстія распредѣляются въ такой же пропорціи, какъ и въ остальныхъ міркахъ вселенной; онъ усвоилъ себѣ всю премудрость литературной техники, которая играетъ такую важную роль въ самомъ процессѣ творчества, а подъ-часъ выручаетъ съ грѣхомъ пополамъ и при отсутствіи творчества. Матеріальное положеніе его улучшилось, насколько оно вообще можетъ улучшиться въ этомъ быту, т. е. онъ почти увѣренъ, что пока существуетъ изданіе, къ которому онъ пристроился, ему стоитъ только писать, писать и писать, чтобы не умереть съ голоду и даже просуществовать съ извѣстнымъ комфортомъ. Но затѣмъ, спрашивается: что сталось съ тѣмъ нравственнымъ капиталомъ идей, знанія, таланта, съ которымъ онъ первоначально вступилъ на литературное поприще? На сколько преуспѣваетъ то «высшее служеніе», къ которому онъ стремился, которое играло роль рѣшительнаго момента при выборѣ имъ поприща?

Прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо взглянуть на тѣ матеріальныя условія, при которыхъ накопляется и расходуется этотъ нравственный капиталъ; тогда намъ станетъ ясенъ самъ собою и результатъ, къ которому неминуемо должна придти дѣятельность, поставленная въ подобныя условія,—результатъ, напоминающій, какъ мы увидимъ ниже, ту дилемму, которую въ народныхъ сказкахъ ставитъ доброму молодцу надпись на перепутьи трехъ дорогъ: пойдешь по этой дорогѣ, самъ пропадешь и конь пропадетъ; пойдешь по другой—самъ останешься цѣлъ, но конь пропадетъ, пойдешь по третьей — конь уцѣлѣетъ, а самъ пропадешь.

II.

Съ перваго взгляда, говорить о неудовлетворительности экономической организаціи литературнаго труда кажется какъ-то страннымъ и даже не совсѣмъ ловкимъ. Дѣйствительно, если мы возьмемъ цифры заработной платы, получаемой громаднымъ большинствомъ остальныхъ тружениковъ, то матеріальное положеніе пишущаго люда представляется привиллегированнымъ даже до невозможности сравненія между нимъ и положеніемъ какого нибудь неинтеллигентнаго проле-

тарія. Въ литературномъ трудѣ осуществляется, повидимому, вполнѣ тотъ идеалъ, къ которому, по увѣренію оптимистовъ, близятся сами собою остальныя отрасли труда: поштучная плата, эта desiderata, великодушно допускаемая оптимистами, составляетъ здѣсь неизмѣнное правило, поощряя трудолюбіе и давая прилежному работнику въ руки вѣрное средство улучшить свое благосостояніе; размѣры вознагражденія сравнительно высоки, и если способъ вознагражденія сохраняетъ старую форму саларіата,—то, какъ восклицаетъ г. де-Молинари,—не все ли равно, въ какой формѣ работникъ получитъ это высокое вознагражденіе—въ формѣ ли саларіата, или же въ формѣ доли участія въ прибыляхъ предпріятія? Все это безспорно справедливо, и если бы только тѣми desiderata, которыя великодушно допускаются оптимистами, дѣйствительно исчерпывался вопросъ, то положеніе литературы должно бы было служить нагляднымъ доказательствомъ чудодѣйственной силы патентованныхъ рецептовъ, предлагаемыхъ оптимистами. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ совершенно иное; на дѣлѣ мы видимъ, что и въ этомъ уголкѣ рынка труда подтверждается „желѣзный" политико-экономическій законъ, состоящій въ томъ, что заработанная плата никогда не повышается выше того, что строго необходимо для поддержанія существованія работника и его семьи. Подобное положеніе можетъ показаться парадоксомъ; не даромъ новѣйшіе политико-экономисты доказываютъ парадоксальность его даже въ примѣненіи къ настоящимъ, „заправскимъ" пролетаріямъ, напоминая, не безъ оттѣнка ироніи, что подъ выраженіемъ «строго необходимо» слѣдуетъ подразумѣвать то, что считается таковымъ *по обычаямъ данной страны*, и что, между тѣмъ, какъ индійскому работнику, съ этой точки зрѣнія, совершенно достаточно нѣсколькихъ сантимовъ, на ежедневной раціонъ рису, необходимый для него и семейства, и на платье, въ которое онъ одѣвается,—нѣмецкому работнику нуженъ шопенъ пива, англійскому порція бифстекса, а американскому необходимы въ придачу и ковры, для того, чтобы жить согласно съ уровнемъ потребностей, установившихся въ его странѣ. Указанія эти, конечно, клонятся къ тому, чтобы затушевать то, что есть суроваго въ упомянутомъ желѣзномъ законѣ и показать благотворное дѣйствіе цивилизаціи, торжествующей въ силу знаменитой формулы: laissez faire, laissez passer. „Очевидно, говоритъ одинъ изъ самыхъ видныхъ предста-

Мы думаемъ, что исторія нашего педагога-литератора есть исторія весьма многихъ и многихъ честолюбцевъ, которые, наоборотъ античному правилу, гласящему, что лучше „быть первымъ въ селеніи, чѣмъ вторымъ въ государствѣ“, полагаютъ больше чести въ томъ, чтобы примазаться хоть какъ нибудь сбоку къ république des lettres, чѣмъ въ добросовѣстномъ и полезномъ служеніи такому дѣлу, въ которомъ природныя способности, спеціальная подготовка и пріобрѣтенный опытъ, казалось бы, позволяли имъ чувствовать себя хозяевами и мастерами дѣла. Исторія эта поучительна въ томъ смыслѣ, что она показываетъ, изъ какихъ элементовъ отчасти слагается тотъ почетъ, которымъ литераторство пользуется въ обществѣ, и объясняетъ странное противорѣчіе между этимъ внѣшнимъ почетомъ и тѣмъ, въ сущности безправнымъ и одинокимъ положеніемъ, въ которомъ литературные работники стоятъ среди окружающаго ихъ общества. Почетъ этотъ сродни тому завистливому благоговѣнію, съ которымъ прапорщикъ смотритъ на толстыя штабъ-офицерскія эполеты, провинціальная щеголиха перенимаетъ фасоны у заѣзжей столичной модницы, или коллежскій регистраторъ перебираетъ всѣ ступени табели о рангахъ, отдѣляющія его отъ „особъ“. Понятно, что на такой подкладкѣ суеты и тщеславія не можетъ быть и мѣста серьезному пониманію задачъ литературной дѣятельности и правильной оцѣнкѣ ея общественнаго значенія.

Но есть еще другой разрядъ почитателей литературной профессіи, для которыхъ табель о рангахъ отступаетъ на второй планъ и основнымъ мотивомъ служитъ сердечность и лиризмъ благихъ стремленій, подчасъ наивныхъ, но всегда безкорыстныхъ и искреннихъ. Въ глазахъ молодежи, кое-чему учившейся, кое о чемъ думавшей и, главное, много перечувствовавшей, литература представляется какимъ-то фокусомъ, изъ котораго во всѣ стороны исходятъ лучи добра и разума. Любимые писатели представляются такому юношѣ не иначе, какъ въ сіяніи этихъ лучей; онъ не знаетъ о нихъ ничего, кромѣ тѣхъ статей, подъ которыми подписано ихъ имя, да и зачѣмъ ему знать больше? Развѣ они не всѣ въ этихъ статьяхъ? И онъ переноситъ на неизвѣстныя ему личности то горячее сочувствіе, съ которымъ онъ пробѣгалъ ихъ произведенія, еще ярче оттѣняемыя невзрачностью окружающей сѣренькой жизни. Вотъ бы стать въ кругу этихъ людей,—думаетъ юноша,—пожить бы ихъ жизнью, сказать бы вслѣдъ за ними и свое слово.... А этихъ своихъ словъ

у него много и кажется ему, что никто еще кромѣ него до нихъ не додумался и не дочувствовался. Что ему въ кружкѣ этихъ избранныхъ людей будутъ рады, какъ давно ожиданному гостю, что слово, выношенное и выстраданное въ горячкѣ юношескихъ восторговъ, отзовется громко и далеко,—въ этомъ онъ не сомнѣвается. Впрочемъ въ послѣднее время этотъ благодушный взглядъ на литературу и ея дѣятелей сталъ уступать мѣсто болѣе критическому отношенію. Въ той самой средѣ, въ которой до сихъ поръ литература находила самыхъ искреннихъ и горячихъ своихъ почитателей, все чаще и чаще приходится слышать сужденіе, что литература говоритъ не то, что слѣдуетъ, не такъ какъ слѣдуетъ. Но идеалъ литературной дѣятельности продолжаетъ стоять въ этой средѣ такъ же высоко, какъ когда либо, и если практика по какимъ либо случайнымъ обстоятельствамъ уклоняется отъ этого идеала, то тѣмъ болѣе причинъ для тѣхъ, которые, глядя со стороны, замѣтили эти отклоненія, приложить руку къ дѣлу и направить его куда слѣдуетъ. Къ тому же и выходы, открываемые другими сферами дѣятельности для тѣхъ изъ молодыхъ силъ такъ называемой интеллигенціи, которымъ отъ колыбели не поворожила бабушка,—не настолько многочисленны и заманчивы, чтобы относительно ихъ могло существовать затрудненіе въ выборѣ и чтобы юноша, видящій въ выборѣ профессіи нѣчто большее, чѣмъ простой вопросъ о карьерѣ или о кускѣ насущнаго хлѣба, не стремился къ профессіи, которая, вмѣстѣ съ изряднымъ, повидимому, матеріальнымъ обезпеченіемъ, сулитъ ему и возможность «плодотворнаго труда».

Но и на литературномъ поприщѣ, какъ и вездѣ, много званныхъ, но мало избранныхъ. Нумера забракованныхъ рукописей, которымъ въ каждой редакціи отведенъ свой уголокъ для мирнаго успокоенія „до востребованія“, могли бы представить свою долю интереса для любителей статистическихъ цифръ; видъ этихъ бумажныхъ кладбищъ для человѣка съ живымъ воображеніемъ могъ бы воспроизвести цѣлую повѣсть безсонныхъ ночей, восторговъ, тревогъ, надеждъ и разочарованій, которая прошла между первымъ моментомъ творчества и тѣмъ моментомъ, когда рукопись возвращается автору съ роковою, лаконическою припискою: „неудобна для напечатанія“. Но, какъ ни печальна и ни поучительна эта повѣсть, есть другая, еще болѣе поучительная и, зачастую, не менѣе печальная, это—повѣсть тѣхъ избранныхъ, передъ которыми от-

крываются двери заповѣднаго святилища. Ее-то мы и намѣрены прослѣдить.

Первыя неизбѣжныя мытарства пройдены благополучно; дѣвственная статья, хотя и съ значительными помарками и передѣлками, красуется въ только-что вышедшей книжкѣ журнала въ обществѣ такихъ именитыхъ подругъ, что скромная дебютантка навѣрное сконфузилась бы, если бы только бумага, на которой она отпечатана, умѣла конфузиться. Гонорарій, аккуратно расчитанный по числу листовъ и страницъ, выданъ сполна, — правда по уменьшенной противъ нормальной таксѣ, — благо новичекъ не знаетъ этой послѣдней, да если бы и зналъ, то на радостяхъ и по робости, свойственной новичкамъ, не сталъ бы протестовать. *) За первой статьей слѣдуетъ вторая, — въ кружкахъ свѣдущихъ людей начинаютъ поговаривать о новомъ питателѣ, какъ о подающемъ надежды. Обращеніе редактора утрачиваетъ свою олимпійскую недоступность, онъ улыбается и удостоиваетъ приглашенія на редакціонный вечеръ. И вотъ дебютантъ стоитъ въ кругу олимпійцевъ; онъ видитъ своими глазами и осязаетъ своими руками то, что пред-

*) Этотъ обычай расчитываться съ начинающими писателями по уменьшенной таксѣ если и не можетъ, къ чести нашей литературы, считаться правиломъ, общимъ для всѣхъ редакцій, за то въ нѣкоторыхъ принятъ за общее правило, которое и соблюдается въ предѣлахъ возможности; а какъ широки эти предѣлы, можно судить изъ того, что тамъ, напримѣръ, гдѣ обычная полистная плата считается въ пятьдесятъ рублей, начинающимъ платится только тридцать. Въ оправданіе этой кулаческой продѣлки (а въ оправданіи она нуждается тѣмъ болѣе, что къ ней не брезгаютъ прибѣгать иные редакторы, подъ фирмою которыхъ кулачество клеймится во всѣхъ его видахъ)—можно привести, и дѣйствительно приводятъ, доводъ, поражающій съ перваго взгляда своей основательностью: статья начинающаго писателя требуетъ въ большинствѣ случаевъ значительной обработки со стороны редакціи, а потому несправедливо было бы уравнивать такую статью въ отношеніи гонорарія съ произведеніемъ писателя опытнаго, рукопись котораго прямо отсылается въ типографію. Но доводъ этотъ не выдерживаетъ критики по двумъ причинамъ: во первыхъ, и между «опытными» писателями попадаются такіе, рукописи которыхъ задаютъ ничуть не меньше, а подъ часъ и больше работы редакціи, чѣмъ произведеніе какого нибудь новичка, между тѣхъ гонорарій этихъ господъ стоитъ, выражаясь биржевымъ языкомъ, al pari, или даже выше пари; во вторыхъ, даже въ томъ случаѣ, если весь трудъ редакціи относительно статьи новичка писателя ограничился отсылкой ея въ типографію, да обычнымъ просмотромъ корректуры, то дѣло отъ этого нисколько не измѣняется: онъ получаетъ свою уменьшенную чуть не на половину плату—не стоитъ молъ баловать тебя молокососа,—остальное наверстывается любезностями, если молокососъ оказывается изъ обѣщающихъ.

ставлялось изъ его прекраснаго провинціальнаго далека какою-то сіяющею отвлеченностью. Мало по малу онъ становится между этими людьми своимъ человѣкомъ, узнаетъ всю ту подноготную литературнаго мірка, которая, ничѣмъ не отличаясь отъ подноготныхъ прочихъ мірковъ, все-таки почему-то считается наряду деликатесъ, приберегаемыхъ для знатоковъ. Прежніе знакомые начинаютъ взирать на него съ благоговѣніемъ: они жадно ловятъ тѣ крохи литературнаго small talk и новостей дня, которыя перепадаютъ на ихъ долю изъ его разговоровъ; съ нимъ ни о чемъ другомъ не заговариваютъ, какъ о тѣхъ статьяхъ, которыя онъ написалъ, или думаетъ написать. Наивные Маниловы пророчатъ ему, что изъ него непремѣнно выйдетъ второй Добролюбовъ или Писаревъ, или новая звѣзда беллетристики, которая окончательно затмитъ собою сіяніе меркнущихъ звѣздъ „сороковыхъ годовъ". Онъ, конечно, не вѣритъ этимъ пророчествамъ; но отъ нихъ въ душѣ все-таки остается осадокъ, которому онъ немножко вѣритъ. Между тѣмъ, литературная карьера его въ сущности подвигается не такъ быстро, какъ то кажется со стороны благодушнымъ Маниловымъ. Вслѣдъ за первымъ удачнымъ произведеніемъ слѣдуютъ другія менѣе удачныя, за поощреніями кружка слѣдуютъ „придирчивыя" критики, или, что еще обиднѣе, гробовое молчаніе обозрѣвателей. Все, что о немъ печатается, до послѣдней бѣглой замѣтки въ какомъ-нибудь листкѣ, о существованіи котораго онъ до сихъ поръ и не подозрѣвалъ,—доходитъ какими-то неисповѣдимыми путями до его свѣдѣнья, волнуетъ и раздражаетъ его; да и поощренія кружка становятся сдержаннѣе и покровительственное доброжелательство уступаетъ мѣсто извѣстному себѣ-на-умѣ.

Медовый мѣсяцъ литераторства проходитъ. Жизнь устанавливается и принимаетъ разъ навсегда опредѣленный складъ; неумолимый реализмъ жизненнаго изо-дня-въ-день начинаетъ предъявлять одинъ за другимъ такіе мелкіе счеты, которые въ первоначальной смѣтѣ совсѣмъ ускользнули изъ виду, а теперь все растутъ и растутъ и рѣшительно измѣняютъ итогъ. Скромно восторженный новичокъ превратился въ литератора по профессіи. Профессія пообносилась на немъ, какъ обнашивается платье, и сидитъ если не такъ щеголевато, какъ когда была новенькая, съ иголочки, за то гораздо ловчѣе и покойнѣе. Онъ таки кое чему понаучился за это время; онъ узналъ, что не боги горшки обжигаютъ и уже не удивляется, видя, что въ этомъ самомъ свѣтломъ изъ мірковъ

умъ и ограниченность, талантъ и бездарность, искренность убѣжденія и мелкіе расчеты своекорыстія распредѣляются въ такой же пропорціи, какъ и въ остальныхъ мірках вселенной; онъ усвоилъ себѣ всю премудрость литературной техники, которая играетъ такую важную роль въ самомъ процессѣ творчества, а подъ-часъ выручаетъ съ грѣхомъ пополамъ и при отсутствіи творчества. Матеріальное положеніе его улучшилось, насколько оно вообще можетъ улучшиться въ этомъ быту, т. е. онъ почти увѣренъ, что пока существуетъ изданіе, къ которому онъ пристроился, ему стоитъ только писать, писать и писать, чтобы не умереть съ голоду и даже просуществовать съ извѣстнымъ комфортомъ. Но затѣмъ, спрашивается: что сталось съ тѣмъ нравственнымъ капиталомъ идей, знанія, таланта, съ которымъ онъ первоначально вступилъ на литературное поприще? На сколько преуспѣваетъ то «высшее служеніе», къ которому онъ стремился, которое играло роль рѣшительнаго момента при выборѣ имъ поприща?

Прежде чѣмъ мы отвѣтимъ на этотъ вопросъ, намъ необходимо взглянуть на тѣ матеріальныя условія, при которыхъ накопляется и расходуется этотъ нравственный капиталъ; тогда намъ станетъ ясенъ самъ собою и результатъ, къ которому неминуемо должна придти дѣятельность, поставленная въ подобныя условія,—результатъ, напоминающій, какъ мы увидимъ ниже, ту дилемму, которую въ народныхъ сказкахъ ставитъ доброму молодцу надпись на перепутьи трехъ дорогъ: пойдешь по этой дорогѣ, самъ пропадешь и конь пропадетъ; пойдешь по другой—самъ останешься цѣлъ, но конь пропадетъ, пойдешь по третьей — конь уцѣлѣетъ, а самъ пропадешь.

II.

Съ перваго взгляда, говорить о неудовлетворительности экономической организаціи литературнаго труда кажется какъ-то страннымъ и даже не совсѣмъ ловкимъ. Дѣйствительно, если мы возьмемъ цифры заработной платы, получаемой громаднымъ большинствомъ остальныхъ тружениковъ, то матеріальное положеніе пишущаго люда представляется привиллегированнымъ даже до невозможности сравненія между нимъ и положеніемъ какого нибудь неинтеллигентнаго проле-

тарія. Въ литературномъ трудѣ осуществляется, повидимому, вполнѣ тотъ идеалъ, къ которому, по увѣренію оптимистовъ, близятся сами собою остальныя отрасли труда: поштучная плата, эта desiderata, великодушно допускаемая оптимистами, составляетъ здѣсь неизмѣнное правило, поощряя трудолюбіе и давая прилежному работнику въ руки вѣрное средство улучшить свое благосостояніе; размѣры вознагражденія сравнительно высоки, и если способъ вознагражденія сохраняетъ старую форму саларіата,—то, какъ восклицаетъ г. де-Молинари,—не все ли равно, въ какой формѣ работникъ получитъ это высокое вознагражденіе—въ формѣ ли саларіата, или же въ формѣ доли участія въ прибыляхъ предпріятія? Все это безспорно справедливо, и если бы только тѣми desiderata, которыя великодушно допускаются оптимистами, дѣйствительно исчерпывался вопросъ, то положеніе литературы должно бы было служить нагляднымъ доказательствомъ чудодѣйственной силы патентованныхъ рецептовъ, предлагаемыхъ оптимистами. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы видимъ совершенно иное; на дѣлѣ мы видимъ, что и въ этомъ уголкѣ рынка труда подтверждается „желѣзный“ политико-экономическій законъ, состоящій въ томъ, что заработанная плата никогда не повышается выше того, что строго необходимо для поддержанія существованія работника и его семьи. Подобное положеніе можетъ показаться парадоксомъ; не даромъ новѣйшіе политико-экономисты доказываютъ парадоксальность его даже въ примѣненіи къ настоящимъ, „заправскимъ“ пролетаріямъ, напоминая, не безъ оттѣнка ироніи, что подъ выраженіемъ «строго необходимо» слѣдуетъ подразумѣвать то, что считается таковымъ *по обычаямъ данной страны*, и что, между тѣмъ, какъ индійскому работнику, съ этой точки зрѣнія, совершенно достаточно нѣсколькихъ сантимовъ, на ежедневной раціонъ рису, необходимый для него и семейства, и на платье, въ которое онъ одѣвается,—нѣмецкому работнику нуженъ шопенъ пива, англійскому порція бифстекса, а американскому необходимы въ придачу и ковры, для того, чтобы жить согласно съ уровнемъ потребностей, установившихся въ его странѣ. Указанія эти, конечно, клонятся къ тому, чтобы затушевать то, что есть суроваго въ упомянутомъ желѣзномъ законѣ и показать благотворное дѣйствіе цивилизаціи, торжествующей въ силу знаменитой формулы: laissez faire, laissez passer. „Очевидно, говоритъ одинъ изъ самыхъ видныхъ представ-

вителей этой школы, Курсель-Сенёль*), что человѣкъ, родящійся на свѣтъ, родится подъ условіемъ жить подъ законами, установленными его предшественниками, продолжать ихъ дѣло и совершенствовать его. Если онъ родился въ каменный періодъ или на Огненной Землѣ, онъ будетъ жить такъ, какъ жили люди въ каменный періодъ или какъ живутъ обитатели Огненной Земли. Если онъ родится въ наше время и у насъ, у него будутъ другія потребности, — но онъ будетъ вооруженъ семьею и обществомъ всѣми средствами для ихъ удовлетворенія; онъ будетъ посвященъ въ искусства, будетъ пріобщенъ къ гражданской жизни, и сознается, если онъ не идіотъ, что это лучше, чѣмъ обладаніе всею землею во времена каменнаго періода.“ Эти и подобныя разсужденія, подкрѣпляемыя подходящими цифрами, повторяются каждый разъ, когда нужно превознесть благотворное дѣйствіе цивилизаціи, основанной на принципѣ laissez faire, повторяются съ неподражаемо легкимъ сердцемъ и доктоpальною самоувѣренностью, какъ будто вовсе не существуетъ другихъ цифръ и научныхъ данныхъ, приводящихъ къ прямо противоположнылъ результатамъ. И нельзя сказать, чтобы этою тактикою не достигалась та практическая цѣль, которая одна и имѣется въ виду, а именно — дискредитированье назойливыхъ притязаній въ глазахъ наивныхъ людей. Дѣйствительно, какъ бы плохо данное положеніе ни было, какъ бы ни тяжело жилось въ немъ людямъ, всегда можно указать другое положеніе, которое еще плоше и въ сравненіи съ которымъ первое является чуть ли не верхомъ блаженства. Такъ, напримѣръ, если бы англійскій работникъ, не могущій по увѣренію оптимистовъ обходиться безъ бифстековъ, вмѣсто того, чтобы измѣрять свое благосостояніе благосостояніемъ своего заатлантическаго собрата, которому въ придачу къ бифстекамъ требуются еще ковры, оглянулся на положеніе нѣмецкаго своего собрата, обходящагося безъ ковровъ и безъ бифстековъ, то онъ долженъ бы былъ сознаться, что стоитъ сравнительно съ послѣднимъ въ лучшемъ положеніи; точно такое же сравненіе и съ такимъ же результатомъ могъ бы произвести и нѣмецкій работникъ, оглядываясь на положеніе своею собрата въ Индіи, который пива не пьетъ, питается рисомъ и одѣвается въ лохмотья. Цѣпь этихъ нис-

*) L'Héritage de la révolution. Questions constitutionnelles, par. J. G. Courcelle-Seneuil. Paris. 1872.

ходящихъ сравненій не останавливается и тутъ и можетъ быть проведена съ одинаковымъ успѣхомъ вплоть до нагихъ туземцевъ какого-нибудь острова Тихаго Океана, не брезгающихъ при случаѣ утолять голодъ человѣческимъ мясомъ, и даже до тѣхъ четверорукихъ родичей нашихъ, о которыхъ говоритъ Дарвинъ и у которыхъ Standard of life, если только они существовали, безъ сомнѣнія стоялъ еще ниже. Досужіе люди, глядя на эту цѣпь, въ которой каждое низшее звено такъ выгодно оттѣняетъ слѣдующее за ней высшее, конечно, проникнутся подобающимъ уваженіемъ къ чудесамъ прогресса и подъ этимъ впечатлѣніемъ зададутся вопросомъ:—Да и въ самомъ дѣлѣ, чего же еще надо этимъ людямъ недовольнымъ своимъ положеніемъ? Развѣ имъ не живется гораздо лучше, чѣмъ жилось другимъ людямъ до нихъ и чѣмъ до сихъ поръ живется многимъ вокругъ нихъ? Нѣтъ, видно недовольство ихъ и въ самомъ дѣлѣ ничто иное, какъ пустая блажь зазнавшихся людей!

Подробное разсмотрѣніе этой пресловутой аргументаціи и указаніе всѣхъ передержекъ и недоговариваній, къ которымъ она прибѣгаетъ въ примѣненіи къ вопросу въ общемъ, широкомъ его значеніи, завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Мы ограничимся лишь указаніемъ тѣхъ общихъ, подрывающихъ ее соображеній, которыя примѣняются къ спеціальному случаю, занимающему насъ въ настоящее время. При этомъ намъ все-таки придется уклониться нѣсколько въ сторону отъ вопроса, составляющаго предметъ настоящей статьи, но мы вынуждены это сдѣлать, такъ какъ только этимъ путемъ достигается правильная постановка и очистка его отъ хлама наросшихъ на немъ общихъ мѣстъ.

Несомнѣнно, что повышеніе уровня потребностей, считающихся необходимыми въ извѣстной средѣ, и соотвѣтствующее повышеніе заработной платы, дающее возможность удовлетворять этимъ потребностямъ, есть признакъ прогресса въ настоящемъ и до извѣстной степени залогъ дальнѣйшаго прогресса въ будущемъ, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторая гарантія противъ регрессивнаго движенія, — такъ какъ извѣстно, именно этотъ уровень потребностей, укоренившихся въ странѣ и признаваемыхъ необходимыми, составляетъ пока единственный оплотъ, мѣшающій по крайней мѣрѣ заработной платѣ падать до безконечности подъ вліяніемъ того особаго вида борьбы за существованіе, который выработанъ нашею

цивилизацiею и въ политической экономiи зовется конкуренцiею, или закономъ спроса и предложенiя. Съ этой точки зрѣнiя представляется весьма естественнымъ желать, чтобы въ тѣхъ народахъ и въ тѣхъ сферахъ общества одного и того же народа, гдѣ низкiй уровень цивилизацiи удерживаетъ и понятiе о необходимыхъ потребностяхъ на низкой степени, проснулось сознанiе неудовлетворительности тѣхъ условiй, среди которыхъ до сихъ поръ протекала жизнь, и стремленiе обставить послѣднюю удобнѣе, полнѣе, человѣчнѣе; но заключать изъ этого, что тѣ, которые успѣли ступить на эту сравнительно высшую ступень прогресса и свыкнуться съ новымъ уровнемъ необходимыхъ потребностей, должны непремѣнно чувствовать себя удовлетворенными; что фактическому улучшенiю быта непремѣнно должно соотвѣтствовать увеличенiе суммы субъэктивнаго счастья,—утверждать это, говоримъ мы, могутъ только тѣ, которые не знаютъ или не желаютъ ничего знать объ основныхъ психическихъ и физiологическихъ законахъ человѣческой природы. Давно замѣчено было, что сравнительное улучшенiе быта вызываетъ ощущенiе довольства лишь въ моментъ перехода отъ худшаго положенiя къ лучшему; по мѣрѣ того, какъ человѣкъ свыкается съ послѣднимъ, ощущенiе это слабѣетъ, въ немъ пробуждаются новыя потребности и въ тоже время каждое ухудшенiе того быта, къ которому онъ привыкъ, вызываетъ въ немъ сильное страданiе, хотя бы это ухудшенiе заключалось лишь въ возвратѣ къ тому положенiю, которое онъ прежде сносилъ безъ особеннаго ропота. Моралисты останавливаются передъ этимъ фактомъ въ тупомъ недоумѣнiи и безъ дальнѣйшихъ околичностей порѣшаютъ, что человѣкъ зазнался, что баловство судьбы ему пошло не въ прокъ и что требованiя и страданiя его не заслуживаютъ того, чтобы на нихъ обращать вниманiе иначе, какъ для обличенiя высказывающейся въ нихъ черной неблагодарности. Иной обличаемый, пожалуй, и самъ задается вопросомъ: какъ это такъ случается, что онъ чувствуетъ себя несчастнымъ и предъявляетъ новыя требованiя судьбѣ, тогда какъ по всѣмъ правиламъ ему бы слѣдовало чувствовать себя довольнымъ и благословлять судьбу?—при этомъ онъ и не подозрѣваетъ, что этого вовсе не слѣдуетъ и что кажущаяся блажь его идетъ изъ такого источника, котораго никакими нравоученiями заговорить нельзя. Въ физiологiи существуетъ законъ, извѣстный подъ названiемъ психофизическаго закона Фехнера. Основанный на положенiи, высказан-

номъ еще математикомъ Бернули*), примѣненный къ простѣйшимъ чувственнымъ ощущеніямъ Веберомъ и разработанный въ цѣломъ рядѣ изслѣдованій Фехнеромъ; законъ этотъ заключается въ томъ, что сила ощущенія возрастаетъ не *наравнѣ* съ вызывающимъ его раздраженіемъ, а гораздо медленнѣе: еще Веберомъ было замѣчено, что въ тѣхъ различіяхъ вѣса, длины, звука, которыя распознаются соотвѣтствующими органами чувствъ, важенъ не *абсолютный* размѣръ этого различія, а *отношеніе* его къ общему размѣру сравниваемыхъ величинъ. Такъ, напримѣръ, человѣкъ, который, сравнивая тяжести, равняющіяся приблизительно шести лотамъ, ощущаетъ при взвѣшиваніи на рукѣ различіе въ тридцатую часть этого вѣса, при 12 лотахъ будетъ равнымъ образомъ ощущать лишь тридцатую часть вѣса и т. д. Дальнѣйшія изслѣдованія лишь подтвердили это наблюденіе и позволили установить формулу: ощущеніе возрастаетъ какъ логариѳмъ раздраженія,—другими словами, когда раздраженіе растетъ какъ 1, 10, 100 и т. д., ощущеніе, вызываемое этимъ раздраженіемъ, возрастаетъ лишь какъ 1, 2, 3 и т. д. „Это совпаденіе закона ощущеній съ закономъ логариѳмовъ,—говоритъ Вундтъ оъ своемъ сочиненіи „Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ“,—такъ поразительно, что можно было бы подумать, что таблицы логариѳмовъ нарочно придуманы математиками для удобства психологовъ, чтобы избавить ихъ отъ труда вычислять, на сколько возрастаетъ ощущеніе, когда раздраженіе увеличивается въ извѣстномъ размѣрѣ.“

*) Бернулли—одинъ изъ знаменитѣйшихъ математиковъ XVIII столѣтія; предпринялъ опредѣлить отношеніе между такъ называемою математическою надеждою и тѣми явленіями обыденной жизни, которыя обусловливаются надеждою. Математическою надеждою называютъ цѣнность какого нибудь матеріальнаго блага, выраженную цифрами и помноженную на ту дробь, которая выражаетъ вѣроятіе достиженія этого блага. При сравненіи этой формулы съ явленіями обыденной жизни оказывается, что данное матеріальное благо цѣнится людьми весьма различно, смотря по степени ихъ благосостоянія: богачъ кладетъ менѣе цѣны на небольшую сумму денегъ, чѣмъ бѣднякъ, и скорѣе употребитъ ее въ рискованное предпріятіе. Изъ этого-то факта Бернулли и вывелъ то положеніе, что «*относительная* (личная) цѣнность какой нибудь очень маленькой суммы равняется *абсолютной* (математической) ея цѣнности, помноженной на состояніе даннаго лица». Это различіе между абсолютной и относительной цѣнностью даннаго матеріальнаго блага, еще рельефнѣе выражается терминами: fortune physique и fortune morale, которые были введены Лапласомъ при дальнѣйшей разработкѣ бернулліевской формулы.

Едва ли нужно доказывать, что законъ этотъ, управляющій сравнительно простыми отправленіями психической жизни лица, не можетъ въ концѣ концовъ не распространять свое дѣйствіе и на тѣ болѣе сложные факты соціальной жизни, которые слагаются изъ совокупности фактовъ единичной психической жизни. Само собою разумѣется, что точное, научное опредѣленіе дѣйствія этого закона во всѣхъ развѣтвленіяхъ соціальной жизни требуетъ тщательныхъ изслѣдованій и составляетъ задачу, которая пока едва намѣчена для соціальной науки. „Но, какъ говоритъ Фридрихъ Альбертъ Ланге, въ замѣчательной главѣ, которую онъ посвящаетъ этому вопросу въ своемъ сочиненіи: Die Arbeiterfrage, ihre Gegenwart und Zukunft,—уже одно предположеніе его примѣнимости бросаетъ поразительный свѣтъ на цѣлый рядъ странныхъ явленій народной жизни. Такъ, напримѣръ, возьмемъ впечатлительность различныхъ народовъ или отдѣльныхъ слоевъ одного и того же народа къ тяготѣющему на нихъ гнету политическихъ или соціальныхъ условій. При самомъ поверхностномъ наблюденіи уже бросается въ глаза что впечатлительность ко всякому усиленію этого гнета пропорціональна не *абсолютной* величинѣ, на которую онъ усиливается, а тому *отношенію*, въ которомъ упомянутое усиленіе стоитъ къ общей суммѣ всего гнета: вотъ почему тамъ гдѣ жизнь поставлена въ болѣе благопріятныя условія, даже незначительное ухудшеніе вызываетъ нерѣдко сильное недовольство, между тѣмъ какъ такое же ухудшеніе при болѣе тяжеломъ гнетѣ ощущается менѣе сильно“. Какъ скоро мы станемъ на эту точку зрѣнія, для насъ тотчасъ же дѣлается очевидно, почему, на зло вышеприведенной аргументаціи досужихъ оптимистовъ, люди такъ упорно отказываются измѣрять свое благосостояніе положеніемъ своихъ современниковъ или предшественниковъ, живущихъ или жившихъ въ сравнительно еще худшихъ условіяхъ, и съ такою неисправимою строптивостью постоянно оглядываются на высшія, недосягаемыя для нихъ ступени благополучія. Мы поймемъ, что зависть, которою обыкновенно объясняютъ это раздражающее, безплодное оглядыванье вверхъ, есть не болѣе какъ слово—быть можетъ и очень сподручное для такихъ моралистовъ, которые воображаютъ что подыскать подходящій эпитетъ для факта значитъ справиться съ самимъ фактомъ,—но ничего не объясняющее и безсильное противъ той логики вещей, которою вызывается заклейменное этимъ

словомъ субъективное ощущеніе. Мы поймемъ также, что страданія, причиняемыя такого рода лишеніями, которыя съ точки зрѣнія „обитателей Огненной Земли“ представляются не болѣе, какъ розовымъ лепесткомъ, загнувшимся на ложѣ сибарита, могутъ быть очень реальны, очень сильны и заслуживать полнаго вниманія и сочувствія. Наконецъ, кругозоръ, открывающійся намъ съ упомянутой точки зрѣнія, обнимаетъ еще одинъ фактъ громадной важности: разъ мы примемъ, что человѣкъ, для того чтобы ощущать постоянно одинаковое возрастаніе наслажденія, долженъ увеличивать впечатлѣнія, вызывающія это чувство, въ той пропорціи, въ какой число относится къ своему логариѳму, передъ нами выясняется во всемъ своемъ неумолимомъ фатализмѣ та гоньба за наслажденіемъ, которая не знаетъ ни предѣловъ, ни остановки, пока самая сила вещей не скажетъ ей: довольно! Для насъ становится очевидно, что пока сила вещей потворствуетъ этой гоньбѣ, пока она не облагородила человѣческія стремленія и не обратила ихъ въ другое русло, къ другимъ цѣлямъ, непростительною наивностью было бы ожидать, что самъ Молохъ роскоши устыдится своей ненасытности и откажется отъ приносимыхъ ему гекатомбъ. Передъ этимъ фатумомъ, разъ мы выяснили себѣ его дѣйствіе, разбивается въ прахъ и послѣдній доводъ, которымъ обыкновенно оправдываютъ это служеніе Молоху, выставляя его чѣмъ-то въ родѣ высокой цѣны, платимой за великія блага прогресса, осуществляемаго путемъ роскошнаго развитія единичныхъ личностей на счетъ остальной массы человѣчества; мы видимъ, что за извѣстнымъ предѣломъ цѣна эта становится несоразмѣрно высока, что самая личность выигрываетъ все менѣе и менѣе отъ приносимыхъ ради ея жертвъ, и не трудно представить себѣ предѣлъ, за которымъ эта купля и продажа, даже съ точки зрѣнія единичнаго благополучія, будетъ производиться въ убытокъ. Вспомнимъ римскаго обжору Вителлія, принимавшаго рвотное, чтобы возстановить въ себѣ способность наслаждаться ѣдой, которую переполненный желудокъ отказывался принимать. Примѣръ этотъ характеристиченъ не для одной древности. Но, какъ ни важны эти выводы, они не касаются тѣхъ притязаній на жизнь, которыя высказываются въ средѣ трудящагося люда. Упреки въ грубомъ матеріализмѣ, которые съ самыхъ противуположныхъ сторонъ высказываются нашему вѣку, имѣютъ свою не малую долю справедливости. Но упреки эти не примѣнимы къ той средѣ, которая ни-

гдѣ еще не упрочила за собою степени матеріальнаго благополучія, необходимой для всесторонняго и гармоничнаго развитія человѣческаго существа и притязанія которой на жизнь, по крайней мѣрѣ на сколько они сознательны, предъявляются именно во имя этого идеала развитія, неосуществимаго безъ извѣстной степени матеріальнаго комфорта и досуга.

III.

И такъ, возвращаясь къ первоначально высказанному нами положенію, литературный заработокъ никогда не поднимается выше, а иногда падаетъ нѣсколько ниже того, что нужно для удовлетворенія первыхъ необходимыхъ потребностей, согласно съ обычаями той среды, которая живетъ этимъ заработкомъ. То обстоятельство, что самый уровень этихъ потребностей довольно высокъ, нисколько не убавляетъ давленія „желѣзнаго“ закона, удерживающаго заработокъ на этомъ *minimum*'ѣ, нисколько не облегчаетъ тягости тѣхъ лишеній, которыя даютъ себя чувствовать каждый разъ, какъ заработокъ, вслѣдствіе той или другой случайности, падаетъ ниже обычнаго уровня потребностей.

Если мы хотимъ составить себѣ понятіе о томъ, что значатъ подобныя случайности въ жизни литературнаго работника, намъ достаточно взглянуть въ анонимные скорбные листы, печатаемые въ отчетахъ литературнаго фонда: матеріалъ этотъ такъ богатъ и такъ краснорѣчивъ въ своей оффиціальной лаконичности, что, пробѣгая его, невольно приходитъ на мысль: да ужъ полно, не норма ли эти исключительные случаи, наростающіе къ каждому засѣданію комитета? Не грозное ли это memento mori, передъ которымъ не мѣшаетъ задуматься каждому изъ литературныхъ работниковъ, какова бы ни была степень его таланта и знанія, какова бы ни была его нравственная доля въ успѣхѣ того изданія, въ которомъ онъ работаетъ? А сколько еще случаевъ вовсе не доходятъ до свѣдѣнія фонда и не попадаютъ въ отчеты! Но мы не хотимъ, чтобы насъ заподозрили въ желаніи бить на потрясающіе эффекты и окрашивать предметъ намѣренно густо въ черную краску. Мы возьмемъ менѣе эффектную и болѣе свѣтлую сторону литературнаго быта,—тотъ случай, когда литератору удалось пристроиться

на правахъ постояннаго сотрудника къ какому нибудь болѣе или менѣе солидному изданію, когда уже не онъ ищетъ работы, а работа его ищетъ,—другими словами, когда отъ него зависитъ увеличить свой доходъ, увеличивая число печатныхъ листовъ или строкъ, поставляемыхъ въ редакцію журнала или газеты. Если припомнить, какое роковое значеніе въ быту трудящагося люда имѣютъ эти два слова — недостатокъ работы, если взвѣсить ту безъисходную нужду, которая создала такое поражающее qui pro quo между взглядомъ моралистовъ, отвѣчающихъ на всѣ жалобы бѣдняка напоминовеніемъ объ *обязанности* трудиться, и взглядомъ бѣдняка, видящаго въ этой самой обязанности завидное и не всякому доступное *право*, то положеніе человѣка, успѣвшаго обезпечить за собою, такъ сказать, право исполнять эту обязанность, можетъ многимъ показаться привиллегированнымъ и чуть не верхомъ благополучія. Такъ ли оно на самомъ дѣлѣ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо рѣшить прежде, въ чемъ заключаются тѣ блага, которыхъ человѣкъ, по самой сущности вещей, въ правѣ ожидать отъ своего труда,—другими словами, что нужно для того, чтобы трудъ могъ считаться дѣйствительно окупающимся и непроизводящимся въ убытокъ?

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что, перенося вопросъ на эту почву, мы вступаемъ въ область, которая пока еще остается открытою для пререканій и по эластичности своихъ предѣловъ даетъ просторъ для самыхъ рѣзкихъ разнорѣчій во мнѣніяхъ. Но, для нашей цѣли, намъ нѣтъ даже надобности касаться тѣхъ тезисовъ, которые многимъ представляются спорными; мы можемъ заимствовать критерій уже готовый и отнюдь не грѣшащій чрезмѣрной широтою. Критеріемъ этимъ послужитъ намъ тотъ взглядъ, который приравниваетъ человѣка къ машинѣ, которая своею работою должна окупить затраченный на нее капиталъ и причитающіеся на него проценты, прежде чѣмъ сдѣлается негодною къ употребленію. Въ примѣненіи этого взгляда къ работнику, оказывается, что „трудъ его, кромѣ обычной заработной платы, долженъ доставлять ему возможность вернуть расходы на его воспитаніе и кромѣ того дать, по крайней мѣрѣ, обычный барышъ,—и все это притомъ должно совершиться въ опредѣленное время, во вниманіе къ крайне неопредѣленной продолжительности человѣческой жизни, не допускающей такого вѣрнаго разсчета напередъ, какой возможенъ въ отношеніи

прочности машины" (Адамъ Смитъ). Таковъ взглядъ, который былъ высказанъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ и затѣмъ позабытъ, наравнѣ со многими другими положеніями „отца политической экономіи", его эпигонами, для которыхъ такая забывчивость представлялась во многихъ отношеніяхъ удобною. Но въ новѣйшей литературѣ можно указать одно, тщательно составленное и весьма любопытное изслѣдованіе *), которое, развивая эти положенія, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: 1) Трудъ есть понятіе не простое, а сложное; въ составъ его точно также входятъ матеріалъ, даваемый природой, собственно трудъ и капиталъ (т. е. прежній трудъ, затраченный на воспитаніе работника). Если капиталъ нерѣдко опредѣляютъ какъ накопленіе предшествующаго труда, то точно такое же опредѣленіе примѣнимо и къ труду, такъ что экономическое понятіе о капиталѣ есть, собственно говоря, не болѣе какъ плеоназмъ. 2) Подобно тому, какъ трудъ не есть понятіе простое, точно также и цѣна труда не можетъ быть таковою; въ составъ ея должны входить тѣ же элементы, изъ которыхъ слагается самый трудъ, другими словами, она должна заключать въ себѣ средства: a) для возвращенія того капитала, который былъ затраченъ на воспитаніе и образованіе работника (возвращеніе это происходитъ въ видѣ того воспитанія, которое работникъ, въ свою очередь, даетъ своимъ дѣтямъ). b) Сохраненіе жизни и рабочей силы въ періодъ работы и c) сохраненіе жизни въ періодъ старости. Въ двѣ первыя рубрики входитъ процентъ на предварительно затраченный капиталъ и застрахованіе противъ опасности, что работа, единственный источникъ, изъ котораго должны покрываться всѣ эти расходы, будетъ прервана, вслѣдствіе ли недостатка въ ней, или же вслѣдствіе болѣзни работника. Само собою разумѣется, что всѣ эти расходы должны быть покрыты въ теченіе того періода времени, когда работникъ находится въ полной силѣ, періодъ, который наступаетъ тѣмъ позднѣе, чѣмъ спеціальнѣе подготовка, которой требуетъ самый родъ труда—нашъ авторъ полагаетъ этотъ производительный періодъ отъ 16 до 65 лѣтъ для простѣйшихъ видовъ физическаго труда и отъ 30 до тѣхъ же 65 лѣтъ для такихъ профессій, которыя требуютъ высшаго образованія.

*) Der Preis der Arbeit. Zwei Vorlesungen von D-r Engel (Sammlung Gemeinwissenschaftlicher Vorträge, herausgegeben Von Rud. Virchoff und Fr. Holzendorf. Berlin, 1866).

Такова „собственная цѣна работы" (die Selbstkosten der Arbeit) по вычисленію Энгеля, т. е. та цѣна, въ которую она обходится своему производителю и ниже которой трудъ не можетъ продаваться, не доводя производителя до банкротства, при чемъ тяжесть послѣдняго ложится въ концѣ концовъ на государство и на общество. Какъ видитъ читатель, тутъ мы имѣемъ дѣло не съ какими-либо новыми общими теоріями, а съ простымъ конторскимъ разсчетомъ, понятнымъ для каждаго хозяина промышленнаго заведенія. Самъ Энгель сознается, что „цѣна работы разсчитана у него скорѣе слишкомъ низко, чѣмъ высоко", и что „цифры заработка, превосходящія этотъ minimum отнюдь еще не могутъ разсматриваться какъ преміи или какъ награды, а должны считаться какъ дальнѣйшая уплата собственной цѣны труда". Но тѣмъ поучительнѣе выводъ, къ которому, на основаніи своихъ скромныхъ данныхъ, приходитъ нашъ авторъ. Вотъ какъ онъ резюмируетъ этотъ выводъ въ концѣ своей брошюры:

„Не въ сокращеніи періода юношества (т. е. того, въ которомъ работникъ подготовляется къ своей спеціальной дѣятельности, не производя пока самъ ничего) и не въ продленіи рабочаго періода жизни далѣе его естественныхъ предѣловъ—слѣдуетъ искать средствъ къ поддержанію и укрѣпленію живущей въ данномъ поколѣніи физической, умственной и нравственной силы труда, а исключительно въ возможно полномъ пользованіи тѣмъ рабочимъ періодомъ жизни, который опредѣленъ самой природой; для этого же, прежде всего, необходима такая плата за трудъ, которая соотвѣтствовала бы его собственной цѣнѣ. Подобно тому, какъ фабрика или торговое заведеніе, не имѣющія вѣрныхъ свѣдѣній о томъ, во сколько имъ обходится ихъ товаръ и продающія его постоянно ниже того, что онъ имъ самимъ стоитъ, неизбѣжно должны погибнуть, также неизбѣжно гибнетъ и народъ, постоянно продающій свой трудъ ниже того, что онъ ему самому стоитъ".

Посмотримъ же, какъ оправдываются эти соображенія въ той спеціальной отрасли труда, которая насъ занимаетъ.

Уже съ перваго взгляда намъ бросается въ глаза особенность, отличающая условія литературнаго труда отнюдь не къ выгодѣ послѣдняго, отъ тѣхъ условій, которыя, какъ мы видѣли, представляютъ minimum того, что каждый работникъ вправѣ требовать себѣ отъ жизни. Не смотря на то, что литература относится именно къ тѣмъ профессіямъ, которыя требуютъ высшаго образованія и наиболѣе

спеціальной подготовки, производительный періодъ жизни для большинства писателей настаетъ гораздо ранѣе, чѣмъ они успѣли пріобрѣсти эту подготовку; для многихъ онъ настаетъ ранѣе двадцати лѣтъ, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда человѣкъ не успѣлъ окончить обыкновеннаго университетскаго курса, не говоря уже о той самостоятельной работѣ, которая является необходимымъ дополненіемъ послѣдняго, къ какому бы роду умственной дѣятельности ни предназначалъ себя человѣкъ. Дѣятельность, начатая такъ рано, лишь слишкомъ часто и кончается задолго до того срока, который опредѣленъ на то самой природою. Фатумъ, тяготѣющій въ этомъ отношеніи на нашихъ писателяхъ, вошелъ въ поговорку. На это могутъ замѣтить, что зеленая молодость не помѣшала многимъ изъ даровитѣйшихъ нашихъ писателей сразу занять первое мѣсто въ литературѣ и заявить себя въ теченіе своей кратковременной литературной карьеры блистательнѣе, полнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ то могли бы сдѣлать другіе въ цѣлую и многолѣтнюю жизнь кропотливаго труда. Но, не говоря уже о томъ, что нелѣпо было бы распространять на людей средняго уровня способностей то, что оказывается подъ силу лишь немногимъ, исключительно даровитымъ личностямъ, такое возраженіе ровно ничего не доказываетъ даже въ примѣненіи къ тѣмъ исключительнымъ дарованіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь: мы знаемъ только, что та сила ума и таланта, которою одарила ихъ природа, помогла имъ дать въ своей дѣятельности извѣстный плюсъ при такихъ условіяхъ труда, которыя при меньшей степени даровитости дали бы минусъ; но не представляетъ ли самый плюсъ этотъ—минуса по отношенію къ тѣмъ *возможнымъ* результатамъ, которые не были достигнуты только потому, что силы, необходимыя для ихъ осуществленія, уходили на дѣятельность чисто отрицательнаго свойства, на противодѣйствіе неблагопріятнымъ условіямъ, на борьбу противъ того, что заѣдаетъ и губитъ всякую человѣческую дѣятельность въ самомъ корнѣ? Только остатокъ этихъ силъ, выразившійся въ положительныхъ результатахъ, подлежитъ нашей оцѣнкѣ, но, какъ бы высока она ни была, мы не знаемъ и никогда не можемъ узнать, сколько силъ было потрачено непроизводительнымъ образомъ, насколько—еслибы не эта непроизводительная затрата,—то-же дарованіе могло бы проявить себя еще полнѣе, блистательнѣе и плодотворнѣе, насколько, наконецъ, ненормальныя условія, которыми былъ обставленъ трудъ этихъ дѣятелей, участвовали

въ сокращеніи періода ихъ дѣятельности и въ прежде временномъ ихъ схожденіи со сцены.

И такъ, то, что при поверхностномъ взглядѣ представляется исключеніемъ, отнюдь не опровергаетъ самаго правила. А правило заключается въ томъ, что литературный работникъ, вступивъ уже въ производительный періодъ своей дѣятельности, становится лицомъ къ лицу съ неразрѣшимой дилеммой—содержать себя трудомъ, предполагающимъ уже извѣстную образовательную подготовку, и въ тоже время пріобрѣтать то, что ему недостаетъ по части этой подготовки. Ненормальность такого явленія не кидается намъ въ глаза только потому, что мы уже слишкомъ къ нему приглядѣлись во всѣхъ сферахъ труда, отъ мальчишки въ засаленномъ халатѣ, отданнаго „на годы" въ обученіе къ мастеровому и окупающаго свое содержаніе хозяину исправленіемъ такихъ работъ, подъ которыми гнется въ три погибели его тщедушное тѣло, и до первокурсника-студента, публикующаго въ газетахъ, что онъ даетъ уроки „по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса." Но аномалія эта еще увеличивается въ настоящемъ случаѣ тѣмъ, что задача, и безъ того сложная, нерѣдко усложняется еще необходимостью содержать семью, т. е. *уплачивать воспитаніемъ дѣтей долгъ собственнаго образованія, тогда какъ лишь часть этого долга была дѣйствительно сдѣлана въ свое время, а остальная, недостающая часть, должна наверстываться самимъ работникомъ въ такую пору его жизни, когда онъ стоитъ уже на своихъ ногахъ и когда ему не отъ кого ожидать той заимообразной поддержки, которую каждое возмужавшее поколѣніе должно оказывать въ формѣ воспитанія подростающему.* Какъ видитъ читатель, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отрицаніемъ азбучнаго правила политической экономіи, гласящаго, что никакое производство невозможно безъ работы прошлаго, дающей возможность работнику содержать себя во время текущаго труда; оказывается, что работа настоящаго должна обходиться безъ помощи этихъ накопленій прежней работы и возмѣщать ихъ, какъ знаетъ, собственными средствами.

Но, быть можетъ, многимъ покажется страннымъ, что при той сильной конкурренціи, которая существуетъ на рынкѣ литературнаго труда и при той строгой выборкѣ, которую предполагаетъ эта конкурренція, въ число избранныхъ попадаютъ люди, не обла-

дающіе полною предварительною подготовкою. Между тѣмъ дѣло объясняется очень просто. То, что называется успѣхомъ на литературномъ поприщѣ,—т. е. та относительная удача, которая обезпечиваетъ писателю доступъ на столбцы одного или нѣсколькихъ періодическихъ изданій и такимъ образомъ окончательно рѣшаетъ для него выборъ литературной профессіи, какъ средства къ существованію, вовсе не требуетъ непремѣнно всей совокупности качествъ, изъ которыхъ слагается полная, такъ сказать, идеальная литературная компетентность. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ достаточно лишь нѣкоторыхъ изъ этихъ качествъ; человѣкъ написалъ нѣсколько бойкихъ юмористичныхъ разсказовъ, горячую критическую статью, или просто составилъ порядочную компиляцію изъ какого нибудь моднаго иностраннаго авторитета. Тонъ его статей, манера писать пришлись ко двору той редакціи, въ которую онъ обратился, редакторъ-издатель прозрѣваетъ въ нихъ ходкій товаръ, который можетъ по его разсчетамъ, прибавить нѣсколько десятковъ подписчиковъ изданію;—или онъ просто печатаетъ ихъ потому, что надо же чѣмъ нибудь наполнить отдѣлы изданія, которые обѣщаны публикѣ въ программѣ. Такова проза, на которую въ сущности сводится поэзія литературнаго успѣха. (Читатель замѣтитъ, что мы во всей настоящей статьѣ говоримъ исключительно объ условіяхъ литературнаго труда въ періодической печати, но это мы дѣлаемъ потому, что въ органахъ послѣдней сосредоточивается весь наличный запасъ литературныхъ силъ. Самостоятельная литературная дѣятельность, внѣ газетъ и журналовъ, сравнительно ничтожна и вовсе недоступна для человѣка, не упрочившаго за собою извѣстнаго имени, извѣстнаго положенія въ періодической печати).

Между тѣмъ скудность того духовнаго капитала, который съ горяча казался новичку неистощимымъ, очень скоро даетъ себя знать. Собственное его міросозерцаніе, по мѣрѣ того какъ кругозоръ его расширяется и передъ нимъ встаютъ, во всей своей сложности и громадности, вопросы, которые издали сливались въ смутныхъ очертаніяхъ, оказывается далеко не установившимся; онъ начинаетъ сознавать ту солидарность, которая связываетъ всѣ области мысли и знанія, онъ на каждомъ шагу чувствуетъ недостатокъ фактическихъ свѣдѣній и убожество того знанія, которое хватается на скорую руку, въ ту самую минуту, когда въ немъ настоитъ надобность, по пословицѣ: „на травлю ѣхать,

собакъ кормить"; все болѣе и болѣе сознаетъ онъ себя въ унизительномъ положеніи школьника, которому надо хорошенько позабыть свои учебники, чтобы претворить въ свою плоть и кровь чужое знаніе и чужой опытъ, наложить на нихъ печать своей индивидуальной оригинальности, безъ чего и тотъ и другой залегаютъ въ головѣ безжизненною массою матеріала, мертвымъ капиталомъ, какъ для субъективнаго развитія, такъ и для дальнѣйшаго развитія идей и знаній въ массѣ общества. Остановиться бы, побросать въ огонь начатыя рукописи, удѣлить годокъ, другой исключительно на чтеніе и на размышленіе, на полную ассимиляцію и на приведеніе въ порядокъ всего этого безпорядочнаго, сырого матеріала идей и жизненныхъ впечатлѣній, которыя тѣснятся въ мозгу его; легко, свободно и убѣдительно всею внутреннею своею состоятельностію полилось бы послѣ этого печатное слово, выношенное такою внутреннею работою, и съ избыткомъ наверсталъ бы онъ время, потраченное непроизводительно въ смыслѣ денежнаго заработка... Но не тутъ-то было. „Типографія ждетъ оригинала", редакторъ-издатель безпокоится, что нумеръ не выйдетъ къ сроку или выйдетъ безъ полнаго комплекта статей, который необходимъ для надлежащаго „разнообразія содержанія". Приходится стряхнуть съ себя „не идущія къ дѣлу" мечты, отложить въ сторону заинтересовавшую книгу, прервать начатую работу мысли, прервать ее, быть можетъ, въ тотъ самый моментъ, когда она съ неодолимою силою овладѣла всѣмъ существомъ человѣка и когда уже впереди, въ смутныхъ, но постепенно яснѣющихъ очертаніяхъ, начинаютъ обрисовываться выводы, результаты,— это радостное эврика, которое, въ процессѣ умственнаго творчества, можетъ быть приравнено къ первому крику ребенка, заставляющему мать позабыть всю претерпѣнную скорбь „отъ радости, что родился человѣкъ на свѣтъ". Когда совершонъ этотъ психическій tour de force ломки и насилованья самыхъ сильныхъ и законныхъ побужденій духовной природы человѣка,—а чего стоитъ такой tour de force, не продѣлавши его трудно себѣ представить — остается писателю совершить другой, не менѣе трудный подвигъ, а именно, привести себя въ надлежащее настроеніе, чтобы сочинить ту статью, которая требуется для занимаемаго имъ отдѣла. Да, именно *сочинить*,—смѣшное слово, которымъ наивные провинціалы окрестили всякую литературную работу, подчасъ оказывается какъ нельзя болѣе у мѣста. Все, отъ самаго предмета статьи, приходится пріиски-

вать, придумывать; нерѣдко, садясь за свою обязательную статью, нашъ писатель и самъ еще не знаетъ, чѣмъ онъ ее наполнитъ: крайне прозаично переворачивается въ его головѣ тотъ вопросъ, который аристократическіе поэты байроновскаго періода нашей литературы презрительно бросали издателямъ, приходившимъ въ тѣ блаженныя времена смиренно вымаливать у ихъ лиры новыхъ звуковъ.

О чемъ писать? Востокъ и Югъ давно описаны, воспѣты...

Есть, конечно, не мало вопросовъ, о которыхъ было бы что сказать... Но они относятся къ числу такъ-называемыхъ щекотливыхъ, къ которымъ даже благонамѣренному писателю можно подходить не иначе какъ съ цѣлымъ арсеналомъ осторожныхъ оговорокъ и обиняковъ, подъ тяжестью которыхъ злополучный „вопросъ“ вовсе утрачиваетъ свой первоначальный образъ и даетъ поводъ къ разнымъ, болѣе или менѣе обиднымъ недоразумѣніямъ и ошибочнымъ толкованіямъ со стороны публики; а это, въ свою очередь, порождаетъ совершенно несправедливыя претензіи авторовъ на публику, которая вовсе не обязана знать, какъ мысль первоначально слагалась въ головѣ ихъ и разбирать сбивчивые, неясные слѣды этой мысли между печатныхъ строкъ; а потому такихъ вопросовъ лучше вовсе не касаться. Между тѣмъ, надо пріискать что нибудь такое, бьющее въ жилку самой свѣжей современности, по возможности даже забористое. Наконецъ, искомый сюжетъ найденъ. Нужды нѣтъ, что мысль писателя, быть можетъ, всего какой нибудь часъ тому назадъ, была за сто верстъ отъ этого сюжета, который теперь ему предстоитъ такъ обработать въ своей статьѣ, чтобы онъ являлся, такъ сказать Минервою, выходящею во всеоружіи изъ головы Юпитера, и импонировалъ читателю аподектичностью, солидностью, а и того лучше, нѣкоторою страстностью тона, заставляющею предполагать, что съ вами говоритъ о матеріяхъ важныхъ человѣкъ, размышлявшій о нихъ чуть не цѣлую жизнь. (Вѣдь говорить о чемъ либо иномъ, кромѣ важныхъ вопросовъ, или говорить о послѣднихъ иначе, какъ въ сказанномъ тонѣ, несовмѣстимо съ достоинствомъ литературы). При нѣкоторой сноровкѣ и этотъ послѣдній фокусъ удается. Затѣмъ уже остается только получить гонорарій за статью, если только таковой не былъ „въ минуту жизни трудную“ забранъ впередъ.

Что же остается дѣлать писателю, сознавшему всю ненормальность такого положенія? Онъ воленъ, конечно, отказаться отъ постылой ра-

боты; но этимъ отказомъ, обрекающимъ его на голодъ, онъ не купитъ себѣ ни нравственной свободы, ни спокойствія духа, необходимыхъ для сосредоточенной внутренней работы; слѣдовательно, объ этомъ выходѣ не стоитъ серьезно и говорить. Въ сущности, писателю остается одно изъ двухъ: или обречь себя на вѣчную нравственную ломку, на вѣчное раздвоеніе между неосуществимымъ идеаломъ и неумолимыми требованіями злобы дня; или же, не мудрствуя лукаво; сжечь свои корабли и принять свое положеніе такъ, какъ оно есть, въ послѣднемъ случаѣ онъ превращается въ поставщика печатнаго товара, не худшей и не лучшей доброты, какъ та, которая требуется. При такой рѣшимости, процессъ писательства сложится для него очень просто: если онъ критикъ, онъ ограничитъ свой кругозоръ тѣми повѣстушками, очерками и объемистыми романами, на которые, благодареніе Богу, урожай въ отечественной литературѣ никогда не переводится, и которые имѣютъ то несомнѣнное преимущество, что, читаясь легко, не требуя никакого умственнаго напряженія, не оставляя по себѣ въ умѣ никакихъ слѣдовъ, позволяютъ переливать по поводу ихъ изъ пустого въ порожнее почти на какомъ угодно количествѣ листовъ; если онъ „внутренній обозрѣватель", онъ будетъ исправно слѣдить за газетными „корреспонденціями изъ провинціи"; наконецъ, если онъ беллетристъ, дѣло слагается еще проще: тутъ уже нѣтъ надобности ни за чѣмъ слѣдить, нечего читать, не о чемъ размышлять; нужно только сочинять изъ головы, или списывать съ натуры. На выручку къ этой скудости содержанія являются тѣ маленькіе таланты, которые для каждаго, протянувшаго литературную лямку извѣстное число лѣтъ, представляютъ дѣло наживное: умѣнье располагать запасомъ общихъ мѣстъ такъ, чтобы они не бросались въ глаза читателю своей избитостью, умѣнье щегольнуть гдѣ нужно „хлесткостью" выраженія, умѣнье вообще потрафлять по разъ установленному шаблону. При такомъ взглядѣ на литературную задачу (а иной взглядъ, какъ мы видѣли, оставаясь послѣдовательнымъ, трудно себѣ и выработать человѣку, вдвинутому въ эту колею), писательство становится чистымъ ремесломъ; механическій трудъ, требующійся для того, чтобы исписать столько-то страницъ или листовъ, выдвигается на первый планъ; этимъ трудомъ, который одинъ только и оплачивается, совершенно заслоняются требованія внутренней состоятельности; все вращается на немудреномъ расчетѣ: мнѣ нужно заработать столько-то рублей;

сообразно съ этою цифрою растягивается и объемъ статьи; къ этой заранѣе опредѣленной цифрѣ подгоняется, иногда съ замѣчательною виртуозностью, число листовъ, страницъ или строкъ, долженствующихъ ее составить. Таковъ конечный выводъ, къ которому роковымъ образомъ тяготѣютъ условія литературнаго труда; само собою разумѣется, мы беремъ этотъ выводъ въ чистомъ, такъ сказать, безпримѣсномъ его видѣ, въ которомъ, конечно, нелѣпо было бы примѣнять его ко всей пишущей братіи безразлично. Указанныя нами губительныя внѣшнія условія встрѣчаютъ болѣе или менѣе упорное противодѣйствіе, смотря по силѣ таланта, по степени умственнаго и нравственнаго развитія данной личности; но и тѣ, которымъ удалось удержаться на этой наклонной плоскости, не соскользнувъ до самаго дна, говоря искренно, должны будутъ сознаться, что это удалось имъ не безъ компромиссовъ, не безъ отчаянныхъ попытокъ согласить несогласимое, не безъ ущерба тому первоначальному капиталу энергіи и способностей, съ которымъ они выступили на литературное поприще,—ущерба, размѣры котораго они и сами едва ли могутъ вычислить. А разъ оно такъ, едва ли нужно доказывать, что такое положеніе дѣлъ не можетъ не отозваться общимъ пониженіемъ литературнаго уровня, обѣдненіемъ талантовъ, сглаженіемъ всякой плодотворной оригинальности, отсутствіемъ всякой научной подкладки. Часто приходится слышать выраженія недоумѣвающаго сожалѣнія, отчего именно наше время такъ бѣдно выдающимися талантами, отчего именно наше поколѣніе не выдвинуло ни одного представителя, могущаго стать на ряду съ прежними литературными дѣятелями; отчего, если и появляется какое либо многообѣщающее дарованіе, то оно тотчасъ же обманываетъ возлагавшіяся на него надежды и, блеснувъ на минуту метеоромъ, либо скрывается туда, откуда возврата нѣтъ, либо спѣшитъ затеряться безслѣдно въ толпѣ третьестепенныхъ звѣздъ литературнаго неба? Недоумѣнія эти разрѣшаются очень просто. Именно въ наше время вполнѣ сложился и принялъ свою рѣзко опредѣленную физіономію тотъ характеръ литературнаго труда, который является если не единственною причиною, то, по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ указаннаго явленія. Литературные дѣятели прежнихъ періодовъ, вплоть до памятной эпохи пятидесятыхъ годовъ, выходили изъ тѣхъ слоевъ общества, въ которыхъ забота о насущномъ хлѣбѣ неизвѣстна; литературный трудъ былъ для нихъ не вопросомъ заработка, а дѣ-

ломъ свободнаго влеченія; въ тѣхъ случаяхъ, когда это влеченіе было не простымъ барскимъ диллетантствомъ, а настоящимъ призваніемъ, они имѣли полную возможность доставлять себѣ тотъ внѣшній досугъ, который такъ необходимъ для внутренней работы; мысль ихъ являлась въ печати не иначе, какъ выношенною и созрѣвшею въ отношеніи содержанія, отшлифованною и изящно отдѣланною по отношенію къ внѣшней формѣ. Какъ велика была та свобода отъ всякихъ внѣшнихъ стѣсненій, которую предполагало подобнаго рода писательство, можно судить изъ тѣхъ совѣтовъ, которые Гоголь въ простотѣ душевной даетъ своимъ братьямъ-писателямъ на основаніи собственнаго опыта:

«Сначала нужно набросать все, какъ придется, хотя бы плохо, водянисто но рѣшительно все, и забыть объ этой тетради. Потомъ, черезъ мѣсяцъ, черезъ два, иногда и болѣе (это скажется само собою), достать написанное и перечитать: вы увидите, что многое не такъ, много лишняго, а кое-чего и недостаетъ. Сдѣлайте поправки и замѣтки на поляхъ—и снова забросьте тетрадь. При новомъ пересмотрѣ ея новыя замѣтки на поляхъ, и гдѣ не хватитъ мѣста—взять отдѣльный клочекъ и приклеить къ боку. Когда все будетъ такимъ образомъ исписано, возьмите и перепишите тетрадь собственноручно. Тутъ сами собой явятся новыя озаренія, урѣзы, добавки, очищенія слога. Между прежнихъ вскочатъ слова, которыя необходимо тамъ должны быть, но которыя почему-то не являются сразу. И опять положите тетрадку. *Путешествуйте, развлекайтесь, не дѣлайте ничего, или хоть пишите другое.* Придетъ часъ: вспомнится заброшенная тетрадь: возьмите, перечитайте, поправьте тѣмъ же способомъ, и когда снова она будетъ измарана, перепишите ее собственноручно. Вы замѣтите при этомъ, что вмѣстѣ съ крѣпчаніемъ слога, съ отдѣлкой, очисткой фразъ - какъ бы крѣпчаетъ и ваша рука; буквы ставятся тверже и рѣшительнѣе. *Такъ надо дѣлать по-моему восемь разъ. Для иного, можетъ быть, нужно меньше, а для иного и еще больше.* Я дѣлаю восемь разъ. Только послѣ восьмой переписки, непремѣнно собственною рукою, трудъ является вполнѣ художнически законченнымъ, достигаетъ перла созданія». (Воспоминаніе о Гоголѣ. Н. Берга. Русская Старина. Январь 1872).

Что это—непреодолимая наивность или злая насмѣшка? невольно спрашиваетъ себя всякій, сколько нибудь знакомый съ условіями настоящаго литературнаго труда, пробѣгая эти подробныя наставленія. Но въ то время, когда онѣ писались, онѣ не были ни то, ни другое, и для насъ онѣ характеристичны какъ мѣрило пропасти, отдѣляющей нашу эпоху отъ предшествующихъ. Намъ, конечно, могутъ указать въ фалангѣ писателей сороковыхъ годовъ на Бѣлинскаго,—но тѣхъ, кому пришла бы охота опровергать насъ этимъ указаніемъ, мы по-

просимъ вспомнить, что Бѣлинскій умеръ 35 лѣтъ, попросимъ вспомнить общеизвѣстные факты изъ его біографіи—факты до того типичные, что, читая ихъ, невольно спрашиваешь себя, не были ли они записаны только вчера или сегодня изъ жизни какого нибудь современнаго намъ литературнаго чернорабочаго? (Да и что удивительнаго въ подобной аналогіи, когда тѣ самыя предпринимательскія фирмы, которыми эксплуатировался нашъ великій критикъ, не только продолжаютъ процвѣтать и понынѣ, но еще, слившись воедино, усугубили, такъ сказать, условія своего процвѣтанія?—фактъ въ своемъ родѣ знаменательный и характеристичный). Такимъ образомъ оказывается, что геніальный поповичъ и недоучившійся студентъ, ставшій на ряду съ самыми крупными дѣятелями эпохи, принадлежалъ, по внѣшнимъ условіямъ своей дѣятельности, именно къ тому типу литературнаго работника, который едва начиналъ намѣчаться въ то время; въ этомъ смыслѣ онъ цѣликомъ принадлежитъ нашей современности, несетъ всѣ тяготы созданнаго ею быта, отражаетъ на себѣ всѣ вліянія, составляющія исключительную ея особенность.

Къ концу пятидесятыхъ годовъ литература демократизируется. Говоря вообще, это, конечно, прогрессъ, но прогрессъ такого же обоюдо-остраго свойства, какъ переходъ отъ феодальнаго строя, съ его аристократичными привиллегіями и цѣховыми монополіями, къ принципіальному равенству и свободѣ современнаго фабричнопромышленнаго періода. Въ малыхъ размѣрахъ здѣсь повторяются тѣ же явленія, которыя характеризуютъ указанный нами великій переворотъ въ европейской исторіи. На мѣсто случайности и патріархальной простоты кустарныхъ промысловъ является строго-правильная, казарменная организація фабричнаго производства, съ своимъ безконтрольноцарящимъ принципомъ раздѣленія труда, — иначе сказать, съ безконечнымъ дробленіемъ живой совокупности силъ и способностей, составляющей человѣческую личность и съ безпощаднымъ подчиненіемъ этой личности требованіямъ наибольшей производительности предпріятія; на мѣсто медленной работы съ руки, то топорной и грубой, то помѣченной отпечаткомъ мастерства, доходящаго до высокой художественности, является однообразіе и отчетливость машинной работы, повышающее качество продукта въ среднемъ выводѣ въ ущербъ проявленіямъ индивидуальной талантливости и геніальности. Наконецъ, является въ малыхъ размѣрахъ и своя „индустріальная армія", т. е. классъ людей, оторванныхъ отъ

всякой другой сферы дѣятельности и безпомощно и безвозвратно втянутыхъ въ тотъ механизмъ, одно изъ колесъ котораго они составляютъ. Періодическія изданія наши представляютъ прежде всего, а во многихъ случаяхъ и исключительно, коммерческое предпріятіе, хозяиномъ котораго является лицо, совмѣщающее въ себѣ большею частію званіе редактора и издателя. Лишь въ немногихъ случаяхъ, до того рѣдкихъ, что ихъ почти можно назвать исключительными, лицомъ этимъ бываетъ литераторъ, т. е. человѣкъ, заинтересованный въ изданіи не съ формальной только стороны, и способный исполнять тѣ функціи, которыя предполагаетъ званіе редактора, т. е. служить центромъ, вокругъ котораго группировались бы люди извѣстнаго образа мыслей и, завѣдуя общимъ ходомъ дѣла, вести его къ той же, ясно сознанной цѣли, къ которой стремится въ частности каждый изъ его сотрудниковъ. Если откинуть эти немногіе исключительные случаи, вся періодическая печать наша находится въ рукахъ людей, которые потому только и редакторы, что имъ удалось добиться не легко дающагося утвержденія въ этомъ званіи и что у нихъ есть деньги, отъ помѣщенія которыхъ въ литературное предпріятіе они ожидаютъ большихъ барышей. Тутъ, конечно, существуетъ своего рода градація, отъ ловкаго практическаго человѣка, который успѣлъ усвоить себѣ извѣстную внѣшнюю наметку и съ помощью ея импонируетъ до нѣкоторой степени наивнымъ людямъ — импонируетъ по крайней мѣрѣ на столько, что имъ не то боязно, не то совѣстно признать въ немъ, подъ маскою Катона или Брута, ординарную физіономію кулака,—и до мелкой сошки, только желающей быть ловкой и практичной, но терпящей при смертной охотѣ участь горькую. Объ этомъ послѣднемъ типѣ мы говоримъ ниже, а теперь займемся тѣми литературными предпріятіями, во главѣ которыхъ стоятъ quasi-литераторы.

Прежде всего надо замѣтить, что интересы такого quasi-литератора если не діаметрально противуположны по самой сущности своей тому, что составляетъ въ глазахъ публики нравственную физіономію изданія и обусловливаетъ его возникновеніе, то во всякомъ случаѣ стоятъ совершенно независимо, особнякомъ отъ всего этого. Въ идеальномъ представленіи лучшей части читающей публики,— той, которая способна сознательно и критически относиться къ предлагаемой ей литературѣ,—всякое періодическое изданіе, если только

оно претендуетъ на болѣе серьезное значеніе, чѣмъ значеніе какого нибудь иллюстрированнаго tutti-fruti, для „семейнаго чтенія“ или для услажденія одинокаго досуга—всякое такое изданіе, говоримъ мы, является органическимъ цѣлымъ, воплощающимъ въ себѣ по возможности послѣдовательно и полно извѣстное направленіе, извѣстное міросозерцаніе. Въ этомъ направленіи, въ этомъ міросозерцаніи предполагается весь центръ тяжести, единственная цѣль, ради которой періодически выходитъ въ свѣтъ вся эта масса печатной бумаги. Матеріальный успѣхъ, доходность предпріятія, если и играютъ въ этомъ представленіи извѣстную роль, то лишь какъ необходимое условіе существованія изданія, какъ справедливое вознагражденіе тѣхъ, которые вложили свой трудъ и свои деньги въ дѣло, признанное ими добрымъ и полезнымъ. Это-то идеальное представленіе, совершенно вѣрное въ теоретической своей исходной точкѣ, отражается какъ разъ въ обратномъ видѣ въ той житейской практикѣ, о которой мы говоримъ. Нашъ quasi-литераторъ тоже понимаетъ необходимость придать своему изданію опредѣленную нравственную физіономію, и чѣмъ онъ практичнѣе, тѣмъ яснѣе сознаетъ эту необходимость. Но опредѣленность и послѣдовательность направленія и литературное достоинство тѣхъ формъ, въ которыхъ они выражаются, составляютъ предметъ его заботъ лишь настолько, насколько то и другое способствуетъ матеріальному успѣху предпріятія. Между тѣмъ, онъ знаетъ очень хорошо, что упомянутые невещественные факторы, если и играютъ роль въ увеличеніи издательскихъ барышей, то лишь въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ предѣлахъ и въ пропорціи постепенно уменьшающейся, по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ барыши. Онъ знаетъ, что разъ репутація изданія составлена и оно вступило въ блистательный періодъ своего коммерческаго существованія, новыя заботы объ улучшеніи внутренняго его достоинства не окупятся соотвѣтствующимъ увеличеніемъ доходовъ; увеличеніе это происходитъ совершенно инымъ, гораздо простѣйшимъ способомъ: разъ цифра подписчиковъ дошла до той вождѣленной нормы, при которой затраты окупаются, всякое новое прибавленіе составляетъ уже почти чистый доходъ издателя, такъ какъ сопровождающіе подобное увеличеніе добавочные расходы на бумагу и на почтовую переписку (а другихъ расходовъ, въ видѣ, напримѣръ, увеличенія гонораріа людямъ, создавшимъ этотъ успѣхъ, не полагается) составляютъ ничтожный про-

центъ изъ того десятка и болѣе тысячъ рублей, который съ каждою новою тысячью подписчиковъ перепадаетъ въ издательскій карманъ. Слѣдовательно, коммерческому дѣятелю, стоящему во главѣ литературнаго предпріятія, остается сосредоточивать свои усилія на двухъ задачахъ: поскорѣе довести бюджетъ изданія до того равновѣсія, которое, какъ мы видѣли, служитъ исходной точкой издательскаго благополучія,—а такое равновѣсіе достигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ большая экономія соблюдается въ расходахъ—и поддержать ту среднюю доброкачественность продаваемаго имъ товара, которая и въ торговлѣ такъ-называемыми произведеніями человѣческой мысли, какъ и во всякой другой торговлѣ, обезпечиваетъ наиболѣе обширный и выгодный сбытъ.

Этими-то коммерческими соображеніями обусловливается и отношеніе такого хозяина изданія къ сотрудникамъ. Онъ, конечно, дорожитъ тѣмъ невещественнымъ фондомъ таланта, идей, знанія, который каждый изъ нихъ вносятъ въ его предпріятіе и даже въ сравнительной оцѣнкѣ этихъ качествъ въ каждомъ данномъ лицѣ выказываетъ подчасъ нѣкоторую мѣткость сужденія и проницательность взгляда, остерегаясь, конечно, переводить такую оцѣнку, безъ крайней надобности, на деньги. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы эти вкладчики воображали, что, способствуя успѣху его предпріятія, они проводятъ идею, служатъ общественному дѣлу; онъ даже самъ не прочь, въ минуты досужаго благодушія, что называется, entre la paoire et le fromage изобразить изъ себя слугу общества и проводника идеи. Но, позволяя себѣ эту невинную роскошь, онъ ни на минуту не теряетъ изъ виду интересы своей коммерціи; интересы же эти, какъ мы видѣли, сходятся въ извѣстныхъ точкахъ соприкосновенія съ тѣми высшими интересами, которымъ порывается служить каждый, мало-мальски порядочный человѣкъ, вступая на литературное поприще,—но сходятся не для того, чтобы слиться, а чтобы пересѣчь другъ другу дорогу и затѣмъ снова разойтись. Пользуясь для своихъ цѣлей тѣмъ невещественнымъ фондомъ, о которомъ мы говорили, хозяинъ предпріятія расходуетъ его по своему усмотрѣнію и не считаетъ себя обязаннымъ заботиться о его возстановленіи и увеличеньи. Талантъ, идея, знаніе—не болѣе какъ орудія: есть въ нихъ надобность, ихъ употребляютъ, сообразно съ ихъ первоначальнымъ назначеніемъ, надобность миновала—ихъ приспособляютъ къ тому употребленію, въ которомъ представилась надобность въ данную минуту, хотя бы для

этого пришлось заставлять клинокъ англійской стали исполнять работу кухоннаго ножа, годнаго только для колки лучинъ на растопки. И служитъ клинокъ, пока не зазубрится—зазубрится и все-таки продолжаетъ служить, пока совсѣмъ не сломается; да и что же ему дѣлать?—вѣдь если его отложатъ въ сторону, будетъ и того хуже.

Рядомъ съ этой нравственной эксплуатаціей идетъ и матеріальная. Читатели, слѣдящіе за печатными отчетами литературнаго фонда, безъ сомнѣнія, не разъ обращали вниманіе на ту рубрику этихъ отчетовъ, въ которыхъ, съ подобающею деликатностью выраженія, говорится о литераторахъ, утруждающихъ комитетъ фонда просьбами о содѣйствіи имъ, литераторамъ, къ полученію гонорара, причитающагося за напечатанную въ такомъ-то изданіи статью. „Сношенія", въ которыя комитетъ фонда входитъ по этому щекотливому вопросу съ хозяевами означенныхъ изданій, иногда увѣнчиваются успѣхомъ, но уже одинъ фактъ, что литераторы вынуждены обращаться въ такомъ дѣлѣ къ учрежденію, которое, принимая на себя такого рода посредничество, не имѣетъ никакой возможности настоять на своихъ требованіяхъ въ случаѣ отказа, а потому можетъ только просить объ уплатѣ задержанныхъ денегъ, какъ о нѣкотораго рода личномъ одолженіи, достаточно характеризуетъ безпомощное положеніе литературнаго работника передъ произволомъ издательской эксплуатаціи. На это могутъ замѣтить: кто же мѣшаетъ сотрудникамъ обращаться въ такихъ случаяхъ въ судъ? Мѣшать, конечно, никто не мѣшаетъ; но, съ одной стороны, въ рукахъ обсчитаннаго сотрудника не бываетъ зачастую никакихъ доказательствъ того, что данная статья дѣйствительно принадлежитъ ему, а во-вторыхъ, медленность гражданской судебной процедуры, отчасти установленная закономъ для огражденія интересовъ отвѣтчика, отчасти же, и едва ли не главнымъ образомъ, обусловливаемая судебной практикой, на которую въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются сѣтованья въ этомъ отношеніи, дѣлаетъ то, что раздраженный принципалъ въ случаѣ, даже, еслибы искъ сотрудника былъ признанъ правильнымъ и перерѣшеніе дѣла слѣдующей судебной инстанціей въ иномъ смыслѣ представлялось крайне сомнительнымъ, имѣетъ полную возможность оттянуть уплату на неопредѣленное время: для этого ему только стоитъ протянуть дѣло черезъ всѣ аппеляціонныя инстанціи, пользуясь сполна льготными сроками, положенными для подачи аппеляціонныхъ отзывовъ; судеб-

ныя издержки, которыя при этомъ наростаютъ и которыя, какъ онъ очень хорошо знаетъ, падутъ на него, не могутъ его удержать; этою маленькою жертвою, въ сущности даже нечувствительною для его кармана, онъ покупаетъ себѣ нравственное удовлетвореніе протомить дерзкаго сотрудника, осмѣлившагося искать противъ него защиты въ судѣ. При такихъ условіяхъ, понятно, что не у всякаго обсчитаннаго сотрудника хватитъ духу затѣвать процессъ, особенно если сумма, на которую онъ обсчитанъ, незначительна; а между тѣмъ, незначительность эта лишь относительная, и въ литературномъ быту, какъ и во всякомъ другомъ быту, не обставленномъ никакими гарантіями противъ полнѣйшаго произвола случайности, цѣна денегъ опредѣляется пословицей: дорого яичко къ Христову дню.

Но это лишь грубѣйшая, такъ сказать, первобытная форма эксплуатаціи. Рядомъ съ нею существуютъ и другія, обставленныя всею благовидностью обоюднаго соглашенія. Какъ на довольно характеристичный образчикъ подобнаго рода эксплуатаціи, мы можемъ указать на слѣдующій случай: Хозяинъ одного періодическаго изданія, устыдившись, повидимому, низкой платы, на которой онъ держалъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, объявляетъ послѣднему, что такъ какъ дѣла изданія идутъ въ настоящее время хорошо (а шли они настолько хорошо, что уже доставляли хозяину тысячъ семнадцать чистаго дохода), то онъ, хозяинъ, намѣренъ сдѣлать сотрудника участникомъ въ своихъ барышахъ и, какъ только цифра подписчиковъ еще возрастетъ до извѣстныхъ предѣловъ, увеличитъ сотруднику помѣсячную плату, которую онъ получалъ, помимо полистной, въ качествѣ одного изъ членовъ редакціи, завѣдующаго цѣлымъ отдѣломъ. Сотрудникъ, конечно, если и имѣетъ что противъ подобнаго обѣщанія, то развѣ только то, что оно лишь сулитъ въ будущемъ то, что слѣдовало бы сдѣлать въ настоящемъ. Но, понимая, что за неимѣніемъ синицы въ рукахъ, можно помириться и на журавлѣ въ небѣ, терпѣливо ждетъ. Цифра эта дѣйствительно вскорѣ достигается, но хозяинъ какъ будто забылъ о данномъ обѣщаніи. Сотрудникъ рѣшается напомнить ему о существовавшемъ между ними уговорѣ, но получаетъ въ отвѣтъ: Вы не поняли меня; я говорилъ, что увеличу вамъ вознагражденіе, когда подписка дойдетъ до такой-то цифры (называетъ другую цифру, болѣе высокую, чѣмъ прежде назначенная). Сотрудникъ, за неимѣніемъ возможности освѣжить память хозяина какими-либо

этого
боту
И сл
дол
дѣл

ная
фо
эти
ра
пр
ря
„(
ко
чі
д
и
и
і

никахъ—что они плохіе счетчики. Мысль эта, конечно, способна доставить извѣстное нравственное успокоеніе тѣмъ, для кого весь вопросъ въ томъ, чтобы найти подобное личное успокоеніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется. Земледѣльческая химія и даже политическая экономія давно предаютъ справедливому порицанію то, что у нихъ извѣстно подъ именемъ грабительскаго способа земледѣлія, Raubbau: безъ сомнѣнія, убѣдительные доводы этихъ наукъ когда-нибудь да измѣнятъ тѣ условія, которыя создали этотъ Raubbau и изъ которыхъ онъ является единственнымъ возможнымъ, и если не раціональнымъ, то, по крайней мѣрѣ, по своему, логичнымъ выводомъ; но пока данныя условія остаются неизмѣненными, самые убѣдительные доводы этого рода постоянно будутъ разбиваться въ общемъ—о физическую невозможность воспользоваться ихъ благими указаніями, а въ частности—о близорукую житейскую мудрость, создавшую поговорки: „на мой вѣкъ хватитъ“ и „après nous le déluge“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ остается взглянуть на другую сторону вопроса, которая, съ перваго взгляда, какъ будто и противорѣчитъ всему вышесказанному, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается лишь новымъ и едва ли не наиболѣе сильнымъ доказательствомъ рокового вліянія, оказываемаго настоящей организаціей литературнаго труда на литературу и на ея дѣятелей.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ, быть можетъ, иной читатель заключитъ, что кулацкая эксплуатація сотрудниковъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, построенная на самыхъ первобытныхъ пріемахъ обсчитыванія и зажиливанія, составляетъ не только заурядное, но и сплошное явленіе въ литературномъ быту. Между тѣмъ, это не такъ. Съ одной стороны, существуютъ редакціи, въ которыхъ личная порядочность редакторовъ и издателей не допускаетъ подобныхъ пріемовъ и составляетъ противовѣсъ тѣмъ общимъ условіямъ, которыя толкаютъ всякое литературное предпріятіе по указанному нами склону; въ этихъ редакціяхъ трудъ работниковъ вознаграждается настолько хорошо, насколько это вообще возможно при отсутствіи какихъ либо прочно установленныхъ основаній для опредѣленія цѣнности этого труда и какихъ бы то ни было гарантій его правъ. Съ другой стороны, самая сила вещей, самая невозможность для литературнаго труда продолжать свои отправленія при абсолютномъ, послѣдовательномъ примѣненіи того принципа, который, какъ мы ви-

оно претендуетъ на болѣе серьезное значеніе, чѣмъ значеніе какого нибудь иллюстрированнаго tutti-fruti, для „семейнаго чтенія“ или для услажденія одинокаго досуга—всякое такое изданіе, говоримъ мы, является органическимъ цѣлымъ, воплощающимъ въ себѣ по возможности послѣдовательно и полно извѣстное направленіе, извѣстное міросозерцаніе. Въ этомъ направленіи, въ этомъ міросозерцаніи предполагается весь центръ тяжести, единственная цѣль, ради которой періодически выходитъ въ свѣтъ вся эта масса печатной бумаги. Матеріальный успѣхъ, доходность предпріятія, если и играютъ въ этомъ представленіи извѣстную роль, то лишь какъ необходимое условіе существованія изданія, какъ справедливое вознагражденіе тѣхъ, которые вложили свой трудъ и свои деньги въ дѣло, признанное ими добрымъ и полезнымъ. Это-то идеальное представленіе, совершенно вѣрное въ теоретической своей исходной точкѣ, отражается какъ разъ въ обратномъ видѣ въ той житейской практикѣ, о которой мы говоримъ. Нашъ quasi-литераторъ тоже понимаетъ необходимость придать своему изданію опредѣленную нравственную физіономію, и чѣмъ онъ практичнѣе, тѣмъ яснѣе сознаетъ эту необходимость. Но опредѣленность и послѣдовательность направленія и литературное достоинство тѣхъ формъ, въ которыхъ они выражаются, составляютъ предметъ его заботъ лишь настолько, насколько то и другое способствуетъ матеріальному успѣху предпріятія. Между тѣмъ, онъ знаетъ очень хорошо, что упомянутые невещественные факторы, если и играютъ роль въ увеличеніи издательскихъ барышей, то лишь въ извѣстныхъ, довольно ограниченныхъ предѣлахъ и въ пропорціи постепенно уменьшающейся, по мѣрѣ того, какъ возрастаютъ барыши. Онъ знаетъ, что разъ репутація изданія составлена и оно вступило въ блистательный періодъ своего коммерческаго существованія, новыя заботы объ улучшеніи внутренняго его достоинства не окупятся соотвѣтствующимъ увеличеніемъ доходовъ; увеличеніе это происходитъ совершенно инымъ, гораздо простѣйшимъ способомъ: разъ цифра подписчиковъ дошла до той вождѣленной нормы, при которой затраты окупаются, всякое новое прибавленіе составляетъ уже почти чистый доходъ издателя, такъ какъ сопровождающіе подобное увеличеніе добавочные расходы на бумагу и на почтовую переписку (а другихъ расходовъ, въ видѣ, напримѣръ, увеличенія гонораріа людямъ, создавшимъ этотъ успѣхъ, не полагается) составляютъ ничтожный про-

центъ изъ того десятка и болѣе тысячъ рублей, который съ каждою новою тысячью подписчиковъ перепадаетъ въ издательскій карманъ. Слѣдовательно, коммерческому дѣятелю, стоящему во главѣ литературнаго предпріятія, остается сосредоточивать свои усилія на двухъ задачахъ: поскорѣе довести бюджетъ изданія до того равновѣсія, которое, какъ мы видѣли, служитъ исходной точкой издательскаго благополучія,—а такое равновѣсіе достигается тѣмъ скорѣе, чѣмъ большая экономія соблюдается въ расходахъ—и поддержать ту среднюю доброкачественность продаваемаго имъ товара, которая и въ торговлѣ такъ-называемыми произведеніями человѣческой мысли, какъ и во всякой другой торговлѣ, обезпечиваетъ наиболѣе обширный и выгодный сбытъ.

Этими-то коммерческими соображеніями обусловливается и отношеніе такого хозяина изданія къ сотрудникамъ. Онъ, конечно, дорожитъ тѣмъ невещественнымъ фондомъ таланта, идей, знанія, который каждый изъ нихъ вносятъ въ его предпріятіе и даже въ сравнительной оцѣнкѣ этихъ качествъ въ каждомъ данномъ лицѣ выказываетъ подчасъ нѣкоторую мѣткость сужденія и проницательность взгляда, остерегаясь, конечно, переводить такую оцѣнку, безъ крайней надобности, на деньги. Онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы эти вкладчики воображали, что, способствуя успѣху его предпріятія, они проводятъ идею, служатъ общественному дѣлу; онъ даже самъ не прочь, въ минуты досужаго благодушія, что называется, entre la poire et le fromage изобразить изъ себя слугу общества и проводника идеи. Но, позволяя себѣ эту невинную роскошь, онъ ни на минуту не теряетъ изъ виду интересы своей коммерціи; интересы же эти, какъ мы видѣли, сходятся въ извѣстныхъ точкахъ соприкосновенія съ тѣми высшими интересами, которымъ порывается служить каждый, мало-мальски порядочный человѣкъ, вступая на литературное поприще,—но сходятся не для того, чтобы слиться, а чтобы пересѣчь другъ другу дорогу и затѣмъ снова разойтись. Пользуясь для своихъ цѣлей тѣмъ невещественнымъ фондомъ, о которомъ мы говорили, хозяинъ предпріятія расходуетъ его по своему усмотрѣнію и не считаетъ себя обязаннымъ заботиться о его возстановленіи и увеличеніи. Талантъ, идея, знаніе—не болѣе какъ орудія: есть въ нихъ надобность, ихъ употребляютъ, сообразно съ ихъ первоначальнымъ назначеніемъ, надобность миновала—ихъ приспособляютъ къ тому употребленію, въ которомъ представилась надобность въ данную минуту, хотя бы для

этого пришлось заставлять клинокъ англійской стали исполнять работу кухоннаго ножа, годнаго только для колки лучинъ на растопки. И служитъ клинокъ, пока не зазубрится—зазубрится и все-таки продолжаетъ служить, пока совсѣмъ не сломается; да и что же ему дѣлать?—вѣдь если его отложатъ въ сторону, будетъ и того хуже.

Рядомъ съ этой нравственной эксплуатаціей идетъ и матеріальная. Читатели, слѣдящіе за печатными отчетами литературнаго фонда, безъ сомнѣнія, не разъ обращали вниманіе на ту рубрику этихъ отчетовъ, въ которыхъ, съ подобающею деликатностью выраженія, говорится о литераторахъ, утруждающихъ комитетъ фонда просьбами о содѣйствіи имъ, литераторамъ, къ полученію гонорара, причитающагося за напечатанную въ такомъ-то изданіи статью. „Сношенія", въ которыя комитетъ фонда входитъ по этому щекотливому вопросу съ хозяевами означенныхъ изданій, иногда увѣнчиваются успѣхомъ, но уже одинъ фактъ, что литераторы вынуждены обращаться въ такомъ дѣлѣ къ учрежденію, которое, принимая на себя такого рода посредничество, не имѣетъ никакой возможности настоять на своихъ требованіяхъ въ случаѣ отказа, а потому можетъ только просить объ уплатѣ задержанныхъ денегъ, какъ о нѣкотораго рода личномъ одолженіи, достаточно характеризуетъ безпомощное положеніе литературнаго работника передъ произволомъ издательской эксплуатаціи. На это могутъ замѣтить: кто же мѣшаетъ сотрудникамъ обращаться въ такихъ случаяхъ въ судъ? Мѣшать, конечно, никто не мѣшаетъ; но, съ одной стороны, въ рукахъ обсчитаннаго сотрудника не бываетъ зачастую никакихъ доказательствъ того, что данная статья дѣйствительно принадлежитъ ему, а во-вторыхъ, медленность гражданской судебной процедуры, отчасти установленная закономъ для огражденія интересовъ отвѣтчика, отчасти же, и едва ли не главнымъ образомъ, обусловливаемая судебной практикой, на которую въ послѣднее время все чаще и чаще раздаются сѣтованья въ этомъ отношеніи, дѣлаетъ то, что раздраженный принципалъ въ случаѣ, даже, еслибы искъ сотрудника былъ признанъ правильнымъ и перерѣшеніе дѣла слѣдующей судебной инстанціей въ иномъ смыслѣ представлялось крайне сомнительнымъ, имѣетъ полную возможность оттянуть уплату на неопредѣленное время: для этого ему только стоитъ протянуть дѣло черезъ всѣ аппеляціонныя инстанціи, пользуясь сполна льготными сроками, положенными для подачи аппеляціонныхъ отзывовъ; судеб-

ныя издержки, которыя при этомъ наростаютъ и которыя, какъ онъ очень хорошо знаетъ, падутъ на него, не могутъ его удержать; этою маленькою жертвою, въ сущности даже нечувствительною для его кармана, онъ покупаетъ себѣ нравственное удовлетвореніе протомить дерзкаго сотрудника, осмѣлившагося искать противъ него защиты въ судѣ. При такихъ условіяхъ, понятно, что не у всякаго обсчитаннаго сотрудника хватитъ духу затѣвать процессъ, особенно если сумма, на которую онъ обсчитанъ, незначительна; а между тѣмъ, незначительность эта лишь относительная, и въ литературномъ быту, какъ и во всякомъ другомъ быту, не обставленномъ никакими гарантіями противъ полнѣйшаго произвола случайности, цѣна денегъ опредѣляется пословицей: дорого яичко къ Христову дню.

Но это лишь грубѣйшая, такъ сказать, первобытная форма эксплуатаціи. Рядомъ съ нею существуютъ и другія, обставленныя всею благовидностью обоюднаго соглашенія. Какъ на довольно характеристичный образчикъ подобнаго рода эксплуатаціи, мы можемъ указать на слѣдующій случай: Хозяинъ одного періодическаго изданія, устыдившись, повидимому, низкой платы, на которой онъ держалъ одного изъ самыхъ дѣятельныхъ своихъ постоянныхъ сотрудниковъ, объявляетъ послѣднему, что такъ какъ дѣла изданія идутъ въ настоящее время хорошо (а шли они настолько хорошо, что уже доставляли хозяину тысячъ семнадцать чистаго дохода), то онъ, хозяинъ, намѣренъ сдѣлать сотрудника участникомъ въ своихъ барышахъ и, какъ только цифра подписчиковъ еще возрастетъ до извѣстныхъ предѣловъ, увеличитъ сотруднику помѣсячную плату, которую онъ получалъ, помимо полистной, въ качествѣ одного изъ членовъ редакціи, завѣдующаго цѣлымъ отдѣломъ. Сотрудникъ, конечно, если и имѣетъ что противъ подобнаго обѣщанія, то развѣ только то, что оно лишь сулитъ въ будущемъ то, что слѣдовало бы сдѣлать въ настоящемъ. Но, понимая, что за неимѣніемъ синицы въ рукахъ, можно помириться и на журавлѣ въ небѣ, терпѣливо ждетъ. Цифра эта дѣйствительно вскорѣ достигается, но хозяинъ какъ будто забылъ о данномъ обѣщаніи. Сотрудникъ рѣшается напомнить ему о существовавшемъ между ними уговорѣ, но получаетъ въ отвѣтъ: Вы не поняли меня; я говорилъ, что увеличу вамъ вознагражденіе, когда подписка дойдетъ до такой-то цифры (называетъ другую цифру, болѣе высокую, чѣмъ прежде назначенная). Сотрудникъ, за неимѣніемъ возможности освѣжить память хозяина какими-либо

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

никахъ—что они плохіе счетчики. Мысль эта, конечно, способна доставить извѣстное нравственное успокоеніе тѣмъ, для кого весь вопросъ въ томъ, чтобы найти подобное личное успокоеніе, но сущность дѣла отъ этого мало измѣняется. Земледѣльческая химія и даже политическая экономія давно предаютъ справедливому порицанію то, что у нихъ извѣстно подъ именемъ грабительскаго способа земледѣлія, Raubbau; безъ сомнѣнія, убѣдительные доводы этихъ наукъ когда-нибудь да измѣнятъ тѣ условія, которыя создали этотъ Raubbau и изъ которыхъ онъ является единственнымъ возможнымъ, и если не раціональнымъ, то, по крайней мѣрѣ, по своему, логичнымъ выводомъ; но пока данныя условія остаются неизмѣненными, самые убѣдительные доводы этого рода постоянно будутъ разбиваться въ общемъ—о физическую невозможность воспользоваться ихъ благими указаніями, а въ частности—о близорукую житейскую мудрость, создавшую поговорки: „на мой вѣкъ хватитъ“ и „après nous le déluge“.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, намъ остается взглянуть на другую сторону вопроса, которая, съ перваго взгляда, какъ будто и противорѣчитъ всему вышесказанному, но при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается лишь новымъ и едва ли не наиболѣе сильнымъ доказательствомъ рокового вліянія, оказываемаго настоящей организаціей литературнаго труда на литературу и на ея дѣятелей.

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ, быть можетъ, иной читатель заключитъ, что кулацкая эксплуатація сотрудниковъ въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи, построенная на самыхъ первобытныхъ пріемахъ обсчитыванія и зажиливанія, составляетъ не только заурядное, но и сплошное явленіе въ литературномъ быту. Между тѣмъ, это не такъ. Съ одной стороны, существуютъ редакціи, въ которыхъ личная порядочность редакторовъ и издателей не допускаетъ подобныхъ пріемовъ и составляетъ противовѣсъ тѣмъ общимъ условіямъ, которыя толкаютъ всякое литературное предпріятіе по указанному нами склону; въ этихъ редакціяхъ трудъ работниковъ вознаграждается настолько хорошо, насколько это вообще возможно при отсутствіи какихъ либо прочно установленныхъ основаній для опредѣленія цѣнности этого труда и какихъ бы то ни было гарантій его правъ. Съ другой стороны, самая сила вещей, самая невозможность для литературнаго труда продолжать свои отправленія при абсолютномъ, послѣдовательномъ примѣненіи того принципа, который, какъ мы ви-

дѣли, неминуемо ведетъ къ полному банкротству нравственныхъ и физическихъ силъ, дѣлаетъ то, что на практикѣ допускаются, отъ времени до времени, отступленія отъ этого принципа — нѣчто въ родѣ того, чѣмъ poor-tax и обязательные въ своемъ родѣ, широкіе размѣры благотворительности являются по отношенію къ принципу laissez-faire въ англійскомъ обществѣ. Едва ли существуетъ хотя бы одна редакція, въ счетныхъ книгахъ которой не фигурировалъ бы болѣе или менѣе длинный списокъ суммъ, розданныхъ сотрудникамъ въ долгъ въ зачетъ будущихъ статей. Въ этомъ отношеніи не составляютъ исключенія и такія изданія, которыя въ сущности построены по типу кулацкой эксплуатаціи, описанному нами выше. Въ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ цифра этихъ долговъ доходитъ до десятковъ тысячъ, изъ которыхъ цѣлыя тысячи приходятся зачастую на долю одного какого-нибудь сотрудника. Понятно, что при этомъ обезпеченіе будущей работою не можетъ имѣть серьезнаго значенія и что деньги эти, въ большинствѣ случаевъ, могутъ считаться безвозвратно пропавшими. Въ виду такого факта, многіе, пожалуй, найдутъ страннымъ, что можно еще говорить объ эксплуатаціи одной стороны другою, и замѣтятъ, что тутъ можетъ быть развѣ только рѣчь объ обоюдной эксплуатаціи, въ итогѣ которой получается, хотя и довольно страннымъ путемъ, желанная, справедливая норма вознагражденія. Между тѣмъ, это не совсѣмъ такъ. Во-первыхъ, не надо забывать, что какъ ни крупна бываетъ подчасъ цифра этихъ безвозвратно пропадающихъ долговъ, она распредѣляется лишь между нѣкоторыми изъ сотрудниковъ, и что издателю, если у него только есть на то охота, ничто не мѣшаетъ наверстывать и даже возвращать съ лихвою на остальныхъ эти экстренныя затраты. Во-вторыхъ, для самого сотрудника, прибѣгающаго къ этого рода займамъ, послѣдніе отнюдь не могутъ считаться косвеннымъ способомъ для „дальнѣйшей уплаты собственной цѣны труда“. Положимъ, что онъ сознаетъ, что цѣна эта и доля пользы, принесенная имъ изданію, далеко не оплачивается тѣмъ вознагражденіемъ, которое онъ до сихъ поръ получалъ. Но это еще не даетъ ему возможности опредѣлить то, что причитается ему по праву и съ полною увѣренностью сказать себѣ, что, занимая деньги, онъ, въ сущности, беретъ только свое, ни больше и ни меньше. Пока въ теоріи и практикѣ окружающей среды не признанъ принципъ, на основаніи котораго онъ оцѣниваетъ свой трудъ, о подобномъ точномъ опредѣленіи не мо-

жетъ быть и рѣчи,—по крайней мѣрѣ оно всегда рискуетъ быть заподозрѣннымъ въ произвольности. А при такихъ обстоятельствахъ, для всякаго порядочнаго человѣка примѣненіе своихъ взглядовъ въ собственную пользу представляется всего щекотливѣе. Къ тому же, онъ знаетъ, что въ глазахъ того лица, отъ котораго зависитъ дать или не дать просимыя деньги, дѣло имѣетъ характеръ подачки, милости, на которую закона нѣтъ, и что, прибѣгая къ подобной милости, онъ всегда жертвуетъ тою внѣшнею стороною своего человѣческаго достоинства, которая опредѣляется отношеніемъ къ намъ другихъ людей и которая, какъ бы твердо ни было наше внутреннее сознаніе неотъемлемости этого достоинства, не можетъ не имѣть для насъ извѣстнаго значенія. Вотъ почему всякій, уважающій себя литераторъ, кредитуясь изъ издательской кассы подъ обезпеченіе будущихъ работъ, ограничится такими размѣрами, при которыхъ подобное обезпеченіе представляется не фиктивнымъ,—и въ такомъ случаѣ, при наличности всѣхъ остальныхъ условій эксплуатаціи, кредитъ, открытый ему изданіемъ, въ которомъ онъ работаетъ, никакого существеннаго вліянія на его положеніе не окажетъ,—или же, если обстоятельства втянули его въ неоплатные долги, очутится въ такомъ положеніи, въ которомъ весь нравственный и матеріальный гнетъ его быта будетъ ощущаться имъ съ удвоенною силою. Свободно и съ легкимъ сердцемъ пользоваться этимъ кредитомъ могутъ только тѣ, которые при этомъ никакими принципами не задаются, кромѣ извѣстнаго правила народной мудрости: даютъ, такъ бери... и если подчасъ и обставляютъ это покладистое правило нѣкоторымъ либеральничаньемъ, то ровно на столько, на сколько это нужно, чтобы благовиднымъ образомъ отдѣлаться отъ обязательствъ карманной честности.

Чтобы закончить нашъ очеркъ литературнаго быта, намъ остается упомянуть еще объ одномъ фактѣ, который за послѣдніе годы начинаетъ играть въ этомъ быту все болѣе и болѣе замѣтную роль. Читатели, быть можетъ, обратили вниманіе на появленіе въ нашей періодической печати недолговѣчныхъ изданій, въ которыхъ все, отъ возникновенія ихъ подъ фирмою какого нибудь невѣдомаго въ литературѣ лица и до безслѣднаго исчезновенія Богъ-вѣсть куда и Богъ-вѣсть какимъ образомъ, представляется для непосвященнаго читателя какою-то неразъяснимою загадкою. Между тѣмъ, загадка эта объясняется очень просто. Какой нибудь

спекулянтъ, изъ мелкотравчатыхъ, неудачно испробовавъ свои способности на другихъ поприщахъ, рѣшается попытать счастья въ литературѣ, какъ наиболѣе легкомъ и прибыльномъ, по его понятіямъ, источникѣ наживы. О литературной и даже объ издательской сторонѣ дѣла онъ знаетъ только одно—что есть Калифорнія, именуемая подпиской, и что изъ этой Калифорніи въ его карманъ должны посыпаться тысячи рублей,—остальное же дѣло сотрудниковъ. Заручившись необходимымъ утвержденіемъ въ званіи редактора и издателя и раздобывшись, всѣми правдами и неправдами, малою толикою денегъ, чтобы было чѣмъ на первое время пыль въ глаза пустить, онъ начинаетъ набирать свой штабъ сотрудниковъ. Сотрудники являются охотно и на это есть много причинъ: то загоняетъ ихъ въ подобную редакцію одинъ изъ тѣхъ періодическихъ кризисовъ, которые съ пріостановкою или запрещеніемъ одного или нѣсколькихъ изданій оставляютъ безъ работы цѣлые десятки писателей; то соблазняетъ ихъ надежда на болѣе самостоятельное положеніе, если не въ матеріальномъ, то, по крайней мѣрѣ, въ нравственномъ отношеніи, такъ какъ при подобномъ, невѣдомо откуда вынырнувшемъ, редакторѣ, имъ представляется немыслимымъ его вмѣшательство въ литературную сторону дѣла; наконецъ, есть и такіе, которые прямо принимаютъ приглашеніе, въ разсчетѣ сбывать по выгодной цѣнѣ въ возникающее изданіе всякій бракъ и хламъ, пристроить который въ другомъ мѣстѣ немыслимо, но который тутъ сойдетъ, благодаря литературному авторитету ихъ въ глазахъ безтолковаго редактора. Изданіе, состряпанное изъ такихъ разнородныхъ элементовъ, начинаетъ выходить въ свѣтъ. Сотрудники, вошедшіе въ штабъ редакціи, выгораживаютъ за собою право исключительнаго завѣдыванія литературною стороною дѣла и нѣкоторое время пребываютъ въ отрадной увѣренности, что пріискали необыкновенно удобную комбинацію, предоставивъ своему номинальному принципалу всѣ почести внѣшняго представительства вмѣстѣ съ распоряженіемъ матеріальными средствами изданія. Дѣйствительно, первое время принципалъ и самъ, повидимому, сознаетъ всю взаимную выгодность этого единственно возможнаго раздѣленія „труда“. Но вскорѣ оказывается, что онъ вовсе не такая tabula rasa, какъ предполагали вначалѣ; если по отношенію къ устройству дѣла онъ оказывается дѣйствительно пятымъ колесомъ, за то въ умѣніи вносить въ него разстройство и путаницу онъ оказывается великимъ

мастеромъ. То вздумаетъ онъ вдругъ обогатить наличный запасъ литературныхъ силъ своего изданія какимъ нибудь новымъ пріобрѣтеніемъ,—ну и обогащаетъ: въ штабъ редакціи вдругъ являются такіе пришельцы, что остальные сотрудники только переглядываются между собою, да осторожно сторонятся, недоумѣвая, что-то выйдетъ изо всего этого невообразимаго винигрета. То проявляется въ немъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, желаніе выступить самому въ качествѣ писателя и по этому поводу между нимъ и сотрудниками, редактирующими de facto все изданіе, происходятъ подчасъ сцены самаго забавнаго свойства. Одинъ такой сотрудникъ, пріѣхавъ въ типографію передъ выпускомъ нумера, къ ужасу своему убѣждается, что нумеръ украшенъ невообразимо нелѣпою статьею, являющеюся для него совершеннѣйшимъ сюрпризомъ. Оказывается, что статья эта была прислана принципаломъ и принадлежитъ его перу. Сотрудникъ ѣдетъ къ принципалу и протестуетъ противъ такого нарушенія существовавшаго между ними уговора. Принципалъ, пойманный какъ школьникъ въ неудавшейся продѣлкѣ, конфузится, отпирается, увѣряетъ, что это онъ такъ только послалъ статью, что онъ безъ согласія сотрудника—ни-ни!—и припертый, что называется, къ стѣнѣ, соглашается выкинуть статью. А то вотъ еще сцена въ томъ же родѣ; номинальный редакторъ толстаго журнала является къ сотруднику, ведущему дѣло подъ его фирмою, и начинаетъ упрашивать его, чтобы тотъ согласился на помѣщеніе объемистой статьи, вылившейся изъ-подъ его дѣвственнаго редакторскаго пера.—Вы исправляйте и передѣлывайте ее какъ хотите, умоляетъ онъ нахмурившагося сотрудника и тутъ же добавляетъ, къ вящшему его успокоенію: Обѣщаюсь вамъ, я никогда больше не буду писать, но, согласитесь, вѣдь неловко же, я редакторъ и ни одной моей статьи не будетъ въ журналѣ! надо же показать, что и я умѣю писать.

Дрязги, столкновенія, а подчасъ и такъ называемые скандалы хронически внѣдряются въ редакціи подобнаго изданія и подтачиваютъ его существованіе, пока послѣднее не прекратится за изсякновеніемъ денежныхъ средствъ. А этотъ финалъ настаетъ очень скоро. Тысячи, притекающія въ карманъ издателя, совершенно кружатъ ему голову; онъ такъ давно, а можетъ быть и никогда не видалъ такихъ большихъ денегъ и не соображаетъ, что въ сущности деньги эти вовсе не большія, и что ихъ еле-еле хватитъ, чтобы свести концы съ концами въ первый, самый трудный годъ суще-

ствованія изданія. Онъ просто разсуждаетъ какъ мужикъ въ извѣстномъ анекдотѣ: „кабы меня да сдѣлали царемъ, я бы укралъ сто рублей и убѣжалъ". Онъ безпечно бросаетъ деньги на право и на лѣво, хлѣбосольство его и ширь русской натуры проявляются въ полномъ блескѣ. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, въ кассѣ оказывается Торричеліева пустота. Изъ сотрудниковъ, наиболѣе проницательные ретируются, не обращая вниманія на разглагольствованія издателя объ имѣющихъ свалиться къ нему съ неба въ самомъ скоромъ времени значительныхъ суммахъ, съ помощію которыхъ онъ поставитъ изданіе на ноги. Другіе, болѣе наивные, хотя и не совсѣмъ вѣрятъ въ существованіе богатаго отца или дяди, которые обыкновенно пускаются въ ходъ въ подобныхъ случаяхъ, но все-же дѣлаютъ послѣднее отчаянное усиліе поддержать изданіе, съ которымъ ихъ сроднили кое-какія мечты и надежды. Но никакія усилія не въ состояніи предотвратить неминуемой гибели изданія: оно исчезаетъ съ литературнаго горизонта вмѣстѣ съ неискуснымъ спекулянтомъ, которому было обязано своимъ появленіемъ. Спекулянтъ, конечно, ничего не теряетъ; онъ остается при томъ же, при чемъ былъ и прежде, и въ добавокъ, въ промежуткѣ ему удалось урвать у судьбы нѣсколько мѣсяцевъ раздольной жизни; что же касается той тѣни, которая падаетъ на него вслѣдствіе такого неблаговиднаго финала его издательской дѣятельности, то онъ не слишкомъ о ней безпокоится: вѣдь пассажи подобнаго рода дискредитируютъ его въ такой средѣ, изъ которой онъ улетучивается навсегда и отъ мнѣнія которой ему, по этому, ни тепло, ни холодно. Въ накладѣ остаются только подписчики, не дополучившіе того, что имъ слѣдуетъ получить, да наивные сотрудники, работавшіе въ послѣднее время безвозмездно, въ надеждѣ на будущія блага, да развѣ еще кредитъ литературы, который, благодаря подобнымъ пришлымъ спекулянтамъ, все болѣе и болѣе падаетъ въ общественномъ мнѣніи.

Возникновеніе подобнаго рода скандальныхъ спекуляцій было бы почти невозможно, еслибы существующія законоположенія о печати не ставили инціативѣ самихъ литераторовъ въ основаніи новыхъ органовъ печати такихъ затрудненій, которыя de facto оказываются почти непреоборимыми. Извѣстно, что условіемъ sine qua non для существованія журнала или газеты служитъ утвержденіе того или другаго лица въ званіи отвѣтственнаго редактора. Утвержде-

ніе это зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи, и хотя послѣдняя и не обязана мотивировать, почему она не считаетъ возможнымъ утвердить данное лицо, ни для кого не тайна, что главнымъ мотивомъ при этомъ являются тѣ гарантіи политической благонадежности, которыя представляетъ въ ея глазахъ это лицо. Если же судить по тѣмъ отказамъ, которые зачастую встрѣчаютъ литераторы, ходатайствующіе объ утвержденіи ихъ въ званіи отвѣтственныхъ редакторовъ, мѣрило этой благонадежности такъ строго, что подъ него иногда не подходятъ даже такія личности, которыя не сознаютъ за собою никакихъ грѣховъ этого рода. Между тѣмъ, едва ли нужно подробно доказывать, что порядокъ этотъ, стѣсняющій развитіе литературно-издательской дѣятельности на такихъ началахъ, при которыхъ она сосредоточилась бы въ рукахъ самихъ литераторовъ, не доставляетъ и правительству желаемыхъ гарантій. Мы видѣли, что въ число лицъ, признанныхъ политически-благонадежными, попадаютъ и такія, которыя о литературномъ дѣлѣ не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Для такого отвѣтственнаго редактора вопросъ направленія представляется дѣломъ совершенно безразличнымъ, направленіе это цѣликомъ опредѣляется тѣми самыми сотрудниками, которые не имѣютъ возможности вести дѣло отъ своего лица; если же отвѣтственный редакторъ въ припадкѣ той безшабашной игривости, которая овладѣваетъ людьми, очутившимися въ несвойственномъ имъ положеніи, и вздумаетъ ни съ того ни съ сего щегольнуть отъ своего лица тенденціей, то сдѣлаетъ онъ это непремѣнно такъ, чтобы прослыть ужаснымъ либераломъ, и при этомъ отколетъ такую штуку, на которую настоящій литераторъ не способенъ не только въ качествѣ человѣка, искушеннаго опытомъ, но и въ качествѣ человѣка, понимающаго, что глупость и реклама, хотя бы и наилиберальнѣйшаго пошиба, все-таки остаются глупостью и рекламою.

Въ заключеніе нашей статьи, мы позволимъ себѣ изложить вкратцѣ тѣ тезисы, которые мы пытались въ ней доказать:

Экономическое положеніе литературнаго работника, хотя и представляется съ перваго взгляда привиллегированнымъ, опредѣляется тѣми же экономическими факторами, которые управляютъ жизнью всякаго другого работника. Если уровень потребностей въ литера-

турномъ быту стоитъ несравненно выше, чѣмъ въ другихъ отрасляхъ труда, то этимъ не возвышается мѣра субъективнаго довольства и не подрывается справедливость того недовольства и того стремленія къ лучшему, которыя высказываются въ этомъ быту. Стремленія эти законны не только въ томъ смыслѣ, что они управляются естественными законами, измѣнить которые не въ нашей власти, но и въ томъ смыслѣ, что они нравственны, такъ какъ они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами другихъ классовъ общества, стоящихъ на еще низшихъ степеняхъ благосостоянія, и въ основѣ ихъ лежитъ не грубо-матеріалистическая гоньба за наслажденіемъ, а законная и нравственная потребность гармоничнаго развитія всѣхъ сторонъ человѣческаго существа до предѣловъ естественной возможности.

Цифра литературнаго заработка, покрывающая съ грѣхомъ пополамъ тотъ *minimum* потребностей, который установился въ данномъ быту, не удовлетворяетъ остальнымъ условіямъ, которыя, по самому скромному разсчету, признаются необходимыми для того, чтобы трудъ покрывалъ свои собственныя издержки и не шелъ на встрѣчу къ неминуемому банкротству. Цифра эта не даетъ средствъ ни для той спеціальной подготовки, которой требуетъ литературная дѣятельность, ни для поддержанія капитала нравственныхъ и физическихъ силъ въ теченіе рабочаго періода жизни, ни для обезпеченія извѣстной страховой преміи на случай болѣзни, безработицы или старости.

Если цифра эта и можетъ быть до извѣстной степени увеличена усиленной работой, то дѣлается это не иначе, какъ въ ущербъ двумъ первымъ изъ вышеназванныхъ элементовъ „собственной цѣны труда", т. е. въ ущербъ необходимой спеціальной подготовкѣ и капиталу нравственной и физической рабочей силы,—а это, въ свою очередь, отзывается сокращеніемъ рабочаго періода жизни, въ теченіе котораго должны быть покрыты всѣ собственные расходы труда, и увеличиваетъ вѣроятіе временнаго перерыва работы, которое и безъ того, при непрочности положенія литературныхъ работниковъ и при тѣхъ случайностяхъ, которымъ подвержено существованіе литературныхъ предпріятій, достаточно велико. Такимъ образомъ, процентъ за страховую премію возрастаетъ до такихъ размѣровъ, при которыхъ покрытіе его изъ заработка становится немыслимо. Въ результатѣ всѣхъ этихъ дефицитовъ, наростающихъ

одинъ на другомъ и другъ друга обусловливающихъ, получается быстрое и полное банкротство труда.

Главною или, по крайней мѣрѣ, ближайшею причиною такого положенія вещей является та организація большинства періодическихъ органовъ печати, при которой они представляютъ не органическое цѣлое съ неразрывною солидарностью частей, обусловливающею единство и гармоничное соотвѣтствіе въ самомъ разнообразіи отправленій, а насильственное и чисто-внѣшнее соединеніе интересовъ, не имѣющихъ по самой природѣ своей ничего общаго между собою. Отсюда эксплуатація слабѣйшей стороны сильнѣйшею, отсюда подчиненіе всего, что составляетъ нравственный фондъ литературнаго дѣла, требованіямъ коммерческаго предпріятія, другими словами, дикое qui pro quo, перестанавливающее средство на мѣсто цѣли и обращающее цѣль въ простое средство.

Положеніе это не поправимо ни порядочностью отдѣльныхъ личностей, не желающихъ пользоваться тѣми средствами безконтрольной эксплуатаціи, которыя сила вещей даетъ имъ въ руки, ни тѣми частными уступками, которыя та же сила вещей вынуждаетъ и у самой безцеремонной эксплуатаціи. Напротивъ, самыя уступки эти, своимъ случайнымъ, какъ бы произвольнымъ характеромъ, при отсутствіи строго опредѣленнаго, общепризнаннаго мѣрила, которое регулировало бы права и обязанности на иныхъ началахъ, чѣмъ настоящія, явно несостоятельныя, являются лишь новымъ орудіемъ нравственнаго закабаленія личности, а въ иныхъ случаяхъ и деморализаціи.

Къ этимъ условіямъ, болѣе или менѣе общимъ литературному труду съ остальными отраслями труда, присоединяются еще другія, создающія для литературной дѣятельности какое-то исключительное положеніе среди всѣхъ другихъ видовъ производительной дѣятельности; условія эти — отсутствіе какихъ либо прочныхъ гарантій и изобиліе всякаго рода внѣшнихъ стѣсненій, парализующее всякое правильное развитіе дѣйствительно производительныхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается эта дѣятельность, отдающее ее на полный произволъ случайности и тѣмъ самымъ ставящее ее все болѣе и болѣе въ зависимость отъ спекулянтовъ, которые умѣютъ изъ самыхъ неблагопріятныхъ случайностей извлекать себѣ выгоду или, по крайней мѣрѣ, такъ лавировать между ними, чтобы самимъ не оставаться въ накладѣ.

Исчисленныя условія литературнаго труда, отзываясь гибельно на нравственной силѣ и здоровьи личности, не могутъ не отзываться такъ же гибельно и на результатахъ ея дѣятельности. Если въ нихъ нельзя признать коренную и единственную причину настоящаго упадка значенія литературы, то во всякомъ случаѣ продолжительное и постоянно усиливающееся дѣйствіе ихъ является однимъ изъ главныхъ и непосредственныхъ факторовъ этого упадка.

Если читатель ожидаетъ, что мы, подъ-конецъ этихъ безотрадныхъ положеній, преподнесемъ ему въ утѣшеніе указаніе какого нибудь выхода,—нѣчто въ родѣ тѣхъ патентованныхъ универсальныхъ средствъ, которыя излечиваютъ отъ всѣхъ болѣзней, то ему предстоитъ разочароваться въ своихъ ожиданіяхъ. Никакого такого универсальнаго средства мы не знаемъ и не беремся его пріискивать. Говоря вообще, кооперація между самими литераторами, какъ такая форма, которою коммерческая сторона литературнаго предпріятія отодвигается на подобающее ей мѣсто, нравственный фондъ входитъ въ свои права и между участниками дѣла устанавливается связь нравственной и матеріальной солидарности, представляется намъ такою формою, при которой большая часть исчисленныхъ нами золъ отпадаетъ сама собою. Но возможна ли эта форма въ настоящее время? Не встрѣтитъ ли она неодолимыхъ препятствій въ тѣхъ самыхъ факторахъ, которымъ она стремится противодѣйствовать—въ денежной безпомощности литераторовъ, въ оскудѣніи запаса энергіи и таланта, измыкавнаго на службѣ эксплуататорскимъ фирмамъ, въ дурныхъ привычкахъ мѣстничества и разрозненности, въ вавилонскомъ смѣшеніи языковъ, при которомъ подъ одними и тѣми же словами подразумѣваются нерѣдко совершенно противуположныя вещи, въ отсутствіи какихъ бы то ни было прочныхъ и раціональныхъ теоретическихъ основаній, на которыхъ отдѣльныя личности, не жертвуя призраку какой-то внѣшней, искусственной солидарности цѣлостью своего міросозерцанія и самобытностью своей нравственной физіономіи, могли бы сомкнуться въ свободный и сознательный союзъ? Наконецъ, еслибы даже предлагаемой нами комбинаціи и удалось справиться со всѣмъ этимъ печальнымъ наслѣдіемъ настоящихъ условій литературнаго труда, то могла ли бы она устоять и окрѣпнуть въ виду того шаткаго, исключительнаго положенія, которое нынѣ дѣйствующія закоположенія о печати создаютъ для собственности, помѣщенной въ какомъ либо литературномъ предпрія-

тіи? Мы не хотимъ отвѣчать аподиктическимъ отрицаніемъ на всѣ эти вопросы, но намъ кажется, что въ виду ихъ ожидать слишкомъ блестящихъ непосредственныхъ результатовъ отъ той или другой комбинаціи, какъ бы раціональны ни были ея теоретическія основанія, было бы черезъ-чуръ уже наивно. Литература не есть какой либо status in statu или оазисъ среди пустыни. Замкнувшись въ разсмотрѣніи лишь тѣхъ сторонъ дѣла, которыя составляютъ ея исключительную особенность, мы не придемъ ни къ какому рѣшенію вопросовъ, даже наиболѣе близко ея касающихся. Изученіе этихъ вопросовъ можетъ быть плодотворно лишь на столько, на сколько оно выясняетъ намъ связь этихъ вопросовъ со всей совокупностью соціальной и политической жизни обществъ, и принимаетъ законы, управляющіе этой послѣдней, за путеводную нить своихъ изысканій. Что до насъ касается, то если намъ удалось настоящей статьей обратить сочувственное вниманіе читателя на интересы мало знакомаго и чуждаго ему быта и возбудить въ немъ желаніе перешагнуть черезъ ту пропасть взаимнаго непониманія и отчужденія, которая утвердилась между читающими и пишущими,— если съ другой стороны нашъ опытъ побудитъ кого либо изъ нашихъ собратовъ разработать этотъ вопросъ полнѣе и лучше, — то цѣль, которою мы задались въ настоящей статьѣ, будетъ вполнѣ достигнута.

Е. Конради.

ЛИЧНОЕ ОБЪЯСНЕНІЕ,

НЕ ЛИШЕННОЕ ОБЩАГО ИНТЕРЕСА.

Мы вынуждены къ настоящему объясненію съ подписчиками „Недѣли“ на страницахъ „Сборника“ тѣмъ обстоятельствомъ, что „Недѣля“ въ настоящее время не выходитъ въ свѣтъ, а можетъ быть не будетъ выходить и вовсе. Цѣль же настоящаго объясненія — разъяснить подписчикамъ причину этого обстоятельства и высказать нѣкоторыя мысли, не лишенныя, по нашему мнѣнію, общаго интереса.

Мы, нынѣшніе издатели „Недѣли“, пріобрѣли эту газету отъ прежняго ея владѣльца, г. Генкеля, въ октябрѣ 1869 года, послѣ шестимѣсячной ея пріостановки. Не смотря на невыгодность для насъ условій этого пріобрѣтенія, мы рѣшились взять газету въ той надеждѣ, что намъ удастся довести ее, въ матеріальномъ отношеніи, по крайней мѣрѣ до такого состоянія, при которомъ она будетъ достаточно оплачивать трудъ своихъ сотрудниковъ и возвратитъ намъ сдѣланныя на нее затраты. На доходы собственно-издательскіе мы разсчитывали мало, да и не имѣли въ нихъ особенной надобности, такъ какъ, будучи главными сотрудниками въ газетѣ, которымъ принадлежали $^3/_4$ каждаго ея нумера, мы могли довольствоваться обыкновеннымъ гонораріемъ за нашъ литературный трудъ. При такихъ скромныхъ требованіяхъ съ нашей стороны, намъ казалось, что мы можемъ взять на себя издательскую часть безъ всякаго риска, потому что еслибы случилось, что газета совсѣмъ не будетъ давать доходовъ, то мы ничего не теряемъ, какъ издатели,

а какъ сотрудники все-таки остаемся въ выигрышѣ — благодаря нашему самостоятельному положенію—сравнительно съ сотрудниками другихъ періодическихъ изданій. Хотя г. Генкель, передавая намъ газету, остался отвѣтственнымъ ея редакторомъ, но прямого участія въ ней не принималъ и слѣдовательно не могъ стѣснять насъ въ нашей литературной дѣятельности. При томъ же, мы надѣялись, что современемъ кому нибудь изъ насъ будетъ разрѣшено принять на себя и офиціальное званіе редактора, тѣмъ болѣе, что мы обязались передъ г. Генкелемъ замѣнить его впослѣдствіи другимъ лицомъ. Не считая нужнымъ распространяться объ остальныхъ соображеніяхъ, побудившихъ насъ взять на себя издательство „Недѣли", замѣтимъ только, что въ числѣ ихъ было одно, не лишенное идеалистическаго оттѣнка. Такъ, мы мечтали примѣнить кооперативное начало въ области литературнаго труда и создать газету, которая бы оплачивала этотъ трудъ не по однажды навсегда установленной мѣркѣ, а въ извѣстномъ отношенія къ приносимымъ ею доходамъ.

Исполняя условіе, заключенное съ г. Генкелемъ, мы, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріобрѣтенія газеты, представили въ Главное управленіе по дѣламъ печати сразу *трехъ* лицъ, ходатайствуя объ утвержденіи кого-либо изъ нихъ въ званіи отвѣтственнаго редактора „Недѣли"—но ни одно изъ нихъ не удостоилось утвержденія со стороны г. министра внутреннихъ дѣлъ; черезъ нѣсколько времени мы представили *четвертое*, а потомъ и *пятое* лице, но результатъ былъ тотъ же. Эта неудача нашихъ ходатайствъ начинала нѣсколько тревожить насъ, но, объясняя ее какими нибудь исключительными причинами, мы рѣшились ждать болѣе удобнаго времени.

Такъ прошелъ 1870 годъ и часть 1871. Въ это время, именно 4-го апрѣля, „Недѣля" получила третье предостереженіе и была пріостановлена на шесть мѣсяцевъ. По прошествіи этого срока, г. Генкель заявилъ намъ, что онъ не можетъ болѣе сохранять за собою званіе отвѣтственнаго редактора и настоятельно просилъ насъ вновь обратиться въ главное управленіе по дѣламъ печати съ просьбою о замѣнѣ его другимъ лицемъ. Положеніе наше, какъ издателей, становилось безвыходнымъ. Испытавъ неудачу относительно пяти лицъ, мы имѣли мало основаній разсчитывать на утвержденіе шестаго, тѣмъ болѣе, что на этотъ разъ намъ приходилось ходатайствовать въ особенно неблагопріятное для насъ время,—именно,

послѣ шестимѣсячной пріостановки, когда мы всего менѣе могли разсчитывать на благосклонное вниманіе къ намъ со стороны администраціи по дѣламъ печати. Мы изложили эти соображенія передъ г. Генкелемъ; мы, кромѣ того, сказали ему, что своимъ отказомъ отъ званія редактора онъ поставитъ насъ въ невозможность продолжать изданіе, которое до сихъ поръ приносило намъ только убытки, и такимъ образомъ лишитъ насъ всякихъ средствъ поправить наши матеріальныя дѣла. Г. Генкель убѣдился нашими доводами и оказался на столько деликатнымъ, что вновь предоставилъ свою подпись, какъ отвѣтственнаго редактора, въ наше распоряженіе. Съ 4-го октября 1871 года „Недѣля" опять стала выходить въ свѣтъ.

Однако же, наши матеріальныя обстоятельства не только не улучшились къ этому времени съ конца 1869 года, но еще ухудшились. Дойдя въ 1871 году до 2,000 слишкомъ, цифра подписчиковъ на 1872 годъ, подъ вліяніемъ шестимѣсячной пріостановки, упала до 1,500, и если мы все-таки рѣшились продолжать наше изданіе, то лишь въ надеждѣ—воздерживаясь, по возможности, отъ сужденій, влекущихъ за собою административныя взысканія—увеличить цифру подписчиковъ въ 1873 году. Здѣсь мы должны, впрочемъ, прибавить, что возможность продолжать изданіе давало намъ, главнымъ образомъ, содѣйствіе со стороны почтенныхъ Антона Михайловича *Котомина* и владѣльцевъ „Русской Книжной Торговли", Константина Николаевича *Дурышкина* и Василія Ивановича *Яковлева*, которые съ самаго перехода „Недѣли" въ наши руки оказывали намъ самый широкій кредитъ (первый—по типографіи, вторые—по бумагѣ). Мы считаемъ себя обязанными заявить объ этомъ гласно и вмѣстѣ съ тѣмъ выразить имъ нашу глубокую, искреннюю благодарность.

Пять мѣсяцевъ со времени возобновленія „Недѣли" послѣ полугодовой пріостановки прошли благополучно, и намъ казалось, что при томъ образѣ дѣйствій, какой мы постарались себѣ усвоить, мы можемъ считать себя гарантированными отъ предостереженій и пріостановокъ нисколько не меньше, чѣмъ всякое другое періодическое изданіе; а при этомъ условіи мы позволяли себѣ надѣяться, что подписка на будущій годъ окажетъ намъ существенную поддержку и вознаградитъ хоть часть тѣхъ убытковъ, какіе намъ приносила до сихъ поръ наша газета. Мы предполагали, кромѣ того, произвесть въ

ней нѣкоторыя существенныя улучшенія, расширить критическій и библіографическій отдѣлы, сдѣлать болѣе полными всѣ хроники (внутреннюю, земскую и судебную) и увеличить ея объемъ. Вообще мы разсчитывали утвердить изданіе „Недѣли" на болѣе прочныхъ основаніяхъ и расширить кругъ ея читателей.

Но тутъ надъ нами разразился ударъ въ такой формѣ, въ какой мы его никакъ не ожидали. Причины, извѣстныя намъ лишь по слухамъ, заставили г. Генкеля уѣхать въ началѣ марта за границу. Онъ уѣхалъ, не предупредивъ насъ объ этомъ заранѣе и не заявивъ о своемъ отъѣздѣ въ главное управленіе по дѣламъ печати. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, онъ, на основаніи закона 6-го апрѣля 1865 года, лишился званія отвѣтственнаго редактора. Мы тотчасъ же обратились въ главное управленіе съ просьбой о разрѣшеніи намъ выпускать „Недѣлю", до пріисканія и утвержденія новаго редактора, подъ временною отвѣтственностью кого-либо изъ насъ, но наша просьба не получила удовлетворенія— и изданіе „Недѣли" должно было пріостановиться. Тогда мы представили новое—по общему счету, *шестое*—лицо для утвержденія его постояннымъ редакторомъ, но и на эту просьбу разрѣшенія не послѣдовало. Послѣ нѣкотораго колебанія, мы рѣшились представить еще одно, *седьмое* лицо—и опять потерпѣли неудачу.

Здѣсь мы должны были остановиться и серьезно подумать о нашемъ положеніи. Намъ предстояло два выхода: или продолжать хлопоты по пріисканію другихъ лицъ въ редакторы, или постараться передать нашу газету въ другія руки. Но пріискиваніе и представленіе редакторовъ—дѣло вовсе не такое легкое и простое, какъ можетъ казаться. Нужно найти человѣка, который бы, прежде всего, согласился принять на себя это званіе; затѣмъ, если онъ служащій, необходимо предварительно заручиться согласіемъ со стороны его начальства. Со дня представленія лица, согласившагося быть редакторомъ, въ Главное управленіе по дѣламъ печати, до дня полученія отвѣта со стороны послѣдняго, проходитъ не мало времени. Такъ напримѣръ, съ отъѣзда г. Генкеля, мы представили въ Главное управленіе двухъ лицъ и на это потребовалось болѣе двухъ мѣсяцевъ. Но бываютъ случаи, когда дѣло тянется еще дольше. Намъ, по крайней мѣрѣ, въ прошломъ году пришлось ждать отвѣта относительно одного изъ представленныхъ лицъ — *болѣе полугода*

Между тѣмъ, возобновляя изданіе „Недѣли" послѣ вторичной ея

пріостановки и разсчитывая поправить наши дѣла въ будущемъ году, мы ставили при этомъ необходимымъ условіемъ—чтобы „Недѣля" не только не подверглась въ нынѣшнемъ году пріостановкѣ, но и не получила *ни одного* предостереженія. Только такимъ путемъ мы надѣялись возстановить въ глазахъ подписчиковъ кредитъ нашего изданія, поколебленный частыми предостереженіями и пріостановками до такой степени, что нѣкоторые изъ нашихъ читателей, подписываясь въ текущемъ году на нашу газету и высылая только полугодовую плату, прямо высказывали увѣренность, что „Недѣля" *будетъ издаваться не болѣе полугода*, вслѣдствіе чего они считаютъ излишнимъ подписываться на весь годъ. Очевидно, что при такихъ условіяхъ возобновлять газету послѣ новой пріостановки было бы съ нашей стороны большимъ рискомъ. Положимъ, что на этотъ разъ пріостановка произошла вслѣдствіе совершенно исключительныхъ обстоятельствъ; но какое до этого дѣло подписчикамъ? За исключеніемъ ничтожнаго меньшинства, которое готово входить въ положеніе издателей, подписчики относятся къ газетѣ прежде всего *какъ къ газетѣ*, которая должна приходить къ нимъ во-время и приносить свѣжія извѣстія. Если газета не удовлетворяетъ этому главнѣйшему условію, то никакимъ кредитомъ она пользоваться не можетъ. Такимъ образомъ, еслибъ даже намъ удалось возобновить „Недѣлю" теперь, послѣ двухмѣсячной пріостановки, то и въ такомъ случаѣ дальнѣйшее ея изданіе для насъ, уже потратившихъ на нее всѣ свои средства, было бы дѣломъ рискованнымъ. Насколько же увеличился бы этотъ рискъ, еслибъ время пріостановки увеличилось до трехъ, четырехъ, шести, а можетъ быть и болѣе мѣсяцевъ? А въ этомъ нѣтъ ничего невозможнаго, потому что, испытавъ неудачу относительно семи лицъ, мы имѣли полное основаніе ожидать неудачи и относительно дальнѣйшихъ представляемыхъ нами кандидатовъ въ редакторы.

Но независимо отъ опасности увеличить срокъ пріостановки до такихъ размѣровъ, при которыхъ возобновленіе изданія оказалось бы дѣломъ немыслимымъ—по крайней мѣрѣ для насъ — намъ грозила и другая опасность. Представляя послѣдовательно редактора за редакторомъ и получая отказы, мы легко могли пропустить годовой срокъ, по прошествіи котораго „Недѣля" перестала бы существовать не только de facto, но даже и de jure, такъ какъ по закону, „всякое повременное изданіе, уже выходившее въ свѣтъ,

но *по какимъ либо причинамъ* непоявлявшееся въ теченіе года, *считается прекратившимся*, и на возобновленіе онаго требуется новое разрѣшеніе".

Такимъ образомъ намъ остается второй, и послѣдній, выходъ—передать газету въ другія руки. Мы не будетъ говорить о неудобствахъ и крайней ненормальности того положенія, въ которомъ собственникъ, противъ всякаго своего желанія, ставится въ необходимость отчуждать свое имущество. Мы бы вполнѣ помирились съ неудобствами этого положенія, еслибъ намъ представилась возможность передать нашу газету на такихъ условіяхъ, при которыхъ мы могли бы возвратить хоть *часть* сдѣланныхъ на нее затратъ. Но можемъ-ли мы быть увѣрены, что намъ удастся заключить даже такую, сравнительно-невыгодную для насъ, сдѣлку? Въ самомъ дѣлѣ, положеніе газеты въ настоящее время таково, что она не приноситъ никакого дохода и притомъ не имѣетъ редактора. Еслибъ даже нашелся человѣкъ, который согласился бы пріобрѣсть газету на предложенныхъ нами условіяхъ, то прежде, чѣмъ войти съ нами въ окончательное соглашеніе, онъ долженъ заручиться редакторомъ, потому что иначе онъ можетъ оказаться въ такомъ же безвыходно-затруднительномъ положеніи, въ какомъ находимся теперь мы. Слѣдовательно, и второй выходъ изъ этого нашего положенія представляется крайне сомнительнымъ—и въ обоихъ случаяхъ мы нисколько не гарантированы отъ дѣйствія той статьи закона, по которой изданіе, не выходившее въ теченіе года, считается прекратившимся.

Вотъ случай, доказывающій, что въ нашей литературѣ возможны положенія, не только имѣющія значеніе взысканій, но и болѣе тяжкія, чѣмъ какія бы то ни было взысканія, установленныя закономъ.

Въ самомъ дѣлѣ, по закону, изданія, выходящія безъ цензуры, въ случаѣ нарушенія въ нихъ законовъ, подвергаются судебному преслѣдованію, а повременныя изданія, кромѣ того, въ случаѣ замѣченнаго въ нихъ вреднаго направленія, подлежатъ и дѣйствію административныхъ взысканій—то есть предостереженіямъ и пріостановкамъ; независимо отъ этого, министру внутреннихъ дѣлъ предоставлено право запрещать на извѣстное время, или безсрочно, розничную продажу нумеровъ періодическаго изданія, а Совѣту Главнаго управленія по дѣламъ печати и цензурнымъ комитетамъ—задерживать въ извѣстныхъ случаяхъ нумера изданія, до выхода ихъ

въ свѣтъ. Наконецъ, если послѣ третьяго предостереженія министръ внутреннихъ дѣлъ признаетъ нужнымъ, независимо отъ пріостановленія изданія на извѣстный срокъ, *вовсе прекратить* это изданіе, то онъ входитъ объ этомъ съ представленіемъ въ 1-й департаментъ сената.

Каково бы ни было мнѣніе каждаго изъ редакторовъ или издателей о системѣ административныхъ взысканій и вообще о нашемъ законодательствѣ о печати, но только самый наивный изъ нихъ станетъ изъявлять претензіи, когда его постигнетъ то или другое взысканіе, установленное закономъ. Мы можемъ желать, чтобы административныя взысканія были замѣнены судебными, но пока они существуютъ, мы не имѣемъ ни возможности, ни права оспаривать ихъ обязательную для насъ силу. Въ каждомъ данномъ случаѣ намъ можетъ казаться, что взысканіе не соотвѣтствуетъ значенію вызвавшаго его проступка; мы можемъ даже быть убѣждены, что проступокъ, вызвавшій, напримѣръ, пріостановку изданія, не былъ бы вовсе сочтенъ проступкомъ со стороны судебной власти; но тѣмъ не менѣе, пока существуетъ законъ, предоставляющій министру внутреннихъ дѣлъ широкое, безъапелляціонное право надзора за періодической печатью, мы должны считать проявленія этого права вполнѣ естественными и законными.

Совсѣмъ иное положеніе, въ какомъ находимся теперь мы. Расплатившись за прежнія нарушенія законовъ о печати шестимѣсячной пріостановкой и ухудшеніемъ нашихъ денежныхъ дѣлъ, мы затѣмъ, въ теченіе слѣдующихъ $5^1/_2$ мѣсяцевъ, не сдѣлали ни одного новаго нарушенія, такъ какъ не подверглись за все это время ни одной изъ мѣръ взысканія, установленныхъ закономъ, — и мы полагаемъ, что это не случайное явленіе, а прямое слѣдствіе нашихъ собственныхъ усилій. Считая себя, такимъ образомъ, вполнѣ правыми, мы вдругъ становимся въ такое положеніе, которое равносильно самому тяжелому наказанію—прекращенію газеты. Еслибы насъ постигла такая судьба по суду, или по рѣшенію Сената, то какъ бы ни были мы огорчены, мы все-таки сознавали бы, что подверглись этому наказанію за проступокъ, или даже за рядъ проступковъ, признанныхъ наказуемыми со стороны судебной или административной власти. Между тѣмъ теперь мы не совершили *ни одного* такого проступка—и все-таки наказаны; мы даже *не наказаны* въ строгомъ смыслѣ слова—и тѣмъ не менѣе несемъ одно изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній, какія только существуютъ для періодической печати.

Какъ ни тяжело положеніе, въ какомъ мы находимся, мы, тѣмъ не менѣе, употребимъ всѣ усилія, чтобы удовлетворить нашихъ подписчиковъ. Если намъ не удастся передать газету хотя бы на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, то мы постараемся разсчитаться съ подписчиками иначе; во всякомъ случаѣ, мы не останемся передъ ними въ долгу, хотя бы для этого потребовались съ нашей стороны самыя тяжелыя пожертвованія; мы только просимъ ихъ дать намъ возможность собраться съ силами и оказать намъ нѣкоторое снисхожденіе, въ виду тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, изложеніе которыхъ составляло одну изъ цѣлей настоящаго объясненія.

Не ожидая отъ этого объясненія никакой пользы для себя лично—такъ какъ наши дѣла уже врядъ-ли поправимы — мы желали бы, по крайней мѣрѣ, чтобы оно оказалось полезнымъ для русской литературы вообще. Правда, у насъ не часты случаи, подобные настоящему. Но уже одна возможность такихъ положеній, въ которыхъ издатели, безъ всякой съ своей стороны вины, лишаются всего своего имущества, заставляетъ обратить вниманіе на неполноту нашего законодательства о печати.

П. Гайдебуровъ.
Е. Конради.

Май 1872 г.

	DATE DUE		

